ПРИБАЛТІЙСКІЙ СБОРНИКЪ.

СБОРНИКЪ

МАТЕРІАЛОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ

ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

Томъ IV.

РИГА, 1882.

Печатано въ типографіи А. І. Липинскаго, на Зюндерской улицѣ,
въ домѣ Попова, № 1.

Дозволено цензурою. Рига, 20 мая 1882 года.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Матеріалы и статьи по древней исторіи Прибалтійскаго края,

Ливонская Лѣтопись

Франца Ніенштедта,

бывшаго рижскаго бургомистра и королевскаго бургграфа.

Достопримѣчательныя вещи и исторіи о первомъ открытіи благородной провинціи Ливоніи, какъ таковая была открыта нѣмцами и народы въ ней покорены, а также приведены въ христіанскую вѣру изъ языческаго идолопоклонства, также кромѣ того о многихъ происшествіяхъ и событіяхъ, тамъ случившихся и происходившихъ въ различныя времена.

По тексту, сличенному съ древнѣйшими и новѣйшими списками лѣтописи Тилеманомъ и напечатанному во 2-мъ томѣ Monumenta Livoniae antiquae.

(Окончаніе. См. Приб. Сб. III, 355—400).

Теперь, возвращаясь къ дѣламъ ландтага, скажу, что на этомъ же ландтагѣ находился посланецъ короля шведскаго Густава, который передалъ свои кредитивы (вѣрющія грамоты) ливонскимъ сословіямъ въ Вольмарѣ и изложилъ свое дѣло: московиты вторглись въ Финляндію, опустошили и сожгли страну, много невинной крови безъ всякой причины пролили и много людей, скота и всякой добычи съ собою забрали. Онъ, посланецъ, знаетъ, что московиты уже навѣрно приготовляются къ войнѣ, что годы перемирія (съ Ливоніею) уже прошли и поэтому пусть они, ливонцы, будутъ увѣрены, что московитъ и все его войско будетъ у нихъ на шеѣ, если только онъ заключитъ миръ со шведами. А потому, для одолѣнія врага, шведскій король предлагаетъ, чтобы магистръ со всѣми ливонскими сословіями сдѣлался его союзникомъ, и тогда онъ, король, не заключитъ мира съ московитомъ, а если они этого сдѣлать незахотятъ, то онъ, король Густавъ, вступитъ съ нимъ въ переговоры и тогда ливонцы узнаютъ чего добивался московитъ и можетъ быть раскаются, что отказали въ союзѣ. Хотя многіе изъ разныхъ сословій и городовъ соглашались съ этимъ и думали, что это предложеніе не безвыгодное, а въ особенности ревельскій синдикъ, именемъ Клодтъ, который совѣтовалъ въ прекрасной рѣчи сдѣлаться союзниками шведовъ, но другіе держались инаго мнѣнія и отослали этого посла съ отказомъ, даже распустили войско,

которое они употребляли противъ герцога Вильгельма и Альбрехта, выславъ это войско изъ страны[1]).

Теперь хотѣли вступить въ переговоры о новомъ мирѣ съ великимъ княземъ и поэтому рѣшили поручить Якову Штейнвегу исходатайствовать у великаго князя согласіе на пріемъ пословъ; съ этимъ Штейнвегомъ и я въ Москву отправился. Тамъ мы были хорошо и благосклонно приняты и угощаемы великимъ княземъ, и послѣ семинедѣльнаго пребыванія нашего въ Москвѣ, великій князь далъ намъ на пріемъ пословъ милостивое и благосклонное согласіе (пропускную грамоту), послѣ чего мы прибыли благополучно обратно въ Ливонію. Послами были назначены Дирикъ Коуеръ... [2]), которымъ было приказано просить великаго князя Іоанна Васильевича продолжить кончившееся перемиріе снова на 50 лѣтъ. Хотя ихъ и приняли очень благосклонно, но тотчасъ же, при началѣ уже переговоровъ, они могли замѣтить что именно онъ (великій князь) замышляетъ, да кромѣ того и дорогою имъ встрѣчались тысячи саней съ различнымъ провіантомъ, фуражемъ, порохомъ, свинцомъ и оружіемъ, которыя направлялись къ границѣ; также всѣ почтовые дворы (ямы), расположенные другъ отъ друга на разстояніи 4-хъ или 5-ти миль, были отстроены заново съ двойнымъ числомъ жилыхъ помѣщеній и большими конюшнями, въ которыхъ можно было поставить до 50 и даже до 100 и болѣе лошадей, а также были вновь построены мосты отъ Москвы до Пскова, такъ что было ясно, что онъ (великій князь) рѣшился итти войной на Ливонію. А раньше этого король Густавъ шведскій прислалъ въ подарокъ великому князю великолѣпный вызолоченный столъ съ кубками и разною посудою, сколько только могло помѣститься на томъ столѣ и просилъ мира, на что тотъ согласился и миръ съ королемъ Густавомъ заключилъ и одобрилъ [3]).

Достигло также его (великаго князя) ушей, что въ Ливоніи была пагубная борьба между господами страны и прелатами, возникшая отчасти вслѣдствіе перемѣны религіи, отчасти же вслѣдствіе вспыхнувшаго раздора между орденомъ и архіепископомъ, и кромѣ того узналъ онъ (великій князь), что магистръ вынужденъ унижаться передъ королемъ польскимъ Сигизмундомъ и заискивать у него, и пришло ему (великому князю) на мысль при этомъ, что онъ, конечно, столь же силенъ, какъ и король польскій, и потому можетъ покорить ливонскія сословія Да кромѣ того онъ (великій князь) хорошо зналъ, что войско распущено и выслано изъ страны и что всѣ лифляндцы до

---

[1]) См. Приб. Сб. II, стр. 342—344.

[2]) Ніенштедтъ не перечисляетъ пословъ, но они перечислены у Рюссова (см. Приб. Сб. II, стр. 339). Послы отправились въ Москву на недѣлѣ Oculi т. е. 4-ою недѣлею великаго поста 1554 г. (въ первой половинѣ марта).

[3]) См. Приб. Сб. II, 343. — Шведскіе послы заключили миръ съ новгородскимъ намѣстникомъ по всей волѣ Іоанна. Прим. пер.

того увѣрены въ мирѣ, что никакихъ приготовленій на случай непріятельскаго вторженія въ ихъ страну не сдѣлали, а каждый живетъ такъ же спокойно, будто, какъ говорится, у Христа за пазухой (въ подлинникѣ. въ странѣ пастора Іоанна). Это была дѣйствительно какая то слѣпота, потому что никто не могъ или не хотѣлъ понять что было на умѣ у московита (т. е. великаго князя), между тѣмъ какъ онъ въ Псковѣ уже велѣлъ всенародно объявить, чтобы всѣ торговые люди и другіе русскіе, которые находятся въ Ливоніи съ товарами, должны со всѣмъ своимъ скарбомъ собраться и, подъ опас. ностью потери жизни и имущества, переѣхать въ Россію. Тѣ поспѣшно собрались и распродали свои товары за половинную цѣну. Кромѣ того уже слышно было, какія приготовленія шли у границы, а также и то, что бояре приказали отправить впередъ по водѣ и по сухому пути снаряды для похода въ Ливонію; но ливонцы все-таки оставались слѣпыми по прежнему и. больше думали о томъ какъ бы устроить пороскошнѣе свадьбу или крестины, чѣмъ о мѣрахъ къ отраженію враговъ.

Когда въ Москвѣ дошло дѣло до заключенія договора и начали переговаривать относительно заключенія или продолженія мира, то московитъ велѣлъ предъявить посламъ крестовыя и мирныя грамоты прежнихъ лѣтъ, а также послѣднюю грамоту, въ 1502-мъ году заключенную съ магистромъ Вольтеромъ фонъ Плеттенбергомъ, по которымъ ливонцамъ слѣдовало платить ему (великому князю) дань. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій князь далъ понять, что онъ до сего времени съ большимъ терпѣніемъ ждалъ этой дани, а теперь видитъ, что магистръ и всѣ ливонцы мало признаютъ ее, потому онъ (великій князь) и не согласится на продолженіе перемирія, и не дастъ крестовой грамоты, пока дань, по силѣ договоровъ, не будетъ признана и заплачена ему ливонцами. Тогда у бочки выскочило дно, какъ говорится, и послы не знали, что имъ отвѣчать на это. Наконецъ они заявили, что не знаютъ, про какую дань идетъ рѣчь, ибо въ своихъ старыхъ писаніяхъ они ничего не находили изъ чего бы слѣдовало, что великому князю платилась какая-либо дань, а потому просили, чтобы все оставалось по старому и чтобы перемиріе было продолжаемо. Тогда великій князь вспылилъ и сказалъ[4]), что удивляется какъ это послы не хотятъ знать, что ихъ предки пришли въ Ливонію изъ-за моря и, слѣдовательно, вторглись въ его великокняжескую вотчину, за что много крови проливалось; не желая видѣть разлитія крови христіанской, государевы предки, тому назадъ много сотенъ лѣтъ, позволили имъ (нѣмцамъ) остаться въ странѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пла-

---

4) См. Прпб. Сб. II, 340. Велъ переговоры не лично Іоаннъ, а его именемъ окольничій Алексѣй Адашевъ и дьякъ Михайловъ. Сказалъ не великій князь, а Адашевъ. Прим. пер.

тили ему назначенную дань; но нѣмцы поступили противъ даннаго ими обѣщанія и этого не дѣлали, а потому они теперь должны явиться съ полною данью за прежнія времена, чтобы не давать повода ему (великому князю) употребить средства, которыя ихъ принудятъ къ тому силой, что, впрочемъ, сдѣлаетъ онъ весьма неохотно. Тогда лифляндскіе послы начали божиться и, согласно своего наказа, сказали, что по истинѣ не знаютъ, какъ велика эта дань. На это великій князь съ досадою сказалъ, что изъ этого онъ видитъ, какъ мало вниманія они обращаютъ на свои собственныя грамоты и печати, такъ что впродолженіе сотни и многихъ лѣтъ даже не подумали справиться объ этомъ и нисколько не заботились о томъ, чтобы ихъ потомство съ ихъ дѣтьми пользовалось благами мира. Но такъ какъ они этого не знаютъ или знать не хотятъ, то онъ (великій князь) долженъ имъ сказать, что дань эта составляетъ съ каждаго ливонца въ годъ по гривнѣ московской, или по 10 денегъ. Тогда у пословъ чуть глаза изо лба не выскочили и они рѣшительно не знали какъ тутъ быть. условливаться и сговариваться о дани они не имѣли никакого наказа и не смѣли также просить о сбавкѣ[1]). Дорого-бы они дали за хорошій совѣтъ въ данномъ случаѣ, но на отрѣзъ отказаться отъ дани не могли, опасаясь уличать великаго князя въ его неправдѣ. Вслѣдствіе этого они заявили, что сообщеннаго имъ нынѣ великимъ княземъ они не знали до своего отъѣзда; какъ поступить на счетъ дани имъ не было никакого наказа отъ правителей ихъ страны, и поэтому послы просили великаго князя отсрочить дѣло, пока они получатъ дальнѣйшія наставленія.

Тогда великій князь разсердился и объявилъ, что нехочетъ вѣрить тому, что они сказали: пусть они подумаютъ о своихъ дѣтяхъ, пусть рѣшаются заплатить дань впродолженіе года, съ ратификаціей и согласіемъ магистра и епископа. Если послы согласны на дань, то пусть напишутъ грамоту, приложатъ къ ней свою печать, а онъ, великій князь, пошлетъ въ Ливонію своихъ собственныхъ пословъ съ этою грамотою, чтобы магистръ и енископъ отрѣзали посольскую печать и привѣсили свои печати. Послы такъ и сдѣлали, поступивъ противъ наказа и, такимъ образомъ, подтвердили справедливость дани великому князю, хотя и съ ратификаціей властителей страны[2]). Навѣрное я не знаю, требовалась ли дань со всей Ливоніи или только съ какой либо ея части: освѣдомлюсь объ этомъ и впослѣдствіи напишу

Когда послы возвратились назадъ въ Дерптъ и отдали обо всемъ

---

[1]) Просить о сбавкѣ значило-бы признать право московскаго государства на дань.

[2]) Грамота была подписана въ Новгородѣ 15 іюня 1554 г. Подробности см. въ Пр. Сб. II, 341.

Прим. пер.

отчетъ, то ихъ не очень-то благодарили, такъ какъ они скрѣпили и припечатали грамоту о дани съ каждаго человѣка по 10 денегъ. Обо всемъ этомъ судили и рядили до самаго прибытія пословъ великаго князя.

По прибытіи въ Дерптъ посла великаго князя, келаря Терпигорева, съ грамотою ливонскихъ пословъ о дани, ему отвели квартиру въ домѣ Андреаса Ватермана на рынкѣ, а потомъ пригласили въ епископскій замокъ для изложенія своего порученія. Въ замокъ были созваны также всѣ ландраты, выборные отъ магистрата и общины и нѣсколько нотаріусовъ, которые должны были исполнять свое дѣло, и обсудить все, что имъ будетъ дано для рѣшенія. На этомъ засѣданіи посолъ сказалъ слѣдующее «Великій князь, мой государь, передаетъ поклонъ епископу дерптскому и магистру, и извѣщаетъ, что ливонскіе послы были въ Москвѣ у него, государя и великаго князя всея Руси, и просили о продолженіи перемирія, на что государь и согласился въ грамотѣ, которую послы дали за ихъ печатью великому князю, и съ этою грамотою отправилъ государь его, посла, желая, чтобы епископъ и магистръ отрѣзали посольскую печать отъ грамоты и приложили печать епископа и магистра; кромѣ того ему, послу, велѣно долго здѣсь не оставаться.»

На это ему коротко отвѣтилъ толмачь, старый Яковъ Краббе: епископу весьма пріятно слышать, что великій князь здоровъ, а теперь посолъ можетъ удалиться въ свое помѣщеніе, онъ получитъ благопріятное рѣшеніе.

Какъ только посолъ ушелъ, стали обсуждать дѣло (дорогъ бы былъ хорошій совѣтъ!) и приводить разные резоны какъ бы не платить денегъ, хоть грамота и была за печатью, и хоть всякій здравомыслящій человѣкъ понималъ, что такая грамота все равно, что петля на шеѣ.

Дѣло было плохо: не знали какъ быть, а тутъ посолъ требуетъ немедленнаго рѣшенія, и наконецъ въ нетерпѣніи сказалъ, что если не получитъ рѣшенія, то ждать не будетъ, а уѣдетъ домой съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пріѣхалъ. Въ такомъ затрудненіи старикъ Краббе сказалъ епископу и совѣтникамъ слѣдующее «Почтенные господа, если мы печатью закрѣпимъ дань великому князю, то значитъ съ женами и дѣтьми попадемъ въ совершенное рабство. Да и можете ли вы одобрить подобную дань? А все-таки ее надо принять и выплачивать, потому что иначе земля наша будетъ опустошена и выжжена. Великій князь уже давно снаряжаетъ для этаго великую силу; это знаю я навѣрно.» Такая рѣчь многихъ поразила и привела въ уныніе.

Но епископскій канцлеръ, Юргенъ Гольтшюръ, поднялся и сказалъ «Конечно правда, что дѣло это требуетъ большаго обсужденія, но намъ надо примѣняться къ обстоятельствамъ пригласимъ снова посла великаго князя, призовемъ сюда тоже нѣсколькихъ нотаріусовъ и ора-

тора и заявилъ послу, что мы никакъ не ожидали подобной поспѣшности со стороны великаго князя, и что, безъ согласія римскаго императорскаго величества, мы не можемъ одни постановить эту дань; а между тѣмъ пусть ораторъ присутствуетъ здѣсь и протестуетъ отъ имени римскаго императорскаго величества короля римскаго, какъ верховнаго леннаго господина страны, противъ этой беззаконной, навязываемой намъ дани. Мы же обо всемъ этомъ донесемъ римскому императорскому величеству А между тѣмъ, такъ какъ только это и возможно съ нашей стороны, мы удостовѣримъ своею печатью грамоту, выданную въ Москвѣ нашими послами.» На этомъ и порѣшили: послали письмо къ императору, съ просьбою, чтобы онъ отправилъ посольство къ великому князю предупредить бѣдствіе и помогъ своевременно совѣтомъ.

Послѣ этого снова пригласили посла великаго князя; въ присутствіи двухъ нотаріусовъ припечатали грамоты и обрѣзали посольскую печать. Когда же ораторъ велѣлъ нотаріусамъ записывать протестъ, то посолъ, келарь Терпигоревъ, спросилъ толмача Якова Краббе, что это тамъ говорятъ и что записываютъ нотаріусы. Толмачъ объяснилъ ему это. Тогда Терпигоревъ гнѣвно отвѣтилъ. «Какое дѣло моему государю до императора? Давайте сюда грамоту· не хотите платить дань моему государю, такъ онъ возьметъ ее у васъ самъ!» Ему отдали грамоту и проводили въ его подворье. По прибытіи туда, онъ поднесъ гофъ-юнкерамъ, провожавшимъ его отъ замка, водки, по русскому обычаю, и, вынувъ грамоту изъ-за пазухи, передалъ своему служителю, велѣвъ завернуть ее въ шелковую ткань и положить въ обитый сукномъ ящикъ, при чемъ сказалъ «Смотри, береги и ухаживай за этимъ теленкомъ, чтобы онъ выросъ великъ и разжирѣлъ!»

За тѣмъ епископскіе слуги угощали посла рыбою и мясомъ, дичью, яйцами, овощами и разными напитками, какъ то также всегда дѣлаетъ великій князь въ Москвѣ съ послами.

Магистратъ также одарилъ посла разными вещами и напитками и посылалъ ему кушанье, приготовленное ихъ поваромъ, и предложилъ послу, что если ему угодно, то къ нему для компаніи за обѣдомъ придутъ два человѣка. Это ему понравилось, и онъ со служителемъ были хорошо угощаемы. Послѣ обѣда, на которомъ присутствовалъ также толмачъ, посолъ заявилъ, что передъ отъѣздомъ ему нужно побывать въ магистратѣ по другому дѣлу Поэтому на слѣдующій день онъ былъ приглашенъ въ магистратъ, его угостили сначала въ кемереѣ сластями, а потомъ приняли въ большой залѣ (ревентерѣ). Туда-то, въ магистратъ, онъ привелъ съ собой какого-то московита, братъ котораго былъ убитъ на псковской дорогѣ. Посолъ по этому случаю требовалъ съ епископа сто талеровъ, которые, по его словамъ, были отняты у убитаго. Въ крестовыхъ-де грамотахъ значится, что если кого либо разбойники убьютъ въ Ливоніи или Россіи,

то околица возвращаетъ друзьямъ (роднымъ) убитаго цѣну погребленнаго или выдаютъ убійцу для наказанія. Такъ какъ названный московитъ неразъ просилъ у епископа удовлетворенія, но не получилъ требуемаго, то пусть магистратъ пошлетъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ этого человѣка къ епископу, чтобы тотъ выдалъ ему деньги, а онъ (посолъ) въ такомъ случаѣ будетъ ходатайствовать за магистратъ и за нихъ у великаго князя, чтобы и ихъ такимъ же образомъ и какъ можно скорѣе во всѣхъ дѣлахъ удовлетворяли. Тогда послалъ магистратъ съ тѣмъ московитомъ одного своего члена и секретаря съ интерцессіей, которые скоро возвратились и донесли этотъ человѣкъ будетъ удовлетворенъ по справедливости; но люди той околицы, гдѣ совершено убійство, живутъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дерпта: они должны быть вызваны къ этой экзекуціи и потому нужно подождать.

Тогда посолъ снова явился съ тѣмъ же московитомъ въ магистратъ и сказалъ. онъ (посолъ) никакъ не можетъ ждать, потому пусть магистратъ сдѣлаетъ по справедливости и отдастъ русскому деньги, которые они послѣ могутъ взять съ тѣхъ, кто долженъ заплатить, такъ какъ тотъ долженъ уѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Магистратъ на это отвѣтилъ, что у нихъ теперь неоткуда достать столько денегъ.

На это посолъ возразилъ, что если бы они только захотѣли заплатить русскому, то знали бы откуда достать денегъ, такъ какъ ему (послу) извѣстно за вѣрное, что въ подвалѣ подъ ратушей стоятъ 12 бочекъ съ золотомъ. Хотя, конечно, это имъ было очень смѣшно слышать, но ему тотчасъ же, какъ говорятъ, не задумавшись отвѣчалъ старый бургомистръ Іоаннъ Дорстельманъ, что хоть тамъ въ подвалѣ и могутъ быть деньги, но только у нихъ нѣтъ ключей одни у города Риги, другіе у города Ревеля; безъ воли же тѣхъ городовъ нельзя притронуться къ этому золоту Замѣтивъ, что придраться было не къ чему, посолъ не настаивалъ, а сказалъ только: пусть они напомнятъ епископу, чтобы все было сдѣлано по справедливости; онъ (посолъ) желаетъ, чтобы изъ ихъ грамотъ и печатей вышло имъ добро, въ противномъ случаѣ, если дани не заплатятъ, съ ними навѣрно случится большое несчастіе. Затѣмъ онъ простился съ ними и уѣхалъ со своимъ теленкомъ.

Въ 1556 году на сѣверо-востокѣ появилась большая комета — свѣтлая звѣзда съ хвостомъ точно толстая метла, чѣмъ Богъ указывалъ на будущія несчастія.

Такъ какъ закрѣпленная печатью дань все еще не уплачивалась, потому великій князь собралъ во Псковѣ большое войско и назначилъ главнымъ начальникомъ его татарскаго государя, по имени «Цаеръ Цигалее»[1]). Это былъ по наружности видный, высокій му-

[1]) Это бывшій казанскій царь Шигъ-Алей, т. е. господинъ Алей. См. Приб. Сб. II, 358. Прим. пер.

щина, при томъ разумный и скромный. Съ 40,000 человѣкъ онъ вступилъ въ Ливонію 25 января 1558 года и раздѣлилъ свое войско на три части. Какъ только перешли они границу, сейчасъ засверкали топоры и сабли, стали они рубить и женщинъ, и мущинъ, и скотъ, сожгли всѣ дворы и крестьянскія хаты и прошли знатную часть Ливоніи, опустошая по дорогѣ все. Послѣ этого войско воротилось въ Псковъ. Изъ Пскова онъ (Шигъ-Алей) послалъ письмо къ епископу дерптскому Герману, въ которомъ писалъ, что ливонцы, вслѣдствіе своего неблагоразумія, привели великаго князя въ гнѣвъ, чрезъ что теперь нанесенъ такой вредъ странѣ, и такъ какъ ливонцы теперь видятъ, что никоимъ образомъ великому князю противиться не могутъ, потому онъ имъ совѣтуетъ, какъ самое благоразумное, для предупрежденія заблаговременно какого-либо новаго несчастія, послать къ великому князю своихъ гонцевъ, чѣмъ раньше тѣмъ лучше, и бить великому князю челомъ. Онъ (Шигъ-Алей) самъ поможетъ своимъ ходатайствомъ, чтобы великій князь примирился съ ними и снова бы заключилъ миръ.

По полученіи этого письма, былъ созванъ ландтагъ и отправленъ гонецъ къ великому князю испросить согласія на пріемъ большаго посольства для обсужденія дѣлъ относительно наложенной дани. Скоро пришло согласіе, и послы были снабжены приличными инструкціями. Между тѣмъ всѣ сословія и города должны были приготовляться къ войнѣ, чтобы съ первою тревогой итти въ походъ вмѣстѣ съ магистромъ.

Когда послы прибыли въ Москву и немедленно вступили въ переговоры, великій князь согласился на миръ, если только ему выплатятъ 60,000 талеровъ. Надо было заплатить эти деньги; но у пословъ ихъ не было съ собой, что великій князь, конечно, самъ хорошо зналъ. Но они полагались на то, что у нихъ есть кредитъ у тѣхъ богатыхъ русскихъ купцовъ, которые торгуютъ въ Ливоніи и которые дадутъ имъ денегъ подъ вексель, а деньги тѣ получатъ въ Ливоніи, по заключеніи мира; но великій князь запретилъ подъ страхомъ смертной казни купцамъ одолжать или ссужать имъ деньги. Посламъ ничего не оставалось, какъ предложить остаться въ Москвѣ заложниками и писать въ Ливонію о высылкѣ денегъ. Великій князь разсердился и заявилъ посламъ, что они хотятъ только обманывать его, и потому пусть убираются поскорѣе изъ Москвы. Такъ, ничего не сдѣлавши, послы и должны были воротиться.

Извѣстіе объ этомъ черезъ нѣсколько дней пришло изъ Москвы въ Дерптъ, и тогда были назначены другіе послы и собраны деньги. Городъ Дерптъ далъ 10,000 талеровъ, которые я самъ помогалъ считать. Въ канцеляріи отсчитали и уложили 60,000 талеровъ, при чемъ я также самъ помогалъ тому Дерптскій бургомистръ, теперь отецъ моей жены, Детмаръ Мейеръ, далъ на это отъ себя 500 тале-

ровъ. Послы съ деньгами съ первою весеннею водою отправились водянымъ путемъ въ Псковъ, чтобы какъ можно скорѣе пріѣхать, такъ какъ они хорошо видѣли, что великій князь готовъ уже двинуться въ походъ со своими стрѣлками и всѣми военными снарядами. Магистръ и дерптскій епископъ также тронулись со своей силой, которая въ сравненіи съ войскомъ великаго князя была не велика, и расположилась у Киримпе, въ маѣ 1558 года. Великій князь не дался въ обманъ, а двинулся двумя отрядами съ тяжелыми орудіями, такъ какъ у него было довольно пороху и свинца, и подошелъ съ однимъ подъ Нарву, а съ другимъ подъ Нейгаузъ, который отстоитъ только на 5 миль отъ Киримпе, начинаетъ обстрѣливать его и беретъ его приступомъ. Нѣмецкая Нарва еще не была обстрѣливаема, какъ случился, по волѣ Господней, въ домѣ одного цирюльника, именемъ Кордта Фолькена, пожаръ и скоро распространился повсюду, потому что дома и крыши были деревянные. Какъ только московиты въ лагерѣ, лежавшемъ по ту сторону рѣчки, это замѣтили, то переправились на лодкахъ и плотахъ, подобно рою пчелъ, на другую сторону, взобрались на стѣны и, такъ какъ нельзя же было въ одно и тоже время и пожаръ тушить и врага отражать, то жители и убѣжали въ замокъ, а городъ предоставили непріятелю. Тогда непріятели стали усиленно тушить огонь, чтобы тѣмъ легче можно было овладѣть замкомъ, который хотя съ наружной стороны и былъ довольно сильно укрѣпленъ, но со стороны къ городу былъ не такъ хорошо защищенъ. Тогда тѣ, что засѣли въ замкѣ, послали одного рижскаго начальника къ коадъютору тогдашняго магистра Фюрстенберга, Готгарду Кетлеру, который былъ назначенъ съ гарійскими и вирскими ландзассами[1]) и рижскими кнехтами (жолнѣрами) составить гарнизонъ и защищать городъ, чтобы онъ спѣшилъ въ замокъ, но это было напрасно. Кетлеръ не осмѣлился подойти остановился только въ 3-хъ миляхъ отъ Нарвы, потому тѣ, что оставались въ замкѣ, должны были сдаться, но съ условіемъ, что ихъ оставятъ живыми и дозволятъ имъ свободный пропускъ[2]).

Когда былъ взятъ Нейгаузъ[3]), то магистръ съ епископомъ дерптскимъ неосмѣлились болѣе оставаться у Киримпе, но рѣшили: епископу двинуться съ дворянствомъ и ландзассами въ Дерптъ для гарнизона; а магистру Фюрстенбергу съ орденскими людьми, дворянствомъ и ландзассами рижской и курляндской епархій, расположиться у Дерпта для защиты города.

---

[1]) Владѣльцами помѣстій, непринадлежавшими къ числу вассаловъ, т. е. дворянству.

[2]) Нарва была взята 11 мая 1558 г., 12 мая былъ очищенъ замокъ. Подробности см. въ Прибб. Сб. II, 362.

[3]) Нейгаузъ — Новый городокъ — взятъ 30 іюня 1558 тода. Подробности см. въ Приб. Сб. II, 365. Прим. пер.

Когда послѣдніе послы стали вести въ Москвѣ переговоры съ великимъ княземъ, дѣло будто бы пошло на ладъ, онъ будто бы хотѣлъ заключить миръ за 60,000 талеровъ и взять деньги, но какъ разъ въ то время, когда шли переговоры, къ нему приходитъ грамота за грамотой, извѣщавшія, что его войска одержали знаменитую побѣду въ Ливоніи — взяли Нарву и Нейгаузъ, онъ (великій князь) тогда уже не хотѣлъ никоимъ образомъ брать деньги, а рѣшился удержать за собой Нарву и Нейгаузъ, которые онъ взялъ уже мечомъ. Такъ какъ послы на подобную уступку никакъ не могли согласиться потому онъ, отославъ обратно пословъ, которые такъ таки опять ничего не добились, продолжалъ войну; пошелъ на Киримпе и взялъ его.

Тогда магистръ Фюрстенбергъ со своимъ войскомъ направился къ Валку и оставилъ добраго епископа въ большомъ затрудненіи. Московитъ же двинулся съ тяжелыми орудіями къ городу Дерпту, постоянно посылая изъ Пскова по водѣ и по сушѣ подкрѣпленія своимъ войскамъ и народомъ и тяжелыми орудіями, порохомъ, свинцомъ и всякими съѣстными припасами, выстроилъ два шанца и сталъ обстрѣливать городъ. Какъ только дворяне увидѣли это, то въ ночное время вышли изъ города и покинули своего господина, епископа дерптскаго, на произволъ судьбы. Тогда магистратъ послалъ къ епископу сказать, что имъ извѣстно объ отступленіи магистра Фюрстенберга, они знаютъ также, что дворяне уѣхали и покинули ихъ и епископа въ нуждѣ, они слишкомъ слабы, чтобы защищать такую большую крѣпость, потому что, какъ то знаетъ его высокодостойная милость, въ прошлогоднее сильное моровое повѣтріе не только много молодыхъ бюргеровъ, но и изъ тѣхъ 200 солдатъ, которые были у нихъ, многіе перемерли; они готовы при его княжеской и высокодостойной милости защищать свою честь, себя и имущество, какъ то приличествуетъ вѣрнымъ подданымъ, но теперь видятъ, что день и ночь бодрствовать имъ будетъ уже скоро невозможно, а потому просятъ епископа написать отъ нихъ магистру, подробно донести о состояніи и нуждахъ города и просить о помощи и войскѣ, въ противномъ случаѣ они должны скоро ожидать весьма печальной перемѣны. Они наняли уже двухъ крестьянъ, которые согласны отправиться гонцами; крестьяне эти переберутся ночью на лодкѣ черезъ рѣчку, а потомъ пройдутъ лѣсомъ.

Тогда отвѣчалъ имъ добрый, благочестивый епископъ съ опечаленнымъ духомъ, такъ. «Любезные мои подданные, мы нисколько не сомнѣваемся въ вѣрности къ намъ магистрата и общины, и благодаримъ за вашу готовность помочь намъ въ нуждѣ: видно того хотѣлъ уже Богъ, чтобы мы пережили такой день, да будетъ на то Его святая воля; но мы должны винить въ томъ наше рыцарство и дворянство, которые въ столь большой нуждѣ насъ противъ всякой справедливости покидаютъ и уѣзжаютъ; теперь мы находимся въ слишкомъ

слабомъ состояніи, чтобы день и ночь предупреждать опасности и оказывать надлежащее сопротивленіе такому могущественному врагу Мы поэтому считаемъ за лучшее открыть магистру чрезъ грамоты въ какой нуждѣ мы находимся, чтобы онъ прислалъ намъ на помощь войско, и отправимъ ему двѣ грамоты одного и того-же содержанія, а это пусть сдѣлаетъ вашъ высокопочитаемый магистратъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Послѣ этого ночью отправили обоихъ гонцовъ, одного чрезъ три часа послѣ другого, съ вышесказанными грамотами къ магистру. Первый гонецъ возвратился въ третью ночь съ отвѣтомъ, что магистръ сердечно сожалѣетъ о печальномъ состояніи города и высоко цѣнитъ твердость епископа и почтенной общины; онъ весьма неодобряетъ поступокъ дворянъ и ландзассовъ, покинувшихъ своихъ господъ, что конечно въ послѣдствіи послужитъ имъ къ позору Онъ (магистръ) желаетъ, чтобы другіе оказали такое мужество, на какое только способенъ человѣкъ, для защиты славнаго города. Но несмотря на все его сожалѣніе, онъ видитъ, что ему не удастся въ настоящее время оказать сопротивленіе такому громадному, какъ то онъ узналъ изъ всѣхъ развѣдываній, войску, какое находится теперь у врага, но впрочемъ онъ будетъ усердно молиться милостивому Богу за нихъ, и день и ночь думать о томъ, какъ бы набрать побольше народа для войска.

Врагъ, между тѣмъ, къ тому времени когда пришелъ этотъ отвѣтъ, повыстроилъ шанцы одинъ другого крѣпче и началъ уже проламывать городскіе валы стрѣльбой, а всѣ люди въ городѣ отъ безпрестаннаго бодрствованія и стражи были измучены и совсѣмъ обезсилены. Тогда врагъ снова предложилъ сдаться, обѣщая милость великаго князя и миръ, въ противномъ же случаѣ, если не сдадутся, онъ не оставитъ въ живыхъ даже самыхъ крошечныхъ дѣтей.

Послѣ этого магистратъ и община снова отправились на епископскій дворъ, гдѣ и былъ прочитанъ отвѣтъ, писанный магистромъ изъ лагеря подъ Валкомъ о томъ, что нечего надѣятся на подкрѣпленіе. Этимъ его высокодостойная милость и весь городъ были весьма опечалены, и такъ какъ чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣе высказывалось могущество врага, и епископъ никоимъ образомъ уже не могъ защищать крѣпости, то потому и рѣшили вступить съ непріятелемъ въ переговоры о мирѣ. Въ то время московитскимъ начальникомъ былъ мужъ добрый и благочестивый, по имени князь Петръ Ивановичъ Шуйскій[1]), который предлагалъ епископу и городу весьма снисходительныя условія и честью обѣщалъ всѣ пункты, на которыя онъ только согласится,

[1]) Въ подлинникѣ у Нienштедта: Knäse Peter Iwanowiz Szuski. Прим. пер.

передать великому князю при приличномъ письмѣ подъ своею собственной большою золотою печатью. Это — то вотъ онъ все и хотѣлъ устроить. Послѣ этого епископъ пожелалъ перемирія, чтобы переговорить со всѣми городскими сословіями. Перемиріе было ему дано на два дня. Тогда магистратъ предложилъ собраться всѣмъ членамъ совѣта, общины и ихъ старшинамъ въ залахъ обѣихъ гильдій. Тамъ было объяснено въ какой нуждѣ находится городъ, прочитано предложеніе московитскаго начальника князя Петра Ивановича Шуйскаго и безотрадный отвѣтъ магистра, а начальники войскъ заявили что, по ихъ мнѣнію, у нихъ слишкомъ мало людей, чтобы защищать замокъ и городъ. Проповѣдники (протестантскіе) прислали также изъ своей среды двухъ человѣкъ, независимо тѣхъ, что были уже назначены для составленія условій. Эти два человѣка сдѣлали заявленіе, что хотя они нисколько не сомнѣваются, что достопочитаемый магистратъ обратитъ прежде всего вниманіе на ихъ церкви и школы съ чистымъ ученіемъ, но просятъ не принимать въ дурную сторону, если они единственно ради потомства напомнятъ дружественно о томъ, чтобы магистратъ не позабылъ сдѣлать все подобающее для протестантской церкви и школъ. Такое заявленіе было принято съ приличною благодарностью. Всѣ рѣшительно были того мнѣнія, что имъ невозможно защищаться противъ такой громадной силы, и такъ какъ нѣтъ другого выхода изъ бѣды, то необходимо вмѣстѣ съ городомъ сдаться врагу, по крайней мѣрѣ, на выгодныхъ условіяхъ. Въ теченіе двухъ дней не могли вполнѣ единодушно условиться относительно сдачи, потому попросили у врага еще третьяго дня перемирія, на что тотъ согласился. Наконецъ, послѣ зрѣлаго размышленія всѣхъ и каждаго, сословія рѣшили, что передадутъ на четвертый день врагу условія, подъ какими сдается городъ.

Но прежде этого дерптскій бургомистръ, Антоній Тиле, явился къ епископу и сказалъ

«Свѣтлѣйшій, высокодостойный князь и господинъ! Мы, несчастные люди, переживаемъ въ высшей степени печальное время, и съ прискорбіемъ должны видѣть и чувствовать какъ многіе честные и добрые люди попадаютъ въ позорное подданство, а мы, другіе, должны покидать наши дома, дворы и имущества, итти съ женами и дѣтьми въ изгнаніе и не знаемъ гдѣ кончимъ свою жизнь, быть можетъ, въ нищетѣ и печали. Но, чтобы насъ не лишили той величайшей драгоцѣнности, какую только имѣемъ на этомъ свѣтѣ — чести, и насъ впослѣдствіи не порицали и не бранили, что мы поступали не по чести, когда сдавали городъ Дерптъ, за спасеніе котораго я пожертвовалъ бы всѣмъ, даже своею жизнью, потому чтобы никто не думалъ, что городъ Дерптъ могъ еще быть защищенъ и сохраненъ оружіемъ и борьбой, я прошу вашу высокодостойную милость дать мнѣ письменное изъясненіе кто учинилъ эту сдачу, сдѣлали ли то вы, ваша

высокодостойная милость, или рыцарство или капитулъ, или высокопочитаемый магистратъ, или община, или Теннисъ Тиле, чтобы я могъ оправдаться по крайней мѣрѣ отъ напрасныхъ клеветъ и сохранить свое доброе имя».

Тогда епископъ съ своими совѣтниками и членами капитула покачали головами и дали отвѣтъ чрезъ одну личность.

«Почтенный, высокоуважаемый господинъ, на этотъ вопросъ его высокодостойная милость со своими совѣтниками и членами капитула отвѣчаютъ

Напрасно было бы упрекать кого или обвинить, что въ сдачѣ Дерпта виноваты только нѣкоторыя отдѣльныя личности: все это было сдѣлано только вслѣдствіе неизбѣжной и крайней необходимости, потому, его высокодостойная милость, не только вашей почтеннной мудрости, но и всякому другому, кого это только касается, охотно объ этомъ сообщаетъ».

Условія, составленныя по приказанію епископа дерптскаго, на которыхъ онъ соглашается сдать городъ Дерптъ московитамъ.

Во первыхъ онъ (епископъ) желаетъ, чтобы ему предоставили во владѣніе благоустроенный монастырь Фалькенау, въ 2-хъ миляхъ отъ Дерпта на Эмбахѣ, со всѣми принадлежащими къ нему землями, людьми и судомъ, какъ издревле было опредѣлено; чтобы онъ могъ въ этомъ монастырѣ кончить свою жизнь въ мирѣ, и чтобы не присоединяли этого монастыря отъ Ливоніи къ Россіи.

Во вторыхъ онъ желаетъ, чтобы великій князь приписалъ къ монастырю помѣстье, которое лежало бы по возможности около монастыря

Въ третьихъ, чтобы монастырь по смерти его, епископа, перешелъ во владѣніе монаха папскаго вѣроисповѣданія.

Въ четвертыхъ, чтобы за членами капитула оставался соборъ папской религіи (католическій), ихъ имущества и дома подъ юрисдикціей епископа.

Въ пятыхъ, чтобы дворяне, которые пожелали бы пребывать подъ властью великаго князя, оставались въ Ливоніи при ихъ имѣніяхъ, людяхъ и имуществѣ, и не были бы уводимы въ Россію, но оставались подъ епископскою юрисдикціею.

Въ шестыхъ, чтобы ихъ хлѣба, товары, съѣстные припасы и напитки, лѣсъ и все ихъ имущество были свободны отъ пошлинъ.

Въ седьмыхъ, чтобы надъ членами капитула, монастырскими монахами и надъ дворянствомъ никто не производилъ судъ кромѣ его, епископа, и его совѣта.

Въ восьмыхъ, чтобы въ городѣ постоянно находился одинъ свободный домъ для пребыванія его (епископа), когда онъ пріѣзжаетъ и уѣзжаетъ, и чтобы никто изъ московитовъ, ни въ его присутствіи, ни въ его отсутствіи, не занималъ этого дома.

Въ девятыхъ, когда онъ (епископъ) будетъ посылать великому князю пословъ, или, въ случаѣ, если онъ самъ поѣдетъ къ великому князю, то чтобы тогда можно было брать столько подводъ, сколько потребуется, безъ платы какъ на проѣздъ туда, такъ и обратно.

Въ десятыхъ, чтобы у него былъ свой садъ передъ городомъ и дровяной дворъ при рѣкѣ Двинѣ(?).

Въ одинадцатыхъ, чтобы всѣ его люди могли свободно пріѣзжать въ городъ и уѣзжать изъ него.

Въ двѣнадцатыхъ. Если его (епископа) люди окажутся виновными въ городѣ по отношенію къ людямъ великаго князя или кого-нибудь другого и будутъ привлечены къ суду, то вина ихъ можетъ быть судима только маршаломъ его (епископа).

Условія сдачи, предложенныя дерптскимъ магистратомъ и общиною.

Во первыхъ. Оставить ихъ всѣхъ при аугсбургскомъ вѣроисповѣданіи или лютеранскомъ ученіи, не дѣлая въ томъ никакихъ измѣненій и никого въ томъ не принуждая.

Во вторыхъ. Оставить за ними ихъ церкви со всѣми орнаментами и всю администрацію по старинѣ.

Въ третьихъ. Оставить школы для юношества по старому

Въ четвертыхъ. Ихъ нѣмецкій магистратъ останется безъ всякаго измѣненія съ ратушей и со всѣми доходами, какія онъ имѣлъ и прежде, какъ то: тюрьмы, житницы, хлѣбныя и мясныя шраги (уставы, положенія), монеты, аптеки, канцеляріи, проповѣдники, школьные учители, всѣ дома городскихъ служащихъ, конюшни, мельницы, помѣстья, рыбныя ловли, вѣсы, бракованіе, городскіе и торговые суды, богадѣльные и церковные дома, цеховые дома со всѣми ихъ рентами и доходами, и всѣ доходы, какіе онъ имѣлъ съ древнихъ временъ отъ вина, пива, меду и отъ всѣхъ напитковъ и товаровъ.

Въ пятыхъ. Ихъ протоколы, крѣпостныя и рентовыя книги, и всѣ ихъ старыя и новыя привиллегіи, отъ кого бы они ни были даны, должны быть подтверждены со всѣми ихъ печатями и грамотами.

Въ шестыхъ. Надъ нѣмцами и ненѣмцами судъ производитъ только городской фогтъ, русскіе же фогты вмѣшиваться не будутъ ни въ духовныя, ни въ свѣтскія дѣла, ни въ уголовныя и ни въ гражданскія

Въ седьмыхъ. Они будутъ судиться мечемъ по старому.

Въ восьмыхъ. Ихъ законы и всѣ прежніе обычаи судопроизводства, выборы въ должности, шраги, хлѣбные мѣры, локти, вѣсы, все останется по старому

Въ девятыхъ. Двѣ общинныя гильдейскія камеры, одна для купцовъ изъ бюргерства, другая для ремесленниковъ, останутся по старому, чтобы тѣ камеры служили для свадебъ и собраній; равно останется по старому ихъ право выбирать въ амты изъ братчиковъ, останутся по старому и ихъ цехи.

Въ десятыхъ. Останутся по старому черноголовые, какъ компанія иностранныхъ заморскихъ купцовъ, и ихъ общественный домъ, гдѣ бы могли совершаться по старому ихъ собранія

Въ одинадцатыхъ. Они (магистратъ и община) могутъ со своими товарами, какого бы они наименованія ни были, ѣздить и внѣ и внутри страны, также въ Россію, Германію и куда нужно, при чемъ съ нихъ не будетъ взимаемо никакихъ пошлинъ какъ внѣ и внутри города Дерпта, такъ и въ Россіи и въ Ливоніи.

Въ двѣнадцатыхъ. Они могутъ варить пиво и медъ, гнать водку и шинковать, не платя акциза ни съ какого иностраннаго вина, за исключеніемъ что положитъ и назначитъ магистратъ на содержаніе своихъ чиновъ.

Въ тринадцатыхъ. Они и ихъ дѣти какъ сыновья, такъ и дочери, могутъ вступать въ бракъ за моремъ, въ Германіи; могутъ отдавать туда своихъ дѣтей и во всякое время принимать заморскихъ, какъ своихъ дѣтей.

Въ четырнадцатыхъ. Они (магистратъ и община) могутъ свои дома съ земельными подъ ними участками, также сады, сараи, поля, помѣстья и прочее свободно другимъ продавать и безъ всякой помѣхи съ деньгами уѣзжать изъ города.

Въ пятнадцатыхъ. Всѣмъ бюргерамъ и жителямъ должно быть позволено, и теперь при сдачѣ города Дерпта и впослѣдствіи, уѣзжать со своимъ имуществомъ, а чего они не могутъ взять съ собою и оставятъ на храненіи или у хорошихъ друзей или въ своихъ собственныхъ домахъ, то все могутъ увезти послѣ, когда къ тому представится случай.

Въ шестнадцатыхъ. Если кто-нибудь изъ дерптскихъ бюргеровъ пожелалъ бы въ будущемъ снова возвратиться въ Дерптъ и жить подъ великимъ княземъ, или если того пожелаютъ дѣти удалившихся, то таковое возвращеніе должно быть позволено.

Въ семнадцатыхъ. Дерптскимъ ратнымъ людямъ долженъ быть позволенъ свободный выходъ изъ города съ ихъ имуществомъ и всѣмъ оружіемъ, съ выдачею имъ вѣрныхъ паспортовъ.

Въ восемнадцатыхъ. Если окажутся бюргеры, которые не хотятъ оставаться въ Дерптѣ и которые не могутъ тотчасъ выѣхать изъ этого города съ ихъ женами, дѣтьми, пожитками и челядью, то такіе бюргеры могутъ, спустя 8 дней или чрезъ нѣсколько недѣль, уѣхать изъ города при оказіи, и имъ должно выдать вѣрные паспорты.

Въ девятнадцатыхъ. Иностранные нѣмецкіе купцы, также какъ и великаго князя люди, могутъ съ ихъ товарами приставать у бюргеровъ въ ихъ домахъ, могутъ свои товары складывать въ постоялыхъ дворахъ и магазинахъ, могутъ торговать и совершать сдѣлки, пока имъ магистратъ дозволяетъ то.

Въ двадцатыхъ. Гость съ гостемъ, будь они нѣмцы или русскіе, торговать между собою не могутъ, но только съ городскими бюргерами, по старинѣ.

Въ двадцать первыхъ. Магистратъ удерживаетъ по старинѣ за собою инспекцію и судъ чрезъ своихъ должностныхъ лицъ надъ всѣми амтами (цехами), будь то нѣмцы или не-нѣмцы, также надъ компаніей или обществомъ рыбаковъ, называемыхъ крауменингами, сохраняя право во всякое время, смотря по обстоятельствамъ, уменьшать или увеличивать ихъ шраги (уставы) и распорядки, а также всѣ ссоры судить и налагать наказанія.

Въ двадцать вторыхъ. Обыкновенныя ярмарки должны происходить по старинѣ въ обычное время, съ продажею и куплею всякой рыбы, хлѣба, хмѣля, меда и всякихъ съѣстныхъ припасовъ и товаровъ, а магистратъ, по прежнему, будетъ имѣть инспекцію и судъ надъ торговлею.

Въ двадцать третьихъ. Магистратъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ прощать лицъ, которыя оказались въ судѣ виновными.

Въ двадцать четвертыхъ. Магистратъ можетъ давать, по своему усмотрѣнію, въѣздныя и выѣздныя паспорты для путешествія во всякое время.

Въ двадцать пятыхъ. Бюргеры не могутъ быть отягощаемы въ своихъ домахъ военными постоями

Въ двадцать шестыхъ. Великій князь не будетъ выселять бюргеровъ и жителей изъ Дерпта въ Россію или въ какія-либо другія мѣста.

Въ двадцать седьмыхъ. Если кто либо, нѣмецъ или ненѣмецъ, провинится предъ великимъ княземъ, открыто или тайно, то таковый преступникъ, если будетъ пойманъ въ предѣлахъ вѣдомства магистрата, будетъ судимъ магистратомъ и его фогтами.

Въ двадцать восьмыхъ. Если кто-либо изъ чужеземцевъ умретъ въ Дерптѣ, то его имущество передается родственникамъ или друзьямъ его; правило это въ подобныхъ же случаяхъ должно быть исполняемо и въ другихъ мѣстахъ.

Въ двадцать девятыхъ. Если кто умретъ и его друзья впродолженіе года и однаго дня не потребуютъ себѣ его имущества, то оно достается во владѣніе магистрата, по старинѣ.

Въ тридцатыхъ. Если будутъ на будущее время поселяться въ городѣ новые бюргеры, то они должны по старинѣ предъявить магистрату на разсмотрѣніе ихъ права на бюргерство, и они должны присягнуть великому князю и магистрату, а бюргерство получать въ гильдіи, по старинѣ.

Въ тридцать первыхъ. Магистратъ желаетъ, чтобы аппеляціи на его приговоры по старинѣ посылались въ городъ Ригу и рижскій магистратъ, такъ какъ дерптскіе законы, по которымъ магистратъ судитъ и даетъ приговоры, заимствованы изъ правъ рижскихъ, данныхъ Ригѣ императоромъ и папою.

Въ тридцать вторыхъ. Въ Россіи никто не долженъ, во время отсутствія дерптскаго бюргера или купца, конфисковать и забирать его имущество или деньги, и никто тамъ притѣсняемъ быть не можетъ изъ-за долга сдѣланнаго въ Дерптѣ, но истецъ съ жалобой при подобныхъ обстоятельствахъ долженъ обращаться за судомъ къ дерптскому магистрату

Въ тридцать третьихъ. Во всякое время дерптскіе бюргеры могутъ безъ всякой помѣхи вывозить изъ Россіи всякіе хлѣба и съѣстные припасы, а также медъ и хмѣль, если имъ то понадобится.

Въ тридцать четвертыхъ. Всѣ купцы изъ Германіи и Россіи могутъ имѣть безпошлинно и во всякое время свои склады въ Дерптѣ, и только должны платить магистрату за взвѣшиваніе и бракованіе товаровъ.

Съ этими пунктами уполномоченные епископа, дворянства и капитула, а также нѣсколько лицъ, уполномоченныхъ отъ магистрата и общины, были посланы къ князю Петру Ивановичу Шуйскому, чтобы онъ утвердилъ всѣ эти пункты, скрѣпивъ ихъ своею печатью именемъ великаго князя. Въ такомъ случаѣ они на слѣдующій день

отворятъ, во имя Господа, городскія ворота, и впустятъ полководца со всѣмъ его войскомъ и 1558-го года, 19-го іюля, передадутъ ему ключи отъ города и замка.

Они только просили, чтобы ихъ защитили отъ войска и не позволили бы ему вторгаться въ дома, такъ какъ ихъ жены и дѣти не привыкли къ чужому ратному люду Это было тотчасъ же обѣщано и обѣщаніе было сдержано.

Послѣ этого начальникъ, князь Петръ, пожелалъ, чтобы дерптскіе толмачи съ нѣсколькими изъ его людей перевели эти договорные пункты съ нѣмецкаго языка на русскій, такъ какъ пунктовъ этихъ было много, они ему были переведены лишь устно съ нѣмецкаго языка, и онъ по этой причинѣ не можетъ всѣхъ ихъ удержать въ памяти. Если въ пунктахъ окажется что либо требующее, по его мнѣнію, перемѣны, то онъ будетъ говорить о томъ съ дерптцами и порѣшить на томъ, на что можно согласиться. Если все окажется такъ, что можно будетъ надѣяться на одобреніе тѣхъ пунктовъ великимъ княземъ, то онъ печатью скрѣпитъ таковые: онъ, князь Петръ, хорошо знаетъ, что имѣетъ много значенія у великаго князя, и потому получитъ то, что имъ обѣщаетъ.

Послѣ этого тотчасъ же были назначены люди, къ которымъ князь прислалъ своихъ людей, для перевода пунктовъ на русскій языкъ.

Кромѣ этого военачальникъ, князь Петръ, приказалъ извѣстить епископа и всѣхъ кто пожелаетъ выѣхать съ нимъ, а также не желавшихъ остаться въ городѣ бюргеровъ и ратныхъ людей, чтобы они всѣ приготовились къ дорогѣ. Онъ предложилъ назначить нѣсколькихъ великокняжескихъ бояръ съ нѣсколькими всадниками для проводовъ господина епископа съ его людьми до Фалькенау Предложилъ онъ также, что назначитъ людей, которые проводятъ другихъ бюргеровъ съ ихъ женами и дѣтьми и ратныхъ людей со всѣми ихъ пожитками за нѣсколько миль отъ города, чтобы никто нисколько за себя не опасался бы.

Какъ только посланные прибыли съ такимъ рѣшеніемъ въ городъ, тотчасъ было объявлено всѣмъ ратнымъ людямъ, которые еще не получили жалованья отъ города, явиться въ такомъ то часу для полученія денегъ и паспортовъ.

Такимъ образомъ всѣ, не желавшіе оставаться подъ властію великаго князя, должны были готовиться къ отъѣзду и завтра, какъ только колоколъ пробьетъ 8, они должны были выѣхать, сопровождаемые великокняжескими людьми. Вездѣ слышались жалобы и стоны, каждый собирался и укладывался, покупалъ лошадей и телѣги, увозилъ на лошадяхъ и волахъ все что можно было захватить второпяхъ; чего увезти не могли, оставляли. Много, много тогда разсталось между собою добрыхъ друзей!

Епископъ велѣлъ перевезти часть сундуковъ и поклажи водою, а часть сушею, на возахъ.

На другой денъ, когда пункты были переведены на русскій языкъ, военачальникъ, чтобы не терять напрасно времени въ переговорахъ, одобрилъ эти пункты подъ ратификаціей великаго князя, онъ же, военачальникъ, самъ будетъ ходатаемъ за нихъ предъ великимъ княземъ, въ этомъ пусть они вполнѣ положатся на него. Какъ только епископъ получилъсвои пункты, а магистратъ и община свои, то сейчасъ отворили городскія ворота, и епископъ въ первый разъ со всѣми своими поѣхалъ въ Фалькенау, сопровождаемый 200-ми всадниковъ. Военачальникъ велѣлъ также передать епископу, что для защиты его, епископа, въ монастырѣ будетъ назначенъ воевода изъ великокняжескихъ придворныхъ бояръ на все время, пока русское войско будетъ находиться около города, съ нѣсколькими всадниками и стрѣльцами, чтобы ему, епископу, не было причинено никакой обиды. Такое предложеніе епископъ принялъ съ благодарностью.

Послѣ этого тронулись въ путь не желавшіе оставаться въ городѣ всѣ бюргеры и ратные люди со всѣмъ, что только могли захватить съ собой. Ихъ сопровождало много бояръ и всадниковъ, и имъ не было причинено ни малѣйшей обиды. Когда они выѣхали изъ города, военачальникъ князь Петръ Шуйскій потребовалъ, чтобы магистратъ выслалъ нѣсколько бургомистровъ, ратсгеровъ и выборныхъ изъ общины для сопровожденія его, князя, въ городъ. Онъ, князь, прежде всего пришлетъ въ городъ воеводу съ нѣсколькими людьми, которые внесутъ знамена мира, устроятъ во всемъ достодолжный порядокъ; бюргеры же должны оставаться въ своихъ домахъ до тѣхъ поръ, пока устроится хорошій порядокъ, и пусть они нисколько не безпокоются за себя.

Послѣ этого въ лагерь къ военачальнику отправились (въ качествѣ депутатовъ) нѣсколько назначенныхъ лицъ отъ магистрата и общины, а также нѣсколько членовъ капитула и два лица со стороны епископа. Князь благосклонно принялъ ихъ, подалъ имъ руку, обѣщая милость великаго князя и свое ходатайство за нихъ.

Тогда члены капитула, а потомъ и посланные отъ магистрата и общины, передали военачальнику ключи отъ воротъ замка и города. Князь не отпускалъ депутатовъ изъ своей палатки до тѣхъ поръ, пока не послалъ впередъ въ городъ нѣсколько сотенъ своихъ лейбъ-стрѣльцовъ (дѣтей боярскихъ). За тѣмъ одинъ изъ воеводъ съ нѣсколькими всадниками отправился въ замокъ. Другой же воевода въѣхалъ въ городъ и занялъ стрѣльцами рынокъ и улицы, а послѣ всего этого вступилъ въ городъ самъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, а посланные отъ капитула, магистрата и общины шли предъ нимъ и сопровождали его въ замокъ.

За тѣмъ князь велѣлъ объявить, что подъ страхомъ смерти никто не смѣетъ ничѣмъ обижать жителей города. Велѣлъ онъ также объявить, чтобы бюргерскіе люди не продавали въ своихъ домахъ никакихъ напитковъ для ратныхъ людей, въ предупрежденіе несчастія. Всѣхъ русскихъ ратниковъ размѣстили въ замкѣ, въ соборныхъ помѣщеніяхъ и въ оставленныхъ жителями домахъ, и строго смотрѣли, чтобы они никого не обижали, а кто въ этомъ провинялся, того князь велѣлъ постыднымъ образомъ бить и плетьми наказывать; князь назначилъ также нѣсколькихъ бояръ со стрѣльцами для объѣздовъ по городу, которые ежедневно ѣздили кругомъ и забирали всѣхъ нетрезвыхъ людей и всѣхъ кто только неподобающе себя велъ, и тотчасъ сажали въ тюрьму Видя это, бюргеры нѣсколько успокоились въ своемъ несчастіи, и не боялись уже открытаго нападенія и насилія.

Послѣ этого магистратъ и община прислали князю въ подарокъ корзину съ виномъ, пивомъ и разными другими припасами, и свѣжей рыбы и зелени, что и было принято благосклонно, и онъ еще разъ объявилъ, что если окажется хоть какая-либо жалоба на его ратныхъ людей, то пусть тотъ прямо обращается къ нему онъ съумѣетъ наказать виновнаго и защитить всякаго невиннаго.

Спустя нѣсколько дней, онъ пригласилъ къ себѣ въ гости въ замокъ магистратъ, общину, эльтермановъ и старшинъ и хорошо угостилъ ихъ[1]).

Когда выѣхавшіе изъ Дерпта бюргеры и ратные люди прибыли въ Ревель, то застали этотъ городъ въ большомъ затрудненіи и печали, потому что городскія стѣны еще не были отстроены[2]), и бюргеры были такъ поражены этимъ, что все свое имущество отправили на корабляхъ изъ страны.

Вскорѣ послѣ сдачи города Дерпта, военачальникъ, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, послалъ одного боярина въ городъ Ревель съ предложеніемъ покориться великому князю, какъ то сдѣлалъ уже городъ Дерптъ, и съ обѣщаніемъ, что великій князь будетъ жаловать ревельцевъ большою свободою и лучшими привиллегіями, какихъ еще они никогда не имѣли. Они могутъ и не принимать великокняжескихъ ратныхъ людей, великій князь лишь назначитъ въ замокъ своего намѣстника. А если ревельцы не захотятъ быть подъ подданствомъ великаго князя, то должны заранѣе знать, что ихъ постигнетъ гнѣвъ великаго князя. На это русскій бояринъ, въ загородномъ дворѣ магистрата, находившемся въ двухъ миляхъ отъ Ревеля, гдѣ онъ правилъ

---

[1]) Осада Дерпта началась 11 іюля 1558 г.; въ четвергъ, 14 іюля, началось обстрѣливаніе города; 15 іюля князь Шуйскій предложилъ городу сдаться; въ понедѣльникъ, 18 іюля, русскіе заняли Дерптъ. Многія подробности изложены въ Приб. Сб. II, 367—372.

[2]) См. Приб. Сб. II, 375—376.

Прим. пер.

свое посольство, получилъ въ отвѣтъ, что ревельцы будутъ вѣрны присягѣ и обязанности магистру, за котораго стоятъ и жизнію своею и своимъ имуществомъ, и что они не уподобятся тѣмъ легкомысленнымъ, которые поступили вѣроломно и сдали свой городъ. Пусть онъ (бояринъ) передастъ этотъ отвѣтъ своему господину, а они же полагаются на помощь Всевышняго. Но у многихъ въ Ревелѣ отъ этихъ словъ сжалось сердце въ предчувствіи недобраго[1]).

Между тѣмъ ливонскіе послы прибыли изъ Москвы въ Ригу и привезли съ собой назадъ 60,000 талеровъ, которые и были сданы въ домѣ Іоанна Икскуля изъ Ментцена на Конюшенной улицѣ.

Добрые люди, покинувшіе свои дома и дворы въ Дерптѣ, кое что получили изъ тѣхъ 10,000 талеровъ, которые собрали ратсгеры и бюргеры въ Дерптѣ, но тѣ, которые остались въ этомъ городѣ, не получили ничего, такъ какъ магистръ всѣ деньги взялъ, объявивъ, что это деньги непріятеля[2]). Вотъ что они получили за свое благодѣяніе поквитались!

А что эти бѣдные люди и могли вывезти изъ Дерпта, то все дорогой у нихъ отобралъ и разграбилъ магистръ со своими помощниками, какъ то: Вильгельмомъ Вифферлингомъ и нѣкоторыми другими ему подобными.

По взятіи города Дерпта, іервенскій фохтъ покинулъ замокъ Везенбергъ со всѣми запасами разныхъ дорогихъ напитковъ, вина, пива и меда и разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Тоже самое сдѣлали въ Лаисѣ и Оберпаленѣ, а также въ Рингенѣ и Кавелехтѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ[3]).

Въ томъ же 1558-мъ году, предъ взятіемъ еще города Дерпта, стоялъ я въ воскресенье Misericordiae Domini (3-е воскресенье послѣ Пасхи) на горѣ у Дренсовыхъ воротъ съ однимъ дерптскимъ бюргеромъ, Валентиномъ Крузе, и, между 7-ю и 8-ю часами, видѣлъ въ ясный день три солнца на небѣ другъ подлѣ друга; это безъ сомнѣнія означало, что за Ливонію будутъ спорить три государя московитъ, король польскій и король шведскій.

Князь Петръ занялъ городъ Дерптъ и покинутые замки многими ратными людьми, чтобы они защищали границы и снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ на долгое время. И великій князь также прислалъ изъ Пскова водою въ Дерптъ большіе запасы муки и вся кихъ хлѣбовъ, овса, пшеницы, пороха и свинца въ большомъ количествѣ, и наградилъ многихъ своихъ бояръ помѣстьями и людьми въ Ливоніи, которые прибыли туда тощими, но скоро весьма растолстѣли.

---

[1]) См. Прпб. Сб. II, 376.
[2]) См. Прпб. Сб. II, 374.
[3]) См. Прпб. Сб. II, 373.

Въ 1560 году, на Крещеніе, московитъ взялъ замокъ Маріенбургъ, на русской границѣ.

Въ 1559 году старый магистръ Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ отказался отъ своей должности, и магистромъ былъ избранъ его коадъюторъ, Готгардтъ Кетлеръ, который въ томъ же году принималъ присягу въ Ревелѣ[1]). Онъ заложилъ замокъ Гробинъ прусскому герцогу за 40,000 талеровъ, а Кегельскій дворъ, недалеко отъ Ревеля, заложилъ городу Ревелю за 30,000 талеровъ, а также занялъ въ Ригѣ у одного стараго гезеля, именемъ Биллербека, подъ росписку 30,000 марокъ полновѣсными старыми деньгами. Добрый старый гезель думалъ этимъ сдѣлать добро странѣ, но при своей жизни онъ ничего въ уплату не получилъ.

Также собралъ этотъ магистръ все что осталось отъ 60,000 талеровъ и съ этими деньгами сталъ поспѣшно набирать ратныхъ людей.

Въ 1558 году осенью (въ ноябрѣ) Готгардтъ Кетлеръ со всѣмъ своимъ войскомъ, сколько могъ набрать, осадилъ замокъ Рингенъ въ дерптскомъ епископствѣ, прежде принадлежавшій тевтонскому ордену, расположенный въ 6 миляхъ отъ Дерпта, и отнялъ этотъ замокъ у русскихъ, при чемъ было убито болѣе 400 русскихъ. Послѣ этого онъ разрушилъ замокъ и отступилъ.

Въ 1559 году, въ день святаго Мартина (10 ноября), этотъ магистръ выступилъ въ походъ съ ландзассами и коадъюторомъ рижскаго архіепископа, герцогомъ Христофомъ Мекленбургскимъ, вмѣстѣ съ ландзассами рижской епархіи и сталъ лагеремъ у Нюгенской церкви, въ трехъ миляхъ отъ Дерпта. Московитъ также собралъ отрядъ ратныхъ людей, который сталъ въ шести миляхъ отъ нѣмецкаго лагеря, намѣреваясь соединиться съ русскими, составлявшими гарнизонъ въ Дерптѣ, и нанести пораженіе магистру; но нѣмцы напали на ихъ лагерь, убили многихъ изъ нихъ и увели съ собою взятыхъ въ плѣнъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ.

Въ 1558 году, осенью, когда магистръ Кеттлеръ отступилъ отъ Рингена, всѣ дерптскіе бюргеры и кто только былъ способенъ носить оружіе были отправлены изъ города въ Псковъ. Тамъ ихъ размѣстили у псковскихъ бюргеровъ и не отпускали до тѣхъ поръ, пока магистръ отступилъ отъ Рингена въ рижскую епархію; тогда ихъ снова возвратили въ Дерптъ къ ихъ женамъ и дѣтямъ, которымъ, впрочемъ въ ихъ отсутствіи, не было причинено ни какой обиды.

Въ 1559 году, когда магистръ снова расположился лагеремъ у Нюггена и побилъ русскихъ, дерптскіе бюргеры никуда не были от-

---

[1]) Престарѣлый Фюрстенбергъ удалился на покой въ Феллинъ въ маѣ 1559 г. Въ томъ же мѣсяцѣ орденскіе сановники избрали магистромъ Кетлера. См. Приб. Сб. II, 379. Прим. пер.

правляемы; но ихъ помѣстили въ ратушѣ, присылали имъ кушанье изъ ихъ домовъ и никакого вреда не причиняли, а когда магистръ отступилъ, каждый безъ всякой помѣхи отправился къ себѣ домой.

Послѣ этой битвы, магистръ и герцогъ Христофъ Мекленбургскій двинулись со всею силою подъ городъ Дерптъ и, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, снова отступили, а герцогъ Христофъ направился къ рижской епархіи. Магистръ же Готгардтъ Кеттлеръ двинулся со своими отрядами къ замку Лаису, сталъ его обстрѣливать и два раза пытался взять приступомъ, но оба раза былъ отбитъ, при чемъ лишился много народу и добрыхъ слугъ. Тамъ былъ убитъ ревельскій гауптманъ Вульфъ фонъ Страссбургъ и также гауптманъ Лукнингъ, который былъ застрѣленъ съ башенъ у Дерпта. Такъ какъ ничего нельзя было подѣлать, то магистръ отступилъ отъ Лаиса съ ругательствомъ и насмѣшкой, и повелъ аркебузниковъ (стрѣлковъ) къ Феллину Но золото было уже истрачено и наемники были недовольны, потому что нечѣмъ было платить имъ. Такимъ образомъ они разошлись во всѣ стороны, и зима окончательно разложила войско. Такъ всегда бываетъ, когда хочешь искать розъ въ снѣгу Гансъ Гау не можетъ сносить лифляндской зимы съ ея сильными холодами и, такимъ образомъ, пиво, какъ говорится, утекло[1]).

Въ 1560 году, какъ только московитъ взялъ Маріенбургъ, учинилъ онъ набѣгъ, прошелъ черезъ всю рижскую епархію и Курляндію и тамъ жестоко хозяйничалъ убійствами и пожарами. Тогда большая часть замковъ была покинута, которые такимъ образомъ и достались ему безъ борьбы[2]).

Въ 1560 году, въ день праздника Пасхи (16 апрѣля), прибылъ въ Аренсбургъ на Эзелѣ герцогъ Магнусъ Гольштейнскій, братъ датскаго короля Фридриха II-го, которому и было передано епископомъ Іоанномъ Меннигаузеномъ епископства Эзель и Курляндская епархія, за что онъ взялъ 30,000 талеровъ и потомъ уѣхалъ, какъ увидѣлъ, что Ливонія была вся выжжена. Эти 30,000 талеровъ король польскій Стефанъ, когда, по смерти герцога Магнуса, курляндскіе монастыри были заняты прусскимъ герцогомъ въ 1584 году, велѣлъ передать датскому королю, хотя Меннигаузенъ не имѣлъ права продавать или закладывать епархіи. Также и ревельскій епископъ, Морицъ Врангель, передалъ ему (герцогу Магнусу) ревельское и гапсальское епископство.

Въ 1560 году, на Троицу, московитъ сдѣлалъ большой на-

---

[1]) Другія подробности см. въ Прик. Сб. II, 377—379.

[2]) Русское войско перешло границу 15 января 1559. Этотъ походъ продолжался по 17 февраля 1559 г., а не въ 1560 г. какъ сказано у Ніеншгедта. См. Прик. Сб. II, 379—380. Тамъ же объяснена и причина, вызвавшая этотъ походъ.

Прим. пер.

бѣгъ на Гарріенъ и все опустошилъ и сжегъ безжалостно, что только попадалось ему, увелъ много скота и людей, и сжегъ дворянскіе дворы и епископскій замокъ до тла. Онъ прошелъ такимъ образомъ черезъ все рижское архіепископство и хотя сановники ордена, какъ Шалль фонъ Белль, командоръ гольдингенскій, Генрихъ фонъ Галенъ, фогтъ баускій, Христофъ фонъ Зибургъ, фогтъ кандаускій, и другіе собрали войско, какое только могли набрать для пораженія врага, и сошлись при Эрмисѣ и сражались мужественно, но ихъ было слишкомъ мало противъ войска непріятеля и они поэтому потерпѣли пораженіе, причемъ было убито до 500 нѣмцевъ, а вышеозначенные господа были схвачены, отвезены въ Москву и тамъ казнены. Это пораженіе и гибель такихъ знатныхъ господъ страны навело большой страхъ на остальныя ливонскія сословія[1])

Въ этомъ же году остальныя ливонскія сословія, какъ то архіепископъ маркграфъ Вильгельмъ, вмѣстѣ со своимъ коадъюторомъ, герцогомъ Мекленбургскимъ, магистръ Готгардъ Кеттлеръ и герцогъ Магнусъ, въ іюлѣ, держали ландтагъ въ Перновѣ и совѣтовались какъ помочь странѣ въ столь печальныхъ обстоятельствахъ. Когда они обсуждали это, московитъ, какъ разъ въ день Маріи Магдалины, явился предъ замкомъ и городомъ Феллиномъ и осадилъ его. Онъ сначала начинаетъ обстрѣливать пригородъ, предаетъ его огню, такъ что остается несгорѣвшими только пять домовъ и беретъ его приступомъ. Тогда всѣ жители спасаются въ крѣпкій замокъ Феллинъ, гдѣ въ то время пребывалъ лично прежній магистръ Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ и защищаютъ замокъ цѣлыхъ четыре недѣли и, конечно, долго еще бы продержались, потому что у нихъ предостаточно было съѣстныхъ припасовъ, пороха, свинца и надлежащаго оружія, но кнехты (наемные солдаты) не получали жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ неуплатѣ жалованья негодяи нашли причину ропота, хотя добрый старый магистръ предлагалъ имъ въ залогъ золотыя и серебряныя цѣпи, клейноды и драгоцѣнности стоимостью вдвое противъ слѣдуемаго имъ жалованья, пока онъ будетъ въ состояніи начеканить монету для уплаты имъ. Но эти канальи и измѣнники не согласились на предложеніе Фюрстенберга, и заявили, что сдадутъ крѣпость московиту Это они и сдѣлали, поставивъ условіемъ свободный выходъ себѣ. Они разграбили сокровища магистра, взломали и разграбили сундуки и ящики (снесенныя въ замокъ для храненія) многихъ знатныхъ дворянъ, сановниковъ ордена и бюргеровъ, и забрали себѣ столько, сколько могъ каждый, а забранное составило бы жалованье не только за одинъ годъ, но и за пять или десять лѣтъ, и они могли бы защищать очень долго крѣпость, потому что въ снарядахъ и съѣстныхъ

[1]) Подробности см. въ Прибалт. Сб. II, 389—392. Прим. пер.

припасахъ недостатка не было. Но не таково было желаніе этихъ негодяевъ они предали московиту своего добраго господина со всѣми его вѣрными слугами и сдали крѣпкій замокъ Феллинъ съ его укрѣпленіями; но Господь Богъ не оставилъ безъ наказанія невѣрность и клятвопреступничество этихъ злодѣевъ. московиты провѣдали, что они хотятъ уйти съ сокровищами магистра и имуществомъ добрыхъ людей, и чисто обобрали ихъ, оставивъ нагими и босыми и, когда они прибыли кто въ Ригу, а кто въ какое либо другое мѣсто, то получили достойное возмездіе — ихъ всѣхъ перевѣшали по деревьямъ.

Такимъ-то образомъ московиты, въ августѣ 1560 года, взяли крѣпкій замокъ Феллинъ, лучшую крѣпость страны, и увезли главу всей страны, благочестиваго стараго магистра Вильгельма Фюрстенберга въ Москву, и дали въ пожизненное кормленіе ему и его слугамъ замокъ, называемый Лублинъ (Любимъ) гдѣ онъ впослѣдствіи и скончался. Если бы въ то время московитъ, миновавши Феллинъ, прямо отправился бы къ Пернову, то, какъ въ мѣшкѣ, захватилъ бы на ландтагѣ всѣхъ властителей и всѣ сословія страны, но онъ этого не сдѣлалъ, а они между тѣмъ успѣли разойтись, такъ ни на чемъ и не порѣшивши[1])

По взятіи крѣпости Феллина, московитъ раздѣлилъ свое войско на три части. Съ одною двинулся онъ подъ крѣпкій замокъ Вейссенштейнъ, осадилъ его въ сентябрѣ 1560 года, и больше пяти недѣль стоялъ подъ нимъ и штурмовалъ. Тамъ въ то время молодой и храбрый человѣкъ, Каспаръ фонъ Ольденбоккемъ, такъ рыцарски защищался, не надѣясь при томъ на какую-либо помощь, что московитъ со стыдомъ долженъ былъ отступить. Другой отрядъ отправилъ онъ къ Вендену и Вольмару — все жечь и опустошать тамъ. Вольмарцы напали на него съ тремя ротами стрѣлковъ въ надеждѣ спасти свой скотъ, но были побѣждены непріятелемъ, почти всѣ перебиты, а остальные были уведены плѣнниками въ Москву Третій отрядъ захватилъ въ Викѣ гарріенскій скотъ и имущества, которые были сюда собраны какъ въ безопасное мѣсто, и забралъ съ собой все это вмѣстѣ съ людьми въ Москву

Герцогъ Магнусъ не осмѣливался болѣе оставаться въ Гапсалѣ, боясь гнѣва великаго князя, за то, что онъ, герцогъ, присутствовалъ на перновскомъ ландтагѣ. Онъ по этому переѣхалъ на лодкѣ на островъ Эзель, чтобы быть тамъ въ безопасности.

Послѣ того какъ московитъ такимъ образомъ опустошилъ Викъ, онъ подошелъ къ Ревелю и расположился лагеремъ въ 2-хъ миляхъ отъ города на Гаркскомъ дворѣ, тогда нѣкоторые ревельцы рано утромъ

---

[1]) Орденская крѣпость Феллинъ была осаждена русскими 22 іюля и взята 21 августа 1560 г. См. Прпб. Сб. II, 392—394. Прим. пер.

сдѣлали необдуманно вылазку, думая застать непріятеля врасплохъ и овладѣть угнаннымъ скотомъ. Они дѣйствителѣно овладѣли викской добычей и погнали было скотъ къ городу, но про это скоро узнали въ московитскомъ лагерѣ: русскіе пустились за ними въ погоню, побили ихъ и отняли у нихъ полевыя орудія съ лошадьми, составлявшіе собственность ревельскаго магистрата, при чемъ было убито много людей дворянскаго роду и бюргеровъ, а между ними. Іоаннъ фонъ Галенъ, Юргенъ фонъ Унгернъ, Лоренцъ Эрмисъ, Люйтке фонъ Ойтенъ, членъ городскаго магистрата, Блазіусъ Гохгреве и много еще другихъ бюргеровъ и купеческихъ прикащиковъ (гезелей). Это случилось 2 сентября 1560 года.

Того же года осенью стали собираться толпами гарріенскіе и викскіе крестьяне. они не получали никакой защиты отъ дворянства и не хотѣли болѣе ни подчиняться дворянамъ, ни справлять имъ какія-либо службы. Они разграбили нѣсколько дворянскихъ усадебъ нѣкоторыхъ дворянъ, именно: Якова Укскуля Лумматскаго, Отто Укскуля Киркелькаго, Юргена Рисбитера и Дирика Ливе убили, а послѣ того отправили своихъ пословъ въ Ревель для заключенія дружбы и мира съ городомъ. Здѣсь ихъ убѣждали отказаться отъ своихъ злыхъ намѣреній, но это ничуть не помогло. они продолжали начатое и осадили замокъ Лоде, гдѣ было много дворянъ. Тогда Христофъ Менникгаузенъ вооружился съ нѣсколькими дворянами, напалъ на крестьянъ у Лоде, многихъ перебилъ, а предводителей взялъ въ плѣнъ, одна часть которыхъ была казнена предъ Ревелемъ, а другая предъ Лоде.

Когда дѣла въ Ливоніи были въ такомъ дурномъ положеніи, король польскій Сигизмундъ-Августъ, по просьбѣ ливонскихъ сословій и городовъ, согласился принять участіе въ положеніи страны и взять ее подъ свою защиту, но съ условіемъ, чтобы за военныя издержки ему, королю, должны быть предоставлены въ видѣ залога пять замковъ. Каркусъ, Гельметъ, Трикатенъ, Эрмесъ или Руйенъ и Бурtнекъ, которые и будутъ находиться въ королевской власти до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена плата за военныя издержки или со стороны римской имперіи или же со стороны ливонскихъ слсловій, а въ эти издержки слѣдуетъ включить и плату королевскимъ начальникамъ войскъ. Послѣ этихъ переговоровъ король послалъ къ магистру Кеттлеру нѣсколько отрядовъ войска для дѣйствій противъ врага. Названные заложенные замки впослѣдствіе были отданы въ приданое сестрѣ короля Сигизмунда-Августа, Екатеринѣ, когда она выходила замужъ за герцога финляндскаго Іоанна.

Такъ какъ городъ Ревель и нѣкоторые (эстонскіе) дворяне полагали, что съ ихъ стороны гораздо выгоднѣе и лучше пользоваться помощью шведскаго короля, то они отступились отъ своего властителя страны магистра и отъ другихъ сословій и городовъ, и перешли подъ

шведскую корону, хотя сами согласились передъ тѣмъ съ сословіями и одобрили помощь состороны поляковъ и приняли у себя польскихъ гайдуковъ или стрѣлковъ въ качествѣ вспомогательнаго войска; послѣ же того, какъ рѣшили сдаться подъ покровительство шведской короны, они отослали тѣхъ гайдуковъ назадъ и объявили своему властителю магистру, какъ то сообщаетъ ихъ хроника, чрезъ дворянина Рейнгольда Лоде и ревельскаго ратсгера Іоанна Винтера, что они отказываются публично отъ своей присяги и продолжаютъ, съ помощію шведскаго короля, обстрѣливать и осаждать ревельскій замокъ. Замокъ этотъ защищалъ орденскій намѣстникъ Каспаръ фонъ Ольденбоккенъ и храбро держался въ немъ шесть недѣль, пока наконецъ долженъ былъ сдать его шведамъ на Ивановъ день 1561-го года, вынужденный къ тому голодомъ.

Послѣ этого король шведскій занялъ Викъ, а въ 1562 году и Перновъ, попробовалъ также своего счастья у Вейссенштейна, но намѣстникъ Іоаннъ Гролль храбро защищалъ его, пока наконецъ голодомъ не вынужденъ былъ сдать замокъ осенью 1562 года; въ 1573 году, на новый годъ, московитъ снова завоевалъ этотъ замокъ.

Какъ только польскій король и ливонскія сословія убѣдились, что имъ приходится воевать не только съ московитомъ, но и со шведами, король отказалъ лифляндскимъ сословіямъ въ своей защитѣ, но заявилъ, что если они ему совершенно покорятся, какъ покорился Ревель шведскому королю, то только въ такомъ случаѣ онъ, король, будетъ сражаться противъ обоихъ — и московита и шведскаго короля и, послѣ отнятія у нихъ завоеваннаго, каждаго оставить при томъ, чѣмъ онъ уже прежде владѣлъ.

Относительно этого много было разныхъ мнѣній; наконецъ было рѣшено, что магистръ Готгардтъ Кеттлеръ будетъ пожалованъ отъ короны польской леннымъ княземъ Курляндіи и Семигаліи, а вся Ливонія должна быть передана сословіями польской коронѣ. Городъ Рига согласился на подданство польской коронѣ, но съ условіемъ, чтобы городъ былъ освобожденъ отъ присяги, принесенной римской имперіи. Только по заключеніи такого договора, началась настоящая война съ московитомъ и шведами[1]).

Причиною къ войнѣ было обстоятельство, что городъ Ревель измѣнилъ своимъ властителямъ и другимъ ливонскимъ сословіямъ, чрезъ что оба государя, король польскій и король шведскій, и вцѣпились другъ другу въ волосы; если бы Ревель, подобно городу Ригѣ, остался при своихъ властителяхъ, то король польскій вмѣстѣ съ ли-

---

[1]) Подробности о договорѣ изложены въ Приб. Сб. II, 399—404. Дальнѣйшія подробности изложены у Рюссова въ Приб. Сб. III, 129—352. Прим. пер.

вонцами сражался бы только противъ московита и могъ бы лучше защищать страну

Въ 1562 году, герцогъ Христофъ Мекленбургскій обратился къ королю шведскому Эриху, думая, съ помощью шведовъ, изгнать поляковъ изъ рижской епархіи, но когда онъ съ небольшимъ войскомъ прибылъ въ епархію, то былъ скоро взятъ въ плѣнъ при замкѣ Даленѣ и увезенъ въ Польшу, гдѣ и оставался цѣлыхъ пять лѣтъ.

Въ 1563 году, 28 іюля, шведы взяли у герцога Магнуса гапсальскій замокъ и разграбили и обобрали церкви; въ сентябрѣ они также явились подъ замкомъ Лоде съ шестью тяжелыми орудіями, но на нихъ напалъ герцогъ курляндскій съ нѣсколькими польскими отрядами (президіями), побилъ шведовъ и занялъ крѣпость.

Лѣтомъ 1563 года, вспыхнула война между королемъ датскимъ Фридрихомъ II въ союзѣ съ городомъ Любекомъ и между королемъ шведскимъ, на морѣ и на сушѣ, съ большимъ кровопролитіемъ; война продолжалась до 1570 года, пока наконецъ дѣло не было улажено въ Штеттинѣ. Обѣ воюющія стороны въ этой продолжительной войнѣ не напряли шелка.

Въ 1563 году, въ началѣ датской войны, шведскій король Эрихъ возъимѣлъ подозрѣніе на своего брата герцога Іоанна изъ за того, что онъ женился на сестрѣ короля польскаго, откуда онъ заключилъ, что его братъ находится въ союзѣ съ польскимъ королемъ противъ него, и поэтому онъ приказалъ отправить его плѣнникомъ въ Або. Въ этой темницѣ тотъ и находился до того времени, пока король Эрихъ не началъ тиранически поступать со своимъ канцлеромъ Юргеномъ Персономъ, и тогда его два брата, герцогъ Карлъ и герцогъ Іоаннъ, заключили другъ съ другомъ союзъ и осадили короля Эриха въ Стокгольмѣ, захватили его въ плѣнъ и заключили на всю жизнь въ темницу, а на его мѣсто королемъ былъ избранъ герцогъ Іоаннъ. Это случилось въ 1565 году, въ день св. Михаила.

Когда герцогъ Іоаннъ получилъ отъ короля польскаго заложенные замки и 4 декабря 1564 года отплылъ изъ Ревеля въ Финляндію, то въ Ливоніи оставилъ генералъ гауптманомъ или администраторомъ тѣхъ замковъ графа Іоанна фонъ Арца. Это былъ искусный человѣкъ въ отношеніи укрѣпленія крѣпостей и всякихъ военныхъ замысловъ. Онъ подалъ много хорошихъ совѣтовъ, какъ укрѣпить ревельскій замокъ и городъ валами, рвами и всякими запрудами.

Какъ только графъ Арцъ узналъ, что его господинъ, герцогъ финляндскій Іоаннъ, арестованъ королемъ шведскимъ Эрихомъ и находится въ заточеніи, что король Эрихъ уже завладѣлъ однимъ изъ заложенныхъ замковъ, Каркусомъ, и что московитъ желаетъ овладѣть этими замками, а этому могущественному врагу противустоять онъ, графъ Арцъ, не въ силахъ, потому онъ и отправился къ королю польскому Сигизмунду Августу, изложилъ ему положеніе своего госпо-

дина, какъ герцогъ былъ жертвою козней и какъ шведскій король домогается заложенныхъ замковъ, а московитъ готовится къ походу, чтобы отнять у него, графа Арца, эти заложенные замки, а онъ имъ противустоять со своей силой не можетъ; то поэтому онъ проситъ польскаго короля помочь ему, пока для его господина и для него не настанутъ лучшія времена.

Хотя графъ и получилъ утѣшенія и обѣщанія отъ польскаго короля, но войска на самомъ дѣлѣ не получилъ, такъ что московитъ легко могъ выполнить свое намѣреніе — овладѣть замками. Въ такомъ затрудненіи Арцъ обратился къ московскому намѣстнику въ Дерптѣ, князю Андрею Курбскому[1]), чтобы онъ уговорилъ великаго князя оставить въ покоѣ заложенные замки до тѣхъ поръ, пока его господинъ, герцогъ Іоаннъ, не освободится отъ своего заключенія, а до той поры, пока его господинъ освободится, онъ уступитъ русскимъ замокъ Гельметъ, а когда герцогъ освободится, то онъ и великій князь уже сами вступятъ въ переговоры. О такой сдѣлкѣ графъ Арцъ сообщилъ нѣкоторымъ изъ своихъ, которые были съ нимъ въ замкѣ Гельметѣ, куда онъ ожидалъ прибытія дерптскаго намѣстника князя Андрея Курбскаго, который долженъ былъ занять замокъ. Но тѣ сговорились между собою, устроили засаду, и, когда къ вечеру они вмѣстѣ съ графомъ Іоанномъ сидѣли за столомъ, напали на него, сняли у него его золотую цѣпь, которую онъ всегда носилъ на шеѣ, взяли его въ плѣнъ и заточили. Послѣ этого они выставили всѣ пушки, какія только были въ замкѣ, для принятія враждебно князя и подпустили его спокойно приблизиться со своей свитой. Какъ только русскіе подъѣхали къ замку, на нихъ посыпались ядра, такъ что они проворно должны были спасаться бѣгствомъ и отступить. Это такъ разсердило князя Курбскаго, что онъ воскликнулъ «пока живъ великій князь, такое вѣроломство не останется безнаказаннымъ! Вѣдь они сами вступили въ переговоры, за своимъ рукоприкладствомъ и печатью»

Графъ Іоаннъ фонъ Арцъ былъ впослѣдствіи привезенъ въ Ригу и переданъ въ руки герцога курляндскаго, который и осудилъ его на смерть. Въ Ригѣ, въ среду предъ Рождествомъ 1563 года, его разорвали раскаленными клещами, разрубили на четыре части и колесовали. Такимъ образомъ пришлось кончить ему свою жизнь; но его предатели, которые взяли его въ плѣнъ, большею частью кончили худымъ. нѣкоторые изъ нихъ вскорѣ послѣ этого случая на всю свою жизнь ослѣпли. Также при его казни случилось много знаменій. Одинъ ратсгеръ Винцентъ Клаудорфъ, видя что Арцъ долженъ уме-

[1]) Въ подлинникѣ у Нienштедта „Knäse Andrey Kurpsche“. Прим. пер.

реть позорною смертью, пошелъ домой, скинулъ сюртукъ и тотчасъ же умеръ. Одна женщина взобралась на чердакъ посмотрѣть на муки Арца, какъ его привязаннаго къ телѣгѣ везутъ вдоль по улицѣ и рвутъ клещами, упала сверху и умерла; одинъ ненѣмецкій крестьянинъ (латышъ) смотрѣлъ на эту ужасную пытку, ударилъ себя ножемъ въ грудь и умеръ; слуга палача, раздувавшій уголья для накаливанія клещей, по окончаніи экзекуціи, сошелъ съ телѣги, положилъ голову на раздувальный мѣхъ и тутъ же умеръ[1]). Неисповѣдимъ судъ твой, Господи!

Князь Андрей Курбскій также впалъ въ подозрѣніе у великаго князя изъ-за этихъ переговоровъ, что будто бы онъ злоумышляетъ съ королемъ польскимъ противъ великаго князя. Великій князь рѣшился умертвить Курбскаго постыдною казнію, но Курбскій ночью успѣлъ перелѣзть черезъ городскую стѣну и ушелъ къ королю польскому, который и принялъ его весьма милостиво и подарилъ ему много земель въ Литвѣ. Курбскій написалъ послѣ этого письмо къ великому князю о своей невинности и тотъ охотно пожелалъ теперь оставить его при себѣ; но Курбскій не хотѣлъ этого, желалъ только, чтобы къ нему отпустили его жену, которая въ его отсутствіе родила ему сына, но московитъ не позволилъ ей слѣдовать за мужемъ, однако отписалъ сыну всѣ имѣнія отца. Такъ высоко цѣнилъ онъ его заслуги, и это былъ дѣйствительно отличный военачальникъ и былъ во многихъ сраженіяхъ побѣдителемъ. Курбскій же взялъ себѣ другую жену въ Литвѣ, прижилъ съ нею дочь и тамъ же впослѣдствіи умеръ[2]).

Александръ Кенигъ, который теперь еще состоитъ въ Ригѣ старшиною, служилъ прежде у графа Арца, а потомъ и у князя Андрея Курбскаго. Онъ разсказывалъ, что князь часто соболѣзновалъ со вздохами о графѣ, говоря что онъ совершенно невиненъ и не заслужилъ такой постыдной смерти. Съ графомъ былъ также осужденъ и обезглавленъ одинъ писецъ.

Лѣтомъ 1565 года, московитъ приказалъ всѣмъ дерптскимъ бюргерамъ и жителямъ, которые, по завоеваніи города Дерпта, изъ за своей бѣдности должны были оставаться тамъ, выѣхать вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; ихъ размѣстили по отдаленнымъ московитскимъ городамъ. Володиміру, Низенъ-Новгардену (Нижнему Новгороду), Костромѣ и Угличу У нихъ былъ въ Дерптѣ пасторъ, именемъ магистръ Іоаннъ Веттерманъ, человѣкъ добраго и честнаго характера, настоящій апостолъ Господень, который также отправился съ ними въ изгнаніе, пасъ свое стадо какъ праведный пастырь и, когда у него не было лошади, шелъ пѣшкомъ отъ одного города до другого, а если

---

[1]) О графѣ Арцѣ разсказываетъ Рюссовъ нѣсколько иначе. См. Прибл. Сб. Ш, 147.
[2]) О князѣ Андреѣ Михайловичѣ Курбскомъ сказано въ Прибл. Сб. Ш, 150. Прим. пер.

стадо его разсѣевалось, онъ посѣщалъ его и ежечасно увѣщевалъ о страхѣ къ Господу и даже назначилъ для ихъ дѣтей школьныхъ учителей, какихъ только можно было тогда достать, которые въ каждомъ городѣ по воскресеньямъ читали дѣтямъ изъ Священнаго Писанія. Его, какъ ученаго человѣка, очень уважалъ великій князь, который даже велѣлъ въ Москвѣ показать ему свою либерею (библіотеку), которая состояла изъ книгъ на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, и которую великій князь въ древнія времена получилъ отъ константинопольскаго патріарха, когда московитъ принялъ христіанскую вѣру по греческому исповѣданію. Эти книги, какъ драгоцѣнное сокровище, хранились замурованными въ двухъ сводчатыхъ подвалахъ.

Такъ какъ великій князь слышалъ объ этомъ отличномъ и ученомъ человѣкѣ, Іоаннѣ Веттерманѣ, много хорошаго про его добродѣтели и знанія, потому велѣлъ отворить свою великолѣпную либерею, которую не открывали болѣе ста лѣтъ слишкомъ и пригласилъ чрезъ своего высшаго канцлера и дьяка Андрея Солкана (Щелкаловъ) Никиту Высровату (Висковатовъ) и Фунику (Фуниковъ), вышеозначеннаго Іоанна Веттермана и съ нимъ еще нѣсколькихъ лицъ, которые знали московитскій языкъ, какъ то: Ѳому Шревена, Іоахима Шредера и Даніэля Браккеля и въ ихъ присутствіи велѣлъ вынести нѣсколько изъ этихъ книгъ. Эти книги были переданы въ руки магистра Іоанна Веттермана для осмотра. Онъ нашелъ тамъ много хорошихъ сочиненій, на которыя ссылаются наши писатели, но которыхъ у насъ нѣтъ, такъ какъ они сожжены и разрознены при войнахъ, какъ то было съ птоломсевой и другими либереями. Веттерманъ заявилъ, что, хотя онъ бѣденъ, но отдалъ бы все свое имущество, даже всѣхъ своихъ дѣтей, чтобы только эти книги были въ протестанскихъ университетахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, эти книги принесли бы много пользы христіанству

Канцлеръ и дьякъ великаго князя предложили Веттерману перевести какую-нибудь изъ этихъ книгъ на русскій языкъ, и если онъ согласится, то они предоставятъ въ его распоряженіе тѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ лицъ и еще другихъ людей великаго князя и нѣсколько хорошихъ писцовъ, кромѣ того постараются, что Веттерманъ съ товарищами будутъ получать отъ великаго князя кормы и хорошіе напитки въ большомъ изобиліи, а также получатъ хорошее помѣщеніе и жалованіе и почетъ, а если они только останутся у великаго князя, то будутъ въ состояніи хлопотать и за своихъ. Тогда Веттерманъ съ товарищами на другой день стали совѣщаться и раздумывать, что-де какъ только они кончатъ одну книгу, то имъ сейчасъ же дадутъ переводить другую и, такимъ образомъ имъ придется заниматься подобною работою до самой своей смерти; да кромѣ того благочестивый Веттерманъ принялъ и то во вниманіе, что, принявъ предложеніе, ему

придется совершенно отказаться отъ своей паствы. Поэтому они приняли такое рѣшеніе и въ отвѣтъ передали великому князю: когда первосвященникъ Онаній прислалъ Птоломею изъ Іерусалима въ Египетъ 72 толковника, то къ нимъ присоединили наиученѣйшихъ людей, которые знали писаніе и были весьма мудры; для успѣшнаго окончанія дѣла по переводу книгъ слѣдуетъ, чтобы при совершеніи перевода присутствовали не простые міряне, не наиумнѣйшіе, знающіе писаніе и начитанные люди. При такомъ отвѣтѣ Солканъ, Фуника и Высровата покачали головами и подумали, что если передать такой отвѣтъ великому князю, то онъ можетъ имъ прямо навязать эту работу (т. е. велитъ присутствовать при переводѣ) и тогда для нихъ ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ имъ придется тогда, что и навѣрно случится, умереть при такой работѣ точно въ цѣпяхъ. Потому они донесли великому князю, будто нѣмцы сами сказали, что попъ ихъ слишкомъ несвѣдущъ, не настолько знаетъ языки, чтобы выполнить такое предпріятіе. Такъ они всѣ и избавились отъ подобной службы. Веттерманъ съ товарищами просили одолжить имъ одну книгу на 6 недѣль; но Солканъ отвѣтилъ, что если узнаетъ про это великій князь, то имъ плохо придется, потому что великій князь подумаетъ будто они уклоняются отъ работы. Обо всемъ этомъ въ послѣдствіи мнѣ разсказывали сами Томасъ Шрефферъ и Іоаннъ Веттерманъ. Книги были страшно запылены, и ихъ снова запрятали подъ тройные замки въ подвалы.

Въ 1567 году, великій князь потребовалъ къ себѣ въ Москву бывшаго, а теперь плѣннаго магистра Фюрстенберга, а также Іоанна Таубе, бывшаго манрихтера въ рижской епархіи и Эйлерта Крузе, бывшаго епархіальнаго фогта, и предложилъ, что если онъ, Фюрстенбергъ, откажется отъ присяги, которую далъ императору, и присягнетъ отъ имени всѣхъ ливонскихъ сословій и городовъ великому князю и его будущимъ преемникамъ, какъ настоящему наслѣдному властителю, то великій князь снова возвратитъ его въ Ливонію и возстановитъ въ прежнемъ званіи на весьма снисходительныхъ условіяхъ. Послѣ этого великій князь потребовалъ, чтобы магистръ Фюрстенбергъ отвѣтилъ на это предложеніе. Подумавъ, магистръ передалъ великому князю такой отвѣтъ. онъ весьма благодаренъ великому князю за получаемое, согласно обѣщанія, содержаніе, приличествующее сану его, магистра, и онъ надѣется, что это будетъ продолжаться и впредь. А что бы изъ за своего несчастія, въ которое онъ впалъ, сдѣлаться клятвопреступникомъ противъ своей чести и присяги, данной римской имперіи, такъ онъ не можетъ этого по своей совѣсти сдѣлать, и потому проситъ великаго князя не обращаться къ нему съ такими предложеніями, потому что онъ лучше кончитъ свою жизнь съ незапятнанною совѣстью въ изгнаніи, чѣмъ избавится отъ него, совершивъ противное своей совѣсти. Послѣ такого отвѣта, великій князь, почти разсер-

дившись, велѣлъ его отвезти назадъ въ Лублинъ (Любимъ), гдѣ онъ впослѣдствіе и скончался.

Іоаннъ же Таубе и Эйлертъ Крузе благодарили великаго князя за милость, которую онъ думаетъ оказать бѣднымъ угнетеннымъ ливонцамъ и, хотя бывшій магистръ Фюрстенбергъ не хочетъ съ благодарностію принять этой милости, вслѣдствіе своихъ преклонныхъ лѣтъ, но тѣмъ не менѣе они просятъ, чтобы великій князь не лишалъ ливонцевъ предлагаемой милости. Пусть великій князь позволитъ имъ написать герцогу курляндскому, а также и коадъюторамъ, а если герцогъ на это не согласится, то къ герцогу Магнусу на Эзель. Герцогъ Магнусъ, нѣтъ сомнѣнія, согласится съ величайшею благодарностью на предлагаемое при хорошихъ условіяхъ, если только великій князь передастъ ему Ливонію въ видѣ лена, и тогда ему, герцогу, всѣ ливонскіе города и сословія охотно подчинятся.

Это предложеніе такъ понравилось великому князю, что онъ тотчасъ же выпустилъ ихъ обоихъ на волю, одарилъ ихъ землями и людьми и поручилъ имъ обдѣлать это дѣло какими бы то нибыло средствами, въ чемъ имъ будутъ помогать великаго князя приказы и канцеляріи. Тогда они просили отпустить ихъ обоихъ въ Ливонію, чтобы можно было обдѣлать и устроить дѣло на мѣстѣ; на это великій князь согласился, одарилъ ихъ деньгами и всякимъ добромъ и отправилъ въ Дерптъ съ приказомъ отвести каждому изъ нихъ по лучшему изъ тамошнихъ домовъ для жительства.

Когда такимъ образомъ Іоаннъ Таубе и Эйлертъ Крузе съ большимъ великолѣпіемъ прибыли въ Дерптъ, то они немедленно приступили къ исполненію своего порученія и написали сначала герцогу курляндскому и нѣкоторымъ знатнымъ лицамъ въ этомъ епископствѣ, чтобы они побудили герцога принять великокняжеское предложеніе; но это было понапрасну Готгардъ Кетлеръ былъ уже леннымъ герцогомъ курляндскимъ отъ польской короны. Тогда они попробовали своего счастья у герцога Магнуса и достигли того, что великій князь объявилъ его королемъ всей Ливоніи и женилъ его на своей близкой родственницѣ, дочери князя Владиміра[1]).

Между тѣмъ они старались доставить ревельскій замокъ великому князю, потому что въ 1570 году шведскій полковникъ Клаусъ Курсель взялъ ревельскій замокъ и прогналъ оттуда шведскаго губернатора Габріэля Христіенсона и ревельскій замокъ имъ удалось бы передать во власть Магнуса, если бы листъ не повернулся и Габріель Христіенсонъ въ томъ же году не взялъ обратно замокъ Ревель въ великую пятницу, ночью. Черезъ это уловка не удалась. Впрочемъ,

---

[1]) Многія и болѣе обстоятельныя подробности изложены въ Прибал. Сб. III, 169—189. Прим. пер.

это все имѣло видъ будто герцогъ Магнусъ долженъ былъ прислать Клаусу Курселю 200 нѣмецкихъ кнехтовъ изъ Аренсбурга въ городъ Ревель, ради чего Курсель имѣлъ уже переговоры съ герцогскими послами, которыхъ онъ велѣлъ провожать отъ Леаля съ 100 всадниками[1]).

Переговоры между великимъ княземъ и герцогомъ Магнусомъ все продолжались, благодаря стараніямъ Іоанна Таубе и Эйлерта Краузе, а также совѣтниковъ герцога Магнуса и его придворнаго священника Христіана Шроффера. Герцогъ Магнусъ въ это время приготовлялся къ путешествію и въ 1570 году, въ великій четвергъ, прибылъ въ Дерптъ. Тамъ онъ былъ принятъ очень радушно и, пробывъ до четверга послѣ Троицы, отправился въ Москву Вездѣ дорогой онъ былъ отлично принимаемъ и, когда прибылъ въ Москву, великій князь нѣсколько дней великолѣпно угощалъ его. Онъ и его свита были одарены разными богатыми подарками, какъ то. великолѣпными шубами, соболями, куницами, бѣличьими мѣхами, золотыми и серебряными вещами, бархатомъ и шелкомъ, всякой серебряной посудой и золотомъ, и онъ былъ объявленъ королемъ Ливоніи, а когда онъ прибылъ обратно въ Ливонію, то ему былъ переданъ Оберпаленъ Это и составило все его королевство! Самое лучшее, что произошло при этой сдѣлкѣ было то, что многіе несчастные ливонцы были выпущены изъ плѣна[2]).

Въ 1570 году, 21 августа, герцогъ Магнусъ съ тремя или четырьмя знаменами (отрядами) нѣмецкихъ рейтеровъ и нѣсколькими тысячами русскихъ, данныхъ ему великимъ княземъ, осадилъ городъ Ревель и сталъ обстрѣливать городъ всякими снарядами и большими каменными ядрами, большаго вреда городу не причинилъ; онъ также написалъ городу, предлагая сдаться ему и обѣщалъ большія льготы и угрожалъ жестокимъ насиліемъ, если они не захотятъ сдаться; но ревельцы не обратили вниманія ни на его милость, ни на его гнѣвъ.

Въ 1570 году, 16 октября, подъ Ревель пришло еще болѣе народу, по имени «априсы» (Aprissen — опричники), которые очень жестоко обращались съ бѣдными людьми, грабили, убивали и жгли.

Въ 1571 году, 12 января, лагерь еще увеличился прибытіемъ

---

[1]) См. Прибл. Сб. III, 182—194. Взятіе Ревеля Курселемъ, очевидно произошло съ предварительнаго соглашенія съ герцогомъ Магнусомъ, хотя Курсель и утверждалъ, что онъ и его приверженцы сдѣлали это потому, что уже часто обращались съ просьбою о полученіи слѣдуемаго имъ жалованія у намѣстника, но оставались неудовлетворенными, а между тѣмъ они задожали другимъ людямъ, которые и требовали съ нихъ возврата долга, поэтому имъ ничего болѣе не оставалось какъ только занять замокъ и удержать его, какъ залогъ. Эту отговорку не нашли удовлетворительною и Курсель скоро послѣ этого, именно 3 іюня 1570 года, былъ обезглавленъ.

[2]) Другія подробности см. въ Прибл. Сб. III, 188.

Прим. пер.

новаго отряда съ большими пушками и мортирами. При сильномъ холодѣ, устроили шанцы еще ближе къ городу и 13 января много стрѣляли въ городъ большими каменными ядрами, отъ 16-ти до 25-ти фунтовъ, но тѣмъ вреда нанесли мало.

Въ 1571 году, 22 февраля, были ночью переброшены чрезъ ревельскія городскія стѣны письма отъ герцога Іоанна изъ Помераніи, которыя возвѣщали городу и утѣшали его извѣстіемъ, что въ заключенномъ въ Штетинѣ договорѣ между королями датскимъ и шведскимъ включаются статьи въ пользу Ревеля; это утѣшеніе очень обрадовало ревельцевъ.

Въ 1871 году, 2 марта, ревельцы заразъ изъ двухъ частей города сдѣлали вылазку, ударили на врага и нанесли ему порядочный уронъ, тогда были убиты молодой Эйлертъ Крузе, одинъ Будденброкъ, одинъ изъ Врангелей и еще многіе другіе. А до тѣхъ поръ и послѣ было много стычекъ. Во время этой осады король шведскій выслалъ въ Михайловъ день два флота къ Вику, одинъ изъ Кальмара, а другой изъ Финляндіи, которые остановились у ревельскаго рейда и препятствовали непріятелю отрѣзать ревельцамъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Послѣ осады, продолжавшейся 30 недѣль, осаждающіе подожгли 6 марта свой лагерь и рано утромъ отступили, большая часть русскихъ въ Нарву, а герцогъ Магнусъ въ Оберпаленъ[1]

Въ 1563 году московитъ взялъ у короля польскаго городъ и княжество Полоцкъ и для этого употребилъ всю свою силу, а причины войны были тѣ, что ему отказала въ рукѣ своей принцесса Екатерина, которая была обручена съ герцогомъ финляндскимъ, посватавшимся за нее, а также и то, что король польскій присвоилъ себѣ Ливонію.

Въ 1571 г., въ Вознесенье, татары сожгли Москву; при пожарѣ сгорѣло нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Въ 1570 году, когда Герцогъ Магнусъ прибылъ изъ Москвы, было позволено дерптскимъ бюргерамъ возвратиться изъ московитскихъ городовъ въ свое отечество, въ Дерптъ. Лучше бы имъ тамъ оставаться, потому что въ 1571 году, когда осада Ревеля не удалась и Іоаннъ Таубе и Эйлертъ Крузе ничего хорошаго со стороны великаго князя ожидать не могли, а должны были опасаться немилости, такъ какъ они подали ему слишкомъ большія надежды на покореніе города Ревеля и всей Ливоніи, они послали изъ Дерпта одного дворянина, по имени Дириха Каля, который, какъ онъ мнѣ самъ то разсказывалъ, долженъ былъ отправиться къ королю польскому съ обѣщаніемъ, что если они, Таубе и Крузе, будутъ пользоваться у короля такими же почестями и имѣніями, какими пользовались у великаго князя, то будутъ тѣломъ и душою стараться взять и завоевать

[1]) Объ осадѣ Ревеля см. Приб. Сб. III, 195, 200 303. Прим. пер.

для короля городъ Дерптъ; но только пусть король держитъ на готовѣ въ рижской епархіи ратныхъ людей, чтобы тѣ могли подать помощь для завоеванія города. Это король одобрилъ, далъ имъ конвой, послалъ также въ Ливонію Коткѣвича (Ходкѣвича), чтобы тотъ подалъ помощь, когда потребуется. Послѣ этого вышеупомянутый Таубе и Крузе тайкомъ вывезли изъ города все свое имущество и наличныя деньги въ свои имѣнія и тамъ стали мастерить свое дѣло они подстрекали мужиковъ собираться кучами и жаловаться дерптскому намѣстнику и боярамъ на то, что ратные люди слишкомъ ужъ долго сидятъ у нихъ на шеѣ и ихъ раззоряютъ въ конецъ, что слѣдуетъ тѣхъ ратныхъ разставить по квартирамъ въ другихъ мѣстахъ. Между ратными людьми, расквартированными въ дерптской епархіи стояли съ двумя небольшими отрядами Рейнгольдъ фонъ Розенъ и Гансъ фонъ Зейтце (оба состояли въ русской службѣ).

Тогда намѣстникъ позвалъ къ себѣ Іоанна Таубе и Эйлерта Крузе и разсказалъ имъ о крестьянскихъ жалобахъ, не подозрѣвая, что къ жалобамъ подговорили именно Таубе и Крузе. Оба они и предложили намѣстнику, что де лучше будетъ, если вышеупомянутые два отряда разставить по другую сторону города Дерпта, переправивъ чрезъ рѣку На это намѣстникъ возразилъ, что нельзя ихъ всѣхъ сразу переправить, а что слѣдуетъ переправить сначала одинъ отрядъ, потому что имъ надо перейти мостъ, который построенъ на рѣкѣ какъ разъ противъ городскихъ воротъ, а этотъ мостъ и рѣчка отстоитъ не болѣе 12-ти или 15-ти шаговъ отъ городскихъ воротъ. Какъ только такъ порѣшили, Таубе и Крузе позвали къ себѣ Рейнгольда фонъ Розена, преклонили его на свою сторону и открыли ему свой планъ, что хотятъ рискнуть нападеніемъ на городъ, дали ему тайно денегъ, пороху и свинца, для того, чтобы привлечь на свою сторону гофлейтовъ[1]). Они также привлекли на свою сторону самыхъ вліятельныхъ изъ отряда, которымъ можно было довѣриться, разсказали имъ про все дѣло и предупредили, чтобы они держали свои ружья и патроны наготовѣ и хорошенько стояли за свое дѣло и убивали воеводъ, если

---

[1]) Около половины 16 столѣтія когда ливонскій орденъ распался и Ливонія подчинилась польской коронѣ, появились, по словамъ Кельха, ливонскіе гофлейты. Магистръ вмѣстѣ съ главными членами ордена перешелъ въ свѣтское званіе, его примѣру мало по малу послѣдовали и другіе рыцари, поступивъ на службу частью къ польскому королю, частью къ своему прежнему главѣ ордена, а нынѣ герцогу курляндскому. Одни изъ нихъ получили помѣстья, другіе годовое содержаніе; тѣже, на долю которыхъ не пришлось ничего, соединились съ дворянами, которые при нападеніи русскихъ потеряли все что имѣли, выбрали изъ своей среды начальниковъ и вступили въ шведскую службу. Для того, чтобы не быть причисленными къ разряду обыкновенныхъ рейтеровъ, они стали себя называть „гофлейтами“ Подъ этимъ именемъ они были долго извѣстны въ XVI-мъ вѣкѣ. Впрочемъ, это названіе употреблялось еще въ XV-мъ вѣкѣ и обозначало вообще всадника-солдата. Такъ у Рюссова читаемъ: „Для этой осады отправились гофлейты или всадники и шведы и нѣмцы“ Ніенштедтъ упоминаетъ подъ 1602-мъ годомъ о перновскихъ гофлейтахъ.

(Примѣчаніе Тилемана).

тѣ вздумаютъ перебираться черезъ мостъ; но никто не долженъ стрѣлять раньше, пока не выстрѣлитъ ротмистръ Розенъ.

Послѣ этого Таубе и Крузе назначили по своимъ часамъ время выполненія замысла, поставили свои часы по часамъ другъ друга, и условились, что они ровно въ двѣнадцать часовъ, въ воскресенье, такъ какъ въ это время русскіе послѣ обѣдни обѣдаютъ и обыкновенно послѣ обѣда ложатся спать, приступятъ къ выполненію задуманнаго предпріятія. Таубе долженъ былъ къ этому времени прибыть изъ своего двора, остановиться со своими слугами у соборныхъ замковыхъ воротъ и тамъ задерживать бояръ, толкуя съ ними, пока не услышитъ сигнала т. е. когда выстрѣлитъ Рейнгольдъ фонъ Розенъ, и тогда онъ долженъ самъ стрѣлять и занимать ворота и въ случаѣ нужды держать ихъ отпертыми. У Эйлерта Крузе былъ большой домъ на широкой улицѣ, который прежде принадлежалъ знаменитому бургомистру, блаженной памяти покойному Эбергардту ф. Нейенштедену У этого дома широкія ворота, какъ разъ приходятся у русскихъ воротъ. Крузе впускалъ къ себѣ въ домъ по нѣскольку рейтеровъ, которые были готовы. Крузе былъ хорошій и мужественный воинъ, который не страшился врага, что онъ часто и доказывалъ на дѣлѣ, Таубе же не могъ съ нимъ сравняться въ этомъ. Планъ былъ такой какъ только Розенъ дастъ сигналъ выстрѣломъ, то онъ, Крузе, будетъ рубить караулъ въ русскихъ воротахъ, займетъ самыя ворота, встрѣтитъ на рынкѣ Розена и его людей и вмѣстѣ съ ними будутъ держаться въ городѣ столько времени, пока не подоспѣетъ къ нимъ другой ротмистръ, Гансъ фонъ Зейтце, за которымъ они уже послали. Когда такимъ образомъ все было условлено, время нападенія было назначено на воскресенье, 12 октября 1571 года, Розенъ перешелъ черезъ мостъ къ воротамъ, подъѣхалъ къ караулу, подалъ боярину, начальствующему надъ карауломъ, руку и сталъ дружески разговаривать съ нимъ. У него уже былъ на готовѣ пистолетъ въ сапогѣ, также какъ и у другихъ, кому только былъ довѣренъ весь заговоръ и которые ѣхали въ небольшомъ отъ него разстояніи, тутъ онъ, обернувшись къ своимъ, далъ сигналъ, прицѣлилея и застрѣлилъ боярина, такъ что тотъ палъ на мѣстѣ. Тогда весь отрядъ бросается впередъ, открываетъ пальбу по караулу, такъ что дымъ пошелъ столбомъ. Таубе и Крузе, ждавшіе сигнала, какъ только услышали выстрѣлы, долго не медлили и перестрѣляли оба другіе караула въ обѣихъ воротахъ. Въ особенности горячо сражался Крузе онъ занялъ и заперъ свои ворота, вскорѣ потомъ явился на помощь Розену на рынокъ и яростно кинулся на русскихъ, разбилъ всѣ тюрьмы, выпустилъ всѣхъ заключенныхъ; тѣ схватили оружіе убитыхъ и стали помогать нападающимъ сколько то было въ ихъ силахъ. Онъ кликнулъ также кличъ бюргерамъ, чтобы они выходили изъ своихъ домовъ и помогали защищать ихъ свободу; но бюргеры со страху за-

перли свои дома, да у нихъ и не было никакаго оружія. Хотя Розенъ занималъ цѣлыхъ два часа улицы, убивая кто былъ на нихъ, но бояре и стрѣльцы, бывшіе въ гарнизонѣ, первымъ дѣломъ заперли дома, вооружились, и начали отстрѣливаться, даже женщины кидали черепицами изъ оконъ домовъ, при чемъ поранили многихъ гофлейтовъ. Наконецъ стоявшіе въ форштатахъ ратные люди, между которыми было много стрѣльцовъ, вмѣстѣ съ форштадскими и русскими купцами, вооружившись дубинами, копьями и топорами, бросились на ворота, не достаточно сильно занятыя, разломали ихъ и всею толпою проникли въ городъ. Какъ только замѣтилъ это Розенъ, онъ быстро и проворно кинулся на вломившуюся толпу и хотя застрѣлилъ многихъ, но русскіе такъ стремительно бросились на него, что онъ тутъ же, въ воротахъ, со многими изъ своихъ, поплатился жизнію; а тутъ другіе русскіе повыступили изъ своихъ домовъ и каждый сталъ сражаться, такъ что гофлейтамъ пришлось покидать городъ; всѣ кто только смогъ бѣжать, убѣжали черезъ соборныя ворота, которыя Іоаннъ Крузе оставилъ открытыми. Такимъ образомъ русскіе удержали за собою городъ и крѣпость. Если бы на помощь къ Таубе и Крузе пришелъ отрядъ Ганса Зейтцена, то можетъ быть ихъ предпріятіе и удалось бы: но это не случилось.

Когда такимъ образомъ сообщники Таубе и Крузе были выбиты изъ города, то за все это пришлось расплачиваться бѣднымъ, невиннымъ бюргерамъ съ ихъ женами и дѣтьми русскіе бросились на бюргерскіе дома и, кто не успѣлъ спрятаться, всѣ были безчеловѣчно перебиты, у мущинъ, женщинъ и дѣвицъ постыднымъ образомъ отбирали имущество, платья и драгоцѣнности; все, что ни нашли, обобрали.

Добрый Яковъ Шредеръ, которому вѣрно предсказало сердце, какъ онъ говорилъ со мной въ Новгарденѣ (Новгородѣ), и который убѣжалъ отъ чумы, постигшей городъ, теперь былъ невинно умерщвленъ съ женой и дѣтьми и со всею челядью, а все его имущество было разграблено. Такимъ образомъ поступили со всѣми несчастными бюргерами, которыхъ только застигли въ первомъ пылу, въ первые два или три дня, а немногіе, кто остался въ живыхъ, были отправлены въ Москву, въ изгнаніе. Таубе и Крузе еще раньше выслали изъ города своихъ женъ, дѣтей, челядь со всѣмъ имуществомъ, на случай если ихъ предпріятіе не удастся. Они отправились къ польскому королю и выхлопотали себѣ то, что получили новый гербъ, шлемъ и щитъ, титулъ бароновъ и королевскихъ совѣтниковъ и получили замки и бурги, земли и людей. Іоанну Таубе дали замокъ Сесвегенъ, Укскуль и Кирхгольмъ; Эйлерту Крузе — крѣпкій замокъ Трейденъ, что приличествовало ихъ званію.

Какъ только извѣстили герцога Магнуса объ этомъ дѣлѣ и объ его исходѣ, онъ, побоявшись подозрѣнія и гнѣва великаго князя, на-

писалъ ему свое оправданіе, что онъ ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ и совершенно невиненъ въ немъ, а чтобы не подвергаться никакой опасности, такъ какъ отрядъ Юргена Тизенгаузена[1]) почти весь былъ захваченъ и переловленъ, то онъ и рѣшился для большей безопасности переѣхать на Эзель, въ Аренсбургъ, и тамъ ожидать отвѣта великаго князя. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Приговоръ надъ Іоанномъ Таубе и Эйлертомъ Крузе предоставляю я произнести какъ кому угодно; о нихъ думаютъ, въ чемъ они впослѣдствіи и были обвинены въ 1582 году предъ королемъ Стефаномъ, что они сообщали великому князю много, чего не было на самомъ дѣлѣ; но они оправдались увѣреніемъ, что они все это дѣлали для блага отечества и король Стефанъ принялъ это оправданіе, будто бы они тѣмъ удержали или помѣшали многимъ набѣгамъ непріятеля, такъ какъ, собственно говоря, въ то время, будучи плѣнниками, они иначе и поступить не могли.

Что же касается попытки захватить Дерптъ, то они сказали, что хотя великій князь и намѣревался уступить Ливонію герцогу Магнусу, но въ сущности ему этого не хотѣлось уступка должна была служить ему какъ бы мостомъ, чрезъ который онъ могъ отлично перебраться, чтобы завоевать всю Ливонію. Поэтому, какъ только они замѣтили такое намѣреніе и лукавство, то съ спокойною совѣстью измѣнили ему, не желая помогать увеличенію горя ихъ отечества, и искали помощи у короля польскаго, который, какъ христіанскій государь, вмѣстѣ съ единодушнымъ совѣтомъ сословій предпринялъ спасти страну, за это дѣло они готовы жертвовать и собою и своимъ имуществомъ.

Хотя въ концѣ концовъ ихъ предпріятіе принесло вредъ городу, но всѣ безпристрастные люди должны согласиться, что если имъ тогда удалось бы освободить городъ изъ подъ власти великаго князя, то каждый навѣрно обрадовался бы этому и восхвалялъ бы этотъ поступокъ; а что не всегда случается такъ, какъ хочешь, то это очень часто узнавали на опытѣ разные князья и господа, которымъ даже и много удавалось.

Въ 1570 году, въ великую пятницу, шведы напали въ расплохъ на городъ Ревель и захватили его, а Клаусъ Курсель былъ осужденъ въ Ревелѣ 31 мая, а 3 Іюня былъ казненъ мечомъ вмѣстѣ со своимъ писцомъ Бальтцеромъ Геллеромъ, а также и съ Фромгольдомъ Дюккеромъ и Генрихомъ Гаке.

Послѣ этого шведы нѣсколько недѣль осаждали, а потомъ взяли приступомъ городъ Леаль, который былъ данъ въ ленъ Клаусу

---

[1]) См. Прибл. Сб. III, 209.

Прим. пер.

Курселю, и тамъ поставили на его мѣсто гауптмана Нильса Доббелера, который измѣнилъ Курселю. Послѣ этого московитъ, чтобы снова занять городъ, направился къ Вику съ двумя отрядами гофлейтовъ, которые перешли къ нему, но русскіе опоздали, они исходили только страну и перебили много шведовъ и гофлейтовъ.

Въ 1569 году, 9 іюля, прибыли на ревельскій рейдъ болѣе 30 датскихъ и любекскихъ кораблей, разграбили тамъ болѣе 30-ти шведскихъ торговыхъ кораблей и шкунъ, наполнили свои корабли дорогими товарами, сожгли также много кораблей и, если бы они были попроворнѣй, то могли бы легко завладѣть городомъ при туманной погодѣ.

Въ это же время, 10 іюля, въ Швеціи былъ коронованъ король Іоаннъ.

Если бы я захотѣлъ описывать дальнѣйшія событія, которыя произошли между королями польскимъ и шведскимъ, и описывать, что происходило между московитомъ и герцогомъ Магнусомъ; далѣе какъ шведы осаждали вмѣстѣ съ шотландцами замокъ Везенбергъ и изъ-за него передрались другъ съ другомъ, при чемъ были убиты 1,500 шотландцевъ[1]) и они съ бранью отступили, и какъ послѣ того имъ удалось поджечь замокъ брандкугелями и взять его; затѣмъ, какъ шведы осадили Оберпаленъ, а московитъ взялъ Вейссенштейнъ, потомъ какъ шведы отступали къ Вику, а московитъ сталъ преслѣдовать ихъ, какъ они изъ необходимости должны были остановиться и съ Божьею помощью одержали надъ московитомъ побѣду; затѣмъ, какъ московитъ взялъ у шведовъ замокъ Каркусъ, какъ Генрихъ Клаусенъ зимою 1577 года, при глубокомъ снѣгу, былъ разбитъ у Рунеферской мельницы поляками и перновскими гофлейтами, какъ шведы завладѣли монастыремъ Падисомъ и т. д., если бы я захотѣлъ все это разсказывать, то потребовалось бы много времени, а такъ какъ все это находится въ «ревельской хроникѣ»[2]), то я, ради краткости, удовольствуюсь слѣдующимъ

Въ 1571 году, въ мартѣ, московитъ вторгся въ Финляндію съ убійствами и пожарами, опустошилъ страну и вывелъ отдуда много тысячъ людей въ Россію и Тартарію, а также перебилъ болѣе 600 бродячихъ крестьянъ при рѣчкѣ Муддѣ.

Въ 1572 г. Юргенъ Фаренсбахъ съ нѣсколькими гофлейтами былъ назначенъ московитомъ воевать съ татарами.

Въ 1573 году, на Jubilate (3-я недѣля послѣ Пасхи) герцогъ Магнусъ праздновалъ свою свадьбу съ дочерью князя Владиміра, который съ сыномъ былъ казненъ великимъ княземъ.

---

[1]) Это случилось 17 марта 1574 года. См. Приб. Сб. III, 227

[2]) Т. е. въ хроникѣ Рюссова.

Прим. пер.

Въ 1575 году, 9 іюля, московитъ занялъ Перновъ, послѣ того какъ городъ отбилъ нѣсколько приступовъ и болѣе не былъ въ состояніи держаться.

Въ 1577 году поляки разбили шведское войско зимою у Рунефера на викской границѣ, гдѣ и погибло въ снѣгу 20,000 шведовъ.

Въ 1577 году, 27 августа, шведы съ нѣсколькими кораблями подожгли и уничтожили три крѣпкихъ блокгауза при устьѣ рѣки Наровы, въ одномъ изъ которыхъ были сожжены 75 русскихъ.

Въ 1581 году шведы взяли штурмомъ нѣмецкую Нарву и перебили тамъ всѣхъ московитовъ съ женами и дѣтьми. Около того же времени они завоевали Ивангородъ и Ямгородъ.

Въ 1582 году великій князь велѣлъ снова осадить Нарву и сильно обстрѣливать, тогда шведы уступили Ивангородъ, но удержали за собою на этотъ разъ нѣмецкую Нарву

Въ 1577 году, 23 января, московитъ послалъ своего полководца Ивана Васильевича Зелемятина (Шереметева)[1]), съ большимъ числомъ стрѣльцовъ и 50,000 воинами подъ городъ Ревель, попробовать счастія у этого города, и также привезъ съ собою болѣе 50 большихъ и малыхъ полевыхъ пушекъ и мортиръ, изъ которыхъ можно было стрѣлять и каменными и огненными ядрами, а вмѣстѣ съ ними и болѣе 2,000 бочекъ пороху, а для полевыхъ пушекъ по 700, 800, 900 и по 1,000 ядеръ, чтобы стрѣлять ими въ городъ. Онъ построилъ весьма сильныя укрѣпленія съ крѣпкими блокгаузами и рвами предъ городомъ, имѣлъ также и минеровъ, вообще сдѣлалъ все, что только возможно для овладѣнія городомъ, но городъ храбро защищался, вступалъ съ непріятелемъ во многія стычки и даже подъ конецъ занялъ большой шанецъ, который долго отстаивалъ полководецъ со своими русскими. Простоявъ предъ городомъ 7 недѣль и потерявъ отъ стрѣльбы съ валовъ и городскихъ башень около четырехъ съ половиною тысячъ народу, московитъ ничего не могъ сдѣлать со своею многочисленною артиллеріею и долженъ былъ съ позоромъ отступить 1577 года, 11 марта. Въ городѣ погибло народу не болѣе 200 человѣкъ.

Когда московитъ снова двинулся на Ревель, то было позволено всѣмъ шведскимъ ратнымъ людямъ, бюргерамъ и крестьянамъ опустошать земли, какія только находятся во владѣніи у московита. Тогда они разбрелись по окрестностямъ кучами и отрядами и столько съ собой привели въ Ревель всякаго скота и имущества, что подъ конецъ никто въ Ревелѣ и не покупалъ скота. Этимъ они занимались все лѣто, сожгли и опустошили замки Пернау, Вейссенштейнъ и Леаль, при чемъ перебили множество русскихъ.

---

[1]) Подробности см. Прик. Сб. Ш, 254—277.

Прим. пер.

Послѣ того (объ этомъ я еще впослѣдствіи сообщу) какъ московитъ занялъ рижскую епархію въ 1577 году и снова оставилъ страну, одинъ дворянинъ, по имени Іоаннъ Плате, ротмистръ, напоилъ извѣстнымъ средствомъ всѣхъ московитовъ въ Динабургѣ и послѣ этого вошелъ въ замокъ и занялъ его и перебилъ всѣхъ находившихся тамъ московитовъ. Вскорѣ послѣ этого Маттіасъ Дембинскій снова занялъ сожженный замокъ Зонцель, а также взялъ и Арль, при чемъ захватилъ хорошую добычу, и также занялъ много другихъ дворовъ, такъ что къ нему присоединились многіе изъ дворянства, чѣмъ онъ нанесъ большой вредъ великому князю.

Такимъ же образомъ и Іоаннъ Бюринъ, королевскій секретарь, собрался съ духомъ, набралъ къ себѣ нѣсколько товарищей и завоевалъ хитростью нѣсколько замковъ, каковы: Ропе, Трейденъ и Буртнекъ, гдѣ были нѣмцы. Потомъ онъ получилъ подкрѣпленіе и занялъ со своими товарищами, которые были отчаянные забіяки, чрезъ быстрый натискъ замокъ и городъ Венденъ, гдѣ и перебилъ всѣхъ московитовъ, а знатнѣйшихъ взялъ въ плѣнъ.

Это такъ разгнѣвало великаго князя что онъ тотчасъ выслалъ отрядъ войска съ множествомъ стрѣльцовъ, чтобы снова овладѣть замкомъ и городомъ[1]). Польскій король выслалъ на помощь Дембинскаго и Александра Ходкѣвича съ польскимъ войскомъ. Когда тѣ прибыли собрали разогнанныхъ ливонцевъ въ отряды, чтобы напасть на врага у Вендена, русскіе ночью снялись съ лагеря и отступили къ Ронненбургу, что еще болѣе разсердило московита, такъ что онъ даже сказалъ «Если плохой писецъ можетъ взять крѣпость, то я пошлю противъ него настоящаго писца», и послалъ тотчасъ своего канцлера Андрея Цулкова (Щелкалова) и воеводу съ войскомъ и пушками, чтобы взять крѣпость.

Когда они ее осадили, Дембинскій, тотъ самый, что прежде при первой осадѣ оборонялъ крѣпость и долженъ былъ тамъ ѣсть конину, собралъ всѣхъ поляковъ и нѣмцевъ, какіе только были у Гросъ-Ропе и, такъ какъ нѣсколько знаменъ шведскихъ рейтеровъ какъ разъ въ это время были недалеко и нѣсколько отрядовъ пѣшихъ кнехтовъ бродило по краю, потому Дембинскій соединился съ этими кнехтами и послалъ ротмистра Клауса Корфа въ Тарвастъ, который и уговорилъ шведовъ пробыть въ Ропе. Тамъ устроили они небольшой совѣтъ, переправили нѣсколько полевыхъ орудій черезъ Аа и единодушно съ Божьею помощью кинулись на войска московита, съ которымъ и стали яростно сражаться. Они обратили его въ бѣгство взяли его шанецъ и 26 большихъ полевыхъ орудій, которыя и были посланы въ Динаминде. У поляковъ и нѣмцевъ было мало убитыхъ

---

[1]) Подробности см. Прив. Сб. III, 269—278.

Прим. пер.

только 200 человѣкъ шведовъ потерпѣли отъ пороха московита, да одинъ знатный воинъ Гансъ Вахтмейстеръ, который принесъ много пользы въ этомъ сраженіи, былъ смертельно раненъ. Канцлеръ великаго князя былъ также опасно раненъ.

Въ 1577 году, послѣ кончины короля польскаго Сигизмунда-Августа, при новомъ избраніи короля, нѣкоторые подавали свой голосъ за римскаго императора Максимиліана, а другіе за седмиградскаго князя рода Баторіевъ изъ Венгріи, Стефана, который, будучи умнымъ и опытнымъ человѣкомъ, хорошо соблюдалъ свои интересы. Стефанъ прибылъ въ Краковъ, тамъ женился на сестрѣ покойнаго короля, Аннѣ, за тѣмъ короновался, а послѣ тотчасъ же явился съ войскомъ предъ Данцигомъ, заставилъ городъ присягнуть польской коронѣ, и ему императоръ не могъ тогда ничѣмъ препятствовать. Это такъ раздосадовало императора, что онъ тотчасъ же рѣшился силой свергнуть Стефана. Онъ поэтому послалъ своихъ пословъ, между которыми былъ Даніэль Принцъ фонъ Бухау, въ Москву, уговорить великаго князя помочь низвергнуть Стефана, и тѣ возвратились скоро въ Ригу, устроивъ это дѣло. За этими послами двинулся лично самъ великій князь съ большимъ войскомъ къ Пскову, думая, что теперь какъ разъ наступило настоящее время овладѣть всею Ливоніею. Когда король Стефанъ былъ подъ Данцигомъ, великій князь написалъ герцогу Магнусу, чтобы тотъ тотчасъ же двинулся съ войсками къ Пскову, желая воспользоваться его помощью на всякій случай, а потомъ выслалъ чрезъ Ливонію отъ Пскова до Курляндіи нѣсколько тысячъ татаръ для развѣдокъ, не вооружаются ли гдѣ ливонцы противъ него. Эти татары убили нѣсколько гофлейтовъ и ротмистра Медема. Вскорѣ послѣ этого въ зонцельской области съ татарами встрѣтился полковникъ Матѳей Дембинскій, имѣвшій у себя нѣсколько польскихъ и нѣмецкихъ гофлейтовъ. Силы эти были слишкомъ слабы, татары обратили ихъ въ бѣгство; какой-то татарскій князь бросилъ уже на шею Дембинскаго арканъ, но мой слуга Стефанъ Вейнгардъ спасъ его отъ смерти онъ раскроилъ князю голову, но тутъ же самъ былъ изрубленъ въ куски. Когда эти-то татары принесли великому князю извѣстіе, что въ Ливоніи нѣтъ никакого войска, которое могло бы оказать ему сопротивленіе, онъ со своимъ войскомъ выступилъ изъ Пскова въ іюнѣ 1577 года, на Люценъ, Розиттенъ и Динабургъ и взялъ эти замки. Между тѣмъ тронулся въ походъ и герцогъ Магнусъ, на сторону котораго перешли нѣкоторые города, думая, что онъ будетъ сражаться за нихъ противъ великаго князя и защищать ихъ. Эти города были: Вольмаръ, Венденъ, Кокенгузенъ и другіе. Но великій князь не обратилъ на это вниманія, двинулся къ Кокенгузену и потребовалъ, чтобы его впустили въ городъ. Какъ тутъ быть? Они хотѣли вступить съ нимъ въ переговоры, но русскіе прямо вторгнулись въ городъ и заняли городъ и замокъ. Великій князь послѣ этого пошелъ на герцога Магнуса,

велѣвъ безжалостно перебить его людей, а уцѣлѣвшихъ увести въ плѣнъ. Въ Сесвегенѣ были слуги Іоанна Таубе и ландзассы; Сесвегенъ то онъ и сталъ обстрѣливать и осаждать. Великій князь скоро взялъ его и велѣлъ всѣхъ увести въ плѣнъ, а нѣкоторыхъ слугъ Таубе казнить. Онъ взялъ также и Ашераденъ, и тамъ стараго маршала Каспара фонъ Мюнстера, которому было за 80 лѣтъ и который отъ старости впалъ въ дѣтство, велѣлъ бичевать и подбрасывать такъ, что тотъ умеръ отъ этого; его двоюроднаго брата совершенно спившагося соборнаго попа Іоанна фонъ Мюнстера велѣлъ онъ увести плѣнникомъ въ Москву Тому удалось спастись тогда отъ смерти, онъ впослѣдствіи утонулъ въ Эльбѣ. Вскорѣ послѣ этого великій князь двинулся къ Вендену, куда бѣжали герцогъ Магнусъ, многіе дворяне, женщины и дѣвушки. Такъ какъ они не хотѣли сдать ему городъ, боясь, чтобы съ ними не случилось тоже, что и съ кокенгузенцами, то великій князь выстроилъ около него укрѣпленія и рѣшился взять его штурмомъ. Какъ только осажденные увидѣли, что они больше не въ состояніи защищать крѣпость, то самъ герцогъ Магнусъ отправился къ великому князю въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ. Такъ какъ герцогъ хотѣлъ устроить великому князю ловушку, то кто-то и выстрѣлилъ, но къ несчастію не во время, такъ что пуля упала недалеко отъ великаго князя. Тогда великій князь страшно разсвирѣпѣлъ, велѣлъ перерубить всѣхъ кто только былъ съ герцогомъ Магнусомъ изъ Вендена, а нѣкоторыхъ посадить на колъ герцогу же Магнусу пощадилъ жизнь и сказалъ. «Если бы ты не былъ сыномъ короля, то съ тобой, повѣрь, случилось бы тоже, что вотъ съ тѣми; я хотѣлъ дать тебѣ урокъ, что значитъ не исполнять моихъ приказаній, возмущаться противъ меня и забирать у меня предательски города и крѣпости» Послѣ этого онъ приказалъ отвести его въ палатку и стеречь.

Когда жители Вендена съ валовъ и башень увидѣли гибель спутниковъ герцога Магнуса и сообразили, что съ ними навѣрно также будетъ поступлено какъ съ кокенгузенцами, то всѣхъ обуялъ страхъ и ужасъ, а женщины и дѣвушки взобрались всѣ на башню, велѣли поджечь подъ ней порохъ и всѣ такимъ образомъ взлетѣли на воздухъ. Такимъ образомъ врагъ овладѣлъ крѣпостью, а всѣхъ, кого только было не выгодно уводить въ плѣнъ, изрубили. Тогда сдались великому князю всѣ крѣпости, сдачи которыхъ онъ только требовалъ, какъ то Маріенгаузенъ, Смильтенъ, Вольмаръ, Трикатенъ, Зегевальдъ, Кремонъ, Буртнекъ и другія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которыхъ онъ не могъ взять за позднимъ временемъ года. Голодъ скоро прогналъ его снова изъ страны[1]).

Рижскіе со своими кнехтами заняли Динамюнде, но московитъ не дошелъ до него; такимъ же образомъ рижскіе овладѣли и Кирхголь-

[1]) Подробности см. въ Прибл. Сб. III, 269—278 Прим. пер.

момъ. Московитъ же занялъ Ленварденъ, Ашераденъ, Кокенгаузенъ, Роннебургъ, Арле, Венденъ, Вольмаръ и другіе города. Герцога же Магнуса велѣлъ онъ оставить въ Каркусѣ и въ сентябрѣ мѣсяцѣ снова покинулъ страну изъ-за голода. По ту сторону Валка онъ долженъ былъ оставить на порядочное время своихъ стрѣльцовъ до тѣхъ поръ, пока не послалъ побольше людей, которые и проводили ихъ назадъ. Хотя по ту сторону Двины и были на ногахъ литовскіе господа, но не посмѣли ничего предпринять противъ этого могущественнаго врага. На этотъ разъ всей Ливоніи грозила большая опасность.

Но какъ только умеръ императоръ Максимиліанъ, на котораго московитъ очень надѣялся, король Стефанъ собралъ въ Польшѣ сеймъ, гдѣ и было рѣшено, что онъ долженъ выставить всю свою силу противъ московита, такъ чтобы тотъ уже не осмѣлился нападать на Ливонію. Король Стефанъ также заключилъ союзъ съ татарами, которые должны были напасть на московита съ тылу, заключилъ союзъ со своимъ зятемъ, королемъ Іоанномъ шведскимъ, чтобы тотъ напалъ на московита съ другой стороны, и возобновилъ прежній миръ съ турками.

Тогда, въ маѣ 1579 года, король Стефанъ отправился впервые со своимъ войскомъ отъ Вильды (Вильны) чрезъ Литву къ Полоцку, а это мѣсто московитъ крѣпко отстроилъ и укрѣпилъ. Король велѣлъ строить шанцы предъ Полоцкомъ, тутъ ему много пришлось работать, прежде чѣмъ удалось чего нибудь добиться, потому что московитъ укрѣпилъ крѣпость такими толстыми бревнами, что ядра мало вредили имъ. Король стоялъ подъ городомъ 12 недѣль, и погода и все было противъ него. Король много разъ вызывалъ московита изъ Полоцка въ чистое поле сразиться съ нимъ; но тотъ не слушалъ и не хотѣлъ слушать. Московитъ со всею своею силою выжидалъ удобнаго времени и разсчитывалъ, что если королю придется, ничего не достигши, отступить, то онъ пуститъ за нимъ по Литвѣ краснаго пѣтуха. Наконецъ король прибѣгнулъ къ такой хитрости: онъ велѣлъ придѣлывать огненныя ядра къ одному концу длиннаго шеста, на другомъ концѣ было желѣзное остріе. За тѣмъ такими ядрами начали изъ венгерскихъ орудій, которыхъ было 300, стрѣлять въ деревянныя стѣны, которыя прежде никакъ не могли загораться вслѣдствіе сырой погоды, шесты втыкались въ стѣны и загорались отъ огненныхъ ядеръ. Тогда начался пожаръ, и были наведены тяжелыя орудія разбивать больверкъ. Это такъ удачно пошло, что только искры посыпались. Тогда московиты сдались съ условіемъ свободнаго выхода и сдали крѣпость, которую король тотчасъ же и занялъ, а потомъ двинулся подъ замокъ Соколъ, гдѣ находились лучшіе ратные люди великаго князя и придворные бояре вмѣстѣ съ двумя знатными господами, по имени Мстиславскимъ[1]) и Богданомъ Бѣльскимъ. Тѣ ве-

[1]) Въ подлинникѣ у Ніенштедта: Emstillowsko. Прим. пер.

лѣли отворить ворота и впустить нѣсколько кнехтовъ, будто бы съ намѣреніемъ сдать замокъ, а потомъ, какъ только внутрь замка войдетъ нѣсколько сотенъ кнехтовъ, опустить замковыя ворота. Такимъ образомъ произошло сраженіе и вошедшіе въ замокъ солдаты были безжалостно перебиты.

Какъ только венгерскіе и польскіе ратники услышали этотъ ужасный крикъ, они тотчасъ же подожгли деревянный замокъ; такимъ образомъ осажденнымъ приходилось или сгорѣть живымъ или выйдти; они рѣшили пробиться сквозь польскую армію, но были всѣ перебиты, а самые знатные воеводы уведены въ плѣнъ. Такимъ образомъ былъ уничтоженъ, такъ сказать, корень московитской силы. Послѣ этого король занялъ еще два замка на границѣ и размѣстилъ войска на зиму въ укрѣпленномъ лагерѣ. Король послѣ этого созвалъ сеймъ, а московитъ пожелалъ мира, на что король объявилъ, что онъ не раньше согласится на миръ, пока тотъ не уступитъ ему всей Ливоніи. Это было московиту кислымъ яблокомъ, котораго очень ужъ ему не хотѣлось раскусить. Тогда король къ веснѣ снова ополчился и въ маѣ 1580 года двинулся по непроходимой дорогѣ и пустынѣ къ Великимъ Лукамъ; тамъ было для него жирное мѣстечко, такъ какъ жители и не думали о войнѣ. Ратниковъ это очень ободрило, они подкопались подъ городскія деревянныя стѣны, подложили туда огня, обратили городъ въ груду пепла и перебили въ немъ всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей. Король, однако, приказалъ отстроить все съизнова, возстановить валы и рвы, занялъ городъ, раздѣлилъ свою армію, вторгся въ Россію, все грабилъ и жегъ и безъ всякаго сопротивленія подошелъ близко Москвы.

Это очень опечалило великаго князя. На это сказалъ ему его старшій сынъ до какихъ поръ будетъ онъ губить свою отчизну, пусть заключаетъ миръ, или же пусть назначитъ его главою арміи, или же наконецъ пусть самъ пойдетъ встрѣтить врага. Это до такой степени раздражило отца, что онъ прокололъ его своимъ посохомъ, на которомъ былъ желѣзный наконечникъ, отъ чего тотъ и умеръ. Тогда онъ еще болѣе разсердился и разсвирѣпѣлъ.

Король Стефанъ расположилъ ратныхъ людей у границы, которая теперь оставалась открытою, самъ отправился въ Польшу и сталъ приготовляться къ третьему походу, съ согласія всѣхъ сословій на сеймѣ. Московитъ отправилъ къ нему посольство, снова предлагалъ ему заключить миръ и уступалъ ему часть своихъ земель, но король Стефанъ хотѣлъ всей Ливоніи. Король сталъ собирать новое войско, послалъ полковника Юргена Фаренсбаха въ Германію вербовать оттуда людей. Тотъ привелъ три отряда къ Ригѣ, которые и были проведены вдоль Двины къ Пскову Какъ только король туда прибылъ въ маѣ, сталъ строить шанцы и обстрѣливать городъ съ двухъ сторонъ и тотчасъ же велѣлъ брать городъ штурмомъ. Его

люди подошли къ одной башнѣ, но нашли ее столь сильно укрѣпленною, что должны были отступить. На этотъ разъ при приступѣ и отступленіи было убито у короля много ратниковъ, а чтобы обстрѣливать городъ, такъ у него не хватало пороху Онъ поэтому тотчасъ же послалъ гонцовъ въ Ригу, чтобы тамъ дали ему въ займы нѣсколько пороху и какъ можно скорѣе переслали его съ нѣсколькими стрѣлками къ Пскову Это было быстро исполнено и вмѣстѣ съ 200 стрѣлками было послано королю 80 бочекъ пороху, что конечно тогда очень его обрадовало и онъ за это дружески благодарилъ рижанъ во многихъ письмахъ, а между прочими и городскаго толмача Іоахима, который былъ посланъ вмѣстѣ съ порохомъ. Этотъ то толмачъ былъ взятъ въ плѣнъ при осадѣ московитскаго укрѣпленнаго монастыря Печоры[1]), въ 8-ми миляхъ отъ Пскова, и это до того огорчило короля, что онъ послалъ туда полковника Фаренсбаха съ пушками и ратниками и, хотя штурмъ вначалѣ шелъ будто бы и удачно, даже трое знатныхъ дворянъ. Рейнгольдъ фонъ Тизенгаузенъ изъ Берзона, Каспаръ фонъ Тизенгаузенъ изъ Отцеме вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Кеттлеромъ влѣзли по лѣстницамъ на башню; но случилось такъ, что лѣстница подломилась и Рейнгольдъ убился до смерти, а Вильгельмъ и Каспаръ въ этой же башнѣ были взяты въ плѣнъ и, хотя тутъ былъ только монастырь, но монахи и ратники при жестокомъ холодѣ изъ своего теплаго монастыря такъ храбро сражались противъ перемерзшихъ королевскихъ ратниковъ, что они ничего не могли подѣлать и должны были съ позоромъ и бранью отступить отъ монастыря.

Осада Пскова продолжалась очень долго, у польскаго войска не было ни соли ни хлѣба, между ними начались разныя болѣзни, такъ что перемерло много кнехтовъ; тогда король уѣхалъ, чтобы снабдить лагерь всѣмъ необходимымъ и достать для ратниковъ денегъ. Въ лагерѣ же онъ оставилъ великаго канцлера и короннаго маршала Іоанна Замойскаго, съ достаточнымъ полномочіемъ дѣлать и распоряжаться какъ ему угодно; потому что въ Москву уже былъ посланъ отъ папы Григорія легатъ, по имени Антоній Поссевинъ, который и хлопоталъ о заключеніи мира между двумя властителями: королемъ польскимъ и московитомъ. Этотъ миръ былъ заключенъ въ 1582 году, 15 января, такимъ образомъ, что московитъ долженъ былъ въ теченіи четырехъ недѣль уступить королю все, что онъ завоевалъ съ 1558 года (какъ разъ въ январѣ, слѣдовательно 24 года тому назадъ). Послѣ этого были отправлены всѣ нѣмецкіе ратники въ Ригу и имъ было заплочено сполна, также какъ и венграмъ, которые прогнали прусскихъ гофлейтовъ въ Маріенбургъ изъ за платы, поляки

[1]) Въ подлинникѣ у Нienштедта: Pitschur.

Прим. пер.

же и литовцы получили свое полное жалованіе изъ польской и литовской казны.

Король Стефанъ въ 1582 году, 12 марта, прибылъ къ Ригѣ вмѣстѣ съ польскими и литовскими сенаторами, чтобы привести въ порядокъ городъ и всю вообще страну послѣ того какъ московитъ уступилъ свои завоеванія въ Ливоніи.

Король началъ съ Риги, гдѣ возникли недоразумѣнія изъ-за духовныхъ имуществъ. Онъ потребовалъ, чтобы въ Ригѣ, кромѣ небольшой церкви св. Магдалины и принадлежащаго къ ней женскаго монастыря, гдѣ онъ нашелъ еще папскую религію у двухъ старыхъ монахинь и у ихъ аббатиссы[1]), была особая церковь для него и для всѣхъ папистовъ, съ условіемъ, что въ этой церкви будутъ только одинъ настоятель или плебанъ и 2 капеллана. Это очень не нравилось рижанамъ, потому что до этого времени у нихъ въ городѣ были церкви только лютеранскія: они усиленно просили короля отмѣнить его требованіе, но это не помогло, и они должны были наконецъ очистить королю церковь св. Іакова, 7 апрѣля 1582 года[2]). Король послѣ этого обезпечилъ своею печатью и грамотою собору (король думалъ и воображалъ себѣ, что онъ именно имѣетъ такое право) и всѣмъ другимъ госпиталямъ, церквамъ, монастырямъ владѣніе городскими церковными имуществами, исключивъ изъ вѣдомства города семь домовъ для священника и причта церкви св. Якова и восьмой напротивъ монастыря, съ условіемъ, что тѣ деньги, которыя городъ платитъ священникамъ за названные соборные дома, т. е. въ годъ по 100 польскихъ злотыхъ (гульденовъ) онъ, король, будетъ самъ выплачивать, именно на

---

[1]) То были монахини бенедиктинскаго ордена: Анна Топель, Анна Ноткенъ и Отилія Кейзерлингъ. Гильзенъ въ книгѣ своей Inflantyw dawnych swych y wielorakich az do wieku naszego dziejach", стр. 207, пишетъ, что изъ этихъ монахинь самая старшая Анна Ноткенъ отъ старости лишилась зрѣнія. Когда король Стефанъ навѣстилъ монастырь (послѣ торжественнаго освященія церкви св. Іакова), то престарѣлая Ноткенъ спросила: гдѣ король? Король подалъ ей руку и она, крѣпко сжавъ королевскую руку, сказала: «Безконечно благодаримъ Провидѣніе, что оно намъ какъ бы съ неба даровало государя богобоязненнаго католика, справедливаго, чрезъ котораго намъ возвращены будутъ и вѣра и наши священники! Многіе годы мы этого желали и даже до преклонной старости выжидали! Мы умремъ теперь спокойно, дождавшись желанной минуты, когда привѣтствуемъ тебя, короля и господина, католика, защитника и возстановителя едино-спасительной вѣры нашей. Поручаемъ тебѣ насъ самихъ, нашу церковь и монастырь, имущества и привиллегіи наши тебѣ вручаемъ" Король (это онъ лично говорилъ Поссевину) былъ сердечно тронутъ привѣтствіемъ старушки, милостиво завѣрилъ ее въ королевской своей защитѣ, и поручилъ себя ихъ молитвамъ.

[2]) Рижане, какъ пишетъ Гильзенъ, волочили дѣло и наконецъ отправили къ королю магистратскаго синдика съ ратсгерами просить о продолженіи срока на обсужденіе вопроса объ уступкѣ церкви для католиковъ въ Ригѣ. Король, разсердившись на волокиту, отпустилъ ихъ, сказавъ: Ite et dicite istis bestiis me hoc die non comesturum, donec templum, qvod volo, ingrediar. На этотъ громъ сейчасъ ключи принесли. Разгнѣванный король хотѣлъ отобрать двѣ церкви: соборъ св. Маріи и фору св. Петра, но, умилостивившись, удовольствовался церковію св. Іакова (нынѣ дворянская лютеранская). Епископъ жмудскій Мельхіоръ Гедройцъ торжественно освятилъ эту церковь. Послѣ „Te Deum laudamus", была отслужена съ большимъ торжествомъ католическая обѣдня, и король послѣ обѣдни навѣстилъ женскій монастырь бенедиктинокъ, о которомъ была рѣчь выше. Прим. пер.

Пасху по 50 и на день св. Мартина по 50 гульденовъ. Этимъ устроились дѣла относительно церквей и церковныхъ имуществъ.

За тѣмъ король велѣлъ разобрать дѣло о разрушенномъ замкѣ Кирхгольмѣ, блокгаузѣ и Форбургѣ, а также о городскихъ валахъ, которые, по его мнѣнію, слишкомъ уже близко подходили къ замку, городъ же своимъ депутатомъ при разборѣ этого дѣла назначилъ синдика Веллинга. По разслѣдованіи дѣла, декретомъ было постановлено, что городъ за разрушеніе замка Кирхгольма и блокгауза, который былъ разобранъ и сброшенъ въ Двину, а также за уничтоженіе Форбурга и за то, что подъ городскіе валы отошла часть земли, принадлежащая замку, долженъ заплатить королю 10,000 гульденовъ. Изъ этой суммы вычли стоимость пороха, который былъ данъ заимообразно фаренсбаховскимъ кнехтамъ, а также вычли деньги, данныя заимообразно тѣмъ-же кнехтамъ, и такимъ образомъ уладили и этотъ пунктъ.

Послѣ этого стали совѣщаться о епископствѣ. Положили епископской каѳедрѣ быть въ Вольмарѣ, и присоединили къ ней замки: Трикатенъ, Буртнекъ, Роденпоисъ и Оденпе изъ дерптскаго епископства; постановили также быть въ Венденѣ капитулу отъ соборнаго причта и канониковъ, и другой капитулъ учредили въ Кокенгаузенѣ.[1])

Іезуитамъ, посредствомъ привиллегіи, предоставлено право устроить и содержать въ Ригѣ школу и изъ женскаго дерптскаго монастыря учредить коллегію. Этимъ іезуитамъ въ Ригѣ отдали во владѣніе имѣнія женскаго монастыря у Двины, называвшіяся Блумен-

---

[1]) По ливонской конституціи короля Стефана, состоявшейся въ 1582 г., учреждалось, вмѣсто бывшаго рижскаго архіепископства и другихъ епископствъ, бывшихъ въ той части Ливоніи, одно епископство венденское и мѣстопребываніемъ епископа съ коллегіею канониковъ при немъ назначался Венденъ, а не Вольмаръ, какъ сказано у Ніенштедта. Первымъ венденскимъ епископомъ король Стефанъ назначилъ Іоанна-Андрея Патриція, родомъ изъ Кракова. Патрицій возобновилъ венденскій замокъ и подъ своимъ гербомъ сдѣлалъ надпись:

Haeresis et Moschi postquam divicta potestas
Livonidum primus Pastor ovile rego.

Первымъ каѳедральнымъ пробощемъ (протоіереемъ) венденскимъ былъ назначенъ Оттонъ Шенкингъ. Гильзенъ (см. Inflanty, стр. 212) про него разсказываетъ, что онъ много заботился обратить латышей изъ лютеранства въ католичество Созвавъ латышскихъ старшинъ, онъ объяснялъ имъ еретическія заблужденія лютеранъ и, замѣтивъ, что латыши колеблются и не держутъ ни той, ни другой стороны, потребовалъ, чтобы они чрезъ 4 недѣли отвѣтили епископу: примутъ ли католичество, или нѣтъ. Мужики никакъ не могли согласиться между собою и выбрали наконецъ арбитромъ для выбора вѣры и отвѣта епископу какого-то убогаго старика, вполнѣ полагаясь на его приговоръ. Хитрый старикъ, чтобъ понравиться дворянамъ лютеранской вѣры, отъ которыхъ получалъ милостыню, отвѣчалъ Шенкингу: „Мы люди простые и не настолько просвѣщенные, чтобы отличить правду между католическою и лютеранскою вѣрою, но у насъ имѣются господа ученые и въ писаніи искусные, которые гораздо лучше насъ могутъ судить о томъ. Ихъ прежде и слѣдуетъ обратить, а тогда мы и послѣдуемъ за примѣромъ господъ нашихъ“ Такъ набожный прелатъ, прибавляетъ Гильзенъ, у глупыхъ простаковъ на этотъ разъ ничего добраго и не подѣлалъ. Прим. пер.

таль; имѣніе въ ашераденскомъ округѣ и еще другое въ лемзальскомъ округѣ[1]).

Іезуитамъ, водворенным въ Дерптѣ, была дана руйенская область и руйенская церковь и еще другія имѣнія, а въ дерптской епархіи дворъ св. Юргена (Юрія).

Епископу была дана также въ дерптской епархіи область Оденпе и врангелевскій дворъ (Врангельсгофъ).

Послѣ того король Стефанъ отдѣлилъ для себя столовыя имѣнія, учредивъ изъ нихъ три экономіи. Управленіе первою экономіею учредили въ Дерптѣ. Въ составъ этой экономіи включили слѣдующія имѣнія: дворъ съ округомъ Техельферъ и округъ Кавелехтъ, округи: Ранденъ, Сагницъ, Виценъ, Раппинъ, Айя, Бринкенгофъ, дворъ Трильну, округъ Веренбеке, тотъ самый, который нѣкогда принадлежалъ дерптскому магистратскому двору, дворъ въ Гуддіи и Талькгофъ.

Управленіе второю экономіею учредили въ Маріенбургѣ и къ ней причислили: замокъ Маріенбургъ, округи: Розиттенъ (нынѣ Рѣжица) и Шваненбургъ.

Третья экономія была учреждена въ Кокенгаузенѣ и къ ней причислили округи: Кокенгаузенъ, Ашераде и область Ленневарденъ.

Другіе замки и дворы, которые долженъ былъ возвратить московитъ, король отдалъ въ ленное владѣніе своимъ полякамъ, ливонцамъ и литовцамъ, которые чѣмъ-нибудь отличились на войнѣ.

Господину полковнику Юргену Фаренсбаху былъ данъ въ наслѣдственное владѣніе замокъ и область Каркусъ. Господину Матвѣю Дембинскому былъ отданъ въ наслѣдственное владѣніе замокъ и область Пебалгенъ. Іоанну Бюрингу былъ пожалованъ дворъ Кольценъ. Господину Ѳомѣ фонъ Эмбдепу былъ отданъ Салисъ. Впрочемъ замокъ этотъ былъ пожалованъ ему въ ленъ еще королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Клаусу Корфу дали Крейцбургъ. Другіе замки были обращены въ староства или гауптманства[2]), именно Динамюнде, Нейермю-

---

[1]) Король Стефанъ учредилъ „коллегію общества Іисусова“ при католическомъ женскомъ монастырѣ въ Ригѣ и вѣдомству іезуитовъ подчинилъ обѣ католическія церкви: св. Іакова и св. Магдалины, назначивъ настоятелемъ ихъ ксендза Петра Скаргу. Когда прибывшіе въ Ригу іезуиты не желали брать въ свое вѣдѣніе этихъ церквей, безъ вѣдома своего провинціала, король Стефанъ сказалъ: Ego vobis loco Provincialis ero».

[2]) При первоначальномъ присоединеніи ливонскихъ земель къ Польшѣ въ 1561 г., главное управленіе ими было ввѣрено администратору или намѣстнику, назначавшемуся королемъ. Кругъ дѣйствій его и предѣлы власти были опредѣлены въ инструкціи, данной въ 1566 г. Ходкевичу, при назначеніи его ливонскимъ намѣстникомъ. Всѣ ливонскія земли были раздѣлены на четыре округа: Рижскій, Трейденскій, Венденскій и Динабургскій, и управленіе каждымъ было возложено на сенатора, избираемаго изъ мѣстныхъ дворянъ. Были учреждены въ каждомъ округѣ судъ земскій (ландгерихтъ) и учрежденъ судъ сенаторскій (четыре сенатора, управлявшіе округами, и администраторъ). По очищеніи русскими всѣхъ завоеваній ихъ въ Ливоніи, въ 1582 г. король Стефанъ измѣнилъ устройство и порядокъ управленія Ливоніи особою ливонскою конституціею. Учредивъ по этой конституціи епископство венденское, король Стефанъ, сохранивъ должность намѣстника

ленъ, Лембсель, Руйенъ, Тарвастъ, Феллинъ, Лаисъ, Оберпаленъ, Нейенгаузенъ, Люценъ, Динабургъ, Сесвегенъ, Смильтенъ, Эрмисъ, Гельметъ, Нитау, Арле (Эрла), Лембургъ, Юргенсбургъ, Зонцель, Кремонъ, Трейденъ и Зегевальдъ.

Въ дерптской епархіи (епископствѣ), чрезъ назначенныхъ на то лицъ, были возвращены наслѣдственныя помѣстья: Эйлерту Крузе, Герману Врангелю, Конраду Таубе, Бертраму Гольцшуру, Вольмару Думпіану, Юргену Вете, Рейнгольду Гарлингу, Гольтеру Тизенгаузену въ Рашѣ, Вильгельму Тедвену, другихъ я не знаю.

Очень многіе изъ стариковъ хлопотали о предоставленіи имъ помѣстій, обѣщанныхъ покойнымъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ. Такъ Тизенгаузены просили о предоставленіи имъ отцовской части, округа Кавелехтъ, Ранденъ, Конгенталь, Вильценъ, Виттензе, Церемуйзе (Саремойзе).

Кромѣ того просили Іоаннъ Икскуль и Отто Икскуль Менценскій и Анценскій, Іоаннъ Врангель Ругеленскій, Тедвены области Рингенъ, Юргенъ Тизенгаузенъ, фонъ Гастферъ, Бракельны. Далѣе вся фамилія Дюкеровъ, Штакельберги, Бринкены, Дитрихъ Тизенгаузенъ Конгетальскій; Мексенклейны[1]), Каспаръ Тизенгаузенъ, Петръ Тизенгаузенъ, Кауернъ, Іоаннъ Тизенгаузенъ изъ Фоссенберга, Іоаннъ Зеге (иначе Зойе).

Было кромѣ этихъ еще много другихъ просителей, но которые ничего не получили, какъ напримѣръ. фонъ Дунке, Фабіанъ Врангель Курремеггскій, Рейнгольдъ Энгедесъ Виссустскій, Фитинги, Майдели, Луггенгаузенъ, Везеллеръ, Коскули и др.

Въ рижской епархіи большая часть помѣщиковъ изъ потерявшихъ свои имѣнія въ 1577 году, когда московитъ овладѣлъ рижской епархіей, были возстановлены въ своихъ правахъ и получили обратно свои имѣнія; нѣкоторые же своихъ имѣній обратно не получили какъ напримѣръ фонъ деръ Эрле, фонъ деръ Юммердене, Брабекенъ изъ Нитау, Фюрстенберги, Шварцгофы и др.

Тѣ, которые не были возстановлены въ своихъ правахъ, подали съ прочимъ рыцарствомъ прошенія королю Стефану и наличнымъ сословіямъ о всеобщей и полной реституціи (возвращенія) всѣхъ имѣній, гдѣ бы онѣ не находились, согласно обѣщанію и условіямъ (пактамъ) подчи-

---

и учредивъ новую должность провинціальнаго квестора (казначея) для сбора податей, всѣ ливонскія земли раздѣлилъ на три президентства: венденское, дерптское и перновское, съ подраздѣленіемъ ихъ на капитанства (уѣзды). Каждое президенство управлялось президомъ, ему подчинялись уѣздные начальники (старосты, capitanei) Областной квесторъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ уѣздныхъ субколлекторовъ. Для разбора межевыхъ дѣлъ въ каждомъ президенствѣ находился подкоморій — subcamerarius.

Порядки, введенные ливонскою конституціею 1582 г., просуществовали лишь до 1598 года.

[1]) Можетъ быть: Метстакены, см. Ceumern theatr. livon. I. 44, N. nord. Misc. XIII. XIV 554.

Прим. пер.

ненія, утвержденнымъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ. Но король Стефанъ съ присутствующими сословіями далъ имъ такой отвѣтъ Его королевское величество въ дерптской епархіи никому не обѣщалъ помѣстій (т. е. реституціи всѣхъ ихъ имѣній), потому что вѣдь онъ отнялъ ихъ у врага мечемъ; поэтому его, короля, очень удивляетъ, какъ это они всѣ единодушно требуютъ у него полной реституціи: вѣдь они отлично знаютъ, что многіе изъ нихъ измѣнили въ вѣрности и поэтому должны propter crimen laesae Majestatis (оскорбленіе величества) лишиться не только имѣній, но даже и жизни.

Послѣ такого отвѣта рыцарство въ 1582 году собралось на совѣщаніе въ домъ Ганса Баумана, на который какъ разъ въ это самое время сѣли журавли, которыхъ никогда не видѣли ни много лѣтъ раньше, ни много лѣтъ позже въ Ливоніи, что конечно всѣхъ собравшихся дворянъ чрезвычайно изумило. Они порѣшили на совѣщаніи: подать еще разъ просьбу, и ссылаясь на утвержденныя Сигизмундомъ условія, составили прошеніе (суплику) такого содержанія:

«То, что его королевское величество не желаетъ отдать изгнанникамъ рижской и дерптской епархіи ихъ имѣній, то это не основано на правѣ, ибо все что король отобралъ мечемъ, то его королевское величество и сословія, въ силу данныхъ обѣщаній и привиллегій, должны отдать владѣльцамъ. Они говорятъ совсѣмъ не о тѣхъ имѣніяхъ, которыя съ древнихъ временъ принадлежали мѣстному дворянству, но о тѣхъ, которыя ихъ отцы и они сами пріобрѣли своею собственною кровью, купили и заплатили своими собственными наличными деньгами и обязаны нѣкоторымъ образомъ заплатить большія деньги несчастнымъ сиротамъ и вдовамъ, которыя также смиренно просятъ о реституціи. Если его королевское величество и знаетъ нѣкоторыхъ, которые должны бы быть лишены имѣній и даже жизни, то они всеподданѣйше просятъ, чтобы его к. в. не поступалъ бы съ ними ab executione, но возвратилъ бы каждому его имѣніе, а потомъ пусть уже формально потребуетъ ихъ къ суду съ обвиненіемъ, а если они того заслужатъ, то и наказать ихъ по справедливости; за нихъ они и не хотятъ заступаться и т. д.; впрочемъ они еще разъ всеподданнѣйше просятъ не отказать имъ въ реституціи, а они будутъ постоянно служить его к. в. въ неизмѣнной вѣрности, жертвуя за него и собою и своимъ имуществомъ и собственною кровью. Также они слышали, что его к. в. намѣренъ кассировать нѣкоторыя привиллегіи, данныя прежнимъ властителемъ страны. Такая кассація, конечно, была бы величайшимъ нарушеніемъ всякой справедливости; поэтому они просятъ, что бы то, что замышляетъ его королевское величество дѣлалось бы по настоящей справедливости, а не необдуманно; чтобы каждый могъ защищаться и дѣйствовать по существующимъ законамъ. Вѣдь его к. в., какъ и всѣ его предшественники, при коронаціи клялись и обѣщали, согласно правъ и конституцій, что они будутъ со-

хранять печати, грамоты и привиллегіи всѣхъ подданныхъ вообще и каждаго въ особенности, а въ особенности сохранять права тѣхъ ливонцевъ, которые признали себя подданными польской короны, каковыя права получили надлежащее утвержденіе, поэтому они всепокорнѣйше и униженнѣйше просятъ о справедливости. Въ случаѣ же если имъ противъ ихъ всѣхъ надеждъ въ этомъ будетъ отказано, и ихъ не захотятъ выслушать, они при такой чрезвычайной нуждѣ будутъ протестовать передъ Господомъ Богомъ на небѣ и предъ всѣмъ свѣтомъ, что было отказано не по справедливости, а вопреки всѣхъ писаныхъ правъ и законовъ и т. д.»

По этой просьбѣ и протесту его к. в. отложилъ дѣло до предстоящаго сейма, гдѣ оно и должно было быть рѣшеннымъ. Но было ли это дѣло рѣшено на этомъ, такъ и на другихъ послѣдовавшихъ сеймахъ, въ точности я не знаю.

Впослѣдствіи король съ присутствующими сословіями назначилъ нѣсколько ревизоровъ изъ поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ для того, чтобы они осмотрѣли и описали всю землю, всѣ имѣнія, замки и города, а также дворянскія имѣнія, грамоты и печати[1])

Послѣ этого король на должность ливонскаго намѣстника назначилъ виленскаго епископа, Георга Радзивила, котораго впослѣдствіи папа пожаловалъ римскимъ кардиналомъ. Это былъ весьма благоразумный человѣкъ, охотно соблюдавшій справедливость, поступавшій по закону и ведшій весьма честную жизнь. Онъ пробылъ въ Ливоніи до 1586 года. При отъѣздѣ изъ Риги, онъ велѣлъ всенародно объявить, что если онъ или его слуги остались кому либо должными въ городѣ, то пусть тотъ приходитъ къ нему и получитъ свой долгъ.

Король Стефанъ послалъ также посольство къ шведскому королю Іоанну съ объявленіемъ, что онъ, шведскій король, въ предосужденіе шведскому королевству, въ то время когда велась война въ Россіи съ московитомъ, занялъ въ Ливоніи города Нарву, Вейссенштейнъ, Везенбергъ и другіе замки, въ Викѣ Гапсаль, Лоде, Леаль и монастырь Падесъ, а таковое занятіе произведено въ ущербъ польскаго короля. Онъ, шведскій король, долженъ былъ бы на Россіи вознаградить свои убытки, понесенные отъ московита въ Финляндіи, а въ Ливоніи дѣлать это ему совсѣмъ не слѣдовало бы, поэтому желательно, чтобы шведскій король добровольно отдалъ бы королю Стефану занятыя мѣстности, а въ противномъ случаѣ онъ, король Стефанъ, будетъ

---

[1]) Ревизорами имѣній король Стефанъ назначилъ: Станислава Пэнкославскаго старосту Маріенбургскаго, Ѳедора Скумина писаря великаго княжества литовскаго, Іоанна Тизенгаузена берзонскаго помѣщика, Даніила Германа и Самуила Церазина. Ревизія, однако, не имѣла никакого особенно важнаго практическаго значенія: большая часть дворянъ, протестуя противъ самой ревизіи, какъ противной условіямъ подчиненія, не явилась къ ревизіи.

Прим. пер.

протестовать, а если изъ этого послѣдуетъ большое несчастіе, такъ онъ въ томъ виновенъ не будетъ.

На это король шведскій отвѣчалъ ему, какъ своему зятю, что ему защищать отъ московита Ливонію стоило много денегъ и крови; но если шведскій король будетъ справедливымъ образомъ удовлетворенъ, то они, какъ слѣдуетъ родственникамъ и сосѣдямъ, по братски сдѣлаются между собою и т. д.

Когда король Стефанъ покончилъ свои дѣла въ Ригѣ относительно Ливоніи, то ликвидировалъ и съ городомъ онъ оставался долженъ городу извѣстную денежную сумму, въ замѣнъ ее онъ отдалъ во владѣніе городу на 5 лѣтъ королевскія имѣнія Икскуль и Кирхгольмъ, пока не оплатится весь долгъ сполна. За тѣмъ король дружески простился съ городомъ, герцогомъ курляндскимъ и ливонскими помѣщиками, и 2 мая уѣхалъ въ Литву, въ Гродну

Прежде чѣмъ кардиналъ Радзивилъ отбылъ изъ Риги, потребовалъ онъ присяги отъ дворянъ, такъ какъ городъ до прибытія еще короля присягалъ уже королевскимъ коммисарамъ Іоанну Деметрію[1]), который впослѣдствіи былъ архіепископомъ въ русскомъ Лембергѣ (Львовѣ) и Агриппѣ, литовскому кастеляну Кардиналъ и настаивалъ на томъ, чтобы дворяне присягнули его к. в. Хотя многіе ничего противъ этого не имѣли, но было много и такихъ, которые противились присягѣ, въ особенности тѣ, кто не получилъ своихъ имѣній обратно; они говорили, что не раньше присягнутъ, пока имъ не возвратятъ ихъ имѣній и упирались на томъ крѣпко, въ особенности Дукерны. Это я знаю оттого, что ко мнѣ на домъ пришелъ Фридрихъ Дукеръ — я былъ самымъ младшимъ въ магистратѣ — и разсказалъ мнѣ все дѣло (нельзя сказать чтобъ онъ былъ неловкій человѣкъ), что-де хотятъ, чтобы дворяне присягнули, а онъ говорилъ уже съ нѣкоторыми и тѣ колеблются присягнуть, не получивъ обратно своихъ имѣній; поэтому онъ меня и проситъ не поговорю ли я дружески съ господиномъ (первенствующимъ) бургомистромъ, нельзя ли имъ войти въ соглашеніе со всѣмъ городомъ, что бы каждый помогалъ бы другому отстаивать по справедливости общую свободу Хотя меня это чрезвычайно поразило, но я немного подумалъ и отвѣтилъ это важное дѣло; я долженъ хорошенько подумать объ этомъ, потому что вѣдь я приносилъ присягу его к. в., пусть онъ дастъ мнѣ времени для размышленія до завтрашняго утра, а я между тѣмъ подумаю и сообщу ему свое рѣшеніе. Я его спросилъ не былъ ли онъ по этому дѣлу и у другихъ лицъ въ городѣ, и онъ отвѣтилъ что да, онъ гово-

---

[1]) Это Димитрій Суликовскій. Король Стефанъ назначилъ его въ 1582 г. настоятелемъ церкви св. Магдалины въ Ригѣ, но въ этой должности онъ пробылъ самое короткое время, уѣхавъ въ Львовъ на архіепископскую каѳедру.

Прим. пер.

рилъ уже съ Клаусомъ Фикеномъ, Вильгельмомъ Шпрингаузеномъ, съ элтерманомъ Ролоффомъ Шредеромъ и другими, которые ничего противъ этого дѣла имѣть не будутъ, если только уговорить магистратъ. Они ему посовѣтовали обратиться ко мнѣ, чтобы я похлопоталъ за нихъ у господина бургомистра. Я однако еще разъ заявилъ ему, что подумаю и, тогда онъ ушелъ (очень можетъ быть, что они подсматривали куда я пойду). Я тотчасъ же отправился къ бывшему въ то время бургграфомъ Каспару Бергену и разсказалъ ему объ этомъ дѣлѣ и просилъ у него совѣта, который онъ мнѣ и изложилъ и который мнѣ понравился. Я, именно, долженъ былъ сказать Дукеру, что нисколько не думаю, чтобы кардиналъ замышлялъ что-либо противное Богу по отношеніи къ его к. в.; а если это не такъ, то пусть онъ, Дукеръ, мнѣ это выскажетъ по секрету, чтобы я въ такомъ случаѣ могъ принаровиться по обстоятельствамъ. Но онъ больше уже не приходилъ ко мнѣ. Между тѣмъ кардиналъ объявилъ, что кто не захочетъ присягнуть, тотъ пусть и не присягнетъ, но тутъ же далъ понять, что если они присягнутъ, то это подастъ имъ надежду на снисхожденіе со стороны его кор. вел., чего не будетъ, если они откажутся Послѣ этого всѣ большею частью и присягнули, за исключеніемъ Дукерновъ и немногихъ другихъ, которые выѣхали вонъ изъ страны. Фридрихъ же Дукеръ умеръ въ Нидерландахъ, оставивъ въ Ливоніи свою жену и сына.

Новый календарь и календарныя смуты въ Ригѣ.

Прежде чѣмъ уѣхать, кардиналъ передалъ (магистрату) королевскій указъ о томъ, что Рига должна принять григоріанскій календарь и что этотъ календарь долженъ быть обнародованъ. Слѣдствіемъ этого произошли удивительныя смуты въ городѣ. бюргеры вообразили, что перемѣна календаря повлечетъ за собою перемѣну всего лютеранскаго ученія и возстановленіе папской религіи. Послѣ этого были присланы еще повторительные указы о томъ, но община ни зачто не хотѣла повиноваться имъ. Тогда магистратъ и городское управленіе приказали обнародовать новый календарь какъ гражданское (не духовное) дѣло, вслѣдствіе чего поднялся ропотъ въ общинѣ, а въ особенности возсталъ противъ календаря школьный ректоръ Гейнрихъ Мэллеръ, проповѣдывавшій своимъ ученикамъ, что новый календарь для папы есть мостъ, чрезъ который папа намѣренъ снова ввести католичество въ городѣ. Таковъ былъ ропотъ между бюргерами.

Когда проповѣдники проповѣдывали въ церквахъ, то бюргеры постоянно шныряли по церкви, такъ что старый пасторъ и сеніоръ господинъ Георгъ Нинеръ сказалъ мнѣ «Сдается мнѣ, что къ намъ прилетѣли Мюнстерскіе духи, намъ надо молиться Богу, да отвратитъ Онъ отъ насъ такое несчастіе.»

Тогдашній бургграфъ говорилъ объ этомъ съ пасторомъ, который съ каѳедры объявлялъ указъ о календарѣ, и пасторъ тотъ разсказалъ бургграфу, что ректоръ проповѣдуетъ противъ календаря, что онъ, пасторъ, совѣтовалъ ректору воздержаться отъ подобныхъ проповѣдей, чтобы не вышло изъ того какого безпокойства. Но ректоръ разсердился за эти слова на пастора и сказалъ, что онъ съумѣетъ защитить свою совѣсть, ему-де не все равно что они хотятъ душу его отдать черту или папѣ. Тогда пасторъ совѣтовалъ ему еще разъ воздержаться отъ своего рвенія, такъ какъ новый календарь совсѣмъ не касается религіи, что это только гражданское дѣло, и что противодѣйствіемъ онъ только раздражитъ короля. Ректоръ же на это отвѣчалъ еще рѣзче: «Мнѣ какое дѣло до клятвопреступнаго короля: я боюсь Бога больше, чѣмъ его гнѣва, и изъ-за него не хочу поступать противъ своей совѣсти».

Это именно и разсказалъ пасторъ Юргенъ Нинеръ бургграфу Николаю Экке. Вслѣдствіе этого бургграфъ приказалъ явиться въ магистратъ и ректору и пастору, дабы пасторъ Юргенъ Нинеръ разсказалъ обо всемъ этомъ въ присутствіи самаго ректора. Ректоръ оправдывался тѣмъ, что предъ своими учениками читалъ проповѣдь лишь какъ урокъ, но не отрицалъ, что онъ расходится и съ пасторомъ и съ бургграфомъ во мнѣніяхъ относительно календаря, говоря, что онъ ни предъ кѣмъ не запиралъ дверь своей школы, а что касается до того, будто обзывалъ короля клятвопреступникомъ, то это неправда.

Но пасторъ оставался при своемъ. Послѣ этого они оба должны были вытти. Тогда бургграфъ Экке разсердился и спросилъ магистратъ, хотятъ ли они помогать ему въ томъ, что онъ долженъ исполнить по свой должности, или же ему нужно будетъ искать другой помощи. Ему на это отвѣтили употреблять чужую помощь было бы для магистрата опасно, онъ, бургграфъ, самъ видитъ большое раздраженіе бюргеровъ вслѣдствіе принятаго новаго календаря, видитъ, что нѣкоторые поджигаютъ огонь въ печи, поэтому-то магистратъ дружески проситъ бургграфа не поступать въ этомъ дѣлѣ черезчуръ ревностно и поспѣшно, чтобы какъ нибудь не поднялся пожаръ въ городѣ. Господинъ Экке сказалъ, что знаетъ что дѣлаетъ и чего требуетъ его должность. Господинъ Гердтъ Рингенбергъ послѣдовалъ за нимъ, когда онъ ушелъ, такъ какъ они были сосѣди, и вѣжливо просилъ его не поступать въ этомъ дѣлѣ поспѣшно, иначе онъ боится что будетъ несчастіе въ городѣ. Но это не помогло. Къ вечеру бургграфъ послалъ арестовать ректора и посадить въ ратушу У ректора

былъ товарищъ, конректоръ Расціусъ, къ нему и побѣжали ученики, взрослые приманы (ученики высшаго класса) и потребовали, чтобы онъ изыскалъ средства освободить ректора изъ-подъ ареста. Тотъ собираетъ вокругъ себя бюргеровъ, отправляется къ буркграфу Экке, проситъ, чтобы онъ выпустилъ ректора на поруки, что они приведутъ его назадъ въ другой разъ; но бургграфъ не хотѣлъ согласиться на это. Когда они возвращались отъ ратуши, къ нимъ сбѣгается всякая челядь съ большимъ раздраженіемъ, достаютъ пожарную лѣстницу, бѣгутъ къ ратушѣ, берутъ ее штурмомъ, освобождаютъ ректора и провожаютъ его до дому; за тѣмъ берутся за оружіе, назначаютъ сторожей оберегать ректора отъ насилія, другая толпа бѣжитъ съ топорами, алебардами и пр. на рынокъ, тащутъ барабанъ, который находился подъ ратушей и которымъ созывали кнехтовъ къ караулу, и какой-то оборванецъ, Андрей Кнуте, бьетъ набатъ. Тогда чернь тотчасъ побѣжала къ домамъ Экке, пастора Нинера и доктора Веллинга, разграбила эти дома, ранила подло пастора, а бургграфъ съ докторомъ, съ женою, дѣтьми и челядью попрятались и бросили все. Всѣ бургомистры и ратсгеры заперли свои дома, также какъ и многіе бюргеры, и предоставили магистратъ господину Omnis'у (черни).

Такъ какъ всѣ попрятались по угламъ, то я послалъ за поручикомъ военныхъ кнехтовъ Германомъ фонъ Шеденомъ и поручилъ ему собрать нѣсколько кнехтовъ и явиться съ ними на площадь, чтобы остановить толпу и грабежъ; но онъ мнѣ отвѣтилъ, что при такомъ положеніи дѣлъ онъ не можетъ собрать кнехтовъ и опасается какъ бы пожаръ не сдѣлался еще больше, когда бюргеры увидятъ, что кнехты стоятъ за магистратъ. Тогда я предложилъ ему итти, по крайней мѣрѣ, со мною на рынокъ; но онъ и этого не осмѣлился сдѣлать. Тогда ко мнѣ пристали трое или четверо бюргеровъ, моихъ сосѣдей, которые пожелали итти на рынокъ со мною. Мы взяли наше оружіе и пошли, а я взялъ съ собою пару факеловъ и прямо вступилъ въ средину этой грубой толпы и порицая ихъ скверное дѣло, между прочимъ сказалъ, что непремѣнно развѣдаютъ разбойниковъ и ими украсятъ висѣлицы и колеса. Тогда выступилъ впередъ дѣтина громаднаго роста, слесарь, по имени Каппе Боне[1]), говоря «Ты еще грозить будешь», и ударилъ бы меня своимъ большимъ разбойничьимъ мечомъ, если бы ему не помѣшали бюргеры. Я же сталъ увѣщевать бюргеровъ, чтобы они, согласно своему долгу, слѣдовали за мной, такъ какъ я былъ начальникомъ кварталовъ (квартиргеромъ). Я велѣлъ нести предо мною факелы и пошелъ къ дому бургграфа, выгналъ оттуда воровъ и разбойниковъ, оставилъ домъ подъ защитою

[1]) Бергманъ во 2-ой части своихъ историческихъ сочиненій называетъ его (ст. 90) Госвиномъ Боне.

Прим. пер.

моихъ бюргеровъ и отсюда отправился въ домъ доктора Веллинга и спасъ тамъ все, что еще не было расхищено. Послѣ этого я пошелъ въ домъ пастора Юргена Нинера, который былъ тяжело раненъ; я послалъ его къ цирюльнику и занялъ его домъ. Мало по малу пришли ко мнѣ на помощь и другіе кварталы, такъ какъ они услышали, что я вооруженъ, что требовалъ ихъ къ себѣ, потому они и рѣшились выттн. Тогда я отправился съ господиномъ Детлоффомъ Голлеромъ и нѣкоторыми бюргерами въ домъ фохта, Іоанна Тастія. Чернь успѣла уже явиться туда съ пожарными лѣстницами, ломались въ двери и хотѣли вышибить ихъ. Тамъ была бы хорошая пожива, потому что какой-то знатный господинъ оставилъ у него сундукъ съ нѣсколькими тысячами гульденовъ, который мы ему и спасли. Послѣ этого мы отбили чернь отъ іезуитскаго монастыря, который они хотѣли также разграбить; тоже самое хотѣли они сдѣлать съ домомъ Германа Шрейбера, въ которомъ въ то время имѣлъ квартиру епископъ Шенкингъ[1]) и съ домомъ Альбердинга, гдѣ также была бы хорошая пожива. Многіе бюргеры взялись за оружіе.

Тогда мы возстановили порядокъ и въ кварталахъ. Всю ночь до самаго утра мы ходили изъ одного квартала въ другой по всѣмъ улицамъ города. Въ одно воскресенье мы позвали всѣхъ бюргеровъ собраться послѣ обѣдни на рынкѣ у Новаго дома[2]), тутъ выдвинулся впередъ одинъ бюргеръ, именемъ Мартинъ Гизе, затѣявшій преобразо-

---

[1]) Между старыми бумагами рижской городской библіотеки хранится слѣдующее свидѣтельство, данное епископомъ Шенкингомъ бургомистру Ніенштедту, по его собственной просьбѣ. Вотъ оно:

«Мы, Божьею и священною римскаго папы милостію Отто, епископъ ливонскій, венденскій и пр. свидѣтельствуемъ этою открытою грамотою и истиннымъ свидѣтельствомъ что 1585 года 14 января въ Ригѣ произошло опасное скопленіе черни, которая взялась за мечи и оружіе, оскорбила много почтенныхъ людей, ихъ дома разграбила, и такой ужасъ на городъ навела, что даже члены магистрата должны были запереться въ своихъ домахъ въ недовѣріи къ грубой толпѣ, а также и мы не были безопасны въ нашей квартирѣ въ домѣ Германа Шрейбера отъ злоумышленниковъ, если бы почитаемый и многомудрый господинъ Францъ Ніенштедтъ, членъ магистрата въ городѣ Ригѣ, не взялся за оружіе, не собралъ около себя добрыхъ людей и съ Божіею помощью и опасностью своей жизни отъ мятежной черни не защитилъ насъ и церковь святаго Іакова, вмѣстѣ съ отцами общества Іисусова; онъ спасъ жизнь и имущество многихъ почетныхъ лицъ въ городѣ. А за то, что онъ въ слѣдующія пять лѣтъ въ безпокойныя времена съ большимъ успѣхомъ, а часто и съ опасностію собственной жизни отъ возмущавшихся умовъ, держалъ въ городѣ региментъ (бразды правленія) въ то время какъ другіе господа бургомистры и прочіе не были увѣрены въ безопасности своей жизни, такъ за это ему должны быть благодарны всѣ миролюбивые люди. Когда же господинъ Ніенштедтъ, по своей надобности, относительно этого попросилъ у насъ грамоты и свидѣтельства, такъ мы безъ всякаго отказа охотно даемъ его уважаемой милости сіе свидѣтельство и удостовѣряемъ также, что многія высокаго и низкаго званія лица просили г. Ніенштедта сохранить и впредь для нихъ его доброе расположеніе.

Документально удостовѣряемъ эту грамоту нашею печатью и подписью. Рига, 30 Августа 1591 года.

Отто Шенкингъ, епископъ венденскій.

L. S.

На свидѣтельствѣ этомъ написано: „сіе списано съ настоящаго оригинала·

[2]) Домъ черноголовыхъ. Прежде его вообще называли: dat nye hus, новый домъ. Прим. пер.

вать весь городъ. Онъ ужъ зналъ, какъ это сдѣлать, у него были тайные совѣтчики, въ особенности Николай Фикенъ, который собственно и былъ зачинщикомъ всего этого дѣла. Ректоръ Гейнрихъ Мэллеръ, его товарищъ и эльтерманъ, Гансъ Бринке, докторъ Стопіусъ были также тайными зачинщиками, равно какъ и конректоръ Расціусъ. Они то и составили себѣ партію изъ бюргеровъ, которые пристали къ нимъ. Послѣ этого возстаніе продолжалось.

Во первыхъ, въ этотъ же самый вечеръ магистратъ вынужденъ былъ собраться въ акцизной лавкѣ и обѣщать въ слѣдующее же утро, въ понедѣльникъ, подъ клятвою уничтожить запрещеніе. Такъ и произошло. А между тѣмъ они заняли всѣ городскія ворота, такъ что никто не могъ выйдти. Утромъ, когда колоколъ ударилъ 8 часовъ, собрался магистратъ, а тѣмъ временемъ тотъ реформаторъ Гизе велѣлъ созвать всѣхъ бюргеровъ на рынокъ со знаменами отъ кварталовъ, которыя несли предъ ними со свистомъ и съ барабаннымъ боемъ. Тамъ они на скорую руку выбрали себѣ начальниковъ, квартирмейстеровъ и румор-мейстеровъ, подняли по улицѣ страшный шумъ, свистъ и барабанный бой. Тогда же были выбраны 16 человѣкъ, которые должны были съ копьями и дубинами явиться предъ магистратомъ; всѣми ими предводительствовалъ Гизе. Тогда и началась капитуляція и переговоры (мы говоримъ это вообще) съ магистратомъ. Магистрату предложили цѣлую кучу условій, на которыя онъ противъ свой воли долженъ былъ согласиться, а переговоры длились 14 дней. Волей неволей магистратъ долженъ былъ на все согласиться, чего они только ни захотѣли, а между прочимъ они отворили городскія ворота, такъ какъ захватили всѣ ключи отъ воротъ и кассъ, также и протоколы.

Такъ какъ домъ бургграфа былъ разграбленъ, то ему слѣдовало бы начать съ ними дѣло подъ собственною печатью и рукоприкладствомъ, но какъ только отворились ворота, онъ убѣжалъ изъ города въ замокъ, началъ искъ предъ кардиналомъ противъ магистрата и общины на сумму 10,000 гульденовъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ потерпѣлъ убытку на 2000 талеровъ, да еще и за различныя потерпѣнныя имъ несправедливости. Кардиналъ призналъ справедливость иска и требованія. Тогда Гизе аппелировалъ со стороны общины королю Стефану Отто Кане, магистратскій секретарь, смѣщенный магистратомъ по желанію общины, выѣхалъ изъ города въ Трейденъ. Они обвинили также Іоанна Тастія въ томъ, что онъ, будучи депутатомъ отъ города, дѣйствовалъ не по инструкціи, а сдѣлалъ лживыя донесенія, что онъ совершилъ crimen peculatus и обобралъ общину, будучи фохтомъ. Тастій, замѣтивъ, что они хотятъ противъ него прибѣгнуть къ насилію, убѣжалъ изъ города въ замокъ.

Такъ какъ кардиналъ выѣхалъ изъ Ливоніи, а король Стефанъ былъ въ Гроднѣ, то тамъ и пришлось подавать и аппеляцію противъ

бургграфа и какъ нибудь оправдать мятежъ. Тогда община, или скорѣе Гизе, выбралъ нѣсколько довѣренныхъ лицъ, которыя ему были тайными совѣтчиками по дѣламъ возстанія. Выбрали лицентіата Каспара Турбана, который жилъ въ домѣ Николая Фике и котораго уже давно намѣтили для этой цѣли и нотаріуса Мартина фонъ Клеве, и вмѣстѣ съ двумя лицами отъ общины, Госсеномъ Парбасомъ и Гейнрихомъ Виге, послали къ королю. Магистратъ же послалъ меня недостойнаго, такъ какъ я въ то время уже былъ бургомистромъ, и со мною послалъ синдика доктора Веллинга и Каспара Дреллинга вмѣстѣ съ секретаремъ Давидомъ Гильхеномъ (онъ заболѣлъ и остался въ Вильнѣ). Мы прибыли въ Гродно, гдѣ въ то время былъ король, но должны были тамъ ждать нѣсколько недѣль, пока не возвратился кардиналъ изъ Вильны, и только тогда мы получили аудіенцію у короля. Когда мы пришли, то тамъ уже нашли бургграфа Николая Экке, Іоанна Тастія, пастора Юргена Нинера и Отто Кане, секретаря. Они просили коротко чтобы ихъ возстановить въ должностяхъ, негодяевъ наказать и пощадить невинныхъ; городъ же за возмущеніе отвѣчать не можетъ.

Лицентіатъ Турбанъ представилъ длинную обвинительную жалобу, цѣлую книжку отъ имени общины противъ изгнанныхъ (exules) и тогда магистратъ представился предъ королемъ и сенаторами. Изгнанные просили себѣ копію съ жалобы, чтобы отвѣчать на нее. Докторъ Веллингъ долженъ былъ говорить отъ магистрата, но не посмѣлъ, боясь общины, и такимъ образомъ я долженъ былъ говорить по нѣмецки и просилъ копіи съ жалобы, которая и была намъ дана. Тогда изгнанные дали отвѣтъ. Если жалоба была злокознена, то и отвѣтъ не уступалъ ей. Мы отъ имени магистрата, при вторичномъ представленіи, просили его кор. величество не наказывать городъ изъ-за какихъ-нибудь злоумышленниковъ, но устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы всѣ привиллегіи города остались неприкосновенными.

Король съ сенаторами уважили нашу жалобу и отвѣтили такимъ образомъ. его кор. величество выслушалъ обвиненія и защиту; какъ вы тамъ себѣ хотите, а мы вамъ приказываемъ и повелѣваемъ, чтобы вы все, что во время мятежа пришло въ неустройство, привели въ порядокъ, потерпѣвшихъ оскорбленія и убытки удовлетворили, и сами уладили бы все это дѣло между собою. Если это случится и окажется нужнымъ кое что перемѣнить, мы, если вы самолично хлопотать за это будете, въ справедливости вамъ не откажемъ. А такъ какъ вашъ мятежъ зашелъ слишкомъ далеко, и принялъ размѣры, которыя не могутъ быть терпимы, то зачинщики возстанія должны явиться, чтобы дать надлежащій отвѣтъ въ своихъ поступкахъ. Этихъ-то вы должны побудить и принудить явиться сюда. Если вы исполните это, то можете надѣяться на нашу королевскую

милость, какъ и прежде, если же нѣтъ, то будете ввержены въ большую нужду и опасность съ вашимъ добромъ и имуществомъ.

Таково было содержаніе королевскаго отвѣта. Этотъ-то отвѣтъ мы и передали магистрату и общинѣ, послѣ чего въ скоромъ времени въ Ригу явился королевскій секретарь, принесшій съ собою два позыва (citationes) къ суду, которые тоже были переданы магистрату

Гансъ Бринке и Мартинъ Гизе обвинялись въ уголовномъ преступленіи: они были главными зачинщиками смятенія и имѣли сношенія съ чужеземными монархами. Секретарь потребовалъ отъ магистрата и общины отвѣта. будутъ ли обвиняемые представлены королевскому суду (компарированы) или нѣтъ? Магистратъ объявилъ, что будутъ. Община же объявила чрезъ стараго эльтермана Ганса Фридаха, что община не хочетъ и не можетъ выдать названныхъ обвиняемыхъ. Секретарь протестовалъ противъ этого и увѣщевалъ передумать; но объ этомъ община и слышать не хотѣла.

In termino (т. е. по истеченіи срока, въ который обвиняемые должны были явиться къ суду) они были осуждены королемъ Стефаномъ къ смертной казни съ конфискованіемъ ихъ имущества. Но какъ только секретарь выѣхалъ изъ Риги, какъ въ публичномъ рейхстагѣ предъ Ивановымъ днемъ началось снова смятеніе. Какъ разъ въ то время, когда магистратъ разбиралъ спорныя дѣла, врывается въ магистратъ Гизе съ толпою мятежной черни, велитъ всѣмъ молчать и начинаетъ дерзостно жаловаться на бургомистра Берга. Община обвиняла Берга въ воровствѣ, и требовала, чтобы его сейчасъ же предать пыткѣ, безъ всякаго разбирательства и спросовъ община-де ужъ отвѣтитъ за это (да, держи карманъ!). На ночь въ ратушѣ долженъ былъ оставаться докторъ Веллингъ. Между тѣмъ, они напугали фохта Іоанна Тастія, что ночью нападутъ на замокъ, а его будутъ пытать. Добрый человѣкъ думалъ избѣжать такой опасности, скрывшись изъ замка, и дѣйствительно убѣжалъ оттуда, но у мятежниковъ были караульные въ лодкахъ тѣ его поймали на Двинѣ и ночью заключили въ тюрьму Утромъ мятежники представили Тастія въ магистратъ и требовали, чтобы магистратъ тотчасъ же приказалъ палачу пытать его. Такъ какъ магистратъ не хотѣлъ согласиться на это, то они заставили палача пытать несчастнаго и мучили его пока онъ не сказалъ имъ всего, чего они только ни пожелали, что онъ хотѣлъ измѣнить церкви, дѣлалъ фальшивыя реляціи и еще много другаго, что все было неправда. Чтобы освободиться отъ пытки, онъ во всемъ соглашался съ ними и показалъ на доктора Веллинга. Тогда мятежники потащили на пытку и Веллинга. Тотъ, желая лучше умереть, чѣмъ подвергаться мученіямъ, сказалъ имъ все, чего они только желали, но относительно церквей сказалъ, что невиновенъ потому что герцогъ курляндскій совѣтовалъ городу не начинать никакого спора съ королемъ изъ-за церкви.

Но къ чему это повело? Мятежники принудили магистратъ дать приговоръ по этому насильственному мятежному процессу, какъ будто обвиняемые были виновны на самомъ дѣлѣ.

Я подалъ и заявилъ письменно свой голосъ, что весь процессъ и всѣ показанія по оному слѣдуетъ передать на сужденіе безпристрастныхъ университетовъ. Такъ какъ это оказалось невозможнымъ, то я рѣшился выѣхать изъ города, но, впрочемъ, оставался въ городѣ хлопотать, чтобы какъ нибудь освободить Тастія и доктора Веллинга. Хотя Веллингъ и былъ осужденъ на казнь, но мнѣ удалось спасти ему жизнь. Я даже успѣлъ выхлопотать ему позволеніе переѣхать домой. Изъ за этого бунтовщики чуть не перерѣзались между собою. И все-таки послѣ они вытащили его изъ дому и невинно казнили.

Это все было дѣломъ Клауса Фике (да проститъ ему это Богъ!). Я же выѣхалъ изъ города, такъ какъ не могъ жить среди такого управленія. Отто Меппенъ и Эвертъ Гаусманъ также выѣхали. Вскорѣ послѣ этого прибылъ отъ короля гонецъ и принесъ рѣшеніе, что Гизе и Бринкенъ должны быть объявлены изгнанниками и что магистратъ и община должны выполнить приговоръ. На это магистратъ былъ принужденъ отвѣтить, что онъ не въ состояніи выполнить приговора, такъ какъ община арестовала у него мечъ. Тутъ, какъ говорится, и стали волы на горѣ. На это король написалъ къ генералъ-коммисару Пэнкославскому, чтобы немедленно переписать всѣхъ ландзассовъ (т. е. поставить на военное положеніе) и построить на Двинѣ блокгаузъ. Это и было исполнено, а король послалъ ратныхъ людей въ страну, чтобы они водворили порядокъ въ городѣ. Тогда бунтовщики употребили уловку и прибѣгли къ герцогу курляндскому, который написалъ Отто фонъ Меппену, бургомистру Эверту Гаусману и мнѣ въ Даленъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхать въ городъ и попытаться на соглашеніе съ общиною. Но мы потребовали отъ герцога, чтобы вслучаѣ невозможности оставаться намъ въ городѣ, онъ обезпечилъ намъ свободный выѣздъ изъ него. Герцогъ написалъ имъ объ этомъ; но тѣ не соглашались на обезпеченіе. Было ясно, ото у нихъ было на умѣ по отношенію къ намъ. Но герцогъ обѣщалъ намъ своею княжескою честью, что если никакого соглашенія не состоится, то онъ насъ вышлетъ изъ города безопасно назадъ. Мы бы охотно приняли княжеское обезпеченіе, если бы договоръ о соглашеніи не былъ уже заранѣе составленъ, а этимъ договоромъ все отклонялось и уничтожалось. Мошенники понимали это гораздо лучше, чѣмъ герцогъ курляндскій. Я могу сказать по правдѣ: курляндскій канцлеръ и господинъ Эвертъ и его совѣтники еще живы и были свидѣтелями того, какъ я уговаривалъ герцога хорошенько обдумать все дѣло, чтобы не подвергнуться опасности ни ему самому, ни городу Правда, онъ вздыхалъ объ этомъ; но мои убѣжденія успѣха не имѣли. Договоръ былъ заключенъ въ томъ смыслѣ, какъ его велѣлъ написать герцогъ и отосланъ съ нароч-

нымъ къ королю. Но рѣшеніе, послѣдовавшее за тѣмъ, было непріятно и для герцога и для города.

Герцогу было написано, что его к. в. очень удивляется, какъ это такъ герцогъ, будучи леннымъ княземъ, осмѣливается просить его к. в. объ уничтоженіи королевскихъ декретовъ, которые должны быть священны, и притомъ просить за убійцъ, которые пролили столь безчеловѣчно кровь такихъ знатныхъ и заслуженныхъ людей, и поэтому пусть онъ, герцогъ, подумаетъ иначе по этому дѣлу

Городъ же получилъ рѣшеніе, что пусть они и не просятъ о милости, такъ какъ должны были раньше безусловно сдаться на королевскую милость. Такое рѣшеніе показывало, что тутъ не обойдется безъ кроваваго наказанія, тѣмъ болѣе, что самъ король гнѣвно выразился «Ахъ, добрые люди! Живодеры погибнутъ, это также вѣрно, какъ я живъ. Кровь убитыхъ не останется безъ отомщенія!»

Еще прежде, еще до прихода отвѣта короля, негодяй Гизе со своими совѣтчиками и соучастниками, какъ то со своимъ братомъ Гансомъ, кассовымъ писцомъ, и Гансомъ Зенгейзеномъ отъ малой гильдіи и Альбрехтомъ Мюллеромъ, якобы со стороны дома черноголовыхъ, отправился въ Швецію искать тамъ защиты у короля[1]). Чего онъ искалъ въ Швеціи такъ это, конечно, понятно всѣмъ разумнымъ людямъ. Когда у него тамъ потребовали кредитива, то онъ отвѣчалъ, что у него «нѣтъ на этотъ разъ, но въ случаѣ нужды можетъ его достать безъ всякаго труда»

Такъ какъ король шведскій хорошо зналъ о смятеніи въ Ригѣ, то и отослалъ Гизе къ своему брату, герцогу Карлу, который и далъ ему аудіенцію, какъ о томъ мнѣ послѣ сообщали Ламбертъ Врадеръ и королевскій секретарь Іоаннъ Вильдбергеръ. Гизе съ товарищами сказали, что они посланы отъ общины, именно 40 почетнѣйшими лицами, которыя въ настоящее время управляютъ и смотрятъ за порядкомъ въ городѣ, и жаловались королю, что король польскій всѣ печати и грамоты, данныя его предками какъ рыцарству, такъ и городу, уничтожилъ, отнялъ отъ города всѣ его прежнія привилегіи, хочетъ искоренить лютеранскую вѣру и ввести другую, именно папскую и т. п., сказали, что нѣкоторые измѣнники въ сообщничествѣ съ магистратомъ и управленіемъ содѣйствовали перемѣнѣ религіи передачею церквей, за что и получили уже достойное возмездіе, въ настоящее же время вдругъ подъ носомъ у нихъ выстраиваютъ блокгаузъ, чтобы не могъ къ нимъ проникнуть ни одинъ нѣмецъ, а тѣ, которые находятся въ городѣ, должны страдать, поэтому они теперь просятъ о помощи, объ-

---

[1]) Гизе отправился въ Швецію только для спасенія своей собственной головы и никто не давалъ ему порученія призывать шведовъ на помощь, какъ то онъ и сообщалъ бюргерству въ своей, по нынѣ уцѣлѣвшей реляціи, данной имъ по своемъ возвращеніи.
Прим. Бротце.

щая съ рыцарствомъ сражаться за короля шведскаго до послѣдней капли крови.

Послѣ этого разсказа герцогъ Карлъ объявилъ имъ, что ему чрезвычайно жалко видѣть ихъ въ такой нуждѣ, и посовѣтовалъ, что прежде всего городъ долженъ достигнуть общаго единодушія, а если будетъ нужно, то онъ, герцогъ, имъ охотно поможетъ письмами и другими средствами. Послѣ того герцогъ разспрашивалъ частнымъ образомъ Гизе объ измѣнѣ въ городѣ, а такъ какъ до Риги разстояніе большое, то говорилъ герцогъ, имъ слѣдуетъ продержаться въ городѣ собственными силами. На это сей надменный, дерзкій негодяй Гизе, отвѣчалъ, что онъ все разскажетъ его милости безъ всякой утайки городъ хорошо снабженъ порохомъ и свинцомъ, хорошими огнестрѣльными орудіями и другимъ ручнымъ оружіемъ; бюргеры, слава Богу, богаты, а городъ еще никогда не бывалъ въ такой крайности, чтобы у него не нашлось нѣсколькихъ сотенъ ластовъ ржи, а другихъ хлѣбовъ такъ навѣрно 1000, кромѣ того бюргеры запаслись продовольствіемъ на два года, у города великолѣпные доходы отъ порторія, акциза и ландфохтейства, такъ что въ мирное время городъ имѣетъ по крайней мѣрѣ 40,000 талеровъ доходу; въ случаѣ нужды можно во всякое время имѣть въ распоряженіи четыре, или пять сотенъ кнехтовъ, а къ этому можно еще прибавить 4, или 5 сотенъ бюргеровъ и гезелей, здоровенныхъ носильщиковъ съ 300, и еще много сотенъ крестьянъ, для которыхъ въ городѣ постоянно держатся хорошія ружья и ручное оружіе; вообще, ни въ чемъ недостатку не будетъ, а потому городъ нельзя будетъ взять въ теченіи 4, или 5 лѣтъ, если только можно будетъ понадѣяться на подмогу, столько у нихъ въ распоряженіи людей! Послѣ этого герцогъ великолѣпно угощалъ ихъ, переговорилъ съ ними за столомъ обо всемъ подробно и выслушалъ ихъ, хотя въ душѣ своей и не одобрялъ ихъ измѣны. А когда Гизе, весь пропитанный измѣной, сталъ оправдываться въ убійствѣ невинныхъ людей, то герцогъ Карлъ сказалъ «Когда дьяволъ хочетъ обдѣлать что нибудь въ свою пользу, то употребляетъ для этого обыкновенно или поповъ или писцовъ» Кто знаетъ, не подразумѣвалъ ли онъ подъ этими словами и самаго измѣнника Гизе?

Это произошло въ 1586 году Между тѣмъ изъ Польши пришло извѣстіе, что король Стефанъ скончался, а старая польская королева и другіе сенаторы писали, что король шведскій пришлетъ посольство, чтобы рекомендовать польскимъ сословіямъ молодаго принца Сигизмунда (Іоанна, его сына) къ выбору въ польскіе короли. Когда наступило время выборовъ, то Гизе и его сообщникамъ было приказано бросить все и убираться по добру, по здорову изъ Швеціи. Такимъ образомъ, кончилось ихъ дѣло, и Гизе со своими помощниками долженъ былъ отступить.

Но не смотря на это, негодяй не струсилъ, возвратился снова

въ Ригу и былъ снова принятъ своими соучастниками и единомышленниками, хотя магистратъ и разспрашивалъ его чрезъ эльтермановъ и старшинъ кто его посылалъ въ Швецію, чего ему тамъ было нужно и зачѣмъ возвратился сюда? Это хотѣлъ знать магистратъ. На это онъ отвѣтилъ прямо, что онъ поѣхалъ туда потому, что видѣлъ гнѣвъ польскаго короля, желавшаго обложить городъ. Онъ поэтому хотѣлъ просить у шведовъ совѣта, а, въ случаѣ нужды, и помощи. Послѣ этого его спросили, сдѣлалъ ли это онъ по собственному побужденію, или же по волѣ другихъ? На это Гизе отвѣтилъ, что сначала посовѣтовался съ другими. Магистратъ потребовалъ, чтобы онъ назвалъ этихъ другихъ, но онъ отвѣтилъ, что это совершенно не нужно. Если бы въ то время у магистрата были развязаны руки, то, конечно, тамъ знали, какъ надо расправиться съ такой шельмой; но когда магистратъ потребовалъ отъ эльтермана и старшинъ арестовать Гизе, то тѣ не хотѣли согласиться на это, а сказали, что это надо прежде обсудить предъ общиной, въ залѣ гильдіи. И хотя было не мало честныхъ бюргеровъ, которые понимали все дѣло и желали, чтобы приговоренный къ изгнанію эльтерманъ Гансъ Бринкенъ и его бездѣльный товарищъ Гизе были изгнаны изъ города; но Бринкенъ напоилъ въ своемъ погребѣ нѣсколькихъ негодяевъ, которые и подняли мятежнымъ образомъ страшный крикъ. Они никоимъ образомъ не соглашались изгнать Гизе изъ города, хотѣли стоять за него своею жизнью и имуществомъ. Тогда докторъ Стопіусъ, говоря правду, подкрѣпилъ ихъ, заявивъ, что если Гизе отвѣчаетъ за все это, то пусть остается, магистратъ тутъ ни при чемъ. Такимъ вотъ образомъ городъ и остался подъ мятежомъ, пока наконецъ волею Божьею не былъ избранъ въ польскіе короли молодой шведскій принцъ Сигизмундъ. Теперь бунтовщикамъ пришлось плохо, такъ какъ они хорошо знали, что именно теперь выйдетъ наружу все, что они замышляли въ Швеціи.

Такъ какъ въ день избранія произошли несогласія и нѣкоторые требовали, чтобы въ короли былъ избранъ сынъ стараго императора Максимиліана, не смотря на то, что сенаторы получили грамоты и письма подъ 8 печатями, что государемъ долженъ быть выбранъ и признанъ не кто иной, какъ только молодой шведскій принцъ, и это было уже объявлено публично съ пушечною пальбою, но все таки бунтовщики послали тайкомъ къ Максимиліану своего адвоката Освальда Грилле, безъ всякаго разрѣшенія и согласія на то магистрата, съ предложеніемъ взять городъ подъ императорскую власть. Тогда то стало яснымъ, чего они боялись. Съ грамотою отъ польскихъ сословій, что Сигизмундъ долженъ быть признанъ законнымъ государемъ, въ Ригу прибылъ съ избирательнаго сейма секретарь шведскаго посольства Іоаннъ Вильдбергеръ и потребовалъ отъ города суммы денегъ. Когда ему заявили о несостоятельности города, онъ прямо упрекнулъ,

что рижане только прикидываются бѣдняками, такъ какъ городъ передъ тѣмъ хвасталъ королю, что у него 40,000 талеровъ годоваго дохода. Теперь стало очевиднымъ, какою ложью хотѣлъ провести короля шельма Гизе.

Когда король Сигизмундъ прибылъ въ Польшу и былъ коронованъ, а Максимиліанъ, который со своими сообщниками хотѣлъ отнять корону у означеннаго Сигизмунда, былъ разбитъ и заключенъ въ Прютценѣ, и когда король назначилъ первый сеймъ послѣ празднества коронованія, городъ Рига получилъ королевскій позывъ къ суду именно по тому поводу, что тѣ шельмы хотѣли передать городъ шведамъ. Тутъ-то у бюргеровъ открылись глаза. рѣшились отправить пословъ на сеймъ съ просьбою, чтобы въ Ригу были присланы коммисары, которые бы привели все въ порядокъ и возстановили спокойствіе въ городѣ.

Сеймъ назначилъ коммисарами: Северина Бонара, краковскаго каштеляна, и Льва Сапѣгу, великаго канцлера литовскаго; они-то и должны были потушить возстаніе. Какъ только бунтовщики провѣдали про это назначеніе, сейчасъ-же подняли страшный шумъ въ городѣ, такъ что многіе уснуть даже не могли, и стали обсуждать, какъ бы это имъ (коммисарамъ) захлопнуть ворота подъ носомъ, да собрать побольше народу на валы и стѣны, чтобы весь городъ подвести подъ законъ о проскрипціи (лишенію покровительства закона). Они думали, что послѣ такого поступка и хорошіе люди, и негодяи умилостивятъ короля. Но Господь Богъ, хранящій своихъ вѣрныхъ рабовъ, устроилъ такъ, что въ это самое время въ городъ прибылъ полковникъ Юргенъ Фаренсбахъ, возвращавшійся съ варшавскаго сейма. Мы, чрезъ секретаря Давида Гильхена, уговорили его, чтобы онъ, не взирая на опасность, отправился на рынокъ съ людьми, которые были съ нимъ, а также съ городскими кнехтами, къ которымъ мы еще прибавили 150 солдатъ и болѣе двухсотъ бюргеровъ. Мы привезли нѣсколько полевыхъ пушекъ и принудили мятежниковъ поклясться и обѣщать, что они будутъ спокойно вести себя, примутъ коммисаровъ и покорятся волѣ его кор. величества, дабы юстиція могла дѣйствовать безпрепятственно.

Въ іюлѣ 1589 года, прибыли въ Ригу господа коммисары съ ихъ комитетомъ и, хотя нѣкоторые неблагосклонно смотрѣли на ихъ назначеніе, но литовскій великій канцлеръ въѣхалъ пышно и великолѣпно съ 150 людьми въ городъ и остановился въ домѣ покойнаго Тастія, а другой коммисаръ, Северинъ Бонаръ, помѣстился въ замкѣ. Они были хорошо приняты городомъ и во все время, пока длилась коммисія, были содержимы на счетъ города.

Первое засѣданіе коммисіи происходило въ ратушѣ. Коммисары объявили городу королевскую милость и предъявили указъ его кор. величества по которому имъ, коммисарамъ, подле-

жало прекратить безпорядки въ городѣ, не уничтожая городскихъ привилегій. При коммиссарахъ находилось двое королевскихъ секретарей: Іоаннъ Скритовскій и господинъ Волланусъ[1]). Кромѣ того они объявили· такъ какъ въ городѣ находятся два лица, которые еще прежде признаны его кор. величествомъ и сословіями главными виновниками возстанія и были уже призываемы къ суду, но вслѣдствіе ихъ отсутствія обвинены in contumaciam, и такъ какъ эти самыя лица для увеличенія безпокойства хотѣли помѣшать дѣйствіямъ коммисіи, поэтому, въ силу королевскаго повелѣнія, слѣдуетъ арестовать этихъ лицъ. Магистратъ распорядился арестовать этихъ лицъ, но, однако, позволилъ имъ защищаться, не смотря на послѣдовавшую проскрипцію in contumaciam. Эти лица, хотя крѣпко противились магистратскому распоряженію, но должны были идти всетаки подъ арестъ. Послѣ этого былъ назначенъ день, когда весь городъ долженъ былъ по обычаю собраться на рынкѣ, для принесенія присяги его королевскому величеству, каковая присяга и была принесена.

Послѣ того отрѣшенные отъ должностей (exules): бургграфъ Николай Экке, бургомистръ Каспаръ Берге и секретарь Отто Канпе были возстановлены въ ихъ прежнихъ мѣстахъ и водворены съ правомъ обратиться, буде пожелаютъ, къ суду на кого либо изъ своихъ обидчиковъ. За тѣмъ господа коммисары назначили день и приказали, чтобы въ этотъ день собралось шесть человѣкъ отъ магистрата и шесть изъ бюргерства; къ этимъ выборнымъ коммисары присоединятъ своихъ двухъ королевскихъ секретарей, а королевскій фискалъ Бальтазаръ Шнелль въ этотъ день прочитаетъ двумъ арестованнымъ совершенные ими проступки и злодѣянія (обвинительный актъ) и заявитъ имъ, чтобы они готовились къ отвѣту Когда въ назначенный день всѣ означенныя лица собрались, сперва позвали къ нимъ Гизе, и королевскій фискалъ Бальтазаръ Шнелль, прочиталъ слѣдующіе обвинительные противъ него, Гизе, пункты

1) Онъ, Гизе, присталъ къ бунтовщикамъ и предводительствовалъ ими, осмѣлился возстать противъ городскаго начальства съ распущенными знаменами и съ оружіемъ, чтобы принудить его къ преобразованію городскаго устройства, причемъ многихъ лицъ лишилъ имущества и жизни.

2) Въ теченіе пяти лѣтъ онъ поддерживалъ ужасный бунтъ, черезъ что причинилъ городу непоправимый вредъ.

3) Онъ осмѣлился составить тайный совѣтъ заговорщиковъ изъ бюргерства.

4) Въ теченіе пяти лѣтъ, во всякое время, когда только хо-

---

[1]) Іоаннъ Скржетускій и Андрей Волануст, см. ист. соч. Бергмана II, 211. Прим. пер.

тѣлъ, онъ составлялъ тайныя сборища или со своими заговорщиками, или же съ чернью и, когда только ему не приходило въ мысль, продолжалъ свои дѣйствія.

5) Онъ отобралъ отъ начальства ключи отъ городскихъ воротъ и ворота, по своему произволу, днемъ и ночью, отворялъ и запиралъ.

6) Онъ отнялъ совершенно власть у магистрата, топталъ его пять лѣтъ ногами, своему шельмовскому брату, Гансу Гизе, противъ воли магистрата, вручилъ вѣдѣніе городской кассой, такъ что только онъ одинъ распоряжался этой кассой, и магистратъ оттуда не могъ получить ни гроша безъ его согласія, между тѣмъ какъ онъ самъ во всю свою жизнь не внесъ туда ни полушки

7) Онъ привлекъ къ себѣ множество всякихъ бродягъ и всякихъ жадныхъ къ золоту горожанъ, которые должны были помогать ему въ мятежѣ. Нѣкоторые изъ нихъ слѣдующіе

Іоахимъ Шульце.
Мартинъ Клеффе.
М. Каспаръ Турбанъ.
Д-ръ Годельманъ, изъ Ростока.
Морицъ Маркусъ Бурместеръ.
Д-ръ Іоаннъ Голлеръ, изъ Помераніи.
Д-ръ Стопіусъ.
Іоаннъ Брунсъ.
Филиппъ Миттендорфъ.
Освальдъ Грилле.

8) Секретаря Отто Капе силою лишилъ мѣста и должности безъ всякой причины.

9) Онъ устраивалъ всякія лживыя жалобы, которымъ придавалъ оттѣнокъ истины, и возбудилъ чернь выгнать лучшихъ членовъ изъ магистрата и пытать ихъ безъ всякихъ уликъ.

10) Когда магистратъ противился принужденію, то онъ, съ копьями и алебардами ворвавшись въ ратушу, нерѣдко держалъ весь магистратъ подъ арестомъ весь день, до поздней ночи. Самъ, по своему произволу, исключилъ оттуда старшаго бургомистра Каспара Берге, Іоанна Тастія фохта, доктора Готтгарда Веллинга, синдика. Онъ велѣлъ всѣхъ ихъ пытать, приказалъ палачу, безъ согласія магистрата, мучить и терзать ихъ и, бунтуя, угрожалъ магистрату копьями и жердями, если они не хотѣли тотчасъ же быть казненными, и на этотъ случай поставилъ мужиковъ предъ ратушей, чтобы произнести приговоръ согласно съ показаніями пытаемыхъ, между тѣмъ какъ тѣхъ чуть до смерти не замучили, въ особенности Тастія, такъ что докторъ Веллингъ не хотѣлъ терпѣть подобной пытки, но скорѣе сказать все, чего только онъ не потребуетъ, и лучше претерпѣть смерть, чѣмъ быть подвергнутымъ такимъ мученіямъ, какимъ подвергся Тастій.

11) Онъ велѣлъ съ неслыханнымъ и ужаснымъ тиранствомъ убить ихъ.

12) Онъ велѣлъ поймать Тастія своимъ сообщникамъ у рѣки Двины, когда его сопровождалъ королевскій конвой, потащилъ его ночью въ тюрьму, и открылъ здѣсь ворота.

13) Онъ открытою силою отнялъ у магистрата арсеналъ и выгналъ весь городъ ломать королевскій блокгаузъ, при чемъ много было пролито невинной крови бюргеровъ, гезелей и ратниковъ.

14) Презиралъ всѣ королевскіе указы, позвы и декреты, къ вящему его кор. величества оскорбленію.

15) Отобралъ церкви его корол. вел. и выгналъ королевскихъ священниковъ изъ города, все въ противность его кор. величеству

16) Онъ навлекъ королевскій гнѣвъ на городъ до того, что, если бы жилъ покойный король Стефанъ, то за вину взбунтовавшихся негодяевъ, предводительствуемыхъ Гизе, онъ не оставилъ бы въ немъ камня на камнѣ. Это оный архинегодяй, Гизе, отлично понялъ и поэтому убѣжалъ въ Швецію, предлагалъ городъ шведскому королю, и хотѣлъ получить его помощь противъ короля польскаго.

17) Онъ говорилъ шведскому королю, что будто бы земство (дворянство) не хочетъ быть подъ польскимъ подданствомъ и будто сочувствуетъ его измѣнническому предложенію. Если онъ былъ уполномоченъ ландзассами, то долженъ назвать кѣмъ именно.

Гизе, который при чтеніи этихъ пунктовъ струсилъ и растерялся, сказалъ, что онъ не повиненъ по всѣмъ пунктамъ, такъ какъ дѣйствовалъ по принужденію общины; а если же и случилось что лишнее, то онъ готовъ униженно просить о прощеніи короля и его коммисаровъ. Кромѣ того онъ просилъ, чтобы съ нимъ не поступали черезчуръ строго.

Такимъ же образомъ и въ тѣхъ же пунктахъ и выраженіяхъ былъ обвиняемъ Гансъ Бринкенъ, съ прибавленіемъ, что онъ поилъ бунтовщиковъ виномъ, чтобы тѣ не допускали изгнанія Гизе изъ города, когда онъ возвратился изъ Швеціи.

Во вторыхъ, что онъ собралъ въ своемъ домѣ бунтовщиковъ съ оружіемъ, такъ что господинъ полковникъ (Фаренсбахъ) долженъ былъ выступить на рынокъ, а также побуждалъ бунтовщиковъ не впускать королевскихъ коммисаровъ въ городъ для подавленія бунта.

Это вотъ и объявили королевскіе секретари господамъ коммисарамъ. Послѣ этого коммисары на другой день прибыли въ ратушу и, послѣ нѣкотораго сужденія, велѣли пытать сначала Гизе, а потомъ и Бринкена, чтобы вывѣдать отъ нихъ имена сообщниковъ; съ пытки тѣ назвали сообщниковъ, имена коихъ и были приняты къ свѣдѣнію. Послѣ этого былъ объявленъ приговоръ виновные должны быть казнены, какъ то заслужили, четвертованіемъ, но, по ходатай-

ству секретаря Гильхена, приговоръ этотъ былъ смягченъ. рѣшено было казнить ихъ мечемъ.

Послѣ этого были привлечены къ суду другіе сообщники и ближайшіе участники бунта, и, смотря по проступкамъ, были наказаны весьма снисходительно кто тюрьмою, кто деньгами. Призываю въ свидѣтели Господа Бога, что я со многими примирился, а нѣкоторымъ людямъ, которымъ былъ назначенъ денежный штрафъ, даже одолжилъ денегъ изъ моего собственнаго кошелька, чтобы они могли остаться въ краѣ и исправиться.

Гансъ Зенгейзенъ, лудильщикъ, который во все время былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ бунта и ѣздилъ вмѣстѣ съ Гизе въ Швецію, былъ совершенно справедливо обезглавленъ. Братъ Гизе, Гансъ, который заслуживалъ бы смерти, но на колѣняхъ выпросилъ у господъ коммисаровъ милостивый для себя приговоръ, былъ заключенъ въ тюрьму пожизненно; Альбрехтъ Мюленъ, развратный негодяй, который также ѣздилъ съ Гизе въ Швецію, былъ навсегда исключенъ отъ занятія въ городѣ какой либо должности. Клаусъ Брокгофъ скрылся бѣгствомъ и былъ осужденъ на проскрипцію; Вернеръ Диненброкъ скрылся бѣгствомъ и былъ приговоренъ къ проскрипціи, также какъ и Клаусъ Лоске. Прочіе были наказаны или денежнымъ штрафомъ, или тюрьмою.

Послѣ того собрался весь магистратъ, а также и отрѣшенные (exules) и объявили, что если кто либо изъ общины желаетъ принести на нихъ жалобу, то пусть тотъ выступитъ, выскажетъ свою жалобу, а потомъ замолчитъ. Тогда община стала совѣщаться между собою; но никого не было, кто хотѣлъ бы выступить впередъ, а другіе невиноватые говорили, что имъ было бы очень пріятно видѣть, когда магистратъ примирится съ общиною, не будетъ строго наказывать виноватыхъ, чтобы снова между магистратомъ и общиною явились миръ, единодушіе и обоюдное согласіе; что невиноватые готовы подвергнутся наказанію вмѣстѣ съ виновными, если только этимъ возстановится миръ и тишина.

Это весьма понравилось высокопочитаемому магистрату, который и передалъ это господамъ коммисарамъ. Эти также сочли за хорошее объявить амнистію за все происшедшее.

Послѣ этого составился комитетъ изъ магистрата и выборныхъ отъ общины, которые написали генеральный контрактъ, получившій послѣ одобреніе со стороны господъ коммисаровъ.

Послѣ этого коммисары, вслѣдствіе данной имъ инструкціи, настаивали на томъ, чтобы церковь св. Іакова была по прежнему уступлена папскимъ священникамъ, но такъ какъ община на этотъ разъ сильно противилась этому, то они отложили вопросъ о церкви до прибытія его королевскаго величества, который въ то время находился въ Ревелѣ.

Тогда съ господами коммисарами вступили въ переговоры насчетъ уничтоженія блокгауза, который былъ выстроенъ, по причинѣ бунта, на Двинѣ. Послѣ долгихъ переговоровъ, пришлось заплатить ратнымъ людямъ. Господинъ Леникъ получилъ Икскуль и Кирхгольмъ, отъ которыхъ городъ имѣлъ доходу 7,000 гульденовъ, другіе были удовлетворены деньгами и товарами, или наконецъ векселями. Уничтоженіе блокгауза обошлось городу въ 50,000 гульденовъ. Кромѣ того стоимость всего, что коммисары употребляли во время своего пребыванія въ городѣ, также достигала до порядочной суммы.

Отрѣшенные отъ должности (exules) также настаивали на томъ, чтобы ихъ вознаградили за потерпѣнные ими убытки; но господа коммисары сами обсудили и рѣшили это дѣло, что конечно должна была бы сдѣлать община, вмѣсто того, чтобы ссориться другъ съ другомъ[1]).

Въ 1589 году, 26 августа, въ день св. Северина былъ заключенъ бюргерскій договоръ между магистратомъ и общиною и подписанъ господами коммисарами, припечатанъ и былъ прочитанъ всенародно въ ратушѣ, въ присутствіи господъ коммисаровъ, и каждый долженъ былъ клясться и обѣщать держать его на вѣчныя времена. Поклялись весь магистратъ и эльтерманы вмѣстѣ со старшинами обѣихъ гильдій, вся община и всѣ жители города Риги. Такимъ образомъ драгоцѣнный миръ былъ снова возстановленъ въ Ригѣ. Господь да сохранитъ его на вѣчныя времена, отъ поколѣнія къ поколѣнію! Послѣ этого было постановлено въ Ригѣ на вѣчныя времена благодарить Бога за Севериновъ день.

Послѣ того господа коммисары простились съ магистратомъ и общиною и отправились обратно домой, написавъ сначала три копіи съ контракта, изъ которыхъ одну дали на сохраненіе магистрату, другую старшинамъ большой гильдіи, а третью старшинамъ малой гильдіи. Городъ проводилъ коммисаровъ съ почестью и благодарностью, какъ подобаетъ. Произошло это въ 1589 году, 26 августа, въ Севериновъ день.

Примѣчаніе переводчика о календарныхъ смутахъ въ Ригѣ.

Договоръ 26 августа 1589 г., опредѣлившій отношенія между рижскими городскими сословіями, заслуживаетъ, какъ и весь эпизодъ о календарныхъ смутахъ въ Ригѣ болѣе подробнаго изложенія, чѣмъ то сдѣлано у Ніенштедта, свидѣтельство котораго во всякомъ случаѣ, какъ очевидца совершавшихся смутъ, чрезвычайно важно.

Рижское городское общество съ древнѣйшихъ временъ, едва-ли

---

[1]) Требованіе бургомистра Экке простиралось до 7998 гульденовъ и 15 грошей. Эта сумма должна была быть выплачена въ опредѣленные сроки до 1600 года. См. ист. соч. Бергмана, II, ст. 235. Прим. пер.

не съ самаго основанія Риги (1201 г.) управлялось магистратомъ, о составѣ котораго и предметахъ вѣдомства было разсказано во вступленіи къ 1-му тому При. Сб. стр. XVI—XVIII. Магистратъ составлялъ первенствующее, управляющее городское сословіе. Второе городское сословіе составляло общество купцовъ, называемое большою гильдіею, а третье сословіе составляли ремесленники или малая гильдіи. Появленіе гильдій въ Ригѣ относится къ временамъ весьма отдаленнымъ, первоначальные уставы (шраги) ихъ были составлены около 1354 г по примѣру шраговъ, дѣйствовавшихъ въ тѣ времена въ Минстерѣ и Соестѣ. Каждая изъ гильдій управлялась своимъ выборнымъ эльтерманомъ и выборными старшинами, эльтерманъ и старшины составляли старшинскую думу (скамью старшинъ). Обѣ гильдіи имѣли значительное вліяніе на городское, даже на церковное управленіе, а въ случаяхъ особенно важныхъ депутаты гильдій являлись даже на ландтаги, тѣмъ не менѣе отношенія гильдій къ магистрату были весьма неопредѣленны, а неопредѣленность отношеній была поводомъ къ разнымъ неудовольствіямъ: гильдіи были недовольны своимъ малымъ участіемъ въ городскомъ управленіи, находя магистратское управленіе черезъ чуръ безконтрольнымъ и самовластнымъ (что было и правда). Желаніе упорядочить отношеніе магистрата къ общинѣ, опредѣлить права и обязанности каждаго городскаго сословія замѣчалось въ рижской общинѣ весьма сильное. Имъ, этимъ желаніемъ, и выясняется весьма многое въ календарныхъ смутахъ.

Извѣстно, что Рига присягнула королю Сигизмунду — Августу (См. Приб. Сб. II, 403) только тогда, когда королевскій ливонскій намѣстникъ, князь Николай Радзивиллъ, выдалъ 17 марта 1762 г. удостовѣрительную грамоту, утверждавшую древнія городскія права и преимущества и обезпечивавшую Ригѣ независимость вслучаѣ, если бы польскій сеймъ не утвердилъ условій сдачи или вслучаѣ, если бы оказалась невозможность соединенія въ одно время съ Польшею и Литвою, и наконецъ вслучаѣ, если король умретъ, не оставивъ наслѣдства. Эта удостовѣрительная грамота извѣстна подъ именемъ cautio altera Radzivilliana. Извѣстно также (см. Приб. Сб. III, 159—161), что въ 1566 г., когда устроилось соединеніе Ливоніи съ Литвою, Рига ни за что не хотѣла принимать акта соединенія и упорно стояла при названной (второй) удостовѣрительной грамотѣ. Польское правительство хотѣло было принять мѣры, чтобы силою заставить Ригу присягнуть, но Кетлеръ явился посредникомъ, убѣдилъ правительство не строить блокгаузовъ, не препятствовать судоходству, а подождать, пока Рига одумается и присягнетъ добровольно. Дѣло такимъ образомъ затянулось и Рига очутилась въ полу-независимомъ положеніи.

Рижскіе депутаты являлись на сеймы, но дѣло впередъ отнюдь не подвигалось: причиною тому были частію продолжавшаяся война, частію неурядица въ самой Польшѣ. Только въ то время, когда война съ Іоанномъ Грознымъ подходила къ концу, и когда исходъ ея не подлежалъ сомнѣнію, Баторій занялся устройствомъ внутреннихъ дѣлъ Ливоніи. Лѣтомъ 1579 г. ему представились депутаты отъ Риги и передали на разсмотрѣніе и утвержденіе составленный особою комми-

сію сокращенный сборникъ привиллегій—corpus privilegiorum. Тѣмъ не менѣе, король не утвердилъ правъ Риги. Есть извѣстіе, что онъ сказалъ депутатамъ, что желаетъ вовсе не имѣть Риги, чѣмъ имѣть ее на столь невыгодныхъ для Польши условіяхъ. Переговоры затянулись; они продолжались въ 1780 г., въ началѣ 1781 г. перенесены были въ Гродно и Дрогичинъ. Здѣсь многіе пункты были выключены вовсе, многіе измѣнены, а утвержденіе нѣкоторыхъ, именно по духовнымъ имѣніямъ и укрѣпленіямъ, отложено впредь до прибытія короля въ Ригу. Только 14 января 1781 г. рѣшился вопросъ о правахъ и преимуществахъ города. Въ этотъ день король подписалъ городскія привиллегіи: Corpus privilegiorum Stephaneum. Рига подчинялась королю и на вѣчныя времена соединялась съ Литвою и Польшею; король, обѣщаясь защищать рижанъ отъ всякихъ постороннихъ требованій, преимущественно же со стороны Германской имперіи, утвердилъ отъ своего и отъ своихъ потомковъ имени всѣ владѣнія рижанъ, свободы, законы, права и статуты ихъ какъ въ церковныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, всѣ добрые и законные обычаи и договоры съ ганзою; утвердилъ также рижское городовое право и суды, съ оговоркою однако, дабы ничто не противорѣчило ни вѣрности, ни подданству королю, ни публичному праву. Магистрату предоставлено было право налагать аресты какъ на иноземцевъ, такъ и на поляковъ и на литовцевъ. Магистратъ и городской фохтъ удержали за собою право суда. Дворяне, проживающіе на городскихъ земляхъ, или имѣющіе контракты съ городомъ, подлежатъ суду бургграфа, избираемаго королемъ изъ четырехъ бургомистровъ, который долженъ былъ исполнять свою должность такъ, какъ то принято въ трехъ большихъ прусскихъ городахъ. Магистрату было предоставлено право дѣлать измѣненія въ городскихъ законахъ, статутахъ и обычаяхъ, но не иначе, какъ съ королевскаго утвержденія. Спорныя дѣла города съ лифляндскимъ дворянствомъ разрѣшаются или ландтагомъ или же особыми коммисарами, которыхъ король будетъ назначать изъ природныхъ лифляндцевъ; споры магистрата съ гражданами подлежали рѣшенію трехъ особыхъ судей, избранныхъ съ обѣихъ сторонъ. Бѣглые крестьяне, о которыхъ никто не заявилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, должны быть приписаны къ городу. Рижскіе горожане, помимо магистрата, не имѣютъ права обращаться ни въ какія присутственныя мѣста. Горожане имѣютъ право покупать имѣнія, но съ королевскаго утвержденія.

За городомъ были оставлены его имѣнія съ правомъ охоты, рыболовства, рубки лѣса на нихъ, городу же представлялось свободное судоходство по всѣмъ лифляндскимъ рѣкамъ и морю. Король даритъ городу десятину съ рыбы. Магистратъ выдаетъ паспорты. Независимо этого, городъ получилъ многія права и преимущества по торговлѣ. На двѣ мили кругомъ города никто не имѣетъ права устраивать винокурень, за исключеніемъ начальниковъ замка и дворянъ землевладѣльцевъ. Выморочныя имѣнія, о которыхъ не будетъ заявлено въ теченіе года, переходятъ въ собственность города. Городъ

платитъ королю дани 1,000 гульденовъ и на случай войны обязанъ выставить 300 чел. пѣхоты съ нѣсколькими орудіями.

Всѣ исчисленныя права и преимущества Риги были утверждены варшавскимъ сеймомъ 16 ноября 1582 г. О религіозныхъ дѣлахъ и церковномъ устройствѣ не было сказано ничего опредѣлительнаго. Это, какъ равно отмѣна многихъ другихъ испрашивавшихся преимуществъ, возбудило въ рижанахъ большое неудовольствіе, но какъ бы то ни было, съ подписаніемъ и утвержденіемъ 14 января 1581 г. акта подчиненія Риги, польское господство въ Лифляндіи должно быть считаемо окончательно утвердившимся.

Тѣмъ не менѣе, ни въ Ригѣ, ни во всей Лифляндіи дѣла не приходили въ порядокъ и сѣмена раздора отнюдь не искоренялись. Произволъ и самоуправство польскихъ чиновниковъ и солдатъ сильно обременяли лифляндцевъ. Предъ самымъ заключеніемъ мира разнеслись слухи, что король намѣренъ передать Лифляндію венгерцамъ; по рукамъ ходили шведскія прокламаціи, приглашавшія лифляндцевъ вступить въ подданство Швеціи и обѣщавшія полное сохраненіе правъ и преимуществъ; многихъ подозрѣвали въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ; однимъ словомъ, ни поляки не вѣрили лифляндцамъ, ни лифляндцы полякамъ.

Едва лишь былъ заключенъ запольскій миръ съ русскими, по которому они должны были отказаться отъ Юрьева и отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Лифляндіи и Польшѣ, какъ польское правительство обнаружило весьма ясно свои католическія тенденціи, встрѣченныя лифляндцами-протестантами весьма непріязненно. Двигателями этихъ тенденцій явились іезуиты, тѣ самые, которые еще при Сигизмундѣ-Августѣ были вызваны, по совѣту знаменитаго предсѣдателя тридентскаго собора Гозіуша, въ Вильну для учрежденія тамъ іезуитской коллегіи и противодѣйствія распространенію протестанства въ Польшѣ и Литвѣ. Іезуитовъ поддерживалъ не столько король Стефанъ, сколько великій канцлеръ польскій Янъ Замойскій. Еще при переговорахъ о подчиненіи Риги поляки заявляли о необходимости имѣть въ Ригѣ католическую церковь, тѣмъ болѣе, что православная церковь въ Ригѣ существовала уже въ тѣ времена. Вспомнили при этомъ, что въ Ригѣ существуетъ еще монастырь Маріи Магдалины (нынѣ Алексѣевская церковь) и что монахини онаго еще въ 1572 г. жаловались королю, что у нихъ нѣтъ священника, который долженъ состоять при монастырѣ по праву, завѣренному еще архіепископомъ Альбрехтомъ. Городъ отрицалъ это право и не дозволялъ ставить священника. Поляки настаивали, чтобы рижане уступили двѣ протестантскія церкви для обращенія ихъ въ католическія, но депутаты, конечно, не могли дать на это никакого рѣшительнаго отвѣта. Въ Ригѣ обо всемъ этомъ депутаты ни слова не говорили, извѣстили лишь общину, что богослуженіе въ протестантскихъ церквахъ будетъ совершаемо безпрепятственно, чему горожане были весьма рады. Въ то самое время, когда переговоры о мирѣ съ русскими приходили къ концу и возвращеніе Юрьева уже не подлежало сомнѣнію, король Стефанъ 16 января 1582 года изъ Гродны предписалъ юрьевскому магистрату не

устранять католиковъ отъ исправленія городскихъ должностей и обезпечить имъ свободу вѣроисповѣданія, такъ какъ король всюду въ Лифляндіи дозволилъ слѣдованіе аугсбургскому вѣроисповѣданію, но отнюдь не исключалъ католицизма изъ Лифляндіи. Вслѣдъ за тѣмъ, 29 января 1582 г. послѣдовалъ королевскій указъ, которымъ вызывались въ Лифляндію римско католическаго исповѣданія иностранные крестьяне и ремесленники; король освобождалъ такихъ переселенцевъ отъ податей на 10 лѣтъ и обѣщалъ имъ въ наслѣдственное владѣніе пустопорожнія мѣста. Этимъ же указомъ возвѣщалось объ учрежденіи въ Лифляндіи католическаго епископства. Когда Замойскій съ польскими войсками вступилъ въ Юрьевъ, то протестантамъ уступилъ церковь св. Іакова, главную же городскую церковь св. Маріи предоставилъ католикамъ.

12 марта 1582 г. король Стефанъ, сопровождаемый епископами, каштелянами и многочисленною свитою, прибылъ въ Ригу; сюда же пріѣхалъ изъ Юрьева и Замойскій. Вопросъ объ уступкѣ церкви возникъ немедленно же. Тщетно тогдашній бургграфъ[1]) Эке, ратсгеръ Тастіусъ и синдикъ Веллингъ противились къ такой уступкѣ и тщетно предлагали обратить въ католическую прежнюю русскую церковь или пожертвовать деньги. Приближалась пасха, которую король хотѣлъ праздновать въ Ригѣ, потому и настояніе о церкви дѣлались все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, Веллингъ сказалъ великому канцлеру, что король могъ бы и приказать городу назначить для католическаго богослуженія одну церковь, подъ угрозою потери всѣхъ молитвенныхъ домовъ. Эти слова были впослѣдствіи вмѣнены Веллингу въ измѣну. Въ пятницу, предъ вербнымъ воскресеньемъ, король послалъ въ магистратъ бургграфу Эку рѣшительное повелѣніе. Королевское повелѣніе произвело немалый переполохъ въ магистратѣ. Вспомнили, что соборная церковь въ Ригѣ (Domkirche) была уступлена послѣднимъ архіепископомъ протестантской генеральной консисторіи за значительную сумму денегъ. Король требовалъ уступки церквей св. Іакова и св. Магдалины,—которыя не принадлежали городу, а монахинямъ цистерціенскаго ордена. Изъ нихъ церковь св. Магдалины, дѣйствительно, принадлежала монастырю, церковь же св. Іакова была предоставлена монастырю архіепископомъ Альбрехтомъ въ 1259 г. лишь временно, впредь до постройки монастыремъ собственной церкви. Въ обѣихъ церквахъ уже 60 лѣтъ происходило протестантское богослуженіе; съ передачею этихъ церквей католикамъ боялись распространенія религіозныхъ распрей. Бургграфъ предложилъ посовѣтоваться о передачѣ церквей съ проповѣдниками. Оберъ-пасторъ Нейнеръ отъ имени духовенства заявилъ, согласно съ мнѣніемъ бургграфа, что для сохраненія прочихъ церквей слѣдуетъ отдать католикамъ названныя двѣ церкви. Тогда позвали въ магистратъ на совѣщаніе старшинъ и почетнѣйшихъ горожанъ.

---

[1]) Должность королевскаго бургграфа учреждена королемъ Стефаномъ. Прим. пер.

Не смотря на всѣ представленія бургграфа, старшины и горожане долго противились передачѣ и наконецъ просили магистратъ составить особый комитетъ для обсужденія всего этого дѣла, а сами рѣшились итти къ королю съ женами и дѣтьми, броситься къ его ногамъ и просить не отягощать ихъ совѣсти такими требованіями и просить курляндскаго герцога ходатайствовать за нихъ. Бургомистръ согласился на избраніе комитета (отъ магистрата и обѣихъ гильдій по 3 человѣка). Но когда избранные депутаты отъ гильдій шли въ ратушу на совѣщаніе, они встрѣтили католическаго епископа въ облаченіи, возвращающагося въ сопровожденіи крестовъ и хоругвей съ освященія церкви св. Іакова, переданной ему Веллингомъ. Говорятъ, будто король позвалъ предъ этимъ къ себѣ ратсгеровъ и сказалъ имъ: „Подите къ нимъ и скажите этимъ бестіямъ, что я сегодня не могу ѣсть ничего, прежде чѣмъ не помолюсь въ церкви“ Одновременно и церковь Маріи Магдалины была предоставлена католикамъ вмѣстѣ съ женскимъ монастыремъ, въ которомъ еще жило нѣсколько престарѣлыхъ монахинь. Такимъ образомъ, въ 1582 г. въ обладаніи католиковъ явились въ Ригѣ двѣ церкви, какъ и сказано выше у Ніенштедта на стр. 54.

Рижане смотрѣли крайне подозрительно на это утвержденіе католичества и подозрѣнія ихъ усилились, когда въ Ригу прибылъ іезуитъ Поссевинъ, тотъ самый, который при заключеніи Запольскаго мира игралъ роль посредника между русскими и поляками. Подозрѣнія были справедливы, потому что съ прибытіемъ его обнаружились намѣренія основать въ Ригѣ іезуитскую коллегію. Неправилось лифляндцамъ и то, что король Стефанъ назначилъ администраторомъ Лифляндіи Георга Радзивилла (кардинала), а первымъ совѣтникомъ къ нему опредѣлилъ Суликовскаго. Король Стефанъ пробылъ въ Ригѣ до 2-го мая 1582 г.,—обсуждая вопросы по внутреннему управленію краемъ, какъ изложено выше у Ніенштедта.

Здѣсь нѣтъ надобности входить въ подробности объ учрежденіяхъ Стефана Баторія — всѣ они имѣли цѣлію ввести порядокъ въ судъ и администрацію края и для своего времени были, конечно, полезны Тѣмъ не менѣе, ни гражданскія учрежденія, ни награды, которыя Баторій жаловалъ за заслуги, не могли истребить въ лифляндцахъ недовѣрія къ польскому правительству, именно за покровительство его іезуитамъ и нескрываемыя намѣренія расширить католичество въ Лифляндіи. Въ 1583 г. явились въ Ригу двѣнадцать іезуитовъ со своимъ провиціаломъ Кампане; въ слѣдующемъ году было открыто іезуитское училище (коллегія), которому король подарилъ монастырь Маріи Магдалины съ принадлежавшими къ нему недвижимостями. Въ училище почти никто не отдавалъ дѣтей, такъ что учениковъ приходилось набирать изъ Литвы, но отцы іезуиты отнюдь не унывали и немедленно же начали дѣйствовать по своему въ пользу папизма. Учрежденіе епископства въ Венденѣ было встрѣчено недовѣрчиво, потому нечего удивляться, что въ то время, когда послѣдовало исправленіе календаря папа Григорій XIII отмѣнилъ счисленіе по юліанскому календарю, а король Стефанъ повелѣлъ въ 1582 г. администра-

тору, кардиналу Радзивилу, ввести въ Лифляндіи григоріанскій календарь, то это повелѣніе было встрѣчено, преимущественно въ городахъ, съ крайнимъ неудовольствіемъ. Папистская выдумка, говорили тогда, перемѣшаетъ праздники. Во многихъ мѣстахъ Польши, въ Курляндіи и въ Лифляндіи, возникло движеніе противъ введенія новаго календаря. Въ Перновѣ королевскій указъ о календарѣ былъ даже разорванъ и горожане никакъ не хотѣли подчиниться ему

Въ Ригѣ обращеніе двухъ церквей въ католическія и основаніе іезуитской коллегіи сильно раздражало гражданъ противъ магистрата, не умѣвшаго, по ихъ мнѣнію, соблюдать пользы города. Обѣ гильдіи давно уже искали расширенія своихъ правъ и не упускали случая и возможности ограничить власть городскаго магистрата: матеріалы для борьбы готовились уже цѣлое столѣтіе и она не замедлила вспыхнуть, когда къ тому обнаружился достаточный поводъ.

Здѣсь совершенно необходимо пополнить разсказъ Ніенштедта слѣдующими подробностями.

Кардиналъ-администраторъ, передавъ королевскій указъ въ магистратъ, отправился въ объѣздъ по Лифляндіи и не слишкомъ заботился о введеніи новаго календаря. Между тѣмъ оберъ-пасторъ Нейнеръ, отъ себя и отъ имени своихъ товарищей, прислалъ 23 ноября 1582 г. въ магистратъ заявленіе, въ которомъ, не отрицая неудобствъ стараго календаря и не опровергая принятія новаго счисленія, говорилъ, что григоріанскій календарь не принятъ ни въ одномъ протестантскомъ государствѣ и что на этотъ счетъ слѣдуетъ посовѣтоваться съ Пруссіею и Курляндіею. Іезуитъ Поссевинъ съ своей стороны совѣтовалъ послать не мѣшкая посольство къ королю. Тѣмъ не менѣе, прошло два года и о календарѣ рѣчи затихли. Но вдругъ въ ноябрѣ 1584 г. послѣдовалъ второй королевскій указъ; въ немъ предписывалось ввести новый календарь подъ опасеніемъ наложенія штрафа въ десять тысячъ червонцевъ. Магистратъ и оберъ-пасторъ Нейнеръ соглашались исполнить указъ, но гражданство воспротивилось тому. Въ перемѣнѣ календаря оно видѣло новый шагъ къ окатоличенію страны; говорили, что такою перемѣною нарушается свобода аугсбургскаго исповѣданія и указывали, что многіе нѣмецкіе государи и самые вассалы Польши и Литвы отвергли новый календарь.

Магистратъ публиковалъ королевскій указъ въ общее свѣдѣніе. Протестантское духовенство въ тоже самое время (29 ноября), протестуя противъ всякаго папскаго авторитета, заявило, что этотъ указъ о календарѣ есть не что иное, какъ свѣтское распоряженіе, ни мало не касающееся совѣсти, и по настоянію Нейнера, начало адвентъ (рождественскій постъ) по новому календарю. Члены магистрата и ихъ родственники праздновали день Рождества Христова по новому календарю, но церкви были почти пусты. Противники магистрата утверждали, будто бургомистры и ратсгеры велѣли сгонять кнутьями простой народъ (латышей) въ церковь, но граждане (биргеры, нѣмцы) не обращали на то никакого вниманія и занимались своими дѣлами. Въ полночь на Рождество чернь напала на католическія церкви, въ которыхъ іезуиты служили по новому календарю,

начала бросать каменьями въ священниковъ, осквернила священные сосуды, поразбивала въ церквахъ окна и предалась другимъ безчинствамъ, пока не была позвана стража. На мѣсто происшествія прибылъ судебный фохтъ и арестовалъ многихъ зачинщиковъ безчинствъ; народъ бросалъ каменьями и въ фохта.

Спустя нѣсколько дней послѣдовало открытіе іезуитской коллегіи. Оберъ-пасторъ Нейнеръ счелъ необходимымъ предложить ректору Мэллеру, ревностному протестанту, чтобы онъ воздерживалъ своихъ учениковъ отъ всякихъ безчинствъ. Это подало поводъ къ пререканіямъ между Нейнеромъ и Мэллеромъ. Послѣдній горячо высказывался противъ папистскихъ новшествъ и сказалъ, что король учрежденіемъ іезуитской коллегіи и введеніемъ новаго календаря прямо нарушаетъ свою присягу. Нейнеръ возражалъ ему, что календарь не имѣетъ ничего общаго съ вѣрою. На слѣдующій день Нейнеръ собралъ магистратъ, духовенство и представителей гражданъ и старался уговорить всѣхъ на принятіе новаго календаря, причемъ заявилъ, что ректоръ совершилъ вчера преступленіе — виновенъ въ оскорбленіи величества. Оберъ-секретарь магистрата тотчасъ же занесъ это въ протоколъ.

Приближалось Рождество по старому календарю, тогда нѣсколько значительнѣйшихъ горожанъ обратились къ первенствующему бургомистру Петру Шотлеру и просили у него позволенія праздновать праздникъ. Бургомистръ обѣщалъ внести просьбу эту на разсмотрѣніе магистрата, который отказалъ просителямъ и дозволенія праздновать Рождество не далъ по старому календарю. А къ вечернѣ, между вторымъ и третьимъ часомъ, горожане со своими семействами собрались въ двѣ главныя рижскія церкви, но звона при этомъ не было. Ученики перелѣзли чрезъ запертыя перила, зажгли свѣчи у алтаря, начали пѣть духовные святочные гимны. Проповѣдниковъ нигдѣ не было. Отъ печали и слезъ горожане едва могли пѣть. Когда народъ началъ расходиться, ректоръ Мэллеръ приказалъ ученикамъ приходить завтра утромъ, какъ въ настоящій день праздника Рождества Христова, въ школу на урокъ закона Божія. Въ школу пришло множество и взрослыхъ. Когда ректоръ увидѣлъ многочисленное собраніе, то испугался и сказалъ, что онъ звалъ лишь дѣтей, но какъ взрослыхъ нельзя уже было выслать изъ школы, то онъ и сказалъ собранію рѣчь, въ которой выразился, какъ пишетъ Ніенштедтъ, (см. выше стр. 61), что новый календарь есть мостъ къ введенію папизма. Въ собраніи возникло столь сильное во неніе, что оберъ-пасторъ Нейнеръ намекнулъ тогдашнему бургомистру Ніенштедту о военномъ вмѣшательствѣ. Въ церквахъ пѣли гимны, но проповѣдей нигдѣ не было. Церкви, назначенныя для не-нѣмцевъ (латышей), были заперты и крестьяне становились предъ ними на колѣняхъ съ обнаженными головами. Магистратъ воспретилъ ректору говорить проповѣди, тотъ въ оправданіе свое говорилъ, что онъ обучалъ лишь своихъ учениковъ Противъ Нейнера всѣ были такъ раздражены, что когда онъ въ день обрѣзанія Господня, праздновавшійся по новому календарю, высказался, что этотъ календарь есть чисто гражданское учрежденіе,

семнадцатилѣтній оловянныхъ дѣлъ мастеръ Кирьякъ Клинкъ, громко назвалъ его лжецомъ. Нейнеръ принесъ въ магистратъ жалобу на ректора и обвинялъ его въ томъ, что онъ называлъ короля клятвопреступникомъ, — ректоръ отрицалъ это. Магистратъ отложилъ произнесеніе приговора до возвращенія въ Ригу бургграфа Эке, который въ то время находился вмѣстѣ съ синдикомъ Веллингомъ въ Польшѣ по дѣламъ, касавшимся торговли. Празднованіе новаго года по юліанскому календарю было запрещено. Тогда старшина большой гильдіи, Гансъ Фрейтакъ, собралъ духовенство и пригласилъ его праздновать новый годъ по старому календарю. Духовенство извинялось силою обстоятельствъ и сваливало все на магистратъ. Въ слѣдующее утро граждане собрались въ церковь и старикъ Клинкъ исполнялъ должность кантора (пѣвчаго).

Тутъ магистратъ счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, по причинамъ весьма понятнымъ: король грозилъ за неисполненіе указа о календарѣ наложить штрафъ въ 10,000 червонцевъ. На самый новый годъ пріѣхали въ Ригу бургграфъ и оберъ секретарь и тогда же было рѣшено арестовать ректора. На другой день, т. е. 2 (12) января 1585 г. ректоръ былъ арестованъ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу. Многіе граждане начали просить бургграфа объ освобожденіи ректора, но тотъ не принялъ во вниманіе никакихъ просьбъ и заявилъ, что ректоръ виновенъ въ оскорбленіи величества. Это разошлось между бюргерами. Былъ пущенъ слухъ, что ректору въ эту же ночь срубятъ голову. Толпа народа бросилась на ратушу, выломала двери комнаты, гдѣ содержался ректоръ, и ученики вынесли его на плечахъ изъ заключенія. Вслѣдъ за тѣмъ толпа устремилась на домъ Нейнера; тотъ спрятался за пивною бочкою въ своемъ погребѣ, но былъ найденъ и страшно избитъ; его вытащили на рынокъ и бросили на улицѣ. Тогда народъ кинулся на дома Эке и Веллинга. Эке не нашли, а Веллингъ по крышѣ бѣжалъ къ своему сосѣду, и тѣмъ спасся отъ побоевъ, но дома ихъ были разграблены (см. выше стр. 63).

Бургомистръ Ніенштедтъ тщетно требовалъ отъ начальника городской стражи Германа Шведена дать ему солдатъ для усмиренія бунта; стража не являлась, на помощь Ніенштедту явилось лишь нѣсколько вооруженныхъ гражданъ и съ ними-то онъ пошелъ уговаривать толпу. Слесарь Боне бросился было на него съ ножемъ, но былъ удержанъ другими. Ніенштедту удалось однакоже отогнать толпу отъ домовъ бургграфа и синдика; раненаго Нейнера снесли къ цирюльнику, всюду разставили часовыхъ, и отогнали чернь отъ дома Тастіуса, въ которомъ толпа начала было уже ломать двери. Ніенштедтъ поставилъ караулъ у дома венденскаго епископа Патриція, Шенкинга (впослѣдствіи былъ преемникомъ Патриція) и у другихъ домовъ зажиточныхъ или ненавистныхъ владѣльцевъ. Друзья Ніенштедта ходили всю ночь по городу патрулемъ и приглашали гражданъ собраться на завтрашній день въ такъ называемый новый домъ (нынѣ домъ Черноголовыхъ).

Но тутъ движеніе приняло совершенно другой характеръ. Надобно сказать, что граждане не любили бургграфа за его корыстолюбіе и гордость и все толковали, что его дѣло судить дворянъ, а не гражданъ, что онъ присвоиваетъ себѣ штрафныя деньги, и пр. Обвиняя бургграфа, граждане не щадили упрековъ и на магистратъ и обвиняли его въ своекорыстіи, въ расточеніи городскихъ доходовъ, въ неумѣньи блюсти привиллегіи, въ самовластіи и пр. Отъявленными противниками магистрата были ректоръ Мэллеръ, конректоръ Расціусъ, городской фохтъ Николай Фике, тотъ самый, который былъ 16 августа 1581 г. выключенъ изъ магистрата за то, что обозвалъ Веллинга шельмой и измѣнникомъ, и только по усиленнымъ просьбамъ былъ снова допущенъ къ исправленію своей должности въ іюнѣ 1582 г., докторъ Стопіусъ, эльтерманъ Бринкенъ и адвокатъ Мартинъ Гизе. Ніенштедтъ трехъ послѣднихъ прямо называетъ зачинщиками всего волненія (см. выше стр. 65)

Еще не свѣтало, какъ нѣкоторые граждане заперли городскія ворота, по видим му, съ тѣмъ, чтобы не выпустить изъ города ненавистнаго Эке и его друзей. Въ семь часовъ утра, задолго до времени сбора въ новомъ домѣ, граждане собрались на рынкѣ; къ нимъ вышли депутаты отъ магистрата, чтобы успокоить гражданъ; послѣдніе тотчасъ начали требовать выдачи Эке и Веллинга; депутаты увѣряли, что ихъ обоихъ въ городѣ нѣтъ, что они уже бѣжали. Между тѣмъ наступило время собранія въ новомъ домѣ, стоявшемъ тутъ же, на рынкѣ. Нѣкоторые старшины хотѣли было говорить къ собранію, но ихъ заставили молчать. Тогда Гизе вскочилъ на столъ и воскликнулъ: есть нѣкоторые люди, которые виновны въ томъ, что городъ потерялъ свои вольности, привиллегіи и церкви. Это заявленіе понравилось и его спрашивали, что же теперь дѣлать? Онъ отвѣчалъ, что нужно извѣстить коменданта замка Томаса Эмдена о безпорядкахъ минувшей ночи и обѣщать ему, что порядокъ будетъ возстановленъ безъ нарушенія присяги; потомъ совѣтовалъ сообщить іезуитамъ, что бывшія смуты не были направлены противъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивать на выдачѣ Эке и Велинга. Эти предложенія были тотчасъ же и приняты. Члены магистрата должны были собраться вечеромъ въ акцизномъ домѣ, гдѣ старшина Фрейтакъ потребовалъ, чтобы они завтра же выслушали жалобы общины. Нѣкоторые магистратскіе члены хотѣли было ускользнуть изъ города чрезъ Новыя ворота, но граждане воротили ихъ назадъ, а Фике и Гизе совѣщались со своими сообщниками до полуночи.

Когда на слѣдующій день въ восемь часовъ собрались члены магистрата, Гизе собралъ гражданъ предъ ратушею со знаменами отъ четырехъ кварталовъ, съ барабанами и свистками. Здѣсь граждане выбрали себѣ предводителя и пошли по улицамъ. Тогда же былъ выбранъ комитетъ изъ 16 членовъ (въ ихъ числѣ были Гизе и историкъ Цаупе) для веденія переговоровъ съ четырьмя ратсгерами, между которыми находились Ніенштедтъ и Фике. Скрывшимся членамъ магистрата была обѣщана безопасность на два дня, послѣ чего они тоже явились 6 (16) января и были приведены въ ратушу. За день предъ

тѣмъ община постановила защищаться на жизнь и на смерть и рѣшила отказать магистрату въ повиновеніи. Гизе въ переговорахъ съ магистратомъ мотивировалъ это послѣднее рѣшеніе оскорбленіемъ, нанесеннымъ ректору, и обѣщалъ, что все награбленное въ послѣднемъ мятежѣ будетъ возвращено по принадлежности, и затѣмъ предложилъ ратсгерамъ отвѣчать да или нѣтъ на вопросы. На вопросъ: всѣ или только нѣкоторые члены магистрата согласились на отдачу католикамъ церкви св. Іакова и на принятіе новаго календаря? ратсгеры отвѣчали, что это сдѣлано большинствомъ, но сдѣлано по крайней необходимости. Шотлеръ сказалъ, что, по болѣзни, онъ вовсе не участвовалъ въ сужденіяхъ по этимъ дѣламъ, а Фике заявилъ, что въ это время онъ былъ вовсе удаленъ изъ магистрата. Въ арестѣ ректора былъ виновенъ одинъ бургграфъ.

Такъ граждане судили свое начальство. Они забрали ключи отъ цейхгауза и отъ городскихъ воротъ, а Гизе произвольно передалъ управленіе городскою кассою своему брату. Предлагаемое посредничество герцога курляндскаго было отклонено; кардинала Радзивила, прибывшаго изъ Польши 8 января, не впустили въ городъ, и на письменное королевское повелѣніе принести жалобы на магистратъ ему, королю, лично, не обращали вниманія. Естественно, что предводителямъ гражданъ было гораздо полезнѣе и выгоднѣе самимъ вести переговоры съ испуганнымъ и запертымъ въ городѣ магистратомъ, чѣмъ причьемъ либо посредствѣ. Въ угрозахъ противъ магистрата недостатка не было. За день предъ Крещеніемъ, потребовали отъ магистрата, чтобы онъ этотъ день праздновалъ вмѣстѣ съ общиною по старому календарю. Бургграфъ Эке былъ отысканъ и приведенъ въ ратушу, его караулили всю ночь и не щадили оскорбленій. По рукамъ ходила записка, въ которой значились имена тѣхъ лицъ, которыхъ Эке будто бы хотѣлъ казнить ночью за мятежническіе замыслы и хотя магистратъ заявлялъ, что объ этомъ ему ровно ничего не извѣстно, тѣмъ не менѣе граждане арестовали служителей магистрата и Велингу грозили пыткой. Наконецъ, 23 января заключенъ былъ договоръ въ 63 пунктахъ между магистратомъ и гражданствомъ. Этимъ переговорамъ, продолжавшимся почти двѣ недѣли, граждане весьма радовались и говорили, что они въ нѣсколько часовъ покончили бы съ своимъ магистратомъ, если бы только хотѣли употребить силу, будто, и въ самомъ дѣлѣ, они не употребляли силы и будто договоръ былъ заключенъ, и въ самомъ дѣлѣ, по обоюдному соглашенію.

Договорныя статьи касались различныхъ предметовъ. Въ однихъ говорилось о церковныхъ дѣлахъ: городское духовенство должно было быть соединеннымъ и сравненнымъ христіански и братски съ прочимъ лифляндскимъ и курляндскимъ духовенствомъ; магистратъ и община изберутъ мужа набожнаго, ученаго, разумнаго и вѣрнаго въ суперъ-интенденты и оберъ-пасторы (значитъ, Нейнеръ былъ устраняемъ); проповѣдники въ обличеніяхъ и пистскихъ заблужденій должны руководствоваться не че овѣческими а божескими законами, не вмѣшиваясь въ свѣтскія дѣла; ихъ содержаніе будетъ увеличено; рек

торъ получитъ мѣсто и голосъ въ духовномъ правленіи; новый календарь будетъ устраненъ; учрежденіе іезуитской коллегіи будетъ отмѣнено; протестантъ не смѣетъ ходить въ католическую церковь подъ штрафомъ десяти талеровъ, и никакая католическая процессія въ городѣ терпима быть не можетъ. Другія статьи касались бургграфской должности. Бургграфъ судитъ лишь дворянъ и иностранцевъ и не можетъ быть первенствующимъ бургомистромъ; ему нѣтъ надобности участвовать въ совѣщаніяхъ объ общихъ городскихъ дѣлахъ и нечего дѣлать съ городскими ключами: ключи должны находиться въ распоряженіи бургомистра и эльтермановъ обѣихъ гильдій. Нѣкоторыми статьями увеличивалась власть гражданства и уменьшалась власть магистрата. Городскіе солдаты должны присягать не одному магистрату, но и гражданству; посольства могутъ быть отправляемы только съ согласія гражданъ. Собранія гильдій могутъ состояться и въ случаѣ несогласія на нихъ первенствующаго бургомистра. Отчетъ о городскихъ доходахъ доженъ быть представляемъ къ Михайлову дню, а управленіе городскими имѣніями предоставляется членамъ магистрата и депутатамъ общины. Семейства членовъ магистрата должны носить обыкновенную одежду. Другими статьями устранялись различныя жалобы гражданъ и удовлетворялись ихъ желанія. Вновь введенныя судебныя пошлины отмѣняются; — должна быть введена дешевая пошлина и городское право, съ одобренія, однако, общины, должно быть улучшено. Съ содѣйствіемъ общины долженъ быть выстроенъ маякъ и учреждено попечительство о сиротахъ. Граждане могутъ покупать на свои надобности строевой лѣсъ у городскаго камерира по заготовительнымъ цѣнамъ; съ русскими должны торговать или на наличныя деньги или въ долгъ, но только подъ личною отвѣтственностію; гражданина не будутъ сажать въ тюрьму, если онъ не совершитъ тяжкаго преступленія, и за проступки онъ подвергается гражданскому аресту (bürgerliche Verstrickung). Произвольное преслѣдованіе нецѣховыхъ (Bönhasen) уничтожается. Нѣкоторыя измѣненія вводились и во внутреннее управленіе гильдіями и пр.

По заключеніи договора, ворота были отворены и всѣ, кто во время мятежа незаконно воспользовался чѣмъ либо, получили приглашеніе возвратить взятое. Много вещей было отдано владѣльцамъ, но деньги всѣ пропали. Тѣмъ не менѣе спокойствіе не водворялось въ Ригѣ. Ремесленные ученики и гезели, принимавшіе живое участіе въ безпорядкахъ, бродили толпами по улицамъ. Граждане не переставали преслѣдовать нелюбимыхъ ими членовъ магистрата. Такъ оберъ-секретарь Канне былъ обвиненъ въ томъ, что неправильно занесъ въ протоколъ слова Нейнера о ректорѣ и составилъ списокъ лицамъ, подлежащимъ казни. Его привели въ ратушу; онъ заболѣлъ, его вынесли на носилкахъ за городъ и бросили на произволъ судьбы. Его преемникомъ былъ сдѣланъ Давидъ Гильхенъ, сынъ эльтермана, воспитывавшійся въ Германіи и рекомендованный на это мѣсто великимъ канцлеромъ Замойскимъ. Тастіусъ былъ обвиненъ въ неправильномъ составленіи отчета о своемъ посольствѣ, но успѣлъ во

время скрыться въ замокъ, гдѣ находился и бургграфъ Эке. Нейнеръ оставилъ Ригу и съ Канне поселился въ Трейденѣ.

Эке подалъ кардиналу жалобу на городскую общину, причинившую ему оскорбленіе чести, разграбившую его дома и нанесшую ему убытокъ на 12,000 рейхсталеровъ. Радзивилъ приказалъ магистрату и гражданамъ явиться 22 іюля въ замокъ.

Отъ имени гражданства отвѣчалъ Гизе. Община согласилась вознаградить убытки, но не полностію 12,000 рейхсталеровъ, какъ требовалъ Эке, а лишь незначительною частію Обо всемъ этомъ происшествіи кардиналъ донесъ королю и приказалъ Гизе явиться къ польскому двору. Эке, Нейнеръ, Тастіусъ и Канне также поѣхали къ королю съ жалобами на гражданство; король велѣлъ немедленно же уничтожить договоръ, заключенный 23 января гражданами со своимъ магистратомъ. Радзивилъ, во исполненіе этого, потребовалъ къ себѣ этотъ документъ и разорвалъ его; кромѣ этого, наложилъ на городъ значительный денежный штрафъ, приказавъ бѣжавшихъ членовъ магистрата возстановить въ ихъ должностяхъ и вознаградить ихъ потери и убытки.

5 января слѣдующаго 1586 г. городъ отправилъ депутацію къ королю. Членами депутаціи были (см. выше стр. 66): бургомистръ Ніенштедтъ, Веллингъ, Гильхенъ и нѣкоторые другіе; къ нимъ Гизе и ратсгеръ Фике присоединили выписаннаго изъ Кенигсберга лиценціата Каспара Турбана. Депутація получила инструкцію, по которой депутаты должны были выставлять возстаніе въ хорошемъ свѣтѣ. Изъ предводителей возстанія никто не рѣшился ѣхать съ депутаціею.

Въ Гроднѣ Турбанъ подалъ обширную жалобу противъ бѣжавшихъ членовъ магистрата, на что тѣ отвѣчали не менѣе обширнымъ оправданіемъ. Король оправдалъ, какъ и слѣдовало ожидать, членовъ магистрата, и затѣмъ 26 марта повелѣлъ, чтобы все въ Ригѣ было возстановлено по старому, магистратъ получаетъ прежній авторитетъ, бѣжавшіе члены должны получить снова свои мѣста и убытки ихъ должны быть вознаграждены; на будущее же время гражданство и магистратъ должны совмѣстно, безъ всякихъ бунтовъ, обсуждать мѣры къ улучшенію городскаго хозяйства, и если магистратъ пожелаетъ королевскаго утвержденія этихъ мѣръ, то король не откажетъ въ томъ; зачинщики же возмущенія Гизе, Бринкенъ и нѣкоторые другіе должны быть преданы королевскому суду. 2 апрѣля прибылъ въ Ригу королевскій секретарь и потребовалъ, чтобы Гизе и Бринкенъ явились, подъ страхомъ изгнанія, въ Польшу къ суду, но община не отпустила ихъ.

Магистратъ побѣдилъ общину на бумагѣ, но не на дѣлѣ. Раздраженіе гражданъ противъ мнимыхъ виновниковъ передачи католикамъ двухъ церквей отнюдь не стихало. Эке въ Ригѣ въ то время не было, Тастіусъ находился въ замкѣ, граждане потому рѣшились напасть на бургомистра Бергена, который находился въ составѣ той депутаціи, которая находилась въ 1581 г. въ Дрогичинѣ и ходатайствовала у короля Стефана утвержденія правъ и преимуществъ Риги. 17 іюня 1586 г. граждане собрались и съ криками: „посмотримъ-ка

на строгость магистрата“ бросились къ ратушѣ. Гизе со многими своими приверженцами ворвался въ залу, гдѣ происходило засѣданіе членовъ магистрата, и принесъ жалобу на Бергена въ томъ, что онъ производитъ сборы съ общины безъ согласія эльтермановъ и, при уничтоженіи акциза, скрылъ у себя воровски солодъ. Члены магистрата тщетно указывали на акцизную книгу и говорили, что Бергенъ не получалъ никакого солода, а въ полученномъ до того времени представилъ надлежащій отчетъ. Гизе съ товарищами потребовали выдать имъ Бергена, чтобы допросить его подъ пыткою. Магистратъ не согласился было, оставался въ ратушѣ до перваго часа ночи, но все-таки уступилъ требованію гражданъ: Бергена арестовали. Тастіусъ рѣшился бѣжать изъ Риги — переодѣтый онъ вышелъ изъ замка и думалъ было переправиться за Двину, но Гизе провѣдалъ объ этомъ и стерегъ бѣглеца. Тастіуса схватили и на слѣдующее утро, 18 іюня, привели въ ратушу. Эльтерманы и старшины потребовали немедленно же пытать его. Магистратъ противился этому, запретилъ даже городскому палачу пытать Тастіуса, но Гизе, Бринкенъ и прочіе возмутители и не думали слушать магистрата: они повели Тастіуса на пытку и пытками вынудили у него сознаться во всемъ, въ чемъ имъ было угодно — именно, что онъ, Тастіусъ, по приказанію Эке, въ Дрогичинѣ скрылъ нѣкоторые пункты привиллегій, что вмѣстѣ съ Веллингомъ внесъ предложеніе въ магистратъ объ уступкѣ церквей и на эту уступку уговорилъ духовенство.

Тастіусъ впослѣдствіи отрекся отъ этихъ показаній, вынужденныхъ пыткою. Между тѣмъ члены магистрата до полуночи не расходились и пребывали въ ратушѣ какъ бы арестованными. Наконецъ, появился торжествующій Гизе съ протоколомъ, прочелъ его и потребовалъ, чтобы Веллингъ былъ арестованъ. Магистратъ хотѣлъ было подумать объ этомъ, но Веллингъ самъ сказалъ: „довольно вамъ, господа, мучиться; я остаюсь здѣсь и надѣюсь, что Господь Богъ защититъ мою невинность“ Ніенштедтъ отъ негодованія и огорченія три дня не могъ прійти въ себя, заболѣлъ и не являлся въ ратушѣ. Веллингъ сознался, что онъ согласился на передачу церквей изъ угожденія великому канцлеру 20 іюня онъ отрекся отъ этого показанія и свое отреченіе заявилъ магистрату. Тѣмъ не менѣе, 22 іюня его повели на пытку и онъ, при видѣ инструментовъ для пытки, сознался вторично. Тогда его привели въ ратушу и возмутители потребовали, чтобы магистратъ постановилъ приговоръ надъ нимъ, сопровождая свое требованіе различными угрозами. Чтобы угрозамъ придать еще болѣе значенія, Фике подстрекнулъ крестьянъ рижскаго патримоніальнаго округа собраться и итти къ городу. Веллингъ снова отрекся отъ своего показанія и былъ снова подвергнутъ пыткѣ и снова сознался. За тѣмъ Гизе отправился съ судебными фохтами въ тюрьму, гдѣ содержался Тастіусъ. Тастіусъ утверждалъ, что онъ о церквахъ ничего не зналъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока великій канцлеръ не приказалъ ему и Веллингу именемъ короля внести дѣло о церквахъ на обсужденіе магистрата. Тастіуса отвели въ пыточную

камеру и мучили съ семи часовъ утра до двухъ пополудни и, наконецъ, вынудили сознаніе такое, какого хотѣлось мучителямъ.

Тогда возмутители снова начали настаивать, чтобы магистратъ постановилъ приговоръ надъ Тастіусомъ и Веллингомъ. Тщетно Ніенштедтъ протестовалъ противъ этого требованія и тщетно указывалъ, что магистратъ не имѣетъ синдика, что многіе члены магистрата замѣшаны въ это дѣло и не могутъ быть судьями въ немъ, тщетно совѣтовалъ передать все дѣло на обсужденіе и на приговоръ безпристрастнымъ университетамъ. Его не слушали, и только четвертованіе замѣнили казнію чрезъ отсѣченіе головы. Ніенштету было поручено привести въ исполненіе приговоръ. Онъ пришелъ въ магистратъ и предложилъ отмѣнить вынужденный приговоръ, но ничего не помогало; секретарю Гильхену и Ніенштедту удалось достигнуть лишь смягченія приговора: было объявлено, что Веллингъ будетъ помилованъ, если Тастіусъ предъ смертью сдѣлаетъ показанія въ пользу его. Тогда неустрашимый Ніенштедтъ предложилъ родственникамъ осужденныхъ на смерть, чтобы они освободили ихъ открытою силою, что для этого достаточно сорока человѣкъ; но родственники на это не согласились и сказали, что они въ случаѣ смягченія приговора могутъ лишь выставить за обоихъ осужденныхъ двѣнадцать поручителей. Тастіусъ позвалъ своего сына къ себѣ въ тюрьму и 24 іюня, предъ принятіемъ св. причащенія, продиктовалъ ему письмо, въ которомъ доказывалъ свою невинность. 26 іюня, въ три часа по полудни, Тастіуса и Веллинга вывели на рынокъ, гдѣ были насыпаны двѣ кучи песку, накрытыя чернымъ сукномъ. Тастіусъ сталъ на колѣни и съ твердостію палъ подъ мечемъ палача. Веллингъ началъ опять доказывать свою невинность; его помиловали на этотъ разъ. Чрезъ часъ друзья Тастіуса получили тѣло казненнаго и 29 іюня похоронили его въ соборной церкви (Domkirche). Тѣмъ не менѣе, Веллингъ не долго оставался въ покоѣ. Новый судебный фохтъ Фике, личный врагъ Веллинга, возбудилъ чернь противъ него. Ночью на 29 іюня Веллингъ былъ схваченъ, утромъ былъ допрашиваемъ и подвергнутъ пыткѣ. Когда его привели въ магистратъ, онъ заявилъ, что всѣ показанія его вынуждены пыткою, что во всемъ дѣлѣ о передачѣ церквей онъ поступалъ честно, противился этой передачѣ сколько могъ, и уступилъ лишь настоятельному требованію короля. Никакихъ оправданій не слушали и Веллингъ былъ осужденъ на смерть. Казнь его была совершена на рынкѣ 1 іюля.

Бергенъ, вліятельнѣйшій членъ депутаціи, бывшей въ Дрогичинѣ, но въ дѣлѣ о передачѣ церквей принимавшій, по видимому, меньшее участіе, чѣмъ его товарищи, содержался между тѣмъ въ тюрьмѣ. Тщетно жена его хлопотала объ освобожденіи; ему грозила серьезная опасность и онъ, 5 сентября, обмѣнявшись платьемъ съ женою, бѣжалъ изъ тюрьмы и благополучно вышелъ изъ города. Ніенштедтъ и другіе члены магистрата бѣжали въ Даленъ, такъ какъ „бунтъ возросталъ и народъ попробовалъ уже человѣческой крови“

Эти печальныя происшествія должны были возбудить, наконецъ, гнѣвъ въ королѣ Стефанѣ. И дѣйствительно, дѣло зашло уже очень

далеко: тутъ уже была немаловажная распря; рижане казнили двухъ человѣкъ, исполнявшихъ лишь королевское повелѣніе; Гизе и Бринкенъ (съ февраля онъ былъ эльтерманомъ), вмѣсто того, чтобы явиться къ королевскому суду, сдѣлались сами обвинителями и властвовали въ Ригѣ терроромъ; правительство уже не могло оставаться безъ дѣйствія. Прежде всего было приказано магистрату, чтобы онъ привелъ въ исполненіе королевское повелѣніе объ изгнаніи изъ Риги Гизе и Бринкена. Магистратъ заявилъ, что онъ не имѣетъ ни силы, ни средствъ исполнить это повелѣніе. Тогда король приказалъ королевскому коммисару Пэнкославскому устроить на Шпильвѣ блокгаузъ и стянуть войска къ Нейермюлену, къ войску присоединилось 13 ноября и вооруженное дворянство. Еще прежде, въ августѣ и сентябрѣ, герцогъ курляндскій пытался быть посредникомъ въ рижскихъ смутахъ и примирить горожанъ съ магистратомъ; король Стефанъ съ неудовольствіемъ узналъ объ этомъ и велѣлъ объявить герцогу, что ни одинъ ленный князь не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла государя съ его подданными, а тѣмъ болѣе измѣнять королевскіе декреты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, король приказалъ: магистрату выслать депутацію съ объясненіемъ, почему повелѣніе объ изгнаніи Гизе и Бринкена не приведено въ исполненіе; затѣмъ приказано выдать зачинщиковъ возмущенія и учредить коммисаріальный судъ. Это повелѣніе состоялось 26 ноября (6 декабря), но еще задолго до этого повелѣнія, именно до ноября Гизе, въ сопровожденіи своего брата и двухъ своихъ приверженцевъ, бѣжалъ изъ Риги въ Швецію. Это еще болѣе разгнѣвало короля: онъ началъ подозрѣвать всѣхъ рижанъ въ измѣнѣ, такъ что депутаціи предстояло и въ этомъ оправдываться предъ королемъ. Дѣла принимали оборотъ уже самый серьезный, какъ вдругъ смерть короля Стефана, послѣдовавшая 2 (12) декабря 1586 г., измѣнила всѣ отношенія и всѣ обстоятельства въ Польшѣ.

Баторій принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ лицъ, которыя, опираясь на свои личныя силы, рѣшаются итти на перекоръ уже установившемуся порядку вещей, на перекоръ дѣлу вѣковъ и цѣлыхъ поколѣній, и успѣваютъ на время остановить ходъ неотразимыхъ событій. Явившись случайно на польскомъ престолѣ, онъ предположилъ себѣ цѣлію утвердить могущество Польши, но умеръ, не успѣвъ довершить ни одного изъ своихъ начинаній ни внутри, ни внѣ: тому помѣшала ограниченность средствъ и подозрительность могущественныхъ вельможъ къ воинственному королю.

Избирательный сеймъ назначенъ былъ на 30 іюня 1587 г. Три кандидата явились на престолъ: эрцгерцогъ Максимиліанъ, братъ императора Рудольфа II — это партія Зборовскихъ; шведскій принцъ Сигизмундъ, сынъ короля Іоанна и Екатерины Ягеллонъ — это кандидатъ шляхты и Замойскаго; и, наконецъ, царь московскій Ѳеодоръ Іоанновичъ — кандидатъ литовской партіи. Избраніе короля происходило подъ Варшавою, на равнинахъ Воли. Когда выставлено было въ полѣ три знамени: московское — шапка, австрійское — нѣмецкая шляпа, и шведское селедка, то подъ шапкою оказалось огромное большинство. Тѣмъ не менѣе, выборъ царя Ѳеодора не состоялся:

московскіе послы не согласились въ условіяхъ выбора съ панами духовными и свѣтскими, а также и потому, что у пословъ не было денегъ для подкуповъ.

Тогда Замойскій 9 (19) августа провозгласилъ королемъ Сигизмунда, а Зборовскіе провозгласили 12 (22) августа королемъ эрцгерцога Максимиліана. Максимиліанъ подошелъ было къ Кракову, но не могъ овладѣть городомъ. Замойскій двинулся противъ Максимиліана и при Бычинѣ, 24 января 1588 г. въ Силезіи, послѣ кровопролитнаго сраженія, взялъ его въ плѣнъ. Королемъ польскимъ явился, такимъ образомъ, Сигизмундъ, наслѣдный принцъ шведскій, долженствовавшій поэтому соединить оба государства подъ одною державою. Соединеніе двухъ государствъ, Польши и Швеціи, грозило московскому государству сильною опасностію, но эта опасность миновала, когда обнаружилось, кто таковъ былъ Сигизмундъ. Сигизмундъ былъ ревностный католикъ и хотѣлъ доставить торжество своему исповѣданію всюду, во что бы то ни стало: онъ сильно сочувствовалъ іезуитамъ и подчинялся ихъ внушеніямъ.

По полученіи въ Ригѣ извѣстія о смерти короля Стефана, въ Варшаву отправились двѣ депутаціи. Одна отъ дворянства, состоявшая изъ Элерта Крузе, ландмаршала Розена и Тизенгаузена. Вторая депутація была отъ города Риги. Она состояла изъ ратсгеровъ Фике и Гаркеса и секретаря магистрата Гильхена. Обѣ депутаціи явились на избирательный сеймъ и принесли свои жалобы, состоявшія главнѣйше въ томъ, что протестантство въ краю и въ Ригѣ, вопреки виленскому договору 1561 г., терпитъ притѣсненія со стороны католиковъ. Депутаты жаловались на то, что протестантскихъ проповѣдниковъ преслѣдуютъ, жаловались на поселеніе іезуитовъ въ Ригѣ, на открытіе католическихъ епископствъ, на содержаніе которыхъ взимается сборъ съ протестантскихъ церквей и пр. Депутаты отъ города Риги просили подтвержденія тѣхъ городскихъ правъ, которыхъ не утверждалъ король Стефанъ, равно и уничтоженія построеннаго на Шпильвѣ блокгауза. Дворянство жаловалось кромѣ этого и на то, что, вопреки виленскаго договора, многія лифляндскія дворянскія помѣстья розданы литовцамъ и полякамъ. Сеймъ не входилъ въ разсмотрѣніе этихъ жалобъ, такъ какъ избраніе поглощало все его вниманіе.

Выборъ короля, какъ мы уже говорили, состоялся въ августѣ 1587 года. Король Сигизмундъ короновался 17 (27) декабря въ Краковѣ, но окончательно утвердился на престолѣ только тогда, когда Замойскій разбилъ австрійскаго претендента Максимиліана и взялъ его въ плѣнъ, — и когда Максимиліанъ за свое освобожденіе отказался отъ всякихъ притязаній на польскій престолъ.

Король въ началѣ 1588 года утвердилъ права и преимущества Лифляндіи и Риги и въ томъ же году предоставилъ Юрьеву тѣже самыя права и преимущества, какія имѣла Рига.

Въ слѣдующемъ 1589 году происходилъ сеймъ въ Варшавѣ. На этомъ сеймѣ состоялись весьма важныя рѣшенія, касавшіяся внутренняго управленія Ливоніи. Лифляндія получила новое устройство

и была совершенно присоединена къ Польшѣ, какъ ея провинція. По постановленіямъ этого сейма (Ordinatio Livoniae), Лифляндія была раздѣлена на палатинаты и староства и вообще польскій образъ управленія заступилъ мѣсто прежняго. Литовцы и поляки получили право на занятіе должностей и на владѣніе помѣстьями въ Лифляндіи. Всѣ землевладѣльцы, получившіе помѣстья до времени архіепископа Вильгельма, сохраняютъ свои права, но землевладѣльцы, получившіе помѣстья послѣ архіепископа Вильгельма, должны представить доказательства своихъ правъ сейму и ждать королевскаго утвержденія ихъ. Однимъ словомъ, Лифляндія обращалась въ польскую провинцію; различіе между подданными польскими и лифляндскими уничтожалось, а права и преимущества дворянъ лифляндскихъ явились не обширнѣйшими правъ прочихъ польскихъ дворянъ[1]).

Теперь возвратимся къ Ригѣ.

Вскорѣ послѣ смерти короля Стефана, Гизе воротился изъ Швеціи въ Ригу и былъ потребованъ магистратомъ къ отвѣту. Положеніе его становилось весьма опаснымъ. Гизе говорилъ, что онъ бѣжалъ въ Швецію частію, чтобы спастись отъ короля Стефана, а частію чтобы искать иноземной помощи; эту помощь ему обѣщалъ подать герцогъ зюдерманландскій Карлъ. Магистратъ призналъ Гизе виновнымъ въ государственной измѣнѣ, и поручилъ эльтерманамъ и старшинамъ самимъ судить его по закону. Старшины передали дѣло на обсужденіе общины. Многіе граждане полагали, что и Гизе и эльтермана Бринкена слѣдуетъ изгнать изъ Риги. Бринкенъ собралъ толпу приверженцевъ и напоилъ ихъ виномъ въ своемъ винномъ погребѣ. Толпа бросилась въ гильдію и тамъ съ шумомъ и крикомъ заявила, что она не выдастъ ни Гизе, ни Бринкена. Они остались въ Ригѣ и скоро явились полновластными повелителями города. Гизе вошелъ въ сношенія съ эрцгерцогомъ Максиміліаномъ и дѣлалъ попытки разрушить блокгаузъ на Шпильвѣ. Когда избраніе Сигизмунда

---

[1]) Постановленіе варшавскаго сейма, это ordinatio Livoniae, было неблагосклонно принято въ Лифляндіи. Впослѣдствіе многіе дворяне лишились своихъ помѣстій и явились въ Москву для поступленія въ службу къ царю Борису. Такъ въ 1601 г., когда возникла война между Швеціею и Польшею, пріѣхало нѣсколько ливонцевъ въ Москву. Борисъ принялъ ихъ чрезвычайно ласково и при торжественномъ представленіи сказалъ: «Радуемся, что вы по здорову въ нашъ царствующій городъ Москву доѣхали. Очень скорбимъ, что вы своими выгнаны и всѣхъ животовъ лишились; но не печальтесь: мы въ три раза возвратимъ вамъ то, что вы тамъ потеряли Но за это вы должны поклясться по своей вѣрѣ, что будете служить намъ и сыну нашему вѣрою и правдою, не измѣните и ни въ какія другія государства не отъѣдете, ни къ Турскому, ни въ Крымъ, ни въ Нагаи, ни къ Польскому, ни къ Шведскому королю. Свѣдаете противъ насъ какой злой умыселъ, то намъ объ этомъ объявите, никакимъ вѣдовствомъ и злымъ кореніемъ насъ не испортите Если будете все это исполнять, то я васъ пожалую такимъ великимъ жалованьемъ, что и въ иныхъ государствахъ славно будетъ". Тизенгаузенъ, ловкій и краснорѣчивый ливонскій дворянинъ, благодарилъ царя отъ имени своихъ собратій и клялся за нихъ въ вѣрности до смерти. Царь приказалъ вступившихъ въ русскую службу иноземцевъ раздѣлить на три статьи. Находившіеся въ первой получили по 50 руб. жалованья и помѣстье со 100 крестьянами; находившіеся во второй 30 руб. жалованья и помѣстье съ 50 крестьянами; въ третьей 20 руб. жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами; наконецъ слуги дворянскіе получили по 15 руб. и помѣстье съ 20 крестьянами.

Прим. пер.

совершилось, магистратъ снова потребовалъ отъ гильдій изгнанія Гизе и Бринкена; гильдіи не только не послушали приказанія, но, напротивъ, вынудили іезуитовъ оставить Ригу и возстановили протестантское богослуженіе въ церкви св. Іакова. Это было въ августѣ 1587 года.

Въ началѣ 1588 г. король Сигизмундъ потребовалъ, чтобы Рига присягнула ему. Для принятія присяги прибыли въ Ригу два королевскіе коммисара, но община отказалась присягать и въ отвѣтной на королевское требованіе грамотѣ отъ 10 мая заявила, что городъ добровольно подчинился коронѣ польской и что онъ присягнетъ и теперь, но только тогда, когда послѣдуетъ утвержденіе старыхъ обычаевъ и удовлетвореніе ихъ жалобъ, именно: возвращеніе церкви св Іакова, уничтоженіе блокгауза и подтвержденіе привиллегій. Магистратъ въ это время потерялъ какъ бы всякое значеніе. Ніенштедтъ и Меппенъ были бургомистрами лишь по имени и ежедневно подвергались опасности быть убитыми. Меппенъ однажды (10 іюня 1588 г.) поссорился съ Фике и послѣдній бросился было на него съ кинжаломъ. Гизе приказалъ приготовить печать для большой гильдіи, какъ знакъ полной самостоятельности общины.

Въ началѣ 589 г. городъ Рига выслалъ депутацію въ Польшу, вѣроятно, для присутствованія на сеймѣ, назначенномъ быть въ мартѣ. Въ числѣ депутатовъ былъ оберъ секретарь Гильхенъ, которому Гизе (въ то время онъ замѣнилъ Бринкена, ибо былъ избранъ эльтерманомъ большой гильдіи) поручилъ употребить всѣ усилія, чтобы постановленіе объ изгнаніи его, Гизе, и Бринкена было отмѣнено. Гизе, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ заботиться о своей безопасности, потому что популярность его между гражданами начала колебаться. 5 марта, по неизвѣстной причинѣ, граждане принесли на него жалобу въ магистратъ и потребовали выбора новаго эльтермана. Магистратъ взялъ къ себѣ ключи отъ гильдейскаго зданія и исправленіе должности эльтермана поручилъ временно бывшему прежде эльтерманомъ Петру Рашу, но Гизе на другой же день со своими приверженцами напалъ на гильдейскій домъ, отбилъ въ немъ ворота, и по прежнему сталъ распоряжаться дѣлами общины.

Варшавскій сеймъ положилъ, для приведенія въ порядокъ городскихъ дѣлъ, послать въ Ригу литовскаго канцлера Льва Сапѣгу и каштеляна Северина Бонара. Въ началѣ іюня воротились рижскіе депутаты и привезли съ собою какъ извѣстіе о назначеніи коммисарами Сапѣги и Бонара, такъ и королевское утвержденіе всѣхъ городскихъ привиллегій, послѣдовавшее 17 апрѣля, — которое, впрочемъ, городу передано не было. Безпорядки отнюдь не унимались и предводители возстанія дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе. Они рѣшились дѣйствовать открытою силою и не пускать въ городъ королевскихъ коммисаровъ. Тогда болѣе благоразумные граждане, понимая всю опасность подобной мѣры, приставили военный караулъ для охраненія жизни Ніенштедта и его друзей, и обратились къ полковнику Фаренсбаху, занимавшему замокъ, занять войсками и городъ. 16 іюня, въ 3 часа утра, отрядъ польскихъ войскъ занялъ рынокъ, къ отряду пристало

нѣсколько сотъ гражданъ съ нѣсколькими пушками. Партія Гизе немедленно же вооружилась, собралась у церкви св. Петра, заняла главныя улицы, ведущія къ рынку, оградила себя льняными бунтами и заперла Двинскія ворота. До схватки однако же дѣло не дошло. Фаренсбахъ заявилъ, что онъ прибылъ въ городъ лишь посредникомъ и готовъ начать переговоры, если къ нему явятся докторъ Стопіусъ и эльтерманы Гизе и Бринкенъ. Они явились, когда Фаренсбахъ далъ имъ въ заложники двухъ польскихъ дворянъ. Положили: быть перемирію впредь до прибытія въ Ригу королевскихъ коммисаровъ.

5 іюля Левъ Сапѣга и Северинъ Бонаръ, при пушечныхъ выстрѣлахъ, торжественно вступили въ Ригу. Канцлеръ остановился у вдовы несчастнаго Тастіуса, каштеляна помѣстили въ замкѣ. Гизе и Бринкенъ оставались въ городѣ. Первое засѣданіе коммисаровъ происходило 22 іюля въ ратушѣ, окруженной польскими войсками. Здѣсь коммисары предъявили свою инструкцію, въ силу которой они должны были принять присягу отъ города и подтвердить городскія права и преимущества съ завѣреніемъ свободы аугсбургскаго вѣроисповѣданія, но съ условіемъ, чтобы церкви св. Іакова и Маріи Магдалины были предоставлены католикамъ. Блокгаузъ будетъ уничтоженъ; затѣмъ Эке, Бергенъ и Канне должны быть возстановлены въ своихъ должностяхъ, осужденные же на изгнаніе Гизе и Бринкенъ должны быть арестованы и преданы суду. Ихъ немедленно арестовали. Община протестовала противъ ихъ арестованія, принимала на себя ручательство за нихъ и протестъ свой передала въ магистратъ. Вечеромъ купецъ Гергардъ Фризе поднялъ гражданъ на защиту арестованныхъ. Предъ ратушею началось безпокойное движеніе. Ударили тревогу. Сапѣга, фохтъ Фике и первенствующій бургомистръ Меппенъ вышли къ народу и уговорили его не прибѣгать ни къ какимъ крайнимъ мѣрамъ. На слѣдующій день и Фризе былъ арестованъ.

27 іюля магистратъ и община принесли присягу, послѣ чего Эке, Бергенъ и Канне вступили въ исправленіе своихъ должностей. Въ слѣдующіе дни начался процессъ противъ Гизе и Бринкена. Судная коммисія состояла изъ трехъ польскихъ чиновниковъ, двухъ ратсгеровъ и четырехъ гражданъ изъ обѣихъ гильдій. Подсудимыхъ обвиняли въ пяти главнѣйшихъ преступленіяхъ: Гизе въ измѣнническихъ переговорахъ со Швеціею, въ жестокомъ обращеніи съ Бергеномъ, въ казни Тастіуса и Веллинга, въ нападеніи на блокгаузъ, въ оскорбительныхъ отзывахъ о покойномъ королѣ; Бринкена обвиняли въ томъ же, за исключеніемъ переговоровъ со шведами. Обвиненнымъ дали четыре дня сроку для подачи письменнаго отвѣта на вопросные пункты. Прошли четыре дня и въ то время, когда Сапѣга отправлялся въ ратушу, подсудимые изъ окна начали взывать къ народу о помощи. Открылось въ толпахъ нѣкоторое движеніе, тогда Сапѣга воскликнулъ: „рижане, помните, что вы присягали, иначе вы рискуете жизнію!“ Онъ не принялъ никакихъ ходатайствъ о помилованіи. Гизе не доставилъ никакого письменнаго отвѣта; канцлеръ потому 31 іюля приказалъ пытать его. Съ пытки Гизе выдалъ множество

своихъ сообщниковъ и въ особенности Бринкена, Стопіуса, Фризе, Фике и ректора Мэллера, повторилъ все при вторичномъ дознаніи и былъ 1 августа осужденъ на смерть. Бринкенъ также приговоренъ былъ къ смертной казни. По ходатайству магистрата и ближайшихъ родственниковъ осужденныхъ, канцлеръ велѣлъ не вздѣвать головы Гизе на колъ, и тѣла казненныхъ похоронить въ церкви.

2 августа, утромъ, польскіе солдаты, вооруженные мушкетами, съ зажженными фитилями заняли рынокъ. Всѣ улицы и окна были заняты зрителями. Въ траурной одеждѣ, сопровождаемые духовенствомъ, вышли приговоренные къ смерти. Гизе сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; оглянулся на всѣ стороны и запѣлъ сочиненную имъ въ тюрьмѣ пѣсню. Бринкенъ казался бодрымъ и потребовалъ отъ Гизе, чтобы онъ ему, какъ прежнему эльтерману, дозволилъ умереть прежде. Гизе согласился и попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ народу. Ему это дозволили, и онъ въ обращеніи къ народу внушалъ ему повиновеніе властямъ. Когда Бринкенъ палъ мертвымъ, онъ медленно обернулся и попросилъ у канцлера дозволенія пропѣть „Тебѣ Бога хвалимъ“ Канцлеръ велѣлъ ему сказать, что пѣть уже поздно. Тогда онъ подошелъ къ мѣсту казни, вздрогнулъ было, но скоро ободрился, сталъ на колѣни и произнесъ: „Изъ глубины духа взываю къ тебѣ, Господи!“ Ему отрубили голову.

Такъ погибли Гизе и Бринкенъ, отплатившіе своею смертію за убійство Тастіуса и Веллинга.

Коммисары затѣмъ сочли необходимымъ привлечь къ отвѣтственности важнѣйшихъ сообщниковъ Гизе и Бринкена. Изъ нихъ только одинъ, именно оловянныхъ дѣлъ мастеръ Зонгейденъ, былъ казненъ; прочіе подверглись или тюремному заключенію, или изгнанію изъ города. Ректоръ Мэллеръ, бѣжавшій изъ Риги переодѣтымъ крестьяниномъ, объявленъ былъ изгнанникомъ; наказаніе нѣкоторыхъ было предоставлено магистрату.

Затѣмъ коммисары приступили къ устройству и опредѣленію отношеній магистрата къ горожанамъ.

Прежде чѣмъ приступить къ исполненію статьи инструкціи, касавшейся возвращенія католикамъ церкви св. Іакова, коммисары признали необходимымъ возстановить значеніе и силу магистрата. Они предложили гильдіямъ возвратить магистрату все то, что община отняла у него. Исполненіе этого предложенія было, во всякомъ случаѣ, дѣло не легкое, потому что рижское городское управленіе въ тѣ времена основывалось, какъ и въ большей части нѣмецкихъ городовъ, не столько на письменномъ законѣ, сколько на не писанныхъ, неопредѣленныхъ и спорныхъ привычкахъ и обычаяхъ. При возникавшихъ между общиною и магистратомъ спорахъ, вѣчно ссылались на старинные обычаи (Dat Olde), какъ то видно изъ безчисленныхъ мѣстъ гильдейской книги. Первый опытъ установить управленіе на письменномъ договорѣ послѣдовалъ, какъ мы видѣли, въ 1585 году, но заключенный тогда договоръ былъ скоро уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны какъ магистратъ, такъ и община желали составить такой договоръ, который въ будущемъ служилъ бы основа-

ніемъ при рѣшеніи споровъ по управленію городскими дѣлами. Такой договоръ и былъ составленъ комитетомъ, составленнымъ изъ членовъ магистрата и членовъ общины. Онъ касался правъ утвержденія привиллегій, передачи католикамъ церкви св. Іакова, введенія новаго календаря, устраненія злоупотребленій при взиманіи наложенныхъ пошлинъ, стѣсненій въ торгѣ и рыболовствѣ со стороны динаминдскаго коменданта, дозволенія производства ремеслъ на Форбургѣ, устраненія участія городскаго суда тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало, сокращенія судебнаго дѣлопроизводства и пр. Коммисары утвердили этотъ договоръ, а магистратъ и скамьи старшинъ присягнули исполнять его. Наибольшее участіе въ составленіи этого документа принималъ назначенный синдикомъ Давидъ Гильхенъ. За магистратомъ было признано соначальство (Mitobrihkeit) надъ общиною; городскою печатью распоряжался магистратъ; печать же, сдѣланная во время смутъ для большой гильдіи, должна быть уничтожена. Вообще граждане положительно были признаны подчиненными своего магистрата и ихъ политическія права потерпѣли большое ограниченіе; было положено, что граждане управляютъ городскими доходами совмѣстно съ магистратомъ, но совѣщаются только о такихъ городскихъ дѣлахъ, которыя будутъ предложены магистратомъ на ихъ обсужденіе. Обсужденіе же дѣлъ, для избѣжанія безпорядковъ, производитъ не вся община, какъ то было до того времени, но лишь соединенныя скамьи старшинъ обѣихъ гильдій (40 старшинъ большой и 30 малой гильдій). Община не имѣетъ права измѣнять рѣшеній магистрата и 70 старшинъ. Однимъ словомъ, гражданство становилось лишь избирательною корпораціею. Городская касса должна находиться подъ завѣдываніемъ двухъ членовъ магистрата, двухъ старшинъ (по одному изъ каждой гильдіи) и двухъ гражданъ (писцовъ). Эти шесть человѣкъ избираются изъ 70 старшинъ, но утверждаются въ должностяхъ магистратомъ.

Какъ бы то ни было, но этотъ договоръ (онъ извѣстенъ подъ именемъ севериновскаго, ибо былъ подписанъ 26 августа, въ Севериновъ день) былъ весьма стѣснителенъ для горожанъ: гильдіи потеряли много преимуществъ, лишились права иниціативы въ дѣлахъ общественныхъ и пр. Понятно, что граждане роптали противъ этого договора, и понятно почему они не замедлили поднять вопросъ объ отмѣнѣ его.

Коммисары обѣщались срыть блокгаузъ, если городъ заплатитъ издержки, употребленныя на его постройку (коммисары просили сначала 150,000 гульденовъ, но послѣ понизили требованіе на 45,000 гульденовъ). Кромѣ того, городъ долженъ былъ отказаться отъ взятыхъ у него взаймы 6,700 гульденовъ и отдать обратно заложенныя подъ этотъ долгъ имѣнья Икскуль и Кирхгольмъ. Затѣмъ коммисары приступили къ вопросу о возвращеніи католикамъ двухъ церквей, спорили долго и ничего не достигли: вопросъ о церквахъ и объ іезуитахъ былъ вовсе отложенъ въ сторону. Юліанскій календарь тоже остался въ своей прежней силѣ.

Когда сеѳериновскимъ трактатомъ были кое-какъ улажены городскія отношенія и все въ городѣ приняло другой видъ, коммисары окончили 28 августа свои занятія и затѣмъ выѣхали язъ Риги. Магистратъ вступилъ въ свои новыя права и началъ дѣйствовать самостоятельно, а подчасъ и произвольно.

Сеѳериновскій договоръ сохранялъ свою силу лишь до 1604 г.

Около этого времени съѣхались въ Ревелѣ два короля, отецъ и сынъ, король Іоаннъ III шведскій и сынъ его Сигизмундъ III, король польскій и польскіе паны надѣялись, что король шведскій уступитъ королю польскому, по данному обѣщанію при выборѣ на королевство, Эстляндію съ городомъ Ревелемъ и другими крѣпостями; но король шведскій не признавалъ этого обѣщанія, говоря, будто бы его послы, при избраніи, дали такое обѣщаніе вопреки даннымъ имъ грамотамъ, и заявилъ, что онъ ужъ лучше возьметъ своего сына обратно въ Швецію. Но господа сенаторы смягчили нѣсколько этотъ отказъ и сказали, что король шведскій, ради сохраненія мира, желаетъ удержать при себѣ Эстляндію, но что по его смерти польскому королю достанется все королевство шведское.

Такимъ образомъ оба, отецъ и сынъ, разстались снова другъ съ другомъ. Выѣхавши изъ Ревеля, король польскій прибылъ въ Ригу и сталъ сильно домогаться объ уступкѣ ему церкви св. Іакова, но община никакъ не соглашалась на уступку церкви, и поэтому его кор. величество выѣхалъ изъ города не совсѣмъ довольный. По многимъ причинамъ для города было бы лучше, если бы церковь была тогда уступлена.

Въ 1590 году городъ Рига былъ позванъ на сеймъ въ Варшаву; между послами былъ я недостойный, господинъ Каспаръ фонъ Гоффе и синдикъ Давидъ Гильхенъ. Его к. в. всетаки не уступилъ церковь городу; по повелѣнію его кор. вел. намъ было свято обѣщано, что іезуиты будутъ жить не въ городѣ, а въ замкѣ. Тогда церковь была уступлена. На слѣдующемъ сеймѣ городъ снова былъ позванъ іезуитами. Бургомистръ Николай Экке и синдикъ Гильхенъ крѣпко стояли на томъ, чтобы намъ не принимать іезуитовъ, такъ какъ условіе съ королемъ Стефаномъ относительно уступки церкви говоритъ о плебанѣ, а не о іезуитахъ. Правда, на сеймѣ ничего не было рѣшено, но, по окончаніи сейма, его кор. величество снова сталъ обсуждать съ ассесорами это дѣло post aulam, и рѣшилъ, что мы все таки должны принять іезуитовъ. Синдикъ аппелировалъ на это сейму; король принялъ эту апеляцію за униженіе себѣ, будто оная была contra dignitatem regis (противъ достоинства короля) и даже хотѣлъ заключить синдика въ темницу, но тому воспрепятствовали земскіе послы и великій канцлеръ. Такимъ образомъ мы должны были снова принять іезуитовъ.

Въ 1604 году, въ понедѣльникъ вечеромъ, въ первый день великаго поста, бюргеры, по обыкновенію, собрались въ гильдейскихъ комнатахъ для выборовъ новаго эльтермана. Тогда произошелъ споръ между магистратомъ и общиною, такъ какъ магистратъ хотѣлъ имѣть эльтермана избраннаго изъ гильдейскаго братства (Ausschus), а бюргеры избраннаго изъ всей общины. Магистратъ долженъ былъ уступить бюргерамъ, и эльтерманомъ большой гильдіи былъ избранъ нѣкто Эвертъ Эттингъ. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала жалоба со стороны общины на магистратъ, будто бы онъ нарушилъ северинскій договоръ тѣмъ, что предлагалъ выборъ бюргеровъ изъ братства, далѣе будто бы онъ потратилъ много денегъ понапрасну по частнымъ дѣламъ; будто бы городскіе кнехты ночью были высылаемы изъ города, безъ вѣдома эльтермановъ; нѣкоторые члены магистрата раздавали должности своекорыстно; нѣкоторые награждали только своихъ пріятелей должностями и еще обвиняли магистратъ во многихъ другихъ вещахъ. Наконецъ они хотѣли перемѣнить образъ правленія, кассировать северинов договоръ и кромѣ того домогались, чтобы доходы города были собираемы всѣ въ одну кассу

Хотя магистратъ и не хотѣлъ никоимъ образомъ соглашаться на это, но община обратилась къ полководцу Карлу-Іоанну Ходкѣвичу, который тогда прибылъ въ Ригу, и тотъ одобрилъ ихъ жалобу

Тогда магистратъ долженъ былъ уступить и согласиться на уничтоженіе северинова договора: всѣ доходы отнынѣ должны были поступать въ одну кассу, въ управленіи кассою будетъ учавствовать община, которая также будетъ сводить ежегодно счеты вмѣстѣ съ магистратомъ. Городскіе солдаты должны присягать одновременно и магистрату и общинѣ. Послѣ этого община отвела для помѣщенія кассы большой домъ и постановила, что при кассѣ должны находиться представители общины[1]).

Когда это вотъ все было исполнено, приступили къ разсмотрѣнію кассовыхъ книгъ, при чемъ оказалось, что бургомистръ Николай Экке[2]) который, какъ довѣренное лицо, хранилъ у себя ключъ отъ кассы, взялъ нѣсколько денегъ изъ той кассы и отдалъ ихъ нѣкоторымъ людямъ въ займы, а вмѣсто денегъ положилъ росписки, написанныя на его имя, а сумма достигала до нѣсколькихъ тысячъ.

Община потребовала, чтобы эти деньги снова были внесены въ кассу и магистратъ чрезъ новыхъ казнохранителей долженъ былъ обѣщать возвратъ взятыхъ денегъ.

Кромѣ того обнаружилось, что изъ кассы онъ, Экке, взялъ

---

[1]) Новый договоръ между магистратомъ и рижской общиной былъ заключенъ 29 апрѣля 1604 г.

[2]) Въ разныхъ спискахъ лѣтописи Ніенштедта Экке называется Eycke, Eeck и Eck. Прим. пер.

другія деньги въ разныя времена, и хотѣлъ дать въ томъ отчетъ (однако не далъ). Община все это приняла за своекорыстіе со стороны Экке и упрекнула его и въ томъ, что будто бы онъ уже давно секретаремъ Давидомъ Гильхеномъ былъ обруганъ воромъ и подобное поруганіе впродолженіе многихъ лѣтъ онъ не хотѣлъ съ себя смыть; къ тому же протестовалъ противъ новаго соглашенія магистрата съ общиною, поэтому его изъ за вышеприведенныхъ и еще другихъ многихъ причинъ въ городскомъ управленіи терпѣть невозможно, и онъ долженъ оправдаться во всѣхъ этихъ дѣлахъ[1])

Въ 1604 году, послѣ Михайлова дня (29 сентября), когда обыкновенно происходитъ распредѣленіе должностей, за него никто не хотѣлъ подавать голоса, потому голосъ былъ данъ за Гинриха фонъ Уленброкка, который былъ избранъ въ прошломъ году

2 ноября 1592 года, когда король Іоаннъ шведскій волею Божіею скончался, сынъ его Сигизмундъ, король польскій, былъ коронованъ также и королемъ шведскимъ. Ему были предложены шведскими сословіями нѣкоторые пункты, относительно принятія которыхъ онъ былъ въ затрудненіи; но когда выѣзжалъ изъ королевства и война между московитомъ и Швеціею еще не кончилась, онъ, между

---

[1]) Экке давалъ взаймы взятыя имъ изъ кассы деньги дворянству и другимъ лицамъ по 10—12 процентовъ и при этомъ получилъ столько прибыли, что, кромѣ значительной денежной собственности, владѣлъ 12 домами. Когда магистратъ уличилъ его въ этомъ самовольномъ поступкѣ, онъ пытался всячески изворачиваться и обѣщалъ возвратить эту сумму съ наросшими 5-ю процентами. На это не согласились; въ особенности противился этому эльтерманъ Эвертъ Эттингъ. Тогда Экке скрылся въ замокъ, куда убѣжалъ вмѣстѣ съ обоими своими зятьями, ратсгеромъ Рэттгеромъ Горстомъ и Томасомъ Раммомъ, которые также были ненавидимы бюргерами. Его движимое и недвижимое имущество были въ 1606 году конфискованы городомъ. Въ августѣ 1607 года прибылъ въ Ригу Магнусъ Нольде, который пытался въ гильдіи примирить бѣглецовъ съ общиною. Экке поручилъ Нольде заявить, что онъ, Экке, откажется на будущее время отъ всякихъ должностей въ магистратѣ, лишь бы его снова приняли въ городъ, дали ему позволеніе безпрепятственно присутствовать при церковной службѣ, занимать въ церквахъ свое почетное мѣсто и дозволятъ ему являться безъ помѣхи на свадьбы и т. д., если его пригласятъ. Многіе были согласны принять Экке, но Эттингъ настоялъ на томъ, чтобы ему было отказано въ его просьбѣ.

Послѣ этого бѣглецы обратились къ варшавскому сейму и добились того, что король рѣшилъ ихъ дѣло: они были 7 мая 1612 года возстановлены въ своихъ должностяхъ; Эттингъ, по королевскому указу, былъ отставленъ отъ должности и долженъ былъ выѣхать изъ городскаго округа.

9 іюля 1612 года снова подняли вопросъ о взятыхъ Экке изъ городской кассы деньгахъ и было рѣшено пересмотрѣть счеты той кеммереи, которою завѣдывалъ Экке. Онъ самъ взялся произвести повѣрку и объявилъ, что онъ городу долженъ всего на всего 25 гульденовъ. Изъ страха промолчали. Только эльтерманъ Цаупе, который, будучи прежде нотаріусомъ при городской кассѣ, отлично зналъ всѣ книги, доказывалъ противное и утверждалъ, что Экке долженъ городу 70,000 рижскихъ марокъ слишкомъ. Тотъ вслѣдствіе этого страшно разсердился и всячески возражалъ, но неудачно. Наконецъ онъ въ ярости крикнулъ Цаупе: „Ты негодяй; говорю тебѣ, я возвращу деньги!» Магистратъ, изъ боязни новыхъ столкновеній, остановилъ Цаупе, и 22 іюля уладилъ дѣло Экке и его зятей; городъ же потерялъ значительную сумму навсегда. Въ видѣ небольшаго вознагражденія за потерю денегъ, городъ получилъ то, что этотъ всегда столь корыстолюбивый человѣкъ, въ 1615 году основалъ на свои собственныя деньги заведеніе для бѣдныхъ бюргерскихъ вдовъ малой гильдіи, которое существуетъ и нынѣ подъ именемъ Экова конвента. (См. Бротце Annales Rigenses и другія рукописи).

прочимъ, довѣрилъ шведскимъ совѣтникамъ управленіе государствомъ и послалъ Германа Флемминга съ войскомъ въ Финляндію, для защиты границъ. Должно быть ратные люди причинили много вреда финскимъ крестьянамъ, ибо тѣ возстали противъ солдатъ, причемъ Флемингъ со своими ратниками перебилъ много финскихъ крестьянъ. Должно быть также разсердило герцога Карла, роднаго брата короля, еще и то, что ему не было поручено управленіе государствомъ, а можетъ быть у него была какая другая причина, которая мнѣ неизвѣстна, только онъ послѣ отъѣзда короля сталъ присвоивать себѣ всю власть въ государствѣ и управленіи и привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ засѣдающихъ въ государственномъ совѣтѣ шведовъ, которые сочувствовали ему, занялъ послѣ этого государственные замки и бурги, взялъ армаду кораблей, смѣнилъ должностныхъ лицъ въ сословіяхъ, въ замкахъ и на корабляхъ по своему произволу, и забралъ весь арсеналъ. Нѣкоторые рейхсраты, которые хорошо понимали, что это нѣчто иное какъ дѣйствія противъ короля, и что впослѣдствіе это не останется безъ возмездія, предпочли отправиться въ Польшу къ королю, нежели помогать намѣренію Карла. Вслѣдствіе этого король былъ принужденъ вооружиться и отправиться изъ Данцига съ кораблями и войскомъ, и вмѣстѣ съ убѣжавшими совѣтниками прибылъ счастливо въ Кальмаръ, который занялъ герцогъ Карлъ со своими приверженцами. Когда же король лично прибылъ и потребовалъ себѣ пропуска, то намѣстникъ герцога Карла не осмѣлился отказать ему; такимъ образомъ король и вступилъ въ кальмарскій замокъ. Тогда прибыли нѣкоторые ландзассы для пріема короля и финляндцы были также въ готовности сопровождать короля по странѣ, но онъ имъ велѣлъ возвратиться въ Финляндію. Послѣ этого прибылъ герцогъ Карлъ съ вооруженными людьми, встревоженный прибытіемъ короля, недовольнаго тѣмъ, что онъ присвоилъ себѣ правленіе въ Швеціи; герцогъ имѣлъ свиданіе съ полковникомъ Юргеномъ Фаренсбахомъ у Кальмара или Штеккенберга, при чемъ говорилъ, что придетъ къ королю, но для этого просилъ три дня сроку

Полковникъ, передавая это королю, сказалъ «Милостивый господинъ, если ваше кор. вел. дадите ему выиграть время, то онъ замыслитъ засаду и укрѣпится съ моря и съ суши; и тогда уже онъ ничего не сдѣлаетъ по волѣ вашего кор. величества, и поэтому то теперь онъ и является сюда. Если онъ не хочетъ явиться сейчасъ, то я готовъ сразиться съ нимъ и выдать его вашему кор. величеству въ скоромъ времени; если же мы будемъ ждать, то ваше кор. величество можете лишиться трона» Но королевскіе совѣтники говорили королю, что ему не слѣдуетъ вступать въ сраженіе и проливать шведскую кровь. Король послушался ихъ и далъ герцогу три дня сроку Между тѣмъ герцогъ Карлъ усилился кораблями и войскомъ, а короля застигла буря, разсѣявшая его корабли. Тогда герцогъ Карлъ

приступилъ къ дѣлу и началъ съ королемъ сраженіе; королю пришлось плохо. При самомъ началѣ сраженія королевскіе люди уже были разбиты, а шведы, находившіеся при королѣ, не хотѣли сдѣлать ни одного выстрѣла. Такимъ образомъ сраженіе было проиграно, и теперь король долженъ былъ плясать подъ дудку герцога Карла. онъ былъ принужденъ подписать договоръ по всей волѣ герцога, долженъ былъ выдать герцогу совѣтниковъ какъ его плѣнныхъ, а также оставить во власти герцога всѣ крѣпости, корабли и артиллерію. Король, принужденный къ подобному договору, занялъ замокъ Кальмаръ и отплылъ съ нѣкоторыми кораблями въ Пруссію, а оттуда въ 1598 году прибылъ въ Польшу

Послѣ этого герцогъ Карлъ вооружился, двинулся къ Кальмару, взялъ и снова занялъ его, и за тѣмъ въ 1599 г уѣхалъ въ Финляндію.

Какъ только прослышалъ про это король, тотчасъ же велѣлъ снарядить въ Ливоніи нѣсколько отрядовъ гофлейтовъ и до 300 лошадей. Это онъ послалъ на помощь къ финляндцамъ. Но какъ только гофлейты прибыли въ Финляндію, то уже карта, какъ говорится, пропала, потому что выборгскіе были заодно съ герцогомъ Карломъ, почему вышеупомянутые ливонцы большею частью были взяты въ плѣнъ, исключая немногихъ, которые съ маленькимъ Іоахимомъ убѣжали въ Россію. Русскіе же ихъ удержали у себя до тѣхъ поръ, пока они не были высвобождены королевскими послами; другіе же, которые были отправлены въ Стокгольмъ, впослѣдствіе были также освобождены: рядовымъ позволено было отправиться въ нейтральныя мѣстности, а знатныхъ удержали плѣнными.

Послѣ того герцогъ Карлъ сталъ думать объ томъ, какъ повести войну съ королемъ польскимъ и рѣшилъ перенести военныя дѣйствія въ Ливонію. Чтобы шведы оставались въ мирѣ, герцогъ велѣлъ прежде всего отрубить головы государственнымъ совѣтникамъ, которые были по истинѣ превосходные люди и опора государству Послѣ того, въ 1600 году, послалъ онъ въ началѣ великаго поста изъ Финляндіи Германа фонъ Дюрека съ 900 всадниковъ въ ту часть Ливоніи, которая принадлежала шведамъ, и за тѣмъ лично самъ отправился въ Ливонію съ орудіями и шведскими рейтерами и пѣхотою, которую онъ набралъ изъ деревень.

Когда въ іюнѣ 1600 г герцогъ Карлъ прибылъ въ Ревель, то нашелъ для себя армію изъ 2300 человѣкъ кавалеріи. Осмотрѣвъ свое войско, онъ двинулся на приморскую крѣпость короля польскаго Перновъ, отстоявшую на 20 миль отъ Ревеля, и безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, осадилъ ее, но не штурмовалъ, а пугалъ лишь словами, будто бы уже городъ пропалъ, взорванный на воздухъ. Крѣпость и сдалась безъ большой нужды къ тому

Этотъ успѣхъ укрѣпилъ мужество герцога Карла и онъ послалъ нѣсколькихъ рейтеровъ напасть врасплохъ на Оберпаленъ, въ которомъ совсѣмъ не было гарнизона, потому что гауптманъ Рудаминъ былъ ограбленъ и раззоренъ въ Зонцелѣ и тогда отсутствовалъ. Лучше было бы, если бы онъ повнимательнѣе смотрѣлъ за своимъ замкомъ Оберпаленомъ, да обращался бы по человѣчески со своими несчастными крестьянами.

Полковникъ Юргенъ Фаренсбахъ послѣ этого происшествія двинулся къ Кремону, а оттуда къ Кольтцену съ господиномъ Ленекомъ и они въ полѣ совѣщались между собою, ибо Ленекъ былъ главою поляковъ, а полковикъ Фаренсбахъ главнымъ начальникомъ надъ нѣмцами. Они двинулись въ гельметскую область, на перерѣзъ герцогу Карлу Но какъ только герцогъ Карлъ завладѣлъ Перновомъ, Эвольдъ фонъ Меденъ занялъ безъ всякаго сопротивленія Салисъ. Послѣ этого Карлъ отправилъ своего побочнаго сына Карла Карльсона въ Каркусъ съ 4,500 человѣкъ солдатъ, но они были разбиты поляками. Тогда герцогъ Карлъ подошелъ къ Феллину, который и долженъ былъ сдаться, такимъ же образомъ онъ завоевалъ Лаисъ, далѣе занялъ Каркусъ, гдѣ онъ получилъ порядочную добычу, ибо ему таковую отдали безъ всякой нужды. Послѣ того онъ послалъ отряды въ другіе замки, какъ то Гельметъ, Трикатенъ, Руйенъ, Вайнзель, Буртнекъ, Лембзаль, Наббенъ, которымъ предложилъ сдаться, что тѣ и сдѣлали. Эрмесъ защищался, но не долго. Въ Кирремпе находился Гейрихъ Фалькенбергъ, который крѣпко стоялъ за герцога Карла, ибо онъ задержалъ порохъ, посланный въ Дерптъ, и послѣ того сдался. Точно также поступили и маріенбургцы.

Полковникъ Фаренсбахъ настоялъ на томъ, что господинъ экономъ ротмистръ Гинрихъ Рамель и ротмистръ Каспаръ фонъ Тизенгаузенъ изъ Тирзена, остались съ ихъ рейтерами въ Дерптѣ; самъ же онъ двинулся къ Вендену, гдѣ онъ разсчитывалъ на Дембинскаго. Герцогъ же Карлъ около Рождества подошелъ къ Дерпту и взялъ его, такъ какъ городъ этотъ не былъ достаточно защищенъ, да и происходили тамъ несогласія. Герцогъ обѣщалъ всѣмъ свободный выходъ, но обѣщанія не сдержалъ. Это случилось въ 1600 году, 27-го декабря.

Послѣ взятія Дерпта, ему ужь больше не пришлось тратить пороху ни предъ какими замками, за исключеніемъ Вольмара, Трейдена и Нейгауза, другіе всѣ сдались до Кокенгузена.

Тогда герцогъ Карлъ послалъ нѣсколько тысячъ человѣкъ взять Венденъ. Въ воскресенье, когда они прибыли, Юргенъ Фаренсбахъ только что съ 50 лошадьми и ландзасами отправился изъ Вендена въ Нитау, не подозрѣвая, что шведы близко, которые можетъ быть и знали объ отсутствіи полковника; но Дембинскій и полковникъ Вейръ изъ крѣпости съ немногими людьми мужественно кинулись на нихъ

обратили въ бѣгство и загнали ихъ въ рѣку Аа, гдѣ нѣсколько тысячъ потонуло, а много сотенъ осталось на полѣ битвы и отняли у нихъ оружіе, знамена и пр. Это было божеское дѣяніе. Но когда поляки въ Венденѣ услышали о взятіи Вольмара, то всѣ они, кромѣ Дембинскаго, который охотно остался, безчинствуя, оставили городъ и замокъ, наполнили свои телѣги бюргерскимъ хлѣбомъ и уѣхали.

Воевода Матѳей Дембинскій, отправившись изъ Пебалга, наткнулся со своими 70 или 80 всадниками на шведовъ, которые его осилили и взяли въ плѣнъ.

Трейденъ былъ взятъ штурмомъ и при этомъ большинство защитниковъ было убито; Кремонъ и Зегевальдъ должны были тотчасъ же сдаться. Карлъ Карльсонъ былъ посланъ впередъ обстрѣливать Нейгаузъ, который хотя и держался хорошо, но долженъ былъ сдаться.

Послѣ этого Карльсонъ двинулся на Смильтенъ, Арле, Берзонъ, Сесвегенъ, Крейцбургъ, Шваненбургъ, Маріенгаузенъ, Луценъ, Розитенъ, Лаудонъ, Ронненбургъ, Юргенсбургъ, Нитау, Лембургъ, Соденпойсъ, Зонцель, которые сдались безъ всякаго сопротивленія. Наконецъ, онъ двинулся на Кокенгаузенъ со своею лучшею силою; сначала онъ обстрѣливалъ и занялъ городокъ, а потомъ и замокъ, и въ особенности крѣпко обстрѣливалъ одну башню. Къ Кокенгаузену прибылъ лично герцогъ Карлъ и самъ производилъ штурмъ весьма серьезно и разгонялъ всѣхъ, кто только могъ приблизиться. Когда же они подошли къ обстрѣливаемому пролому и хотѣли проникнуть внутрь замка, тогда обрушилась на шведовъ башня, такъ что они были раздавлены цѣлыми сотнями съ барабанами, пищалями и пиками и переполнили рвы собою. Тутъ герцогъ лишился своего мужества до того, что бѣжалъ и поручилъ Карлу Карльсону и другимъ вести войну, говоря, что будетъ имъ совѣтовать. Они остались въ городѣ и продолжали обстрѣливать замокъ, но осажденные ревностно слѣдили за шведами со своими ружьями и перестрѣляли многихъ, которые ходили по улицѣ.

Когда наступилъ новый годъ и Двина тронулась, жмудскій староста съ литовскими панами подступили на помощь гарнизону, который уже началъ терпѣть большой голодъ. Карльсонъ долженъ былъ отступить въ Эрлу, гдѣ его застали врасплохъ и разбили. Но онъ снова собралъ около 3,000 человѣкъ и снова явился подъ Кокенгаузенъ. Тамъ Ходкѣвичъ, приблизительно въ $^1/_4$ мили отъ города, далъ ему сраженіе, въ которомъ пали многіе съ обѣихъ сторонъ, и шведы должны были покинуть свои орудія и бѣжать. Послѣ этого литовцы отобрали у шведовъ много замковъ, пока наконецъ не пришли въ Ронненбургъ. Тамъ шведы держались до тѣхъ поръ, пока герцогъ Карлъ не прибылъ изъ Ревеля. Онъ снова выступилъ въ поле, спустилъ по Двинѣ нѣсколько кораблей съ ратниками и орудіями, самъ же

съ собранными имъ ливонцами и шведами смѣнилъ гарнизонъ замка Ронненбурга. Отсюда онъ напалъ на литовцевъ, которые покинули свои орудія, лошадей, и все рѣшительно, отступили подъ стѣны Риги, имѣя коней въ самомъ жалкомъ состояніи. Между тѣмъ, полковникъ Юргенъ Фаренсбахъ, венденскій воевода, прибылъ изъ Пруссіи съ нѣсколькими шотландцами и 4 ротами кнехтовъ, численностію въ нѣсколько сотъ человѣкъ, и расположился въ рижскомъ замкѣ, имѣя при себѣ около 50 или 60 коней.

23 августа литовцы расположились у Двины между городскими стѣнами и Двиною; герцогъ же Карлъ послѣдовалъ за ними и расположился со своимъ войскомъ въ Мильграбенѣ, въ одной милѣ отъ Риги. Литовцы задумали сдѣлать вылазку и пожелали на всякій случай, чтобы городъ далъ обѣщаніе пропустить ихъ въ городъ, если ихъ разобьютъ, въ чемъ, впрочемъ, имъ было отказано весьма вѣжливо и объявлено, что они пропустятъ самое большее только начальниковъ, да сотни двѣ лошадей, такъ какъ они хорошо знаютъ что значитъ впускать много ратниковъ въ городъ.

Между тѣмъ, герцогъ Карлъ, укрѣпившись и на водѣ, и на сушѣ, двинулся 1601 г., 30 августа, утромъ, между 2 и 3 часами, на рижскій форштадтъ и напалъ на укрѣпленіе, гдѣ помѣщались полковничьи шотландцы, которые были выбиты оттуда и увезли только три фальконета. На этотъ разъ былъ выженъ весь форштадтъ и, по моему, убытку было навѣрно на 2 бочки золота. Я тогда, при этомъ пожарѣ, потерялъ болѣе 30 сараевъ и домовъ. Господь вознаградилъ этотъ убытокъ.

2 сентября полковникъ отнялъ у шведовъ на Двинѣ одно гребное судно и взялъ при этомъ въ плѣнъ гауптмана (Констана) Ганса Шульца и одного фенриха (прапорщика) съ 9 людьми.

8 сентября шведы начали строить укрѣпленія на Книттельсгольмѣ, около двинскаго переѣзда, чтобы помѣшать переправѣ, и крѣпко укрѣпили его, думая обстрѣливать оттуда городъ, и ругали людей, которые находились по ту сторону Двины, на больверкѣ.

16 сентября они покинули этотъ шанецъ, а шотландцы съ ихъ полковникомъ Юргеномъ Фаренсбахомъ заняли укрѣпленіе и срыли ихъ.

8 сентября прибылъ великій канцлеръ и полный гетанъ короны польской, Іоаннъ Замойскій, вмѣстѣ съ младшимъ гетманомъ Зеликомовскимъ(?), изъ Польши и съ ратниками переправились чрезъ Двину; послѣ этого и самъ король переправился съ значительнымъ войскомъ у Кокенгаузена.

17 сентября королевскіе военачальники послали трубача съ письмомъ къ герцогу Карлу, предлагая ему вступить въ бой, и выбрать мѣсто сраженія на чистомъ полѣ, если онъ только воинъ. Тогда герцогъ Карлъ пришелъ въ затрудненіе и порѣшилъ бѣжать,

какъ можно скорѣе. Онъ направился тотчасъ къ Ревелю и Швеціи и сказалъ ливонцамъ, которые ему встрѣтились «Я посадилъ теперь васъ въ крѣпости, замки, передалъ вамъ владѣніе землею и людьми, если вы не хотите защищать ихъ, то не защищайте: у меня въ Швеціи довольно земли и людей»

У герцога Карла находился въ службѣ графъ фонъ Нассау изъ Нидерландовъ, который сказалъ ему, что онъ ясно видитъ, что никакой выгоды изъ этой войны нельзя извлечь, такъ какъ страна совершенно опустошена, бѣдные люди раззорены и уничтожены, а поэтому онъ совѣтуетъ герцогу примириться съ его двоюроднымъ братомъ, королемъ польскимъ, чтобы снова быть въ согласіи между собою и въ покоѣ и избѣжать пролитія невинной крови.

На это герцогъ Карлъ отвѣчалъ, что этотъ совѣтъ ему не нравится, и прибавилъ „выпустить розгу изъ руки — нѣтъ, это для меня не удобно, пока я веду войну въ Лифляндіи, въ Швеціи у меня миръ“ Его поддержалъ герцогскій ротмистръ Рейнгольдъ Энгедесъ, слышавшій этотъ разговоръ. Главнѣйшія крѣпости, каковы: Роннебургъ, Вольмаръ, Нейгаузенъ, Дерптъ, Феллинъ, Вейссенштейнъ, Перновъ, Ревель и Нарва, герцогъ занялъ оставшимися при немъ ратными людьми изъ шведовъ и нѣмцевъ, а самъ отправился въ Швецію, обѣщая собрать новое ополченіе въ Швеціи и замѣстить ихъ. Лучшія большія орудія онъ взялъ съ собой и вооружилъ имъ крѣпости для борьбы съ поляками. Такъ какъ графъ фонъ Нассау видѣлъ, что война герцога Карла не кончится добромъ, то и уѣхалъ изъ страны. То же самое сдѣлали герцоги Гольштейнскій и Люнебургскій.

Если бы отпавшіе лифляндцы, теперь, когда король польскій находился самъ въ странѣ, оставили герцога Карла и приняли предлагаемую королемъ милость, то сохранили бы свою честь, а страну и людей спасли бы отъ раззоренія, но какъ они имѣли болѣе довѣрія къ герцогу и надѣялись, что онъ приведетъ свѣжее войско, потому на нихъ и пошли какъ на враговъ польскаго государства и стали обращаться съ ними сообразно съ этимъ.

1601 г., 23 сентября, его королевское величество выступилъ съ обоими военачальниками изъ Икскуля. Младшій военачальникъ отправился впередъ съ 4,000 казаковъ изъ Кокенгаузена на Венденъ черезъ Роденпойшскій уѣздъ черезъ Аа и такимъ образомъ на Роопъ.

Орудія слѣдовали съ обозомъ. 10 октября венденскій воевода Юргенъ Фаренсбахъ послѣдовалъ за королемъ съ 4-мя знаменами (отрядами) шотландцевъ, приведенныхъ имъ изъ Пруссіи.

19 октября король и главнокомандующій двинулись съ орудіями на обложеніе крѣпости Вольмара. Этотъ походъ былъ сущимъ несчастіемъ для бѣдныхъ (сельскихъ) жителей казаки нещадно гоняли и мучили ихъ, отбирали все ихъ имущество, всѣ хаты и за-

боры пожгли, такъ что сельчане отъ ужаснаго голоду валились цѣлыми кучами и умирали. Они лежали непогребенными въ деревняхъ и на дорогахъ, камни могли бы надъ ними сжалиться.

1601 года, 2 декабря, король отправился изъ Риги обратно въ Вильну, а коронные военачальники остались при очень жестокой стужѣ съ артиллеріею и ратными людьми подъ Вольмаромъ. Много людей замерзло, несмотря на это военачальникъ обстрѣливалъ крѣпость сколько только было возможно до 17 декабря, когда они наконецъ послѣ нѣсколькихъ штурмовъ сдались на акордъ. Въ ней находилось 350 шведовъ и нѣмцевъ. Польскій военачальникъ приказалъ отпустить и проводить ихъ, за исключеніемъ незаконнаго сына герцога Карла, Карла Карльсона, Понтія де ла Гарди — сына и двухъ другихъ шведскихъ господъ, которые были отправлены въ Польшу[1]).

Въ 1601 г., 24 декабря, Карлъ Карльсонъ и Понтія де ла Гарди сынъ были провезены черезъ Ригу въ Польшу Польскій военачальникъ, послѣ покоренія Вольмара, отправился въ городъ Дерптъ, чтобы тамъ немного отдохнуть, и велѣлъ открыть переговоры съ слѣдующими замками Эрмесомъ, Гельметомъ, Маріенбургомъ, Нейгаузеномъ, которые сдались на милость и были приняты; но въ Адзелѣ былъ одинъ лживый человѣкъ, Адамъ Шрафферъ, и Яковъ Роландъ, которые задумали одурачить польскаго военачальника,потому онъ послалъ 12 марта 1602 г туда своихъ людей и приказалъ обстрѣливать Адзель.

Между тѣмъ, лживая лиса Шрафферъ убѣжалъ; тогда остальные сдались. Военачальникъ далъ имъ свободный выходъ, за исключеніемъ Роланда, котораго онъ потомъ велѣлъ казнить.

Альбр. Дембинскій съ его ротой и другими ратными людьми былъ посланъ военачальникомъ обложить Роннебургъ, который и дол-

---

[1]) Карлъ Карльсонъ Гилленгьельмъ, побочный сынъ герцога Карла Зюдерманландскаго, впослѣдствіе короля шведскаго Карла IX, отличился особенно мужественной защитой Вольмара въ 1601 г. Какъ ни слабо укрѣплено было это мѣсто, все же Іаковъ де ла Гарди и Гилленгьельмъ мужественно удерживали здѣсь впродолженіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ всю военную силу поляковъ. Крѣпость подъ конецъ представляла изъ себя кучу камней и все таки они посреди этихъ развалинъ отбили 6 декабря съ большимъ урономъ нападавшаго на нихъ непріятеля. Наконецъ, такъ какъ поляки хотѣли 8 декабря возобновить штурмъ, осажденные увидѣли себя вынужденными по недостатку снарядовъ отдать это мѣсто, но съ условіемъ, чтобы имъ было позволено вытти изъ крѣпости съ оружіемъ и знаменами. На это было дано согласіе, но вышепоименованные начальники должны были оставаться въ плѣну, пока не будутъ вымѣнены на Дембинскаго и Шенкинга. Только послѣ 12-ти лѣтняго тяжкаго заключенія Гилленгьельмъ былъ отпущенъ въ Швецію и впослѣдствіе занималъ тамъ многія важныя должности.

Онъ умеръ 17-го марта 1650 года и погребенъ въ соборѣ въ Штренгнэсѣ, гдѣ висятъ надъ его могилой желѣзныя кандалы, въ которыя онъ былъ закованъ во время своего заключенія въ Польшѣ. Между оставшимися отъ него рукописями, сохраняющимися въ шведскомъ государственномъ архивѣ, находится и его: «Relatio de Kokenhusano proelio et obsidione Wolmariae.“ См. Гадебуша liv. Jahrb. VI. 2, стр. 264—266; Гупеля neue nord. Miscel стр. 18, 194—196; Livl. Schriftsteller. Lex. II, 155—157.

Прим. пер.

женъ былъ вслѣдствіе нужды сдаться. Затѣмъ военачальникъ отправился изъ Анцена въ Рингенъ, хотѣлъ вести переговоры съ дерптцами, но напрасно. Они сдѣлали вылазку за добычей, поубивали многихъ казаковъ, но послѣдніе скоро получили подкрѣпленіе и сдѣлавшіе вылазку большей частью были перебиты.

Тогда военачальникъ оставилъ Дерптъ и направился къ Феллину Феллинцы тоже сдѣлали вылазку съ помощью нѣкоторыхъ перновскихъ гофлейтовъ и напали на 40 возовъ, везшихъ хлѣбъ, вино и другія вещи, которые они и забрали съ собой. Военачальникъ выставилъ нѣсколько тяжелыхъ орудій, занялъ городъ и велѣлъ 7 мая 1602 года въ первый разъ штурмовать замокъ, но штурмъ былъ отбитъ; Юргенъ Фаренсбахъ и Вольмаръ фонъ Менденъ были въ бою ранены, изъ которыхъ послѣдній, къ общему сожалѣнію, на другой день умеръ.

На слѣдующій день, 8 мая, военачальникъ приказалъ опять съ новой силой сдѣлать нападеніе на замокъ; при этомъ штурмѣ осаждающимъ грозила большая опасность осажденные подъ проломомъ выкопали яму (мину) и туда наложили пороху, а поверхъ послали земли, расчитывая, что, если ихъ выбьютъ изъ пролома и поляки взойдутъ на порохъ, они, послѣдніе, взлетятъ на воздухъ. Но Господь Богъ разсудилъ иначе. Когда начался штурмъ, осажденные со своимъ начальникомъ стали на порохъ и сами неожиданно взлетѣли на воздухъ. Тогда у нихъ пропало все мужество и они сдались на милость. Военачальникъ приказалъ дать шведамъ и нѣмцамъ свободный выходъ въ Перновъ, а лифляндцевъ съ женами и дѣтьми удержалъ въ плѣну; изъ нихъ многіе были казнены.

Въ это время дерптцы сдѣлали вылазку съ тремя стами, приблизительно, стрѣлковъ и нѣсколькими всадниками, чтобы взять замокъ кастелляна Георга Щенкина Анценъ, который былъ занятъ немногими польскими людьми. Въ первый разъ они были отбиты, но когда въ другой разъ сдѣлали нападеніе, то покорили замокъ, взяли хорошую добычу и знатныхъ плѣнниковъ. Это былъ очень прекрасный, вновь выстроенный замокъ, но они его подожгли и онъ сгорѣлъ, а это была сущая жалость.

Когда былъ покоренъ замокъ Феллинъ, польскіе ратные люди почти совсѣмъ воспротивились оставаться долѣе въ полѣ, потому что они цѣлую зиму терпѣли въ полѣ стужу и потому что у нихъ почти не было денегъ, но военачальникъ уговорилъ ихъ не расходиться и приказалъ отвести ихъ къ Наббижскому мосту и расположиться лагеремъ около церкви св. Іоанна. Между тѣмъ дерптскіе шведы опять сдѣлали вылазку для грабежа и перебили много казаковъ, но польскіе рейтеры скоро ихъ окружили и изъ нихъ 100 были убиты, а 12 плѣнными приведены къ военачальнику; также изъ Вейссенштейна

двое начальниковъ, Яковъ Гилле и Симонъ Пилле сдѣлали вылазку для грабежа со 100 стрѣлками и 50-ю рейтерами. Тогда польскій военачальникъ послалъ противъ нихъ своихъ людей, которые всѣхъ ихъ положили на мѣстѣ, и оба начальника были взяты въ плѣнъ. Послѣ этого поляки ограбили Нарву Между тѣмъ къ военачальнику прибыло свѣжее войско и онъ затѣмъ двинулся подъ Вейссенштейнъ. Тамъ ему стоило большихъ трудовъ строить шанцы на болотѣ, такъ что онъ долженъ былъ привести нѣсколько тысячъ возовъ кустарнику, прежде чѣмъ можно было поставить орудія въ шанцахъ на болотѣ, при чемъ было потеряно много народу Было убито 6 или 7 ротмистровъ. Къ тому же приключилось слѣдующее несчастіе

Когда въ Ригу прибыло свѣжее войско и переправилось черезъ Двину, магистратъ размѣстилъ многихъ своихъ кнехтовъ около города въ новой магистратской усадьбѣ[1]) Тогда нѣкоторые польскіе ратные люди хотѣли ворваться въ эту усадьбу, а кнехты не хотѣли этого допустить. Изъ за этого произошло у нихъ столкновеніе и нѣсколько поляковъ было убито. Тогда поляки напали на усадьбу цѣлой толпой, подожгли постоялый дворъ, въ которомъ находились кнехты, имъ пришлось вытти изъ горѣвшаго дома и тогда 15 или 16 человѣкъ изъ нихъ было убито. Въ городѣ по этому поводу произошло смятеніе: нѣсколько поляковъ были убиты на улицахъ и передъ городомъ, потому что остальные кнехты хотѣли отомстить за своихъ погибшихъ товарищей.

Магистратъ далъ кнехтамъ нѣсколько полевыхъ орудій и стрѣлковъ, съ ними они выступили изъ города и много всякаго народу бѣжало за ними; поздно вечеромъ они подошли къ мосту Какъ только поляки замѣтили ихъ, то выстроились въ боевой порядокъ; рижскіе кнехты требовали выдачи тѣхъ, которые убили ихъ товарищей. Проигранная свалка; поляки обратились въ бѣгство и изъ нихъ было убито человѣкъ 150 Одинъ ротмистръ былъ убитъ передъ Ригой, а другой, Лука Война, былъ раненъ около Нейермюленскаго моста и едва остался въ живыхъ. Также было убито нѣсколько женъ и дѣтей ратныхъ людей. Послѣ этой свалки, поляки, увидѣвъ что ихъ вещи пограблены, убѣжали назадъ въ Польшу; а жаль, потому что они тогда были очень нужны военачальнику

---

[1]) Новозаложенная магистратская усадьба называлась Гейденгофъ (Heidenhof). Пришедшіе солдаты по своему обычаю проходомъ черезъ городскія владѣнія учиняли самыя необузданныя безчинства. Городъ хотя и жаловался, но безуспѣшно. Ходкѣвичъ, нуждавшійся въ подкрѣпленіяхъ, былъ этимъ событіемъ такъ возмущенъ, что въ первомъ порывѣ гнѣва хотѣлъ приказать казнить не только рижскихъ кнехтовъ, но и всѣхъ другихъ солдатъ, которые изъ этого города находились въ его лагерѣ. Только съ трудомъ удалось нѣсколькимъ офицерамъ уговорить его представить это дѣло на разсмотрѣніе королю. Городъ и былъ по этому поводу въ 1604 г. привлеченъ къ королевскому суду; но что затѣмъ послѣдовало — неизвѣстно.

Прим. пер.

Около этого времени были посланы въ Ревель на шкунѣ 60 человѣкъ, которыхъ приказано было отвезти въ Швецію въ качествѣ плѣнниковъ, въ ихъ числѣ было 22 чел. изъ нашихъ. Эти послѣдніе надѣялись на плохой пріемъ въ Швеціи, оттого сговорились между собой и когда шкуна вышла въ открытое море напали неожиданно на шведовъ съ топорами, кольями и дубинами, начали биться, такъ что очень скоро многіе пали на мѣстѣ, а другіе потеряли всякое мужество. Тамъ былъ портной, тотъ своимъ утюгомъ многихъ убилъ; ручные топоры и ножи для хлѣба тоже при этомъ очень пригодились. Въ концѣ концовъ 22 человѣка овладѣли шкуной, побросали за бортъ шведовъ, и оставили въ живыхъ только немногихъ, которые должны были помогать имъ управлять судномъ; они заставили ихъ направить шкуну къ берегу около Салиса, а оттуда они отправились въ лагерь великаго канцлера Замойскаго, который ихъ встрѣтилъ съ почестями.

27 сентября 1602 г. поляки взяли и замокъ Вейссенштейнъ, послѣ долгаго сопротивленія. Зѣсь они нашли прекрасное оружіе и продовольствіе. Когда прибылъ Ходкѣвичъ изъ Жмуди со свѣжимъ войскомъ, въ то самое время какъ остальная часть арміи была совершенно измучена пребываніемъ на войнѣ въ теченіи цѣлаго года, ему, Ходкѣвичу, было передано командованіе войсками въ странѣ, а великій канцлеръ со вторымъ военачальникомъ Зеликовскимъ, графомъ Острогге и другими ротмистрами выѣхалъ изъ страны. У нихъ въ войскѣ было много больныхъ, вслѣдствіе потерпѣнныхъ въ теченіи цѣлаго года невзгодъ.

Въ февралѣ 1602 польскими казаками были убиты, между Маріенбургомъ и Анценомъ, Фромгольдъ фонъ Унгернъ и Христофъ Корфъ съ 9-ю людьми, хотя при нихъ и былъ паспортъ отъ великаго канцлера и охранная грамота, чѣмъ великій канцлеръ былъ очень возмущенъ и произвелъ по этому дѣлу дѣятельный розыскъ, но ничего не открылъ.

Теперь я долженъ разсказать объ ужасныхъ горестяхъ, которыя я пережилъ въ Лифляндіи въ 1601 и 1602 гг

Въ 1601 г въ Лифляндіи вымерзли всѣ хлѣба, особенно яровые, а которое зерно дозрѣло изъ ржи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то было по всей странѣ опустошено и попорчено непріятелемъ и своими. А у бѣдныхъ поселянъ (казаки и поляки) подъ пыткой вывертывали (растягивали) члены, клали на огонь и жгли, чтобы они не могли ничего утаить отъ жестокихъ мученій, они должны были вырывать изъ земли все, что спрятали; у нихъ отбирали даже хлѣбъ изъ печи и изо рта, снимали одежду съ тѣла; у нихъ не осталось ни горшка, ни котла, въ которомъ бы они могли сварить какой нибудь травы съ поля, они растирали въ лоткахъ и корытахъ зеленую траву горячими камнями и глотали ее безъ соли и запивали холодной водой, должны были лежать на снѣгу нагими; у нихъ не осталось ни одного то-

пора, которымъ можно было бы срубить хоть полѣно топлива. Оттого они распухли какъ колоды; всѣ хаты, деревни, дороги, по которымъ шли войска, были полны трупами мужчинъ, женщинъ и дѣтей, такъ какъ ни собаки при дорогѣ, ни птицы небесныя, ни дикіе звѣри не могли жрать всѣхъ труповъ, а когда маркитанты встрѣчали кучки народа изъ 15, 20, 30 чел. и спрашивали ихъ, куда они идутъ, то они отвѣчали: въ Ригу, въ Ригу! Когда же купцы замѣчали имъ, что невозможно, чтобы они всѣ могли тамъ прокормиться, то они отвѣчали, что имъ вѣдь все равно, гдѣ ихъ уложитъ голодъ; имъ было и то уже утѣшеніемъ, чтобы быть похороненными въ Ригѣ, такъ какъ иначе они должны были быть сожраны псами и волками.

Въ имѣніи Фрица Крюднера одинъ крестьянинъ вышелъ изъ своей хаты, заперевъ въ ней своихъ дѣтей, чтобы не видѣть, какъ они погибаютъ, взялъ одного ребенка за руку и ушелъ, чтобы тотъ не видѣлъ, какъ умрутъ остальныя дѣти. Гдѣ же смерть настигла его съ этимъ однимъ ребенкомъ — я не знаю.

Въ Зонцельскомъ имѣніи при дорогѣ лежала мертвая лошадь. Тогда одинъ крестьянинъ хотѣлъ привезти ее къ себѣ въ пищу для себя и своихъ и для этого одолжилъ отъ другого крестьянина его лошадь. Но въ то время какъ онъ взвалилъ мертвую лошадь на сани, вдругъ настигаетъ его какой то безжалостный солдатъ и выпрягаетъ одолженную лошадь изъ саней.

Въ Роопскомъ округѣ достойный довѣрія человѣкъ видѣлъ, какъ пять человѣкъ лежали при дорогѣ вокругъ мертвой лошади и, такъ какъ у нихъ не было ножа, рвали ее зубами.

Въ лемзальскомъ укрѣпленіи у одного сапожника сгорѣла по его неосторожности хата и самъ онъ въ ней закоптѣлъ и изжарился, тогда голодные люди объѣли у трупа этого сапожника ноги и руки. Въ Берзонскомъ имѣніи 16 человѣкъ до такой степени были одолѣны голодомъ, что одного человѣка убили, раздѣлили между собой и съѣли.

Въ Гониггофѣ, одномъ изъ имѣній помѣщиковъ Дона, изголодавшійся нѣмецкій парень лежалъ надъ мертвою лошадью и отрывалъ мясо зубами.

Одинъ крестьянинъ убилъ и сварилъ свою собственную жену, а ея брата затѣмъ пригласилъ къ себѣ въ гости, который отъ ужаса и трепета, когда услышалъ это, закололъ себя. А еще одинъ крестьянинъ задушилъ и съѣлъ своихъ трехъ дѣтей, и этотъ голодъ, когда люди съѣдали свои собственныя испражненія, объѣдали свои руки и ноги, продолжался до 1603 г.

4 марта въ Дерптѣ одинъ крестьянинъ публично на рынкѣ сжарилъ и съѣлъ человѣческую руку Другой изголодавшійся шведскій солдатъ отрывалъ зубами мясо отъ своей правой руки и мясо поѣдалъ.

Во время этой же осады одна женщина поѣла своихъ собственныхъ дѣтей и послѣ этого закололась.

3 апрѣля 1603 г , долгое время терпѣвъ голодъ, Олофъ Штрале долженъ былъ наконецъ сдать Дерптъ Ходкѣвичу, гдѣ поляки, послѣ сдачи, зло хозяйничали. Въ этомъ году полякамъ вездѣ везло счастіе, пока чума не разогнала ихъ по квартирамъ.

Въ 1604 г случилось, что рижскіе бюргеры захотѣли, по своему обычаю, въ понедѣльникъ на масляницѣ избрать въ большую гильдію новаго эльтермана. Но магистратъ предупредилъ ихъ. Такъ какъ изъ тѣхъ 70 человѣкъ, которые по заключенному въ 1589 г мирному договору имѣли всегда совмѣстно съ магистратомъ голосъ въ городскихъ дѣлахъ, многіе умерли, то магистратъ въ четвергъ, передъ масляной, пополнилъ снова ихъ число, съ тѣмъ, чтобы бюргеры выбирали другого эльтермана изъ тѣхъ 70 человѣкъ и притомъ изъ тѣхъ 40 человѣкъ, которые засѣдали въ большой гильдіи. Граждане приняли это такъ, будто такое распоряженіе сдѣлано имъ на зло, чтобы привязать ихъ къ тѣмъ 40 человѣкамъ, изъ которыхъ они должны были бы выбирать себѣ эльтермана. Они не хотѣли уступить магистрату и просили, чтобы имъ снова позволили по старому выбирать изъ всей общины по большинству голосовъ братьевъ.

Магистратъ ссылался на договоръ, по которому въ большой гильдіи могло быть только 40 человѣкъ; если же эльтермана выбрать изъ общины, то въ противность договору, который бюргеры поклялись исполнять, всѣхъ членовъ было бы 41 Бюргеры очень горячились, доказывая, что выборами 40 человѣкъ, произведенными въ четвергъ передъ срокомъ, ихъ право свободнаго выбора обойдено, что поэтому они хотятъ оставить своимъ эльтерманомъ стараго, пока не получатъ дозволенія отъ короля производить выборы по старому

Магистратъ строго настаивалъ на исполненіи договора; тогда община сдѣлала донесеніе магистрату, что она съ 1589 до 1604 г крайне тяготилась повинностями, возложенными на нее договоромъ и все таки никогда не нарушала его, въ надеждѣ, что и магистратъ въ свою очередь, сообразно договору, по справедливости будетъ держать себя относительно бюргеровъ, и тогда договоръ не былъ бы нарушенъ. Но теперь бюргеры видятъ, что магистратъ не только объясняетъ договоръ только въ свою пользу, стараясь лишать бюргеровъ ихъ свободы, но что онъ и самъ во многихъ пунктахъ не соблюдалъ договора, какъ напр. въ слѣдующихъ.

1 Магистратъ истратилъ много денегъ изъ общей казны помимо желанія и вѣдома ея эльтермановъ, и притомъ на частныя нужды, чего договоръ не дозволяетъ.

2. Несообразно большія суммы были потрачены на посольства, инструкціи же и донесенія читались эльтерманамъ и братству лишь

отрывками и при этомъ велись другія частныя дѣла, что противно договору

3. Деньги взимались и записывались на городскую казну, о чемъ эльтерманы и старшины желали бы имѣть свѣдѣнія, но это не доходило до ихъ вѣдома.

4. Различныхъ гражданъ требовали по одиночкѣ въ ратушу и тамъ имъ навязывали содержаніе черезчуръ многихъ кнехтовъ, сверхъ ихъ состоянія.

5. Кнехты нанимались и отпускались, о чемъ эльтерманамъ и старшинамъ между тѣмъ ничего не говорилось.

6. Цѣлыя роты кнехтовъ высылались въ ночное время изъ города, безъ вѣдома и желанія эльтермановъ и старшинъ.

Вслѣдствіе этого и на томъ основаніи, что магистратъ, а не граждане, нарушилъ договоръ въ упомянутыхъ и многихъ другихъ пунктахъ, то община не хочетъ низачто больше признавать этого договора. Она также хочетъ, чтобы прекратились злоупотребленія въ казначействѣ и чтобы всѣ городскіе доходы, вмѣстѣ съ доходами кеммерейными и, какія бы названія они ни носили, поступали впредь въ одну кассу; при этомъ община желаетъ совмѣстно съ магистратомъ назначать своихъ людей, которые бы взимали аккуратно годовые доходы, а также производили аккуратно необходимые расходы и должны бы были давать въ томъ ежегодно вѣрный отчетъ.

Магистрату слѣдовало бы не пожалѣть лишнее заплатить этимъ должностнымъ лицамъ за потерю времени и трудовъ, лишь бы только они усердно заботились о благосостояніи города.

Община также слышала, что магистратъ поручилъ исполненіе самыхъ видныхъ городскихъ должностей бургомистру Экку съ его зятьями и родственниками; нельзя сказать, чтобы это служило на пользу города, поэтому община проситъ, чтобы магистратъ распорядился произвести въ этомъ отношеніи измѣненія. Также слышно, что бургомистръ Николай Экке былъ ругаемъ публично передъ королевскимъ сенатомъ Давидомъ Гильхеномъ и до сихъ поръ не смылъ съ себя этого позора и носитъ на себѣ пятно; поэтому община имѣетъ причину убѣждать магистратъ не позволять такому человѣку засѣдать въ магистратѣ, пока онъ не смоетъ съ себя позора.

Также бюргеры требовали, чтобы кнехты, жалованье которыхъ платилось отъ всего города, впредь присягали не одному только магистрату, но въ то же время и общинѣ, или городу Ригѣ. Къ этому засѣдавшіе въ мюнстереѣ (крѣпостномъ отдѣленіи) отъ магистрата и общины должны назначаться по старому, и кнехты должны были держаться ихъ приказаній, а не быть употребляемы по приказанію какихъ либо другихъ личностей. Гражданамъ также казалось подозрительнымъ, что зятю бургомистра Экка Ретгеру Горсту были поручены городская артиллерія и мюнстерея (крѣпостное управленіе) кнехтовъ,

такъ какъ его братъ Гансъ служитъ у непріятеля, герцога Карла, а у Ретгера живетъ въ домѣ сынъ его брата, каковые оба то пріѣзжаютъ, то уѣзжаютъ, и, какъ говорятъ, онъ къ тому же отпустилъ своего слугу, который перешелъ на сторону непріятеля. Поэтому община желаетъ, чтобы эти должности были поручены другимъ лицамъ. Община кромѣ того желаетъ, чтобы въ школѣ были поставлены люди, болѣе знающіе свое дѣло для того, чтобы юношество обучалось и воспитывалось лучше, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Выставилъ ли магистратъ касательно упомянутыхъ пунктовъ свои pro и contra, или нѣтъ, но онъ въ концѣ концовъ долженъ былъ большею частью во всѣхъ пунктахъ уступить общинѣ.

Во первыхъ, былъ уничтоженъ договоръ, вѣчно исполнять который однако весь городъ, и магистратъ, и община клялись съ протянутыми руками и поднятыми пальцами и который къ тому же стоилъ столько крови и много тысячъ гульденовъ.

Во вторыхъ, магистратъ долженъ былъ вѣдѣніе доходами, которое въ теченіи 400 лѣтъ принадлежало его отцамъ, передать городской кеммереѣ и дозволить общинѣ принимать участіе въ управленіи общей городской казной, такъ что магистратъ ничего не могъ уже изъ нея расходовать безъ согласія общины.

Въ іюнѣ 1604 г., нѣсколько шведскихъ кораблей прибыло въ рижскій фарватеръ и стали здѣсь подстерегать торговые корабли, которые стояли на Двинѣ передъ Ригой и, состоя изъ кораблей голландскихъ, любекскихъ и другихъ городовъ, представляли силу въ 80 кораблей. Послѣдніе соединились въ одну эскадру, чтобы пробиться черезъ непріятеля, и вышли изъ Двины.

Въ іюнѣ 1604 г. эти корабли замѣтно подкрѣпили Ригу, снабдили ее продовольствіемъ, солодомъ, рожью, виномъ, пивомъ, масломъ, сыромъ, солью, медомъ и разными вещами, коими и военачальникъ со своимъ войскомъ могъ бы воспользоваться и продовольствоваться; но когда эти корабли опять вышли въ море 17 іюня и 18 прибыли къ Рууну, то тамъ встрѣтили 14 вооруженныхъ кораблей, вдоволь снабженныхъ герцогомъ Карломъ оружіемъ и людьми, которые ждали ихъ. Произошло жестокое сраженіе: шведы прорвали торговый флотъ и потѣснили тѣ изъ кораблей, которые были плохо снабжены, къ курляндскому берегу и завладѣли ими въ числѣ 20; между ними были голландскія, бременскія, ростокскія, любекскія и многія другія судна; всѣ они должны были сдаться. Изъ остальныхъ нѣкоторые любекскіе и голландскіе корабли, которые были лучше снабжены оружіемъ и людьми, храбро сражались и пробились, хотя и съ потерею многихъ людей.

16 іюня 1604 года, военачальникъ Янъ Карлъ Ходкѣвичъ направился изъ Риги къ Дерпту, пославъ туда впередъ нѣсколько небольшихъ отрядовъ, имѣя также при себѣ пару сотенъ нѣмецкихъ

рейтеровъ и нѣсколько ротъ татарскихъ казаковъ. Ходкѣвичу были присланы нѣсколько свѣжихъ отрядовъ конныхъ и пѣшихъ ратниковъ изъ Польши и Литвы, такъ что у него было до 2,300 челов. войска. Съ этимъ войскомъ онъ, 9 сентября 1604 г., выступилъ изъ Дерпта и расположился лагеремъ въ 10 миляхъ отъ него въ Оберпаленскомъ округѣ, миляхъ въ 5-ти отъ Вейссенштейна. Тамъ онъ получилъ извѣстіе, что шведы соединились съ прочими лифляндцами и выступили въ числѣ 7,300 чел., чтобы снова попробовать счастія у Вейссенштейна. Они также подстрекали Ходкѣвича къ сраженію, въ надеждѣ, что не преминутъ одержать побѣду, такъ какъ они превосходили его численностію войска.

Ходкѣвичъ преспокойно выступилъ на ихъ глазахъ со своимъ войскомъ и оружіемъ изъ Оберпалена и 15 сентября оба войска встрѣтились и произошла ужасная схватка, въ которой многимъ было не до смѣху Наконецъ Ходкѣвичъ со своимъ маленькимъ войскомъ побѣдилъ большое войско шведовъ и нѣмцевъ, и обратилъ въ бѣгство; на мѣстѣ осталось ихъ около двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ, да потеряли они 6 полевыхъ орудій и 22 знамени.

Послѣ этого сраженія и по снабженіи замка Вейссенштейна всѣмъ необходимымъ, Ходкѣвичъ возвратился къ Оберпалену и осадилъ замки пѣшимъ войскомъ и нѣкоторымъ числомъ рейтеровъ, а остальное войско распредѣлилъ по различнымъ округамъ страны; гдѣ у бѣдныхъ жителей еще кое что оставалось, тамъ ратники были оставлены на зимнія квартиры, а провіантъ подвозился изъ Литвы.

Въ началѣ 1605 года, въ январѣ, шведы послали нѣкоторое число ратниковъ взять Вейссенштейнъ; во время вылазки былъ убитъ польскій ротмистръ Зеханскій; но шведы были отбиты. Когда польскіе ратники услышали, что шведы собрались, то двинулись отъ замка поближе къ границѣ, чтобы имѣть на глазахъ замки, а Ходкѣвичъ поѣхалъ на сеймъ въ Варшаву Тамъ обсуждался вопросъ слѣдуетъ ли его королевскому величеству лично идти съ войскомъ на Швецію; военачальникъ Ходкѣвичъ былъ снова отряженъ въ Лифляндію съ большимъ количествомъ войска и денегъ. Прибывъ туда она направился къ Дерпту Въ это время, въ 1605 г., явился нѣкто, который 4 года тайно пребывалъ въ Польшѣ подъ именемъ князя Димитрія: онъ себя выдавалъ передъ его королевскимъ величествомъ въ Польшѣ и передъ сендомірскимъ воеводой за сына великаго князя Ивана Васильевича, относительно котораго всѣ думали, что онъ былъ убитъ по повелѣнію Бориса Гуденова (Годунова), который заставилъ себя провозгласить въ Москвѣ великимъ княземъ, такъ что всѣ думали, что отъ Ивана Васильевича не осталось больше наслѣдниковъ. Этотъ князь Димитрій, называвшій себя царевичемъ (такъ зовется наслѣдникъ царя), увѣрялъ, что онъ былъ тайно скрытъ въ монастырѣ и тамъ воспитывался, пока не былъ высланъ въ Польшу Здѣсь въ

немъ принялъ участіе сендомірскій воевода, быть можетъ, съ вѣдома его величества, помогъ ему деньгами и войскомъ, такъ что этотъ князь Димитрій могъ двинуться въ Россію съ войскомъ и хотя втершійся на престолъ великій князь Борисъ Годуновъ послалъ противъ него своихъ людей и далъ ему отпоръ, однако тотъ, какъ молодой 27-ми лѣтній герой, постоянно пользовался успѣхомъ въ своемъ предпріятіи.

Старый Борисъ Годуновъ въ этотъ разъ послалъ на сеймъ въ Варшаву своего посла, приказавъ ему строго обвинять предъ сеймомъ короля Сигизмунда III и протестовать противъ того, что король польскій, въ противность заключенному мирному договору, помогалъ Димитрію, котораго онъ, Борисъ Годуновъ, не признаетъ таковымъ, но считаетъ его дерзкимъ мятежникомъ, войскомъ и деньгами напасть на его землю; приказалъ также требовать, чтобы король отозвалъ своихъ подданныхъ отъ князя Димитрія и прекратилъ всякую помощь ему, если желаетъ, чтобы между московскимъ государствомъ и Польшею продолжался миръ.

На это ему въ отвѣтъ было заявлено, что его королевское величество и сословія не желаютъ нарушать мира; если же нѣкоторые польскіе ландзассы (паны), какъ свободные люди, пристали къ Димитрію, то его королевское величество прикажетъ убѣждать оставить его; но его кор. величество полагаетъ, что присягали Димитрію не паны, а большею частью люди изъ дикихъ казаковъ, которые вступили въ его службу· они служатъ и туркамъ, и татарамъ, всѣмъ, кто въ нихъ нуждается.

Между тѣмъ, въ то время, какъ Димитрій пребывалъ въ землѣ московитовъ, приблизительно въ 1605 г., о Пасхѣ умеръ старый великій князь Борисъ Годуновъ. Тогда обнаружилось разъединеніе между московитскими народами, были произведены дальнѣйшіе розыски и обнаружено, будто князь Димитрій дѣйствительно царевичъ, а такъ какъ при жизни Годунова подданные присягнули сыну его, то произошло разногласіе, котораго изъ нихъ принять своимъ государемъ. Тогда они признали князя Димитрія и онъ сейчасъ женился на дочери воеводы сендомірскаго; они ему привезли ее вмѣстѣ съ многими поляками въ Москву; тамъ онъ 8 мая 1606 г и вѣнчался. Онъ взялъ съ собой нѣсколькихъ іезуитовъ и хотѣлъ принять папскую религію; говорятъ, что поляки также производили много безчинствъ, чѣмъ московиты такъ возмутились, что убили Димитрія на десятый день (17 мая) послѣ его свадьбы въ его спальнѣ, вмѣстѣ съ 1700 поляковъ и избрали великимъ княземъ князя Василія Шуйскаго. При этомъ произошли всяческіе безпорядки и явился другой Димитрій, у котораго было много приверженцевъ.

Въ это время появился также въ Венгріи нѣкто изъ Баторіева рода, по имени Бузокай, отдавшійся подъ покровительство турокъ.

Большая часть венгерцевъ присоединилась къ нему; они заняли крѣпкіе замки, выгнали намѣстника императора изъ Венгріи и послали пословъ къ великому канцлеру Замойскому съ предложеніемъ, что если онъ отпуститъ къ нимъ своего сына, Ѳому, то они провозгласятъ его королемъ Венгріи и турка оставятъ своимъ покровителемъ, но великій канцлеръ отклонилъ такое предложеніе.

24 мая 1605 г., въ 2 часа, великій канцлеръ Янъ Замойскій умеръ и былъ 20 іюня погребенъ въ Замостьѣ, въ своей церкви.

Въ 1605 г., между Пасхой и Тройцей, турецкій султанъ прислалъ грамоту къ королю польскому, требуя, чтобы тотъ отправилъ войско въ помощь Бузокаю въ Венгрію противъ римскаго императора, по старымъ ихъ договорамъ; но король извинялся тѣмъ, что самъ ведетъ войну съ Карломъ зюдерманландскимъ, а также тѣмъ, что взялъ подъ свое покровительство князя Димитрія, чтобы помочь ему въ достиженіи престола по праву наслѣдія. Этимъ извиненіемъ онъ и отдѣлался. Но татары напали на польскія границы и причинили много вреда за то, что будто бы не получили отъ короля своихъ шубъ (зипуновъ), которыя всегда давались имъ отъ польскаго правительства, за что они обязывались служить правительству

За годъ предъ 1605 г., герцогъ Карлъ принялъ къ себѣ въ службу изъ Германіи графа Мансфельда съ отрядомъ нѣмецкихъ солдатъ. Въ 1605 г., отрядъ этотъ герцогъ приказалъ усилить шведскимъ пѣхотнымъ отрядомъ въ 200 кавалеристовъ, такъ что весь отрядъ составилъ силу въ 3,500 человѣкъ, и послалъ ихъ съ кораблями подъ Ригу 2 августа они крейсировали взадъ и впередъ вдоль по Двинѣ.

3-го числа, шведское войско какъ конное, такъ и пѣшее, высадилось у Песочной горы передъ городомъ, напало на форштадтъ, сожгло прекрасную Гертрудскую церковь и всѣ вѣтряныя мельницы, множество домовъ, а также много бюргерскихъ дворовъ и крестьянскихъ хатъ въ ландфохтействѣ и увели много скота. Въ ландфохтействѣ происходили многократныя стычки и нѣсколько шведовъ попалось въ плѣнъ.

13 августа 1605 г , герцогъ Фридрихъ курляндскій прибылъ съ нѣсколькими рейтерами и пѣшимъ войскомъ къ Двинѣ.

Въ 1605 г Господь Богъ ниспослалъ свое благословеніе на урожай всякаго рода хлѣба, такъ что въ Ригѣ покупали рожь по 12—13 грошей за лофъ, хотя вся земля большею частью оставалась невспаханной и незасѣянной, будто какая пустыня. Господь Богъ неизсякаемъ милосердіемъ и для Него ничего нѣтъ невозможнаго; точно такъ же можетъ Онъ спасти насъ отъ руки нашего непріятеля Карла.

Въ 1606 г. рожь въ Ригѣ стоила только 2 марки. Вотъ, что Господь Богъ можетъ сдѣлать!

2 сентября 1605 г шведы съ кораблей поплыли на шхербо-

тахъ (по Аа) вверхъ отъ Больдераа и нанесли много вреда въ Ба-
битѣ и Курляндіи, а также много ихъ отправилось пѣшкомъ и на
лошадяхъ въ Туккумъ большой дорогой, грабили, жгли и нанесли
много вреда бѣднымъ жителямъ.

Въ это время изъ Ревеля двинулся одинъ полковникъ, Андрей Линдерсонъ, черезъ Викъ къ Пернову, къ нему навстрѣчу вышелъ изъ Феллина военачальникъ Ходкѣвичъ, чтобы принять его по военному, но когда поляки подошли, Линдерсонъ со шведами такъ выгодно окопался и защитился орудіями, что Ходкѣвичъ не могъ приблизиться къ нему, и потому воротился въ Феллинъ, тѣмъ болѣе, что тутъ былъ оставленъ его обозъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что герцогъ Карлъ самъ собственной персоной идетъ изъ Швеціи и держитъ путь въ Ригу, чтобы попытать счастія надъ этимъ городомъ, а между тѣмъ графъ Мансфельдъ со своими хотѣлъ попробовать взять Динамюндъ, гдѣ онъ и устроилъ нѣсколько шанцовъ въ пескѣ, но долженъ былъ уйти назадъ. Вслѣдствіе этого Ходкѣвичъ двинулся изъ Феллина черезъ Вольмаръ въ Венденъ, чтобы тамъ подкрѣпиться войскомъ изъ Литвы, такъ какъ извѣстія гласили, что у герцога Карла много войска.

10 сентября 1605 г., прибылъ герцогъ Карлъ съ герцогомъ люнебургскимъ и со всей своей арміей и 13-го двинулся прямо къ Ригѣ. Какъ только Ходкѣвичъ узналъ, что онъ прибылъ къ Ригѣ, то двинулся къ Икскулю, соединился съ герцогомъ курляндскимъ Фридрихомъ и литовскими панами, чтобы выручить Ригу и напасть на герцога Карла передъ городомъ; но послѣдній въ ночь съ 16-го на 17 сентября покинулъ свой лагерь. Тогда рижане сдѣлали вылазку, сожгли лагерь и разграбили все, что въ немъ осталось. телѣги, оружіе и прочее. Утромъ въ городъ прибыло много бѣжавшихъ отъ непріятеля, которые большею частью умирали съ голоду; ихъ приняли въ городъ.

Въ 8 часовъ 17 сентября герцогъ Карлъ, отступая отъ Риги со всѣмъ своимъ войскомъ въ 12,000 чел., прибылъ къ маленькой церкви, находившейся на горѣ у Кирхгольма, въ 2 миляхъ отъ Риги; тамъ встрѣтился съ нимъ Ходкѣвичъ приблизительно съ 3,000 конныхъ и пѣшихъ ратниковъ и съ нимъ герцогъ Фридрихъ курляндскій съ 400 челов. Они такъ мужественно напали на герцога Карла съ его огромнымъ войскомъ, что послѣднее скоро обратилось въ бѣгство, и было ихъ изрублено на мѣстѣ болѣе 3,000 человѣкъ[1]).

---

[1]) Число погибшихъ въ этой битвѣ шведовъ, которыхъ магистратъ велѣлъ похоронить, составляло 8983 человѣка, не считая тѣхъ, которые были найдены мертвыми въ Двинѣ и болотахъ. См. Annales Rigenses Броца.

Карлъ, какъ извѣстно, самъ попался бы въ плѣнъ, если бы одинъ лифляндецъ, Вреде, не пожертвовалъ для него собой, отдавъ ему свою лошадь. О необузданности герцога Юргенъ Гельмсъ разсказываетъ слѣдующее: Когда герцогъ сѣлъ на корабль, на кото-

Карлъ съ остальными бѣжалъ на корабли, которые оставилъ позади себя въ Двинѣ. Говорили, что онъ былъ раненъ. Графъ Іоахимъ Фридрихъ фонъ Мансфельдъ, какъ полагали, тоже избѣжалъ гибели, потому что не былъ найденъ между убитыми. Герцогъ Фридрихъ Люнебургскій, какъ и шведскій полковникъ Андрей Линдерсонъ, пали въ сраженіи; они были привезены въ Ригу и тутъ положены въ гробы. Было также приведено въ Ригу много плѣнныхъ.

Изъ польскихъ пановъ также нѣсколько легло на мѣстѣ, изъ коихъ въ Ригѣ было погребено около 15 чел., простыхъ солдатъ было убито 100 человѣкъ и болѣе 150 было привезено въ Ригу къ врачамъ ранеными.

Андрей Линдерсонъ былъ погребенъ въ Ригѣ[1]); тѣло герцога Люнебургскаго въ гробу взялъ съ собой герцогъ Фридрихъ курляндскій, также много было взято въ плѣнъ нѣмцевъ и шведовъ подъ Ригой и Кирхгольмомъ, болѣе 1,000 человѣкъ. Убитыхъ при Кирхгольмѣ Ходкѣвичъ велѣлъ всѣхъ похоронить. Съ поля битвы взято 14 полевыхъ орудій, 67 шведскихъ знаменъ и вообще было взято много добычи.

18 сентября, военачальникъ Ходкѣвичъ со своими ратниками и герцогомъ курляндскимъ съ большимъ тріумфомъ вступилъ въ Ригу, а плѣнные шведы должны были тащить за ними взятыя съ поля битвы пушки.

19 сентября, Ходкѣвичъ послалъ изъ Риги нѣсколько тяжелыхъ орудій, чтобы дѣйствовать ими въ Двинѣ по кораблямъ, съ которыми бѣжалъ герцогъ Карлъ, но на счастье шведовъ подулъ попутный вѣтеръ и они ушли; по дорогѣ заняли замки въ Викѣ и переправились черезъ море въ Швецію.

Польская армія пребывала на квартирахъ до Иванова дня 1606 г.; тогда войска, вслѣдствіе недоразумѣній, происшедшихъ между королемъ и сословіями, были вызваны въ Литву Какъ только герцогъ Карлъ провѣдалъ объ этомъ, тотчасъ же послалъ къ Ригѣ 30 кораблей и столько же шхерботовъ съ болѣе чѣмъ 2,000 чел. солдатъ изъ различныхъ земель. Они прибыли 13 сентября въ Двину и попытали счастія надъ Динамюндомъ, но, такъ какъ оказался недостатокъ въ провіантѣ, то чужеземные ратники начали становиться безпокойными, вслѣдствіе чего шведы снова ушли въ море со своими кораблями.

Въ это время и Іоахимъ Фридрихъ фонъ Мансфельдъ, кото-

ромъ бѣжалъ въ Перновъ, его встрѣтилъ слуга и выражалъ свою радость, что видитъ снова здравымъ своего господина, котораго уже считалъ мертвымъ. Полный ярости, Карлъ выхватилъ свой мечъ и закололъ этого своего слугу со словами: Вы, шельмы, должны бы тамъ быть, гдѣ я былъ!

[1]) Тѣло Линдерсона было 23 сентября рижанами, изъ глубокаго почтенія къ нему, торжественно погребено сообразно его званію въ соборѣ подъ органомъ.

Прим. пер.

раго герцогъ Карлъ оставилъ главнокомандующимъ въ Ливоніи, сдѣлалъ вылазку со своими ратниками изъ Пернова, взялъ Вольмаръ вмѣстѣ съ замкомъ, затѣмъ двинулся къ Моянеку, но былъ отбитъ, занялъ затѣмъ Эрмесъ и другіе замки, но поляки скоро опять все отвоевали. Тогда шведскій главнокомандующій пошелъ съ нѣкоторыми изъ своихъ пѣшихъ ратниковъ въ Ригу на замокъ. Шведское войско творило большія безчинства, безчестило женщинъ и все это безнаказанно.

Въ февралѣ 1606 г., въ Польшѣ назначенъ былъ сеймъ въ Варшавѣ, изъ коего однако ничего не вышло, какъ и изъ многихъ другихъ сеймовъ.

Когда польское войско, вслѣдствіе безпокойствъ, было вызвано изъ Ливоніи въ Польшу и Варшаву и въ 1607 году опять назначенъ былъ сеймъ въ Варшавѣ, тогда герцогъ Карлъ увидѣлъ, что наступило удобное время короноваться королемъ шведскимъ; послѣ коронованія онъ отправился въ Ливонію и разбилъ съ графомъ фонъ Мансфельдомъ пана Зборовскаго, который и былъ убитъ; остальные бѣжали 21 мая въ Дерптъ.

Затѣмъ 25 іюня шведы заняли крѣпкій замокъ Вейссенштейнъ, въ которомъ гарнизонъ былъ перебитъ и много было взято орудій. Вслѣдъ затѣмъ они сожгли городокъ Феллинъ, а тѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать въ замокъ, перебили. Въ то время какъ шведы жадничали въ Вейссенштейнѣ на добычу, одинъ солдатъ заронилъ огонь въ пороховой погребъ, отчего болѣе 1,000 чел. были разнесены и много ранено. Три или четыре тяжелыхъ орудія шведы послали въ Ревель и посадили начальникомъ въ Вейссенштейнѣ Генриха Фалькенберга, который до того времени былъ польскимъ знаменосцемъ.

Затѣмъ шведы отправились въ Салисъ, устроили тамъ блокгаузъ и обложили лемзальскихъ, наббскихъ и окрестныхъ мужиковъ налогами, затѣмъ осадили Дерптъ, штурмовали его, но были отбиты.

Потомъ шведскіе коммисары, Адамъ Шрафферъ и Германъ Врангель, вступили въ дерптское епископство, уводили много скота, старались также взорвать Дерптъ. Вайзинскій заложилъ контръ-мину, испортилъ шведскія минныя работы, также сдѣлалъ вылазку во время и выбилъ шведовъ изъ шанцевъ. Тогда шведы пошли къ Вольмару, но также были отбиты; однако по дорогѣ взяли Буртнекъ и такъ какъ были слабы численностію, то подожгли его, потомъ соединились, взорвали ворота въ Венденѣ и заняли городъ и замокъ; но венденскій гауптманъ Гауслейнъ съ удивительнымъ проворствомъ ускользнулъ, и такъ какъ шведы полагали, что онъ стянетъ со всѣхъ мѣстъ войско, то все побросали, прошли черезъ Салисъ и Перновъ въ Викъ, остальные опять вернулись въ Швецію и Финляндію, а французы и шотландцы также бѣжали.

18 декабря 1607 года въ Ригу прибылъ со шведской стороны одинъ трубачъ съ сыномъ Мельхіора фонъ Гоффена, который былъ тамъ со своимъ отцомъ въ плѣну; онъ привезъ городу Ригѣ грамоту отъ герцога Карла, въ которой герцогъ грозилъ наступить серьезно на городъ или запрудить и преградить теченіе Двины, если Рига не захочетъ завести съ нимъ переговоры; при этой грамотѣ было также письмо графа Іоахима Фридриха фонъ Мансфельда, въ которомъ онъ предлагалъ перемиріе и совѣтовалъ начать переговоры о мирѣ и писалъ между прочимъ. Ревельскій намѣстникъ посылаетъ въ своемъ письмѣ открытый пакетъ отъ шведскихъ государственныхъ совѣтниковъ подъ 6 печатями; отошлите пакетъ коронѣ польской и великому княжеству литовскому и совѣтуйте заключить миръ при посредствѣ императорскихъ и знатнѣйшихъ княжескихъ коммисаровъ.

17 января 1608 года шведскій парламентеръ уѣхалъ, съ рѣшеніемъ города и письменнымъ обязательствомъ соблюдать съ обѣихъ сторонъ миръ впредь до дальнѣйшаго рѣшенія короля. Затѣмъ совѣтники въ Швеціи послали другіе открытые патенты польскимъ сословіямъ и писали, что они не хотятъ знать ни о какомъ перемиріи, если оно не будетъ заключено на 12 лѣтъ. Это же самое объявилъ и герцогъ Карлъ, который въ настоящее время уже титулованъ королемъ, такъ какъ онъ въ Швеціи заставилъ короновать себя.

Затѣмъ пришелъ отвѣтъ отъ польскихъ сословій къ шведскимъ сословіямъ или ратамъ поляки согласны на перемиріе до Троицы 1609 года, о 12-ти лѣтнемъ же перемиріи они поднимутъ вопросъ на будущемъ сеймѣ и тогда будутъ говорить о постоянномъ мирѣ; польскія сословія назначили для переговоровъ маріенбургскаго воеводу и гетмана Яна Карла Ходкѣвича, а также пановъ. Касселана и Расскаго; пусть же и шведское правительство отрядитъ своихъ депутатовъ и назначитъ время и мѣсто переговоровъ.

Этотъ отвѣтъ мы послали съ нашимъ трубачемъ изъ Риги въ Ревель, шведы съ нимъ должны были дать намъ отвѣтъ; но они удержали трубача у себя и король Карлъ прибылъ 27 іюля 1608 года со своимъ войскомъ, съ графомъ фонъ Мансфельдомъ, съ 60 большими и малыми кораблями. Потомъ пришли на той же недѣлѣ еще около 80 кораблей съ ратниками, конными и пѣшими, съ тяжелыми орудіями, амуниціей, провіантомъ, а ратники эти были изъ всѣхъ націй англичане, французы, шотландцы, голландцы, нѣмцы, шведы, поляки и т. д. Всѣ они прибыли къ двинской гавани и тотчасъ же высадили всѣхъ ратниковъ на берегъ. Карлъ велѣлъ грабить, расхищать, жечь дворы бюргеровъ, за тѣмъ напалъ сухимъ путемъ, устроилъ шанцы подъ Динамюндомъ, поставилъ большія пушки и велъ штурмъ 20, 21 и 22 іюля, но осажденные оборонялись такъ храбро, что онъ долженъ былъ отступить, однако 26 числа крѣпость Дина-

миндъ была сдана шведамъ гауптманомъ Габріелемъ. 4 августа 1608 года герцогъ послалъ нѣсколько войска съ петардами къ крѣпости Кокенгаузену, куда за 6 часовъ передъ тѣмъ пришелъ съ 60-ю человѣками одинъ ратманъ, по имени Гетцъ; но когда ворота были взорваны петардами и непріятель ночью ворвался въ крѣпость, то хотя они хорошо оборонялись, но непріятель все таки въ ночь съ четверга на пятницу, 5 августа, взялъ и занялъ крѣпость, большею частью, французскими рейтерами.

За двѣ недѣли до этого, 22 іюля, подъ замокъ Зонцель явились 80 французскихъ рейтеровъ, а въ замкѣ были Іоганъ Ніенштедтъ со своимъ слугой Бобрехтомъ Нагелемъ и еще однимъ слугой Берендтомъ, ткачъ Альбрехтъ и Христофъ Бауеръ, всѣ хорошіе стрѣлки; были также старшина Михель Германнъ; они тѣхъ рейтеровъ мужественно отбили.

8 августа 1608 года шведскій полковникъ приказалъ опустить въ глубину Двины нѣсколько наполненныхъ краковъ (?), скоро затѣмъ построилъ у Двины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Больдераа (рѣка Аа) вливается въ Двину, шанцы и заняло ихъ 250 человѣкъ съ нѣсколькими фалконетами, чтобы препятствовать судоходству къ рижскому порту и въ Митаву

23 августа въ Ригу прибылъ польскій военачальникъ Янъ Карлъ Ходкѣвичъ съ ратниками и оттуда 31 августа отправился къ Динаминду, чтобы встрѣтиться съ непріятелемъ въ чистомъ полѣ; но тотъ засѣлъ въ замкѣ въ своихъ шанцахъ подъ замкомъ и не хотѣлъ сражаться. Ходкѣвичъ вызвалъ на помощь нашимъ кнехтамъ герцога Вильгельма изъ Курляндіи и 2 отряда нѣмецкихъ рейтеровъ, Валена и Плеттенберга, также два или три отряда польскихъ рейтеровъ, всѣ они переправились 1 сентября, въ день Эгидія, черезъ Двину съ 6 орудіями, чтобы попытать счастія надъ шведскимъ шанцомъ въ Двинѣ около Больдераа, прибыли туда 2 сентября, и начали наши кнехты строить окопы въ пескѣ. Когда герцогъ курляндскій увидѣлъ, что непріятель слишкомъ силенъ, онъ не оставался ни одного часу болѣе передъ крѣпостью, но снова отступилъ. Ходкѣвичъ, видя, что непріятель не хотѣлъ стоять, и ощущая недостатокъ въ продовольствіи, отступилъ назадъ къ Нейермиленскому мосту Рижскіе между тѣмъ сдѣлали вылазку на лодкахъ, сожгли у непріятеля одинъ корабль, называвшійся «Слонъ» (Elephant), а также отняли у шведовъ 22 октября провіантскій корабль въ 80 ластовъ, который долженъ былъ идти въ Динаминдъ. Тогда старая Двина была запружена.

28 октября шведы принуждены были сдать полякамъ обратно замокъ Кокенгаузенъ.

26 февраля 1609 года Ходкѣвичъ снова занялъ Перновъ.

Въ мартѣ 1609 года въ Двину прибылъ большой флотъ, болѣе

чѣмъ изъ 100 кораблей. Въ это время городъ, съ разрѣшенія военачальника, построилъ шанецъ въ углу моря, направо передъ входомъ въ Двину, каковымъ способомъ полагали удержать короля Карла съ его армадой внѣ Двины.

Въ это время герцогъ Вильгельмъ курляндскій женился на дочери герцога прусскаго и получилъ въ приданое за женой Гробинскій уѣздъ, который передъ тѣмъ былъ отданъ Лифляндіей въ залогъ прусскимъ господамъ.

28 апрѣля 1609 года Ходкѣвичъ построилъ около шанца блокгаузъ и укрѣпилъ шанецъ и блокгаузъ такъ хорошо, что графъ фонъ Мансфельдъ, когда хотѣлъ проѣздомъ въ іюнѣ выручить Динаминдъ, долженъ былъ удалиться со своими кораблями; все таки шведы отняли 7—8 богато нагруженныхъ торговыхъ кораблей.

11 іюля 1609 года въ лагерѣ передъ Динаминдомъ былъ жалкимъ образомъ казненъ одинъ дворянинъ, Кристофъ Гетце, причины же этому не знаю. Онъ похороненъ въ соборѣ.

Въ этомъ году великій князь Шуйскій до основанія сжегъ сильный, богатый городъ Псковъ за то, что тотъ присягнулъ его врагу, мнимому наслѣднику престола.

27 іюня 1609 года секретарь магистрата, Христофъ Гаунерсдорфъ, родомъ изъ Вильны, былъ нечаянно убитъ однимъ полякомъ, Зудовскимъ, на Шпильвѣ, въ своемъ маленькомъ дворикѣ. Магистратъ принесъ жалобу королю и виновный былъ наказанъ по литовскому праву вдвойнѣ, а именно въ то время, какъ другіе литовцы давали по 10 копъ грошей отъ человѣка, онъ долженъ былъ заплатить 20 копъ. Избави насъ Богъ отъ такого права! Теперь слѣдуетъ извѣстіе о тѣхъ, которые послѣ смерти сына стараго великаго князя Ивана Васильевича, старшаго Федора Ивановича, объявляли себя великими князьми и наслѣдниками престола.

(Это извѣстіе не находится ни въ одномъ изъ списковъ лѣтописи).

27 сентября 1609 года прибылъ изъ Вѣны графъ фонъ Мансфельдъ съ войскомъ короля Карла и хотѣлъ выручить Динаминдъ, но Ходкѣвичъ подстерегъ ихъ, шведы были жестокимъ образомъ перебиты, остальные до 1,000 человѣкъ вынуждены были сложить оружіе и затѣмъ всѣ были перебиты.

Послѣ этого, 28 сентября, Ходкѣвичъ взялъ замокъ Динаминдъ съ 6 полукартаунами, 2 полевыми полузмѣями и многими другими осадными орудіями и разнымъ оружіемъ на извѣстныхъ условіяхъ Тогда Ходкѣвичъ стянулъ свое войско изъ Ливоніи въ Печоры, оттуда они однако, ничего не сдѣлавъ, должны были уйти, послѣ четырехъ разъ повтореннаго штурма, причемъ поляки такъ были помяты, что, большею частью, или вышли въ отставку, или разбѣжались.

КОНЕЦЪ.

Записки курляндскаго герцогскаго гофрата Лаврентія Миллера о временахъ Стефана Баторія.

(Septentrionalische Historien, oder warhaffte Beschreibung der fürnembsten polnischen, liffländischen, moscowitertschen, schwedischen und andern Geschichten. Leipzig, 1585).

Послѣ того, какъ (нынѣшній) король польскій Стефанъ I, изъ рода Баторіевъ въ Семиградѣ, былъ, совмѣстно съ покойнымъ блаженной памяти императорскимъ величествомъ Максиміліаномъ, предложенъ кандидатомъ при выборѣ въ королевское достоинство, а такое предложеніе шло отъ господъ Зборовскихъ и ихъ адгерентовъ (приверженцевъ), то названный король Стефанъ ни на что уже болѣе не обращалъ вниманія, какъ на то, чтобы поскорѣе забрать въ свои руки скипетръ польской державы, предупредивъ въ томъ императора. И въ самомъ дѣлѣ, ему не трудно было видѣть, что, безъ рѣшительнаго образа дѣйствій, нечего было расчитывать на успѣхъ. Будучи низкаго званія, не располагая большими силами, имѣя за собою меньше другихъ голосовъ, что бы онъ подѣлалъ противъ императора, если бы тотъ предупредилъ его своимъ появленіемъ въ Польшѣ, подѣлалъ противъ такого могущественнаго государя, за котораго стояли самыя знатныя лица Рѣчи Посполитой, а также присоединенныя къ Польшѣ земли прусскія и ливонскія съ богатыми и сильными городами; безъ рѣшительнаго образа дѣйствія онъ бы не совладалъ бы даже съ московскимъ великимъ княземъ, который при извѣстныхъ условіяхъ могъ бы имѣть надъ нимъ перевѣсъ. На выборахъ, происходившихъ на открытомъ полѣ подъ Варшавой, большинство голосовъ пало на помянутаго императора Максиміліана. Цесарцы сейчасъ же съ выборнаго поля съ тріумфомъ поспѣшили въ Варшаву (столицу мазуровъ

и мѣстопребываніе королевы); архіепископъ гнѣзненскій отслужилъ молебенъ (Te Deum laudamus) въ соборѣ за благополучно оконченное избраніе и публично оповѣстилъ и провозгласилъ Максимиліана королемъ польскимъ. Но когда Стефанъ увидѣлъ, что императоръ и не думаетъ быть на правду королемъ, то, не желая отступиться отъ своего кандидатства, онъ, ни мало не мѣшкая, съ не очень большою дружиною, вышелъ изъ своей земли и вступилъ собственною особою въ Польшу А такъ какъ Максимиліанъ, не смотря на многократныя и усиленныя просьбы поляковъ, не являлся въ Польшу, по болѣзнили, какъ думаютъ нѣкоторые, или же Богъ вѣсть какія странныя мысли имѣлъ въ головѣ, потому Стефанъ и преклонилъ на свою сторону великаго маршала короннаго пана Опалинскаго, великаго подскарбія (казначея) Яна Дульскаго и великаго канцлера короннаго пана Яна Замойскаго. А поелику Стефанъ былъ человѣкъ не безъ образованія и разумный, то онъ и самъ, и при помощи названнаго великаго канцлера, и при помощи Зборовскихъ и ихъ адгерентовъ, преклонилъ къ себѣ умы и остальныхъ польскихъ сословій. Это ему тѣмъ легче было сдѣлать, что поляки въ глубинѣ души не очень-то были склонны къ нѣмецкому народу; въ тѣ времена они больше льнули къ венграмъ, которымъ подражали въ одеждѣ, оружіи и нравахъ, больше чѣмъ мы нѣмцы (благодаря Бога). Къ тому же Стефанъ обѣщалъ, а впослѣдствіи подтвердилъ и присягою, что будетъ свято сохранять ихъ отчасти варварскія привиллегіи, а также, что не будетъ обращать вниманія на продѣлки нѣкоторыхъ знатныхъ пановъ, совершенныя во время междуцарствія.

Хотя нѣкоторые изъ польскихъ сословій не были довольны Стефаномъ и стояли за императора, но въ концѣ концовъ и эта часть, какъ слабѣйшая, принуждена была пристать къ Стефану, за исключеніемъ немногихъ, которые предпочли удалиться изъ отечества, чѣмъ измѣнить своему долгу и присягѣ, данной императору Изъ числа такихъ немногихъ, знатный воевода сѣрадзскій панъ Альбертъ Ласкій отправился къ императору и долго его просилъ, чтобы его величество не покидалъ ихъ, а прибылъ въ Польшу За это самое, король отобралъ у Ласкаго его замокъ Ландскрону, который находился не подалеку отъ Кайсмаркта.

Московитъ также не упустилъ посылать свои великолѣпныя посольства къ императору съ пожеланіями ему счастія, напоминалъ ему брать корону польскую и просилъ снова уступить ему добровольно половину Ливоніи

А между тѣмъ тѣ, что были за Стефана, не спали, а живо поспѣшили свадьбой Стефана съ сестрой покойнаго Сигизмунда-Августа и коронаціей. Ибо эта королева была признана наслѣдницей короны по смерти брата Сигизмунда-Августа; на ней-то и женился Стефанъ, а затѣмъ наступила коронація. Каждый, одинъ за однимъ,

отставалъ отъ императора, а сердце и глаза обращалъ на Стефана. Провинціи прусскія и Ливонія, однако, держались еще и надѣялись на императора. Поэтому король Стефанъ самъ сдѣлалъ себя королемъ въ Пруссіи, а когда города Торнъ, Эльбингъ, Маріенбургъ и прочіе города королевской части Пруссіи преклонилъ на свою сторону, то созвалъ сеймъ въ Торнѣ. А поелику московитъ ни мало не былъ доволенъ королемъ, напротивъ дѣлалъ противъ него приготовленія, потому и городъ Гданскъ также не хотѣлъ признать королемъ Стефана на томъ основаніи, что уже присягнулъ императору, а присяги никто не снималъ съ него. Король и началъ совѣтоваться съ нѣкоторыми польскими панами, какъ ему быть съ городомъ Гданскомъ.

Что касается до гданчанъ, то о нихъ говорили, что между ними и королемъ были неоднократные переговоры, прежде чѣмъ дѣло дошло до осады ихъ города, а для оправданія себя они публиковали печатно; о чемъ дѣло шло при этихъ переговорахъ, это каждый можетъ прочитать. А какъ при подобныхъ оправданіяхъ, они начали упрямиться, потому король Стефанъ объявилъ ихъ врагами отечества и обложилъ ихъ городъ.

Но литовскія сословія не были довольны такимъ поступкомъ короля, не хотѣли ему прислать значительныхъ подкрѣпленій, увѣряя, что имъ несравненно необходимѣе готовиться къ войнѣ съ московитомъ.

Но сосѣди гданчанъ, воевода маріенбургскій, панъ Костка и абатъ оливскій наводили короля по большей части на это дѣло, да и Эрнестъ Вайеръ говорилъ, что экспедиція эта будетъ легкою; всѣ они получили за то справедливое отъ Господа Бога воздаяніе. Ибо когда названный воевода, спустя нѣкоторое время, вступилъ въ споръ съ нынѣшнимъ великимъ подскарбіемъ (казначеемъ) короннымъ, паномъ Яномъ Дульскимъ, въ присутствіи короля, то такъ уже полагался на свое большое значеніе и мнимую милость, что упрекалъ пана Дульскаго въ низкомъ происхожденіи и между прочимъ сказалъ, что никогда бы онъ, панъ Дульскій, не былъ возведенъ въ такія достоинства королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, если бы своихъ вѣрныхъ службъ не исполнялъ преимущественно in adducendis mulierculis (доставленіемъ женщинъ). Въ присутствіи короля они схватились за сабли. Панъ Дульскій, по требованію великаго маршала, долженъ былъ стать на колѣни и просить прощенія у короля за то, что, въ его присутствіи, обнажилъ оружіе, а панъ Костка ни за что не хотѣлъ сдѣлать этого (т. е. на колѣняхъ просить прощенія у короля), потому и впалъ въ большую немилость и тѣмъ причинилъ паденіе и свое и своихъ.

Эрнстъ Вайеръ, совѣтовавшій королю осаду, думалъ что пользуется большою милостію у короля, снисканною какъ при этой осадѣ Гданска, такъ и въ московитскихъ походахъ, и потому былъ и радъ, и веселъ,

и до того увѣренъ въ королевской милости, что велѣлъ своему слугѣ подстеречь между Гданскомъ и Оливою Пекарскаго, съ которымъ былъ въ ссорѣ изъ за ленныхъ имѣній, и подло застрѣлить его, а по этой причинѣ не увѣренъ сойдетъ-ли ему благополучно съ рукъ это убійство.

Но и этимъ абатъ оливскій, Каспаръ Гечковъ (Getzschaw), хвалившійся, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ въ лейпцигскомъ университетѣ и достигъ самыхъ высшихъ достоинствъ, потерялъ всю милость при дворѣ, когда король увидѣлъ, куда онъ его велъ. Въ великій четвергъ 1584 г, ему приходилось совершать умовеніе ногъ своей монашествующей братіи, онъ и вздумалъ подкрѣпиться для подобнаго труда въ компаніи со своею обычною собутыльною братіею. Для того онъ и началъ жарить себѣ угря особеннымъ способомъ обернулъ угря въ сукно, смоченное мальвазіею, и держалъ его въ горячей золѣ, обложенной кругомъ раскаленными углями. Когда угорь поджарился, застольники говорятъ. угорь не довольно прожарился, а онъ отвѣтилъ, что у него есть достаточно полыннаго масла (полынной настойки), которое онъ привезъ изъ Франціи отъ короля Генриха и которое хорошо помогаетъ пищеваренію. А такъ какъ онъ хотѣлъ быть алхимикомъ и занимался алхиміею, то и велѣлъ своему слугѣ и лаборанту, Шаллеру изъ Эйслебена, принести бутылочку съ полыннымъ масломъ, находившуюся, какъ онъ сказалъ, на такой-то полкѣ, и подъ такимъ-то номеромъ. Неизвѣстно, ошибся-ли Шаллеръ, или же самъ абатъ подъ указаннымъ имъ номеромъ поставилъ на мѣсто полыннаго другое вредное масло и забылъ про то, но только когда Шаллеръ принесъ бутылочку съ онымъ якобы полыннымъ масломъ, то абатъ по своему обычаю влилъ по нѣскольку капель этого масла сперва въ свою рюмку, а потомъ и въ другія рюмки. Всѣ достаточно напились этого масла, такъ что абатъ и одинъ гданскій аптекарь умерли на третій день, а чрезъ недѣлю о Пасхѣ похоронили и всѣхъ 12 его собутыльниковъ.

Въ то самое время, когда король стоялъ подъ Гданскомъ, московитъ съ большою силою вторгся въ Ливонію, разгромилъ и опустошилъ почти всю страну, перешелъ также чрезъ Двину, большую рѣку, которая подъ Ригою имѣетъ ширины до четверти нѣмецкой мили.

Тогдашній администраторъ ливонскій, Іоаннъ Ходкѣвичъ, увидѣвъ великую силу непріятеля, поспѣшилъ прибыть въ королевскій станъ подъ Гданскомъ и убѣдилъ короля бросить несвоевременную и безполезную войну и итти въ Ливонію отомстить московиту, но, къ сожалѣнію, этого нельзя было тогда исполнить, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Между тѣмъ въ то самое время, когда Ходкѣвичъ находился въ королевскомъ лагерѣ, секретарь его, Іоаннъ Биринкъ изъ Брауншвейна, побудилъ нѣсколькихъ добрыхъ гезелей къ войнѣ, которые

снарядились и возросли численностію до нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Они отнимали у московита замокъ за замкомъ, наконецъ, овладѣли замкомъ Трейденомъ, который былъ крѣпостью и изъ котораго они дѣлали вылазки и защищали сосѣдніе замки и дворы.

А замокъ Трейденъ достался имъ хитростію. Биринкъ переодѣлъ нѣсколько своихъ человѣкъ въ платье тамошнихъ мужиковъ (undeutsche Bawr — латышей), разузнавъ предварительно, что въ замкѣ гарнизонъ не великъ, съѣстныхъ припасовъ нѣтъ и въ особенности нѣтъ дровъ. Вотъ онъ и навалилъ нѣсколько телѣгъ дровами и посылаетъ одну телѣгу въ замокъ, а привезшій говоритъ, что у него есть еще дрова и, коли они хотятъ получить дровъ, то могутъ купить у него нѣсколько возовъ. Въ замкѣ обрадовались, что дровъ добудутъ, и отворили замковыя ворота пропустить возы; наѣхало возовъ пропасть и начали переодѣтые мужики ссору съ тѣми, что караулили ворота, а ссорились до тѣхъ поръ, пока подошли всѣ остальные (стояли недалеко оттуда) и овладѣли замкомъ.

Послѣ московитъ взялъ городъ Венденъ. Во время осады, нѣкоторыя знатныя женщины и дѣвицы изъ замка могли видѣть какія тиранства совершались надъ старымъ и малымъ, сколько позора наносилось женщинамъ и дѣвицамъ и какъ ихъ послѣ того разрубали саблями. Вотъ онѣ съ нѣсколькими мущинами и малыми дѣтьми заперлись въ венденскомъ замкѣ въ сводчатой комнатѣ, близь столовой магистра, забрали съ собою, какіе были, съѣстные припасы, исповѣдались и причастились и надѣли на себя лучшія платья и украшенія. А когда они увидѣли, что московитъ уже беретъ и городъ и замокъ, тогда взяли на руки своихъ дѣтей и посредствомъ длинной лучины изъ окна подожгли порохъ, который онѣ заранѣе положили подъ сводомъ, другъ друга благословили и, призывая Господа Бога, взлетѣли на воздухъ. Такой поступокъ навелъ ужасъ на сосѣдніе города и замки, и сами московиты весьма дивились ему И хотя рижскіе богословы много проповѣдывали противъ подобнаго самовзорванія венденскихъ женщинъ и дѣвицъ и осуждали оное, но, однакоже, пусть всякій разсудитъ, что имъ было дѣлать при угрожающемъ посрамленіи, послѣ котораго смерть все-таки заглянула бы имъ въ глаза.

Въ то самое время, когда московитъ овладѣлъ и занялъ городъ и замокъ Венденъ, тотъ Биринкъ не бездѣйствовалъ, а составилъ планъ отобрать со своею челядью городъ этотъ у московита. Собрались они ночью, въ числѣ 400 человѣкъ, неподалеку отъ замка на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде шла сильнѣйшая пальба и которое московитъ снова укрѣпилъ деревяннымъ больверкомъ (тыномъ). Приставили они лѣстницы къ стѣнѣ въ этомъ мѣстѣ и, когда московиты предались сну, нѣсколько человѣкъ взобралось по лѣстницамъ на стѣну Московиты и не замѣчали, что на стѣнѣ что-то движется. По лѣст-

ницамъ полѣзли и другіе, овладѣли замкомъ и бросились на городъ, прежде чѣмъ бывшіе тамъ московиты проснулись. /Московитъ въ полѣ плохой воинъ, но защищается въ городахъ упорно, потому-то нападающимъ было много дѣла съ московитами въ городѣ. Московиты позапирались въ каменныхъ домахъ, окопались и забарикадировались, поразобрали черепицу съ крышъ, защищались этою черепицею и въ то же время стрѣляли изъ ружей. Такимъ образомъ, весь слѣдующій день до самой ночи бились нѣмцы съ московитами, пока съ Божіею помощіею всѣ непріятели не были перебиты, сожжены въ домахъ, а остальные взяты въ плѣнъ./

Этотъ городъ Венденъ расположенъ красиво и весело/ Въ орденскія времена онъ былъ главнымъ городомъ Ливоніи и резиденціею гданскаго магистра. Въ городѣ находился красивый, большой замокъ, въ окружности съ четверть мили, и московитъ часто подступалъ къ Вендену, но всякій разъ былъ принуждаемъ къ отступленію съ потерею нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, такъ что Венденъ для московитовъ былъ мѣстомъ вполнѣ ненавистнымъ и словомъ, и дѣломъ.

Какъ скоро король узналъ подъ Гданскомъ о бѣдствіи, постигшемъ Ливонію, то, быть можетъ, и отступилъ бы отъ этого города, потому что и литовцы, и многіе польскіе паны склоняли его къ тому, но онъ боялся людскихъ наговоровъ и насмѣшекъ, и того, что гданчане, вслѣдствіе его отступленія, могли бы черезъ-чуръ уже возгордиться. А гданчане не такъ бы скоро склонились къ миру, если бы въ сильной вылазкѣ подъ Дерсавомъ (Тчовомъ) не потеряли 3,000 мѣщанъ и хорошихъ солдатъ и если бы не прибыли многіе курфюрсты и князья, посланные отъ римской имперіи, чтобы серьезно ужь приступить къ заключенію мира.

Условія мира были главнѣйшимъ образомъ къ тому направлены, чтобы гданчане заплатили королю Стефану знатную сумму денегъ. Не касаясь событій, происходившихъ во время продолжительной осады Гданска, такъ какъ не имѣю въ виду писать обстоятельную и обширную исторію оной, не могу не упомянуть про смѣлый подвигъ одного шкипера.

Когда поляки и венгры рѣшились штурмовать блокгаузъ у Гданска, и когда часть ихъ перешла черезъ мостъ, перекинутый въ этомъ мѣстѣ, а другая шла еще по этому мосту, шкиперъ тотъ снялъ свой корабль съ якоря, распустилъ паруса и пустилъ корабль при полномъ вѣтрѣ къ деревянному мосту Тѣ какъ то и не замѣчаютъ, что плыветъ корабль и грозитъ имъ опасностью. Корабль налетѣлъ на мостъ и разрушилъ его: тѣ, что шли по мосту, большею частію утонули, а, которые перешли, были перебиты или взяты въ плѣнъ, а находившимся по сю сторону моста была отрѣзана дорога къ отступленію.

Тщетно гданчане надѣялись на помощь короля датскаго. Вое-

вода сѣрадзскій, Альбертъ (Войцѣхъ) Ласскій, находившійся при императорѣ, тщетно писалъ имъ, что скоро прибудетъ къ нимъ съ 4,000 гофлейтовъ и съ нѣкоторымъ числомъ пѣшихъ кнехтовъ и, когда они узнаютъ о его прибытіи, то чтобы сдѣлали вылазку съ одной стороны, а онъ нападетъ съ другой и, такимъ образомъ, принудитъ поляковъ къ бѣгству

По прекращеніи смятеній въ Пруссіи, король написалъ ко всѣмъ каштелянамъ въ Ливоніи и администратору Яну Ходкѣвичу, напоминая имъ, чтобы они ободряли ливонцевъ и склоняли ихъ къ мужеству Въ этихъ письмахъ король обѣщалъ сохранить и утвердить всѣ распоряженія, донаціи и т. п., сдѣланныя Ходкѣвичемъ и каштелянами, а также оказать милости заслуженнымъ особамъ.

Скоро послѣ того, коронныя и литовскія сословія одобрили и постановили предпринять походъ и сборы противъ московита. Король, оставивъ въ сторонѣ ливонскіе замки, въ которыхъ находились московитскіе гарнизоны, направился на княжество полоцкое и на Великіе Луки и скоро добылъ ихъ. Такимъ образомъ, поляки и венгры справедливою мѣрою воздали московитамъ за совершенные послѣдними въ Ливоніи убійства, пожары и другія тиранства.

Одержавъ побѣду, король возвратился въ Польшу, такъ какъ, согласно съ уставомъ, подходило время собраться сейму въ Варшавѣ. Сеймъ утвердилъ новые поборы и новый походъ. На этомъ сеймѣ находился турецкій посолъ, котораго султанъ прислалъ поздравить короля съ побѣдою и поднести въ подарокъ дорогую саблю съ пожеланіемъ, чтобы король употребилъ оную противъ своихъ непріятелей со славою и счастіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ султанъ жаловался, что казаки, проживающіе по границамъ Молдавіи и Валахіи, ежедневно и въ особенности, когда король въ отсутствіи, причиняютъ большія обиды молдаванамъ и валахамъ. Султанъ проситъ, чтобы казаковъ тѣхъ усмирить и казнить старшину ихъ (гетмана), прозываемаго Подковой, тѣмъ болѣе, что Подкова этотъ пойманъ и находится въ королевскихъ рукахъ. Султанъ приказалъ послу до тѣхъ поръ не уѣзжать изъ Польши, пока самъ собственными глазами не увидитъ, что Подковѣ отрубили голову Если казнь не совершится, то султанъ будетъ считать это знакомъ презрѣнія и непріязни къ нему со стороны короля и не преминетъ тогда думать о воздаяніи королю за то.

Этотъ Подкова былъ замѣчательный человѣкъ, одаренный необыкновенною силою. Новую, небывшую въ употребленіи, подкову онъ могъ сломать руками, какъ какой прутъ. Этого-то Подкову пограничные казаки выбрали себѣ предводителемъ (гетманомъ) и жестоко били турокъ. Тогда король придумалъ, чтобы какіе нибудь добрые пріятели Подковы написали къ нему письмо съ приглашеніемъ пріѣхать въ условленное ими мѣсто для переговоровъ и въ письмѣ завѣрили Подкову, что король обѣщаетъ сохранить за нимъ его честь и вѣру

Подкова, какъ честный воинъ, вѣритъ и отправляется къ этимъ своимъ добрымъ друзьямъ (не называю ихъ изъ скромности), которые ему тотчасъ же и объявили королевское повелѣніе оставить казаковъ и отправляться къ его королевскому величеству, завѣряя, что и волосъ съ головы его не упадетъ. Подкова повѣрилъ, подвыпилъ съ этими друзьями, и всѣ они поѣхали въ Польшу Тутъ-то въ совѣтѣ и стали разсуждать какъ быть и какой отвѣтъ дать турецкому послу Большинство было того мнѣнія, чтобы послу вѣжливо отказать въ его просьбѣ и не трогать Подкову, но король сказалъ «Если Подковѣ ручались, что ему не сдѣлаютъ ничего дурнаго, то такое ручательство дано до прибытія турецкаго посла и касалось лишь до его справедливыхъ дѣйствій. Но, какъ теперь оказывается, что онъ дѣйствовалъ вопреки pacta foederis (мирныхъ договоровъ), и султанъ на него сильно жалуется, то защищать нарушителя присяги и мира не подходитъ. Если же они хотятъ не трогать Подкову, то должны помнить, что турокъ въ письмѣ своемъ ясно даетъ понять, что на случай отказа, онъ уже отточилъ свою саблю. Если они не обращаютъ вниманія на гнѣвъ, дружбу или вражду турка, то онъ, король, готовъ стать вмѣстѣ съ ними и противъ турка, какъ и противъ московита, жертвуя своимъ здоровьемъ и жизнію, но, однакоже, неблагоразумно вооружать противъ себя черезъ-чуръ многихъ.» Какъ только поляки уразумѣли, что дѣло это можетъ вовлечь ихъ въ войну, то перешли на сторону султанскаго требованія и не только не защищали Подкову, но всѣ единогласно осудили его на смертную казнь.

На этомъ же самомъ сеймѣ король чинилъ земскій судъ и рѣшилъ большое число важныхъ дѣлъ, остававшихся нерѣшенными еще со временъ короля Сигизмунда-Августа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ новыя хорошія учрежденія (constitutiones) и, отмѣнивъ устарѣвшіе и непригодные законы, замѣнилъ ихъ новыми. Между прочимъ онъ отмѣнилъ законъ, гласившій если дворянинъ умышленно убьетъ мѣщанина или хлопа, то платитъ 20 копъ грошей штрафу, и усилилъ наказаніе за убійство.

На этотъ же сеймъ прибылъ снова изъ двора римскаго императора въ Варшаву воевода сѣрадзскій панъ Альбертъ (Войцѣхъ) Ласскій. Онъ покорился королю, который его ласково принялъ и привѣтствовалъ такъ. «Si dominatio tua citius accessisset, melius fecisset, sed quia salua nunc advenit, ota gaudet Respublica (т. е. было бы лучше, если-бы ваша милость явилась ранѣе, но вся Рѣчь Посполитая радуется, когда и теперь вы счастливо прибываете).» На слѣдующій день Ласскій принесъ присягу на вѣрность, и снова занялъ мѣсто въ радѣ (совѣтѣ)

Московское посольство также находилось на ономъ сеймѣ въ Варшавѣ. Послы домогались, чтобы король возвратилъ великому

князю все завоеванное имъ въ послѣднемъ походѣ, а великій князь заключитъ выгодный миръ съ Ливоніею. Но король, догадавшись, что московитъ желаетъ лишь выгадать время, чтобы укрѣпиться, далъ послу такой отвѣтъ. «Если вашъ великій князь домогается такихъ трудныхъ и несбыточныхъ вещей, то, очевидно, о мирѣ онъ мало и думаетъ; объ этомъ имъ, посламъ, нечего и говорить, но пусть они только то скажутъ великому князю, что коли онъ взаправду хочетъ мира, то пусть даетъ посольству другія условія и совершенное полномочіе. Онъ, король, будетъ ждать такое посольство въ полѣ на московской землѣ и тамъ сейчасъ же дастъ и отвѣтъ.»

Когда турокъ успокоился казнію Подковы, а съ гданчанами пришли къ полному соглашенію, и сеймъ единогласно постановилъ предпринять противъ московита походъ и поборы, король въ свѣтлый понедѣльникъ св. Пасхи 1581 г изъ Варшавы отправился въ Мсибовъ и Гродну, а сословія распустилъ, дабы они вооружались у себя по домамъ.

Между тѣмъ панъ Ласскій съ нѣкоторыми другими польскими панами сталъ думать, какъ бы напасть на московита и со стороны моря. Съ королевскаго разрѣшенія, послали они Лаврентія Миллера, доктора обоихъ правъ, къ королю шведскому и датскому разузнать какое бы участіе они приняли въ этомъ дѣлѣ. Предположеніе было напасть на московита съ моря, а для этого изъ за Норвегіи и Кореліи итти въ Бѣлое море будто въ портъ св. Николая и Холмогоры, а напасть на Соловецкій монастырь, куда, какъ слухъ идетъ, московскій великій князь свезъ всѣ свои сокровища; монастырь же хоть и укрѣпленъ, но гарнизона не имѣетъ и потому можетъ быть взятъ. Король датскій отвѣчалъ, что онъ съ московитомъ не только не находится въ открытой враждѣ, но напротивъ имѣетъ при немъ въ Москвѣ свое посольство, потому, впредь до возвращенія пословъ, ничего не можетъ и сказать по этому дѣлу Но шведскому королю предложеніе это очень понравилось и онъ письменно далъ такой отвѣтъ. Какъ его любезный зять, король польскій, признаетъ лучшимъ поступить, такъ и онъ не прочь поступить, а корабли, гавани, снаряды, съѣстные припасы и люди во всякое время имѣются у него. Пусть король вспомнитъ, что его свѣтлость Георгъ Гансъ, пфальцграфъ рейнскій, предлагалъ тѣже средства и пути, потому онъ, король шведскій, и желаетъ это дѣло со всякимъ стараніемъ довести до конца.

Въ то время, когда панъ Ласскій и другіе хлопотали объ исполненіи этихъ предположеній, король въ іюнѣ собирался итти прямо въ московитскую землю и, оставивъ московскіе гарнизоны въ Ливоніи въ сторонѣ, осадить прежде всего Псковъ, что впослѣдствіи и было исполнено. Приготовляясь къ выступленію въ походъ, король далъ денегъ на руки 4,000 татарамъ, чтобы они шли подъ предводительствомъ старосты Черкасскаго (Вишневецкаго), войною на московитовъ.

Московитъ провѣдалъ про это, и далъ тѣмъ же самымъ татарамъ денегъ вдвое больше, чтобы они шли войною противъ короля. Когда Черкасскій прибылъ на то мѣсто, куда были посланы его татары, именно на границу княжества Острожскаго, то татары ему измѣнили: къ нимъ присоединилось еще нѣсколько тысячъ татаръ, и они задумали схватить Черкасскаго и выдать его московитамъ. Татары все полагали, что у Черкасскаго не много будетъ своего народа, а потому не могли воздержаться отъ грабежа; крестьяне князя Константина Острожскаго захватили въ плѣнъ нѣсколько грабившихъ татаръ, которые и выдали замыслы своей орды. Тогда князь Константинъ поспѣшилъ послать къ Черкасскому нѣсколько сотъ своихъ гофлейтовъ (надворнаго войска, конницы), да у Черкасскаго было своихъ хорошо обученыхъ аркебузировъ (пѣхоты, стрѣлковъ); съ этимъ войскомъ Черкасскій и напалъ на татаръ. Татары, не привыкшіе къ польскому и нѣмецкому строю, не смотря на свою многочисленность, были разбиты: множество ихъ пало въ битвѣ, а прочіе обратились въ бѣгство. Не мало было взято въ плѣнъ татарскихъ князей и другихъ. Но скоро они жестоко отомстили Рѣчи Посполитой за это пораженіе. Провѣдавъ, что короля нѣтъ въ краѣ, они внезапно переправились чрезъ Днѣпръ, сожгли 24 города и множество деревень, захватили въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, угнали множество скота и всякой другой добычи. Татаринъ это такой врагъ, который расчитываетъ на бѣгство и на свою подвижность. Онъ неожиданно вторгается чрезъ границу съ 15, 16 и болѣе тысячами человѣкъ, хватаетъ, кого не встрѣтитъ, людей-ли или скотъ, уводитъ съ собою и продаетъ туркамъ. А какъ провѣдаетъ, что на него идетъ погоня, то сейчасъ сворачиваетъ на другую дорогу, на своихъ лихихъ коняхъ дѣлаетъ по 30 и 40 миль въ сутки; его не легко догнать, да онъ тогда и не останавливается.

Главнокомандующимъ войска, направленнаго подъ Псковъ, король назначилъ великаго канцлера Яна Замойскаго, а такое назначеніе усилило зависть и вражду, которую питалъ панъ Янъ Зборовскій къ великому канцлеру Этотъ Зборовскій былъ искусный и опытный воинъ; онъ много способствовалъ избранію короля Стефана и былъ главнокомандующимъ въ гданской экспедиціи. Его оскорбило предпочтеніе, оказанное королемъ предъ нимъ великому канцлеру, которому пристойнѣе было бы сидѣть въ канцеляріи, а не предводительствовать войскомъ. Точно также обижался назначеніемъ и воевода Подольскій, тотъ самый, что въ походѣ подъ Великіе Луки и Заволочье искусно дѣйствовалъ и былъ опытнымъ воиномъ.

Не очень-то были искусны распоряженія великаго канцлера, какъ то на дѣлѣ оказалось какъ пришлось дѣйствовать артиллеріею, то ни пороху, ни снарядовъ не оказалось во всемъ королевскомъ обозѣ. Пришлось съ немалою опасностію посылать за порохомъ и

снарядами въ Ригу за 50 миль. Если бы московитъ провѣдалъ про это обстоятельство, то пришлось бы полякамъ съ потерею отступить отъ Пскова.

Полковникъ Фаренсбахъ осадилъ московитскій монастырь Печоры, находившійся недалеко отъ Пскова, и готовился взять оный штурмомъ. Но у монаховъ былъ гарнизонъ, они мужественно бились, а тутъ какой-то чертъ причинялъ неудачи осаждающимъ нѣмцамъ и другимъ (монахи говорили, что ихъ святая монастырская жизнь была тому причиною); они имѣли уже счастье въ рукахъ, и все-таки ничего не могли подѣлать съ погаными чернецами, а тѣ, что находились плѣнными въ монастырѣ (между прочими племянникъ герцога курляндскаго), разсказывали, что монахи хотѣли было на другой день сдать монастырь, и съ плѣнниками перемѣнили обращеніе, хорошо угощали ихъ, чтобы тѣ заступились за монаховъ у своихъ земляковъ, но въ эту самую ночь стража схватила какого-то ребенка, обходившаго монастырскіе валы, и когда спросили ребенка, какъ онъ попалъ въ монастырь, то этотъ ребенокъ отвѣчалъ. Господь Богъ послалъ его въ монастырь возвѣстить монахамъ, что у нихъ крѣпкія стѣны, провіанта, пороху и снарядовъ довольно, и бьются они невредимы, такъ что имъ за охота сдавать святой домъ Божій нѣмцамъ; пусть монахи продержутся три дня, тогда сами увидятъ, что непріятель отступитъ. Такъ и случилось, а дитя исчезло. Тогда монахи снова бросили плѣнныхъ въ тюрьму, со звономъ и пѣніемъ стали служить молебенъ, и въ то же время открыли сильную пальбу по нѣмецкому лагерю. Послѣ того они пожелали переговорить съ королевскими людьми, вывели плѣнныхъ нѣмцевъ на валъ, чтобы тѣ говорили съ королевскими. Съ королевской стороны выступилъ для переговоровъ венгерскій полковникъ, по прозванію Борнемисса, а московитскій полковникъ спросилъ его «Какую такую обиду чернецы нанесли королевскимъ людямъ, что они такъ осаждаютъ и тѣснятъ монастырь? Коли королевскіе хотятъ быть настоящими воинами, то пусть свое мужество покажутъ подъ Псковомъ.» Борнемисса отвѣчалъ на это «Городъ Псковъ обложенъ великою силою и въ скоромъ времени съ Божіею помощію будетъ въ рукахъ польскаго короля; пусть чернецы поразмыслятъ вѣдь ясно, что великій князь не придетъ имъ на помощь, такъ пусть они, чернецы, добровольно сдадутся королевскому величеству польскому, какъ христіанскому государю, который не только будетъ хранить ихъ свободу, но окажетъ имъ еще большую свою милость. Да и то еще непристойно, что они, чернецы, вопреки своего устава и ордена, дѣйствуютъ противъ королевскихъ людей будто враги, либо воинскіе люди. Пусть-ка чернецы подумаютъ о своемъ монастырѣ и поддадутся королю. Если не поддадутся, то королевскіе люди станутъ подъ монастыремъ еще съ большими силами, чѣмъ теперь, тогда камня на камнѣ не останется отъ монастыря и никто изъ

монаховъ въ живыхъ не останется, какъ то и было подъ Полоцкомъ, подъ Заволочьемъ и подъ другими монастырскими замками во время прошлогодняго похода.»

На это московитъ возразилъ «Удивительно, какъ это королевскіе люди хотятъ рыцарствовать надъ этимъ монастыремъ; коли они хотятъ прославиться, то лучше бы имъ оставить бѣдныхъ чернецовъ въ покоѣ и прежде овладѣть Псковомъ. Коли они добудутъ, какъ желаютъ, Псковъ и какъ скоро чернецы провѣдаютъ, что Псковъ въ королевскихъ рукахъ, то сами выйдутъ на встрѣчу королевскимъ и ключи принесутъ, а чтобы сдаваться до паденія Пскова, то объ этомъ раздумать еще надо, да оно и предосудительно чернецамъ. Къ тому же и то еще на мысль приходитъ, что обѣщаніямъ венгровъ вѣрить никакъ нельзя въ Великихъ Лукахъ обѣщали они дать московитамъ свободный выходъ, а какъ бѣдные люди стали выходить, то венгры бросились на нихъ и часть убили, а остальныхъ ограбили. И это было на правду такъ, король же отговаривался, что де то произошло безъ его вѣдома и приказа. А потому монастырскіе имъ не вѣрятъ и стоятъ при своемъ, чтобы имъ биться до послѣдняго человѣка, какъ то имъ и повелѣлъ Господь Богъ въ прошлую ночь. А чтобы королевскіе люди видѣли, что въ монастырѣ довольно пороху и снарядовъ, то онъ, московитскій полковникъ, сейчасъ прикажетъ сдѣлать нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ.»

Тогда Борнемисса сказалъ, чтобы не стрѣляли, пока онъ не отойдетъ къ своимъ. Московитъ разсмѣялся на это и сказалъ, чтобы онъ убирался поскорѣе. А тѣ, что были въ монастырѣ, открыли такую пальбу, такъ начали звонить и кричать, и бросать огромные камни, что легко было видѣть, имѣютъ-ли они охоту сдаваться. Такимъ образомъ полковникъ Фаренсбахъ вмѣстѣ съ венграми оставили монаховъ въ покоѣ и принуждены были снять осаду

Печоры — это монастырь, находящійся въ милѣ разстоянія отъ Пскова, тамъ пребываютъ черные русскіе монахи греческой вѣры. Монастырь очень великъ и тамъ растутъ такія большія черныя деревья, будто густой лѣсъ какой. Много тамъ красивыхъ зданій, а за первымъ валомъ выкопанъ глубокій и широкій ровъ, извнѣ видны только крыши монастырскихъ строеній, и вообще монастырь можетъ смѣло выдержать сильное нападеніе.

Подъ Псковомъ королевскіе люди не очень-то много славы получили московиты дѣлали смѣлыя вылазки и показали, что у нихъ довольно имѣется хорошихъ ратныхъ людей. Московитъ сосредоточилъ во Псковѣ лучшія свои воинскія силы и снабдилъ всякими снарядами и запасами, ибо всю свою надежду и утѣшеніе, счастіе и несчастіе возложилъ на спасеніи или паденіи этого города. Въ прошломъ году московитъ не высылалъ въ поле ратныхъ людей и кто былъ въ походѣ, тотъ знаетъ, что въ минувшемъ походѣ ни подъ Полоцкомъ,

ни подъ Великими Луками, какъ и теперь подъ Псковомъ, московитъ не высылалъ своихъ ратниковъ въ открытое поле для отраженія королевскихъ людей, но всѣ свои силы сосредоточилъ въ городѣ, такъ что Псковъ, какъ свидѣтельствуютъ плѣнные, сдѣлался Москвою и если бы королевскіе овладѣли Псковомъ, то овладѣли бы всѣмъ московскимъ государствомъ.

Городъ Псковъ находится въ 50 большихъ миляхъ отъ Риги; лежитъ онъ на прекрасной мѣстности, окруженной невысокими плодоносными холмами, у красивой, богатой рыбою рѣки, изъ которой зимою, во время мира, отправляется до ста саней, нагруженныхъ рыбою большею частію язи, окуни и корюшка, въ Венденъ, Вольмаръ, Кокенгаузенъ и Ригу Рыбу укладываютъ въ большіе сани, сдѣланные изъ широкаго лыка, а укладываютъ ее живою слоями, пересыпая снѣгомъ. И хотя рыба замерзнетъ и въ дорогѣ пробудетъ сутокъ двое, но, брошенная въ воду вмѣстѣ со снѣгомъ, оттаиваетъ и оживаетъ. Самъ городъ великъ, и какъ мнѣ показалось, будетъ не меньше Парижа; онъ окруженъ довольно крѣпкими стѣнами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ добрыхъ три клафтера (сажени) шириною, укрѣпленными еще толстымъ частоколомъ, что для тѣхъ мѣстъ очень пригодно. Во Псковѣ много монастырей и церквей съ вызолоченными куполами, представляющими при солнечномъ блескѣ прекрасное зрѣлище. Выше было сказано, что королевское войско ничего знаменитаго не совершило подъ этимъ городомъ; часть городскихъ валовъ была пробита выстрѣлами; думали чрезъ эти проломы штурмовать городъ, но за валами находился крѣпкій деревянный бульверкъ (частоколъ), такъ что изъ тѣхъ, которые чрезъ проломъ бросились на штурмъ, не многіе воротились обратно. При этомъ штурмѣ, былъ застрѣленъ и убитъ знаменитый воинъ господинъ Бекѣшъ, тотъ самый, который съ королемъ Стефаномъ былъ въ Семиградской землѣ и многія тяжкія войны велъ. Какъ обыкновенно при осадахъ бываетъ, происходили подъ Псковомъ жаркія сраженія· московиты крѣпко обороняли городъ и крѣпость, и ни за что не хотѣли выходить изъ нихъ.

Въ то самое время, когда король польскій пробовалъ своего счастья подъ Полоцкомъ и Великими Луками въ прошлогоднемъ и подъ Псковомъ въ нынѣшнемъ походѣ, король шведскій также не бездѣйствовалъ, ибо оба эти короля породнились между собою (они были женаты на двухъ сестрахъ короля Сигизмунда-Августа), и пришли къ соглашенію между собою такого рода, чтобы сообща воевать съ московитомъ и что который возьметъ у московита, то тому и принадлежать будетъ. Вслѣдствіе этого король шведскій послалъ военачальника своего, Понтуса де ла Гарди, со шведскими и нѣмецкими конными и пѣшими ратниками въ Финляндію, которому посчастливилось не только отобрать у московита завоеванное имъ въ послѣдніе годы, но занять порядочный кусокъ, миль на сто, московитской земли, даже до Ко-

реліи, при чемъ онъ взялъ славный замокъ этой земли, Кексгольмомъ называемый.

Лѣтомъ, когда польскій король стоялъ подъ Псковомъ, король шведскій снарядилъ свои военные корабли въ походъ противъ московита. Когда множество кораблей со всѣхъ мѣстъ прибыли въ Стокгольмъ и Кальмаръ, король приказалъ арестовать ихъ; большая часть этихъ кораблей должна была плыть съ его кораблями и помогать перевозкѣ людей и провіанта, а другая часть оставалась въ портѣ, пока все войско не отплыло по назначенію. Тогда онъ послалъ тайно господина Понтуса съ войскомъ и достаточнымъ количествомъ снарядовъ къ Нарвѣ. Господинъ Понтусъ, 4 сентября 1581 г., направилъ къ Нарвѣ 24 большихъ картауны (осадныя орудія) и изъ нихъ 12 поставилъ противъ одной стороны города, а 12 другихъ противъ другой стороны, и открылъ огонь изъ нихъ. Послѣ трехдневнаго обстрѣливанія, городскія стѣны пали и сравнялись съ землею, такъ что гофлейты и пѣшіе ратники могли идти на штурмъ. 6 сентября 1581 г., Нарва была взята штурмомъ, при чемъ погибло 5,000 человѣкъ молодыхъ и старыхъ. Въ городѣ они нашли порядочный запасъ припасовъ и, что странно, нашли пороху больше, чѣмъ сами употребили на стрѣльбу

Господинъ Понтусъ немедленно же послалъ нѣсколько войска къ Ямгороду, миляхъ въ трехъ отъ Нарвы, гдѣ московиты имѣли складъ своихъ товаровъ, отправляемыхъ на мелкихъ судахъ къ Нарвѣ. Шведы добыли Ямгородъ со всѣмъ, что въ немъ было, и направились къ новому замку, который построилъ герцогъ Магнусъ, братъ датскаго короля, когда былъ у великаго князя. Замокъ этотъ лежалъ въ красивой мѣстности на берегу озера Пейпуса. Всѣмъ этимъ овладѣли шведы.

Замокъ противъ Нарвы есть крѣпость, расположеная на великой горѣ. Русскіе зовутъ эту крѣпость Ивангородомъ, купцы же называютъ ее русскою Нарвою, а самый городъ нѣмецкою Нарвою. Въ Ивангородѣ находился гарнизонъ, состоявшій изъ 3,000 московитовъ, не желавшихъ сдаваться. Господинъ Понтусъ, предложивъ сдачу, далъ имъ три дня на размышленіе, а по миновании этого срока, направилъ свои картауны на крѣпость и велѣлъ сдѣлать залпъ на воздухъ по верхъ крѣпости. Московиты хорошо знали, что великій князь не приходилъ на помощь ни Полоцку, ни Великимъ Лукамъ, не придетъ и къ Пскову, безъ всякаго сомнѣнія знали, что московитамъ былъ важенъ единственно Псковъ, могли также изъ крѣпости видѣть, какъ обошлись шведы съ московитами въ Нарвѣ, потому потребовали еще разъ переговоровъ. Когда же имъ былъ дозволенъ свободный выходъ изъ крѣпости со всѣмъ тѣмъ, что могли унести на себѣ, то они и сдали весьма сильную крѣпость Ивангородъ господину Понтусу Выходили они изъ крѣпости опечаленные, и когда имъ

пришлось проходить между двумя рядами шведскихъ ратниковъ, то никому въ глаза не смотрѣли, а глядѣли на небо, и знаменовали себя, по ихъ обычаю, крестомъ на лобъ, грудь и оба плеча, наклоняли голову къ землѣ и снова смотрѣли въ небо. Ихъ проводили до границы. Въ крѣпости нашли достаточно всякаго провіанта, но изъ большихъ орудій нашли не болѣе шести, изъ чего можно заключить, какову силу непріятель сосредоточилъ въ Псковѣ.

Господинъ Понтусъ оставилъ въ живыхъ двухъ знатныхъ московитскихъ бояръ, которые обѣщали ему, что, если ихъ приведутъ къ нѣкоторымъ замкамъ, то замки тѣ непремѣнно сдадутся шведамъ по ихъ одному слову. Понтусъ и пошелъ вмѣстѣ съ тѣми боярами къ Вейсенштейну, также хорошей и сильной крѣпости, и ему удалось взять таковую.

Въ то время, когда Понтусъ такъ счастливо велъ войну, поляки все еще стояли подъ Псковомъ. Наступала зима. Понтусъ рѣшился распустить свое войско до весны, но, провѣдавъ, что въ польскомъ войскѣ ощущается большой недостатокъ въ порохѣ и снарядахъ и что между пѣхотинцами, въ особенности между кнехтами Фаренсбаха, свирѣпствуетъ большая смертность, предложилъ свою готовность явиться на помощь полякамъ со своими людьми, порохомъ, снарядами и исправною артиллеріею. Нѣмцы и ливонцы совѣтовали принять предложеніе, но поляки, думая, что предложенная помощь послужитъ къ ихъ ущербу, отвергли предложеніе Понтуса, предпочитая заключеніе невыгоднаго мира съ московитомъ принятію помощи.

Если бы поляки сохранили заключенный союзъ со шведами, то не только бы добыли Псковъ, но и совершенно бы обезсилили и уничтожили московитовъ, ибо послы казанскихъ и астраханскихъ татаръ прошлымъ лѣтомъ были у шведскаго короля, принесли съ собою богатые подарки и обѣщали напасть на московитовъ со стороны Астрахани, что и сдѣлали, потому что въ то время, когда шведъ стоялъ подъ Нарвой и воевалъ въ этихъ мѣстахъ съ московитомъ, а полякъ осаждалъ Псковъ и русскіе были угнетаемы со всѣхъ сторонъ, татары тѣ напали на московитскія земли, жгли, опустошали ихъ и ушли съ огромною добычею. А въ то же самое время князь Христофоръ Радзивиллъ подходилъ къ самой Москвѣ, опустошилъ и сжегъ тамъ цѣлую область, московитъ же не смѣлъ и глазъ показать.

Но поляки, какъ ни были плохо снабжены въ своемъ лагерѣ, но предпочли лучше перенесть недостатки, чѣмъ принять шведскую помощь. Дѣла съ московитомъ пришли къ тому, что начали переговаривать о мирѣ. Прежде на варшавскомъ сеймѣ поляки и слышать не хотѣли о возвращеніи московиту завоеванныхъ земель, а нынѣ радовались, что возвращеніемъ можно кончить дѣло. Миръ, при посредничествѣ папскаго легата Поссевина, былъ заключенъ на такихъ условіяхъ. король возвратитъ московиту недавно завоеванное у него

княжество Великія Луки, а московитъ за то уступитъ полякамъ всю Ливонію въ ея прежнихъ предѣлахъ, съ тѣмъ, однакоже, что московскіе люди имѣютъ право забрать съ собою изъ замковъ все, что касается военныхъ снарядовъ и припасовъ. И этотъ миръ былъ заключенъ на 10 лѣтъ, при чемъ было условіе, что, если который изъ договаривавшихся государей умретъ раньше истеченія 10-ти лѣтняго срока мира, то оставшійся въ живыхъ государь воленъ съ землею и людьми умершаго государя поступить какъ непріятель и пр.

Московитамъ этотъ миръ былъ очень выгоденъ, но полякамъ не принесъ большой славы они имѣли было московита точно въ мѣшкѣ, и послѣдуй только разумному совѣту военныхъ людей, озаботься въ свое время устраненіемъ недостатка въ порохѣ, снарядахъ и деньгахъ и не отвергай изъ высокомѣрія и изъ зависти шведской помощи, то, конечно, заключили бы миръ на болѣе почетныхъ и выгодныхъ для себя условіяхъ.

Московиты изъ всѣхъ замковъ, уступленныхъ полякамъ, увезли съ собою значительные запасы и хорошія орудія, такъ что замки эти нынѣ стоятъ обнаженные и обезоруженные и невидно чѣмъ бы вновь и когда поляки желали и могли вооружить тѣ замки. Поляки при мирныхъ переговорахъ не только не обращали вниманія на союзъ, передъ тѣмъ заключенный ими со шведами, но напротивъ имъ прискорбно было, что шведъ столь мужественно и рыцарски отобралъ у московита Нарву и другіе замки, и они въ мирный договоръ включили если полякъ или московитъ отберутъ у шведовъ Нарву, то другому вольно пробовать своего счастія на этотъ городъ и миръ чрезъ то не будетъ считаться нарушеннымъ. Король по этому поводу писалъ въ Польшу къ воеводамъ. Такъ какъ въ пунктѣ о Нарвѣ сказано, что въ случаѣ если московитъ отберетъ эту крѣпость у шведовъ, то польскому королю предоставляется право отбирать оную у великаго князя, чрезъ что миръ не нарушается, и на оборотъ, то не будетъ-ли выгодно, королю предупредить московита и осадить Нарву прежде его. Но дѣло это отложили до тѣхъ поръ, пока король отступитъ отъ Пскова и московиты очистятъ Ливонію.

Когда договорились о мирныхъ условіяхъ, король уѣхалъ отъ Пскова, поручивъ великому канцлеру войско и окончательное заключеніе мира. Миръ былъ заключенъ 15 января 1582 г. Московиты очистили всѣ города, замки и дворы въ Ливоніи и сдали ихъ полякамъ, а всѣ большія и малыя орудія, порохъ, снаряды и провіантъ увезли съ собою и бѣдные ливонцы, ненѣмецкіе крестьяне (латыши и эстонцы), должны были усердно помогать имъ въ этой перевозкѣ.

Послѣ заключенія мира, король чрезъ Ливонію отправился въ Ригу, ибо хотя городъ Рига былъ переданъ магистромъ коронѣ польской прежде всей Ливоніи, однакоже городъ не согласился на подчи-

неніе, прикрываясь римскою имперіею, тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ Рига послѣдовала за всею землею и не задолго предъ тѣмъ поддалась, присягнувъ воеводѣ виленскому, Николаю Радзивиллу, какъ представителю короля польскаго. На минувшемъ сеймѣ въ Варшавѣ, при нынѣшнемъ королѣ, городъ Рига имѣлъ своего синдика и эльтермана малой гильдіи. Тамъ на сеймѣ за нѣсколько новыхъ привиллегій, они поступились старыми вольностями въ величайшему предосужденію потомства. Они принуждены были принять намѣстника въ рижскій замокъ и въ магистратъ королевскаго бургграфа, чрезъ что добровольно упустили изъ своихъ рукъ старую свободу и право судить дворянина, совершившаго преступленіе въ городѣ, и такимъ образомъ изъ вольныхъ людей обратились на вѣчныя времена въ служилыхъ рабовъ. Для предупрежденія всѣхъ подобныхъ Ригѣ республикъ служитъ слѣдующій приговоръ, оригиналъ котораго можно видѣть во всякое время у автора этой книги. Изъ приговора этого видно, какъ плачевно древній, знаменитый городъ Рига, не покорившійся передъ тѣмъ всей силѣ московита, чрезъ своекорыстіе и честолюбіе своихъ же представителей, былъ униженъ и въ настоящее время вынужденъ подчиниться принужденію, угнетенію и подчиненности. Названный приговоръ гласитъ такъ[1])

«Георгій, Божіею и священной римской церкви милостію, пресвитеръ-кардиналъ Радзивиллъ, постоянный администраторъ виленскаго епископства, князь Олыкскій и Несвижскій, его величества короля польскаго въ Ливоніи намѣстникъ.

Объявляемъ всѣмъ вообще и каждому порознь, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что позванъ былъ къ намъ и суду нашему почтенный и благомудрый Каспаръ Бергъ, бургграфъ рижскій, по жалобѣ на него благороженнаго, намъ милаго Андрея Плесса, на обиды, учиненныя ему и словомъ и дѣломъ. Срокъ явки его къ суду истекаетъ сегодня, а онъ не явился. Вслѣдствіе сего мы, съ ассесорами и совѣтниками нашими обсудивши, что отговорка, приводимая названнымъ бургграфомъ при назначеніи ему перваго срока о неподсудности его нашему суду, не имѣетъ никакого значенія, ибо его величество король, коего намѣстникомъ мы состоимъ въ здѣшней провинціи, имѣетъ полное и неоспоримое право судить бургграфа и всѣ судныя его дѣла. А поелику онъ на два вызова и позыва наши къ суду не прибылъ и сегодня во весь день не явился, потому мы объявили и объявляемъ его непослушнымъ и не покорнымъ, а по жалобѣ вышеназваннаго Андрея Плесса, принесенной намъ, объявляемъ его, бургграфа, виновнымъ. Во первыхъ приговариваемъ его, чтобы онъ взялъ на-

---

[1]) У Миллера приговоръ этотъ приведенъ на латинскомъ языкѣ; здѣсь онъ помѣщается въ переводѣ на русскій языкъ.

Прим. пер.

задъ свои лживыя клеветы, на уплату всѣхъ какихъ бы то нибыло убытковъ, понесенныхъ Плессомъ, а также и всякихъ потерь, какія бы онъ доказалъ понесенными въ Германіи отъ проволочки въ здѣшнемъ городѣ, когда нанялъ было уже корабль для себя и имѣлъ все въ готовности къ отплытію. Наконецъ, по поводу нарушенія общественнаго спокойствія и нанесенныхъ обидъ, приговариваемъ названнаго бургграфа къ денежной пени, которая имѣетъ быть обращенною на снаряженіе рижскаго замка, исполненіе чего предоставляемъ намъ и суду нашему Дано и совершено и пр.

Этотъ кардиналъ — молодой, ученый и разумный князь; въ молодости онъ учился въ лейпцигскомъ университетѣ, за религіозныя дѣла никого не преслѣдовалъ и позволялъ покойно жить каждому За многочисленныя добродѣтели онъ достоинъ всяческой похвалы. И хотя онъ доброжелательствовалъ рижанамъ и хотѣлъ, чтобы они лучше устроились, но, однакоже, измѣнить того не могъ.

Король, пробывъ нѣсколько недѣль въ Ригѣ, поручилъ ему ввести въ Ливоніи хорошую полицію и порядокъ, а папскій легатъ Поссевинъ и другіе іезуиты ежедневно твердили ему, чтобы онъ, во славу Божію, способствовалъ утвержденію вновь католической вѣры въ Ливоніи и помогалъ распространенію ея.

Король по этому поводу предположилъ вмѣсто архіепископа рижскаго и епископа дерптскаго поставить одного епископа на всю Ливонію, резиденція котораго была бы въ Венденѣ и чтобы епископъ этотъ на свое содержаніе пользовался по своему сану доходами не съ венденской области и ея замковъ, а съ Вольмара, Трикатена, Буртнека и другихъ урядовъ. Кромѣ того въ Венденѣ предположено быть пробству, которое бы содержалось десятиною и др. доходами.

А такъ какъ, по смерти архіепископа, городъ Рига произвольно разрушилъ и присвоилъ себѣ епископскую собственность, въ томъ числѣ и каѳедральный соборъ, потому рижане должны соборъ передать снова королю и очистить для католическаго богослуженія.

Тутъ-то рижская община начала смекать, куда завело ихъ исканіе личной пользы и удовлетвореніе личнаго честолюбія. Король, однако, не сталъ добиваться возвращенія собора, а потребовалъ церкви св. Іакова на тотъ конецъ, что если онъ, король, или его намѣстникъ-кардиналъ, или кто либо другой изъ королевскихъ прибудетъ въ Ригу, то чтобы для нихъ можно было имѣть католическое богослуженіе, для котораго при церкви будутъ состоять не болѣе двухъ іезуитовъ.

Бѣдная община была очень огорчена этимъ требованіемъ и собиралась то тутъ, то тамъ, никакъ не хотѣла исполнить королевскаго желанія, хотя и видѣла, что у короля довольно силъ и въ замкѣ и въ городѣ. Въ это самое время въ Ригѣ находился христіанскій благочестивый князь, герцогъ курляндскій, тотъ самый, что

прежде былъ магистромъ тевтонскаго ордена и сдалъ Ливонію бывшему королю польскому Сигизмунду-Августу Къ нему-то, какъ къ своему бывшему властителю, и обратились рижане съ просьбою дать имъ, ради Бога, добрый совѣтъ. Герцогъ, будучи королевскимъ ленникомъ, отвѣчалъ имъ тяжело ему дать добрый совѣтъ, но онъ, герцогъ, совѣтуетъ всей общинѣ обратиться къ королю со всеподданнѣйшею просьбою и всѣмъ, старымъ и молодымъ, съ женами и дѣтьми, пасть къ стопамъ его королевскаго величества. Онъ, герцогъ, самъ пойдетъ къ королю, и не сомнѣвается, что король, когда увидитъ ихъ усердіе, то вспомнитъ свою присягу и обѣщаніе, завѣренное своеручною подписью и печатью, оставитъ въ Ригѣ всѣхъ вообще и каждаго въ частности при аугсбургскомъ исповѣданіи, и склонится на ихъ просьбы. Вслѣдствіе этого рижская община собралась въ церкви св. Петра и тутъ постановила послѣдовать герцогскому совѣту Но ихъ синдикъ съ немногими другими пошли къ королю вручить ключи отъ церкви св. Іакова; іезуиты, не мѣшкая, воспользовались врученіемъ ключей и занимаютъ церковь св. Іакова въ присутствіи синдика. Община между тѣмъ отправилась къ королю, чтобы пасть къ ногамъ его съ просьбою не отбирать церкви. Но было уже поздно: церковь была уже передана. Такъ въ религіозныхъ дѣлахъ была нарушена свобода рижанъ, утвержденная присягою, но и въ дѣлахъ политическихъ эта свобода безпрестанно была нарушаема. Такъ одинъ богатый и почетный бюргеръ, Дирикъ Фридрихсонъ, по ложному донесенію, былъ, вопреки городскихъ привиллегій, выданъ головою пану Трокскому, каковую выдачу магистратъ могъ бы искусно отклонить, если бы имѣлъ мужество напомнить королю о городскихъ свободахъ. Это, впрочемъ, было пропѣто имъ pro introitu (начало обѣдни), обѣдня-то (Messe) прозвучала имъ гораздо хуже.

Въ это самое время король имѣлъ въ рукахъ хорошее дѣло, но не смогъ сдѣлать его. Было приказано объявить ненѣмецкимъ мужикамъ (untetschen Bawren), которыхъ зовутъ ливами (Lübischen) и эстонцами (Esischen), что его величество, король, жалѣетъ ихъ, видя какъ юнкеры (помѣщики) обратили ихъ въ прежнія времена въ своихъ крѣпостныхъ людей, день въ день и во всякое время принуждаютъ ихъ къ работѣ безъ отдыха, а чуть который провинится, то бьютъ и истязуютъ ихъ. Его величество король желаетъ облегчить участь мужиковъ и учредить у нихъ лучшіе порядки, именно, чтобы мужики работали на помѣщика лишь извѣстное количество дней, смотря по мѣстнымъ условіямъ каждаго имѣнія (ни одинъ мужикъ въ тѣхъ мѣстахъ не имѣетъ никакой земельной собственности, но все безъ исключенія принадлежитъ юнкерамъ, которые могутъ согнать мужика съ земли или перевести его, куда хотятъ) и чтобы мужики за провинности не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ, а платили денежные штрафы или несли другія какія взысканія. Но выборные

отъ мужиковъ пали въ ноги королю и просили, ради Бога, оставить ихъ при прежней барщинѣ и при прежнихъ наказаніяхъ. Король долженъ былъ смѣяться тому, что они упорнѣе стоять при своихъ варварскихъ, скверныхъ обычаяхъ, чѣмъ рижане при своихъ старинныхъ вольностяхъ, и приказалъ оставить мужиковъ по ихъ просьбѣ, при ихъ прежнихъ службахъ (барщинѣ) и штрафахъ.

Въ настоящее время ненѣмцы — это крѣпостные крестьяне въ Ливоніи; въ старину вся земля въ Ливоніи наслѣдственно принадлежала имъ, но бременскіе купцы и шкиперы, лѣтъ за 500 тому назадъ, провѣдали положеніе Ливоніи, и узнавъ, что въ ней живетъ языческій, варварскій и грубый народъ, силою забрали гавани этой земли и на небольшомъ островѣ близь Риги, называемомъ Кирхгольмъ (гольмъ значитъ островъ), построили церковь. Послѣ многихъ сраженій съ этимъ народомъ, они покорили его своей власти и нѣкоторую часть его обратили въ христіанство. Когда они почти совсѣмъ овладѣли этою землею и нашли ее пригодною для себя, сюда прибыли многіе изъ Вестфаліи, пока наконецъ папа основалъ здѣсь тевтонскій орденъ. Въ орденъ вступили большею частію вестфальскіе дворяне, да и по настоящій день наибольшая часть ливонскихъ жителей, владѣющіе бѣдными ненѣмецкими крестьянами, все вестфальцы. Ненѣмцами ливонскіе мужики потому называются, что говорятъ своими особенными языками, не похожими ни на московитскій, ни на польскій, ни на какой другой языкъ. У нихъ говорятъ не на одномъ, а на трехъ разныхъ языкахъ. Тѣ, что живутъ подъ Дерптомъ называются эстами и языкъ ихъ эстонскій; живущіе подъ Ригой суть ливы и языкъ ихъ называется ливскимъ; третьи же куроны и ихъ языкъ зовется куронскимъ. Между ними существуетъ древній родъ, встарину управлявшій всѣми ими, а потомки этого рода зовутся куронскими королями. Въ настоящее время эти короли не что иное, какъ богатые вольные крестьяне, и старшина ихъ имѣетъ всегда подъ своею властію ленъ изъ 100 крестьянъ Но поляки при послѣднихъ смутахъ въ курляндской епархіи (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), почти совсѣмъ уничтожили этихъ куронскихъ королей.

Ненѣмецкій народъ вообще народъ очень варварскій, скотскій и глупый, одна половина его, правда, приняла христіанство, но другая половина падаетъ ницъ передъ какимъ ни попало отдѣльно стоящимъ деревомъ въ полѣ и молится ему Женщины въ самую даже суровую зиму покрываются лоскутомъ синяго или краснаго сукна, составляющимъ ихъ одежду Для украшенія навѣшиваютъ на себя мѣдныя кольца и раковины, а на ноги привѣшиваютъ множество свѣтлыхъ побрякушекъ, такъ что ихъ издали слышно, когда онѣ идутъ. Обувь себѣ они плетутъ изъ лыка, да и другія вещи плетутъ также изъ лыка. Поля они воздѣлываютъ первобытнымъ способомъ: имѣютъ легкій плугъ съ небольшимъ желѣзнымъ сошникомъ;

этимъ плугомъ, запряженнымъ въ одну мелкой породы лошадь, легко управляетъ всякій крѣпкій подростокъ-крестьянинъ, проводя мелкія борозды. Яровыя они сѣютъ не задолго передъ Ивановымъ днемъ и раньше не сѣютъ, потому что только съ этого дня начинается тепло. Да и послѣ этого времени по ночамъ падаетъ холодная роса, днемъ же стоитъ такая жара, какая и въ Италіи не встрѣчается, а дождя мало. Въ теченіе восьми недѣль яровыя поспѣваютъ. Во время жатвы они устраиваютъ въ сараяхъ сушильни, которыя называютъ ригами (отсюда и городъ Рига получилъ свое названіе). Внутри сарая кладутъ большую каменную печь, на подобіе хлѣбопекарной, топятъ эту печь, пока она не раскалится, тепло отъ этой печи держится дня два. До молотьбы развѣшиваютъ въ этой ригѣ хлѣбъ на длинныхъ жердяхъ, какъ переплетчики планируютъ бумагу, хлѣбъ сушится тутъ, а послѣ его молотятъ цѣпами, зерно выколачивается скоро и очень чисто. Ихъ хлѣба очень пригодны и на посѣвъ, и на солодъ; сохраняются они очень хорошо, потому на корабляхъ отправляются въ Испанію, даже въ Индію.

А пиво свое они варятъ такъ. берутъ булыжникъ, раскаляютъ его до красна и бросаютъ въ воду, смѣшанную съ солодомъ и хмѣлемъ. Вода закипаетъ и они бросаютъ въ нее раскаленные булыжники до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что вода довольно кипѣла. Получается хорошее, крѣпкое пиво, нравящееся даже иноземцамъ.

Хотя король, въ бытность свою въ Ригѣ, думалъ ввести нововведенія въ Лифляндіи, но, однакоже, долженъ былъ отложить ихъ до слѣдующаго сейма, который назначался въ Варшавѣ на 4 октября 1582. На этотъ сеймъ должны были явиться и тѣ лифляндцы, которые ходатайствовали о возвращеніи имъ имѣній, отнятыхъ у нихъ московитами.

Между тѣмъ король польскій послалъ своего стольника (Küchenmeister) италіанца Доминика, а за тѣмъ въ посольствѣ Христофора Варшевицкаго къ королю шведскому съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Король шведскій благоволитъ вспомнить, что вся безъ исключенія Ливонія подчинилась наслѣдственно коронѣ польской и если недавно былъ заключенъ союзъ между шведскимъ и польскимъ государствами, направленный противъ московитовъ, то союзъ этотъ имѣлъ въ основаніи ту мысль, что каждый изъ союзниковъ можетъ у московита отнять все то, что московитъ взялъ у него прежде. Шведъ достаточно пріобрѣлъ въ Финляндіи, противъ чего полякъ ничего не имѣетъ, но когда польскій король узналъ, что шведъ подвинулся къ Нарвѣ, то предостерегаетъ шведскаго короля, чтобы онъ не касался Ливоніи, принадлежащей, какъ выше сказано, коронѣ польской, достаточно, благодаря Господу Богу, сильной самой по себѣ. Король

шведскій можетъ, если желаетъ, отбирать у московита его земли, какъ то дѣлаетъ король польскій, но если король шведскій овладѣлъ Ревелемъ и нынѣ взялъ обѣ Нарвы, Витенштейнъ, Везенбергъ, весь Викъ, также Гаріенъ и Вирландъ съ заложенными замками Гапсалемъ, Лотомъ, Леалемъ, взялъ области, почти самыя лучшія въ Ливоніи, то таковыя области король шведскій долженъ уступить коронѣ польской, получивъ справедливое вознагражденіе за понесенные убытки, дабы не возникало никакой недружбы между обоими свояками.

Варшевицкій, посланный вслѣдъ за стольникомъ, довѣрительно совѣтовалъ королю шведскому согласиться на предложеніе могущественнаго и непобѣдимаго короля польскаго и не давать себя проводить ливонцамъ, народу легкомысленному. Если король шведскій желаетъ сдѣлать угодное польскому, то пусть старается искоренять нѣмцевъ, а король польскій также будетъ искоренять, чтобы избавиться отъ нихъ. Этого искорененія желаютъ многіе коронные и литовскіе паны, какъ то можно видѣть изъ рѣчи подскарбія литовскаго пана Глѣбовича. Король шведскій немедленно же далъ знать ливонцамъ о сказанномъ ему на ихъ счетъ Варшевицкимъ, и не уважай король въ немъ посла, хоть и не разсудительнаго, то сдѣлалъ-бы королю въ Польшѣ длинную реляцію о томъ.

Шведъ съ обоими послами обращался по ихъ достоинству, и съ Варшевицкимъ по его состоянію и званію, и съ кухмистромъ, какъ съ италіанскимъ кухмистромъ. Страннымъ нѣсколько казалось, что у короля польскаго не нашлось людей: по такимъ важнымъ дѣламъ онъ послалъ италіанскаго кухмистра. Шведъ не держалъ ихъ у себя дома, а отправилъ въ Польшу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Королю польскому извѣстно, что королю шведскому при бракосочетаніи его съ королевною польскою была обѣщана знатная сумма денегъ въ приданое и извѣстно также, что Швеція дала въ займы коронѣ польской деньги подъ залогъ замковъ Руена, Каркуса, Гельмета, Эрмеса и др. Шведъ не получилъ ни приданаго за женою, ни данныхъ въ займы денегъ, ни даже процентовъ съ капитала не получилъ, а король польскій все-таки владѣетъ заложенными замками. Вслѣдствіе этого король шведскій домогается своихъ денегъ вмѣстѣ съ понесенными расходами и потерями. А что шведъ занялъ Гапсаль, Лотъ и Леаль, то вѣдь эти замки были заложены королю датскому А когда московитъ позабиралъ всѣ эти замки, причинивъ тѣмъ шведскому королевству много вреда, то никто не можетъ вмѣнять во зло шведу, если онъ свои убытки старался возмѣстить на непріятелѣ, гдѣ только могъ. Къ тому же онъ, король шведскій, и его предки болѣе сдѣлали для Ливоніи, чѣмъ поляки. Ибо если бы шведъ не стоялъ за Ревелемъ и не помогъ бы Вендену, то вся Ливонія, по

винѣ поляковъ, подверглась бы мщенію московита. О благодарности шведу и не думали, но еще шведскія орудія задержали для Вендена. Шведскій король хотя все это терпѣлъ, однако же, не молчалъ, но всегда своего требовалъ. Нынѣ король шведскій былъ бы утѣшенъ, если бы его свояк, король польскій, знаменитый своими воинскими подвигами, пришелъ бы во всемъ къ соглашенію съ нимъ, королемъ шведскимъ, по родственному.

И то еще король польскій благоволитъ вспомнить, что онъ со шведскимъ вступилъ въ союзъ противъ московита ради совмѣстнаго нападенія и общей прибыли шведскій не привыченъ къ венгерскимъ или италіанскимъ исключеніямъ, условіямъ, предоставленіямъ и объясненіямъ, и утверждать, будто при союзѣ имѣлись въ виду единственно наслѣдственныя московитскія земли, а отнюдь не Ливонія, нельзя, ибо того нельзя доказать ни единою буквою. Было бы очень нескромно со стороны шведскаго короля, если бы онъ предложилъ столь разумному польскому королю отдать ему то, что онъ добылъ своимъ мечомъ. Словомъ, мнѣніе шведскаго короля таково онъ не только не уступитъ хоть бы пяди земли, но напоминаетъ, чтобы ему отдали приданое и возвратили занятыя деньги съ процентами. И Господь Богъ и весь свѣтъ не осудятъ, если шведскій король будетъ домогаться своего другими средствами. Да къ тому же, развѣ король польскій не читалъ, какъ кимвры и готы вторглись въ Италію, Римъ разрушили и смѣлые подвиги совершили. Онъ вѣдь король тѣхъ самыхъ народовъ и съ Божіею милостію владѣетъ землями, которымъ присвоилъ титулъ королевства, а народъ его, благодаря Господа Бога, имѣетъ такое же мужественное сердце, какое было у его предковъ, чтобы не поддаться ни московиту, ни поляку

Отвѣтъ этотъ задѣлъ за живое поляковъ, но тѣ промолчали и не припоминали его.

Въ это самое время перемиріе между Польшею, Ливоніею и Москвою сохранялось до варшавскаго сейма, происходившаго 4 октября 1582 г На этомъ сеймѣ большое московитское посольство подтвердило миръ присягою.

Шведъ продолжалъ войну съ московитомъ, но въ полѣ ничего особеннаго между ними не произошло. Господинъ Понтусъ отправился въ Швецію, а его намѣстникъ, котораго онъ оставилъ подъ Нетенбуромъ (Орѣшекъ, сильная крѣпость, принадлежавшая московитамъ) вздумалъ испытать своего счастія, думая, въ отсутствіи Понтуса, дать доказательства своего прилежанія. Но какъ онъ не имѣлъ на то яснаго приказанія и преступилъ предѣлы своего порученія, потому Господь Богъ и не далъ ему счастія, и онъ долженъ былъ отступить, не понеся, однако, потери.

Послѣ того московиты и шведы не разъ заключали перемиріе между собою на два и на три мѣсяца. Московитъ всячески угова-

ривалъ шведа уступить ему взятое, чтобы заключить пристойный вѣчный миръ, но шведъ и слышать о томъ не хотѣлъ. Потому господинъ Понтусъ нѣсколько разъ дѣлалъ походы даже до Блавенберга, но ничего особеннаго изъ того не выходило, пока наконецъ московитъ собралъ много народа и двинулъ его въ поле съ большими орудіями, распустивъ слухъ, что идетъ подъ Блавенбергъ на богомолье каяться за смерть своего сына, котораго не за долго до заключенія мира онъ убилъ жезломъ, на какой обыкновенно опирался.

Ревельцы и нарвцы не только не довѣряли такимъ молитвамъ, но приняли особыя предосторожности: подвинулись къ Копорью, усилили гарнизоны въ Нарвѣ, Ревелѣ и другихъ крѣпостяхъ, ждали прибытія московита и изготовились.

Но московитъ, смекнувъ, что его замыслы и притворства разгаданы, съ большимъ гнѣвомъ отступилъ обратно, и то уже былъ его послѣдній походъ.

Въ іюнѣ 1582 г король польскій разослалъ сословіямъ Рѣчи Посполитой приглашенія на вальный (общій) сеймъ, имѣвшій открыться въ Варшавѣ 4 октября того года по новому календарю, возъимѣвшему свое начало около этого времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ король сообщилъ сенаторамъ, что именно будетъ обсуждаться на сеймѣ (literas deliberatorias) и какія предложенія (propositiones) внесутся на обсужденіе. Изъ такихъ предложеній важнѣйшее было Такъ какъ всѣ мы смертны, то слѣдовало бы при жизни короля подумать какимъ образомъ и кто будетъ править королевствомъ по смерти нынѣшняго короля, дабы, при наступившемъ внезапно междуцарствіи, сословія не были, какъ бывало до сего, разномысленны на счетъ выбора и дабы московитъ не имѣлъ причинъ и поводовъ предпринять что либо опасное и уничтожить такимъ образомъ пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ и издержками. Необходимо также подумать объ упорядоченіи и администраціи несчастной Ливоніи, какъ равно и о татарахъ, которые въ отсутствіи короля причинили такой вредъ королевству, да и теперь снова появились на границахъ. Также необходимо нѣмцевъ и нѣкоторыхъ венгерскихъ гофлейтовъ, отпущенныхъ изъ подъ Пскова, снова принять въ службу и послать въ Подолію для отпора тому врагу, татарамъ. Кромѣ того необходимо выдать жалованье не только войску, но и нѣкоторымъ нѣмецкимъ князьямъ. А поелику двухлѣтній срокъ, по истеченіи котораго, на основаніи польскихъ статутовъ, долженъ быть созванъ сеймъ, минулъ, потому и напоминается сословіямъ, чтобы каждый лично и безотговорочно прибылъ на сеймъ.

Когда всѣ собрались, король думалъ, что сословія прямо и начнутъ съ обсужденія внесеннаго предложенія о наслѣдствѣ короля, но вышло не такъ. Земскіе послы (на плохой латыни называемые nuntii terrestres по той причинѣ, что ихъ шляхта выбрала на сеймъ вмѣсто себя отъ воеводствъ и каштелянствъ; ихъ голосъ на сеймѣ

имѣетъ наибольшее значеніе) воспротивилось тому, говоря, что совѣщаться, при жизни короля, о наслѣдникѣ ему противорѣчило бы ихъ привиллегіямъ, свободамъ и древнимъ обычаямъ. Они хорошо понимаютъ въ чемъ состоитъ мнѣніе короля, но они вольные поляки: умретъ король, будетъ и вольный выборъ. Они сейчасъ же взяли въ руки другія привиллегіи, обвиняя короля, что онъ поступаетъ вопреки тѣмъ привиллегіямъ и въ особенности укоряли короля въ томъ, что онъ стремится присвоить себѣ неподлежащую ему власть. помимо сейма и трибунала казнить польскаго шляхтича. Король на это возражалъ, что привиллегія, препятствующая королю немедленно же и по справедливости наказать совершенное преступленіе, есть языческая, нехристіанская и варварская привиллегія. Отъ этой привиллегіи сословія перешли къ другимъ, и земскіе послы настойчиво потребовали, чтобы король объявилъ желаетъ ли онъ сохранять ихъ свободы или нѣтъ.

Король хотѣлъ подробно изложить свое мнѣніе по этому вопросу, но земскіе послы не дали ему и слова сказать, требуя отъ него категорическаго отвѣта (puram et rotundam declarationem).

Такъ прошло нѣсколько недѣль, при чемъ ежедневно переговаривали съ земскими послами ad partem, но ничего особеннаго изъ этого не вышло, за исключеніемъ только того, что король съ сенатомъ чинилъ судъ по земскимъ дѣламъ и много дѣлъ на этотъ разъ было покончено. Между прочимъ одинъ знатный каштелянъ былъ обезглавленъ за то, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ (такъ продолжительно влеклось это дѣло) другаго каштеляна порубилъ на мелкіе кусочки, которые перемѣшалъ съ мѣсивомъ и бросилъ на съѣденіе свиньямъ. Этотъ каштелянъ засѣдалъ въ королевскомъ судѣ въ качествѣ ассесора и прежде чѣмъ былъ произнесенъ приговоръ надъ нимъ, прочіе сенаторы сняли съ него это званіе, онъ долженъ былъ встать и идти за печку За тѣмъ ему дозволили написать завѣщаніе, которое онъ и писалъ всю ночь, а раннимъ утромъ на другой день ему отрубили голову Послѣ казни тѣло его положили на великолѣпную колесницу и друзья казненнаго съ честію увезли колесницу

Ливонскимъ дворянамъ было предложено явиться на этотъ сеймъ. Каждый изъ нихъ по одиночкѣ и поѣхалъ по своей нуждѣ съ большими издержками, а пути было миль со сто. Но когда тѣ дворяне изложили свое дѣло на сеймѣ, то возникли споры между поляками и литовцами литовцы говорили, что Ливонія принадлежитъ имъ и ихъ канцеляріи, а поляки говорили, что принадлежитъ имъ. И та, и другая сторона имѣли свои резоны, но большая справедливость была, однако, на литовской сторонѣ за много лѣтъ до подчиненія и соединенія, ливонцы заключили союзъ съ литовцами, и всякій разъ, когда московитъ вторгался въ Ливонію или предпринималъ походъ на ливонцевъ, литовцы дѣйствовали больше, чѣмъ поляки.

Когда подходило время закрывать, согласно устава, сеймъ,

то земскіе послы снова подняли вопросъ по первому пункту, касавшемуся ихъ привиллегій. Между послами было два выдающіеся оратора. Чарнковскій и Немоевскій. Послѣдній сказалъ королю такъ. Я долженъ тебѣ, король Стефанъ, напомнить то, чего ты не зналъ или забылъ. мы, поляки, нашимъ вольнымъ выборомъ сдѣлали тебя королемъ и имѣемъ право (если бы къ тому были непреложныя причины) низложить тебя. Что же ты по настоящее время сдѣлалъ? привелъ ты бунтовщиковъ къ послушанію, а нашихъ враговъ принудилъ къ миру? хорошо-ли ты правилъ государствомъ? Милостивый-ли судъ чинилъ, чтобъ мы тебя могли за все благодарить. Незнаемъ какой тайный врагъ нашего отечества вкрался въ твое сердце и обманываетъ тебя, когда ты поднимаешь вопросы, прямо противные нашимъ привиллегіямъ и твоимъ собственнымъ обѣщаніямъ. Мы допускаемъ, что тѣ, которые тебя обманываютъ, рады бы превознестись на счетъ ущерба земли и нашихъ вольностей; допускаемъ, что они пытаются узнать съумѣемъ-ли мы стать на защиту правъ своихъ, но мы не только не надѣемся, что ты, король, принесенную присягу и обѣщанія нарушилъ съ умысломъ, но просимъ ради Создателя сохранить таковыя. А чего отъ насъ потребуешь и что согласно съ заповѣдями божіими и нашими вольностями, мы обѣщаемъ тебѣ исполнять денно и ночно съ послушаніемъ, не щадя живота; имуществъ и крови нашей.

Когда король чрезъ великаго канцлера рѣзко отвѣчалъ на эту рѣчь и послѣ неоднократныхъ вопросовъ заявилъ, что остается при своемъ мнѣніи, земскіе послы отошли отъ него, но чрезъ нѣсколько дней снова всѣ пришли къ королю съ жалобами, что они столь продолжительное время несутъ напрасно тяжелые расходы, надѣясь на перемѣну мыслей короля, но какъ король остается при своемъ мнѣніи, то и они съ своей стороны не могутъ отступиться отъ всего земства и потому, не входя въ дальнѣйшія разъясненія онаго пункта, желаютъ проститься съ его величествомъ и не преминутъ протестовать. А что король такъ или иначе постановитъ по ихъ удаленіи, то не будетъ имѣть силы. Поелику же и нынѣшнее собраніе прошло, не достигнувъ конца и безплодно, то и нечего это вписывать въ сеймовыя постановленія. Тотъ же самый Немоевскій прямо сказалъ королю: «Король Стефанъ, если ты сохранишь наши привиллегіи, которыя ты принялъ, утвердилъ и которымъ присягнулъ, то будешь нашимъ любезнымъ королемъ. Если же нѣтъ, то будешь Стефанъ Баторій, а я Яковъ Немоевскій» Такимъ образомъ ничего не постановивши, они разъѣхались въ концѣ ноября.

Ливонцы усиленно ходатайствовали о возвращеніи имъ ихъ имѣній, но ничего не добились: имъ сказали, чтобы они обратились къ провинціальному ландтагу (сеймику), который будетъ происходить у нихъ въ Ливоніи. Одно только они получили утѣшеніе: король

своею подписью и печатью завѣрилъ, что каждый изъ нихъ можетъ оставаться при аугсбургскомъ вѣроисповѣданіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ король объявилъ имъ, что всѣ пожалованія (donationes) и подтвержденія (confirmationes), данныя архіепископомъ, магистромъ до маркграфа Вильгельма, а также королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, будутъ сохранены. Такое письменное заявленіе ливонцы получили въ самомъ концѣ сейма, когда земскіе послы начали разъѣзжаться и король садился на коня, а это для того, чтобы они много не возражали. Не успѣли они дойти до дома и прочесть заявленія, король уѣхалъ. Великій канцлеръ проводилъ короля до перваго ночлега, чтобы не было какихъ забѣганій къ нему Когда канцлеръ возвратился, то ливонцы начали домогаться объясненій нѣкоторыхъ пунктовъ королевскаго рескрипта, именно. какъ слѣдуетъ понимать выраженіе *до маркграфа Вильгельма* включительно или исключительно. Великій канцлеръ въ утѣшеніе имъ, улыбаясь, сказалъ, что имъ нѣтъ поводовъ недовѣрять королю, что не только это сомнѣніе, но и другія, если окажутся, его величество милостиво устранитъ.

Ливонцы не хотѣли довѣрять такому отпуску и разъясненію канцлера, напротивъ приняли то, протестуя; большая часть съ огорченіемъ отправилась домой. Часть же тѣхъ, которые служили королю въ обоихъ походахъ, отправилась, по королевскому приказу, въ Краковъ, гдѣ долго проживала и поразорялась. Наконецъ канцлеръ каждому, по его состоянію и заслугамъ, далъ въ Ливоніи имѣнія въ ленное владѣніе, инвеституру на которыя они должны были купить въ канцеляріи дорогою цѣною. Но когда они прибыли въ Ливонію, то нашли, что часть дарованныхъ имъ леновъ состоитъ изъ песчаныхъ холмовъ, гдѣ посѣва и десяти шефелей нельзя было сдѣлать никакъ эти лены не стоили тѣхъ денегъ, которыя они заплатили за нихъ въ канцеляріи. Я ужь умолчу какъ они честили великаго канцлера и секретаря Альберта Барановскаго за такіе лены и сколько горя они перенесли. Другая же часть дарованныхъ леновъ находилась уже въ безспорномъ владѣніи другихъ лицъ, такъ что кардиналъ (Радзивиллъ, ливонскій администраторъ) такія новыя привиллегіи (т. е. инвеституры на лены) кассировалъ, какъ ex errore concessa (данныя по ошибкѣ), защищая права законныхъ владѣльцевъ (legitimos possessores jure mediante). Другіе же дворяне, какъ-то нѣкоторые Икскули, Денгофы и иные знатныхъ родовъ, не пожелавшіе больше ѣздить на польскомъ конѣ jutro, jutro (т. е. завтра, завтра и ничего больше), отправились къ королю шведскому, у котораго были хорошо приняты и одарены, хотя и служили не ему, а королю польскому, и присоединились не къ Швеціи, а къ Польшѣ.

Въ маѣ слѣдующаго 1583 г король польскій выдалъ дочь своего брата, Гизильду Баторіеву, въ замужество за великаго канцлера короннаго пана Яна Замойскаго, вслѣдствіе чего вражда и за-

висть къ канцлеру со стороны знатныхъ польскихъ пановъ не только не уменьшились, а еще болѣе увеличились. Свадьбу праздновали въ Краковѣ весьма роскошно въ теченіе многихъ дней. Король и канцлеръ настаивали, чтобы вѣнчаніе происходило съ большимъ торжествомъ въ католической церкви, но она ни за что не хотѣла согласиться на это, говоря, что лучше откажется отъ брака или даже самую смерть понесетъ, чѣмъ повѣнчается за паписткою обѣднею, потому ее и должны были оставить при ея христіанской твердости. При свадебныхъ празднествахъ происходили великолѣпные турниры и зрѣлища (spectacula), а также московитскій тріумфъ, чему всему королевскій секретарь Рейнгольдъ Гайденштейнъ составилъ особое описаніе для маркграфа Бранденбургскаго и герцога прусскаго и напечаталъ, не объявляя своего имени (то была брошюра Epistola R. H. l. R. ad Georgium Fridericum Marchionem Brandeburgensem in Prussia Ducem. Прим. пер.).

Въ то время, когда происходили свадебные банкеты, ландтагъ (сеймъ) въ Ригѣ занимался плачевными ливонскими дѣлами. Кардиналъ Радзивиллъ былъ королевскимъ предсѣдателемъ ландтага, и при немъ находился присланный коммисаръ Станиславъ Пэнкославскій.

Кардиналъ открылъ ландтагъ заявленіемъ, что онъ, кардиналъ, получилъ отъ его королевскаго величества порученіе учинить это собраніе и совѣщанія совмѣстно съ ливонскимъ земствомъ, каковое порученіе охотно исполняетъ. Изъ присланной ему капитуляціи онъ, кардиналъ, между прочимъ, усмотрѣлъ, что его королевское величество обѣщалъ предоставить свободу аугсбургскому исповѣданію, каковому обѣщанію онъ, кардиналъ, сочувствовать не можетъ ни по совѣсти, ни по своему сану, ни по должности, и хотя не можетъ прямо воспротивиться королевскому обѣщанію, но не соглашается на оное и не преминетъ протестовать противъ онаго въ законной формѣ передъ сеймомъ. Что же касается до прочихъ требованій его королевскаго величества, то онъ, кардиналъ, готовъ съ прилежаніемъ, на сколько можетъ, исполнять оные и напоминаетъ земству (т. е. дворянству), чтобы оно приняло къ сердцу отеческую заботу его королевскаго величества и всеподданнѣйше положиться на его милостивыя мѣропріятія, совершить которыя онъ предположилъ въ Ливоніи.

Самое важное и прежде другихъ заявленное королевское распоряженіе было такое его королевское величество, по важнымъ причинамъ, всѣ пожалованія ленами, донаціи и заставы замковъ, дворовъ и усадебъ въ Ливоніи, совершенныя бывшимъ ливонскимъ администраторомъ Іоанномъ Ходкѣвичемъ и не получившія спеціальнаго утвержденія со стороны короля Сигизмунда-Августа, признаетъ не имѣющими силы; всѣ же прочія пожалованія ленами, совершенныя прежними ливонскими властителями до архіепископа маркграфа Вильгельма (не

включительно, однако, по вполнѣ основательнымъ причинамъ) должны сохранятся въ ихъ силѣ.

Его королевское величество признаетъ также необходимымъ слѣдующее многочисленность замковъ въ Ливоніи въ военное время приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ московитъ есть такой врагъ, который легко преодолѣвается въ открытомъ полѣ, но какъ только онъ начнетъ забирать замки одинъ за другимъ, какъ то и бывало, то при осадѣ въ замкахъ держится крѣпко и не легко вытѣсняется изъ нихъ. Вслѣдствіе сего господа юнкеры (помѣщики) должны свои замки срыть, оставивъ для жительства лишь нижніе этажи, оградивъ ихъ лишь деревяннымъ заборомъ. Его королевское величество желаетъ самъ свои собственные казенные замки уничтожить и подать начало этому дѣлу

А для того, чтобы знать кому, какія помѣстья и по какому праву принадлежатъ, необходимо произвести ревизію во всей Лифляндіи, при чемъ каждый владѣлецъ обязанъ доказать свои права на владѣніе грамотою съ печатью, а гдѣ таковыя грамоты во время войны утеряны или сгорѣли, то право на владѣніе должно быть доказано присягою какъ самаго владѣльца, такъ и трехъ дворянъ, свидѣтельствующихъ это право.

Ландтагъ (gemeine Landschaft, общее земство, т. е. дворяне) по обсужденіи этихъ предложеній, подалъ такой письменный отвѣтъ на оныя съ изложеніемъ своихъ нуждъ За то, что королевское величество снова милостиво заявилъ о намѣреніи оставить и сохранить въ лифляндской провинціи аугсбургское исповѣданіе, они (общее земство) приносятъ всеподданнѣйшую благодарность, не сомнѣваясь, что Господь Богъ тѣмъ паче благословитъ короля. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее земство покорнѣйше проситъ господина кардинала милостиво отмѣнить свою ревность, ради исполняемой должности. Ибо его княжеская милость въ этой землѣ не состоитъ ни наслѣдственнымъ владѣльцемъ, ни патрономъ церквей, а лишь намѣстникомъ (locum tenens) его королевскаго величества. Аугсбургское исповѣданіе въ здѣшнихъ мѣстахъ у старыхъ и малыхъ, благодареніе Богу, такъ распространилось и укоренилось, что никто и не знаетъ другой религіи или исповѣданія.

Что касается до заявленія его королевскаго величества о томъ, что жалованныя грамоты съ печатями бывшаго администратора на пожалованіе, лены и заставы, не получившія спеціальнаго утвержденія короля Сигизмунда-Августа, должны потерять силу и быть уничтоженными и кассированными, то общее земство полагаетъ, что если бы его королевское величество надлежащимъ образомъ зналъ истинное положеніе вещей, какъ они были, то оставилъ бы ихъ въ прежнемъ видѣ. Ибо покойный администраторъ былъ назначенъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ съ полною властію и присланъ правителемъ въ

Ливонію и раздавалъ лены не такъ, чтобы зря одному тамъ, а другому въ другомъ мѣстѣ по произволу, а раздавалъ по крайней необходимости. Когда московитъ дѣлалъ безпрерывныя вторженія, то блаженной памяти администраторъ раздавалъ нѣкоторыя усадьбы въ ленъ добрымъ и честнымъ людямъ, которые мужественно вели себя противъ врага, въ примѣръ и поощреніе другимъ. А также во время войны, когда иноземные наемные ратники требовали уплаты жалованья, а въ Ливоніи былъ недостатокъ въ наличныхъ деньгахъ, а изъ Польши денегъ присылалось еще меньше, тогда онъ раздавалъ ратникамъ вмѣсто наличныхъ денегъ кому усадьбу, а кому и больше, смотря по количеству долга и по человѣку, вмѣсто того, чтобы выдавать послѣднія деньги; бывало и такъ, что закладывались нѣкоторыя усадьбы, чтобы получить наличныя деньги. Если въ настоящее время только тѣ, которые получили подтвержденіе, останутся при своихъ владѣніяхъ по прежнему, а другіе будутъ отрѣшены отъ владѣнія, то земство находитъ, что это будетъ и несправедливо, и безжалостно. Ибо тѣ, которые не искали никакого подтвержденія, полагались на свои вѣрныя службы, всѣмъ извѣстныя, а равно полагались на полную власть, которую имѣлъ покойной Ходкѣвичъ. Да и у кого изъ нихъ было столько денегъ, чтобы за 100 миль ѣхать къ королю и нести издержки, которыхъ не стоитъ и весь жалованный закладъ. Но и нынѣшній король, когда стоялъ подъ Гданскомъ, а московитъ ломился въ край, то писалъ каштеляну Якову Фюрстенбергу (письмо и понынѣ цѣло), чтобы ободрять ливонцевъ и побуждать ихъ къ стойкости. А въ письмѣ томъ его величество обѣщалъ. сохранять всѣ прежнія пожалованія и награды и кромѣ того заслуженныхъ лицъ имѣть въ своей особенной милости. Точно также его величество король писалъ наслѣдникамъ Ходкѣвича, чтобы они сохранили грамоты и печати покойнаго отца своего. Вслѣдствіе сего общее земство всепокорнѣйше проситъ князя намѣстника милостиво вспомнить и про то еще, что онъ исполняетъ такую должность, чтобы вмѣсто его королевскаго величества многіе предметы устроить и распорядить, на которые въ послѣдующіе годы потомство ссылаться будетъ. Да поможетъ же онъ и совѣтомъ и дѣломъ, дабы распоряженія, грамоты и печати, данныя его предмѣстниками, покойнымъ Ходкѣвичемъ, а также его, кардинала, отцемъ Николаемъ Радзивилломъ, княземъ на Олыкѣ и пр., равно уполномоченными короля Сигизмунда-Августа послами и коммисарами, не были отмѣняемы и уничтожаемы. Что касается до грамотъ и печатей его княжеской милости кардинала, его разрѣшеній и запрещеній, касающихся до земли, то земство также проситъ, чтобы все сдѣланное или установленное или утвержденное его, кардинала, властью не было уничтожаемо или отмѣняемо королемъ или польскими сословіями послѣ того, какъ его княжеская милость, кардиналъ, отбудетъ изъ края.

Не могло общее земство (ландтагъ) согласиться и на то, чтобы пожалованіе ленами и другія грамоты и печати бывшихъ ливонскихъ властителей имѣли силу лишь тѣ, которые были даны исключительно до архіепископа маркграфа Вильгельма. Ибо что касается до этого покойнаго архіепископа, то корона польская явилась бы весьма неблагодарною къ нему, если бы признала его грамоты и печати не имѣющими силы и подлежащими уничтоженію, ибо онъ былъ первою причиною того, что Ливонія подчинилась его другу, королю Сигизмунду-Августу. Не много-бы благодарилъ за подобное распоряженіе курфирсъ Бранденбурскій и не много бы оно снискало себѣ чести и славы. Да и слѣдующіе господа магистры, Генрихъ Галенъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ и Вильгельмъ Кетлеръ, нынѣшній герцогъ курляндскій, будучи господами и неоспоримыми начальниками земли, не опровергали и не отмѣняли грамотъ и пожалованій того архіепископа, напротивъ утверждали ихъ.

Было бы крайне непріятно слышать, что король польскій уничтожаетъ силу грамотъ и печатей тѣхъ властителей, которые ихъ дали, ибо они были властителями земли, когда полякамъ и неснилось даже, чтобы Ливонія попала имъ въ руки, и уже тогда существовали грамоты и пожалованія Газенкампа, Галена и Фирстенберга.

Было бы крайнею неблагодарностію и забывчивостію, если бы подвергнуть сомнѣнію или разбору грамоты и печати послѣдняго магистра, нынѣ правящаго Курляндіею герцога. Ибо названный герцогъ добровольно, никѣмъ не принуждаемый, уступилъ и передалъ всю Ливонію коронѣ польской и между прочимъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ привиллегіи, данныя магистромъ, имѣли всегда силу и значеніе и были сохраняемы. Если бы въ настоящее время подвергли разсмотрѣнію и отмѣнѣ грамоты и печати, пожалованіе ленами и свободы, когда герцогъ, добровольно сдавшій весь край коронѣ польской, еще живъ, то какого бы утѣшенія и покровительства отъ короля могло ждать ливонское земство, когда этотъ благочестивый, почтенный и преклонныхъ уже лѣтъ герцогъ (да продлитъ Господь Богъ ему жизнь) сложитъ свою голову? Теперь еще нѣсколько стыдятся, а вѣдь тогда и всякому стыду конецъ будетъ.

Вслѣдствіе этого ландтагъ, ради Создателя, проситъ, дабы его княжеская милость не приводилъ въ исполненіе королевскаго предположенія, а представилъ бы при покорнѣйшей просьбѣ земства, чтобы его королевское величество болѣе милостиво отнесся къ ливонцамъ и не причинялъ имъ, столь радовавшимся побѣдами его величества, крайняго огорченія, а обратилъ бы вниманіе на то, сколь много лишившіяся крова бѣдные вдовы и сироты денно и нощно молились Господу Богу о дарованіи побѣды и счастія его королевскому величеству въ надеждѣ, что съ побѣдою его величества имъ будутъ воз-

вращены ихъ имѣнія. Если его королевское величество останется при своемъ, то нетолько многія сотни вдовъ и сиротъ не получатъ того, что имъ слѣдуетъ къ возврату, но и несравненно большее число вдовъ и сиротъ, которыя при ихъ упомянутомъ врагѣ спокойно владѣли своими усадьбами, впадутъ въ нищету при исполненіи королевскаго предположенія, и заключеннымъ миромъ не только не будутъ утѣшаться, но будутъ ужасаться этого мира, а королевскую честь и хвалу будутъ тушить у иноземныхъ государей и господъ и во всѣхъ христіанскихъ сердцахъ. И подобные тиранскіе поступки нѣкоторые будутъ проклинать, а прежнія молитвы лишившихся крова подданныхъ и несчастныхъ плѣнниковъ въ Москвѣ замѣнятся въ проклятія и жалобы, и, быть можетъ, все прежнее счастіе перемѣнится и поворотится въ несчастіе.

На уничтоженіе и срытіе крѣпостей или замковъ, принадлежащихъ помѣщикамъ (юнкерамъ), ландтагъ также не желаетъ и не можетъ согласиться, ибо хотя и сказано, что при существованіи замковъ труднѣе изгонять московитовъ, но общее земство, призвавъ Бога въ свидѣтеля, можетъ по совѣсти подтвердить присягою, что сколько разъ московитъ не вторгался въ Ливонію, ливонцы въ своихъ бѣдныхъ замкахъ нерѣдко такъ держались, что московитъ долженъ былъ отступить отъ замковъ. И если бы поляки, по своей присягѣ и обѣщанію, въ силу которыхъ вся земля эта была ввѣрена ихъ защитѣ, пришли на помощь, когда это требовалось, то не трудно было бы вытѣснить непріятеля изъ края, ибо онъ не такъ страшенъ своею силою, сколько наводимымъ ужасомъ, какъ недавно то, благодареніе Богу, было доказано. И въ то время, когда король стоялъ подъ Гданскомъ, а бѣдные ливонцы были оставлены всѣми охранителями безъ помощи и совѣта, эти замки сослужили хорошую службу, ибо въ нихъ массы народа находили убѣжище, по временамъ изъ замковъ были дѣлаемы вылазки и до тѣхъ поръ московита изъ замковъ тревожили, пока онъ не ушелъ совсѣмъ прочь, будучи не въ состояніи выносить нападеній. А у всѣхъ имперскихъ князей такъ. если который ленный вассалъ уничтожитъ и сроетъ свой замокъ, то такой вассалъ считается шельмою и измѣнникомъ. Потому то у нихъ съ испоконъ вѣковъ не водится уничтожать замковъ и они скорѣе позволятъ себѣ отрубить головы, чѣмъ дозволить срыть замокъ и тѣмъ осрамиться на весь свѣтъ.

Наконецъ ландтагъ поставилъ на видъ и то обстоятельство, что его королевское величество всѣ королевскія должности и крѣпости замѣщаетъ исключительно поляками, а поляки не только не расположены къ нѣмцамъ, но часто пахолки (слуги) господъ старостъ выходятъ и забираютъ у нѣмцевъ скотъ, и отъ поляковъ нѣмецъ только и видитъ, что убытокъ, да оскорбленія, да насмѣшки. Если бы нѣмцы поуничтожали свои дворы и замки, то имъ пришлось бы опасаться, что за столомъ или въ постелѣ на нихъ нападутъ и убьютъ.

Потому ландтагъ, ради самаго Создателя, проситъ еще разъ его княжескую милость, дабы онъ ходатайствовалъ у его королевскаго величества объ отмѣнѣ предположенія касательно уничтоженія замковъ.

Что касается до ревизіи имѣній, то само земство желаетъ, чтобы таковая была произведена немедленно, тогда и окажется, что у нѣкоторыхъ имѣются лишь грамоты и печати на владѣніе, а другіе самовольно, во время военныхъ сумятицъ, позавладѣвали помѣстьями. Земство надѣется и всеподданнѣйше проситъ, чтобы каждому, по содержанію его доказательствъ, было оказано равное право и справедливость.

Хотя кардиналъ и желаетъ сдѣлать, чрезъ Андрея Шпилля, свои возраженія противъ мнѣній и заявленій земства, но земство твердо стояло на своемъ и просило, чтобы его заявленія были доведены до свѣдѣнія короля, къ которому земство желаетъ отправить своихъ пословъ.

Независимо сего, все земство постановило произвести ревизію всей лифляндской земли, какою она осталась послѣ выхода московитовъ. Вслѣдствіе сего для ревизіи весь ливонскій край, за исключеніемъ герцогствъ курляндскаго и семигальскаго, курляндскаго епископства, которымъ владѣлъ герцогъ Магнусъ и земель, отошедшихъ къ Швеціи, былъ раздѣленъ на три округа. перновскій, дерптскій и венденскій. Въ каждый округъ назначены ревизорами одинъ ливонецъ и одинъ чужеземецъ, именно. въ перновскій округъ былъ назначенъ Лаврентій Миллеръ, докторъ правъ, чужеземецъ, и Бернгардъ Гольцшухеръ ливонецъ; въ дерптскій Іоаннъ Дрелихъ иноземецъ и Вильгельмъ Детванъ ливонецъ; въ венденскій округъ Даніилъ Германъ иноземецъ и Фромгольдъ фонъ Тизенгаузенъ ливонецъ. Они обязаны были по каждому частному имѣнію освѣдомится о грамотахъ и печатяхъ на него, пересмотрѣть ихъ и сдѣлать опись. Эту опись слѣдовало представить его королевскому величеству, дабы онъ, какъ въ зеркалѣ, могъ видѣть обстоятельства, доходы и положеніе всей земли.

Въ то самое время, когда одни занялись ревизіею помѣстій, его княжеская милость, кардиналъ, снова взялся за судопроизводство въ Ливоніи и о всѣхъ насиліяхъ, какіе кто произвелъ за это время, онъ разузналъ и разсудилъ. Такъ, во время военныхъ смятеній, нѣкоторые польскіе военачальники, какъ напримѣръ, Дембинскій, Суходольскій, Полубѣнскій, Млодовскій и др., вторгались въ ливонскія земли и, подъ видомъ защиты ихъ, притѣсняли народъ и причиняли ему вредъ. Этимъ военачальникамъ Іоаннъ Бюрингъ, о которомъ было упомянуто выше, оказывалъ сопротивленіе и не только рыцарски дѣйствовалъ противъ московитовъ, но и съ поляками обращался по достоинству ихъ, защищая вдовъ и сиротъ. Кардиналу въ такихъ дѣлахъ было довольно хлопотъ.

Въ то самое время общее земство (ландтагъ) начало дѣло противъ двухъ новыхъ бароновъ (Freyherrn) Іоанна Таубе (онъ умеръ во время производства дѣла) и Эйльгарта Краузе (Эйлерта Крузе), обвиняя ихъ въ измѣнѣ отечеству. Говорили и доказывали, что они поотрывали печати герцога курляндскаго, нѣкоторыхъ городовыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, и писали московиту, будто вся земля желаетъ подчиниться ему. На это Таубе и Краузе, въ оправданіе свое, говорили, что дѣлали то на благо отечества. такъ какъ московитъ въ то время двинулся уже въ походъ, а король стоялъ подъ Гданскомъ и нельзя было надѣяться ни на какую помощь, то они и думали подобнымъ письмомъ обезоружить московита и воздержать его отъ вторженія въ край.

Земство, въ свою очередь возражало на это, что московитъ прежде и не думалъ подступать къ Вендену, но что именно они, Таубе и Крузе, своими ложными обѣщаніями приманили туда московита и причинили тѣмъ большіе убытки, убійства, пожары и грабежи. Имъ, какъ частнымъ лицамъ, никакъ не подходило входить въ такія важныя дѣла безъ вѣдома комитета земства.

О Таубе и Крузе многіе судили такъ, что съ паденіемъ всей земли и опустошеніемъ ея, они дѣйствовали, чтобы снискать себѣ милость у великаго князя, ибо, будучи еще прежде взяты въ плѣнъ и приведены въ Москву, они придумывали разные планы и передавали ихъ московиту, именно какимъ бы способомъ великому князю и обратиться и войти въ союзъ съ римскимъ императоромъ, чтобы сдѣлаться государемъ всей Польши и Ливоніи. Эти обширные планы понравились великому князю и онъ далъ свободу Таубе и Крузе и сдѣлалъ ихъ великими господами. И они, вслѣдствіе того, повели дѣло такъ, что московитъ посылалъ нѣсколько посольствъ къ императору; писали они между тѣмъ и къ ливонцамъ, стараясь внушить, что великій князь по отношенію къ ливонцамъ одушевленъ наилучшими намѣреніями, а такъ какъ ливонцы не имѣютъ никакой защиты противъ такого могущественнаго монарха, потому они отъ души и совѣтуютъ имъ поддаться великому князю. Они жизнію своею отвѣчали, что великій князь предоставитъ Ливоніи такія привиллегіи, какія не въ состояніи дать никакой другой государь-покровитель.

Посольство къ римскому императору кой-чего достигло, ибо начали переговаривать о капитуляціи и поэтому поводу, при посредствѣ герцога Альбрехта прусскаго, не разъ былъ посылаемъ къ великому князю Витъ Зенге, да и впослѣдствіи кавалеръ (рыцарь) Фридрихъ Шперъ не мало приложилъ на то денегъ, труда и работы, какъ о томъ хорошо извѣстно при императорскомъ дворѣ.

Но когда ливонцы заявили Таубе и Крузе, что имъ не вѣрятъ и съ тиранамъ не хотятъ имѣть никакого дѣла, а московитъ между тѣмъ настойчиво требовалъ отвѣта, то они, Таубе и Крузе,

стали раздумывать какъ тутъ вытти имъ изъ затрудненія. Скопивъ большое богатство и пользуясь полнымъ довѣріемъ московита, они тайно покинули его, прибыли къ королю Сигизмунду-Августу съ большимъ великолѣпіемъ и заявили ему, что все сдѣланное ими сдѣлано на тотъ конецъ, чтобы вывѣдать какіе замыслы имѣетъ великій князь на овладѣніе Ливоніею и на заключеніе союза съ римскою имперіею. Король хорошо ихъ принялъ, одарилъ значительными помѣстьями въ Ливоніи и Литвѣ и обоимъ далъ титулъ бароновъ (фрейгеровъ). Московитъ же негодовалъ не только за то, что измѣнническы былъ обманутъ ими обоими, но и за то, что его планы открылись. Вслѣдствіе того онъ написалъ королю, чтобы онъ выдалъ ему обоихъ бѣглецовъ, иначе всѣ плѣнные тяжко пострадаютъ. Но король предпочелъ ихъ обоихъ всѣмъ бѣднымъ плѣннымъ, а тогда московитъ и приказалъ казнить позорною смертію нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, каковой казни они избѣгли бы, если бы имъ не пришлось поплатиться за Таубе и Крузе.

Московитъ на этотъ разъ былъ очень силенъ и въ готовности къ походу, потому всякому и приходило на мысль, какъ сказано выше, что они потому послали ложныя грамоты къ московиту, чтобы снова какъ нибудь прицѣпиться къ нему и показать, что держатъ свое слово твердо и что обѣщали, то и исполнятъ.

Такъ какъ это дѣло между земствомъ и обоими баронами было очень важное, потому кардиналъ и отослалъ оное къ королю и на сеймъ. Но его величество не только ничего не предпринялъ противъ названныхъ обоихъ бароновъ, но велѣлъ возвратить имъ всѣ ихъ имѣнія въ дерптскомъ епископствѣ, хотя король никому не возвращаетъ наслѣдственныхъ имѣній въ этомъ епископствѣ, а въ замѣнъ ихъ отводитъ соотвѣтствующее количество земли въ другихъ мѣстахъ, желая удержать при себѣ для своего стола дерптское епископство, какъ лучшее мѣсто въ Ливоніи.

Въ то время, когда въ въ Ливоніи происходилъ этотъ ландтагъ, умеръ герцогъ Магнусъ, братъ короля датскаго, при жизни котораго и теперешней смерти произошли столь большія перемѣны, что я считаю неизлишнимъ сказать объ оныхъ нѣсколько словъ, преимущественно же о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли по его смерти и въ мое время и которыя, быть можетъ, въ будущемъ послужатъ причиною къ еще большимъ перемѣнамъ въ Ливоніи.

Многимъ въ тѣхъ мѣстахъ извѣстно, какъ мать герцога Магнуса условливалась съ епископомъ курляндскимъ, происходившемъ изъ рода Мэнихгаузеновъ, чтобы онъ уступилъ и продалъ за деньги ея сыну, герцогу Магнусу, епископства эзельское и курляндское. Вслѣдствіе продажи, герцогъ Магнусъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, и вступилъ тому назадъ около 24 лѣтъ во владѣніе этими епископствами, а поелику въ началѣ всѣ возлагали большія надежды и утѣ-

шенія на короля, его брата, потому герцогъ имѣлъ многихъ себѣ приверженцевъ. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился къ великому князю въ Москву, который и выдалъ за него дочь своего брата. Передъ тѣмъ великій князь приказалъ казнить отца невѣсты, мать, брата, сестру, весь родъ, по ложному подозрѣнію въ покушеніи на овладѣніе правленіемъ. Что въ то время дѣлалъ герцогъ Магнусъ у великаго князя, какъ былъ объявленъ ливонскимъ королемъ, какъ подобнымъ объявленіемъ московитъ хитростію овладѣлъ почти всею землею, какъ этотъ добрый, благочестивый герцогъ былъ вводимъ въ заблужденіе ложными московита обѣщаніями и злыми людьми, по большей части самими прирожденными ливонцами, все это дѣла старыхъ лѣтъ и не принадлежатъ къ исторіи моего времени, потому я и не желаю касаться ихъ.

Послѣ того, какъ герцогъ Магнусъ съ опасностію жизни оставилъ московита, онъ въ мое уже время съ землею и людьми отдался королю польскому, который мирно и оставилъ его въ курляндскомъ епископствѣ. О пасхѣ 1583 г онъ умеръ въ замкѣ Пильтенъ названнаго епископства, тогда его подданные выбрали себѣ предводителемъ Іоганна Берена, который и послалъ къ королю датскому увѣдомленіе о смерти герцога съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Названный Беръ нарочно преувеличилъ доходы епископства, чтобы побудить короля къ тому, чтобы онъ освободилъ курляндское епископство отъ польскаго ига.

Король датскій немедленно отправилъ обратно этого посла, давъ ему нѣсколько орудій, пороха и снарядовъ. Кардиналъ же послалъ въ замки, находившіеся въ закладномъ владѣніи у герцога Магнуса, именно въ Каркусъ, Эрмесъ, Гельметъ и Руенъ, взять съ нихъ присягу королю польскому Послалъ онъ также въ курляндское епископство Томаса Эмбдена и своего маршалка Северина Залевскаго, чтобы они также привели это епископство къ присягѣ королю польскому Пильтенцы же отвѣтили на то, что по смерти своего властителя, герцога Магнуса, они связаны присягою королю датскому; король же датскій не только не освободилъ ихъ отъ присяги, напротивъ далъ новыя приказанія, чтобы они оставались при своихъ обязанностяхъ.

Съ такимъ отвѣтомъ послы возвратились къ кардиналу, но вскорѣ опять прибыли въ епископство и начали склонять пильтенцевъ присягнуть королю польскому На этотъ разъ къ посламъ прибавили совѣтниковъ (ратовъ) герцога курляндскаго, Саломона Геннига и Луку Гибнера. Когда сіи послѣдніе замѣтили, что пильтенцы никоимъ образомъ не желаютъ переходить въ подданство королю польскому, то сказали имъ, чтобы они не забывали, что король Сигизмундъ-Августъ и нынѣшній король постановили, что вслучаѣ смерти герцога Магнуса или же вслучаѣ удаленія герцога, епископство кур-

ляндское должно отойти къ герцогу курляндскому И то еще пильтенцы должны помнить, что герцогъ Магнусъ, еще при жизни своей, курляндское герцогство младшему курляндскому герцогу записалъ и завѣщалъ. Кромѣ того сами ландзассы постановили, что со смерти герцога Магнуса они не будутъ признавать своимъ властителемъ никого, кромѣ помянутаго курляндскаго герцога. Вслѣдствіе сего они сказали пильтенцамъ, что если они не хотятъ поддаваться непосредственно королю польскому, то пусть присягаютъ герцогу курляндскому Но пильтенцы предпочитали оставаться подъ покровительствомъ Даніи, потому оба посла и воротились къ кардиналу, не достигнувъ никакого результата.

Тогда кардиналъ немедленно послалъ въ курляндское епископство польскаго полковника Оборскаго со всадниками и кнехтами (пѣхотою). Оборскій нанесъ большой вредъ епископству грабежами, пожарами и убійствами, думая, что, дѣйствуя страхомъ, онъ принудитъ пильтенцевъ къ повиновенію. Но пильтенцы не покорились; сами взялись за оружіе, укрѣпили замки, поручили Господу Богу всю землю, и всѣ запасы, а также весь народъ, юнкеровъ (помѣщиковъ), бюргеровъ и крестьянъ, поукрывали въ замкахъ, и за тѣмъ начали дѣлать успѣшныя вылазки и нападенія изъ замковъ на поляковъ и самаго Оборскаго застрѣлили.

Тутъ кардиналъ и его маршалокъ Залевскій (онъ учавствовалъ съ Донъ Жуаномъ австрійскимъ въ морской битвѣ противъ турокъ и былъ таки человѣкъ не трусъ), видя, что дѣло съ пильтенцами плохо и что у нихъ люди есть таки, рѣшились посовѣтоваться съ благочестивымъ герцогомъ курляндскимъ и пригласили его на свиданіе въ одномъ мѣстѣ на половинѣ дороги между Ригою и Митавою. Сюда прибылъ кардиналъ съ маршалкомъ и Станиславомъ Косткой, подкоморіемъ хомской (кульмской) земли въ королевской части Пруссіи. Съ герцогомъ было нѣсколько довѣренныхъ совѣтниковъ Кардиналъ поставилъ герцогу на видъ опасность, могущую возникнуть и для него и для его подданныхъ, вслучаѣ если пильтенцы не будутъ покорены и принуждены къ послушанію, а приведеніе къ повиновенію пильтенцевъ есть рѣшительная воля, приказаніе и мнѣніе его королевскаго величества. Но какъ герцогъ курляндскій есть королевскій вассалъ, потому кардиналъ и проситъ его прислать нѣсколько войска для совмѣстнаго дѣйствія съ нимъ, кардиналомъ, чтобы пильтенцевъ принудить къ присягѣ прежде чѣмъ они получатъ помощь отъ короля датскаго.

Герцогъ отвѣчалъ на это, что когда посылали Оборскаго противъ пильтенцевъ, то совѣта у герцога не спрашивали; онъ, герцогъ, быть можетъ, тогда предложилъ бы другія средства для достиженія цѣли. На посылку своего войска онъ, герцогъ, не имѣетъ никакого спеціальнаго къ себѣ королевскаго повелѣнія, и не знаетъ также, что именно поручено кардиналу Но какъ онъ, герцогъ, видитъ, что съ

пильтенцами не легко справиться безъ пушекъ, которыхъ нѣтъ, потому онъ, герцогъ, не только не желаетъ вести войну какъ попало, но не желаетъ даже и вмѣшиваться въ оную, ибо его подданные и пильтенцы одной вѣры, породнились между собою, у нихъ между собою и братья и сестры, и отцы и зятевья: не легко будетъ поднять курляндцевъ итти войною на ихъ родныхъ, не имѣя на то яснаго и строгаго королевскаго повелѣнія. Къ тому же онъ, герцогъ курляндскій, къ пильтенцамъ живетъ поближе, чѣмъ король датскій, и кому какой мѣрой онъ будетъ мѣрить, дома ему, герцогу, не замедлятъ отмѣрить. Принесутъ коли жалобу на него, герцога, королю и сословіямъ, то у него отговорка та, что повелѣнія не было. Онъ, герцогъ, въ этомъ дѣлѣ кромѣ вреда себѣ и позора ничего не предвидитъ, и потому проситъ кардинала не привлекать его къ этому дѣлу, къ которому и вначалѣ не привлекали.

Хотя въ то время разошлись, ничего не рѣшивши, кардиналъ однакоже, не бросилъ дѣла, а скоро послѣ того снова послалъ пана Костку къ герцогу въ Митаву, который и началъ тамъ налегать на герцога и вѣрющую грамоту къ нему отъ короля вручилъ, содержаніе каковой грамоты было слѣдующее: поелику панъ Костка отправляется къ вашей герцогской свѣтлости, то его величество король поручилъ ему переговорить съ вашею герцогскою свѣтлостью, которому и подобаетъ вѣру дать. Панъ Костка эту вѣрющую грамоту къ тому направлялъ, будто король приказалъ говорить съ герцогомъ именно о пильтенскомъ дѣлѣ. Но въ вѣрющей грамотѣ объ этомъ дѣлѣ не упоминалось ни слова, да и писана она была шесть недѣль тому назадъ.

Герцогъ былъ очень остороженъ въ подобномъ щекотливомъ дѣлѣ. Ему посовѣтовали возможно скорѣе послать къ королю съ извѣстіемъ, что по оной вѣрющей грамотѣ (смыслъ которой панъ Костка направлялъ къ тому, чтобы герцогъ двинулся противъ пильтенцевъ) герцогъ никоимъ образомъ не можетъ двинуть свое войско и проситъ, чтобы его королевское величество милостиво пощадилъ его бѣдныхъ подданныхъ, а если же невозможно обойтись безъ похода, то пусть король дастъ спеціальный приказъ о томъ и инструкцію. Герцогъ не хотѣлъ согласиться на походъ, но не хотѣлъ также навлекать на себя и подозрѣнія въ неисполненіи присяги и обязанности, потому и послалъ со 100 всадниками полковника Бартеля (Варѳоломея) Бутлера занять замокъ Виндаву, чтобы онъ оттуда наблюдалъ за границею и морскимъ берегомъ, не трогая пильтенцевъ; если же пильтенцы сами нападутъ на него, то тогда онъ можетъ дать отпоръ. Панъ Костка долженъ былъ удовлетвориться подобнымъ распоряженіемъ герцога.

Многіе были тѣхъ мыслей, что кардиналъ потому такъ настойчиво торопился снарядить экспедицію на Пильтенъ, что это епископство съ древнихъ временъ принадлежало монахамъ, и расположено очень выгодно надъ самымъ моремъ. іезуиты потому все и нашептывали кардиналу, чтобы онъ поскорѣе кончалъ дѣло и чтобы онъ чрезъ

папскаго легата, пребывавшаго при королевскомъ дворѣ, выхлопоталъ для нихъ, іезуитовъ, это епископство.

Пильтенцы видѣли это и соображали и ежедневно убѣждались, какъ укоренялись іезуиты въ придвинскомъ княжествѣ и какъ они величались торжествомъ своего ученія. Ибо кардиналъ приказалъ красиво возобновить рижскій замокъ внутри и велѣлъ написать на стѣнахъ нижеслѣдующіе и другіе стихи, въ видѣ тріумфа, что рижане приняли іезуитовъ.

Devicto Moscho, qui vincere sueverat omnes,
His ubi pax terris reddita rursus erat,
Prisca atque religio Rigam revocata vigere
Coeperat in templo dive Jacobo tuo,
Haec renovata arx est, и пр.

Также и новый епископъ венденскій возобновилъ тамошній замокъ и слѣдующее двустишіе помѣстилъ надъ своимъ гербомъ.

Haeresis et Moschi postquam devicta potestas.
Livonidum primus pastor ovile rego.

И многіе простодушные люди такъ разсуждали, что тутъ вѣру ставили на первый планъ, а не изгнаніе московитовъ. А подобныя мысли изъ того возникали, что однажды нѣсколько іезуитовъ отправились въ море съ ненѣмецкими (латышскими) рыбаками и велѣли они рыбакамъ забросить сѣти и потомъ вытянуть, за тѣмъ спрашиваютъ ихъ. отчего это такъ вышло, что мало рыбы поймали, вѣдь прежде они лавливали гораздо больше? Рыбаки отвѣчали, что помнятъ лучшія времена, когда рыбы точно лавливали больше, а теперь рыба ужь такъ не ловится. Іезуиты и спрашиваютъ причину того, но бѣдные простаки не умѣли какъ объяснить это. Тогда одинъ іезуитъ и говоритъ Это отъ того происходитъ, что вы твердо не стояли при словѣ Божіемъ и древней чистой католической вѣрѣ. И начали іезуиты ревностно напоминать рыбакамъ о томъ и зачерпнули немного воды изъ моря и взяли пойманную рыбу и, послѣ совершенія обрядовъ и заклинаній окрестили море «во имя Отца и Сына и Св. Духа», благословили воду и пойманную рыбу и рыбу ту живою бросили опять въ море. Затѣмъ сказали рыбакамъ, чтобы они серебряную и всякую другую рыбу, какую въ этихъ мѣстахъ ловятъ, ловили въ честь св. Іакова въ Ригѣ, и чтобы они не сомнѣвались, что какъ только войдутъ въ общеніе съ папскою католическою церквію, то по молитвѣ іезуитовъ и рыбы почнутъ ловить больше. Хотя они говорили такъ для того, чтобы простодушныхъ бѣдныхъ людей привлечь къ большему страху Божію, но такія слова навели многихъ простаковъ на другія мысли и соображенія.

А также былъ еще и другой новый католикъ, ливонецъ, изъ дворянскаго рода Шенкинговъ. Онъ былъ выбранъ пробстомъ въ Венденъ и по собственному усердію, какъ онъ самъ говоритъ, пошелъ

въ Ригу, проповѣдуя бѣднымъ ненѣмецкимъ крестьянамъ (латышамъ), ибо латышскій языкъ зналъ, какъ свой нѣмецкій. Между разными доказательствами непреложности католической вѣры, онъ, по преимуществу, приводилъ слѣдующее. еретическіе проповѣдники все это купцы, проповѣдующіе изъ за денегъ, а которые проповѣдывали слово Божіе безъ платы, по собственному усердію, то тѣ ради душъ бѣдныхъ людей мало что дѣлали.

У католиковъ не далеко ходить за примѣрами безкорыстія. Хоть бы вотъ и самъ кардиналъ. онъ княжескаго рода, но все покинулъ и посвятилъ себя службѣ святой католической церкви добровольно и изъ богоугоднаго усердія, заботясь о спасеніи души своей и бѣдныхъ обманутыхъ людей. И еще онъ ставилъ въ примѣръ самого себя: онъ происходилъ изъ хорошаго дворянскаго стараго рода Шенкинговъ, но не посмотрѣлъ на то, а бросилъ своихъ изъ истиннаго усердія, чтобы возвратить въ своемъ отечествѣ бѣдныхъ людей къ истинной вѣрѣ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что католичество есть настоящая христіанская церковь; онъ это напоминаетъ имъ для того, чтобы они вступили на истинный богоугодный путь. Онъ, пробстъ, не хочетъ принуждать ихъ къ тому· пусть они подумаютъ четыре недѣли, и тогда онъ придетъ къ нимъ за отвѣтомъ.

Бѣдные ненѣмецкіе крестьяне, необладавшіе большимъ и добрымъ разумомъ, совѣтовались то тутъ, то тамъ, и обратились наконецъ за совѣтомъ къ одному нищему, восьмидесяти-лѣтнему старику, который просилъ милостыни на церковной паперти. Онъ посовѣтовалъ отвѣчать, что они бѣдные, не свѣдущіе люди и въ нынѣшней вѣрѣ воспитаны ихъ начальствомъ, ихъ юнкеры (помѣщики) и господа всѣ также твердо держатъ эту вѣру, а надобно полагать, что они по своей волѣ не пошли бы къ дьяволу въ лапы. Такъ пусть онъ, Шенкингъ, сначала обратитъ юнкеровъ и господъ, и послѣ ужь пусть къ мужикамъ приходитъ, они тогда и отвѣтятъ ему Такой именно отвѣтъ они ему и дали.

Равно нѣкоторые негодяи, заслужившіе смертную казнь, объявляли, что желаютъ исповѣдываться у іезуитовъ, и тогда ихъ освобождали отъ казни. Изъ такихъ негодяевъ былъ нѣкто Петръ изъ Гамбурга. Былъ онъ долженъ одному почтенному рижскому бюргеру нѣкоторую сумму денегъ и не могъ заплатить ее. Шлетъ онъ жену свою къ этому кредитору въ городъ и велитъ ей сказать ему· боленъ онъ теперь, самъ бы отнесъ деньги, коли бы не хворалъ, а такъ какъ онъ, кредиторъ, нерѣдко прогуливается по форштату и ходитъ мимо его дома, то пусть когда нибудь зайдетъ и росписку съ собою захватитъ, тогда онъ ему и заплотитъ деньги, если и не всѣ, то большую половину Добрый человѣкъ не откладываетъ получить деньги и когда пришелъ къ нему, то засталъ въ комнатѣ гладкую (красивую) дѣвку, которая управившись, проситъ его итти къ другому камину

(въ тѣхъ мѣстахъ въ комнатахъ ставятъ камины); добрякъ идетъ туда, думая, что его должникъ лежитъ тамъ въ постели больной. Но дѣвка пошла за нимъ и стала занимать его разумными словами· просила садиться, говоря, что Петръ сейчасъ придетъ, сама садится съ нимъ рядомъ, дружески бесѣдуя. А между тѣмъ жена Петра все подстроила вбѣгаетъ въ комнату Петръ съ длинною рогатиной, а за нимъ другой негодяй, хватаютъ добраго человѣка и показываютъ видъ, что хотятъ убить его за то, что онъ его пріятельницу, которая жаловалась, подговаривалъ къ распутству Тутъ приходитъ сосѣдъ заранѣе уже подговоренный, начинаетъ мирить противниковъ, успокаивать Петра, чтобы онъ не сердился и пощадилъ жизнь своего кредитора, который отдастъ ему его росписку, и оба пусть поклянутся не разглашать происходившаго. Но однако же дѣло всплыло наружу Петра и дѣвку засадили подъ арестъ, а жена и другіе бѣжали. Дѣвку публично заклеймили, а Петра, какъ стараго мошенника, присудили повѣсить. Онъ и потребовалъ іезуита духовникомъ къ себѣ и сталъ его просить заступиться за него у кардинала и освободить его. Іезуитъ и спрашиваетъ. вѣритъ-ли онъ, что Матерь Божія можетъ, по могуществу своему, даровать ему жизнь? А тотъ отвѣчаетъ, что онъ прежде что-то слышалъ о томъ, да городскіе проповѣдники говорятъ, что это неправда. Іезуитъ началъ увѣщевать его, говоря, что ему стоитъ только вѣрить въ Матерь Божію и дать такой обѣтъ, что если освободится, то сдѣлается католикомъ и другимъ будетъ разсказывать о содѣянномъ Божіею Матеріею чудѣ, и тогда увидитъ, что все совершится по вѣрѣ его. Когда Петръ далъ такой обѣтъ, то іезуитъ выхлопоталъ, чтобъ его освободили, чѣмъ и другимъ висѣльникамъ былъ поданъ примѣръ къ отступничеству

И іезуиты не только подобными услугами начали совращать народъ, но и кардиналъ впослѣдствіи запретилъ нѣкоторымъ рижскимъ проповѣдникамъ произносить проповѣди и указомъ предписалъ магистрату выдать ему, для наказанія, даленскаго проповѣдника Іоанна. Причина была та, что этотъ проповѣдникъ, прочитавъ стихъ изъ посланія къ Галатамъ O insensati Galatae, quis vos fascinavit (о неразумные галаты, кто васъ околдовалъ), сказалъ, что можно бы и теперь спросить, кто околдовалъ бѣдныхъ рижанъ, когда они безъ всякой нужды приняли къ себѣ снова іезуитовъ.

Подосланные тайно іезуитами молодые люди подхватили слово fascinavit (околдовалъ) и стали говорить, будто проповѣдникъ обвиняетъ іезуитовъ въ колдовствѣ. Кардиналъ и потребовалъ, вслѣдствіе того, выдачи Іоанна Даленскаго, и хотя магистратъ въ этомъ дѣлѣ велъ себя очень трусливо, но когда оно дошло до общины, то она серьезно заступилась за проповѣдника, при чемъ стороною дали понять кардиналу, что имъ не впервые выгонять архіепископа изъ города, и буде кардиналъ будетъ поднимать подобныя дѣла, то, пожалуй выбѣ-

ленная вновь церковь св. Іакова окрасится въ кровавый цвѣтъ. Такъ коса нашла на камень.

Какія дѣла іезуиты въ Ригѣ продѣлывали, хотя еще и не имѣли тутъ много власти, про то пильтенцы довольно знали и хорошо понимали, что съ ними будетъ, когда іезуиты войдутъ въ настоящую силу, потому они никоимъ образомъ не хотѣли поддаваться въ іезуитскія руки, предпочитая поголовно всѣмъ погибнуть, чѣмъ отдаваться іезуитамъ. Кардиналъ также не хотѣлъ уступать и, видя что полковникъ Оборскій и большая часть его войска перебита, назначилъ маріенбургскаго гауптмана Пэнкославскаго (Маріенбургскій замокъ находился на московитской границѣ) полковникомъ и послалъ его съ отрядомъ войскъ противъ пильтенцевъ. Пэнкославскій выступилъ въ походъ и, посѣтивъ прежде всего герцога курляндскаго, объявилъ, что кардиналъ обѣщалъ ему, будто герцогъ сейчасъ же дастъ ему свое войско для совмѣстнаго дѣйствія противъ пильтенцевъ и потому онъ, Пэнкославскій, просилъ герцога послать кого либо изъ своихъ къ полковнику Бутлеру съ приказомъ, чтобы тотъ помогалъ польскому войску, когда въ томъ явится надобность. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пэнкославскій проситъ герцога доставлять провіантъ польскому войску· за одну часть доставленнаго провіанта будутъ заплочены наличныя деньги, а другая часть будетъ, по распоряженію кардинала, возвращена герцогу изъ Риги натурою сколько чего было отпущено.

Все это не только удивило герцога, но и сильно затруднило. Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ наконецъ далъ такой отвѣтъ, что, согласно обѣщанію, онъ поставилъ въ Виндавскомъ замкѣ сто человѣкъ конницы для наблюденія и охраны морскаго берега, но онъ, герцогъ, не можетъ приказать своимъ подданнымъ воевать съ пильтенцами, ибо на то такого королевскаго повелѣнія нѣтъ, да и самые пильтенцы и король датскій не объявлены врагами. Доставлять провіантъ онъ, герцогъ, также не можетъ, ибо польскіе отряды (президіи) входили въ Курляндію и большіе убытки причинили и въ скотѣ и въ хлѣбѣ.

Герцогъ былъ человѣкъ рѣшительный, но и раты (совѣтники) хорошо ему совѣтовали, когда говорили, что онъ не долженъ причинять ни себѣ, ни своимъ преемникамъ, ни всей землѣ никакого ущерба, каковой произошелъ бы, если бы онъ согласился на домогательства намѣстника. Ибо его герцогское высочество не зависитъ отъ приказаній или запрещеній кардинала, а долженъ ждать грамоты или приказа непосредственно отъ самого короля.

Вслѣдствіе всего этого, польскій начальникъ одинъ пошелъ на нильтенцевъ, которые не уклонились отъ военныхъ дѣйствій и въ первой же схваткѣ положили на мѣстѣ до полутораста поляковъ.

Въ это время полковникъ Фаренсбахъ, бывшій на Эзелѣ полковникомъ короля датскаго, послалъ отъ себя пословъ къ кардиналу попытаться, нельзя-ли какъ нибудь помирить пильтенцевъ съ кардина-

ломъ. Соглашеніе, быть можетъ, и произошло-бы, если бы не пришло въ то время донесеніе о вышесказанной схваткѣ, въ которомъ говорилось, что самые знатные юнкеры (помѣщики) погибли въ этомъ сраженіи Уже начали было договариваться, чтобы пильтенцы временно сдались герцогу курляндскому, пока короли датскій и польскій не согласятся между собою на ихъ счетъ, но кардиналъ, получивъ донесеніе, прекратилъ переговоры, думая, что поляки побѣдили въ томъ сраженіи, и приказалъ нѣмецкому ротмистру Клаусу Корфену (Корфу) вновь занять замокъ Амботенъ, тотъ самый, который не задолго предъ тѣмъ одинъ изъ епископскихъ, изъ рода Криденеровъ, безъ нужды сдалъ кардиналу

А между тѣмъ всякіе безначальные кнехты, которые только и ждали возможности грабежа, пошли къ литовскимъ и жмудскимъ границамъ и сдѣлали набѣгъ на литовскихъ пановъ, забирая у нихъ все, что ни попадется. Литовскіе паны донесли о томъ королю и жаловались на смятенія на морскомъ прибрежьи, такъ какъ изъ нихъ могло произойти большое несчастіе всей землѣ, которыя начинались безъ всякаго на то дозволенія государственныхъ чиновъ.

Король, хорошо не знавшій объ этихъ смутахъ, а можетъ быть и знать не желавшій, написалъ кардиналу, чтобы онъ немедленно прекратилъ военныя дѣйствія и вывелъ бы польское войско изъ епископства курляндскаго въ Жмудь, и сохраняя совмѣстно съ герцогомъ курляндскимъ лишь оборонительное положеніе, заботился, чтобы не выходило какихъ потерь.

Это письмо возбудило неудовольствіе кардинала противъ герцога курляндскаго, но онъ не высказывалъ его, а говорилъ, что имѣетъ строгій королевскій приказъ продолжать войну, и потому снова послалъ пана Костку къ герцогу сказать, какъ много зависитъ успѣхъ отъ поспѣшности, и просить снова герцога двинуться съ его войскомъ въ походъ, кардиналъ же не сомнѣвается, что Господь Богъ пошлетъ удачу Добрый и благочестивый герцогъ очень колебался какъ ему быть въ этомъ дѣлѣ и какъ поступить, но тутъ одинъ добрый человѣкъ (авторъ этихъ записокъ, Миллеръ) подалъ ему такой совѣтъ. пусть герцогъ напишетъ кардиналу, что выступить въ походъ съ войскомъ безъ королевскаго приказа нельзя, а такого приказа у него, герцога, нѣтъ. Но если кардиналъ имѣетъ подобный приказъ и все возьметъ на свою отвѣтственность, то онъ, герцогъ, дастъ кардиналу 2000 талеровъ на наемъ войска, пока король не подошлетъ помощи, и пусть кардиналъ ведетъ войну сообразно своей волѣ и королевскаго указа.

Но Господь Богъ не соизволилъ, чтобы подобныя ухищренія не обнаружились. Послѣ того какъ ротмистръ Клаусъ Корфъ, въ качествѣ начальника, хотѣлъ было выступить изъ своего лагеря, пильтенцы напали на лагерь и между прочимъ захватили экипажъ Корфа,

а въ экипажѣ нашли переписку кардинала съ Корфомъ, нашли и извлеченіе изъ королевскаго приказа, которое кардиналъ переслалъ Корфу, испрашивая у него совѣта, а въ приказѣ именно и было сказано, чтобы прекратить всякую войну Пильтенцы переслали герцогу курляндскому копію съ этого письма кардинала, чтобы онъ видѣлъ, слѣдуетъ-ли ему начинать войну, о которой король польскій вовсе и не думалъ.

Смутили эти слова герцога, но его всячески уговаривали и наконецъ постановили: обо всемъ самому переговорить съ кардиналомъ. Вслѣдствіе этого герцогъ отправился на островокъ, находившійся въ четверти мили отъ Риги и называемый Мейстеръ-гольмъ, съ нѣсколькими довѣренными совѣтниками и служителями. Отсюда герцогъ далъ знать кардиналу о своемъ прибытіи и просилъ его пріѣхать на островъ, такъ какъ онъ, герцогъ, на этотъ разъ въ Ригѣ быть не думаетъ.

Кардиналъ отправился на своей яхтѣ къ герцогу и началъ выговаривать ему, отчего онъ пріѣхалъ такъ тайно и не дозволяетъ оказать ему надлежащей почести. Но герцогъ не думалъ о почестяхъ, а сейчасъ же заговорилъ о печальномъ положеніи курляндскаго епископства и о большихъ потеряхъ, происходящихъ отъ того его подданнымъ, а потомъ заговорилъ и о письмѣ, присланномъ ему пильтенцами, именно о томъ, что король не только не думаетъ о войнѣ, напротивъ приказалъ вывести войска изъ епископства, упомянулъ также и о томъ, что кардиналъ собственноручно писалъ на польскомъ языкѣ полковнику, что нѣмцамъ никогда довѣрять не слѣдуетъ. Хотя всему этому герцогъ не вѣритъ, но, однакоже, дружески проситъ кардинала выяснить истинное положеніе дѣла.

Кардиналъ отошелъ въ сторону со своими людьми и, переговоривши съ ними, заявилъ, что король дѣйствительно приказалъ прекратить войну и вывести войско, но его королевское величество никогда бы не давалъ такого приказанія, если бы только зналъ, до чего, благодаря Бога, дѣла дошли, что пильтенцы не могутъ уже долго противиться. Онъ, кардиналъ, поступилъ, однакоже, согласно королевскаго приказа и писалъ польскому полковнику, чтобы онъ выступилъ изъ епископства, оставивъ тамъ одну президію (отрядъ), дабы не показать пильтенцамъ, что поляки бѣгутъ отъ нихъ. Что же касается до словъ кардинала, чтобы полковникъ не довѣрялъ нѣмцамъ, то эти слова слѣдуетъ понимать такъ, что полякамъ вообще нечего довѣряться нѣмецкой помощи и черезъ чуръ полагаться на нее. Пильтенцы, узнавъ изъ перехваченныхъ писемъ, что король не желаетъ войны, ободрились, сами открыли наступательныя дѣйствія, а многіе изъ пильтенцевъ начали грабить, разсѣялись по крестьянскимъ хатамъ и многихъ крестьянъ поубивали и хаты пожгли. И самимъ полякамъ они дали себя знать. самъ Пэнкославскій долженъ сознаться,

что пильтенцы храбрый народъ и если бы у нихъ было столько распорядительности, сколько мужества, то никто бы изъ поляковъ не ушелъ отъ нихъ. Вскорѣ послѣ того польскій полковникъ съ своимъ войскомъ выступилъ изъ княжества.

Въ то время, когда это происходило, король датскій отправилъ своего посла, польскаго дворянина (шляхтича) по имени Матвѣя Буднаго, въ Краковъ къ королю польскому, съ жалобою на кардинала за его дѣйствія въ Пильтенѣ. Король польскій въ свою очередь отправилъ въ Данію нарочнаго посла съ жалобою, что король датскій вступается за польскихъ мятежниковъ пильтенцевъ, ибо курляндское епископство должно было перейти къ коронѣ польской съ подчиненіемъ всей Ливоніи. А если бы пришлось разбирать дѣла съ самаго начала, то вѣдь епископъ Мюнхгаузенъ не имѣлъ права продавать за деньги кому либо свое епископство, такъ какъ продажа совершалась вопреки общаго писаннаго права и вопреки его собственнаго реверса. Въ этомъ своемъ реверсѣ, который и теперь еще можно видѣть, названный Мюнхгаузенъ обязывался, ничего не предпринимать, ничего не измѣнять, а тѣмъ болѣе что либо продавать безъ вѣдома и согласія магистра. Продажа совершилась вопреки публичной уступки ему земли. И такъ съ самаго начала контрактъ о продажѣ ничего не значилъ, какъ составленный вопреки писаннаго права, вопреки собственнаго обязательства и уставамъ земли той. Вслѣдствіе сего все то, что съ самаго начала не имѣло никакого значенія не можетъ пріобрѣсти значенія и впослѣдствіи. А если по настоящее время было терпимо происходившее при жизни герцога Магнуса, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы дозволенное ему владѣніе епископствомъ могло переходить кому либо по наслѣдству, за кѣмъ же было и за кѣмъ остается право раздачи бенефицій, это легко доказать. Нельзя оспаривать и того, что герцогъ Магнусъ, по удаленіи отъ московита, подчинился коронѣ польской, не упоминая уже о томъ, что послы короля датскаго, Улефельдтъ и Павелъ Венике, еще прежде уступили и передали великому князю московскому всѣ права герцога Магнуса по наслѣдованію, вслучаѣ его смерти; въ настоящее время московитъ всю Ливонію снова уступилъ королю польскому

Равно и то король датскій долженъ принять во вниманіе, что спрошенный въ началѣ нынѣшняго московитскаго похода, какъ бы онъ хотѣлъ поступить при этой войнѣ, онъ отвѣчалъ, что отправить войска не можетъ, а пришлетъ нѣсколько денегъ и за то, чтобы ему дали кусокъ земли. Однакоже онъ, король, денегъ не прислалъ и король польскій въ долгъ у него ничего не бралъ. Вслѣдствіе всего этого, такъ какъ король польскій былъ, при жизни герцога Магнуса, и есть, по его смерти, властителемъ епископства, а нынѣ нѣкоторые подданные того епископства бунтуютъ противъ своего властителя, потому король польскій напоминаетъ и проситъ короля датскаго не без-

покоить королевскихъ поссесій и недавать помощи бунтовщикамъ. Но если король датскій имѣетъ претензію, что ему за отданные за епископство деньги принадлежитъ что къ возврату, то пусть положится на судъ арбитровъ (полюбовный судъ) и тогда, что судьи присудятъ, король польскій отдастъ.

Георгъ Фридрихъ, маркграфъ бранденбургскій, герцогъ прусскій опасаясь, что оба короля могутъ разойтись между собою при раздражительной перепискѣ, принялъ на себя посредничество по дѣлу объ епископствѣ и на столько успѣлъ у короля датскаго, что тотъ ввѣрилъ ему это дѣло. Тогда герцогъ Георгъ Фридрихъ, не мѣшкая, отправилъ своего посла, Бюлова, къ кардиналу заявить о томъ, и потомъ у короля польскаго на столько успѣлъ, что тотъ согласился, дабы каждый спокойно владѣлъ тѣмъ, что занялъ, впредь до того времени пока оба государя, датскій и польскій, придутъ къ соглашенію между собою по дѣлу объ епископствѣ.

Въ то самое время, когда описанное происходило въ курляндскомъ епископствѣ, татаринъ съ большою силою вновь собрался на Днѣпрѣ и не задолго предъ тѣмъ прислалъ къ королю въ Краковъ своего посла требовать дани и возвращенія добычи, отнятой у нихъ, татаръ, казаками. Въ это же самое время и турокъ имѣлъ свое посольство у короля, которое просило, дабы король отдалъ татарину, брату турка, и дань и все, что у него отобрано. Ибо въ настоящее время турокъ побратался съ татариномъ, чтобы итти на персіанъ, и миръ съ императоромъ на восемь лѣтъ заключилъ, чтобы расчитаться съ персомъ. За тѣмъ явились послы воеводы волошскаго, которые съ своей стороны представляли коронѣ, что турецкое посольство между прочимъ домогается, чтобы король возвратилъ тѣ сокровища, которыя онъ забралъ у предшествовавшаго волошскаго воеводы, того самаго, котораго король обезглавилъ въ русскомъ Львовѣ за то, что онъ переписывался съ султаномъ и съ большими сокровищами хотѣлъ бѣжать въ Венгрію. Такъ пусть король удовлетворитъ могущественнаго турецкаго султана, дабы онъ не искалъ себѣ удовлетворенія съ волошской земли.

Король нѣсколько задержалъ пословъ, а между тѣмъ велѣлъ тайно собрать нѣсколько войска изъ нѣмцевъ, венгровъ и поляковъ, и послалъ то войско въ Подолію развѣдать, куда татаринъ думаетъ направиться. Но татаринъ смекнулъ это и отступилъ домой.

Въ сентябрѣ того же 1583 г литовцы начали споръ съ герцогомъ курляндскимъ изъ за границъ. Ибо въ тѣ времена, когда герцогъ былъ магистромъ и передалъ Ливонію коронѣ польской, а удержалъ за собою и своими преемниками Курляндію и Семигалію въ видѣ наслѣдственнаго лена, нельзя было провести точныхъ границъ, такъ какъ и безъ того московитъ надѣлалъ довольно хлопотъ землѣ. Но когда наступилъ миръ, литовцы начали настаивать на точномъ

проведеніи границъ. Вслѣдствіе этого, король назначилъ знатныхъ коммисаровъ для этой цѣли. Мельхіора (Гедройца) епископа жмудскаго, Яна Волминскаго каштеляна полоцкаго, и Вацлава Агрипу нотаріуса великаго княжества литовскаго[1]). Но коммисары не пришли ни къ какому соглашенію. Ибо литовцы хотѣли получить обратно населенную землю на 30 миль въ длину и готовы были присягнуть, что этою землею владѣли ихъ предки съ древнѣйшихъ временъ, но доказать документами этого не могли: не было того въ обычаѣ у литовскаго рыцарства. Курляндцы же доказали свое право на владѣніе грамотами и печатями, данными за полтораста лѣтъ тому назадъ. Обѣ стороны такъ и разошлись съ досадою другъ на друга, и дѣло отложили.

Въ ноябрѣ 1583 г король получилъ извѣстіе, оказавшееся вѣрнымъ, что турки королевскаго посла и конюшаго Полидовскаго (Подледовскаго) убили и всю его свиту порубили на кусочки, кромѣ небольшого мальчика, которому удалось чудеснымъ образомъ спастись и потомъ бѣжать оттуда. Вскорѣ послѣ того султанъ прислалъ къ королю посла съ письмами, въ которыхъ извинялся, что ничего не знаетъ о случившемся, но разузнаетъ про все обстоятельно и тогда пришлетъ знатное посольство, которое и донесетъ королю обо всемъ подробно. Между тѣмъ король послалъ одного своего придворнаго дворянина къ великому хану переговорить о томъ, чтобы ханъ прекратилъ безпрерывные набѣги крымскихъ татаръ на польскія земли. Всѣ татары главнѣйшимъ образомъ суть троякіе во первыхъ, казанскіе и астраханскіе. Этимъ татарамъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ московитъ причинилъ великій ущербъ и завоевалъ все астраханское царство. Другіе татары — это перекопскіе. Они живутъ далеко отъ Польши и потому не могутъ много вредить ей. Но крымскіе татары граничатъ съ Подоліею, разсѣлившись отъ Кіева вдоль по Днѣпру до Чернаго моря. Эти то татары производятъ частые набѣги переправляются чрезъ Днѣпръ, жгутъ, грабятъ и бѣгутъ назадъ за Днѣпръ.

У этихъ крымскихъ татаръ богатая и плодоносная земля, но они ее вовсе не обрабатываютъ, живя исключительно грабежемъ. Въ 1581 году, около Троицы, когда воевода Черкасскій (Вишневецкій) съ помощію князя Острожскаго разбилъ татаръ (какъ о томъ выше упомянуто), то мы прошли знатную часть ихъ земли, но нашли все въ ней необитаемымъ и запустѣлымъ. Трава тамъ растетъ такая высо-

---

[1]) Въ ливонткой хроникѣ Давида Хитреуса (Лейпцигъ, 1594) на стр. 77 означенъ коммисаромъ сверхъ того Станиславъ Нарушевичъ, инстигаторъ виленскій. Со стороны Курляндіи и Семигаліи коммисарами были: бургграфъ Вильгельмъ Эфернъ, Гергардъ Нольде, Михаилъ Брунау и Юрій Тизенгаузенъ. Коммисары эти, по четыре съ каждой стороны, и должны были отграничить земли литовскаго великаго княжества отъ земель герцогства курляндскаго и семигальскаго.

Прим. пер.

кая и такая плотная, что ѣхать по ней въ телѣгѣ невозможно: трава опутываетъ колеса и не пускаетъ телѣгу Въ лѣсахъ тамъ и деревьяхъ множество пчелъ. На одной сторонѣ холмовъ тамъ произрастаетъ растеніе, похожее на виноградную лозу, растеніе это и считаютъ дикимъ виноградомъ. Вообще земля бы тамъ все производила, если бы только нашелся кто, который воздѣлывалъ бы ее.

Былъ съ нами одинъ волынскій дворянинъ, по имени Войновскій, котораго намъ далъ Бретвичъ, староста трембовельскій. Войновскій былъ силезецъ родомъ; отецъ его не разъ бивалъ татаръ.

Онъ зналъ положеніе страны, былъ ученый и бывалый человѣкъ, былъ хорошимъ поэтомъ, искуснымъ историкомъ, зналъ хорошо по гречески и оттлично по еврейски, такъ что подольскіе евреи считали его своимъ евреемъ, хорошо зналъ и по татарски. Этотъ Войновскій добылъ изъ библіотеки въ Валахіи, когда деспотъ, посаженный паномъ Ласскимъ, былъ разбитъ турецкимъ губернаторомъ Александромъ, великолѣпныя рукописи (monumenta scripta) и между ними книги Цицерона de Republica ad Atticum, золотыми буквами написанные на пергаментѣ, а на оборотѣ имѣвшія какую то незнакомую намъ печать, которую можно было еще видѣть. Навѣрное эти книги принадлежали какому нибудь великому господину высоко цѣнившему ихъ. Этотъ-то Войновскій сказалъ нѣкоторымъ изъ насъ, не хочетъ ли кто ѣхать съ нимъ онъ покажетъ намъ истинную гробницу Овидія. Нѣкоторые изъ нашихъ согласились и мы на легкихъ коняхъ, ѣдучи отъ Днѣпра пустынею, на шестые сутки остановились на прелестнѣйшей площадкѣ у колодца, обросшаго свѣжею зеленью. Поодаль отъ этого колодца, на разстояніи какъ бы брошеннаго камня, Войновскій вынулъ свою саблю, скосилъ высокую траву, мы помогали ему, расчистили мѣсто и увидѣли остатки надгробнаго камня. Буквы на этомъ камнѣ заросли мохомъ, а кусокъ камня спереди было отбитъ и его не было. Мы отскребли буквы ножемъ, выжгли порохомъ, вычистили камень, и нашли, что все сказанное Войновскимъ оправдалось. Ибо на томъ камнѣ были высѣчены слѣдующіе четыре стиха

Hic situs est Vates, quem divi Caesaris ira,
Augusti Latio cedere jussit humo.
Saepe miser voluit patriis occumbere terris
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum.[1])

Слово Latio нельзя было прочесть и мы полагали сначала, что по всей вѣроятности и по буквамъ, тутъ должно быть изсѣчено patrio,

---

[1]) Т. е. Здѣсь положенъ старецъ, которому гнѣвъ божескаго цезаря Августа повелѣлъ покинуть латинскую землю. Часто несчастный желалъ лечь въ родной землѣ, но тщетно: судьба ему здѣсь дала мѣсто.

Прим. пер.

но какъ въ слѣдующемъ стихѣ снова встрѣчается сново patriis, то всѣ мы были такого мнѣнія, что невѣроятно чтобы тутъ нарочно или по неосмотрительности было два раза поставлено одно и тоже слово, потому мы и полагали, что это неясное слово слѣдуетъ читать Latio,а не patrio. Я это говорю къ тому, что если бы кто видѣлъ и читалъ или записалъ эту надпись, то чтобы не досадовалъ, что я такъ записалъ. Мы взяли съ дерева смолы, посредствомъ пороха на огнѣ превратили ее въ смольчугъ (черную смолу), и этою смолою залили буквы, чтобы они не такъ легко заростали мохомъ. Этотъ самый Войновскій разсказывалъ намъ, что на Волыни передавали ему, будто тѣло Овидія было перевезено въ Кіевъ. Но это не такъ впослѣдствіи мы тщательно разыскивали про это въ Кіевѣ, но ничего не могли ни разыскать, ни разузнать. Мѣсто, гдѣ находится этотъ надгробный камень, лежитъ на границѣ Греціи и было нѣкогда населено, какъ о томъ можно судить по древнимъ каменнымъ развалинамъ и по красивому колодцу Войновскій говоритъ, что отсюда недалеко до Чернаго моря, но мы не отважились ѣхать дальше.

Городъ Кіевъ въ древнія времена должно быть былъ великолѣпнымъ и обширнымъ городомъ. Это видно по старинным стѣнамъ, окружающимъ его на восемь миль, и по великолѣпнымъ большимъ церквамъ. Въ этихъ церквахъ имѣются красивые великолѣпные подземные своды (пещеры), а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ пещеръ лежитъ много нетлѣнныхъ тѣлъ, которые высохли, будто изжаренные, но не черные, а настоящаго человѣческаго цвѣта, чему нельзя довольно надивиться. Кіевляне говорятъ, что эти тѣла все тѣла мучениковъ. Татаринъ сюда не ходитъ для грабежа, потому что сколько разъ не пытался онъ приходить сюда всякій разъ не уходилъ безнаказанно не столько отъ людей, сколько отъ Бога. Въ одной изъ такихъ пещеръ лежитъ тѣло дѣвицы, красивое и пріятное по наружности, съ длинными свѣтлыми волосами, одѣтое въ небольшую драгоцѣнную и прозрачную ткань, совершенно нетлѣнное, такъ что всѣ члены можно распознать и осязать. Тамошніе жители вѣрятъ и говорятъ, что это есть тѣло великомученицы Варвары, но та ли она самая, какъ въ исторіи ея значится, пусть читатель самъ разслѣдуетъ и судитъ. Въ этихъ церквахъ имѣются большія каменныя колонны, будто вылитые, и разсказывалъ тамошній епископъ (онъ склоненъ къ лютеранскому ученію и происходилъ изъ литовскаго рода Пацовъ), что отъ Кіева до Смоленска (коимъ еще владѣетъ московитъ) идутъ подземные ходы, проведенные даже подъ широкую рѣку Днѣпръ, и всѣ эти ходы, презнатной работы:сколько же они стоили денегъ, труда и работы! Изъ этого легко можно понять, что за великолѣпный городъ былъ Кіевъ въ старину Кіевляне говорятъ, что то строили италіанскіе кунцы, а въ новѣйшія времена генуэзцы заботились, чтобы здѣсь снова выстроить

вольный портъ. Обо всемъ этомъ я упоминаю, ибо то упоминаетъ и объясняетъ исторія этихъ мѣстъ.

Хотя татаринъ, какъ выше сказано, и поворотилъ домой, но къ зимѣ снова появился съ большою силою и прошелъ всю землю, не доходя на 18 миль до московской границы, страшно все жегъ и и многія тысячи мущинъ и женщинъ взялъ въ плѣнъ и увелъ съ собою, между плѣнными было до 1500 знатныхъ пановъ и шляхты, а всѣхъ, кого татаринъ не полонитъ, продаетъ онъ туркамъ.

Въ это время лифляндскіе дворяне снова прибыли въ Вильну, повторили свои прежнія жалобы и просили короля, дабы онъ, ради Бога, пріостановился съ уничтоженіемъ ихъ древнихъ грамотъ и печатей, а бѣдныхъ изгнанниковъ, чтобы снова возстановилъ въ ихъ отческихъ наслѣдіяхъ.

Тогда же для пріема короля прибылъ въ Вильну великій подскарбій литовскій. Онъ заставилъ своего десятилѣтняго сынка выучить наизусть орацію (стихотворную рѣчь) въ листъ величиною, эту орацію мальчикъ долженъ былъ прочесть королю. Содержаніе орації было таково: ребенокъ поздравляетъ короля съ побѣдою надъ сѣвернымъ чудовищемъ московитомъ, король миръ и согласіе снова возстановилъ, чему онъ, мальчикъ, тѣмъ болѣе радуется, что чрезъ то свободныя искусства снова пойдутъ въ гору; далѣе онъ желалъ его королевскому величеству отъ Господа Бога много счастія и побѣдъ надъ всѣми врагами, а въ особенности же просилъ короля, чтобы онъ исполнилъ все то, исполненію чего препятствовала московитская война, именно: чтобы заморскихъ выходцевъ, наводнившихъ Ливонію, король уничтожилъ и за море назадъ выгналъ изъ этой земли, которая по справедливости принадлежитъ Литвѣ, ибо литовцы много тяжкихъ трудовъ и издержекъ понесли въ защиту этой земли. Все это лифляндцы относили къ самимъ себѣ, въ особенности когда по своимъ просьбамъ ничего не получили. Король, несмотря на ливонскія просьбы, не смотря на письма къ нему нѣкоторыхъ имперскихъ курфирстовъ и князей, послалъ въ Ливонію Пэнкославскаго, чтобы онъ вышеупомянутыя распоряженія и порядки, направленныя противъ нѣмцевъ, приводилъ въ исполненіе. Онъ началъ съ Кокенгаузена, но все земство протестовало противъ того и рѣшилось обратиться отъ короля худо распорядившаго это дѣло къ королю, который бы получше распорядился онымъ, а вслучаѣ, если бы король не принялъ ихъ ходатайства, они рѣшились обратиться ad aperta comitia (вальнаго сейма).

Выше было упомянуто, что полковникъ Георгъ Фаренсбахъ, намѣстникъ короля датскаго на Эзелѣ, съ позволенія своего государя, находился подъ Псковомъ. Король польскій обѣщалъ въ награду ему пожаловать ленъ въ его отечествѣ, Ливоніи, и вслѣдствіе того позволилъ ему просить о ленѣ у варшавскаго сейма, и что ему сеймъ назна-

читъ, то чтобы онъ этимъ и владѣлъ. Но на сеймѣ, происходившемъ послѣ похода, два года тому назадъ, ничего не было постановлено, какъ о томъ выше сказано. Но когда между королями польскимъ и датскимъ снова началась сильная рознь, то Фаренсбахъ и сталъ просить короля польскаго, чтобы онъ исполнилъ обѣщаніе, далъ ему что нибудь въ награду за службу подъ Псковомъ. Король далъ ему замокъ Каркусъ, тотъ самый, который принадлежалъ прежде герцогу Магнусу и къ которому было приписано не менѣе 1000 человѣкъ крестьянъ, кромѣ того приказалъ отпускать ему, какъ полковнику, по 1000 талеровъ въ годъ изъ рижской фунтъ-камеры и назначилъ его президентомъ всего венденскаго округа. Получивъ замокъ, Фаренсбахъ началъ выгонять дворянъ и другихъ людей, которымъ герцогъ Магнусъ далъ замковыя имѣнія въ лены, а лены эти приписалъ снова къ замку, а самъ отправился на Эзель. Этотъ островъ король датскій далъ ему въ пожизненное владѣніе: съ острова этого онъ могъ получать до 2000 гульденовъ въ годъ дохода и, получивъ его во владѣніе, далъ подписку королю датскому, что безъ его вѣдома, не будетъ служить никакому другому государю. Когда король датскій узналъ, что Фаренсбахъ получилъ отъ польскаго короля замокъ и назначенъ президентомъ венденскаго округа, то послалъ своего гофъ-юнкера, Георга Швабена, отобрать у Фаренсбаха островъ Эзель. Но Фаренсбахъ сказалъ, что лично прійдетъ въ Данію и, вслучаѣ нужды, оправдается предъ королемъ. Обо всемъ этомъ я вкратцѣ упоминаю для того, чтобы знать о поводахъ, ибо Фаренсбахъ изъ всѣхъ полковниковъ лицо очень извѣстное. Поѣдетъ-ли онъ въ Данію и какъ оправдается предъ королемъ — покажетъ время. То, однакоже, вѣрно, что король датскій очень разсердился на Фаренсбаха, и всѣхъ ливонцевъ, коихъ у него при дворѣ состояло много и нѣкоторые занимали важные довѣренные должности, уволилъ отъ службы.

Въ это же время прибылъ въ Гродну турецкій посланникъ Мустафа-Чаушъ, король также пріѣхалъ туда изъ Вильны. Посольство это привезло съ собою оправданіе по поводу убійства польскаго посла и конюшаго Подледовскаго, именно. онъ преступилъ границы своего полномочія, подошелъ къ войску, снаряженному султаномъ противъ персовъ, осматривалъ войско, вслѣдствіе чего, безъ всякаго вѣдома и повелѣнія султана, убили его. Султанъ посылаетъ виновныхъ въ убійствѣ къ королю, чтобы онъ казнилъ ихъ. Посолъ съ своей стороны требовалъ удовлетворенія за великія убытки, постоянно наносимые туркамъ казаками, и выдачи казацкаго гетмана, который подобно Подковѣ, повѣривъ обманнымъ словамъ, прибылъ въ Гродну и тутъ былъ заключенъ въ тюрьму Этотъ казацкій гетманъ былъ очень смѣлый воинъ и много зла причинилъ туркамъ, вотъ выдачи этого-то гетмана и требовалъ турокъ, выдавая королю головами двухъ какихъ-то безцѣльниковъ, которые, быть можетъ, и безъ того заслу-

жили казнь. Турецкому послу велѣли идти въ его квартиру и когда онъ ушелъ, король вслухъ всѣмъ разсказалъ, что этотъ Мустафа Чаушъ былъ при жизни отца короля въ Семиградѣ учителемъ въ аріатской школѣ. Когда его выгнали изъ школы, онъ ушелъ къ туркамъ и вотъ теперь сдѣлался посломъ могущественнаго государя. Онъ правилъ свое посольство на очень хорошемъ латинскомъ языкѣ; поляки говорили, что сколько турокъ ни присылалъ въ Польшу пословъ, до сихъ поръ не было ни одного, который посольство правилъ бы на латинскомъ языкѣ. Съ этимъ турецкимъ посломъ, знавшимъ по латыни, я познакомился. Онъ охотно пилъ вино и разсказывалъ, что ихъ нынѣшній султанъ почти ежедневно напивается пьянъ, и что обычай пить вино входитъ у нихъ въ употребленіе они въ вино кладутъ свѣжую полынь, и послѣ уже пьютъ. О Христѣ онъ говорилъ не только безъ всякаго презрѣнія, напротивъ говорилъ, что Христосъ выше Магомета, былъ гораздо большимъ пророкомъ чѣмъ послѣдній и былъ потому больше чѣмъ человѣкъ. Многіе просили его, чтобы онъ въ ихъ записныхъ книжкахъ кратко написалъ свое мнѣніе о Богѣ, нашемъ Христѣ Спасителѣ и Магометѣ и онъ написалъ такъ

Non sunt Dii, sed unus est vere Deus; Jesus est Spiritus Dei, et Mahometh ejus nuncius. Т. е. Нѣтъ многихъ боговъ, но дѣйствительно есть только одинъ Богъ; Іисусъ есть Духъ Божій, а Магометъ его посолъ или апостолъ.

О казацкомъ гетманѣ просили самые знатные паны и король, чтобы не отказывать имъ въ просьбѣ, велѣлъ этого гетмана отвести до русской границы, чтобы турки его не видѣли, и потомъ сказать имъ, что онъ убѣжалъ. Но скоро пришла вѣсть, что онъ всетаки попался въ руки туркамъ, которые и отрубили ему голову

Въ это же время пришло извѣстіе, что великій князь умеръ въ Москвѣ, но это извѣстіе было пока еще невѣрное, но вскорѣ прибыло посольство отъ нынѣшняго великаго князя въ траурной одеждѣ, которое подтвердило извѣстіе о смерти.

Въ концѣ апрѣля великій канцлеръ коронный Янъ Замойскій захватилъ Самуила Зборовскаго и приказалъ отрубить ему голову Разскажу вкратцѣ какъ было дѣло.

Самуилъ Зборовскій, Янъ, бывшій главнымъ начальникомъ подъ Гданскомъ, Андрей и Кристофъ, находившіеся вмѣстѣ съ паномъ Ласскимъ нѣкоторое время при дворѣ римскаго императора, были родные братья изъ знатнаго древняго рода короны польской. Самуилъ, во время короля Генриха, убилъ какого-то шляхтича и былъ за то приговоренъ къ изгнанію изъ края. Съ цѣлію освободится отъ изгнанія, онъ отправился во Францію и тамъ помирился съ Генрихомъ. Этотъ-то Самуилъ, со своими братьями Яномъ и Іоанномъ, какъ было уже сказано въ началѣ, знатное количество своего имущества выдали, чтобы Стефана Баторія сдѣлать королемъ въ Польшѣ. И точно: безъ

пановъ Зборовскихъ и ихъ приверженцевъ, король Стефанъ никакъ бы не достигъ польскаго престола. Я не говорю, чтобы Господь Богъ не дѣйствовалъ посредствомъ другихъ органовъ и другихъ лицъ, но все таки паны Зборовскіе въ сущности были истинные causae sine quibus non. На проскрипціи (изгнаніи) Самуила Зборовскаго не только не настаивали, но онъ много разъ присутствовалъ въ публичныхъ собраніяхъ въ Краковѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ находились и король и великій канцлеръ, всегда былъ хорошей мысли, такъ что никакъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ казненъ и по закону и по уставу за убійство шляхтича, но причины его казни были совсѣмъ другія, эти причины сохранялись въ тайнѣ и о нихъ не многіе знали въ Коронѣ Польской. Много толковъ изъ за этого возникло и не мало въ тѣхъ мѣстахъ было сомнѣній въ оправданіи поступка, потому я и разскажу вѣрное и правдивое объ ономъ.

Выше было сказано, что польскій король послалъ противъ татаръ нѣсколько войска, собраннаго на скорую руку Къ войску этому были, между прочими, назначены двое венгерскихъ господъ, Зибергъ и Цобаръ. Зибергъ сталъ на ночлегъ по ту сторону русскаго Львова, а Цобаръ заночевалъ въ самомъ Львовѣ. Въ постояломъ дворѣ, гдѣ онъ присталъ, попадается ему порядочный торбанисть, игравшій на торбанѣ какую-то фантазію про себя. Цобаръ, хорошо знавшій по польски и по нѣмецки, спрашиваетъ у этого торбаниста не нуждается ли онъ въ службѣ, если нуждается, то онъ, Цобаръ, дастъ ему мѣсто. Торбанистъ отвѣчалъ, что служитъ у пана Самуила Зборовскаго. Какъ только Цобаръ услышитъ это имя, то сейчасъ же сталъ распрашивать торбаниста про этого пана, ибо ходила такая догадка, что Зборовскій не прочь былъ сдѣлаться казацкимъ гетманомъ. Вотъ Цобаръ выпилъ вмѣстѣ съ торбанистомъ и спрашиваетъ, гдѣ его панъ въ настоящее время. Торбанистъ отвѣчаетъ, что онъ находится недалеко отъ Львова. Цобаръ спрашиваетъ дальше, что же Зборовскій подѣлываетъ въ этихъ мѣстахъ, коли слухъ идетъ про татарскій набѣгъ? Торбанистъ отвѣчалъ, что Зборовскому нужно тутъ переговорить кое съ кѣмъ и прибавилъ, что тутъ великія дѣла замышляются. Цобаръ подсѣлъ къ торбанисту и, слушая его игру, похвалилъ его искусство, подарилъ ему пару венгерскихъ гульденовъ; снова они выпили, снова Цобаръ подсѣлъ къ нему и говоритъ, что его панъ не очень-то старается предъ королемъ, что де ссоры съ великимъ канцлеромъ его, Зборовскаго, къ добру не поведутъ. Торбанистъ, съ пьяныхъ-ли глазъ, или по глупости своей, начинаетъ вздыхать и говоритъ, что хотѣлъ бы съ честью отстать отъ своего пана, ибо Зборовскіе такія дѣла затѣваютъ, что, какъ вспомнишь, такъ волосъ дыбомъ становится. Цобаръ, развѣдавши такъ много, подсѣлъ еще ближе, и говоритъ, что доставитъ ему службу у короля, что ему подобаетъ быть вѣрнымъ больше королю, чѣмъ невѣрному пану, а если знаетъ что худое про своего

пана, то долженъ сказать, и увѣрилъ его, что ему рѣшительно нечего бояться. Торбанистъ обѣщалъ все открыть, но какъ въ этотъ вечеръ онъ пьянъ, то пусть Цобаръ дастъ ему срока до утра. Чтобы торбанистъ не забылъ къ утру своего обѣщанія и помнилъ о немъ, Цобаръ вынулъ свою записную табличку (книжку) и говоритъ, чтобы торбанистъ самъ написалъ въ ней, что завтра откроетъ замыслы Зборовскаго противъ короля. Торбанистъ написалъ. Въ эту же ночь съ великою поспѣшностію Цобаръ послалъ своего служителя къ Зибергу, чтобы тотъ его не ждалъ, что ему, Цобару, предстоитъ идти дальше во имя Господа Бога, ибо онъ провѣдалъ про такіе замыслы, которые угрожаютъ жизни короля и собственному ихъ всѣхъ благополучію, о чемъ онъ скоро самъ ему разскажетъ. Онъ приказалъ также своему повару приготовить къ утру хорошій завтракъ и чтобы, прежде чѣмъ проснется торбанистъ, на столѣ стояла мальвазія и другіе конфекты. Самъ Цобаръ совсѣмъ снарядился въ дорогу и, говоря, что ему нельзя ждать даже четверти часа, торопилъ торбаниста присѣсть и попробовать конфектъ, а между тѣмъ хозяинъ приноситъ супъ и другія кушанья. Цобаръ показываетъ видъ, что кушанья не нужно и онъ не заказывалъ ихъ, но напослѣдокъ говоритъ, что коли приготовлено, то и поѣдимъ. Онъ тогда велѣлъ своимъ телѣгамъ и нѣкоторыимъ гофлейтамъ отправляться впередъ и указалъ мѣсто, гдѣ имъ подождать его. Начинаетъ онъ съ торбанистомъ снова пить, хвалитъ его искусство и снова даритъ нѣсколько венгерскихъ гульденовъ. Торбанисту, не очень то, быть можетъ, много видавшему отъ своего пана венгерскихъ червонцевъ, понравилось все это; онъ и говоритъ, что-де большую охоту имѣетъ служить при королевскомъ дворѣ. Цобаръ подаетъ ему руку, прощается съ нимъ, говоря, что пора ему ѣхать, расчитывается съ хозяиномъ и вынимаетъ свою записную книжку посмотрѣть, не забыто-ли чего. Притворяясь, что теперь только онъ увидѣлъ написанное вчерашнимъ вечеромъ торбанистомъ, напоминаетъ, что это его рука и обѣщаніе и потому, коли что знаетъ про замыслы Зборовскихъ, то пусть ему разскажетъ. Торбанистъ говоритъ, что-де разскажетъ, если изъ того не выйдетъ никакой опасности для него и если для него при дворѣ будетъ служба у другаго господина. Тогда Цобаръ подалъ ему руку въ знакъ завѣренія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, кто онъ такой и зачѣмъ его посылаютъ. Ну, коли такъ, сказалъ торбанистъ, то знайте, что панъ Самуилъ Зборовскій находится отсюда въ нѣсколькихъ миляхъ; я доставлю вамъ подлинныя письма, писанныя къ Самуилу его братьями, а изъ писемъ тѣхъ можно видѣть, что они, Зборовскіе, уговорились между собою отравить короля и отрубить голову великому канцлеру Пусть только Цобаръ выставитъ своихъ лошадей на полъ-дорогѣ на тотъ случай, что если Зборовскій въ скорости хватится и не найдетъ нѣкоторыхъ писемъ, то велитъ преслѣдовать его и нагонитъ, если у него, торбаниста, не бу-

детъ подставныхъ лошадей. Такъ и сдѣлали: торбанистъ явился обратно и принесъ съ собою нѣсколько писемъ, которыми трое братьевъ, Самуилъ, Андрей и Криштофъ, обязывались между собою дѣйствовать, какъ выше сказано. Въ письмахъ этихъ признали ихъ руки и печати. Тогда Цобаръ и Зибергъ посадили этого торбаниста на лучшаго коня, дали ему въ провожатые нѣсколькихъ изъ своихъ людей и отправили его къ королю съ письмами и донесеніями. Король въ это время находился еще въ Краковѣ съ великимъ канцлеромъ и сейчасъ же назначилъ торбанисту хорошее содержаніе. Между тѣмъ Зборовскій провѣдалъ, что его торбанистъ находится въ Краковѣ и, не зная, что онъ находится у короля, пишетъ одному изъ своихъ шурьевъ, чтобы тотъ слѣдилъ за торбанистомъ и буде гдѣ его встрѣтитъ, то, чтобы отослалъ его обратно къ нему, Зборовскому Шуринъ встрѣтилъ торбаниста въ краковскомъ замкѣ и велѣлъ своимъ слугамъ взять его оттуда, но слуги великаго канцлера замѣтили то и немедленно же дали знать ему, что хотятъ брать торбаниста. Великій канцлеръ сошелъ внизъ и говоритъ шурину Зборовскаго, чтобы онъ оставилъ торбаниста въ покоѣ, что торбанистъ состоитъ уже въ королевской службѣ и служитъ королю вѣрнѣе, чѣмъ Зборовскіе. Когда шуринъ обо всемъ этомъ извѣстилъ Зборовскаго, то Зборовскій догадался, что великій канцлеръ видѣлъ письма, что эти письма перенесены торбанистомъ и такимъ образомъ ихъ замыслы обнаружатся. Въ этихъ письмахъ не упоминалось имени Яна Зборовскаго, брата Самуилова, потому онъ, увѣдомленный объ этихъ дѣлахъ, или же по просьбѣ братьевъ, не мѣшкая пошелъ къ королю и просилъ его величество бѣглому проходимцу, торбанисту, не вѣрить. Но король показалъ ему письма и печати, тогда обезкураженный Янъ Зборовскій долженъ былъ удалиться и молчать. Зборовскіе начали оправдываться предъ королемъ и напирали на то, что и письма и печати вовсе не ихъ, а если рука и похожа, то все же они писемъ никакихъ не писали. Пусть король вспомнитъ, что у него самаго недавно еще былъ секретарь, который могъ писать подъ всѣ руки, такъ что самъ король не могъ признать, что онъ самъ писалъ, а что водилъ перомъ тотъ негодяй. Вслѣдствіе чего, они просили короля, чтобы онъ, согласно польскаго статута, выдалъ имъ бѣглеца, торбаниста, или же, по крайней мѣрѣ отослалъ бы его въ такое мѣсто, гдѣ бы можно было искать на немъ своего права. Кромѣ того они обвиняли торбаниста въ томъ, что онъ чернокнижникъ (Nigromanticus) и потому тѣмъ легче можетъ поддѣлывать всякую руку Но торбанистъ въ скоромъ времени исчезъ или бѣжалъ куда, когда увидѣлъ, какую игру онъ затѣялъ, а можетъ быть куда нибудь его и запрятали, чтобы его не убили и чтобы впослѣдствіи можно было поставить его свидѣтелемъ. Многіе, жившіе съ нимъ вмѣстѣ, разсказываютъ, что то былъ большой проходимецъ и, кажется, кое что смыслилъ и въ чернокнижіи.

Все это такъ шло въ теченіе цѣлаго года, пока наконецъ въ концѣ апрѣля 1584 г великій канцлеръ, послѣ потери своей жены, долженъ былъ ѣхать изъ Книшина въ Краковъ въ трибуналъ. Онъ узналъ, что Самуилъ Зборовскій съ тремя стами всадниковъ поджидаетъ его. Онъ поѣхалъ очень медленно, сворачивая съ большой дороги. Между тѣмъ онъ поспѣшно донесъ королю, чтобы получить отъ него приказъ и наставленіе какъ поступить, если Зборовскій попадется ему въ руки. Получивъ отъ короля отвѣтъ, что мертвый песъ не кусается (quod mortuus canis non morderet), великій канцлеръ незамѣтно собирается съ силами, а Зборовскій, будучи вполнѣ увѣренъ въ своей безопасности гостилъ у дочери своей сестры въ Неполомицахъ въ трехъ миляхъ отъ Кракова, а его свита вся разсѣялась по деревнѣ. Тутъ люди великаго канцлера сдѣлали внезапное нападеніе, а Зборовскій, видя что ему не миновать плѣна, выбѣжалъ въ одной рубашкѣ изъ своей комнаты и скрылся въ домѣ своей пріятельницы. Люди канцлера прибѣжали вслѣдъ за нимъ, и онъ, видя невозможность скрыться куда либо, спрятался позади своей пріятельницы и другихъ женщинъ. Его нашли, схватили и увели оттуда, потомъ принесли его одежду, позволили ему одѣться, но сундуки забрали подъ стражу Предъ отправленіемъ своимъ въ Краковъ, великій канцлеръ писалъ къ вдовѣ убитаго Зборовскимъ шляхтича, не желаетъ-ли она принести жалобу на Зборовскаго, но она отвѣтила, что если канцлеръ и король имѣютъ что противъ Зборовскаго, то пусть и дѣйствуютъ противъ него, она же на этотъ разъ со своею жалобою мѣшаться не будетъ. Великій канцлеръ пошелъ въ тюрьму къ Зборовскому и говоритъ, что ему, канцлеру, крайне прискорбно, что онъ свои дѣла не повелъ иначе, и что онъ, канцлеръ, очень бы желалъ, чтобы Зборовскій не запутывался въ нихъ. Но когда ужь такъ вышло, то пусть онъ прочитаетъ королевское письмо и приказъ. онъ тогда узнаетъ, что тутъ Замойскій ни при чемъ, но строгій королевскій приказъ повелѣваетъ начать противъ него, Зборовскаго, подобный процессъ. Потому Замойскій и проситъ Зборовскаго извинить его, и помнить, что то есть кара и судъ Господа Бога, а также помнить, что король и онъ, канцлеръ, не разъ предостерегали его чрезъ знатныхъ персонъ. На это Зборовскій отвѣчалъ. онъ хорошо видитъ, что на то есть королевскій приказъ, но что все несчастіе его есть дѣло канцлера, то на это имѣетъ достаточныя доказательства. За тѣмъ онъ спросилъ. не могло ли бы какъ иначе повернуться дѣло и неужели королю и ему, канцлеру, такъ нужна ужь его жизнь. Канцлеръ снова началъ его просить, чтобы онъ не считалъ его виновникомъ своей смерти и чтобы сознался, что онъ самъ виною своего несчастія, но если свое дѣло желаетъ представить на судъ Божій и потребуетъ духовника для христіанской исповѣди, то въ томъ отказа не будетъ. Но Зборовскій никакъ не хотѣлъ признать, что канцлеръ неповиненъ въ его смерти, напротивъ

все твердилъ, что онъ причиною его смерти, что на страшномъ судѣ Христовомъ онъ призоветъ его къ отвѣту Тогда канцлеръ прослезился, слезы потекли по его щекамъ и онъ именемъ Господа Бога заклиналъ Зборовскаго извинить и простить ему, ибо то былъ королевскій приказъ. Наконецъ Зборовскій отвѣтилъ, что, если ужь онъ проситъ ради Создателя, то прощаетъ ему, но на ономъ страшномъ судѣ пусть канцлеръ запасется хорошими ораторомъ и адвокатами, ибо онъ будетъ взывать къ Господу Вогу о мщеніи. Онъ потребовалъ духовника. Къ нему допустили католическаго ксендза, который былъ нѣсколько пьянъ и началъ вдаваться съ нимъ въ диспуты. Вслѣдствіе этого Зборовскій не захотѣлъ исповѣдываться, но всю ночь пролежалъ на землѣ, оплакивая свой грѣхъ, такъ что весь полъ омочилъ своими слезами. Раннимъ утромъ у малыхъ дверецъ замка его казнили въ тайнѣ.

Этотъ процессъ Зборовскаго произвелъ сильное раздраженіе не только между друзьями его, но и во всей Польшѣ. Выше было сказано, что сеймъ 1582 г. разошелся, ничего не порѣшивъ, ибо послы никакъ не соглашались допускать, чтобы король могъ судить дворянина безъ приговора трибунала и государственныхъ чиновъ и измѣнять шляхетскія привиллегіи.

Незадолго предъ Тройцею въ этомъ году въ Варшаву прибыли московитскіе послы въ траурныхъ одѣяніяхъ. Они сообщили вѣрное извѣстіе, что великій князь Іоаннъ Васильевичъ умеръ 20 марта; и передали королю два письма, одно отъ великаго князя, а другое отъ польскаго посланника. Эти письма гласили слѣдующее

Ѳеодоръ Іоанновичъ, великій князь всея Руси, владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій и астраханскій и т. д. великій князь смоленскій, ливонскій и всея Сибири и пр. брату нашему, великому князю Стефану Посылаемъ къ тебѣ, братъ нашъ король Стефанъ, посла нашего Андрея Яковъ-кира Измайлова, и что онъ тебѣ устно скажетъ, можешь ему смѣло вѣрить. Дано въ нашемъ замкѣ нашего княжества московскаго 9 апрѣля 1584 г

Другое письмо было слѣдующаго содержанія

Послалъ ты къ нашему блаженной памяти родителю посла твоего Льва Сапѣгу, поелику же родитель нашъ не былъ уже въ живыхъ и твой посолъ уже не нашелъ его, потому онъ и не хотѣлъ объявлять намъ своего посольства за неимѣніемъ отъ тебя на то приказа, а сказалъ своему приставу, чтобы онъ привелъ его къ боярамъ, съ которыми онъ имѣетъ переговорить нѣчто. Когда мы узнали отъ нашихъ бояръ о желаніи твоего посла, то и согласились на оное, чтобы онъ въ нашемъ замкѣ видался съ ними. Посолъ твой съ нашимъ бояриномъ княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Трубецкимъ (Trubicum) и другими переговаривалъ и заявилъ, что онъ тебя, нашего брата, къ родителю нашему, великому князю московскому, посланъ по важ-

нымъ дѣламъ. Но какъ онъ не засталъ родителя нашего въ живыхъ, то и не пригоже ему, послу, править такъ его посольство, и онъ проситъ, чтобы мы послали къ тебѣ, нашему брату Стефану, нашихъ пословъ, а ему дозволили возвратиться домой. Мы съ тобою, нашимъ братомъ Стефаномъ, живущіе въ мирѣ, послали къ тебѣ нашего посла съ тѣмъ, чтобы Левъ Сапѣга могъ удалиться отсюда, а посолъ нашъ, чтобы приложилъ стараніе, дабы христіанство между нами въ мирѣ пребывало. А поелику блаженной памяти родитель нашъ съ тобою нашимъ братомъ доброе дѣло началъ и распорядилъ, потому и мы желаемъ, чтобы ты, нашъ братъ, это доброе дѣло мира укрѣпилъ и установилъ, дабы братская любовь между нами множилась для упроченія мира въ нашемъ христіанствѣ. А когда посолъ нашъ, Проня Толстой, съ нашими письмами придетъ къ тебѣ, то не задерживай его, а не мѣшкая отправь обратно. Напиши также къ твоему послу, Льву Сапѣгѣ, чтобы устроилъ между нами миръ и подтвердилъ. Дано, какъ выше, 12 апрѣля 1584 г

При этомъ и Левъ Сапѣга, посланный около Срѣтенія еще при жизни стараго московита въ Москву съ приличествующими подарками, писалъ королю нижеслѣдующее

Послы, которыхъ великій князь и его бояре шлютъ къ вашему королевскому величеству, какъ я уразумѣлъ, имѣютъ главною цѣлію заключеніе мира; я со своей стороны не желаю вѣрить, чтобы ваше величество легко согласились на миръ. Ваше величество сами знаете въ какомъ положеніи находится эта страна. Ненависть и раздоръ господствуютъ между самыми знатными лицами, какъ я о томъ уже писалъ прежде, а это означаетъ ихъ упадокъ. Нынѣ самое удобное время покорить это государство, и объ этомъ уже здѣсь думаютъ и явно говорятъ, что ваше королевское величество не упустите этого случая и, какъ я слышалъ отъ здѣшнихъ бояръ, они сами мысленно уже присоединяютъ къ вамъ оба княжества, Смоленское и Сѣверское, а Бѣльскій даже пророчествуетъ (дай Богъ, чтобы оправдалось), что ваше величество въ скоромъ времени будете въ самой Москвѣ. И это вполнѣ возможное дѣло, ибо ваше величество, овладѣвъ съ Божіею помощіею Смоленскомъ, не встрѣтите до самой Москвы никакой крѣпости, которая бы могла задержать васъ, такъ какъ замки, находящіеся между Смоленскомъ и Москвою, какъ то Дорогобужъ, Вязьма и Можайскъ находятся въ совершенномъ упадкѣ и могутъ быть взяты безъ всякаго труда, тѣмъ болѣе, что многіе, а особенно Бѣльскій, благопріятствуютъ вашему величеству Тутъ такъ думаютъ, что Бѣльскій вмѣстѣ съ казаками, которые бѣжали изъ подъ Пскова, скоро будетъ при вашемъ величествѣ. Онъ это замышлялъ, когда предвидѣлъ смерть великаго князя, но его никто не бралъ въ подозрѣніе, и Павликъ, бывшій казацкимъ гетманомъ, въ настоящее время освобожденъ и пр.

Король польскій не медлилъ обратнымъ отправленіемъ московскихъ пословъ и своему послу, Льву Сапѣгѣ, который долженъ былъ ожидать въ Москвѣ ихъ возвращенія, далъ для руководства слѣдующую инструкцію:

Стефанъ и пр. Изъ твоего предшествовавшаго письма мы узнали, почему ты о смерти великаго князя московскаго Іоанна Васильевича о тайныхъ и тихихъ похоронахъ его и о тяжеломъ своемъ сбереженіи не писалъ намъ своевременно, а также и о томъ, что ты тяготишься долговременнымъ своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Изъ этого мы познаемъ твое усердіе и ревность служить намъ и общей пользѣ. Ты доносишь намъ то, что мы милостиво узнаемъ и увѣрены, что ты и впредь такъ поступать будешь, именно прилежно будешь узнавать все то, что намъ необходимо знать. А что ты посольства своего великому князю Ѳедору не объявилъ, хотя онъ и требовалъ того, то ты это хорошо сдѣлалъ. О томъ же, что нынѣшній великій князь намъ писалъ и что велѣлъ устно объявить чрезъ посла своего Андрея Яковъ-кира, мы сообщаемъ тебѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ, чтобы ты и впредь оставался при великомъ князѣ, ради чего посылаемъ великому князю вѣрющую грамоту, а тебѣ особую инструкцію, по которой ты долженъ расположить свои дѣйствія. По полученіи этой инструкціи, ты долженъ заявить великому князю, что желаешь говорить съ нимъ секретно, именно о полученномъ нами вѣрномъ извѣстіи, что Синаинъ-паша донесъ султану, что не только татары, но и подданные великаго князя, живущіе по Днѣпру, сильно вредили турецкому войску, возвращавшемуся съ персидскаго похода, и нѣкоторыхъ убили, и что турокъ на томъ стоитъ, чтобы добывать Астрахань для легчайшаго и вѣрнѣйшаго прохода въ Персію. Мы желаемъ предостеречь великаго князя объ этомъ. Если бы послѣ того бояре спросили, почему мы не хотимъ брать ихъ опасныхъ грамотъ для нашихъ пословъ, то ты имъ долженъ отвѣчать, что мы въ оныхъ не нуждались, и хотя родитель его прислалъ такія грамоты чрезъ Архора Нащокина (Archora Nossgokin), чтобы мы наше посольство по онымъ прислали, но мы однакоже объ этомъ ничего не писали и тѣхъ грамотъ не взяли, и когда Нащокинъ получилъ совершенный отпускъ, то просилъ еще разъ аудіенціи, показалъ намъ вѣрющую грамоту великаго князя и просилъ, что если мы нашихъ пословъ не пошлемъ, то чтобы мы дали опасныя грамоты ихъ посламъ, что мы и учинили, и великокняжескіе послы по онымъ грамотамъ прошли чрезъ все наше государство до самыхъ Великихъ Лукъ. Обычай этотъ потому не могъ быть измѣненъ, что унія Короны Польской съ Литвой требуетъ, дабы въ такихъ важныхъ дѣлахъ распоряжался единственно общій сеймъ. И хотя нынѣшній великій князь заявляетъ намъ свою дружбу, но на дѣлѣ оказываетъ противное, ибо пишетъ себя княземъ ливонскимъ. Его родитель владѣлъ частію Ливоніи, которую намъ усту-

пилъ, нынѣшній же великій князь ничѣмъ въ Ливоніи не владѣетъ, потому и титуловаться ливонскимъ княземъ не можетъ. Кромѣ того мы съ родителемъ его спорили о Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ, прилегающихъ къ великому княжеству литовскому и издревле ему принадлежащихъ, но однакоже воздерживаемся именоваться въ нашемъ титулѣ княземъ этихъ земель. Но если бы объ этомъ могъ состояться подобающій договоръ или соглашеніе, то дѣло могло бы обойтись безъ пролитія крови христіанской, чему мы были бы очень рады. Чтобы показать наше усердіе и стараніе о пользахъ христіанства, гдѣ возможно, посылаемъ вмѣстѣ съ симъ опасную грамоту для московитскихъ пословъ, дабы они могли присутствовать у насъ на сеймѣ, который мы съ Божіею помощію откроемъ въ концѣ текущаго года для обсужденія происшедшихъ тяжелыхъ дѣлъ, а также и разногласій, возникшихъ между нами и его родителемъ. Мы приказали, какъ онъ желалъ, сохранять миръ по границамъ. Что же касается до плѣнныхъ, то ты долженъ приложить всякое стараніе къ освобожденію двухъ слугъ князя Троцкаго, такъ какъ они взяты въ плѣнъ съ бою. О другихъ плѣнныхъ ты разузнай, взяты-ли они съ бою или во время какихъ казацкихъ набѣговъ, и тогда будешь знать какъ поступать для ихъ освобожденія. Что касается до твоего строгаго содержанія, о которомъ ты пишешь въ своемъ письмѣ, то наши паны-рада говорили о томъ съ московитскими послами и дали имъ понять, что если у нихъ подобнымъ образомъ обходятся съ нашими послами, то мы перестанемъ посылать къ нимъ пословъ, ибо вольную шляхту посылать къ нимъ не подобаетъ. Они должны такъ обходиться съ нашими послами, какъ наши сословія обходятся съ ихъ послами, ибо даже съ татарскими послами они обходятся лучше, чѣмъ съ нашими, и пр.

Когда московскій великій князь видѣлъ, какъ указано выше, смерть передъ глазами (онъ долго былъ боленъ и опухъ, и тѣло такъ разложилось, что невозможно было вынуть внутренностей, онъ умеръ 26 марта, а 28 марта его похоронили тихо и безъ всякой огласки), то позвалъ къ себѣ своихъ бояръ и наказалъ имъ, чтобы они его втораго сына, Ѳеодора Іоанновича, признавали и почитали великимъ княземъ (старшаго своего сына онъ пронзилъ палкою, которую обыкновенно носилъ, за то, что тотъ совѣтовалъ заключить миръ). А такъ какъ Ѳеодоръ былъ нѣсколько тупоуменъ, потому умирающій великій князь и пожелалъ, чтобы четверо старшихъ бояръ, которыхъ онъ позвалъ и представилъ, состояли при Ѳеодорѣ и правили государствомъ. Онъ говорилъ имъ, что лучше быть подъ неразумнымъ, но своимъ государемъ, чѣмъ подъ умнымъ, но чужимъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ онъ велѣлъ казнить своего двоюроднаго брата, его жену и дѣтей, подозрѣвая его въ намѣреніи овладѣть престоломъ. Осталась въ живыхъ молоденькая дочь этого князя Владиміра и то по-

тому, что великому князю сказали, что она на него похожа. Эту-то молоденькую дѣвушку великій князь и отдалъ въ замужество за герцога Магнуса.

Теперешній московскій князь Ѳеодоръ былъ всегда презираемъ своимъ родителемъ за то, что тотъ во всѣхъ дѣлахъ являлся неспособнымъ онъ однажды самъ побѣжалъ въ церковь и началъ звонить. И Сапѣга, королевскій посолъ, доносилъ, что невидно въ немъ разума. Но московиты говорили, что онъ только притворялся такимъ, ибо видѣлъ, что отецъ любитъ только старшаго сына, и потому боялся за свою жизнь. Но и то быть можетъ, что московиты такъ говорятъ, не желая, чтобы про нихъ разсказывали, что у нихъ государь не разуменъ. Приставленные къ Ѳеодору четыре боярина, вскорѣ по смерти великаго князя, перессорились между собою, потому весьма было возможно, что двинься король Стефанъ въ то время на Москву, то овладѣлъ бы всѣмъ московскимъ государствомъ. Но не судилъ того Господь Богъ. яблоко раздора вверглось между королемъ и польскими сословіями, такъ что не было у нихъ согласія въ дѣлахъ. А овладѣй король Москвой, то не только бы пріобрѣлъ достаточно народа и земли, но и овладѣлъ бы несмѣтными сокровищами, оставленными великимъ княземъ, а въ отвагѣ на великія и обширныя дѣла недостатка у Стефана не было.

Польскія сословія за два года тому назадъ ни на что не дали своего согласія, отчего разногласіе между государемъ и его подданными увеличивалось болѣе и болѣе. И хотя король въ февралѣ снова созвалъ сеймъ, но, по причинѣ дѣла Зборовскихъ, на этомъ сеймѣ немногаго было достигнуто. Короля на этомъ сеймѣ нѣкоторые послы рѣзко осуждали, однакоже, не только все осталось по старому, но Христофъ Зборовскій былъ лишенъ чести и осужденъ на изгнаніе, и если онъ не остережется во время, то и его постигнетъ участь его брата.

Король на этомъ сеймѣ безпрепятственно производилъ уголовный судъ, и снова казнилъ нѣсколькихъ дворянъ. Одинъ пильтенскій дворянинъ, Бонецкій, долженъ былъ быть обезглавленнымъ, но палачь нанесъ ему лишь несмертельную рану, разсѣкъ затылокъ между ушами, и Бонецкій спасся отъ смерти.

На этотъ же сеймъ прибыло знатное московитское посольство въ 300 человѣкъ и просило о продолженіи мира. Король и нѣкоторые паны охотно бы начали войну, но земля и все шляхетство войнѣ воспротивилось, ибо хотя нѣкоторые воеводы и стали на сторонѣ короля, но если земскіе послы, избираемые отъ шляхетства, на что не согласятся, то съ тѣмъ ничего нельзя и подѣлать. Большинство въ другое время, быть можетъ, и пристало бы къ королю, но теперь земскіе послы, по поводу дѣла Зборовскихъ, ни на что не соглашались ,и такъ недовольные разъѣхались и съ этого сейма. Какой конецъ изъ этого выдетъ, покажетъ время.

Быть можетъ найдется кто либо, кто заохоченный моими исторіями, будетъ прилежно слѣдить за будущими событіями. А поелику при королѣ Стефанѣ начались большія перемѣны, то и слѣдовало бы таковыя оцѣнить, но и поразмыслить какъ Господь Богъ ведетъ къ перемѣнамъ, ему угоднымъ. Все что я лично видѣлъ и слышалъ, я вкратцѣ изложилъ въ этой книгѣ на нѣмецкомъ языкѣ, предполагая издать то и по латыни. Ливонскіе войны и перемѣны, а также дѣло Зборовскихъ въ свѣжей памяти у всѣхъ. Я не только имѣлъ въ виду поученіе изъ событій прошлаго, но писалъ, чтобы можно было поразмыслить и позамѣтить и послѣдующія событія, совершившіеся при настоящемъ королѣ, а другихъ выяснить причины.

Выписка изъ повѣсти о псково-печерскомъ монастырѣ

о прихожденіи литовскихъ людей и о побѣдѣ на нихъ[1]).

(Для сличенія съ записками Миллера на стр. 135 и 136).

Въ тоже время, егда король Стефанъ Аббатуръ (Баторій) стояще у града Пскова, воинстіи его людіе добываху себѣ и конемъ кормлю, по селомъ во всей Псковстей Области, пачеже въ Ливонстей земли ѣздяху, и до самаго Юрьева града, по лѣсомъ и по блатомъ, и по островомъ, на великомъ Псковскомъ езере, — взыскующе забѣглыхъ людей, — имѣнія же, коровъ и коней, въ плѣнъ себѣ имаху Людіе же простіи и поселяне, на Господа Бога надежду возлагающе и на Пречистую Богородицу, выхождаху изъ градовъ осадныхъ, съ Изборска, изъ Печерскаго монастыря, изъ Гдова, и изъ Юрьева Ливонскаго, и изъ Новаго-Городка, тѣхъ Литовскихъ людей по селомъ и по лѣсомъ имаху живыхъ, а иныхъ побиваху, и грабленныя у нихъ отнимаху И по сихъ октября въ 10-й день (1581 года — *январскаго*), отпущены отъ короля Литовстіи воини во свою землю со многимъ имѣніемъ своимъ и съ плѣнными, телѣгъ возничыхъ яко до тридесяте и болѣ; бѣже путешествіе ихъ ото Пскова, на печерскій монастырь, въ Ливонскую землю. И егда достигоша Печерскій монастырь, тогда Печерскаго монастыря людіе устремишася на нихъ и прогнаша ихъ и имѣніе ихъ все поимаша и въ монастырь привезоша; и на утріе такожде ѣхаша отъ Пскова Ливонстіи людіе, яко до трехъ сотъ, съ плѣнники, и со множествомъ имѣнія, въ нихъ же бѣ плѣненъ рижской Нѣмчинъ Еѳимъ, посланъ бяше изъ Риги къ Королю за зеліе златыхъ имати — и Поспѣлъ Солицынъ зъ женою и здѣтми, — бѣ же плѣненъ отъ Литвы во области Великаго Нова-града, — и иніи мнози взяша же у нихъ и два колокола, еже плѣниша въ Кобыл-

---

[1]) Выписка эта издана въ Псковѣ въ 1881 г. преосвященнымъ Павломъ, епископомъ псковскимъ и порховскимъ.

ской волости у Храма Святаго Николы чюдотворца на погостѣ на Полной. Колоколы же оные и до нынѣ въ Печерскомъ монастырѣ, на извѣщеніе родомъ грядущимъ, поставлены у Церкви Святаго Николы чюдотворца на вратѣхъ; въ то же время взяша и велбуда, и побиша литовскихъ людей немного, пенеже Печерстіи людіе пріидоша восрѣтеніе на рѣчке Павчовкѣ въ посадѣ. Прочіи же Литва и Нѣмцы побѣгоша въ снять ко граду Пскову, — и возвѣстиша Королю о бывшихъ на нихъ побѣжденіихъ, мняще яко и до Пскова за ними гнаху, и иніи прежде бывшая на нихъ досады, отъ Печерскихъ людей, навадиша кралю глаголюще, яко достойно бяше таковый градъ со Мнихи разорити и люди изъ него вывести вонъ; понеже много тщета людемъ отъ нихъ Польскимъ. А въ монастырѣ заключено бѣ въ то время плѣнныхъ Угрянъ и Поляковъ и Нѣмецъ яко до тридесяте и болѣ. Слышавъ же сія вся, Король Стефанъ разъярися на той Печерскій монастырь, — и абіе присылаетъ множество вой, Поляковъ и Нѣмецъ, съ стенобитными сосуды, сиречь съ пушки, ко Обители Печерской Пречистыя Богородицы октоврія въ 29-й день. Они же безбожніи Нѣмцы, воеводы имуще Китлѣра Курланца и Юрья Хранбѣка[1]), — и пришедше сташа около Монастыря Печерскаго; и начаша бити первіе Нѣмцы изъ своего наряду и съ трехъ пушекъ Ноемврія въ 5-й день. На утріе же онѣ, безбожніи Нѣмцы, вооружившеся крѣпце, пойдоша въ пробитое мѣсто стѣны; хотяху монастырь себѣ воспріяти, — Богомъ зданныя же Пещеры, снабдимый Пречистою Богородицею Домъ и яже въ немъ лежащыхъ отецъ, ни вочто вмѣниша. Монастыря же того священницы и иноцы, и простіи людіе, принесоша *Икону старую*, Пречистыя Богородицы *Успеніе*, къ пробитому мѣсту, молебная со слезы простираху; надѣющіижеся на Господа живущія во обители той иноцы, и маліи воя, и вси людіе, паче же возлагающе упованіе на Пречистую Богородицу, вооружившеся сташа, яко гора Сіонъ неподвижимо. Горы бо окрестъ ихъ, Господь же окрестъ людей своихъ выну И бишася съ ними отъ третіяго часа дни до нощи, и отогнаша ихъ посрамлены; Воеводу же Китлера и иныхъ съ нимъ Нѣмецъ взяша, а Юрья другаго Воеводу и иныхъ съ нимъ Нѣмецъ изъ оружія уязвиша. Слышавъ же Король Аббатуръ, яко побѣждени быша Нѣмцы, абіе присылаетъ иного Воеводу Бурнамиса именемъ, и иныхъ многихъ храбрыхъ вой Угровъ съ нарядомъ же, — запретивъ имъ сице: «аще нерозорите монастыря того и яже въ немъ людей не пресѣцете, неимате возвратитися воздравство ко мнѣ» Оный же воевода съ Югры пришедъ, постави четыре пушки на своемъ мѣстѣ, — а Нѣмцы на прежнемъ мѣстѣ своими тремя пушки, и биша по граду въ два мѣста, — дни два. и егда пробиша стѣну до земли, тогда во-

[1]) Китлеръ — это Кетлеръ, племянникъ герцога курляодскаго Готгарда; Хранбѣкъ это Юрій (Юргенъ) Фаренсбахъ. Подробности о немъ см. Приб. Сб. Ш, 212 и 213.

оружившеся пойдоша вкупѣ Угровѣ и Нѣмцы на пробитыя мѣста, мнѣвъ же яко нѣкому противу ихъ стати. Господь же праведенъ ссѣчетъ выя грѣшникомъ, да постыдятся и возвратятся вспять вси ненавидящіи Сіона. Христово же оно стадо въ печали суще велице, плачуще моляхуся пречистѣй Богородицы и Святому Николѣ чюдотворцу и Святымъ Мученикомъ 40 иже въ Севастіи, и Преподобнымъ отцемъ Антонію и Ѳеодосію печерскимъ и всѣмъ святымъ о избавленіи толикія бѣды настоящыя. И тогда нѣкоему юношѣ именемъ Иуліану, юну сущу и спящу ему явися пресвятая Богороднце, глаголя сице. «востани и повѣдай сущимъ ту инокамъ, и всѣмъ людемъ, итти къ «проломному мѣсту и пѣти молебны безпрестани предъ образомъ Пре«чистыя Богородицы, неотпадати надежды на Господа и на Того «Рождшую, — людемъ же неослабно вооруженнымъ быти и стояти «крѣпце; ты же убіенъ будеши; Азъ же не оставлю мѣста сего и не «предамъ въ руцѣ врагомъ» Таже дастъ ему три сребренницы, яже ему на потребу Обаче же онъ юноша не имѣяше обувища, ни срачицы. Онъ же вставъ тече ко иконѣ Пречистыя Богородицы съ плачемъ моляся, и повѣда всѣмъ явленіе бывшее ему Быша же тогда нѣкоторымъ мнихомъ и инымъ духовнымъ мужемъ явленіе Пречистыя Богородицы, и ово нѣкоего мужа свята глаголюща; и о семъ повѣда старецъ Спиридонъ Аникіевъ о преподобнѣмъ Варлаамѣ Ѳутынскрмъ, еже видѣ, овогда же гласъ невидимо слыша сицевъ. «не ужа«сайтеся, но постраждите яко добріи воини Христови за домъ Пречис«тыя Богородицы» Слышавше же сія священный соборъ, иноцы и вси людіе радостію и трепетомъ, скоро притекоша ко Иконѣ Пречистыя Богородицы Успенія, къ пробитой стѣнѣ, молебная совершающе и плачущеся глаголаху сице: «не остави насъ въ человѣческое предстояніе, «Пречистая Владычице Богородице, но пріими моленіе рабъ своихъ, «скорби убо обдержатъ насъ» и прочая.

Въ то же время — егда приступаху Угрове и Нѣмцы, купно раздѣльшеся въ два пробитыя мѣста, тогда нѣкто рыболовъ Сергій, витая брада, видѣ надъ церковію Пречистыя Богородицы множество етеръ въ бѣлыхъ ризахъ, въ рукахъ свѣщи имуще и глаголюще другъ ко другу: «грядемъ на пособіе христіанамъ и пожжемъ иновѣрныя» Таже пойдоша множество етеръ, мню быти Святыхъ 40 мученикъ иже въ Севастіи, и Преподобныхъ Отецъ лежащихъ въ Богомъзданнѣй Пещере. Въ той же часъ, все упованіе возложше на Господа Бога и на Пребывающаго въ дому своемъ непобѣдимаго Воеводу Пречистую Богородицу, и на Святаго Николу чюдотворца и на всѣхъ святыхъ, маліе тогда обрѣтшеся людіе охрабришася и биша изъ пищалей, и каменіе на нихъ метаху отъ четвертаго часа дни до девятаго; и побиша ихъ. Сему же бывшу явленію, послѣди свидѣтельствоваху они Угрове и Нѣмцы, егда приступаху ко граду, тогда видѣша, глаголюще, нѣкое пособіе Божіе надъ монастыремъ множество вой въ бѣ-

лыхъ ризахъ бьюща ихъ; и абіе нападе на нихъ страхъ велій, и посрамлени побѣгоша. Къ сему же и ино дивно Божіе пособіе сказаша, рекуще, егда бихомъ изъ наряду по стѣнѣ, и стѣну разбихомъ, тогда видѣхомъ во дни и по вся нощы нѣкоего мужа стара, власы бѣлы имуща овогда ходяща, овогда ѣздяща на конѣ, стояща и кажуща на градѣ впробитыхъ мѣстахъ нѣкое огражденіе творити; и много по нему стрѣляхомъ, и ни единожды улучити не возмогохомъ. Мужа стара, мню быти Святаго Николу чюдотворца.

Въ той же день другій приступъ сотвориша ко вратомъ у храма Святаго Николы, и по лѣствицамъ взыдоша на башню предъ враты; иніи же врата желѣзная ломяща, хотяху вкупѣ съ обоихъ странъ влезти въ монастырь, умышляюще всякими ухищренми. Промышленникъ же всѣхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не презрѣ моленія Матере Своея и Святаго Николы чюдотворца за умоленіе, — абіе и жены храбры сотвори, — и младыя дѣти занаряжающа пищали мужемъ готовляху, — овіи оружіемъ съ стѣны пхающе, овіи же воду варяху съ каломъ ліяху за градъ на приступающія воя по лѣствицамъ ко граду Обаче же и сіи побѣждени быша и падоша и обоимъ же не бѣ числа; а прочіи отбѣгоша посрамлени. Сія же велія побѣда и одолѣніе на невѣрныя латыня бысть Ноября въ 14-й день святаго и всехвальнаго Апостола Филиппа, и на утріе — на память святыхъ мученикъ и исповѣдникъ, Гурія, Самона и Авива, — такожде до конца побѣдиша ихъ. Во всѣхъ же сихъ лютыхъ приступѣхъ, язвенныхъ и побіенныхъ въ монастырѣ людей яко до четыредесять. Бѣ же въ то время болѣзни естественныя людемъ и моръ отъ нужды утѣсненія. Се же все бысть овое за умноженіе грѣхъ нашихъ.

По сихъ же злѣ бывшихъ намъ послѣднихъ приступовъ, минувъ десять дній, абіе присылаетъ ото Пскова Литовскій Урядный Воевода и Канцлѣръ, Янъ Замойцкій, въ Печерскій монастырь посланіе о сданіи монастыря, — Образъ стекляльяченъ въ простей крабійцѣ, за пріятельное вѣры людемъ ласкательство льстивно предлагаетъ, о немъ же въ посланіи явлено. Осадный же Голова Юрья Нечаевъ, приятъ посланіе и образъ, собра ту священный чинъ и вся мнихи и люди нарочиты; и показа образъ той, а посланіе повелѣ чести всѣмъ людемъ вслухъ. Въ посланіи же писано сице. «Янъ Замойцкій найвышный Гетманъ и Канцлѣръ Корунный, Староста Краковскій, Бѣльскій, Кнышенскій, Крешевскій, Гормолинскій въ честную Обитель Успенія Пресвятыя Богородицы Печерскаго монастыря, Господину Тихону, еже о Христѣ зъ братіею. Повелѣніемъ Государя и Великаго Короля Стефана, Божіею милостію Короля Польскаго, до васъ сію грамоту посылаю, — что же вы, будучи во храмѣ святомъ, отъ Государя нашего никакіе зацепки не имѣли. И Государь нашъ Король, по закону христіанскія вѣры, нѣтокмо чтобы самъ храмы Божія разоряти

имѣлъ, но и самъ созидаетъ, и вѣра бы христіанская умножалася; тако же и всему воинству своему запретивъ, еже храмовъ Божіихъ неразоряти. И вы, не помня своего чернечества, храмъ господень и мѣсто святое кровію облили, выходя изъ монастыря, люди королевскія имаючи на смерть побили, а иныхъ и нынѣ у себя въ монастырѣ держите. И Государь нашъ Король послалъ былъ немногіе люди подъ тотъ Монастырь, не для того чтобы то мѣсто святое разорено было, а для того, чтобы такіе люди, въ такомъ святомъ мѣстѣ не крестьянски живутъ, вывести оттолѣ. А повелѣніемъ Государя нашего Короля, и Азъ иду съ войскомъ и съ нарядомъ къ вамъ; и не хотя святаго мѣста разорити, и большые крови пролити; что азъ и самъ по вѣрѣ христіанинъ, церкви Божіи не разоряю, но созидаю; и христіане были бы въ своей православной вѣрѣ. И Азъ пишу сію грамоту для васъ, чтобы есте сами по доброй волѣ монастырь сдали, стрелцовъ изъ монастыря выслали; а сами со всѣми животы своими изъ монастыря вышли; а Азъ васъ велю и съ вашыми животы и со всѣю рухлядію проводити до тѣхъ мѣстъ, гдѣ вы похотите. А которые въ монастырѣ у васъ Государьскіе люди, и вы бы тѣхъ людей съ ихъ животы оставили въ монастырѣ, и тѣ всѣ животы, которые были королевскихъ нашихъ людей. А будетъ похотите въ томъ монастырѣ жити, молити Бога за Государя Короля; и васъ Государь Король пожалуетъ; а будетъ не похотите въ томъ монастырѣ жити и изъ монастыря пойдете вонъ, и съ Стрѣльцы своими, и со всѣми тутошними людьми, и съ ихъ животы; и то на вашей воли. А будетъ за тою моею грамотою по доброй воли монастыря не отдадите, то азъ буду Богу и христіанской вѣрѣ невиненъ, — что святое мѣсто разорится и святыя церкви осквернятся и кровь христіанская многая пролиется и та кровь взыщется на васъ. А азъ христіанинъ, вѣры Божіи не разоряю, и храмовъ Божіихъ не оскверняю. И прислали ко мнѣ изъ Ерусалима Образъ пречистыя Богородицы какъ благовѣстилъ Богородицѣ Архангелъ Гавріилъ во градѣ Галилейстемъ въ Назаретѣ и Образецъ дому Іосифова, и на верху дому Пречистая наша Царица Богородица со Младенцемъ. И Азъ той Образъ послалъ къ вамъ въ монастырь; и вы бы тотъ образъ поставили въ Храмѣ честнаго и славнаго Ея Успенія и за нашего Государя бы есте и за меня Бога молили, и Государь Король, и Азъ васъ пожалую. И вѣдалъ бы всякъ, что православная вѣра Христіанская и вашъ мнишескій чинъ нерушымъ былъ, и святое мѣсто не разорилося» Слышавше же таковая посланія, иноцы рѣша. «не хотимъ Королева жалованья, и не страшымся отъ его угрозъ, не пріемлемъ Канцлѣрова лстиваго ласканія, ни его лестнаго обѣщанія Латынскаго по Христіанству; но умремъ въ Дому Пречистыя Богородицы, по своему иноческому обѣщанію» А Христіане рекоша. «по крестному цѣлованію, за отчину своего Госу- «даря царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи и за

его чада Царевича Князя Ѳедора, мы такожде должны умрети, а монастыря Богомъ-зданныя-пещеры не отдадимъ». Бѣже яко седмый день тогда, егда преставися Царевичь Князь Іоаннъ на Москвѣ. Таже Осадный Голова, Юрья Нечаевъ и весь сигклитъ, совѣтовавъ, повелѣша отказати посланнымъ отъ Короля за ограду Старцу Тернуфію, тако зовому Старецъ же Тернуфій оболкся въ весь иноческій чинъ Великаго Образа, показавъ главу изъ стѣннаго окна, отказа сице: «аще и предастъ насъ Господь за грѣхи наши, но должны есмы вси «по Христѣ умрети въ Дому Пречистыя Богородицы, въ немъ же «пріяхомъ сей Великій Ангельскій Чинъ, якоже мя единова сицева «видите; тако вси мы готовы умрети за Государя нашего Царя и Ве«ликаго Князя отчину, и за святыя церкви, и за законъ Православныя «нашея христіанскія вѣры; а монастыря Королю вашему не отдадимъ». Таже и вси людіе, тоже слово рекуще, съ стѣны оградные съ воплемъ дерзостне отказаша; и начаша ихъ съ стѣны стрѣляти. Они же посрамлени побѣгоша, ничтоже обрѣтше. И отъ того дни стояху Угрове и Нѣмцы около монастыря того, мѣсяца два и дній пять, стрежаху, и нѣдающе никому изъ монастыря изыйти, ни въ монастырь внити; и всячески промышляху, и угрозы кажуще, аще монастыря имъ не отдадутъ. Потомъ же по мирномъ положеніи, отъ града Пскова и отъ монастыря Печерскаго оное веліе все воинство отидоша. Слышавъ же таковое побѣжденіе Турскій Царь Амуратъ Селимовъ отъ вой, иже бяше были Турцы у Пскова, вельми посрамися, охуждая голдовника своего, Короля Польскаго, ко своимъ глаголаше: «како сей несмысленный несоодолѣ безлюдну граду Пскову, и монастырю Печерскому неимуща воя» Оніи же Туркове, иже бяху писанія, прежде бывшая во Израили чтуще, разсуждаху, царю глаголюще: «аще «бы и всея вселенныя царіе пришли суть на восхищеніе граду оному «и монастырю, не бы могли взяти Домъ Божій, и Избавителя и За«щитителя ихъ» Сія же намъ повѣда плѣнникъ изъ Царя-града, нѣкто именемъ Козма Ляпуновъ, тогда бывшу ему въ Констентинѣ Градѣ. Прослу же монастырь Пречистыя ради Богородицы, — неизреченнаго и дивнаго Ея поможенія, и заступленія, — во всю Скиѳскую страну, и въ Нѣмецкіе Островы, по Варяжскому морю, аже и до Рима, — паче же и до Царя Града. Сами они безстудніи Латынове, укоризну себѣ износяще, глаголаху· «како онъ малый градецъ (крѣ«пость Печорскаго монастыря), межъ горъ стоящъ, и воя храбрыя не «имѣя въ себѣ, токмо Мнихи и простіе людіе, поселяне зъ жены, — «а надъ ними учиненна Старѣйшыною къ ополченію Юрья именемъ, «родомъ Нечаева, млада суща и мала возрастомъ; и сего невозмого«хомъ одолѣти; но всуе трудихомся противъ невидимаго небеснаго «Царя воинствъ» Обаче же и ину отъ нихъ повѣсть слышахомъ вопро́шаху ины воини у бывшихъ у Печерскаго монастыря воиновъ. «пане, гдѣ былъ еси — подъ замкомъ»? Онъ же отвѣща: «мѣшкахъ

у бѣлаго замка Печерскаго» Паки глагола: «Добыли ли замокъ»? Той же рече: «Како добыти, гдѣ Богъ Самъ изволи быти и Его Ма«терь, якоже Давыдъ глаголетъ гора юже благоволи Богъ жити въ «ней, ибо Господь вселится до конца». Сію же Божію милость видѣвше и помощь Пречистыя Богородицы, — и отъ всѣхъ иноплеменникъ — невѣдущихъ суща истиннаго Бога, и Его Матере, покорное разсужденіе ихъ, должни есмы и мы со Пророкомъ воспѣти пѣснь нову «яко дивна сотвори Господь, спасе насъ десница Его и мышца «святая Его. Яви Господь спасеніе Свое предъ языки, откры правду «Свою», помяну милость Свою граду Пскову, — и истину Свою Дому Пречистыя Богородицы.

Положиша же и обѣтъ бывшыи тогда въ Печерскомъ монастырѣ въ осадѣ Священницы и братія наша и всѣ православніи христіане, ходити со Оною Богоносною Иконою Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи честнаго Ея *Умиленія*, и съ честными Кресты, во градъ Псковъ, въ недѣлю седмую по Пасцѣ, — ко святѣй Велицѣй Соборней и Апостольстѣй Церкви Пресвятыя и животворящія нераздѣлимыя Троицы, — воспоминовенія ради родомъ грядущимъ, бывшыя ради побѣды на противныя Тою Чюдотворною Иконою во градѣ Псковѣ.

Бываютъ же отъ сея Богоносныя Пречистыя Иконы дивная и неизреченная чюдеса съ вѣрою приходящимъ — слѣпымъ прозрѣніе, даже и до днесь.

Объяснительное примѣчаніе переводчика къ стр. 177—181 записокъ Миллера.

Послѣднія страницы своихъ записокъ Миллеръ посвящаетъ разсказу о дѣлѣ Зборовскихъ, въ свое время обратившемъ на себя вниманіе всей Рѣчи Посполитой Польской. Дѣло въ сущности происходило такъ (см. Соловьева, VII 261):

Въ 1574 году, при королѣ Генрихѣ, у самаго королевскаго замка произошла схватка между двумя врагами, Самуиломъ Зборовскимъ и Яномъ Теньчинскимъ, изъ которыхъ каждый былъ окруженъ своею дружиною; вмѣстѣ съ Тенчыньскимъ находился пріятель его, Андрей Ваповскій, который былъ смертельно раненъ въ схваткѣ. Зборовскій приговоренъ былъ за это къ вѣчному изгнанію изъ отечества но онъ мало думалъ объ исполненіи приговора. набравши наемную

дружину, онъ разъѣзжалъ съ нею по Польскимъ областямъ, правители которыхъ или не смѣли, или не хотѣли остановить его. Съ нимъ въ сношеніяхъ были братья его, Христофъ и Андрей, которые, видя нерасположеніе къ себѣ Баторія и Замойскаго, и грозимые раззореніемъ въ слѣдствіе своей расточительности, обнаруживали явно враждебные умыслы противъ короля и гетмана два раза давали знать Баторію о замыслахъ Зборовскихъ на его жизнь.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Замойскій въ званіи старосты Краковскаго, отправился въ Краковъ для отправленія судныхъ дѣлъ; на дорогѣ получилъ онъ вѣсть, что Самуилъ Зборовскій другимъ путемъ приближается также къ Кракову и явно хвалится, что въѣдетъ въ городъ въ одно время съ Замойскимъ. Когда Замойскій остановился въ Прошовицахъ, мѣстѣ, принадлежавшемъ уже къ Краковскому старосту, Зборовскій остановился въ Подоланахъ, въ милѣ отъ Прошовицъ, и при солнечномъ заходѣ отправился въ Печму, къ одной изъ своихъ родственницъ; а въ Краковѣ, между тѣмъ, толпа буйной молодежи сбиралась ударить на Замойскаго при его въѣздѣ въ городъ, въ то самое время, какъ Зборовскій ударитъ на него съ тылу Узнавши, что Зборовскій одинъ въ Печмѣ, Замойскій отправилъ отрядъ пѣхоты, подъ начальствомъ вѣрныхъ людей, захватить его тамъ ночью, что и было легко исполнено; опираясь на правѣ старостъ, приводить въ исполненіе судные приговоры, Замойскій велѣлъ казнить смертію Зборовскаго, ибо, за нарушеніе приговора о вѣчномъ изгнаніи, нарушителю назначена была смертная казнь.

Этотъ поступокъ канцлера дѣйствительно возбудилъ какъ свидѣтельствуетъ Миллеръ, страшную бурю между польскими магнатами, потому что у Зборовскихъ была большая партія, да и кромѣ тѣхъ было много недовольныхъ королемъ и Замойскимъ.

Относительно подробностей о московскомъ посольствѣ слѣдуетъ замѣтить, что Баторій дѣйствительно былъ не прочь покорить московское государство, но встрѣтилъ къ тому непреодолимыя препятствія со стороны польскихъ вельможъ. О слабости московскаго государства увѣрялъ Баторія, независимо Сапѣги, и московскій отъѣзжикъ Головинъ (см. Соловьева VII, 269).

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Матеріалы и статьи по исторіи Прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Указы и рескрипты императрицы Екатерины I Лифляндскому генералу-губернатору князю Репнину.

1.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и губернатору лифляндскому господину князю Репнину

Ѣхать вамъ въ Ригу [1]) и, пріѣхавъ, чинить слѣдующее:

1. Осмотрѣть всѣ магазейны, также артиллерію и амуницію, и въ чемъ есть недостатокъ, о томъ писать къ намъ, также въ Сенатъ и въ Воинскую Коллегію, а наипаче имѣть стараніе о провіантѣ, чтобъ его всегда было въ магазейнахъ года на два, а по нуждѣ на полтора.

2. Развѣдать подлинно, всѣ-ль Рижскіе жители и Лифляндское шляхетство и обыватели у присяги были, и ежели которые не были, о тѣхъ развѣдать подлиннѣе, для чего не были, и кто противны явились, о такихъ разыскивать и писать къ намъ.

3. Осмотрѣть фортификацію Рижскую и цитадель, и гдѣ испортилось, въ тѣхъ мѣстахъ велѣть починить.

4. Питеръ-шанцъ, по вашему мнѣнію, также генералъ-маіора Кулона и другихъ инженеровъ, надлежитъ снесть, а вмѣсто того сдѣлать траншаментъ на острову

5. И какъ для сихъ, такъ и для исправленія губернскихъ дѣлъ надлежитъ вамъ быть тамъ будущее лѣто, а между тѣмъ о нужныхъ дѣлахъ, о чемъ принадлежитъ, писать къ намъ, также и въ Сенатъ; а въ осень, о пріѣздѣ вашемъ сюда, присланъ будетъ къ вамъ указъ.

6. Дѣла Воинской Коллегіи, въ небытіи вашемъ, исправлять членамъ, кои съ вами были, а между тѣмъ на время прикажемъ вѣдать генералу фельдмаршалу господину князю Меншикову

7 Освѣдомиться, не сыщутся ли на выкупъ какіе закладные ампты въ Курляндіи, также о прежнихъ покупныхъ Курляндскихъ амптахъ, которые куплены на наши кабинетныя деньги, при-

[1]) См. Приб. Сб. III, 464.

слать къ намъ вѣдомость. коликое число съ оныхъ въ сборѣ было на прошлые годы денегъ и прочаго, и на что издержаны и что за тѣмъ есть въ остаткѣ.

8. О прочемъ, хотя чего здѣсь и не написано, а усмотрите что нужно будетъ намъ и государственному интересу, о томъ о всемъ развѣдывать и чинить, какъ честному въ свѣтѣ и доброму генералъ-фельдмаршалу надлежитъ, и наипаче имѣть осторожность отъ стороны Польской и Курляндіи, и ежели что новое услышите, о томъ писать къ намъ и въ Сенатъ Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, марта 18 дня 1725 г

2.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Письмо твое, отъ 16 числа сего мѣсяца писанное, до насъ дошло, въ которомъ написано, что о поминовеніи высокославной и вѣчно дойстойной памяти его Величества Государя Императора доносилъ Рижской регирунгсъ, о чемъ просишь указу и, по полученіи сего, то поминовеніе по ихъ обычаю вели отправить въ 30 будущаго Мая, такожъ вели и въ прочихъ мѣстахъ, яко въ Аренсбургѣ и въ Динаминдѣ, то поминовеніе по ихъ обычаю отправить, о чемъ велѣли мы послать указы по всѣмъ церквамъ другихъ законовъ изъ Синода.

По экстракту, присланному отъ тебя о вѣдомостяхъ отъ обрѣдающагося въ Курляндіи, мы о всемъ извѣстны. Екатерина. Въ 27 тень апрѣля 1725 г

P S. Устерсы отъ васъ получены, и благодарствуемъ.

Въ православныхъ церквахъ панихида по усопшемъ императорѣ была отслужена 3 февраля. 4 марта войска присягали императрицѣ Екатеринѣ I въ цитадели, магистратъ же и мѣщанство присягали 5 Марта въ лютеранской соборной церкви.

3.

Господинъ генералъ фельдмаршалъ. По посланному къ вамъ указу изъ Сенату, генералу барону фонъ-Аларту лежащія въ Лифляндіи мызы Вольмерсгофъ, Муремойсъ, Буртнекъ и Швартенъ, съ которыхъ сбирается въ годъ аренды по 3860 ефимковъ, отдайте на аренду; изъ вышеписаннаго числа ефимковъ 1860 ежегодно съ него берите, а 2000 ефимковъ опредѣлили мы ему въ жалованье, какъ о томъ къ вамъ изъ Сената писано. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, мая въ 26 день 1725 г

Инженерный генералъ, баронъ Людвигъ Николаевичъ Галлартъ, поступилъ на русскую службу, по рекомендаціи короля Августа II, въ 1700 г., въ качествѣ генерала польскаго, окончательно же присягнулъ на службу въ 1706 г. Галлартъ участвовалъ во всѣхъ походахъ Петра, въ 1711 г. вышелъ въ отставку, въ 1721 г. поступилъ на службу вновь и умеръ въ Лифляндіи, въ своихъ помѣстьяхъ, 28 Марта 1728 г.

4.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Увѣдомились мы, что вы остаточныя за расходомъ деньги, вырученныя въ Курляндіи съ выкупныхъ княжескихъ амптовъ, 7355 талеровъ велѣли прислать въ Ригу, и то хорошо. И какъ помянутыя деньги въ Ригу привезутъ, то, оставя изъ оныхъ рублевъ до 1000 на роздачу солдатамъ заработныхъ денегъ, достальныя пришлите къ намъ, и впредь тѣхъ денегъ, безъ собственнаго нашего указу, ни въ какіе расходы употреблять не велите, и о томъ отъ себя къ господину Бестужеву пошли указъ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, въ 7 день іюля 1725 г

5.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Письма ваши отъ 18 іюля, да отъ 15 августа до насъ дошли, и на оныя отвѣтствуемъ. что выкуплено въ Лифляндіи закладныхъ коронныхъ мызъ 32, и то изрядно, только мы желаемъ видѣть, коликое число бываетъ въ сборѣ въ годъ доходовъ и какихъ порознь. Церковь въ цитадели лучше бы сдѣлать каменную, и для того велите сдѣлать чертежъ, каковой ей быть и, смѣтяся, учинить роспись что надобно кирпичу, камня и прочихъ потребныхъ къ тому матеріаловъ и съ чертежемъ прислать къ намъ заранѣе. Что же принадлежитъ о возвращеніи денегъ, которыя издержаны изъ рижской рентереи за выкупные въ Курляндіи ампты, и о томъ учинена будетъ резолюція впредь. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, сентября въ 3 день 1725 г

6.

Понеже, чаю, памятно вамъ, что блаженныя и высокославныя памяти государь императоръ намѣреніе свое имѣлъ, дабы завесть въ Ригѣ партикулярную верфь, но понеже тогда многія тому препятствовали причины, а наипаче что кончиною его императорскаго величества пресѣклось; но понеже мы, не хотя такихъ дѣлъ для пользы народной опустить, находимъ къ тому нынѣ изрядной способъ, а именно, что здѣсь въ Петербургѣ корабельныхъ дубовыхъ лѣсовъ многое есть число того для поговорите искусно и какъ бы отъ себя, не упоминая нашего указу, съ рижскими купцами, которые есть доброжелательные, надобны ли имъ торговые корабли для ихъ коммерціи и какой препорціи и сколько, и ежели надобны, то имъ велимъ сдѣлать здѣсь кораблей отъ 5 до 7 или и до 10 изъ своего лѣсу, который имъ дадимъ безденежно, толькобъ они заплатили за работу плотникамъ что надлежитъ, тако жъ и за такелажъ, а какъ тѣ корабли сдѣланы будутъ, то мы велимъ ихъ до Риги проводить своими матросами и отдадимъ ихъ вовсе для ихъ коммерціи. Сіе намъ зѣло

нужно, въ чемъ приложите свое стараніе и что сдѣлаете о томъ къ намъ пишите.

Подъ симъ указомъ не означено даты, и нѣтъ никакой подписи.

7

Указъ генералъ-фельдмаршалу и губернатору лифляндскому господину князю Репнину

Бплъ челомъ намъ гофъ-юнкеръ нашъ Андрей Древникъ, чтобъ за его службы, для скудости, дать ему въ Перновскомъ уѣздѣ лежащую коронную мызы Аудернъ, въ которой по вѣдомости Камеръ-Коллегіи по ревизіи 1716 г., 10½ гаковъ, съ нее доходовъ въ казну положено брать аренды, хлѣба и стаціи, всего 482½ рубля и по тому его челобитью оную мызу Аудернъ, за его службы и для его бѣдности, отдать ему во владѣніе впредь до указу нашего безъ аренды. Екатерина. Въ С.-Пѣтербургѣ, сентября 20, 1725 г

8.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Понеже мы въ лошадяхъ цуковыхъ имѣемъ нужду, того для велите пріискать купить въ Ливоніи два цука, да въ Курляндіи два жъ цука хорошихъ легкихъ лошадей, шерстьми буланыхъ или соловыхъ или воронопѣгихъ, цѣною отъ 300 до 400 рублевъ цукъ, и чтобъ въ каждомъ было по 7 и по 8 лошадей, и какъ пріищите, то, приторговавъ ихъ, о деньгахъ пишите къ намъ. Екатерина. Декабря 15 дня 1725 г Въ С.-Петербургѣ.

9.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и губернатору лифляндскому господину князю Репнину

Билъ челомъ намъ оберъ-кихенъ-мейстеръ Янъ Фелтенъ, чтобъ за его службы пожаловать ему въ дерптскомъ дистриктѣ въ теальскомъ и фельскомъ кирхшпилѣ публичную мызу Игастъ, въ которой, по ревизіи 1723 году, 8 гаковъ съ осьмухою, съ нея доходовъ положено брать аренды и стацій всего 454 ефимка, и оную мызу за его службы отдать ему во владѣніе впредь до указу нашего безъ аренды. Екатерина. Изъ С.-Петербурга, въ 29 день генваря 1726 г.

10.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору лифляндскому господину князю Репнину

Получили мы ваше отъ 18 дня февраля письмо, въ которомъ пишете, что мызу Игастъ, лежащую въ дерптскомъ дистриктѣ, по по-

сланному къ вамъ генваря 29 дня указу, оберъ-кухмейстеръ нашъ Янъ Фелтенъ, за тѣмъ что ко оной имѣется наслѣдная претензія, не взялъ, а проситъ оный Фелтенъ, чтобъ вмѣсто оной пожаловать ему публичную мызу въ дерптскомъ же уѣздѣ, въ нейншинскомъ кирхшпилѣ, именуемую Унипихтъ, въ которой по ревизіи 1723 году, 8 гаковъ, и оную мызу Унипихтъ, выкупя, отдайте оному Фелтену, по силѣ перваго нашего указу, безъ аренды со всѣми принадлежностями. Екатерина. Въ 24 день февраля 1726 г

11.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору лифляндскому господину князю Репнину

Билъ челомъ намъ генералъ-суперинтендентъ лифляндской Генрихъ Бринкъ, что за 14 лѣтъ по 1725 годъ жалованье выдавано ему половинное только по 400 рублевъ на годъ, и чтобъ на тѣ годы недоданное его жалованье ему выдать, или бъ вмѣсто того пожаловать ему лежащую въ Лифляндіи въ перновскомъ дистриктѣ, въ кирхшпилѣ Тарвасъ, мызу, именуемую Сусленъ, въ которой, по ревизіи 1725 г., 11 гаковъ. Того для велите ему оную мызу отдать вмѣсто недоданнаго его жалованья до указу нашего безъ аренды. Екатерина. Изъ С.-Петербурга, въ 6 день марта 1726 года.

12.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Предъ нѣсколькимъ временемъ писали вы къ намъ, что на строеніе церкви, которую надлежитъ строить въ Рижской цитадели, потребно кирпичу 1.300,000, которой надлежитъ купить цѣною по 13 рублевъ тысячу, что зѣло дорого, а потомъ пишете вы въ кабинетъ отъ 2 числа сего мѣсяца, что при Ригѣ кирпичные заводы есть и кирпичь дѣлается того для, по полученіи сего, велите на вышеписанное строеніе на тѣхъ заводахъ кирпичу сдѣлать предбудущимъ лѣтомъ солдатами и наемными работниками до милліона, для котораго дѣла отправлены къ вамъ два человѣка кирпичныхъ мастеровъ. Однакожъ велите напередъ смѣтиться, по чему того кирпичу тысяча на своихъ заводахъ станетъ и годенъ ли онъ будетъ въ церковное и въ другія нужныя строенія, и ежели въ наружныя стѣны будетъ не годенъ, то хотя бъ во внутреннія стѣны, а на наружныя стѣны мочно по нуждѣ выписать изъ Любека или изъ Гданска, отколь дешевле или мочно, и отсель лучшаго кирпича можемъ отправить; и о томъ о всемъ къ намъ пишите, также и на фундаментъ велите заранѣе приготовить камня и извести сколько потребно, а деньги на то строеніе употребляйте изъ доходовъ съ выкупныхъ въ Курляндіи амптовъ отъ тайнаго совѣтника Бестужева, о чомъ отъ насъ къ нему указъ посланъ. Екатерина. Въ 14 день марта 1726 г. Въ С.-Петербургѣ.

Копія съ указа Вестужеву отъ 14 марта 1726 года.

Господинъ тайной совѣтникъ. Понеже мы повелѣли генералъ фельдмаршалу господину князю Репнину вмѣсто деревянной церкви въ цитадели рижской построить каменную, и на дѣло той церкви, на камень, на кирпичъ и на прочіе матеріалы и на дачу мастеровымъ и работнымъ людямъ потребна не малая сумма денегъ. того для которыя деньги сбираются съ выкупныхъ курляндскихъ амптовъ и оныя на то строеніе отпускайте къ нему генералъ-фельдмаршалу

Екатерина.

Тѣмъ не менѣе деревянной церкви не ломали и новой не строили. Она существовала до 1776 г., когда императрица Екатерина II повелѣла построить въ цитадели вмѣсто деревянной, пришедшей въ совершенную ветхость, новую каменную гарнизонную церковь. Работы начались въ томъ же 1776 г., по проекту рижскаго архитектора Габерланда, и были окончены въ 1786 году. Церковь эта, сохранявшая за собою прежнее наименованіе гарнизонной Петропавловской, переименована въ каѳедральный Петропавловскій соборъ въ 1836 году.

13.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору князю Репнину.

По полученіи сего, для додѣлки другой половины рижскаго огорода, велите вывесть лифляндскими обывателями изъ лѣсовъ клену, липы съ 50 тысячъ деревъ, или сколько вамъ объявитъ камергеръ нашъ Питеръ Іонсенъ, и чтобъ оныя деревья вывезены были въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца. Для сажанія оныхъ деревъ и додѣлки дома и пруда опредѣлите въ тотъ нашъ огородъ на работу 400 человѣкъ, да для береженья и содержанія чистоты въ первомъ огородѣ опредѣлите 10 человѣкъ, чтобъ были безперемѣнные. Екатерина. Изъ С.-Петербурга, въ 6 день марта 1726 г

14

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору лифляндскому господину князю Репнину

Билъ челомъ намъ генералъ господинъ Лессій, чтобъ лежащую въ Лифляндіи въ венденскомъ дистриктѣ, въ кальценовскомъ кирхшпилѣ, публичную мызу Кальценовъ, которую онъ содержитъ на арендѣ, пожаловать ему въ вѣчный арендной платежъ, а по справкѣ съ Каморъ-коллегіею въ той мызѣ, по послѣдней 1725 года ревизіи до $19\frac{3}{4}$ гаковъ, аренды и стацій деньгами и хлѣбомъ сбирается 1034 ефимка, и оную мызу Кальценовъ велите отдать ему, Лессію, за службы его въ вѣчной арендной платежъ, и аренды брать съ него, по чему прежде онъ платилъ. Екатерина. Марта 16 дня 1726 г

15.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору господину князю Репнину

Била челомъ намъ покойнаго оберъ-инспектора рижскаго Даненштерна жена его вдова Кристина, что въ прошломъ 1724 году била челомъ она блаженной и вѣчно достойной памяти Его Императорскому Величеству о сбавкѣ аренды лежащей въ дерптскомъ уѣздѣ, близь Печерскаго монастыря, маетности, именуемой Киримпей, понеже оная во время съ шведскою короною войны разорена, и не малое число мужиковъ до войны и въ войну въ моровое повѣтріе вымерло, и въ Россію вывезено, на которой ея челобитной Его Императорское Величество собственнною своею рукою изволилъ подписать *сбавку учинить по разсмотрѣнію генералъ-губернатору*, и по тому указу опредѣлено ей, Даненштернше, платить съ той маетности аренды двѣ трети, а третья часть сбавлена до указу съ такимъ опредѣленіемъ, чтобъ оную всегда имѣть въ готовности, и какъ спросятъ заплатить бы сполна куды повелѣно будетъ, и чтобъ съ помянутой маетности аренды платить ей двѣ трети, а сбавленную третью часть съ нея не спрашивать, понеже и тѣ двѣ арендныя трети, за разореніемъ оной маетности, прибавливая своими, платить съ нуждою. А по справкѣ въ помянутой маетности Киримпей, по послѣдней ревизіи, явилось 47 гаковъ и $^5/_8$ доль, податей съ нея сбирается по 2653 ефимка, по 21 грошу въ годъ, а треть учинить 784 ефимка $40^1/_3$ грошей; и по полученіи сего указу оной сбавленной третьей части съ нея Даненштернши спрашивать до указу нашего не велите. Екатерина. Въ 16 день марта 1726 г Изъ С.-Петербурга.

16.

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору лифляндскому господину князю Репнину

Билъ челомъ намъ камергеръ нашъ Питеръ Юнсенъ, чтобъ вмѣсто мызы Уденкили, которая отошла отъ него наслѣдникамъ, пожаловать ему въ рижскомъ дистриктѣ, въ руенскомъ кирхшпилѣ, публичную мызу Руйенъ-Гросгофъ, которую онъ содержитъ нынѣ на арендѣ, а по справкѣ съ Каморъ-коллегіею въ той мызѣ, по послѣд. ней 1725 году ревизіи, написано $28^5/_8$ гаковъ, съ оной сбирается аренды 1380 ефимковъ, стацій 201 ефимковъ 8 грошей; того для велите оную мызу ему отдать въ вѣчную аренду, а для его скудости и за службы его на пропитаніе брать отъ него половину вышеписанной аренды, а другую половину оставлять ему — Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, въ 26-й день марта 1726 г

17

Указъ генералъ-фельдмаршалу и генералъ-губернатору князю Репнину

По полученіи сего, въ рижской губерніи, въ рижскомъ дистриктѣ, въ кирхшпилѣ Салисбургъ, публичную мызу Отенгофъ, въ

которой, по ревизіи 1725 г., 15 гаковъ, а аренды и стацій собирается въ годъ 829 ефимковъ, которая по вѣдѣнію Каморъ-коллегіи явилась выкупленная и къ ней никакой наслѣдной претензіи нѣтъ, отдайте по поламъ половину гофъ-юнкеру нашему Алексѣю Татищеву, другую половину лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанту Степану Медвѣдеву за ихъ службы, до указу, безъ аренды. — Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, Мая 7 дня 1726 году

Это послѣдній указъ, данный императрицею Репнину.

Въ Архивѣ бывшей канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора не имѣется ни одного именнаго указа за 1727, 1728 и 1729 годы.— Можетъ быть они не сохранились, но можетъ быть за это время указовъ и не послѣдовало. — Слѣдующая за указами 1726 г. книга заключаетъ въ себѣ уже указы императрицы Анны Іоановны, начинающіеся съ 1730 года.

Князь Аникита Ивановичъ Репнинъ умеръ въ Ригѣ 3 іюля 1726 года и 10 іюля похороненъ въ Алексѣевской церкви[1]). На похоронахъ его присутствовали: князь Меншиковъ, прибывшій въ Ригу въ концѣ іюня съ цѣлію сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ, генералъ-аншефы: Алартъ и командующій войсками въ Лифляндіи Бонъ фонъ-Сельверстритъ.

Исправляющимъ должность генералъ-губернатора назначенъ генералъ-аншефъ Бонъ (Германъ-Іоганъ) фонъ-Сильверстритъ, тотъ самый, который былъ принятъ въ службу Петромъ Великимъ въ 1716 году, по рекомендаціи датчанъ, — съ чиномъ генералъ-лейтенанта. До того времени онъ служилъ въ датской арміи. Бонъ былъ первый кавалеръ ордена св. Александра Невскаго. Императрица Екатерина I. въ день бракосочетанія цесаревны Анны Петровны съ голштинскимъ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, 21 мая 1725 г., собственноручно возложила на Бона знаки этого ордена.

Бонъ исправлялъ должность генералъ-губернатора до 15 января 1727 года, — до прибытія въ Ригу назначеннаго на эту должность генералъ-кригсъ коммисара Григорія Петровича Чернышева, исправлявшаго должность губернатора въ Воронежѣ.

Григорій Петровичъ Чернышевъ (род. 1672 г., умеръ въ Петербургѣ 30 іюля 1745 г.) управлялъ Лифляндіею два года. 12-го

---

[1]) Въ прежней замковой Успенской церкви былъ на хорахъ въ стѣнѣ, вдѣланъ большой деревянный гербъ генералъ-фельдмаршала Репнина, и подъ гербомъ вырѣзаны слѣдующіе стихи:

Inclytus antiquo Russorum ex sanguine princeps,
Impleni partes principis egregii.
Smolensco vitam, Petrus mihi magnus honores,
Mars palmas, Riga at postera fata dedit.
Sortes sicce meas summo moderante Iehovah
Quinquaginta annos, octo et in orbe fui.

т. е. знаменитый князь изъ древняго русскаго рода, я выполнилъ обязанности доблестнаго князя. Смоленскъ далъ мнѣ жизнь, Петръ Великій почести, Марсъ пальмы, Рига же послѣдующія судьбы. — Произволеніемъ Божіимъ я прожилъ на семъ свѣтѣ 58 лѣтъ.

іюня 1729 г. онъ былъ отозванъ въ Москву, на мѣсто же его лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ Петръ Петровичъ Ласси, въ послѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ (17 февраля 1736 г.) и графъ Россійской Имперіи (1739).

Ласси состоялъ лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ до самой своей смерти въ 1751 г., потому считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующія подробности о службѣ его (Воен. Энц. Лекс. VIII, 59):

Ласси, графъ Петръ Петровичъ, родился въ Ирландіи, 30 октября 1678 г., отъ дворянской древней фамиліи. Сначала онъ поступилъ во французскую службу, участвовалъ подъ знаменами славнаго маршала Катина въ Савойской войнѣ, потомъ сражался противъ турокъ въ арміи императора Леопольда и, наконецъ, предложилъ услуги свои Петру Великому, въ 1700 году.

Отличившись храбростію въ разныхъ дѣлахъ противъ шведовъ, Ласси пожалованъ въ 1705 году маіоромъ; былъ тяжело раненъ въ Полтавскомъ сраженіи; первый вступилъ въ Ригу (1710), бывши уже полковникомъ, и наименованъ комендантомъ тамошней крѣпости; находился въ Прутскомъ походѣ (1711); преслѣдовалъ потомъ до Познани Грасинскаго, приверженца Карла XII, и, произведенный въ генералъ-маіоры (1712 г.), служилъ подъ начальствомъ Меншикова въ Помераніи и Голштиніи, гдѣ участвовалъ во взятіи крѣпости Тенингена (1713 г.), въ разбитіи шведскаго генерала графа Штейнбока и въ занятіи города Штетина. Въ слѣдъ за тѣмъ — Ласси, состоя въ арміи графа Шереметева, находился въ Польшѣ, Помераніи и Мекленбургѣ; былъ отправленъ, въ 1719 году, на галерахъ къ шведскимъ берегамъ, и опустошеніемъ ихъ, вмѣстѣ съ генералъ-адмираломъ графомъ Апраксинымъ, заставилъ королеву Ульрику-Элеонору согласиться на предложенный ей миръ. Пожалованъ, еще прежде, за совершенные имъ подвиги, въ генералъ-лейтенанты (1720).

Императрица Екатерина I, при вступленіи на престолъ, возложила на Ласси орденъ Св. Александра Невскаго, въ самый день учрежденія этого знака отличія, 21 мая 1725 года, и пожаловала его генералъ-аншефомъ, членомъ военной коллегіи и главнокомандующимъ арміею, расположенною въ Петербургской, Новгородской и Эстляндской губерніяхъ.

При Петрѣ II, когда князь Меншиковъ, не успѣлъ въ своемъ предпріятіи — посредствомъ переговоровъ получить герцогство Курляндское, Ласси вступилъ въ Курляндію съ тремя пѣхотными и двумя конными полками (1727 г.), для того чтобы вытѣснить графа Морица Саксонскаго, избраннаго курляндскими государственными членами въ наслѣдники престола. Полковникъ Фукъ получилъ приказаніе россійскаго генерала арестовать Морица на островѣ Османгенѣ; но тотъ успѣлъ скрыться на рыбачьей лодкѣ: впрочемъ его избраніе было уничтожено.

Въ 1729 г. Ласси былъ назначенъ лифляндскимъ генералъ-гу-

бернаторомъ. Въ 1733 году, императрица Анна Іоанновна ввѣрила ему начальство надъ двадцатитысячною арміей; съ этимъ войскомъ Ласси двинулся къ берегамъ Вислы противъ приверженцевъ Станислава Лещинскаго, и 4 января прибылъ къ Торну; этотъ городъ покорился новоизбранному королю Августу III, и впустилъ русскій гарнизонъ. Ласси держалъ въ осадѣ Данцигъ; его смѣнилъ графъ Минихъ, но Ласси, оставаясь подъ командою фельдмаршала, разсѣялъ десятитысячный корпусъ графа Тарло и кастеляна Терскаго, спѣшившій на помощь Станиславу, содѣйствовалъ сдачѣ города, истребилъ войска Мощинскаго, овладѣлъ Краковымъ и въ награду за эти подвиги получилъ отъ Августа III орденъ Бѣлаго орла (1734 г.).

Въ 1735 году, Ласси выступилъ къ Рейну съ 12,000 человѣкъ, для соединенія съ арміею принца Евгенія Савойскаго, и прошелъ Богемію и Верхній Пфальцъ, возбуждая вездѣ удивленіе устройствомъ и дисциплиною предводимыхъ имъ полковъ. Вспомогательное войско наше возвратилось назадъ съ береговъ Рейна, по причинѣ заключеннаго тогда мира между Франціею и Австріею. Императоръ Карлъ VI пожаловалъ Ласси портретъ свой, осыпанный бриллантами, и 5,000 червонныхъ; государыня препроводила къ нему фельдмаршальскій жезлъ, 17 февраля 1736 года, и поручила отправиться къ Азову.

Между Изюмомъ и Украинскими линіями, въ степи, татары напали на казаковъ, сопровождавшихъ Ласси, разсѣяли ихъ и частію взяли въ плѣнъ; самъ фельдмаршалъ едва спѣлъ ускакать; экипажи его были остановлены и ограблены. 20 мая Азовъ сдался ему на капитуляцію. Императрица наградила службу Ласси орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, 5 марта 1737 года.

Славнымъ походомъ въ Крымъ, Ласси обезсмертилъ имя свое. Ханъ со всѣмъ войскомъ расположился сзади Перекопской линіи, имъ значительно укрѣпленной, но Ласси повелъ сорокатысячную армію новою дорогой. Согласясь въ военныхъ операціяхъ съ контръ-адмираломъ Бредалемъ, долженствовавшимъ вспомоществовать ему флотиліею на Азовскомъ морѣ, Ласси втянулся въ полуостровъ по Арабатской косѣ, перешелъ Сиваш, разбилъ крымскаго хана и пришедшее къ нему на помощь турецкое войско подъ Карасубазаромъ, жестоко наказалъ татаръ разореніемъ ихъ городовъ и селеній, и очистилъ Крымъ въ концѣ іюля.

Въ слѣдующемъ 1738 г. фельдмаршалъ Ласси снова вступилъ въ Крымъ съ тридцати-пяти тысячною арміей, не потерявъ ни одного человѣка. Ханъ стоялъ у Перекопской линіи съ сорока тысячами татаръ и турокъ. Въ лѣтніе жаркіе дни часть Гнилаго моря высыхаетъ и западный вѣтеръ такъ выгоняетъ изъ него воду, что по дну можно достигнуть полуострова. Фельдмаршалъ воспользовался этимъ вѣтромъ и до прилива успѣлъ перейти море. Перекопъ сдался (26 іюня) съ двухтысячнымъ гарнизономъ янычаръ. Ласси прошелъ далѣе и, взорвавъ всѣ укрѣпленія Перекопской линіи, возвратился въ октябрѣ, въ Украйну.

Въ 1739 г. Ласси былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи; въ 1740 г., по случаю празднества мира съ Оттоманской портою, награжденъ шпагой, осыпанною брилліантами, и пенсіономъ въ три тысячи рублей.

Вскорѣ разгорѣлась война съ Швеціею (1741 года). Правительница Анна Леопольдовна ввѣрила Ласси главное начальство надъ арміею. Фельдмаршалъ, разбивъ (23 го августа) подъ Вильманстрандомъ четырехтысячный шведскій отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Врангеля, взялъ въ плѣнъ его самого и 1200 человѣкъ нижнихъ чиновъ, и овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Вильманстрандомъ. Въ 1742 году завоеваны города: Фридрихсгамъ 29 іюня; Борго, 30 числа; Нейшлотъ, 7 августа; Тавастгусъ, 16 число; Гельсингфорсъ сдался 24-го на капитуляцію, а занимавшій его 17,000 шведскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Бускета, былъ принужденъ положить оружіе.

Военныя дѣйствія возобновились въ 1743 году. Прощаясь съ фельдмаршаломъ, императрица Елисавета Петровна пожаловала ему драгоцѣнный брилліантовый перстень, возложила на него золотый крестикъ съ мощами, обняла его и пожелала ему новыхъ успѣховъ. Противные вѣтры не позволили россійской эскадрѣ прибыть къ Гельсингфорсу прежде 2 го іюня; море во многихъ мѣстахъ близъ берега было еще покрыто льдинами и чрезвычайный холодъ увеличилъ число больныхъ въ нашемъ войскѣ. Между тѣмъ генералъ Кейтъ одержалъ поверхность надъ шведскими галерами. Флотъ непріятельскій, состоявшій изъ осмнадцати кораблей и галеръ, расположился на выгодномъ мѣстѣ близъ Гангуда, чтобы воспрепятствовать Ласси соединиться съ Кейтомъ. 6-го числа, фельдмаршалъ подвинулся къ Твермунду, гдѣ рѣшился ожидать нашего флота съ адмираломъ графомъ Головинымъ. Вскорѣ шведы были поставлены среди галеръ и военныхъ россійскихъ кораблей. Еслибъ Головинъ исполнилъ безотговорочно приказаніе фельдмаршала, не ссылаясь на регламентъ Петра Великаго, непріятель потерпѣлъ бы тогда страшное пораженіе. Ласси отправилъ къ нему, 18 іюня, четырнадцать мелкихъ судовъ съ войсками; Шведы подняли паруса и готовились помѣшать соединенію ихъ съ кораблями; Головинъ сдѣлалъ подобное движеніе, вышелъ также въ открытое море; но оба флота не рѣшились вступить въ бой, и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, нашъ флотъ отплылъ къ острову Гохланду, близъ Ревеля, гдѣ простоялъ спокойно до заключенія мира, а шведскій удалился въ Карлскрону. 23-го іюня фельдмаршалъ прибылъ въ Суттонгу; тамъ нашелъ онъ эскадру генерала Кейта. Непріятельскія галеры удалились къ Стокгольму; наши подходили къ острову Дегерби. 26-го числа былъ держанъ военный совѣтъ, въ которомъ положено плыть до Руденгама, послѣдняго острова въ финляндскихъ шкерахъ, а при первомъ попутномъ вѣтрѣ идти къ берегамъ Швеціи и сдѣлать на нихъ высадку; 29-го фельдмаршалъ намѣревался выступить въ море, какъ получилъ извѣстіе изъ Або отъ нашихъ министровъ, что предварительныя статьи о

мирѣ уже подписаны ими и шведскими полномочными, и что заключено перемиріе. Императрица прислала къ графу Ласси собственную свою яхту для въѣзда его въ С.-Петербургъ. пожаловала ему потомъ нѣсколько деревень, шпагу и табакерку, осыпанныя брилліантами, и три тысячи рублей прибавочнаго жалованья. Послѣ военныхъ трудовъ, онъ вступилъ снова въ отправленіе должности лифляндскаго генералъ-губернатора, и скончался въ Ригѣ, 19 апрѣля 1751 г., на семьдесятъ третьемъ году отъ рожденія.

Указы и рескрипты императрицы Анны Іоанновны лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ.

1730-й годъ.

1.

Указъ нашему генералу Лессію.

Указали мы, которые присланы отъ королевскаго величества прусскаго лошади и нынѣ въ Ригѣ, и оныхъ лошадей прислать къ намъ въ Москву, и для провожанія конвой и на дорогу что надлежить на проѣздъ до Москвы (дать) денегъ и фуражу Анна. Въ Москвѣ, апрѣля 23 дня 1730 г

Примѣчаніе издателя. Императоръ Петръ II Алексѣевичъ скончался 14-ти лѣтъ отъ роду въ Москвѣ въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г. Верховники т. е. члены верховнаго тайнаго совѣта на совѣщаніи, происходившемъ 19 января 1730 г., по предложенію князя Дмитрія Михайловича Голицына, избрали на всероссійскій престолъ герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, проживавшую въ Митавѣ (см. Приб. Сб. I, 303), но на условіяхъ, ограничивавшихъ самодержавіе. Въ тотъ же день было написано письмо къ новоизбранной императрицѣ отъ верховнаго тайнаго совѣта, и письмо это съ условіями отправили въ Митаву съ верховникомъ княземъ Василіемъ Лук. Долгорукимъ и сенаторомъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ. Замыслы верховниковъ встрѣтили, однако, сильное неудовольствіе въ высшихъ слояхъ тогдашняго русскаго общества. Извѣстный Ягужинскій послалъ въ Митаву Петра Спир. Сумарокова предупредить новоизбранную императрицу, чтобы она не всему вѣрила, что ей будутъ говорить Долгорукій и Голицынъ, пока сама не прибудетъ въ Москву. Анна Іоанновна приняла, однако, условія, подписала ихъ и 28 января 1830 г. увѣдомила о томъ верховный тайный совѣтъ.

На другой день, 29 января, государыня выѣхала изъ Митавы и въ 2 часа пополудни, въ сопровожденіи 100 драгунъ, прибыла въ Ригу, гдѣ была торжественно встрѣчена генералъ-губернаторомъ

Ласси, войсками, которыми командывалъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, дворянствомъ и почетными дамами. 30 января государыня выѣхала изъ Риги въ Москву, а 4 февраля верховный тайный совѣтъ издалъ манифестъ объ избраніи Анны Іоанновны съ оговоркою, что о приводѣ къ присягѣ отъ ея императорскаго величества указы выданы будутъ впредь немедленно.

Государыня прибыла въ село Всесвятское 10 февраля и здѣсь остановилась, давъ приказаніе похоронить на другой день тѣло Петра II, находившееся въ Лефортовскомъ дворцѣ. 25 февраля были уничтожены условія избранія, и коронованіе Анны Іоанновны самодержавною императрицею совершилось 28 апрѣля 1730 г.

Вѣсть о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны была принята при берлинскомъ дворѣ съ большою радостію. Король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, при полученіи извѣстія о возстановленіи самодержавія въ Россіи, былъ особенно веселъ: за столомъ пилъ за здоровье Анны, воскликнувъ: „Теперь я уже не стану смотрѣть на Польшу въ дѣлахъ курляндскихъ!“ Состоявшій при Аннѣ Іоанновнѣ, въ бытность ея герцогинею курляндскою, камергеромъ, а въ день коронаціи 28 апрѣля пожалованный въ оберъ камергеры русскаго двора, графъ (впослѣдствіи герцогъ курляндскій) Іоаннъ Эрнстъ Бирономъ былъ большой любитель лошадей. Король прусскій, чтобы задобрить Бирона, и послалъ въ Москву лошадей, о которыхъ упоминается въ этомъ указѣ.

2.

Указъ нашему генералу Лессію.

Увѣдомлены мы, что обрѣтающійся съ командою въ Митавѣ маіоръ Нѣмцовъ вступаетъ въ дѣла, въ которыя ему неподлежало, того ради повелѣваемъ, по полученіи сего, помянутаго маіора смѣнить, а на его мѣсто изъ Риги послать капитана Петерсона съ такимъ опредѣленіемъ, дабы онъ какъ ввотчинныя, такъ и въ шляхетскія дѣла не вступался, и обидъ никакихъ не чинилъ, и сборовъ не собиралъ развѣ о какомъ вспоможеніи васъ наша канцелярія потребуетъ, и до крестьянъ какого бы они званія не были, не касался; ежели же онымъ надлежитъ о чемъ просить, чтобъ просили въ канцеляріи и тамошнихъ оберъ-ратовъ, и ему капитану до сего ни до чего дѣла нѣтъ, а смотрѣть своей должности. Драгуны, которые обрѣтаются въ Митавѣ и получаютъ изъ Курляндіи порціи и раціи, и онымъ изъ Курляндіи брать ничего не велѣть, а давать надлежащее имъ изъ Риги. Анна. Въ Москвѣ, мая 14 дня 1730 г.

Прим. изд. Послѣднимъ изъ рода Кетлеровъ курляндскимъ герцогомъ былъ Фердинандъ. Онъ былъ бездѣтенъ. Въ ожиданіи его смерти сосѣдніе державы еще въ концѣ 1725 г. начали хлопотать устроить будущность Курляндіи согласно съ ихъ интересами, при чемъ дѣло усложнялось и затруднялось тѣмъ, что претенденты на курляндскій престолъ должны были вмѣстѣ и быть женихами

герцогини — вдовы Анны Іоанновны, постоянно проживавшей въ Митавѣ. Самымъ дѣятельнымъ претендентомъ явился молодой Морицъ, графъ Саксонскій, побочный сынъ короля польскаго Августа II и графини Кенигсмаркъ. Въ началѣ 1726 г. онъ прибылъ въ Митаву, представился герцогинѣ, и успѣлъ понравиться какъ ей, такъ и курляндскому дворянству. Его сторону принялъ управлявшій имѣніями герцогини въ Курляндіи Петръ Бестужевъ и курляндскій депутатъ на варшавскомъ сеймѣ Бракель, который именемъ короля Августа II заявилъ курляндскому дворянству, что если оно выберетъ Морица Саксонскаго въ герцоги, то препятствій не будетъ ни съ польской, ни съ русской стороны. 18 іюня 1726 г. курлявдскій сеймъ единогласно избралъ преемникомъ Фердинанда графа Морица. Но въ Петербургѣ не хотѣли согласиться ни на это избраніе, ни на бракъ Морица съ вдовствующею герцогинею, потому въ августѣ 1727 г. было предписано командовавшему войсками въ петербургской, лифляндской и эстляндской губерніи генералу Ласси выгнать графа Морица изъ Курляндіи. Ласси исполнилъ приказаніе, переправился чрезъ Двину и едва было не захватилъ въ плѣнъ Морица, который успѣлъ бѣжать изъ Курляндіи, чѣмъ и уничтожился его выборъ.

Ласси, по исполненіи возложеннаго на него порученія, возвратился обратно въ Лифляндію, но въ Митавѣ оставилъ русскій отрядъ войскъ подъ начальствомъ маіора Нѣмцова.

Здѣсь не излишне вспомнить, что для управленія имѣніями и дѣлами вдовствующей герцогини курляндской былъ назначенъ еще въ 1713 г. Петръ Мих. Бестужевъ (см. Приб. Сб. I, 303). Должность эту онъ исправлялъ до 1726 г., пользуясь большимъ расположеніемъ вдовствующей герцогини. Въ 1727 г. онъ былъ вызванъ Меньшиковымъ въ Петербургъ и здѣсь былъ задержанъ, какъ глава „бестужевскаго кружка“, враждебнаго одинаково и Меньшикову и Остерману. Ему позволили возвратиться въ Митаву лишь по низложеніи Меньшикова, въ концѣ 1727 г. Здѣсь онъ засталъ въ фаворѣ Эрнста Бирона и потерялъ всякое значеніе у герцогини. Въ слѣдующемъ 1728 года, когда возникло дѣло Волконской и когда обнаружилось, что въ своихъ письмахъ онъ называлъ Бирона не иначе, какъ „канальей курляндцемъ“, его взяли изъ Курляндіи съ „опалою“, велѣли жить въ деревняхъ, а на его мѣсто управляющимъ дѣлами и имѣніями вдовствующей герцогини въ Курляндіи назначили курляндца Рацкаго, принятаго въ русскую службу.

Нѣмцовъ, по всей вѣроятности, не сошелся съ Рацкимъ, если вызвалъ противъ себя приведенный указъ.

3.

Господинъ генералъ.

Посылается при семъ кавалерія нашего ордена святого апостола Андрея, котораго мы курляндскаго ландгофмейстера Бракеля милостивѣйше пожаловать изволили, мы тебѣ всемилостивѣйше повелѣваемъ съ оною, по полученіи сего, обрѣтающагося у тебя нашего генерала

поручика Балка къ нему ландгофмейстеру въ Митаву нарочно отправить съ тою коммисіею, чтобъ онъ ему оную кавалерію отъ насъ вручилъ и именемъ нашимъ надѣвалъ. Анна. Въ Измайловѣ, іюня 1 дня 1730 г

Прим. пер. Курляндскій ландгофмейстеръ Бракель былъ однимъ изъ главныхъ приверженцевъ кандидатуры графа Морица Саксонскаго, съумѣвшаго понравиться вдовствующей герцогинѣ. Бракель способствовалъ избранію Морица въ герцоги, и хотя это избраніе не имѣло послѣдствій, и предполагаемый бракъ не состоялся, но Анна Іоанновна не забыла Бракеля, пожаловала орденомъ св. Андрея, и чрезъ полгода вызвала его въ Москву (см. ниже, 6).

4.

Указъ генералу Лесси.

Указали мы Карла Магнуса Левенвольда, который приговоренъ былъ въ Ригѣ за арестомъ сидѣть три года, для нынѣшней нашей коронаціи изъ за аресту освободить, и вамъ учинить о томъ посему нашему указу Анна. Даты нѣтъ; отмѣтка: получено 3 іюня 1730 г

5.

Господинъ генералъ Лессій.

Гофмейстерина, которую мы выписали для ея высочества принцессы нашей вселюбезнѣйшей племянницы, изъ Берлина уже отправилась, и какъ она пріѣдетъ въ Ригу, то велите ей и при ней обрѣтающимся дать квартиру и всѣмъ довольствовать и отправить сюда съ ея экипажемъ, опредѣля надлежащій конвой солдатъ, такожъ что ей будетъ потребно, то все исправить и на подводы до Москвы, сколько надобно по ея требованію, дайте подорожную. Анна. 1730 г., декабря 3 дня въ Москвѣ.

Прим. изд. Племянница, о которой говорится въ этомъ указѣ, есть Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская, впослѣдствіи правительница Россіи, дочь герцога Карла-Леопольда Мекленбургскаго и сестры государыни Екатерины Іоанновны.

Гофмейстерина, которую выписали изъ Берлина для двѣнадцатилѣтней Анны Леопольдовны, была госпожа Адеркасъ. Въ іюлѣ 1735 г. госпожу Адеркасъ выслали обратно въ Германію за то, что она, вмѣсто того, чтобы дать хорошее воспитаніе принцессѣ и блюсти за ея поведеніемъ, вздумала потворствовать сношеніямъ между принцессою и однимъ иностраннымъ посланникомъ (Манштейнъ I, 63).

Въ 1730 году 4-го марта состоялось важное правительственное распоряженіе: верховный тайный совѣтъ и высокій сенатъ, по прошенію генералитета и дворянства, поданному государынѣ 25 февраля о принятіи самодержавія, были упразднены и возстановленъ правительствующій сенатъ въ томъ значеніи, какой онъ имѣлъ

при Петрѣ Великомъ. Число сенаторовъ было опредѣлено, какъ и просили генералитетъ и дворянство, 21.—Изъ числа иноземныхъ сенаторовъ, была лишь одна нѣмецкая фамилія — барона Андрея Ивановича Остермана.

23 августа 1730 г. состоялись жалованныя грамоты дворянству Эстляндіи и Лифляндіи и городамъ Риги и Ревелю съ подтвержденіемъ ихъ правъ и преимуществъ. Грамоты эти напечатаны въ Пол. Собр. Зак. подъ №№ 5607, 5608, 5609 и 5610.

1731-й годъ.

6.

Господинъ генералъ Лессій.

Когда бывшій ландгофмейстеръ Бракель прибудетъ въ Ригу, то велите отвесть ему добрую квартиру и опредѣлите караулъ, каковъ надлежитъ кавалеру ордена святаго Андрея, а когда онъ изъ Риги будетъ отправляться, дайте конвой солдатъ и подводы, какія и сколько онъ будетъ требовать. Въ Москвѣ, генваря 4 дня 1731 г Анна.

Прим. изд. Бракель, по пріѣздѣ въ Москву, былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и весною 1731 г. былъ отправленъ посланникомъ въ Копенгагенъ на мѣсто Алексѣя Петровича Бестужева (сына управлявшаго дѣлами и имѣніями въ Курляндіи Анны Іоанновны Петра Михаиловича Бестужева), которому было повелѣно быть резидентомъ въ ганзейскихъ городахъ Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ.

7

Указъ нашему генералъ-аншефу и Лифляндіи губернатору Лессію.

Указали мы отдать въ Ригѣ изъ казны нашей изъ рижской рентереи оберъ гофкоммисару Липману, или кому онъ прикажетъ принять, за покупныя у него алмазныя вещи денегъ 50 тысячь ефимковъ албертусъ предбудущаго іюня въ первыхъ числахъ нынѣшняго 1731 года съ росписку, того ради о выдачѣ оныхъ денегъ учинить вамъ по сему нашему указу Въ Москвѣ, марта дня 1731 г Анна.

Прим изд. Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны начинается при дворѣ сильная роскошь. Она любила развлеченія, празднества и ея дворъ еще въ Курляндіи отличался роскошью, на которую не мало жаловались курляндскіе дворяне. Люди близкіе къ Аннѣ, Бирон и Левенвольды, спѣшили весело пожить на чужой счетъ. Праздники, балы и маскарады слѣдовали одинъ за однимъ, поглощая огромныя суммы. Эта роскошь возбуждала сильное неудовольствіе между русскою знатью (См. Соловьева XIX, 322).

8.

Господинъ генералъ Лессій.

Когда будетъ у васъ коммисіонъ-секретарь Кацъ требовать въ Митаву каменьщиковъ и плотниковъ и другихъ мастерствъ или работниковъ, тогда потому его требованію опредѣлите къ нему изъ полковъ сколько человѣкъ надлежитъ, а за работу будетъ имъ заплата противъ того какъ въ резиденцію нашу въ Митавѣ работали. Въ Москвѣ, апрѣля 12 дня 1731 г. Анна.

9.

Указъ нашему генералу и губернатору лифляндскому Лессію.

Въ прошломъ 730 году пожаловали мы нашему оберъ гофмаршалу и кавалеру графу фонъ Левенвольду лежащіе въ Лифляндіи мызы Баугенгофъ и Вилзенъ со всѣми къ нимъ принадлежностями и на тотъ 730 годъ доходами, а понеже нынѣ извѣстно намъ учинилось, что оные мызы тѣмъ арендаторамъ, которые ихъ держатъ, нѣкоторою сумиою денегъ должны, а именно мыза Баугенгофъ арендатору капитану Бранту 4000 ефиимковъ, мыза Вилзенъ ассесору Стернфельту 2000 ефимковъ съ принадлежащими на тотъ 730 годъ интересами, чего ради онъ, нашъ оберъ гофмаршалъ, надлежащіе съ нихъ доходы и понынѣ несполна получаетъ, и того ради повелѣваемъ нашему генералу и лифляндскому губернатору Лессію помянутую сумму чѣмъ оныя мызы вышеписаннымъ арендаторамъ должны и за прошлой 730 годъ съ интересами за нихъ имъ заплатить изъ губернаментскихъ экономическихъ доходовъ сполна, и совсѣмъ ему оныя мызы очистить. Данъ въ Москвѣ, мая 10 дня 1731 г Анна.

Прим. изд. Родъ лифляндскихъ дворянъ Левенвольдовъ происходитъ изъ Люнебурга. У извѣстнаго уполномоченнаго лифляндскаго дворянства барона Гергарда Іоанна Левенвольда было трое сыновей: Фридрихъ, съ 1726 г. графъ россійской имперіи; Рейнгольдъ Густавъ, графъ и оберъ-гофмаршалъ двора Анны Іоанновны съ 1730 года и Карлъ-Густавъ, графъ и командиръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, сформированнаго въ 1730 г.

Жалуемый этимъ указомъ помѣстьями въ Лифляндіи графъ Левенвольдъ есть Рейнгольдъ-Густавъ. Бирономъ и онъ, вмѣстѣ съ Остерманомъ, при дворѣ Анны Іоанновны играли первенствующія роли во все ея царствованіе. Причины, побудившія императрицу сосредоточить власть въ рукахъ иноземцевъ и увеличить число гвардіи, изложены Соловьевымъ въ XIX т. его исторіи на стр. 269—271. Бирономъ и Левенвольдъ съ товарищами, по личнымъ своимъ качествамъ, были люди недостойные занимать высокія мѣста. Всѣ они были паразитами, производившими лишь болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны. Бирономъ, красивый и привлекательный въ своемъ обращеніи господинъ, хотѣлъ лишь пользоваться случаемъ, чтобы по-

жить хорошо на счетъ Россіи. Ему, какъ и Левенвольду съ товарищи, нужны были деньги, а до того какъ они собирались, имъ не бѣло никакого дѣла. Бирономъ очень хорошо видѣлъ, что его не любятъ, что русскіе его считаютъ недостойнымъ того значенія, какое онъ получилъ, и, по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, преслѣдовалъ людей, которыхъ считалъ опасными для себя и для того правительства, которымъ онъ держался. Этихъ стремленій было достаточно для произведенія бироновщины.

10.

Ordre an unszeru General von Laçy

Nachdem wir in Erfahrung gekomen, dasz der ietzo in Liefland sich aufhaltender capitain Richter, seit währendes seines letzten Aufhenthalts in St.-Petersburg, sehr fleiszig des Vice Præsidenten Ficke Haus frequentiret. Er aber der Vice Præsidente Ficke, gleich nach Absterben unsers in Gott ruhenden Herrn Vettern Petri des 2-ten, glorwürdigsten Andenkens unterschidene und einen getreuen Unterthanen und Bediente ungeziehmende Reden geführt, und unter anderem auch obgedachter capitain Richter selbo angehöret haben soll. Als hat Herr General mehr erwänten Capitain in seiner und derer Regierungs Räthe Gegenwart eydlich abhören zu lassen, in wie weit und auf was vor eine Art der Fick von der Souverainitet und einer künftigen Regierungs Form sich ausgelassen, und was dessen sentiments oder discours gewesen, wobei H. General den Capitain Richter zu gleich zn vermahnen hat, die reine Wahrheit ohne Scheu auszusagen, und sich unsere Ungnade zu hüten habe. Diese Sache hat General selbst nicht alleine still zu halten, sondern denen Regierungs Räthen sowohl als dem Capitain Richter anzudeuten, dasz Sie von der gantzen Sache mit Jemand zu reden, sich nicht unterstehen mögen. Folglich hat General die eitliche Aussage (Richter's) an uns direct hieher zu übersenden und eine gleich lautende Aussage am unsere General Feldzeugmeister den graffen von Münnich nach St.-Petersburg zu communiren. Moscau, den 3 Mai 1731 j. Анна.

Прим. изд. Въ переводѣ этотъ указъ гласитъ такъ: Ордеръ нашему генералу фонъ Ласси. Мы узнали, что пребывающій нынѣ въ Лифляндіи капитанъ Рихтеръ, въ послѣднюю бытность свою въ Петербургѣ, очень прилежно посѣщалъ домъ вице-президента Фика. Этотъ вице-президентъ Фике, вскорѣ по кончинѣ нашего въ Бозѣ почившаго племянника Петра II, знаменитой памяти, различныя и вѣрному подданному и чиновнику велъ неподобающія рѣчи, кои, между прочими, долженъ былъ слышать также и вышеназванный капитанъ Рихтеръ. Вслѣдствіе сего вы, г. генералъ, должны упоминаемаго капитана въ своемъ и другихъ регирунгсъ-ратовъ присутствіи допросить подъ присягою на сколько далеко и какимъ образомъ Фикъ выражался о самодержавіи и о будущей формѣ правленія и какія мнѣнія или рѣчи были высказываемы, при чемъ вы, г. генералъ, должны внушить капитану

Рихтеру, чтобы онъ разсказалъ чистую правду безъ страха подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, нашей немилости. Это дѣло вы, генералъ, не только сами должны хранить въ тайнѣ, но вы должны выяснить какъ регирунгсъ-ратамъ, такъ и капитану Рихтеру, чтобы они обо всемъ этомъ дѣлѣ не смѣли ни съ кѣмъ разговаривать. За тѣмъ подлинное показаніе вы, генералъ, перешлите прямо намъ, а копію съ показанія сообщите нашему генералъ-фельдцехмейстеру графу Миниху въ Петербургъ. Москва, 3 мая 1731 г. Анна.

Для объясненія этого указа необходимо вспомнить, что извѣстныя ограничительныя пункты верховниковъ были уничтожены 25 февраля 1730 г., но зачинщиковъ этихъ пунктовъ — Голицыныхъ и Долгорукихъ—не трогали до апрѣля 1730 г.—8 апрѣля 1730 г. сенатъ получилъ имянной указъ опредѣлить князя Василія Лукича Долгорукаго губернаторомъ въ Сибирь, князя Михаила Долгорукаго въ Астрахань, князя Ивана Григорьевича Долгорукова воеводою въ Вологду; князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову съ семействомъ и его брату князю Сергѣю велѣно жить въ дальнихъ деревняхъ. Въ тотъ же день указано бывшаго курляндскаго управляющаго дѣлами и имѣніями герцогини Петра Михайловича Бестужева сослать въ дальнія деревни, дочь его, княгиню Волконскую, содержать въ Тихвинскомъ монастырѣ подъ карауломъ, а ея пріятеля лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ поручика Абрама Петрова послать въ Перновъ къ инженернымъ и фортификаціоннымъ дѣламъ по его рангу. 10 апрѣля былъ снятъ допросъ съ Василія Долгорукаго, а 14 апрѣля состоялся манифестъ о винахъ Долгорукихъ: князя Василія лишили чиновъ и орденовъ и сослали въ деревню, другихъ Долгорукихъ разослали по городамъ воеводами, а иныхъ на житье въ деревняхъ.

За тѣмъ чрезъ годъ послѣ опалы Долгорукихъ (извѣстно, что ссылками ихъ не кончилось), начали допрашивать знакомыхъ князя Василія Лукича, въ числѣ которыхъ былъ и вице-президентъ коммерцъ коллегіи фонъ Фикъ. 1 марта 1731 г. допрашивали Фика и въ числѣ 6-ти допросныхъ ему пунктовъ, въ 4-мъ значилось: Какіе проекты ты о томъ дѣлѣ (т. е. объ ограниченіи самодержавія) сочинилъ тогда или и прежде того, и кому ты оные сообщилъ? Отвѣты Фика писалъ извѣстный Ушаковъ, а Фикъ подписалъ по нѣмецки клятвенное утвержденіе, что онъ въ этихъ проектахъ никакого участія ни письменнаго, ни устнаго не принималъ.

Что отвѣчалъ Рихтеръ на допросѣ, произведенномъ ему въ Ригѣ по вышеприписанному указу, неизвѣстно, но, конечно, онъ не могъ не дать такого же отвѣта, какъ и Фикъ, по той простой причинѣ, что и Фикъ и Рихтеръ были слишкомъ малозначительные люди, чтобы такіе вельможи, какими были Долгорукіе и Голицыны, могли входить въ какіе либо прямые связи съ ними и посвятить ихъ въ такіе важные дѣла, какъ избраніе государыни.

О Фикѣ Манштейнъ (I, 37) сообщаетъ, что императоръ Петръ I посылалъ его въ 1716 г. въ Швецію для собранія свѣдѣній по многимъ предметамъ относительно управленія этой страны. Фикъ, въ бытность свою въ Швеціи, пристрастился къ республиканскому

правленію и когда по смерти Петра II верховники задумали измѣнить образъ правленія, то онъ, Фикъ, вздумалъ выслужиться и завязалъ переписку съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, въ которой излагалъ совѣты какъ утвердить новую систему. Переписку открыли, узнали, что Фикъ слишкомъ вольно отзывается о Биронѣ, за это его арестовали и сослали въ Сибирь, гдѣ онъ и находился до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны.

11.

Понеже намъ всеподданнѣйше донесено, коимъ образомъ по учиненномъ отъ насъ всемилостивѣйшемъ пожалованіи нашемъ оберъ каммергеру и кавалеру графу Бирону лежащихъ въ Лифляндіи маетностей Венденъ и Фрейденбергъ при учиненномъ въ тѣхъ маетностяхъ разсмотрѣніи и описаніи, нынѣшніе оныхъ арендаторы такіе чрезмѣрные и необыкновенные претензіи чинятъ, чрезъ которые оной нашъ оберъ камергеръ не токмо до полнаго владѣнія тѣхъ маетностей и до полученія надлежащихъ изъ оныхъ доходовъ до сего времени достичь немогъ, но ежелибъ тѣ арендаторы при такой своей арендѣ еще далѣе оставлены и продолжены были чрезъ чинимые отъ нихъ новые такіе жъ непристойные впредь претензіи отъ большей части пользы сей нашей ему учиненной высочайшей милости вовсе лишиться можетъ, того ради повелѣваемъ нашему лифляндскому гувернаменту чрезъ сіе всемилостивѣйше у тѣхъ арендаторовъ тѣ маетности Венденъ и Фрейденбергъ дѣйствительно отнять, и оные купно съ надлежащими доходами съ того времени и, такъ какъ оные ему всемилостивѣйше отъ насъ пожалованы, оному нашему оберъ камергеру графу Бирону безъ замедленія въ полное собственное владѣніе и диспозицію отдать. А чинимые отъ тѣхъ арендаторовъ претензіи въ лифляндскомъ нашемъ гувернаментѣ по экономическимъ регуламъ и обыкновеніямъ надлежащимъ образомъ разсмотрѣть, а что по такомъ разсмотрѣніи по справедливости имъ принадлежитъ и то имъ исправно выдано и отъ помянутаго нашего оберъ камергера заплочено быть имѣетъ. Анна. Безъ даты. Получ. 28 марта 1731 г

Прим. изд. Бирона пожалованъ въ оберъ-камергеры, а Левенвольдъ въ гофмаршалы въ день коронаціи, 28 апрѣля 1730 г. Эти незаслуженныя пожалованія чинами, званіями, огромными помѣстьями людей чужихъ, людей не отличавшихся никакими выдающимися способностями, сильно оскорбляли національное чувство людей русскихъ и вызвали нескрываемый ропотъ. При дворѣ знали о неудовольствіи и сочли потому необходимымъ увеличить число гвардейскихъ полковъ. Сформировали Измайловскій полкъ и при этомъ нанесли новое оскорбленіе русскимъ. Брата гофмаршала, Карла Густава Левенвольда, назначили полковникомъ новаго полка съ произведеніемъ прямо въ генералъ-лейтенанты и поручили ему набрать въ

новый полкъ офицеровъ „изъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и прочихъ націй иноземцевъ и изъ русскихъ“

Здѣсь не излишне сказать, что этотъ Карлъ-Густавъ Левенвольдъ былъ лифляндскимъ ландратомъ и прибылъ въ Москву въ числѣ другихъ депутатовъ просить новую императрицу о подтвержденіи лифляндскихъ привиллегій. Привиллегіи были утверждены 23 августа 1730 г., депутаты уѣхали домой, но Карлъ-Густавъ Левенвольдъ остался въ Москвѣ, воспользовался „фаворомъ“ своего брата и Бирона и воспользовался, конечно, какъ не надѣялся: получилъ полкъ, генералъ-лейтенантскій чинъ и потомъ придворное званіе оберъ шталмейстера. Офицеровъ въ новый полкъ Левенвольдъ набралъ изъ „лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и прочихъ націй иноземцевъ“, какъ сказано въ указѣ о сформированіи новаго полка. Шотландецъ Кейтъ, перешедшій изъ испанской службы въ русскую, назначенъ былъ подполковникомъ измайловскаго полка, а Кейтъ въ свою очередь рекомендовалъ Левенвольду принять въ измайловскій полкъ капитанъ-поручикомъ Ю. Ю. Броуна (впослѣдствіи лифляндскій генералъ-губернаторъ). Изъ словъ указа видно, что правительство Анны относило лифляндцевъ и эстляндцевъ къ иноземцамъ, получавшимъ жалованья вполтора и вдвое противъ русскихъ.

Вообще ропотъ на явное предпочтеніе иноземцевъ русскимъ былъ дъ того великъ, что польскій посланникъ Потоцкій въ разговорѣ со секретаремъ французскаго посольства Мальяномъ сказалъ (см. Соловьева XIX, 225): „Боюсь, чтобы русскіе теперь не сдѣлали того же съ нѣмцами, что сдѣлали съ поляками во время Лжедимитрія, хотя поляки тогда и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ ожесточенію“ Маньянъ отвѣчалъ ему: „Не безпокойтесь: тогда не было гвардіи, а теперь у русскихъ нѣтъ вождя по смерти фельдмаршала Голицына“ (Фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ умеръ въ концѣ 1730 г.).

12.

Указъ генералу Лессію.

По полученіи сего, нашимъ указомъ объяви президенту Исаеву чтобъ онъ убрався совсѣмъ ѣхалъ въ Москву, понеже опредѣленіе ему будетъ здѣсь, а что въ его вѣдомствѣ имѣлось, тобъ онъ все то надлежащимъ порядкомъ поручилъ кому достойно изъ тѣхъ же чиновъ, которые съ нимъ присутствовали до указу Въ Москвѣ, мая 31 дня 1731 г *Въ Іюлѣ мѣсяцѣ конечно въ Москвѣ былъ. Анна.*

Прим. изд. Должность оберъ-инспектора и президента рижскаго магистрата была учреждена въ 1713 году и ввѣрена Ильѣ Исаеву. Въ именномъ указѣ объявленномъ изъ сената отъ 14 октября 1713 г. (П. С. З. № 2723) повелѣно быть лифляндскому шляхетству подъ вѣдомствомъ рижскаго губернатора, а купечеству подъ вѣдомствомъ оберъ-инспектора, но, впрочемъ, кругъ обязанностей Исаева былъ довольно неопредѣленный.

Именнымъ, состоявшимся въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, ука-

зомъ отъ 31 іюля 1729 г. (П. С. З. № 5453), о дѣлахъ, подлежащихъ власти президента и оберъ инспектора рижскаго магистрата Ильи Исаева, было опредѣлено:

1. Будучи ему, Исаеву, въ Ригѣ, какъ въ магистратскихъ дѣлахъ, такъ и въ сборахъ пошлинъ чинить по указамъ, и всѣхъ пошлинныхъ конторъ служителямъ быть въ его вѣдомствѣ.

2. Лицентныхъ и прочихъ пошлинныхъ конторъ служителямъ жалованье давать по указамъ 1722, 1725 и 1728 годовъ, также и за содержаніе огневыхъ бакъ (маяковъ) въ Курляндіи и на Эзелѣ дачу производить изъ лицентнаго и изъ прочихъ пошлинныхъ конторъ.

3. Россійскимъ купецкимъ и прочимъ торговымъ людямъ, какъ въ пошлинномъ платежѣ, такъ судомъ и расправою въ купецкихъ дѣлахъ быть, по прежнему, въ вѣдомствѣ его оберъ-инспектора; а когда кто изъ нихъ въ такихъ дѣлахъ взяты али приведены будутъ на гауптвахту, тѣхъ ставить къ нему жь оберъ-инспектору, а въ губернской канцеляріи тѣхъ купецкихъ людей ни по какимъ истцовымъ дѣламъ не вѣдать.

4. Паспорты отъѣзжающимъ за границу иноземцамъ и русскимъ купецкимъ людямъ давать изъ губернской канцеляріи, справляясь съ Исаевымъ нѣтъ-ли на нихъ дѣлъ и пошлинныхъ доимокъ. А отъѣзжающимъ изъ Риги въ Россію русскимъ купцамъ, паспорты давать Исаеву отъ себя (очевидно, что верховный тайный совѣтъ не считалъ Лифляндію Россіею)

5. Для таможни быть секретарю съ жалованьемъ изъ доходовъ рижской таможни по 240 р. въ годъ.

Съ отозваніемъ въ Москву Исаева должность президента рижскаго магистрата упразднилась.

13.

Указъ нашему генералу Лессію.

Доносилъ намъ нашъ оберкамергеръ. писали вы къ нему, что явились въ Ригѣ вывезенные изъ Прусъ позументы подъ нашимъ именемъ, а понеже мы оттуда про нашу потребность ничего не выписывали, и того ради повелѣваемъ вамъ. какъ нынѣ, такъ и впредь, никакихъ товаровъ ни откуда подъ нашимъ именемъ и также подъ чьимъ другимъ безъ пошлинъ не пропускать, ибо прежде сего довольно было, что, не распечатавъ и не осмотря, подъ такимъ же способомъ сюда пропускали и съ чего только не малая конфузія находилась, но нынѣ прилѣжно того смотрѣть, чтобъ никто не облыгался, и ежели таковые явятся, что подъ нашимъ именемъ или подъ чьими другими что повезутъ, то ихъ въ Ригѣ задерживать, и всѣ товары ихъ распечатавъ и осмотря, брать настоящую пошлину и поступать съ ними по указамъ, а безъ пошлинъ ни сюда ни паки назадъ изъ Риги отнюдь никого не выпускать, будежъ про насъ что будетъ потребно, то какъ и напредь сего было такъ и впредь о томъ имянно отъ насъ будетъ писано. Въ Москвѣ, іюля 22 дня 1731 г Анна.

14.

Указъ нашему гинералу и рижскому губернатору Лессію.

Каковъ мы счетъ отъ маіора барона фонъ Розена получили, оной для надлежащаго разсмотрѣнія посылаемъ къ вамъ при семъ нашемъ указѣ, и повелѣваемъ нашему генералу Лессію оной счетъ съ нимъ барономъ Розеномъ немедленно освидѣтельствовать и надлежаще разсмотрѣть и объ исправности онаго прислать въ кабинетъ нашъ обстоятельную вѣдомость, дабы ему барону Розену возможно было дать надлежащую квитанцію. Анна. Декабря 15 дня 1731 г № 78.

Въ 1731 г. состоялось нѣсколько правительственныхъ распоряженій по лифляндскимъ и эстляндскимъ дѣламъ, изъ которыхъ важнѣйшіе:

1) Генералъ фельдцехмейстеру графу Миниху было предписано 3 марта осмотрѣть всѣ крѣпости въ Лифляндіи и Эстляндіи: Ригу съ цитаделью, Питеръ и Александръ шанцы, Динаминдъ, Перновъ, Аренсбургъ, Дерптъ, Ревель, Нарву и Ивангородъ, равно и Псковъ, и распорядить работы въ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рижскому магистрату предписывалось (П. С. З. № 5708) ежегодно расходовать на содержаніе рижской крѣпости до 10,000 р. Крѣпостные работы надлежало производить солдатами съ уплатою имъ лѣтомъ по алтыну, а зимою по 2 коп. каждому.

2) По просьбѣ депутатовъ отъ шляхетства лифляндскаго, ландрата графа Левенвольда и ландмаршала Берга, воспрещенъ 12 марта ввозъ въ Лифляндію изъ Польши и Волыни горячаго вина (П. С. З. № 5712).

3) 1 апрѣля пожалованы знамена коннымъ ротамъ города Риги съ назначеніемъ въ тѣ роты ротмистромъ Самуила Фельдмана и поручикомъ Ягана Кенигсфельдта (П. С. З. № 5734).

4) На содержаніе нищихъ въ Ревелѣ, 8 августа велѣно отпускать въ ревельскій магистратъ еще по 4 ласта въ годъ хлѣба (П. С. З. № 5740). По привиллегіямъ Ревеля, надлежало давать съ отвозимаго изъ Ревеля въ Швецію хлѣба по пурѣ съ ласта и половину порторныхъ денегъ на содержаніе нищихъ. Но какъ, по мирному договору со Швеціею, съ отвозимаго въ Швецію хлѣба пошлины отмѣнялись, потому и велѣно: давать ревельскому магистрату изъ казенныхъ доходовъ къ 4 ластамъ, опредѣленнымъ сенатскимъ указомъ въ ноябрѣ 1730 г., еще по 4 ласта въ годъ, всего давать по 8 ластовъ.

5) Повелѣно 2 іюля (П. С. З. № 5797) быть острову Эзелю особливою провинціею отъ Лифляндіи: быть ландсъ-гевдингу, какъ при шведахъ, а суперъ интендентомъ эзельскимъ быть препозиту Іоанну Квиринъ Медольду.

6) Регирунгсъ-ратамъ лифляндскимъ пожалованъ 5 декабря (П. С. З № 5898) равный рангъ съ ландратами, т. е. рангъ генералъ-маіора, какъ означено въ указѣ отъ 8 марта 1726 г.

Для лифляндскаго и эстляндскаго дворянства важное значеніе имѣло учрежденіе въ Петербургѣ кадетскаго корпуса. Уставъ этого корпуса былъ утвержденъ въ ноябрѣ 1731 г.; по уставу, корпусъ долженъ былъ содержать и обучать 150 кадетовъ русскихъ и 50 кадетовъ эстляндскихъ и лифляндскихъ.

Не излишне замѣтить, что дворяне лифляндскіе и эстляндскіе получили право поступать въ военную службу въ гвардіи наравнѣ съ русскими дворянами по указу верховнаго тайнаго совѣта отъ 4 апрѣля 1728 г. (П С. З. № 5257); разночинцы же лифляндскіе и эстляндскіе могли поступать только въ полевые полки.

1732-й годъ.

15.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы обрѣтающагося въ Лифляндіи ландрата Розена отправить вамъ въ С.-Петербургъ, давъ ему на дорогу 200 р. денегъ изъ тамошнихъ доходовъ, и повелѣваемъ нашему генералу Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Генваря 27 дня 1732 г № 38.

16.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы въ рижскомъ дистриктѣ мызу Кокенгаузенъ отдать на аренду камеръ-юнкеру нашему барону Менгдену, и повелѣваемъ нашему генералу и губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Марта 8 дня 1732 г. №83.

Прим. изд. Этотъ баронъ Менгденъ былъ впослѣдствіи камергеромъ и президентомъ коммерцъ-коллегіи. При восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны, онъ былъ преданъ суду вмѣстѣ съ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ и Левенвольде, присужденъ къ отсѣченію головы, но помилованъ и въ 1740 г. сосланъ въ Сибирь.

17

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы имѣющихся въ Ригѣ при конной гвардіи кобылицъ, которые остались за комплектомъ отдать вамъ генералу, которыхъ, принявъ для содержанія до мая мѣсяца сего 1732 г., раздать тамошнимъ арендаторамъ съ запискою, и велѣть смотрѣть, чтобъ они содержаны были съ добрымъ порядкомъ и надлежащимъ удовольствіемъ, а сколько принято и роздано будетъ о томъ въ кабинетъ нашъ рапортовать и повелѣваемъ нашему генералу Лессію учинить о томъ по сему нашему указу, а объ отдачѣ вамъ въ конную гвардію указъ нашъ данъ. Анна. Марта 11 дня 1732 г № 92.

Прим. изд. Извѣстно, что Бирон̀ъ былъ большой охотникъ до лошадей. Пожалованный въ 1731 г. помѣстьями въ Лифляндіи (см. выше 11), онъ заботился о коневодствѣ въ губерніи, и сенатъ въ томъ же 1731 г., вѣроятно, по представленію Бирона, распорядилъ о приглашеніи иностранцевъ чрезъ газеты приводить въ теченіе 10 лѣтъ безпошлинно нѣмецкихъ лошадей на рижскую ярмарку для продажи. Указъ объ этомъ состоялся 31 мая (П. С. З. № 5765). За тѣмъ 1 іюля былъ объявленъ указъ изъ сената объ умноженіи арендаторамъ въ Лифляндіи конскихъ заводовъ: „которые арендаторы въ томъ прилежаніе и трудъ оказывать будутъ, то могутъ впредь при отдачѣ вновь арендъ предъ другими уповать о преимуществѣ“ Говорится объ арендаторахъ казенныхъ имѣній, арендаторами же такихъ имѣній въ тѣ времена могли быть лишь лифляндскіе дворяне.

Приведенный указъ состоялся уже въ Петербургѣ. Императрица и ея дворъ изъ Москвы переѣхали въ Петербургъ въ январѣ 1732 года.

18.

Указъ нашему Лифляндскому губернатору

Указали мы въ помянутомъ лифляндскомъ генеральномъ губернаментѣ для порядочнаго и крѣпкаго смотрѣнія нашего интереса и произведенія земскихъ гражданскихъ дѣлъ съ опредѣленнымъ нашимъ губернаторомъ общее присутствіе имѣть учрежденнымъ въ той губерніи регирунгсъ ратомъ фонъ Фитингофу и фонъ Менгдену, которымъ всемилостивѣйше повелѣваемъ о принадлежащихъ до полиціи земской и градскихъ судовъ экономическихъ, экзекуціонныхъ, каморныхъ, рентерейскихъ дѣлахъ попеченіе имѣть, а именно, чтобъ всѣ резолюціи, рѣшенія и указы по тамошнимъ земскимъ правамъ и обыкновеніямъ каждаго чина привиллегіямъ, регламентамъ и учрежденіямъ, и по даннымъ нашимъ указамъ въ нѣмецкой генеральной губернской канцеляріи отправлять, такожъ и при рѣшеніи всѣхъ гражданскихъ оной провинціи дѣлъ присутствовать, и резолюціи и прочіе отправляемые письма подписывать имъ съ губернаторомъ обще, дабы всѣ дѣла происходили въ надлежащемъ порядкѣ безъ потерянія нашего интереса, и повелѣваемъ нашему лифляндскому губернаменту чинить о томъ по сему нашему указу Анна. Марта 27 дня 1732 г. № 112.

Прим. изд. Лифляндскій губернаментъ — это присутственное мѣсто, соотвѣтствующее до нѣкоторой степени нынѣшнему губернскому правленію. Въ тѣ времена губернаментъ составляли: генералъ-губернаторъ, вице-губернаторъ, два регирунгсъ-рата, оберъ-фискалъ (прокуроръ) и два секретаря — одинъ для русской, а другой для нѣмецкой переписки. При генералъ-губернаторѣ состояли двѣ канцеляріи, завѣдывавшіеся секретарями: русская и нѣмецкая. Въ русской канцеляріи сосредоточивались сношенія и дѣла съ сенатомъ

и коллегіями и военнымъ вѣдомствомъ. Здѣсь дѣлопроизводство происходило на русскомъ языкѣ; въ нѣмецкой канцелярій производились сношенія и дѣла съ сословными присутствіями, городскими и земскими (дворянскими).

Должность регирунгсъ-ратовъ (правительственныхъ совѣтниковъ) была учреждена шведскимъ правительствомъ въ 1650 г. резолюціею королевы Христины. Регирунгсъ-раты обыкновенно назначались изъ членовъ ландратской коллегіи; регирунгсъ-раты, состоя въ губернаментѣ, не переставали быть и ландратами. Имъ производилось жалованье на равнѣ съ вице-губернаторомъ, по 1265 талеровъ въ годъ, и они пользовались рангомъ генералъ-маіора (см. выше стр. 220).

Въ указѣ этомъ обозначены обязанности регирунгсъ-ратовъ. Губернаменты лифляндскій и эстляндскій существовали до введенія въ 1784 г. въ Лифляндіи и Эстляндіи учрежденія о губерніяхъ 1775 года. Съ учрежденіемъ намѣстничествъ упразднились и должности регирунгсъ-ратовъ.

19

Господинъ генералъ Лессій.

Извѣстно намъ, что отъ нашей конной гвардіи у васъ требуется, дабы для ихъ прибытія на форштатѣ построена была про лошадей особливо конюшня, чего весьма исполнять не надлежитъ, понеже имъ велѣно стоять въ лагерѣ, гдѣ и лошадей можно имъ тутъ держать подъ наметами, какъ и въ прочихъ полкахъ бываетъ, или притомъ лагерѣ могутъ подѣлать про нихъ шалаши, того ради, по полученіи сего, оное ихъ требованіе отставить и на помянутомъ мѣстѣ конюшни не строить, а поступать по сему нашему указу Данъ въ С.-Петербургѣ, іюня 17 дня 1732 г. Анна.

20.

Указъ нашему генералу и лифляндскому губернатору Лессію.

Понеже заблаго изобрѣли мы, дабы учинено было такое разсмотрѣніе сколько можно въ Лифляндіи содержать нашей кавалеріи лошадей на ихъ фуражѣ, того ради вамъ симъ повелѣваемъ о томъ съ лифляндскою экономіею справиться и учинить акуратную репортицію, сколько оной кавалеріи лошадей въ Лифляндіи на фуражѣ съ положеннаго числа жилыхъ гаковъ по равномѣрному и безобидному расположенію всѣмъ обывателямъ можно будетъ содержать, выключая притомъ чрезвычайные кромѣ онаго расположенія для слѣдующихъ изъ чужихъ краевъ нашихъ лошадей и прочіе по нашимъ указамъ расходы, и учиня о помянутомъ расположеніи вышеписанную репортицію, прислать къ намъ для апробаціи. Притомъ же повелѣваемъ о постройкѣ въ Лифляндіи въ квартиры офицерскихъ дворовъ и около ихъ о поставкѣ прочихъ чиновъ на квартиры, согласясь съ нашимъ генералъ-адъютантомъ, генералъ-маіоромъ и подполковникомъ конной гвар-

діи княземъ Шаховскимъ, отъ тамошней экономіи и отъ ландратовъ требовать мнѣнія, по которому бъ можно было такожъ равномѣрное и безобидное опредѣленіе учинить, а какъ вышеписанное все по силѣ сего нашего указу исполнено будетъ, то въ непродолжительномъ времени о томъ о всемъ донести намъ обстоятельно. Данъ въ С.-Петербургѣ, іюля 6 дня 1732 г. Анна.

21

Указъ нашему генералу и губернатору Лессію.

Понеже по указу нашему велѣно лейбъ-гвардіи коннаго полку одному шквадрону изъ Лифляндіи маршировать въ С.-Петербургъ, того ради повелѣваемъ вамъ нашему генералу и губернатору на довольство онаго шквадрона 240 лошадей отъ Дерпта до эстляндской границы къ 10 числу августа сего 1732 г заготовить надлежащій фуражъ, овесъ и сѣно, и положить по станціямъ, разстояніемъ отъ станціи до станціи верстъ по 20 и по 23 и по 25, и повелѣваемъ нашему генералу и губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу непремѣно. Анна. Іюля 7 дня 1732 г

22.

Указъ генералу и лифляндскому губернатору Лессію.

Понеже купленные въ нѣмецкихъ краяхъ въ кирасирской полкъ 900 лошадей имѣютъ ведены быть чрезъ Ригу въ С.-Петербургъ, чего для потребно потому тракту для довольствія оныхъ лошадей въ пристойныхъ мѣстахъ изготовить фуражъ, того ради, по полученіи сего, велите отъ курляндской границы чрезъ весь Рижскій дистриктъ до Севельскаго надлежащее число на помянутыхъ лошадей фуража въ показанныхъ посланными отъ генералъ фельдмаршала и кавалера графа фонъ Миниха того кирасирскаго полку офицерами мѣстахъ заблаговременно заготовить, и какъ оные лошади ведены будутъ, тогда отпускать имъ за деньги. Данъ въ С.-Петербургъ, іюля 8 дня 1732 г Анна.

Прим. изд. По возвращеніи двора въ Петербургъ, президентомъ военной коллегіи былъ назначенъ графъ Минихъ, произведенный въ фельдмаршалы. Явившись во главѣ военнаго вѣдомства, Минихъ усердно занялся устройствомъ арміи и составленіемъ новаго штата. По его представленію, въ 1732 г. были сформированы три кирасирскіе полка: лейбъ-кирасирскій, графа Миниха и принца Брауншвейгскаго. Для этихъ полковъ пришлось выписать лошадей изъ Германіи за недостаткомъ въ Россіи лошадей, годныхъ для тяжелой кавалеріи; объ этихъ-то лошадяхъ и идетъ рѣчь въ указѣ.

Здѣсь не излишне замѣтить, что для обученія и устройства новыхъ кирасирскихъ полковъ король прусскій прислалъ нѣсколькихъ своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ прислалъ нѣсколькихъ инженерныхъ офицеровъ, вошедшихъ въ составъ инженернаго корпуса. Въ замѣнъ этого прусскій король

Фридрихъ Вильгельмъ, питавшій страсть къ рослымъ солдатамъ, получилъ отъ императрицы 80 человѣкъ высоко-рослыхъ рядовыхъ для прусскаго лейбъ-гренадерскаго корпуса.

23.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Билъ челомъ намъ рижскій житель Христоферъ Вельсъ, который въ челобитьѣ своемъ написалъ, что выбранъ онъ былъ въ стряпчіе къ приходящимъ и отходящимъ кораблямъ, а оберъ инспекторъ Витте его не принялъ, и въ то дѣло не употребилъ, а одному, который нынѣ при томъ дѣлѣ находится, порядочно того дѣла исправить неможно, и въ прежніе времена по два и больше бывало, о чемъ предложилъ отъ тамошнихъ жителей аттестаты, такожъ и обрѣтающійся здѣсь англійской резидентъ письменно по оному дѣлу его требовалъ, того ради указали мы помянутаго челобитчика Вельса по требованію купечества по оному дѣлу въ стряпчіе опредѣлить, ежели о отрѣшеніи его никакихъ важныхъ и до нашихъ интересовъ касающихся резоновъ не находится, и для того поданная его челобитная и аттестаты и письма англійскаго резидента посылаются при семъ, и повелѣваемъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Іюля 13 дня, 1732 г № 187

Прим. изд. Витте смѣнилъ Исаева. См. выше указъ 12.

24.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы, справясь въ лифляндской губерніи: прислать къ намъ вѣдомость, которые мызы въ той губерніи напредъ сего въ прошлыхъ такожъ и въ нынѣшнихъ годахъ отданы на аренду, всѣ ли тѣ арендные деньги со владѣльцевъ сполна во взятьѣ безъ доимки или сколько на комъ именно на которые годы въ доимкѣ осталось, и для чего невзяты, и повелѣваемъ нашему генералу и губернатору Лессію о немедленной той вѣдомости присылкѣ учинить по сему нашему указу Анна. Октября 2 дня, 1732 г. № 239

25.

Господинъ генералъ Лессій.

По полученіи сего лошадей, которые приведены изъ Копенгагена, вели принять и содержать ихъ въ Ригѣ до указу, а кто ихъ привелъ того отпусти по прежнему, и деньги, сколько на нихъ въ проводѣ издержано, то число заплатить изъ губернаментскихъ доходовъ. Когда привезутъ устерсы въ Ригу, оные какъ можно наискорѣе присылайте сюда. Анна. Въ С.-Петербургѣ, ноября 11 дня, 1732 г

26.

Указъ нашему генералу Лессію.

По вашему къ дѣйствительному нашему тайному совѣтнику графу Остерману отвѣтному писанію всеподданѣйше намъ донесено, что вы съ стоящими въ Лифляндіи на форпостахъ пермскаго полку такъ и санкпетербургскаго около 700 конныхъ драгунъ собрать можете, для извѣстнаго разставленія по курляндскимъ границамъ, по той сторонѣ Двины рѣки, и сжели въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ отъ помянутаго нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника къ вамъ указомъ нашимъ писано, для потребнаго фуража сѣно и овесъ надлежащіе пріуготовленія учинены, то повелѣваемъ вамъ напередъ вышеписанныхъ 700 человѣкъ съ надлежащими штабъ и оберъ офицерами въ тѣхъ мѣстахъ, а именно въ Пинкенгофѣ, и въ другихъ тамо лежащихъ деревняхъ по той сторонѣ Двины разставить какъ скоро возможно и время для маршированія допуститъ, а на мѣсто на форпостахъ стоящихъ въ Лифляндіи драгунъ можете по своему предложенію отъ инфантеріи потребное число людей командировать, и въ прочемъ, для смотрѣнія на дѣла въ Курляндіи происходящіе, поступать неотмѣнно по содержанію прежнихъ нашихъ указовъ. Анна. Въ С.-петербургѣ, 14 ноября 1732 г.

Прим. пер. Это передвиженіе войскъ было вызвано курляндскими дѣлами. Извѣстно, что польское правительство желало, по смерти бездѣтнаго курляндскаго герцога Фердинанда, присоединить Курляндію къ Польшѣ, раздѣливъ курляндское герцогство на воеводства. Но именно этого присоединенія и раздѣленія не желало русское правительство, поддерживая право курляндскихъ дворянъ избрать себѣ новаго герцога по смерти Фердинанда. Вопросъ о Курляндіи долженъ былъ разбираться на сеймѣ, имѣвшемъ собраться въ Варшавѣ въ началѣ 1733 г. — Русскій посланникъ въ Варшавѣ, графъ Левенвольде (старшій братъ гофмаршала, Фридрихъ-Каземіръ, дѣйствительный камергеръ), дѣлалъ неоднократныя представленія польскому правительству о Курляндіи, но на эти представленія не обращали должнаго вниманія. Для поддержки требованій посланника и были двинуты войска за Двину къ границамъ Курляндіи. Послѣ нѣсколькихъ переговоровъ, войска были вызваны обратно въ томъ же 1732 г., но не отходили далеко отъ границъ, потому что съ приближеніемъ сейма въ Польшѣ обнаружились волненія, а когда король Августъ II, прибывшій въ Варшаву для открытія сейма, умеръ здѣсь 1 февраля 1733 года, то войскамъ было приказано снова стать на границѣ.

27

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Понеже по нашему указу на учрежденіе кирасирскихъ полковъ въ нѣмецкихъ краяхъ куплены и приведены быть имѣютъ 1700

лошадей, которые имѣютъ прибыть въ Лифляндію въ предбудущемъ 1733 г. въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, того ради вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, дабы изъ тамошняго губернамента заблаговременно, начавъ отъ курляндскихъ границъ до псковской провинціи, чрезъ Лифляндію для прокормленія и провожденія вышеписаннаго числа лошадей приготовлено было по станамъ (считая станъ отъ стану отъ 20 до 30 верстъ) на каждомъ стану по 80 четвертей овса и по 1000 пудъ сѣна и соломы для подстилки сколько надлежитъ съ потребными сараи на 100 лошадей, чтобъ въ тому времени во всякой готовности было, и посланнымъ для препровожденія тѣхъ лошадей офицеромъ учинить въ томъ надлежащее вспоможеніе, и повелѣваемъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Ноября 14 дня, 1732 г. № 297

28.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы показанную по присланнымъ отъ васъ вѣдомостямъ арендную съ публичныхъ нашихъ лифляндскихъ мызъ доимку взыскивать съ арендаторовъ, какъ о томъ указы повелѣваютъ безъ всякаго послабленія и упущенія, и которые изъ оныхъ арендаторы по усмотрѣнію запущенной на прошлые годы многой на нихъ доимки имѣютъ быть не въ состояніи и въ бездоимочномъ впредь платежѣ не надежны, у таковыхъ оныя мызы, отобравъ, отдать другимъ вѣрнымъ и надежнымъ въ исправномъ аренды платежѣ людемъ, а что съ нихъ доимки взять надлежитъ оную потомужъ взыскивать безъ упущенія, и повелѣваемъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Ноября 18 дня, 1732 г № 303.

29.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Понеже присланнымъ къ намъ донесеніемъ объявили вы о лифляндскомъ ландмейстерѣ Гохмутѣ, которой доноситъ на оберъ инспектора Витта о непорядочныхъ его поступкахъ и въ утратѣ нашего интереса, чего ради и подлинная его о томъ челобитная прислана при оном. доношеніи, такожъ и оной де Гохмутъ отправленъ быть имѣетъ въ С.-Петербургъ, а какіе онаго оберъ-инспектора непорядочные поступки именно не показано, того ради указали мы упомянутаго Гохмута, неотправляя его въ С.-Петербургъ, взять вамъ подлинное извѣстіе на письмѣ, какіе отъ онаго Витта непорядочныя по должности его отправленія и утрата нашего интереса происходятъ имянно, и потому показанію освидѣтельствовавъ, изслѣдовать вамъ какъ указы повелѣваютъ, и что по слѣдствію явится, о томъ въ Кабинетъ намъ писать обстоятельно,

и повелѣваемъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Въ С.-Петербургѣ, декабря 4 дня, 1732 г № 310.

Прим. изд. Въ 1732 г. состоялось нѣсколько правительственныхъ распоряженій по почтовой и торговой частямъ въ лифляндской и эстляндской губерніяхъ.

Постановлено: быть на почтовыхъ станахъ рижской и ревельской губерній по ровному числу лошадей (П. С. З. 5981) и имѣть на тѣхъ станахъ подставныхъ лошадей по тракту отъ Риги до Петербурга по 25, а по тракту отъ Фокенгофа до Ревеля по 12 лошадей (П. С. З. 6124) Вмѣстѣ съ тѣмъ положено брать съ лицъ, ѣдущихъ по казенной надобности, за 10 верстъ по 12 к. за каждую лошадь, вмѣсто прежнихъ 6, съ частныхъ лицъ по 24 к.

Разрѣшено рижскому купечеству держать товары въ домахъ и продавать ихъ въ рознь (П. С. З. 6130), а обывателямъ Ревеля дозволено производить хлѣбную торговлю по даннымъ имъ шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ въ 1626 г. правамъ (П. С. З. 6277).

Повелѣно быть въ новоучрежденной камеръ-коллегіи одному ассесору изъ лифляндцевъ или эстляндцевъ (П. С. З. 5944).

Назначено производить жалованье опредѣленнымъ въ Ригу въ протопопы изъ ученыхъ по 400 р. въ годъ. Въ 1715 году въ Ригу былъ опредѣленъ протопопомъ Семенъ Ярмарковскій; ему было назначено жалованье изъ рижскихъ доходовъ по 400 р. Въ 1731 г. Ярмарковскій умеръ и на его мѣсто былъ назначенъ рижскимъ протопопомъ Николай Ростовецкій, кончившій курсъ наукъ въ московской славяно-греко-латинской академіи (впослѣдствіи московская духовная академія), при чемъ повелѣно давать ему жалованье, вмѣсто 150 р. въ годъ по штату, по 400 р., и впредь отпускать жалованья протопопамъ опредѣленнымъ въ Ригу изъ ученыхъ, т. е. кончившихъ академическій курсъ, по 400 р. въ годъ (П. С. З. 5978).

Въ 1732 г. кончилось довольно любопытное дѣло подполковника Бремзена. Сущность этаго дѣла состояли въ слѣдующемъ:

Въ 1712 г. былъ отпущенъ въ Швецію на 6 мѣсяцевъ плѣнный шведскій подполковникъ Бремзенъ хлопотать тамъ о размѣнѣ плѣннаго русскаго генерала Головина на шведскихъ генералъ-маіора Крузе, полковника Вахтмейстера и его, Бремзена. Онъ далъ подписку возвратиться въ Москву чрезъ 6 мѣсяцевъ, если размѣна не состоится, и ни въ какую службу не вступать. При подпискѣ поручителями подписались: генералъ-маіоръ Вахтмейстеръ и поручики: Муратъ, Ремсвердъ, Гелемъ и Лешернъ. Лешерна Бремзенъ назвалъ поручикомъ, хотя онъ былъ полковникомъ, и притомъ обнадежилъ „отъ всякой шкоды очищать“ и къ большему обнадеженію записалъ ему все свое движимое и недвижимое имѣніе. Сенатъ 4 ноября 1712 г., по выслушаніи парольнаго письма, опредѣлилъ: плѣнныхъ, полковника Вахтмейстера и Бремзена, отпустить въ Швецію, и если размѣна Головина не состоится, то возвратиться имъ обоимъ чрезъ 6 мѣсяцевъ въ Москву. Бремзенъ размѣна не исходатайство-

валъ и въ Россію не возвратился. Тогда его поручителей, въ томъ числѣ и Лешерна, посадили подъ арестъ и продержали подъ арестомъ 7 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ до самаго 1721 г., когда послѣ Ништатскаго мира, Бремзена привезли за карауломъ въ Россію. Поручителей тогда освободили, пустили и Бремзена. Лешернъ вступилъ въ русскую службу и въ 1724 г., будучи генералъ маіоромъ, началъ въ рижскомъ гофгерихтѣ процессъ противъ Бремзена за причиненную ему послѣднимъ обиду, безчестіе, труды и убытки и за неисполненіе парольнаго и обязательнаго письма. Гофгерихтъ приговорилъ Бремзена уплатить Лешерну 4916 ефимковъ, да судебныхъ издержекъ 76 ефимковъ. Бремзенъ апелировалъ на это рѣшеніе гофгерихта въ юстицъ-коллегію, которая, пересмотрѣвъ дѣло, утвердила приговоръ гофгерихта. Тогда Бремзенъ передалъ дѣло въ сенатъ, при чемъ поносилъ и гофгерихтъ и юстицъ-коллегію непристойно. Сенатъ приговорилъ: сослать Бремзена въ Сибирь, а его имѣніе отдать наслѣдникамъ (двумъ сыновьямъ, находившимся въ русской службѣ). Резолюція государыни гласила: учинить по сему.

1733-й годъ.

30.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы рижскому генералъ экономіи директору фонъ Фелькерзаму для нѣкоторыхъ дѣлъ быть въ С.-Петербургѣ, котораго повелѣваемъ вамъ, нашему генералу, давъ ему надлежащія подводы, отправить немедленно, о чемъ къ нему фонъ Фелькерзаму указъ нашъ посланъ. Анна. Генваря 22 дня 1733 г № 12.

Прим. изд. Должность генералъ экономіи директора соотвѣтствовала нынѣшней должности управляющаго государственными имуществами.

31.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы отправленному съ симъ указомъ подполковнику Ливену на нѣкоторые наши расходы выдать изъ тамошней рижской рентереи 2000 ефимковъ албертовыхъ съ росписку немедленно, и повелѣваемъ нашему генералу и губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Февраля 17 дня, 1733 г № 19.

32.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

По объявленіи сего нашего указу, выдать изъ рижской рентe-

реи кому отъ нашего оберъ камергера графа фонъ-Бирона принять повѣрено будетъ золотыхъ червонныхъ 4651, а ежели такого числа червонныхъ въ казнѣ нашей не сыщется, то вмѣсто оныхъ тое выдачу учинить албертусовыми ефимками, счисляя по цѣнѣ почему нынѣ въ Ригѣ онымъ червоннымъ цѣна состоитъ. А такое же число червонныхъ принято у него оберъ-камергера въ посольскую нашу казну, обрѣтающуюся въ Варшавѣ при нашемъ министрѣ, на наши расходы, и повелѣваемъ нашему генералу и губернатору Лессію учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Въ С.-Петербургѣ, февраля 26 дня, 1733 г № 28.

Прим. изд. Распоряженіе, изложенное въ этомъ указѣ имѣетъ связь съ событіями, послѣдовавшими въ Польшѣ. Въ началѣ 1733 г. прибылъ польскій король Августъ II въ Варшаву, гдѣ былъ созванъ чрезвычайный сеймъ. Русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ въ это время былъ старшій изъ Левенвольдовъ, графъ Фридрихъ-Казиміръ. 1 февраля умеръ король Августъ II, и вопросъ кому быть королемъ польскимъ взволновалъ всѣ европейскіе дворы. Примасъ Ѳедоръ Потоцкій, становившійся по смерти короля первымъ лицомъ въ Рѣчи Посполитой, стоялъ за избраніе королемъ Станислава Лещинскаго, поддерживаемаго Франціею, но прочіе дворы не хотѣли видѣть Станислава на польскомъ престолѣ и потому каждый дворъ сталъ привлекать на свою сторону польскихъ магнатовъ. Левенвольдъ совѣтовалъ нашему двору дѣйствовать рѣшительно, двинувъ войска въ Польшу. Франція и Австрія начали дѣйствовать деньгами: изъ Франціи было прислано на подкупы магнатовъ болѣе милліона ливровъ, изъ Вѣны болѣе 100,000 червонцевъ; саксонскій посланникъ давалъ въ пользу своего курфирста ежедневные обѣды на 40 человѣкъ. Торги шли дѣятельно, польскіе вельможи переманивались на ту или другую сторону какъ деньгами, такъ и обѣщаніями выгодныхъ мѣстъ въ будущемъ.

Деньги 4651 г. червонцевъ, упоминаемые въ этомъ указѣ, назначались для усиленія средствъ нашего посольства въ Варшавѣ, конечно, на подкупы польскихъ магнатовъ, продававшихъ свои услуги всякому, кто больше дастъ.

33.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Указали мы наличныя въ рижскихъ рентереяхъ ефимки и россійскіе деньги и сколько ихъ впредь въ сборѣ имѣетъ быть употреблять въ расходъ и куда надлежитъ отправлять по требованіямъ и ассигнаціямъ, присланнымъ за рукою отправляющагося въ Польшу нашего оберъ — сталмейстера и лейбъ-гвардіи полковника графа фонъ Левенвольда безъ всякаго замедленія, и повелѣваемъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію чинить о томъ по сему нашему указу Анна. Февраля 27 дня, 1733 г № 33.

Прим. изд. Графа Фридриха-Казиміра Левенвольда въ Петербургѣ не считали способнымъ успѣшно дѣйствовать въ Варшавѣ въ бурное время, наступившее по смерти Августа II, и потому назначили въ помощь посланнику въ Варшаву оберъ-шталмейстера и командира измайловскаго полка графа Карла Густава Левенвольда, младшаго брата графа Фридриха Казиміра. Въ мартѣ 1733 г. онъ былъ уже въ Варшавѣ.

34.

Указъ нашему генералу и рижскому губернатору Лессію.

Понеже доноситъ намъ оберъ-сталмейстеръ нашъ и лейбъ-гвардіи полковникъ графъ фонъ Левенвольдъ, что въ проводѣ изъ нѣмецкихъ краевъ чрезъ Ригу лошадей нашихъ по дорогѣ отъ Риги въ Лифляндію и Ингерманландію въ заготовленіи фуража чинится за недовольствомъ у обывателей великая остановка, а хотя и заготовится и то покупаютъ дорогою цѣною не во время. Къ тому же хотя заготовится овесъ хорошій, но привезутъ на станы въ мочь и сложатъ въ неудобныя за неимѣніемъ мѣста, и отъ той мочи сопрѣетъ, и почнетъ отзываться гнилымъ запахомъ, а потомъ и гнилостію въ малое время, отъ котораго фуража лошадямъ первая болѣзнь приходитъ. Также и здѣсь въ С.-Петербургѣ запаснаго фуража нѣтъ, а присылаютъ отъ дворцовой конторы и изъ ингерманландскихъ нашихъ мызъ на наличныхъ лошадей помѣсячно, и весьма де овсы отъ небереженья въ провозкѣ затхлые и не хлѣбные, и о тѣхъ объявляютъ, что у нихъ въ мызахъ недостатокъ, того ради указали мы въ Ригѣ отъ тамошней экономіи учредить вамъ, нашему генералу, для всякихъ случающихся необходимыхъ нуждъ особливый запасной и весьма твердой магазинъ, въ которой заготовить овса 10 тысячь четвертей самаго добраго и хлѣбнаго, и скупить тотъ овесъ изъ привознаго въ Ригу на стругахъ изъ Польши, изъ Литвы, изъ Курляндіи, и къ тому магазейну опредѣлить вамъ вѣрнаго и знающаго добраго человѣка по разсмотрѣнію, и дабы та 10-ти тысячная сумма добраго и хлѣбнаго овса ежегодно въ томъ запасномъ магазинѣ въ готовности была, чтобъ когда потребно будетъ овесъ въ С.-Петербургъ, тобъ можно было привести его водянымъ путемъ, только въ Ригѣ при нагрузкѣ учредить людей вѣрныхъ, которые бъ складывали тамъ и выгружали здѣсь, недопуская того овса до подмочки, и повелѣваемъ генералу нашему и губернатору Лессію чинить о томъ по сему нашему указу Анна. Марта 12 дня, 1733 г № 45. Въ С.-Петербургѣ.

35.

Указъ нашему генералу и лифляндскому губернатору Лессію.

Указали мы, по доношенію вашему, изъ собираемыхъ въ Ригѣ доходовъ на опредѣленные по штату расходы на покупку на гварни-

зонъ дровъ и на содержаніе дворцовъ нашихъ и школъ и на другіе тому подобные необходимые нужды держать деньги россійской монеты, оставляя, чтобъ по прежде посланному нашему указу отправленію оберъ — шталмейстера нашего графа фонъ Левенвольда остановки не было, и повелѣваемъ нашему генералу Лессію чинить о томъ по сему нашему указу Анна. Въ С.-Петербургѣ, мая 8 дня, 1733 г. № 88.

36.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская

По всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу отъ 12 минувшаго марта повелѣно въ Ригѣ отъ здѣшней экономіи (слѣдуетъ повтореніе словъ указа 34) и по тому вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему указу о учрежденіи отъ здѣшней экономіи магазейна какимъ бы образомъ способнѣе учредить генералу директору экономіи фонъ Фелькерзаму сообщено, а въ поданномъ отъ него извѣстіи сего апрѣля 12 дня объявлено, что де никакимъ инымъ образомъ здѣсь отъ экономіи такой магазейнъ учрежденъ быть можетъ, а и амбаръ или спиклеръ къ тому либо коронными мастерами построенъ и потребные матеріалы куплены или наймомъ сысканъ быть имѣетъ, да того жъ апрѣля 12 дня переводчикъ Іонъ объявилъ мнѣ данную ему отъ г-на шталмейстера и лейбъ-гвардіи полковника графа фонъ Левенвольда о покупкѣ онаго овса инструкцію, въ которой написано, чтобъ покупать ему овесъ и деньги выдавать по его Іоновымъ вѣдомостямъ, а которой овесъ будетъ принятъ въ Митавѣ посылать туда для перевозу въ Ригу струга, и вышепомянутой магазинъ на 10 тысячь четвертей овса изъ какой суммы построить и закупной овесъ такожъ и за покупные струги деньги изъ какой же суммы платить и покамѣстъ лѣсные и прочіе матеріалы въ привозѣ водою и тотъ магазейнъ, въ которой бы возможнобъ складывать нынѣ покупной овесъ, въ готовность не будетъ, не повелѣно ль будетъ до тѣхъ мѣстъ, какъ построится магазейнъ, нанять шпиклеръ у здѣшнихъ обывателей, и на сіе мое рабское доношеніе всеподданнѣйше прошу вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго указа. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ Laçy Апрѣля 15 дня, 1733 г Рига.

Резолюція отъ 21 мая 1733 г № 199: Овесъ и струги покупать на счетъ опредѣленной на конюшенное содержаніе суммы, которую возвращать немедленно, а для поклажи онаго магазейны сдѣлать въ Ригѣ изъ тамошнихъ рижскихъ доходовъ, а покамѣстъ построятся, по то время нанять пристойные амбары на счетъ оной же конюшенной суммы. Анна.

37

Указъ нашему генералу и лифляндскому губернатору Лессію.

Понеже извѣстно намъ учинилось, что въ опредѣленныхъ на польскую границу полевыхъ полкахъ солдаты находятся весьма мало рослые и къ армейской службѣ малогодные, того ради повелѣваемъ вамъ, нашему генералу, таковыхъ малорослыхъ и къ полевой службѣ неспособныхъ солдатъ, выбравъ, опредѣлить въ лифляндскіе гварнизонные полки, а вмѣсто ихъ такожъ число, выбравъ изъ гварнизонныхъ солдатъ людей взрослыхъ и здоровыхъ, опредѣлить въ тѣ полевые полки немедленно. Такожъ и сколько въ тѣ полки по воинскому стату потребно въ комплектъ подъемныхъ лошадей, такое число купить въ пристойныхъ мѣстахъ гдѣ оные полки нынѣ обрѣтаются, или въ близости тѣхъ мѣстъ по разсмотрѣнію вашему, и укомплектовать немедленно же. Анна. Въ С.-Петербургѣ, іюня 22 дня, 1733 г. № 120.

Прим. изд. Въ іюнѣ 1733 г. вѣнскій и петербургскій дворы согласились поддерживать кандидатуру на польскій престолъ саксонскаго курфирста. Въ Петербургѣ рѣшили подкрѣпить свои требованія военною силою и для того были собраны два корпуса, одинъ въ Смоленскѣ на литовской границѣ, другой въ Лифляндіи, на курляндской границѣ.

Распоряженіе, изложеное въ этомъ указѣ относится ко второму корпусу, численность котораго простиралась до 20 тысячъ человѣкъ.

Командиромъ смоленскаго корпуса былъ назначенъ генералъ поручикъ Загряжскій; командиромъ же лифляндскаго Ласси.

38.

Указъ нашему генералу и лифляндскому губернатору Лессію.

Указали мы въ полки команды вашей, опредѣленные къ польской границѣ, сколько въ комплектъ подъемныхъ лошадей по воинскому стату потребно, по прежнему указу купить немедленно и числить тотъ комплектъ, буде противъ числа мирнаго времени (какъ вы сего іюня отъ 27 дня къ намъ доносили) управится неможно, то противъ военнаго времени или сколько по вашему разсмотрѣнію надлежитъ, а ежели таковыхъ лошадей купить не сыщется, то потребное число лошадей съ совѣту генерала-директора экономіи Фелькерзама и двухъ ландратовъ для скорости взять съ мызъ, расположа со сколькихъ гаковъ придетъ, за которые изъ казны нашей зачтено будетъ отъ 7 до 9 ефимковъ албертовыхъ за лошадь, и повелѣваемъ нашему генералу учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Іюня 30 дня, 1733 г Въ Спб.

39

Указъ нашему генералу и лифляндскому губернатору Лессію.

Указали мы, по отбытіи вашемъ изъ Риги къ полкамъ ко-

манды своей, лифляндскіе губернскіе дѣла въ управленіе поручить нашему генералу — директору экономіи Фелькерзаму, которому во всемъ поступать по нашимъ указамъ, и повелѣваемъ нашему генералу Лессію учинить о томъ по сему нашему указу, а ко оному Фелькерзаму указъ нашъ посланъ. Анна. Въ С.-Потербургѣ, іюля 2 дня, 1733 г № 132.

Прим. изд. Ласси перешелъ русскую границу 31 іюля и чрезъ Курляндію направилъ свой корпусъ къ Гродну, куда прибылъ 27 августа, а въ ночь на 20 сентября сталъ подъ Прагою, противъ самой Варшавы. 24 сентября состоялся выборъ въ польскіе короли Фридриха Августа; въ концѣ 1733 Ласси получилъ указъ выступить къ Гданску противъ Станислава Лещинскаго.

40.

Указъ нашему генералу — директору экономіи Фелькерзаму

Указали мы кирасирскому Минихову полку маршировать въ Курляндію, того ради въ Лифляндіи по станціямъ о удовольствіи провіантомъ и фуражемъ учинить надлежащее опредѣленіе, дабы оной полкъ, въ мартѣ будучи, никакого недостатку какъ въ провіантѣ, такъ и въ фуражѣ неимѣлъ, къ тому же повелѣно изъ Риги послать въ Курляндію нѣсколько пѣхоты, которая неимѣетъ подъемныхъ лошадей, того ради по станціямъ приготовить лошадей, на которыхъ бы могли полковые тяжести везть до курляндской границы. Анна. Въ С.-Петербургѣ, сентября 29 дня, 1733 г. № 221

41

Указъ нашему генералу — директору экономіи Фелькерзаму

Сего ноября отъ 18 дня доносили вы въ Кабинетъ нашъ, что для пріѣзжающихъ курьеровъ и на другіе нужды часто червонные золотые за неимѣніемъ въ рижской рентереи покупать повелѣно бываетъ, и нынѣ де въ случай имѣете нѣкоторую сумму червонныхъ съ небольшою наддачею достать, а именно шесть грошей албертовыхъ на два ефимка, которыхъ будетъ за 15 червонныхъ 31 ефимокъ, того ради указали мы такихъ добрыхъ червонныхъ обмѣнить вамъ въ рижскую рентерею сколько по такой наддачѣ сыскать можете, а именно до 3 тысячь червонныхъ, и повелѣваемъ вамъ, нашему генералу экономіи директору учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Въ С.-Петербургѣ, декабря 3 дня, 1733 г

Кабинетные указы за 1733-й годъ.

1.

Превосходительный господинъ генералъ и рижскій губернаторъ, нашъ государь.

Въ Кабинетъ ея императорскаго величества изъ лифляндской

губерніи потребно извѣстіе перновскаго уѣзду о коронной мызѣ Торгель, которая изъ опредѣленной аренды была во владѣніи за шведскимъ генераломъ адъютантомъ Кнорингомъ, а по смерти за женою его, сколько въ той мызѣ гаковъ, и людей, и почему плотится аренды и прочаго и въ которомъ году и по чьему опредѣленію та мыза и за что имъ была отдана, и не имѣлось ли онаго Кноринга на коронѣ какого долга, котораго и понынѣ не заплочено, такожъ и жена его, Кноринга, нынѣ жива-ли, буде же умерла, сколь давно и наслѣдники по нихъ имѣются-ли, и тою мызою кто нынѣ владѣетъ и по какой отдачѣ и арендные деньги въ казну сполна доходятъ, того ради благоволите ваше превосходительство, учиня о томъ справку, прислать въ Кабинетъ ея императорскаго величества вѣдомость безъ замедленія, и тако пребываемъ вашего превосходительства покорные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 16 января, 1733 г.

2.

Превосходительный господинъ генералъ и рижскій губернаторъ, нашъ государь.

Въ Кабинетъ ея императорскаго величества потребно извѣстіе о пожалованныхъ въ 1726 г апрѣля 26 числа имяннымъ указомъ Роненбургскихъ маетностей разнымъ персонамъ, съ котораго указу, каковъ о владѣніи ими тѣми маетностями въ рижскую губернію полученъ, благоволите ваше превосходительство прислать въ Кабинетъ ея императорскаго величества точную копію безъ умедленія. И тако пребываемъ вашего превосходительства покорные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій.

3.

Превосходительный господинъ генералъ и лифляндскій губернаторъ, нашъ государь.

Понеже извѣстно здѣсь, что ко двору ея императорскаго величества отправленъ чрезъ Ригу изъ Польши посланникъ Рудомина, и какъ онъ въ Ригу прибудетъ или уже прибылъ, то извольте ваше превосходительство посланному для препровожденія до С.-Петербурга при ономъ посланникѣ оберъ или унтеръ-офицеру секретно приказать, чтобы онъ какъ возможно въ пути и на почтовыхъ станахъ съ нимъ ѣхалъ не скоро и замедленіе чинилъ, представляя ему съ подлежащимъ почтеніемъ пристойныя невозможности. И подводы собирать съ умедленіемъ, толькобъ оный посланникъ и ѣдущіе съ нимъ того отнюдь дознаться не могли, о чемъ здѣсь чрезъ посланнаго съ симъ и на тѣхъ почтовыхъ станахъ оное медленіе въ дачѣ подводъ чинить велѣно жъ, такожъ и ваше превосходительство по тому же въ Ригѣ сколько возможно извольте его отправлять съ умедленіемъ, объявляя такіе жъ пристойные невозможности, о чемъ объявя пребываемъ ва-

шего превосходительства покорные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 16 іюня, 1733 г.

Прим. изд. Брацлавскій постельничій Рудомина везъ въ Петербургъ письма отъ примаса къ императрицѣ; ему было поручено развѣдать, что думаютъ въ Петербургѣ объ избраніи короля.

4.

Благородный господинъ генералъ-директоръ экономіи.

При семъ съ присланнымъ отъ вашего благородія подпрапорщикомъ отправленъ изъ Кабинета ея императорскаго величества указъ къ генералу и кавалеру Лессію, и при томъ другой указъ же къ марширующимъ за нимъ въ Польшѣ при войскахъ ея императорскаго величества командирамъ, которымъ повелѣно оной къ генералу Лессію указъ, принявъ, отправить къ нему со своимъ нарочнымъ немедленно, того ради, по полученіи оныхъ, извольте ваше благородіе того жъ часа отправить изъ Риги помянутые указы до Гродны съ нарочнымъ добрымъ офицеромъ, давъ ему надлежащія подводы и на наемъ или на покупку лошадей въ Польшѣ сколько надлежитъ денегъ, и велѣть ему ѣхать съ поспѣшеніемъ до самой Гродны или далѣе оной, гдѣ можетъ изъѣхать марширующихъ при россійскихъ войскахъ генералъ-маіора Волынскаго или слѣдующаго за нимъ генералъ-лейтенанта Загряжскаго, изъ которыхъ кого можетъ около Гродны наѣхать вручить тѣ указы немедленно, а ежели жъ паче чаянія въ томъ мѣстѣ никотораго не изъѣдетъ, то приказать отдать для того къ генералу Лессію отправленія и другимъ марширующимъ около Гродны при оныхъ россійскихъ войскахъ изъ главныхъ командировъ кому надлежитъ, кромѣ послѣднихъ отправленныхъ изъ Риги подполковника Юсупова съ командою, о которыхъ чаятельно есть, что оные отъ границы еще не въ дальнемъ разстояніи маршируютъ, и кому изъ оныхъ тѣ указы онъ вручитъ, отъ того взявъ ему по силѣ посланнаго съ нимъ указу рапортъ, велѣть возвратиться въ Ригу немедленно и тотъ рапортъ извольте ваше благородіе прислать въ Кабинетъ ея императорскаго величества безъ удержанія. И тако пребываемъ вашего благородія покорные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 25 сентября, 1733 г

Съ указомъ къ Лессію отправленъ 29 сентября пензенскаго полка поручикъ Степанъ Ермолаевъ.

5.

Отъ 5 октября 1723 г. О посылкѣ въ Гродно къ Лессію указа съ нарочнымъ курьеромъ.

Указъ посланъ 8 октября съ поручикомъ лифляндскаго полка Тучковымъ.

6.

Благородный господинъ генералъ экономіи директоръ. Ея императорскаго величества изволили указать, по челобитью города Риги церкви Алексѣя человѣка Божія попадьи умершаго священника... жены Филипова вдовы Натальи Ивановой дочери, на купленной ею въ Ригѣ половинѣ двора, что она похочетъ какое строеніе видомъ перестроить, въ томъ дать ей позволеніе безъ препятствія, о чемъ извольте учинить по оному ея императорскаго величества указу, и тако пребываемъ вашего благородія доброжелательные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 27 октября, 1733 г

7

Отъ 30 октября 1733 г.

Объ отправленіи въ Польшу и выдачѣ 60 червонцевъ куръеру Слѣпцову, посланному изъ Кабинета съ указами въ Варшаву

8.

Отъ 5 ноября 1733 г.

О выдачѣ присланному изъ Варшавы отъ оберъ-шталмейстера графа фонъ Левенвольда куръеру Криху, отправленному обратно къ нему Левенвольду, 150 червонцевъ.

9.

Благородный господинъ генералъ экономіи директоръ.

Присланнымъ сего ноября 21 дня въ Кабинетъ ея императорскаго величества доношеніемъ ваше благородіе представляли о собираемыхъ въ Ригѣ солянаго сбору деньгахъ, которые съ другими сборами отдаваны были въ ассигнованную сумму на коммисію оберъ-шталмейстера графа фонъ Левенвольда, чего ради и въ С.-Петербургъ они не отправлены и для предбудущаго такого жъ расходу повелѣно ль будетъ сюда оныя деньги отправлять требовали указу, на что вашему благородію чрезъ сіе предлагаемъ изволите о тѣхъ солянаго сбора деньгахъ сколько оныхъ по сіе время въ вышеупомянутую сумму въ отдачѣ и нынѣ на лицо прислать въ кабинетъ ея императорскаго величества извѣстіе, объявя при томъ, не можно ль въ отправленіи вексельно ко оному оберъ-шталмейстеру суммы исправится и кромѣ тѣхъ солянаго сбору денегъ, и такъ пребываемъ вашего благородія послушные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, ноября 27 дня, 1733 г.

10.

Отъ 4 декабря 1733 г

О выдачѣ 150 червонцевъ лейбъ-гвардіи подпоручику Вейсу,

отправленному курьеромъ съ депешами изъ кабинета къ графу Левенвольду

11

Отъ 13 декабря 1733 г.

О выдачѣ 150 червонцевъ лейбъ-гвардіи сержанту Синцову, отправленному курьеромъ къ Левенвольду

12.

Отъ 22 декабря 1733 г

О выдачѣ 150 червонцевъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Мячкову, отправленному курьеромъ къ Левенвольду

13

Отъ 28 декабря 1733 г

О выдачѣ 250 червонцевъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручику Ивану Гурьеву и 100 червонцевъ кабинетъ курьеру Друкорту, отправленнымъ съ депешами въ Польшу къ Левенвольду

Въ 1733 г. по дѣламъ Лифляндіи и Эстляндіи не состоялось никакихъ важныхъ правительственныхъ распоряженій. Въ этомъ году было дозволено юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ разрѣшать случаи о вступленіи въ бракъ родственниковъ на основаніи прежнихъ шведскихъ постановленій съ надлежащею за это въ казну платою (П. С. З. 6485).

Довольно любопытенъ указъ синода объ искорененіи суевѣрій при погребеніи священнослужителей (П. С. З. 6478). Рижскій протопопъ Николай Растовецкій спрашивалъ вдову умершаго священника пойдетъ-ли она вторично за мужъ, объявляя ей, что буде пойдетъ, то онъ того умершаго священника погребетъ безъ ризъ, а если въ бракъ не вступитъ, то похоронитъ въ ризахъ. Синодъ предписалъ произвесть слѣдствіе.

1734-й годъ.

42.

Указъ нашему генералу экономіи директору Фелькерзаму

Указали мы, по челобитью шведскаго коммисіонъ-секретаря Моріана, кронстернскимъ наслѣдникомъ за лифляндскую мызу Гросъ-Юнгфернгофъ приговоренную въ нашемъ сенатѣ сумму сколько имъ надлежитъ выдать изъ тамошнихъ рижскихъ доходовъ, и повелѣваемъ нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму учинить о томъ по сему нашему указу Анна. Въ С.-Петербургѣ, генваря 30 дня, 1734 г

43.

Указъ нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже для скорѣйшаго поспѣшенія отправленнаго отсюда въ команду нашего генералъ-маіора фонъ Бисмарка кексгольмскаго пѣхотнаго полку необходимо потребно, чтобъ по станціямъ, начавъ отсюда съ дерптскаго уѣзду до самой Риги, а оттуда до Митавы, для онаго полку потребные подводы немедленно изготовлены были, того ради чрезъ сіе повѣлеваемъ вамъ по тому тракту, собравъ съ Лифляндіи, разставить по станціямъ отъ дерптскаго уѣзду до Риги и до Митавы на каждой по 200 лошадей безъ всякаго замедленія, чтобъ тому полку ни малой остановки быть не могло, а о такомъ же приготовленіи и о разставкѣ помянутаго числа чрезъ весь дерптскій уѣздъ лошадей къ дерптскому штатгальтеру Стремфельту указъ нашъ посланъ, по которому велѣно и въ рижскій уѣздъ объ ономъ приготовленіи дать знать, дабы какъ скоро возможно тѣми подводами къ прибытію того полку исправится могли безъ всякой остановки. Анна. Въ С.-Петербургѣ, февраля 15 дня, 1734 г

Прим. изд. Курфирстъ саксонскій Фридрихъ Августъ былъ избранъ подъ Варшавою польскимъ королемъ 24 сентября (5 октября) 1733 г. сконфедерованною Рѣчью Посполитою. Вслѣдъ за этимъ въ разныхъ мѣстахъ Польши образовались конфедераціи: сендомірская, волынская, подольская, кіевская и др. Появленіе этихъ конфедерацій побудило императрицу отправить въ Польшу еще нѣсколько отрядовъ подъ начальствомъ князя Барятинскаго и Кейта, а въ Митаву былъ посланъ особый отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Бисмарка.

Ласси, послѣ выбора королемъ Августа III, отошелъ отъ Варшавы 26 сентября. Находившійся же въ Варшавѣ претендентъ на польскій престолъ Станиславъ Лещинскій, не надѣясь на успѣхъ конфедерацій, уѣхалъ въ Гданскъ, гдѣ надѣялся получить военную помощь изъ Франціи. Русское правительство рѣшилось изгнать Станислава изъ Гданска, и потому предписало Ласси двинуться къ этому городу. Ласси въ концѣ 1733 г. выступилъ въ походъ съ 12,000-мъ войскомъ, 5 (16) января вступилъ въ Торнъ, а 11 февраля подошелъ къ Гданску, рѣшившемуся, въ надеждѣ на помощь Франціи, держаться Станислава. За малочисленностію войска, Ласси не могъ приступить къ осадѣ. Весь февраль прошелъ въ бездѣйствіи: Ласси стягивалъ русскія войска изъ другихъ областей Польши, но Бисмаркъ оставался въ Митавѣ.

44.

Указъ нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

Понеже нынѣ необходимая нужда состоитъ, чтобъ на потребу стоящаго въ Курляндіи войска нашего нѣсколько сотъ сѣделъ нѣмецкихъ сыскать, того ради чрезъ сіе вамъ повѣлеваемъ, по полученіи сего нашего указа, какъ наискорѣе сыскать въ Ригѣ на торгу и гдѣ

возможно въ домахъ купить готовыхъ нѣмецкихъ годныхъ къ службѣ нѣсколько сотъ сѣделъ съ уборы, за которые заплатить деньги изъ тамошнихъ рижскихъ доходовъ и отправить оные въ Митаву къ генералу-маіору фонъ Бисмарку безъ всякаго замедленія, а сколько такихъ сѣделъ куплено и отправлено будетъ о томъ къ намъ немедленно же рапортовать, а ежели бы въ Ригѣ казенныя какія сѣдла нашлись, то и оныя къ нему генералъ-маіору отправить, противъ того жъ и поступать вамъ въ томъ со всякимъ примѣрнымъ радѣніемъ, которая ваша служба по всемилостивѣйшей нашей угодности служить будетъ. Анна. Въ С.-Петербургѣ, февраля 16 дня, 1734 г

45.

Указъ нашему генералу экономіи директору Фелькерзаму

Понеже весьма и необходимо потребно, чтобъ для службы нашей нѣсколько добрыхъ лошадей сыскать, которыя бы къ драгунской службѣ годны были, того ради чрезъ сіе вамъ всемилостивѣйше повелѣваемъ, по полученіи сего нашего указу, какъ найскорѣе расположа со всей Лифляндіи отъ 150 до 200 лошадей со скольких гаковъ придетъ, и собрать оныя въ самомъ скоромъ времени, которыя потомъ имѣете вы зачитать въ сбираемые съ нихъ наши доходы за каждую лошадь по 12 ефимковъ албертусовыхъ, только того смотрѣть, чтобъ тѣ лошади были добрыя и къ драгунской службѣ годныя. И какъ скоро поставлены и собраны будутъ отправить ихъ въ Курляндію къ нашему генералъ-маіору фонъ Бисмарку безъ всякаго замедленія, а при томъ сборѣ обывателямъ объявить, чтобъ они тѣхъ лошадей въ показаніе къ намъ своей вѣрности поставили немедленно, которая ихъ вѣрность ко всемилостивѣйшей нашей угодности служить и они во всегдашней нашей императорской милости содержаны быть имѣютъ. Анна. Въ С.-Петербургѣ, февраля 19 дня, 1734 г

46.

Указъ нашему генералу экономіи директору Фелькерзаму

По полученіи сего, имѣете вы безъ всякаго замедленія сыскать въ Ригѣ и нанять способное судно для перевозу артиллерійскихъ припасовъ до Пилау, а сколько оныхъ припасовъ будетъ о томъ повелѣваемъ вамъ взять вѣдомость у тамошняго артиллерійскаго офицера, и за тотъ наемъ деньги заплатить изъ рижскихъ доходовъ сколько надлежитъ. Анна. Въ С.-Петербургѣ, марта 12 дня, 1734 г.

Прим. изд. Въ февралѣ 1734 г. состоялось назначеніе генералъ-фельдмаршала Миниха начальникомъ осаднаго корпуса, стоявшаго подъ Гданскомъ. Назначеніе это состоялось вовсе не вслѣдствіе того, чтобы были неудовольствія на дѣйствія Ласси, а един-

ственно вслѣдствіе того, что Бирону хотѣлось удалить изъ Петербурга непріятнаго ему фельдмаршала.

Минихъ прибылъ къ Гданску 5 марта и приступилъ къ осадѣ этого города.

47

Указъ нашему генералу экономіи директору Фелькерзаму

Указали мы для довольствія отправляющихся чрезъ Курляндію войскъ нашихъ, въ прибавокъ къ собираемому съ Курляндіи, отправить изъ рижскихъ магазейновъ провіанта въ Митаву муки 1000 четвертей и на то число крупъ сколько надлежитъ по пропорціи водою немедленно, и велѣть отдать для тѣхъ расходовъ нашему дѣйствительному камергеру князю Голицыну, и повелѣваемъ вамъ учинить о томъ по сему нашему указу, а къ рижскому вице-губернатору такожъ и ко оному Голицыну о томъ же указы наши посланы. Анна. Въ С.-Петербургѣ, марта 23 дня 1734 г.

48.

Указъ нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

Получено здѣсь отъ лифляндскаго шляхетства всеподданнѣйшее доношеніе коимъ образомъ, по посланному къ вамъ нашему указу, оное шляхетство опредѣленное число къ службѣ нашей драгунскихъ годныхъ 200 лошадей, за мало имѣніемъ таковыхъ у крестьянства, изъ собственныхъ своихъ и купленныхъ, нетребуя за оныхъ никакой заплаты и въ подати зачету, изъ всеподданнѣйшей къ намъ вѣрности поставили и въ Митаву послали, на что вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляется, что показанная въ томъ ваша и всего лифляндскаго шляхетства къ намъ всеподданнѣйшая служба и вѣрность къ немалому нашему всемилостивѣйшему удовольствію служитъ, за что мы во всегдашней нашей императорской милости оныхъ содержать не оставимъ, о чемъ можете тамошнему ландрату Унгернъ-Штернбергу и прочимъ объявить. Анна. Въ С.-Петербургѣ, іюня 7 дня 1734 г

49.

Указъ нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

Пожаловали мы присланнаго отъ Гданска отъ нашего генерала фельдмаршала графа фонъ Миниха съ пріятною о покореніи онаго города вѣдомостью генерала Лессія генералсъ-аъютанта сына его Георгія Лесси, указали выдать ему въ награжденіе 1000 руб., которые имѣете вы, по полученіи сего нашего указу, выдать ему изъ рижскихъ доходовъ россійскою или ефимочною монетою. Анна. Въ С.-Петербургѣ, іюля 12 дня 1734 г

Прим. изд. Гданскъ сдался Миниху 28 іюля; 30 іюня русскіе заняли караулы этого города. Осада Гданска продолжалась

135 дней и стоила русскимъ болѣе 8,000 человѣкъ солдатъ и около 200 офицеровъ.

Станиславъ Лещинскій нашелъ возможность бѣжать изъ Гданска, нарядившись въ крестьянское платье.

На Гданскъ была наложена военная контрибуція въ 2 мил. ефимковъ, изъ этой суммы 1 мил. былъ наложенъ въ видѣ наказанія за то, что гданчане не задержали Лещинскаго.

50

Указъ нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

По полученіи сего, имѣете вы на нужнѣйшіе наши расходы выдать подполковнику Ливену 15000 червонныхъ изъ тамошней рентереи, а ежели столько на лицо нѣтъ, то купить, и деньги на то употребить изъ наличныхъ, какія въ оной рентереи имѣются, или вмѣсто того искать чрезъ ратсгера Цимермана или другаго кого на оную сумму векселя получить платимые ему, Ливену, въ городѣ Гданскѣ, и имѣть вамъ въ томъ прилежное стараніе, чтобъ оной, получа тѣ векселя или червонные, безъ всякаго замедленія путь свой продолжать могъ. Анна. Октября 28 дня 1734 г.

51.

Господинъ генералъ-директоръ.

Пожаловали мы графу Сапѣгѣ, которой имѣется у васъ въ Ригѣ, 1000 руб. денегъ, того ради, по полученіи сего, помянутое число ему выдайте изъ губернаментскихъ доходовъ немедленно. Анна. Въ С.-Петербургѣ, декабря 5 дня 1734 г

Кабинетные указы за 1734-й годъ.

14.

Благородный господинъ генералъ экономіи директоръ.

Ея императорское величество всемилостивѣйше изволила указать, по полученіи сего, доктора Фишера отправить вамъ изъ Риги въ С -Петербургъ безъ замедленія, давъ ему надлежащіе подводы, такожъ и въ дорожной проѣздъ и на прогоны изъ рижскихъ экономическихъ доходовъ 500 рублевъ, того ради изволите ваше благородіе о томъ его отправленіи учинить по оному ея императорскаго величества всемилостивѣйшему указу О чемъ объявляя, пребываемъ вашего благородія послушные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, генваря 29 дня 1734 г.

15.

Отъ 2 марта 1734 г

О выдачѣ 150 червонныхъ генералсъ-адъютанту Рыдеру, отправленному куръеромъ къ генералу Лессію, изъ особой на то суммы.

16.

Отъ 16 марта 1734 г

О выдачѣ 150 червонныхъ подполковнику фонъ Виттену, отправленному изъ Кабинета куръеромъ въ Гданскъ.

17

Благородный господинъ генералъ-директоръ экономіи.

Ея императорское величество всемилостивѣйше изволила указать къ вашему благородію писать, чтобъ вы, по полученіи сего, взявъ изъ рижскихъ провіантскихъ магазейновъ муки до 3 или 4-хъ тысячь, да крупъ до 500 четвертей, такожъ купя въ Ригѣ вина до 1 тысячи ведеръ, отправили водою до Пилау на вольныхъ мореходныхъ судахъ, которые нанять изъ тамошнихъ купецкихъ судовъ, къ тому провозу способныхъ безъ всякаго замедленія, неожидая всего того отпуску, но какъ чему случай допуститъ, а оные магазейны, ежелибъ для тамошнихъ расходовъ за тѣмъ отправленіемъ какой недостатокъ былъ, дополнить сборнымъ съ земли провіантомъ или покупкою, и за тѣ суда сколько надлежитъ заплатить деньги изъ тамошнихъ рижскихъ доходовъ, а для сбереженія того провіанта отправить на каждомъ суднѣ по одному оберъ или унтеръ офицеру, придавъ имъ по нѣсколько человѣкъ солдатъ, удовольствуя ихъ морскимъ провіантомъ, а о выгрузкѣ онаго провіанта, по прибытіи въ Пилау, показано имъ будетъ отъ генерала фельдмаршала графа фонъ Миниха или изъ Кенигсберга отъ д. с. с. барона Кейзерлинга, и о вышепомянутомъ отправленіи изволите ваше высокоблагородіе имѣть прилежное стараніе, въ чемъ свою вѣрность и услугу къ ея императорскому величеству покажете, и о учиненіи въ томъ отправленіи всякаго вспоможенія къ генералъ-лейтенанту и вице-губернатору Балку писано жъ. О чемъ по имянному ея императорскаго величества указу объявя, пребываемъ вашего благородія послушные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, марта 16 дня 1734 г.

Прим. изд. Упоминаемый въ этомъ указѣ дѣйств. ст. сов. баронъ Кейзерлингъ, президентъ петербургской академіи наукъ, скоро былъ посланъ въ Варшаву. Надобно вспомнить, что до избирательнаго сейма нашимъ посланникомъ былъ графъ Фридрихъ-Казиміръ Левенвольдъ; ему на помощь былъ посланъ, какъ сказано выше, его братъ оберъ шталмейстеръ графъ Карлъ-Густавъ Левенвольдъ. Оба

Левенвольда перессорились между собою, такъ что старшій, Фридрихъ-Казимиръ, просилъ отозвать его изъ Варшавы. Его отозвали и на его мѣсто прислали Кейзерлинга.

18.

Отъ 26 марта 1734 г.

О выдачѣ 100 червонныхъ флигель-адъютанту Юнгеру, отправляемому куръеромъ изъ Кабинета въ Гданскъ къ Миниху

19.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

Хотя указомъ нашимъ отъ 16 марта и повелѣно вамъ отправить изъ Риги на довольствіе войска на наемныхъ судахъ до Пилау нѣсколько тысячь провіанта и овса, токмо командующій при томъ нашемъ войскѣ нашъ генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ намъ доноситъ, что нынѣ въ провіантѣ никакого недостатку тамъ не находится, того ради повелѣваемъ вамъ оной провіантъ нынѣ не отправлять и судовъ для того никакихъ не нанимать; такожъ извѣстно здѣсь, что произошелъ въ Ригѣ слухъ, якобы оттуда отвозъ нынѣ провіанта имѣетъ быть запрещенъ, о чемъ вы можете тамошнимъ купцамъ пристойнымъ образомъ объявить, что такого нашего намѣренія не было, и въ томъ ихъ обнадежить, что того запрещенія отъ насъ учинено не будетъ. По имянному ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, марта 30 дня 1734 г

20.

Высокоблагородный господинъ генералъ-директоръ, мой государь.

Прибывшій ко двору ея императорскаго величества изъ Польши ясновельможный полковникъ, Бабылицкой, Радоминской, Поражнинской управитель, маршалокъ сеймика мстиславскаго и совѣтникъ сконфедерованныхъ чиновъ Рѣчи Посполитой господинъ Воловичь, староста мстиславскій, представлялъ коимъ образомъ имѣетъ оной претензію на рижскаго купца Тиринга и проситъ, дабы оному на помянутаго купца дана была надлежащая сатисфакція, и понеже ея императорскаго величества всемилостивѣйше соизволеніе есть, чтобъ ему по правамъ надлежащая справедливость показана была, того ради ваше высокоблагородіе соизволите приказать оное дѣло гдѣ надлежитъ разсмотрѣть, и по справедливости рѣшеніе учинить, а какое письмо отъ онаго господина Воловича о томъ здѣсь сообщено, и съ онаго съ переводу при семъ присылается копія, а я пребываю вашего высокобла-

городія послушнѣйшій слуга: Андрей Остерманъ. Изъ С.-Петербурга, марта 31 дня 1734 г

Дѣло Александра Воловича, старосты мстиславскаго, и жены его Эмиліи Воловичевой состояло въ слѣдующемъ.

Рижскій купецъ Тирингъ, имѣя за фактора своего Яна Кочана, шляхтича польскаго, заключилъ контракъ съ Воловичемъ на вырубку въ лѣсахъ ихъ мачтоваго и прочаго лѣсу съ такимъ уговоромъ, что, не заплатя денегъ, лѣсу не вывозить, а ежели начнетъ вывозить, то плотитъ неустойки 3 тысячи битыхъ ефимковъ. Но Кочанъ уговоръ преступилъ. «получа протекцію у его милости господина Огинскаго, воеводы витебскаго, партизанта Станислава Лещинскаго, на отправляемыхъ подъ именемъ Лещинскаго въ городъ Оршу судахъ каптуровыхъ декреты на нихъ получилъ, по силѣ которыхъ, съ партизантами Станиславовскими себя укрѣпя, маетности нашей насильство учинить отважился, того ради прошу объ указѣ, дабы я, имѣя на все документы, какъ наискорѣе предъ судомъ рижскимъ съ купцомъ Тирингомъ разсужденъ могъ быти, а также Янъ Кочанъ, факторъ купца Тиринга, есть при партіи Лещинскаго, дабы отъ сего времени купецъ Тирингъ его за фактора своего не имѣлъ, и болѣе шпіонировать въ Ригѣ не допускалъ, и ежели Кочанъ въ Ригѣ обрѣтаться будетъ, то онаго яко непріятеля взять въ арестъ потребно» Изложеніе своей просьбы Воловичъ подалъ въ С.-Петербургѣ, 31 марта (11 апрѣля) 1734 г

21.

Отъ 1 апрѣля 1734 г

О выдачѣ 100 червонныхъ поручику Ливену, отправленному изъ Кабинета куръеромъ въ Литву

22.

Понеже въ Кабинетъ ея императорскаго величества потребно извѣстіе сколько нынѣ въ Ригѣ имѣется сборнаго и прочаго казеннаго овса на лицо, того ради извольте ваше благородіе вѣдомость справя прислать въ кабинетъ безъ замедленія. А между тѣмъ учинить сношеніе съ дѣйствительнымъ камергеромъ княземъ Голицынымъ можетъ ли онъ для удовольствія обрѣтающихся въ Митавѣ кирасирскихъ и прочихъ лошадей исправится собираемымъ съ Митавы изъ земли овсомъ, которой по посланнымъ къ нему отъ 30 марта и отъ 4 сего апрѣля указомъ собрать ему на то удовольствіе велѣно. И ежели онъ въ томъ какую крайнюю невозможность и недостатокъ того сборнаго покажетъ, въ такомъ необходимомъ случаѣ чтобъ онымъ лошадямъ въ прокормленіи недостатку не было, изволите ваше благородіе въ отправленіи къ нему въ Митаву сколько возможно изъ Риги овса надлежащее вспоможеніе учинить, и тако пребываемъ вашего благородія

послушные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 6 апрѣля 1734 г

23.

Отъ 8 апрѣля 1734 г

О выдачѣ 200 червонцевъ маіору Гогейму, отправляемому куръеромъ въ Гданскъ къ Минпху

24.

Благородный господинъ генералъ-директоръ экономіи.

Изволите ваше благородіе на полученной указъ объ остановкѣ отправленія къ арміи ея императорскаго величества водою провіанта и вина сего апрѣля отъ 3 числа писать, что нѣсколько провіанта и опредѣленное число вина въ суды нагружено, и какъ купцы такъ и корабельщики раздѣлки требуютъ, на что вашему благородію чрезъ сіе объявляемъ. Ежели изъ тѣхъ судовъ, до полученія сего, того провіанта и вина еще не выгружено, то изволите ваше благородіе приказать оное продать въ отвозъ на тѣхъ же судахъ, куда случай допуститъ и кто купить можетъ безъ казеннаго убытку, а ежели таковыхъ въ отвозъ купцовъ не сыщется, то провіантъ выгрузить въ магазейны, а вино, выгрузя жъ, со временемъ продать, а буде въ такую цѣну не купятъ, то держать въ Ригѣ для отдачи на корабли въ морскія провизіи, о чемъ и въ адмралтейскую коллегію дать знать, а съ корабельщиками тѣхъ нанятыхъ судовъ раздѣлку учинить по разсмотрѣнію безъ великаго убытка, платя имъ развѣ за простой, понеже имъ въ пути ихъ никакого удержанія не было, ибо и безъ того зайдомъ въ море итти имъ было невозможно, и грузу другаго тамо сыскать могутъ. О чемъ объявя, пребываемъ вашего благородія покорные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій, апрѣля 9 дня 1734 г.

25.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Хотя указомъ нашимъ отправленнымъ къ вамъ и повелѣно, собравъ съ Лифляндіи въ зачетъ нашихъ доходовъ, годныхъ въ службу драгунскихъ лошадей отправить въ Митаву къ нашему генералу маіору фонъ Бисмарку немедленно, однакожъ сколько тѣхъ лошадей собрано и отправлены ли, что всей денежной суммы за нихъ въ зачетѣ быть надлежитъ, о томъ никакого извѣстія отъ васъ не имѣемъ, и для того прежде помянутой указъ чрезъ сіе наикрѣпчайше подтверждаемъ, по которому имѣете вы такую вѣдомость прислать въ Кабинетъ нашъ. А ежели паче чаянія и понынѣ не отправлены, то, по прежнему указу

собравъ, отправить безъ всякаго замедленія. По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. 13 апрѣля 1734 г., въ С.-Петербургѣ.

26.

Отъ 13 апрѣля 1734 г

О выдачѣ 175 червонныхъ маіору Трейделю, отправленному куръеромъ въ Гданскъ къ Миниху

27

Отъ 19 апрѣля 1734 г

О выдачѣ 50 червонныхъ кабинетъ-куръеру Ѳедору Головину, отправленному съ депешами въ Гданскъ къ Миниху

28.

Отъ 22 апрѣля 1734 г

О выдачѣ генеральсъ-адъютанту Вилиму Фермору 150 червонцевъ, отправленному въ Гданскъ куръеромъ къ Миниху

29.

Отъ 29 апрѣля 1734 г

О выдачѣ 100 червонцевъ архангелогородскаго пѣхотнаго полку подпоручику фонъ Родену, отправленному въ Гданскъ къ Миниху

30.

Отъ 6 мая.

О выдачѣ кабинетъ-куръеру Максиму Маврину 70 червонцевъ, отправленному въ Гданскъ къ Миниху

31.

Отъ 15 мая.

О выдачѣ кабинетъ-куръеру Ѳедору Головину 80 червонцевъ, отправленному въ Гданскъ къ Миниху

32.

Благородный господинъ генералъ-директоръ экономіи.

Изъ отправленнаго вашего благородія отъ 16 мая письма усмотрѣно коимъ образомъ прибывшей въ Ригу польской министръ графъ Завпша вмѣсто своихъ 50 лошадей и съ багажемъ хочетъ въ С.-Петербургъ на подставныхъ и почтовыхъ лошадяхъ ѣхать, котораго числа лошадей на почтахъ не имѣется а крестьянскіе въ работѣ зѣло утомлены, на что вашему благородію чрезъ сіе предлагаемъ. изволите оному министру пристойнымъ образомъ отъ себя представить, чтобъ онъ обозу своему не всему вдругъ, но по частямъ за собою на трое или по меньшей мѣрѣ на двое ѣхать велѣлъ, дабы тѣ подставные по

почтамъ лошади, отвезши первыхъ, по другіе возвращаться могли, буде же онъ на то не склонится, тобъ онъ самъ съ нѣкоторою частію поѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ, и достальные большіе тягости отправилъ на наемныхъ фурманщиковыхъ лошадяхъ, которыхъ можете сыскать и деньги заплатить ваше благородіе изъ тамошнихъ рижскихъ доходовъ, а ежели онъ и того не похочетъ учинить, а пожелаетъ весь свой обозъ и людей при себѣ везти, то изволите приказать безъ всякаго замедленія въ прибавокъ къ почтовымъ собрать съ Лифляндіи уѣздныхъ лошадей, поставить на станціяхъ сколько потребно будетъ, дабы въ томъ проѣздѣ подлежащее ему удовольствіе показать, и какъ по сему отъ васъ опредѣлено будетъ, то надлежитъ заблаговременно вашему благородію писать сюда въ каморъ-контору, такожъ и въ Нарву къ коммисарамъ отъ земли, дабы и отъ оныхъ, получа отъ васъ извѣстіе, такимъ же образомъ около Нарвы и до С.-Петербурга уѣздныя лошади поставлены были немедленно, о чемъ и нынѣ въ тое контору знать дано, чтобъ тѣ лошади наряжены и въ домахъ своихъ содержимы были во всякой готовности, и, по полученіи отъ васъ такого извѣстія собравъ, поставили бъ на станціяхъ. Вашего благородія послушные слуги: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, мая 21 дня 1734 г

33.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр. и пр. пр.

Нашему генералу директору экономіи фонъ Фелькерзаму

По полученіи сего, имѣете вы, отправленному изъ Кабинета нашего къ Гданску генералу фельдмаршалу графу фонъ Миниху, капитану Геннингаузу, выдать изъ рижскихъ доходовъ на подводы и на проѣздъ 100 червонцевъ, и отправить безъ удержанія. А понеже предъ симъ писали въ Кабинетъ нашъ, что изъ прежде приготовленныхъ червонныхъ въ Ригѣ у васъ за расходами курьерамъ уже немного осталось, того ради надлежитъ вамъ оныхъ червонцевъ немедленно купить на тамошніе доходы сколько гдѣ случай допуститъ и дешевле сыскать можно, дабы оныхъ всегда для такихъ посылокъ 2 тысячи червонныхъ у васъ въ готовности было, и на сколько оныхъ куплено будетъ о томъ для извѣстія въ кабинетъ нашъ рапортовать. По ея императорскаго величества указу: Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 25 мая 1734 г

34.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

При семъ посылаются къ вамъ облигаціи, присланныя изъ Витепска отъ полковника князя Репнина, взятыя съ отпущенныхъ въ Ригу россійскихъ и польскихъ купецкихъ судовъ для платежа цла (таможенная пошлина) противъ прежняго обыкновенія на его кор. вел. польскаго Августа Ш, по которымъ имѣете вы съ тѣхъ купцовъ показанные въ доношеніи его, князя Репнина, деньги 8038 талеровъ битыхъ собравъ принять въ рижскую рентерею, неупотребляя ни въ какіе расходы, и какъ оные собраны и приняты будутъ о томъ въ Кабинетъ нашъ рапортовать, чего ради для обстоятельнаго вашего извѣстія съ онаго Репнина доношенія при семъ къ вамъ копію сообщаемъ. По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, мая 28 дня 1734 г

Копія со всеподданнѣйшаго донесенія отъ вятскаго пѣхотнаго полка отъ полковника князя Репнина въ ея императорскаго величества Кабинетъ отъ 16 мая 1734 г

Въ прошлыхъ годахъ въ Витепскъ въ сумму его королевскаго величества польскаго Августа Ш собиралось цло на заплату войску великаго княжества литовскаго съ плывущихъ до Риги по рѣкѣ Двинѣ съ россійскихъ и польскихъ купецкихъ судовъ и плотовъ, а собиралъ оное цло великаго княжества литовскаго подскарбій Соллогубъ, которой нынѣ обрѣтается въ противной Станиславской партіи, того ради, усмотря къ лучшей пользѣ ея императорскаго величества интереса къ сбору онаго цла, съ согласія склонныхъ къ россійской сторонѣ и съ вѣрныхъ его королевскому величеству польскому Августу Ш витепскаго воєводства шляхетства опредѣлили того жъ воеводства поручика Кроера, да реента Тишу, да команды моей опредѣленъ былъ оберъ-офицеръ одинъ, съ котораго купечества съ плывущихъ ихъ судовъ и плотовъ взято при Витепскѣ 38 талеровъ битыхъ, да по облигаціямъ надлежитъ взять съ помянутаго купечества съ тѣхъ плывущихъ судовъ въ Ригѣ 8038 талеровъ битыхъ, а данные отъ купцовъ облиги писаны на имя мое, которые облиги, числомъ 44, при семъ всеподданнѣйшемъ доношеніи посылаются отъ меня съ нарочнымъ вологодскаго полку капраломъ Иваномъ Ендоуровымъ въ Кабинетъ ея императорскаго величества. Полковникъ князь Юрій Репнинъ.

35.

Отъ 6 іюня 1734 г

О выдачѣ 80 червонцевъ кабинетъ-курьеру Маврину, отправленному куръеромъ въ Гданскъ.

36.

Благородный господинъ генералъ-директоръ экономіи.

Понеже по ея императорскаго величества указу нѣкоторое знатное число солдатъ и рекрутъ изъ Риги въ Курляндію и далѣе отправ-

лены быть имѣютъ, того ради изволите ваше благородіе для походу тѣхъ людей до Митавы въ форспанѣ и въ дачѣ подводъ надлежащее немедленное учрежденіе учинить по требованію тамошняго вице-губернатора Балка и генералъ-маіора фонъ Бисмарка, дабы отъ того въ отправленіи тѣхъ людей никакой остановки быть не могло, о чемъ по указу ея императорскаго величества объявляемъ и пребываемъ вашего благородія слуги. Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 8 іюня 1734 г.

37

Отъ 13 іюня 1734 г

О выдачѣ кабинетъ-куръеру князю Степану Енгалычеву 50 червонцевъ, отправленному въ Гданскъ.

38.

Отъ 17 іюня 1734 г

О выдачѣ кабинетъ-куръеру Волженскому 50 червонцевъ, отправленному въ Гданскъ.

39.

Отъ 23 іюня.

О выдачѣ 70 червонцевъ кабинетъ-куръеру Леонтью Друкорту, отправленному въ Гданскъ.

40.

Отъ 1 іюля 1734 г

О выдачѣ 200 червонныхъ адъютанту Миниха Андрею Полтеву, отправленному въ Гданскъ.

41.

Отъ 6 іюля 1734 г

О выдачѣ 80 червонцевъ кабинетъ-куръеру Максиму Маврину, отправленному въ Гданскъ.

42.

Отъ 12 іюля 1734 г.

О выдачѣ 100 червонцевъ генералсъ-адъютанту Лессію, отправленному въ Гданскъ.

43.

Отъ 16 іюля 1734 г

О выдачѣ 70 червонцевъ кабинетъ-куръеру Головину, отправленному въ Гданскъ.

44.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже дѣйствительный нашъ камергеръ князь Голицынъ на

отправленіе посланныхъ изъ Риги чрезъ Курляндію рекрутъ выдалъ изъ собственныхъ нашихъ курляндскихъ доходовъ сперва 600 талеровъ, считая въ талеръ по 16 пятаковъ, да потомъ еще выдалъ же 800 талеровъ и сверхъ того на 425 человѣкъ велѣлъ камеръ-юнкеру Сакену провіантъ давать съ обѣщаніемъ заплаты, и хотя указомъ нашимъ повелѣно тѣ деньги возвратить ему, князю Голицыну, отъ рижскаго вице-губернатора изъ военной суммы денегъ, однако жъ оной Голицынъ доноситъ, что въ той суммѣ такой монеты кромѣ россійсійскихъ денегъ не имѣется, того ради имѣете вы вышепомянутое число выданные отъ онаго камергера деньги и что за провіантъ въ дачѣ быть имѣетъ послать къ нему, Голицыну, изъ рижскихъ доходовъ талерами жъ или другою ходячею въ Курляндіи монетою, а вмѣсто оныхъ толикое жъ число въ рижскую рентерею принять въ Ригѣ изъ военной суммы денегъ, о чемъ и тамошнему вице-губернатору такожъ и къ камергеру князю Голицыну указы наши посланы. По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, 20 іюля 1734 г

45.

Отъ 31 іюля 1734 г.

О выдачѣ 500 рублей кирасирскаго полка ротмистру Оземблов-скому, отправленному куръеромъ къ генералъ-маіору фонъ Бисмарку

46.

Отъ 11 августа 1734 г

О посылкѣ съ курьеромъ къ генералу и лифляндскому губернатору Лессію запечатаннаго въ конвертѣ ея императорскаго величества указа.

47

Отъ 16 августа 1734 г

О выдачѣ 50 червонцевъ кабинетъ-куръеру Василью Бартеневу посланному курьеромъ въ Гданскъ.

48.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже получили здѣсь извѣстіе, что берейторъ Фирингъ изъ Италіи слѣдуетъ съ заводными нашими неаполитанскими кобылами и жеребцами и провождать будетъ прямо до Риги, и тѣмъ лошадямъ далѣе зимовать невозможно какъ въ Лифляндіи, при которыхъ будетъ принятой къ заводамъ шталмейстеръ Кишкуль, того ради имѣете вы отъ рижской экономіи построенные въ Керепицахъ и около оной въ

ближнихъ мѣстахъ конной гвардіи конюшни заблаговременно изготовить, и буде что попорчено, то немедленно исправить, а понеже здѣшній климатъ противъ Италіи зѣло студенъ, и чтобъ конюшни для оныхъ лошадей такъ исправлены были, чтобъ въ нихъ зимою отъ стужи лошади не повредились, чего ради надлежитъ въ тѣхъ конюшняхъ потолки ежели нѣтъ, также и въ окна придѣлать окончины и ставни и въ конюшни двери, а гдѣ на стѣнахъ явятся скважины оныя задѣлать или законопатить, и на первое время приготовить нѣсколько фуража и на подстилку соломы заблаговременно жъ, а обрѣтающемуся по нынѣ въ Керепицахъ шталмейстеру Бахенъ-Шванцу опредѣлено съ лошадьми въ путь до Москвы быть въ готовности и оныя конюшни очистить, того ради надлежитъ вамъ до Печоръ прямою дорогою для тѣхъ лошадей заготовить фуража и къ станціямъ мѣста заблаговременно жъ, и повелѣваемъ нашему генералу-директору экономіи учинить о томъ по сему нашему указу По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Въ С.-Петербургѣ, августа 17 дня 1734 г.

49.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской въ Ригу, господину генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Обрѣтающійся при дворѣ ея императорскаго величества польскій чрезвычайный посланникъ, мечникъ великаго княжества литовскаго, господинъ графъ Завиша просилъ, чтобъ оставленныхъ отъ него въ Ригѣ лошадей стоялыхъ, такожъ и тѣхъ, которые ходили въ полѣ, содержать на готовомъ корму, и вамъ приказать для его посланничьихъ лошадей всѣмъ отвесть пристойныя мѣста, гдѣ бъ были для нихъ конюшни и какъ на тѣхъ, которые содержаны въ стойлахъ, такъ и на прочихъ бывшихъ въ полѣ на корму, давать фуражъ, сѣно и овесъ почемъ надлежитъ изъ магазейновъ до возвращенія его посланника отсюда. А сколько какихъ его лошадей и что на нихъ фуража выдано будетъ, о томъ имѣете впредь прислать сюда рапортъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, октября 8 дня 1734 г Андрей Острманъ, князь Алексѣй Черкасскій.

50.

Отъ 28 октября 1734 г

О выдачѣ подполковнику Ливену на проѣздъ до Гданска 300 червонцевъ.

51.

Отъ 4 ноября 1734 г

О выдачѣ 150 червонцевъ маіору Мазани для проѣзда въ Польшу

52.

Отъ 19 ноября 1734 г.

Объ отпускѣ штабъ, оберъ и унтеръ офицерамъ, находящимся въ Курляндіи раціоновъ тамошнею ходячею монетою, считая ефимокъ за рубль и раціоны выдать по требованію дѣйствительнаго камергера князя Голицына изъ рижской рентереи, а вмѣсто оныхъ въ рижскую рентерею толикое жъ число принимать изъ воинской суммы россійскою монетою.

53.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

По полученіи сего, имѣете вы подъ рукою и тайно освѣдомится сколько до 1731 года, пока указъ состоялся, чтобъ изъ Польши вина не впускать, такихъ хозя.въ и домовъ въ Ригѣ и въ предмѣстьяхъ было, въ которыхъ вино куривалось, именовавъ хозяевъ и домы, а другую такую вѣдомость сколько послѣ вышеписаннаго 1731 г указу вновь такихъ домовъ, въ которыхъ вино курится, прибыло и нынѣ находится и прислать о вышеписанномъ вѣдомости въ Кабинетъ нашъ немедленно. По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Ноября 26 дня 1734 г

Фелькерзамъ донесъ, 8 декабря, что по свѣдѣніямъ, имѣющимся у рекогниціоннаго инспектора Реймерса, который огъ короны для надзиранія пивнаго варенія и виннаго куренія опредѣленъ, оказалось, что до 1731 года винокуровъ было въ городѣ 2, въ предмѣстьи 4, за предмѣстьями и ближними мѣстами около города 10; послѣ же 1731 года прибавилось въ предмѣстьи 1 и въ ближнихъ около Риги мѣстахъ 4.

54.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже потребно вамъ сюда быть для нѣкоторыхъ сношеній, того ради, по полученіи сего, имѣете вы быть ко двору нашему въ С.-Петербургъ неумедля. По имянному ея императорскуго величества указу· Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Декабря 3 дня 1734 года.

55.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

Понеже намъ извѣстно учинилось, что наши подданные рус-

скіе бѣглые, которые изъ Польши выходятъ и присылаются въ Ригу, весьма наги и ничего къ пропитанію не имѣютъ, отчего, прибывъ въ Ригу, многіе помираютъ, такожде и отъ умноженія ихъ въ городѣ не безъ тѣсноты и отъ голоду, которой они терпятъ, многія болѣзни происходятъ, того ради повелѣваемъ таковыхъ высланныхъ немедленно распрашивать отъ чьихъ они вотчинъ, изъ которыхъ уѣздовъ, и сколь давно бѣжали, и изъ тѣхъ распросовъ учиня краткіе экстракты присылать въ сенатъ немедленно, а оныхъ высланныхъ бѣглыхъ разсылать въ тѣ города, изъ которыхъ они бѣжали, и которые изъ оныхъ бѣглыхъ неимѣютъ чѣмъ питаться тѣмъ, во время бытности ихъ въ Ригѣ и въ дорогу до россійскихъ городовъ по исчисленію пути на каждую семью давать по осьминѣ на мѣсяцъ и крупъ по препорціи, а у кого будутъ дѣти съ прибавкою по разсмотрѣнію, и оную дачу производить изъ магазей или съ земли, какъ по вашему разсмотрѣнію за лучшее разсуждено будетъ, и оный расходъ поставить на счетъ тѣхъ помѣщиковъ, и для того тому расходу держать особливой счетъ, а выслать оныхъ съ добрымъ порядкомъ и смотря какъ годовое время допуститъ, чтобъ отъ неудобныхъ къ пути временъ не претерпѣли нужды и болѣзней или и весьма неумирали, и дабы отъ тѣсноты въ городѣ болѣзней не умножалось разставливать ихъ по квартирамъ, въ предмѣстьѣ и въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ, по вашему разсмотрѣнію, а сколько до сего времени было въ высылкѣ бѣглыхъ, о тѣхъ изъ разспросовъ учиня экстрактъ по вышеписанному и кто куда посланъ и въ пріемѣ ихъ какія росписки имѣются прислать немедленно, а каковы указы посланы къ командирамъ войскъ нашихъ въ Польшѣ, какъ оныхъ бѣглыхъ высылать и съ пожитками ихъ какъ поступать, изъ оныхъ для извѣстія вашего прилагается экстрактъ, а о потребномъ вспоможеніи вамъ и генералъ-лейтенанту Гохмуту указъ посланъ. По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Декабря 31 дня 1734 года.

Копія съ указа генералъ-маіору фонъ Бисмарку отъ 31 декабря 1734 г

Извѣстно намъ учинилось, что наши подданные русскіе бѣглые, которые изъ Польши выходятъ и отъ васъ присылаются, весьма наги и ничего къ пропитанію не имѣютъ, отчего прибывъ въ Ригу, многіе помираютъ и объявляютъ, что имѣющійся у нихъ въ домахъ скотъ и всякую рухлядь обираютъ и продавать не даютъ, такожъ женъ и дѣтей ихъ не отдаютъ, того ради повелѣваемъ вамъ во всей вашей командѣ накрѣпко подтвердить и велѣть смотрѣть, чтобъ высланнымъ изъ бѣговъ что похотятъ взять съ собою изъ своихъ пожитковъ безъ всякаго возбраненія позволено было, а чего пожитковъ, также скота взять съ собою не похотятъ, въ томъ давать имъ свободу по своей волѣ продавать, а въ неволю у нихъ отнюдь ничего не обирать подъ жестокимъ штрафомъ, чтобы они могли, прибывъ въ Россію на

прежнія мѣста, паки завестись и пропитаніе свое имѣть, и гдѣ они являться будутъ, то отправлять къ первымъ нашимъ пограничнымъ городамъ со всякимъ надлежащимъ вспоможеніемъ, чтобъ въ пути никакой нужды не претерпѣли, а при высылкѣ ихъ изъ заграницы присылать въ первые русскіе города сколько при каждомъ изъ нихъ отправлено всякихъ ихъ пожитковъ и хлѣба и за проданные ихъ пожитки денегъ, чтобъ потому въ пропитаніи оныхъ могли надлежащее опредѣленіе учинить, такожъ при томъ присылать извѣстіе кто, откуда взятъ, а впрочемъ поступать вамъ во всемъ по указу, отправленному сего года августа 2 дня.

Экстрактъ изъ посланныхъ указовъ 1734 г , августа 2 дня, къ генералъ-фельдмаршалу фонъ Миниху, генералу графу Вейсбаху, генералъ-маіорамъ Измайлову, Бисмарку и полковнику князю Репнину

Командующимъ войска смотрѣть накрѣпко, чтобъ тѣ бѣглецы забраны были съ женами и дѣтьми и со всѣми пожитками, со скотомъ и съ хлѣбомъ, сколько на ихъ лошадяхъ поднять будетъ можно, также, чтобъ тѣ ихъ пожитки, какъ при забраніи ихъ оттуда, такъ и по приводѣ въ Россію, всѣ были въ цѣлости, и на крѣпко подтверждать, чтобъ никто имъ обиды не дерзнулъ, подъ опасеніемъ смертной казни, въ тѣхъ ихъ пожиткахъ какой обиды и разоренія чинить или чего отнять и другихъ какихъ взятковъ брать, но паче всячески ихъ охранять и ни до какихъ обидъ не допущать, а какъ въ россійскіе городы привезены будутъ, то велѣть имъ прокормленіе имѣть тѣмъ своимъ привознымъ хлѣбомъ, а буде того собственнаго ихъ хлѣба недостанетъ или у кого ничего не будетъ, то давать имъ изъ магазейновъ мѣсячину, на каждую семью по осьминѣ, а у кого будутъ дѣти, на тѣхъ съ прибавкою по разсмотрѣнію.

Прим. изд. Военныя дѣйствія въ Польшѣ побудили правительство въ 1734 г. издать нѣкоторыя распоряженія по военному вѣдомству, касавшіеся и населенія Прибалтійскихъ губерній. Именнымъ указомъ, объявленнымъ 16 октября изъ Кабинета ея величества военной коллегіи, было повелѣно (П. С З. 6639) опредѣлять въ военную службу достойныхъ людей изъ россіянъ, лифляндцевъ и курляндцевъ, а равно и солдатскихъ дѣтей. Другимъ указомъ, объявленномъ 18 октября сенату, повелѣно опредѣлять въ военную службу недорослей, принимать въ службу изъ эстляндскихъ и лифляндскихъ дворянъ и изъ купечества; ссылать въ ближніе гарнизоны шатающихся безъ паспортовъ и бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ, зачитая послѣднихъ при будущихъ рекрутскихъ наборахъ.

1735-й годъ.

52.

Указъ нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Изъ обрѣтающихся въ рижской рентереи денегъ чужестранной монеты повелѣваемъ вамъ оставить до нашего другаго указу 35,000 ефимковъ, а 15,000 чрезъ Гданскъ или Кенигсбергъ, какъ способнѣе и безубыточнѣе будетъ, перевесть въ Варшаву полномочному нашему министру барону Кейзерлингу, а достальные всѣ въ Бреславль перевесть, какимъ безубыточнымъ образомъ наилучше возможно, къ генералъ-адъютанту Юнгеру, а ежели такую большую сумму въ Бреславль перевесть не возможно, то перевесть оную въ Голландію платимую тамо по ордеру нашего генералъ-фельдмаршала графа фонъ Миниха, которому о томъ переводѣ прямо вамъ отъ себя сообщить надлежитъ, дабы онъ потому для переводу оныхъ изъ Голландіи надлежащее учрежденіе могъ учинить, и при томъ переводѣ денегъ поступать вамъ со всякимъ радѣніемъ и наилучшей пользѣ казнѣ нашей, а сколько, когда и куды въ переводѣ будетъ, о томъ въ Кабинетъ нашъ рапортовать. Анна. Марта 31 дня 1735 г

53.

Указъ нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

По приложенному при семъ реестру, возьмите отъ рижскаго шлосфохта такое число бревенъ и въ таковую же мѣру какъ въ оном показано, и взявъ отправьте немедленно въ Митаву какъ пристойно, и велите отдать нашему коммисіонъ-секретарю Кацу, а для отправленія оныхъ требуйте отъ генерала-поручика Гохмута солдатъ сколько будетъ потребно и однаго офицера, о чемъ къ нему и указъ пришлется при семъ, а какая тѣмъ бревнамъ цѣна, о томъ учиня счетъ пришли къ намъ, по которому за нихъ заплочены будутъ деньги. Буде же казенныхъ бревенъ готовыхъ такихъ мѣръ нѣтъ, то вы можете посмотрѣть у рижскихъ обывателей и у кого сыщутся взять, и потому жь нынѣ туда отправить, а на будущую весну тожъ число у кого сколько и какою мѣрою взяты будутъ возвратить имъ по прежнему Анна. Въ С.-Петербургѣ, августа 19 дня 1735 г

P S. А помянутымъ солдатамъ на заплату за работу пока при томъ лѣсѣ до Митавы будутъ по 6 копѣекъ каждому на день требовать отъ коммисіонъ-секретаря Каца и потому имъ платить.

Всѣхъ бревенъ требовалось 1212, — длиною отъ 5 до 9 сажень и толщиною отъ 13 до 14 дюймовъ.

Кабинетные указы за 1735-й годъ.

56.

Указъ нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже по указу нашему призваны вы были ко двору нашему для нѣкоторыхъ нашихъ дѣлъ, того ради повелѣваемъ вамъ на проѣздъ вашъ взять тамъ изъ тамошнихъ нашихъ рижскихъ доходовъ 600 рублевъ, и о томъ учинить вамъ по сему нашему указу По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Марта 1 дня 1735 г

57

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже, по посланному изъ сената въ лифляндскую губернію нашему указу, велѣно въ Лифляндіи публичныхъ и приватныхъ маетностей со всякаго гака по 24 пуры или по 8 четвертей ржи, а съ острова Эзеля противъ того по препорціи, поставить до окончанія сей зимы въ Ригу или въ Ревель и Нарву, куда каждому дистрикту способнѣе будетъ, а хотя кто и свыше того числа поставитъ оное потому жъ принимать, и по поставкѣ за то платить деньги, а именно по полуефимку албертовыхъ или, смотря по мѣсту, россійскими деньгами по 50 коп. за пуру, и притомъ посланъ изъ сената и къ вамъ нашъ указъ, дабы вы сколько возможно старались, чтобъ изъ оной ржи хотя до половины смолото было въ муку, и чтобъ вамъ купить въ землѣ крупъ яшныхъ 10,500 четвертей, такожъ, что въ сенатѣ нѣкоторые купцы просили, чтобъ у нихъ въ Ригѣ принималась рожь цѣною на россійскіе деньги по 23 р. 60 к. ластъ, и чтобъ вы ту рожь старались у нихъ покупать не выше той цѣны и на россійскіе деньги на такихъ кондиціяхъ, чтобы они на своемъ собственномъ иждивеніи безпошлинно на корабли ставили, какъ то и въ прошломъ году чинимо было. Того ради мы вышеписанные посланные изъ сената какъ въ губернію, такъ и къ вамъ, наши указы чрезъ сіе всемилостивѣйше подтверждаемъ, и о исполненіи по тѣмъ нашимъ указамъ всякое вамъ стараніе и прилежное смотрѣніе имѣть повелѣваемъ, и по вышеписанному расположенію въ поставкѣ съ гаковъ и о покупкѣ ржи и крупъ какую надежду впредь имѣть можно, о томъ вамъ въ кабинетъ нашъ обстоятельно доносить немедленно. По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Марта 11 дня 1713 г

P S. По тому жъ имѣете вы прислать въ Кабинетъ извѣстіе сколько по вышеписаннымъ сенатскимъ указамъ исполнено и ржи и крупъ заготовлено, да и впредь по онымъ указамъ исполнять есть ли надежда, о чемъ здѣсь потребно знать немедленно.

58.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Изъ рапорту вашего отъ 13 апрѣля усмотрѣли мы, что имѣется въ рижской нашей рентереи 49197 ефимковъ спеціесъ, которые добротою своею албертовыхъ ефимковъ лучше 4-мя процентами, а понеже для содержанія войскъ нашихъ, обрѣтающихся въ Польшѣ, необходимо потребно перевесть въ Бреславль чрезъ вексель сумму немалую, того ради указали мы оные ефимки спеціесъ перевесть вамъ въ Бреславль, сыскавъ такой способъ, чтобъ безубыточно было, а ежели такого способу сыскано быть не можетъ, то хотя бъ по три процента оные ефимки спеціесъ выше албертовыхъ переведены были, а ежели для такого безубыточнаго переводу способы найдены быть не могутъ, то о томъ немедленно къ намъ рапортовать, а что по посланному къ вамъ отъ 31 марта нашему указу велѣно 35,000 ефимковъ удержать до нашего указу и оные 35,000 ефимковъ такожъ и тѣ, которые въ казну нашу пошлинные ефимки впредь въ нынѣшнемъ 1735 году сбираться будутъ, потому жъ переводить въ Бреславль какъ возможно немедленно, и притомъ переводѣ денегъ поступать вамъ со всякимъ радѣніемъ, чтобъ большаго убытку непослѣдовало по прежнему нашему указу, въ чемъ мы на извѣстную къ намъ вашу вѣрность всемилостивѣйше полагаемся, а по вашему представленію, чтобъ въ нынѣшнемъ 1735 году купцы албертусовыми ефимками съ надлежащею наддачею пошлины платили, указъ изъ сената нашего посланъ, а о заплатѣ за приторгованную рожь денегъ иной способъ сысканъ будетъ и опредѣленіе учинено будетъ о томъ впредь, и о вышеписанномъ повелѣваемъ вамъ учинить по сему нашему указу По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Черкасскій. Апрѣля 22 дня 1735 г

59.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашъ любезновѣрный генералъ-директоръ экономіи Фелькерзамъ.

Понеже мы здѣсь увѣдомлены, что во время приходу въ Ригу сверху струговъ товары тамо обыкновенно россійскою монетою платятся, и для того въ таковыхъ временахъ рублевики прилежно спра-

шиваются, и не только съ ефимками албертовыми равно, по временамъ, и свыше въ ходу бываютъ, того ради вамъ чрезъ сіе повелѣвается, что ежели оное такъ находится и рублевики такимъ образомъ съ пользою употребить можно, тобъ вы тѣмъ случаемъ къ поспѣшествованію потребныхъ въ Бреславль денежныхъ переводовъ пользоваться старались, и какъ изъ тамошняго коммисаріата всѣ тамо находящіеся россійскіе деньги, такъ и сколько оною монетою въ пошлинномъ и прочихъ тамошнихъ сборовъ на лицо имѣется и еще отъ времени до времени приходить будутъ, къ тому употребляли, и напротивъ того отъ купцовъ векселя на Бреславль взяли и такимъ образомъ помянутые тамошніе деньги, сколько оныхъ собрать можно, или прямо въ Бреславль на имя нашего генералъ-фельдмаршала графа фонъ Миниха переводили или же, буде то со всею суммою учиниться не можетъ, въ такомъ случаѣ векселя въ Голландію взяли, а между тѣмъ генералъ-фельдмаршалу графу фонъ Миниху о всемъ томъ и сколько денегъ и какимъ способомъ къ его диспозиціи опредѣлены и переведены немедленно извѣстіе подать имѣете, и въ коммисаріатъ въ Ригу отсюда указъ посылается, чтобъ всѣ тамо имѣющіеся деньги по вашему требованію и диспозиціи безъ замедленія отпустить. Если же паче чаянія вышеупомянутое о россійской монетѣ и что оная во время приходу въ Ригу струговъ въ такъ прибыльномъ ходу бываетъ не такъ находится, то вы въ такомъ случаѣ о томъ немедленно сюда донести и между тѣмъ, по содержанію прежняго нашего къ вамъ указу, съ переводомъ тамо въ Ригѣ имѣющихся и еще отъ времени до времени приходящихъ албертовыхъ денегъ неотмѣнно и наиприлѣжнѣйше продолжать имѣете. Данъ въ С.-Петербургѣ, мая 10 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

60.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Указали мы изъ Риги на нѣкоторые нужнѣйшіе расходы къ генералу-лейтенанту Измайлову отправить отъ 10 до 16 тысячь рублевъ россійскою монетою, того ради повелѣваемъ вамъ оные деньги отправить изъ Риги чрезъ генерала маіора фонъ Бисмарка, чтобъ онъ означенные деньги къ нему, генералу-лейтенанту, отправилъ съ надлежащимъ конвоемъ немедленно, о чемъ имѣете вы къ нему, генералу маіору фонъ Бисмарку, отъ себя писать. По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Черкасскій. Мая 17 дня 1735 г С.-Петербургъ.

61

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Указали мы сервизъ серебряной, который привезенъ изъ Польши и обрѣтается нынѣ въ Ригѣ, отправить къ генералу Лессію на фурманахъ изъ Риги до Кенигсберга и оттуда такимъ же порядкомъ до Гданска и далѣе до Бреславля съ нарочнымъ офицеромъ добрымъ, которому дать на дорогу и на провозъ того сервиза надлежащія деньги по вашему разсмотрѣнію изъ тамошней рентереи, и велѣть оному офицеру къ нему генералу Лессію отозваться, чтобъ онъ ему повелѣлъ куда съ тѣмъ сервизомъ проѣхать, ибо можетъ быть, что и ближе Бреславля его, генерала Лессія, встрѣтитъ и оной сервизъ отдать можетъ, а объ отправленіи онаго рапортовать вамъ въ нашъ Кабинетъ. По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій. Іюня 3 дня 1735 г

62.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Присланные ваши репорты о переведенныхъ до нынѣ къ диспозиціи генералъ-фельдмаршала графа фонъ Миниха въ Бреславль деньгахъ здѣсь исправно получены, и чрезъ сіе вамъ всемилостивѣйше повелѣвается, чтобъ собираемые впредь по прежнимъ нашимъ указамъ и такимъ переводамъ деньги отъ нынѣшняго времени уже не въ Бреславль, или въ иныя какія мѣста, но прямо въ Голландію, на имя нашего тамо обрѣтающагося дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и чрезвычайнаго и полномочнаго посла графа Головкина переводили. Вамъ надлежитъ о томъ со онымъ надлежащее сношеніе и корреспонденцію чаще имѣть, такъ же и намъ сюда, когда какія деньги туда переведутся, доносить. Данъ въ С.-Петербургѣ, іюня 28 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

63.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему экономіи генералу-директору Фелькерзаму

Понеже конной нашей гвардіи маіоръ фонъ Ливенъ отсюда въ Литву для особливой ему отъ насъ порученной коммисіи посылается, того ради вы ему на такой его проѣздъ изъ рижской рентереи 1000

ефимковъ выдать имѣете. Данъ въ С.-Петербургѣ, іюля 30 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

64.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже мы тѣмъ кирасирскимъ полкамъ, которые донынѣ въ Курляндіи стояли, въ Литву вступить и команду надъ оными нашей конной гвардіи маіору Ливену поручить велѣли, а оной намъ всеподданнѣйше докладывалъ, что при такомъ оныхъ кирасирскихъ полковъ отдаленіи въ опредѣленный на потребы оныхъ обыкновенной денежной казнѣ иногда случится можетъ недостатокъ, того ради вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобы въ такомъ необходимой нужды случаѣ, по учинимому вамъ о томъ отъ помянутаго маіора Ливена предложенію, вы изъ имѣющихся у васъ на содержанІе нашихъ въ Польшѣ войскъ назначенныхъ денегъ для нужныхъ тѣхъ кирасирскихъ полковъ потребностей на счетъ оныхъ потребную сумму между тѣмъ выдали, о которой потомъ съ сими кирасирскими полками по назначеннымъ къ ихъ казнѣ обыкновеннымъ доходамъ расчетъ имѣть можно. Данъ въ С.-Петербургѣ, іюля 30 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

65.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Всеподданнѣйшее ваше доношеніе отъ 27 прошедшаго іюля получено исправно, изъ котораго усмотрѣли мы, что генеральная счетная коммисія изъ рижской экономической конторы требуетъ для счету экономическихъ и лицентныхъ счетовъ, а понеже, какъ вы доносите, оные счеты отсылаются экономическіе въ каморъ, а лицентные въ коммерцъ-колегіи, того ради оной генеральной счетной коммисіи повелѣли мы оныхъ счетовъ требовать изъ вышеписанныхъ коллегій, а изъ экономической конторы вторичныхъ не требовать, и секретарей и канцелярскихъ служителей съ тѣми вторичными счетами не высылать и присланнаго для того въ Ригу отъ гвардіи солдата возвратить въ Москву, а ежели, при свидѣтельствѣ тѣхъ счетовъ, потребны будутъ какіе справки, оные, по требованію счетной коммисіи, изъ экономической конторы отсылать безъ умедленія, дабы въ свидѣтельствѣ и въ расчетахъ за тѣмъ остановки не было. По ея императорскаго

величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій. Августа 11 дня 1735 г

66.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Намъ отъ обрѣтающагося въ Гданскѣ, полковника нашего Укскуля, всеподданнѣйше донесено, коимъ образомъ къ нему вновь нѣкоторое число отправляемыхъ сюда инвалидовъ отъ нашего въ Польшѣ войска адресовано, а также на потребные расходы къ такому ихъ отправленію и на покупку онымъ людямъ провіанта у него, Укскуля, денегъ не имѣется, того ради мы ему указомъ нашимъ повелѣли, чтобъ онъ, при отправленіи такихъ инвалидовъ въ Ригу, съ вами обо всемъ надлежащее сношеніе имѣлъ, и въ заплатимыхъ за корабельной провозъ деньгахъ, такъ же и въ помянутыхъ на покупку провіанта и прочихъ расходахъ, на васъ въ Ригу ассигнаціи давалъ. Вы имѣете потому и съ вашей стороны поступить, и по получаемымъ отъ полковника Укскуля извѣстіямъ, такіе для присылаемыхъ инвалидовъ и на нужное ихъ содержаніе и довольствованіе потребные расходы изъ имѣющейся у васъ казны нашей производить. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 16 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

67

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже обрѣтающійся при нашемъ лифляндскомъ губернаментѣ правительства совѣтникъ фонъ Фиттингофъ у насъ всеподданнѣйше просилъ, чтобъ онъ за своимъ болѣзненнымъ состояніемъ на нѣсколько времени и до совершеннаго выздоровленія его отъ дѣлъ своей должности увольненъ, и въ такое время управленіе его чина правительства совѣтническаго лифляндскому земскому маршалку и главной консисторіи президенту фонъ Будденброку поручено было, того ради мы по тому прошенію его, Фиттингофа, для пользованія отъ болѣзни онаго отъ дѣлъ нашихъ на то время увольнить всемилостивѣйше соизволяемъ, а что надлежитъ до представленнаго отъ него къ управленію въ губернаментѣ вмѣсто его чина совѣтническаго помянутаго земскаго маршалка фонъ Будденброка, и ежели онъ тому способенъ, то имѣете его при губернаментѣ на время отлученія совѣтника фонъ Фитингофа употребить, и ему на то время сколько онъ, Будденброкъ, при губернаментѣ у дѣлъ будетъ, надлежащее по оному чину совѣтника наше

жалованье дать. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 19 дня 1735 г. По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

68.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Изъ доношенія вашего изъ Риги отъ 24 сего августа усмотрѣно о полученіи нашего указа отъ 19 того же августа, въ которомъ писано къ вамъ о увольненіи обрѣтающаго совѣтника фонъ Фитингофа отъ дѣлъ на время для пользованія отъ болѣзни онаго, и чтобъ на мѣсто его для управленія совѣтнической должности опредѣлить ландъ-маршала Будденброка, и притомъ вы представляли, что, понеже оной Будденброкъ и безъ того другими дѣлами затрудненъ, тобъ въ небытность помянутаго совѣтника фонъ Фитингофа опредѣлить при губернаментѣ лифляндскомъ къ дѣламъ ландрата барона фонъ Будберга. Мы на сіе ваше представленіе всемилостивѣйше соизволяемъ, и имѣете вы того Будберга при губернаментскомъ правленіи, во отлученіи совѣтника фонъ Фитингофа, при дѣлахъ должности совѣтнической употребить и ему на то время сколько онъ, баронъ Будбергъ, при губернаментѣ у дѣлъ будетъ давать наше по чину совѣтника жалованье. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 31 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

69

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Правительство герцога курляндскаго купно и съ шляхетствомъ онаго, чрезъ своего къ намъ уполномоченнаго депутата, нашего дѣйствительнаго камергера фонъ Бутлера, нижайше у насъ проситъ, какъ о подтвержденіи прежней нашей отъ 1731 г резолюціи о вольномъ съ городомъ Ригою торгѣ, и собственныхъ ихъ фактиціевъ туда привозѣ, также и особливо о позволяемомъ въ Ригу вольномъ же привозѣ и продажѣ курляндскаго горячаго вина. Изъ приложеннаго при семъ экстракта съ данной имъ на то нашей резолюціи, вы пространнѣе усмотрѣть имѣете коимъ образомъ мы, на такое ихъ прошеніе соизволяя, о вольномъ изъ Курляндіи въ Ригу привозѣ и продажѣ курляндскаго горячаго вина позволеніе наше дали, съ такимъ имяннымъ однакоже изображеніемъ, чтобы, окромѣ подлинно и дѣйствительно въ Курляндіи сдѣланнаго вина, подъ претекстомъ онаго отнюдь никакое иное изъ Польши, Волыніи или другихъ мѣстъ вино, противно нашему въ 1731 году состоявшему о запрещеніи такого чужаго привозу имянному

указу, привезено не было. Мы для того вамъ всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобъ, по содержанію такой нашей нынѣшней всемилостивѣйшей резолюціи, впредь всякой привозъ и продажа въ Ригѣ курляндскаго горячаго вина безъ запрещенія допущены и потребныя о томъ учрежденія и публикаціи гдѣ надлежитъ учинены были, однакожъ съ прилежнымъ при томъ всегда смотрѣніемъ и престереженіемъ, дабы, какъ вышепомянуто, вмѣсто и подъ претекстомъ онаго курляндскаго, иное чужое горячее вино привезено не было. Данъ въ С.-Петербургѣ, сентября 24 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Черкасскій.

70.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Понеже правительство герцогства курляндскяго пристойное у насъ прошеніе учинило, чтобъ во время прежней войны шведами изъ Митавы въ Ригу отвезенной курляндской архивъ, которой будто въ разныхъ шведскою печатью припечатанныхъ сундукахъ въ рижскомъ арсеналѣ имѣется, оному герцогству возвращено было, а мы о томъ, и ежели такой курляндскій архивъ въ Ригѣ находится или нѣтъ, никакую информацію не имѣемъ, того ради къ намъ о томъ подлинныя извѣстія прислать надлежитъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, сентября 24 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

71.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

На полученное здѣсь ваше всеподданнѣйшее отъ 24 сентября доношеніе о содержащихся въ Ригѣ, въ Динаминдѣ и въ Перновѣ польскихъ плѣнникахъ, въ отвѣтную резолюцію вамъ чрезъ сіе объявляется: что ежели между оными какіе изъ шляхетства имѣются, то ихъ по прежнимъ нашимъ уже о томъ указамъ, взявъ отъ нихъ въ вѣрности его королевскому величеству Августу III присягу и реверсъ, отпустить, также и прочихъ изъ подлаго народа и крестьянства, или помѣщикамъ своимъ, ежели отъ оныхъ о томъ требованіе учинится, возвратить, или и безъ того тѣхъ уволить можно, взявъ отъ нихъ реверсы, что они къ противной сторонѣ никогда не пристанутъ, и объявляя имъ, что ежели впредь въ какихъ противностяхъ явятся и пойманы будутъ, то повѣшены быть имѣютъ, а ежели бъ паче чаянія изъ помянутыхъ плѣнниковъ за кѣмъ особливые какіе причины, за

которыми его отпустить нельзя, имѣлись, то надлежитъ намъ о томъ прежде рапортовать. Данъ въ С.-Петербургѣ, сентября 30 дня 1735 года. По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

72.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр , и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Изъ вашего отъ 24 сентября полученнаго доношенія усмотрѣно, какіе вы, по прежнему нашему указу, съ полковникомъ Укскулемъ сношеніе имѣли о потребныхъ на отправленные изъ Гданска инвалидій расходахъ, а понеже принятые на такое отправленіе онымъ полковникомъ Укскулемъ, по опредѣленію генералъ-лейтенанта князя Урусова, деньги къ такому имянно расходу изъ имѣющейся у онаго князя Урусова нашей казны чаятельно опредѣлены, того ради ихъ къ полковнику Укскулю возвратить уже непотребно будетъ, яко же онъ, по отправленному къ нему нашему указу, подлинное извѣстіе какимъ образомъ и основаніемъ помянутыя деньги на такой расходъ приняты и употреблены немедленно къ намъ прислать, также и вамъ сообщить, имѣетъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, сентября 30 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

73.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Какіе жалобы рижское съ крестьянами торгующее купечество и мѣщанство о чинящихся имъ въ отправленіи такого торгу со стороны шляхетства разныхъ обидахъ всеподданнѣйше приносило, то вы изъ приложенной при семъ копіи съ ихъ челобитной пространнѣе усмотрѣть можете, и мы вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, что вы по оной челобитной обще съ генералъ-лейтенантомъ Гохмутомъ, къ которому равномѣрный нашъ указъ о томъ посланъ, о томъ дѣлѣ прилежное разсмотрѣніе учиня, обстоятельное и подлинное извѣстіе обо всѣхъ при томъ обрѣтающихся обстоятельствахъ къ намъ немедленно прислали какимъ образомъ въ такомъ торгу между мѣщанами и крестьянствомъ поступается, на какихъ правахъ и обыкновеніяхъ сей торгъ основанъ, какимъ образомъ оный до нынѣ произведенъ, и какіе имъ, мѣщаномъ, въ томъ со стороны шляхества обиды и нарушеніе и по какимъ причинамъ или основаніямъ чинятся, о чемъ обо всемъ и что генерально въ ономъ дѣлѣ происходило, вы, по такомъ общемъ

съ Гохмутомъ разсмотрѣніи, намъ подробно и обстоятельно доносить имѣете. Данъ въ С.-Петербургѣ, ноября 12 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

74.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.,

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Крестьяне, подданные нашихъ маріенбургскихъ маетностей, всеподданнѣйше жалобы къ намъ приносили, какъ о учиненныхъ имъ отъ помѣщика несносныхъ насильствахъ и утѣсненіяхъ, также и о неполученіи по прошеніямъ своимъ у ландгерихта судебной расправы и справедливости, какъ вы то изъ приложенной при семъ копіи съ поданной намъ челобитной пространнѣе усмотрѣть имѣете, а понеже такіе въ земляхъ нашихъ и надъ подданными нашими чинящіеся насильства и непозволяемые поступки намъ неинако какъ весьма противны быть могутъ, по неотмѣнному нашему наикрѣпчайшему и всемилостивѣйшему намѣренію, чтобъ каждому въ основательныхъ своихъ жалобахъ безъ наималѣйшаго изобиженія и лицемѣрности всегда надлежащая справедливость и правосудіе показано было, того ради мы нашего статсъ-коммисара фонъ Сальцена опредѣлили и отсюда отправили, чтобъ онъ такіе жалобы и обиды надлежащимъ образомъ преслѣдовалъ въ присутствіи двухъ къ тому же отъ васъ изъ регирунга да изъ шляхетства опредѣляемыми персонами, якоже мы вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобъ вы потому какъ изъ регирунга, также изъ шляхетства по одному человѣку, кого вы къ тому наиспособнѣйшаго и исправнѣйшаго быть разсуждаете, выбрали и къ общему съ помянутымъ фонъ Сальценомъ разсмотрѣнію и прилежному изслѣдованію и исправленію всѣхъ такихъ крестьянскихъ учиненныхъ обидъ, также и со стороны земскаго суда при оныхъ дѣлахъ и происхожденіяхъ показанныхъ поступковъ, съ надлежащимъ наставленіемъ такимъ образомъ опредѣлили, дабы о немедленномъ и справедливомъ прекращеніи и исправленіи всѣхъ такихъ жалобъ прилѣжное попеченіе приложено и къ намъ обстоятельное обо всемъ доношеніе и извѣстіе прислано было.

Впрочемъ мы отъ васъ всемѣрно ожидаемъ, что вы по должности чина своего наиприлѣжнѣйше того смотрѣть будете, дабы такіе нашимъ о благополучіи нашихъ подданныхъ всемилостивѣйшимъ намѣреніямъ весьма противные безпорядки между шляхетствомъ не происходили, и особливо такими отъ арендаторовъ надъ крестьянами насильствами и утѣсненіями наши маетности разорены и такимъ безпорядочнымъ администраціямъ отданы не были, также наипаче то на-

длежащимъ образомъ престеречь потребно, чтобъ при земскихъ судахъ по регулѣ справедливости и правосудія безъ наималѣйшаго пристрастія или лицемѣрности всегда поступлено и никому свободная къ онымъ дорога къ полученію справедливыхъ во всемъ рѣшеній препятствована не была, въ чемъ мы на ваше вѣрное радѣніе весьма надѣемся. А ежели въ вышеписанномъ дѣлѣ явится крестьянская жалоба основательна, то имѣете онаго капитана Либгарта депосидировать и администрацію кому иному достойному поручить. Данъ въ С.-Петербургѣ, ноября 12 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

P S. Понеже вышепомянутый статсъ-коммисаръ фонъ Сальценъ при означенной коммисіи главнѣйшимъ членомъ отъ ея императорскаго величества имянно опредѣленъ, того ради, при учрежденіи у васъ по вышеписанному указу прочихъ къ оному дѣлу присутствовать имѣющихъ персонъ, такимъ образомъ поступать надлежитъ, чтобъ онъ, фонъ Сальценъ, безъ всякаго прекословія пресидіумъ при оной коммисіи имѣлъ.

75.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская пр. и пр. и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

На присланное къ намъ отъ города Риги прошеніе о защищеніи безопаснаго отправленія польскаго торгу, мы, въ подтвержденіе прежнихъ нашихъ о томъ уже учрежденій, нашему въ тамошнихъ мѣстахъ генералитету потребные указы нынѣ вновь отправить велѣли, какъ вы изъ сообщеннаго при семъ приложенія усмотрѣть можете, о чемъ вы магистрату онаго города надлежащимъ образомъ объявить имѣете. Данъ въ С.-Петербургѣ, ноября 22 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

P S. При семъ же посылается оригинальный нашъ указъ къ князю Гессенгомбургскому для дальняго къ нему отправленія.

Копія съ указу, отправленнаго къ генералу фельдцехмейстеру князю Гессенгомбургскому, ноября 22 дня 1735 г

Изъ приложенной при семъ копіи вы пространнѣе усмотрѣть имѣете, какое у насъ отъ города Риги нынѣ всеподданнѣйшее прошеніе учинено о защищеніи свободно и безопасно продолжаемаго отправленія, имѣющагося со стороны онаго города, польскаго торгу и купечества. А понеже наше всемилостивѣйшее намѣреніе всегда было, чтобъ оной рижской торгъ въ Польшу и въ Литву безъ наимнѣйшаго задержанія и остановки неотмѣнно отправленъ, и имѣющіеся въ оной Рѣчи Посполитой донынѣ публичныя замѣшанія и волненія въ томъ

никакого помѣшательства причинить не могли, но помянутые наши города Риги подданные при свободномъ и безопасномъ отправленіи такого своего польскаго торгу всякимъ образомъ защищены были, якоже и прежде сего о томъ потребныя учрежденія учинены и наши указы къ войскамъ нашимъ особливо въ Литву отправлены были.

Того ради вы, по тому же и въ подтвержденіе прежнихъ нашихъ о томъ учрежденій, генералитету и командирамъ при нашихъ войскахъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ потребно будетъ, ордерами предлагать имѣете, чтобъ нашимъ города Риги подданнымъ въ томъ во всякихъ потребныхъ случаяхъ надлежащее защищеніе и вспомоществованіе показано было, и помянутой ихъ торгъ вездѣ въ совершенной свободѣ и безопасности продолжаться могъ.

76.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр. и пр. пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму.

Понеже мы, по всеподданнѣйшему прошенію города Риги и купечество тамо отправляющаго мѣщанства, оному городу для поправленія и приращенія коммерціи сумму 100 тысячь ефимковъ албертовыхъ на 10 лѣтъ безъ процентовъ, а такимъ образомъ въ займы дать всемилостивѣйше пожаловали, что оная сумма въ 10-ти лѣтахъ, и тако во всякій годъ по 10 тысячь ефимковъ, паки заплочена быть имѣетъ, какъ вы изъ приложенной при семъ копіи пространнѣе усмотрѣть можете, а мы всемилостивѣйше намѣрены оную сумму изъ нашей въ Ригѣ, имѣющейся доходовъ нашихъ, казны выдавать велѣть. Сего ради мы, между тѣмъ, пока отъ онаго города о помянутой въ заемъ дачѣ и о диспозиціи и гарантіи оной надлежащія по содержанію нашего указу учрежденія учинены будутъ, намъ немедленно доношеніемъ своимъ подлинное извѣстіе прислать имѣете, коликое число денегъ какъ спеціесъ, также и албертовыхъ, у васъ на лицо имѣется, а потомъ о дѣйствительной оной суммы городу выдачѣ вамъ впредь указъ нашъ отправленъ будетъ, и между тѣмъ надлежитъ вамъ приложенной при семъ къ оному городу нашъ указъ, при объявленіи о такой нашей оному показанной милости, отдать, а съ даннымъ переводомъ денегъ въ Голландію вы впредь до указу удержаться имѣете. Данъ въ С.-Петербургѣ, ноября 25 дня 1735 г. По ея императорскаго величества указу Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

77

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Хотя въ прошедшія времена за бывшимъ тогда военнымъ случаемъ и что сначала для недостатку лошадей указами нашими и по подорожнымъ губернаторовъ для проѣзжихъ съ обывателей лифляндскихъ и эстляндскихъ подводы собирались и на подставы разставливались, которыя и по нынѣ продолжаются, а понеже отъ такихъ подставъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, лифляндскому и эстляндскому шляхетству и прочимъ обывателямъ, не малыя причиняются тягости, а къ тому нынѣ для всякихъ проѣзжихъ нуждъ ямскихъ и прочихъ подводъ добровольнымъ наймомъ, куды кто ѣхать пожелалъ, нанять число довольное всякой сыскать можетъ, того ради повелѣваемъ мы всемилостивѣйше: отнынѣ, кромѣ нашего собственнаго указу и за подписаніемъ нашихъ кабинетъ-министровъ, никакихъ чрезвычайныхъ подводъ не наряжать и на подставы не высылать и никакому проѣзжему такихъ указовъ и подорожень не давать, чтобъ сверхъ надлежащаго учрежденнаго на постирунгахъ числа лошадей съ уѣздовъ на подставы ставили, но всякой довольствовался тѣмъ сколько на подставахъ по увазу давать велѣно, притомъ же и того управителемъ смотрѣть, чтобы разгонъ подставнымъ лошадямъ съ такою осторожностію былъ, чтобъ ординарная почта и истафета неимѣли остановки. А которые проѣзжіе съ такою тягостію поѣдутъ, что изъ ординарныхъ подставныхъ лошадей толикаго числа не наберется, тѣмъ отпускать тягости свои на наемныхъ, а буде самимъ для скорости перемѣнные потребны, тобъ по числу лошадей убирались, которымъ и подорожные давать такія, чтобъ толикое число подводъ за указные прогоны давать, огчего бъ только ординарной почтѣ и истафетѣ остановки не учинилось. По ея императорскаго величества указу: Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черногорскій. Декабря 23 дня 1735 г

78.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-лейтенанту и рижскому вице-губернатору Гохмуту и нашему генералу-директору экономіи фонъ Фелькерзаму

Въ городѣ Ригѣ лавочную торговлю отправляющіе купцы, такъ названная крамеръ-компанія, всеподданнѣйшимъ своимъ къ намъ прошеніемъ жалобы приносили на лифляндское шляхетство въ непозволенномъ всякихъ товаровъ изъ кораблей оптомъ покупкѣ къ великому изобиженью и разоренію помянутыхъ купцовъ, которые на прежніе свои многократные о томъ какъ въ Ригѣ, также и здѣсь, прошенія удовольственнаго рѣшенія для того получить не могли, понеже шляхетство, утверждая на свои въ томъ древнія права, въ оныхъ никакой отмѣны допустить не хотѣло, и для того помянутая компанія для подлиннаго и твердаго единожды завсегда прекращенія всѣхъ отъ того

происходящихъ съ обѣихъ сторонъ ссоръ и обидъ и чтобъ какъ съ одной стороны шляхетство по возможности удовольствовать, такъ и съ другой стороны преимущества ея, крамеръ-компаніи, принадлежащаго торгу на твердомъ основаніи постановить, двумя предложенными спецификаціями тѣ товары, вещи и припасы подробно именовала, которые и въ какомъ множествѣ шляхетству безпосредственно изъ кораблей покупать неоспоримо дозволено быть имѣетъ, какъ вы все то и прочіе при томъ обращающіеся обстоятельства изъ приложеннаго при семъ оригинала онаго прошенія пространнѣе усмотрѣть можете.

А понеже такое рижской крамеръ-компаніи прошеніе не несправедливо, также и помянутые къ оному присовокупленныя росписи товарамъ и вещамъ такого пространства быть кажутся, что въ оныхъ все тое же шляхетство къ домашней своей нуждѣ и потребности востребовать можетъ, содержано, и что слѣдовательно оное шляхетство такимъ отъ крамеръ-компаніи учиненнымъ предложеніемъ резонабельнымъ образомъ удовольствоваться можетъ, того ради мы вамъ всемилостивѣйше повелѣваемъ сіе дѣло между собою обще съ прилежаніемъ, по справедливости и по обращающимся въ томъ съ обоихъ сторонъ правамъ, разсмотрѣть, и ежели найдете, что жалобы крамеръ-компаніи основательны и шляхетство лифляндское резонабельнымъ образомъ противъ такого оной прошенія и предложенія ничѣмъ не прекословитъ, но по справедливости тѣми предложенными спецификаціями удовольствоваться можетъ, то оное предложеніе надлежащимъ образомъ и порядкомъ въ дѣйство произведено и для подлиннаго о томъ дѣлѣ для предку постановленія и прекращенія всѣхъ жалобъ потребныя имяннымъ нашимъ указомъ учрежденіи учинены быть имѣютъ, а ежелибъ напротивъ того, при разсмотрѣніи онаго дѣла, такія обстоятельства нашлись, которыя исполненіе часто реченнаго рижскаго купечества прошенія безъ изобиженія шляхества и безъ всякаго нарушенія онаго права допустить не могутъ, въ такомъ случаѣ вы намъ о томъ немедленно доносить имѣете, съ подробнымъ объясненіемъ въ какихъ обстоятельствахъ сіе дѣло именно состоитъ и какими способами оное наилучше и удовольственнѣе такимъ образомъ учреждено быть могло, дабы съ обоихъ сторонъ жалобы по справедливости прекращены были.

Притомъ городъ Рига еще проситъ о справедливомъ сокращеніи отъ времени до времени вяще распространяющагося торгу россійскихъ въ Ригѣ лавочниковъ и харчевниковъ къ наичувствительнѣйшему гражданскому тамо купечеству отъ того происходящему предосужденію, о чемъ копія съ городскаго прошенія къ вамъ при семъ посылается, и вамъ надлежитъ по оному прошенію равнымъ же образомъ надлежащее изслѣдованіе и разсмотрѣніе учинить и намъ немедленно донести въ чемъ именно рижское купечество и мѣщанство отъ такого россійскаго тамо торгу изобиженія терпитъ и какіе, особливо прежде сего, учрежденіи противъ того и о справедливомъ въ надлежащіе предѣлы

свои сокращеніи онаго распространяющагося россійскихъ лавочниковъ и харчевниковъ торгу учинены, какимъ образомъ оныя учрежденія въ дѣйство и въ исполненіе приведены, и сколько нынѣшнее помянутаго города прошеніе въ правахъ онаго основано, и какъ безъ ущербу нашихъ интересовъ, также и безъ разоренія оныхъ тамошнихъ россійскихъ промышленниковъ, городу въ такомъ его прошеніи, по показанному примѣру городовъ Ревеля да Нарвы, удовольствованіе учинено быть можетъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, декабря 27 дня 1735 г По ея императорскаго величества указу· Андрей Остерманъ, Павелъ Ягушинскій, князь Алексѣй Черкасскій.

Прим. изд. Въ 1735 г. состоялись слѣдующія правительственныя распоряженія по управленію Лифляндіею и Эстляндіею:

О взыскиваніи недоимка въ три мѣсяца; о подрядѣ вина въ Москву въ Лифляндіи, Эстляндіи и въ Малороссіи; о позволеніи подрядчикамъ курить вино въ томъ только случаѣ, когда недостанетъ привознаго; о публикованіи въ газетахъ, что изъ зарубежа (П. С. З. 6674), также изъ Лифляндіи и Эстляндіи дозволяется безпошлинный привозъ хлѣба.

О непропускѣ вина на продажу изъ лифляндской въ прочія россійскія губерніи. (П. С. З. 6711).

О состояніи рижскимъ портнымъ мастерамъ, по прежнему, въ вѣдомствѣ рижскаго магистрата (П. С. З. 6711.)

О торгованіи въ Нарвѣ россійскимъ купцамъ русскими товарами, съ платежемъ указныхъ пошлинъ, и объ опредѣленіи въ число управителей для внутренняго пошлиннаго сбора въ Нарвѣ одного изъ русскихъ (П. С. З. 6811).

О сочиненіи въ лифляндской и эстляндской губерніяхъ, въ выборгской провинціи и въ городѣ Нарвѣ экономическихъ счетовъ по шведскому обыкновенію, кромѣ россійскихъ таможенныхъ и всѣхъ канцелярскихъ сборовъ, и объ отсылкѣ оныхъ по освидѣтельствованіи камерирами, куда слѣдуетъ (П. С. З. 6846).

1736-й годъ.

54.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-директору экономіи Фелькерзаму

Понеже въ лежащей близь Риги деревнѣ Пуйкарнѣ арендный срокъ капитана Фукса о нынѣшней пасхѣ кончится, того ради ука-

зали мы нынѣ оную Пуйкарнъ, живущему въ Пинкенгофѣ Шеленгіусу въ арендѣ отдать на 12 лѣтъ, на такомъ же основаніи, какъ прежній арендаторъ капитанъ Фуксъ оной арендъ имѣлъ, и вамъ учинить по сему нашему указу Анна. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 20 дня 1736 года.

55.

Господинъ генералъ-директоръ.

По полученіи сего, присылать вамъ по всякую почту сюды груши, токмо прилѣжно смотрѣть, чтобъ онѣ къ намъ доходили непорченныя, и того ради укладывать ихъ въ ящики съ перегородками каждую порознь, чтобъ хотя которая изъ нихъ дорогою отъ тряски портится и начнется, не могла бъ другой вредъ учинить, и такъ надѣемся, ежели оныя хорошо укладены будутъ, то всегда свѣжія и непорченныя къ намъ доходить могутъ. По сему вамъ исполнять съ прилежаніемъ. Анна. Петергофъ, 7 августа 1736 г

56.

Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералу-маіору Бисмарку

Отправленнымъ въ Ригу ратману Циммерману указомъ нашимъ велѣно ему отъѣзжающему въ Саксонію королевско-польскому и саксонскому чрезвычайному посланнику графу Линару дать вексель на 6000 ефимковъ курантовыхъ и оную сумму возвратно принять въ Ригѣ изъ нашей рентереи, и для того надлежитъ изъ губернской канцеляріи немедленное учрежденіе учинить, чтобъ оные 6000 ефимковъ ему, Циммерману, изъ рижской рентереи возвращены были. Анна. Въ С.-Петербургѣ, сентября 8 дня 1736 г

(Окончаніе въ слѣдующемъ томѣ).

УКАЗЫ и РЕСКРИПТЫ

императрицы Екатерины II

къ лифляндскому и (съ 1785 г.) эстляндскому генералъ-губернатору, генералъ-аншефу (съ 1774 г. графу римской имперіи) Юрію Юрьевичу Броуну

и

всеподданнѣйшія донесенія его по онымъ.

Съ 1762 по 1792 годъ.

(Извлечены изъ архива бывшей канцеляріи прибалтійскихъ генералъ-губернаторовъ).

Отъ издателя.

Генералъ-аншефъ графъ Юрій Юрьевичъ Броунъ, краткая біографія котораго помѣщена въ 1-мъ томѣ Прибалтійскаго Сборника, стр. 419—434, управлялъ Лифляндіею съ 1 марта 1762 г., а съ учрежденія рижскаго и ревельскаго намѣстничествъ и Эстляндіею, по 1792 г. Онъ умеръ въ Ригѣ 18 сентября 1792 г. на 94 г. отъ роду.

Рядъ документовъ, составляющихъ официальную переписку императрицы Екатерины II съ генералъ-аншефомъ Броуномъ, расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ и помѣщается здѣсь безъ всякихъ пропусковъ.

Часть переписки государыни съ Броуномъ, по слухамъ, въ настоящее время находится въ Императорскомъ Русскомъ Историческомъ Обществѣ, куда она передана изъ семейнаго архива графовъ Ворковъ, приходившихся родственниками Броуна (см. Приб. Сб. I, 332).

Указы и рескрипты императрицы Екатерины II

къ генералъ-аншефу Юрію Юрьевичу Броуну и всеподданнѣйшія донесенія его по онымъ.

1762-й годъ.

1.

Указъ нашему генералъ-губернатору рижскому Броуну

Понеже, по желанію всѣхъ сыновъ отечества, мы вступили благополучно на престолъ всероссійскій, того ради вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляемъ и, уповая на ваше къ намъ усердіе, повелѣваемъ всѣ мѣры къ тому принять, чтобъ сіе народное желаніе, съ Божіимъ благословеніемъ начатое, споспѣшествовано было добрымъ вашимъ учрежденіемъ, а въ противномъ случаѣ всѣ силы и мѣры употребить имѣете къ отвращенію какого либо злаго сопротивленія, не взирая ни на чье достоинство, и ни отъ кого, кромѣ что за нашимъ подписаніемъ, никакихъ повелѣній не принимать. О прочемъ указы наши съ присягою присланы будутъ немедленно. Екатерина. Іюня 28 дня 1762 г С.-Петербургъ.

Прим. изд. Въ 6 часовъ утра, 28 іюня, государыня императрица, въ сопровожденіи Алексѣя Григорьевича Орлова, Василія Ильича Бибикова, камердинера Шкурина и камеръ-фрау Екатерины Ивановны Шаргородской, выѣхала изъ Петергофа. Въ 8 ч. утра государыня подъѣхала къ казармамъ одной изъ ротъ измайловскаго полка въ Петербургѣ, гдѣ солдаты тотчасъ же принесли присягу. Во время присяги, къ казармамъ подъѣхали шефъ измайловскаго полка Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ Строгановъ, графъ Яковъ Алексѣевичъ Брюсъ и др., принадлежавшіе къ „секрету“. Въ сопровожденіи этихъ лицъ, государыня въ 9 ч. утра прибыла въ соборъ Рождества Богородицы (нынѣ Казанскій соборъ на Невскомъ), гдѣ ее встрѣтилъ архіепископъ Дмитрій Сѣченовъ съ духовенствомъ. На эктеніяхъ молебствія архіепископъ и духовенство возгласили Екатерину самодержавной государыней, а сына ея — государемъ наслѣдникомъ.

Изъ собора государыня отправилась въ Зимній дворецъ, гдѣ уже собрался сенатъ и синодъ. Немедленно же здѣсь приступили къ составленію манифеста и формы присяги. Ихъ наскоро составилъ Тепловъ и тутъ-же своеручно написалъ вышеприведенный указъ Броуну. Въ 1 ч. по полудни государыня оставила Зимній дворецъ и вмѣстѣ съ Тепловымъ и сенаторами отправилась въ старый деревянный дворецъ, гдѣ были написаны и отправлены рескрипты въ Кронштадтъ вице-адмиралу Полянскому и въ Кенигсбергъ къ генералъ-поручику Петру Ивановичу Панину. Отсюда же былъ отправленъ къ Броуну слѣдующій, писанный своеручно государынею, рескриптъ:

2.

Господинъ генералъ Броунъ и другъ мой.

Если, забывши человѣчества законы и долгъ государя, мужъ мой что-либо противное отечеству и моей съ сыномъ безопасности предприметъ, или кто другой его именемъ, въ такомъ случаѣ мы разрѣшаемъ поступать во всемъ томъ, какъ твердость имперіи необходимо требуетъ. Вамъ доброжелательная Екатерина.

Прим. изд. Въ 10 ч. вечера, 28 іюня, государыня съ войсками выступила въ Петергофъ, приказавъ отправить къ Броуну дубликатъ съ перваго указа, который своеручно же подписала. Въ дубликатѣ была слѣдующаа приписка:

P. S. „При семъ посылаются манифесты и присяги, по которой вы во ввѣреной вамъ командѣ немедленное объявленіе учинить и къ присягѣ привесть имѣете. Екатерина"

Манифестъ и присяга были присланы печатные. Ихъ печатали въ сенатской типографіи. Манифестъ гласилъ слѣдующее:

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества россійскаго явно оказалось, какая опасность всему россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ. А именно: законъ нашъ православный, греческій, перво всего возчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ такъ, что церковь наша греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе: слава россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ чрезъ многое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе, а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради, убѣждены будучи всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностью, принуждены были, призвавъ Бога и Его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступить на престолъ нашъ всероссійской самодержавной, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили.

Подлинный подписанъ собственною ея императорскаго величества рукою, іюня 28 дня 1762 года, тако: Екатерина.

Клятвенное обѣщаніе. Азъ нижеименованный обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его евангеліемъ въ томъ, что хочу и долженъ ея императорскому величеству, моей всемилостивѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ всероссійской, и ея императорскаго величества любезнѣйшему сыну, государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, въ чемъ Господь Богъ мнѣ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего, аминь.

Прим. изд. Указъ отъ 28 іюня и собственноручный рескриптъ государыни Броунъ получилъ въ Ригѣ 1 іюля, и на рескриптъ всеподданнѣйше отвѣтилъ такъ:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Всевысочайшаго вашего императорскаго величества собственноручнымъ писаніемъ щедро матернее благоволеніе я всеподданнѣйше принять съ несказанною моею радостію удостоился, и столь много взысканъ, что конечно признаваю себя не такъ велика заслуженна, какъ щедроты вашего императорскаго величества гораздо больше того есть.

Вашего императорскаго величества, по всещедрому матернему къ сынамъ россійскимъ милосердію и по власти Всемогущаго Бога и Его вышнимъ благословеніемъ, съ высочайшимъ и благополучнѣйшимъ восшествіемъ вашимъ на всероссійскій императорскій престолъ, со всеглубочайшею моею преданностію приношу рабское и нижайшее поздравленіе, со искреннѣйшимъ моимъ усердіемъ и совсекрайнѣйшимъ желаніемъ, дабы всемогущій Творецъ вышнею своею десницею укрѣпилъ благополучнѣйшее вашего императорскаго величества царствованіе, при неколебимомъ и совершенномъ высочайшемъ вашемъ здравіи на множайшія лѣта, а притомъ любезнѣйшему вашего императорскаго величества сыну, нашему милостивѣйшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику, достигнуть цвѣтущихъ и позднѣйшихъ лѣтъ, я за высочайшія ко мнѣ вашего императорскаго величества интересамъ и въ моей рабской должности сколько силъ моихъ будетъ простирать и тѣмъ взыскать на себя освященную вашего императорскаго величества милость всерабски радостно долженствую, и пребуду со всеглубочайшею преданностію вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 3 іюля 1762 г.

Прим. изд. По полученіи же дубликата указа съ манифестомъ и присягою, Броунъ донесъ государынѣ такъ:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшій отъ 28 дня іюня именной указъ о всемилостивѣйшемъ восшествіи на всероссійскій императорскій престолъ я сего іюля 1-го дня получить удостоился, и сколь мнѣ сіе благополучнѣйшее на престолъ всероссійскій вашего императорскаго величества восшествіе радостно, столь и всѣ вѣрноподданные, какъ скоро оное чрезъ манифестъ услышали и обнародованы были, съ великимъ радостнымъ восклицаніемъ, благодаря всемогущаго Бога и его всевышнее благословеніе, торжественно весь здѣсь находящійся генералитетъ со штабъ и оберъ-офицерами, ярославскій пѣхотный и полки рижскаго гарнизона съ артиллерійскими и инженерными командами, такожъ регирунгсраты, лифляндское дворянство, магистратскіе старшины, коронные служители и здѣшнее рижское и россійское купечество съ разночинцы, всѣ, которые въ городѣ въ наличности состояли, вашему импе-

раторскому величеству и любезнѣйшему вашего императорскаго величества сыну, нашему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику, вѣрно и нелицемѣрно со всеискреннѣйшимъ усердіемъ присягу учинили, и своеручно подписались. И понеже, по обширности здѣшней земли, всѣхъ въ Лифляндіи обрѣтающихся чрезъ скорое время къ присягѣ привести невозможно, то велѣно въ уѣздахъ тамошнее дворянство и всѣхъ жителей высочайшимъ вашего императорскаго величества манифестомъ обнародовать и учинить имъ торжественно присягу, которую чрезъ двѣ недѣли благополучно окончить надѣюсь. А въ Перновъ, Дерптъ и Динаминдъ нарочные куръеры посланы, и тамъ находящихся воинскихъ и другихъ разныхъ чиновъ и обывателей, такожъ тобольскаго полка въ двухъ баталіонахъ и въ двухъ гренадерскихъ ротахъ, велѣно привесть къ присягѣ и всемилостивѣйшее вашего величества на престолъ восшествіе объявить. А какъ скоро изо всѣхъ тѣхъ мѣстъ присяги собраны будутъ, то немедленно со всенижайшимъ моимъ усердіемъ представить имѣю. А нынѣ, сколько какихъ чиновъ здѣсь присягало, у сего присяжные листы за ихъ руками вашему императорскому величеству всеподданнѣйше подношу. А дабы о семъ радостнѣйшемъ всего отечества благополучіи не дано было отъ недоброжелателей иногда какихъ въ противную сторону извѣстій, и не могли бы оныя прежде приспѣти, пока въ тамошнія мѣста куръеры наши дѣйствительно прибудутъ, то здѣшній городъ, съ полученія упомянутаго высочайшаго вашего императорскаго величества указа, на двое сутокъ запертъ и водяная коммуникація запрещена, такъ что никто не могъ изъ города и за рѣку Двину ни подъ какимъ видомъ проѣхать, кромѣ отправленныхъ отъ вашего императорскаго величества куръеровъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, іюля 3 дня 1762 г.

3.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему рижскому губернатору, генералу-аншефу Броуну

Вчера мы васъ увѣдомили о благополучномъ нашемъ восшествіи на престолъ всероссійскій, а нынѣ повторительно увѣдомляемъ, что, въ послѣдствіи того, бывшій императоръ своеручнымъ и торжественнымъ удостовѣреніемъ письменно вовсе отъ престола въ имперіи нашей отказался, о чемъ мы вскорѣ и публикацію учинимъ. Данъ въ Петербургѣ, 1762 года іюня 29 дня. Екатерина.

Прим. изд. Екатерина, отойдя 10 верстъ отъ Петербурга, остановилась въ Красномъ Кабачкѣ, чтобы дать нѣсколько часовъ отдохнуть войску, которое цѣлый день, 28 іюня, было на ногахъ. Въ 5 ч. утра, Екатерина опять сѣла на лошадь и съ войскомъ выступила изъ Краснаго Кабачка. Въ Сергіевской пустынѣ сдѣлали привалъ. Сюда пріѣхалъ генералъ-маіоръ Измайловъ и объявилъ, что императоръ намѣренъ отречься отъ престола. Тогда Тепловъ составилъ отреченіе въ слѣдующей формѣ: „Въ краткое время правительства моего самодержавнаго россійскимъ государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то

ни было образомъ правительство владѣть россійскимъ государствомъ, почему и восчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія: того ради, помысливъ я самъ въ себѣ безпристрастно и непринужденно, чрезъ сіе объявляю не только всему россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ правительства россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ какимъ либо образомъ правительства во всю жизнь мою въ россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда либо или черезъ какую либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою».

Измайловъ отвезъ это отреченіе въ Ораніенбаумъ, гдѣ бывшій императоръ перепи салъ и подписалъ его.

Въ 11 ч. утра, 29 іюня, государыня прибыла въ Петергофъ; въ первомъ часу Григорій Орловъ и Измайловъ привезли сюда отрекшагося императора и вечеромъ въ тотъ же день его увезли въ Ропшу, загородный дворецъ въ 27 верстахъ отъ Петергофа.

Въ 9 ч. вечера императрица отправилась изъ Петергофа, и на другой день, 30 іюня, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Приведенный указъ писанъ рукою Теплова, но подписанъ своеручно Екатериною. О полученіи этого указа Броунъ донесъ такъ:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества всевысочайшій имянной указъ отъ 29 іюня о томъ, что бывшій императоръ своеручнымъ и торжественнымъ удостовѣреніемъ письменно вовсе отъ престола въ имперіи нашей отказался, я со всеподданнѣйшею и искреннею моею покорностію получилъ, и по оному высочайшему вашего императорскаго величества матернему благоволенію извѣстенъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, іюля 3 дня 1762 года.

4.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Всѣхъ отправленныхъ въ нынѣшнемъ 1762-омъ году въ заграничную армію изъ Санктъ-Петербурга полковъ шефамъ и главнымъ полковымъ и командным командирамъ.

По власти всемогущаго Бога и по желанію всѣхъ сыновъ россійскихъ вѣрноподданныхъ, воспріяли мы всероссійскій императорскій престолъ, о семъ во всей нашей имперіи наиторжественнѣйше присягу намъ учинили. Того ради повелѣваемъ вамъ, получа сіе, въ командахъ своихъ объявить, и приложенный при семъ манифестъ и присяги, принявъ, обнародовать, и команды свои къ той присягѣ привесть и означеннымъ, отправленнымъ въ нынѣшнемъ 1762 году изъ С.-Петербурга, полкамъ и командамъ возвратиться въ С.-Петербургъ, и точную съ сего копію принявъ отъ посланнаго съ симъ истиннымъ указомъ лейбъ гвардіи офицера, оригинальный, для объявленія прочимъ, отдавать ему обратно. Данъ въ С.-Петербургѣ, іюля 28 дня 1862 г Екатерина.

Прим. изд. Войска изъ Петербурга были направлены на усиленіе заграничной арміи (померанскаго корпуса), находившейся подъ командою Румянцева. Петръ III предполагалъ самъ прибыть къ этой арміи, чтобы начать войну съ Даніею, но переворотъ 28 іюня уничтожилъ это намѣреніе.

Императрица, по вступленіи на престолъ, назначила начальникомъ заграничной арміи, вмѣсто Румянцева, генералъ-поручика Петра Ивановича Панина, и повелѣла какъ ему, такъ и другому отрядному начальнику, Чернышеву, немедленно возвратиться въ Россію.

На приведенный выше указъ, доставленный въ Ригу лейбъ-гвардіи измайловскаго полка штабсъ-капитаномъ княземъ Андреемъ Щербатовымъ, Броунъ донесъ слѣдующимъ образомъ:

По титулѣ: Во исполненіе всевысочайшаго вашего императорскаго величества отъ 28 іюня имяннаго соизволенія, по которому всемилостивѣйше повелѣно отправленнымъ въ нынѣшнемъ 1762 г. изъ С.-Петербурга полкамъ и командамъ по прежнему въ С.-Петербургъ возвратиться, вчерашняго числа посланъ отъ меня ордеръ въ слѣдующіе сюда тобольскаго, что нынѣ Кашкина, полку два баталіона, которые уже по близости Риги находились, и велѣно, по высочайшему вашего императорскаго величества соизволенію, возвратиться и слѣдовать имъ въ С.-Петербургъ съ поспѣшеніемъ, притомъ сюда прибывшія изъ заграничной арміи тогожъ полка двѣ гренадерскія роты на сихъ дняхъ въ С.-Петербургъ отправятся, но какъ въ заграничную армію слѣдуетъ изъ Рогервика (нынѣ Балтійскій Портъ) первой московской, что нынѣ Племянникова, полкъ, который 28 іюня находился въ Перновѣ, то, въ сходство вашего императорскаго величества упомянутаго всемилостивѣйшаго соизволенія, отъ меня сейчасъ и въ оный полкъ предложено, чтобы ему къ прикрытію тамошнихъ мѣстъ возвратиться и слѣдовать по прежнему въ Рогервикъ, а тамъ остаться или въ Петербургъ маршировать о томъ оному полку благовременно надлежащаго повелѣнія истребовать отъ государственной военной коллегіи велѣно. При семъ же всеподданнѣйше вашему императорскому величеству осмѣливаюсь донести: здѣсь находящійся только ярославскій пѣхотный полкъ, который въ великомъ не комплектѣ и который раскомандированъ во многія отлучки и по форпостамъ, по апробованной о полкахъ репортіи повелѣно, по собраніи изъ отлучекъ и по укомплектованіи изъ рижскаго гарнизона, отправить на рѣку Вислу, а на его мѣсто здѣсь быть вышеписанному возвратившемуся тобольскому полку, то соизволено ли будетъ тому ярославскому полку по причинѣ за вышеписаннымъ онаго раскомандированіемъ и за малоимѣніемъ въ гарнизонѣ людей, то ежели оный отправится, съ карауловъ смѣнять будетъ некому, здѣсь по прежнему остаться, о томъ ждать имѣю всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества всевысочайшаго повелѣнія. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Іюля 3 дня 1762 года. Рига.

5.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вчерашняго числа представленъ ко мнѣ отпущенный сюда въ Ригу голштинскаго полманскаго кирасирскаго полка подполковникъ Рихтеръ, арестованный слѣдующимъ въ заграничную армію куреромъ генералъ-маіоромъ графомъ Иваномъ Салтыковымъ, а понеже по какому дѣлу оный взятъ мнѣ отъ сего генералъ-маіора и ни откуда знать не дано, того ради вашему императорскому величеству объ ономъ всеподданнѣйше доношу, и что съ нимъ, подполковникомъ, учи-

нить повелѣно будетъ всенижайше прошу вашего императорскаго величества высочайшаго указа, а онъ, до полученія онаго, содержаться будетъ здѣсь подъ крѣпкимъ карауломъ, а каковъ приказъ о взятіи его, подполковника, подъ караулъ отъ помянутаго генералъ-маіора данъ, съ онаго при семъ точную копію всеподданнѣйше подношу, а въ данной ему подорожной значится, что онъ изъ Петербурга отправился 25 минувшаго іюня. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. 3 іюля 1762 г. Рига.

На это и на предшествовавшее донесеніе о присягѣ Броунъ получилъ слѣдующій указъ:

Изъ посланнаго отъ васъ рапорта мы всемилостивѣйше усмотрѣли всѣхъ намъ вѣрноподданныхъ, военныхъ и гражданскихъ, губерніи рижской усердіе и радость о восшествіи нашемъ на престолъ всероссійскій. И мы чрезъ сіе объявляемъ за то непрерывное наше къ нимъ благоволеніе и милость, о чемъ вы каждаго по состоянію и обнадежить имѣете публикаціею. Учрежденія же ваши собственныя о удержаніи скоропоспѣшнѣйшихъ вѣдомостей въ чужія руки сухимъ путемъ и водою отъ недоброжелателей, ежели бы какіе случиться могли, и предварить прежде, нежели наши отправленные въ армію куреры достигнутъ, мы всемилостивѣйше похваляемъ, и такою ревностью вашею довольны. Подполковника Рихтера, голстинской службы, присланнаго къ вамъ отъ генералъ-маіора графа Салтыкова, ежели объ немъ вамъ отъ него, Салтыкова, больше ничего не объявлено какъ то, что вы пишете, имѣете выпустить на свободу, ибо онъ по одному тому подозрѣнію взятъ, что онъ голштинской службы. И сіе на то время Салтыковъ изрядно сдѣлалъ. Екатерина.

Извольте Рихтеру сказать отъ себя, чтобъ онъ воздержался на время пріѣхать въ Петербургъ, ибо ихъ и безъ того слишкомъ много, и не знаю куда ихъ дѣвать. Іюля 10 дня 1762 года.

Прим. изд. Петръ III, по вступленіи на престолъ, вознамѣрился составить особое голштинское войско и послалъ вербовщиковъ въ Лифляндію и Эстляндію съ наказомъ вербовать вольныхъ людей, но не изъ русскихъ подданныхъ; послалъ вербовщиковъ и въ Малороссію для набора солдатъ изъ волоховъ и поляковъ, но не изъ малороссовъ (П. С. З. 11416). Изъ набраннаго вербовщиками разнаго сброда составилась голштинская гвардія, съ которою Петръ III проводилъ все свое время, чѣмъ возбудилъ противъ себя общее негодованіе, ибо пристрастившись къ голштинскимъ офицерамъ, заключившись въ ихъ обществѣ, Петръ перенялъ у нихъ казарменныя привычки и грубый кутежъ сдѣлалъ своимъ любимымъ препровожденіемъ времени (Соловьевъ XXV, 84).

Голштинская армія была упразднена Екатериною немедленно же по своемъ воцареніи, — какъ войско совершенно безполезное.

6.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Какъ мнѣ нѣсколько извѣстно, что будто для короля прусскаго здѣсь закупается хлѣбъ, того ради принужденъ я нынѣ всѣ находящіеся иностранныя здѣсь съ хлѣбомъ суда, для первѣйшаго

объ нихъ разслѣдованія, удержать, и хотя точно и неоказывается чтобъ купеческія нагруженныя съ хлѣбомъ суда къ прусскимъ пристанямъ путь свой имѣли, а всѣ тѣ, кои нагружены слѣдовать имѣютъ въ Гамбургъ и въ прочія мѣста, а не въ Пруссію, и въ разсужденіи, дабы чрезъ удержаніе не причинить въ коммерціи помѣшательства, приказалъ я тѣ нагруженныя хлѣбомъ иностранныя суда завтрашній день отъ здѣшняго порта въ море выпустить, однако съ такимъ обязательствомъ, чтобъ онымъ судамъ отнюдь къ прусскимъ пристанямъ не заходить. О чемъ я вашему императорскому величеству по всеподданнѣйшей моей рабской вѣрности донести не преминулъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Іюля 3 дня 1762 г.

7

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

По силѣ военной коллегіи указа, повелѣно вербованныхъ въ голштинскую службу рекрутъ, какъ скоро оные въ Митаву, а оттуда сюда прибудутъ, тотчасъ довольствовать деньгами и провіантомъ и съ конвоемъ отправлять въ С.-Петербургъ и отправляемы были, а понеже и нынѣ присланные отъ генерала-аншефа графа Румянцева и отъ голштинскаго полковника Плетенберга въ Ригѣ имѣются, того ради оныхъ вербованныхъ въ голштинскую службу повелѣноль будетъ съ вышеписаннымъ довольствіемъ въ С.-Петербургъ отправлять о томъ, по всеподданнѣйшей моей рабской должности, всенижайше прошу вашего императорскаго величества высочайшаго указа. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Іюля 3 дня, 1762 г.

Прим. изд. Голштинская армія, какъ сказано выше, была упразднена вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины, потому и вербовки прекратились.

8.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству по всеподданнѣйшей моей рабской должности доношу: за отправленіемъ отсюда нынѣшнимъ лѣтомъ на судахъ казеннаго и подряднаго въ Кольбергъ хлѣба, всего сто пятнадцать тысячь семьсотъ двадцать шесть четвертей, нынѣ еще къ тому отправленію на нагруженныхъ россійскихъ и иностранныхъ судахъ какъ казеннаго, такъ и общественнаго, къ отпуску нѣсколько состоитъ, да и впредь, когда вода въ рѣкѣ прибудетъ, то и отъ верходвинскихъ магазейновъ немалое число въ Ригу быть можетъ, а понеже мнѣ совсѣмъ неизвѣстно, гдѣ высокославная вашего императорскаго величества армія нынѣ находиться будетъ и гдѣ большая нужда въ томъ провіантѣ состоять имѣетъ, того ради оный провіантъ куда именно изъ Риги всемилостивѣйшее повелѣніе будетъ отправлять о томъ прошу вашего императорскаго величества высочайшаго указа, а до полученія онаго находящемуся здѣсь у отправленія того хлѣба

совѣтнику Буткевичу приказано отъ меня, чтобы оный товаръ грузить на суда и совсѣмъ нагруженный въ такой готовности имѣть, дабы, по полученіи вашего императорскаго величества высочайшаго повелѣнія, безъ малѣйшаго замедленія оный, куда слѣдуетъ, отправить. 3 іюля 1762 г.

Прим. изд. Дальнѣйшая отправка хлѣба прекратилась, такъ какъ заграничной арміи повелѣно было возвратиться въ Россію.

9.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая. Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшій указъ отъ 10 сего мѣсяца я всеподданнѣйше получилъ, и по содержанію онаго всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества къ вѣрноподданнымъ высочайшее благоволеніе и щедроматернюю милость, кому надлежитъ по состоянію, отъ меня объявлено; тако же подполковникъ Рихтеръ на свободу выпущенъ и всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества повелѣніе ему, Рихтеру, чтобъ ѣхать въ С.-Петербургъ воздержаться, сказано. О чемъ вашему императорскому величеству съ глубочайшей моей покорностію доношу. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. 14 іюля 1672 г.

10.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая. Вашего императорскаго величества собственноручно писанное щедроматернее благоволеніе отъ 14 сего мѣсяца я вчера чрезъ подподполковника Ребиндера всеподданнѣйше получилъ и по содержанію онаго, во исполненіе всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія, которое я держу въ секретѣ, никому, кому о томъ не слѣдуетъ объявлять, отъ меня не объявлено. Того часа находящемуся въ Кенигсбергѣ генералу поручику Воейкову писалъ я, не давая знать для чего сіе принадлежитъ, а единственно просилъ, дабы онъ какъ скоро услышитъ или получитъ извѣстіе о приближеніи вашего императорскаго величества любезнѣйшаго брата, тобъ, конечно, съ нарочнымъ въ самой крайней скорости меня увѣдомилъ, и къ обрѣтающемуся въ Варшавѣ вашего императорскаго величества резиденту отъ себя бы писалъ, чтобы и онъ о томъ также развѣдывалъ, и ежели о его слѣдованіи по тамошнимъ мѣстамъ извѣстится, въ такомъ бы случаѣ прямо ко мнѣ чрезъ нарочный штафетъ далъ знать а я, по извѣстіи о томъ, тотчасъ же на встрѣчу пошлю надежнаго и исправнаго человѣка съ настоящимъ наставленіемъ, и буду стараться исполнить свято высочайшую вашего императорскаго величества волю, и что потомъ воспослѣдуетъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести не оставлю.

На сихъ дняхъ чрезъ проѣзжающаго куръера адъютанта Ла-

пова съ несказанною моею радостію услышалъ, что графъ Чернышевъ съ корпусомъ отъ прусской арміи благополучно отступился. И такъ съ глубочайшаго моего усердія позвольте мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, съ симъ счастливымъ случаемъ ваше императорское величество всенижайше рабски поздравить, ибо меня сіе, по причинѣ моей въ арміи бытности, весьма много обезпокоивало, и денно и нощно въ безпрестанномъ печальномъ сумнительствѣ находился. Слава Богу отъ того избавился. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. 19 іюля 1762 г.

Прим. изд. У императрицы Екатерины II былъ братъ Фридрихъ-Августъ, съ 1752 г. владѣтельный князь ангальтъ-цербтскій. Слабоумный и причудливый этотъ князь умеръ въ 1793 г. Кажется, что этого князя не желали видѣть въ Россіи и потому Броунъ долженъ былъ устранить появленіе его въ Петербургѣ.

Русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ въ 1762 г. былъ графъ Кейзерлингъ, но онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, а дѣлами посольства, въ его отсутствіе, завѣдывалъ резидентъ Ржичевскій.

Извѣстно, что Чернышевъ первый объявилъ королю Фридриху II о восшествіи на престолъ Екатерины. Извѣстіе это поразило Фридриха II, по его собственному признанію, какъ громомъ, и онъ сталъ упрашивать Чернышева не отдѣлятся отъ прусской арміи въ теченіе 3-хъ дней. Чернышевъ позволилъ себѣ согласиться, а этими тремя днями Фридрихъ II воспользовался: напалъ на австрійцевъ и овладѣлъ снова Швейдницемъ. Знай австрійцы о повелѣніи Чернышеву отдѣлиться отъ прусской арміи, никогда бы не уступили пруссакамъ Швейдница такъ легко.

Броунъ учавствовалъ въ семилѣтней войнѣ и былъ израненъ подъ Цорндорфомъ (См. Приб. Сб. I, 426).

11.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества собственноручнымъ писаніемъ всемилостивѣйшее благоволеніе о томъ, что вашему императорскому величеству извѣстно, во многихъ мызахъ здѣсь арендаторы и помѣщики не почеловѣчески съ крестьянами обходятся, я вчерась чрезъ подполковника Ребиндера всеподданнѣйше получить удостоился, и на оное вашему императорскому величеству, по моей рабской должности и по справедливости, всенижайше доношу:

1. Здѣшніе арендаторы, правда, великое и неумѣренное имѣютъ лакомство въ деньгахъ, чрезъ что не только крестьяне, но и земля, всеконечно въ раззореніе придти можетъ, но только на нихъ отъ крестьянъ важнаго прошенія еще понынѣ не было, однако, я по моей должности накрѣпко буду смотрѣть и стараться, чтобы никто неосмѣлился никакого раззоренія имъ сдѣлать или до недостатка допустить, а ежели кто оное учинитъ, безъ всякаго послабленія велю обо всемъ земскимъ судомъ накрѣпко изслѣдовать и потомъ, буде сыщутся арендаторы виновны, въ такомъ случаѣ у нихъ данныя мызы неотмѣнно отняты будутъ, не смотря на то хотя и указанное по контрактамъ время не придетъ.

2. А что принадлежитъ до помѣщиковыхъ крестьянъ, то хотя во время нынѣшней моей бытности здѣсь и было на помѣщиковъ четыре прошенія отъ крестьянъ, но сколько я при томъ видѣть могъ, что ихъ прошеніе неправильно; и для того приказалъ обстоятельно и наикрѣпчайшимъ образомъ земскому суду изслѣдовать и потомъ, ежели

явятся по своему прошенію въ чемъ правильны, то оные неупустительно будутъ удовольствованы. Еще же я слышалъ, что здѣшній помѣщикъ баронъ Дельвигъ своихъ крестьянъ крайне раззоряетъ, но о томъ на него, Дельвига, еще никакого прошенія мнѣ небыло, а когда на него то прошеніе отъ крестьянъ будетъ, то я долженъ буду поступить, по данной здѣшнему генералу губернатору полной власти, которая точно написана въ губернаторской инструкціи по 31 пункту и апробованной и ко исполненію постановленной блаженной и вѣчной славы достойныя памяти отъ государя императора Петра Великаго и по высочайшему вашего императорскаго величества указу, непремѣнно.

3. Нынѣшнею весною и лѣтомъ арендныхъ мызъ крестьяне многіе просили меня, что они за недостаткомъ не только на сѣмена, но и на пропитаніе хлѣба не имѣютъ, почему я, видя ихъ крайнее въ томъ изнеможеніе, безъ всякихъ дальнихъ моихъ докладовъ въ разсужденіи сего, чтобы чрезъ то крестьянъ не допустить до крайняго ихъ раззоренія и голоду, принужденъ былъ изъ собраннаго въ магазейны вашего императорскаго величества хлѣба раздать заимообразно до трехъ или четырехъ тысячь четвертей; ибо, всемилостивѣйшая государыня, въ томъ числѣ такіе были, которые уже совершенно дневной пищи не имѣли, и для того на прошедшей еще недѣлѣ въ числѣ вышеписаннаго нѣсколько четвертей имъ дано, дабы они немогли нынѣшній зеленый хлѣбъ прежде времени косить и въ пищу употреблять и чрезъ то не только впередъ крайняго не понеслибы недостатка, но и не могли бы впасть отъ того въ болѣзни, однако весь этотъ, отданный заимообразно, хлѣбъ нынѣшнею осенью въ магазейны возвращенъ быть имѣетъ. А причина объявленнаго недостатка послѣдовала отъ того, что опредѣленнаго съ мызъ хлѣба три или четыре года въ провіантское вѣдомство брано не было, за неимѣніемъ здѣсь въ городѣ къ поклажѣ онаго въ магазейнахъ и другихъ удобныхъ мѣстъ, а какъ въ нынѣшнемъ году за все то время вдругъ спросили, и арендаторы должны были сполна оный въ магазейны поставить для отправленія за море, то у нихъ хлѣба почти ничего не осталось и крестьянамъ дать уже было не изъ чего.

4. Позвольте мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, къ высочайшему увѣдомленію и сіе донести: здѣсь въ Лифляндіи изъ крестьянъ вашего императорскаго величества такіе многіе явялись, которые имѣютъ тайную извѣстную болѣзнь, кою, кромѣ госпиталя и нарочно для той болѣзни построенныхъ покоевъ и домовъ, излѣчить никакъ не можно, то я, сожалѣя вѣрноподданныхъ вашего императорскаго величества рабовъ, дабы тѣ бѣдные люди въ тѣхъ болѣзняхъ не страдали, а паче не могла бы оная отъ однаго къ другому пристать и отъ того расплодиться, къ излѣченію ихъ принужденъ построить въ Перновѣ нарочную госпиталь и опредѣлить къ ней доктора и лекаря съ медикаментами. На постройку онаго госпиталя изъ казны вашего императорскаго величества ничего не издержано, а употреблены на оную штрафныя деньги, собранныя чрезъ фискаловъ со здѣшнихъ нѣкоторыхъ поссесоровъ и обывателей за то, что оные мимо своихъ дачъ въ коронныя лѣсныя угодья для рубки лѣса выѣзжали.

5. По довольному моему примѣчанію большое здѣшнимъ крестьянамъ отъ ихъ помѣщиковъ и арендаторовъ есть отягощеніе и раззореніе и лѣсамъ не малая трата въ томъ, что имѣютъ они, поссесоры, великія винокурни; о чемъ я вашему императорскому величеству, по всеподданнѣйшей моей должности, имѣю обстоятельно представить чрезъ правительствующій сенатъ.

6. Къ соблюденію въ лучшемъ порядкѣ вашего императорскаго величества маетностей учиненъ мною проектъ, и въ послѣднихъ числахъ минувшаго іюня посланъ оный для апробаціи въ камеръ-контору лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, какимъ образомъ надлежитъ съ арендаторами впредь контракты заключать и какъ высочайшій интересъ соблюдать, того ради вашего императорскаго величества всенижайше рабски прошу показанный мой проектъ, такъ и прежнее до сего происходящее о контрактахъ учрежденіе, повелѣть къ вашему императорскому величеству представить, и оный, по высочайшемъ разсмотрѣніи, всемилостивѣйше апробовать, ибо всѣ написанные въ моемъ проектѣ пункты учинены мною не для коей какой злости или другихъ какихъ причинъ, но единственно къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ и къ охраненію крестьянъ.

7 Въ бытность мою въ нынѣшнюю зиму въ С.-Петербургѣ, покойный бывшій императоръ словесно мнѣ указалъ тѣ мызы, которымъ въ будущую весну по контрактамъ срокъ кончится, и коихъ около шестидесяти большихъ и малыхъ имѣется, въ аренду отдать здѣшнему дворянству, которое въ крайней бѣдности находится. А понеже, по неимѣнію предъ симъ здѣсь генерала-губернатора, отъ правительствующаго сената на вышеписанныя мызы заблаговременно присланы уже многіе указы, такъ что нѣкоторую одну мызу двумъ и тремъ человѣкамъ отдать опредѣлено и порожней, о которой бы указа не было, почти ни одной мызы не осталось, напротивъ же того просителей, въ томъ числѣ изъ здѣшнихъ бѣдныхъ дворянъ, такъ много, что объ одной мызѣ человѣкъ отъ трехъ до пяти и больше просятъ, и такъ объ ономъ обо всемъ бывшему императору изъяснялся, но онъ подтвердилъ мнѣ, дабы, несмотря на сенатскіе указы, конечно вышеписаннымъ бѣднымъ дворянамъ отдать, чего ради вашему императорскому величеству осмѣлился всеподданнѣйше представить: означенныя мызы по сенатскимъ ли указамъ или по приказанію бывшаго императора таковымъ людямъ, которые изъ просителей совершенно бѣдные и заслуженные дворяне, въ аренду всемилостивѣйше отдавать позволено будетъ, о томъ имѣю ожидать вашего императорскаго величества высочайшаго указа. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Ю. Броунъ. Іюля 19 дня 1762 г

Оба эти донесенія были посланы съ курьеромъ, возвратившимся отъ фельдмаршала графа Салтыкова.

12.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества собственноручнымъ писа-

ніемъ всевысочайшее матернее благоволеніе отъ 17 сего мѣсяца я всеподданнѣйше 21 числа получилъ и, сохраняя свято въ наисовершеннѣйшемъ секретѣ всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества соизволеніе, въ тотъ же часъ къ находящемуся въ Митавѣ министру Симолину писалъ я, чтобы онъ, чрезъ кого надлежитъ, подъ рукою о графѣ Понятовскомъ обстоятельно развѣдалъ: ѣдетъ ли онъ точно сюда и гдѣ теперь находится, и о томъ бы ко мнѣ съ нарочнымъ далъ знать, а я, по получсніи сего извѣстія, пристойнымъ образомъ и съ надлежащею учтивостію вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее повелѣніе исполнить имѣю безъ всякаго упущенія, пребывая въ прочемъ со всеглубочайшею моею рабскою преданностію Юрій Броунъ. 24 іюля 1762 г.

Прим. изд. Графъ Понятовскій — впослѣдствіи король польскій Станиславъ Августъ.

13.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Извѣстно мнѣ подъ рукою, только подлинно совершенно не знаю, что его высочество Карлъ, герцогъ курляндскій, принцъ королевско польскій, изъ Варшавы въ Митаву прибудетъ въ будущее воскресенье, и чрезъ нѣсколько дней оттуда ѣхать намѣренъ въ С.-Петербургъ, того ради объ ономъ вашему императорскому величеству всенижайше рабски доношу, и повелѣно-ль будетъ его здѣсь пропустить, о томъ ожидать имѣю всевысочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. 24 іюля 1762 г.

На донесеніе это послѣдовалъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и генералъ-губернатору Броуну

Хотя мы сомнѣваемся, чтобъ герцогъ курляндскій Карлъ, невѣдая напередъ нашего соизволенія, похотѣлъ пріѣхать къ нашему двору, однакожъ мы въ запасъ, получа о томъ реляцію вашу отъ 24 сего іюля, снабдили уже потребнымъ наставленіемъ нашего министра въ Митавѣ Симолина, чтобъ онъ старался отвратить такую сюда поѣздку, какъ вы то изъ приложенной при семъ копіи съ посланнаго къ нему нашего рескрипта пространнѣе усмотрѣть можете. Вслѣдствіе сего имѣете и вы съ своей стороны, сколько возможно, герцогу отсовѣтовать, ежелибъ онъ, паче чаянія и когда, къ вамъ въ Ригу пріѣхалъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, 28 іюля 1762 года. Екатерина.

Копія съ рескрипта, отправленнаго изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Митаву къ статскому совѣтнику и министру Симолину 28 іюля 1762 года.

Отъ нашего генералъ-аншефа и генералъ-губернатора Броуна

получили мы извѣстіе, якобы герцогъ курляндскій Карлъ, по пріѣздѣ своемъ въ Митаву, намѣренъ черезъ нѣсколько дней оттуда отправиться къ нашему двору Мы сему извѣстію не можемъ подавать совершенной вѣры, ибо не думаемъ мы, чтобъ принцъ Карлъ поступилъ собою на такую поѣздку, не вѣдая напередъ, пріятно ли будетъ намъ присутствіе его здѣсь, тѣмъ болѣе, что вчерась саксонскій резидентъ Прассе канцлеру нашему знать далъ только о желаніи принца Карла прислать къ намъ генерала Лашинала для поздравленія насъ съ восшествіемъ на всероссійскій императорскій престолъ; однако-жъ въ запасъ повелѣваемъ вамъ, что, если вы по пріѣздѣ въ Митаву провѣдаете или примѣтите, что герцогъ дѣйствительно имѣетъ такое намѣреніе, то надлежитъ вамъ всячески стараться отвращать его отъ поѣздки сюда, не упоминая сперва, что вы имѣете отъ насъ о томъ повелѣніе, и буде онъ въ своемъ намѣреніи неотмѣнно пребывать станетъ, и присовѣтыванія ваши не возъимѣютъ никакого дѣйствія, въ такомъ случаѣ можете вы ему не обинуясь объявить, что, какъ мы положили уже намѣреніе герцога Эрнста-Іоганна въ справедливыхъ его требованіяхъ на Курляндію подкрѣплять, то, конечно, пріѣздъ его, принца Карла, сюда причинитъ намъ нѣкоторое неудовольствіе, тѣмъ паче, что онъ, не испрося напередъ нашего соизволенія, предприметъ путь свой сюда.

Генералу Броуну мы также поручили, чтобъ онъ съ своей стороны равномѣрножъ принцу Карлу, сколько возможно, отсовѣтывалъ, ежели бъ онъ паче чаянія прежде сего рескрипта изъ Митавы выѣхалъ и въ Ригу прибылъ.

Прим. изд. Для объясненія этого указа необходимо вспомнить кто такой былъ принцъ Карлъ.

Въ 1736 г. умеръ послѣдній изъ рода Кетлеровъ, герцогъ курляндскій Фердинандъ. Курляндское дворянство въ томъ же 1736 г. избрало курляндскимъ герцогомъ оберъ-камергера императрицы Анны Іоанновны Эрнеста — Іоанна Бирона, при чемъ императрица освободила изъ подъ залога всѣ герцогскія (казенныя) имѣнія въ Курляндіи. По смерти Анны Іоанновны, Биронъ очутился въ заключеніи и ссылкѣ, а на герцогскія имѣнія былъ наложенъ секвестръ, по случаю начетовъ, взведенныхъ нашимъ правительствомъ на Бирона. Неожиданное устраненіе новой династіи отъ курляндскаго престола снова пробудило въ польскомъ правительствѣ желаніе присоединить Курляндію къ Польшѣ, какъ польскую провинцію, съ раздѣленіемъ герцогства на воеводства, желаніе, высказывавшееся лѣтъ за десять до смерти послѣдняго герцога изъ рода Кетлеровъ; въ королѣ же польскомъ Августѣ III пробудило желаніе доставить герцогскую корону второму своему сыну, Карлу

Проходили, однако, годы, а герцогство курляндское оставалось въ неопредѣленномъ положеніи : русское правительство никакъ не соглашалось на присоединеніе Курляндіи къ Польшѣ, но не соглашалось и выпустить Бирона изъ Ярославля, гдѣ онъ пребывалъ въ ссылкѣ. Наконецъ король Августъ III послалъ въ 1758 г. принца Карла въ Петербургъ, чтобы онъ лично хлопоталъ у императрицы Елисаветы Петровны въ свою пользу. Принцу Карлу удалось задобрить русское правительство, императрица согласилась на его кандидатуру, согласилась сложить съ герцогскихъ имѣній всѣ начеты, но съ условіемъ, чтобы принцъ Карлъ выстроилъ въ Митавѣ православную церковь для проживавшихъ въ этомъ городѣ русскихъ и предоставилъ русскимъ кораблямъ право убѣжища въ курляндскихъ гаваняхъ. Курляндское дворянство, желая сохранить за курляндскимъ герцогствомъ самостоятельность на прежнихъ основаніяхъ, и узнавъ, что императрица сложитъ секвестръ, избрало принца Карла въ курляндскіе герцоги, не обративъ вниманіе на то, что принцъ Карлъ католикъ и слѣд. не могъ быть герцогомъ, такъ какъ основнымъ закономъ герцогства опредѣлялось, чтобы герцогъ непремѣнно былъ протестантъ аугсбургскаго исповѣданія.

Положеніе новаго герцога явилось крайне не завиднымъ: онъ былъ избранъ во

1-хъ далеко не единогласно, а во 2-хъ польское правительство смотрѣло на его избраніе весьма не сочувственно, такъ что литовскій канцлеръ князь Чарторыйскій ни за что не хотѣлъ приложить печати къ диплому принца Карла на герцогское достоинство, а безъ приложенія обѣихъ печатей, коронной и литовской, дипломъ не имѣлъ законной силы. Принцъ Карлъ, вслѣдствіе этого, остался въ неопредѣленномъ положеніи: былъ избранъ, но не утвержденъ, да и большинство курляндскихъ дворянъ скоро явилось противъ него.

По смерти императрицы Елисаветы Петровны, дѣла принца Карла еще болѣе ухудшились: Петръ Ш вызвалъ Бирона съ его семействомъ изъ Ярославля въ Петербургъ, и тутъ предложилъ ему уступить свои права на Курляндію принцу Георгу Голштинскому, въ замѣнъ чего ему обѣщали возвращеніе всѣхъ его имѣній. Бironъ согласился. Но Георгу Голштинскому не пришлось, однако, быть курляндскимъ герцогомъ. Императрица Екатерина II, немедленно же по вступленіи на престолъ, уничтожила сдѣлку, состоявшуюся было между Георгомъ Голштинскимъ и Бирономъ, и рѣшилась возстановить послѣдняго на герцогскомъ престолѣ, чтобы положить предѣлъ притязаніямъ польскаго правительства на безусловномъ присоединеніи Курляндіи къ Рѣчи Посполитой польской и устранить отъ курляндскаго престола принца Карла, неугоднаго ни курляндскимъ дворянамъ, ни самому польскому правительству, боявшемуся, чтобы польскій король Августъ Ш, съ появленіемъ сына на курляндскомъ престолѣ, какъ нибудь не усилился и не увеличилъ королевскую власть въ Польшѣ.

Рѣшить курляндскій вопросъ съ сохраненіемъ интересовъ Россіи другимъ какимъ либо способомъ, по мимо возстановленія Бирона, Екатерина II признавала невозможнымъ.

О полученіи вышеприведеннаго рескрипта Броунъ донесъ такъ:

Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшій отъ 28 минувшаго іюля № 1 рескриптъ съ приложеніемъ копіи съ рескрипта, отправленнаго изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Митаву къ министру Симолину, о томъ, чтобы мнѣ съ своей стороны сколько возможно герцогу курляндскому Карлу, ежели бы онъ паче чаянія похотѣлъ ѣхать къ высочайшему вашего императорскаго величества двору, отъ сей его поѣздки отсовѣтовать, я того іюля 31 дня всеподданнѣйше получилъ и не пропущу, по содержанію сего всевысочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, учинить со всенижайшею рабскою преданностію надлежащее исполненіе, и что потомъ воспослѣдуетъ обстоятельно вашему императорскому величеству донести не оставлю.

14.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому губернатору Броуну

Какъ герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ въ скоромъ времени отсюда въ Митаву со всею фамиліею своею отправится, и можетъ быть надобно ему будетъ пробыть нѣкоторое время въ Ригѣ, то повелѣваемъ вамъ находящійся тамо казенный домъ, въ которомъ напредъ сего живалъ генералъ Бисмаркъ, къ пріѣзду его изготовить и потребныя починки исправить. Данъ въ С.-Петербургѣ, іюля 30 дня 1762 года. По ея императорскаго величества указу Графъ Михайло Воронцовъ, князь Александръ Голицынъ.

Отвѣтъ Броуна:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества отъ 30 минувшаго іюля

№ 2 всевысочайшій рескриптъ о томъ, что герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ въ скоромъ времени въ Митаву отправится, и къ пріѣзду его о изготовленіи находящагося здѣсь казеннаго дому, я всеподданнѣйше сего мѣсяца 4 числа получилъ, и на сіе вашему императорскому величеству всенижайше рабски доношу: помянутый домъ надлежащею починкою поправленъ и теперь состоитъ въ готовности. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 6 августа 1762 г.

15.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу Броуну

Какъ мы намѣрены герцога курляндскаго Эрнста-Іоганна въ имѣющихся его на сіе герцогство претензіяхъ не токмо подкрѣплять, но и способствовать въ возстановленіи его въ сіи княжества, почему могутъ происходить иногда въ Курляндіи нѣкоторые непорядки, то для предупрежденія оныхъ всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ изъ находящихся въ командѣ вашей гарнизонныхъ полковъ, или же изъ ярославскаго, нарядить немедленно цѣлый батальонъ при исправномъ штабъ-офицерѣ, и велѣть оному итти вскорѣ въ Митаву и, явясь находящемуся тамо нашему министру, статскому совѣтнику Симолину, расположиться по квартирамъ, и поступать во всемъ по наставленіямъ онаго министра нашего Симолина, который снабженъ уже отъ насъ потребною о томъ инструкціею; и пребываемъ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 3 дня 1762 года. Екатерина.

Донесеніе Броуна:

Вашего императорскаго величества всевысочайшій, за собственноручнымъ подписаніемъ отъ 3 числа сего мѣсяца № 3, рескриптъ я всеподданнѣйше 7 числа получилъ, и, по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества высочайшему повелѣнію, въ Митаву, для предупрежденія тамъ при возстановленіи герцога курляндскаго Эрнста-Іоанна въ сіе княжество происходимыхъ иногда нѣкоторыхъ непорядковъ, изъ находящихся въ командѣ моей полковъ, за малоимѣніемъ какъ въ полевомъ ярославскомъ, такъ и въ гарнизонѣ, на лицо людей, въ число цѣлаго баталіона и откомандировано рядовыхъ гренадеровъ и мушкатеровъ изъ ярославскаго двѣсти, да изъ полковъ здѣшняго гарнизона то же число, и того четыреста человѣкъ, при оныхъ подполковникъ одинъ Шрейдеръ, премьеръ-маіоръ одинъ, оберъ-офицеровъ двѣнадцать, унтеръ-офицеровъ, капраловъ и прочихъ нижнихъ чиновъ по числу баталіона принадлежащее число, также два знамя и двѣ подвижныхъ пушки съ патронными ящиками, и оные, по полученіи упомяненнаго вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго соизволенія, на другой день, то есть 8 числа, отправ-

лены съ таковымъ приказаніемъ, какъ въ высочайшемъ вашего императорскаго величества рескриптѣ всемилостивѣйше повелѣно, которые теперь дѣйствительно въ Митавѣ уже находятся. О чемъ вашему императорскому величеству со всенижайшею рабскою моею преданностію доношу.

Прим. изд. На восьмой день по вступленіи на престолъ, 5 іюля, былъ отправленъ въ Митаву къ Симолину рескриптъ о томъ, что всѣ присланные ему въ минувшее правленіе указы о положеніи на герцогскіе доходы ареста, о сопротивленіи распоряженіямъ принца Карла, о раздраженіи противъ него курляндцевъ, о склоненіи ихъ въ пользу принца Георга отмѣняются, и что ему должно подъ рукою болѣе всѣхъ другихъ партій покровительствовать партіи Бироновой. 22 іюля Екатерина приказала канцлеру Воронцову дать знать Симолину: „дабы онъ отчасти сильнѣе подкрѣплялъ партію герцога Бирона, по причинѣ справедливости его права". Симолинъ донесъ, что глава партіи принца Карла, оберъ-гауптманъ Гейкингъ, собралъ герцогскихъ офицеровъ и солдатъ, разорвалъ предъ ними протестаціи Бирона, выбросилъ за окно копію этихъ протестацій и разглашаетъ, что императрица поддерживаетъ принца Карла, а нѣкоторые министры только, безъ ея вѣдома, поддерживаютъ Бирона.

Принца Карла въ это время не было въ Митавѣ: онъ находился у отца въ Варшавѣ. Получивъ извѣстіе о возстановленіи Бирона, онъ въ концѣ іюля прибылъ въ Митаву и объявилъ, что не признаетъ Симолина русскимъ министромъ и потому запрещаетъ придворнымъ имѣть какія либо съ Симолиномъ сношенія. Въ отвѣтъ на такое заявленіе императрица и приказала послать въ Митаву баталіонъ солдатъ. Баталіонъ прибылъ 8 августа, а принцъ Карлъ велѣлъ раздать своему войску (180 челов. солдатъ) патроны съ пулями, грозя разстрѣливать всѣхъ, которые обнаружатъ склонность къ герцогу Бирону; во дворцѣ удвоили караулы.

На другой день по отправленіи въ Ригу вышеприведеннаго указа, 4 августа, императрица подписала актъ, которымъ она снимала секвестръ съ герцогскихъ имѣній и возвращала Бирону всѣ имѣнія, дарованныя ему лично Анною Іоанновною. Со своей стороны Биронъ, отрицаясь за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ всякихъ претензій противъ Россіи, обязался исполнить обязательства, данныя герцогомъ Карломъ и, между прочимъ, построить православную церковь въ Митавѣ (церковь, однако, построена не была).

16.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр , и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому губернатору Броуну

Вамъ уже дано знать рескриптомъ нашимъ отъ 30 минувшаго іюля, что герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ въ скоромъ времени отсюда въ Митаву со всею фамиліею своею отправится, и чтобъ для того находящійся въ Ригѣ казенный домъ, въ которомъ напредъ сего живалъ генералъ Бисмаркъ, къ пріѣзду его изготовленъ и потребные починки исправлены были; но какъ мы увѣдомились, что оный домъ для герцога со свитою его недостаточенъ, то всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ по близости еще одинъ, или же два дома, въ которыхъ бы свита его помѣститься могла, пріискать и въ готовности содержать, а онъ, герцогъ, отсюда сего числа отъѣзжаетъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 23 дня 1762 г По ея императорскаго величества указу Графъ Михайло Воронцовъ, князь Александръ Голицынъ.

Донесеніе Броуна: Вашего императорскаго величества всевысочайшій отъ 23 сего мѣсяца № 5 рескриптъ, къ пріѣзду курляндскаго герцога Эрнста-Іоанна, сверхъ находящагося казеннаго дома, еще о пріисканіи и о содержаніи въ готовности одного или двухъ до-

мовъ, въ которыхъ бы свита его помѣститься могла, я всеподданнѣйше получилъ, и по сему всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества соизволенію надлежащее исполненіе учинено. 31 августа 1762 г.

17

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому губернатору Броуну

На письмо ваше къ канцлеру нашему отъ 6 сего августа, которымъ вы просите наставленія какимъ образомъ принять вамъ надлежитъ курляндскаго герцога Эрнста-Іоганна, по прибытіи его въ Ригу, чрезъ сіе всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ. по пріѣздѣ онаго герцога въ Ригу, принять его тамъ, какъ положено по воинскому уставу принимать владѣтельныхъ принцевъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 23-го дня 1762 г. По имянному ея императорскаго величества указу: Графъ Михайло Воронцовъ, князь Александръ Голицынъ

Донесеніе Броуна: Вашего императорскаго Величества всевысочайшій отъ 23 сего мѣсяца № 6 рескриптъ, о принятіи курляндскаго герцога Эрнста-Іоанна по пріѣздѣ онаго въ Ригу такъ какъ положено по воинскому уставу о владѣтельныхъ принцахъ, я всеподданнѣйше получилъ, и по сему всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества соизволенію надлежащее исполненіе учинено. Рига, 31 августа 1762 г.

18.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу Броуну

Вамъ уже извѣстно, что герцогъ курляндскій Эрнстъ-Іоганнъ въ скоромъ времени пріѣдетъ въ Ригу и тамъ нѣсколько времени пробудетъ. По пріѣздѣ же его туда, имѣете вы ему выдать изъ тамошней рентереи двадцать тысячъ рублей, которыя мы ему пожаловали на его столовый сервизъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 21 дня 1762 года. Екатерина.

Донесеніе Броуна: Вашего императорскаго величества высочайшій отъ 21 минувшаго августа рескриптъ, о всемилостивѣйше пожалованныхъ герцогу курляндскому Эрнсту-Іоганну къ выдачѣ 20,000 р. изъ рижской рентереи, я сего сентября 1 дня всеподданнѣйше получилъ, и по оному всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества соизволенію надлежащее исполненіе учинено быть имѣетъ. Рига, 9 сентября 1762 г.

Деньги 20,000 р. были выданы герцогу Бирону 9 октября 1762 г., о чемъ Броунъ тогда же и донесъ государынѣ.

19.

Въ срединѣ іюля 1762 г. было уже рѣшено: быть коронованію императрицы въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, куда отъѣздъ и назначенъ на 1 сентября. Всѣ распоряженія по торжеству коронаціи были поручены князю Николаю Юрьевичу Трубецкому. По полученіи въ Ригѣ извѣстій о коронаціи, Броунъ донесъ государынѣ слѣдующее:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству, по всеподданнѣйшей моей должности, нахожу нижеслѣдующее представить: въ здѣшней нѣмецкой (см. выше стр. 222) губернской канцеляріи найдены старыхъ временъ письменные документы, изъ коихъ явствуетъ, что во время перваго здѣсь шведскаго владѣнія, при первомъ королѣ Густавѣ Адольфѣ, 1621 г. сентября 26 дня, города Риги бургомистры, ратсгеры и всѣ горо довые старосты большихъ и малыхъ гильдій, съ общаго своего согласія, дали письменное свое обязательство и утвердили оное въ такомъ содержаніи, чтобы городу Ригѣ всѣмъ будущимъ монархамъ своимъ, когда кто вновь коронованъ будетъ, каждому для тѣхъ коронацій, также и для принцессъ королевскихъ при ихъ замужествѣ, давать всегда надлежащую сумму денегъ, по разсужденію. Вслѣдствіе сего бывшіе тогда монархи, во первыхъ упомяненнаго короля Густава Адольфа дочь, королева Христина, и наслѣдникъ ее король Карлъ Густавъ, а потомъ Карлъ первыйнадесять, чрезъ генераловъ губернаторовъ, коихъ взысканіямъ и принужденіямъ дѣйствительно каждый монархъ на персону свою получилъ не менѣе по тридцати тысячъ талеровъ, и хотя притомъ со стороны магистрата и происходили чрезъ переписки ихъ нѣкоторыя отговорки, но въ разсужденіи вышеписаннаго обязательства они должны и обязаны, что приговорено будетъ, безъ всякаго отрицательства платить. А что принадлежитъ до послѣдняго короля Карла второнадесятаго, то, для коронаціи онаго было ль что дано или нѣтъ, письменнаго документа не найдено, которое либо какимъ случаемъ пропало, или, за тогдашнею войною, сіе упущено и ве взыскано было. О принцессахъ королевскихъ во все шведское владѣніе, по объявленнымъ обязательнымъ письмамъ, настоящихъ образцовъ еще не было, почему и о суммѣ, какую при замужествѣ ихъ давать принадлежитъ, неизвѣстно.

А понеже блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти бывшіе четыре персоны всероссійскаго императорскаго престола монархи, для высочайшихъ своихъ коронацій, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ вышеписанной положенной суммы не получалъ, то и оставались оныя деньги въ рукахъ здѣшняго города. Но, всемилостивѣйшая государыня, ежели за всѣ тѣ коронаціи, а притомъ и за пятую нынѣшнюю вашего императорскаго величества, умалчивая отданную въ замужество бывшаго государя императора Петра Ѳедоровича мать, государыню цесаревну Анну Петровну, по примѣру прежнему всю такую великую сумму теперь взыскать, то городъ Рига, по нынѣшнему ихъ состоянію, никоимъ образомъ оную уплатить не можетъ, и такъ въ разсужденіи сего, дабы вѣрноподданные вашего императорскаго величества не могли притти въ крайній недостатокъ и коммерція въ бѣдное

и худое содержаніе, по высокомилосердному матернему вашего императорскаго величества благоволенію, не соизволено-ль будетъ за прежнія взысканія оставить, а истребовать только для высочайшей вашего императорскаго величества коронаціи и оные деньги, ежели въ казну взяты не будутъ, а всемилостивѣйше указать соизволите употребить для общей пользы того же города Риги, то всенижайше представляю ко исправленію слѣдующую надобность: здѣсь, всемилостивѣйшая государыня, при самомъ городѣ Ригѣ и выше онаго нѣсколько разстояніемъ, въ рѣкѣ, за низкостью берега и за пещанымъ грунтомъ, вода въ своемъ теченіи ежегодно перемѣняется и разливается по обѣ стороны берега, отчего такъ мелководно бываетъ, что нѣкоторыя суда, кромѣ малыхъ, съ своимъ грузомъ принуждены до моста не доходить и останавливаться за полъ версты, а большіе корабли за полъ мили, и потому въ коммерціи дѣлается не малая остановка, такожъ тягость и излишніе убытки, и во избѣжаніе сего, по всенижайшему моему мнѣнію, необходимо надлежитъ подлѣ города и вверхъ онаго берегъ укрѣпить и хорошіе больверки подѣлать, дабы чрезъ то понудить рѣку въ настоящее теченіе къ свободному и безпрепятственному хожденію судовъ.

Я при семъ вашему императорскому величеству и сіе всенижайше доношу, что на дѣланіе помянутыхъ больверковъ подлежитъ не малая сумма, ибо хотя для высочайшей вашего императорскаго величества коронаціи, по примѣру прежняго, и взяты будутъ тридцать тысячъ талеровъ, но оными исправиться никакъ не можно будетъ, однако чрезъ то пользоваться можетъ не только купечество ко избѣжанію излишнихъ убытковъ и отягощенія, но и коммерція къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ въ лучшемъ будетъ состояніи, а безъ того оная, время отъ времени, при городѣ совсѣмъ умалиться можетъ: ко изысканію на то еще суммы я всеусердное мое стараніе употребить долженствую.

Въ прочемъ всенижайшее мое сіе представленіе предаю въ высочайшее вашего императорскаго величества матернее благоволеніе и всеподданнѣйше при семъ подношу, къ лучшему усмотрѣнію, съ вышеписанныхъ найденныхъ въ архивѣ документовъ краткій экстрактъ и ожидать имѣю объ ономъ всемилостивѣйшаго вашего соизволенія. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. 23 августа 1762 г.

На это донесеніе послѣдовало слѣдующее распоряженіе:

Указъ нашему генералъ-губернатору рижскому Броуну

Извѣстно намъ, что городъ Рига, отъ того времени какъ королямъ шведскимъ въ подданство пришелъ, постановленіе имѣетъ съ тѣми королями, чтобы каждому государю при короноваціи его и при выдаваніи въ замужество принцессъ, королевскихъ дочерей, приносить въ даръ нѣкоторую сумму денежную. Сіе установленіе учинено еще въ 1621 г при королѣ Густавѣ Адольфѣ. Вслѣдствіе котораго, королева Христина и короли Карлъ X и Карлъ XI получили при торжествѣ

своего коронованія, сколько намъ извѣстно, по тридцати тысячь албертовыхъ ефимковъ. И по такимъ примѣрамъ должно бы намъ взыскать съ города Риги не малую теперь сумму за коронованія нашихъ предковъ, въ Бозѣ почивающихъ, и за бракъ цесаревны Анны Петровны, герцогини голштинской, нашей любезнѣйшей свекрови, но понеже столь знатная сумма, хотя и правильно ко взысканію на насъ принадлежащая, не инако какъ городу Ригѣ тяжестною быть можетъ, то мы изъ нашего милосердія и великодушія ко всѣмъ нашимъ подданнымъ взысканіе таковаго долгу оставляемъ и городъ Ригу изъ щедротъ нашихъ всѣмъ тѣмъ, что по сіе время упущено и не взыскано изъ сей суммы, всемилостивѣйше жалуемъ. Чтоже принадлежитъ до нашего теперь наступающаго коронованія, то мы чрезъ сіе повелѣваемъ. съ помянутаго города Риги, по примѣру прежнему, тридцать тысячь албертовыхъ ефимковъ взять; однакожъ и сею суммою мы собственно для нашей персоны воспользоваться не хотимъ, а желаемъ обратить оную на пользу того же города, которую сумму и повелѣваемъ употребить на укрѣпленіе берега подлѣ города и вверхъ онаго и на построеніе больверковъ для понужденія рѣки въ свое теченіе, а чрезъ то отвореніе пути кораблямъ купеческимъ до самаго мосту, чѣмъ купечеству рижскому не малое въ коммерціи облегченіе будетъ сдѣлано. Еже съ Божіею помощью сею тридцати тысячною суммою и начинать вы имѣете. Но понеже въ томъ важномъ и путномъ предпріятіи для продолженія сей трудной работы таковой суммы весьма мало, то мы вамъ же поручаемъ изыскать доходъ денежный на то время, пока сіе строеніе и работы продолжаться будутъ, въ чемъ мы на ваше къ службѣ усердіе и извѣстную намъ ревность и полагаемся. Екатерина. 1762 г., августа 28 дня.

Прим. изд. Указъ этотъ былъ полученъ въ Ригѣ 5 сентября. Донеся о полученіи онаго 9 сентября, Броунъ вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ рижскому магистрату, сообщивъ копію съ указа, изготовить сумму въ 30,000 ефимковъ и предложилъ генералъ-губернской канцеляріи исполнить указъ.

Императрица выѣхала на коронацію въ Москву 1 сентября, а 9 числа остановилась въ подмосковномъ селѣ гетмана Разумовскаго, Петровскомъ-Разумовскомъ. Торжественный въѣздъ въ Москву происходилъ 13 сентября, а коронованіе, съ обычными церемоніями, совершилось 22 сентября 1762 г.

Броунъ привѣтствовалъ государыню съ совершившимся коронованіемъ такъ:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству съ совершившимся нынѣ торжественнымъ помазаніемъ и коронованіемъ, яко высочайшую въ свѣтѣ монархиню и самодержицу на всероссійскомъ престолѣ совершенно и всячески утвержденную, я, всеподданнѣйшій рабъ, со всѣми въ здѣшнемъ городѣ Ригѣ пребывающими, припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, при всенародной радости и неизрѣченномъ веселіи, всенижайше приношу мое поздравленіе, сердечно внутренно моля всемогущаго и всесильнаго Бога, владѣтеля всѣхъ государствъ и земель, дабы Онъ подъ всемилостивымъ крылъ своихъ

покровомъ непремѣнно содержалъ и охранялъ священную особу вашего императорскаго величества и благоволилъ изліять на дражайшую жизнь вашего императорскаго величества свое благословеніе и всякое благополучіе, миръ и здоровіе и умножить лѣта жизни вашего императорскаго величества, чтобы вѣрные вѣрноподданные россійской имперіи всенижайше купно съ ними неизрѣченную славу и щедроты вашего императорскаго величества вѣчно и въ вѣчныя времена всему свѣту прославлять могли, которое усерднѣйшее желаніе со всеглубочайшимъ подобострастіемъ предъ стопами вашего императорскаго величества полагаю и какъ себя, такъ и всѣхъ здѣсь вѣрноподданныхъ вашего императорскаго величества рабовъ, всеподданнѣйше подвергаю въ высочайшую вашего императорскаго величества милость и покровительство. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. 9 октября 1762 г.

20.

Изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ его превосходительству господину генералъ аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору и кавалеру Броуну сообщеніе.

По присланному отъ вашего превосходительства въ коллегію иностранныхъ дѣлъ доношенію отъ 26 минувшаго августа, которымъ требовали вы денегъ на заготовленіе провіанта и фуража для проходящихъ и располагаемыхъ въ Курляндіи здѣшнихъ войскъ, слѣдовало вамъ ожидать резолюціи отъ правительствующаго сената, до котораго единственно то и принадлежало, не касаясь совсѣмъ до коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Но ваше превосходительство, не обождавъ такой резолюціи, разсудили за благо въ присланномъ къ его сіятельству графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину письмѣ отъ 3 числа сего мѣсяца отозваться съ нѣкоторымъ нареканіемъ, что вы отъ коллегіи никакого наставленія не получили, хотя въ столь краткое время никакъ не возможно было онымъ васъ снабдить. А какъ о томъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ правительствующему сенату представлено, то вашему превосходительству отъ онаго и резолюціи ожидать надлежитъ, и по полученіи оной поступить обще съ министромъ Симолиномъ въ заготовленіи потребнаго въ Курляндіи провіанта и фуража. Графъ Михайло Воронцовъ, князь Александръ Голицынъ. Въ Москвѣ, 2 октября 1762 г.

Прим. изд. Войска, о которыхъ упоминается въ этомъ указѣ, возвращались изъ Пруссіи.

21

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству всеподданѣйше доношу о здѣшнемъ регирунгсъ-ратѣ Фитингофѣ, который за болѣзнію нахо-

дился въ своихъ деревняхъ: извѣстно мнѣ, что онъ уже умеръ, а другіе объявляютъ, якобы еще живъ, только при послѣднемъ дыханіи своей жизни и надежды къ выздоровленію никакой нѣтъ, а понеже какъ скоро о смерти онаго увѣдано будетъ, то, уповаю, на мѣсто его будутъ нѣкоторые искать всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества благоволенія. Такъ какъ и прежде въ положенные по здѣшней губерніи чины не по достоинству и не по заслугамъ, но единственно по рекомендаціямъ, нѣкоторые были произведены, того ради, по всеподданнической моей должности, беру смѣлость вашему императорскому величеству представить, совсенижайшимъ моимъ рабскимъ прошеніемъ, дабы всемилостивѣйше повелѣно было какъ вышеписанную ваканцію, такъ и впредь ежели какія будутъ требоваться по здѣшней рижской губерніи чины, безъ моего аттестованія произведеніемъ до тѣхъ поръ удержать, пока кандидаты выбраны и къ высочайшему вашего императорскаго величества разсмотрѣнію отъ меня представлены будутъ. Я, всемилостивѣйшая государыня, совершенно буду стараться въ таковые чины добрыхъ, честныхъ и достоинства хорошаго и способныхъ людей изыскивать, кои бы вашего императорскаго величества узаконенныя правы къ сохраненію высочайшихъ интересовъ рабскимъ своимъ усердіемъ добропорядочно исправлять могли. И на сіе мое всенижайшее представленіе, ожидая всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія, съ глубочайшимъ моимъ респектомъ пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ Рига, 4 сентября 1762 г.

22.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества высочайшее отъ 31 октября матернее благоволеніе о подполковникѣ Отто Блюмерѣ, который отъ военной службы отставленъ и опредѣленъ былъ сюда въ должность генералъ экономіи директора, а послѣ сего безвинно отъ службы отставленъ, и на это мѣсто генераломъ-директоромъ экономіи дерптскій штатгальтеръ Штакельбергъ опредѣленъ, чтобы мнѣ представить вашему императорскому величеству безпристрастно и безъ огласки свое мнѣніе, кто изъ нихъ обоихъ въ разсужденіи службы и заслугъ также иныхъ достоинствъ къ сему генерала экономіи директорскому мѣсту способнѣе и по справедливости большаго уваженія заслуживаетъ, я всеподданнѣйше сего числа получилъ и на оное вашему императорскому величеству, по сущей справедливостя безъ всякой страсти, но такъ какъ данная мнѣ отъ вашего императорскаго величества честь велитъ и присяжная должность, всенижайше рабски доношу:

Помянутый генералъ экономіи директоръ Штакельбергъ въ оный чинъ сенатомъ вашего императорскаго величества опредѣленъ сюда въ Ригу безъ всякаго моего представленія, и понеже онъ въ Дерптѣ штатгальтеромъ служилъ и такую же почти должность съ нѣкоторымъ только уменьшеніемъ дѣлъ девятнадцать лѣтъ безпорочно

исправлялъ, то съ опредѣленія его сюда, сего года съ мая мѣсяца, при той своей должности находится безотлучно и исполняетъ оную съ неусыпнымъ своимъ радѣніемъ, а особливо при отступленіи сюда высокославной вашего императорскаго величества арміи какъ о расположеніи полковъ по квартирамъ, такъ и о продовольствіи оной, дѣлалъ учрежденія и употреблялъ старанія весьма похвальнымъ образомъ, причемъ я собственно усмотрѣть и примѣтить могъ совершенное его въ семъ чинѣ достоинство и способность, и надѣюсь конечно по тому его оказанному усердію, что онъ и впредь къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ распростирать себя не оставитъ, а что принадлежитъ до помянутаго подполковника Блюмера, то, сколько я знаю, хотя онъ офицеръ добрый и хорошихъ кондуитовъ, но, по моему малѣйшему всеподданнѣйшему мнѣнію, въ должности генерала экономіи директора быть не способенъ, во первыхъ: не привыченъ къ таковымъ дѣламъ и не можетъ снести столь многотрудной должности и имѣть таковаго совершеннаго и надлежащаго знанія, какъ реченный Штакельбергъ; въ разсужденіи сожалѣтельнаго бѣднаго его состоянія и слабости здоровья, хотя онъ и не подъ непріятелемъ рану получилъ, а точно мнѣ извѣстно деньщикъ его, будучи пьянъ, порѣзалъ его ножемъ, несоизволите ли, всемилостивѣйшая государыня, изъ природнаго вашего императорскаго величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ щедроматерняго милосердія всемилостивѣйше пожаловать его, если есть вакансія, въ способное мѣсто въ должность маленькаго коменданта, а ежели нѣтъ, то, до того времени пока будетъ, дать ему чинъ и жалованіе остзейскаго полковника онъ таковымъ всемилостивѣйшимъ опредѣленіемъ весьма доволенъ быть можетъ.

Но еще, всемилостивѣйшая государыня, вашему императорскому величеству я осмѣливаюсь всенижайше донести, такъ какъ и прежде отъ меня минувшаго сентября 4 дня всеподданнѣйше донесено было, здѣсь при сборѣ денежной вашего императорскаго величества, и при лицентѣ и въ другихъ мѣстахъ, есть такіе чины, которые не по заслугамъ и достоинствамъ, но по рекомендаціямъ и по случаямъ опредѣлены, и хотя невѣрности ихъ или лакомства невидно и не могу въ томъ доказать, но чрезъ ихъ слабость и незнаніе той должности чинится большое къ интересамъ вашего императорскаго величества упущеніе, и такъ я, по всеподданнѣйшей моей должности, сколько возможно стараться буду при довольномъ разсмотрѣніи на мѣсто тѣхъ достойныхъ выбрать, и тогда съ обстоятельствомъ на высочайшее разсмотрѣніе представить имѣю, ибо, всемилостивѣйшая государыня, по моему нижайшему мнѣнію, лучше неисправныхъ отъ дѣлъ отставить и на пропитаніе ихъ дать пенсіонъ, нежели чтобы чрезъ ихъ оплошность и незнаніе не малая сумма, время отъ времени, пропадать могла. Я совершенно надѣюсь, что чрезъ рачительныхъ и исправныхъ людей, которые усердно стараться будутъ объ своей должности, конечно, послѣдовать можетъ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ не малое приращеніе. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, ноября 12 дня 1762 г.

Перечень указовъ по дѣламъ Лифляндіи и Эстляндіи за 1762 г., вошедшихъ въ полное собраніе законовъ россійской имперіи.

11604. Іюля 11. Сенатскій. Объ опредѣленіи въ Ригѣ публичныхъ нотаріусовъ рижскому магистрату, на основаніи ихъ правъ и привиллегій.

11613. Іюля 16. Сенатскій. О позволеніи въ городѣ Ревелѣ мѣщанамъ, по ихъ правамъ и привиллегіямъ, торговать иностранными и русскими товарами, а россійскимъ купцамъ одними русскими (такъ какъ россійскіе купцы противъ природныхъ ревельскихъ мѣщанъ градской тягости не несутъ, да и жительство, пріѣзжая, имѣютъ временно).

11639. Августа 8. Именной, объявленный изъ сената. О ссылкѣ изъ судебныхъ мѣстъ преступниковъ въ Рогервикъ и въ Нерчинскъ, смотря по близости разстоянія сихъ городовъ отъ мѣста посылки (изъ Рогервика въ Нерчинскъ не отсылать и посланныхъ возвратить; которые по сю сторону Москвы тѣхъ отсылать въ Рогервикъ, а которые за Москвою тѣхъ въ Нерчинскъ).

11648. Августа 20. Именной, данный сенату. О переименованіи Рогервика Балтійскимъ портомъ.

11658. Августа 26. Сенатскій. О принятіи въ казенное вѣдомство всѣхъ портовыхъ таможенныхъ сборовъ и объ опредѣленіи къ онымъ смотрителя (въ Ригѣ внутренняя таможня была отдана съ 1758 на 6 лѣтъ на откупъ оберъ-инспектору Николаю Шемякину, но Шемякинъ оказался въ безпорядочномъ правленіи и контрактъ явно нарушилъ).

15660. Августа. Именной, данный рижскому генералъ-губернатору Броуну. Объ укрѣпленіи береговъ рѣки Двины въ Ригѣ и окрестностяхъ (См. выше стр. 294).

11673. Октября 2. Именной, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ. О нераздачѣ коронныхъ мызъ въ Лифляндіи и Эстляндіи въ арендное содержаніе, впредь до указа.

11682. Октября 15. Сенатскій. О бытіи водолазной компаніи подъ вѣдомствомъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. (Консулентъ сей компаніи Арвидъ Свенске, да с.-петербургскій купецъ Георгъ Шлитеръ жаловались на директора компаніи Карла Готфрида Клипинга въ недачѣ принадлежащихъ имъ денегъ, а съ 1757 г. и счетовъ, приказали: юстицъ-коллегіи разобрать жалобу и впредь состоять компаніи какъ показано выше).

11688. Октября 21. Дипломъ, данный графу Вильгельму Вахтмейстеру на содержаніе въ Лифляндіи маяковъ, съ дозволеніемъ пользоваться половиною доходовъ съ оныхъ, по прежде даннымъ ему привиллегіямъ. (По указамъ іюля 26, да ноября 22 числъ 1723 г. содержаніе маяковъ въ Лифляндіи, на Руно и Сверферъ-ортѣ и половинный сборъ огневыхъ денегъ въ Ригѣ, Перновѣ и Эзелѣ отданъ наслѣдникамъ шведскаго генералъ-адмирала графа Ганса Вахтмейстера, полковнику фонъ Розену съ прочими наслѣдники, съ условіемъ, если Розенъ не приметъ русскаго подданства въ срокъ, указанный Нейштатскимъ трактатомъ, то маяки перейдутъ въ казну. Въ 1728 г. графъ Аксель Вильгельмъ Вахтмейстеръ предъявилъ въ верховный тайный сов., что наслѣдники Ганса Вахтмейстера: братъ его Карлъ Гансъ Вахтмейстеръ, да зятья Розенъ и Гауптъ продали ему, Акселю, свое право на маяки за 24 тыс. ефимковъ. Договоръ этотъ конфирмованъ 21 марта 1729 и потомъ въ 1731 годахъ. Въ 1742 г., сентября 11, дана графу Аксель-Вильгельму Вахтмейстеру отъ сената конфирмація. Сынъ Акселя, графъ Карлъ Фридрихъ, принялъ русское подданство и именемъ отца просилъ о подтвержденіи прежнихъ конфирмацій, ему и данъ сей дипломъ).

11727. Декабря 19. Жалованная грамота лифляндскому рыцарству и дворянству въ подтвержденіе прежнихъ ихъ правъ и привиллегій. (Депутатомъ дворянства былъ ландратъ Карлъ баронъ фонъ Шульцъ.

1763-й годъ.

23.

Указъ нашему рижскому генералъ-губернатору Броуну

Бывшій въ службѣ нашей и содержавшійся долговременно подъ арестомъ, полковникъ Гейнбургъ, всемилостивѣйше получилъ отъ насъ свободу и отъ службы нашей вѣчное себѣ увольненіе, которому соиз-

воляемъ, по старости его лѣтъ, жить въ Лифляндіи, въ городѣ Ригѣ, или гдѣ онъ самъ за выгоднѣе себѣ изберетъ, ежели въ отечество свое возвратиться не пожелаетъ. такъ какъ и содержавшаяся долговременно же въ заключеніи фрейлина Юлія Менгденова туже свободу отъ насъ всемилостивѣйше получила и имѣетъ дозволеніе жить въ Лифляндіи съ фамиліею своею. Екатерина. 1763 г., января 13 дня.

Донесеніе Броуна. Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ имянной указъ отъ 13 сего мѣсяца о всемилостивѣйшемъ свобожденіи изъ подъ ареста полковника Гейнбурга и содержавшейся въ заключеніи фрейлины Юліи Менгденовой и о прочемъ, я сего числа всеподданнѣйше получилъ, и на оное вашему императорскому величеству всенижайше рабски доношу: помянутый полковникъ Гейнбургъ, за тяжкою его болѣзнею, равно и показанная фрейлина, остались нынѣ здѣсь въ лифляндской деревнѣ Еркулъ, а какъ, по выздоровленіи, сюда прибудутъ, то имъ всемилостивѣйше вашего императорскаго величества матернее соизволеніе объявить имѣю, и надлежащее по тому исполненіе учинено будетъ. 24 января 1763 г.

Прим. изд. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 25 ноября 1741 г., правительница Анна Леопольдовна съ супругомъ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ и дѣтьми (маленькими Іоанномъ и Екатериною) были арестованы. Съ ними же были арестованы: состоявшій при принцѣ полковникъ Гейнбургъ и фрейлина Анны Леопольдовны Юлія Менгденъ. Первоначально всю брауншвейгскую фамилію хотѣли отправить за границу и въ январѣ 1742 г. дѣйствительно увезли было изъ Петербурга, но остановили въ Ригѣ, а 13 декабря 1742 г. перевезли въ Динаминдъ. Въ январѣ 1744 принца Антона съ женою и дѣтьми привезли въ Раненбургъ. Полковникъ Гейнбургъ былъ оставленъ въ Динаминдѣ, а Юлія Менгденъ поѣхала вмѣстѣ съ брауншвейгскою фамиліею въ Раненбургъ. 27 іюля 1744 г. было велѣно перевести фамилію въ Холмогоры, а Юлію Менгденъ отправили обратно въ Динаминдъ.

Послѣ коронаціи, императрица въ ноябрѣ 1762 г. отправила въ Холмогоры генералъ-маіора Александра Ильича Бибикова съ письмомъ къ принцу Антону-Ульриху и заявленіемъ, что онъ, принцъ, можетъ уѣхать за границу, но одинъ и безъ дѣтей, причемъ и полковникъ Адольфъ фонъ Гейнбургъ будетъ тоже освобожденъ и присланъ къ нему, принцу, чтобы вмѣстѣ ѣхать за границу въ ихъ отечество (См. Сборн. Рус. Ист. Общ. VII, 184). Принцъ Антонъ Ульрихъ не согласился кинуть дѣтей и остался съ ними въ Холмогорахъ, но императрица въ началѣ декабря всетаки велѣла освободить и Гейнбурга и бывшую фрейлину Юлію Менгденъ, которые и переѣхали въ Еркуль.

24.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому генералъ-губернатору Броуну

Извѣстно вамъ, что курляндскій герцогъ Эрнстъ-Іоганнъ съ своею фамиліею въ Митаву уже прибылъ; и какъ намъ отъ статскаго совѣтника Симолина донесено, онъ, герцогъ, на пути своемъ препровожденъ и при въѣздѣ въ городъ встрѣченъ и принятъ отъ рыцарства и земства тамошняго съ немалымъ оказательствомъ ему, какъ старому ихъ герцогу, любви и совершенной преданности, и всѣ обыватели города купно съ рыцарствомъ отличные знаки своего удоволь-

ствія и радости при семъ случаѣ оказали. Такимъ образомъ несумнѣнно сей герцогъ, по имѣющейся къ нему отъ всего народа любви, утвердиться во владѣніи тамо можетъ; но между тѣмъ, понеже необходимо потребно еще, для совѣтованія и принятія нужныхъ при сихъ обстоятельствахъ мѣръ, собраніе рыцарства въ Митавѣ на братскую конференцію, которая назначена къ 30-му сего января (10-му февраля), а пребываніе тамо его высочества королевскаго принца Карла иногда препятствовать будетъ въ пріемлемыхъ отъ того рыцарскаго собранія мѣрахъ, того ради мы всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего, безъ замедленія ѣхать въ Митаву и нашимъ именемъ помянутому принцу Карлу присовѣтовать, дабы онъ, по своему благоразумію, уступилъ времени и обстоятельствамъ, которыя столь рѣшительно жребій его опредѣляютъ, и не сдѣлался-бъ для себя безплодною причиною развращенія древней тѣсной дружбы между нашимъ и королевскимъ домами, которую мы конечно съ его пользою сохранять и распространять искренно желаемъ, слѣдовательно изволилъ-бы выѣхать оттуда съ благопристойностью, ибо мы съ своей стороны герцога Эрнста-Іоганна въ его издавна благоизобрѣтенныхъ на курляндскія княжества правостяхъ не можемъ оставить безъ совершеннаго подкрѣпленія по самой справедливости и по собственнымъ сего герцогства фундаментальнымъ уставамъ, какъ въ разсужденіи его религіи, такъ и въ разсужденіи особливо, что не усматриваемъ никакой основательной причины, для которой-бы онъ своихъ правъ лишенъ быть могъ, и что сверхъ того самъ онъ, принцъ, довольно видѣлъ, сколь многою любовію и преданностію рыцарство и земство вообще герцога Эрнста-Іоганна приняли, желая по прежнему его владѣтелемъ надъ собою имѣть, и что при сихъ обстоятельствахъ не можетъ онъ, принцъ, ни малой надежды имѣть къ утвержденію себя въ семъ герцогствѣ, когда сами тамошнее рыцарство и земство имѣть его не желаютъ, и что весьма лучшее сдѣлаетъ онъ для своей безопасности, когда безъ замедленія изъ Курляндіи выѣдетъ, и прежде нежели братская конференція въ Митавѣ настоять будетъ, которая отъ его тамъ пребыванія можетъ произвесть всякія для него особливо худыя помѣшательства и неспокойства, мы же съ своей стороны на оныя по ближнему сосѣдству индифферентно смотрѣть отнюдь не можемъ, но паче, и какъ наискорѣе возможно, стараться станемъ о превращеніи оныхъ въ совершенное спокойство. Мы будемъ ожидать о происшествіи по сему доношенія вашего, а между тѣмъ, буде выѣдетъ изъ Митавы принцъ Карлъ, то и вы можете возвратиться къ своей командѣ въ Ригу, а инако въ Митавѣ обождать нашего указа на доношеніе ваше. Данъ въ Москвѣ, января 23 дня 1763 года. Екатерина. Скрѣпилъ. графъ Михайло Воронцовъ.

Отдаю на ваше разсужденіе: остаться ли въ Митавѣ или возвратиться въ Ригу вамъ.

Прим. изд. Бирон пріѣхалъ въ Ригу въ началѣ сентября 1762 г., остановился въ приготовленныхъ для него домахъ (см выше стр. 291) и 9 октября получилъ подаренные ему государынею 20.000 р. Многіе курляндскіе дворяне стали ѣздить къ нему въ Ригу, а принцъ Карлъ отправилъ въ Варшаву прошеніе, составленное отъ имени всей Курляндіи, чтобы ему оставаться герцогомъ. Симолинъ донесъ своему двору, что въ Курляндію вошли русскіе полки, возвращавшіеся изъ Пруссіи, и принцъ Карлъ дѣлалъ великія препятствія относительно ихъ продовольствія. Въ отвѣтъ на это представленіе, государыня 17 октября 1762 г. приказала Симолину объявить въ Митавѣ о своемъ аккредитованіи при герцогѣ Биронѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться „тамошніе кирхшпили довести, если не до чрезвычайнаго сеймика, то по меньшей мѣрѣ до какихъ либо братскихъ собраній, въ которыхъ бы могло произойти явное раздѣленіе въ земскомъ правленіи, и мы бы приглашены были къ ихъ соединенію по той протекціи, которую мы всей Курляндіи всегда обѣщали, дабы мы, какъ призванные, могли прямо въ дѣла ихъ вмѣшаться и утвердить тамъ стараго герцога Эрнста-Іоганна“ (Соловьевъ, XXV, 221). Симолинъ вызвалъ изъ кирхшпилей по нѣскольку человѣкъ, но тѣ заявили, что никакъ не возможно собрать ни сейма, ни братской конференціи, пока правленіе въ рукахъ принца Карла, но можно написать привѣтственное письмо государынѣ съ коронаціею и благодарить за освобожденіе стараго ихъ герцога. Бирон съ своей стороны написалъ Симолину, что переговорами съ Польшею ничего нельзя достигнуть, но если государыня рѣшилась возстановить его, Бирона, то слѣдуетъ дѣйствовать „безъ церемоній“. Симолинъ обо всемъ этомъ донесъ государынѣ и прибавилъ, что почти все шляхетство и все мѣщанство желаютъ возстановленія Бирона. Тогда императрица 13 декабря 1762 г. приказала Симолину наложить секвестръ на всѣ доходы принца Карла на томъ основаніи, что онъ, принцъ, отказалъ русскимъ войскамъ въ зимнихъ квартирахъ и продовольствіи. Принцъ Карлъ запретилъ курляндцамъ обращать вниманіе на объявленіе Симолина о секвестрѣ. Вслѣдствіе этого, Симолинъ разослалъ офицеровъ и солдатъ исполнить секвестръ. Чрезъ нѣсколько дней императрица предложила Бирону ѣхать въ Курляндію, а Симолину приказала посовѣтовать принцу Карлу уѣхать изъ Митавы, дабы не подвергнуться личнымъ непріятностямъ. Принцъ отвѣчалъ, что не зависитъ отъ себя, но отъ своего государя родителя, къ которому послалъ за рѣшеніемъ; но онъ все-таки распродалъ мебель и отослалъ изъ Митавы свои экипажи.

30 декабря 1762 г. пріѣхалъ въ Митаву Бирон съ сыномъ Петромъ и былъ благосклонно принятъ дворянами, которыхъ собралось для пріема человѣкъ до 200. Бирон остановился у Симолина, подписалъ универсалы на братскую конференцію, имѣвшую собраться въ Митавѣ 30 января (10 февраля) 1763 г., и въ тотъ же день уѣхалъ обратно въ Ригу. Принцъ Карлъ оставался въ Митавѣ.

10 января 1763 г. Бирон имѣлъ торжественный въѣздъ въ Митаву. За каретой его ѣхало больше 50 каретъ курляндскаго дворянства. Русскій баталіонъ (см. выше стр. 290) встрѣтилъ его барабаннымъ боемъ, музыкою и пушечною пальбою. Симолинъ 11 января, донося императрицѣ объ этой встрѣчѣ, писалъ, что „такой радости и столь великаго удовольствія здѣшній городъ никогда не видѣлъ, ибо все то, что слухъ въ движеніе приводитъ, употреблено при семъ случаѣ столь много, что нельзя было другихъ разговоровъ разумѣть, понеже ко всѣмъ прочимъ упомянутымъ военнымъ инструментамъ и орудіямъ присовокупилось народное восклицаніе и звонъ колокольный съ церквей, хотя сіе звонарямъ отъ принца Карла прещено было“ Бирон остановился въ домѣ купца Фремона, такъ какъ дворецъ былъ занятъ принцемъ Карломъ.

Число дворянъ, представлявшихся Бирону, простиралось до 500 человѣкъ; оберъ-раты и члены придворной партіи, число которыхъ простиралось человѣкъ до 20, не явились. Тогда Симолинъ послалъ сказать оберъ-ратамъ, что императрицѣ пріятно будетъ, если и они окажутъ своему государю уваженіе и любовь. Оберъ-раты отвѣчали, что принцъ Карлъ имъ строго воспретилъ являться къ Бирону и сверхъ того они получили отъ короля Августа III повелѣніе оставаться вѣрными его сыну и не имѣть сношеній съ Бироном подъ угрозою лишенія имущества и жизни, принцу же Карлу король Августъ III приказывалъ не уѣзжать изъ Митавы. Другіе дворяне просили Симолина представить императрицѣ нельзя-ли какъ нибудь заставить принца Карла уѣхать изъ Митавы до начала братской конференціи, ибо его присутствіе во время конференціи причинитъ только замѣшательства, а у оберъ-ратовъ и земскихъ служителей будутъ связаны руки относительно ихъ присяги.

Получивъ донесеніе о томъ Симолина, императрица и прислала Броуну вышеприведенный указъ, на который Броунъ всеподданнѣйше донесъ:

Отъ 31 января 1763 г. Вашего императорскаго величества всевысочайшій за собственноручнымъ подписаніемъ рескриптъ отъ 23 сего мѣсяца о всемилостивѣйшемъ соизволеніи, чтобы съ полученіемъ онаго безъ замедленія ѣхать мнѣ въ Митаву и высочайшимъ вашего

императорскаго величества именемъ его высочеству королевскому принцу Карлу присовѣтовать, дабы онъ, въ разсужденіи всѣхъ благопристойныхъ обстоятельствъ изъ Митавы изволилъ выѣхать, прежде нежели братская конференія тамъ настоять будетъ, я сего числа, по полудни въ 6 часовъ, всеподданнѣйше получилъ, и во исполненіе онаго всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величестра повелѣнія, я въ нынѣшнюю ночь въ Митаву отправляюсь, и что о томъ воспослѣдуетъ, вашему императорскому величеству съ обстоятельствомъ всенижайше рабски донести имѣю.

Отъ 3 февраля 1763 г. Вслѣдствіе всеподданнѣйшей моей реляціи минувшаго января 31 числа отправленной, я имѣю честь теперь всенижайше донесть, что я сего мѣсяца 1 дня предъ обѣдомъ дѣйствительно сюда (въ Митаву) прибылъ и, въ исполненіе всевысочайшаго вашего императорскаго величества имяннаго рескрипта № 1, по свиданіи съ его свѣтлостью герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ, ѣздилъ къ принцу Карлу, и ему при семъ случаѣ все то словесно объявилъ, что предписано въ означенномъ выше имянномъ рескриптѣ, склоняя его и отъ себя сколько возможно къ послѣдованію волѣ вашего императорскаго величества.

Его высочество на то отвѣтствовалъ, что онъ безъ особливаго его величества короля, государя его родителя, указу не можетъ уступить сего мѣста, т. е. здѣшняго герцогства, но долженъ ожидать его соизволенія и резолюціи, кою, съ полнымъ наставленіемъ какимъ образомъ ему точно поступить въ разсужденіи здѣшнихъ дѣлъ, его величество обѣщалъ дать ему послѣ сенатусъ-консиліума, который 28 числа сего февралі по новому стилю начнется и пять дней продолжаться имѣетъ, и потому рѣченный принцъ просилъ, дабы ваше императорское величество не почли въ противность, что онъ не въ состояніи находится по всевысочайшему вашему присовѣтованію немедленно отсюда выбраться, ибо сіе отъ него, какъ выше писано, не зависитъ, а касается резолюціи короля, коему онъ въ повиновеніи себя присягалъ и коего законно слушать обязанъ. Что же принадлежитъ до того, что рыцарство и земство приступили къ сторонѣ герцога Эрнста-Іоганна, и много любви и преданности къ нему являя, желаютъ его надъ собою по прежнему владѣтелемъ имѣть, то и самъ онъ такое превращеніе весьма видитъ и сожалѣетъ, что они столь легко пренебрегли присягу себѣ. Послѣ чего требовалъ, чтобъ я все, мною ему объявленное, на письмѣ подалъ, но я отговаривался отъ того, что не имѣю повелѣнія и вмѣсто письменнаго сообщенія тогда же, все прежде объявленное мною, вторично ему пересказалъ; однако онъ, не удовольствуясь симъ, хотѣлъ прислать ко мнѣ своего секретаря съ запискою, какую онъ по словамъ моимъ сдѣлалъ, и меня прилежно просилъ сличить оную для того паче, дабы онъ могъ безъ ошибки обо всемъ учинить доношеніе королю, что я и исполнилъ, не имѣя въ томъ никакого сумнѣнія.

По окончаніи всего того, онъ меня посадилъ и, разсуждая о превращеніи здѣшнихъ дѣлъ и его судьбины, заключилъ свою мысль, что будто вашему императорскому величеству несправедливо доложены

оныя, но я по пристойности не оставилъ доказывать предъ нимъ, что ваше императорское величество самою справедливостію воздвигнуты на показаніе правосудія герцогу Эрнсту-Іоганну и вообще всей землѣ, и что еще во время бытности моей въ Петербургѣ, чему прошло три года, я самъ удостоился слышать отъ вашего императорскаго величества такое разсужденіе, по коему нынѣ въ самомъ дѣлѣ исполняется, слѣдовательно ваше величество не по докладамъ, но по своему прозорливому и мудрому разсмотрѣнію великодушно похотѣли защитить и сохранить законъ здѣшній, доставить потерянное право обиженному герцогу и показать наипаче свою готовность къ содержанію здѣшнихъ узаконеній и преимуществъ, и къ сему столь тѣсно приступили, что никакіе уже способы не помогутъ отклонить ваше императорское величество отъ вашей основательной резолюціи. Наконецъ на мои слова при прощаніи, что я не буду, можетъ быть, имѣть болѣе чести видѣть его высочество, сказалъ онъ, что не уповаетъ, чтобъ я съ нимъ болѣе не видѣлся, и далъ мнѣ издалека выглянуть сумнительное свое надѣяніе, что мнѣ по сему дѣлу новая коммисія поручена будетъ.

По пріѣздѣ моемъ сюда (въ Митаву), сказывалъ мнѣ вашего императорскаго величества министръ Симолинъ, что братская конференція порядочно уже начата и не безъ выигрыша для его свѣтлости герцога Эрнста-Іоганна видъ кажетъ, потому что собранное шляхетство съ особливою склонностію къ нему на оной поступаютъ, нежели какъ прежде бывало, ни дальнихъ ссоръ, ни въ настоящемъ дѣлѣ помѣшательства и конфузіи, но единодушно стараются, по учиненнымъ со стороны вашего императорскаго величества декларацiямъ и по держанной нынѣ онымъ министромъ предъ депутацiею, отъ нихъ къ нему присланною, увѣщательной рѣчи, окончить всевысочайшее намѣреніе ваше, сопряженное съ собственною ихъ пользою, о чемъ помянутый министръ пространнѣе вашему императорскому величеству доносить будетъ. А я къ сему присовокупляю только то, что изъ показанной братской конференціи сдѣлана мнѣ честь поздравленія съ моимъ сюда прибытіемъ чрезъ нарочную депутацію, въ соотвѣтствованіе чего и я посылалъ въ камору собранія штабъ-офицера возблагодарить за ихъ ко мнѣ атенцію, при чемъ не оставилъ именемъ вашего императорскаго величества присовѣтовать имъ при нынѣшнемъ общемъ дѣлѣ согласно поступать, твердо и постоянно мыслить и свое усердіе и ревность къ тому единственно простирать, дабы благополучное окончаніе настоящихъ трудныхъ обстоятельствъ доставило имъ потомъ спокойствіе и совершенное удовольствіе при владѣніи стараго законнаго ихъ герцога. Впрочемъ, понеже рѣченный министръ Симолинъ, предостерегая вашего императорскаго величества интересъ, не пропуститъ на всегда и обо всемъ вашему императорскому величеству доносить, то я за благо разсудилъ отсюда паки въ Ригу отъѣхать и дальней вашего императорскаго величества на сіе резолюціи ожидать, а между тѣмъ, ежели что здѣсь случится, и часто помянутый министръ Симолинъ меня о томъ увѣдомитъ, я сюда опять пріѣ-

хать могу. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 3 февраля 1763 г.

25.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому генералъ-губернатору Броуну

Хотя мы и повелѣли вамъ рескриптомъ нашимъ, отъ 23 числа сего января, сдѣлать именемъ нашимъ принцу Карлу присовѣтываніе, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Митавы; но понеже не уповательно, чтобъ такое чинимое вами присовѣтываніе возъимѣло желаемый успѣхъ, то въ запасъ отправили мы къ министру нашему въ Митавѣ, статскому совѣтнику Симолину, такое наставленіе, чтобъ онъ обще съ герцогомъ Эрнстомъ — Іоганномъ старался довести до того, чтобъ тамошнее дворянство формальнымъ образомъ адресовалось къ помянутому Симолину, какъ министру нашему, и просило у него нашего вспоможенія въ выпровожденіи принца Карла изъ Митавы. Ежели сіе въ самомъ дѣлѣ воспослѣдуетъ, то повелѣли мы васъ о томъ увѣдомить, а вы имѣете, получа такое отъ Симолина увѣдомленіе, не теряя времени въ перепискахъ, отъ себя послать способную къ тому персону, или же вторично сами ѣхать къ принцу Карлу съ подтвердительнымъ сильнымъ увѣщеваніемъ о выѣздѣ его изъ Митавы, присовокупляя къ тому: «что если онъ еще продолжать станетъ свое упрямство, то вскорѣ неизбѣжно подвергнетъ себя самой крайности, которую уже ничѣмъ поправить будетъ невозможно, ибо курляндское дворянство теперь формально рекламируетъ обѣщанную отъ насъ протекцію общимъ ихъ уставамъ, правамъ и вольностямъ, и проситъ по тому руку помощи и что вы повелѣніе имѣете все то исполнять, что можетъ служить къ покровительству и защищенію законовъ и правъ сосѣдственнаго съ нами герцогства, дабы оное такими внутренними несогласіями и раздорами совсѣмъ не рушилось»

Въ прочемъ повелѣваемъ вамъ генералъ — поручика Штофеля и бригадира Эльмпта смѣнить другими при арміи нашей въ Лифляндіи находящимися генералами, ибо хотя и могутъ они быть добрыми военными людьми, но могутъ не имѣть достойныхъ качествъ обращаться въ такой землѣ, гдѣ интересъ нашъ требуетъ раздѣленія партій и ихъ дѣйствія. Данъ въ Москвѣ, января 30 дня 1763 года. Екатерина. Скрѣпилъ. графъ Михайло Воронцовъ.

На рескриптъ этотъ Броунъ донесъ:

По титулѣ. Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшій рескриптъ отъ 30 минувшаго января № 2 о томъ, когда курляндское дворянство формаль-

нымъ образомъ адресуется къ министру Симолину и будетъ просить у него вашего императорскаго величества вспоможенія въ выпровожденіи принца Карла изъ Митавы, тогда, по увѣдомленію его, Симолина, не теряя времени въ перепискахъ, мнѣ отъ себя о посылкѣ способную къ тому персону или же вторично самому ѣхать къ нему, принцу Карлу, съ подтвердительнымъ сильнымъ увѣщеваніемъ о вышерѣченномъ его изъ Митавы выѣздѣ и о прочемъ, я сего февраля 9 дня, по полудни въ 10 часовъ, всеподданнѣйше получилъ, и по сему вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему соизволенію тотчасъ не оставилъ министру Симолину сообщить, чтобы онъ меня немедленно о томъ увѣдомилъ, почему бъ я могъ ко исполненію всевысойшей воли вашего императорскаго величества учинить надлежащее предпріятіе, но на сіе ничего еще отъ него не получилъ, кромѣ какъ перво писалъ онъ ко мнѣ, что потому не положилъ онъ еще мѣры и не согласился съ его свѣтлостью герцогомъ курляндскимъ и съ рыцарствомъ какимъ наилучшимъ образомъ исполненіе учинить, а какъ скоро я объ ономъ отъ него, министра, увѣдомленіе получу, то конечно всевозможное употребить имѣю стараніе ко исполненію всевысочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія безъ малѣйшаго упущенія.

Въ сходствіе упомяненнаго вашего императорскаго величества всевысочайшаго рескрипта, до полученія онаго, по силѣ имяннаго вашего же императорскаго величества соизволенія, отъ фельдмаршала графа Салтыкова генералу-поручику Штофелю на смѣну генералъ-поручикъ Племянниковъ въ Митаву посланъ, и надѣюсь Штофель сюда въ Лифляндію въ завтрашній день прибудетъ, а генералъ-квартермистръ Эльмптъ, по прибытіи изъ Москвы, также здѣсь въ Лифляндіи останется. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 12 февраля 1763 г.

26.

Нашему генералъ-губернатору Броуну

Нашъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Панинъ читалъ предъ нами письмо ваше къ нему о являющихся у васъ изъ Митавы служивыхъ людяхъ гвардіи принца Карла польскаго. Мы симъ вамъ повелѣваемъ оныхъ людей отпустить, такъ какъ нашъ въ Курляндіи министръ Симолинъ вамъ представляетъ, въ службу герцога курляндскаго Эрнста-Іоганна, если только они сами пожелаютъ принять ту службу; не желающимъ же дозволить остаться, гдѣ и въ какомъ званіи они сами похотятъ въ областяхъ нашей имперіи. Въ прочемъ пребываемъ мы къ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Москва. 1763 года, февраля 4 дня. Екатерина.

Донесеніе Броуна. Всевысочайшій вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ имянной указъ отъ 4 сего мѣсяца, объ отпускѣ являющихся изъ Митавы служивыхъ

людей гвардіи принца Карла польскаго въ службу его свѣтлости герцога курляндскаго Эрнстъ-Іоганна, а не желающимъ о всемилостивѣйшемъ дозволеніи остаться въ областяхъ имперіи вашего императорскаго величества, я вчера всеподданнѣйше получилъ, и по оному вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему соизволенію исполненіе учинить имѣю. Рига, 12 февраля 1763 г.

27.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Генералъ-поручикъ Штофель, по бытности своей въ Митавѣ, и министръ Симолинъ сего мѣсяца 11 дня, по увѣдомленію въ Бовскѣ находящагося генералъ-маіора Фуллертона, писали ко мнѣ, что, за полторы мили отъ Бовска, до 2-хъ тысячъ военныхъ поляковъ находятся и намѣрены они якобы въ Митаву пробраться, почему отъ него, генерала Штофеля, съ министромъ Симолиномъ сдѣлано было въ предосторожность такое учрежденіе, дабы генералъ-маіоръ Фуллертонъ квартирующія около Бовска вашего императорскаго величества войска собралъ и къ проходу въ Митаву тѣхъ поляковъ чинилъ препятствіе, имѣя прежде дружеское совѣтованіе, а когда на то не согласятся и начнутъ вооруженною рукою усиливаться, въ такомъ бы случаѣ все то сдѣлать, что пресѣчь можетъ ихъ предпріятіе, однако, на сіе поступать бы при совершенной крайности, о чемъ я надѣюсь и отъ министра Симолина вашему императорскому величеству донесено. А понеже таковое же извѣстіе я еще прежде ихъ увѣдомленія получилъ и тотъ же часъ съ нарочнымъ къ генералу-поручику Племянникову, который на мѣсто Штофеля въ Митаву уже прибылъ, найстрожайшимъ образомъ предложилъ, чтобы въ Бовскъ и далѣе къ польской границѣ послалъ нарочнаго, который бы о всемъ томъ происшествіи и о ихъ предпріятіи обстоятельно развѣдалъ, а усмотря опасность, нарвскій полкъ около Бовска и нашебургскій въ Добленѣ собрать, и не только онымъ, но и всѣмъ полкамъ въ Курляндіи обрѣтающимся, велѣно быть въ ежечасной исправной готовности и имѣть найкрѣпчайшую предосторожность, чего ради на всѣхъ проѣзжающихъ дорогахъ приказать учредить знатные посты, чтобъ конечно военныхъ вооруженныхъ поляковъ не только въ Митаву, но и въ Курляндію, не впускать. Къ пріумноженію же военныхъ людей въ Митавѣ, копорскому полку, слѣдующему сюда изъ Пруссіи, велѣлъ итти съ поспѣшеніемъ и расположиться въ Митавѣ и около оной, а пока туда не прибудетъ, то изъ нашебургскаго полка въ прибавокъ къ прежнему еще одинъ баталіонъ командировать, да и оной копорской полкъ, когда не завтра, то 14 сего мѣсяца конечно прибудетъ.

А какъ сіе происшедшее извѣстіе мнѣ совсѣмъ было невѣроятно, то я, не утруждая ваше императорское величество, принужденъ ждать въ подтвержденіе новыхъ о томъ извѣстій, однако и понынѣ ничего не получилъ кромѣ того, что въ Митаву польской конницы прибыло только 32 человѣка.

Я, всемилостивѣйшая государыня, изъ вышеписаннаго извѣстія не заключаю никакой важнѣйшей причины, хотябъ ихъ подлинно нѣсколько въ собраніи было, но единственно думаю, что они тѣмъ вознамѣрились либо устрашить курляндцевъ и помѣшать въ высочайшемъ ея императорскаго величества намѣреніи довесть благополучнѣйшаго окончанія о его свѣтлости герцогѣ Эрнстѣ-Іоганнѣ, или же собраніе сіе имѣютъ въ конвой для принца Карла. Однако, я конечно не пропущу такую имѣть предосторожность и всеподданнѣйшее мое стараніе, чрезъ которое отвратить и недопустить намѣреннаго ихъ какого худаго предпріятія, и что объ ономъ воспослѣдуетъ, вашему императорскому величеству безъ всякаго замедленія всенижайше донести имѣю. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 12 февраля 1763 г.

На донесеніе это Броунъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому генералъ-губернатору Броуну

Изъ доношенія вашего отъ 12 числа сего мѣсяца, усмотрѣли мы съ удовольствіемъ, что вы, по причинѣ вступившихъ въ Курляндію польскихъ войскъ, приняли благовременно достаточныя мѣры. Апробуя всемилостивѣйше сей вашъ поступокъ, повелѣваемъ мы вамъ, по приложенной при семъ копіи съ рескрипта нашего, по сей самой стафетѣ къ статскому совѣтнику Симолину отправленнаго, содѣйствовать въ лучшемъ онаго исполненіи, и именно: командировать въ Митаву одного изъ нашихъ въ Курляндіи находящихся генераловъ, который-бы способенъ былъ къ исправленію предписаннаго принцу Карлу комплимента, съ такимъ точно наставленіемъ, дабы оный, во всемъ и не описываясь никуда, поступалъ по требованіямъ помянутаго статскаго совѣтника. Данъ въ Москвѣ, февраля 22 дня 1763 года. Екатерина. Скрѣпилъ. графъ Михайло Воронцовъ.

Копія съ имяннаго рескрипта, отправленнаго въ Митаву къ статскому совѣтнику и министру Симолину 22 февраля 1763 года.

Изъ полученной отъ васъ на стафетѣ реляціи подъ № 17-мъ отъ 10 числа сего мѣсяца, съ крайнимъ удивленіемъ усмотрѣли мы, что королевскій польскій дворъ, упорствуя въ несправедливости своей противъ герцога курляндскаго Эрнста-Іоганна, вздумалъ напослѣдокъ, съ пренебреженіемъ законовъ республики, употребить силу для удержанія, какимъ бы то образомъ ни было, княжествъ курляндскаго и семигальскаго за принцемъ Карломъ саксонскимъ, ибо всемѣрно никто иной въ другомъ намѣреніи не отважился бы вводить туда войска свои. Но какъ мы приняли за правило подкрѣплять герцога Эрнста-Іоганна въ законныхъ его требованіяхъ, то и не хотимъ, ниже мо-

жемъ, сходственно съ достоинствомъ нашимъ, уступить полагаемымъ вопреки отъ польскаго двора страшилищамъ.

Теперь надобно весьма, чтобъ, по принятымъ отъ васъ и отъ генерала Броуна мѣрамъ, противъ явившихся въ Курляндіи польскихъ войскъ рѣшены уже были дѣла между ими и войсками нашими, и конечно сбылось одно изъ сихъ двухъ обстоятельствъ, что поляки либо разбитые, если осмѣлились вступить въ бой, прогнаны назадъ въ Литву, или же и отъ однихъ оказательствъ устрашенныя сами домой пошли.

Въ первомъ случаѣ, т. е. если польскія войска имѣли съ нашими бой, или, по крайней мѣрѣ, противъ курляндцевъ производили какія-либо насильства, повелѣваемъ мы вамъ. 1-ое, герцогу, именемъ нашимъ, точно знать дать, что мы ни чѣмъ не допустимъ отвратить себя отъ подаваемаго ему подкрѣпленія, и чтобъ онъ потому, полагаясь на великодушное наше покровительство, старался токмо о пріобрѣтеніи себѣ любви и преданности отъ курляндцевъ; 2-ое, собранному на братскую конференцію дворянству сдѣлать формальное обнадеживаніе, что мы отнюдь никогда не позволимъ, дабы оное, вопреки вольности и преимуществъ, отъ самой республики утвержденной, малѣйше въ совѣтахъ своихъ о пользѣ отечества утѣсняемо и въ порабощеніе приводимо было, но что паче намѣрены мы защищать всѣхъ вообще и каждаго порознь, доколь они въ должной старому своему государю вѣрности пребудутъ тверды и неподвижны, а дабы напослѣдокъ всѣмъ хлопотамъ сдѣлать совершенный конецъ чрезъ отлучку изъ Курляндіи принца Карла, то лучше всего, дабы герцогъ и дворянство согласились и дѣйствительно чрезъ депутацію, къ вамъ отъ братской конференціи присылаемую, подали на имя наше письменное прошеніе въ такой силѣ, что, какъ принцъ Карлъ причиною былъ столь великихъ и бѣдственныхъ раздоровъ, отъ коихъ не только Курляндіи, особливо нынѣ, по поводу введенныхъ имъ войскъ, угрожается совершенною гибелью, но и республика терпитъ повреждeніе въ фундаментальныхъ своихъ законахъ, то они, основывая всю спасенія надежду на великодушіи нашемъ, и просятъ насъ, какъ о поданіи имъ руки помощи въ защищеніе отъ помянутыхъ войскъ, такъ и о высылкѣ изъ земли принца Карла, дабы тѣмъ изъять изъ среды самой претыканія камень.

Сей послѣдній со стороны герцога и братской конференціи поступокъ нуженъ необходимо, и вы не оставите ничего, чтобъ довести ихъ къ учиненію онаго; а сколь скоро будетъ сдѣланъ въ желаемой для насъ формѣ, то и имѣете вы, по обнадеженіи присылаемой къ вамъ депутаціи о высочайшемъ нашемъ къ герцогу и ко всей землѣ покровительствѣ, объявить отъ имени нашего принцу Карлу чрезъ одного изъ нашихъ генераловъ, котораго генералъ Броунъ назначитъ къ сей коммисіи, что собранное на братскую конференцію дворянство обще со старымъ и однимъ законнымъ своимъ государемъ, признавая

дальнѣйшее его въ Митавѣ пребываніе и для земли и для самой республики вреднымъ, потому что и одна и другая, по причинѣ неосновательныхъ его требованій, приведены въ смятеніе и принуждены въ драгоцѣннѣйшихъ своихъ правостяхъ терпѣть изнуреніе и насильство, просили насъ о поданіи имъ руки помощи противъ введенныхъ для утѣсненія ихъ войскъ и о высылкѣ его изъ Курляндіи, дабы пресѣчь самый злу корень; что мы тѣмъ меньше могли уклониться отъ снисхожденія на просьбу, что, независимо отъ справедливости, обязаны еще и гарантіею 1716 года пещись о сохраненіи въ цѣлости правъ и преимуществъ польскихъ, кои по Курляндіи толь явно ужъ нарушены да и нынѣ не меньше нарушаются; что онъ, принцъ, поступя съ своей стороны призванными въ Курляндію польскими войсками на явныя *противъ нашихъ непріятельства* или *противъ курляндцевъ насильства*, принудилъ насъ тѣмъ приняться равномѣрно за мѣры крайности; что потому мы ему въ послѣдній разъ объявить повелѣли, дабы онъ, для предупрежденія собственно ему непріятныхъ слѣдствій, въ 24 часа непремѣнно изъ Курляндіи выѣхалъ, а инако, если онъ далѣе упрямиться похочетъ, самъ бы себѣ приписывалъ, когда по прошествіи сутокъ взятъ и въ здѣшнюю имперію отвезенъ будетъ.

Мы надѣемся, правда, что толь сильное объявленіе возъимѣетъ совершенный успѣхъ, но, если бы, паче чаянія, принцъ Карлъ, не уважая ничего, далѣе въ Митавѣ оставаться хотѣлъ, въ такомъ случаѣ имѣете вы домъ его обставить карауломъ, не впуская въ оный и не выпуская никого, и потомъ отправить его за границу не сюда, но въ Литву, наблюдая однако весьма, чтобъ должное особѣ его почтеніе нисколько не было пренебрежено, о чемъ не оставите вы и будущимъ въ конвоѣ до перваго польскаго мѣста офицерамъ дать точное и строжайшее наставленіе.

Ежели бы принцъ Карлъ, по учиненіи ему объявленія, сталъ только вмѣсто 24-хъ часовъ требовать къ выѣзду своему двухъ или трехъ дней времени, въ томъ можете вы ему показать удовольствіе.

Въ другомъ обращенія дѣлъ случаѣ, т. е., ежели бы польскія войска вышли изъ Курляндіи, не сдѣлавъ ничего ни противъ нашихъ ни противъ курляндцевъ, имѣете вы только, какъ и въ первомъ, стараться довесть дворянство до учиненія вамъ именемъ герцога и братской конференціи имяннаго прошенія о защищеніи нашемъ, которое, принявъ на доношеніе, надлежитъ вамъ сюда переслать, ибо не можемъ мы принять рѣшительной резолюціи прежде, нежели увѣдомимся объ успѣхѣ повторныхъ генерала Броуна представленій, которому между тѣмъ, при сообщеніи для извѣстія съ сего рескрипта копіи, повелѣли мы отправить, по усмотрѣнію его, въ Митаву одного изъ находящихся въ Курляндіи нашихъ генераловъ съ такимъ наставленіемъ, чтобъ оной, не описываяся никуда, поступалъ по всѣмъ вашимъ требованіямъ.

Съ сего нашего рескрипта сообщена копія послу (въ Варшавѣ) графу Кейзерлингу для его извѣстія.

28.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

По силѣ всевысочайшаго вашего императорскаго величества имяннаго рескрипта отъ 30 января, всеподданнѣйше мною полученнаго ко исполненію, и изъясненнаго во ономъ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества соизволенія въ выпровожденіи принца Карла изъ Митавы, на требуемое мною извѣстіе статскій совѣтникъ и министръ Симолинъ пишетъ ко мнѣ, что онъ, обще съ его свѣтлостію герцогомъ Эрнстомъ-Іоганномъ, сколько ни старались склонить рыцарство и земство, дабы они формально просили у него, министра, помощи вашего императорскаго величества къ выпровожденію изъ Митавы помянутаго принца Карла, однакоже они ни коимъ образомъ на то не согласились, потому что сіе весьма могло бы служить противу ихъ фундаментальныхъ законовъ, и что, вслучаѣ оныхъ нарушенія, они съ основаніемъ опасаются подвергнуть себя гнѣву и достойному наказанію республики польской тѣмъ наибольше, что они съ своей стороны никакого нарушенія ихъ правамъ не учинили. О чемъ вашему императорскому величеству, такъ какъ и министръ Симолинъ, всеподданнѣйше доношу, и для исполненія положеннаго высочайшаго вашего императорскаго величества о томъ соизволенія къ предпріятію другихъ удобныхъ мѣръ ожидать имѣю всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества повелѣнія. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 16 февраля 1763 г.

29.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

По отправленіи всенижайшей моей отъ 12 сего мѣсяца подъ № 5 къ вашему имп. величеству реляціи (см. выше стр. 307), коею всеподданнѣйше донесено было, по увѣдомленію генерала-поручика Штофеля и министра Симолина, а ими, по полученному извѣстію отъ находящагося въ Бовскѣ генералъ-маіора Фуллертона, якобы за полторы мили отъ Бовска до 2-хъ тысячъ военныхъ поляковъ находится и для того о непропускѣ оныхъ не только въ Митаву, но и въ Курляндію, учреждено распоряженіе, нынѣ генералъ-поручикъ Племянниковъ и рѣченной Фуллертонъ рапортуютъ ко мнѣ, да и министръ Симолинъ увѣдомляетъ, что сколько прилежнаго ихъ развѣдыванія о тѣхъ полякахъ ни приложено, только видно, что происшедшее извѣстіе совсѣмъ неосновательно, и можетъ быть разсѣянъ слухъ отъ пришедшихъ въ Митаву 32-хъ человѣкъ военныхъ поляковъ, о которыхъ въ прежней моей реляціи донесено и о коихъ онъ, Симолинъ, пишетъ, что присланы оные отъ литовскаго гетмана Масальскаго на

караулъ къ ихъ сенаторамъ, Платеру и каштеляну Липскому, ибо никакого вѣроятнаго подтвержденія нѣтъ, и къ оправданію онаго нарочно посланные офицеры возвратясь рапортуютъ, что они по польской границѣ не только никакихъ поляковъ въ проѣздѣ ихъ не видали, но и не слыхали ни отъ кого, гдѣ бъ оные собирались, и хотя совсѣмъ никакой нѣтъ въ томъ опасности, однако я приказалъ въ расположенныхъ въ Курляндіи полкахъ, не тревожа ихъ съ квартиръ, для всякаго нечаяннаго случая имѣть всегдашнюю осторожность, и содержать опредѣленные по большимъ дорогамъ пикеты; копорскому полку велѣлъ изъ Митавы слѣдовать сюда, который и въ квартиры около Риги расположенъ быть имѣетъ. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу. Юрій Броунъ. Рига, 16 февраля 1763 г.

Прим. пер. За нѣсколько дней до открытія братской конференціи 30 января (10 февраля), король Августъ III прислалъ въ Митаву своими коммисарами каштеляна Липскаго и сенатора Платера дѣйствовать у курляндскихъ дворянъ въ пользу принца Карла. Симолинъ далъ знать оберъ-ратамъ, чтобы они не сносились съ польскими коммисарами, такъ какъ императрица признаетъ герцогомъ лишь Эрнста-Іоганна и слѣдовательно не можетъ признавать оберъ-ратами тѣхъ, которые служатъ не Эрнсту-Іоганну. Оберъ-бургграфъ немедленно же отправился къ Бирону, но прочіе оберъ-раты пошли къ принцу Карлу, который въ свою очередь именемъ короля требовалъ, чтобы они не повиновались Бирону. Тогда оберъ-раты явились къ Симолину съ заявленіемъ, что они пребудутъ вѣрны Бирону, если только ихъ освободятъ отъ присяги и если императрица прикажетъ имъ оставить принца Карла, которому слѣдовало бы поскорѣе уѣхать изъ Митавы.

Симолинъ, послѣ этого заявленія, отправился къ Липскому и объявилъ ему, что императрица признаетъ курляндскимъ герцогомъ лишь Эрнста-Іоганна. Липскій съ своей стороны сталъ говорить, что онъ уполномоченный у настоящаго принца Карла и удивляется какое право имѣетъ Россія на Курляндію, когда ввела сюда своихъ солдатъ и распоряжается будто въ своей землѣ. Онъ, Липскій, провѣдалъ, что какой-то Биронъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Митаву и видитъ, что съ русской стороны все дѣлается силою, а онъ, кромѣ законовъ, не привезъ съ собою никакого орудія. На это Симолинъ отвѣчалъ, что законы-то и нарушены съ польской стороны, и потому императрица не позволитъ этого нарушенія и не остановится предъ способами, какіе употребляются въ крайнихъ случаяхъ. Липскій на это сказалъ, что будетъ исполнять свои инструкціи.

Чтобы отнять у Липскаго возможность исполнять инструкціи, Биронъ приказалъ запечатать герцогскую судебную камеру и канцелярію, чѣмъ привелъ курляндское правительство въ совершенное бездѣйствіе.

Къ 30 января въ Митаву съѣхалось много курляндскихъ дворянъ, прибыли также литовскій конюшій Забѣлло и польскій генералъ Левицкій съ цѣлію протестовать противъ постановленій конференціи. Забѣлло, предъ открытіемъ конференціи, приказалъ на всѣхъ улицахъ расклеить королевскій рескриптъ, запрещавшій всякія сношенія съ Бирономъ, а Левицкій вручилъ дворянамъ позвы къ суду въ Польшу. Тогда Симолинъ велѣлъ снять съ улицъ рескрипты, Левицкаго выслалъ изъ Митавы, Липскому же велѣлъ напомнить декларацію императрицы и требовать, чтобы онъ не мѣшался въ курляндскія дѣла, до него ни мало не касавшіяся.

Тогда дворяне, по обычаю, въ день 30 января отправились въ церковь и послѣ богослуженія выбрали предсѣдателемъ конференціи преданнаго Россіи барона Гейкинга (изъ Лурбена), а 31 января представились Бирону. Послѣ представленія, послали звать на конференцію оберъ-ратовъ. Явился одинъ оберъ-бургграфъ Оффенбергъ, прочіе не пришли, отговариваясь болѣзнію, но заявили дворянству, что пока принцъ Карлъ въ Митавѣ имъ нельзя быть въ конференціи: пусть дворяне пошлютъ къ королю просьбу разрѣшить землю отъ присяги принцу Карлу. Симолинъ присовѣтывалъ такой просьбы не подавать, а ограничиться заявленіемъ, что Курляндія желаетъ оставаться при польской республикѣ, но не желаетъ имѣть герцогомъ никого другаго, кромѣ Бирона. Всѣ дворяне и оберъ-раты, за исключеніемъ одного, признали Бирона курляндскимъ герцогомъ, а вслѣдствіе такого признанія Биронъ съ первыхъ чиселъ февраля 1763 года и вступилъ въ дѣйствительное обладаніе Курляндіею.

Принцъ Карлъ, не смотря на то, все-таки жилъ въ герцогскомъ дворцѣ, но его дѣло ужо было окончательно проиграно: его гвардейскіе солдаты отстали отъ него (см. выше стр. 306), а военной помощи изъ Польши не было никакой, если не считать 32 человѣкъ,

прибывшихъ въ Митаву для содержанія карауловъ у Липскаго и Платера. Прибытіе этихъ людей надѣлало, однако, тревоги, какъ то видно изъ приведенной выше переписки. Когда дѣло разъяснилось, когда обнаружилось, что изъ Польши никакого войска не прибывало, Броунъ получилъ изъ иностранной коллегіи слѣдующій указъ:

Божіею милостію мы, Екатерина вторая императрицаи самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому генералъ-губернатору Броуну

При другомъ нашемъ рескриптѣ, за собственноручнымъ подписаніемъ нашимъ, сообщается вамъ копія съ посланнаго къ министру нашему Симолину указа, который изготовленъ былъ по первому отъ него полученному извѣстію о приближеніи польскихъ войскъ къ курляндскимъ границамъ, а при семъ слѣдуетъ еще копія съ другаго къ нему-жъ, Симолину, рескрипта, который изготовленъ по полученіи отъ него извѣстія о неосновательности первой вѣдомости о приближеніи польскихъ войскъ. Вы имѣете и ваши потому поступки распоряжать, и пребываемъ къ вамъ въ прочемъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, февраля 22 дня 1763 года. По ея императорскаго величества указу Графъ Михайло Воронцовъ, князь Александръ Голицынъ.

Копія съ имяннаго рескрипта, отправленнаго въ Митаву къ статскому совѣтнику и министру Симолину въ 22-ое февраля 1763 г.

По изготовленіи другаго при семъ слѣдующаго рескрипта на реляцію вашу № 17, получены здѣсь еще реляціи ваши № 18 и 19. Изъ послѣдней усмотрѣли мы, что донесенное обстоятельство о приближеніи польскихъ войскъ къ границамъ Курляндіи явилось совсѣмъ не основательно. А какъ вы примѣтите, что мы реляціею вашею № 17 нѣсколько потревожились, то рекомендуемъ впредь осторожнѣе поступать въ доношеніяхъ вашихъ, а между тѣмъ, что касается до помянутаго другаго нашего рескрипта, то надобно вамъ только исполненіе чинить по послѣднему пункту, а именно, чтобъ довести дворянство до учиненія намъ письменнаго прошенія о защищеніи нашемъ; а прочее все оставите до того времени, когда дѣйствительно случай къ тому настоять будетъ.

Съ сего рескрипта равномѣрно сообщена копія послу нашему графу Кейзерлингу для его извѣстія.

30.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ отъ 22 минувшаго февраля высочайшій указъ въ резолюцію на всеподданнѣйшее мое доношеніе, которымъ, всемилостивѣйше апробуя, повелѣть соизволили, по приложенной при томъ копіи съ

рескрипта вашего императорскаго величества, на стафетѣ къ статскому совѣтнику Симолину отправленнаго, содѣйствовать въ лучшемъ онаго исполненіи, именно командировать въ Митаву однаго изъ находящихся въ Курляндіи вашего императорскаго величества генераловъ, который бы способенъ былъ къ исправленію предписаннаго принцу Карлу комплимента съ такимъ точно наставленіемъ, дабы оный во всемъ, и не отсылаясь никуда, поступалъ по требованіямъ помянутаго статскаго совѣтника, я сего марта 2 дня съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ получить удостоился.

А какъ изъ другаго, полученнаго на сей же почтѣ, особливаго вашего императорскаго величества высочайшаго указа я могъ усмотрѣть, что, по причинѣ неосновательнаго послѣдняго отъ помянутаго Симолина представленія, въ отмѣну другое повелѣніе воспослѣдовало, дабы только единственное исполненіе учинить по послѣднему пункту, и по тому вашего императорскаго величества всевысочайшему указу для того исполненія, по способности, командированъ отъ меня генералъ-маіоръ Фуллертонъ, которому для изъясненія приказано съ часто рѣченнымъ совѣтникомъ Симолиномъ видѣться, и по всѣмъ его требованіямъ чинить исполненіе, о чемъ отъ меня и къ нему, Симолину, знать дано.

Сверхъ того вашему императорскому величеству при семъ пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донесть о полученномъ мною вчерашняго числа отъ рѣченнаго Симолина письмѣ, съ пріобщеніемъ при томъ копіи съ рапорта, поданнаго къ нему отъ находящагося въ Митавѣ рижскаго гарнизона съ баталіономъ подполковника Шрейдера, о нѣкоторомъ происшествіи, послѣдовавшемъ отъ находящихся въ Митавѣ при польскихъ сенаторахъ 40 человѣкъ драгунъ, которые напали на нашъ пикетъ, состоящій на княжеской улицѣ, и, подъ видомъ ссоры между собою, драку съ нашимъ карауломъ сдѣлали и своими тесаками унтеръ-офицеру нашему отрубили у руки два пальца, и голову въ двухъ мѣстахъ и одному солдату въ двухъ же мѣстахъ голову тяжело ранили и о прочемъ, какъ о томъ происшествіи въ письмѣ часто упоминаемаго совѣтника Симолина и въ рапортѣ подполковника Шрейдера пространнѣе изъяснено, со оныхъ къ высочайшему усмотрѣнію всенижайше пріемлю смѣлость при семъ включить копіи, и сколь скоро то письмо мною отъ него, Симолина, получено, тотъ же часъ потому, для надлежащаго и порядочнаго о семъ происшествіи изслѣдованія, отправилъ я въ Митаву рижскаго гарнизона маіора Іордана, которому приказалъ, взявъ къ себѣ для того слѣдствія изъ находящихся тамо полковъ офицера однаго, потребовать и отъ стороны сенаторовъ къ общему разобранію депутата, то происшествіе всепристойнымъ образомъ разобрать, изслѣдовать и ко мнѣ представить, и тако, ежели и о семъ дѣлѣ, иногда еще прежде изслѣдованія, вашему императорскому величеству донесено было, всеподданнѣйше прошу высочайшею резолюціею обождать, доколѣ обстоятельно по изслѣдованіи отъ меня донесено будетъ, а какъ я то слѣдствіе скоро получу, вашему императорскому величеству при всеподданнѣйшей моей реляціи, ни мало не медля, представлю, а при томъ

какое еще отъ польскихъ сенаторовъ о семъ же происшествіи получилъ я генеральное письмо и напротивъ того и отъ меня къ нимъ въ отвѣтъ каково жъ послано, со оныхъ при семъ всеподданнѣйше включаю копію. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. 3 марта 1763 г. Рига.

31.

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому генералъ-губернатору Броуну

Изъ реляціи вашей подъ № 6-мъ (см. выше стр. 311) усмотрѣли мы учиненныя вами распоряженія о непропускѣ въ Митаву военныхъ польскихъ людей. Мы такія ваши распоряженія всемилостивѣйше апробуемъ, рекомендуя однакожъ стараться избѣгать всего того, чтобъ съ нашей стороны поводъ подать могло къ какимъ-либо непріятельскимъ поступкамъ, и пребываемъ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, марта 7 дня 1763 года № 6. Екатерина. Скрѣпилъ. графъ Михайло Воронцовъ.

Донесеніе Броуна: Вашего императорскаго величества всевысочайшій имянной отъ 7 сего мѣсяца № 6 рескриптъ о томъ, что учиненныя мною о непропускѣ въ Митаву военныхъ польскихъ людей распоряженія всемилостивѣйше апробованы, и дабы стараться избѣгать всего того, чтобъ не подать поводъ къ какимъ-либо непріятельскимъ поступкамъ, я всеподданнѣйше 16 сего же мѣсяца получилъ, и по оному вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему повелѣнію непремѣнное исполненіе чинить имѣю, и о томъ отъ меня, къ кому надлежитъ, подтвержденіе сдѣлаю. О чемъ вашему императорскому величеству всенижайше доношу. Рига, 18 марта 1763 г.

32.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Коимъ образомъ изъ находящихся въ Митавѣ при польскихъ сенаторахъ, воеводѣ Платерѣ и кастелянѣ Липскомъ, нѣкоторые драгуны, учиня при нашемъ пикетѣ, какъ видно, умышленную ссору, и не смотря на запрещеніе стоящаго на томъ пикетѣ унтеръ-офицера, такъ отважно поступили, что у него, унтеръ-офицера, у лѣвой руки два пальца своими обнаженными тесаками отрубили, и еще ему и другому солдату головы у каждаго въ двухъ мѣстахъ ранили, о томъ и о прочемъ при томъ происшествіи, по извѣстію статскаго совѣтника и министра Симолина и по рапорту подполковника Шрейдера, сего марта 3 дня вашему императорскому величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено.

Но какъ сей худой поступокъ разсудилъ я тогда для обстоя-

тельнаго извѣстія и усмотрѣнія точно виновныхъ немедленно изслѣдовать, то, по полученіи объявленнаго министерскаго объявленія, отправленъ былъ отъ меня рижскаго гарнизона премьеръ-маіоръ Иванъ фонъ Іорданъ, и велѣно ему объ ономъ, съ опредѣленнымъ съ ихъ стороны депутатомъ, наисправедливѣйшимъ образомъ и на основаніи узаконенныхъ вашего императорскаго величества правъ, порядочно виновныхъ изыскать и свидѣтелей, по тамошнимъ правамъ, подъ присягою запросить, почему онъ, маіоръ Іорданъ, съобща полка нашебургскаго съ поручикомъ Енцихомъ и за депутата отъ его высочества принца Карла опредѣленнымъ саксонскимъ маіоромъ Нетельгорстомъ, а для переводу ему, съ королевско польскимъ военнымъ совѣтникомъ Этулевичемъ, о вышеписанномъ о всемъ изслѣдовалъ и представилъ сіе дѣло ко мнѣ, которое я всеподданнѣйше у сего вашему императорскому величеству на всевысочайшее разсмотрѣніе подношу.

И понеже изъ онаго ваше императорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите, что солдаты вашего императорскаго величества, бывшіе на пикетѣ, ни малою винностію не обстоятъ, ибо оные, противъ таковаго ихъ предпріятія и обнаженныхъ шпагъ, такъ терпѣливы были, что ни одинъ солдатъ своего оружія обнажить не отважился, а оборонялись изъ оныхъ трое кольями, а часовой своимъ ружьемъ, по вышеписанному жъ дѣлу польскіе драгуны и одинъ княжескій рейтеръ, въ допросахъ своихъ къ закрытію своей винности хотя не только въ начатіи ссоры и не признавались, однакоже свидѣтели подъ присягою точно объявили, а особливо латышка Марія, что сіе во первыхъ отъ нихъ произошло: изъ нихъ княжескій рейтеръ Янковскій и польскій драгунъ Чайковскій той квартиры, гдѣ наши пикетные стоятъ, въ сѣняхъ обнажа шпаги и между собою оными винтовались, когда же случившійся въ сѣняхъ пикетный ефрейторъ, запрещая имъ сіе чинить, кликнулъ изъ избы своего унтеръ офицера, то изъ нихъ, драгунъ, подошедъ, онаго унтеръ-офицера рукою напередъ толкнулъ къ стѣнѣ и ранилъ онаго, а наконецъ, распространяя свою злобу обще съ рейтеромъ и еще съ другими. какъ выше донесено, нашихъ обнаженными шпагами рубили По осмотрѣ жь штабъ-лекаря Риттера явилось: вологодскаго полку у фурьера Гринковича у лѣвой руки указательный и средній пальцы до ладони по суставу отрублены, да на головѣ на лбу порублено; у рядоваго Ивана Ширкова на головѣ близъ темя рана до самаго черепа длиною на палецъ, на лбу же порублено и носъ пересѣченъ, да въ лѣвой рукѣ ладонь большаго пальца порублена жъ, и находятся въ митавскомъ госпиталѣ. И хотя въ его лекарскомъ атестатѣ и не показано, какъ опасны тѣ ихъ раны, но прежде отъ него жъ, штабъ-лекаря, поданнымъ министру Симолину рапортомъ засвидѣтельствовано, ежели у рядоваго къ той болѣзни припадка не послѣдуетъ, то въ службѣ быть можетъ, а унтеръ офицеръ въ полевой и гарнизонной службѣ быть неспособенъ, опасности же въ жизни ихъ никакой не состоитъ.

А понеже въ воинскомъ артикулѣ напечатано въ 46-мъ: буде кто противъ караулу или часоваго, такожде патрурира и рунду, шпагу

обнажитъ или на оныхъ нападетъ, или учинитъ онымъ какой вредъ и препятствіе, онаго надлежитъ безъ всякой милости аркебузировать; въ 47-мъ насупротивъ того долженствуютъ караулы, рунды и патрурируры въ своихъ мѣрахъ себя содержать и отнюдь бы сами не дерзали начала и причины къ ссорамъ и къ возмущенію придавать, мимо ходящими съ никакими непристойными поступками и невѣжествомъ къ оному злу побуждать, а если противъ того поступятъ, онаго надлежитъ, по состоянію дѣла и чину тѣхъ особъ, отставленіемъ отъ чину, гоняніемъ шпицъ-рутенъ и жесточѣе наказать. И какъ видно, по тому разсуждая, толь учиненныя не малыя оскорбленія, означенный саксонскій маіоръ Нетельгорстъ, при окончаніи оного слѣдованія, при которомъ на свидѣтельское показаніе никакого уже испроверженія не учинено, просилъ премьеръ-маіора Іордана, чтобы ему съ того дѣла дать копію, которая по моему приказанію, не имѣя въ томъ никакого сомнѣнія, и дана для того, что они при томъ дѣлѣ сами засѣданіе имѣли, но при томъ имъ отъ онаго маіора Іордана, по повелѣнію моему, объявлено, чтобы виновныхъ польскихъ драгунъ и рейтера содержали подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока отъ вашего императорскаго величества всевысочайшее на то соизволеніе воспослѣдуетъ. Отбитыя жъ при той ссорѣ наши три ружья, одинъ штыкъ и одна шляпа, кои въ коммисію были собраны, въ вологодской пѣхотный полкъ возвращены, такожъ и ихъ одна шпага саксонскому маіору Нетельгорсту отдана.

Того ради о вышеписанномъ о всемъ вашему императорскому величеству на всемилостивѣйшее разсмотрѣніе всеподданнѣйше представляю и на сіе всевысочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія ожидать имѣю, а особливо какимъ образомъ требовать отъ польскихъ сенаторовъ сатисфикаціи дать всемилостивѣйшее мнѣ наставленіе. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 12 марта 1763 г.

Въ тоже самое время, 12 марта 1763 г., Броунъ по тому же дѣлу донесъ государынѣ слѣдующее:

По титулѣ: Ваше императорское величество, изъ особливо посланной отъ меня нынѣ всеподданнѣйшей реляціи, всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите всю справедливость и обстоятельное изысканіе о происшедшей въ Митавѣ между нѣкоторыми польскими драгунами и нашими пикетными солдатами ссорѣ. Но какъ къ сей нужной коммисіи опредѣленъ отъ меня былъ достойный и вѣрный отечеству рижскаго гарнизона премьеръ-маіоръ Иванъ фонъ Іорданъ, то оный, по особливой его исправности, и окончилъ сіе съ добрымъ успѣхомъ. И понеже, по прибытіи сюда, объявилъ онъ мнѣ, что польскіе сенаторы, видя неполезный конецъ въ семъ дѣлѣ, вздумали было изыскать и уловить къ своей сторонѣ онаго премьеръ-маіора Іордана, къ коему на канунѣ того дня, какъ дѣло совсѣмъ кончить надлежитъ, а именно сего марта 9 дня, по полудни въ 5 часовъ, прислали бывшаго въ присутствіи съ ними саксонскаго маіора Нетельгорста, который, именемъ своихъ сенаторовъ, а особливо графа Платера, весьма прилежно просилъ его, Іордана, чтобы онъ къ нимъ пріѣхалъ въ его

коляскѣ для нѣкоторой нужды съ ними переговорить, но какъ онъ, выразумя изъ того какое либо ихъ предпріятіе, подъ видомъ якобы ему за дѣлами ѣхать неможно. отъ того отговорился, то онъ, саксонскій маіоръ, усиливалъ своею просьбою, чтобъ ѣхать въ третейское мѣсто и съ ними сенаторами видѣться, однако и при томъ онъ съ почтеніемъ объявилъ свою невозможость. Послѣ того, чрезъ три часа паки отъ рѣченныхъ сенаторовъ пріѣхалъ военный совѣтникъ Этулевичъ и, изъясняя, между прочимъ разговоромъ, сожалѣніе своихъ сенаторовъ, что онъ, маіоръ Іорданъ, къ нимъ не пріѣхалъ, ибо они охотно желали съ нимъ видѣться и имѣть знакомство, а потомъ онъ, Этулевичъ, объявилъ ему и часто подтверждалъ, что польскіе сенаторы, а особливо графъ Платеръ, приказали просить, чтобы онъ, маіоръ, отъ нихъ взялъ подарки, на которые они нѣсколько тысячъ червонныхъ пожалѣть не могутъ, только бъ дѣло ихъ право сдѣлано было. Но какъ онъ, маіоръ Іорданъ, учинилъ отъ себя пристойный отзывъ, что онъ найденной правости ни за милліонъ продать и своей присяги нарушить не можетъ, то онъ, военный совѣтникъ, на то устыдясь, отъ него поѣхалъ. Изъ оныхъ обстоятельствъ, всемилостивѣйшая государыня, можно видѣть, что ихъ сіе дѣло гораздо соболѣзненно, и я, конечно, повѣрю его, маіора Іордана, честной совѣсти, что оное справедливо происходило, ибо онъ мнѣ столько много знаемъ, что еще въ крымскихъ и во всѣхъ турецкихъ, такъ и въ шведскихъ походахъ, вмѣстѣ со мною находился и въ послѣднемъ походѣ получилъ нѣкоторыя раны, будучи тогда въ моемъ полку. По его трудолюбивому и заботливому состоянію имѣетъ особливое достоинство и всегда употребляемъ былъ къ знатнымъ случаямъ, а и здѣсь, по опредѣленіи за имѣющимися ранами въ рижскій гарнизонъ, также употребляется къ исправленію всякихъ нужныхъ коммисіевъ, и сверхъ своей братьи, штабъ-офицеровъ, несетъ многіе излишніе труды. Въ разсужденіи сихъ его достоинствъ и что премьеръ-маіоромъ уже 13-й годъ состоитъ, вашего императорскаго величества всеподданнѣйше рабски прошу изъ высочайшаго матерняго милосердія его, премьеръ-маіора Іордана, за его долговременную и непорочную службу всемилостивѣйше наградить чиномъ и о томъ дать вашего императорскаго величества всевысочайшій указъ, дабы, смотря на то, и прочіе могли поощрить себя къ неусыпнымъ трудамъ и къ простиранію вѣрныхъ заслугъ своему отечеству.

Былъ-ли произведенъ Іорданъ въ подполковники, по этому представленію, неизвѣстно, но на первое донесеніе отъ 12 марта Броунъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

Божіею милостію мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссійская и пр., и пр , и пр.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому генералъ-губернатору Броуну

Мы получили реляцію вашу отъ 12 сего марта съ приложеннымъ слѣдствіемъ, которое по приказу вашему учинено въ Митавѣ по случаю бывшей недавно сосоры отъ польскихъ драгунъ съ нашими на пикетѣ стоявшими солдатами; и усмотря изъ онаго, что солдаты

наши въ той ссорѣ ни мало не виновны, а начата оная отъ помянутыхъ польскихъ драгунъ и одного княжескаго рейтера и доведена до такого злодѣйства, что наши унтеръ-офицеръ да солдатъ при семъ случаѣ жестоко шпагами отъ нихъ порублены, повелѣваемъ вамъ чрезъ сіе какъ у принца Карла, такъ и у находящихся въ Митавѣ польскихъ сенаторовъ, требовать именемъ нашимъ строгой на тѣхъ людей сатисфакціи, давая при томъ знать, что въ недостаткѣ оной по винамъ ихъ мы почтемъ сіе дѣло за публичное возмущеніе; и для того послать вамъ отъ себя къ принцу Карлу и къ сенаторамъ нарочнаго офицера изъ Риги, или употребить къ тому одного изъ обрѣтающихся въ Митавѣ нашихъ офицеровъ съ крѣпкимъ о томъ домогательствомъ; и пребываемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, марта 21 дня 1763 г. № 7 Екатерина.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла изложенъ въ нижеслѣдующихъ донесеніяхъ Броуна:

1) По титулѣ. Вашего императорскаго величества всевысочайшій отъ 21 марта № 7, за собственноручнымъ вашего императорскаго величества подписаніемъ, рескриптъ я всеподданнѣйше 30 того же марта получилъ и, по содержанію въ ономъ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, для требованія строгой сатисфакціи на тѣхъ польскихъ драгунъ и княжескаго рейтера, отъ которыхъ недавно, бывшая въ Митавѣ, ссора начата и доведена до того, что стоявшіе на пикетѣ унтеръ-офицеръ и солдатъ при семъ случаѣ отъ нихъ шпагами порублены, къ его высочеству принцу Карлу и къ находящимся въ Митавѣ польскимъ сенаторамъ тогда же посланъ отъ меня рижскаго гарнизона подполковникъ Шрейдеръ со всѣмъ тѣмъ предписаніемъ, какъ въ помянутомъ рескриптѣ изъяснено. Вслѣдствіе чего и отъ меня къ нимъ писано было, на которое рѣченный подполковникъ отъ 2 сего мѣсяца рапортовалъ мнѣ, что онъ тѣ мои письма принцу Карлу и сенаторамъ польскимъ персонально отдалъ и при томъ высочайшимъ вашего императорскаго величества именемъ помянутой сатисфакціи требовалъ. И на оную сенаторъ Платеръ объявилъ ему, что они со своей стороны должны всякую сатисфакцію учинить по ихъ возможности и власти, и когда на то онъ, подполковникъ, требовалъ изъясненія въ какомъ содержаніи оная быть можетъ, то на то отозвался рѣченный сенаторъ, что имъ учинить иной сатисфакціи не можно, какъ только по три дня троекратно на тѣлѣ наказать яко то палками или фухтелями, а отъ королевскаго принца Карла, чрезъ нарочно присланнаго штабъ-офицера ему, Шрейдеру, объявлено, что отъ его высочества ко мнѣ 3 числа сего мѣсяца писано будетъ, при чемъ и свое намѣреніе изъяснитъ. Но какъ сіе ихъ объявленіе ни мало не сходствуетъ съ высочайшимъ вашего императорскаго величества соизволеніемъ, то къ часто рѣченному подполковнику предложено вторично отъ меня, чтобъ онъ неотступно отъ нихъ требовалъ о учиненіи съ вышеписанными драгунами и рейтеромъ по ихъ военному артикулу конечно строгой сатисфакціи, объявя при томъ имъ, что въ недостаткѣ оной ваше им-

ператорское величество сіе дѣло соизволите почесть за публичное возмущеніе. По отправленіи сего моего предложенія вчерась, каковы я получилъ съ нарочно присланнымъ на письма мои отъ его высочества принца Карла и отъ польскихъ сенаторовъ отвѣтствія, то какъ оныя въ оригиналѣ, такъ и каковы отъ меня къ нимъ отправлены были надлежащія, съ оныхъ копіи на всевысочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе при семъ всенижайше представляю. Рига, 6 апрѣля 1763 г., № 12.

2) По титулѣ. Послѣ отправленія послѣдней моей отъ 6 сего апрѣля № 12 всеподданнѣйшей къ вашему императорскому величеству реляціи о происшедшемъ въ Митавѣ отъ польскихъ драгунъ пикетныхъ унтеръ-офицеру и солдатамъ въ порубленіи оныхъ обстоятельствѣ, опредѣленный отъ меня къ истребованію о семъ дѣлѣ, по силѣ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго повелѣнія, достойной сатисфакціи рижскаго гарнизона подполковникъ Шрейдеръ рапортуетъ мнѣ, что въ Митавѣ обрѣтающіеся польскіе сенаторы, на послѣднее его требованіе, объявили ему: рѣченные виновные польскіе драгуны состоятъ въ полку генерала Радивила и для того произведенное въ Митавѣ слѣдствіе намѣрены отослать для окончанія онаго крихсрехтомъ къ нему, генералу Радивилу, въ городъ Ковно, а потомъ также объявили, что и помянутыхъ польскихъ драгунъ для того окончанія надъ ними кригсрехту и учиненія съ ними чему достойны изъ Митавы отправить хотятъ въ показанную Ковну. О чемъ вашему императорскому величеству для надлежащаго извѣстія всеподданнѣйше доношу. Рига, 14 апрѣля 1763 г.

33.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: его высочество королевско-польскій принцъ Карлъ сего апрѣля 16 дня изъ Митавы въ Варшаву со всѣмъ своимъ дворомъ отправился, и домъ княжескій занятъ для его свѣтлости герцога Эрнстъ-Іоганна, о чемъ я надѣюсь обстоятельно и министръ Симолинъ вашему императорскому величеству доносилъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 19 апрѣля 1763 г. № 14.

Прим. изд. Хотя братская конференція и признала Бирона курляндскимъ герцогомъ, но принцъ Карлъ не хотѣлъ очищать герцогскаго дворца. Биронъ и Симолинъ всячески старались уговорить дворянъ, чтобы они потребовали у принца Карла очищенія дворца и обратились къ императрицѣ съ просьбою о защитѣ, но дворяне не соглашались. Принцъ Карлъ все ждалъ помощи отъ своихъ приверженцевъ; помощи, однако, не было ни откуда. Онъ рѣшился выѣхать изъ Митавы. 15 апрѣля собрались къ нему изъ деревень его приверженцы, числомъ 18; вечеромъ онъ со всѣми ими ужиналъ у старостины Корфъ, гдѣ простился съ ними, увѣряя, что скоро воротится. Утромъ, 16 апрѣля, онъ уѣхалъ, оставивъ въ Митавѣ для охраны своихъ интересовъ Платера и Липскаго. Какъ только принцъ уѣхалъ, подполковникъ Шрейдеръ занялъ дворецъ для Бирона. Сенаторы, Платеръ и Липскій, прожили въ Митавѣ еще мѣсяца три, но видя безполезность дальнѣйшаго пребыванія здѣсь, отправились 15 іюля 1763 г. изъ Курляндіи. Такимъ образомъ только съ этого времени мѣсто для Бирона было совершенно очищено, и онъ явился дѣйствительнымъ курляндскимъ герцогомъ.

34.

Командировка генерала Фуллертона въ Англію.

Господинъ генералъ Броунъ.

Планъ вашъ о посылкѣ въ Англію генералъ-маіора Фуллертона, подполковника Дроммонда и капитана Оттару я съ удовольствіемъ апробую. Извольте безъ упущенія времени по оному дѣломъ самимъ починать, и объявя имъ мой о семъ указъ, снабдить ихъ отъ себя по повелѣнію моему къ тому инструкціею. Денегъ то число, которое въ вашемъ планѣ назначено, извольте держать изъ рижскихъ доходовъ, на счетъ по окончаніи дѣла адмиралтейской суммы, а до окончанія содержать все сіе въ секретѣ. Но при семъ въ отмѣну или дополненіе къ помянутому вашему плану даю вамъ знать слѣдующее: 1. Во флотъ нашъ потребенъ одинъ или два флагмана такихъ, которые въ отечествѣ ихъ установили уже свою репутацію дѣйствительною на морѣ службою. Они же были бы искусны въ морской архитектурѣ и въ экономіи корабельной, а напослѣдокъ могли бы достойными членами быть въ управленіи нашего адмиралтейства и чтобъ, кромѣ своего природнаго языка, говорили или французскимъ, или нѣмецкимъ языками. Таковыхъ качествъ флагманамъ, договоряся въ какомъ чинѣ они въ нашу службу вступить пожелаютъ, можете предписать въ вашей инструкціи, что кромѣ жалованья и пенсіонъ еще они имѣть будутъ, а, ежели они женаты, то женамъ и дѣтямъ умершихъ, по силѣ регламента адмиралтейскаго, опредѣлится половинное и четвертное жалованье. 2. Троихъ капитановъ и двоихъ или троихъ поручиковъ не престарѣлыхъ, но способныхъ въ своемъ искусствѣ и довольно уже на морѣ служившихъ, тѣми же чинами, или смотря по обстоятельствамъ, съ прибавленіемъ однаго чина, они принять могутъ. 3. А сіе, яко главное дѣло, внушите посылаемымъ отъ меня, чтобъ они не то только въ предметѣ имѣли, чтобъ навезти въ мою службу своихъ пріятелей или свойственниковъ, которымъ бы они, яко землякамъ своимъ, послужили собою на пользу только ихъ пристроеніемъ къ мѣсту, въ самомъ же дѣлѣ чтобъ труда на такое дѣло и денегъ потеряно не было напрасно, то они, посланные смотрѣть того должны, что честнымъ офицерамъ приличествуетъ, а при томъ и денежнымъ тогда сверхъ обыкновеннаго жалованья пенсіономъ обнадежить отмѣнитаго искусства флагмановъ можете, но чиновъ имъ сулить не надобно. 4. Переписку-бы они имѣли одни съ вами, а вы секретно меня всегда о всемъ имѣете рапортовать. Екатерина. А требуемые три пашпорта при семъ посылаются. Москва, 4 апрѣля 1763 года.

Донеся 14 апрѣля 1763 г. государынѣ императрицѣ о полученіи этого рескрипта, Броунъ присовокупилъ: «за помянутыми генералъ-маіоромъ, что нынѣ всемилостивѣйше соизволеніемъ вашего императорскаго величества пожалованъ генералъ-поручикомъ и отъ воинской

службы съ пенсіономъ отставленъ, такожъ за подполковникомъ и капитаномъ, нарочные посланы. Съ прибытіемъ сюда, надѣюсь оные чрезъ 10 дней, ко исполненію во всемъ на основаніи всевысочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, по снабженіи къ тому дѣлу принадлежащею инструкціею, въ путь на корабляхъ отправлены быть имѣютъ, при чемъ конечно не оставлю внушить имъ къ совершеннѣйшему исполненію содержаніе изображенныхъ въ помянутомъ всевысочайшемъ вашего императорскаго величества соизволеніи двухъ пунктовъ не предметомъ, но въ самомъ бы дѣлѣ, чтобъ чрезъ то труда и денегъ потеряно не было напрасно. А какова отъ меня дана будетъ о томъ инструкція, со оной таковую жъ на всевысочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе представить имѣю впредь въ неукоснительномъ времени».

Генералъ-поручикъ Фуллертонъ отправился въ Англію 21 мая 1763 г. При отъѣздѣ онъ получилъ на дорогу и другіе расходы 1000 червонныхъ; но подполковникъ Дромондъ и капитанъ Оттара, какъ доносилъ Броунъ государынѣ 24 мая, „въ разсужденіи теперешняго перваго случая и во избѣжаніе напрасныхъ казнѣ вашего императорскаго величества убытковъ, остались", впредь до того времени, когда Фуллертонъ напишетъ, что безъ нихъ въ Англіи ему обойтись нельзя.

Инструкія, данная Фуллертону, была слѣдующаго содержанія:

Понеже нынѣ изъ бывшихъ въ морѣ англійскихъ кораблей уповательно не малое число въ портъ вступить имѣетъ, слѣдовательно бывшіе въ томъ флотѣ отъ адмиралтейства морскіе служители, по тамошнему обыкновенію, должны жалованье получать половинное, а какъ нынѣ во флотѣ ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, есть въ нѣкоторыхъ чинахъ надобность, то о посылкѣ въ Англію для призыву таковыхъ потребныхъ чиновъ ея императорское величество, всемилостивѣйше апробуя мой всеподданнѣйше поданный планъ, всевысочайше повелѣть соизволила начинать сіе самымъ дѣломъ безъ упущенія времени. И понеже по тому плану для вышеписанной посылки назначены отъ меня ваше превосходительство и еще пѣхотныхъ полковъ: рязанскаго подполковникъ Дромондъ, да нарвскаго капитанъ Оттора, и потому моему представленію всемилостивѣйше соизволено о семъ дѣлѣ объявить высочайшій ея императорскаго величества указъ и снабдить васъ къ тому мнѣ отъ себя инструкціею, того ради, по оному высочайшему ея императорскаго величества соизволенію, рекомендую вашему превосходительству исполнить нижеслѣдующее содержаніе.

1.

Во флотъ ея императорскаго величества потребно одинъ или два флагмана такіе, которые въ отечествѣ ихъ установили уже свою репутацію дѣйствительною на морѣ службою; они же-бъ были искусны въ морской архитектурѣ и въ экономіи корабельной, а на послѣдокъ могли-бы достойными членами быть въ управленіи здѣшняго россійскаго адмиралтейства, и чтобъ кромѣ своего природнаго языка говорили или французскимъ, или нѣмецкимъ языками. Ваше превосходительство, по прибытіи въ Англію, таковыхъ флагмановъ изволите какъ можно стараться скрытнымъ и секретнымъ образомъ добрыхъ и вѣрныхъ людей сыскать, и когда таковые достойные и разумные люди, имѣющіе всѣ тѣ качества, какъ выше предписано, особливо дѣйствительно на морѣ въ нынѣшнюю послѣднюю войну добропорядочно служащіе и нѣмецкаго или французскаго языка знающіе, похотятъ вступить въ высокославную ея императорскаго величества

службу, съ таковыми договориться вамъ, въ какомъ чинѣ они въ сію службу вступить желаютъ, и тотчасъ мнѣ дать знать, почему съ высочайшей ея императорскаго величества апробаціи точное о томъ вамъ повелѣніе пришлется безъ малѣйшаго замедленія.

2.

При вышеписанномъ договорѣ, по развѣдываніи, смотря совершеннѣйшее достоинство и въ должностяхъ разумное и отмѣнитое искусство, можете обнадежить ихъ, что имъ сверхъ обыкновеннаго жалованья изъ высочайшей ея императорскаго величества милости, по разсмотрѣніи ихъ достоинства и искусства, опредѣлится пенсіонъ, а ежели они женятся, то женамъ и дѣтямъ умершихъ, по силѣ регламента адмиралтейскаго, давано будетъ половинное и четвертное жалованье, но при томъ только смотрѣть, дабы сихъ отмѣнитаго искусства флагмановъ больше склонять обнадеживаніемъ, какъ выше изъяснено, сверхъ жалованья пенсіономъ, а чиновъ имъ не сулить.

3.

Еще потребно во флотѣ же ея императорскаго величества 3 капитана, 2 или 3 поручика непрестарѣлые, но способные въ своемъ искусствѣ и довольно уже на морѣ служившіе, почему сходно вышеписанному ваше найприлежнѣйшее стараніе имѣете также употребить, дабы вѣрныхъ, достойныхъ и разумныхъ людей пріискать, особливо же тѣхъ, кои дѣйствительно въ нынѣшнюю войну въ морѣ порядочно служили и достойное искуство и прочія добродѣтели оказали; при томъ бы не стары, но молодые люди и не богатые были, и съ таковыми, по ихъ желанію, сдѣлать также договоръ. И при томъ, буде съ тѣми же чинами, ни по какому вашему склоненію, ѣхать сюда не похотятъ, въ такомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, и, когда по вашему развѣдыванію совершенно въ своемъ званіи весьма достойнѣйшіе люди и гораздо знающіе въ морской архитектурѣ и въ экономіи корабельной и однимъ словомъ надежные къ сохраненію высочайшихъ ея императорскаго величества интересовъ предусмотрятся, таковыхъ можете принять съ прибавленіемъ однаго чина, а именно: капитана въ капитаны-жъ командоры, а поручиковъ въ капитаны, и кто именно таковые приняты будутъ и съ какимъ договоромъ, о томъ мнѣ обстоятельно рапортовать; при прибавленіи же сихъ чиновъ, а особливо капитановъ, которые въ трехъ классахъ здѣсь считаются, смотрѣть, дабы не больше, какъ одинъ рангъ по линіи дать.

4.

Но какъ сіе, яко главное дѣло, препоручается вашему превосходительству отъ высочайшаго ея императорскаго величества соизволенія, то, хотя и надѣюсь, что вы по долгу вашему и присягѣ и по вашей по оказанной вѣрности все то исполнить можете, что полезно къ высочайшимъ ея императорскаго величества интересамъ,

однакоже накрѣпко и предварительно рекомендую вамъ сію порученную и секретнѣйшую коммисію исполнить не предметомъ, чтобъ вызвать въ толь высокославную россійскую императорскую службу своихъ иногда пріятелей, или свойственниковъ, которымъ бы, яко землякамъ своимъ, послужить и сдѣлать на пользу только ихъ пристроеніемъ къ мѣсту, но конечно смотрѣть вы должны того такъ, какъ чести вѣрнаго и добраго офицера приличествуетъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ на такіе труды и денегъ потеряно не было напрасно.

5.

Для помянутаго дѣла отправляетесь вы, подъ видомъ якобы вашего желанія въ свое отечество, о чемъ у сего вашъ паспортъ отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ пріобщается, а, хотя ко исправленію объявленнаго дѣла назначены еще съ вами вышеписанные подполковникъ Дроммондъ и капитанъ Оттара, но теперь, на первый случай, во избѣжаніе излишнихъ убытковъ, извольте ѣхать одни на первыхъ возвращающихся въ Англію корабляхъ безъ малѣйшаго замедленія, отнюдь не давая никому о сей вашей посылкѣ знать ни подъ какимъ видомъ и такъ, чтобъ ни одинъ человѣкъ не могъ знать объ ономъ, чего ради содержать сіе въ большомъ секретѣ и единственно считать себя отпущеннымъ въ домъ, о чемъ отъ меня и къ пребывающему при англійскомъ дворѣ министру графу Воронцову писано съ прошеніемъ моимъ, что, ежели вамъ какая будетъ нужда, о томъ бы именно было всякое вспоможеніе, а когда потребны будутъ рѣченные подполковникъ и капитанъ, то извольте ко мнѣ отписать: я тотчасъ ихъ къ вамъ отправлю.

6.

Которые же офицеры при своихъ желаніяхъ быть въ службѣ ея императорскаго величества вступать будутъ въ капитуляцію, со оными контрактъ чинить не меньше, какъ на 6 лѣтъ, а кои въ капитуляцію вступать не будутъ, то объ ономъ имъ неупоминать, и сихъ вѣрныхъ и надежныхъ людей, по прошенію, снабдить на проѣздъ ихъ сюда 3-хъ мѣсячнымъ по ихъ чинамъ жалованьемъ, и велѣть имъ явиться здѣсь у меня, гдѣ надлежащее наставленіе получить могутъ, а ежели они при томъ отправленіи будутъ требовать отъ васъ сверхъ того жалованья еще на проѣздъ до здѣшняго мѣста, то объявить имъ и то, чтобъ обнадежить, что оное имъ здѣсь по прибытіи ихъ совершенно дано будетъ. Какое же симъ чинамъ обѣщать жалованье, о томъ изъ приложенной у сего о опредѣленныхъ окладахъ, кому какое производится, вы данности усмотрѣть изволите, а о порціяхъ, кому сколько оныхъ, а особливо будучи въ морѣ, сверхъ жалованья производится, впредь вамъ знать дано будетъ.

7

Сверхъ вышеписанныхъ надобныхъ офицеровъ, ежели еще таковые же пожелаютъ вступить въ здѣшнюю службу, то, по разсмотрѣ-

ніи и по достовѣрному развѣдыванію ихъ достоинства, когда люди добрые и честные , и въ должности весьма знающіе и разумные, таковымъ можете дать вамъ совѣтъ, чтобъ ѣхали сюда, гдѣ по ихъ достоинству и приняты иногда могутъ быть, однакожъ имъ ничего на проѣздъ не давать, и точно съ ними не договариваться, а кто именно дѣйствительно сюда поѣдутъ объ оныхъ, со изъясненіемъ ихъ качествъ, давать мнѣ знать.

8.

На противу же того, буде такіе люди сюда выѣхать пожелаютъ, которые знатныхъ своихъ заслугъ, будучи въ морѣ, не оказали и сумнительнаго состоянія, оныхъ не токмо къ тому не склонять, но никакого согласія съ ними не имѣть, а совѣтовать имъ противъ ихъ желанія, что они въ здѣшнюю службу, по состоянію полнаго комплекта, приняты не могутъ быть.

9.

По сей порученной коммисіи о происхожденіи всего вышеписаннаго изволите ко мнѣ всегда по часту рапортовать секретно по надлежащей почтѣ, или при вѣрныхъ оказіяхъ и съ вѣрными людьми; во оныхъ рапортахъ писать такимъ образомъ, какъ отъ меня вамъ словесно сказано, дабы сей секретъ въ твердомъ содержаніи состоять могъ.

10.

Будучи вамъ въ тамошнемъ отдаленномъ мѣстѣ во всемъ по немалой тамъ дороговизнѣ и въ разсужденіи, что всѣмъ пріѣзжимъ туда надлежитъ трактироваться неиначе какъ въ трактирахъ, опредѣляется вамъ на то время, пока сія порученная коммисія продолжается, съ дѣйствительнаго туда вашего отправленія двойное жалованье. А подполковника Дроммонду и капитану Оттуру, когда они тамъ будутъ, по 50 червонныхъ на мѣсяцъ и для того при нынѣшнемъ первомъ случаѣ отпускаю вамъ 1000 червонныхъ, изъ которыхъ извольте употреблять, какъ себѣ въ число опредѣленнаго жалованья, такъ на проѣздъ вашъ и на прочія самонужнѣйшія и необходимыя по той коммисіи надобности, и куда сколько и на что именно издержано будетъ, по прибытіи вашемъ сюда, дать мнѣ вѣрный счетъ. А когда сверхъ оныхъ отпущенныхъ денегъ вамъ еще потребно будетъ, то давать отъ имяни моего тамъ векселя и брать сколько надлежитъ, якобы на партикулярную нужду, а я оныя здѣсь (уплачу). Дана мая 20 дня 1763 года.

Фуллертонъ по прибытіи въ Англію, 17 (28) іюня 1763 г. писалъ Броуну изъ Лондона, что имѣлъ дружескій разговоръ съ адмираломъ Гордономъ, его вѣрнымъ пріятелемъ, который заявилъ, что въ настоящее время ни одинъ флагманъ въ русскую службу не пойдетъ: такъ они разжились и разбогатѣли, но можно вызвать на службу въ русскій флотъ хорошихъ капитановъ.

По полученіи этого письма, Броунъ 10 іюля 1763 года донесъ о миссіи Фуллертона слѣдующее :

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше при семъ подношу экстрактъ изъ письма, полученнаго мною вчерась отъ по-

сланнаго въ Англію для извѣстной коммисіи генерала-поручика Фуллертона. Изъ онаго экстракта всемилостивѣйшая государыня усмотрѣть соизволите, что во флотъ вашего императорскаго величества потребныхъ флагмановъ, какъ я и предъ симъ всенижайше доносилъ, сыскать не можно, ибо оные никакимъ образомъ, и какой бы имъ сверхъ жалованья пенсіонъ ни обѣщать, не пойдутъ: для того, что они въ прошедшую войну нажились и теперь имѣютъ великое и неумѣренное богатство, а хотя нѣкоторые флагманы и есть, кои бы сюда ѣхать желали, но въ службѣ вашего императорскаго величества не полезны быть могутъ. И для того, вмѣсто оныхъ, тамошній адмиралъ Гордонъ, генералъ-поручику Фуллертону хорошій пріятель, между дружескихъ разговоровъ, рекомендовалъ и стараться хотѣлъ склонить во флотъ вашего императорскаго величества достойнѣйшихъ, честныхъ и разумныхъ людей изъ капитановъ человѣкъ до 4-хъ, въ томъ числѣ 2-хъ въ контръ-адмиралы такихъ, которые въ особливыхъ эскадрахъ командорами служили и ничѣмъ не хуже искусствомъ и знаніемъ настоящихъ тамошнихъ флагмановъ, но токмо къ произведенію во флагманы по старшинству линіи еще не дошло, а прочихъ капитановъ двухъ или трехъ, сколько потребно, въ здѣшніе командоры. И при томъ объявилъ, что надлежитъ объ отпускѣ ихъ сюда истребовать отъ тамошняго королевскаго двора домогательство, ибо они, безъ позволенія своего короля, сюда выѣхать не могутъ.

Того ради, вслѣдствіе требуемой генералъ-поручикомъ Фуллертономъ резолюціи, вашему императорскому величеству всеподданнѣйше о семъ представляю съ нижайшимъ моимъ прошеніемъ всевысочайшаго вашего императорскаго указа: вышеписанныхъ капитановъ, кои служили командорами, буде они тѣми-жъ чинами во флотъ вашего императорскаго величества итти не пожелаютъ, то флагманами оныхъ дѣйствительно принять, или обнадежить повелѣно-ль будетъ, и на первый случай съ обыкновеннымъ жалованьемъ или съ прибавкою, такожъ сколько человѣкъ изъ капитановъ въ командоры всемилостивѣйше указать соизволите принять, дабы я по сему могъ снабдить рѣченнаго генералъ-поручика Фуллертона надлежащимъ наставленіемъ, а что принадлежитъ до принятія въ простые капитаны и поручики, ежели сыщутся, то, по силѣ даннаго уже мнѣ отъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго соизволенія, исполненіе чинено будетъ.

Когда же ваше императорское величество всемилостивѣйше указать соизволите объ отлучкѣ вышеписанныхъ желающихъ во флотъ вашего императорскаго величества отъ великобританскаго королевскаго двора потребовать дозволеніе, и препоручено будетъ сіе домогательство, ежели чрезъ англійскаго посла Букенгама, то всенижайше рабски прошу всемилостивѣйше повелѣть напередъ дать мнѣ знать недѣли за двѣ, чтобъ я могъ тѣмъ временемъ часто-рѣченному генералъ-поручику Фуллертону сходную съ высочайшимъ вашего императорскаго величества соизволеніемъ дать резолюцію, дабы онъ съ вышеписанными офицерами совсѣмъ договорился, и чтобъ прежде того не могло въ тамошнемъ флотѣ разгласиться, и въ склоненіи потребныхъ чиновъ не послѣдовало бы помѣшательства. А буде къ исхо-

дательству помянутаго домогательства писано будетъ пребывающему при томъ дворѣ вашего императорскаго величества министру, графу Воронцову, то отправленному къ нему съ тѣмъ дѣломъ куреру, также всемилостивѣйше повелѣть ко мнѣ заѣхать, съ которымъ бы я могъ послать обо всемъ, вслѣдствіе вышеписаннаго, надлежащее наставленіе генералъ-поручику Фуллертону.

Впрочемъ я, всемилостивѣйшая государыня, не оставилъ оному генералъ-поручику, по силѣ вашего императорскаго величества даннаго мнѣ высочайшаго указа, довольно подтвердить, чтобы онъ таковыхъ, которые хотябъ и пожелали въ службѣ вашего императорскаго величества быть, но по обстоятельствамъ никакой пользы отъ нихъ получить ненадежно, не только не склонялъ, но никакого согласія съ ними не имѣлъ, опасаясь въ томъ высочайшаго гнѣва вашего императорскаго величества.

Послѣ отправленія этаго донесенія, Броунъ получилъ отъ Фуллертона изъ Лондона отъ 4 іюля новое письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что имѣлъ случай снова бесѣдовать съ адмираломъ Гордономъ, который обѣщаетъ стараться по пріисканію искусныхъ офицеровъ для флота, но при этомъ необходимо получить резолюцію на первое письмо.

Броунъ донесъ о томъ государынѣ 25 іюля 1763 г., отъ которой и получилъ слѣдующій рескриптъ:

Господинъ генералъ Броунъ.

На полученную отъ васъ реляцію слѣдующее даемъ вамъ наставленіе: 1-е. Генералъ-поручикъ Фуллертонъ, сыскавши откровенность надежную въ адмиралѣ Гордонѣ, кажется, не имѣетъ больше нужды содержать при себѣ двухъ нашихъ офицеровъ, которые по представленному отъ васъ первому плану въ такомъ случаѣ были только надобны, чтобъ ихъ во всѣ три аглицкія королевства посылать, и такъ для уменьшенія напрасныхъ издержекъ подполковника и капитана можетъ обратно возвратить въ Россію, а по крайности развѣ одного только при себѣ покинуть, который ему надобнѣ покажется. 2-ое. Онъ же, Фуллертонъ, по изъясненнымъ отъ васъ обстоятельствамъ, необходимо долженъ сообщиться съ нашимъ въ Лондонѣ министромъ графомъ Воронцовымъ о всей своей коммисіи, которому отъ насъ дано повелѣніе, чтобъ онъ во всемъ помогалъ. 3-ье. Что касается до потребныхъ кондицій, то Фуллертонъ одному или двумъ капитанамъ, которые службою пріобрѣли себѣ репутацію и дѣйствительно командовали эскадрами безспорно, а сверхъ своей практики разумѣютъ достаточно морскую науку и имѣютъ свѣдѣнія о внутреннемъ экономическомъ управленіи адмиралтейства аглицкаго флота, чтобъ, познавъ наши обряды, могли съ пользою быть посажены членами въ коллегію нашу, и были бы люди постояннаго поведенія и добронравные, обѣщать можетъ имъ чины контръ-адмиральскіе. 4-ое. Равнымъ же образомъ Фуллертонъ обѣщать имѣетъ при пріемѣ въ службу повышеніе чинами одному или двумъ капитанамъ въ капитанъ-командоры, одному или двумъ поручикамъ въ капитаны, одному или двумъ субалтернамъ въ поручики, которые бы всѣ имѣли также вышеобъявленныя качества,

по препорціи ихъ лѣтъ и службы, хотя бы потому и не имѣли случая сами командовать эскадрами, но только бы могли оное обѣщать признанными въ публикѣ достоинствами. 5-ое. Если необходимо надобно будетъ давать имъ на проѣздъ деньги, то и то, по усмотрѣнію, Фуллертонъ аккордовать можетъ или обѣщать заплату ихъ пути на мѣстѣ. 6-ое. Но если между сими людьми, а особливо между рекомендованными въ флагманы, найдется такой, который бы сверхъ службы и достоинствъ искусства своего имѣлъ открытый разумъ, слѣдовательно человѣкъ-бы былъ рѣдкихъ достоинствъ въ ремеслѣ своемъ, таковому сверхъ обыкновеннаго флагманскаго по чину трактамента, ежели инако не возможно его будетъ въ службу достать, можетъ обѣщать и особливую пенсію. 7-ое. Сверхъ сего съ удостовѣреніемъ можетъ Фуллертонъ обѣщать и всѣмъ прочимъ офицерамъ, что по нашимъ государственнымъ уставамъ, въ случаѣ ихъ смерти, жены ихъ и дѣти получать будутъ нѣкоторую часть изъ окладнаго по чинамъ жалованья въ пенсію. Въ прочемъ понеже наше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ сыскать и принять въ службу къ намъ добровольно желающихъ людей, то съ нашей стороны домогательству не прежде быть надлежитъ, какъ тѣ офицеры сами о томъ просить у двора своего станутъ, а имъ какое либо затрудненіе въ томъ чиниться будетъ, о чемъ мы пространнѣе нашему министру графу Воронцову предписали. Екатерина. Августа 1-го 1763 года.

Получивъ этотъ рескриптъ, Броунъ послалъ 5 августа копію съ онаго генералу Фуллертону для исполненія, а 6 августа, донесъ государынѣ о полученіи вышеприведеннаго рескрипта, присовокупивъ:

Оное всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества высочайшее повелѣніе, кромѣ перваго и шестаго пунктовъ, во всемъ сходственно помянутому Фуллертону отъ меня послано съ найкрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобы онъ порученную ему коммисію въ сысканіи и включеніи въ службу вашего императорскаго величества потребныхъ офицеровъ, имѣющихъ таковыя качества, какъ во всемилостивѣйшемъ вашего императорскаго величества указѣ предписано, исполнилъ самымъ дѣломъ со всевозможнымъ стараніемъ.

Что же принадлежитъ до перваго пункта, дабы прежде назначенныхъ по плану подполковника и капитана обратно въ Россію возвратить, то какъ отъ меня вашему императорскому величеству всеподданнѣйше предъ симъ донесено (см. выше стр. 322), оные офицеры какъ подполковникъ Дромондъ, такъ и капитанъ Оттара, съ генералъ-поручикомъ Фуллертономъ, во избѣжаніе напрасныхъ казнѣ вашего императорскаго величества убытковъ, въ Англію отправлены не были, а находятся при своихъ полкахъ. А шестой пунктъ, по которому всемилостивѣйше повелѣно желающимъ въ службу вашего императорскаго величества, сверхъ обыкновеннаго жалованья, обѣщать особливую пенсію, ежели инако невозможно будетъ достать, какихъ именно обстоятельствъ генералъ-поручику Фуллертону не предписалъ, о томъ, когда я, по посланному сего числа прошенію, отъ правитель-

ствующаго сената получу повелѣніе, для потребныхъ по здѣшней коммерціи и о прочихъ нужныхъ дѣлахъ персональныхъ представленіевъ, на малое время отъѣхать въ С.-Петербургъ, то объ ономъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше изустно донести имѣю.

—

Прим. изд. По полученіи вышеприведеннаго донесенія, государыня немедлено же написала тогдашнему генералъ-прокурору Глѣбову (см. Сб. Рус. Ист. Общ. VII), о скорѣйшемъ разрѣшеніи отпуска Броуну, дабы онъ могъ прибыть въ Петербургъ до наступленія осени. Разрѣшеніе было дано, и Броунъ въ концѣ августа 1763 г. былъ уже въ Петербургѣ.

Главный вопросъ, по которому онъ прибылъ въ столицу, былъ вовсе не привлеченіе въ русскую службу англійскихъ морскихъ офицеровъ, а вопросъ, живо интересовавшій въ то время императрицу, о подъемѣ рижской торговли, значительно упавшей съ семилѣтней войны, и объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, въ томъ числѣ и доходовъ таможенныхъ. Въ Ригѣ съ 1758 г. внутренняя таможня была сдана на откупъ въ теченіе 6 лѣтъ оберъ-инспектору Шемякину, но онъ оказался неисправнымъ откупщикомъ, оказался въ „безпорядочномъ правленіи". Вслѣдствіе этого сенатъ еще въ августѣ 1762 г. сдѣлалъ распоряженіе о принятіи въ казенное вѣдомство всѣхъ портовыхъ таможенныхъ сборовъ, за тѣмъ запросилъ Броуна какія именно причины обусловили упадокъ рижской торговли. Броунъ донесъ, что торговля въ Ригѣ упала во 1-хъ отъ соперничества курляндцевъ и пруссаковъ, а во 2-хъ отъ безпорядочнаго внутренняго управленія. По докладѣ о томъ государынѣ, состоялось 17 апрѣля 1763 г. (П. С. З. № 11798) высочайшее повелѣніе учредить въ Ригѣ, подъ предсѣдательствомъ Броуна, коммисію по рижской коммерціи, которая составила бы уставъ для этой коммерціи. Членами въ коммисію было повелѣно назначить: динаминдскаго инспектора (управляющаго таможнею) Даля и по два человѣка, по выбору Броуна, отъ лифляндскихъ дворянъ (изъ ландратовъ), отъ нѣмецкихъ и отъ русскихъ купцовъ. Коммисія была составлена, но дѣло, однакоже, плохо подвигалось впередъ. Броунъ желалъ измѣнить составъ коммисіи, о чемъ лично и началъ ходатайствовать въ Петербургѣ. Онъ доложилъ сенату, что учрежденіе коммисіи съ двумя ландратами и съ двумя членами отъ купечества русскаго и нѣмецкаго не достигаетъ своей цѣли, а лучше бы составить коммисію такимъ образомъ, чтобъ въ ней, подъ главнымъ его, Броуна, надзоромъ, предсѣдательствовалъ кол. сов. Щербачевъ, да былъ назначенъ изъ рижскаго магистрата членъ, знающій законы и коммерцію, да динаминдскій инспекторъ Даль. Но если вмѣсто Щербачева выбрать другого, то необходимо выбрать человѣка знающаго и коммерцію и нѣмецкій языкъ.

Обсужденіе вопроса о коммисіи было назначено въ сенатѣ на 10 сентября. Государыня въ этотъ день сама присутствовала въ сенатѣ, куда былъ приглашенъ и Броунъ. По докладѣ государынѣ содержанія ходатайства Броуна (онъ во время доклада находился въ другой комнатѣ и въ сенатское присутствіе допущенъ не былъ), государыня повелѣла учредить коммисію, какъ ходатайствуетъ Броунъ, сенату опредѣлить въ нее русскаго члена, предсѣдателемъ чтобы непремѣнно былъ „природный русскій", коммисіи же дѣлать порядки, сообразные съ „полезностями Россіи". По отбытіи государыни изъ сената, сенаторы пригласили Броуна въ присутствіе и предложили ему объяснить почему именно онъ устраняетъ изъ коммисіи членовъ отъ русскаго купечества и отъ дворянства (ландратовъ). Броунъ отвѣчалъ, что ландратовъ слѣдуетъ исключить потому, что они „въ коммерціи не свѣдущи", а русскихъ купцовъ потому, что они о „важности рижскаго торга понятія не имѣютъ" Сенатъ, по выслушаніи объясненій Броуна, приказали: учредить коммисію, какъ представлялъ Броунъ, но въ составъ членовъ ея прибавить: двухъ депутатовъ отъ земства (дворянства) и двухъ русскихъ купцовъ, именно: вяземскаго купца Ивана Барышникова и масальскаго Антона Хлюстина.

Указъ о составѣ коммисіи состоялся 30 сентября 1763 г. (см. П. С. З. № 11940). Уставъ о рижской коммерціи былъ разработанъ этою коммисіею и получилъ высочайшее утвержденіе въ 1765 г. (см. П. С. З. №. 12518).

По возвращеніи въ Ригу, Броунъ вошелъ къ государынѣ съ слѣдующимъ донесеніемъ отъ 8 октября 1763 г.

Послѣ отправленной отъ меня отъ 6 минувшаго августа къ вашему императорскому величеству всеподданнѣйшей моей реляціи, генералъ поручикъ Фуллертонъ изъ Лондона сентября по старому отъ 7, а по новому штилю отъ 18, пишетъ ко мнѣ:

1. По порученной ему коммисіи, въ исполненіе всевысочай-

шаго вашего императорскаго величества повелѣнія, подъ рукою вѣрнѣйшихъ людей во флотъ вашего императорскаго величества весьма способнѣйшихъ англійскаго флота морскихъ офицеровъ до 8 человѣкъ разнаго званія, въ томъ числѣ и двухъ во флагманы, дѣйствительно сыскалъ, и по достовѣрному засвидѣтельствованію тамошняго адмиралтейства, особливо адмирала Гордона и другаго вице-адмирала, которые и порукою въ томъ, что оные офицеры не только совершенное достоинство, но и добрые кондуиты имѣютъ, ихъ, офицеровъ, совсѣмъ склонилъ и договорился.

2. А какъ оные офицеры сами собою того своего желанія объявить у своего великобританскаго королевскаго двора объ отпускѣ ихъ въ службу вашего императорскаго величества просить не смѣютъ, то принуждены ожидать единственно только того, дабы было при ихъ дворѣ домогательство, по которому бы, какъ скоро въ ихъ адмиралтействѣ дозволеніе дастся, они могли объявить то свое желаніе и ѣхать сюда безъ всякаго продолженія, а безъ того имъ дѣйствительно оттуда отправиться невозможно.

3. Пребывающій въ Лондонѣ вашего императорскаго величества министръ графъ Воронцовъ, хотя высочайшій рескриптъ имѣетъ, но потому всемилостивѣйше повелѣно домогательство объ оныхъ офицерахъ учинить ему въ такомъ случаѣ, когда, паче чаянія, великобританскій королевскій дворъ таковымъ желающимъ о вступленіи въ службу вашего императорскаго величества не дастъ дозволенія.

По таковымъ обстоятельствамъ, всемилостивѣйшая государыня, остается теперь, чтобы помянутому графу Воронцову отъ великобританскаго двора о вышеписанномъ учинить домогательство, ежели оное всемилостивѣйше соизволено будетъ, ибо генералъ поручикъ Фуллертонъ о тѣхъ желающихъ офицерахъ ему, Воронцову, объявилъ и съ нимъ обо всѣхъ, по той порученной коммисіи ко исполненію всевысочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія, переговорилъ съ нимъ. Онъ, Фуллертонъ, въ разсужденіи тамошней во всемъ дороговизны, дабы не имѣть напрасно казнѣ вашего императорскаго вевичества убытковъ, и что, по дальности того мѣста, требуемой резолюціи не ближе какъ чрезъ три мѣсяца получить можно, отправился въ Ригу сухимъ путемъ и, по прибытіи сюда, о вышеписанномъ обстоятельно донести имѣетъ. Того ради, объ ономъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу и позволено-ль будетъ часто рѣченному Фуллертону, какъ скоро онъ сюда прибудетъ, для того всеподданнѣйшаго доношенія къ вашему императорскому величеству въ С. Петербургъ ѣхать, о томъ имѣю ожидать вашего императорскаго величества указа.

Вскорѣ послѣ отправленія этого донесенія, Броунъ получилъ изъ Лондона отъ Фуллертона новое письмо отъ 12 (23) сентября, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что, по совѣту адмирала Гордона и другихъ знакомыхъ адмираловъ, онъ, Фуллертонъ, остался въ Лондонѣ впредь до окончанія своего дѣла, такъ какъ желающіе вступить въ русскую службу морскіе офицеры могутъ, вслучаѣ отъѣзда Фуллертона, отказаться отъ своего намѣренія вступить въ русскую службу, и потому необходимо поручить графу Воронцову, чтобы онъ немедленно же вошелъ въ сношеніе съ англійскимъ правительствомъ о дозволеніи морскимъ офицерамъ, съ которыми велись переговоры, перейти въ русскую службу. Донеся о томъ 11 октября императрицѣ, Броунъ присовокупилъ:

Въ томъ же письмѣ онъ, Фуллертонъ, представляетъ по высочайшему вашего императорскаго величества указу, всемилостивѣйше повелѣно одному или двумъ капитанамъ такимъ обѣщать контръ-адмиральскіе чины, которые службою пріобрѣли себѣ репутацію и дѣйствительно командовали эскадрами безпорочно, а понеже изъ оныхъ капитановъ, который бы въ прошедшую войну полною эскадрою командовалъ, ни одного изъ желающихъ нѣтъ, а есть такіе, кои не съ цѣлыми эскадрами, но съ двумя или тремя и больше кораблями наряжены были и оными командовали, и въ такомъ случаѣ онъ сомнѣвается: надлежитъ-ли симъ послѣднимъ, при принятіи ихъ дѣйствительно въ службу, контръ-адмиральскіе чины обѣщать.

Того ради, оное на всевысочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе всеподданнѣйше подношу и по требованію рѣченнаго генералъ-поручика Фуллертона, чтобъ я могъ его подлежащею резолюціею снабдить, вашего императорскаго величества всенижайше прошу опредѣлить меня высочайшимъ указомъ:

1. Когда всемилостивѣйше соизволено будетъ министру графу Воронцову, въ разсужденіи предписанныхъ обстоятельствъ, о рѣченныхъ офицерахъ учинить при тамошнемъ дворѣ надлежащее домогательство, то принятыхъ въ службу вашего императорскаго величества офицеровъ сухимъ путемъ или весною водяною коммуникаціею отправить повелѣно будетъ, слѣд. и онъ Фуллертонъ, по окончаніи той комисіи, можетъ-ли сюда тогда ѣхать, не ожидая уже болѣе повелѣнія.

2. На проѣздъ тѣхъ офицеровъ и на прочее довольствіе, ежели они совсѣмъ въ службу примутся, требованную имъ, Фуллертономъ, денежной казны суммы 2000 ефимковъ чрезъ англійскихъ купцовъ Вели и Фризеля къ нему въ Лондонъ переслать также повелѣно ль будетъ.

3. Изъ рекомендованныхъ капитановъ двухъ, кои не цѣлою эскадрою, но нѣсколькими кораблями, какъ было донесено, командовали, однакоже, достаточно разумѣющихъ морскую науку и достойнѣйшаго поведенія людямъ, контръ-адмиральскіе чины одному или двумъ обѣщать всемилостивѣйше соизволите ли приказать.

О томъ обо всемъ ожидать имѣю всевысочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія.

На оба эти донесенія Броунъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

Господинъ генералъ Броунъ.

Отвѣтствуя на реляціи ваши отъ 8 и 11 сего октября, касающіяся до коммисіи генералъ-поручика Фуллертона, снабдѣваемъ мы васъ нижеслѣдующими резолюціями, о которыхъ надлежитъ вамъ дать ему знать по полученіи сего немедленно.

Понеже пріисканные имъ въ службу нашу 6 морскихъ офицеровъ и 2 флагмана желанія своего о томъ правительству тамошнему сами собою объявить и объ отпускѣ своемъ просить не смѣютъ, то приложеннымъ при семъ рескриптомъ повелѣвается министру нашему графу Воронцову, переговоря съ нимъ, Фуллертономъ, учинить о

томъ чрезъ министерство тамошнее пристойное и удобовозможное домогательство.

Мы желалибъ, чтобъ о настоящихъ чинахъ тѣхъ, въ службу нашу вступить желающихъ, офицеровъ и флагмановъ, такожъ на какихъ кондиціяхъ они къ тому склонились, прислалъ Фуллертонъ обстоятельное извѣстіе. И для того подтвердить вамъ ему, чтобъ для сходной съ намѣреніемъ нашимъ пользы были они люди тѣхъ качествъ, о которыхъ ему предъ симъ чрезъ васъ уже предписано.

И какъ вмѣсто одного флагмана пріискано имъ двое, то и нѣтъ уже нужды чинъ контръ-адмиральскій обѣщать кому либо изъ тѣхъ офицеровъ, развѣ бы одинъ изъ двухъ флагмановъ выѣхать сюда иногда раздумалъ, или по какому препятствію отпущенъ оттуда быть не могъ, и тогда въ семъ только случаѣ искуснѣйшему и достойнѣйшему капитану позволяемъ обѣщать чинъ капитана-камандора.

Когда о вступленіи въ службу нашу получатъ они отъ двора своего позволеніе, то за полезное признаваемъ мы, чтобъ не оставаясь въ Лондонѣ до будущей весны, отправились они сюда, какъ наискорѣе, сухимъ путемъ, дабы будучи уже здѣсь на мѣстѣ могли чрезъ нынѣшнюю зиму нѣсколько спознать обряды здѣшней морской службы и, присмотрясь къ онымъ, пріобыкнуть заблаговременно.

На требованныя генералъ-поручикомъ Фуллертономъ, для ихъ отправленія сюда, двѣ тысячи ефимковъ, прилагается при семъ для пересылки къ нему на оную сумму вексель.

Фуллертону самому до окончанія сей порученной ему коммисіи въ Лондонѣ остаться, и тогда, или одному напередъ, или же съ тѣми офицерами прямо сюда ко двору нашему ѣхать можно.

Вы не оставите въ прочемъ, при подтвержденіи данныхъ ему прежнихъ наставленій, прилежно рекомендовать ему, чтобъ, радѣя о существительной въ семъ дѣлѣ интересовъ нашихъ пользѣ, принялъ такихъ людей, кои бы какъ персональными качествами своими и достоинствами, такъ и дѣйствительною ихъ службою, намѣренію нашему совершенно соотвѣтствовать въ состояніи были. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 21 октября 1763 г

Копію съ этого рескрипта Броунъ послалъ 29 октября 1763 г. къ Фуллертону для руководства и исполненія, и о томъ донесъ императрицѣ въ тотъ же день 29 октября.

35.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ!

Ежели морскимъ или сухимъ путемъ пріѣдетъ въ Ригу нѣкоторый французъ, называющійся марки де Сенъ-Симонъ (marquis de St.-Simon), то, не пропуская его сюда ни подъ какимъ видомъ, немедленно вышлите его обратно заграницу Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 16 октября 1763 г

О полученіи этого рескрипта Броунъ донесъ императрицѣ 22 октября 1763 г. Маркизъ Сенъ-Симонъ въ Ригу не являлся.

36.

Указъ нашему генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-гуоернатору Броунў

Прилагая при семъ знаки ордена святаго Александра Невскаго, повелѣваемъ мы вамъ вручить оные королевскому польскому каммергеру графу Гуровскому, сколь скоро онъ прибудетъ отсюда въ Ригу, препровождая пристойными увѣреніями о высочайшемъ нашемъ къ нему благоволеніи и о надеждѣ, которую мы имѣемъ, что онъ сію нашу милость всегда съ благодарностію признавать и заслуживать стараться будетъ. Екатерина. Скрѣпилъ. князь Александръ Голицынъ. Въ С.-Петербургѣ, октября 25 дня 1763 г

О полученіи этого указа Броунъ писалъ 1 ноября, и за тѣмъ 12 ноября 1763 г. донесъ государынѣ слѣдрющее:

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: королевскій польскій камергеръ, графъ Гуровскій, вчера сюда прибылъ и всемилостивѣйше пожалованные и ко мнѣ сюда предъ симъ присланные знаки ордена св. Александра Невскаго ему, графу Гуровскому, мною вручены, которые и возложилъ на себя со всенижайшимъ благодареніемъ, при чемъ я, по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества соизволенію, не оставилъ изъяснить ему, съ пристойнымъ увѣреніемъ, о высочайшемъ вашего императорскаго величества благоволеніи и о щедро-матерней къ нему милости, кою онъ съ великимъ благодареніемъ признавать и заслуживать стараться долженъ.

37

О монахинѣ кульмскаго бенедиктинскаго монастыря Луизѣ Элеонорѣ фонъ Эссенъ.

Кульмъ, по польски Хелмъ, Хелмно, есть старинный городъ Восточной Пруссіи. Построенный у Вислы, онъ въ настоящее время составляетъ главный городъ Кульмскаго уѣзда Маріенвердерскаго округа. Въ 1243 г., послѣ утвержденія на Вислѣ рыцарей тевтонскаго ордена, въ этомъ городѣ было учреждено епископство. Въ 1466 году городъ Кульмъ вмѣстѣ съ кульмскою землею, перешелъ подъ власть Польши, а въ 1773 году, послѣ перваго раздѣла Рѣчи Посполитой Польской, достался въ руки Пруссіи. Въ Кульмѣ находился католическій женскій бенедиктинскій монастырь. Во время семилѣтней войны, вся Восточная Пруссія была занята русскими войсками и жители приведены къ присягѣ на русское подданство. Въ важнѣйшихъ изъ новозавоеванныхъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Кульмѣ, были поставлены для содержанія карауловъ русскіе гарнизоны. Въ составѣ кульмскаго гарнизона находился квартирмейстеръ Кронъ, который познакомился съ хелменскими бенедиктинскими монахинями и увезъ одну изъ нихъ. Это похищеніе и послужило поводомъ къ слѣдующей офиціальной перепискѣ, изъ которой обнаруживается, кто была эта монахиня и какъ устроилась ея судьба по прибытіи въ Россію.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ рижской губернской канцеляріи.

Находящійся здѣсь польскій коронный мечникъ, князь Любомирской, письменно далъ знать, что тому болѣе года какъ постриженъ-

ная въ кульмскомъ монастырѣ монахиня, именуемая Луиза фонъ Эссенъ, будучи подговорена находившимся тогда въ россійской арміи квартирмейстеромъ Крономъ, тайно ушла за нимъ, а оттуда въ Кенигсбергъ, послѣ чего отослалъ онъ ее изъ сего послѣдняго города въ Ригу, къ одному вдовцу, называвшемуся Гунтъ фонъ Залесъ, разстояніемъ отъ Риги въ двухъ миляхъ, и просилъ онъ, князь Любомирской, именемъ епископскаго собранія, дабы оную монахиню у означеннаго фонъ Залеса заарестовать, и отдать ее тому, кто отъ кульмскаго епископа для отвезенія ея обратно въ монастырь присланъ будетъ; а понеже неизвѣстно, подлинно-ли оная монахиня у упомянутаго Гунта фонъ Залеса находится, того ради надлежитъ отъ рижской губернской канцеляріи безъ разглашенія и подъ рукою навѣдаться подлинно-ли она у Залеса живетъ, и буде у него, то искусно ей присовѣтовать, чтобы она заграницу выѣхала, а между тѣмъ обо всемъ сюда доносить. Подписалъ. князь Александръ Голицынъ. Въ Москвѣ, 28 ноября 1762 г

Губернская канцелярія освѣдомилась; при чемъ оказалось, что бывшая монахиня Луиза Элеонора фонъ Эссенъ дѣйствительно проживала подъ Ригою и когда ей присовѣтовали выѣхать куда либо за границу, то она уѣхала изъ Риги въ Курляндію, а тамъ вышла за мужъ за бухгалтера рижской губернской камеры Якова Рейнгольда Баумгартена. Генералъ-губернаторъ Броунъ цѣлый годъ не отвѣчалъ на вышеприведенный указъ иностранной коллегіи и только, когда кульмскій епископъ сталъ неотступно требовать у него выдачи бывшей кульмской монахини, донесъ 23 ноября 1763 г. за № 2004 въ иностранную коллегію, что кульмскій епископъ требуетъ, „дабы ее подъ карауломъ къ нему выслать, и хотя я, говоритъ Броунъ, отвѣтствовалъ ему, епископу, что о ней никакого извѣстія, гдѣ живетъ, не имѣю, но сомнѣваюсь, чтобы, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, не возобновилъ бы онъ, епископъ, то свое требованіе къ ея императорскому величеству, что въ разсужденіи сего ей было подъ рукою сказано, чтобы она куда нибудь отлучилась, но она на то не согласилась, а подала челобитную ея императорскому величеству, которая при семъ прилагается".

Челобитная была подана на нѣмецкомъ языкѣ и гласила въ современномъ переводѣ на русскій языкъ слѣдующее:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня (Frau) императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая государыня!

Бьетъ челомъ рижской генералъ-губернской камеры бухгалтера Баумгартена законная его жена, урожденная Луиза-Элеонора фонъ Эссенъ, а о чемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты:

1. Я лифляндская дворянка, и дѣдъ мой родился на эзельской провинціи, а отецъ мой находился въ военной польской службѣ и умеръ въ еваньгельскомъ лютеранскомъ законѣ маіоромъ, въ коей вѣрѣ я крещена и до 11 лѣтъ содержалась въ оной же.

2. А по смерти отца моего, мать моя паки вышла законно за польскаго дворянина римской католической вѣры, и чрезъ лукавство и силу моего отчима и моей тетки, которая въ римско-католицкой законъ вступила и въ польскомъ бенедиктинскомъ монастырѣ пріоршею достоинство имѣетъ, куда на 11 году я была посажена, гдѣ обыкновеннымъ образомъ чрезъ разныя манеры и принужденія къ римско-католическому закону приведена и монахинею сдѣлана, но однако безъ вѣдома и дозволенія родной матери моей, которая въ монастырѣ ни разу не могла поговорить со мною на единѣ.

3. А какъ я съ годами въ большую память приходила, то тѣмъ болѣе я желала вольности и стремилась къ природному своему закону, и какъ въ прибытіи ея императорскаго величества арміи мнѣ случай былъ, то я удалилась изъ монастыря на волю и пошла въ свою родину въ Лифляндію къ моимъ родственникамъ.

4. Но однако только по представленію епископа изъ Кульма послѣдовалъ указъ въ лифляндскую генералъ-губернскую канцелярію, чтобы меня къ оному кульмскому монастырю выдать, по которому я принуждена была въ Курляндію въ бѣгъ итти.

5. Въ Курляндіи я сочеталась бракомъ съ нынѣшнимъ мужемъ моимъ, дабы отъ страшныхъ поисковъ кульмскаго епископа и монастыря освободиться; и хотя за ея императорскаго величества подданнаго въ службѣ состоящаго замужъ вышла, но однако онъ, кульмскій епископъ, для сатисфакціи своего закона неотмѣнно выдачи моей требуетъ и я въ крайней опасности и страхѣ живу, ибо когда оный монастырь меня въ свою власть получитъ, я подвергнусь несчастнѣйшей и жестокой судьбѣ: какъ отступницу, меня, послѣ многихъ наказаній, живую замуруютъ въ стѣну.

6. При такихъ обстоятельствахъ никакого другаго спасенія не имѣю, при своей беременности, какъ только на всевышнюю милость ея императорскаго величества къ стопамъ падаться и съ такимъ усердіемъ просить, дабы ея императорскаго величества всевышняя милость не дозволила, чтобы я отъ моего мужа отнята была и не была передана убойною жертвою на мщеніе римско-католической религіи, власть каковой, по строжайшей справедливости судя, не имѣетъ надо мною ни малѣйшаго права, ибо во 1-хъ я происхожу не изъ польскаго, а изъ лифляндскаго дворянства; 2) родилась и воспиталась въ евангелическо-лютеранской вѣрѣ; 3) обманомъ и насиліемъ, и именно въ лѣтахъ дѣтства, моимъ вотчимомъ въ монастырь заключена, гдѣ также принудительнымъ способомъ привлечена въ римско-католическую вѣру и сдѣлана монахинею и 4) по снисканіи свободы и присоединеніи вновь къ прирожденной евангельско-лютеранской вѣрѣ, я въ настоящее время состою въ законномъ замужествѣ за состоявшимъ въ службѣ и подданнымъ вашего императорскаго величества.

Вслѣдствіе чего всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество повелѣть лифляндскому генералъ-губернаменту защитить меня отъ всякой иноземной власти и совершенно устранить меня отъ кульмскаго епископа и его сколько несправедливыхъ, столько же и жестокихъ видовъ на меня.

Всемилостивѣйшая государыня! Припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, прошу на это мое крайне прискорбное прошеніе всемилостивѣйшую резолюцію учинить.

Прошеніе сіе къ подачѣ подлежитъ ея императорскому величеству; писалъ таковое мужъ просительницы рижской губернской камеры бухгалтеръ Яковъ-Рейнгольдъ Баумгартенъ.

Прошеніе это князь Голицынъ доложилъ государынѣ, которая не замедлила послать Броуну слѣдующій указъ:

Господинъ генералъ Броунъ. Изъ приложенной при семъ челобитной усмотрите, въ какомъ утѣсненіи находится отъ католицкаго закона подданная наша дворянка Луиза-Элеонора фонъ Эссенъ, и ежели обстоятельства ея таковы, то мы чрезъ сіе повелѣваемъ указъ прежде данный о выдачѣ ея обратно, откуда-бы оный ни былъ, вовсе уничтожить, и помянутой женщины не отдавать; а въ случаѣ требованій какихъ-либо отъ епископа кульмскаго дать знать ему письменно, что оная женщина закономъ и подданствомъ какъ сама по себѣ, такъ и по мужѣ своемъ нынѣшнемъ, намъ принадлежитъ и потому выдана никогда быть не можетъ. Екатерина. Въ Царскомъ селѣ, ноября 26 дня 1763 года.

Броунъ получилъ этотъ указъ 3 декабря 1763 г. и на другой день, донося государынѣ о полученіи онаго, присовокупилъ: „и по оному вашего императорскаго величества всеподданнѣйшему соизволенію непремѣнное исполненіе учинить имѣю“

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Броунъ получилъ изъ иностранной коллегіи слѣдующую бумагу:

Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, господину генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Указомъ ея императорскаго величества изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 28 ноября прошлаго года, хотя и велѣно было рижской губернской канцеляріи отлучившейся изъ Польши изъ кульмскаго монастыря монахинѣ, именуемой Луизѣ фонъ Эссеной, по причинѣ требованія выдачи ея въ Польшу въ помянутый монастырь, присовѣтовать, чтобы она за границу выѣхала; но тогда о прямыхъ ея обстоятельствахъ и что она россійская подданная извѣстно не было, а какъ нынѣ изъ присланной при рапортѣ вашемъ отъ 23 минувшаго ноября челобитной помянутой Луизы усмотрѣно, что она не токмо здѣшняя подданная изъ дворянской фамиліи и въ лютеранскомъ законѣ рождена и воспитана, но и вотчимомъ ея въ тотъ монастырь отдана по одинадцатому году, и безъ вѣдома и противъ воли родной ея матери, всякими обманами и принужденіями въ католическій законъ приведена и въ монахини пострижена, да и что, по полученіи нынѣ паки своей вольности, вышла она по природному лютеранскому своему закону замужъ за здѣшняго же подданнаго, слѣдовательно ни божескій, ни отечественный законъ не дозволяетъ ее съ мужемъ разлучить, и въ польскую сторону на истязаніе выдать, то посему и дѣйствительно не подлежитъ вамъ ее выдавать, хотя-бы и требованіе отъ кульмскаго епископа къ вамъ было, а отвѣтствовать ему, что ее, яко россійскую подданную, рожденную въ лютеранскомъ законѣ и находящуюся уже въ замужествѣ, выдать не можно, да и не дозволяютъ того никакія ни духовныя, ни свѣтскія права. Указъ же о ея выдачѣ, на который кульмскій епископъ ссылается, вы можете тѣмъ оговорить, что тогда обстоятельства сей женщины извѣстны не были,

а отъ кого онъ былъ данъ, о томъ имѣете увѣдомить коллегію иностранныхъ дѣлъ. Подписали: Н. Панинъ, князь А. Голицынъ. Въ С.-Петербургѣ, декабря 10 дня 1763 года.

Дальнѣйшая судьба г-жи Баумгартенъ не извѣстна, но нѣтъ сомнѣнія, что она прожила свой вѣкъ, уже не тревожимая кульмскимъ епископомъ.

38.

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Увѣдомились мы съ надежной стороны, что нѣкоторые изъ противныхъ намъ поляковъ стараются отдать въ Ригѣ на аренду принадлежащія въ Литвѣ виленскому воеводѣ князю Радзивилу экономію шавельскую и маетность биржескую для полученія чрезъ сей способъ впередъ знатной суммы наличныхъ денегъ. Но понеже сіи деньги, судя по превратнымъ и зловреднымъ намѣреніямъ и поступкамъ тѣхъ поляковъ, не могутъ ни къ чему иному предопредѣляемы быть, какъ единственно къ опорствованію нашихъ видовъ, кои собственное отечества ихъ благополучіе за первый предметъ имѣютъ, то и не можемъ мы допустить, чтобъ подданные наши хотя по невѣденію и безвинно, могли участвовать въ столь зломъ умыслѣ; и для того повелѣваемъ вамъ, развѣдавъ пристойно и подъ рукою о подлинности помянутаго слуха, употребить всевозможныя мѣры къ недопущенію, чтобъ эмисары противниковъ могли предуспѣть въ намѣряемой своей негоціаціи, наблюдая однако, дабы такое недопущеніе согласовало во всемъ съ обычаями и привилегіями города Риги, чрезъ то самое окажете вы намъ сугубую услугу Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 19 декабря 1763 года.

О полученіи этаго указа Броунъ донесъ 25 декабря съ присовокупленіемъ, что о содержаніи его сообщено и Симолину въ Митавѣ.

39.

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Повелѣли мы нашему генералъ-фельдцехмейстеру Вильбоа заготовить въ Ригѣ въ самой скорости четыреста солдатскихъ ружей и столько же паръ пистолетовъ и отдать оные въ вашу диспозицію, а вамъ повелѣваемъ, принявъ тѣ ружья и пистолеты, содержать скрытно до тѣхъ поръ, какъ присланъ будетъ къ вамъ для пріему ихъ отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и полномочнаго въ Варшавѣ посла, графа Кейзерлинга, нарочный польскій коммисаръ, которому и имѣете вы отдать ихъ всѣ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 19 декабря 1763 г.

О полученіи указа было донесено 28 декабря 1763. Объясненіе ему см. ниже подъ № 50 и 52.

40.

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Даннымъ отъ сего числа указомъ повелѣли мы нашему генералъ фельдцейхмейстеру Вильбоа отдать въ диспозицію вашу, сверхъ прежняго числа, вновь еще двѣсти ружей и 200 паръ пистолетовъ, которые имѣете вы, принявъ, отпустить присылаемому къ вамъ польскому коммисару отъ находящагося нынѣ при дворѣ нашемъ литовскаго польнаго писаря графа Огинскаго. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 24 декабря 1763 года.

О полученіи указа было донесено 28 декабря 1763 г.

41[1])

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

На послѣдній вашего императорскаго величества, данный мнѣ отъ 21 минувшаго октября, всевысочайшій имянной указъ, и потомъ на посланное отъ меня обо всемъ къ генералъ-поручику Фуллертону съ найкрѣпчайшимъ при томъ подтвержденіемъ, чтобы онъ, по порученной ему коммисіи въ пріисканіи и въ пріемѣ во флотъ вашего императорскаго величества англійскихъ морскихъ офицеровъ, имѣлъ стараніе о таковыхъ, кои какъ персональными качествами своими и достоинствами, такъ и дѣйствительною ихъ службою, намѣреніямъ вашего императорскаго величества совершенно соотвѣтствовать въ состояніи были, и на какихъ кондиціяхъ склоняются рапортовалъ бы, нынѣ онъ, Фуллертонъ, изъ Лондона отъ 2 (13) сего декабря пишетъ ко мнѣ во первыхъ, что такіе офицеры, которые не доказали себя добропорядочною службою въ особливо хорошей исправности конечно приняты не будутъ, но увѣряетъ ваше императорское величество и надѣется безсумнѣнно такихъ принять, какъ въ высочайшихъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ повелѣніяхъ предписано, а на какихъ именно кондиціяхъ изъ таковыхъ великобританскихъ морскихъ офицеровъ желаютъ вступить въ высокославную вашего императорскаго величества службу, о томъ представилъ въ 5 пунктахъ объясненіе, которое при семъ всеподданнѣйше подношу.

На сіе объясненіе, на прочіе 4 пункта, хотя бъ я могъ дать ему, сходственную съ высочайшимъ вашего императорскаго величества намѣреніемъ, резолюцію, но изъ онаго, всемилостивѣйшая государыня, соизволите второй пунктъ усмотрѣть, что тамошніе великобританскіе поручики вступить желаютъ въ службу вашего императорскаго величества капитанами не меньше какъ перваго ранга, съ произведеніемъ имъ по тому чину жалованья въ годъ по 600 рублевъ съ прочими

---

[1]) См. выше стр. 331 и 332 и № 34.

порціонами и деньщиками, какъ по россійскому адмиралтейскому регламенту положено, то ни онъ, Фулертонъ, ни я въ разсужденіи сего, что во флотѣ вашего императорскаго величества состоятъ капитаны трехъ ранговъ, поступить обѣщаніемъ того съ требованныхъ ими чиновъ не осмѣлились, но обо всемъ на высочайшее ваше соизволеніе принужденъ представить и всеподданнѣйше прошу вашего императорскаго величества на оные о кондиціяхъ пункты всемилостивѣйшаго указа.

При семъ вашему императорскому величеству на оный второй пунктъ всенижайшее малѣйшее мое мнѣніе осмѣляюсь представить: ежели оные поручики ни покакому усильному склоненію другихъ нижнихъ ранговъ въ капитаны не пойдутъ, а они весьма достаточнаго качества, такожъ знающіе и ученые и надежные люди, то не соизволите-ли указать, по ихъ желанію, въ капитаны перваго ранга принять, и сіе всемилостивѣйшее соизволеніе единственно къ министру графу Воронцову предписать, а въ данномъ мнѣ высочайшемъ указѣ, съ коего я долженъ Фуллертону копію послать, изъяснить въ таковомъ содержаніи, что сими чинами ихъ принять не можно.

Въ томъ же помянутаго Фуллертона письмѣ объявлено, что рѣченный министръ графъ Воронцовъ объ отпускѣ тѣхъ желающихъ морскихъ офицеровъ сюда пристойное и удобовозможное домогательство хотѣлъ учинить въ туже недѣлю, какъ объявленное отъ Фуллертона письмо сюда отправлено, т. е. въ первой половинѣ сего мѣсяца, а между тѣмъ онъ, Фуллертонъ, долженъ ожидать о вышеписанномъ резолюціи. Отъ того времени, какъ показанное его письмо писано о томъ, необходимо пробыть тамъ для дѣйствительнаго тѣхъ офицеровъ пріему два же мѣсяца. И такъ онъ и съ принятыми въ службу вашего императорскаго величества офицерами изъ Лондона сюда въ Ригу отправиться неможетъ водою въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца, для того что не такъ будетъ убыточно казнѣ вашего императорскаго величества, какъ бы ѣхать сухимъ путемъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 27 декабря 1763 г.

Объясненіе нижеписанныхъ пунктовъ, на какихъ кондиціяхъ великобританскіе морскіе офицеры желаютъ вступить во флотъ ея императорскаго величества, кои на высочайшую ея императорскаго величества апробацію всеподданнѣйше представляются:

1. Отъ англійскаго флота капитаны во флотъ ея императорскаго величества въ капитаны-командоры и чтобы жалованья въ годъ по 800 рублевъ и притомъ порціоны, деньщики и прочее дано бы было, какъ по россійскому адмиралтейскому регламенту положено.

2. Отъ того же флота поручики въ россійскій флотъ въ капитаны перваго ранга, жалованья въ годъ по 600 рублевъ и прочее все, что по вышеписанному регламенту положено.

3. Великобританскіе же морскіе субалтернъ офицеры быть желаютъ въ поручики, жалованье бы имъ по 180 рублевъ въ годъ,

деньщики и прочее. Изъ оныхъ съ однимъ, который, будучи въ морѣ отправлялъ поручискую должность и хочетъ поручикомъ же, договоръ сдѣланъ, только еще не совсѣмъ оконченъ, да другой есть мичманъ, человѣкъ весьма добрый и знающій, съ коимъ также договоръ учиненъ будетъ.

4. Оные желающіе офицеры требуютъ, дабы имъ вышеписанное, по ихъ принятымъ чинамъ, жалованье производить съ самаго того времени, какъ скоро они получатъ дозволеніе отъ своего великобританскаго короля и вступятъ въ россійскую службу.

5. Еще оные офицеры требуютъ, чтобы они изъ тамошняго ихъ жительства до самаго Петербурга содержаны и довольствованы были на коштѣ изъ казны ея императорскаго величества.

А безъ сихъ, объявленныхъ отъ нихъ, кондиціевъ ни одинъ ѣхать не хотятъ.

Перечень указовъ по дѣламъ Лифляндіи и Эстляндіи за 1763 г., вошедшихъ въ полное собраніе законовъ россійской имперіи.

11743. Генваря 29. Именной, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ. О именованіи рыцарства и земства лифляндскаго и эстляндскаго благороднымъ.

11798. Апрѣля 17. Именной, состоявшійся въ сенатѣ. Объ учрежденіи въ Ригѣ коммисіи о тамошней коммерціи (Броунъ донесъ сенату, что торговля въ Ригѣ упала во 1-хъ отъ соперничества курляндцевъ и пруссаковъ и во 2-хъ отъ безпорядочнаго внутренняго управленія. Опредѣлено коммисіи быть подъ предсѣдательствомъ Броуна. Членами назначены: динаминдскій инспекторъ Даль, изъ дворянъ и купцовъ и россійскаго купечества по 2 человѣка, которыхъ и выбрать).

Мая 16. Высочайше утверждена вѣдомость крѣпостямъ по департаментамъ. Лифляндскій департаментъ составляли крѣпости: Нарва и Иванъ-городъ, Ревель, Рогервикъ, Перновъ, Аренсбургъ, Рига, Динаминдъ, новая на устьѣ Эвстъ рѣки, Дерптъ, новая около Маріенбурга или Псковъ по усмотрѣнію, Опочка, Великіе Луки, Смоленскъ.

11904. Августа 27. Жалованная грамота города Риги магистрату и общему мѣщанству. О подтвержденіи всѣхъ правъ, преимуществъ, вольностей, уставовъ и привилегій дарованныхъ сему городу (по просьбѣ повѣреннаго Риги ратсгера Ягана Гендриха Фоншика).

11905. Августа 27. Жалованная грамота рыцарству и земству княжества лифляндскаго. О подтвержденіи всѣхъ правъ, преимуществъ, вольностей, уставовъ и привилегій, дарованныхъ сему княжеству.

11923. Сентября 17. Сенатскій. Объ отдачѣ торгующимъ въ Ригѣ россійскимъ купцамъ вырученныхъ за товары серебряныхъ денегъ въ рижскую коммисаріатскую коммисію и о выдачѣ имъ ассигнацій въ тѣ мѣста, гдѣ они получить по онымъ деньги пожелаютъ. (Броунъ доносилъ, что русскіе купцы, боясь разбоевъ въ Россіи, деньги свои возятъ въ Смоленскъ чрезъ Польшу, что запрещено: лучше возить чрезъ Лифляндію на Псковъ до Смоленска. Приказано не возить ни чрезъ Польшу, ни чрезъ Лифляндію, а отдавать коммисіи и брать ассигнаціи на счетъ подушныхъ).

11932. Сентября 21. Жалованная грамота города Ревеля бургомистрамъ и ратманамъ и общему мѣщанству. О подтвержденіи всѣхъ правъ, преимуществъ, вольностей и привиллегій, дарованныхъ сему городу (повѣреннымъ былъ городской синдикъ Карлъ Генрихъ Сендеръ-Горстъ).

11933. Сентября 21. Жалованная грамота рыцарству и земству княжества эстляндскаго. О подтвержденіи всѣхъ правъ, преимуществъ, вольностей, уставовъ и привиллегій, дарованныхъ сему княжеству (по просьбѣ ритершафтсъ-гауптмана Фридриха Іоганна Ульриха).

к

11940. Сентября 30. Сенатскій, въ слѣдствіе именнаго. Объ учрежденіи въ Ригѣ коммисіи о тамошней коммерціи, и объ опредѣленіи въ оную членовъ и депутатовъ.

11952. Октября 18. Сенатскій. О смотрѣніи въ пограничныхъ и портовыхъ таможняхъ, дабы не вывозили изъ заграницы фальшивыхъ рублевыхъ монетъ; о принятіи на монетные дворы низкопробнаго иностраннаго серебра за указную цѣну, и о наблюденіи по сему предосторожности въ Ригѣ.

11955. Октября 24. Высочайшая резолюція на докладъ сената. О бытіи таможнямъ въ казенномъ содержаніи и объ опредѣленіи надзирателей для присмотра за сборщи-

ками или покупщиками. (Іюля 31, 1762 г., повелѣно сенату разсмотрѣть: быть ли таможнямъ на откупѣ или въ казнѣ. Опредѣлено: съ 1764 таможни отдать казнѣ, препоручивъ на одинъ годъ сборы сдѣлать нынѣшнимъ сборщикамъ или откупщикамъ, а для присмотра за ними назначить надзирателей, а главный надзоръ надъ всѣми вручить дѣйств. тайн. сов. графу Миниху).

11973. Ноября 18. Сенатскій. О бытіи камерирской, рентъ и провіантмейстерской должностямъ въ Ревелѣ, одной отъ другой отдѣльно. (Въ камерирской должности остаться тит. сов. Блюму и быть при немъ сыну его коллегіи юнкеру Томасу Блюму, а въ рентъ и провіантмейстерскую должность назначить Андрея Нодбека, ревельскаго уроженца, со взятіемъ порукъ).

11984. Декабря 5. Высочайше утвержденный докладъ сената. О раздачѣ арендъ въ Лифляндіи; о принятіи за именные указы экстрактовъ и рескриптовъ бывшей при дворѣ ея императорскаго величества конференціи, въ коихъ о дачѣ какимъ персонамъ таковъ и мызъ прописываемы были именныя повелѣнія, въ которыхъ же сообщалось засѣдающихъ въ оной министровъ опредѣленіе, тѣ почитать равно съ сенатскими опредѣленіями, и объ отмѣнѣ указа 1737 г. апрѣля 5 о заведеніи въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ конскихъ заводовъ и о поставкѣ со всякихъ 10 таковъ по одной лошади.

1764-й годъ.

42.

Господинъ генералъ Броунъ.

Увѣдомились мы, что года тому съ три назадъ, какъ начали, для минованія великихъ около Риги песковъ, дѣлать новую оттуда дорогу до границъ курляндскихъ, которою, сверхъ лучшаго сего проѣзжимъ покоя, и путь до Митавы сокращенъ былъ бы цѣлою милею. Вы, по сему собравъ обстоятельства, донесите намъ. когда именно и на какомъ основаніи сія работа начата, сколь далеко доведена и какихъ ради причинъ остановилась и не совершена. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 5 января 1764 г

Донесеніе Броуна. Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшій именной указъ отъ 5 сего января о собраніи обстоятельствъ и о донесеніи вашему императорскому величеству когда именно и на какомъ основаніи начата дѣлаться отсюда до границы курляндской, для минованія великихъ около Риги песковъ, новая дорога, сколь далеко доведена и какихъ ради причинъ остановилась и не совершена, я сего мѣсяца 11 дня всеподданнѣйше получилъ и не оставилъ тотъ часъ со истребованіемъ такого обстоятельства рижскому магистрату предложить, который нынѣ подалъ мнѣ о семъ дѣлѣ надлежащее обо всемъ объясненіе, изъ коего, учиня экстрактъ, на всевысочайшее разсмотрѣніе вашему императорскому величеству при семъ всенижайше подношу.

Ваше императорское величество, всемилостивѣйшая государыня, изъ онаго экстракта соизволите усмотрѣть: начатое предпріятіе

къ сдѣланію вышеписанной дороги[1]) единственно послѣдовало по разсужденію здѣшняго магистрата въ прошломъ 1757 году. И хотя продолжалась работа сія болѣе трехъ лѣтъ, однакожь успѣли сдѣлать только на 2800 саженяхъ, по обѣимъ сторонамъ сей дороги, къ теченію въ озеро воды, рвы шириною въ 7, а глубиною въ 4 фута, а когда усмотрѣли великія къ тому еще исправленія и свои невозможности, во первыхъ должно тѣ рвы шириною и глубиною противъ вышеписаннаго столькожь еще сдѣлать, и еще больше перекопать поперечныхъ рвовъ, и что для того бревенъ до 14, а балокъ до 40 тысячь потребно, на которое съ прочими издержками, по исчисленію, болѣе 6000 албертовыхъ ефимковъ надлежитъ, и что сверхъ того въ первыхъ 10 годахъ къ ежегодному исправленію и къ содержанію не малый еще коштъ надобенъ, а магистратъ все оное исправить, при нынѣшнихъ долгахъ и умножающихся повсегодно издержкахъ, нынѣ не въ состояніи, то принужденъ сіе свое предпріятіе оставить и ту новую дорогу не совершить.

А понеже, хотя сіе невозможно, что рижскій магистратъ и представляетъ, но, по моему нижайшему мнѣнію, для полезной и удобной способности, сію начатую новую дорогу конечно принадлежащимъ исправленіемъ окончить, и потому здѣшній магистратъ принудить надлежитъ. Того ради ваше императорское величество, какое объ ономъ всемилостивѣйшее повелѣніе указать соизволите, имѣю ожидать высочайшаго вашего императорскаго величества указа. Рига, 25 января 1764 г.

43.

Указъ господину генералъ-губернатору Броуну

Получено здѣсь извѣстіе, что назначенный къ здѣшнему императорскому двору отъ всей республики польской съ нотификаціею о кончинѣ короля польскаго посланникъ, лелóвской староста графъ Любенскій, дѣйствительно въ путь свой чрезъ Кенигсбергъ сюда отправился. А какъ неизвѣстно сколько надобно для проѣзду его приготовить подставныхъ подводъ, то имѣете вы отправить отъ себя на встрѣчу къ нему одного оберъ-офицера, препровождая его краткимъ письмомъ, въ которомъ можете освѣдомиться сколько надобно для него приготовить почтовыхъ лошадей; посылаемый же офицеръ можетъ при немъ ѣхать до Риги. По полученіи такого отъ графа Любенскаго извѣстія, надлежитъ вамъ немедленное учинить распоряженіе о приготовленіи по станціямъ потребныхъ подводъ, сообщая о томъ отъ себя въ Нарву Для пріѣзду же его въ Ригу, приготовить способную и удобную квартиру и пристойный караулъ, а при отъѣздѣ изъ Риги надлежитъ отправить съ нимъ того жъ офицера, котораго на встрѣчу къ нему пошлете, выдавъ ему на дачу прогоновъ за всѣ подводы потребное число денегъ на счетъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Когда

[1]) Дорогу повели чрезъ болото. Прим. изд.

же означенный посланникъ въ Ригу прибудетъ, о томъ имѣете немедленно съ нарочною штафетою въ оную коллегію донести. 14 января 1764 года. Подписали: Никита Панинъ и князь Александръ Голицынъ.

Прим. изд. Король Августъ III умеръ въ Варшавѣ 27 сентября (5 октября) 1763 г. Донесеніе Кейзерлинга о томъ было получено въ Петербургѣ 6 октября и въ тотъ же день состоялась конференція изъ гр. Бестужева-Рюмина, Неплюева, Панина, графа Гр. Орлова, вице-канцлера кн. Голицына, Олсуфьева и вице-президента военной коллегіи графа Чернышева. Конференціи постановила: при выборахъ въ польскіе короли дѣйствовать въ пользу стольника литовскаго, графа Понятовскаго, въ помощь Кейзерлингу отправить въ Варшаву генералъ-маіора Ник. Вас. Репнина, проектъ же Чернышева объ округленіи границъ съ Польшею до времени отложить.

Леловскій староста графъ Любенскій былъ на сторонѣ „фамиліи“ (Чарторыйскихъ) и Понятовскаго.

44[1]).

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Изъ реляціи вашей отъ 27 декабря и приложенной къ оному бумаги, усмотрѣли мы тѣ кондиціи, на коихъ великобританскаго флота офицеры желаютъ вступить въ нашу морскую службу Справедливо предоставили вы второй пунктъ требованій ихъ на собственное наше рѣшеніе, ибо превосходитъ оный предѣлы данныхъ вамъ наставленій, и конечно не можетъ и отъ насъ самихъ ни коимъ образомъ дозволено быть, тѣмъ больше, что по новому учрежденію нашего флота, и втораго яко послѣдняго ранга капитаны будутъ отнынѣ имѣть чины дѣйствительныхъ подполковниковъ, слѣдовательно же и могутъ англійскіе поручики онымъ по справедливости весьма довольны быть. Вы не оставите о семъ нашемъ соизволеніи увѣдомить генералъ-поручика Фуллертона, объясня ему еще по первому пункту, что хотя теперь и не положено въ нашемъ морскомъ штатѣ капитанъ-командоровъ, однако въ первомъ классѣ капитановъ будетъ нѣсколько бригадирскаго ранга, которымъ и соизволяемъ мы принять англійскихъ т. е. въ равномъ достоинствѣ, какое имѣли прежде командоры. Кромѣ сихъ изъясненій, имѣете вы именно подтвердить генералъ-поручику Фуллертону, дабы онъ въ такомъ случаѣ, если бы англійскіе поручики вовсе не хотѣли довольствоваться чинами капитановъ втораго ранга, усугубилъ старанія свои получить вмѣсто ихъ одного капитана въ капитаны бригадирскаго класса, а наиначе о томъ еще ревностнѣйшее употребилъ стараніе, чтобы достать одного искуснаго и испытаннаго флагмана, ибо намъ въ высшихъ офицерахъ гораздо больше нужда, нежели въ нисшихъ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 22 января 1764 г

На указъ этотъ Броунъ донесъ:

---

[1]) См. выше стр. 338, № 41.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшій именной указъ отъ 22 сего января, всемилостивѣйше воспослѣдовавшій на мое всенижайшее отъ 27 декабря представленіе генералъ-поручику Фуллертону о пріемѣ англійскихъ поручиковъ во флотъ вашего императорскаго величества въ капитаны втораго ранга, въ дѣйствительный подполковничій чинъ, а если они вовсе не захотятъ симъ чиномъ довольствоваться, то вмѣсто ихъ одного капитана въ капитаны бригадирскаго класса, и о имѣніи ревностнѣйшаго старанія, чтобы достать одного искуснаго и испытаннаго флагмана и о прочемъ, я вчера всеподданнѣйше получилъ и обо всемъ объ ономъ съ найкрѣпчайшимъ подтвержденіемъ и съ изложеніемъ съ упомяненнаго всевысочайшаго указа копіи къ генералъ-поручику Фуллертону сего числа на всѣ требованные имъ пять пунктовъ въ резолюцію предложилъ съ таковымъ при томъ предписаніемъ, чтобы онъ какъ можно старался принять во флотъ вашего императорскаго величества достойнѣйшихъ офицеровъ, какъ уже о томъ ему неоднократно писано, а особливо паче всего старался достать одного искуснаго и испытаннаго флагмана, и съ тѣми бы принятыми офицерами сюда немедленно слѣдовалъ, О чемъ вашего императорскому величеству всенижайше доношу. Юрій Броунъ. Рига, 28 января 1764 года.

Одновременно съ этимъ, 28 января 1764 г., Броунъ испрашивалъ высочайшаго указа о томъ, какимъ образомъ счислять 1000 голландскихъ червонцевъ, отпущенныхъ изъ рижской рентереи Фуллертону при отправленіи его въ 1763 года за границу на счетъ адмиралтейской суммы, т. е. будутъ-ли они возвращены въ рижскую рентерею или же рентерея должна будетъ выписать въ расходъ безъ возврата.

45.

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Находящемуся въ Курляндіи при войскахъ нашихъ камеръюнкеру и лейбъ-кирасирскаго полку вице-полковнику князю Дашкову повелѣваемъ мы, на предписанное ему отъ насъ употребленіе, выдать немедленно изъ доходовъ рижской губерніи три тысячи рублевъ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 22 января 1764 г

О полученіи этого указа Броунъ донесъ 28 января 1764 г.

Прим. изд. На сеймикахъ въ Польшѣ въ это время шла ожесточенная борьба партій. Для подкрѣпленія русской партіи было предположено: русскія войска подъ начальствомъ генерала Хомутова, оставшіяся въ польской Пруссіи со времени семилѣтней войны для охраны магазиновъ, двинуть вслучаѣ нужды на Варшаву, а въ Литву направить двѣ колонны войскъ: одну на Минскъ, а другую на Гродно. Первая колонна ввѣрялась начальству князя Волконскаго, а другая князя Дашкова. Деньги 3000 р. назначались для приготовленія войскъ къ походу изъ Курляндіи на Гродно.

46.

Въ отрядъ, ввѣрявшійся Дашкову для похода подъ Гродну, военная коллегія назначила 5 ротъ гренадерскаго пѣхотнаго полка съ полковою артиллеріею. Этимъ ротамъ

было предписано выступить изъ Риги въ Курляндію и тамъ расположиться по указанію и распоряженію вице-полковника Дашкова, не вступая, однакоже, пока въ Польшу. По этому поводу Броунъ донесъ слѣдующее:

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше при семъ подношу копію съ учиненнаго мною сего числа въ военную коллегію представленія. Изъ онаго всемилостивѣйшая государыня соизволите усмотрѣть во первыхъ, что, по указу вашего императорскаго величества, послѣдовавшему отъ военной коллегіи генералъ-аншефу Воейкову, напередъ нынѣ отъ полку гренадерскаго повелѣно 5 ротъ съ полковою артиллеріею отправить въ Курляндію, да и всей бы здѣшней дивизіи полкамъ къ выступленію въ походъ въ крайней состоять готовности, а напротиву того есть прежнее повелѣніе, чтобъ для будущаго кампамента полкамъ здѣшней дивизіи въ назначенномъ при мызѣ Икскуль мѣстѣ потребный тамо провіантъ и фуражъ заготовить, и въ такомъ случаѣ, изъясня всѣ обстоятельства къ сохраненію высочайшаго вашего императорскаго величества интереса, что повелѣно будетъ чинить упомянутымъ посланнымъ моимъ представленіемъ, прошу вашего императорскаго величества всевысочайшаго указа въ непродолжительную присылку.

При семъ вашему императорскому величеству осмѣлюсь всенижайше донести: когда, по высочайшему соизволенію вашего императорскаго величества, полки до наступленія весны нынѣ въ скоромъ времени въ Курляндію вступятъ, то я не уповаю, чтобы оные могли имѣть себѣ тамъ продовольствіе, но конечно какъ въ провіантѣ, такъ особливо въ фуражѣ, понести могутъ крайній недостатокъ, ибо тамошнее дворянство такъ огорчено, что сначала еще прошедшей прусской войны за отданный свой въ полки провіантъ и фуражъ, по договорнымъ цѣнамъ и по даннымъ имъ квитанціямъ, не малаго числа денегъ и по нынѣ получить не могутъ, которыхъ считаютъ въ заплату изъ казны вашего императорскаго величества около 14,000 талеровъ. А хотя сверхъ того въ прошломъ 1762 г. въ обрѣтающіеся въ Курляндіи подъ моею командою полки, по усильному моему прошенію и по обѣщанію, что имъ заплата конечно вскорѣ учинена будетъ, нѣкоторые курляндскіе дворяне и ставили тотъ провіантъ, лаская себя тою надеждою, однако имъ за тотъ поставленный въ 1762 г. провіантъ и фуражъ, за неприсылкою по многократному моему отъ провіантской канцеляріи денежной казны требованію, заплаты не учинено жъ. И такъ теперь хотябъ кто и имѣлъ что поставить къ вышеписанному продовольствію, но безъ денегъ никто, а особливо бывшіе недоброжелатели нынѣшнему герцогу, ставить не будутъ, но могутъ отговорки объявлять, что они о таковой подобной поставкѣ прежде незнали.

А ежели вашему императорскому величеству представлено иногда отъ кого будетъ, что полки въ вешнее время могутъ продовольствованы быть въ Литвѣ, то я на сіе, всемилостивѣйшая государыня, вашему императорскому величеству по справедливости доношу: мнѣ тамошнія мѣста весьма уже знакомы, ибо по большей части лѣ-

сныя и болотныя, дороги, особливо въ весеннее время, грязныя и непроходимыя, гдѣ для полковъ въ провіантѣ, а особливо въ фуражѣ, великій можетъ быть недостатокъ, отчего кавалерійскія лошади совсѣмъ могутъ пропасть безъ всякой вашему императорскому величеству пользы, а единственно пользоваться только будутъ поставкою другихъ новыхъ лошадей одни подрядчики, и такъ, вмѣсто намѣреннаго высочайшаго вашего императорскаго величества всемилостивѣйшаго предпріятія, легко послѣдуетъ тогда крайняя остановка и невозвратный убытокъ казнѣ вашего императорскаго величества.

И во избѣжаніе таковыхъ предвидимыхъ неполезностей, не соизволите ли ваше императорское величество всемилостивѣйше указать здѣсь находящуюся кавалерію по прежнему въ нынѣшнихъ квартирахъ, гдѣ для оныхъ фуражъ уже изготовленъ и провіанта достаточно, до будущаго мая мѣсяца оставить, а между тѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда имъ слѣдовать надлежитъ, изготовить для тѣхъ кавалерійскихъ полковъ фуражный магазейнъ на одинъ мѣсяцъ около литовской границы, подъ закрытіемъ нѣкоторой команды, а буде по обстоятельствамъ необходимо надлежитъ быть нынѣ войску вашего императорскаго величества въ Литвѣ, то не соизволите ли указать туда прежде подвигать пѣхотные полки, для коихъ провіантъ гораздо легче и лучше достать можно, нежели для кавалеріи фуражъ.

Всемилостивѣйшая государыня! Сіе мое всеподданнѣйшее представленіе всенижайше рабски прошу не оставить въ какое либо дерзновеніе, ибо хотя оное ни мало до должности моей не принадлежащее, но изъ единственнаго моего рабскаго усердія къ всеподданнѣйшей присяги осмѣлился изъяснить таковое мое представленіе на всевысочайшее и премудрѣйшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 30 января 1764 г.

Прим. изд. Въ Польшу не требовалось посылать много войска, потому и особыхъ распоряженій о запасныхъ магазинахъ не послѣдовало.

47

Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну

Жена покойнаго генералъ-аншефа Людольфа Августа Бисмарка, вдова Катерина Бисмаркъ, всеподданнѣйше насъ просила о невзысканіи съ нея претендуемыхъ рижскимъ генералъ-губернаментомъ на имѣніи мужа ея 10,660 албертовыхъ талеровъ, которая сумма якобы тѣмъ ея мужемъ при поставкѣ подъ конницу 1000 лошадей по контракту съ купцомъ Раммомъ имъ, Бисмаркомъ, утеряна. А помянутая жена его представляетъ, что она, по всѣмъ законамъ, не должна отвѣтствовать за дѣла своего мужа; и какими она оправдаетъ не токмо себя, но и покойнаго своего мужа, резонами, оное усмотрите вы изъ поданнаго намъ ею и при семъ приложеннаго состоянія дѣла. И такъ, если обстоятельства ея въ самомъ дѣлѣ таковы, какъ она ихъ намъ представила, то всемилостивѣйше повелѣваемъ мы всю сію чинимую на ней рижскимъ генералъ-губернаментомъ претензію вовсе уничто-

жить и ничего съ нея не взыскивать. Екатерина. С.-Петербургъ, 2 февраля 1764 г

Донесеніе Броуна: Вашего императорскаго величества всевысочайшій, за подписаніемъ собственныя руки отъ 2 сего февраля, имянной указъ, и при томъ на нѣмецкомъ діалектѣ прошеніе жены покойнаго генералъ-аншефа Бисмарка, вдовы Катерины Бисмаркъ, и если обстоятельства ея въ самомъ дѣлѣ таковы, какъ она ихъ вашему императорскому величеству представила, то дабы чинимую на ней ко взысканію 10660 албертовыхъ талеровъ претензію, по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества соизволенію, вовсе уничтожить, я сего мѣсяца 8 числа всеподданнѣйше получилъ. А понеже сіе дѣло, въ какомъ есть обстоятельствѣ, о томъ учиненное на нѣмецкомъ же діалектѣ подробное нижайшее объясненіе на высочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе къ щедроматернему благоволенію у сего всеподданнѣйше подношу, и о уничтоженіи помянутаго взысканія всенижайше прошу вашего императорскаго величества высочайшаго указа. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 15 февраля 1764 г.

Въ экстрактѣ, приложенномъ къ этому донесенію, значилось, что въ 1740 г., по указамъ военной коллегіи отъ 24 апрѣля и 11 мая и кабинетному указу (каковыя всѣ бумаги при арестованіи Бисмарка были переданы въ тогдашній Кабинетъ), генералъ Бисмаркъ для пополненія 3-го кирасирскаго полка и лейбъ-гвардіи коннаго полка, заключилъ съ рижскимъ купцомъ Іоахимомъ Раммомъ 20 мая контрактъ на поставку для означенныхъ полковъ 1000 нѣмецкихъ лошадей.

По 4 пункту этого контракта, половина суммы за лошадей должна быть выдана Рамму при подписаніи контракта, другую же половину Раммъ получитъ, когда поставитъ половину требуемыхъ лошадей.

По этому контракту, Раммъ въ томъ же году въ шесть различныхъ сроковъ получилъ деньги и поставилъ 760 лошадей. По содержанію контракта, 10 ноября 1740 г. ему было назначено къ выдачѣ изъ рижской рентереи остальная сумма 13,000 албертовыхъ талеровъ, и онъ въ слѣдующемъ 1741 г. поставилъ еще 76 лошадей.

Между тѣмъ возникла война со Швеціею и купецъ Раммъ не могъ поставить остальныхъ 164 лошадей, ибо Швеція манифестомъ, состоявшимся въ августѣ 1741 г., объявила лошадей контрабандою и не пропускала кораблей съ лошадьми. Чрезъ шесть мѣсяцевъ Раммъ умеръ, оставшись должнымъ казнѣ за 164 лошади 10,660 албертовыхъ талеровъ. Несчастія, понесенныя имъ при хлѣбной торговлѣ, причинили то, что онъ оставилъ много долговъ и кредиторовъ неудовлетворенными.

Рижскій губернаментъ, для обезпеченія казеннаго долга, опечаталъ все имущество Рамма, донесъ обо всемъ военной коллегіи и распорядился, дабы изъ наслѣдства Рамма была удовлетворена казна прежде всѣхъ другихъ кредиторовъ. Но успѣха изъ этого не вышло. Рижскій магистратъ, къ коему обратились прочіе кредиторы Рамма, представилъ сенату, что распоряженіе губернамента противорѣчитъ

конфирмованному закону. Возникъ вопросъ: имѣетъ-ли казна преимущество предъ прочими кредиторами на удовлетвореніе изъ наслѣдства Рамма, и юстицъ коллегія 19 іюля 1747 г. дала резолюціи, что контрактъ еще не составляетъ особаго права на преимущество удовлетворенія предъ прочими. Въ силу этой резолюціи, оберъ-фискалу было поручено быть представителемъ казны въ конкурсѣ. Но тутъ оказалось, что многіе кредиторы имѣютъ больше правъ къ полученію, чѣмъ казна; такъ что казнѣ, за отчисленіемъ долговъ тѣмъ кредиторамъ, ничего получить не пришлось.

Тогда сенатъ указомъ отъ 26 мая 1755 г. постановилъ: долгъ Рамма взыскать съ наслѣдства генерала Бисмарка.

При объявленіи этого указа, послѣдовавшаго лишь 30 декабря 1755 г., генеральша Бисмаркъ заявила, что при реституціи ея покойнаго мужа она получила лишь малую часть конфискованнаго имущества, ничего не знала о дѣлѣ Рамма съ лошадьми и не можетъ отвѣчать за дѣйствія своего покойнаго мужа. Такое заявленіе было представлено въ юстицъ-коллегію, которая съ своей стороны представила дѣло на разсмотрѣніе правительствующему сенату. 17 мая 1757 года правительствующему сенату были доложены обстоятельства этого дѣла, при чемъ оказалось, что изъ конфискованнаго имущества генерала Бисмарка реституирована лишь часть, прочее же все состоитъ въ казнѣ, оказалось также что капиталъ въ 30,000 рейхсталеровъ, который герцогъ курляндскій былъ долженъ Бисмарку и который лежалъ на конфискованномъ герцогомъ имуществѣ, не рестетуированъ и находится въ казнѣ. Изъ этихъ то 30,000 рейхсталеровъ и слѣдовало взять 10,660 рейхсталеровъ за 164 лошади. Вслѣдствіе этого рижскій губернаментъ обратился къ курляндскому правительству, дабы оно уплатило казнѣ 10,660 рейхсталеровъ. Курляндскому правительству было неизвѣстно гдѣ и какими имуществами располагаетъ генеральша Бисмаркъ, а между тѣмъ генеральша Бисмаркъ заявила, что, послѣ ареста ея мужа, конфисковано 82,200 албертовыхъ талеровъ, да не выдано за 6 лѣтъ жалованье ея мужа, да за 19 лѣтъ не получила процентовъ съ капитала въ 30,000 талеровъ, всего она потеряла 137,400 талеровъ.

По выслушаніи всего этого дѣла государыня 2 марта 1764 г. собственноручно на донесеніи Броуна отъ 15 февраля написала резолюцію:

Сію казенную претензію со вдовы Бисмарковой и съ ея наслѣдниковъ не взыскивать и наложенный секвестръ снять. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ 1764 г.

Прим. изд. Генералъ-аншефъ Бисмаркъ вступилъ изъ прусской службы въ русскую въ 1732 г. съ чиномъ генералъ-маіора. Въ слѣдующемъ 1733 г. онъ вступилъ въ бракъ съ свояченицею оберъ-камергера Бирона, фрейлиною двора Екатериною Трейденъ. Въ слѣдующихъ годахъ онъ участвовалъ въ польскомъ походѣ, въ 1736 г. помогъ избранію Бирона въ курляндскіе герцоги, былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и за отсутствіемъ изъ Риги генералъ-губернатора Ласси въ 1739 и 1740 г. исправлялъ должность лифляндскаго губернатора. Биронъ былъ арестованъ въ ночь на 9 ноября 1740 г. Чрезъ нѣсколько дней арестовали въ Ригѣ и Бисмарка. Его предали суду (вины, впрочемъ, за нимъ никакой не оказалось) и приговорили къ ссылкѣ въ Тобольскъ. По вступленіи на престолъ Елисаветы, онъ былъ освобожденъ и проживалъ въ Ярославлѣ вмѣстѣ съ Бирономъ. Онъ умеръ въ 1747 году.

48.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: вчера прибылъ сюда въ Ригу изъ Варшавы, съ даннымъ паспортомъ отъ пребывающаго тамъ вашего императорскаго величества чрезвычайнаго и полномочнаго посла Кейзерлинга, старощицъ гомельскій Томашъ Корвинъ Красинскій, который дѣйствительно отсюда сего числа по утру отправился въ С.-Петербургъ и быть можетъ при высочайшемъ вашего императорскаго величества дворѣ. А какъ изъ словъ его я примѣтить могъ и, по видимымъ обстоятельствамъ, уповаю сія ему поѣздка конечно поручена отъ супруги его высочества королевско-польскаго и куръ-сакскаго принца и бывшаго курляндскаго герцога Карла для исполненія по родству его, Красинскаго, съ нею какой иногда къ ея интересамъ коммисіи. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 9 февраля 1764 года.

49[1]).

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ.

Отвѣтствуя на реляцію вашу отъ 25 января, повелѣваемъ недокончанную отъ Риги до Митавы новую способнѣйшую дорогу додѣлать на счетъ магистратскихъ доходовъ; нынѣ же употребить на то показанныя вами, по исчисленію, 6000 албертовыхъ талеровъ изъ казны нашей, въ которую возвратить ихъ магистрату въ шесть лѣтъ, уплачивая каждый годъ по 1000 албертовыхъ талеровъ. Екатерина. С.-Петербургъ, 12 февраля 1764 г

50[2]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

По силѣ вашего императорскаго величества данныхъ мнѣ за подписаніемъ собственныя вашего императорскаго величества руки, отъ 19 и 24 декабря прошлаго 1763 г. высочайшихъ секретныхъ указовъ, принятыя мною изъ рижскаго артиллерійскаго цейхгауза ружья и пистолеты, по письму пребывающаго въ Варшавѣ вашего императорскаго величества чрезвычайнаго и полномочнаго посла графа Кейзерлинга, присланнымъ отъ графа Бростовскаго, конюшаго великаго литовскаго, и отъ графа Прездецкаго, референдаря литовскаго, надворнымъ ихъ товарищамъ, Мустафу Давидовичу и Александру Муравскому, каждому по 200 ружей и толикое жъ число паръ пистолетовъ отданы, и сего числа оные съ тѣмъ ружьемъ въ городъ Вильну отправиться имѣютъ. Такожъ 200 ружей и столько жъ паръ пистоле-

---

[1]) См. выше №42.
[2]) См. выше № 39 и 40.

товъ присланному отъ находящагося нынѣ при дворѣ вашего императорскаго величества литовскаго польнаго писаря, графа Огинскаго польской службы поручику Деверту отданы, который 10 числа сего мѣсяца изъ Риги чрезъ Бовскъ въ мѣсто (городъ) Слонимъ отправился. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу. Юрій Броунъ. Рига, 15 февраля 1764 г.

51.

Указъ нашему генералъ и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Для нѣкоторыхъ статскихъ резоновъ разсудили мы за нужное сдѣлать нынѣ въ городѣ нашемъ Ригѣ такое учрежденіе, чтобъ какъ никто изъ тамошнихъ купцовъ или ружейныхъ мастеровъ не принималъ на себя, безъ вѣдома и позволенія вашего, чужестранныхъ коммисій закупать и отправлять за границы ружей, такъ и иногородныя купцы въ проѣздахъ своихъ чрезъ Ригу съ ружьями же равному правилу неотмѣнно подвержены были, и для того повелѣваемъ вамъ не только сей указъ нашъ надлежащимъ образомъ публиковать, дабы никто невѣдѣніемъ отговариваться не могъ, но и въ таможняхъ и на заставахъ потребныя принять мѣры осторожности. Екатерина. С.-Петербургъ, 14 февраля 1765 г

О полученіи и о распубликованіи этого указа Броуна донесъ 21 февраля 1764 г.

52.

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Изъ другаго при семъ слѣдующаго указа нашего (который пристойнымъ образомъ въ Ригѣ обнародовать надлежитъ) усмотрите вы, что мы разсудили продажу тамъ и вывозъ чрезъ оный городъ изъ другихъ мѣстъ за границу ружей ограничить такимъ образомъ, дабы на то никто изъ купцовъ или ружейныхъ мастеровъ собою безъ вѣдома вашего поступить не могъ.

Причина сей резолюціи нашей полученная здѣсь вѣдомость, что нѣкоторыя изъ противныхъ намъ поляковъ, по недостатку въ собственной ихъ землѣ ружейныхъ фабрикъ, намѣрены запасаться оными въ городахъ нашихъ, но какъ исполненіе сего ихъ намѣренія не можетъ для интересовъ нашихъ безвредно быть, то разсудили мы за нужно поручить вамъ употребленіе всевозможныхъ вопреки осторожностей. Объявляя вамъ здѣсь имена противниковъ нашихъ, которыя суть: фамилія князей Радзивиловъ, фамилія Пацъ, фамилія графовъ Сапѣгъ, фамилія Абрамовичей, Цѣхановѣцкіе, Забѣлло, Володковичъ, Богушъ, Сируцъ, Ржевускій, хоружій литовскій и бржестовскій староста Быстржицкій, дабы вы зная объ нихъ точно, на нихъ однихъ

и запрещеніе при случаяхъ секретно распространять могли, дозволяя напротивъ того секретнымъ же образомъ всѣмъ преданнымъ намъ полякамъ покупать и вывозить столько ружей, сколько имъ угодно будетъ.

Отъ генералъ-фельдцехмейстера нашего Вильбоа будетъ нынѣ вновь отдано въ диспозицію вашу 50 карабиновъ, 50 паръ пистолетъ, и столько же сабель или палашей, которые, принявъ, имѣете вы секретно отдать присылаемому къ вамъ за ними человѣку литовскаго польнаго писаря Тизенгаузена. Екатерина. С.-Петербургъ, 14 февраля 1764 г

О полученіи этого указа Броунъ донесъ 21 февраля 1764 г.

Въ минуту смерти Августа III польская шляхта дѣлилась на слѣдующія партіи:

1) Фамилія. — Это Чарторыйскіе: князь Михаилъ, Августъ и его сынъ Адамъ; двоюродные братья князя Адама Понятовскіе: Казиміръ, Андрей, Михаилъ и Станиславъ (будущій король). Къ фамиліи принадлежали: Огинскій, Масальскій, Флемингъ, Андрей Замойскій, Любомирскій. Эта партія хотѣла возвести на престолъ одного изъ своихъ.

2) Партія Яна Браницкаго, великаго гетмана коронnаго. Эта партія поддерживала однаго изъ саксонскихъ принцевъ, а если бы не удалось, то расчитывала возвести на престолъ самого Браницкаго.

3) Партія богачей Потоцкихъ, не имѣвшая опредѣленнаго характера.

4) Партія князя Радзивилла (пане-коханку).

5) Остатки придворной саксонской партіи. Сюда принадлежали: Ржевускій, Бѣлинскій, Мнишекъ, Солтыкъ, Красинскій.

Примасомъ, слѣд. первымъ лицомъ во время междуцарствія, въ день смерти короля былъ Владиславъ Любенскій.

Партіи эти не замедлили вступить въ ожесточенную борьбу между собою.

52[1]).

По представленію вашему отъ 28 января о выданныхъ въ прошломъ году генералъ-поручику Фуллертону изъ рижской рентереи 1000 червонныхъ, объявляемъ чрезъ сіе въ резолюцію, чтобъ вы велѣли рентмейстеру записать ихъ въ расходъ, какъ выданныя означенному генералъ-поручику по имянному нашему указу на извѣстное ему употребленіе. Екатерина. С.-Петербургъ, 23 февраля 1764 г

54[2]).

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ.

Поставляя чищеніе рѣки Двины за дѣло для пользы купечества и государственной весьма важное и необходимо нужное, разсматривали мы поданное о семъ отъ капитана Вейсмана предложеніе. Причины, отъ которыхъ производитъ онъ, на основаніи примѣчаній долговременнаго искуства, умножающееся изъ года въ годъ засореніе сей рѣки, суть весьма вѣроятны. Предложеніе его о укрѣпленіи береговъ и о установленіи надлежащаго ея теченія кажется быть основа-

---

[1]) См. выше стр. 344 № 44.

[2]) См. выше стр. 295, № 19.

тельнымъ и надежнымъ къ желанной прочности, когда оно въ дѣйство произведется, но время покажетъ будетъ-ли отъ изобрѣтенной имъ машины и способовъ къ укрѣпленію береговъ обѣщанный имъ успѣхъ. Мы сего ради повелѣваемъ въ нынѣшнюю наступающую весну на такомъ мѣстѣ Двины, гдѣ большая ея глубина и быстрота, сдѣлать опытъ отводу рѣки посредствомъ механическихъ его стѣнъ, углубленію ея выдуманнымъ отъ него судномъ, и прочности предпріемлемаго имъ укрѣпленія береговъ фашинами. Нужный къ сему опыту денежный расходъ, въ сравненіи съ важностію и пользою самого дѣла, не можетъ, по мнѣнію нашему, быть весьма великимъ. Если удастся оный, то тѣмъ паче съ неусыпнымъ стараніемъ работу продолжать должно, что въ разсужденіи крайняго и невозвратнаго купечеству вреда, когда бъ Двина совершенно обмелѣла, а напротивъ того несказанной и вѣчной пользы, если она навсегда судоходною сдѣлана будетъ, никакихъ въ томъ трудовъ и иждивеній жалѣть мы не будемъ. Ежели же не удастся, то по меньшей мѣрѣ поступится въ томъ осторожно, да и не можетъ быть безъ того, чтобъ при семъ опытѣ вовсе никакого способу, который бы къ прочищенію сей рѣки служить могъ, искуствомъ самимъ и прилежными наблюденіями не сыскался, ибо неоспоримою остается навсегда истиною, что для государственной пользы необходимая настоитъ въ томъ надобность, чтобъ тѣмъ либо другимъ способомъ Двина до корабельной пристани сдѣлана была судоходною, по меньшей мѣрѣ для купеческихъ и транспортныхъ судовъ.

И такъ, учредя и производя подъ смотрѣніемъ вашимъ сей чинимый опытъ, употребите нужныя на то деньги изъ тамошнихъ губернскихъ доходовъ, а о такихъ вещахъ, коихъ тамъ достать или сдѣлать не можно, дайте намъ знать немедленно, дабы оные къ вамъ переслать, или, какъ напримѣръ, изобрѣтенное капитаномъ Вейсманомъ къ прочищенію рѣки механическое судно, при здѣшнемъ адмиралтействѣ, по его чертежу, заблаговременно построить и въ Ригу отправить можно было. Мы желаемъ вамъ всякихъ въ важномъ семъ предпріятіи благополучныхъ успѣховъ, и повелѣваемъ вамъ въ прочемъ обнадежить капитана Вейсмана, за выдумку его и труды, всемилостивѣйшимъ отъ насъ, по мѣрѣ усматриваемой въ томъ удачи, награжденіемъ какъ денежнымъ, такъ и повышеніемъ чина. Екатерина. С.-Петербургъ, 24 февраля 1764 г

Донеся 3 марта 1764 г. о полученіи этого указа, Броунъ присовокупилъ:

По содержанію онаго вашего императорскаго величества высочайшаго соизволенія надлежащее исполненіе чинено быть имѣетъ безъ малѣйшаго упущенія, но какъ для того принадлежащихъ матеріаловъ теперь еще не приготовлено, да и какія вещи потребны неизвѣстно, ибо рѣченный капитанъ Вейсманъ изъ С.-Петербурга въ Ригу не прибылъ, то въ нынѣшнюю весну въ вышеписанномъ производствѣ знат-

наго успѣху хотя быть не можетъ, однако на будущее время конечно не оставлю употребить все удобовозможное и неусыпное въ томъ стараніе, слѣдовательно и о такихъ вещахъ, кои ежели здѣсь достать или сдѣлать не можно, по прибытіи сюда капитана Вейсмана, обстоятельно вашему императорскому величеству донести имѣю.

Что принадлежитъ до денегъ, то на сіе производство употреблять изъ казны вашего императорскаго величества никакой нужды еще не предвидится. Во первыхъ изъ пожалованныхъ здѣшнему городу, принадлежащихъ для коронаціи вашего императорскаго величества, на укрѣпленіе берега рѣки Двины и на строеніе больверковъ 30,000, за расходомъ, до 15,000 талеровъ еще въ наличности имѣется. И притомъ, всемилостивѣйшая государыня, при открытіи таковаго моего намѣренія, предлагаемаго къ общей пользѣ, и усерднѣйшаго старанія прошедшей осенью, всѣ чужестранные и здѣшніе купцы между собою согласились на вышеписанное употребленіе сдѣлать сборъ со всѣхъ приходящихъ и отходящихъ нагруженныхъ въ корабли товаровъ по нѣскольку грошей съ ласта, коихъ доходовъ, въ годъ, напримѣръ, отъ 8 до 10 тысячь талеровъ быть можетъ, продолжать же оный сборъ шесть лѣтъ. А когда таковой, по обстоятельствамъ, собираемой суммы недостаточно усмотрится, напротивъ того, предвидятъ въ томъ совершенную полезность, тогда, по общему ихъ самихъ согласію, обѣщаютъ сверхъ вышеписаннаго сбора, сколько надлежитъ по разсмотрѣнію, прибавку учинить, и для таковыхъ обстоятельствъ я, всемилостивѣйшая государыня, вышеупомяненное повелѣніе вашего императорскаго величества о употребленіи изъ казны вашего императорскаго величества денегъ никому не объявлялъ и объявлять не буду, но единственно стану содержать въ секретѣ, дабы торгующіе купцы и здѣшній магистратъ, увѣдая объ ономъ, не могли, обнадежась на сіе, отъ помянутаго своего обѣщанія отступить.

На это представленіе послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ:

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ.

Мы весьма апробуемъ представленіе ваше реляціею отъ 3 сего марта, что на производство работъ при чищеніи рѣки Двины нужды никакой вы не находите употреблять деньги изъ казны нашей, но что могутъ и должны оныя работы исправлены быть какъ остаточными изъ городской къ коронаціи нашей принадлежащей суммы, такъ и опредѣленнымъ къ сему чищенію отъ магистрата рижскаго и купцовъ съ приходящихъ и отходящихъ нагруженныхъ въ корабли товаровъ особливымъ денежнымъ сборомъ, и для того повелѣваемъ вамъ казенныхъ денегъ на тѣ работы не употреблять. Капитанъ Вейсманъ вскорѣ отсюда въ Ригу отправленъ будетъ, и о снабденіи его всѣмъ, что къ сему дѣлу потребно, уже даны повелѣнія наши какъ адмиралтейской коллегіи, такъ и генералъ-фельдцейхмейстеру Екатерина. С.-Петербургъ, 20 марта 1764 г

55.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ.

По сообщеніямъ нашего въ Курляндіи министра Симолина, извѣстны вамъ обстоятельства дѣла приписнаго къ рижскому дворцу крестьянина Алексѣя Филипова, котораго регирунгсъ-ратъ Плетенбергъ, по случаю смертнаго убійства двухъ мужиковъ его, безвинно болѣе года содержалъ въ тюрьмѣ, а потомъ въ судѣ признанъ невиннымъ и освобожденъ. А какъ ему, Филипову, искъ свой за пропавшія тогда пожитки свои, въ разсужденіи волокитъ и многихъ трудностей судебныхъ, средствъ въ Курляндіи получить не токмо не надежно, но и весьма убыточно, то, апробуя представленный къ тому кратчайшій способъ, повелѣваемъ. во время пріѣзда въ Ригу съ товаромъ Плетенберговыхъ мужиковъ, коихъ посылаетъ онъ туда подъ именемъ тестя своего Виганта, отобрать у нихъ столько товару, сколько на заплату крестьянину Филипову потребно, наблюдая только при семъ, чтобъ то вѣрно и безъ посторонней корысти исполнено было. Екатерина. С.-Петербургъ, 13 марта 1764 года.

О полученіи этого рескрипта Броунъ донесъ 28 марта 1764 г., присовокупивъ: „и по оному всемилостивѣйшему соизволенію надлежащее исполненіе, съ наблюденіемъ вѣрности, учинено быть имѣетъ".

56[1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Генералъ-поручикъ Фуллертонъ, не получа еще на послѣднее свое представленіе высочайшей вашего императорскаго величества въ пяти содержаніяхъ резолюціи, которая отъ 22 января всемилостивѣйше воспослѣдовала и отъ меня при пристойномъ подтвержденіи того жъ мѣсяца 28 числа къ нему отправлена, и надѣюсь, до нынѣ, онъ конечно уже оную получилъ, пишетъ ко мнѣ изъ Лондона отъ 16 и отъ 20 февраля, что въ англійскомъ флотѣ изъ первыхъ тамошнихъ капитановъ есть одинъ, называемый Дуклосъ, весьма совершеннаго достоинства. Онъ не только въ нынѣшнюю послѣднюю войну доказалъ, будучи въ море, свое искуство и особливую исправность и получилъ великую славу, но, по его знанію морской службы, сколько достоинъ быть адмираломъ, столь и способенъ къ правленію флота присутствовать въ адмиралтействѣ. Онъ же великій математикусъ, а при томъ французскій и голландскій языки такъ знаетъ, какъ бы свой природный англійскій, и словомъ заключить, воспитаніе и поведеніе доказываетъ къ безсумнѣнной надеждѣ всѣхъ добрыхъ его качествъ, о чемъ тамошняго флота адмиралъ Гордонъ письменно свидѣтельствуетъ, которое у сего всеподданнѣйше подношу. А также оный капитанъ Дуклосъ чрезъ многое стараніе генералъ-поручика Фуллертона

[1]) См. выше №№ 41 и 44.

во флотъ вашего императорскаго величества хотя и склонился, однако ежели всемилостивѣйше соизволите во флагманы, а безъ того ни на какихъ другихъ кондиціяхъ вступить не желаетъ. Но какъ оный капитанъ посылается въ Америку, куда въ началѣ будущаго мая отправится, то генералъ-поручикъ Фуллертонъ проситъ, дабы объ немъ на высочайшее разсмотрѣніе къ вашему императорскому величеству представить: не соизволите-ли всемилостивѣйше указать его въ высокославную вашего императорскаго величества службу принять флагманомъ.

Всемилостивѣйшая государыня! Я хотя по вышеписанной комисіи и имѣю довольное вашего императорскаго величества наставленіе, но какъ послѣднимъ высочайшимъ вашего императорскаго величества имяннымъ указомъ великобританскимъ нѣкоторымъ достойнымъ капитанамъ чины сулить всемилостивѣйше повелѣно только бригадирскіе, а напротиву того имѣть бы ревностнѣйшее стараніе, чтобы достать одного искуснаго и испытаннаго флагмана, ибо вашему императорскому величеству въ высшихъ офицерахъ гораздо большая нужда, нежели въ нисшихъ, въ такомъ случаѣ и что какъ Фуллертонъ пишетъ, яко одинъ изъ желающихъ сюда англійскаго флота капитанъ, который также достойнаго качества, за слабостію своего здоровья, ѣхать въ службу вашего императорскаго величества уже отказался, я, по искреннѣйшему моему къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ усердію, о принятіи того капитана желаемымъ чиномъ осмѣлюсь представить всенижайше мое мнѣніе и ежели ваше императорское величество сіе всевысочайше апробуете и всемилостивѣйше указать соизволите помянутаго рекомендованнаго капитана во флотъ вашего императорскаго величества флагманомъ принять, гдѣ онъ, какъ увѣряетъ Фуллертонъ, конечно достоинствомъ и искусствомъ своимъ славу къ флоту вашего императорскаго величества совершенно пріобрѣсти можетъ, то, дабы его не упустить, всеподданнѣйше прошу, безъ всякаго продолженія, высочайшаго вашего императорскаго величества указа, коего онъ, капитанъ, и ожидать обѣщался. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 15 марта 1764 г.

На представленіе это Броунъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

Господинъ генералъ Броунъ.

Изъ послѣдней вашей реляціи отъ 15 числа сего мѣсяца, съ удовольствіемъ усмотрѣли мы, что генералъ-поручикъ Фуллертонъ предъуспѣлъ склонить въ службу нашу англійскаго флота капитана Дуклоса какъ такого офицера, который дѣйствительными опытамъ оказалъ отличное свое знаніе и искусство въ морской наукѣ. Если подлинно его достоинства таковы, какъ вы описываете ихъ по рапорту къ вамъ генералъ-поручика Фуллертона, то охотно соизволяемъ мы на принятіе означеннаго Дуклоса въ чинъ контръ-адмирала, потому что особливой случай, въ разсужденіи человѣка отмѣнныхъ качествъ, не можетъ подлежать обыкновенному правилу, но служить для

другихъ примѣромъ. Вы не оставите о сей нашей резолюціи увѣдомить генерала Фуллертона, дабы капитанъ Дуклосъ какъ можно скорѣе въ службу нашу принятъ былъ тѣмъ паче, что въ немъ одномъ исполнится отъ большей части намѣреніе наше имѣть при флотѣ нашемъ флагмана, въ искуствѣ и въ дѣйствіи испытаннаго. Данъ въ С.-Петербургѣ, марта 27 дня 1764 г Екатерина.

57

Выше на стр. 351 перечислены партіи, существовавшія въ Польшѣ въ день смерти короля Августа III. Самою сильною партіею была въ то время партія Чарторыйскихъ, извѣстная подъ именемъ „фамиліи“ Къ партіи этой принадлежалъ гетманъ литовскій Масальскій и его сынъ виленскій епископъ. Епископъ Масальскій, подобно прочимъ тогдашнимъ католическимъ епископамъ, велъ роскошный образъ жизни и былъ большой игрокъ въ карты. Вскорѣ по смерти короля, въ Варшаву къ Кейзерлингу пріѣхали оба Масальскіе, литовскій референдарь Пржездецкій и генералъ Сосновскій и прямо спросили, кого императрица имѣетъ въ виду на польскій престолъ. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что императрица желаетъ избранія „пяста“ (природнаго поляка) и поддержитъ тѣхъ, кто будетъ способствовать такому избранію. Тогда гости письменно заявили послу, что для пріобрѣтенія большинства голосовъ въ Литвѣ, по причинѣ наступающихъ сеймиковъ и созывательнаго (конвокаціоннаго) сейма, нужно 50,000 червонцевъ, на армію 20,000 червонцевъ, да на избирательный сеймъ 100,000 червонцевъ. Кейзерлингъ донесъ въ Петербургъ, что такъ много давать не слѣдуетъ, но дать что-либо необходимо для пріобрѣтенія большинства на конвокаціонномъ сеймѣ, назначенномъ на 7 мая 1764 г.

Когда начались въ Литвѣ сеймики для выборовъ пословъ (депутатовъ) на конвокаціонный сеймъ, Кейзерлингъ и Репнинъ рѣшились дать Масальскимъ денегъ для подкуповъ шляхетства, совершенно уже деморализованнаго. Слѣдующая переписка показываетъ сколько перепало епископу Масальскому.

Милостивый государь мой Юрья Юрьевичъ! Отъ министровъ ея императорскаго величества въ Варшавѣ находящихся, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кейзерлинга и генералъ-маіора князя Репнина, получено здѣсь извѣстіе, что они для службы и интересовъ ея величества дали отъ себя епископу виленскому Масальскому ассигнацію въ 10,000 червонныхъ на имя вашего высокопревосходительства.

Я не оставилъ тотчасъ донести о семъ обстоятельствѣ ея императорскому величеству, и теперь имѣю честь объявить вамъ высочайшее ея величества соизволеніе, чтобы ваше высокопревосходительство, принявъ сію ассигнацію, дѣйствительно по ней и платежъ безъ замедленія учинить велѣли, употребляя на обмѣнъ червонныхъ наличныя въ казнѣ деньги, или же занимая такое число у тамошнихъ купцовъ, которымъ конечно скорый возвратъ учиненъ будетъ.

Какимъ образомъ исполните ваше высокопревосходительство сіе высочайшее повелѣніе, буду я ожидать въ свое время увѣдомленія, ибо по оному имѣетъ быть распоряженъ отправляемый къ вамъ послѣ о сихъ деньгахъ именной указъ. Съ истиннымъ высокопочтеніемъ пребуду я навсегда, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства всепокорный и послушный слуга Н. Панинъ. С.-Петербургъ, 10 марта 1764 г.

Прим. изд. Канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, поддерживая кандидатуру на польскій престолъ саксонской династіи, проигралъ во мнѣніи государыни. Съ конца 1763 г. онъ пересталъ уже принимать участіе въ дѣлахъ; веденіе иностранныхъ дѣлъ съ этого времени

было возложено на одного Панина, хотя и безъ канцлерскаго титула (См. Соловьева XXVI, 55).

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Вслѣдствіе письма,которымъ нашъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Панинъ далъ вамъ предварительно знать о высочайшемъ нашемъ соизволеніи, чтобы вы данную на имя ваше епископу виленскому Масальскому отъ нашихъ въ Варшавѣ министровъ, графа Кейзерлинга и князя Репнина, ассигнацію въ 10,000 червонныхъ не только акцептовали, но и дѣйствительно платежъ по оной учинили, употребляя на то деньги изъ наличныхъ въ казнѣ нашей или же занимая такое число у котораго ни есть изъ тамошнихъ купцовъ, повелѣваемъ мы чрезъ сіе означенную сумму десять тысячь червонныхъ, если оная изъ казны заплочена, въ расходъ записать, а инако, если у кого изъ купцовъ занята была, возвратить немедленно заимодавцу изъ наличныхъ въ казнѣ нашей денегъ, ставя ихъ въ одномъ и другомъ случаѣ на счетъ подъ званіемъ издержки, учиненной по имянному нашему указу Данъ въ С.-Петербургѣ, 20 марта 1764 г Екатерина.

Донеся 28 марта 1764 г. о полученіи этого указа, Броунъ присовокупилъ:

На оное вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее соизволеніе всенижайше доношу: отъ епископа виленскаго Масальскаго нарочно посланный для помянутыхъ денегъ, каноникъ Францыжка, сего марта 22 дня въ Ригу прибылъ и данную отъ министровъ вашего императорскаго величества ассигнацію мнѣ вручилъ. А понеже здѣсь нынѣ въ казнѣ вашего императорскаго величества статсъ-конторскихъ доходовъ, за отсылкою предъ симъ ефимковъ въ С.-Петербургъ и за ассигнованіемъ въ рижскій магистратъ для окончанія прямой митавской дороги (см. выше стр. 349, № 49), денегъ недостаточно, а червонною монетою и ничего не имѣется, то, къ скорѣйшему исполненію высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, взялъ я всю вышеписанную сумму заимообразно секретнымъ образомъ у здѣшняго ратсгера и купца Шефера, который также скрытно, чтобъ не возвысить курсу, тѣ червонные размѣнивалъ на ефимочную монету, и оные червонцы всѣ сполна десять тысячь означенному канонику дѣйствительно отданы, и отсюда онъ въ городъ Вильну къ епископу виленскому Масальскому сего марта 26 дня отправился.

Теперь осталось ратсгеру Шеферу отдать изъ казны вашего императорскаго величества ефимочною монетою за 10,000 червонныхъ 20925 талеровъ, въ томъ числѣ за 6,000 по 2 талера по 7 фердинговъ, а за 4,000 по 2 талера 8 фердинговъ за каждый червонецъ, какъ я о томъ въ письмѣ своемъ обстоятельно объяснилъ дѣйствительному тайному совѣтнику Панину. Помянутые же слѣдуемые въ отдачу Шеферу деньги какъ нынѣ имѣющіеся на лицо въ рижской рентереѣ, такъ и впредь изъ вступившихъ въ приходъ, возвращаемы быть

имѣютъ, и уповаю сію заплату окончить сего года въ послѣднихъ числахъ будущаго мая.

Прим. изд. Епископъ виленскій Масальскій былъ повѣшенъ въ Варшавѣ 7 іюня 1794 г. варшавскою чернью во время смутъ, возникшихъ съ возстаніемъ Косціюшки.

58.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ.

По прошенію вашему, принадлежащіе къ мызѣ Шмильтенъ по пожалованіи вамъ изъ оной 20 гаковъ, остальные за тѣмъ $8^3/_4$ гака повелѣли мы, даннымъ сенату указомъ нашимъ, при новомъ росписаніи арендной раздачи, оставить и впредь въ арендѣ за вами. Екатерина. С.-Петербургъ, 20 марта 1764 г.

Донесеніе Броуна: Вашего императорскаго величества щедроматернее высочайшее соизволеніе, за подписаніемъ собственныя вашего императорскаго величества руки отъ 20 сего мѣсяца, о всемилостивѣйшемъ данномъ сенату указѣ, чтобы принадлежащіе къ мызѣ Смильтенъ остальные $8^3/_4$ гака, при новомъ росписаніи арендной раздачи, оставить и впредь въ арендѣ за мною, я всеподданнѣйше получилъ и за таковое вашего императорскаго величества всевысочайшее благоволеніе, припадая къ освященнымъ вашего императорскаго величества стопамъ, чрезъ сіе приношу всенижайшее рабское мое благодареніе.

Прим. изд. Мыза Шмильтенъ (въ вольмарскомъ уѣздѣ) была пожалована Броуну въ 1758 г. императрицею Елисаветою Петровною при увольненіи его въ отпускъ для излѣченія ранъ, полученныхъ имъ въ Цорндорфскомъ сраженіи 14 августа 1758 г.

59[1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Послѣ отправленной отъ меня отъ 15 сего мѣсяца къ вашему императорскому величеству всеподданнѣйшей моей реляціи, генералъ-поручикъ Фуллертонъ отъ 27 минувшаго февраля изъ Лондона пишетъ ко мнѣ, что онъ всевысочайшій вашего императорскаго величества отъ 22 января имянной указъ въ копіи при моемъ предложеніи получилъ, и понеже ваше императорское величество на представленный отъ него второй пунктъ всемилостивѣйше повелѣть соизволили англійскихъ поручиковъ принять во флотъ вашего императорскаго величества въ капитаны втораго ранга, въ чинъ дѣйствительныхъ подполковниковъ, желаніе жъ ихъ имѣть въ капитаны перваго ранга и жалованье бъ получать въ годъ по 600 рублевъ, то за симъ случаемъ, англійскіе поручики, не хотя быть здѣсь втораго ранга капитанами, совсѣмъ отказались, и еще одинъ прежде желающій достойнѣйшій англійскій капитанъ также отказался съ объявленіемъ тѣмъ,

[1]) См. выше №№ 41, 44 и 56.

что онъ, за имѣющеюся нынѣ болѣзнею, въ морѣ службы продолжать не въ состояніи.

Теперь онъ, Фуллертонъ, ожидаетъ высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія единственно о капитанѣ англійскомъ Дуклосѣ, а понеже я вашему императорскому величеству объ немъ съ описаніемъ всѣхъ его достоинствъ отъ 15 сего мѣсяца всеподданнѣйше уже представилъ, а ежели всемилостивѣйше повелѣно будетъ по нижайшему моему мнѣнію его, Дуклоса, какъ объ немъ увѣряютъ, что весьма разумный и ученый человѣкъ, во флотъ вашего императорскаго величества флагманомъ принять или въ томъ ему отказать, а генералъ-поручику Фуллертону, по несыску другихъ достойныхъ офицеровъ, сію коммисію совсѣмъ оставить и сюда ѣхать, объ ономъ прошу вашего императорскаго величества высочайшаго указу, ибо другіе хотя и были бы желающіе капитаны, только оные для высокославной вашего императорскаго величества службы не весьма способны.

О таковомъ случаѣ, что по многому старанію не воспослѣдовало еще желаемаго успѣха, я, всемилостивѣйшая государыня, по искреннѣйшему моему къ интересамъ вашего императорскаго величества усердію, крайне сожалѣю, сумнѣваясь притомъ напротиву открытаго дозволенія нѣтъ-ли иного съ тамошней стороны подъ рукою удерживанія такимъ достойнымъ офицерамъ, коихъ отпустить жалѣютъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 23 марта 1764 г.

Отвѣтъ на это донесеніе состоялъ въ слѣдующемъ:

Господинъ генералъ Броунъ.

Изъ послѣдняго донесенія вашего усмотрѣли мы, что приговоренные генералъ-поручикомъ Фуллертономъ въ морскую службу нашу англійскаго флота поручики отъ оной вовсе отказались, нехотя быть капитанами 2-го ранга, ни жалованья получить меньше 600 рублевъ. Если бъ къ приведенію ихъ на прежнее мнѣніе вся трудность состояла въ одномъ жалованьи, то на 600 рублевъ, въ разсужденіи достоинства людей, охотно мы соизволяемъ. А если сего не довольно, то на основаніи того правила, на которомъ мы согласились принять флагманомъ въ службу нашу капитана Дуклоса, т. е. что онъ, по отличному своему искусству, знанію и достоинствамъ, для другихъ примѣромъ служить не можетъ, соизволяемъ еще и на принятіе одного поручика въ капитаны 1-го ранга съ тѣмъ однако, чтобъ онъ былъ офицеръ такихъ же по препорціи отличныхъ качествъ, каковъ и капитанъ Дуклосъ. О сей нашей резолюціи надобно вамъ поскорѣе увѣдомить генералъ-поручика Фуллертона, дабы онъ по тому коммисію свою, не упуская времени, исполнить могъ. Екатерина. С.-Петербургъ, 31 марта 1764 г.

О полученіи этого указа и предложеніи Фуллертону исполнить оный, Броунъ всеподданнѣйше донесъ 10 апрѣля 1764 г.

60.

Указъ нашему генералу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну

Изъ настоящаго положенія въ Польшѣ дѣлъ имѣя причину опасаться, что нужда и необходимость могутъ насъ привести до отправленія части войскъ нашихъ въ сіе королевство, почли мы за нужно принять на такой случай благовременно всѣ потребныя мѣры, а какъ въ числѣ оныхъ заготовленіе провіанта и фуража особливое заслуживаетъ уваженіе, дабы послѣ въ составленіи магазиновъ не терять времени, которое можетъ быть весьма дорого будетъ, то, по близости города Риги отъ границъ польской Лифляндіи, гдѣ натурально походу не миновать, поручаемъ мы вамъ, въ надеждѣ на дознанную вашу вѣрность и усердіе, употребить въ означенныхъ при семъ особливою запискою трехъ мѣстахъ — Маріенгаузенѣ, Розитенѣ и Брацлавѣ — всевозможное стараніе, дабы способомъ, имянованнымъ въ той запискѣ и чрезъ другихъ надежныхъ людей, нужныя приготовленія сдѣланы были къ собранію требуемаго количества хлѣба, крупъ и овса, сколь скоро войска въ движеніе приведены будутъ, дѣлая все то подъ рукою, но не съ такою однако скрытностію, чтобъ противники не могли проникнуть, ибо сіе самое можетъ отчасти поспѣшествовать успѣху намѣреній нашихъ. Какимъ образомъ исполните вы сіе повелѣніе, ожидаемъ мы вашихъ доношеній. Екатерина. С.-Петербургъ, 1 апрѣля 1764 г

Въ запискѣ означено, что въ Маріенгаузенѣ, Розитенѣ и Брацлавѣ заготовить по 762 четверти муки, 84 ч. крупъ и 793 четв. овса. Противъ Маріенгаузена означено: Принадлежитъ воеводѣ Вильзену. А какъ сіе мѣсто граничитъ съ россійскою областію, то можно съ нынѣшняго времени послать изъ Риги для сего распоряженія; сіе же, будучи въ народѣ напередъ извѣстно, тѣмъ полезнѣе быть можетъ.

Противъ Розитена (Рѣжицы) замѣчено: Принадлежитъ Корфу. Въ сіе мѣсто писать надобно чрезъ Симолина.

Противъ Брацлава написано: Принадлежитъ кастеляну Гильзену. Сіе мѣсто также не подалеку отъ россійской Лифляндіи, и для того можно туда послать либо къ управителямъ епископа виленскаго, который имѣетъ тамъ маетности, или къ господамъ Радомину и Фароцкому.

„Сіе надлежитъ сдѣлать“ — приписано къ каждой отмѣткѣ.

Съ своей стороны Панинъ написалъ Броуну слѣдующее письмо:

Милостивый государь мой Юрья Юрьевичъ!

При отправленіи къ вашему высокопревосходительству двухъ при семъ слѣдующихъ имянныхъ указовъ, имѣю я честь примѣтить вамъ по тому, который касается до магазиновъ, что теперь однако до точнѣйшаго польскихъ дѣлъ объясненія, нѣтъ нужды письменныхъ контрактовъ заключать, ниже давать денежныя задатки, ибо когда уже востребуетъ нужда, чтобъ армія генерала князя Волконскаго дѣйствительно выступила, тогда сей генералъ отъ себя будетъ посылать нарочныхъ напередъ офицеровъ для законтрактованія количества и цѣны провіанта и фуража, съ выдачею задатковъ, въ нужныхъ мѣстахъ по опредѣляемому тогда же отъ него рѣшительному маршруту,

котораго теперь точно безъ погрѣшности опредѣлить не возможно, слѣдовательно же и вся сія операція приготовленія провіанта должна состоять въ томъ, чтобъ жители опредѣленныхъ нынѣ примѣрныхъ мѣстъ и ихъ околичностей были о томъ благовременно увѣдомлены и въ распоряженіи своихъ продуктовъ нѣчто излишнее въ запасъ содержали, дабы при настояніи надобности не были принуждены убавлять изъ той провизіи, которая оставалась бы у нихъ для собственнаго своего пропитанія.

Съ отправленнымъ въ Польшу, по имянному ея императорскаго величества указу, маіоромъ Бандре прошу я ваше высокопревосходительство отправить изъ рижскаго гарнизона однаго надежнаго унтеръофицера, который ему необходимо нуженъ, да и еще приказать, чтобъ въ пропускѣ съ нимъ заграницу двухъ его служителей не было сдѣлано затрудненія.

Въ прочемъ, благодарствуя за доставленіе сюда писемъ епископа виленскаго Масальскаго, имѣю я честь пребывать съ совершеннымъ высокопочтеніемъ и преданностію вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, всепокорный и всепослушный слуга Н. Панинъ. С.-Петербургъ, 3 апрѣля 1764 г

Донесеніе Броуна. Вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшій имянной указъ отъ 1 сего апрѣля съ приложенною запискою, дабы способомъ, имянованнымъ въ оной, и чрезъ другихъ надежныхъ людей для войскъ вашего императорскаго величества, которое отчасти, вслучаѣ необходимой нужды, въ польское королевство введено будетъ, заготовить въ назначенныхъ трехъ мѣстахъ — Маріенгаузенѣ, Розитенѣ и Брацлавѣ — магазейны, къ чему объ употребленіи мнѣ всевозможнаго старанія и какимъ образомъ сіе всевысочайшее повелѣніе исполнено будетъ о рапортованіи вашему императорскому величеству, я сего мѣсяца 8 числа всеподданнѣйше получилъ.

На который вашего императорскаго величества всемилостивѣйшій указъ, по всеподданнѣйшей моей рабской должности, всенижайше доношу: изъ помянутыхъ назначенныхъ мѣстъ въ Маріенгаузенѣ, по моему малѣйшему мнѣнію, магазейну быть весьма неспособно, ибо къ оному мѣсту отъ россійской границы хотя и есть дорога, но зимняя, а весною и лѣтомъ за имѣющимися тамъ болотами, отъ коихъ великія топи, проходу быть невозможно, а сколь по моему извѣстію, столь и по узнанію бывшаго въ тѣхъ мѣстахъ съ начала компаніи прусской и во всю бытность продолженія оной для смотрѣнія и заготовленія въ польской Лифляндіи и въ Литвѣ магазейновъ и другихъ нужныхъ распоряженіевъ, теперь находящагося здѣсь астраханскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіора Телѣгина, осмѣлился я учинить гдѣ которому магазейну быть, а особливо вмѣсто вышеписаннаго въ Маріенгаузенѣ назначеннаго, съ пристойнымъ обстоятельствомъ, нижайшее мое объясненіе. А притомъ, когда войскамъ вашего император-

скаго величества нужда востребуетъ имѣть движеніе въ польскіе области, то къ заблаговременному свѣдѣнію сдѣлалъ принадлежащіе маршруты, которые на высочайшее разсмотрѣніе вашему императорскому величеству всеподданнѣйше подношу.

Всемилостивѣйшая государыня! Я, по вышеписанному вашему высочайшему повелѣнію, конечно бъ не оставилъ нынѣ же послать въ назначенныя по запискѣ мѣста и въ околичности онаго къ собранію опредѣляемаго хлѣба, крупъ и овса надежнаго человѣка, чтобъ подъ рукою склонить и совсѣмъ къ тому пріуговорить кого надлежитъ, дабы они для помянутаго заготовленія у себя излишнее въ запасѣ имѣли, но теперь, не зная который маршрутъ изъ представленныхъ отъ меня ваше императорское величество всемилостивѣйше соизволите апробовать, или сходственно съ приложенною запискою останется, того ради всеподданнѣйше прошу вашего императорскаго величества о томъ высочайшаго предварительнаго повелѣнія, по полученіи коего, могъ бы я помянутаго маіора Телѣгина въ самыя тѣ мѣста, гдѣ дѣйствительно назначается магазейнъ, послать и высочайшее ваше повелѣніе подъ рукою самымъ дѣломъ исполнить, ибо ему, Телѣгину, всѣ тамошнія мѣста, по долговременной его въ оныхъ бытности, обстоятельно свѣдомы и доброжелательные къ интересамъ вашего императорскаго величества многіе польскіе шляхтичи знакомы. А притомъ я ко всеудобнымъ способамъ могу употребить такое стараніе, чтобъ чрезъ надежныхъ такихъ людей провіанта и овса столько къ заготовленію было у нихъ въ готовности, сколько при маршѣ войска потребуется, и хотя не сумнѣваюсь въ провіантѣ, который всегда получить можно, но фуража, а особливо сѣна, не уповаю нынѣшнимъ временемъ достаточно сыскать, и въ такомъ случаѣ принуждено развѣ будетъ лошадей полевымъ кормомъ тогда довольствовать, а къ тому овесъ, который гдѣ можно будетъ достать, употреблять. И понеже воевода мстиславскій Платеръ и староста Зибергъ, которые въ польской Лифляндіи первые, здѣсь въ Ригѣ имѣютъ немалые торги, но при томъ извѣстно, что и къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ доброжелатели, то по вышеписанной коммисіи къ приготовленію всего потребнаго, если позволите ваше императорское величество, я могу имѣть и съ ними корреспонденцію.

Въ приложенной къ этому донесенію запискѣ, Броунъ предлагалъ устроить провіантскіе магазейны не въ Маріенгаузенѣ, а въ деревнѣ Болтинѣ, Маріенгаузенской волости, принадлежащей Гильзену. Если же въ Болтинѣ окажется неудобнымъ, то устроить въ Люцинѣ, тогда въ Рѣжицѣ устраивать надобности не будетъ; въ мѣстечкѣ Брацлавѣ, если войска будутъ направлены на этотъ пунктъ, устроить необходимо.

Въ маршрутахъ Броунъ указывалъ вести армію отъ Пскова или на Болтино, Люцинъ, Рѣжицу, Друю и Брацлавъ или же отъ Пскова на Опочку, Освею, Друю и Брацлавъ.

Если же отъ Пскова войска будутъ направлены на Вильну, то слѣдовать на Динабургъ.

Одновременно съ приведеннымъ выше донесеніемъ, Броунъ 10 апрѣля 1764 г. представилъ государынѣ слѣдующее:

Ваше императорское величество изъ послѣдней моей всеподданнѣйшей реляціи, учиненной по письму въ Варшавѣ пребывающихъ министровъ, графа Кейзерлинга и князя Репнина, всемилостивѣйше

усмотрѣть соизволите, что таковыя обстоятельства уже требуютъ, дабы назначенный въ Литву корпусъ вступалъ, то при сихъ наступающихъ конъюктурахъ, чтобъ разные чины королевства польскаго и великаго княжества литовскаго въ опасность и сумнѣніе приведены не были и потому сюда въ Ригу и въ другіе вашего императорскаго величества провинціи отправляющееся купечество безъ страху ихъ особъ и товаровъ продолжать могли и притомъ не было бъ въ коммерціи остановки и въ доходахъ вашего императорскаго величества высочайшаго интереса ущерба, вѣрноподданные жъ вашего императорскаго величества въ производствѣ своего купечества не понеслибъ крайнихъ убытковъ и разоренія, по искреннѣйшему моему усердію осмѣлюсь представить всенижайшее мое рабское мнѣніе: не соизволите-ль, всемилостивѣйшая государыня, всевысочайшимъ матернимъ своимъ благоволеніемъ о свободномъ сюда и въ прочіе провинціи купечества съ товарами пріѣздѣ всемилостивѣйшимъ манифестомъ обнародовать. А каковъ объ ономъ въ 733-мъ году, во время бытности россійскихъ войскъ въ Польшѣ, манифестъ состоялся, оный на всевысочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе всеподданнѣйше подношу.

На это донесеніе послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ:

Господинъ генералъ Броунъ.

Изъ рапорта вашего отъ 10 числа сего мѣсяца усмотрѣли мы какъ тѣ неудобства, кои встрѣчаются въ составленіи магазина въ Маріенгаузенѣ, такъ и новый опытъ усердія вашего къ службѣ и интересамъ нашимъ въ присылкѣ сюда удобнѣйшихъ, по мнѣнію вашему, маршрутовъ. Мы находимъ примѣчанія ваши основательными и конечно велѣли бы употребить ихъ въ пользу, если бы только случай похода войскъ изъ Лифляндіи дѣйствительно настоялъ. Но какъ оный еще зависитъ отъ будущихъ обстоятельствъ, то теперь въ запасъ только поручаемъ вамъ отправить отъ себя въ представляемыя отъ васъ мѣста однаго или двухъ офицеровъ, кои бы, отнюдь не дѣлая подрядовъ, а еще меньше давая задатки, по дорогѣ объявляли жителямъ, что войска наши имѣютъ вступить въ ихъ границы и что бъ потому оставляли они у себя излишніе припасы, дабы послѣ не претерпѣть самимъ недостатка. Екатерина. С.-Петербургъ, 26 апрѣля 1764 года.

Донеся 5 мая 1764 г. о полученіи рескрипта отъ 26 апрѣля, Броунъ присовокупилъ:

А понеже вчерашняго числа на штафетѣ получено мною отъ министровъ вашего императорскаго величества въ Варшавѣ находящихся, графа Кейзерлинга и князя Репнина, письмо, въ коемъ объявляютъ, что нынѣшніе обстоятельства уже требуютъ, дабы назначенный въ Литву корпусъ несомнѣнно вступалъ, и просили при томъ приложенное письмо къ командующему тѣмъ корпусомъ генералу въ Великіе Луки отослать, которое съ нарочнымъ офицеромъ вчера же

отъ меня отправлено, по таковому нужному обстоятельству, ко исполненію вышеписаннаго высочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія, въ повелѣнныя мѣста сего числа отправленъ отъ меня астраханскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіоръ Телѣгинъ, которому всѣ тамошнія мѣста и польскіе шляхтичи знаемы, по причинѣ что онъ и въ прошедшую компанію для нужныхъ распоряженіевъ тамъ находился, да и теперь нѣкоторые оставшіе магазейны въ вѣдѣніи его еще состоятъ, и который оную коммисію по его исправности, со изысканіемъ удобнѣйшихъ способовъ и усерднѣйшаго его старанія, исполнить можетъ. А какое отъ меня о томъ дано ему повелѣніе со онаго всеподданнѣйше подношу вашему императорскому величеству на высочайшее разсмотрѣніе экстрактъ. Сверхъ того писалъ я воеводѣ графу Платеру, къ старостѣ Зибергу и къ стольнику и подстаростѣ Шадурскому, яко главнымъ въ польской Лифляндіи находящимся, кои ласкаются и какъ видно усердствуютъ къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ, дабы они, при востребуемомъ случаѣ и когда чрезъ ихъ маетности войска вашего императорскаго величества слѣдовать будутъ, имѣли въ запасѣ провіанта и фуража принадлежащее число. Какое же мною отъ помянутыхъ министровъ получено письмо съ онаго копію всеподданнѣйше подношу.

Прим. изд. Войскъ изъ Лифляндіи и Пскова, однакоже, не трогали, да и надобности въ томъ не предстояло.

Выше уже было замѣчено (см. стр. 343), что императрица, по смерти Августа III, рѣшилась поддерживать кандидатуру на польскій престолъ графа Понятовскаго и въ помощь къ нашему послу графу Кейзерлингу назначила генералъ-маіора князя Репнина. Въ октябрѣ 1763 г. Репнинъ прибылъ въ Варшаву и первымъ его донесеніемъ было донесеніе о смерти главнаго соперника Понятовскому новаго курфирста саксонскаго и о раздѣленіи саксонской партіи между братьями умершаго, принцами Ксаверіемъ и Карломъ (бывшимъ герцогомъ курляндскимъ). Въ Польшѣ повсемѣстно открывались сеймики для выборовъ пословъ въ конвокаціонный сеймъ и шла ожесточенная борьба между партіями (см. выше стр. 351). Въ концѣ декабря 1763 г. Кейзерлингъ и Репнинъ передали императрицѣ требованія графа Понятовскаго и доносили, что соперникомъ ему является старикъ великій гетманъ коронный, Янъ Браницкій, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи польское коронное войско, вошелъ въ союзъ съ виленскимъ воеводою княземъ Карломъ Радзивилломъ (панекоханку) и вооружается, чѣмъ внушаетъ большія опасенія въ партіи «фамиліи». 27 февраля 1764 г. князь Репнинъ доносилъ императрицѣ о необходимости вступленія русскихъ войскъ въ Польшу какъ для успокоенія „фамиліи“, такъ и для показанія мелкой шляхтѣ на сколько ложны слухи, разсѣваемые партіею Браницкаго. (Соловьевъ, XXV, 56). Вмѣстѣ съ тѣмъ Репнинъ доносилъ, что на польскій престолъ явился новый кандидатъ — князь Любомирскій, подстолій коронный, который и самъ богатъ и будетъ поддерживаемъ богачами потоцкими. На докладѣ о Любомирскомъ государыня собственноручно приписала: „къ коровѣсѣдло не пристало“. Между тѣмъ Чарторыйскіе обратились также къ императрицѣ съ просьбою прислать имъ 2,000 человѣкъ конницы и два полка пѣхоты. Панинъ написалъ на этой просьбѣ для императрицы свой «ремаркъ», чтобы наши польскіе друзья «горазло осмотрѣлися» прежде чѣмъ вводить въ Польшу русскія войска, чтобы не возбудить противъ себя недовѣрчивости и подозрѣній Не войсками фамилію слѣдуетъ поддерживать, а скорѣе деньгами и нашею „инфлюенціею“: пусть сами стараются за себя. Екатерина на этомъ ремаркѣ написала: „Я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефлекціи дѣлала“.

Съ отправкою войскъ не торопились, но однако же подготовляли отряды, и когда Репнинъ въ мартѣ 1764 г. потребовалъ вступленія русскихъ войскъ въ Вильну для подкрѣпленія конфедераціи, составленной противъ партіи Радзивилла, то было предписано князю Дашкову итти съ отрядомъ изъ Курляндіи на Гродно, князю Волконскому итти на Минскъ, а Хомутову (см. выше стр. 344) въ Закрочимъ, въ 50 верстахъ отъ Варшавы, въ тоже время былъ данъ и Броуну вышеприведенный указъ отъ 1 апрѣля.

9 (20) апрѣля магнаты прислали письмо къ императрицѣ съ благодарностію за присланныя войска, а въ концѣ апрѣля начали съѣзжаться на конвокаціонный сеймъ, назначенный на

7 мая (30 апрѣля) въ Варшавѣ. Здѣсь партія Браницкаго подала протестъ противъ вступленія русскихъ войскъ, и Браницкій выступилъ изъ Варшавы для составленія конфедераціи. Князь Дашковъ погнался за нимъ и разсѣялъ всѣхъ его приверженцевъ.

Въ іюнѣ кончился конвокаціонный сеймъ, на которомъ была установлена генеральная конфедерація. Князь Дашковъ между тѣмъ разсѣялъ и партію Радзивилла. Радзивиллъ бѣжалъ въ Молдавію и оттуда перебрался въ Дрезденъ, а Браницкій ушелъ въ Венгрію.

Въ концѣ іюля всѣ противники Понятовскаго были разбиты; 5 (16) августа начался избирательный сеймъ, а 15 (26) кончился избраніемъ въ короли Станислава-Августа графа Понятовскаго. То былъ послѣдній польскій король.

61.

Чтобы оживить сельское хозяйство, торговлю и промышленность, императрица рѣшилась вызвать въ Россію иностранныхъ колонистовъ. Именнымъ указомъ сенату отъ 22 іюня 1763 г. была учреждена „канцелярія опекунства иностранныхъ“ съ назначеніемъ президентомъ ея генералъ-адъютанта и дѣйствительнаго камергера графа Григорія Орлова. Иностранные поселенцы, пріѣхавъ въ Россію, должны были являться въ эту канцелярію и объявлять — хотятъ-ли они записываться въ купцы, мѣщане и цеховые, или селиться компаніями на свободныхъ земляхъ. Всѣмъ колонистамъ предоставлялись обширныя права и преимущества и свобода отъ податей и службъ, земледѣльцамъ на 30 лѣтъ, горожанамъ въ столицахъ и мѣстахъ, пріобрѣтенныхъ по Ништатскому миру, на 5 лѣтъ, а въ другихъ городахъ на 10 лѣтъ. Каждому давалось отъ казны вспоможеніе деньгами съ уплатою безъ процентовъ чрезъ 10 лѣтъ и пр. Однимъ словомъ правительство старалось всячески привлечь колонистовъ.

Изъ этой канцеляріи Броунъ 29 апрѣля 1764 г. получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ.

Господинъ генералъ-губернаторъ.

Если будутъ рекомендованы отъ канцеляріи опекунства иностранныхъ нѣсколько купеческихъ людей новороссійской губерніи, то имъ позволить жительство имѣть въ Ригѣ и торгъ производить на такомъ основаніи, какъ прочихъ россійскихъ губерній купечеству въ Ригѣ дозволяется въ силу законовъ. Сверхъ того, когда отъ оныхъ будутъ отправляемы ихъ прикащики, повѣренные и работные люди въ Новую Россію, также и для поселенія тудажъ, то для препровожденія и безопасности оныхъ, не смотря на законы и вѣру, давать пристойное провожаніе и паспорты отъ васъ, да сверхъ того, если изъ Митавы будутъ три или четыре человѣка, которые пожелаютъ ѣхать въ Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій, имѣющихся на коронѣ, дать имъ паспорты, не упоминая ихъ націи и о законѣ оныхъ испытанія не чинить, а писать только въ паспортахъ имена ихъ, а чтобы знать оныхъ, то должно чтобъ они имѣли письмо отъ находящагося здѣсь купца Левія Вульфа, которое они вамъ показать должны. Екатерина. Даты нѣтъ. Отмѣчено: получено апрѣля 29 дня, и о полученіи рапортовано 2 мая 1764 г

На рескриптѣ этомъ собственноручно приписано императрицею:

Wen sie mir nicht verstehen, so wird es mein Schuld nicht seyn; dieser Brief hat der President von der Protection Canzley selber geschrieben, halten Sie dieses alles geheim.

Т.-е. Если меня вы не поняли, то не моя вина тому: это письмо написалъ самъ президентъ канцеляріи опекунства, сохраняйте все это въ тайнѣ.

Рескриптъ этотъ былъ доставленъ Броуну секундъ-маіоромъ Ртищевымъ. Броунъ немедленно же, по содержанію рескрипта, написалъ письмо къ Симолину и отправилъ съ нимъ Ртищева въ Митаву. Вотъ отвѣтъ Симолина:

Высокородный и высокопревосходительный господинъ генералъ-аншефъ, Лифляндіи генералъ губернаторъ и многихъ орденовъ кавалеръ, милостивый государь!

Высокопочтенное вашего превосходительства письмо отъ 2 сего мая мнѣ исправно вручено секундъ-маіоромъ Ртищевымъ, и что касается до порученной ему изъ С.-Петербурга секретной коммисіи, то я ему учинилъ всякое отъ меня зависимое вспоможеніе, а онъ самъ сегодня отправляется съ 7-ю жидами въ Ригу и далѣе въ С.-Петербургъ, коихъ я снабдилъ по ихъ прошенію моимъ паспортомъ, а жиды Беръ и Сундель провожаютъ оныхъ до Риги, откуда они опять возвратиться имѣютъ. Донынѣ никто не знаетъ о семъ отправленіи, однако сіе не долго остаться можетъ въ секретѣ, ибо невсегда можно полагаться на сего народа.

Въ прочемъ пребываю съ совершеннымъ высокопочтеніемъ вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, всенижайшій слуга Карлъ Симолинъ. Митава, 7 (18) мая 1764 г.

По прибытіи въ Ригу, секундъ-маіоръ Ртищевъ подалъ Броуну списокъ людей, которые пріѣхали съ нимъ изъ Митавы. То были: изъ мѣстечка Биржъ, рабинъ Израель Хаимъ, помощникъ Натонъ Абрахамъ. Изъ Митавы купцы: Давидъ Левій, Мозусъ Аронъ, Израель Лазаръ; рѣзникъ Лазарь Израель, работникъ Якубъ Маркусъ.

Донесеніе Броуна: По содержанію всевысочайшаго вашего императорскаго величества секретнаго имяннаго всемилостивѣйшаго соизволенія, желающіе въ С.-Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій таковые, о коихъ ни о законѣ, ни о ихъ націи испытанія не было, съ нарочно для ихъ съ письмомъ купца Левія Вульфа присланнымъ секундъ-маіоромъ Ртищевымъ купцовъ 3, духовныхъ 2 и одинъ рѣзникъ съ работникомъ, всего въ 7 человѣкахъ, сюда изъ Митавы сего мая 7-го прибыли, и сего числа въ С.-Петербургъ съ тѣмъ же секундъ-маіоромъ на такомъ основаніи, какъ всемилостивѣйше повелѣно, отправлены.

Всемилостивѣйшая государыня! О семъ дѣлѣ съ моей стороны конечно содержанъ быть имѣетъ всегдашній секретъ, но какъ упомяненные люди сюда прибыли открытымъ образомъ, то не долго иногда можетъ, особливо по знаемости оной націи, сіе отправленіе ихъ остаться въ секретѣ. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу Рига, 9 мая 1764 г.

62[1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

По силѣ вашего императорскаго величества всевысочайшаго секретнаго именнаго указа отъ 14 февраля сего года, присланному отъ литовскаго польнаго писаря Тизенгаузена человѣку Матису Гутовскому 50 карабиновъ, 50 паръ пистолетъ и столько же сабель, по принятіи изъ рижскаго цейхгауза, секретнымъ образомъ сего мая

[1]) См. выше № 52, стр. 351.

6 отданы, и тогожъ числа изъ Риги дѣйствительно оный въ мѣсто Поставъ отправился. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.

63.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества отъ министровъ въ Варшавѣ пребывающихъ, графа Кейзерлинга и князя Репнина, сего мая 19-го получилъ я письмо отъ 2-го минувшаго апрѣля, дабы отпустить изъ Риги присланному отъ князя Черторижскаго, канцлера литовскаго, 50 карабинерскихъ ружей и 50 паръ пистолетъ, и хотя объ оном̀ъ всевысочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія здѣсь не получено, но въ разсужденіе сего, что таковое требованіе, уповаю, сходное съ высочайшимъ вашего императорскаго величества матернимъ благоволеніемъ, и чтобъ отправленіемъ оныхъ въ требованіи резолюцій не могли послѣдовать замедленія, вышеписанное число ружей и пистолетъ изъ рижскаго цейхгауза съ присланнымъ отъ помянутаго князя Черторижскаго польской службы поручикомъ фонъ Минихомъ вчерашняго числа отпущено. Но ежели впредь таковое жъ отъ показанныхъ министровъ требованіе будетъ, то ваше императорское величество соизволите-ль повелѣть отпускъ тѣмъ ружьямъ и пистолетамъ чинить, о томъ всеподданнѣйше прошу какъ меня, такъ и генералъ-фельдцехмейстера, снабдить вашего императорскаго величества всемилостивѣйшимъ указомъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 22 мая 1764 г.

По донесенію этого послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ:

Господинъ генералъ Броунъ.

Изъ донесенія вашего отъ 22 числа прошедшаго мая мѣсяца, усмотрѣла я, что вы, по требованію министровъ нашихъ въ Варшавѣ, отпустили съ присланнымъ отъ литовскаго канцлера князя Черторискаго офицеромъ фонъ Минихомъ 50 карабиновъ и 50 паръ пистолетъ. Я апробую сей вашъ поступокъ, думая, что помянутые министры, конечно, не сдѣлали бы вамъ безпосредственнаго требованія инако, какъ въ разсужденіи существительной иногда надобности, а особливо для выиграніе времени. Екатерина С.-Петербургъ, 3 іюня 1764 г

Прим. пер. Къ этому времени партіи Браницкаго и Радзивилла были уже совершенно разсѣяны, конвокаціонный сеймъ подходилъ къ концу, за тѣмъ прекратилась и высылка оружія для партіи „фамилій“.

64[1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

---

[1]) См. выше № 59.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: генералъ-поручикъ Фуллертонъ изъ Англіи сего мая 23 дня года прибылъ, и, по порученной ему коммисіи, въ высокославную вашего императорскаго величества службу изъ тамошняго великобританскаго флота достойнѣйшихъ четырехъ человѣкъ офицеровъ, въ томъ числѣ двухъ капитановъ и двухъ поручиковъ, привезъ, съ коими на сихъ дняхъ въ С.-Петербургъ отправится, и вашему императорскому величеству какъ о качествахъ сихъ офицеровъ, такъ и на какихъ кондиціяхъ въ службы приняты, онъ, Фуллертонъ, обстоятельно донести имѣетъ. При томъ же объявилъ, что и капитанъ Дуклосъ, котораго ваше императорское величество всемилостивѣйше указать соизволили принять контръ-адмираломъ, прямо въ С.-Петербургъ пріѣдетъ, и надѣется ему тамъ быть въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 23 мая 1764 г.

Предъ отъѣздомъ изъ Риги Фуллертонъ представилъ Броуну подробный счетъ въ израсходованныхъ имъ 1,000 червонцевъ, полученныхъ при отъѣздѣ въ Англію.

Этимъ кончилась командировка Фуллертона. Вызовъ англійскихъ моряковъ послѣдовалъ по причинѣ плохаго состоянія нашего флота, которымъ императрица была недовольна. (См. Соловьева, XXVI).

65[1]).

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

По всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію отправленный отъ меня въ польскія мѣста для объявленія тамошнимъ обывателямъ, чтобъ по назначеннымъ пунктамъ, кои всемилостивѣйше апробовать соизволили, имѣли провіантъ и фуражъ на довольствіе войскъ вашего императорскаго величества въ готовности, секундъ-маіоръ Телѣгинъ отъ 16 сего мѣсяца рапортуетъ ко мнѣ, что онъ по первому тракту, по коему ежели востребуется нужда итти полкамъ отъ Пскова и отсюда изъ Лифляндіи, ѣздилъ, гдѣ провіанта и фуража сколько потребно будетъ достать можно, а притомъ тамошніе шляхтичи объявили, что у нихъ оное въ готовности будетъ, кромѣ однакожь сѣна, коего весьма мало и не у всѣхъ шляхтичей находится. Такожъ по изъясненному тракту усмотрѣнные имъ, Телѣгинымъ, худые мосты и дорогу обыватели починиваютъ, и на другомъ трактѣ такое же распоряженіе онъ немедленно учинить имѣетъ. При чемъ партикулярно увѣдомляетъ, что онъ въ Динабургъ въ самое то время предуспѣшилъ пріѣхать какъ только собранное польской Лифляндіи шляхетство начинали имѣть сеймикъ, и хотя были нѣкоторые противной партіи и разныхъ мнѣній, но пріѣздъ его такъ счастливъ былъ, что всѣ оный сеймикъ, съ высочайшимъ вашего императорскаго величества намѣреніямъ согласно, окончали. А понеже сходное сему выбранный при томъ сеймикѣ маршалкомъ, староста Зибергъ, нынѣ пишетъ ко мнѣ, что они, помянутый сеймикъ, въ семъ княжествѣ польской Лифляндіи благополучно утвердили и положили во

[1]) См. выше № 60 и стр. 364.

всемъ на такомъ основаніи, какъ высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе есть, при томъ обѣщаютъ они всѣ тѣ распоряженія съ радостію исполнить, которыя только угодны быть могутъ къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ. О чемъ секундъ-маіоръ Телѣгинъ рапортуетъ, что отъ него, маршалка и старосты Зиберга, опредѣленъ уже нарочный коммисаръ чесниковичъ Карницкій, коему подтверждено, дабы онъ въ проходѣ войска, къ удовольствію всего, гдѣ только востребуетъ надобность, старался исполнить. Того ради о вышеписанномъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 25 мая 1764 г.

66.

Въ іюнѣ и іюлѣ 1764 г. государыня путешествовала въ Прибалтійскомъ краѣ. Путешествіе ея продолжалось съ 20 іюня по 23 іюля 1764 г. (Приб. Сб. II, 555—590). Въ Ригѣ государыня пробыла съ 9 по 15 іюля. Слѣдующія повелѣнія состоялись за это время:

1) Указъ нашему рижскому генералъ-губернатору Броуну

Изъ находящейся въ рентереѣ здѣшней статской суммы, имѣете вы отпустить въ походный нашъ кабинетъ, къ статскому дѣйствительному совѣтнику Елагину, денегъ серебромъ монетою 20,000 рублевъ, а ежели рублевиками такого числа нѣтъ, то размѣнять на столько талеровъ и ему, Елагину, выдать рублевиками. Екатерина. Рига, 11 іюля 1764 г

2) Указъ нашему рижскому генералъ-губернатору Броуну

Въ добавокъ къ отпущеннымъ въ походный нашъ кабинетъ 20,000 рублямъ, извольте отпустить ему жъ, Елагину, 1000 червонныхъ и 10,000 рублевъ. Екатерина. Рига, 14 іюля 1764 г

Деньги, по этимъ двумъ указамъ, были выданы Елагину 14 іюля. Рублевики, числомъ 30,000, были взяты у рижскаго ратсгера, купца Шефера, а 1000 гол. червонцевъ изъ рижскаго провіантскаго правленія. Шеферу заплатили изъ рижской рентереи албертовыми талерами по курсу.

3) Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну

По представленію вашему, уважая прописанные въ немъ резоны, повелѣваемъ на содержаніе и починку всѣхъ находящихся въ Ригѣ казенныхъ строеній, садовъ и прочаго, вмѣсто отпускаемыхъ по нынѣ, въ силу конфирмованнаго 1728 года штата, 2000 рейхсталеровъ, употреблять ежегодно по 3000 рублевъ, а для скорѣйшаго исправленія оныхъ, первые два года отпускать по 4000 рублевъ, о чемъ вы отъ себя, куда надлежитъ, и сообщить имѣете. Если же нѣкоторые изъ сихъ казенныхъ мѣстъ могутъ какъ для житья оберъ-коменданту, такъ и для найму вольнымъ людямъ, безъ вреда употреблены быть, то поступать вамъ въ томъ по вашему благоизобрѣтенію. Екатерина. Даты не означено.

4) Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну

На представленіе ваше о находящихся въ Ригѣ двухъ казен-

ныхъ издревле опустѣлыхъ домахъ, старомъ таможенномъ и Нанскомъ, повелѣваемъ вамъ, учиня смѣту, во что исправленіе ихъ станетъ, и сколько напримѣръ съ нихъ доходу быть можетъ, представить намъ. Екатерина. Даты не означено.

5) Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну

Извѣстно намъ, что нѣкоторые лифляндскіе помѣщики на бывшую послѣднюю въ Лифляндіи ревизію неудовольствіе имѣютъ, того ради прикажите публиковать, чтобъ всѣ такія жалобы свои принесли вамъ отъ сего числа въ мѣсяцъ, которыя, вамъ разобравъ, со мнѣніемъ своимъ представить въ камеръ-контору лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, и такое же представленіе прислать и къ намъ. Екатерина. Рига, 14 іюля 1764 г.

6) Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну

Поднесенные отъ васъ планы судебнымъ мѣстамъ въ Ригѣ, Венденѣ, Дерптѣ и Перновѣ, съ принадлежащими къ нимъ архивами и прочимъ строеніемъ, мы, всемилостивѣйше апробуя, повелѣваемъ на строеніе ихъ употребить изъ здѣшнихъ штатскихъ доходовъ 15,000 рублевъ, о чемъ отъ насъ и штатсъ-конторѣ указъ данъ. Екатерина. Рига, 14 іюля 1764 г

Независимо этого, государыня при отъѣздѣ изъ Риги словесно приказала Броуну пропустить изъ за границы безъ пошлины вещи, принадлежащія лицамъ, находившимся въ свитѣ ея при путешествіи по Эстляндіи и Лифляндіи.

67[1]).

Господинъ генералъ-губернаторъ.

Вамъ извѣстно, что воля наша есть, дабы не обнародовать позволеніе жить въ Россіи особливое тѣмъ людямъ, о которыхъ вы писали въ канцелярію опекунства, однакожъ не имѣть и строгаго запрещенія. Вслѣдствіе сего извольте поступать такъ. и сказать требующимъ объ обнародованіи, что оное не нужно потому, ибо уже въ манифестѣ о вызовѣ чужестранныхъ всѣмъ націямъ глухо безъ изъятія жить въ Россіи дозволяется, на чемъ и оные свое основаніе имѣть могутъ, дозвольте же жить хотя и болѣе нарѣченнаго вамъ числа канцеляріею опекунства въ предмѣстіи рижскомъ. О пріѣзжающихъ же для отправленія въ Новую Россію можно, покуда соберется довольное число къ отправленію, дозволить жить по мѣсяцу или недѣль по шести, въ прочемъ помощь вашу, въ сходствіе съ законами, извольте подавать имъ въ разсужденіи ихъ обязательства торговаго съ короною. Екатерина. 6 августа 1764 г

Донесеніе Броуна. Вашего императорскаго величества

---

[1]) См. выше стр. 365, № 61.

всевысочайшій за собственноручнымъ подписаніемъ именной указъ отъ 6 сего мѣсяца, о всемилостивѣйшемъ наставленіи какимъ образомъ поступать въ дозволеніи здѣсь жить пріѣзжающимъ для отправленія въ Новую Россію извѣстной націи и всходствіе законовъ въ производствѣ имъ торга чинить помощь и о прочемъ, я сего мѣсяца 11 дня всеподданнѣйше получилъ, и по содержанію онаго, и прежде даннаго мнѣ всевысочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, чинить имѣю непремѣннѣйшее исполненіе. Рига, 14 августа 1764 г.

68.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Въ бытность здѣсь въ Ригѣ всевысочайшаго вашего императорскаго величества присутствія, всемилостивѣйше соизволили ваше императорское величество изустно мнѣ повелѣть о присматриваніи надъ поведеніемъ бывшаго здѣсь маіора Саби, который между тѣмъ предъ нѣсколькимъ временемъ отсюда отъѣхалъ въ Варшаву, а жену свою, неизвѣстно за какимъ дѣломъ, отправилъ въ С.-Петербургъ, я, по всеподданнѣйшей моей рабской должности исполняя всевысочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе, всеприлежно наблюдалъ, но какъ изъ полученныхъ ею, Саби, здѣсь писемъ дальняго сумнѣнія примѣтить не могъ, кромѣ того, что онъ человѣкъ житія не постояннаго и великій картежникъ. Да здѣсь и еще находится, живетъ въ Ригѣ нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла и другой такой же его товарищь, баронъ Саншеленъ. Но какъ сіи оба люди, по ихъ такой непостоянной и мотовской жизни, чтобъ не могли и другихъ здѣсь людей молодыхъ такими худыми своими поведеніями заразить и игрою къ разоренію привесть, для того разсудилъ я пристойнымъ и учтивымъ образомъ подъ рукою и сего послѣдняго барона отсюда выжить, котораго надѣюсь на сихъ дняхъ выпроводить. Въ прочемъ, что касается до маіора Саби жены, находящейся въ С. Петербургѣ, то не соизволите-ли всемилостивѣйшая государыня указать за нею тамо присматривать, а особливо не худо о пребываніи ее спросить, за какимъ она дѣломъ находится. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 18 августа 1764 г.

69.

Превосходительный господинъ генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Въ какой силѣ высочайшая ея императорскаго величества резолюція, писанная собственною ея величества рукою на поднесенномъ изъ прошенія настоятеля католической церкви въ С.-Петербургѣ и Ригѣ съ братіею экстрактѣ объ отведеніи короннаго мѣста для молитвеннаго дома и о бытіи двумъ монахамъ сего августа 13 числа состоялась, съ онаго экстракта и резолюціи для надлежащаго исполненія копію къ вашему превосходительству при семъ сообщая, имѣю

честь быть съ особливымъ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Иванъ Елагинъ. 19 августа 1764 г

Въ приложенномъ къ письму этому экстрактѣ значилось:

Челобитчикъ, настоятель католической церкви въ С.-Петербургѣ и Ригѣ съ братіею 1,

1. Объявляетъ, что въ Ригѣ церковь весьма мала и неспособна для отправленія службы Божіей.

2. Проситъ ваше императорское величество о пожалованіи для строенія церкви пристойнаго мѣста и о дозволеніи содержать трехъ монаховъ, въ чемъ имѣютъ великую нужду жители католическаго исповѣданія.

На подлинномъ экстрактѣ резолюція писана собственною ея величества рукою такъ:

Отвести коронное мѣсто для молитвеннаго дома, а монахамъ двумъ быть того же ордена, котораго въ Петербургѣ. С.-Петербургъ, 13 августа 1764 г

По полученіи этой резолюціи, Броунъ далъ слѣдующее предписаніе въ лифляндскую генералъ-губернскую и регирунгсъ канцелярію.

Въ какой силѣ всевысочайшая ея императорскаго величества резолюція, писанная собственною ея императорскаго величества рукою на поднесенномъ къ прошенію настоятеля католической церкви въ С.-Петербургѣ и Ригѣ съ братіею экстрактѣ, объ отведеніи короннаго мѣста для молитвеннаго дома и о бытіи двухъ монаховъ, сего августа 13 числа состоялась, съ онаго экстракта и резолюціи, для надлежащаго исполненія, прислана ко мнѣ копія, съ которой таковая жъ у сего и регирунгсъ-канцеляріи сообщается съ такимъ притомъ приказаніемъ, чтобы помянутая канцелярія, въ исполненіе высочайшей ея императорскаго величества резолюціи, подъ строеніе молитвеннаго дома, здѣсь удобное и коронное мѣсто въ Ригѣ пріискавъ, немедленно показала. Юрій Броунъ, 26 августа 1764 г

За тѣмъ на письмо Елагина, Броунъ отвѣтилъ такъ:

Государь мой Иванъ Перфильевичъ!

Вашего превосходительства, государя моего, при почтеннѣйшемъ письмѣ копію съ экстракта съ высочайшею ея императорскаго величества резолюціею объ отводѣ въ Ригѣ для молитвеннаго дома католическаго закона короннаго мѣста, я сего мѣсяца 25 числа имѣлъ честь получить исправно, по сему надлежащее исполненіе учинено будетъ. О чемъ донесши, съ моимъ всегда непремѣннымъ почтеніемъ пребуду вашего превосходительства, государя моего, покорнѣйшій слуга Юрій Броунъ. Рига, 29 августа 1764 г.

70.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ.

По полученіи сего, пришлите немедленно въ нашъ кабинетъ, изъ имѣющихся у васъ въ Ригѣ, 10,000 полновѣсныхъ червонцевъ голландскихъ съ симъ посланнымъ куръеромъ. Екатерина. С.-Петербургъ, 16 октября 1764 г

Донесеніе Броуна: Ваше императорское величество, во время высочайшаго своего здѣсь присутствія, всемилостивѣйше указать мнѣ соизволили, для нѣкоторой надобности, вымѣнять червонной монеты 30,000, а потомъ изъ оныхъ 10,000, по имянному вашего императорскаго величества высочайшему указу отъ 16 минувшаго октября, повелѣно отправить въ кабинетъ вашего императорскаго величества, которые съ кабинетъ-куръеромъ Гриневымъ уже и отправлены, и нынѣ присланнымъ ко мнѣ изъ правительствующаго сената указомъ, по силѣ имяннаго вашего императорскаго величества всевысочайшаго соизволенія, велѣно употребленныя на вымѣнъ тѣхъ 10,000 червонныхъ деньги записать въ расходъ и поставить на счетъ слѣдуемыхъ въ штатсъ-контору доходовъ, о чемъ надлежащее исполненіе и учинено. Теперь, всемилостивѣйшая государыня, беру смѣлость всеподданнѣйше представить: достальные вымѣненные 20,000 червонцевъ, которые въ рижской рентереи въ готовности состоятъ, куда повелѣно будетъ отправить или впредь до высочайшаго вашего императорскаго величества указа здѣсь въ сохранности содержать, и на обмѣнъ оныхъ 20,000 червонцевъ употребленныя изъ ефимочной казны штатсъ-конторскихъ доходовъ деньги, всего 42,500 талеровъ, повелѣно-ль будетъ, такъ какъ и вышеписанные за 10,000 употребленные, въ расходъ записать и поставить на счетъ слѣдуемыхъ въ штатсъ-контору доходовъ, о томъ всенижайше рабски прошу вашего императорскаго величества высочайшаго указа. Рига, 27 ноября 1764 года.

Резолюція государыни была слѣдующая:

Вымѣненные вами 20,000 голландскихъ червонныхъ имѣете содержать въ вѣдомствѣ вашемъ впредь до нашихъ указовъ, употребленные же на промѣнъ изъ штатсъ-конторскихъ доходовъ 42,500 талеровъ нашему сенату исключить велѣно. Екатерина. С.-Петербургъ, 9 декабря 1764 г

71.

На основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 24 февраля 1764 г. (см. выше стр. 351 № 54) лѣтомъ 1764 г. были начаты работы по углубленію фарватера рѣки Двины и укрѣпленію ея береговъ. Работы эти производилъ капитанъ Вейсманъ вольнонаемными людьми изъ суммы, подлежавшей къ отпуску изъ рижскаго магистрата на коронацію. Для ускоренія земельныхъ работъ было высочайше повелѣно наряжать на оныя солдатъ отъ войскъ, квартировавшихъ въ Ригѣ. По полученіи такого повелѣнія, Броунъ 30 августа 1764 г. послалъ къ начальнику дивизіи, генералъ-аншефу Воейкову, чтобы онъ распорядился наряжать на двинскія работы изъ полковъ ввѣренной ему дивизіи ежедневно по 1000 человѣкъ солдатъ при надлежащемъ числѣ оберъ-офицеровъ. За тѣмъ Броунъ еженедѣльно представлялъ государынѣ вѣдомость объ успѣхѣ и ходѣ работъ, подаваемую капитаномъ Вейсманомъ.

За производимыми Вейсманомъ работами наблюдалъ, совмѣстно съ Броуномъ, генералъ-квартирмейстеръ Эльмптъ.

Земляныя работы производились до 7 ноября, когда за наступленіемъ морозовъ, пришлось прекратить ихъ до весны будущаго 1765 г.

По прекращеніи работъ, Броунъ донесъ государынѣ того же 7 ноября:

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: всемилостивѣйше пожалованная на пользу здѣшнему городу Ригѣ, принадлежащая, по примѣру прежнему, для высочайшаго вашего им-

ператорскаго величества коронованія, сумма 30,000 албертовыхъ ефимковъ, по силѣ даннаго мнѣ отъ 28 августа прошлаго 1762 г. (см. выше стр. 295, № 19) всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества за подписаніемъ собственныя вашего императорскаго величества руки указа, на укрѣпленіе берега подлѣ здѣшняго города и вверхъ онаго и на построеніе больверковъ для понужденія рѣки въ свое теченіе такожъ и нѣкоторая часть на чищеніе рѣки, въ расходъ сего 1764 г. по сентябрь мѣсяцъ всѣ употреблены, а на что именно о томъ учиненный счетъ, ревидованный здѣшнимъ губернаментъ-камеромъ Фортеномъ, при семъ на всевысочайшее вашего императорскаго величества разсмотрѣніе всенижайше рабски подношу.

72.

Господинъ генералъ Броунъ.

Посылаю къ вамъ при семъ поданныя мнѣ отъ бригадира Сиверса, отъ цѣлаго кирхшпиля св. Матвѣя и отъ пастора Нордгофа челобитныя, изъ которыхъ вы можете усмотрѣть неудовольствіе сего кирхшпиля противъ пастора Буша; и хотя дѣло онаго пастора Буша въ гофгерихтѣ и рѣшено, и онъ къ старому мѣсту опредѣленъ, но препоручаю вамъ вновь оное слѣдствіе, по самой справедливости разобравъ, намъ представить. Екатерина. С.-Петербургъ, 17 ноября 1764 года.

О полученіи этого рескрипта Броунъ донесъ 27 ноября, но дальнѣйшаго донесенія о результатахъ разслѣдованія въ дѣлахъ не сохранилось.

73.

Высокопревосходительный господинъ генералъ-губернаторъ, милостивый государь мой!

При семъ имѣю честь препроводить къ вашему высокопревосходительству своеручное ея императорскаго величества письмо, а при томъ донести, что какъ между многими другими государственными учрежденіями всемилостивѣйшая государыня разсматривать теперь изволитъ и о учрежденіи почты въ Лифляндіи по учиненному вами отъ 31 декабря 1762 г въ сенатъ представленію, то ея императорское величество упомянуть мнѣ соизволила, чтобъ при каждой станціи поставить съ пріѣзду и выѣзду рогатки съ колоколомъ или доскою желѣзною, дабы въ случаѣ озорничества отъ кого либо проѣзжающаго, по безсилію коммисарскому, можно было звономъ призывать на помощь ближнихъ жителей для поступленія съ сопротивляющимся по регламенту Также въ проектованномъ вашемъ регламентѣ упоминается о содержаніи вѣсовъ на всякой станціи и по 6 человѣкъ солдатъ. А понеже на содержаніе всего вышепрописаннаго въ табеляхъ вами приложенныхъ какъ въ той гдѣ *цѣна всему, что при началѣ учрежденія почтъ потребно*, показана, такъ и въ другой, что на *ежегодное содержаніе исходитъ*, упомянуться ничего не могло, то не изволите-ли меня

увѣдомить ваше высокопревосходительство о полезности сего, и о вмѣщеніи въ ту или другую табель потребной на то суммы, дабы при высочайшей конфирмаціи сего новаго поправленія почтъ, ничего и малѣйшаго упущено быть не могло, ибо ея императорское величество въ самую подробность сама теперь изволитъ разсматривать все сіе ваше о почтахъ представленіе.

Препоручая себя въ особливое благоволеніе, есмь со вседолжайшимъ почтеніемъ и пр. Григорій Тепловъ. С.-Петербургъ, 8 октября 1764 г

Отвѣтъ Броуна: Государь мой Григорій Николаевичъ! Вашего превосходительства, государя моего, почтенное письмо на прошедшей почтѣ я имѣлъ честь получить и что по соизволенію ея императорскаго величества принадлежитъ до поставленія при каждой станціи съ пріѣзду и выѣзду рогатокъ, о томъ при семъ на нѣмецкомъ діалектѣ прилагаю мое изъясненіе. Елико же касается до требуемаго извѣстія о содержаніи при почтахъ вѣсовъ и при нихъ людей, то и о томъ при отправленномъ отъ меня въ прошломъ году въ правительствующій сенатъ проектованномъ регламентѣ о вѣсахъ и о прочемъ и о потребной на содержаніе положенной суммѣ на нѣмецкомъ діалектѣ приложенъ экстрактъ, за тѣмъ что здѣсь тогда кто бы обстоятельно могъ по россійски перевесть переводчика не было, въ которомъ все подробно изъяснено. Я вашего превосходительства, государя моего, прошу приказать тотъ экстрактъ отъискать, гдѣ изволите увѣдать всѣ полныя изъясненія, и потому ея императорскому величеству доложить. Въ прочемъ, препоруча въ содержаніи давней ко мнѣ вашего превосходительства пріязни, пребываю и пр. Броунъ. Рига, 17 октября 1764 г.

74.

Господинъ генералъ Броунъ.

Изъ приложенной при семъ челобитной усмотрите въ чемъ состоитъ доносъ лифляндской полиціи коммисара Лехтнера. Дайте мнѣ ясное свѣдѣніе какъ о челобитчикѣ, такъ и о содержаніи его доносу съ вашимъ мнѣніемъ секретно. Екатерина. С.-Петербургъ, 8 ноября 1764 года.

Челобитная Лехтнера. По титулѣ: Вашему императорскому величеству я всенижайшій, лифляндской полиціи коммисаръ, о казенномъ въ Лифляндіи интересномъ дѣлѣ слѣдующее донести, яко вѣрный рабъ, обойтиться не могъ.

По учрежденіи каморъ-конторы лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ къ наблюденію вашего императорскаго величества интереса, по сіе время по тамошнимъ экономическимъ правленіямъ часто бываютъ ревизіи, при которыхъ ревизоры старались только вѣдать крестьянское состояніе, а какимъ образомъ дворяне и съ какими правостями деревнями владѣютъ, о томъ ни при одной ревизіи никто никакихъ вѣдомостей не собирали.

Въ высочайшемъ разсужденіи того, вашего императорскаго величества любезнѣйшая тетка, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, въ Бозѣ почивающая государыня императрица Елисаветѣ Петровна, по имяннымъ изъ правительствующаго сената указамъ, всемилостивѣйше уже повелѣть соизволила, дабы лифляндская и эстляндская генералъ-губерніи отъ тамошнихъ поссесоровъ и деревень владѣльцевъ требовала точныхъ извѣстій какимъ образомъ они свои деревни достали и съ какими правостями ими по нынѣ владѣютъ, токмо по такимъ всевысочайшимъ указамъ и по нынѣ никакого исполненія не учинено.

Я же всенижайшій вашего императорскаго величества и всеосвященнымъ предкамъ природный лифляндецъ и подданный, въ прошломъ 1738 г при ординарной ревизіи, послѣ тогожъ съ 1750 до 1761 г , яко полиціи коммисаръ, въ Лифляндіи продолжалъ службу со всею моею ревностію, а по прошествіи двухъ годовъ находился здѣсь въ С.-Петербургѣ при камеръ-конторѣ лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ ревизіонныхъ дѣлахъ и довольно доказалъ, что я не токмо тѣ дѣла, но и тѣхъ губерній шведскія конфирмованныя права совершенно знаю.

Къ исполненію упомянутаго всевысочайшаго указа, не соблаговолите-ли ваше императорское величество всемилостивѣйше повелѣть въ лифляндскихъ и эстляндскихъ генералъ-губерній къ ревизіоннымъ дѣламъ опредѣлить меня, нижайшаго, ревизоромъ со всемилостивѣйшимъ награжденіемъ мнѣ чина и жалованья и съ тѣмъ, дабы мнѣ получить изъ рѣченной камеръ-конторы инструкцію какъ въ тѣхъ генералъ-губернскихъ канцеляріяхъ такъ, и у поссесоровъ о деревняхъ требовать надлежащихъ письменныхъ видовъ какимъ образомъ и съ какими правостями всякъ деревнями владѣетъ, которые разсматривать и разбирать, а что явится наружу о томъ, куда ваше императорское величество всемилостивѣйше соблаговолитъ, рапортовать, ибо въ томъ состоитъ вашего императорскаго величества интересъ и правосудіе и къ нѣкоторымъ обиженнымъ высочайшее милосердіе, которые и по нынѣ со вздыханіемъ страдаютъ. Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій и всенижайшій рабъ Густафъ фонъ Лехтнеръ. Октября дня 1764 г

Донесеніе Броуна: Во исполненіе полученнаго мною отъ 8 сего мѣсяца вашего императорскаго величества за собственноручнымъ подписаніемъ всевысочайшаго указа, приложенную при томъ лифляндской полиціи коммисара Лехтнера челобитную я разсматривалъ и изъ оной видѣть могъ тотъ его доносъ. Не уповаю, чтобъ состоялъ въ какой большой важности: онъ представляетъ главную матерію своего дѣла, что бывшіе здѣсь ревизоры подлежащихъ вѣдомостей съ какими правостями дворяне деревнями владѣютъ якобы не собирали, то хотя объ ономъ, за краткостію времени, теперь вашему

императорскому величеству обстоятельно представить не имѣю, но по собраніи надлежащихъ этому извѣстіевъ съ объясненіемъ впредь вашему императорскому величеству донесу немедленно.

Во второмъ содержаніи его челобитной упоминаетъ онъ, Лехтнеръ, что по указамъ правительствующаго сената, въ силу высочайшаго имяннаго соизволенія, требованы отъ поссесоровъ и отъ владѣльцевъ деревень, какимъ образомъ они свои деревни достали и съ какими правостями ими понынѣ владѣютъ, точныя извѣстія, но по тѣмъ указамъ и понынѣ никакого исполненія не учинено, то оные можетъ правительствующій сенатъ, ежели тѣ извѣстія потребны, чрезъ предварительное повелѣніе собрать.

Что принадлежитъ наконецъ до его прошенія, дабы его въ лифляндской и эстляндской генералъ губерніяхъ къ ревизіоннымъ дѣламъ опредѣлить, то я, по всеподданнической моей рабской должности, осмѣляюсь вашему императорскому величеству по справедливости донести: онъ, Лехтнеръ, къ столь нужнѣйшему дѣлу, по малѣйшему моему мнѣнію, какъ я подъ рукою навѣдаться могъ, за малознаніемъ въ томъ дѣлѣ искусства, быть весьма неспособенъ, а при томъ въ здѣшней губерніи положенные по штату два ревизора ординарныхъ и два чрезвычайныхъ имѣются.

Всемилостивѣйшая государыня! Когда ваше императорское величество изволите указать ревизію учредить на Эзель островъ, о чемъ поданный мнѣ отъ камерира Гофмана и проектъ въ нѣмецкомъ діалектѣ при семъ всеподданнѣйше подношу, то необходимо, по обстоятельству тамошняго мѣста, надлежитъ достойнѣйшаго и добраго и въ такихъ дѣлахъ чрезвычайно знающаго и способнѣйшаго ревизора опредѣлить, а помянутый Лехтнеръ, какъ выше донесено, къ сему способенъ быть не можетъ. И сію ревизію должно начинать въ будущую весну, и хотя то ревизованіе подъ вѣдомствомъ здѣшняго губернатора прежде состояло, но какъ нынѣ по губерніи умножилось весьма дѣлъ, такъ что я ни малаго свободнаго времени не имѣю, въ такомъ случаѣ вашего императорскаго величества всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйшимъ вашимъ соизволеніемъ вышеписанную на Эзель островѣ ревизію, ежели оную учинить повелѣно будетъ, всемилостивѣйше препоручить, кому надлежитъ, кромѣ здѣшняго губернамента. А пока та ревизія продолжится, то я, по всеподданнѣйшей моей должности, главное въ томъ смотрѣніе и стараніе имѣть долженствую. Рига, 27 ноября 1764 г.

На донесеніе это Броунъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

Господинъ генералъ Броунъ.

Присланный вами проектъ камерира Гофмана о ревизіи провинціи Эзельской я прочитала, и отсылаю къ вамъ обратно съ тѣмъ, что ежели вы находите оный полезнымъ, то извольте мнѣ о семъ дѣлѣ представить формальнымъ докладомъ и съ мнѣніемъ вашимъ кому препоручить ревизію сію въ вѣдомство. Главное же въ томъ

смотрѣніе и стараніе я не могу инако, какъ на васъ самихъ, положить. Екатерина. Царское Село, 17 декабря 1764 г.

О полученіи этого рескрипта Броунъ донесъ 22 декабря 1764 г.

75.

Милостивый государь мой!

Изъ приложеннаго при семъ собственноручнаго ея императорскаго величества письма ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть ея высочайшее вамъ повелѣніе по нижеписанному дѣлу: одинъ французской націи лекарь, имянемъ Дено (Deneau), будетъ отправленъ на сихъ дняхъ отсюда куреромъ въ Варшаву отъ находящагося здѣсь польскаго посланника графа Ржевускаго. Въ обыкновенномъ паспортѣ изъ иностранной коллегіи онъ будетъ имянованъ Денолетъ, что тогда должно служить претекстомъ къ его задержанію и аресту

Ея императорскаго величества соизволеніе, дабы ваше высокопревосходительство приказали стеречь его пріѣздъ въ вашу резиденцію, и, избравъ самаго надежнаго и вѣрнаго офицера, тотчасъ, по усмотрѣнію вами его паспорта, арестовать со всѣмъ его багажемъ безъ изъятія и привезть въ домъ вашъ, объявя ему, что «понеже вамъ извѣстно стало, что онъ не истинный куреръ Денолетъ, но лекарь по своей профессіи, называемый Дено, то статскій резонъ требуетъ, чтобъ всѣ его письма и прочія бумаги были вокругъ его обысканы, взяты и сюда присланы, а онъ бы былъ удержанъ подъ арестомъ въ домѣ вашемъ до тѣхъ поръ пока дворъ нашъ экспликуется о семъ двоеразуміи съ графомъ Ржевускимъ, при чемъ онъ, Дено, можетъ быть увѣренъ, что ему ни малѣйшаго дурна воспослѣдовать не можетъ, если оныя объясненія его оправдаютъ, чего ради и дозволяется ему отъ себя написать письмо о случившемся съ нимъ приключеніи къ помянутому графу».

Я не сомнѣваюсь, чтобы ваше высокопревосходительство не всѣ достаточныя мѣры принять и распорядить изволили къ тому, дабы онъ не могъ заранѣе чего о себѣ примѣтить и находящіяся при себѣ письма, которыя мы надѣемся у него поймать, какимъ либо образомъ истребить или скрыть, однакожъ покорно прошу васъ, милостивый государь мой, при арестѣ его не токмо всѣ видимыя у него бумаги отобрать, но и приказать его обыскивать во всемъ багажѣ и платьѣ, не найдется-ли чего либо зашитаго или спрятаннаго между подкладкою, почему вѣрнѣе будетъ, если изволите приказать тотъ же часъ все платье съ него снять, а одѣть его въ другое; также соизволеніе ея величества, чтобы онъ въ домѣ вашемъ содержанъ былъ, яко статскій арестантъ, покойно, выгодно, при всякомъ удовольствіи и подъ такимъ карауломъ, дабы онъ не могъ имѣть ни съ кѣмъ никакого сношенія, а препровождалъ бы время свое чтеніемъ

книгъ, какія для него достать можно будетъ. Взятыя и сысканныя такимъ образомъ письма покорно прошу немедленно ко мнѣ прислать съ нарочнымъ вѣрнымъ куръеромъ, купно и съ письмомъ его къ графу Ржевускому Вчерашняго числа ея императорское величество, по полудни въ четвертомъ часу, изволила поѣхать въ Сарское Село недѣли на двѣ. Въ прочемъ пребываю и пр. Н. Панинъ. С.-Петербургъ, 2 декабря 1764 г

По полученіи этого письма, Броунъ предписалъ 6 декабря подполковнику Шрейдеру немедленно отправиться изъ Риги на первую почтовую Новомлынскую (Неймюленъ) станцію и тамъ стеречь прибытія Дено. Когда онъ пріѣдетъ, то, отобравъ паспортъ, арестовать и со всѣмъ багажемъ, опечатавъ, но не разсматривая, всѣ его бумаги, привезть его прямо въ домъ Броуна. Дено пріѣхалъ на станцію 12 декабря и былъ тогда же представленъ Броуну, который и донесъ о томъ государынѣ такъ:

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: французской націи лекарь Дено, отправленный изъ С.-Петербурга куръеромъ въ Варшаву отъ польскаго посланника графа Ржевускаго и имянованный въ паспортѣ иностранной коллегіи Денолетъ, въ нынѣшнюю ночь сюда прибылъ, и во исполненіе всевысочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, по изъясненному въ письмѣ, присланномъ ко мнѣ, дѣйств. тайнаго сов. Панина наставленію, какъ его, лекаря, такъ и пожитки его арестовалъ и всѣ имѣющіяся при немъ письма, въ томъ числѣ въ шубѣ венгерской, которая надѣта была на немъ, найденное французское одно письмецо весьма сумнительное, отправилъ съ нарочнымъ офицеромъ къ Никитѣ Ивановичу Панину, къ коему о происхожденіи сего дѣла отъ меня со обстоятельствомъ писано. О содержаніи же онаго имѣю чинить исполненіе во всемъ по письму упомяненнаго дѣйств. тайнаго сов. Панина, какъ по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества повелѣнію соизволено. Рига, 12 декабря 1764 г.

Письмо къ Панину было слѣдующаго содержанія:

Милостивый государь мой Никита Ивановичъ! Вашему превосходительству имѣю донести: французской націи лекарь Дено, отправленный изъ С.-Петербурга куръеромъ въ Варшаву отъ польскаго посланника графа Ржевускаго, имянованный въ паспортѣ иностранной коллегіи Денолетъ, о которомъ ко мнѣ отъ 2 декабря писать изволили, въ нынѣшнюю ночь сюда прибылъ. А понеже стеречь онаго опредѣленъ былъ отъ меня секретнѣйшимъ образомъ, какъ я прежде доносилъ, подполковникъ Шрейдеръ, то въ разсужденіи сего, чтобъ здѣсь въ городѣ со взятіемъ онаго не учинить какой эхи, а особливо по нынѣшнему зимнему пути, какъ рѣки и озера уже замерзли, не могъ иногда миновать и Ригу, помянутый подполковникъ ожидалъ его на первой отсюда почтѣ, разстояніемъ отъ Риги въ 10 верстахъ, и какъ скоро туда рѣченный, называемый куръеромъ, прибылъ, то объявленный подполковникъ, по секретному моему наставленію, имѣющіяся при немъ изъ платья вещи и всѣ письма и бумаги вокругъ его при арестованіи обыскалъ, и своею и его печатію запечаталъ, и посадя его съ собою въ коляску, ко мнѣ привезъ, гдѣ ему, по дан-

ному мнѣ отъ вашего высокопревосходительства наставленію, было отъ меня объявлено, и весь его багажъ, который состоитъ въ небольшомъ числѣ платья и бѣлья, осматривалъ, между коимъ въ венгеркѣ его, которая была надѣта на немъ и прежде оную съ себя скидать не давалъ, найдено въ лѣвой полѣ, между сукномъ и подкладкою, зашитое одно французское письмецо, кое мнѣ сыномъ моимъ читано, и усматривая изъ онаго двоякой быть какой нибудь важности, которое, также и всѣ письма, сколько при немъ найдено, и при томъ отъ него, Дено, по требованію моему, писанное здѣсь къ посланнику Ржевускому, при семъ къ вашему высокопревосходительству съ нарочнымъ и вѣрнымъ куръеромъ, здѣшняго гарнизона съ адъютантомъ Антоновымъ, отправилъ.

Помянутый лекарь Дено, до полученія вашей резолюціи, будетъ содержимъ въ домѣ моемъ, яко статскій арестантъ, покойно, выгодно и при всякомъ довольствѣ, а чтобъ онъ ни съ кѣмъ никакого сношенія не имѣлъ, то нарочно опредѣленному при немъ всегда быть унтеръ-офицеру накрѣпко подтверждено и разставленъ крѣпкій караулъ. Если же здѣсь подъ арестомъ содержаніе продолжится, то прикажу содержать въ другомъ мѣстѣ.

При семъ же, во извѣстіе вашему высокопревосходительству, сообщить имѣю: помянутый лекарь Дено, при арестованіи его подполковникомъ, прежде осматриванія себя не допускалъ и хотя противился, но какъ увидѣлъ предъявленное ему отъ меня приказаніе, то уже допустилъ все что на немъ и при немъ было осмотрѣть, сказавъ при томъ: жаль-де мнѣ, что изъ С. Петербурга водою не поѣхалъ, ибо безъ всякой бы опасности остался.

При томъ же объявилъ, что еще есть у него ѣдущій сзади его человѣкъ, и якобы по старости своихъ лѣтъ въ дорогѣ отъ него, напримѣръ, въ двухъ стахъ верстъ отсталъ, и хотя много былъ спрашиванъ, гдѣ именно оставилъ, токмо сказалъ, якобы не знаетъ гдѣ, то съ симъ отправленному адъютанту Антонову приказано отъ меня того человѣка дорогою на почтовыхъ станціяхъ присматривать, и гдѣ оный съ нимъ повстрѣчается, то всѣ при немъ вещи сколько есть осмотрѣть и когда тайныя будутъ при томъ письма, оныя, взявъ, къ вашему высокопревосходительству привезть, а ежели этотъ человѣкъ съ нимъ не повстрѣчается, въ такомъ случаѣ, сыскавъ, велю здѣсь задержать и буде при немъ письма найдутся, оныя къ вамъ пришлю немедленно.

Изъ денегъ при означенномъ лекарѣ имѣется только 46 червовцевъ и одинъ 10-ти рублевый имперіалъ, которые съ его платьемъ и бѣльемъ у меня и отданы быть имѣютъ ему.

Въ прочемъ, ожидая что съ нимъ дѣлать повелѣно будетъ вашего увѣдомленія, пребываю и пр. Броунъ. Рига, 12 декабря 1764 года.

Адъютантъ Антоновъ 13 декабря донесъ Броуну, что на почтовой станціи въ 130 верстахъ отъ Риги онъ встрѣтилъ человѣка, котораго ему предписано было смотрѣть. Человѣка этого онъ обыскалъ, нашелъ при немъ небольшую кожанную сумку, въ которой находилась незапечатанное французское письмо. Это письмо онъ, Антоновъ, взялъ съ собою

въ Петербургъ, а человѣка съ вещами за карауломъ чрезъ коммисаровъ онъ отправилъ въ Ригу, къ Броуну.

Антоновъ, вручивъ Панину привезенныя бумаги, пробылъ въ Петербургѣ до 21 декабря. Панинъ въ этотъ день отправилъ его въ Ригу для передачи Броуну слѣдующаго рескрипта и письма.

Господинъ генералъ Броунъ.

Ссылаясь въ окончаніи извѣстнаго дѣла съ лекаремъ Дено на письмо, которое къ вамъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Панинъ отправляетъ, довольствуюсь я только повелѣть вамъ, чтобъ вы онаго лекаря изображеннымъ въ письмѣ Никиты Ивановича образомъ отпустили со всякимъ удовольствіемъ за границу, а при томъ выдали ему, изъ имѣющейся у васъ суммы 20,000 червонныхъ, 300 червонныхъ, ставя оные на счетъ, и пребываю вамъ въ прочемъ всегда благосклонная. Екатерина. С.-Петербургъ, 21 декабря 1764 г.

Панинъ къ Броуну. Милостивый государь мой! Отправляя обратно къ вашему высокопревосходительству присланнаго ко мнѣ офицера, имѣю честь приложить вновь высочайшій къ вамъ ея императорскаго величества указъ.

На основаніи онаго, прошу я ваше высокопревосходительство приказать освободить немедленно лекаря Дено изъ подъ ареста и отпустить его, по выдачѣ опредѣленнаго въ имянномъ указѣ награжденія, за границу безъ всякаго препятствія, но паче съ совершеннымъ удовольствіемъ.

При отпускѣ прошу я ваше высокопревосходительство объяснить ему, «что дворъ увѣдомился съ сожалѣніемъ о случившейся ему въ пути остановкѣ, но что онъ самъ, какъ разумный человѣкъ, можетъ разсудить, что толь важная канцелярская ошибка, какова случилась въ разсужденіи паспорта его, не могла не возбудить справедливаго объ немъ измнѣнія, но что послѣ министерство, изъяснясь здѣсь съ господиномъ графомъ Ржевускимъ и познавъ совершенно его невинность, не оставило о томъ донести ея императорскому величеству, вслѣдствіе чего изволила ея величество въ нѣкоторое утѣшеніе и удовлетвореніе всемилостивѣйше повелѣть выдать ему 300 червонныхъ», вмѣстѣ съ которыми надлежитъ отдать и слѣдующій при семъ отъ графа Ржевускаго пакетъ, гдѣ уповательно возвращаютея всѣ у него отобранныя письма и бумаги.

Съ истиннымъ высокопочтеніемъ и пр. Н. Панинъ. С.-Петербургъ, 21 декабря 1764 г *Собственноручная Панина приписка:*

P S. При освобожденіи изъ подъ ареста лекаря Дено, покорно прошу ваше высокопревосходительство приказать принять такія мѣры, чтобъ не произошла въ городѣ объ немъ излишняя огласка, почему и лучше бы было, если бы изволили приказать его выпроводить за границу одному доброму оберъ или унтеръ-офицеру, подъ видомъ его собственной сохранности, дабы въ городѣ узнать не могли о его имяни. Тотъ же Н. Панинъ.

Донося 29 декабря 1764 г. государынѣ о полученіи и исполненіи указа о Дено, Броунъ присовокупилъ: „при чемъ всемилостивѣйше пожалованныя въ награжденіе деньги 300 червонныхъ изъ числа имѣющихся здѣсь 20,000, ему, лекарю Дено, отданы; онъ, при взятіи оныхъ, какъ видно будучи радъ, за столь высочайшія вашего императорскаго величества щедроты приносилъ нижайшую свою благодарность".

Панину Броунъ отвѣчалъ такъ:

Милостивый государь мой Никита Ивановичъ! Вашего высокопревосходительства отъ 21 сего мѣсяца секретнѣйшее письмо съ приложеннымъ при томъ высочайшимъ ея императорскаго величества именнымъ указомъ мною съ возвратнымъ куреромъ, адъютантомъ Антоновымъ,, сего жъ мѣсяца 27 дня получилъ, и по содержанію изображеннаго въ оном повелѣнія, содержащійся въ домѣ моемъ лекарь Дено тотъ же часъ изъ подъ ареста освобожденъ, объявя ему при томъ пристойнымъ образомъ всѣ тѣ обстоятельства, какія въ письмѣ вашего высокопревосходительства изъяснены.

При семъ освобожденіи, по отдачѣ во первыхъ присланныхъ двухъ конвертовъ, одного въ бумагѣ, а другаго въ клѣенкѣ запечатанныхъ, когда даны были ему при томъ приготовленные въ возвагражденіе 300 червонныхъ, то, какъ примѣтить было можно, онъ весьма радъ и веселъ былъ и много благодаренъ за такую высочайшую ея императорскаго величества милость. При томъ же отзывался благодарностію за доброе его въ домѣ моемъ содержаніе и что онъ, будучи двѣ недѣли, имѣлъ во всемъ весьма хорошее довольствіе, и просилъ, ежели не противно, то онъ еще хочетъ довольствоваться отъ стола моего обѣденнымъ кушаньемъ, почему того дня при столѣ моемъ и обѣдалъ, а въ 2 часа по полудни съ вышепоказаннымъ адъютантомъ Антоновымъ прямо изъ дома моего, не бывъ въ городѣ ни у кого, со всякимъ удовольствіемъ отправился въ путь свой безъ всякой разгласки.

По прибытіи того же 27 числа на курляндскую границу, оный адъютантъ Антоновъ, потребовавъ ему къ дальнѣйшему пути лошадей, отпустилъ его, и оный лекарь не оставилъ тогда еще предварительно изъяснять за все вышеписанное свое благодареніе, и очень былъ веселъ.

Найденное въ шубѣ его венгеркѣ письмо въ тоже мѣсто скрытнымъ образомъ положено и зашито по прежнему. Въ прочемъ, пріобщая у сего письмо отъ помянутаго лекаря Дено къ польскому посланнику графу Ржевускому, пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и пр. Юрій Броунъ. Рига, 29 декабря 1764 г.

76.

Елагинъ къ Броуну. Милостивый государь мой! Въ августѣ мѣсяцѣ сего года (см. выше № 69), при письмѣ моемъ сообщилъ я вашему превосходительству съ высочайшей ея императорскаго величества, по прошенію здѣшней католицкой церкви настоятеля о построеніи въ Ригѣ богомольнаго дома, конфирмаціи копію, а нынѣ оный же настоятель просилъ мени о предстательствѣ за него по

оному дѣлу, и я, надѣясь на благосклонность вашего превосходительства, покорно васъ, милостиваго государя, прошу, по вышеобъявленной онаго настоятеля просьбѣ, доставить ему скорѣйшее удовольствіе, и въ нужныхъ для него и братіи его случаяхъ, коль много справедливость позволяетъ, являть къ нимъ милостивое свое покровительство, чѣмъ чувствительно одолжите того, который съ особливымъ почтеніемъ есть и пр. Иванъ Елагинъ. С.-Петербургъ, 10 декабря 1764 г

Милостивый государь мой! Сего года апрѣля 26 дня, господина генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Миниха супруга, графиня Варвара Минихша, поданною на высочайшее ея императорскаго величества имя челобитною просила о пожалованіи ей собранныхъ денегъ съ бывшихъ собственно за нею въ Лифляндіи мызъ, Кокенгофа и Пальмгофа, которыя въ несчастіе мужа ея въ 1741 г отписаны, и въ 1744 г. пожалованы генералъ-поручику Либерасу, и показывала, что оныхъ денегъ съ отписанія въ казну до пожалованія оному Либерасу собрано 2374 ефимка талеръ албертъ и 196 рублевъ, кои будто бы и по нынѣ въ рижской рентереѣ хранятся. По сей челобитной всемилостивѣйшей государынѣ я докладывалъ, и получилъ высочайшее повелѣніе, о томъ отъ вашего превосходительства потребовать извѣстіе, подлинно-ли оныя деньги въ сборѣ были и на лицо въ рентереѣ находятся, почему и во исполненіе ея императорскаго величества воли, чрезъ сіе ваше превосходительство прошу объ оныхъ деньгахъ прислать для доклада ея величества извѣстіе. Въ прочемъ имѣю честь быть и пр. Иванъ Елагинъ, 10 декабря 1764 г

Къ письму этому была приложена на нѣмецкомъ языкѣ объяснительная записка, въ которой значилось, что въ 1741 г., послѣ того какъ фельдмаршальша графиня Минихъ послѣдовала за своимъ супругомъ въ Россію, доходы съ имѣній Кокенгофъ и Пальмгофъ, пожалованныхъ ей покойнымъ императоромъ Петромъ II предъ бракосочетаніемъ съ графомъ Минихомъ, были секвестрованы, но по указу правительствующаго сената отъ 1 іюня 1742 г. къ прочимъ конфискованнымъ суммамъ причислены не были, имѣнія были отданы подъ управленіе экономической канцеляріи и доходы съ оныхъ считались въ канцеляріи отдѣльно. Такъ продолжалось до 1744 года, когда мыза Кокенгофъ была пожалована генералу Любрасу

Лифляндская губернская канцелярія въ 1754 г запросила сенатъ какъ поступать съ доходами (за время съ 1741 по 1744 г.), хранившимся въ оной. Правительствующій сенатъ 1 апрѣля 1764 г предписалъ суммы эти причислить къ казеннымъ доходамъ. Вслѣдствіе этого въ рижскую рентерею и сданы эти доходы, составившіе сумму 2374 талеровъ $81^5/_8$ грошей албертовыми, 114 рублей серебромъ и 82 рубля мѣдью.

Отвѣтъ Броуна. Государь мой Иванъ Перфильевичъ! Вашего превосходительства почтеннѣйшія два письма отъ 10 сего

мѣсяца мною получены исправно и, по содержанію оныхъ, требуемое извѣстіе чрезъ сіе донести имѣю.

Госпожа генералъ-фельдмаршалша графиня Минихъ, при отъѣздѣ ея въ 1741 г. въ Россію, когда мызы Кокенгофъ и Пальмгофъ положены подъ секвестръ и 1744 г. изъ оныхъ Кокенгофъ пожалованъ былъ генералъ-поручику Любрасу, такъ въ сборѣ тѣхъ маетностей 2374 ефимка албертсъ-талеровъ и россійскихъ 196 рублей, въ томъ числѣ мѣдныхъ 82 р. подлинно имѣлось, и оныя деньги въ вѣдомствѣ экономической канцеляріи до нынѣшняго 1764 г. до апрѣля мѣсяца считались наличными и какъ въ приходѣ, такъ и въ расходѣ, были не записаны. А сего 1764 г., апрѣля 1 дня, на учиненное еще въ 1754 г. представленіе, коимъ требовано было о тѣхъ маетностяхъ резолюція, присланнымъ изъ правительствующаго сената ея императорскаго величества указомъ велѣно объявленныя маетности считать казенными, въ сходствіе чего оныя деньги отданы въ рижскую рентерею и записаны въ приходъ.

Что же слѣдуетъ до удовольствія прошенію католицкой церкви настоятеля, то я конечно не оставлю употребить къ пользѣ ихъ моего старанія, только къ построенію здѣсь богомольнаго дому еще мѣста избрать не могутъ, а какъ скоро оное отыщутъ, то въ нуждахъ ихъ всевозможное удовольствіе чинено быть имѣе-ъ. Рига, 19 декабря 1764 г.

77

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Ваше императорское величество, во время высочайшаго своего здѣсь присутствія, всемилостивѣйше мнѣ указать соизволили о взяткахъ плацъ-маіоромъ Рынкевичевымъ отъ живущихъ здѣсь россійскихъ людей, особливо отъ разнощиковъ харчевыхъ припасовъ, изслѣдовать. На оное, всемилостивѣйшая государыня, вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: изъ обрѣтающихся здѣсь россійскихъ людей человѣкъ до 30, въ томъ числѣ куренщики, и промышленники съѣстныхъ припасовъ, такожъ и нѣсколько бабъ, которыя съ цытронами ходятъ, было призвано и всякой спрашиванъ: помянутый плацъ-маіоръ не бралъ-ли когда какихъ отъ нихъ взятковъ? Но при томъ ни одинъ человѣкъ сего показать не могъ, а единственно объявили, что отъ нихъ и отъ работниковъ ихъ онъ ничего не бралъ. А какъ я на него о томъ никакихъ жалобъ по нынѣ не слыхалъ, и потому о просителяхъ мнѣ неизвѣстно, то предаю сіе на всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества высочайшее благоволеніе. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 15 декабря 1764 г.

78.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Отъ 14 февраля сего 1764 г. (см. выше № 52) ваше императорское величество даннымъ мнѣ всевысочайшимъ имяннымъ секретнымъ указомъ всемилостивѣйше повелѣть соизволили, чтобъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, отсюда за границу продажныхъ ружей никто не могъ безъ вѣдома моего отпускать, дабы изъ написанныхъ въ томъ указѣ противныхъ вашему императорскому величеству поляковъ, по недостатку въ собственной ихъ землѣ ружейныхъ фабрикъ, по намѣренію своему, не могли запастись оными въ городахъ вашего императорскаго величества, и чтобъ на нихъ однихъ запрещеніе при случаяхъ секретно распространять, и по тому вашего императорскаго величества высочайшему указу, употребляя объ ономъ всякую предосторожность, и понынѣ покупнымъ у рижскихъ купцовъ ружьямъ пропускъ чинится за границу по билетамъ моимъ единственно преданнымъ вашему императорскому величеству полякамъ, кромѣ написанныхъ въ упомянеиномъ высочайшемъ указѣ фамилій, яко-то: князей Радзивилловъ, фамиліи Пацъ, графовъ Сапѣгъ, фамиліи Абрамовичей, Цехановецкихъ, Забѣлло, Володковичей, Богушъ, Сируцъ, Ржевусскаго, хорунжаго литовскаго и бржостовскаго старосты Быстрицкаго. А какъ нынѣ, упователыно, тогдашнія обстоятельства уже перемѣнились, то осмѣляюсь всеподданнѣйше представить: не соизволите ли, всемилостивѣйшая государыня, указать вышеписанныя ружья, для лучшаго въ коммерціи происхожденія и приращенія высочайшаго вашего императорскаго величества интереса, въ продажу здѣсь всѣмъ по прежнему употреблять, или за выключкою объявленныхъ нѣкоторыхъ фамиліевъ оное такъ, какъ и нынѣ, чинить, о томъ прошу вашего императорскаго величества всевысочайшаго указа. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Юрій Броунъ. Рига, 31 декабря 1764 г.

Перечень указовъ по дѣламъ Лифляндіи и Эстляндіи за 1764 г., вошедшихъ въ полное собраніе законовъ россійской имперіи.

12019. Генваря 22. Высочайше утвержденный докладъ сената. О дачѣ городамъ, имѣющимъ привиллегіи, подтвердительныхъ на оныя грамоты (Эзельской провинціи, Пернову, Дерпту, Аренсбургу, Нарвѣ, Выборгу и Фридрихсгаму).

12046. Февраля 13. Именный, состоявшійся въ сенатѣ. О бытіи апелляціоннымъ дѣламъ по Лифляндіи, Эстляндіи и Маллороссіи во 2 департаментѣ сената.

12048. Февраля 16. Сенатскій. О требованіи обывательскихъ подводъ въ Лифляндіи для перевозки всякихъ казенныхъ тягостей на основаніи прежде состоявшихся по сему предмету указовъ.

12049. Февраля 17. Жалованная грамота городу Нарвѣ.

12050. „ „ „ „ Аренсбургу.

12052. „ „ „ „ Пернову.

12059. Февраля 26. Сенатскій. О подтвержденіи лифляндскимъ обывателямъ, чтобъ они принимали мѣдную монету при казенныхъ и частныхъ покупкахъ и вообще допускали оную въ торговыхъ оборотахъ.

12068. Марта 4. Сенатскій. О неперемѣнѣ состоящихъ въ Лифляндіи для поимки бѣглыхъ на заставахъ оберъ-офицеровъ тамошнимъ комендантамъ собою безъ сношенія съ губернскою канцеляріею.

12070. Марта 4. Высочайше утвержденный докладъ морской россійскихъ флотовъ и адмиралтейскаго правленія коммисіи. О содержаніи эскадры въ Ревелѣ, въ мирное время. (Въ Ревелѣ содержалось: военныхъ кораблей 8, фрегатъ 1, пинковъ 2, палубныхъ ботовъ 8, гальотовъ 2, прочихъ мелкихъ судовъ 15, шлюпокъ разныхъ веселъ 16, всей команды 4324 человѣка, жалованья имъ приходилось 108802 р. Коммисія положила всю эскадру перевесть въ Кронштадтъ, оставя одинъ только фрегатъ для брандвахты, годные при-

пасы же хранить въ ревельскихъ магазейнахъ, для присмотра за которыми опредѣлить капитана надъ портомъ. Всѣхъ каторжниковъ изъ Ревеля перевесть для работъ въ Балтійскій Портъ. Коммисія вмѣстѣ съ тѣмъ докладывала и о необходимости починки ревельской гавани.

12088. Марта 15. Сенатскій. О рубкѣ лѣсовъ на островахъ Балтійскаго моря отъ береговъ за 50 сажень.

12092. Марта 17. Жалованная грамота эзельской провинціи ландратамъ и благородному рыцарству. О подтвержденіи всѣхъ правъ, преимуществъ, вольностей и привиллегій, дарованныхъ сей провинціи.

12093. Марта 17. Жалованная грамота города Дерпта бургомистрамъ, ратманамъ и всему мѣщанству. О подтвержденіи правъ.

12110. Марта 29. Сенатскій. О препорученіи сыска и высылки бѣглыхъ россійскихъ людей изъ Лифляндіи и Эстляндіи тамошнимъ губернскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ. (По опредѣленіямъ сената 1743 г. октября 24 и 1744 г. августа 14, учреждены были коммисіи о лифляндцахъ въ слободѣ Псково-печерскаго монастыря, а о эстляндцахъ въ Нарвѣ. 30 сентября 1753 г., по опредѣленію правительствующаго сената, коммисіи эти были упразднены, а бѣглыхъ высылать велѣно губернскимъ, провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ. Тѣмъ не менѣе сыщики не упразднялись: въ Лифляндіи въ 1757 г. былъ сыщикомъ подполковникъ Мягковъ, который въ 1760 г. отставленъ и на его мѣсто назначенъ кол. сов. Измайловъ; въ Эстляндіи былъ сыщикомъ подполковникъ Бестужевъ. Приказали: сыщиковъ упразднить).

12113. Марта 30. Высочайше утвержденный докладъ сената. Объ отмѣнѣ въ остзейскихъ провинціяхъ, по силѣ прежнихъ шведскихъ правъ, публичнаго за прелюбодѣяніе наказанія, и о взиманіи вмѣсто онаго денежнаго штрафа въ пользу церкви. (Для отвращенія дѣтоубійства велѣно: за брачное преступленіе съ чиновныхъ персонъ, съ купцовъ и зажиточныхъ людей брать съ каждаго по 4 рубля, а за преступленіе внѣ брака по 2 рубля, съ мѣщанъ и крестьянъ по 1 р., а внѣ брака по 50 к., а кто не въ состояніи заплатить, чинить приватное наказаніе розгами, за тѣмъ отмѣнить приношеніе церковнаго покаянія при собраніи народа на зазорной скамьѣ).

12122. Марта 31. Именный, данный коммисіи о коммерціи. Объ учрежденіи при оной коммисіи другаго собранія для разсмотрѣнія проектовъ, касающихся къ распространенію коммерціи (члены: Минихъ, Тепловъ, ст. сов. Клингштетъ, прокуроръ коммерцъ-коллегіи Михаило Пушкинъ и надв. сов. Одаръ).

12123. Апрѣля 1. Сенатскій. О недачѣ увольнительныхъ паспортовъ изъ выборгской, рижской и ревельской губернскихъ канцелярій крестьянамъ и бобылямъ безъ надлежащей о нихъ справки.

12137. Апрѣля 21. Наставленіе губернаторамъ.

12219. Іюля 30 Именный, данный лифляндскому генералъ-губернатору Броуну. Объ отпускѣ ежегодно (3000 р., а первые два года по 4000) на содержаніе и починку всѣхъ находящихся въ Ригѣ казенныхъ строеній и садовъ.

12221. Августа 3. Высочайше утвержденный докладъ учрежденной при дворѣ ея императорскаго величества коммисіи о коммерціи. О позволеніи города Пернова жителямъ производить торгъ лѣсомъ и дровами и отпускать за границу.

12225. Августа 13. Инструкція изъ главной надъ таможенными сборами канцеляріи пограничнымъ таможнямъ.

12247 Сентября 23. Сенатскій по высочайше утвержденному докладу коммисіи о коммерціи. О наблюденіи предосторожности въ выпускѣ хлѣба изъ нарвскаго и архангелогородскаго портовъ (чтобъ лишняго не вывезти и голода не причинить).

12250. Сентября 29. Сенатскій. О представленіи лифляндскаго уложенія изъ коммисіи о сочиненіи уложенія въ сенатъ.

12256. Октября 5. Жалованная грамота городу Валка бургомистрамъ и ратманамъ, въ подтвержденіе всѣхъ прежде данныхъ имъ правъ, привиллегій и преимуществъ.

12278. Ноября 11. Именный данный сенату. О произвожденіи жалованья канцелярскимъ служителямъ юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ по указу 1725 г.

12300. Декабря 28. Высочайше утвержденный докладъ сената. О докладываніи ея императорскому величеству при раздачѣ сенатомъ, по установленнымъ правиламъ, лежащихъ въ Лифляндіи и Эстляндіи вакантныхъ мызъ въ аренду.

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ).

Записки Нейендаля о временахъ дѣйствія въ Ригѣ общаго городоваго положенія съ 1783 по 1797 годъ.

Второй отдѣлъ.

Materіалы для лѣтописи Риги съ 1783 г по 1797 г

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА. Помѣстивъ въ I томѣ „Прибалтійскаго Сборника, стр. 344—374, первый отдѣлъ записокъ Нейендаля по тексту, напечатанному въ книгѣ Экардта «Bürgerthum und Büreaukratie», Leipzig, 1870, мы вкратцѣ изложили содержаніе остальныхъ отдѣловъ этихъ записокъ, дабы впослѣдствіи возвратиться къ нимъ.

Передаемъ теперь дальнѣйшее содержаніе записокъ, безъ всякаго уже сокращенія, но считаемъ необходимымъ предварительно замѣтить слѣдующее:

Было уже сказано (Приб. Сбор. II, 564), что, утверждая за привиллегированными ливонцами ихъ права и преимущества въ томъ объемѣ и съ тѣми же оговорками, какъ было утверждено Петромъ Великимъ, императрица Екатерина II, однако же, не признавала соотвѣтствующимъ выгодамъ и пользамъ русскаго государства отчужденность и особность окраинъ его, и свои взгляды на этотъ счетъ вполнѣ ясно и положительно высказала въ наставленіи князю Вяземскому при вступленіи имъ (въ февралѣ 1764 г.) въ должность генералъ-прокурора на мѣсто Глѣбова, быть недовольною которымъ государыня имѣла всѣ причины и поводы. Указывая новому генералъ-прокурору на что именно ему слѣдуетъ обратить вниманіе при исполненіи своей должности, государыня въ 9 пунктѣ наставленія указала, какъ слѣдуетъ поступать въ отношеніи окраинъ государства. Пунктъ этотъ гласитъ такъ (см. Сборн. Русск. Ист. Общ. VII, 338):

„Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями; нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было, однакоже, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть болѣе нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, также и смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, что бы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма

легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо бы персона какая была произведена въ оное достоинство"

Въ этомъ пунктѣ заключается разгадка, почему князь Вяземскій, когда состоялось учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., когда очередь реформы губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій дошла до Ливоніи, такъ дѣятельно помогалъ Броуну въ открытіи ревельскаго и рижскаго намѣстничествъ. Не вражда къ племени, какъ утверждали тогдашніе мѣстные противники екатерининскихъ реформъ, а прямое исполненіе инструкціи побудило его къ дѣйствіямъ по отношеніи къ Ливоніи въ томъ именно смыслѣ и направленіи, въ какомъ онъ дѣйствовалъ въ 1783 г.

Извѣстно, что при открытіи рижскаго и ревельскаго намѣстничества, по высочайшему указу отъ 3 іюля 1783 г. (П. С. З. № 15776), въ Ригѣ былъ учрежденъ губернскій магистратъ, но все прочее устройство города оставлено безъ измѣненія. Въ 1785 г. обнародована „городовая грамота" или городовое положеніе. Это былъ первый законодательный актъ, въ которомъ выразились заботы нашего правительства поставить городское устройство въ Россіи въ правильное положеніе и организовать его на самостоятельныхъ началахъ. Городовое положеніе императрицы Екатерины II, въ связи съ учрежденіемъ губерній, легло краеугольнымъ камнемъ въ основаніи всей послѣдующей исторіи устройства нашихъ городовъ; оно принято было исходнымъ пунктомъ и для позднѣйшихъ преобразованій въ этомъ устройствѣ. Тѣмъ не менѣе екатерининское городовое положеніе не было окончательно организованнымъ закономъ, а скорѣе программою, по которой предстояло правительству вести дѣло городскаго устройства, потому то многое въ этомъ положеніи оставалось не выясненнымъ, подавая поводъ къ разнымъ недоумѣніямъ и даже спорамъ.

Какъ бы то ни было, но городовое положеніе Екатерины II было важнымъ шагомъ впередъ, расширяя право общественнаго представительства и права городскихъ жителей. Императрица, сообразно своему взгляду на отношенія окраинъ къ государству, рѣшилась ввести его и въ прибалтійскихъ городахъ.

Въ 1785 г. сентября 4 (П. С. З. 16256) высочайше повелѣно: выборъ въ члены магистрата городовъ Риги и Ревеля производить на основаніи городоваго положенія, „потому что сіе не можетъ ни мало вмѣняться въ стѣсненіе общества въ его правахъ, выгодахъ и преимуществахъ, но паче еще распространяетъ оныя, поелику право выбора судей магистратскихъ цѣлому обществу свойственнѣе, нежели одному магистрату"

Въ слѣдующемъ году іюня 5 (16404) повелѣно: „Въ запискѣ желающихъ въ мѣщане и купечество городовъ рижской и ревельской губерній, неисключая и губернскихъ городовъ, поступать сходственно городовому положенію и другимъ нашимъ узаконеніямъ и указамъ, въ чемъ и не можетъ общество городское отказать, если желающій

при добромъ и непорочномъ поведеніи имѣетъ и прочія качества, мѣщанину и купцу принадлежащія. Въ случаѣ жъ затрудненія о томъ отъ общества градскаго, приносить жалобу генералъ-губернатору и губернскому правленію, дабы они могли то приказаніемъ своимъ исправить по законамъ“

Рижскій магистратъ поднесъ 30 декабря 1785 г. на высочайшее имя меморіалъ, въ которомъ, изъясняя благодарность свою „за дарованіе городу Ригѣ тѣхъ самыхъ правъ и милостей, которыя ея величество соизволила излить на прочихъ своихъ подданныхъ“, онъ испрашивалъ, по причинѣ особенныхъ торговыхъ связей Риги со всѣми европейскими портами, нѣкоторыхъ перемѣнъ въ городовомъ положеніи и именно слѣдующихъ пунктовъ:

1. Сохранить прежнее раздѣленіе городскаго общества на магистратъ, большую и малую гильдіи, и прежній порядокъ въ городскихъ собраніяхъ.

2. Членовъ магистрата избирать не на три года, а на всю жизнь, городскаго главы вовсе не выбирать.

3. Въ большую гильдію принимать не всякаго, кто капиталъ объявитъ, а по разсмотрѣніи его способностей и поведенія.

4. Сохранить прежній порядокъ управленія городскимъ имуществомъ и цеховое устройство.

5. Не учреждать въ Ригѣ ни общей, ни шестигласной городской думы.

6. Освободить городъ отъ рекрутской повинности денежной и натуральной.

Это прошеніе оставлено безъ уваженія, и такъ какъ исполненіе его совершенно бы нарушило грамоту городамъ, потому послѣдовало высочайшее повелѣніе ввести въ Ригѣ городовое положеніе безъ всякой перемѣны, что и исполнено въ 1786 г. (П. С. З. 16584).

Теперь послушаемъ Нейендаля, лучше сказать, послушаемъ отзывовъ и мнѣній о екатерининскомъ городовомъ положеніи городскихъ привиллегированныхъ сословій, т. е. магистрата, обоихъ гильдій, потерявшихъ съ городовою реформою свое первенствующее значеніе въ городѣ. Нейендаль — первоначально секретарь 1-го департамента рижскаго губернскаго магистрата, а потомъ секретарь рижскаго сиротскаго суда — есть приверженецъ стариннаго сословнаго городскаго управленія и потому его отзывъ и можетъ быть считаемъ отзывомъ этихъ сословій.

Глава IX.

Москвѣ и Украйнѣ послѣднимъ въ Россіи было навязано (aufgedrungen) придуманныя Екатериной II учрежденія о губерніяхъ (намѣстничества). Навязано—потому что не спрашивали и не думали годится ли, необходимо ли такое управленіе народу Оставались нетронутыми Лифляндія и Эстляндія. Казалось, Екатерина II медлила; казалось, находила опаснымъ дѣйствовать здѣсь поспѣшно. Эти оба герцогства льстили себя надеждою, что ихъ права, подтвержденныя

всѣми прежними государями и Екатериной II, а вмѣстѣ съ этими правами и ихъ старинное, доброе устройство останутся ненарушимыми. Но тѣ, которые знали характеръ этой непреклонной женщины, желавшей быть вездѣ самодержицей, опасались не безъ основанія, что нѣмая оппозиція стараго пергамента не можетъ воспрепятствовать ей принудить также и Лифляндію быть, по ея соображеніямъ, счастливою. Потому что она твердо увѣрила себя, что внѣ ея учрежденій о губерніяхъ и не можетъ быть счастья. Еще за долго до реформы пользовались, хотя нерѣшительно, нѣкоторыми представлявшимися случаями съ цѣлью показать государынѣ, что наше устройство хорошо, что Рига обязана ему своимъ цвѣтущимъ состояніемъ и всѣми давно признанною нравственностью жителей, потому что рижское городское устройство основывается на добродѣтели гражданъ (Bürgertugend). Когда германскій императоръ Іосифъ II былъ въ Ригѣ, ему поднесли такъ называемый «Листъ для рижской хроники», составленный человѣкомъ очень талантливымъ и чрезвычайно любившимъ свой родной городъ Ригу (въ послѣдствіи оберъ-ветгеромъ) Іоанномъ-Христофоромъ Беренсомъ. Этотъ летучій листокъ, заключавшій въ себѣ обзоръ нашего положенія и очень ясный намекъ на то, что мы имъ довольны, былъ прочитанъ Екатериной II, а за границей былъ принятъ съ большимъ одобреніемъ. Но всѣ старанія, предпринимаемыя въ тайнѣ съ цѣлью остаться тѣмъ, чѣмъ мы были, оказались безуспѣшными. Между 1781 и 1783 годами, Екатеринѣ II, при посредствѣ генералъ-губернатора, были представлены идеи, которыя могли бы удержать государыню отъ ея намѣренія. Но кромѣ ея собственнаго желанія видѣть свое художественное произведеніе приложеннымъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ, она, вѣроятно, боялась предъ народомъ (русскимъ) сдѣлать исключеніе для Лифляндіи. Льстецы называли ея учрежденія о губерніяхъ «образцовымъ произведеніемъ», а врагъ всѣхъ нѣмцевъ и въ особенности лифляндцевъ, князь Вяземскій, къ несчастію въ то время очень вліятельный, употреблялъ все, чтобы ускорить введеніе новаго устройства и сравнять насъ со своими русскими. Тогдашній лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ[1]), по своему высокому поло-

[1]) Графъ Броунъ, шотландецъ по рожденію, былъ съ 1763 г. главнымъ начальникомъ лифляндскаго герцогства. При извѣстной катастрофѣ (вступленіи на престолъ Екатерины II), онъ поставилъ себя такъ, что остался въ неизмѣнной милости у императрицы. Авторитетъ, которымъ онъ пользовался, былъ чрезвычайно великъ. Главныя черты его характера были: слабость ума и жестокость сердца, можетъ быть не природная, а выработанная отъ долгаго пребыванія между суровыми людьми недовѣріемъ и своекорыстіемъ. Онъ воображалъ, что справедливъ. Его называли положительнымъ. Такъ какъ онъ склонялся на сторону того, кто первый приносилъ ему жалобу, и такъ какъ онъ слушалъ тѣхъ, которые умѣли, конечно косвеннымъ образомъ, выставить въ дѣлѣ его пользу, то, значитъ, у него не было твердой воли. Наслѣдники изобрѣтателя куценскаго бальзама потеряли свою привиллегію приготовлять и продавать это лекарство, потеряли отъ того, что здѣшній русскій, по имени Лелюхинъ происками, при посредствѣ Броуна, выхлопоталъ въ высшей инстанціи позволеніе также продавать свой поддѣльный бальзамъ, который онъ называлъ

женію при Екатеринѣ II, могъ бы, можетъ быть, отклонить отъ насъ учрежденіе намѣстничества. Но старый солдатъ и не думалъ объ отклоненіи: слѣпое повиновеніе, по его мнѣнію, было первымъ качествомъ всякаго, кому ввѣрена забота о краѣ, да и вообще такое повиновеніе онъ считалъ высшимъ нравственнымъ качествомъ человѣка.

Примѣчаніе переводчика. Что введеніе екатерининской городовой грамоты въ Ригѣ крайне не правилось городскому сословному управленію (магистрату и обѣимъ гильдіямъ) большой и малой т. е. купеческой и ремесленой), то это понятно безъ всякихъ объясненій, потому что, съ учрежденіемъ губернскаго магистрата и думъ общей и шестигласной магистратъ, и обѣ гильдіи теряли свое первенствующее значеніе въ городскихъ дѣлахъ, и свободный доступъ въ гражданство открывался и для русскихъ. Слова Нейендаля, будто Рига, при сословномъ управленіи, достигла цвѣтущаго состоянія, рѣшительно несправедливы. Императрица Екатерина II, при вступленіи своемъ на престолъ, застала рижскую торговлю въ такомъ чрезвычайномъ упадкѣ, что первымъ дѣломъ по отношенію къ Ригѣ она признала учрежденіе особой коммисіи для разработки новаго устава рижской коммерціи (см. выше стр. 329). Уставъ этотъ былъ высочайше утвержденъ и введенъ въ дѣйствіе съ 7 декабря 1765 г. Городская касса до того оскудѣла, что магистратъ, на обязанности котораго лежало содержаніе въ исправности верковъ и оборонительныхъ зданій рижской крѣпости, не былъ въ состояніи употреблять на это содер-

---

искусственнымъ; онъ пріобрѣлъ расположеніе Броуна тѣмъ, что увѣрилъ его будто травы, необходимыя для этого бальзама, росли только въ помѣстьяхъ Броуна, и за дозволеніе собирать ихъ тамъ, платилъ владѣльцу ежегодно значительную сумму. Какъ только Броунъ умеръ, онъ уже не собиралъ тѣхъ травъ въ его помѣстьяхъ. Жестокость сердца вводила Броуна въ исполненіе вещей, составлявшихъ несчастіе цѣлыхъ тысячъ. Тѣ, которые при этомъ ничѣмъ не страдали, называли это энергіей. Въ 1771 г. высшее инженерное управленіе (фортификаціонное) въ Петербургѣ сочло полезнымъ приказать, чтобы часть гласила между Песчанными воротами и воротами св. Іакова была расширена, а слѣдовательно, увеличена и эспланада. По прошествіи полугода, Броунъ велѣлъ срывать дома, стоявшіе на эспланадѣ. Тутъ случилось, что инженерный офицеръ, вѣроятно по недосмотру, невѣрно отмѣрилъ пространство эспланады, такъ что нѣсколько сотенъ домовъ пришлись на границѣ эспланады и были угрожаемы срытіемъ. Работы по новому устройству крѣпости еще не начались, когда въ 1773 г. жители предмѣстья подали просьбу магистрату такого содержанія, что такъ какъ ихъ дома, находящіеся на будущей эспланадѣ, не могутъ тамъ оставаться, то пусть имъ дозволятъ, по крайней мѣрѣ, владѣть ими безпрепятственно до начала дѣйствительной постройки новыхъ верковъ. Такъ какъ для срытія всегда найдется время, то магистратъ принесъ эту скромную и разумную просьбу генералъ-губернатору, но тотъ не принялъ ея, а отвѣтилъ холодно, что не хочетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, но все таки обѣщалъ, что не станетъ противиться, если найдутъ другой путь для принесенія этой просьбы на высочайшее разсмотрѣніе. Не смотря на это, онъ приказалъ уже 6 мая 1773 г. срыть сейчасъ-же зданія, находившіяся на будущей эспланадѣ, безъ высшаго повелѣнія, а просто оттого, что не было запрещенія. Чрезъ нѣсколько дней срытіе началось. Броунъ нанялъ работниковъ, которые мигомъ срыли дома и за эту работу имъ должны были заплатить тѣ, чью собственность они разрушили. Это разрушеніе было такъ неожиданно, что многіе домохозяева, находившіеся по своимъ дѣламъ въ городѣ, по возвращеніи нашли свои дома сравненными съ землей, и такимъ образомъ испытали несчастіе, гораздо худшее пожара, ибо изъ своего имущества они почти ничего не спасли. Это происшествіе называли „холоднымъ пожаромъ“. Такимъ образомъ множество людей старыхъ, слабыхъ, больныхъ, калѣкъ осталось безъ крова и пріюта. Броуна это не печалило ни сколько.

Прим. Экардта.

жаніе и 10,000 руб., и за нимъ была всегдашняя недоимка. Нейендаль увѣряетъ, будто рижское городское сословное управленіе основывалось на „добродѣтели бюргеровъ“, но подобное мнѣніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Въ основѣ сословнаго управленія была положена вовсе не бюргерская добродѣтель, а крайнее своекорыстіе и стремленіе сохранить за бюргерами (т. е. за магистратомъ и обѣими гильдіями) во что бы то ни стало обильное кормленіе на счетъ небюргеровъ. Доступъ же въ бюргерство былъ до того затрудненъ для русскихъ и вообще для небюргеровъ, что правительствующій сенатъ вынужденъ былъ издать указъ 22 августа 1767 года (П. С. З. ном. 12967), въ которомъ было сказано, что „принятіе и умноженіе всякаго вѣрноподданнаго города способныхъ и достойныхъ мѣщанъ не состоитъ въ волѣ самаго мѣщанства или же рижскаго магистрата, но неоспоримо есть право монаршее, коего, на основаніи конфирмованныхъ правъ и привиллегій, соблюденіе положено на начальство, а посему повелѣно при принятіи въ гражданство поступать по общимъ государственнымъ законамъ“ Указъ этотъ, однакоже, плохо соблюдался, до того плохо, что русскіе купцы неоднократно приносили жалобы императрицѣ на то, что большая гильдія не принимала ихъ въ составъ рижскаго купечества; приходилось давать особыя повелѣнія: принять.

Относительно замѣтки о Броунѣ, слѣдуетъ сказать, что лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ онъ былъ назначенъ не въ 1763 году, а 1 марта 1762 г. (см. Приб. Сборн, I, 419—434). Осуждать Броуна за строгую исполнительность приказаній высшаго начальства болѣе чѣмъ странно. Тѣмъ не менѣе характеристика Броуна не лишена нѣкоторой правды.

Глава X.

Но прежде чѣмъ Екатерина II навязала намъ силой эту горькую чашу, вредившую нашему бюргерскому устройству, она ее позолотила снаружи. Она уничтожила у лифляндцевъ предосудительное манленное право и торжественно объявила, что черезъ введеніе намѣстничествъ лифляндскія права не только не будутъ стѣснены, напротивъ, особенно въ Ригѣ, будутъ расширены. Эта приманка — по отношенію къ городу Ригѣ это было не что иное какъ приманка — успокоила нѣкоторыхъ; нѣкоторымъ приходило на мысль, что новое сольется со старымъ и тогда можетъ выйдти что нибудь сносное. Люди, жаждущіе чиновъ и титуловъ, и ихъ жены дѣтски радовались предстоящимъ выборамъ. Случайное благосостояніе, возвышенный умъ, большія умственныя способности, можетъ быть, также гордость многихъ членовъ магистрата возбуждали въ русскихъ зависть и мстительность, въ нѣкоторыхъ же нѣмцахъ стремленіе къ занятію судейскихъ должностей. Лучшая часть этихъ послѣднихъ всетаки хотѣла удержать наше старинное устройство. Одни думали, что надо подкупить вышеназваннаго врага города — а онъ былъ доступенъ подкупу —

чтобы при посредствѣ его помѣшать введенію намѣстничества. Но это средство, если бы оно даже и не было пренебрежено, не могло быть примѣнено за бѣдностью городской кассы. Изъ Петербурга подъ рукою давали знать, чтобы земство и города сами просили о введеніи намѣстничества, но вмѣсто этого (говорю только объ Ригѣ) была послана отъ имени трехъ городскихъ сословій этого города просьба къ государынѣ, въ которой сословія просили не давать имъ этой милости.

Примѣчаніе переводчика. Высочайшія повелѣнія объ учрежденіи рижскаго и ревельскаго намѣстничествъ помѣщены въ 1-мъ томѣ этого „Сборника“ на стр. 331—343. Дѣйствительно, высочайшимъ манифестомъ 3 мая 1783 г. (П. С. З. ном. 15719), всѣ манлены были обращены въ наслѣдственныя вотчины подобно тому какъ въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1731 г. всѣ недвижимыя имѣнія во внутреннихъ губерніяхъ — помѣстья и вотчины — соединены подъ одно названіе вотчинъ.

Во вступленіи къ 2-му тому „Сборника“ (стр. XX—XXI) уже объяснено, что такое были вассалы въ древней Ливоніи, каковы были виды леновъ и наконецъ кѣмъ были расширены права наслѣдства въ ленахъ, первоначально весьма ограниченныя, до пятаго колѣна въ обоихъ полахъ.

Въ 3 томѣ „Сборника“ (стр. 410—432) помѣщены полные переводы акта подчиненія Лифляндіи Польшѣ и привиллегіи, данныя лифляндскому дворянству королемъ польскимъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1561 г. Этими актами, а равно актами о присоединеніи Лифляндіи къ Литвѣ и Польшѣ 1566 и 1569 годовъ, между прочимъ, бывшимъ вассаламъ присвоены всѣ права и преимущества дворянъ польскихъ и литовскихъ и право наслѣдованія въ ленныхъ имѣніяхъ по порядку, установленному въ эстонскихъ округахъ Гарріенѣ и Вирландѣ, т. е. до пятаго колѣна въ обоихъ полахъ. Съ этихъ временъ слово „вассалы“ начало выходить изъ употребленія, замѣнившись словомъ „рыцарство“ или „дворянство“

При переходѣ Лифляндіи во власть Швеціи, дворянамъ были оставлены во владѣніи ихъ лены, но въ концѣ XVII вѣка шведское правительство признало нужнымъ: всѣ лены въ Лифляндіи обратить въ манлены на основаніяхъ, установленныхъ въ 1604 г. на Норчепингскомъ сеймѣ, по которымъ: 1) владѣльцы помѣстій обязаны, при всякомъ вступленіи на престолъ, испрашивать каждый отдѣльно отъ короля утвержденія ихъ правъ; 2) запрещалось отчуждать или отдавать помѣстье въ заставу, не спросивъ короля, не желаетъ ли онъ пріобрѣсть это помѣстье; 3) всякое помѣстье умершаго безъ наслѣдниковъ мужскаго пола возвращается въ казну, не переходя къ линіямъ боковымъ; 4) если умершій оставилъ дочь, то казна обязана ей дать приданное. Затѣмъ шведское правительство въ 1681 г. постановило распространить на Лифляндію постановленія стокгольмскаго сейма, бывшаго въ этомъ году, по которому всѣ помѣстья, принадлежавшія когда либо правительству и поступившія въ частное владѣ-

ніе незаконнымъ образомъ, должны быть отобраны въ казну (редукція). Основаніемъ для такого постановленія шведское правительство приняло, что выраженіе „до пятаго поколѣнія мужскаго и женскаго“ не означаетъ вѣчнаго владѣнія и что шведскіе короли никогда не утверждали привиллегіи короля Сигизмунда. Въ томъ же 1681 г. были учреждены коммисіи: редукціонная, разбиравшая права, по которымъ имѣнія дошли до владѣльцевъ и отбиравшая въ казну всѣ незаконно пріобрѣтенныя помѣстья, т. е. не по правиламъ постановленія 1604 года; ликвидаціонная, разсматривавшая и удовлетворявшая долговыя требованія частныхъ лицъ; обсерваціонная, разсматривавшая прежнее управленіе отобранныхъ въ казну помѣстій. По силѣ постановленія о редукціи, за дворянами осталось лишь 1021 гакъ земли (шестая часть) и за пасторами 79 гаковъ, все прочее, составлявшее 5300 гаковъ, поступило въ казну. Единственное облегченіе, допущенное королемъ Карломъ XI, состояло въ томъ, что помѣстья, съ которыхъ дохода было не болѣе 600 талеровъ, отдавались владѣльцу въ вѣчную аренду съ пожалованіемъ $^1/_3$ или и всей арендной суммы. Отсюда произошло названіе имѣній терціальныхъ и граціальныхъ. По вступленіи Лифляндіи и Эстляндіи въ русское подданство, Петръ Великій поручилъ особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ барона Левенвольда, разобрать права и документы на имѣнія и возвратить прежнимъ владѣльцамъ тѣ, которыя были шведами отобраны въ казну безъ законнаго основанія. Въ 1721 г. были учреждены особыя рестутиціонныя коммисіи, которыя и возвратили помѣщикамъ ихъ имѣнія.

Въ 1761 и 1768 годахъ повелѣно было составить списки манленныхъ имѣній. Тутъ то и оказалось, что въ числѣ имѣній, показанныхъ вотчинными, было много манленныхъ, что многія имѣнія возвращены владѣльцамъ не по принадлежности, что манленныя имѣнія безпрестанно переходили изъ рукъ въ руки, что, наконецъ, было множество имѣній, состоявшихъ во владѣніи по заставному праву, которыя, однакоже, слѣдовало обратить въ казну. Сенатъ 19 іюля 1781 года (П. С. З. ном. 15188) предписалъ манленныхъ мызъ не продавать, не закладывать и долгами не обременять. Тогда лифляндское и эстляндское дворянство начали просить, чтобы имъ дозволено было распоряжаться манленами по старинѣ. Императрица, чтобы положить конецъ недоумѣніямъ, и издала манифестъ 3-го мая 1883 г. о превращеніи всѣхъ леновъ (помѣстій) въ аллодій, т. е. въ наслѣдственныя вотчины.

Манифестъ этотъ предшествовалъ введенію учрежденія о губерніяхъ, состоявшемуся, какъ извѣстно, по высочайшему повелѣнію отъ 3-го іюля 1783 г.

Глава XI.

Уже двадцать лѣтъ отъ города были силою получаемы большія суммы. Двинскія постройки и постройки амбаровъ, которыя были въ рукахъ плута и негодяя, истощали городскую кассу Ро-

дившійся на проклятіе и гибель Риги, оберъ-инспекторъ (управляющій таможнею) Д (аль), изобрѣтатель плохо расчитаннаго тарифа, введеннаго въ 1782 г., успѣлъ изъять изъ рукъ города пріемъ порторныхъ пошлинъ. Ежегодный доходъ отъ этихъ пошлинъ въ 81 тысячу албертовыхъ рейхсталеровъ былъ отнятъ у города, а вмѣсто этого дохода назначили къ поступленію въ городскую кассу 102000 рублей ассигнаціями, которыя, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе теряли свою цѣнность, и часть которыхъ немедленно же обращалась на плохо расчитанныя постройки гавани въ Динаминдѣ, на каковыя работы городъ долженъ былъ ежегодно выдавать 50,000 р.[1]).

Любители гидравлическихъ построекъ, производившіе работы безъ знанія рѣки, безъ совѣта людей, понимавшихъ дѣло, грозили опустошеніемъ городской кассы. Броунъ, часто злоупотреблявшій своею большою властью по отношенію судебной власти магистрата, хотя и не всегда по собственному побужденію, а по внушенію людей неблагонамѣренныхъ, унизилъ достоинство судей и вообще городскаго начальства своимъ насильственнымъ вмѣшательствомъ во всѣ общественныя дѣла. Шпіоны и вѣстовщики управляли чрезъ него и городомъ, и земствомъ. Благоразумные люди вздыхали и въ тайнѣ сознавали, что разрушеніе почтеннаго зданія, въ которомъ многіе такъ счастливо жили, неизбѣжно.

Глава XII.

При такомъ заволоченномъ тучами небѣ насталъ ужасный день, распространившій безчисленныя замѣшательства въ городѣ и земствѣ. Учрежденіе намѣстничества было намъ навязано силой. Знатный русскій духовный (псковскій преосвященный) прибылъ сюда и освятилъ своей славяно-русской рѣчью наши судебныя мѣста. Передъ этимъ онъ говорилъ въ Алексѣевской церкви русскую проповѣдь, которая была всетаки гораздо приличнѣе той, какую произнесъ генералъ-суперинтендентъ въ церкви св. Іакова; темою сей послѣдней рѣчи служили вольнодумцы, которыхъ онъ назвалъ «нечестивыми бестіями» Рижскій магистратъ, хотя по имени и остался въ прежней формѣ, но былъ подчиненъ *губернскому магистрату*, который, правду сказать, являлся совсѣмъ лишнимъ. Всѣ члены этого суда безъ исключенія находились въ полномъ невѣденіи всего, что относилось къ судейской практикѣ. Имъ не было дано никакой инструкціи, имъ не сказали даже ни разу, по какому закону они должны составлять приговоры. Въ одномъ департаментѣ держались того мнѣнія, что надо судить по законамъ, употреблявшимся до сихъ поръ въ Ригѣ, прези-

---

[1]) Только въ 1788 г. прекратилась эта выдача. Безполезныя работы оставили неоконченными. Песокъ, намываемый съ курляндской стороны, постоянно запружалъ гавань. Объ этомъ не подумали.

дентъ другаго департамента громко заявлялъ, что онъ будетъ судить по указамъ, прибавляя, что, какъ вѣрный подданный ея императорскаго величества, онъ будетъ держаться ея повелѣній. Исключая одного, остальные члены губернскаго магистрата были прямодушными людьми, которые отчасти понимали, что подчиненный имъ судья (т. е рижскій магистратъ) знаетъ свое дѣло. Особенно выдавался въ губернскомъ магистратѣ одинъ изъ засѣдателей онаго, купецъ Людовикъ Граве, который своею проницательностію, честностію, даромъ спокойнаго разслѣдованія и опредѣленностію въ письменныхъ работахъ превосходилъ многихъ ученыхъ юристовъ. Скоро послѣ введенія этого губернскаго магистрата, вышеупомянутый ратсгеръ Беренсъ издалъ свое сочиненіе: «Утвержденное муниципальное управленіе» Цѣлью этого сочиненія и изданнаго имъ впослѣдствіи другаго: «Бомба Петра Великаго» было показать, что мы, несмотря на нововведенія, всетаки можемъ быть здѣсь счастливы, если съумѣемъ употреблять съ пользою для себя хорошія стороны намѣстническаго управленія; онъ хотѣлъ показать, что находитъ хорошія стороны намѣстническаго управленія, если пріобрѣтемъ настоящее гражданское чувство или же сохранимъ таковое отъ прежнихъ лѣтъ. Но его работа была соткана слишкомъ тонко.

Примѣчаніе переводчика. Любопытенъ отзывъ, сдѣланный Іохманомъ (Приб. Сборн. I, 449—45.) о намѣстничествахъ. Въ письмѣ къ Зенгбушу отъ 10 іюля 1821 г., онъ высказывалъ весьма справедливую мысль, что намѣстничества потому не удались въ Лифляндіи, что цѣлою головою превосходили пониманіе современныхъ имъ лифляндцевъ.

Глава XIII.

Для скорѣйшаго введенія всѣхъ этихъ новостей и для совершеннаго уничтоженія прежняго управленія, а также для того, чтобы лишить членовъ магистрата уваженія и почета, которыя они умѣли утвердить за собой большею частію своими личными достоинствами, или которые были имъ оказываемы благомыслящими и умными людьми, изъ Петербурга прислали сюда губернаторомъ человѣка, который обладалъ качествами, потребными для подобныхъ геростратскихъ дѣлъ. Высокомѣрный въ высшей степени, дѣятельный, исполненный предразсудка, что здѣсь ничего не дѣлаютъ, не свѣдущій по судебной части, но одаренный блестящими умственными способностями, полный страсти къ нововведеніямъ, онъ началъ свое дѣло. Но кончилъ онъ лучше, чѣмъ началъ. При своемъ отъѣздѣ онъ сознался, что учился въ Лифляндіи и убѣдился, что не насъ на русскихъ, а русскихъ надо дѣлать похожими на насъ, что намѣстническое управленіе здѣсь не нужно. Несмотря на это, онъ внималъ наушничанью жалкихъ негодяевъ, и кто ему первый жаловался, тотъ былъ правъ.

Его сердце не было испорченнымъ, но горячность вводила его часто въ развратные поступки, которые навлекли на него сильнѣйшую ненависть. Впослѣдствіи онъ удостоилъ своимъ довѣріемъ нѣсколькихъ честныхъ нѣмцевъ и было замѣтно, что онъ дорожилъ здѣшнею публикою, но сосудъ былъ уже разбитъ.

Примѣчаніе переводчика. Лицо, о которомъ упоминается въ этой главѣ, есть Александръ Андреевичъ Беклешовъ, который при учрежденіи рижскаго и ревельскаго намѣстничествъ, былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Ригу. Въ должности этой онъ пробылъ до 1790 г.; въ этомъ году онъ былъ назначенъ орловскимъ и курскимъ намѣстникомъ. Съ 1804 по 1806 г., въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи, онъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ и отсюда, въ началѣ 1807 г., прибылъ въ Ригу для формированія лифляндскаго ополченія (по манифесту отъ 30 ноября 1806 г.), начальникомъ котораго онъ и назначался. Въ Ригѣ онъ умеръ и погребенъ на Покровскомъ кладбищѣ.

На этомъ кладбищѣ весьма изрядно сохранился гранитный памятникъ, поставленный надъ могилой этого весьма замѣчательнаго администратора. Памятникъ находится въ нѣсколькихъ саженяхъ на право отъ Покровской церкви. На лицевой сторонѣ памятника, на мраморной доскѣ, рельефомъ высѣченъ весьма схожій и отчетливой работы портретъ покойнаго, на задней сторонѣ, также на мраморной доскѣ, вырѣзанъ гербъ его. На правой сторонѣ къ церкви высѣчена слѣдующая надпись:

Александръ Андреевичъ Беклешовъ, россійско-императорскій генералъ и кавалеръ многихъ орденовъ, родился 1 марта 1745 года, скончался 24 іюля 1808 года. Служилъ съ похвалою и честію противъ турокъ въ Мореѣ, въ 1772 и 1773 г., потомъ былъ губернаторомъ въ Ригѣ, генералъ-губернаторомъ въ Орлѣ и Курскѣ, военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ, въ Кіевѣ и въ Москвѣ и дважды генералъ-прокуроромъ. Соединяя военныя познанія со статскими способностями, во всякомъ родѣ государственной службы былъ полезнѣйшій слуга монархамъ и отечеству.

На четвертой сторонѣ, также на мраморной доскѣ, высѣчено:

Во гробѣ Беклешовъ здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Но разумомъ своимъ безсмертенъ пребываетъ.
Онъ въ мирѣ и въ войнѣ отечеству служилъ,
Героемъ на моряхъ противъ срациновъ былъ.
Искуствомъ обладалъ какъ править областями,
Усердствовалъ царямъ и былъ любимъ царями.
Богатства не искалъ, мздоимства не терпѣлъ,
Не властью, а умомъ почтенье пріобрѣлъ;
Науки самъ любилъ и уважалъ ученыхъ,
Заслугъ имѣлъ самъ тьму, но чтилъ и заслуженныхъ.
Кто честность, нравъ и умъ въ семъ мужѣ точно зналъ,
Тотъ Беклешовымъ быть сердечно бъ пожелалъ.

Эпитафія эта отнюдь не преувеличиваетъ: А. А. Беклешовъ дѣйствительно принадлежалъ къ замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ конца XVIII и первыхъ годовъ текущаго столѣтій.

Глава XIV

Съ большими усиліями и съ большимъ напряженіямъ умственныхъ силъ старался магистратъ поддержать свое достоинство. Его приговоры, состоявшіеся въ это время, служатъ образцомъ безпристрастія и опредѣленности. Всѣ признавали въ большинствѣ членовъ магистрата отсутствіе своекорыстія и серьезное отношеніе къ дѣлу Они не только говорили о соблюденіи нашихъ добрыхъ, отцовскихъ нравовъ, но сами хотѣли подавать примѣръ гражданамъ, и напрасно.

Даже это похвальное стремленіе было нѣкоторыми объяснено властолюбіемъ. Паденіе было рѣшено:

Venit summa dies et ineluctabile fatum!

Городовое положеніе было предписано намъ строгими, угрожающими указами сената и молчаливымъ приказаніемъ Екатерины II. Этимъ могила была совершенно зарыта. Было еще неизвѣстно оживетъ ли этотъ фениксъ изъ своего пепла. Если бы онъ самъ сжегъ себя, чтобы возродиться для лучшей жизни, тогда можно было бы еще надѣяться. Нѣкоторые сильные въ вѣрѣ, все-таки утѣшали себя словами Іова, который говоритъ «я знаю, что мой избавитель живъ»

Примѣчаніе переводчика. Надежды, какъ извѣстно, осуществились въ концѣ 1796 г. Здѣсь не излишне упомянуть, что въ 1785 г. общее число жителей въ Ригѣ не превосходило 28000 человѣкъ, изъ нихъ число привиллегированныхъ ни въ какомъ случаѣ не превосходило 1000 человѣкъ. Эти 1000 человѣкъ разбивались на 3 сословія: магистратъ (правящее сословіе) 16 человѣкъ (12 ратсгеровъ и 4 бургомистра), большая гильдія (купеческая), численностью не превосходившая 300 человѣкъ, и малая гильдія (ремесленные цехи и ремесленники) численностію не больше 700 человѣкъ. Эти то 1000 человѣкъ бюргеровъ и пользовались правами и преимуществами, прочіе же 27000 человѣкъ бюргерами не были, правъ и преимуществъ бюргеровъ не имѣли. Со введеніемъ въ Ригѣ екатерининской грамоты городамъ, привиллегированные 1000 человѣкъ дѣйствительно теряли свое первенствующее въ городѣ значеніе, за то остальные 27000 человѣкъ пріобрѣтали чрезвычайно много, именно пріобрѣтали право гражданства. Эти 27000 человѣкъ имѣли всѣ причины и поводы быть довольными грамотою на столько, на сколько были ею недовольны 1000 человѣкъ привиллегированныхъ.

Глава XV

Насиліе происходило такъ. Вяземскій, тогдашній генералъ-прокуроръ, государственный казначей, главноуправляющій гидравли-

ческими работами и т. п., не рѣшился сразу навязать намъ новое городское устройство. Подали видъ, что спрашиваютъ здѣшнихъ гражданъ желаютъ ли они принять его. Можно было предвидѣть, что худшая часть гражданъ (а она всегда заявляетъ о себѣ громче всѣхъ) подастъ голосъ за принятіе. Plebs novarum rerum semper avida! Мѣстные ремесленники кричали громче всѣхъ. Страстное желаніе сдѣлаться ратсгерами, амтсгерами (начальниками цеховъ) такъ ихъ ослѣпило, что они въ новомъ городскомъ устройствѣ находили все, чего хотѣла ихъ безумная мечта. Столяръ, по имени *Егеръ*, имѣвшій знакомство въ Петербургѣ, особенно хлопоталъ объ оклеветаніи стараго городскаго устройства, за что и былъ выбранъ старшиною цеха. Здѣшнее купечество, лучшая часть котораго находила эту микстуру вредною для бюргерской конституціи, было настигнуто въ гильдіи, устрашено угрозами[1]) (потому что здѣшніе кабалисты давали себя знать) и это значило, что городъ Рига принялъ новое городовое положеніе. Магистратъ, которому даже злорадствующіе люди не могли отказать въ свидѣтельствѣ того, что онъ обладалъ обоими главными качествами, необходими для порядка образованностію и честностью, этотъ магистратъ сейчасъ же былъ распущенъ, оставивъ послѣ себя сожалѣніе честныхъ людей. Здѣшнее губернское начальство дало этой магистратской коллегіи публичное письменное свидѣтельство о знаменито веденномъ ею до сихъ поръ управленіи городомъ. Знали, что начальство сдѣлало это неохотно. Но уваженіе, питаемое большею и лучшею частію здѣшней публики къ своему прежнему правительству, было слишкомъ велико, чтобы отважиться отнять истину у этого свидѣтельства.

Такъ пришелъ конецъ устройству, надъ которымъ работали сотни вѣковъ, которое не было произведеніемъ, выдуманнымъ въ кабинетѣ, а было результатомъ размышленія и приноравливанія къ обстоятельствамъ. Права, которыми пользовалась Рига, не были захвачены ею, пріобрѣтены происками, а давались частью властителями, частью признавались и ясно подтверждались всѣми ихъ преемниками. Слѣдовательно, властители не могли зря и неправо отмѣнить ихъ.

Даже за границей наше устройство было извѣстно какъ хорошо организованное, и понимающіе дѣло пожимали плечами при видѣ дурно исполненнаго плана новаго зданія, надъ которымъ работали здѣшніе бенгазены (мастеровые, не пріобрѣвшіе званіе мастеровъ.

Примѣчаніе переводчика. Это правда, что права

---

[1]) Тогдашній докманъ Х. сказалъ, что онъ получилъ отъ генералъ-губернатора приказаніе замѣтить поимянно тѣхъ, которые будутъ противиться введенію новаго городскаго устройства, и доложить ему объ этомъ. Лучшіе изъ находившихся въ собраніи гражданъ отвѣтили: такъ какъ нельзя было сопротивляться силѣ, то мы должны были уступить.

и преимущества Риги были утверждаемы нашими государями, но со всегдашнею оговоркою, что дарованіе этихъ правъ отнюдь не ограничиваетъ самодержавной власти государя. „Однакожъ наше и нашихъ государствъ величество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда“ значилось въ жалованныхъ грамотахъ нашихъ государей, начинанія съ Петра I и его преемниковъ до Александра I. Въ грамотахъ Александра I, Николая I и Александра II сказано, что дозволяется всѣми сими правами, привиллегіями и преимуществами „елико сообразны они съ общими государственными установленіями и законами свободно пользоваться“

Такія ограниченія находятся во всѣхъ почти актахъ государей датскихъ, польскихъ и шведскихъ, подтверждавшихъ права обывателей Ливоніи.

Глава XVI.

Прежде чѣмъ оставить окончательно магистратскую коллегію, надобно коснуться еще нѣкоторыхъ фактовъ, которыми можно убѣдительнѣе всего доказать ея достоинство. Невзгоды, которыя должны были выносить амфитріоны въ послѣдніе годы своего управленія, были невыразимо жестоки. Кромѣ личныхъ оскорбленій, которыя они должны были выносить отъ раздражительности и грубости сатраповъ, кромѣ униженія видѣть свои судебные приговоры подлежащими пересмотру безполезнаго губернскаго магистрата, кромѣ непріятности имѣть надъ собой 8 начальниковъ[1]), которые ненавидѣли ихъ за то, что они жаловались, кромѣ непріятности видѣть какъ прокуроръ и стряпчіе вмѣшивались во всѣ ихъ судебныя дѣла, они были еще принуждаемы Вяземскимъ, заставившимъ себя сдѣлать главнымъ смотрителемъ водяныхъ работъ — обильный источникъ для его жадности — были принуждаемы къ предпринятію безцѣльныхъ, отчасти даже вредныхъ построекъ на Двинѣ, опустошавшихъ только городскую казну Чтобы продать растущій въ пожалованныхъ ему польскихъ имѣніяхъ лѣсъ, который здѣшнее купечество не хотѣло покупать по причинѣ его дурнаго качества, или давало за него слишкомъ мало, чтобы продать этотъ лѣсъ по выгодной цѣнѣ, Вяземскій отдалъ приказъ о постройкѣ различныхъ плотинъ на Двинѣ. Считало ли начальство это необходимымъ, были ли люди, понимающіе дѣло, того же мнѣнія, объ этомъ и не спрашивали. Плотины должны были быть построены.

Даже собственныя имѣнія членовъ магистрата были угрожаемы экзекуціею, а прежнему правленію грозили требованіемъ отчета, что было еще хуже, ибо всѣ знали, что угроза отчета придумана съ

---

[1]) Это были: 1) генералъ-губернаторъ, 2) губернаторъ, 3) намѣстническое правленіе, 4) казенная палата, 5) и 6) оба суда (нижній и верхній), 7) совѣстный судъ, 8) губернскій магистратъ, состоящій изъ двухъ департаментовъ. Всѣ они не скупились на приказанія.

цѣлью найти магистратскія распоряженія городскими средствами не хорошими, а подъ этимъ предлогомъ изъять средства города совершенно изъ рукъ гражданъ, а членовъ магистрата довести такимъ образомъ до полнаго разоренія. Это было уже такъ близко, что магистратъ хотѣлъ было почать вдовью кассу своихъ членовъ.

Почти каждый день видѣлъ магистратъ какъ злонамѣренные жители, даже среди хода ихъ тяжбъ, являлись къ прокурорамъ, стряпчимъ, губернаторамъ и приносили ложные доносы на несправедливости и на проволочки, и достигали этимъ по крайней мѣрѣ того, что судью призывали, даже во время засѣданій, къ сатрапу, встрѣчали грубо и отпускали послѣ оправданія безъ удовлетворенія[1]).

И всетаки только одинъ членъ магистрата вышелъ въ отставку Большею частію они были людьми зажиточными, даже богатыми, и могли промѣнять это бурное море на пріятное уединеніе подъ благовиднымъ предлогомъ преклоннаго возраста, но они выдержали до конца[2]). Пусть это мужественное чувство, вызванное сознаніемъ честныхъ поступковъ, послужитъ образцомъ нашему потомству

Надобно еще упомянуть объ одномъ обвиненіи, взведенномъ на рижскій магистратъ: именно, обвиненіи въ деспотизмѣ. Но говорить о деспотизмѣ магистрата можетъ развѣ тотъ, кто не знаетъ нашего управленія. Если бы магистратъ былъ даже склоненъ къ деспотизму, то онъ не могъ его выказывать по крайней мѣрѣ со времени шведскаго правленія, ибо всегда находился подъ надзоромъ земскаго правительства, поставленнаго для цѣлой провинціи, которое предотвращало не только всякое несправедливое, своевольное насиліе, но даже малѣйшую строгость городскаго начальства. Земское правительство даже ограничивало во многихъ случаяхъ силу законнаго авторитета, принадлежавшаго магистрату по его привиллегіямъ и городскому устройству Если бы магистратъ и захотѣлъ выйдти изъ предѣловъ своей законной власти и вліять на всѣхъ гражданъ, или на часть ихъ, то противъ этого у гражданъ всегда была подъ рукою защита и, конечно, они ничего не упустили бы, чтобы воспользоваться ею. Если же и случилось то или другое такого рода, то этому нельзя бу-

---

[1]) Даже въ сенатъ пришла жалоба на рижскій магистратъ. Послѣдній долженъ былъ заплатить штрафу 10 руб. причемъ присовокуплялось, что такой малый штрафъ назначенъ потому, что магистратъ былъ „незначительнымъ присутственнымъ мѣстомъ“.

[2])Не мѣшаетъ здѣсь привести имена тѣхъ членовъ рижскаго магистрата, которые послѣдніе пользовались его правами: 4 бургомистра: Мельхіоръ фонъ Видау, Іоаннъ Генрихъ Шикъ, Іоаннъ Христіанъ Шварцъ, Іоаннъ Карлъ Берендтъ и оберфогтъ Готфридъ Беренсъ; ратсгеры: Эристъ Эбель, Гербертъ ф. Ульрихенъ, Павелъ Готанъ, Іоаннъ Христіанъ Беренсъ, Іоаннъ Христіанъ Клацо, Антонъ Бульмеринкъ, Эберхартъ Беренсъ фонъ Раутенфельдтъ, Адамъ Генрихъ Шварцъ, Самуилъ фонъ Зернгроссъ, Самуилъ Гольстъ, Іоаннъ Фридрихъ фонъ Викенъ, Даніилъ Бютефейгъ и Іаковъ Фридрихъ Вильпертъ. Въ шведскомъ дворянскомъ дипломѣ за 1660 г. упомянуты тѣ, которые первые получили дворянство. Императоръ Петръ I. почтилъ рижскій магистратъ титуломъ „высокоблагороднаго“. Прим. Экардта.

детъ пріискать примѣра, по крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго ряда годовъ и въ этомъ столѣтіи. Магистратъ чаще навлекалъ на себя упреки правительства, обращаясь съ гражданами слишкомъ кротко и уступчиво, или когда пытался въ томъ или другомъ случаѣ слишкомъ расширять и защищать ихъ права.

Глава XVII.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ этого времени, какъ напримѣръ въ 44 номерѣ «Статистической Переписки» Шлецера, было сказано, что сенатъ повелѣлъ ввести новое городовое положеніе въ Ригѣ по желанію гражданъ. Не для того, чтобы опровергать это ложное показаніе, а потому, что этимъ представляется удобный случай пополнить то, что было кратко сказано о введеніи новаго городоваго положенія, должно привести слѣдующее: Такъ какъ новое городовое положеніе было введено уже въ 1785 году во всѣхъ русскихъ городахъ, то здѣсь въ Ригѣ подъ рукою производились разныя внушенія, дабы рижане или сами постановили принять и ввести у себя новое устройство или же просили объ этомъ. Но рижане не хотѣли понять такихъ внушеній, потому и состоялся приказъ о введеніи сказаннаго положенія. Три сословія этого города, а именно магистратъ, граждане большой и граждане малой гильдій, совѣтовались между собой объ этомъ и рѣшили просить ввести новое устройство только въ общемъ, на основаніи ихъ правъ, привиллегій и другихъ основаній. Эта просьба, подписанная тремя сословіями, была представлена государынѣ чрезъ намѣстническое правленіе. Въ послѣдовавшемъ на это прошеніе отвѣтѣ говорилось, что изъ полученной просьбы нельзя усмотрѣть въ чемъ именно новое городское устройство могло бы противорѣчить и вредить существующему устройству или правамъ и привиллегіямъ Риги. Этотъ отвѣтъ подалъ поводъ къ другой просьбѣ, написанной уже обстоятельнѣе, которая съ тѣми же подписями и тѣмъ же путемъ была представлена императрицѣ. Магистратъ старался показать, что къ подачѣ, по принадлежащимъ ему правамъ, этого прошенія имъ не руководятъ никакія частные виды, а лишь надежда черезъ пожертвованіе этихъ правъ облегчить справедливое рѣшеніе важной просьбы, касающейся удержанія существующаго бюргерскаго городскаго управленія. При этомъ магистратъ объяснилъ, что онъ отказывается отъ права пополнять себя собственнымъ выборомъ, предоставляя это право гражданамъ и, наконецъ, признаетъ цѣлесообразнымъ учрежденіе совѣстнаго суда. Въ то время какъ эта просьба была мотивирована, написана и передана императрицею на разсмотрѣніе сенату, тотъ самый столяръ о которомъ упоминалось въ 15 главѣ, человѣкъ безпокойный, тщеславный и своекорыстный, навлекшій на себя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, своимъ строптивымъ поведеніемъ въ малой гильдіи, строгіе выговоры и угрозы генералъ-губернатора, этотъ

самый столяръ нашелъ себѣ подходящее занятіе: началъ привлекать къ себѣ легковѣрную часть гражданъ малой гильдіи разными приманками и хвастовствомъ своими сношеніями и связями въ Петербургѣ, и старался привести ихъ къ тому, чтобы они снабдили его деньгами для поѣздки въ Петербургъ. Какія именно ложныя свѣдѣнія онъ передавалъ своимъ приверженцамъ, этимъ не интересовался ни одинъ порядочный человѣкъ. Но, однакоже же, вѣрно то, что, ни сенатъ, а тѣмъ менѣе кабинетъ, не получали отъ него никакого письменнаго заявленія, и что въ Петербургѣ онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, прямаго доступа ни къ одному важному лицу, и, можетъ быть, этого и не добивался. Такимъ образомъ, на сенатское рѣшеніе о введеніи новаго городскаго устройства въ Ригѣ, малая гильдія не могла оказать вліянія. Что сенатъ совсѣмъ не зналъ о желаніяхъ и намѣреніяхъ этой малой части здѣшняго гражданства, и что онъ не получалъ объ этомъ свѣдѣній даже черезъ третьи руки, а если и получалъ послѣднимъ способомъ, то считалъ неприличнымъ обращать на это вниманіе или основывать на этомъ свое рѣшеніе, это неоспоримо доказываетъ указъ, въ которомъ ни слова не упоминается о расположеніи или желаніи малой гильдіи относительно нововведенія. Если бы въ сенатѣ знали о такомъ желаніи, то навѣрное не упустили бы принять это обстоятельство, какъ предлогъ къ преобразованію. Дѣло шло не о желаніи или требованіи нѣкоторыхъ глупыхъ, обманутыхъ и безпокойныхъ гражданъ, а объ убѣдительныхъ доводахъ, приведенныхъ тремя сословіями города, которыя и были переданы на разсмотрѣніе сенату Но, не смотря на эти доводы, сенатъ всетаки (смотри главу 14) приказалъ ввести новое городовое устройство, хотя государыня передала туда просьбу рижанъ для разсмотрѣнія, а вовсе не для рѣшенія, и слѣдовательно, рѣшенія надобно было ожидать отъ нея самой. На этомъ основаніи городскія сословія хотѣли было выжидать или просить рѣшенія у государыни. Но такъ какъ, съ одной стороны, это могло произойти не иначе, какъ при посредствѣ намѣстническаго правленія[1]), а оно ничего не хотѣло слушать; съ другой стороны, сенатъ для воспрепятствованія новымъ прошеніямъ высказалъ угрозу, что съ тѣхъ, которые будутъ противиться его приказу, строго взыщется, или, что собственно значило, такія лица будутъ преданы суду; наконецъ, такъ какъ рижане знали, что сенатскій указъ не состоялся бы безъ согласія императрицы, вслѣдствіе чего всякое дальнѣйшее сопротивленіе было бы не только напрасно, но даже опасно, и всетаки безполезно, потому то городъ и долженъ былъ допустить то, чему онъ не могъ противиться или чего онъ не могъ отвратить.

[1]) Потому что по учрежденію о губерніяхъ никто не имѣетъ права, даже такой важный городъ какъ Рига, обращаться прямо къ своей государынѣ; обращеніе должно происходить не иначе какъ чрезъ намѣстническое правленіе. Объ этомъ не подумали тѣ, которые хотѣли новаго порядка вещей, иначе они не склонились бы къ нему.

Въ заключеніе здѣсь нельзя не упомянуть, что вдохновитель Шлецера, тогдашній здѣшній ректоръ *Онелль*, былъ слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы изучить наше городское устройство; онъ большую часть времени проводилъ въ веселыхъ и часто, особенно подъ конецъ, въ недостойныхъ обществахъ и трактирахъ, такъ что долженъ былъ оставить свою должность за необузданный и предосудительный образъ жизни.

Глава XVIII.

Новое платье не годилось намъ, какъ ни старались портные. Наши реформаторы должны были убѣдиться, что для общаго блага и для того, чтобы не смутить всѣхъ, необходимо удержать сколько возможно наше прежнее устройство. Но такъ какъ все это можно было дѣлать только тайкомъ, то все оказалось съ заплатами. Названія нижнихъ городскихъ судовъ новоустроеннаго магистрата г Риги остались тѣ же. Въ нихъ составлялись акты и передавались на разсмотрѣніе всему магистрату Но чрезъ это затягивались процессы. Такъ какъ по новымъ положеніямъ, если у нихъ были таковыя, обращали вниманіе не столько на законность, сколько на скорость рѣшеній, и такъ какъ въ заслугу судьи ставилась не мудрость его приговоровъ, а количество рѣшенныхъ имъ дѣлъ, потому поспѣшные приговоры были здѣсь въ частомъ употребленіи. «Кончайте только скорѣе» сказалъ однажды одинъ изъ нашихъ земскихъ попечителей. «Но, замѣтилъ ему судья, предстоящее дѣло трудно, обширно и требуетъ долгаго обдумыванія» «Ничего, былъ отвѣтъ, недовольный рѣшеніемъ можетъ переносить дѣло выше»[1]).

Судьи не были виноваты, если приговоры этого времени заслуживали порицанія: ихъ принуждали къ этому И всетаки ходъ юстиціи не былъ довольно оживленъ. Тогда былъ сдѣланъ вторичный опытъ съ губернскимъ магистратомъ. Всѣ нисшія инстанціи и самое общее присутствіе были соединены въ 3 департамента, юрисдикція которыхъ была ограничена городомъ и предмѣстьемъ. Они назывались. уголовный, коммерческій и гражданскій департаменты. Патримоніальный округъ Риги сдѣлали подсуднымъ нижнему земскому суду и нижней земской расправѣ, гдѣ крѣпостные крестьяне были засѣдателями. Апеляція подлежала теперь не рижскому магистрату, а вышеназваннымъ департаментамъ и сиротскому суду губернскаго магистрата.

---

[1]) Вообще въ судахъ тогда шло на солдатскій манеръ. Въ каждомъ гражданскомъ присутственномъ мѣстѣ замѣчался офицерскій духъ. Большая часть президентовъ и т. д. была отставные офицеры. Credunt plerique militaribus ingeniis subtilitatem deesse; quia castrensis jurisdictio secura et obtusior, ac plura manu agens, calliditatem fori non exerceat. (Tacitus, Agricola, cap. 9).

Рижскій сиротскій судъ принялъ форму, установленную губернскимъ начальствомъ, но сохранилъ за собою свое прекрасное внутреннее устройство. Гражданскій департаментъ губернскаго магистрата былъ высшимъ сиротскимъ судомъ; но о существенной части этаго дѣла тамъ знали такъ же мало, какъ и обо всемъ прочемъ.

Теперь уже не было больше рижскаго магистрата, а было городское правительство, самое имя магистрата должно было быть уничтоженнымъ; онъ дѣлался лишь судебнымъ мѣстомъ. Но всетаки были случаи, когда приходилось говорить о цѣломъ магистратѣ. По существу дѣла, коммерческій департаментъ магистрата удержалъ за собою торговую полицію. Изъ за этого возникли распри съ полицейскимъ управленіемъ. Судьи вообще не могли уже сами исполнять свои приговоры, а должны были обращаться за помощью къ полиціи. Отсюда произошло множество письменныхъ сообщеній и реквизицій, потребовавшее большаго числа писарей; отсюда явились проволочки и, наконецъ, отсюда же явилось легкое отношеніе къ серьезнымъ дѣламъ. Чтобы показать видъ человѣколюбія, наши новые законодатели въ Ригѣ постановили выдавать всѣмъ бѣднымъ аттестатъ на бѣдность, не замѣчая при этомъ, что формальности, установленныя въ нашихъ прежнихъ законахъ, должны были оставаться въ силѣ. Раздачи аттестатовъ производились такъ расточительно, что даже миролюбивѣйшіе граждане не могли защититься отъ попрошайничествъ бѣдныхъ лѣнтяевъ, приходившихъ даже изъ-за границы. «Благо тому, кто требуетъ, горе тому, кто можетъ платить», сдѣлалось аксіомой. Богатаго человѣка бѣдняки такъ долго таскали отъ инстанціи къ инстанціи, пока онъ, усталый, не бросалъ чего нибудь голоднымъ спорщикамъ. И всетаки судебныя дѣла въ общей ихъ совокупности, производились лучше[1]), чѣмъ можно было ожидать отъ судей неюристовъ и мѣнявшихся каждые три года, особенно если вспомнить, что многіе были принуждаемы къ занятію судебныхъ должностей. Главная причина этого заключалась въ томъ, что секретари, взятые изъ прежняго магистрата, играли здѣсь главную роль. Имъ принадлежала большая часть заслугъ и чести, которая оказывалась новымъ судьямъ. Іоганнъ Христіанъ Шварцъ, Іоганнъ Бернгардтъ Шварцъ, и Фридрихъ Фердинандъ Штеферъ были тѣ секретари, которые отличались ловкостью, а первые двое отсутствіемъ своекорыстія. Здѣсь нельзя не привести и того, что многіе изъ новыхъ судей[2]) были честные и богатые люди, которые, хотя и не обладали духомъ и образованіемъ прежнихъ чле-

---

[1]) Исключая уголовныхъ дѣлъ, гдѣ все производилось по произволу. Недоставало кодекса, а сатраны вмѣшивались и сюда. Особенно мягко поступали съ ворами. Первое и второе воровство наказывалось очень легко, да и третье и многія также не строже.

[2]) Это относится только къ первому времени новаго творчества. Впослѣдствіи судейскія должности занимали люди, которые не имѣли въ себѣ ничего изъ вышеприведенныхъ качествъ.

новъ магистрата, но всетаки старались имъ подражать. И здѣсь было очевидно, что зло, которое хотѣли распространить у насъ, не могло проникнуть всюду

Глава XIX.

Эта ложная форма отправленія правосудія и ея дурныя послѣдствія не составляли еще всего, въ чемъ можно было упрекнуть городское устройство, навязанное намъ. Новымъ городовымъ положеніемъ управленіе городомъ было раздѣлено, лучше сказать, разбито на три части, а именно: магистратъ, городскую думу и полицейское управленіе, которыя не только были совершенно чужды другъ другу, но даже враждовали между собой. Нигдѣ не было средоточія для всѣхъ разнообразныхъ интересовъ городскихъ правленій. Не было присутственнаго мѣста, которое связывало бы всѣ въ одно цѣлое, какъ это было при прежнемъ магистратѣ. У каждаго изъ названныхъ трехъ присутственныхъ мѣстъ было свое ограниченное поле, которое однако нельзя было обрабатывать по усмотрѣнію, а лишь по произволу сатраповъ и другихъ вмѣшателей. При этомъ появилось еще тщеславіе. Новый магистратъ хотѣлъ походить на старый и по виду и по величію. Это сердило городскую думу, имѣвшую большое значеніе вслѣдствіе предоставленія ей управленія общими городскими дѣлами и городской кассой, совершенно изъятой изъ вѣдомства магистрата. Полицейское управленіе желало возвышаться надъ обѣими, потому что къ нему принадлежали лица штабъ-офицерскаго чина. Частыя ссоры возникали изъ за предѣловъ власти того либо другаго управленія. Такъ напримѣръ, между магистратомъ и думою возникъ продолжительный процессъ изъ-за права патронатства. Этотъ процессъ доходилъ до сената, который призналъ патронатство подлежащимъ городской думѣ.

Можно легко себѣ представить, что при такомъ настроеніи эти три присутственныя мѣста не имѣли довѣрія другъ къ другу Всѣ сношенія, которыя должны были происходить между ними каждый день, производились письменно, ибо никто не довѣрялъ другъ другу Быстраго хода дѣлъ, котораго именно хотѣли достигнуть реформою, всетаки не достигли, такъ какъ это было при старомъ устройствѣ, гдѣ самыя запутанныя дѣла рѣшались устнымъ совѣщаніемъ, Dum stulti vitante vitia in contraria currunt.

Остается сказать о совѣстномъ судѣ. Легковѣрные думали, что онъ будетъ соотвѣтствовать требованіямъ § 400 положенія о намѣстничествахъ. Сначала въ этомъ судѣ было рѣшено много дѣлъ къ удовольствію обѣихъ споривших сторонъ. Но впослѣдствіи, когда изъ этого суда удалились члены, дѣйствовавшіе на тяжущихся своими способностями и даромъ слова, и такимъ образомъ приводившіе къ примиренію партій, и когда на ихъ мѣсто вступили другіе, кото-

рые не имѣли этихъ преимуществъ, то дѣла пошли совершенно иначе. Рѣдко они могли согласить спорящихъ, и тогда процессы обращались къ ординарнымъ судьямъ. Теперь уже не старались изслѣдовать сперва дѣло. Все сейчасъ предоставлялось адвокатамъ, избраннымъ тяжущимися. Судъ этимъ много потерялъ въ достоинствѣ и довѣріи.

Довольно объ юстиціи, какъ о части общественнаго управленія.

Третья часть.

О городскомъ правленіи собственно и объ управленіи общественными средствами города.

Глава XX.

Правленіе городомъ и наблюденіе надъ управленіемъ городскими общественными средствами губернаторы приняли на себя; это отчасти предоставлялось имъ новыми постановленіями, а гдѣ этого не было, то они говорили, что представлялось. Кто смѣлъ имъ противорѣчить? Что имъ не предоставлялось постановленіями, то легко давалось вслѣдствіе робости и вслѣдствіе повсюду распространеннаго рабскаго духа субординаціи. Такъ какъ каждый чиновникъ изъ гражданъ выбирался на извѣстное число лѣтъ, то многіе думали только о томъ, чтобы какъ нибудь перебиться до установленнаго срока. Жаловаться на превышеніе власти со стороны губернаторовъ было опасно и затруднительно по формѣ, по которой долженъ былъ производиться на нихъ искъ въ высшихъ мѣстахъ, затруднительно, да и можно было предвидѣть, что жалобами ничего не достигнешь.

Управленіе городскими средствами и правленіе городомъ собственно подлежало шестигласной думѣ, которая въ важныхъ случаяхъ должна была обращаться въ общую думу Первый выборъ членовъ въ шестигласную думу былъ неудаченъ не понимали всей важности этой думы и лучшихъ гражданъ избрали въ другія должности, а лишь мало способныхъ избрали въ думу

Первый предсѣдатель думы, городской голова, былъ къ несчастію, легкомысленный эпикуреецъ, правиломъ себѣ поставившій облегчать по возможности свою должность тѣмъ, что обо всемъ, требовавшемъ размышленія, представлять на разрѣшеніе губернатору; получивъ разрѣшеніе, онъ успокоивался. При вторыхъ выборахъ въ эту важную должность поступили, къ счастью, иначе и городскимъ головой

избрали человѣка, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ гражданъ; избрали засѣдателей, достойныхъ довѣрія, которое они и оправдали предъ своими согражданами. Избраніе въ городскіе головы Александра Готшалка *Зенгбуша* было тѣмъ удивительнѣе, что губернаторъ Беклешовъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы удержать прежняго имъ даннаго городскаго голову Губернаторъ обратился даже въ гильдію, вопреки укоренившемуся русскому обычаю и вопреки права; сперва упорствомъ, а потомъ, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, ласковыми рѣчами онъ рекомендовалъ своего любимца. Но напрасно. На этотъ разъ граждане показали себя твердыми.

Глава XXI.

Это мужественное поведеніе гражданъ не могло заставить властелиновъ отказаться отъ попытокъ всячески удержать за собою вліяніе и силу. Всякое средство годилось имъ для достиженія своей цѣли. Тамъ, гдѣ нельзя было приказывать письменно, они прибѣгали къ софизмамъ, приманкамъ, насмѣшкамъ, шуму, крику Буквально вѣрно, что эта вторая дума большую часть своего времени и своихъ умственныхъ силъ должна была обращать на свою защиту отъ притязаній и посягательствъ на ея права сверху и съ боковъ. Заботы объ ввѣренномъ ему общемъ благѣ и объ исправленіи недостатковъ и упущеній первой городской думы были второстепенной вещью. Городской голова былъ сущимъ мученикомъ. Кромѣ многихъ дѣлъ, передаваемыхъ ему и съ которыми одинъ человѣкъ не могъ справиться даже кое-какъ, у него еще была обременительная должность церемоніймейстера въ Ригѣ. Почти каждый день онъ долженъ былъ представляться вельможамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выносить ихъ дурное расположеніе духа, неразумныя требованія, нелѣпыя желанія и приказы, которые могли утомить самаго твердаго человѣка, выносить ихъ или бороться съ ними. Даже дѣльное основаніе, которое городской голова противопоставлялъ ихъ несправедливымъ требованіямъ, что онъ одинъ не можетъ рѣшать дѣлъ, не можетъ самъ исполнять требованія, а долженъ обращаться съ этимъ къ шестигласной думѣ, это основаніе не казалось имъ достаточнымъ: они, властелины, думали по солдатски, что предсѣдатель есть капралъ, а его засѣдатели солдаты, которые должны машинально, послушно исполнять ихъ приказанія[1]).

Кромѣ того, количество дѣлъ, ввѣренныхъ шестигласной думѣ,

---

[1]) Предсѣдатель въ другихъ присутствтнныхъ мѣстахъ, частію и засѣдатели были почти всѣ военные, которые не понимали, какъ можетъ человѣкъ, нисшій ихъ чиномъ, противорѣчить имъ. Предсѣдатель рижскаго губернскаго магистрата (2 департамента) сказалъ однажды засѣдателю, оспаривавшему приговоръ: онъ, предсѣдатель, маіоръ; они, засѣдатели, имѣютъ только капитанскіе чины, развѣ они не знаютъ, что капитанъ, противорѣчащій маіору, ссылается въ Сибирь на ловлю соболей.

было такъ велико, что шесть членовъ, изъ которыхъ состояла дума, не могли, даже самымъ худымъ образомъ, исполнить все то, что они должны были исполнить. Вышеупомянутое зло, что каждые три года избирался новый составъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, или могъ избираться, имѣло и здѣсь мѣсто, такъ же какъ и его вредныя послѣдствія. Потому что трехъ лѣтъ едва хватало на то, чтобы войти въ дѣла и изучить кругъ дѣятельности предоставляемой каждому члену думы[1]). Чѣмъ при старомъ устройствѣ управляли магистратъ и коллегія городской кассы, то этимъ теперь начала править одна дума. Коллегія, управлявшая лугами, была уничтожена, дѣла ея перенесены въ шестигласную думу, а денежныя суммы переданы въ городскую кассу Кромѣ того дума должна была исправить упущенія, неизбѣжно возникшія въ первое время послѣ введенія намѣстническаго управленія и городскаго устройства. Даже въ частныхъ случаяхъ внезапное измѣненіе и переворотъ въ хозяйствѣ ведутъ за собой убытки и безпорядки, какъ же этого не могло случиться при такомъ значительномъ городскомъ управленіи! Притѣсненія, которыя терпѣлъ прежній магистратъ въ послѣдніе годы своего существованія, препятствовали ему дѣйствовать съ тою точностью, которая такъ существенно необходима, напримѣръ, при главномъ надзорѣ за счетною частью. Нѣкоторыя отрасли общественаго управленія потребовали ревизіи.

Глава XXII.

Но ниодно изъ здѣшнихъ общественныхъ учрежденій не нуждалось такъ въ регулированіи, какъ администрація здѣшнихъ богоугодныхъ заведеній, большинство которыхъ имѣло денежныя требованія къ городу Съ этими заведеніями и со всѣми здѣсь находящимися корпораціями и кассами, которымъ городъ былъ долженъ, разсчитались совершенно, или пришли въ соглашеніе за уплатою процентовъ, и тогда, по окончаніи этого дѣла, нашли, что городъ имѣлъ слѣдующіе долги:

Богоугоднымъ заведеніямъ онъ долженъ былъ капиталы съ накопившимися процентами: 188,627 рейхсталеровъ, другіе долги простирались до 250,523 рейхсталеровъ Всего 439,150 рейхсталеровъ.

При этомъ не брали въ расчетъ тѣхъ суммъ, по которымъ шли процессы, напримѣръ, по процессу Штейнгауера въ 84,000 албертовыхъ рейхсталеровъ, или по процессу возбужденному точно также противъ города бывшимъ старшиною Бернгардомъ Тилеманомъ фонъ Гикельховеномъ. Первый процессъ впослѣдствіи былъ оконченъ уплатою 2860 рейхсталеровъ, чѣмъ городъ и помирился съ наслѣдниками

---

[1]) Собственныя слова вышеупомянутаго городскаго головы Зенгбуша. Прим. Экардта.

Штейнгауера. Если бы тайный совѣтникъ Фитингофъ, который былъ такъ милостивъ къ Ригѣ, не состоялъ въ то время сенаторомъ, то городъ могъ бы имѣть несчастіе видѣть торжествующими Штейнгауеровъ, или лучше сказать ихъ тяжбу Фитингофъ возобновилъ это постыдное дѣло и при этомъ выигралъ большую его часть[1]). Нельзя не упомянуть здѣсь, что при сказанныхъ разсчетахъ тогдашній губернаторъ Беклешовъ много способствовалъ обоюдному соглашенію своими хлопотами, авторитетомъ и свѣтлой головой, и что трудно было бы окончить эти счеты безъ его рѣшительнаго содѣйствія.

Глава XXIII.

Для предупрежденія на будущее время подобныхъ замѣшательствъ, также для удовлетворенія своей страсти къ нововведеніямъ, Беклешовъ учредилъ, подъ именемъ «Stiftungs-Directorium», коллегію, которая, отдѣльно отъ шестигласной думы, должна была надзирать надъ этими многочисленными заведеніями и надъ городскими школами. Хотя городской голова былъ предсѣдателемъ въ этой коллегіи, но ожидаемаго успѣха и довѣрія здѣшней публики къ новому учрежденію не послѣдовало, такъ какъ публика не могла одобрить, что надзоръ надъ этою важною частью городскаго имущества попалъ всетаки въ чужія руки. Управленіе богоугодными заведеніями находилось въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія, въ коемъ находилось только два засѣдателя изъ гражданъ, и которыхъ оппозиція противъ такого могущественнаго предсѣдателя, какимъ былъ губернаторъ, никакъ не могла отвратить отъ города или отъ этихъ заведеній какую нибудь несправедливость, такъ какъ въ этомъ приказѣ былъ обычай рѣшать дѣла не по большинству голосовъ, а послушно, подобострастно по одному движенію руки его превосходительства, господина губернатора. Хотя отъ тогдашняго губернатора Беклешова нечего было опасаться завладѣнія кассами этихъ заведеній, потому что онъ былъ честный человѣкъ, но всетаки боялись, чтобы кто нибудь изъ его преемниковъ не позволилъ бы себѣ этого, и боялись не безъ основанія, потому что это уже случалось, даже въ цѣломъ присутственномъ мѣстѣ, когда всѣ отъ главнаго начальника до истопника убѣгали, обворовавъ кассу и были называемы въ публичныхъ листкахъ[2]). Какъ ни хо-

---

[1]) Упоминаемый здѣсь тайный совѣтникъ Фитингофъ человѣкъ очень замѣчательный въ исторіи города Риги. Тѣ, которые его хвалятъ, говорятъ, что онъ здѣсь ввелъ тонкое обращеніе, тонкій вкусъ и тонкій образъ жизни. Имъ устраивались спектакли, маскарады, балы. Онъ ближе соединилъ гражданъ съ дворянствомъ. Другіе напротивъ утверждаютъ, что чрезъ введеніе этихъ общественныхъ увеселеній увеличилась и безъ того большая чувственность рижскихъ жителей, повредилась бюргерская промышленность, явилась нѣкоторая роскошь, слѣдовательно вообще Фитингофъ больше повредилъ, чѣмъ принесъ пользы. Одно только достовѣрно, что съ распространеніемъ общественыхъ увеселеній, уютные семейные кружки не были уже такъ многочисленны въ Ригѣ, какъ прежде.

[2]) Смотри „die Rigaschen Anzeigen“ почти каждаго года. Когда римскій импе-

рошо было намѣреніе Беклешова при учрежденіи управленія богоугодными заведеніями, всетаки это было большой ошибкой съ его стороны, что онъ не взялъ во вниманіе время и людей, въ которое и съ которыми мы жили, что онъ взялъ изъ рукъ гражданъ заведенія, ими основанныя и ими поддерживаемыя, не подумавъ, что губернаторъ въ этой губерніи не остается больше 6 лѣтъ. Онъ долженъ былъ предвидѣть, что преемники его будутъ поступать также произвольно какъ и онъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ подалъ примѣръ этого, а между тѣмъ не могъ имъ оставить своего возвышеннаго ума и своей доброй воли.

Глава XXIV

Особенное вниманіе обращалъ Беклешевъ на школы и неутомимо заботился объ нихъ и о ихъ распространеніи. Онъ понималъ, что для того, чтобы сдѣлать свой народъ похожимъ на насъ, онъ долженъ начать со школьнаго обученія, до того времени пренебрегаемаго. Жаль только, что и здѣсь онъ дѣйствовалъ властолюбиво. Къ несчастію раздоръ, возникшій между рижскимъ магистратомъ и шестигласною думою изъ за права замѣщать вакантныя учительскія мѣста въ соборной школѣ, этотъ раздоръ доставилъ случай приказу общественнаго призрѣнія, лучше сказать, губернатору Беклешову взять въ свои руки надзоръ надъ здѣшними городскими школами, и онъ собственною властію назначилъ проѣзжавшаго черезъ Ригу магистра Гетце ректоромъ рижской соборной школы. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе того, что онъ началъ въ этой школѣ вводить свои ненужныя новшества, граждане охладѣли къ ней. Сдѣлалось модой отдавать дѣтей въ пансіоны, которыхъ здѣсь развелось слишкомъ много. Старинная соборная школа пришла въ упадокъ. Новшества состояли главнымъ образомъ въ введеніи нормальнаго школьнаго устройства, которое было привезено бывшимъ іезуитомъ, по имени Янковичемъ де Міріево, изъ Вѣны въ Петербургъ, и которое онъ тамъ рекомендовалъ. Такъ какъ все должно было быть одинаково, такъ какъ нѣмецкія провинціи и Сибирь должны были быть устроенными по одной формѣ, то можно было ожидать, что школьное устройство, рекомендуемое Янковичемъ, предписывавшее единообразіе въ обученіи, единообразіе въ

раторъ Іосифъ II отнялъ отъ своихъ нидерланцевъ, тоже подъ предлогомъ сдѣлать ихъ умнѣе и счастливѣе прежнее устройство, учредилъ новыя присутственныя мѣста, и привезъ изъ Вѣны большую часть служащихъ, оскорбленные тѣмъ нидерланцы представили императору слѣдующее: Они, нидерланцы, пребывали такими, какими были воспитаны его матерью (умершею императрицею Маріею Терезою) послушными, вѣрными слугами, довольными тѣмъ, что имѣли. Ихъ надобно и оставить такими. Имъ было бы тяжело видѣть какъ ихъ судьи и земскіе правители пріѣзжаютъ изъ Вѣны, гдѣ gens en place за воровство были присуждаемы къ публичной чисткѣ улицъ или къ проводу кораблей бичевою, между тѣмъ какъ у нихъ не было примѣра, чтобы когда нибудь чиновникъ высокаго чина поступилъ такимъ образомъ или чтобы его надо было подвергать столь неслыханнымъ штрафамъ. Пусть ихъ оставятъ тѣмъ, чѣмъ они были. Прим. Экардта.

руководствахъ, тѣмъ охотнѣе будетъ одобрено въ Петербургѣ, что тамъ много ожидали цѣлительнаго отъ дальнѣйшаго распространенія іезуитовъ и отъ ихъ искуства пріучать молодые умы къ дисциплинѣ. Состоялся указъ, что и наши школы должны быть устроены по нормальной методѣ. О существенныхъ улучшеніяхъ, какъ напримѣръ объ обезпеченіи безбѣдной старости заслуженныхъ учителей, особенно учителей нисшихъ классовъ, объ изслѣдованіи, приложимо ли вообще нормальное устройство къ рижской соборной школѣ, объ этомъ не было и рѣчи. Школьные классы получили другія названія, а учителямъ объявлено вздорное предписаніе о томъ, какъ они должны были учить. Присланныя сюда школьныя руководства были или слишкомъ дороги или ихъ нельзя было здѣсь получить, а по внутреннему содержанію они были частью неудовлетворительны, а частью содержали только глупости въ новомъ родѣ. Введеніе нормальнаго устройства, также какъ и другихъ новшествъ, производилось съ большой поспѣшностью, потому что въ Петербургѣ ждали съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ увѣдомленія объ исполненіи указа, которое и послѣдовало безъ промедленія. Вышло изъ всего этого одно фиглярство. Лишь немногіе школьные учители отнеслись серьезно къ нормальному устройству, умный же преемникъ навязаннаго намъ ректора Гетце держался въ школьномъ обученіи своего собственнаго, хорошо обдуманнаго плана и смотрѣлъ, какъ и всѣ опытные люди, на это нормальное устройство какъ на шутку, которую надо было сыграть, чтобы принести требуемую жертву тщеславію и страсти къ творчеству Повидимому, Беклешовъ подъ конецъ и самъ такъ смотрѣлъ на него. Кромѣ того приказъ общественнаго призрѣнія учредилъ навигаціонную школу, похожую на Екатерининскую школу для русской молодежи, находящуюся въ здѣшнемъ предмѣстьѣ. Негодяй, всѣми ненавидимый и вселявшій всѣмъ страхъ, пріобрѣвшій милость и защиту Беклешова чрезъ открытіе козней, затѣвавшихся противъ него, былъ, ко всеобщему сожалѣнію честныхъ людей, назначенъ оберъ-директоромъ всѣхъ сельскихъ школъ со значительно большимъ жалованьемъ. Онъ то и помѣшалъ введенію въ соборной школѣ латинской граматики Шлегеля, вмѣсто прежней грамматики Лингена. Это до того глубоко оскорбило Шлегеля, что онъ принялъ мѣсто генералъ-суперъ-интенданта въ Грейсвальдѣ. Онъ оказалъ много услугъ соборной школѣ, гдѣ былъ директоромъ, а до того инспекторомъ.

Распоряженіе, сдѣланное Беклешовымъ въ соборной школѣ о томъ, чтобы почти все послѣобѣденное время недѣли посвящать изученію русскому языку и рисованію, исполняется и до сихъ поръ, хотя понимающіе дѣло люди не одобряютъ такого распоряженія, потому что оно препятствуетъ прочимъ учителямъ давать столько уроковъ, сколько они давали прежде.

Глава XXV

За этимъ новшествомъ, касавшимся нашего несомнѣннаго права собственности — образованія нашихъ дѣтей, послѣдовало другое, которое угрожало нашему карману, и на введеніе котораго много вліяли близорукость и робость тогдашнихъ судей Кононовскій сенатскій указъ, вышедшій 5 сентября 1784 г., былъ примѣненъ здѣшними судебными мѣстами и въ этой странѣ. Этимъ указомъ постановлялось, что если $^2/_3$ числа кредиторовъ не состоятельнаго купца соглашаются на уплату $^3/_4$ имъ должной суммы, или если $^3/_4$ числа кредиторовъ согласятся довольствоваться $^2/_3$ суммы, то и остальные кредиторы несостоятельнаго должны подчиниться такому соглашенію. Этотъ указъ, касавшійся собственно купцовъ, подобныхъ Кононову, распространили на всѣ роды кредиторовъ, даже на ипотечныхъ кредиторовъ, и какъ видно изъ нѣкоторыхъ приговоровъ этого времени эти ипотечные кредиторы были принуждаемы входить въ сдѣлки относительно ихъ старыхъ долговъ, вслѣдствіе мошенническихъ сдѣлокъ должниковъ съ ихъ кредиторами. Но всетаки число такихъ мошенническихъ сдѣлокъ было меньше, чѣмъ это можно было думать. Считали позорнымъ пользоваться этимъ указомъ, ибо жители Риги сохраняли издавна присущую имъ честность[1]).

Эта честность, этотъ духъ общественности, это добросердечіе, которые доставляли нашимъ гражданамъ уваженіе за границею, честное повиновеніе, которое мы оказывали законамъ и распоряженіямъ высшей власти, всетаки не могли достигнуть того, чтобы съ нами обращались такъ, какъ мы того должны были ожидать соразмѣрно нашимъ всѣмъ извѣстнымъ успѣхамъ во всемъ хорошемъ. Многіе не могли избѣгнуть печальной мысли, что наше гражданское устройство, совершенно измѣненное новымъ городскимъ устройствомъ, отниметъ нашу самостоятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ ослабитъ стремленіе къ добру и общему благу, ибо и въ самомъ дѣлѣ казалось, что почетнѣйшіе жители Риги явились эгоистами, въ лучшемъ случаѣ только теоретическими патріотами, а народъ былъ не болѣе, какъ чернь.

Глава XXVI.

Масса здѣшнихъ гражданъ была увеличена этимъ новымъ городскимъ управленіемъ столькими разнородными элементами, что старый элементъ долженъ былъ исчезнуть чрезъ нѣсколько поколѣній. Оно позволяло каждому записаться въ какое угодно городское сословіе,

---

[1]) Въ Ригѣ бывали многіе примѣры, что несостоятельные платили 70—80 за 100. Кто платилъ только 40 за 100, считался безчестнымъ банкротомъ. Въ Гамбургѣ, Амстердамѣ всякій, платящій только 20 30 считается порядочнымъ человѣкомъ. Рижскіе граждане испытали послѣднее много разъ, иногда они должны были довольствоваться 2 р. за 100.

такъ что если онъ только платилъ подать съ доходовъ, то пользовался всѣми правами и преимуществами гражданъ. Выходцамъ, желавшимъ возвратиться во внутреннія губерніи, обезпечена была полная амнистія и предоставлено по волѣ записаться въ какое угодно сословіе; платившіе поголовную подать были даже освобождены на три года отъ этой подати. Это называли заботами о процвѣтаніи гражданскаго сословія. О томъ, чтобы выбирать въ граждане людей умныхъ и способныхъ, о томъ, чтобы между ними ввести дисциплину и порядокъ, которые являются не по приказанію, а лишь просвѣщеніемъ посредствомъ школъ и хорошихъ примѣровъ, объ этомъ не думали, или невѣрили совсѣмъ, что это нужно. Вслѣдствіе того, скоро послѣ введенія новаго городскаго устройства, каждую недѣлю принимали въ здѣшнее гражданство толпы всевозможныхъ людей, олицетворенныхъ санкюлотовъ, а отъ этого число поденщиковъ и работниковъ производительнаго класса людей значительно уменьшилось. Почти вездѣ можно было натолкнуться на такъ называемаго рижскаго купца. Депутаты бюргерскаго собранія, на которомъ по новому городскому устройству лежала обязанность предварительнаго разсмотрѣнія просьбъ о пріемѣ въ гражданство, противились пріему всякаго желающаго, нѣкоторыхъ объявляли неспособными къ гражданскимъ правамъ и въ особенности напирали на доставленіе свидѣтельствъ о законномъ рожденіи. Но подобный законный протестъ противъ зла былъ напрасенъ. Отвергнутый легко находилъ средство получить происками отъ намѣстническаго управленія приказъ быть принятымъ. Беклешовъ хотѣлъ возвысить свою націю, какъ это было сказано уже выше и думалъ, что она сдѣлается образованнѣе черезъ пріобрѣтеніе правъ здѣшнихъ гражданъ. Такъ какъ депутаты слишкомъ часто убѣждались, что ихъ сопротивленіе напрасно, то они сочли и свои требованія напрасными, какъ то на самомъ дѣлѣ и было, а отъ этого охладѣли къ дѣлу и перестали быть строгими въ выборѣ. Вредъ, который причинилъ Беклешовъ своимъ покровительствомъ этимъ санкюлотамъ, въ пріобрѣтеніи гражданскаго права, былъ двоякій. Во первыхъ гражданство наше качественно испортилось вслѣдствіе принятія въ его среду безпутныхъ людей, и репутація рижскаго гражданина, которая была особенно важна въ пограничныхъ странахъ и необходима для поддержанія торговли и обмѣна, была этимъ поколеблена; во вторыхъ эти невѣжественные люди, бывшіе прежде земледѣльцами или дровосѣками, сдѣлавшись гражданами, скоро превратились въ лѣнтяевъ, и даже въ воровъ. Если имъ не удавалась мелкая торговля и мошенничество, или нажива шла слишкомъ медленно — духъ времени такой, чтобы обогатиться безъ труда и скоро — то они становились плутами, а наконецъ ворами и разбойниками. Въ дѣлахъ уголовныхъ судовъ этого времени встрѣчается много преступниковъ, которые были рижскими гражданами и купцами. Чрезъ накопленіе сброда,

число кабаковъ умножилось до неприлпчія. Съ этого времени курень (кабакъ) сдѣлался прибыльной вещью. Нѣкоторые курени въ одно и то же время были: шинкомъ, мелочной лавкой, лоскутнымъ рядомъ, складомъ товаровъ и притономъ распутныхъ женщинъ и воровъ. Не говоря уже о томъ, что такіе курени были опасны сосѣдямъ вслѣдствіе находившихся въ нихъ складовъ сала при неосторожности, съ которой въ нихъ обращались съ огнемъ и свѣчами, они были главной причиной порчи нашихъ крестьянъ, такъ какъ въ куреняхъ скупались всякія мелочи безъ разбора, расплачиваясь за нихъ водкою. Такіе то люди, калачники, мясники, перекупщики, лоскутники, денежные мѣнялы, разнощики теплаго пива, чая или меда были сюда привлечены новымъ городовымъ положеніемъ и сдѣлались рижскими бюргерами, и это разсадникъ нашего будущаго бюргерства ненѣмецкой націи (латыши)! Кто это можетъ находить хорошимъ, тому должно быть не безъизвѣстно, что вышеупомянутая порода людей считалась вредною въ старыя и въ новыя времена. Великій государственный человѣкъ древняго народа[1]), прославившагося своею правоспособностію, свидѣтельствуетъ, что его земляки, римляне, считали подобныя профессіи недостойными и низкими для свободнаго человѣка и презирали ихъ, особенно профессіи мелочныхъ торговцевъ, которые не могутъ ничего продать, не солгавши, и профессіи любителей сладострастія, поваровъ, пирожниковъ и колбасниковъ[2]).

Въ новѣйшія времена ясно усмотрѣли въ хорошо устроенныхъ государствахъ вредъ, или по крайней мѣрѣ излишество большей части торговцевъ. На рейхстагѣ въ Регенсбургѣ сдѣлано было предложеніе и принято рѣшеніе, какъ *можно* и *должно* и уменьшить число ихъ.

Чрезъ этотъ и подобный ему сбродъ число кражъ, взломовъ и грабежей на большихъ дорогахъ въ наше время такъ велико и съ тѣхъ поръ такъ еще увеличилось, что здѣшніе жители были вынуждены (10 октября 1796) основать кассу, для выдачи наградъ тѣмъ, которые укажутъ суду воришекъ и воровъ. Касса эта, существующая понынѣ подъ именемъ «кассы доносчиковъ», поддерживается добровольными, ежегодно установленными взносами; она способствовала къ открытію и наказанію нѣкоторыхъ преступленій подобнаго рода.

---

[1]) Le peuple Romain avait de la probité (Montesquieu, Espr. des lois, II chap. 19.

[2]) Cicero de offic Lib I, cap. 42: Jamde artificiis et quaestibus, qui liberales habendi, qui sordidi sunt, haec fere accepimus. Primum improbantur ii quaestus, qui in odia hominum incurrunt, ut portatorum, ut feneratorum. Illiberales autem et sordidi quaestus mercenariorum... Sordidi etiam putandi, qui mercantur a mercatoribus, quod statim vendant, nihil enim proficiunt nisi admodum mentiantur, nec vero quiequam est turpius vanitate... Menimeque artes hae probandae, quae ministrae sunt voluptatum, lanii, capii, factores. Mereatura si tenuis est, sordidi putanda est. Сюда принадлежатъ также многіе италіанцы, проникнувшіе сюда, опустошавшіе кошельки здѣшнихъ молодыхъ людей лакомствами и наполняя ихъ желудки всякою дрянью. Спроси здѣшнихъ врачей.

Глава XXVII.

Неразборчивая раздача бюргерскихъ правъ имѣла, въ особенности для нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ, убыточныя послѣдствія. Мало по малу прекратился похвальный старый обычай записывать въ судѣ торговыхъ учениковъ передъ принятіемъ ихъ въ торговлю и требовать отъ поступающаго въ купцы прикащика доказательствъ, что онъ законнорожденный, что онъ достаточно изучилъ торговое дѣло, и что онъ имѣетъ достаточный капиталъ или кредитъ, чтобы основательно начать свое дѣло. Свидѣтельство въ хорошемъ поведеніи или въ пріобрѣтенныхъ знаніяхъ, одобреніе патрона торговли или мастера, сдѣлалось второстепенной вещью, потому что купцомъ можно было сдѣлаться всякому, объявивши капиталъ, ученикъ же могъ во всякое время убѣжать отъ ученія и послѣ того сдѣлаться бюргеромъ или посадскимъ (торгующимъ мѣщаниномъ) и мастеровымъ. Оба тогда продолжали свое существованіе на счетъ честныхъ или легковѣрныхъ людей, а такъ называемый купецъ находилъ довольно средствъ пріобрѣсть кредитъ при обыкновенномъ здѣшнемъ легковѣріи, а посадскіе мастеровые находили довольно средствъ посредствомъ устрашающихъ несправедливостей обманывать цеховыхъ мастеровъ, а въ увеличивающемся населеніи обманывать неосторожныхъ и добряковъ. Нѣкоторые изъ такихъ людей, съ которыми надобно бы было поступать какъ съ негодными вѣтвями плодовыхъ деревьевъ, женились и переполняли свои тѣсныя жилища горемычными дѣтьми. Были финансовые мужи, которые безусловно одобряли всякое средство для умноженія населенія и въ брачныхъ союзахъ, въ особенности посадскихъ людей, видѣли это средство. Видъ преждевременно ослабѣвшаго лѣнтяя отца, видъ неопрятной матери, которая, какъ служанка у господъ, не хотѣла ничего дѣлать и, по здѣшнему обыкновенію, была неопытна въ женскихъ работахъ, видъ грязныхъ, бродячихъ дѣтей могъ научить такихъ господъ, что это не настоящіе поставщики государственнаго богатства, и что только крестьянинъ, дышащій чистымъ воздухомъ, есть собственно тотъ человѣкъ, отъ котораго можно ожидать наслѣдниковъ неиспорченныхъ и здоровыхъ. Дѣти, происшедшіе отъ горожанъ, наслѣдуютъ, какъ доказываетъ несомнѣнно опытъ всѣхъ временъ, обыкновенно страсти родителей и пороки ихъ мѣсторожденія, особенно если въ немъ, какъ здѣсь, распространены во всѣхъ классахъ общества роскошь и лѣность; такимъ дѣтямъ недостаетъ крѣпкаго тѣлосложенія нашихъ сѣверныхъ крестьянскихъ дѣтей. Только немногіе изъ этихъ такъ называемыхъ купцовъ и посадскихъ заработывали столько денегъ, чтобы одѣть своихъ дѣтей настолько, чтобы можно было посылать ихъ въ школы, находящіяся особенно въ здѣшнемъ предмѣстьи на большемъ разстояніи. Общество не могло отъ нихъ требовать замѣны ловкостью и опытностью того,

чего они не могли дѣлать вслѣдствіе своего слабаго тѣлосложенія. Въ оправданіе существованія посадскихъ мѣщанъ обыкновенно говорятъ, что это очень человѣколюбиво, когда въ городовомъ положеніи сказано: должность никому не должна препятствовать кормиться работою своихъ рукъ. Если подъ ручной работой подразумѣвать работу, какъ хотѣли понимать ее посадскіе т. е., что каждый можетъ заниматься работой, которою занимаются ученые ремесленники, то очевидно, что этимъ давалось преимущество плохой работѣ, чего не должно было быть. Въ каждомъ государствѣ очень много заботятся о томъ, чтобы ремесленники доводили свои работы до высшей степени совершенства. Посмотрите на Англію. Но это можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда каждый ученикъ, каждый подмастерье видитъ невозможность удовольствованія пачканьемъ, плохой работой. Къ этому надо прибавить, что у насъ одинъ ремесленникъ исполняетъ цѣлое, въ Англіи же ремесленникъ работаетъ лишь отдѣльную часть работы, которую онъ изучилъ, и только самъ мастеръ изъ частей составляетъ цѣлое; тамъ ремесленникъ долженъ долго работать и упражняться, чтобы изучить все свое ремесло, тамъ званіе мастера только и достигается долговременнымъ упражненіемъ. И такъ совершенно несправедливо и не человѣколюбиво отдавать преимущество легкомыслію и вѣтренности подмастерьевъ, которые, очевидно, происходятъ отъ того, что подмастерье, убѣжавшій отъ ученья, могъ сдѣлаться посадскимъ. Во всякомъ случаѣ было бы человѣколюбивѣе, еслибы мѣстное начальство распорядилось принимать въ посадскіе съ разборомъ, чтобы не лишить работы тѣхъ, которые оказывали опытность въ своей отрасли ремесла, но которые не могли быть принятыми въ цехъ вслѣдствіе строгихъ правилъ ремесленнаго шрага (устава). Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо назначить число посадскихъ по надобностямъ мѣста и по обстоятельствамъ. Эта одинъ изъ многихъ предметовъ, о которыхъ отсутствующее начальство или даже присутствующій земскій попечитель провинціи не могутъ судить, потому что ихъ высокое положеніе препятствуетъ имъ узнать простаго человѣка, но это предметъ, который они должны были бы передать разсмотрѣнію мѣстнаго начальства, которое ближе знаетъ свою публику Новое городовое положеніе запрещало посадскимъ держать подмастерьевъ или мальчиковъ, и даже принимать посторонняго помощника въ свою работу· онъ долженъ исполнять работу, хоть самымъ худшимъ манеромъ, одинъ. Но нѣкоторыя ремесла таковы, что одинъ человѣкъ не можетъ ихъ исполнять, напр. кузнечное ремесло. И такъ, вотъ еще одно доказательство, что новое городовое положеніе, по крайней мѣрѣ для насъ, не годилось.

Глава XXVIII.

Какъ вредно было вообще для общины и въ частности для здѣшнихъ цеховъ размноженіе посадскихъ, точно также вредно было

и общинѣ и рижской торговлѣ чрезмѣрное увеличеніе такъ называемыхъ купцовъ. Подобно тому какъ ученикъ ремесленника бѣжалъ отъ ученья, какъ подмастерье ремесленника оставлялъ своего хозяина, и оба дѣлались посадскими, точно также поступали купеческіе ученики и прикащики, а мелочные торговцы и лавочники дѣлались гражданами и начинали собственную торговлю Къ тому же многіе русскіе, отчасти вслѣдствіе освобожденія Риги отъ рекрутской повинности, пріѣзжали сюда и дѣлались купцами. Они всѣ вмѣстѣ подорвали здѣшнюю торговлю, которая перестала быть въ рукахъ почетнѣйшихъ гражданъ, какъ это должно было быть для общаго блага. Предмѣстья по сю и по ту сторону Двины были сдѣланы городскими частями, въ которыхъ было позволено содержать лавки и вести торговлю, вслѣдствіе чего открылась, особенно черезъ Двину, вредная торговля контрабандою[1]). Покупаемые тамъ изъ первыхъ рукъ товары были нѣкоторыми торговцами отправляемы за границу безъ взвѣшиванія и безъ браку Такъ какъ тамъ плата за наемъ помѣщенія меньше, чѣмъ въ городѣ, и было легко уклониться отъ уплаты пошлины, то этимъ нажива денегъ облегчилась, но за то хорошая репутація рижскихъ товаровъ видимо упала, чему особенно способствовали русскіе продавцы пеньки чрезъ поддѣлку товара и подкупъ браковщиковъ. Но всетаки коммерческій департаментъ рижскаго магистрата, которому былъ ввѣренъ надзоръ за пенечными амбарами и за купцами и за браковщиками зорко слѣдилъ за тѣми и другими[2]). Но ему не доставало того, чего вообще недоставало тогдашнимъ судьямъ — именно власти строго наказывать преступниковъ.

Между прочимъ пенечный торговецъ по имени Пантелей Еремѣевъ, поддѣлывая даже марки на бунтахъ пеньки, съумѣлъ пріобрѣсти въ высшемъ правленіи право безнаказанности. Рижское намѣстническое правленіе потребовало для пересмотра акты, касающіеся этого дѣла производимаго въ коммерческомъ департаментѣ, и не выслало ихъ обратно, чтобы только замять дѣло. Оно такъ и было замято. Этотъ случай, а также и то, что извѣстнаго Гаврилу Алексѣева, который передъ тѣмъ былъ наказанъ за преступленіе плетьми, и котораго также слѣдовало бы изгнать изъ гражданства, какъ и вышеназваннаго Пантелѣя Еремѣева, показываетъ, какъ безсиленъ новый законъ, если завѣдомо безсовѣстные люди умѣютъ пріобрѣтать нужную охрану у начальниковъ, и какъ мало годится намъ новая форма. Хотя по городовому положенію гражданству и было предоставлено право «исключать изъ общества тѣхъ, которые обвинялись

---

[1]) Смотри ниже главу 38.

[2]) Германъ Дидрихъ Бинеманъ, городской голова и тогдашній предсѣдатель коммерческаго департамента, въ особенности былъ сучкомъ въ глазу русскихъ продавцевъ пеньки своей честностью, знаніемъ гѣла и неутомимостью.

въ преступленіи, подрывающемъ довѣріе и которые не оправдались», но все-таки рижскіе граждане не могли примѣнить этого закона къ Пантелею и Гаврилѣ. лицо, взявшее перваго подъ свою охрану, дало ясно понять, что если его, Пантелея, исключатъ, то онъ, Пантелей, можетъ и подастъ жалобу на здѣшнее гражданство въ торговыхъ потеряхъ и убыткахъ, понесенныхъ отъ исключенія: подобная жалоба запутаетъ и введетъ въ издержки городъ, какъ корпорацію, при чемъ особенно плохо придется тѣмъ, которые склонялись, или явно говорили объ исключеніи. Въ отношеніи же Гаврилы Алексѣева, въ исключеніи котораго не сомнѣвались, такъ какъ было доказано, что на его спинѣ находились полосы плети, намѣстническое управленіе рѣшило, что плеть не есть позорная казнь, а понимается только какъ наказаніе, и что вслѣдствіе этого его, Алексѣева, нельзя исключать изъ гражданскаго сословія. Такъ какъ процессъ Штейнгауера[1]) былъ еще въ свѣжей памяти то просто самосохраненіе запрещало примѣнить вышеупомянутый законъ, а оставить паршивыхъ въ стадѣ, особенно если таковыхъ паршивыхъ прибывало почти каждый день. Все-таки въ это время было нѣсколько примѣровъ, что подобные вредные субъекты вычеркивались изъ гражданской книги, но это были люди незначительные, отъ которыхъ нечего было опасаться, что они гдѣ нибудь пріобрѣтутъ себѣ патрона.

Глава XXIX.

Не смотря на эти убыточныя обстоятельства, на эти вредныя нововведенія и на худо расчитанный тарифъ пошлинъ, торговля Риги всетаки процвѣтала. Во время окончившейся не задолго до введенія намѣстничествъ войны Англіи съ Соединенными Штатами, Франціею и Италіею, Рига заработала много денегъ, потому что какъ ни дорогъ былъ провозъ, какъ ни велики были опасности и затрудненія вслѣдствіе каперства, всетаки во время этой войны рижане отправляли много товаровъ и цѣну нѣкоторыхъ очень возвысили[2]). Легко добыва-

---

[1]) Смотри выше 22 главу. Процессъ Штейнгауера возникъ изъ за того, что прежній магистратъ, исполняя распоряженіе торговаго суда, конфисковалъ Штейнгауеровскій лѣсъ на сумму 700 рейхсталеровъ за то, что Штейнгауеръ началъ торговать, не будучи рижскимъ гражданиномъ. Изъ этихъ 700 рейхсталеровъ, повѣренный наслѣдниковъ Штейнгауера сдѣлалъ искъ въ 84,000 рейхсталеровъ. Такъ какъ тому, кто могъ платить, а въ этомъ случаѣ это былъ или долженъ былъ быть городъ, приходилось хуже, чѣмъ тому, кто изъявлялъ несправедливое требованіе, то пришлось отказаться отъ своего безспорнаго права противъ этихъ двухъ мошенниковъ Прим. Экардта.

[2]) За ластъ ржи платили до 70, за ластъ пшеницы до 120 рейхсталеровъ. Цѣна чистой пеньки возросла до 32 рейхсталеровъ за шиффунтъ. Такъ какъ рѣчь зашла о каперахъ, то не могу не привести здѣсь слѣдующее. Извѣстно, что Екатерина II хотѣла ввести вооруженный нейтралитетъ, отъ котораго въ то время много ожидали пользы. Въ особенности надѣялись на облегченіе торговые флоты, которыхъ притѣсняли и захватывали англійскіе каперы и военные корабли. Казалось, что вооруженный нейтралитетъ въ самомъ дѣлѣ сдержитъ своеволіе британскаго флота. Извѣстно, что такія надежды, къ сожалѣнію, не оправдались! Но немногіе знаютъ, что мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ впервые

емый и значительный барышъ естественно повелъ къ развитію роскоши, которая заставляла жителей забывать непріятности нововведеній. Всего лучше шли, однако, дѣла проживавшихъ въ Ригѣ иностранныхъ купцовъ. Кромѣ того, что они были освобождены отъ уплаты податей съ доходовъ и личныхъ налоговъ, они захватили въ свои руки, посредствомъ торговыхъ союзовъ, часть здѣшней торговли. Увеличившееся до излишества число здѣшнихъ, такъ называемыхъ торгующихъ крестьянъ, пришлось имъ какъ разъ кстати. Большая часть изъ такихъ крестьянъ, не имѣя собственнаго капитала, торговала на деньги этихъ заграничныхъ купцовъ и такимъ образомъ злоупотребляли своимъ именемъ гражданъ, для выгоды чужестранцевъ, для которыхъ они служили факторами. Нѣкоторые изъ этихъ заграничныхъ купцовъ устроивались еще удобнѣе: одного изъ своихъ прикащиковъ они записывали въ рижскіе граждане, и поставленные внѣ стѣсненій этимъ впереди держимымъ щитомъ, они покупали товары изъ первыхъ рукъ, складывали ихъ въ амбары и спекулировали товарами. Вслѣдствіе такихъ продѣлокъ и перепродажъ, которыя они производили посредствомъ своихъ ловкихъ торговыхъ слугъ и подкупленныхъ здѣшнихъ гражданъ, разсылавшихся ими въ Польшѣ, Литвѣ, Россіи и Курляндіи, торговля крестьянъ упала и ценечная торговля совершенно ускользнула изъ рукъ бюргеровъ, несшихъ подати, а эти заграничные купцы, презиравшіе насъ въ тайнѣ по своей національной гордости, разбогатѣли такъ, что казалось, будто теперь возвратились времена 1730 годовъ, когда здѣшніе бюргеры были не что иное, какъ поднощики чужестранцевъ[1]). Эти непорядки нельзя совершенно уничтожить, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока неперестанутъ ложно понимать лозунгъ «торговля должна быть свободна», до тѣхъ, поръ, пока мѣстное начальство не будетъ имѣть полной власти, чтобы наказывать проступки противъ распоряженій торговаго суда и до тѣхъ поръ, пока всякій вельможа перестанетъ вмѣшиваться въ торговыя дѣла, чтобы доставлять преступнику право безнаказанности.

Глава XXX.

Многіе изъ этихъ чужестранцевъ соединились съ нѣкоторыми мѣстными ростовщиками, къ числу которыхъ присоединились двое

пришла на умъ двоимъ рижскимъ гражданамъ: здѣшній купецъ Карлъ Беренсъ принесъ жалобу императрицѣ Екатеринѣ II, что англійскіе каперы, хотя Россія была нейтральна въ англо-американской войнѣ, задерживаютъ его судна и суда другихъ рижскихъ купцовъ. Братъ этого купца, ратсгерръ І. Х. Беренсъ, сочинилъ эту просьбу и въ ней намекнулъ о вооруженномъ нейтралитетѣ. Для ума, которымъ обладала государыня, этого было достаточно, чтобы понять въ чемъ дѣло. Названіе «вооруженный нейтралитетъ» принадлежитъ самой государынѣ. Прим. Экардта.

[1]) Отецъ братьевъ Беренсовъ, названныхъ въ предшествовавшей замѣткѣ, былъ тогда эльтерманомъ большой гильдіи и энергично дѣйствовалъ, чтобы иностранные купцы были ограничены въ своемъ своеволіи въ торговлѣ и чтобы торгъ снова перешелъ въ руки

лифляндскихъ помѣщиковъ, занимались сверхъ того промысломъ не только вреднымъ, но можно даже сказать постыднымъ. Они скупали векселя и предъявляли ихъ къ платежу именно въ то время, когда предполагали, что должнику трудно уплатить, и такимъ образомъ заставляли его вымѣнивать наличныя деньги у русскихъ мѣнялъ или подъ свои собственныя, или подъ постороннихъ поручителей обязательства. Мѣнялы, стакнувшись съ вышеназванными ростовщиками, брали за промѣнъ неслыханный лажъ, доходящій, говорятъ, отъ 3 до 5 процентовъ, и тогда опять разсчитывались съ этими капиталистами-ростовщиками. Зло дошло до такой степени, что нѣкоторые торговые дома разорились. Наличныя деньги почти совсѣмъ исчезли изъ города. Но тутъ собралось нѣсколько честныхъ людей, которые и учредили, внеся на обезпеченіе опредѣленныя суммы въ суды, существующую и понынѣ учетную кассу, въ которой здѣшніе граждане могли получать за умѣренные проценты наличныя деньги для уплаты по векселямъ. Это похвальное учрежденіе совершенно пресѣкло зло, а ростовщиковъ и ихъ сотоварищей привело въ безсильную злобу[1]). Касса эта управляется бюргерами, она имѣетъ свой собственный фондъ, образовавшійся отъ взимаемыхъ при учетѣ процентовъ. Да сохранитъ духъ-хранитель кассу эту отъ непризванныхъ реформаторовъ.

Глава XXXI.

Корыстолюбіе, которое было такъ опасно для рижской торговли, угрожало также здѣшнимъ обѣднѣвшимъ гражданамъ и ихъ вдовамъ. Вслѣдствіе легкости получить гражданство, о чемъ уже было сказано въ 27 главѣ, городъ и предмѣстья переполнились всякимъ сбродомъ, пришлымъ изъ сосѣднихъ губерній. Изъ 28,090 человѣкъ, проживавшихъ въ Ригѣ въ 1797 г., только половина была нѣмцы. Употребленіе крѣпкихъ напитковъ (и жены этихъ санкюлотовъ предавались этому пороку) такъ увеличилось, что нѣкоторые изъ здѣшнихъ русскихъ задумали спекуляцію, которая, еслибы удалась, превзошла бы вредомъ всѣ прежнія. А именно, они предложили своимъ покровителямъ въ Петербургѣ планъ взять на откупъ всѣ рижскіе кабаки и пивоварни для блага города, какъ они безстыдно выражались. Опасеніе, что ихъ замыслы удадутся, было, кромѣ другихъ легко отгадываемыхъ причинъ, очень велико еще и потому, что подобнымъ предпріятіямъ покровительствовалъ сенатскій указъ. 30-го мая 1783 г.

гражданъ. Онъ также принесъ большую пользу бюргерамъ, предоставивъ въ ихъ руки взвѣшиваніе и бракованіе товаровъ. Прим. Экардта.

[1]) Въ особенности, когда неудались ихъ попытки къ подкупу Ростовщики и русскіе мѣнялы сошлись вмѣстѣ и предлагали тогдашнему городскому головѣ А. Г. Зенгбушу годовое содержаніе въ 1000 рейхсталеровъ, и тогдашнему секретарю шестигласной думы Іоганну Бульмеринку 1000 рейхсталеровъ, но были отвергнуты съ презрѣніемъ.

генералъ-губернаторъ Броунъ, внявъ на этотъ разъ представленіямъ о вредѣ откуповъ, препятствовалъ, пользуясь своимъ большимъ авторитетомъ, дѣйствію сказаннаго указа. Но какъ этотъ старикъ одряхлѣлъ, то кровопійцы снова подняли головы и страхъ, что ихъ намѣреніе возъимѣетъ успѣхъ, увеличился еще полученіемъ извѣстія, что ихъ охранители будутъ дѣлиться съ ними грабежомъ, какъ это обыкновенно бываетъ при такихъ темныхъ продѣлкахъ. Но къ счастію у города былъ другъ въ Петербургѣ, который воспрепятствовалъ успѣху этого постыднаго предпріятія. Это былъ вышеупомянутый тайный совѣтникъ Фитингофъ. Пивовареніе и держаніе кабаковъ осталось, какъ средства для пропитанія, обѣднѣвшимъ гражданамъ или ихъ вдовамъ и исключительно имъ однимъ. Жаль, однако, что предоставленіе права на содержаніе кабаковъ производилось слишкомъ щедро, особенно тѣмъ, которые жили внѣ города. Число кабаковъ очень велико. Кромѣ того въ большей части мелочныхъ лавокъ, въ аптекахъ и пр. продаютъ крѣпкіе напитки. Нельзя отрицать и того, что многіе совершенно здоровые люди оставляли свое ремесло изъ за лѣности, и добивались происками или выпрашивали право держать кабакъ. Старинная поговорка, что «хозяинъ кабака лѣнтяй, а дѣти такого хозяина негодяи» оправдалась здѣсь, какъ и всюду

Глава XXXII.

Но всетаки со стороны города были сдѣланы въ это время нѣкоторыя полезныя учрежденія. Но да не подумаютъ, что они были результатомъ новаго городоваго положенія. Они имѣли своимъ основаніемъ добрый гражданскій духъ старыхъ жителей, патріотизмъ, ловкость и дѣятельность тогдашней шестигласной думы, къ которой обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Распоряженіе, сдѣланное въ первое трехлѣтіе шестигласною думою объ управленіи самимъ городомъ, городскими имѣніями было, какъ вредное, отмѣнено, а вмѣсто того опять была введена отдача имѣній въ аренды, которыя и возвысились гораздо болѣе, чѣмъ когда либо. Такъ какъ городская касса, особенно между 1783 и 1794 годами, была въ отчаянномъ положеніи и часто оставалась безъ кредита, то, конечно, каждое увеличеніе доходовъ приходилось въ пору Но положеніе городскихъ крестьянъ невозможно было улучшить этими возвышенными арендами. Потому что какъ ни мала была арендная плата за городскія имѣнія въ сравненіи съ тою, которую платили за частныя имѣнія одинаковаго качества, и какъ ни были связаны руки городскихъ арендаторовъ тѣмъ, что они не смѣли, подобно помѣщикамъ, мучить произвольно крестьянъ, истреблять лѣса вырубкою или корчеваніемъ, но всетаки, въ общемъ, городской крестьянинъ оставался при старомъ. Никто не думалъ обезпечить крестьянину извѣстнаго права на его имущество и

самаго себя, и такимъ образомъ поднять его мало по малу нравственно, чтобы онъ, хотя въ своихъ дѣтяхъ, сдѣлался способнымъ къ принятію законной свободы. По тому что столь грубымъ людямъ, какими были въ то время крестьяне, и какими они должны были быть вслѣ ствіе крѣпостнаго права, свобода была бы тѣмъ, чѣмъ для ребенка бритва. Но всетаки шестигласная дума вводила нѣкоторыя учреж енія, для облегченія участи этихъ рабовъ. Она назначила, напримѣръ, докторовъ въ городскія имѣнія. Но крестьянинъ охотнѣе обращался къ своимъ знахарямъ и колдунамъ, чѣмъ къ доктору, незнакомому съ латышскимъ языкомъ. Облегчили также заимообразную выдачу хлѣба, но объ главномъ, сдѣлать нашихъ рабовъ мало по малу способными къ лучшему образу жизни, а черезъ это способными къ принятію свободы, объ этомъ не было и рѣчи. Несомнѣнно, что этого можно бы достигнуть, если бы самыхъ умныхъ и прилежныхъ нашихъ городскихъ крестьянъ обратить въ наслѣдственныхъ оброчниковъ — умный человѣкъ, бургомистръ І. Х. Шварцъ предлагалъ уже много лѣтъ раньше это средство, какъ самое надежное, но тѣмъ не менѣе этому не положено было никакого начала. Нѣкоторые крестьяне, водворенные въ городскихъ имѣніяхъ, сами желали бы вслѣдствіе увеличившагося своего благосостоянія или вслѣдствіе улучшившихся нравовъ и прилежанія, сдѣлаться оброчными крестьянами и арендаторами, даже общественное мнѣніе было за это, ибо многіе уже признавали, что рабство есть вещь неестественная, что не подобаетъ свободнымъ гражданамъ оставлять ихъ крестьянъ вѣчно крѣпостными, и всетаки ничего не начинали. Даже своекорыстіе, эта могущественная причина человѣческихъ рѣшеній, не могло побудить къ почину Понимали, что аренда имѣнія, иногда вблизи города, должна принести дохода далеко больше, чѣмъ всѣ крестьянскіе оброки и барщины; опытъ уже показалъ, что свободные люди могутъ добывать себѣ хлѣбъ и на нашей песчаной почвѣ, и что, напротивъ, очень часто крѣпостные крестьяне были, даже при самой плодородной почвѣ бѣдны, нерадивы, лѣнивы и несчастны, горячились, часто inter lances mensasque nitentes, смѣялись, пожимали плечами, когда слышали о притѣсненіяхъ, которыя себѣ позволяли безнаказанно нѣкоторые помѣщики надъ своими рабами, и всетаки ничего не дѣлали, чтобы основательно улучшить бытъ городскихъ крѣпостныхъ крестьянъ черезъ обращеніе ихъ въ оброчники или въ арендаторы. Напрасно проповѣдывала исторія нашего города, напрасно повторялъ намъ одинъ изъ нашихъ согражданъ[1]) истину «что Рига при порабощеніи туземцевъ, сдѣлалась сообщницей и соучастницей въ добычѣ, что надъ патримоніальными имѣніями города тяготѣли долги крови»,

[1]) Вышепомянутый оберъ-ветгерръ І. Х. Беренсъ въ своихъ „Bonhommien“, страница 22 и 23. Прим. Экардта.

и всетаки не полагали никакого начала къ уплатѣ этихъ долговъ, которые былибы приняты съ благодарностію, а этимъ самымъ, по старой поговоркѣ, «кто платитъ свои долги, тотъ улучшаетъ свое состояніе», наше состояніе много улучшилось бы.

Глава XXXIII.

Но это равнодушіе Риги замѣчалось только въ отношеніи ближнихъ, отдѣленныхъ отъ нея валомъ и палисадами. О бѣдныхъ и несчастныхъ въ городѣ и форштадтахъ отечески заботились. На берегу Двины было построено спасательное заведеніе для мнимо-умершихъ. Число прежде находившихся въ Ригѣ 14 богоугодныхъ заведеній увеличилось однимъ. Николаевскимъ рабочимъ домомъ. Пожертвованіями, которыя ежегодно поступаютъ отъ благотворительныхъ жителей, учредилось и понынѣ поддерживается это заведеніе, очень важное по своей пользѣ. Оно не есть послѣднее убѣжище лѣнивыхъ нищихъ, но служить понудительнымъ средствомъ превращать бродягъ и нищихъ въ полезныхъ рабочихъ. Кромѣ того сюда иринимаются и больные, которые по выздоровленіи, отпускаются отсюда съ милостынею. Независимо того, изъ этого заведенія еженедѣльно выдается помощь нѣкоторымъ бѣднымъ, не просящимъ милостыни. Каждый годъ администрація заведенія отдаетъ публикѣ печатный отчетъ о своей дѣятельности. Въ этомъ же году начато было еще другое дѣло. Было уже сказано выше (глава 11), что въ 1788 г пришлось оставить гавань, начатую постройкою на лѣво при устьѣ Двины. Съ этого времени высшее начальство больше уже не заботилось о безопасности приходившихъ въ Ригу кораблей И это было хорошо, потому что опредѣленныя на этотъ предметъ деньги вносилъ городъ изъ своихъ средствъ, и всетаки не содѣйствовали ничему полезному для плаванія по рѣкѣ и для безопасности прибрежныхъ сосѣдей. Городъ помогъ самъ себѣ, при посредствѣ генерала де Витта построилъ на правомъ берегу Двины зимнюю гавань, которая стоила не болѣе 5000 рейхсталеровъ и которая давала безопасное убѣжище во время зимы не меньше 30 кораблямъ.

Глава XXXIV

Изъ разсказаннаго здѣсь до сихъ поръ ясно видно, что при введеніи намѣстническаго управленія и новаго городоваго положенія не заботились о нашемъ благѣ; нѣкоторыя обстоятельства, которыя конечно, здѣсь не могутъ быть обойдены, докажутъ это еще болѣе. Съ давняго времени городъ былъ обязанъ для содержанія верковъ рижской крѣпости вносить въ казну ежегодно значительную сумму, которая обыкновенно простиралась до 10,000 рейхсталеровъ, за что ему предоставлялась та честь, что ключи отъ крѣпостныхъ воротъ хранились

въ ратушѣ. Такъ какъ всѣ крѣпости во всемъ русскомъ государствѣ находились прямо въ казенномъ вѣдомствѣ, и такъ какъ всегда говорилось, что здѣсь должно быть все такъ какъ въ Россіи, то думали, что городъ съ этого времени будетъ освобожденъ отъ этого бремени. Но этого не случилось. городъ долженъ былъ нести это бремя. Кромѣ того со времени еще владычества шведовъ вошло въ обычай дарить на Рождество губернатора и нѣкоторыхъ другихъ голландскими червонцами. Все это, а равно значительно повышенныя корабельныя пошлины, чрезмѣрно высокія вѣсовыя деньги за письма и вообще все обременительное для города не было уничтожено новымъ городовымъ положеніемъ. Вообще если надо было наложить на городъ какое нибудь бремя или освободить городъ отъ бремени, которое не налагалось новымъ городовымъ устроиствомъ на другіе города, тогда новаго городоваго положенія будто и не знали. Даже законы, ясно изложенные въ положеніи, не помогали, если городъ приводилъ ихъ для защиты отъ требуемыхъ налоговъ. Въ новомъ городовомъ положеніи безусловно было запрещено «обременять города произвольными налогами», и всетаки генералъ-губернаторъ принудилъ шестигласную думу поставить строительный матеріалъ для каменной гауптвахты, строившейся въ цитадели на казенной землѣ.

Когда однажды рижскій губернскій магистратъ намѣревался для противодѣйствія стѣсненіямъ обратиться, на основаніи дарованнаго ему городовымъ положеніемъ права, прямо въ сенатъ, то всетаки онъ не осмѣлился отважиться на это, такъ какъ ему дали понять съ угрозами, что нисшее присутственное мѣсто можетъ обращаться въ сенатъ только черезъ намѣстническое правленіе. Со стороны вышеупомянутаго губернскаго магистрата были слишкомъ боязливы, чтобы ссылаться на ясныя буквы закона. Если бы тутъ имѣли мужество ревельскаго городскаго головы, который жаловался на притѣсненія тамошняго губернатора и добился своего, то можетъ быть что нибудь и здѣсь пошло бы лучше. Но и тоже только можетъ быть, потому что Ревелю не завидовали и ненавидѣли его, какъ Ригу Подобная робость была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ новаго устройства. Если какое нибудь присутственное мѣсто осмѣливалось протестовать, то предсѣдатель его подвергался опасности быть призваннымъ къ властелинамъ и получить отъ нихъ выговоръ, даже и въ томъ случаѣ если онъ при поставленіи протеста не подавалъ своего голоса, а долженъ былъ слѣдовать большинству Потому что на предсѣдателя присутственнаго мѣста (какъ выше приведено въ 21 гл.) смотрѣли какъ на капрала, а на членовъ (засѣдателей) того присутствія какъ на простыхъ солдатъ, и поэтому находили страннымъ, что предсѣдатель не командуетъ ими. Вообще немногіе изъ чиновниковъ чувствовали въ себѣ охоту предпринимать что нибудь для общаго блага, большая часть изъ нихъ прямо говорила, что имъ спод-

ручнѣе провести свои три года спокойно. Что послѣ этого будетъ, до того имъ не было дѣла.

Глава XXXV

Всѣ и каждый чиновникъ и не чиновникъ подвергались опасности быть призванными къ сановникамъ и быть выбраненными въ присутствіи многихъ ихъ подчиненныхъ (это называли «быть распудреннымъ»). Прежде бранили и хвалили, а потомъ уже выслушивали защиту съ сильными криками неудовольствія; ложный же доносчикъ, ложный челобитчикъ никогда не былъ наказываемъ надлежащимъ образомъ. Очень часто, отпускали ложнаго просителя и невиннаго отвѣтчика, давалось и послѣднему на дорогу оскорбительное предостереженіе: «смотрѣть, чтобы на него не было подобныхъ жалобъ»

Сановники и всѣ тѣ, которые могли придираться къ намъ, были приглашаемы на всякое общественное празднество; они рады были обѣдамъ, втайнѣ завидовали благосостоянію Риги, но не измѣняли ни своего нрава, ни поведенія. Одинъ изъ нихъ, корыстолюбивый и подлый человѣкъ, объявилъ однажды нѣкоторымъ злѣшнимъ купцамъ торгующимъ хлѣбомъ, что состоится запрещеніе вывозить изъ Риги хлѣбъ, но что у него, однако, есть средство отклонить подобное запрещеніе отъ Риги, если ему дадутъ надлежащее для этого т. е. деньги. Купцы собрали втайнѣ между собой многіе тысячи рублей и отдали ихъ ему Запрещеніе вывозить зерно осталось только въ возможности, потому что въ Петербургѣ совершенно объ этомъ и не думали, а рубли такъ и остались въ его карманѣ. Этотъ же человѣкъ хотѣлъ однажды, когда шестигласная дума терпѣла недостатокъ въ деньгахъ, привести переговорами и угрозами думу къ тому, чтобы городъ продалъ ему свое помѣстье *Икскуль*, которымъ нѣкогда владѣли его предки; но этого, однако, не произошло единственно потому, что новое городовое положеніе строго запрещало городамъ продавать свои участки земли. Этотъ человѣкъ былъ предсѣдателемъ въ присутственномъ мѣстѣ, обязанностію котораго было смотрѣть за тѣмъ, чтобы люди жили по императорскимъ учрежденіямъ.

Глава XXXVI.

Какъ ни дурно былъ приспособленъ нашъ общественный строй, вмѣстѣ взятый, но всетаки въ немъ нѣкоторыя части велись хорошо. Наша торговля увеличивалась, стремленіе учиться, или давать своимъ дѣтямъ лучшее образованіе, дѣлалось все видимѣе и видимѣе. Насилія, именно такія, которыя частный человѣкъ позволялъ себѣ по отношенію къ другимъ, помѣщикъ, напримѣръ, къ своимъ крѣпостнымъ, были преслѣдуемы судомъ, и строго наказываемы, а потому становились нѣсколько рѣже; при этомъ особенно отлично выказался губер-

наторъ Беклешовъ, мастерски умѣвшій заботиться вообще о субординаціи и точномъ исполненіи приказаній. Можетъ быть никогда не замѣчался такой быстрый ходъ дѣлъ, какъ въ его время. Въ особенности же высказывалось то, чего никогда не замѣчали въ Лифляндіи. Лифляндское дворянство и городъ Рига находились въ дружественныхъ отношеніяхъ и протягивали братски другъ другу руки въ дѣлахъ, которыя касались ихъ обоихъ. Губернскій предводитель дворянства ф. Сиверсъ и городской голова А. Г Зенгбушъ, походившіе другъ на друга своими личными достойными уваженія качествами, основали такое согласіе. Это имѣло тѣ выгодныя послѣдствія, что городъ и земство прежде чѣмъ сдѣлать какой либо шагъ въ дѣлахъ, которыя могли интересовать ихъ обоихъ, обсуждали его вмѣстѣ, приготовляли матеріалъ и тогда уже дѣйствовали сообща. Такъ часто общая нужда связываетъ тѣхъ, которые прежде очень различались въ своихъ мнѣніяхъ и образѣ дѣйствій и потому дѣйствовали не единодушно[1]). Если къ этимъ хорошимъ событіямъ причислимъ нѣкоторыя полезныя учрежденія, приведенныя выше въ 32 главѣ, которыя были основаны въ это время городомъ и гражданствомъ, то сердце радуется, что эти 13 лѣтъ, въ которые къ несчастію нашему длилось намѣстническое учрежденіе, не прошли совершенно безъ добра.

Non tamen adeo virtututum sterile saeculum, ut non et bon exempla prodiderit (Tacitus, Hist. libr 1. Cap. 2)

Но довольно объ управленіи городскими средствами и объ общественныхъ дѣлахъ города.

Четвертая часть.

О полицейскомъ управленіи.

Глава XXXVII.

Уже давно здѣшніе сановники, и особенно генералъ-губернаторъ Броунъ, желали имѣть въ городѣ такое полицейское управленіе, которое могло бы прямо по солдатски принимать отъ нихъ приказы и служить слѣпо ихъ произволу, какъ машина. При старомъ магистратѣ, которому они отдавали приказанія, не было собственно полицейскаго суда т. е. такого, который бы по крайней мѣрѣ носилъ это имя, а

---

[1]) Еслибъ это не было противъ цѣли этого сочиненія, которое должно служить только для хроники города Риги, то можно было бы разсказать много похвальнаго объ поведеніи лифляндскаго дворянства, которое показало это, когда намѣстническое управленіе было навязано и селамъ.

также не было и такого, который занимался бы и исключительно полицейскими дѣлами. Эти дѣла были распредѣлены по различнымъ нижнимъ городскимъ судамъ. Такъ напримѣръ оберфогтъ въ городѣ, оберлан фогтъ въ предмѣстьѣ и въ патримоніальномъ округѣ производили одну часть полицейскихъ дѣлъ, у полиціи торговли былъ ветгерихтъ (торговый судъ), у ремесленной полиціи былъ амтгерихтъ (цеховый судъ), кеммерейный судъ завѣдывалъ строительными дѣлами и т. д. Кромѣ того каждый судья самъ приводилъ въ исполненіе свое рѣшеніе, какъ это необходимо и какъ это дѣлается и во всѣхъ странахъ.

И такъ въ Ригѣ была полиція и полиція даже очень хорошая, но не ви но было полицейскихъ. Если наши властители хотѣли знать исполнено ли ихъ распоряженіе, а съ этимъ всегда очень спѣшили, или если хотѣли поступить самовластно, или если они хотѣли предупредить противника своего любимца, то ихъ сердило, что ни могли прямо дѣйствовать на рычагѣ, а должны были отдавать свои приказанія магистрату, чтобы тотъ передалъ ихъ для исполненія въ то вѣдомство, которому принадлежало дѣло. Часто случалось, что приказы были несправедливы, неразумны или поспѣшны, и такимъ образомъ магистратъ былъ вынужденъ дѣйствовать противъ нихъ, или при исполненіи ихъ поступать несправедливо, или переносить выговоры, когда противопоставлялъ неразумной горячности какую либо предупредительную мѣру, или рѣшительно представлялъ негодность предложенныхъ нововведеній. Вслѣдствіе всего этаго не могло не случиться, что при новомъ устройствѣ обратили вниманіе на то, чтобы совершенно отнять отъ магистрата полицейскія дѣла, а вмѣсто этого учредить присутственное мѣсто, отъ котораго нельзя было бы ожидать какихъ либо возраженій, а лишь военной покорности и которымъ можно было бы управлять, какъ машиной. Броунъ, который обыкновенно начиналъ съ экзекуцій[1]), добился легко этого, ибо изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе о введеніи полицейскаго управленія и въ Ригѣ. При введеніи этаго управленія должно бы было понять, что оно разсчитано для большихъ городовъ и здѣсь не годится Личный составъ его былъ такъ великъ, что содержаніе его потребовало чудовищную сумму — около 24,000 райхсталеровъ. Объ этомъ не

---

[1]) Приведемъ изъ многихъ, только нѣсколько случаевъ. Черезъ новую полицію онъ велѣлъ одного изъ здѣсь поселившихся гражданъ, мясника ремесломъ, задолжавшаго своимъ крестьянамъ и медлившаго уплатою, схватить на улицѣ, арестовать и хотѣлъ уже его отослать въ Фортъ-кометы къ колодникамъ (каторжникамъ). Беклешовъ долженъ былъ употребить все свое краснорѣчіе, чтобы освободить этого человѣка отъ крѣпостной работы, который вскорѣ послѣ того умеръ отъ печали. Эльтермана пивоваровъ Вильде, задолжавшаго Броуну, послѣдній велѣлъ посадить на гауптвахту, гдѣ онъ и содержался до его смерти. Городскаго оффиціала Теша Броунъ велѣлъ посадить на гауптвахту за то, что онъ отстаивалъ интересы своего кліента при конкурсѣ, противорѣча любимцу Броуна. Нѣсколько членовъ магистрата заплатили изъ своего кармана требованія этого любимца.

подумали. Теперь узнали какъ мало противъ этого стоила прежняя полиція. Потому что прежнимъ членамъ магистрата, которые вѣдали полицейскія дѣла, за это особаго жалованья не назначали, ибо они производили эти дѣла какъ часть своихъ должностныхъ обязанностей, какъ это было изложено выше. Кромѣ того недоставало опытныхъ людей, которымъ можно было бы передать такое дѣло, потому что кромѣ знанія полицейской службы, каждый полицейскій долженъ былъ здѣсь знать по крайней мѣрѣ три языка. Недостатокъ знанія былъ, однако, рѣдко причиной неполученія должности. Потому что не говорили: «здѣсь есть должность, для которой ищется опытный человѣкъ», а говорили: «здѣсь есть человѣкъ, который хочетъ пристроиться, или котораго рекомендуетъ вельможа и которому должна быть доставлена должность» Полицмейстеромъ этого новаго полицейскаго суда былъ назначенъ человѣкъ, состоявшій до того времени плацъ-маіоромъ, котораго любимый разговоръ касался непристойностей. Броунъ, находившій особенное удовольствіе въ шуткахъ этого пьяницы, принудилъ городъ выстроить ему домъ, который стоилъ 10,000 рейхсталеровъ. Посредствомъ такого кутилы и тогдашняго городскаго головы Штр., онъ успѣлъ такъ повести дѣло, что и для новой полиціи былъ построенъ собственный домъ, обошедшійся очень дорого.

Глава XXXVIII.

Какъ мало намѣстническое устройство годилось здѣсь въ отношеніи суда и управленія города, такъ же мало пригоднымъ оказалось и новое полицейское управленіе. Но такъ какъ оно должно было быть введено, то и пришлось примѣнять городъ къ управленію, а не наоборотъ. Такъ, напримѣръ, полицейское положеніе предписывало, что города должны быть раздѣлены на городскія части, а эти послѣднія на кварталы, маленькая же Рига могла быть раздѣлена только на двѣ городскія части, то, чтобы имѣть нѣсколько частей, этому должны были помочь предмѣстья и жилища, разбросанныя по ту сторону Двины. И такъ они были собраны въ городскія части, и каждая изъ нихъ раздѣлена на извѣстное число кварталовъ. Такимъ образомъ появились частные приставы, квартальные, особенно же велико было количество полицейскихъ, которые отлично хорошо выглядѣли въ своихъ красивыхъ голубыхъ мундирахъ съ серебряными аксельбантами Но не подумали о томъ, что учрежденіе городскихъ частей, лежащихъ по сю сторону Двины, повредило ремеслу жителей въ собственномъ городѣ Ригѣ и ея личнымъ правамъ; что веденная тамъ торговля контрабандою была противна основнымъ положеніямъ нашего устройства, и далѣе, что таможенные доходы страдали отъ этого.

Такъ какъ этихъ полицейскихъ чиновниковъ было очень много,

то не могло не случиться, что жалованье ихъ было такъ мало, что никто не могъ жить со своей должности. О послѣдствіяхъ можно легко судить. У этой полиціи не было также кассы, чтобы щедро награждать сыщиковъ и шпіоновъ. Охотниковъ было довольно, но собаки ничего не дѣлали.

Глава XXXIX.

Чтобы еще полнѣе видѣть, какъ властители смотрѣли на эту новую полицію и употребляли ее какъ машину, разскажемъ слѣдующій случай, который еще въ свѣжей памяти у всѣхъ. У Броуна были въ Курляндіи имѣнія. Чтобы его крестьяне, пріѣзжавшіе оттуда весною сюда съ овощами, могли какъ можно раньше пріѣзжать на рынокъ, то Броунъ принудилъ городъ, конечно подъ другимъ предлогомъ, каждую весну возможно раньше наводить двинскій мостъ[1]), и не разводить его до глубокой осени. Но такъ какъ это было связано съ опасностью, большими издержками и убыткомъ для города, то между нимъ и городомъ возникли пререканія, которыя всегда оканчивались громомъ и молніею. Весной 1791 года ему пришло въ голову, что эльтерманъ перевозчиковъ виноватъ въ томъ, что двинскій мостъ не былъ готовъ къ наводкѣ. Онъ поѣхалъ сейчасъ же на набережную, и велѣлъ, безъ дальнѣйшаго, своимъ полицейскимъ разложить эльтермана на землѣ и высѣчь его плетью. Это было въ воскресенье. Простолюдинъ разсердился за это, нѣкоторые русскіе ссылались на указъ Петра Великаго, по которому по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ не должны были происходить никакія экзекуціи. Утромъ въ понедѣльникъ эльтермана опять наказали. Во вторникъ съ нимъ поступили подобнымъ же образомъ жестоко. Никто не осмѣливался защитить этого несчастнаго. Католическій духовникъ Броуна отважился наконецъ на защиту и грозилъ Броуну отказомъ въ отпущеніи грѣховъ. Если бы этого не случилось, то несчастный эльтерманъ долженъ былъ бы въ среду вытерпѣть новое наказаніе. Негодованіе и состраданія были всеобщія. Если бы при послѣднемъ жестокомъ поступкѣ между народомъ явился предводитель, то народъ пошелъ бы за нимъ. Уже поговаривали, чтобы бросить Броуна въ Двину вмѣстѣ съ коляской. Казалось, что Броунъ самъ боялся чего то и поспѣшилъ, послѣ того какъ въ третій разъ учинилъ свою расправу, достойную паши, какъ можно скорѣе убраться съ набережной со своей коляской и плетью, которую онъ каждый разъ привозилъ самъ. Случайнымъ образомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ производилось это гнусное дѣло, стояло болѣе сорока иностранныхъ торговыхъ кораблей,

---

[1]) Городъ не взималъ съ этихъ крестьянъ мостовой пошлины. Такъ великъ былъ страхъ предъ Броуномъ. Эти крестьяне хорошо зная, кому они принадлежали, были отъ того очень грубы и дерзки.

матросы которыхъ смотрѣли самымъ недоброжелательнымъ образомъ на это безобразіе и были готовы вступиться за этого несчастнаго, если бы ихъ кто нибудь попросилъ объ этомъ. Они, вѣроятно, позаботились о доведеніи до общаго свѣдѣнія этой гнусности за границей. Нельзя не упомянуть, что губернскій прокуроръ, котораго обязанность была противиться противозаконнымъ поступкамъ и донести объ этомъ въ Петербургъ на своего начальника генералъ-губернатора, оставался въ бездѣйствіи, потому что Броунъ былъ слишкомъ могущественъ. Нѣсколько смѣлыхъ людей изъ гражданъ отважились послѣ этого утѣшить несчастнаго и открыто засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, потому что онъ было очень хорошій человѣкъ.

Глава XL.

Новое полицейское управленіе было подчинено намѣстническому правленію, какъ высшей полиціи. Кромѣ того оно должно было исполнить приказы верхняго и нижняго земскихъ судовъ, казенной палаты, совѣстнаго суда, и какъ нѣкоторые утверждаютъ, приказы обоихъ департаментовъ губернскаго магистрата. Могли также давать приказанія прокуроры и стряпчіе. И такъ множество присутствій имѣли право утруждать полицію и приносить жалобы на нее. Нисшіе суды сносились съ этой полиціей не устно, какъ это могло быть въ большей части случаевъ, а письменно. Черезъ это увеличивалаеь переписка и архивъ. Исполненіе приговоровъ, экзекуціи всякаго рода, взысканіе долговъ были замедляемы огромною перепискою. Желающій видѣть исполненнымъ законный судебный приговоръ, долженъ былъ просить судью отослать этотъ приговоръ для исполненія въ полицейскій судъ. Это занимало нѣсколько дней. Когда приговоръ наконецъ достигалъ полиціи и приходилось дѣлать взысканіе съ должника, то обыкновенно отвѣчали суду, что онъ уѣхалъ или что его нельзя найти. Если наконецъ должника находили, то онъ просилъ 6-ти недѣльной отсрочки для уплаты, и ему это позволяли. По прошествіи срока должникъ не являлся и кредиторъ долженъ былъ опять возобновлять свой искъ. Должника опять не могли найти или же онъ въ это время объявлялъ себя несостоятельнымъ и подводилъ себя подъ указъ о Кононовѣ (см. 25 главу) Были примѣры, что въ такихъ случаяхъ прибѣгали въ намѣстническое правленіе съ жалобою на того, кто не хотѣлъ платить. Тогда должникъ выигрывалъ еще больше времени.

Глава XLI.

Начала кротости и гуманности, заявленныя императрицею Екатериною II, особенно по отношенію къ тѣлеснымъ наказаніямъ, были отрекомендованы и здѣшней полиціи: прокуроры обязаны были

смотрѣть за тѣмъ, чтобы не допускать жестокихъ наказаній. Это связывало совершенно руки исполнительному правосудію. Когда, бывало, полиція накажетъ кого за грубость лишь нѣсколькими палочными ударами, то наказанный сейчасъ бѣжалъ къ губернатору жаловаться на жестокость и черезъ это достигалъ по крайней мѣрѣ того, что судья долженъ былъ оправдываться. Чтобы не подвергаться такимъ непріятностямъ, преступниковъ наказывали далеко ниже ихъ вины, или даже и совсѣмъ не наказывали. Особенно полиція боялась русскихъ. Легко усмотрѣть, какія послѣдствія могло произвести это въ грубомъ человѣкѣ. На непослушаніе, нерадѣніе и своевольное бѣгство слугъ смотрѣли такъ кротко, что безопасность имущества и домашній миръ съ этого времени были сильно поколеблены. Подобное состраданіе, граничащее со слабостью, должно было привести къ тому, что почтеніе къ начальству чрезвычайно уменьшилось. Простолюдинъ съ этого времени сталъ смѣяться надъ угрозами судьи и разсуждать безстрашно и громко. Распущенность и безнравственность слугъ превзошли всѣ границы. Купеческіе и ремесленные ученики сдѣлались такъ дерзки и надуты, что нѣкоторые изъ нихъ не слушаются прикащиковъ и самаго патрона, и не уступаютъ имъ въ красотѣ платья и въ принятіи участія въ различнаго рода увеселеніяхъ. Возникли клубы, кофейни, кабаки для людей всякаго рода — усердно посѣщаемые. Полиція не осмѣливается положить предѣлъ этому злу или по крайней мѣрѣ ограничить число публичныхъ домовъ, увеличившихся до неприличія. Нигдѣ не было центральнаго мѣста, откуда можно было бы надъ всѣмъ присматривать и содержать хотя въ отеческой, но строгой дисциплинѣ и порядкѣ. Всякое присутственное мѣсто въ Ригѣ было радо, если его оставляли въ покоѣ, и кто ему ничего не дѣлалъ, того и онъ не трогалъ. Все шло очень весело. Въ зимніе мѣсяцы, кромѣ публичнаго театра, который не былъ открытъ только по суботамъ, каждый день былъ клубъ, или маскарадъ, или танцы и концерты, или банкетъ. Часто въ одинъ и тотъ же день было по два увеселенія. Это непрерывное пированіе и роскошь, вошедшая въ частные дома, много также содѣйствовали порчѣ здѣшней прислуги. Да и какъ могли дѣйствовать приказанія и законы, когда начальствовавшія лица, которыя ближе всего должны были смотрѣть за исполненіемъ ихъ, не пользовались ни уваженіемъ, ни властью, когда простолюдинъ зналъ, что ему стоитъ идти только къ главнокомандующему, чтобы доставить судьѣ если не выговоръ, то по крайней мѣрѣ непріятный часъ?

Глава XLII.

Въ остальномъ новая полиція была тѣмъ же, чѣмъ были почти всѣ присутственныя мѣста того времени. Множество людей было тутъ приставлено, которые большею частью были ненужны. Одинъ человѣкъ

управлялъ также и здѣсь всѣмъ. Къ счастью это былъ умный, дѣятельный, честный, одаренный хорошими умственными способностями человѣкъ. Будучи членомъ стараго магистрата, онъ уже съ пользою служилъ городу, это видѣли честные люди, а потому онъ и былъ уважаемъ всѣми порядочными людьми. Даже сановники питали къ нему уваженіе, и потому при случаѣ онъ могъ отвращать нѣкоторыя непріятности. Изъ уваженія къ нему, многіе не такъ сильно порицали дурную сторону новой полиціи. Будущій лѣтописецъ Риги скажетъ больше объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ; его звали Адамъ Генрихъ Шварцъ. Онъ былъ родственникъ вышеназваннаго бургомистра Іоганна Христофа Шварца.

Глава XLIII.

Во многихъ мѣстахъ этой книги часто говорилось, что рижскіе жители хорошіе, благонамѣренные люди; это такъ извѣстно и признаваемо, что мнѣ не надобно прибѣгать къ доказательствамъ тому Но какъ собиратель матеріаловъ, я не могу оставить безъ вниманія слѣдующее: Какъ ни больно было лучшей части здѣшнихъ жителей, что наше старое устройство, безъ всякой основательной причины, безъ всякаго видимаго предлога, было уничтожено до основанія, а гражданство, прекративъ свое дѣленіе на три сословія, было принуждено принимать въ свою среду толпу всякаго сброда, тѣмъ не менѣе рижане не забывали, что надо быть вѣрноподданными своему государю или государынѣ и что Рига подъ могущественнымъ скипетромъ Россіи почти цѣлое столѣтіе наслаждалась миромъ. Какъ только представился случай показать императрицѣ Екатеринѣ II, что въ Ригѣ есть люди, которые это признаютъ, то сейчасъ же пользовались такимъ случаемъ. Нѣкоторые патріоты сговорились, когда король Густавъ III объявилъ войну Россіи, доказать императрицѣ, что мы не сочувствуемъ шведамъ, какъ нѣкоторые полагали. Въ короткое время подпиской была собрана сумма въ 30,000 руб., которую представили государынѣ какъ don gratuit и которую она охотно приняла, принявъ во вниманіе доброе намѣреніе. Между подписчиками были такіе, которые въ своей юности слышали отъ родителей, что шведы, когда они еще владѣли Лифляндіей, имѣли намѣреніе отнять отъ рижскихъ жителей всю ихъ серебряную утварь, что контрибуція 1705 г такъ стѣснила жителей, что они между прочимъ должны были обобрать шпажные клинки, сѣдла, табакъ, сапоги, пуговицы, котлы, чтобы только доставить требуемую сумму въ 7577 рейхсталеровъ и 300 ластовъ ржи.

Разсказъ ландрата Гринвальда изъ исторіи составленія свода мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА. Въ 1-мъ выпускѣ на 1882 г. издаваемаго г. Бинеманомъ въ Ревелѣ журнала «Baltische Monatsschrifs» помѣщенъ довольно обстоятельный разсказъ о ходѣ въ 1841 г. работъ по составленію свода мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній. Представляя читателямъ содержаніе этого разсказа, небезполезно предварительно сказать нѣсколько словъ о мѣрахъ для составленія мѣстнаго свода законовъ, какія наше правительство принимало до вступленія на престолъ императора Николая Павловича.

Въ 10 пунктѣ акордныхъ пунктовъ лифляндскаго дворянства было упомянуто, что въ судахъ рѣшать дѣла по древнимъ правамъ, пока не будетъ полное земское уложеніе собрано и подано, но во все царствованіе Петра Великаго не находилось возможности приступить къ собранію и изданію земскаго уложенія. Въ 1728 г., уже въ царствованіе императора Петра II, лифляндское дворянство въ виду крайнихъ неудобствъ, происходившихъ отъ смѣшенія и неопредѣленности мѣстныхъ законовъ, просило наше правительство привести ихъ въ порядокъ и составить новое имъ изложеніе. Вслѣдствіе этой просьбы въ томъ же 1728 г. была составлена особая коммисія изъ „добрыхъ и искусныхъ въ ливонскихъ правахъ“ людей для приведенія мѣстныхъ законовъ въ правильный и однообразный составъ. Это былъ первый комитетъ по составленію свода законовъ, но занятія его шли весьма медленно и лишь въ 1741 г. былъ составленъ въ 5 книгахъ проектъ мѣстныхъ законовъ, подъ названіемъ „новаго лифляндскаго рыцарскаго и земскаго права“ Проектъ этотъ былъ представленъ въ кабинетъ министровъ и отсюда переданъ на разсмотрѣніе въ юстицъ-коллегію лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ. При разсмотрѣніи проекта въ названной коллегіи, встрѣтилось столь много сомнѣній и недоразумѣній, что приходилось дополнять и измѣнять проектъ. Шли годы, а дѣло ни мало не подвигалось впередъ; наконецъ, когда въ 1754 г. была составлена коммисія сочиненія общаго уложенія, правительствующій сенатъ предложилъ передать въ оную на разсмотрѣ-

ніе и лифляндскій проектъ. На этомъ и прекратилось дѣло коммисіи 1728 года.

Въ 1767 г. были созвана знаменитая екатерининская коммисія для сочиненія общаго уложенія въ числѣ 565 депутатовъ отъ всѣхъ губерніи и сословій. Коммисія эта раздѣлилась на общее собраніе и на 19 отдѣльныхъ коммисій, въ числѣ которыхъ была и коммисія для мѣстныхъ законовъ Прибалтійскихъ губерній. Эта в т о р а я, по порядку, коммисія, обозрѣвъ собранные матеріалы, нашла ихъ въ такомъ безпорядкѣ и смѣшеніи, что признала необходимымъ прежде всего привести эти матеріалы въ порядокъ и расположить выписки по одной системѣ. Десять лѣтъ продолжалась эта работа и не привела ровно ни къ какому практическому результату: сдѣланныя выписки не имѣли ни точности въ изложеніи, ни порядка въ расположеніи. Коммисія 1767 года кончила свое существованіе въ 1777 году, ни мало ни подвинувъ вопросъ о мѣстномъ сводѣ къ рѣшенію.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра Павловича, въ Ригѣ возникли весьма сильные споры и пререканія между горожанами по поводу городоваго положенія. Образовались двѣ стороны: одна желала сохраненія старины, другая (русскіе купцы и мѣщане въ томъ числѣ) настойчиво требовала возстановленія екатерининской грамоты городамъ, объявленной императоромъ Александромъ основнымъ правомъ всѣхъ городовъ. Бурныя голосованія и нерѣшительность результатовъ ихъ побудило правительство учредить въ 1803 году въ Ригѣ особую коммисію для составленія проекта городоваго положенія для Риги. Коммисія кончила свои работы въ 1805 г. и предоставила ихъ на разсмотрѣніе въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь не нашли возможнымъ утвердить проектъ, а рѣшились передать его въ коммисію составленія законовъ, получившую инструкцію лишь въ 1809 г. Комитетъ 1803 года разошелся, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

Коммисія составленія законовъ лишь въ мартѣ 1818 года нашла возможнымъ приступить къ дѣлу кодификаціи мѣстныхъ законовъ, Было предписано въ это время составить въ Ригѣ, Митавѣ и Ревелѣ особые комитеты изъ свѣдущихъ людей для составленія проектовъ кодексовъ. Комптеты учредились, работали нѣсколько лѣтъ, но опять безъ всякихъ практическихъ результатовъ.

Дѣло составленія сводовъ законовъ двинулось впередъ рѣшительнымъ шагомъ лишь со вступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича, когда въ 1826 г. коммисія законовъ была преобразована во 2-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи и когда во главѣ ея сталъ знаменитый статсъ-секретарь С п е р а н с к і й (впослѣдствіи графъ).

Въ 1826 году, при коронованіи государя въ Москвѣ, прибалтійское дворянство, по предшествовавшимъ примѣрамъ, просило объ утвержденіи своихъ привиллегій. Государственный совѣтъ, разсматривая эту просьбу, призналъ необходимымъ удостовѣриться въ силѣ и пространствѣ этихъ привиллегій. Вслѣдствіе этого было тогда же предписано тогдашнему прибалтійскому генералъ-губернатору, мар-

кизу Паулучи, собрать всѣ привиллегіи и представить ихъ со своимъ мнѣніемъ. Два года продолжалось это собираніе; собрали документовъ на языкахъ нѣмецкомъ, латинскомъ и шведскомъ цѣлыя 23 книги, которыя въ 1828 г. и были представлены въ государственный совѣтъ маркизомъ Паулучи. Одновременно съ этимъ въ государственный совѣтъ поступили: просьбы рижскихъ гражданъ (лютеранъ) о подтвержденіи ихъ правъ и преимуществъ и жалобы рижскихъ же гражданъ (православныхъ) на самоуправство и беззаконія лютеранъ. Государственный совѣтъ въ 1828 г. постановилъ: учредить при правительствующемъ сенатѣ особый комитетъ для разсмотрѣнія сборника привиллегій и предположеній маркиза Паулучи, комитету вмѣнить въ обязанность разсмотрѣть прежде всего привиллегіи города Риги. Комитетъ учредился и донесъ государственному совѣту, что книги и тетради привиллегій надобно перевести на русскій языкъ, на что требуется трудъ 4 переводчиковъ въ теченіе времени отъ 6 до 8 лѣтъ. Тогда было высочайше повелѣно: составленіе свода мѣстныхъ узаконеній возложить на 2-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, куда и сдать всѣ акты и книги, а самый комитетъ закрыть. Это происходило въ 1829 г.; съ этого именно времени и начинаются правильныя и безостановочныя работы по составленію и повѣркѣ свода мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній.

Переходимъ теперь къ разсказу очевидца.

Нынѣ царствующій государь императоръ Николай Павловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, обратилъ свое вниманіе на законодательство обширной имперіи. Послѣднее собраніе законовъ, учрежденное государственнымъ путемъ и имѣвшее дѣйствительную силу закона, относилось къ 1649 году Екатерина II предполагала собрать всѣ указы, но предположеніе ея не получило осуществленія. Наконецъ императоръ Александръ I, въ первые годы своего царствованія, учредилъ коммисію составленія законовъ, ввѣривъ ее руководству извѣстнаго Розенкампфа. Но и эта коммисія оказалась безуспѣшною, такъ что императоръ Николай упразднилъ ее. Вмѣсто нея было учреждено 2-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Государь назначилъ директоромъ этого отдѣленія своего бывшаго учителя Балугьянскаго и, приблизивъ къ себѣ тайнаго совѣтника Сперанскаго, поставилъ его во главѣ кодификаціи всего законодательства имперіи. Теперь только начались работы, отъ которыхъ можно было надѣяться успѣха. Вся имперія въ законодательномъ отношеніи была раздѣлена на три части, изъ которыхъ каждая должна была имѣть свои особые законы о судахъ, о состояніяхъ, свое частное право, а также свой собственный гражданскій и уголовный процессъ. Изъятіе должны были составлять Финляндія и Закавказье. Въ составъ первой части законодательства включались велико-русскія и всѣ другія губерніи, которыя не имѣли рѣзкихъ особенностей для исключеній;

вторую часть составляли Прибалтійскія губерніи; третью — такъ называемыя западныя губерніи, т. е. бывшія польскія провинціи.

Въ 1832 году вышелъ сводъ законовъ для первой части, но за нѣсколько лѣтъ до того, именно къ 1829 г., тайный совѣтникъ Сперанскій вызвалъ въ Петербургъ лифляндскаго ландрата Рейнгольда Самсона фонъ Гиммельстіерна для разработки второй части законодательства, свода мѣстныхъ узаконеній для губерній Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Безспорно, Самсонъ былъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ самый способный и самый подходящій для подобной работы человѣкъ, въ особенности когда подобная работа поручается одному Онъ съиздавна былъ извѣстенъ не только какъ ученый юристъ и писатель, но и какъ способный практикъ и одно время членъ лифляндскаго гофгерихта. Въ теченіе моего разсказа я часто буду возвращаться къ нему и укажу большія заслуги, оказанныя имъ при порученной ему работѣ. Первая и, быть можетъ, самая важная заслуга его состояла въ томъ, что онъ содѣйствовалъ рѣшенію дать особое самостоятельное законодательство нашей нѣмецкой землѣ. Сперанскій долго колебался не распространить-ли дѣйствіе общаго свода законовъ на всю имперію, поставивъ лишь въ примѣчаніяхъ, наши мѣстныя уклоненія. Съ третьею частью, съ законодательствомъ для бывшихъ польскихъ провинцій, именно такъ и произошло. Распространеніе дѣйствія общаго свода законовъ на Прибалтійскія губерніи нанесло бы нѣмецкому строю страшный ударъ, а введеніе русскаго управленія, языка и русскаго права разрушило бы основы древняго германскаго зданія. Но посредствомъ вліянія Самсона, много значившаго въ то время у Сперанскаго, этого не было. Самсонъ работалъ нѣсколько лѣтъ, весь предоставленный ему матеріалъ онъ распредѣлилъ по имъ же составленной формѣ и тѣмъ положилъ первое основаніе своду мѣстныхъ узаконеній.

Прим. пер. Сперанскій, довѣрившись краснорѣчивымъ внушеніямъ Самсона, совершилъ важную ошибку, когда рѣшился выдѣлить Ливонію изъ общаго законодательства, ошибку, исправленіе которой предстоитъ въ будущемъ. Какъ бы то ни было, но всѣ матеріалы, въ теченіе почти 100 лѣтъ собранные прежде бывшими коммисіями и комитетами, были отданы въ 1829 г. въ распоряженіе Самсона. При обозрѣніи этихъ матеріаловъ, оказалось, что всѣ особенности мѣстныхъ законовъ принадлежатъ къ пяти разрядамъ законодательства: къ праву состояній, къ законамъ гражданскимъ, къ учрежденіямъ, къ законамъ о судопроизводствѣ гражданскомъ и къ законамъ о судопроизводствѣ уголовномъ. Всѣ матеріалы Самсонъ и распредѣлилъ по этимъ пяти разрядамъ, — держась, согласно наставленія Сперанскаго, плана, принятаго для общаго свода. Что касается до законовъ, то Самсону было предписано принимать изъ законовъ мѣстныхъ закономъ дѣйствующимъ все, что не противорѣчитъ самодер-

жавію и основнымъ законамъ имперіи; законы римскіе принимать какъ полезное дополненіе къ мѣстнымъ законамъ, и наконецъ какъ дополненіе же къ законамъ принимать и судебные обычаи, постоянно и единообразно дѣйствующіе.

Въ теченіе 1830 г. Самсонъ, имѣя званіе редактора свода мѣстныхъ законовъ, кончилъ сводъ мѣстныхъ законовъ о правахъ состояній, а за тѣмъ въ 1831 г. составилъ и остальныя части свода: законы гражданскіе, губернскія учрежденія и уставы судопроизводства гражданскаго и уголовнаго (для одной лифл. губ.)

Какъ только сводъ мѣстныхъ законовъ о правахъ состояній былъ конченъ, то оный послали къ тогдашнему генералъ-губернатору барону Палену, смѣнившему въ 1830 г. маркиза Паулучи, для того, чтобы онъ составилъ особые комитеты, которые бы разсмотрѣли работу Самсона и главное вниманіе обратили на то: всѣ ли дѣйствующіе законы представлены въ сводѣ въ истинной ихъ силѣ и не приведено-ли законовъ лишнихъ, отмѣненныхъ позднѣйшими. Вслѣдствіе этого были учреждены въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ гражданскихъ губернаторовъ, особые комитеты: изъ губернскихъ прокуроровъ, по одному члену отъ гофгерихта въ Лифляндіи, оберъ-ландгерихта въ Эстляндіи и оберъ-гофгерихта въ Курляндіи, по избранію губернаторовъ изъ депутатовъ отъ дворянства, по назначенію губернскихъ предводителей онаго, и изъ членовъ губернскихъ магистратовъ по одному отъ каждаго, по избранію магистратовъ.

Вотъ что говоритъ очевидецъ далѣе.

Вторымъ важнымъ шагомъ было учрежденіе губернскихъ комитетовъ. Въ каждой изъ трехъ Прибалтійскихъ губерній былъ открытъ одинъ такой комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, состоявшій изъ членовъ отъ дворянства, отъ городовъ и нѣсколькихъ чиновниковъ отъ правительства. У насъ, въ Эстляндіи, былъ въ то время гражданскимъ губернаторомъ *Эссенъ*. Онъ, однако, не дожилъ до конца засѣданій комитета; его преемникомъ назначенъ также бывшій ландратъ *Бенкендорфъ*. Губернаторъ лично не предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ, его мѣсто заступалъ прокуроръ, статскій совѣтникъ *Риземанъ*. Членами отъ нашего (эстляндскаго) дворянства были ландратъ фонъ *Майдель* (Штейнгаузенскій) и бывшій секретарь дворянства Оттонъ ф. *Гаубе* (Ервакантскій); членами отъ города Ревеля были ратсгеры *Іорданъ* и *Гонзіоръ*, пользовавшійся въ Ревелѣ репутаціею умнаго и свѣдущаго юриста, его братъ, тогдашній секретарь оберъ-ландгерихта Александръ *Геппенеръ* и тогдашній секретарь мангерихта докторъ *Паукеръ*, но я не знаю въ качествѣ чьихъ депутатовъ они были. Задачею губернскихъ комитетовъ было пересмотрѣть работу Самсона, исправить вкравшіяся ошибки, пополнить пробѣлы, вообще исполнить все, что могло служить къ полной правильности и совершенству работы. По странному случаю, не состоялось никакого

манифеста, въ которомъ-бы были ясно изложены виды правительства и которымъ-бы успокоивались умы, именно, что правительство вовсе не намѣрено измѣнять мѣстные законы, и предполагаетъ только собрать въ одинъ формальный корпусъ эти разсѣянные законы. Въ необходимости такого дѣла я впослѣдствіи самъ убѣдился, когда глубже вникъ въ дѣло. Эстляндскіе законы требуютъ особенно тщательнаго изученія и остаются неизвѣстными, ибо такое изученіе не всякому подручно. Большинство публики въ юридическомъ отношеніи всегда находилось въ рукахъ немногихъ практикантовъ и свѣдущихъ людей, но и сами свѣдущіе въ законахъ люди были не въ состояніи ясно и правильно разсудить данныя правовыя отношенія. Недостатокъ хорошей и надлежащимъ образомъ составленной книги законовъ выказывался все больше и больше и въ особенности былъ чувствуемъ начинающими службу судьями.

Мнѣ самому (съ февраля 1830 г я былъ предводителемъ эстляндскаго дворянства), какъ выше сказано, не было дано никакого правительственнаго сообщенія, которымъ-бы можно было успокоиться. Дворянскій комитетъ поручилъ мнѣ подать о томъ на высочайшее имя прошеніе. Это я сдѣлалъ въ декабрѣ 1834 года, когда лично находился въ Петербургѣ. Въ прошеніи я изложилъ на сколько счастливы эстляндцы при ихъ теперешнемъ управленіи и на сколько они боятся всякой перемѣны его. Въ заключеніе я просилъ, чтобы его величество оставилъ намъ нашу старую книгу законовъ, рыцарское и земское право, мы же съ благодарностію примемъ новую книгу, если она будетъ лишь руководствомъ, учебникомъ, средствомъ къ изученію права. Копія съ этого прошенія была представлена Сперанскому при особой бумагѣ. Чрезъ нѣсколько дней онъ приказалъ мнѣ явиться къ себѣ, и я въ то время впервые увидѣлъ этого замѣчательнаго человѣка, съ которымъ впослѣдствіи сошелся ближе. Меня въ высшей степени поразили его странно сформированный, совершенно лысый черепъ, его всегда полузакрытые, узкіе и нѣсколько криво прорѣзанные глаза, выдающіяся скулы и совершенно беззвучный голосъ. Сперанскій былъ вѣжливъ со мною; но своимъ обращеніемъ онъ подтвердилъ то, что я уже прежде зналъ чрезъ Самсона. Мое прошеніе было крайне непріятно ему, и хотя онъ ни въ какомъ случаѣ не могло мѣшать осуществленію его плановъ, но я подозрѣваю, что государь, по поводу прошенія, сказалъ ему что-то непріятное. Государь поручилъ ему успокоить меня, такъ какъ дѣло шло не о какихъ-либо новшествахъ, а о болѣе основательномъ поддержаніи и обезпеченіи старины.

Нѣсколько вялый губернскій комитетъ получилъ неоднократныя напоминанія объ ускореніи дѣла. Нѣкоторыя оконченныя статьи были уже представлены и комитетъ прекратилъ наконецъ свои засѣданія, подвергнувъ весьма основательной критикѣ работу Самсона съ пере-

смотромъ всѣхъ цитать изъ римскаго права и представивъ полное изложеніе эстляндскаго гражданскаго процесса по земскимъ и городскимъ правамъ, составленное Христоформъ Гепнеромъ, согласно предписанія, по образцу лифляндскаго гражданскаго процесса Самсона.

Подобнымъ же образомъ поступили лифляндскій и курляндскій комитеты и всѣ замѣчанія были сданы *Самсону* съ цѣлію разработки ихъ.

Прим. пер. Въ учрежденные въ каждой изъ трехъ Прибалтійскихъ губерній комитеты были препровождены на разсмотрѣніе прежде всего сводъ законовъ о состояніяхъ, составленный, какъ сказано выше, Самсономъ, а затѣмъ были присланы на разсмотрѣніе и остальныя три части, составленныя Самсономъ-же. За недостаткомъ матеріаловъ, Самсонъ не могъ составить полнаго свода законовъ по устройству судебныхъ мѣстъ и потому ограничился одною лифляндскою губерніею. Точно также и по судопроизводству онъ ограничился также одною лифляндскою губерніею, представивъ, однако, вмѣсто свода книгу своего сочиненія: „Institutionen des Livländischen Prozesses“

Комитетамъ было предписано: прежде всего обратить вниманіе нѣтъ-ли пропусковъ или чего либо лишняго въ сводѣ законовъ гражданскихъ, составленномъ въ общемъ видѣ для всѣхъ трехъ губерній, составить своды о судостройствѣ въ Эстляндіи и Курляндіи; пересмотрѣть названную книгу Самсона и примѣнить оную для каждой губерніи; обратить вниманіе на то, во всѣхъ-ли губерніяхъ принимаются и толкуются одинаково законы, приводимые Самсономъ изъ римскихъ каноническихъ и иностранныхъ законовъ, при чемъ воздерживаться отъ всякихъ ученыхъ толкованій, а ограничиться краткимъ изложеніемъ причинъ, почему тѣ либо другіе изъ римскихъ, каноническихъ и иностранныхъ законовъ не могутъ быть допущены въ сводъ мѣстныхъ узаконеній; имѣть въ виду, что своды суть не новое уложеніе, а лишь изложеніе дѣйствующихъ законовъ. Наконецъ комитетамъ было поставлено на видъ, что мѣстные законы суть лишь изъятія изъ общихъ законовъ имперіи, потому расположеніе статей въ мѣстныхъ сводахъ должно быть согласовано съ общимъ планомъ, принятымъ для свода законовъ имперіи.

Губернскія комитеты работали четыре года. Окончательныя замѣчанія на сводъ о правахъ состояній были представлены во 2-е отдѣленіе 24 апрѣля 1833 года, а на своды гражданскихъ законовъ, своды судоустройства и судопроизводства 3 декабря 1834 г. По полученіи всѣхъ замѣчаній, Сперанскій сдалъ ихъ ландрату Самсону для пересмотра и исправленія статей сводовъ, согласно этихъ замѣчаній, составленныхъ вообще очень дѣльно, хотя также не безъ пропусковъ и не безъ излишнихъ толкованій. Самсонъ работалъ надъ пересмотромъ замѣчаній комитетовъ нѣсколько мѣсяцевъ и когда кончилъ работу и исправилъ согласно заключеній статьи сводовъ, Сперанскій въ 1835 г. распорядился составить, на основаніи работы Сам-

сона, в т о р у ю редакцію свода мѣстныхъ законовъ, подъ руководствомъ начальника 2-го отдѣленія тайнаго совѣтника Балугьянскаго. Вторая редакція, совершенная Балугьянскимъ, при содѣйствіи чиновниковъ названнаго отдѣленія: Кангера, Цеймерна, Келера и барона Радена, была окончательно готова къ 1836 г. Тогда государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ учредить въ Петербургѣ общій для всѣхъ трехъ губерній „ревизіонный комитетъ“, — членовъ для котораго отъ дворянства и городовъ назначить прибалтійскому генералъ-губернатору барону Палену.

Послушаемъ теперь дальнѣйшій разсказъ г. Гринвальда.

Въ февралѣ 1836 г я сложилъ съ себя должность предводителя дворянства, моимъ преемникомъ былъ Рудольфъ Паткуль. Съ ландратомъ Самсономъ мы также мало находились въ прямыхъ сношеніяхъ, какъ и со всѣми другими въ Петербургѣ; законодательныя движенія въ теченіе этого времени пріостановились, какъ вдругъ въ апрѣлѣ этого года предводитель дворянства получилъ отъ генералъ-губернатора Палена сообщеніе о томъ, что въ Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію, учреждается коммисія для пересмотра свода мѣстныхъ узаконеній и что ему, генералъ-губернатору, поручено назначить отъ четырехъ прибалтійскихъ дворянскихъ обществъ, отъ городовъ Риги и Ревеля, по одному члену изъ каждой корпораціи, а также назначить одного члена отъ курляндскихъ городовъ и что назначенные члены должны будутъ совмѣстно съ редакторомъ свода (т. е. Самсономъ), заняться таковымъ пересмотромъ во 2-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Вслѣдствіе этого онъ, генералъ-губернаторъ , предлагаетъ предводителю дворянства сдѣлать выборъ двухъ кандидатовъ изъ дворянскаго комитета, изъ коихъ онъ, генералъ губернатора, назначитъ одного для присутствія въ ревизіонной коммисіи. Въ началѣ мая происходило собраніе ревельскаго дворянскаго комитета и выборъ палъ на ландрата Вильгельма *Самсона ф. Гиммельстіерна* (Валлинскаго) и на меня. Отъ 21 мая генералъ-губернаторъ далъ мнѣ знать, что въ составъ ревизіонной коммисіи онъ назначилъ меня и что я долженъ прибыть въ Петербургъ къ 1 іюня, каковой срокъ послѣ былъ продленъ до 1 іюля. Мое первое чувство было отказаться. Освободившись нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отъ тяжелой 6-ти лѣтней службы по должности, я составилъ было себѣ совершенно иной планъ жизни. Но главнымъ мотивомъ было сознаніе своей неспособности. Я сознавалъ всю важность предстоящей работы, ибо послѣдствія ея должны распространиться и на послѣдующія поколѣнія. Я сознавалъ, что я собственно никакъ не юристъ, хотя въ молодости и слушалъ юридическія лекціи въ Дерптѣ и въ иностранныхъ университетахъ и три года былъ засѣдателемъ въ мангерихтѣ. Съ того времени я едва-ли перелистывалъ хоть одну юридическую книгу, отвлеченный отъ этого совершенно другими должностями.

Могъ-ли же я считать достаточными темныя воспоминанія моей юридической молодости, чтобы принять участіе въ законодательномъ дѣлѣ совмѣстно со многими учеными людьми и нести отвѣтственность за свои промахи, совершенные по незнанію? Невозможно! Я откровенно изложилъ генералъ-губернатору мое мнѣніе и просилъ его уволить меня отъ назначенія въ ревизіонную коммисію. Онъ отвѣтилъ, что о назначеніи меня донесено уже въ Петербургъ и что теперь ничего нельзя подѣлать. Къ нѣкоторымъ незаслуженнымъ комплиментамъ онъ прибавилъ мнѣ въ утѣшеніе, что впослѣдствіи я, быть можетъ, и могу получить увольненіе и что онъ мнѣ поможетъ въ томъ. Такимъ образомъ я оказался избраннымъ и долженъ былъ исполнить назначеніе, тяжесть котораго меня, какъ изложено выше, вдвойнѣ угнетала. Теперь, когда это время лежитъ за мною, я долженъ сознаться, что встрѣтилъ затрудненія несравненно большія и разнообразныя, чѣмъ тогда думалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ испыталъ, что Господь Богъ, всегда хранившій меня, и въ то время не покинулъ меня своею милостію, силою и крѣпостію.

Затѣмъ мнѣ пришло на мысль не будетъ-ли лучше взять съ собою спеціалиста, какого-либо искуснаго юриста, совмѣстно съ которымъ я могъ бы работать и который бы могъ восполнить недостатокъ моихъ знаній. Мой выборъ палъ на секретаря оберъ-ландгерихта Геппенера, но онъ отказался сопровождать меня. Тогда я обратился къ секретарю мангерихта *Паукеру*, который хотя способностями и уступалъ Геппенеру, но въ юридическихъ знаніяхъ и въ исторіи нашего права несомнѣнно превосходилъ его. Паукеръ сначала отказывался, но я уговорилъ его, и онъ согласился ѣхать со мною въ Петербургъ.

Прим. пер. Членами ревизіоннаго комитета, по избранію и назначенію Палена, были отъ дворянства: вице-президентъ лифляндскаго гофгерихта Левизъ, эстляндскій ландратъ Гринвальдъ, членъ курляндскаго оберъ-гофгерихта баронъ Клопманъ и стат. сов. фонъ Поль; отъ городовъ: рижскій первенствующій бургомистръ Тимъ, членъ ревельскаго магистрата Гонзіоръ, секретарь митавскаго магистрата Борхерсъ и докторъ правъ Паукеръ, тотъ самый о которомъ сейчасъ было сказано.

Послѣ того какъ открытіе засѣданій ревизіонной коммисіи было снова отложено, я выѣхалъ въ Петербургъ въ іюлѣ 1836 года и прибылъ туда 12 числа. На другой день я поспѣшилъ представиться моимъ будущимъ начальникамъ. Сперанскій жилъ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ, но тайнаго совѣтника Балугьянскаго я засталъ у себя, потому что онъ не только не оставлялъ дома, гдѣ жилъ, но и вообще не покидалъ комнаты. Я нашелъ преклонныхъ лѣтъ старика, лѣтъ 70, съ внушительною головою, густо покрытою сѣдыми волосами. Онъ былъ чрезвычайно крѣпокъ на ухо и большую часть дня прово-

дилъ въ шлафрокѣ, рѣдко совершенно прикрывавшемъ его, сидя въ креслѣ у стола, заваленнаго въ страшномъ безпорядкѣ книгами, газетами и бумагами; въ этомъ креслѣ онъ или читалъ, или разговаривалъ со своими чиновниками, или даже и спалъ. Вставъ утромъ въ 5 часовъ, онъ обыкновенно дремалъ на этомъ стулѣ съ 11 до 3, а послѣ обѣда съ 6 до 9 часовъ, и потомъ бодро работалъ до глубокой полуночи, такъ что собственно на ночное успокоеніе ему оставалось малое очень время. Балугьянскій былъ родомъ венгерецъ[1]), молодымъ человѣкомъ онъ прибылъ въ Россію и состоялъ частнымъ учителемъ нашего императора Николая. Послѣ онъ былъ профессоромъ въ петербургскомъ университетѣ, служилъ нѣкоторое время въ министерствѣ финансовъ и былъ, наконецъ, назначенъ директоромъ 2-го отдѣленія. Онъ обладалъ массою разнообразнѣйшихъ свѣдѣній, понималъ почти всѣ европейскіе языки, но хорошо не говорилъ ни на одномъ, за исключеніемъ, быть можетъ, венгерскаго. Въ особенности онъ любилъ латинскій языкъ и всѣ замѣтки и все, предназначавшееся лично для себя, онъ писалъ по латыни. Его ученость нерѣдко приводила насъ въ изумленіе. Незначительный поводъ, какой-либо мимолетный вопросъ для него, вообще любившаго учить, были достаточны, чтобы вызвать экспромтную лекцію, въ которой онъ развивалъ обширныя знанія и поучалъ насъ своими интереснѣйшими сообщеніями. Помню, напримѣръ, одну изъ его весьма ученыхъ бесѣдъ о понятіи римскаго status, когда въ одномъ изъ нашихъ засѣданій намъ пришлось опредѣлить понятіе о сословіи. Его характеръ былъ вообще достоинъ почтенія, онъ былъ совершеннымъ консерваторомъ, ревностнымъ приверженцемъ императора и врагомъ французовъ даже до смѣшнаго. Въ его консервативномъ настроеніи мы нашли хорошую поруку въ сохраненіи нашего права, такъ какъ онъ вообще былъ приверженцемъ германскаго права и строя. Въ его внѣшности заключалось нѣчто неуклюжее и неотесанное, а страстная натура вовлекала его въ нѣкоторыя непослѣдовательности. На него также дѣйствовали его жена и восьмеро дочерей, которыя, конечно, не всѣ могли быть хорошо пристроены и дѣйствовали столь вредно, что долговременнымъ сохраненіемъ своего положенія онъ обязанъ единственно личнымъ отношеніямъ, въ которыхъ онъ прежде находился къ императору Въ послѣднее время онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлался неспособнымъ къ усидчивой и серьезной работѣ. всѣ многочисленныя знанія, повидимому, спутались въ его головѣ до такой степени, что его не безъ основаній стали называть опрокинутою библіотекою. Мы впослѣдствіи очень подружились съ нимъ и я всегда былъ къ нему приверженъ. Этого едва-ли можно

[1]) Это не такъ: Балугьянскій былъ родомъ карпато-руссъ. Онъ былъ профессоромъ политическихъ наукъ въ варадской академіи, въ Венгріи, и былъ вызванъ въ Россію вмѣстѣ съ Кукольникомъ, Лоди и Стойковичемъ. Прим. пер.

было ожидать по первой нашей встрѣчѣ. Его наружная неуклюжесть не внушала мнѣ ничего особеннаго; мы говорили о значеніи и употребленіи римскаго права какъ вспомогательнаго средства; бесѣда длилась три съ половиною часа и ни въ какомъ случаѣ не дала удовлетворительнаго результата. Прежде чѣмъ я простился съ нимъ, онъ спросилъ женатъ-ли я, имѣю-ли дѣтей, такъ какъ мнѣ не придется видѣться съ ними мѣсяца три. «Я приготовился къ разлукѣ на три года» былъ отвѣтъ съ моей стороны. Старикъ неблагосклонно взглянулъ на меня. Когда кончилась наша ревизія, въ самомъ дѣлѣ продолжавшаяся три года, я напомнилъ ему объ этомъ разговорѣ; онъ, добродушно смѣясь, извинялъ себя тѣмъ, что во всю свою жизнь былъ плохимъ пророкомъ.

16 іюля я имѣлъ честь представляться Сперанскому, который прибылъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно предупредительно, но не показалъ и виду, что уже разъ и не очень давно встрѣчался со мною. До самой смерти Сперанскаго, я часто бывалъ въ его домѣ, лучше сказать, въ домѣ его дочери. Онъ пригласилъ меня, при первомъ же представленіи, бывать у него. У него, кромѣ единственной, нѣжно любимой дочери, дѣтей никого не было. Она въ 1811 г послѣдовала за нимъ въ ссылку и никогда не покидала его. Весьма счастливо одаренная отъ природы, она получила превосходное образованіе и была уже взрослою дѣвушкою, когда Сперанскій былъ вызванъ изъ Сибири. Онъ сталъ въ милости у государя, его знанія и опытъ снова выдвинули его впередъ и онъ снова пріобрѣлъ положеніе въ обществѣ. Однако ему недоставало аристократической крови. Этотъ единственный недостатокъ могло устранить лишь знатное замужество его дочери. Такъ и произошло. Сперанскій былъ весьма близокъ къ князю Кочубею, тогдашнему предсѣдателю государственнаго совѣта, и его дочь вышла за мужъ за родственника семейства Кочубеевъ, извѣстнаго Фролова-Багрѣева. Къ сожалѣнію, преимущества такого родства были связаны и со многими невыгодами. Сперанскій занималъ квартиру, соединявшуюся съ квартирою его дѣтей; ихъ домашнее хозяйство было общее и если когда г-жа Багрѣева кого принимала или приглашала къ столу, то у нея всегда можно было видѣть и старика Сперанскаго.

Характеризовать этого замѣчательнаго человѣка не легко: я никогда не встрѣчалъ болѣе размѣреннаго и замкнутаго въ себѣ характера. Онъ рѣдко когда высказывалъ свои взгляды, вообще избѣгалъ говорить о политикѣ или говорилъ только о серьезныхъ вещахъ, но изъ физіономіи его нельзя было прочесть его сокровеннаго мнѣнія. Вслучаѣ уже совершенной необходимости высказать свое мнѣніе, онъ довольствовался словами «fort bien» — Эти слова, однакожъ, нельзя было принимать за одобреніе, ибо случалось, какъ въ томъ я убѣ-

дился опытомъ, что они значили ничего больше какъ то, что онъ слышалъ, о чемъ была рѣчь.

Его считали противникомъ нашихъ учрежденій и побаивались, что они были ввѣрены его разсмотрѣнію. Я не раздѣляю такого мнѣнія. Онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ говорилъ лишь о сохраненіи того, что дѣйствительно составляетъ наше право, и никогда въ моемъ присутствіи онъ ни слова не проронилъ такого, изъ котораго бы можно было заключить что либо о его видахъ. Ко времени его смерти дѣла, конечно, находились довольно въ хаотическомъ положеніи, и еще не наступило момента, когда отъ него настоятельно потребовалось бы рѣшенія.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, я уже засталъ тамъ своихъ будущихъ товарищей. То были:

Депутатъ отъ лифляндскаго дворянства, вицепредсѣдатель лифляндскаго гофгерихта *Левизъ*, тотъ самый, который, будучи молодымъ человѣкомъ, твердостью своего характера скоро обратилъ на себя вниманіе своихъ собратій и прежде выслуги былъ избранъ вице-предсѣдателемъ. Онъ былъ столь усерденъ, точенъ и способенъ, что лифляндцы могли бы поздравить себя съ особеннымъ счастіемъ, когда пришлось передать ихъ дѣла въ его руки. Впослѣдствіи я съ прискорбіемъ узналъ, что онъ не нашелъ заслуженной признательности. Я имѣлъ съ нимъ весьма частыя сношенія и былъ такъ близокъ съ нимъ, что, конечно, могъ изучить его и дать о немъ приговоръ.

Депутатъ отъ курляндскаго дворянства былъ ландмаршалъ баронъ *Клопманъ*, свѣтлая голова, исполненная юридическихъ знаній. Сперанскій зналъ его съ хорошей стороны еще прежде и потому далъ понять генералъ-губернатору, что его именно, по преимуществу, онъ желалъ бы видѣть въ составѣ ревизіонной коммисіи. Генералъ-губернаторъ вмѣсто того, чтобы не назначать никого другаго, на что онъ былъ даже и уполномоченъ, предложилъ, однако, курлянцамъ избрать кандидатовъ, давъ также понять съ своей стороны, что Клопманъ могъ бы находиться между ними. Курляндцы обидѣлись такимъ указаніемъ, не представили ни одного кандидата, и Клопманъ былъ назначенъ въ ревизіонную коммисію безъ согласія своего дворянства, а это обстоятельство во все продолженіе ревизіи ставило Клопмана въ непріятное положеніе.

Депутатъ эзельскаго дворянства статскій совѣтникъ *Поль*, въ то время начальникъ отдѣленія департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, впослѣдствіи произведенный въ дѣйств. ст. сов. и назначенный директоромъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, прекрасный и благочестивый человѣкъ, съ которымъ я давно уже былъ друженъ. Не получивъ ученаго юридическаго образованія, онъ хорошо зналъ русское управленіе и русское право, а эти знанія были для насъ тѣмъ полезнѣе, что у насъ ихъ вовсе не было.

Депутатъ города Риги бургомистръ *Тиммъ*, человѣкъ превосходно и многосторонне образованный. Онъ былъ не только ученымъ романистомъ, но и философомъ, знатокомъ беллетристики, изящныхъ искуствъ и новѣйшихъ языковъ. Его характеръ былъ пріятный, а обхожденіе обнаруживало благовоспитанность. Его образъ мыслей былъ часто загадоченъ и такимъ остался. Иногда онъ говорилъ о русскомъ правѣ и выражалъ желаніе повсемѣстнаго его примѣненія, иногда безусловно опровергалъ такое желаніе и становился на сторону лишь римскаго права, иногда упорно отстаивалъ свое рижское городское право — строгой послѣдовательности у него не было. Онъ писалъ длинные трактаты объ отдѣльныхъ частяхъ права, теоремы и разсужденія, которыя никакъ не ладили между собою; иногда онъ читалъ ихъ, иногда не читалъ, довольствуясь приложеніемъ ихъ къ дѣлу О совмѣстной работѣ съ дворянскими депутатами нечего было и думать. онъ неохотно работалъ съ ними, занимался по большей части дома; у него были и знакомства, и нѣкоторыя связи, но вообще онъ былъ не очень-то полезнымъ членомъ нашей ревизіонной коммисіи.

Депутатъ отъ Ревеля ратсгеръ *Гонзіоръ*, и тѣломъ и духомъ болѣзненный человѣкъ. Хотя его юридическія и историческія свѣдѣнія, равно и горячая любовь къ городскому округу Ревеля, соотвѣтствовали его призванію въ коммисіи, тѣмъ не менѣе онъ не могъ ни съ кѣмъ не придти къ соглашенію, ни ужиться. Онъ все еще жилъ въ XVI столѣтіи: Ревель, городъ, за исключеніемъ Вышгорода (Dom), котораго онъ никакъ не хотѣлъ признавать городскою частью, былъ для него вольнымъ городомъ, случайно лишь находившимся подъ покровительствомъ россійскаго императора; онъ ненавидѣлъ дворянство подобно своимъ предкамъ за три столѣтія назадъ; видѣлъ во всемъ посягательства на права города Ревеля и просто заболѣвалъ отъ каждаго противорѣчія, отъ каждаго сужденія. Изъ его мнѣній многое приходилось отбрасывать, отсюда происходило то, что онъ мало имѣлъ здоровыхъ дней, во время пребыванія въ Петербургѣ онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не оставлялъ своей комнаты, и мѣсяцевъ за восемь до прекращенія засѣданій коммисіи уѣхалъ въ Ревель, чтобы тамъ, какъ онъ говорилъ, умереть, во что, однако же, не произошло и по сегодняшній день (писано въ 1841 году).

Депутатъ отъ курляндскихъ городовъ, митавскій городской секретарь *Борхерсъ*, вполнѣ честный человѣкъ, посильно исполнявшій свое дѣло.

Наконецъ прикомандированный со стороны министерства юстиціи дряхлый оберъ-прокуроръ, дѣйств. ст. сов. *Владиславлевъ*. Старикъ этотъ, прежде своего одряхленія, былъ въ Ригѣ переводчикомъ въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ и присланъ въ нашу коммисію потому, что будто бы понимаетъ по нѣмецки. Онъ, однакоже, коверкалъ лишь нѣсколько словъ, ничего не понималъ въ обсужденіяхъ,

и по этой причинѣ тѣмъ болѣе ненавидѣлъ за то и насъ и нашъ будущій сводъ законовъ. По его мнѣнію, мѣстный сводъ совершенно безполезное дѣло и все, что уклонялось отъ русскаго права, онъ называлъ не иначе, какъ «безпорядкомъ» Сперанскій для того привлекъ въ коммисію Владиславлева, чтобы избѣгнуть представленія будущаго свода въ министерство юстиціи, а прямо представить оный на утвержденіе въ государственный совѣтъ.

Послѣ визита всѣмъ названнымъ моимъ товарищамъ, за исключеніемъ Владиславлева, назначеннаго къ намъ позднѣе, дошла очередь и до визитовъ къ господамъ редакторамъ.

Прим. пер. Редакторами свода Гринвальдъ называетъ трехъ старшихъ чиновниковъ 2-го отдѣленія, статскихъ совѣтниковъ: Кангера, Цеймерна и Келера, которые подъ руководствомъ Балугьянскаго, на основаніи работы Самсона, составили вторую редакцію свода мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній. Когда Келеръ заболѣлъ, то часть его работа была исполнена старшимъ помощникомъ барономъ Раденомъ.

То были петербургскіе нѣмцы, воспитанные въ Царскомъ Селѣ, и всѣ трое были статскими совѣтниками, весьма украшенные орденами, хотя каждому было не болѣе 30 лѣтъ отъ роду Быть можетъ они получили нѣсколько лучшее школьное образованіе, чѣмъ многіе другіе, и потому были годнѣе къ дѣлу, чѣмъ другіе. Сперанскій ихъ быстро выдвигалъ впередъ. Я сейчасъ разскажу, каковы были ихъ работы, но удивительно, какъ при ихъ образованіи, они хоть что нибудь да сдѣлали. Х. былъ способнѣе другихъ, онъ съ теченіемъ времени дѣйствительно не переставалъ учиться и былъ пригоденъ къ дѣлу По своему характеру, онъ былъ самый непріятный человѣкъ. Онъ черезъ чуръ былъ чувствителенъ къ замѣчаніямъ ревизоровъ, оспоривалъ безъ всякихъ основаній свое мнѣніе, въ первое время все хотѣлъ ввести въ нашъ сводъ русское право вмѣсто нашего, не слушалъ даже замѣчанія президента, дѣлая при этомъ такую гнѣвную физіономію, какую я не ожидалъ.

У безспорно обладалъ большими знаніями и именно въ литературѣ. Но онъ никакъ не могъ разобраться въ своей работѣ. Въ противоположность Х., онъ ничего не оспаривалъ въ своихъ положеніяхъ, исправлялъ все, что отъ него требовали, но не исполнялъ поправокъ, не смотря на свое обѣщаніе, если не настаивали сдѣлать сей часъ-же. Короче, онъ принималъ все безъ всякой критики, но при этомъ завидовалъ Х., если что либо проходило изъ его работы, тогда онъ спорилъ съ нами и кончилъ наконецъ тѣмъ, что перессорился со всѣми, какъ это я разскажу послѣ.

Третій, Z., былъ красивый молодой человѣкъ съ розовыми щеками и бѣлокурыми волосами, которому очень шелъ Владиміръ 3-й

степени. Но это и все. Это былъ человѣкъ совершенно неспособный. Таковы были люди., которые должны были составить сводъ мѣстныхъ узаконеній, въ руки которыхъ было сдано все состояніе права дорогаго отечества до отдаленнѣйшаго времени. Ужасно!

Они облегчили бы себѣ свою задачу, если бы въ основу ея положили работу Самсона. Замѣчанія губернскихъ комитетовъ, снова разработанныя Самсономъ, были уже готовы. Какъ бы легка была наша работа. Всѣ замѣчанія служили бы намъ руководящею нитью; мы могли полагаться на ихъ основательность и губерніи были бы довольны, если бы мы провели то, чего они сами желали.

Но дѣло вышло не такъ. Мнѣ неизвѣстно, кто первый заподозрилъ качество работы Самсона, но Сперанскій выразился, а Балугьянскій и всѣ редакторы повторили, что она не годится, что ее не слѣдуетъ ставить въ основу ревизіи, но что названные редакторы должны предложить намъ свою самостоятельную работу, въ которой строго должна была сохраниться система общаго свода. Мы глубоко опечалились — сводъ грозилъ поглотить насъ, во всякомъ случаѣ наше положеніе отягчалось уже тѣмъ, что мы должны были терять извѣстную почву

14 іюля намъ прислали первые листы новой редакціи и мы теперь лично взглянули на дѣло. То было судоустройство, редактированное Х. и напечатанное на нѣмецкомъ языкѣ съ полями, на которыхъ мы могли бы дѣлать свои замѣтки. Весь проектъ печатался тетрадями и передавался намъ. Вотъ для обращика одинъ отрывокъ сначала

Провинціальное право остзейскихъ губерній.

Объ учрежденіи властей и мѣстъ государственнаго и губернскаго управленія.

Первая часть.

Объ основныхъ законахъ и учрежденіяхъ государственнаго управленія.

§ 1. Основные государственные законы и законы объ учрежденіи государственныхъ управленій распространяются и на Остзейскія губерніи.

Часть 1. Основные государственные законы и учрежденіе государственныхъ управленій.

Вторая часть

Объ учрежденіи губернскихъ управленій.

Первая глава.

Главное раздѣленіе губернскихъ управленій и ихъ кругъ дѣятельности вообще.

Первый раздѣлъ.

Общее раздѣленіе Остзейскихъ губерній по отношенію ихъ управленій.

§ 2. Остзейскія губерніи, имѣющія свое особое судоустройство, суть.

1-я Лифляндія.

2-я Эстляндія.

3-я Курляндія.

§ 3. Каждая губернія состоитъ, на основаніи общаго закона, изъ уѣздовъ и городовъ.

Часть 13 общаго свода ст. 4, 7, 10

§ 4. Каждый уѣздъ состоитъ изъ кирхшпилей.

§ 5. Островъ Эзель принадлежитъ къ лифляндской губерніи.

Примѣчаніе. Хотя городъ Нарва и не принадлежитъ къ Остзейскимъ губерніямъ, а причисленъ къ петербургской, но нарвскій магистратъ сохраняетъ свои прежнія права, имѣющія сходство съ правами остзейскихъ городовъ, потому устройство нарвскаго магистрата изложено также въ 4-й книгѣ объ учрежденіи властей и мѣстъ городскихъ управленій въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Но довольно!

Во второмъ раздѣлѣ шли безконечные отдѣлы и подъотдѣлы о присутствіяхъ, ихъ кругѣ дѣйствій и предметахъ вѣдѣнія. Приведеннаго выше достаточно для показанія, что о нашей исторіи права (какъ и политической) или никто не зналъ, или знать не хотѣлъ, что лишь общій сводъ служилъ единственною цитатою, а всѣ наши источники права, привиллегіи, капитуляціи приводились только тогда, когда то было угодно г Х. Подобная тенденція проводилась чрезъ всю книгу, а въ § 252 было сказано: «При сужденіи и рѣшеніи дѣлъ, присутствія должны руководствоваться сводомъ мѣстныхъ узаконеній и всѣми общими законами, въ коихъ не сказано, что они не распространяются на остзейскія губерніи.

Этому ново-изобрѣтенному параграфу, котораго нельзя было подкрѣпить никакою ссылкою, противорѣчитъ даже русскій законъ (ст. 79, т I свода), въ коемъ предписано исполнять всѣ привиллегіи до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ отмѣнены.

Этимъ можно объяснить себѣ наше настроеніе и поспѣшность, съ какою предводитель дворянства Паткуль прибылъ въ Петербургъ, чтобы совмѣстно съ представителями двухъ другихъ губерній принять соотвѣтствующія мѣры противъ столь угрожающей напасти.

Между тѣмъ мы получили приглашеніе на открытіе засѣданій, назначенное на 23-е іюля. Засѣданія открывались во 2-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи въ томъ самомъ помѣщеніи, въ которомъ мы впослѣдствіи засѣдали цѣлые три года и о которомъ я сейчасъ скажу подробнѣе. То было казенное зданіе на Литейной, почти прямо противъ Симеоновскаго переулка; комната для засѣданій имѣла великолѣпный паркетъ, и была украшена зеркалами,

бронзою, часами, портретомъ императора работы Кригера и мебелью краснаго дерева, да и все помѣщеніе канцеляріи вообще представляло собою по истинѣ дворцовую анфиладу залъ. Здѣсь-то вотъ собрались тайные совѣтники Сперанскій и Балугьянскій, всѣ депутаты отъ прибалтійскихъ губерній и городовъ, трое редакторовъ и еще двое молодыхъ людей, которые сначала были лишь причислены къ канцеляріи, а впослѣдствіи играли роль въ этой исторіи, баронъ *Раденъ*, курляндецъ, и графъ *Сиверсъ*, сынъ сенатора и владѣльца замка Венденъ. Когда мы заняли мѣста по порядку губерній, засѣданіе открылось прочтеніемъ историческаго обзора законодательства Россіи, сперва на русскомъ языкѣ и потомъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Этотъ обзоръ, составленный самимъ Сперанскимъ, заключалъ въ извлеченіи все, о чемъ я разсказалъ въ началѣ, и былъ на столько интересенъ, что я желалъ-бы охотно имѣть его. Между прочимъ въ этомъ обзорѣ было сказано, что пять законодательныхъ коммисій разошлись, не исполнивъ дѣла, наше же теперешнее собраніе мотивировалось главнѣйшимъ образомъ просьбою, поданною вскорѣ послѣ подчиненія Лифляндіи россійскому скипетру, о приведеніи мѣстныхъ законовъ въ лучшій порядокъ. Въ заключеніе была изложена наша инструкція и сказано, чтобы мы не безпокоились о системѣ новой киниги, а лишь обратили вниманіе на правильность предложеннаго намъ проекта и его полноту, точь въ точь какъ то рекомендовалось губернскимъ комитетамъ. Но тутъ же присовокуплялось, что наша ревизія не должна быть считаема окончательною работою, и что Сперанскій сохраняетъ за собою право наложить на нее послѣднюю руку

Вообще мы были довольны нашимъ вступительнымъ засѣданіемъ и не имѣли причинъ предаваться какимъ-либо опасеніямъ, такъ что я могъ написать Паткулю, что ему въ настоящее время не за чѣмъ ѣхать, что мы начнемъ ревизію и выждемъ слѣдствій нашей дѣятельности. Уже при открытіи засѣданій нами были сдѣланы нѣкоторыя заявленія о представленномъ проектѣ. Къ нашему немалому удовлетворенію, самъ Сперанскій согласился со справедливостью нѣкоторыхъ нашихъ замѣчаній, призналъ ихъ весьма подходящими и высказалъ частнымъ образомъ свое мнѣніе (это намъ передали редакторы), что вмѣсто ссылокъ на сводъ лучше бы приводить подлежащія мѣста буквально, о чемъ мы и могли бы придти въ соглашеніе съ редакторами. Подобное выраженіе мнѣнія не только успокоивало насъ, но и благотворно подѣйствовало на редакторовъ, которые начали обнаруживать кротость и заявили намъ свою готовность принимать наши замѣчанія до засѣданій, дабы вовсе не подвергать обсужденію такихъ замѣчаній, въ справедливости которыхъ они убѣдятся.

При такихъ-то предзнаменованіяхъ мы отправились 3 августа на первое уже настоящее засѣданіе. Теперь началъ рѣчь тайный совѣтникъ Балугьянскій и на сколько это было важно, мы достаточно

убѣдились въ слѣдующіе годы. Онъ началъ съ общей картины русскаго законодательства, перешелъ затѣмъ къ своей любимой темѣ о составленіи свода, который онъ считалъ своимъ дѣтищемъ по преимуществу, и самымъ подробнымъ образомъ изложилъ содержаніе 15 томовъ со всѣми подтомами, какъ онъ называлъ отдѣлы. Какъ часто впослѣдствіи онъ показывалъ намъ это дѣтище съ его 15-ю членами и 4-мя дополненіями! Это дѣтище въ его сѣромъ одѣяніи съ желтокожанной спинкой постоянно лежало предъ нашими глазами на столѣ, за которымъ происходили засѣданія. Не думаю, чтобы кто изъ насъ имѣлъ особенную охоту ближе познакомиться съ этимъ дѣтищемъ. У каждаго изъ насъ было свое любимое дѣтище и мы боялись, чтобы наше дѣтище не переняло дурныхъ привычекъ отъ названнаго. Послѣ того Балугьянскій перешелъ къ нашему мѣстному законодательству, частію повторилъ сказанное Сперанскимъ и въ заключеніе изложилъ, что нашъ сводъ долженъ состоять изъ пяти частей: судопроизводство, законы о состояніяхъ, частное право, гражданскій и уголовный процессъ, что слѣдовало бы къ этому по возможности присоединить и шестую часть. крестьянскія положенія. Первая часть была готова, съ разсмотрѣнія ея мы и должны начать свои работы.

Авторъ этой части прочиталъ теперь нѣсколько страницъ и мы должны были излагать свои мнѣнія каждый по одиночкѣ по порядку губерній и городовъ. Первымъ ораторомъ былъ Левизъ (лифл. депутатъ), но другимъ невозможно было молчать, когда онъ излагалъ мысли тѣ самыя, какія и у другихъ были и которыя могли бы быть лучше и сильнѣе доказаны, чѣмъ то дѣлалъ онъ. Проектъ разбирали слово за словомъ, иначе нельзя было, за тѣмъ разобрали всю тенденцію его и всюду указали ложныя основанія, неправильность, недоразумѣнія, пробѣлы и, не высказывая прямо, ясно дали понять, что вся представленная намъ работа есть ничто иное какъ печальное кропанье.

Этого не ожидали; господа законодатели воображали себѣ, что ревизія есть самое легкое дѣло, которое къ общему удовольствію кончится наипозднѣе что къ Рождеству Но тутъ автору пришлось защищать свою работу Онъ и началъ защиту съ постоянно увеличивавшеюся досадою, но ничего изъ этого не вышло: время засѣданія истекло и мы постановили собираться два раза въ недѣлю, съ 12 до 4 часовъ.

Въ слѣдующее за тѣмъ и во многія другія слѣдовавшія засѣданія дѣло шло не только не лучше, но еще хуже по мѣрѣ того, какъ мы больше и больше расходились съ редакторами. Какъ только Левизъ кончалъ свою рѣчь, я начиналъ свою, за мною слѣдовалъ Клопманъ и такъ далѣе; каждый начиналъ сначала и дѣлалъ новыя замѣчанія, упущенныя его предшественниками. Ратсгеръ Гонзіоръ хотѣлъ совершенно другаго свода, формальнаго введенія, подлежащихъ

опредѣленій, развитія понятій. Редакторъ и знать ничего не хотѣлъ, не склонялся ни на что и когда ему не хватало уже доказательствъ, онъ ссылался на данныя инструкціи, виды и приказанія Сперанскаго. Мы спорили съ возрастающимъ недовѣріемъ, съ большею и большею неуступчивостію, часто, конечно, изъ за какого либо слова, какъ то обыкновенно бываетъ при разъ возникшихъ разнорѣчіяхъ. Самымъ спокойнымъ оставался нашъ президентъ, потому что онъ не слышалъ, о чемъ идетъ рѣчь. Когда же, по его желанію, ему излагали, по возможности громкимъ голосомъ, наши различныя мнѣнія, то онъ не приводилъ насъ къ соглашенію, ибо, не дослышавъ, начиналъ говорить совершенно о другомъ, о чемъ у насъ и рѣчи не было, или же останавливался на побочныхъ вещахъ столь долго, что забывалъ о главномъ, или же до того запутывался въ противорѣчіяхъ, что никакого рѣшенія, какое онъ могъ бы дать, не давалъ и дорогое время уходило. Прервать рѣчь нашего президента даже замѣчаніемъ, что онъ не такъ понялъ спорный пунктъ, — нельзя было, ибо такой перерывъ онъ считалъ непозволительнымъ посягательствомъ на права предсѣдателя и принималъ его крайне неодобрительно. Не смотря однако же на глухоту, онъ кое-что слышалъ, именно ссылку редактора на Сперанскаго. Онъ подумалъ, что вѣроятно редакторъ по этому дѣлу совѣщался со Сперанскимъ и не прощалъ ему этого много лѣтъ.

Въ каждомъ засѣданіи мы едва успѣвали кончить одинъ параграфъ, да и то не всегда приходили къ окончательному результату Польскій комитетъ, вслѣдствіе совершеннаго разногласія своихъ членовъ, былъ распущенъ и депутаты его были отправлены по домамъ. Мы между собою жили въ хорошемъ согласіи, но, однакоже, могли испытать такую же участь, хоть и по другимъ причинамъ. мы черезъ чуръ много теряли времени и денегъ. Каждый изъ насъ получалъ столовыхъ по 500 р. въ мѣсяцъ. Но у насъ вина въ замедленіи происходила, по крайней мѣрѣ, не отъ насъ. Мы, депутаты, устроили между собою частное совѣщаніе и постановили предъ каждымъ офиціальнымъ засѣданіемъ собираться на частное, и всѣ замѣчанія членовъ по данному параграфу соединять въ одно замѣчаніе, дабы таковое было прочтено однимъ членомъ и параграфъ могъ бы быть регулированнымъ, не прибѣгая уже къ выслушиванію отдѣльныхъ мнѣній 7 или 8 членовъ. Конечно, это можно было дѣлать лишь по тѣмъ параграфамъ, въ коихъ были одинаково заинтересованы всѣ члены, при такъ называемыхъ общихъ опредѣленіяхъ. Но если параграфъ касался одной какой либо губерніи или одного какого либо состоянія, то составлялось замѣчаніе одного подлежащаго члена, вслучаѣ если не признавалось необходимости соглашенія сословій Риги съ Лифляндіею или Ревеля съ Эстляндіею.

Такое опредѣленіе мы предъявили президенту и получили его

охотное ообреніе, — сообщили также редактору и скоро испытали хорошія послѣдствія этой мѣры. Въ тѣ дни, когда не было офиціальнаго засѣданія, мы собирались въ квартирѣ вице-президента Левиза и приглашали къ себѣ Паукера На этихъ частныхъ засѣданіяхъ мы чувствовали себя свободнѣе, чѣмъ на офиціальныхъ и обмѣнивались нашими мнѣніями безъ всякаго стѣсненія или оглядки; редакторъ убѣждался, что мы вовсе не слѣпые опоненты правительства и его чиновниковъ; онъ изучалъ наше управленіе, взаимное недовѣріе ослаблялось при ближайшемъ ознакомленіи другъ съ. другомъ, замѣчанія упрощались. они были обсуждаемы предъ офиціальными засѣданіями и лучше обдумывались. Сперанскій и Балугьянскій познакомились лично съ нѣкоторыми изъ насъ и ревизія наша съ каждою недѣлею пошла лучше и лучше. Мы начали питать надежду, что получимъ сносную книгу законовъ и начали успокоиваться. Между тѣмъ приходилось усердно работать. Кромѣ ежедневныхъ собраній по четыре часа мы должны были, конечно, работать каждый по одиночкѣ, подъискать источники, сравнить и подготовить къ сопоставленію. Я работалъ съ Паукеромъ, усердно прибѣгая для нашихъ замѣчаній къ редакціи Самсона и замѣчаніямъ губернскихъ комитетовъ, которыя служили руководящею нитью не только для насъ, но и для прочихъ нашихъ товарищей. Вообще при всей ревизіи мы работали именно этимъ путемъ. Но когда дѣло доходило до отдѣльныхъ губерній и городовъ, у насъ тогда частныхъ засѣданій не было. Дѣла такія обсуждались спеціально заинтересованными лицами совмѣстно съ редакторомъ въ частныхъ же засѣданіяхъ, въ которыхъ не заинтересованные не принимали уже никакого участія.

Ускореніе ревизіи привело насъ къ новому открытію. Весь подлежавшій ревизіи проектъ не былъ готовъ, мы должны были ждать окончанія его, да и судоустройство, которое мы должны были ревизовать прежде всего, было лишь начато. Ревизія поэтому неоднократно опережала проектъ, и однажды произошла такая продолжительная пауза что я, въ срединѣ сентября 1836 г, нашелъ возможнымъ уѣхать домой на двѣ недѣли.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы работали надъ законами о судоустройствѣ и кончили статьи о духовныхъ и свѣтскихъ присутствіяхъ. Учрежденіе городскихъ присутственныхъ мѣстъ мы пересмотрѣли лишь бѣгло. Представители городовъ, именно ратсгеръ Гонзіоръ, находили, что эти учрежденія изложены неполно и потому настаивали на совершенно новой спеціальной переработкѣ проекта. Ратсгеру Гонзіору, по поводу городскаго военнаго суда, котораго онъ былъ предсѣдателемъ, пришлось выслушать нѣкоторыя насмѣшки, что не помѣшало ему, однако, представить свои замѣчанія на 45 густо исписанныхъ листахъ. Мнѣ неизвѣстно были-ли когда пересматри-

ваемы эти замѣчанія. Намъ становилось ясно, что новая ревизія неизбѣжна.

Въ теченіе октября мы дошли до второй книги, до законовъ о состояніяхъ, составленіе коихъ было ввѣрено молодому Z. Такъ какъ дворянскія привиллегіи были лучше извѣстны тогдашнему секретарю дворянства, чѣмъ мнѣ, потому я уговорилъ его пріѣхать въ Петербургъ; мы совмѣстно съ нимъ пересмотрѣли напечатанный проектъ на сколько онъ былъ оконченъ. Намъ не нужно было много углубляться въ дѣло, чтобы убѣдиться въ недостаточности, даже въ совершенной непригодности этой работы. Но она именно и касалась важнѣйшихъ правъ. Вотъ для обращика нѣсколько отрывковъ, которые я буквально выписываю изъ Ц—каго проекта.

Перечисливъ корпораціонныя права дворянства, онъ говоритъ.

§ 27 Дворянство имѣетъ.

1. Право совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ (онъ подразумѣвалъ права ландтага; по его начертанію ландтагу принадлежало право, напримѣръ, объявленія войны или заключенія мира).

2. Право избирать и быть избираемымъ въ должности какъ по внутреннему управленію дворянства, такъ и по общему судебному и полицейскому управленію (тутъ только можно развѣ догадываться, что думалъ составитель).

3. Право взимать (собирать?) добровольные взносы и имѣть свою собственную кассу

4. Право принимать участіе въ управленіи евангелическо-лютеранскою церковію (неправильно во многихъ отношеніяхъ) и

5. Право, на основаніи § 10—16, принимать новыхъ членовъ и выключать изъ своей среды лицъ недостойныхъ.

Этимъ заключалось перечисленіе правъ и онъ затѣмъ переходилъ къ другимъ предметамъ.

Конечно все это было довольно плохо и печально, тѣмъ неменѣе наши засѣданія шли лучше, чѣмъ мы ожидали и лучше, чѣмъ шло дѣло при пересмотрѣ первой книги о судоустройствѣ. Г Z. былъ любезный и миролюбивый человѣкъ, охотно устранявшій всякіе споры Мы собственно не разбирали редакціи и, будучи хорошо подготовленными, не только не указывали ошибокъ, но давали понимать, что желали-бы новой редакціи даннаго предмета. Наши исправленія не только не распространялись на отдѣльныя выраженія, но мы сами разработывали систематически подлежащую часть каждаго отдѣла и формулировали ее, что онъ всегда принималъ съ благодарностію. Когда что-либо казалось ему черезъ-чуръ большимъ, онъ, кажется, тайно отправлялся къ Сперанскому и возвращался всегда съ обѣщаніями одобренія. Шло довольно мирно, онъ, однако же, приготовлялся

къ большому сраженію, которое и произошло, когда мы дошли до правъ на владѣнія имѣніями.

Я войду въ нѣкоторыя подробности на этотъ счетъ, чтобы лучше изобразить исторію этого сраженія со всѣми его слѣдствіями.

Хотя уже резолюціею, отъ 17 января 1651 года, королевы Христины было предписано составленіе списка дворянскихъ родовъ (Ritterbank) и мысль о привеллигированномъ туземномъ дворянствѣ давно уже существовала въ краѣ, тѣмъ не менѣе формальное составленіе такого списка (дворянской матрикулы) и включеніе въ него подлежащихъ родовъ послѣдовало лишь въ 1745 году Я полагаю, что можно-бы обойтись и безъ чрезмѣрно строгаго проведенія раздѣльной линіи.

Прим. пер. Вопросъ о составленіи дворянской матрикулы (списка дворянскихъ родовъ) возникъ при русскомъ правительствѣ въ 1728 году, когда собравшееся въ Ригѣ въ мартѣ этого года на ландтагъ лифляндское дворянство представило тогдашнему генералъ-губернатору Лесси прошеніе о составленіи матрикулы. Въ 1730 г. разрѣшено было составленіе оной, а въ 1732 году была учреждена особая коммисія для того, открывшая свои засѣданія въ Ригѣ въ 1733 году.

Эта коммисія работала 14 лѣтъ и кончила свои занятія лишя къ іюню 1747 года. По разсмотрѣніи документовъ и правъ на дворянское достоинство, коммисія распредѣлила дворянскіе роды, на классы. Къ 1 му отнесены роды, поселившіеся въ Ливоніи во время орденскаго правленія. Такихъ родовъ оказалось 52. Ко 2-му классу отнесены роды, получившіе права кореннаго дворянства (индигенатъ) при польскомъ правительствѣ. Такихъ родовъ занесено въ этотъ классъ 16. Въ 3-й классъ были включены дворянскіе роды, получившіе индигенатъ во время шведскаго владычества. Такихъ родовъ оказалось 45. Наконецъ къ 4-му классу были отнесены всѣ дворянскіе роды, числомъ 59, получившіе индигенатъ въ Лифляндіи, со времени присоединенія ея къ Россіи. Въ числѣ такихъ родовъ значились и коренные русскіе роды: Шереметевы, Головкины, Шафировы, Ягужинскіе, Головины, Бибиковы, Масловы, Трубецкіе и Румянцевы. Всѣхъ родовъ, включенныхъ въ списокъ, было 172.

Съ этихъ поръ, т. е. съ 1747 года начинаетъ обозначаться раздѣленіе лифляндскихъ дворянъ на два разряда: на вписанныхъ въ матрикулу — это собственно рыцарство — и на дворянъ не вписанныхъ въ матрикулу. Невписанныхъ дворянъ начали называть или земствомъ (Landschaft) вообще или земскими владѣльцами (Landsassen). Съ этого же времени дворянство начало принимать въ свою среду новыхъ членовъ не иначе, какъ по правиламъ, установленнымъ въ уставахъ о ландтагахъ. Раздѣленіе дворянъ на матрикулованныхъ и нематрикулованныхъ, другими словами на рыцарство и ландзассовъ. подавало нерѣдко поводъ къ пререканіямъ между ними. Такъ, напримѣръ, рыцарство ни за что не хотѣло допустить ландзассовъ къ избранію депутатовъ въ знаменитую екатерининскую коммисію о со-

ставленіи новаго уложенія. Императрица, однако же, повелѣла дозволить ландзассамъ избрать и прислать въ Москву одного своего депутата.

Съ которой стороны здѣсь можно-бы было опасаться вторженія? Изъ Германіи являлось въ страну тѣмъ меньше дворянъ, чѣмъ больше здѣсь распространялось мѣстное дворянство, можно-бы удовольствоваться числомъ предковъ и если ирибывшій чужой родъ выдержитъ такую пробу, то его можно-бы и считать мѣстнымъ. Подобнымъ образомъ мы и относились къ шведамъ. Здѣсь дворянство было даже политическимъ сословіемъ. Здѣсь дворянство не выслуживалось какъ въ Россіи со временъ Петра 14-ю классами, но формально предоставлялось королевскою прерогативою. Въ правѣ о наслѣдствахъ (рыцарское и земское право Ш, 7, 1) сказано, что, шведскій дворянинъ можетъ пріобрѣтать помѣстья точно также, какъ и мѣстный дворянинъ. Для дворянской корпораціи не предвидѣлось никакой опасности, пока существовало запрещеніе недворянамъ пріобрѣтать помѣстья, а таковое запрещеніе подтверждалось многими королевскими резолюціями. Опасность была тѣмъ меньшею, когда корпорація существовала съ правомъ исключительнаго землевладѣнія, какъ-то ясно выражено въ выноскахъ въ рыцарскомъ и земскомъ правѣ къ IV, 14. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что матрикула и право владѣнія помѣстьями были нераздѣльными правами, такъ что входить въ доказательство этого считаю сколько не нужнымъ, столько же и способнымъ увлечь меня черезъ-чуръ много въ сторону

Въ орденскія времена, какъ и во времена шведскаго правительства до формальнаго составленія матрикулы, никакой особенной опасности не было для рыцарскаго корпораціоннаго права, этимъ и объясняется долговременное непринятіе мѣры по составленію матрикулы. Но опасность возникла во время русскаго правительства. Русское дворянство состояло не только изъ бояръ, которые и должны быть разсматриваемы, по меньшей мѣрѣ, какъ лица равнаго происхожденія, но оно постоянно возростало количественно и качественно лицами, получившими дворянское достоинство за выслугу, вотъ отъ нихъ-то и возникала опасность. Въ Курляндіи дворянъ защищало дворянское знамя (гербъ); въ Лифляндіи рыцарство при посредствѣ генералъ губернатора Броуна вошло въ 1774 году въ сдѣлку съ такъ называемыми ландзассами, въ силу которой ландзассы получили право пріобрѣтать помѣстья, если таковыя не будутъ выкуплены иматрикулованнымъ дворяниномъ въ теченіе года и шести недѣль и если на то послѣдуетъ одобреніе ландтага, на который пріобрѣтатель долженъ былъ лично явиться. Въ Эстляндіи на этотъ счетъ не было никакихъ практическихъ указаній. Въ старинныхъ земельныхъ спискахъ находимъ имена, хоть и не многія, нематрикулованныхъ дворянъ, означенныхъ собственниками имѣній. Во время дѣйствія въ прибалтійскихъ губерніяхъ учрежденія о губерніяхъ (намѣстничества) съ 1782 по 1796 г и русской дворянской грамоты

1785 года, земскія привиллегіи были упразднены; вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли въ край и многія лица, недворянскаго происхожденія, получившія дворянство выслугою, и здѣсь купили имѣнія. При возстановленіи въ 1796 году прежняго дворянскаго управленія нельзя было отнять имѣній у купившихъ ихъ, наконецъ по крестьянскому положенію 1816 г крестьяне получили право пріобрѣтать земельную собственность. Это обстоятельство подало поводъ тогдашнему эстляндскому губернатору къ заявленію, что лица всѣхъ состояній могутъ покупать земли. Ландраты и рыцарство промолчали и стерпѣли подобное противозаконное нападеніе на ихъ важнѣйшее право. Тогда началось лихорадочное стремленіе къ покупкѣ имѣній; думали, что покупка имѣнія есть самый лучшій и удобнѣйшій способъ обогатиться. Кредитныя кассы облегчали пріобрѣтеніе; у кого былъ въ рукахъ хоть маленькій капиталъ или кто могъ мобилизировать свою торговлю или промыселъ, тотъ покупалъ имѣніе и оберъ-ландгерихтъ вписывалъ покупку Правда, генералъ-губернаторъ Паулучи положилъ предѣлъ такому порядку, но его запрещеніе покупать касалось только гражданъ, и вѣра въ исключительное преимущество матрикулы такъ упала, что тогдашній предводитель дворянства Розенъ не разъ вынужденъ былъ просить о сохраненіи его. Я долженъ сказать, что большая часть моихъ собратій относилась къ такому запрещенію безразлично, нѣкоторые находили запрещеніе даже вреднымъ, ибо съ уменьшеніемъ соперничества имѣнія могли-бы упасть въ цѣнѣ. Когда я былъ предводителемъ дворянства, мнѣ не малаго труда стоило возстановить старое право, и я охранялъ его во все время, пока состоялъ въ названной должности.

Мнѣ предстояло одно средство Наше дворянство еще въ 1819 году просило о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ крестьянскомъ положеніи, и именно просило о полнѣйшемъ разъясненіи § 4 положенія, коимъ крестьянамъ представляется право пріобрѣтенія земельныхъ участковъ. Эстляндское дворянство желало принять § 54 лифляндскаго крестьянскаго положенія, который опредѣлялъ, что владѣніе дворянскимъ имѣніемъ исключительно предоставляется дворянамъ. Это порядочно давно забытое прошеніе генералъ-губернаторъ провелъ въ государственный совѣтъ, который 2 августа 1829 г мнѣніемъ своимъ положилъ, что дворянскіе дворы въ Эстляндіи со всѣми присвоенными иматрикулованнымъ дворянамъ правами и преимуществами могутъ быть передаваемы въ наслѣдственное владѣніе лишь лицамъ того же самаго состоянія, т. е. иматрикулованнымъ дворянамъ. Это мнѣніе государственнаго совѣта генералъ-губернаторъ сообщилъ лифляндскому гофгерихту и эстляндскому дворянству, но не эстляндскому оберъ-ландгерихту, до котораго собственно и касалось оно. Вооруженный подобнымъ мечемъ и щитомъ, я, въ качествѣ предводителя дворянства, вошелъ съ предложеніемъ въ оберъ-ландгерихтъ, дабы онъ, на основаніи

этого совершенно яснаго законоположенія, на будущее время вписывалъ эстляндскія имѣнія лишь иматрикулованнымъ дворянамъ, отказывая въ вписываніи за лицами другихъ состояній. Я въ отвѣтъ получилъ сообщеніе, что оберъ-ландгерихтъ ничего не знаетъ о состоявшемся мнѣніи государственнаго совѣта, такъ какъ таковое не было сообщено ему къ исполненію подлежащимъ присутственнымъ мѣстамъ. Такъ дѣло и замолкло.

Совершенно незначительный случай снова, однако, вызвалъ этотъ вопросъ къ жизни. Губернаторъ Бенкендорфъ, не очень-то съ восторгомъ относившійся къ вещевому праву, прочелъ случайно названное мнѣніе государственнаго совѣта и, по своему обычаю рѣзко выражаться о вещахъ, его прямо интересовавшихъ, громко и въ присутствіи многихъ лицъ сказалъ на счетъ ясности и несомнѣнности права, предоставленнаго дворянству Это и укрѣпило меня въ намѣреніи употребить въ Петербургѣ всѣ усилія къ поддержанію правъ, которыя я считалъ основою и исходнымъ пунктомъ всего нашего дворянскаго управленія.

Слѣдуетъ прибакить, что еще въ 1834 г мы, совмѣстно съ лифляндскимъ предводителемъ дворянства Липгардтомъ, подали на высочайшее имя прошеніе, въ коемъ жаловались на вторженіе во владѣніе нашими имѣніями лицъ, неимѣвшихъ на то права, при чемъ я ссылался на сказанное мнѣніе государственнаго совѣта.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда мы прибыли въ Петербургъ.

Въ то время, какъ мы въ нашихъ засѣданіяхъ занимались судоустройствомъ, подлежащій редакторъ работалъ уже надъ законами о состояніяхъ и по временамъ представлялъ тайному совѣтнику Балугьянскому обращики своей работы. Въ сентябрѣ Балугьянскій пригласилъ къ себѣ всѣхъ членовъ дворянства, чтобы переговорить съ ними о нѣкоторыхъ возникшихъ сомнѣніяхъ. Дѣло шло о томъ, какъ слѣдуетъ называть дворянство, входящее въ составъ корпораціи, иматрикулованнымъ, какъ называютъ въ Эстляндіи и Курляндіи, или индигенатнымъ, какъ называютъ въ Курляндіи. Редакторъ, находившійся также съ нами у Балугьянскаго, прочелъ отрывокъ изъ своего проекта, чтобы посовѣтоваться, то или другое выраженіе употребить лучше, Въ отрывкѣ этомъ заключалось слѣдующее «Дворянскія имѣнія въ Курляндіи могутъ быть пріобрѣтаемы лишь индигенатнымъ (мѣстнымъ) дворянствомъ, въ Лифляндіи же и Эстляндіи государственнымъ или класснымъ дворянствомъ». Не знаю, былъ-ли выбранъ этотъ отрывокъ для прочтенія случайно или преднамѣренно для наблюденія, какой эффектъ произведетъ онъ, но только я вскочилъ со своего мѣста какъ возбужденный звѣрь изъ пещеры и сильно взволновался. «Назовутъ-ли насъ, сказалъ я, иматрикулованными или индигенатными — это безразлично: тутъ идетъ дѣло о нѣчто важнѣйшемъ. Эстляндія по

отношенію къ праву владѣнія имѣніями, сходна съ Курляндіею, но не съ Лифляндіею, которая вошла въ компромиссъ съ ландзассами еще въ 1774 году Если противники эстляндскаго дворянства желаютъ поддерживать противоположное мнѣніе, то они его никогда не докажутъ, я же могу доказать на чемъ стою. Было-бы несправедливо оставленіемъ сказаннаго отрывка въ проектѣ ставить меня въ положеніе истца и незаслуженнымъ образомъ подвергать вреду, потому я настоятельнымъ образомъ прошу объ отмѣнѣ этого отрывка». Это мнѣ обѣщали; въ печатномъ проектѣ было сказано, что право владѣнія земскими имѣніями въ Эстляндіи предоставляется лишь иматрикулованному дворянству, и этому обстоятельству, вызванному незначительнымъ происшествіемъ, я приписываю тогдашнюю удачу дѣла. Я, такъ сказать, держалъ ногу въ стремени.

Въ настоящее время я не могу съ точностію сказать, что именно вызвало движеніе въ прибалтійскихъ губерніяхъ — печатаніе-ли проекта, въ которомъ граждане во всякомъ случаѣ исключались отъ владѣнія, или по другимъ какимъ поводамъ, но только въ краѣ начали шумѣть по поводу этого проекта. Заснувшіе было процессы о владѣніи лифляндскими имѣніями Лицаусгольмомъ и Кокенбергомъ снова пробудились. нѣкто ротмистръ Іогансонъ прибылъ изъ Лифляндіи въ Петербургъ и принесъ жалобу въ сенатъ о противузаконномъ составѣ матрикулы, которая собственно есть ничто иное, какъ союзъ всѣхъ помѣщиковъ. Рижскіе ревнители зашевелились, хоть и въ тайнѣ, и послали своимъ покровителямъ въ Петербургъ представленія дѣла въ ихъ интересѣ, устроили даже сборъ денегъ, чтобы обезпечить Іогансону и другимъ агентамъ пребываніе въ столицѣ. Изъ Эстляндіи также поступила подобныя же жалоба отъ одного человѣка, принадлежащаго къ ревельскимъ патриціямъ, въ которой излагались претензіи на право владѣнія имѣніями и не знаю еще на что.

Всѣ эти жалобы, по причинѣ неясности подлежащихъ статей законовъ и по причинѣ отдаленной старины спора, были переданы на заключеніе въ наше 2-е отдѣленіе и лежали какъ чиненыя бомбы.

Взрывъ подготовлялся не только подлѣ заинтересованныхъ въ нашей коммисіи, но и вся атмосфера наполнилась горючимъ воздухомъ изъ за извращенныхъ какъ хорошихъ, такъ и злыхъ видовъ, когда въ газетахъ появился рядъ статей за и противъ исключительнаго владѣнія имѣніями и даровыми совѣтами какъ приспособиться и разрѣшить дѣло. По моему мнѣнію, не принесли эти статьи никакого хорошаго плода. Сколько помню, ни одна изъ нихъ не содержала въ себѣ безпристрастнаго обсужденія дѣла, а всѣ онѣ были чисто произведеніями партій. Каждая партія извлекала для себя пищу изъ того, что было ядомъ и возбуждало лишь большее раздраженіе. Сомнѣваюсь, чтобы они расчитывали воздѣйствовать на тѣхъ, кому приходилось обсуждать дѣло. Статьи были написаны на нѣмецкомъ языкѣ,

нелюбимомъ и мало знаемомъ вліятельными лицами въ Петербургѣ, потому эти лица едва-ли и знали про нихъ, если только не приказывали своимъ нѣмецкимъ чиновникамъ, у каждаго изъ нихъ было по меньшей мѣрѣ по одному, сдѣлать докладъ объ этихъ статьяхъ.

Двѣ главныя партіи въ названномъ отношеніи стали враждебно противъ прибалтійскихъ дворянствъ. Во первыхъ вся русская аристократія. Прибалтійскому дворянству были предоставлены всѣ права русскаго дворянства въ имперіи, именно право покупать имѣнія съ крестьянами, потому аристократы утверждали, что, на основаніи взаимности, и имъ должно быть предоставлено право покупать имѣнія въ прибалтійскомъ краѣ безъ всякихъ затрудненій, по предъявленіи доказательствъ дворянскаго званія. Что чрезъ это сущность корпораціи, которой они не имѣли и не знали, разрушится и что лишь корпоративное и замкнутое дворянство можетъ выполнить свое государственное и политическое назначеніе, объ этомъ они, конечно, не думали.

Во вторыхъ врагами явился весь чиновный міръ въ самыхъ нашихъ провинціяхъ и въ Петербургѣ, недовольный тѣмъ, что дворянство, пріобрѣтенное выслугою, не имѣетъ правъ нѣмецкаго дворянства въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Самыми горячими нашими противниками въ этой партіи были иностранцы, служившіе въ Петербургѣ.

Подходилъ декабрь мѣсяцъ 1836 года. Мы, продолжая ревизію, постепенно подходили къ спорнымъ параграфамъ. Нашъ предсѣдатель Балугъянскій заболѣлъ. Старый человѣкъ, ведшій сидячій образъ жизни, но съ чрезвычайнымъ апетитомъ употреблявшій жирныя кушанья, такъ разстроилъ свое здоровье, что сталъ на краю гроба. Въ началѣ его болѣзни нѣсколько засѣданій было отложено въ надеждѣ, что онъ поправится и снова начнетъ исправлять должность. Но какъ болѣзнь усиливалась больше и больше, потому Сперанскій принялъ на себя предсѣдательство. Для него вечернія засѣданія были удобнѣе дневныхъ и въ настоящее время эти засѣданія въ особенности остались у меня въ памяти. Рядъ обсужденій былъ открытъ рижскимъ депутатомъ, бургомистромъ Тиммомъ. Хотя онъ лично по ордену и получилъ дворянство, но какъ депутатъ города считалъ своею обязанностію защищать права бюргеровъ. Онъ возсталъ противъ выраженнаго въ проектѣ положенія объ исключительномъ предоставленіи дворянству права на владѣніе имѣніями и утверждалъ, что таковое право принадлежитъ также и рижскимъ бюргерамъ. Эту свою мысль онъ развилъ въ докладѣ, на 6-ти густо исписанныхъ листахъ, въ которомъ съ удивительною точностію и чрезвычайнымъ остроуміемъ привелъ множество историческихъ и юридическихъ справокъ. Для Сперанскаго все это было сдѣлано почти напрасно, потому что онъ мало зналъ нѣмецкій языкъ, чтобы слѣдить за этими учеными изслѣдова-

ніями, но члены коммисіи и редакторы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за докладомъ Тимма. Мелочное обстоятельство ослабило, однако эффектъ. Тиммъ написалъ свой докладъ скорописью очень мелко, при свѣчахъ ему трудно было разбирать свою рукопись, онъ безпрестанно запинался, повторялъ читанное, поправлялся съ возрастающимъ безпокойствомъ, такъ что Левизъ, которому Тиммъ прежде сообщалъ свою рукопись, предложилъ свои услуги по дальнѣйшему чтенію доклада, такъ какъ у него глаза лучше, чѣмъ у Тимма. Тиммъ передалъ ему докладъ и Левизъ началъ читать его столь хорошо и ясно и съ такимъ спокойствіемъ, будто содержаніе доклада до него и не касалось. хотя весь докладъ былъ направленъ самымъ рѣшительнымъ образомъ и во всѣхъ отношеніяхъ противъ интересовъ Левиза. Этотъ контрастъ придалъ дѣлу нѣсколько комическій оттѣнокъ.

Левизъ, по окончаніи чтенія доклада, передалъ его обратно Тимму и началъ, безъ дальнихъ оговорокъ, читать свое опроверженіе. На 12-ти листахъ онъ опровергалъ статью за статьею, слово за словомъ изложенное Тимомъ, указалъ софистическіе доводы и ложныя заключенія доклада и пришелъ въ концѣ къ полному и хорошо обоснованному изображенію лифляндскаго дворянскаго права на владѣнія имѣніями.

Въ этомъ самомъ засѣданіи ратсгеръ Гонзіоръ заявилъ себя моимъ спеціальнымъ противникомъ, сказавъ, что въ слѣдующее засѣданіе онъ представитъ докладъ по эстляндскому праву владѣнія имѣніями.

Пришелъ этотъ день и съ нимъ возвѣщенный докладъ. Прежде всего въ докладѣ излагалось положеніе, что въ Эстляндіи владѣніе земскими имѣніями не составляетъ исключительнаго права какого либо сословія или корпораціи, но подлежитъ всѣмъ, кто вообще, по своему достатку, можетъ купить имѣніе, а купивъ и долженъ пользоваться имъ со всѣми правами и преимуществами дворянина. Это положеніе онъ развилъ въ 40 пунктахъ. Каждый изъ нихъ содержалъ въ себѣ столь положительныя и непреложныя доказательства, что въ концѣ концовъ слѣдовало бы ожидать и сообразнаго имъ вывода, но, о чудо, весь выводъ выражался лишь въ слѣдующихъ трехъ желаніяхъ.

1) дабы у ревельскихъ бюргеровъ не отнимать земскихъ имѣній, которыя уже записаны за ними.

2) воспретить эстляндскимъ дворянамъ пріобрѣтеніе домовъ въ Ревелѣ, но какъ магистратъ уже записалъ много домовъ за тѣми дворянами, потому

3) по справедливости должно дозволить ревельскимъ бюргерамъ покупать земскія имѣнія.

Гонзіоръ мнѣ предварительно не сообщилъ своего доклада, какъ Тиммъ сообщилъ Левизу Докладъ его для меня былъ совершенно но-

востію. Я попросилъ дать докладъ мнѣ и попросилъ срока для отвѣка. Я работалъ восемь дней съ большимъ тщаніемъ, такъ какъ мнѣ приходилось изучать дѣло сначала.

Къ назначенному сроку я былъ готовъ и возражалъ моему противнику, какъ могъ лучше. Это происходило 15 декабря, въ послѣднее засѣданіе въ этомъ году Гонзіоръ, какъ и Сперанскій, выказали по отношенію ко мнѣ особенную умѣренность. Сперанскій полагалъ, что всѣ эти доклады могутъ послужить къ лучшему уясненію и будущему рѣшенію дѣла по владѣнію имѣніями, такъ какъ рѣшеніе, за разногласіемъ мнѣній въ коммисіи, должно было предоставить государственному совѣту О внесеніи въ государственный совѣтъ законовъ о состояніи долго не разсуждали.

Чрезъ нѣсколько дней мы воспользовались отпускомъ и уѣхали домой на рождественскіе праздники...

Прим. пер. Этимъ оканчиваются записки Гринвальда. Ревизіонная коммисія продолжала свои работы въ 1837 г. и двухъ слѣдующихъ годахъ, а между тѣмъ во 2-е отдѣленіе поступило на разсмотрѣніе около 120 дѣлъ по разнороднымъ вопросамъ, касательно правъ и преимуществъ прибалтійскихъ губерній. Тутъ-то явилась необходимость составить историческій сводъ остзейскаго законодательства. Работа эта, весьма сложная и трудная, была поручена Сперанскимъ старшимъ помощникамъ начальника 2-го отдѣленія, барону Радену и графу Сиверсу, которые и занялись ею подъ руководствомъ Балугъянскаго.

Когда историческій сводъ былъ оконченъ и ревизоры кончили свои работы и подписали проектъ остзейскаго свода, во 2 омъ отдѣленіи, по высочайшему повелѣнію, былъ образованъ въ 1840 г. новый комитетъ изъ сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ и др. чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Маврина, для третьей ревизіи проекта мѣстнаго свода. Комитету было вмѣнено въ обязанность: опредѣлить нѣтъ ли въ мѣстныхъ постановленіяхъ прибалтійскихъ губерній чего либо противнаго основнымъ законамъ имперіи и общему духу нашего законодательства, а также разсмотрѣть совершенно-ли согласны сіи постановленія, какъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, такъ и въ настоящемъ ихъ изложеніи, съ существующими, утвержденными временемъ сношеніями прибалтійскаго края съ учрежденіями государственными. Комитетъ разсмотрѣлъ первыя двѣ части мѣстнаго свода (законы объ учрежденіяхъ и состояніяхъ) и призналъ, что въ нихъ не заключается ничего противнаго основнымъ законамъ имперіи и порядку сношеній края съ высшими государственными постановленіями.

Тогда было приступлено къ окончательной редакціи названныхъ двухъ частей свода съ означеніемъ подъ каждою статьею тѣхъ

законовъ (цитатъ), на которыхъ она основана. Работы по окончательной редакціи свода окончились лишь къ 1845 году. Тогда только явилась возможность представить сводъ въ государственный совѣтъ и за тѣмъ на высочайшее утвержденіе.

Приложенія.

1.

Именной высочайшій указъ, данный сенату 1 іюля 1845 года и распубликованный 20 іюля, объ изданіи первыхъ двухъ частей свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ (П. С. 3 № 19146).

По приведеніи дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ имперіи нашей законовъ въ стройный порядокъ и единство, изданіемъ общаго онымъ свода, мы нашли нужнымъ, для удобности жителей тѣхъ губерній и областей, въ коихъ имѣютъ силу нѣкоторыя особыя узаконенія, ввести ихъ, по принадлежности, въ самый составъ свода, или же сдѣлать предметомъ отдѣльныхъ, по тому жъ плану расположенныхъ, собраній.

Въ исполненіе сего предположенія внесены въ общій сводъ законовъ имперіи, при новомъ онаго изданіи въ 1842 году, всѣ древнія постановленія, кои, на основаніи дарованныхъ малороссійскому краю предками нашими правъ, сохраняютъ доселѣ въ губерніяхъ черниговской и полтавской полную силу и дѣйствіе. Сія мѣра не могла быть принята въ отношеніи къ дѣйствующимъ въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, также особымъ, узаконеніямъ. Они столь многочисленны, что было бы невозможно безъ важныхъ неудобствъ помѣстить ихъ въ общемъ сводѣ законовъ имперіи. Посему, предположивъ издать оныя въ видѣ особаго свода, мы повелѣли второму отдѣленію собственной канцеляріи нашей собрать, привести въ точную извѣстность и опредѣлительность всѣ имѣющія силу въ остзейскомъ краѣ, по дарованнымъ оному предками нашими и утвержденнымъ нами правамъ, постановленія и потомъ изложить ихъ въ порядкѣ, совершенно соотвѣтствующемъ плану общаго свода законовъ имперіи, коего сіе собраніе мѣстныхъ узаконеній губерній лифляндской, эстляндской и курляндской долженствуетъ быть дополненіемъ.

По утвержденному нами предположенію, оное раздѣляется на пять главныхъ частей: въ первой заключаются особенныя учрежденія нѣкоторыхъ властей и мѣстъ губернскаго управленія; во второй —

права состояній; въ третьей — законы гражданскіе; въ четвертой — права судопроизводства гражданскаго; въ пятой — права судопроизводства уголовнаго.

Принявъ въ уваженіе, что по многосложности и разнообразности постановленій, служащихъ основаніемъ узаконеній, кои дѣйствуютъ въ губерніяхъ остзейскихъ, были нужны, при изысканіи и соображеніи ихъ, не только внимательность, но и мѣстныя свѣдѣнія и особенная предусмотрительность, мы признали за благо составленный вторымъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи нашей проектъ свода сихъ узаконеній подвергнуть тщательному пересмотру, сначала въ учрежденныхъ для того мѣстныхъ въ остзейскомъ краѣ, комитетахъ, а потомъ въ общей изъ вызванныхъ сюда отъ всѣхъ трехъ губерній онаго чиновниковъ и гражданъ, коммисіи. Единогласное ихъ заключеніе удостовѣряетъ насъ въ точности и полнотѣ внесенныхъ въ проектъ свода постановленій, до селѣ сохраняющихъ въ губерніяхъ лифляндской, эстляндской и курляндской силу и дѣйствіе. За симъ разсмотрѣніе двухъ первыхъ, совершенно уже приготовленныхъ къ изданію, частей сего проекта, въ высшихъ государственныхъ видахъ, мы поручали: во первыхъ комитету изъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ, во вторыхъ, назначенной нами изъ среды членовъ государственнаго совѣта коммисіи и общему онаго собранію, и нынѣ, сообразно съ поднесеннымъ на утвержденіе наше мнѣніемъ государственнаго совѣта, повелѣваемъ приступить къ обнародованію сихъ двухъ частей свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. о особенномъ учрежденіи нѣкоторыхъ властей и мѣстъ губернскаго въ семъ краѣ управленія и о правахъ состояній.

Правительствующій сенатъ, въ исполненіе сей воли нашей, сдѣлавъ надлежащія распоряженія для препровожденія экземпляровъ двухъ первыхъ частей свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ во всѣ присутственныя мѣста, тѣмъ же порядкомъ, который былъ наблюдаемъ при разсылкѣ экземпляровъ общаго свода законовъ имперіи, имѣетъ при томъ объявить. 1) что сіи первыя части свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ должны воспріять полную силу и дѣйствіе закона съ 1 января 1846 года; 2) что съ сего времени статьи оныхъ должны быть приводимы и примѣняемы въ дѣлахъ всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ, на томъ же основаніи, какъ дѣлаются подобныя указанія на статьи общаго свода законовъ имперіи; 3) что по прочимъ частямъ мѣстныхъ узаконеній, т. е. по законамъ гражданскимъ и по судопроизводству гражданскому и уголовному, впредь до обнародванія слѣдующихъ частей сего свода, правительственныя и судебныя мѣста и частныя лица имѣютъ, продолжая руководствоваться дѣйствующими постановленіями, ссылаться въ производствѣ дѣлъ, какъ доселѣ, на отдѣльныя положенія, указы и другія узаконенія; 4) что сему же правилу они обязаны слѣдовать и

въ дѣлахъ, касающихся крестьянъ губерній остзейскихъ; 5) что въ отношеніи къ сему своду мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, коимъ, также какъ и общимъ сводомъ законовъ имперіи, не измѣняются ни въ чемъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій и оныя только приводятся въ единообразіе и систему, порядокъ, установленный на случаи неясности самаго закона въ существѣ его, или же не остатка или неполноты въ его изложеніи, для поясненія и дополненія законовъ остается тотъ же, какой существовалъ до нынѣ.

2.

Выписка изъ всеподданнѣйшаго отчета генералъ-отъ-инфантеріи Головина 1-го по управленію прибалтійскимъ краемъ съ мая 1845 по февраль 1848 г. (см. Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ 1871 г., книга 2, стр. 99—103).

При назначеніи генерала Головина, въ 1845-мъ году, остзейскимъ генералъ-губернаторомъ, ваше императорское величество удостоили его особой секретной инструкціи, въ коей высочайше повелѣно было:

1 Сохранять ненарушимо всемилостивѣйше дарованныя остзейскому краю преимущества въ той мѣрѣ, въ какой они согласны съ общими государственными узаконеніями, и при томъ со строгимъ наблюденіемъ, дабы подъ предлогомъ дѣйствительныхъ привиллегій, не были присвоиваемы права мнимыя, съ государственными постановленіями не согласныя.

2. Заботиться объ усовершенствованіи всѣхъ частей управленія, въ особенности по вѣдомствамъ полицейскому, муниципальному и торговому

3. Оберегать выгоды, находящагося въ остзейскомъ краѣ, русскаго народонаселенія, отнюдь не допуская притѣсненія его подъ предлогомъ мѣстныхъ правъ.

4) Содѣйствовать улучшенію отношеній между помѣщиками и крестьянами, оказывая послѣднимъ неослабную защиту отъ всякихъ угнетеній.

5. Обращать особое вниманіе на живущихъ въ остзейскомъ краѣ раскольниковъ, и наблюдать, чтобы люди эти, подъ личиною религіознаго разномыслія, не позволяли себѣ отступленій отъ законовъ.

6. Принять мѣры, дабы, съ одной стороны, не было допускаемо подстрекательство къ переходу лютеранъ въ православіе, а съ другой устранено всякое противодѣйствіе сему, равно какъ притѣсненіе перешедшихъ.

Достиженіе сихъ, высочайше указанныхъ, цѣлей было предме-

томъ постоянныхъ усилій почти трехлѣтняго управленія генерала Головина остзейскимъ краемъ.

По прибытіи туда генералъ Головинъ прежде всего озаботился изученіемъ способовъ къ исполненію высочайшей воли и предстоявшихъ къ тому препятствій или затрудненій.

При этомъ въ особенности обратили на себя вниманіе генерала Головина объемъ и значеніе, придаваемые слову «привилегіи» Подъ ними, сверхъ преимуществъ, дарованныхъ остзейскому краю верховною властью, разумѣлись также разновременные и ни кѣмъ не утвержденные обычаи, постановленія ландтаговъ, магистратовъ и, наконецъ, даже губернскихъ правленій, нерѣдко въ отмѣну существующихъ законовъ, или въ подтвержденіе случайно вкравшихся привычекъ.

Число таковыхъ, если не мнимыхъ, то, по крайней мѣрѣ, сомнительныхъ, привилегій не было малозначительно и не относилось къ одному только давно прошедшему времени.

Причина размноженія сихъ самоуправныхъ актовъ заключалась въ постоянномъ стремленіи здѣшняго края, со времени завоеванія его Россіею, къ законодательной самостоятельности. Лишенные подъ польскимъ и шведскимъ владычествомъ всякихъ преимуществъ надъ господствовавшими тогда націями, и даже немало стѣсняемые въ пользу ихъ, германскіе выходцы въ остзейскомъ краѣ заботились, послѣ присоединенія его къ Россіи, преимущественно о томъ, чтобы не быть подведенными подъ общіе законы имперіи и сохранить свои древнія права отъ всякихъ перемѣнъ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ неподвижность была невозможна и измѣненіе необходимо, старались исполнить это посредствомъ мѣстныхъ властей, безъ участія высшаго правительства.

Въ слѣдствіе сего означенныя власти, по существу только судебныя, или распорядительныя, позволяли себѣ нерѣдко постановленія законодательныя, и даже въ отмѣну, или ограниченіе, силы общихъ указовъ и законовъ.

Вредъ, отъ сего проистекающій, очевиденъ, и заключался, главнымъ образомъ, въ укорененіи привычки къ административному произволу, при которой достиженіе первой цѣли высочайше указанной вашимъ императорскимъ величествомъ генералу Головину, т. е., введенія строгой законности, становилось весьма затруднительнымъ.

Недовѣрчивость и нерасположеніе ко всѣмъ преобразованіямъ, предполагаемымъ правительствомъ, составили важное затрудненіе и къ исполненію второй цѣли вашего императорскаго величества, то есть, улучшенія въ мѣстномъ управленіи, со стороны нѣмецкаго сословія, въ слѣдствіе опасенія утратить, при отмѣнѣ обветшалыхъ и вредныхъ обычаевъ и учрежденій, какія либо выгодныя преимущества.

Эти общія и постоянныя причины усилены были въ послѣднее

время, не задолго до вступленія генерала Головина, съ одной стороны, чрезмѣрнымъ пристрастіемъ ко всему германскому и сопряженнымъ съ нимъ пренебреженіемъ къ прочимъ національностямъ, развившимся въ нѣмецкихъ государствахъ, а съ другой, возобновленною, въ 1839 году, заботою правительства о распространеніи въ остзейскихъ губерніяхъ знанія русскаго языка, и подавленнымъ, въ 1842 году, но вновь возникшимъ, въ 1844-мъ году, стремленіемъ крестьянъ къ православію. Это раздражило умы высшихъ сословій, въ слѣдствіе чего они стали еще враждебнѣе прежняго ко всему не нѣмецкому

Замѣщеніе коронныхъ должностей мѣстными уроженцами не позволяло начальнику края расчитывать на полное содѣйствіе чиновниковъ управленія, преимущественно бывшихъ изъ тѣхъ же дворянъ, въ рукахъ коихъ находились уже, по праву, судъ, земская полиція и значительная часть хозяйственнаго губернскаго управленія.

Особыя обстоятельства, дѣлавшія неотлогательное исполненіе высочайшей инструкціи необходимымъ

1. Умноженіе въ краѣ русскаго народонаселенія дѣлало безпрерывно необходимѣе допущеніе въ управленіе лицъ, знающихъ русскій языкъ, а также и введеніе въ полную силу общихъ законовъ имперіи въ тѣхъ случаяхъ, когда не было опредѣлительныхъ мѣстныхъ узаконеній.

2. Невыгодность условій, на которыхъ дарована была крестьянамъ личная свобода, и недостаточность предположенныхъ въ послѣднее время измѣненій въ нихъ, были поводомъ къ возрастающему ропоту и тревожнымъ ожиданіямъ крестьянъ. Обветшалость муниципальнаго и ремесленнаго устройствъ городовъ, а также недостатокъ контроля надъ управленіемъ ихъ, привели хозяйство многихъ къ совершенному разстройству, а податныя городскія сословія къ несостоятельности.

3. Недостатокъ нравственнаго стѣсненія раскола общественнымъ мнѣніемъ, какъ въ странахъ православныхъ, и даже покровительство ему протестантовъ, способствовало къ распространенію раскольниковъ и присвоенію имъ такихъ преимуществъ, коими они не пользовались въ прочихъ частяхъ имперіи.

4. Засореніе портовъ и стѣснительные сборы съ кораблей грозили уничтоженіемъ внѣшней торговли.

5. Наконецъ неурожай, падежъ скота, эпидеміи, начали изнурять край. Таково было положеніе его въ маѣ 1845 г., при вступленіи въ него генерала Головина.

Мѣры, принятыя къ исполненію инструкціи.

Обнародованіе, въ іюлѣ 1845 года, свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. Значеніе сей мѣры изображено генераломъ

Головинымъ въ рапортѣ отъ 31 октября, 1847 г.. 1) Она опредѣляетъ настоящій смыслъ и объемъ привиллегій, чѣмъ даетъ возможность повѣрять законность дѣйствій административныхъ и сословныхъ учрежденій въ краѣ. 2) Прекращаетъ обычное и противозаконное присвоеніе губернскими властями законодательныхъ правъ. 3) Русскій текстъ свода, какъ подлинный и обязательный, обезпечиваетъ постоянныя, съ Петра Великаго, старанія правительства о распространеніи между нѣмецкимъ народонаселеніемъ знанія русскаго языка. 4) Вводитъ въ общую систему законодательства имперіи край, при сохраненіи мѣстныхъ правъ и преимуществъ его. Для всего сего требуется: а) точное соблюденіе свода; б) скорѣйшее изданіе остальныхъ частей его, и в) наблюденіе, согласно съ манифестомъ 1-го іюля 1845 года, чтобы по всѣмъ частямъ, о которыхъ не предположено изданіе особыхъ мѣстныхъ узаконеній, неизмѣннымъ руководствомъ служили постановленія общаго свода имперіи.

Рижское городское начальство, толкуя неправильно 5-й пункъ манифеста 1-го іюля 1845 г , что «мѣстнымъ сводомъ, какъ и общимъ сводомъ имперіи, не измѣняется ни въ чемъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій, а оныя только приводятся въ единообразіе и систему», усиливалось придать мѣстному своду значеніе сборника, не безусловно обязательнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ противорѣчитъ существующему порядку, или укоренившимся обычаямъ и постановленіямъ мѣстныхъ властей. Подобное толкованіе встрѣчено было и въ отзывахъ другихъ присутствій. Генералъ Головинъ, находя его противнымъ прямой цѣли мѣстнаго свода служить замѣною прежнихъ привиллегій, представилъ правительствующему сенату, съ просьбою, подтвердить указомъ 1) Всѣ статьи мѣстнаго свода губерній остзейскихъ имѣютъ безусловно обязательную силу закона. 2) Во всѣхъ случаяхъ, не вошедшихъ въ составъ означеннаго свода, дѣйствуютъ, согласно съ 2 ст. 1-й части его, одни общіе законы имперіи. 3) По сему во всѣхъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ (кромѣ 3-го и 4-го пункта манифеста 1-го іюля 1845 г.) должны быть, согласно 2-му пунку того же манифеста, дѣлаемы ссылки только на статьи общаго и мѣстнаго сводовъ, съ устраненіемъ всѣхъ предшествовавшихъ постановленій. 4) Если же отъ того послѣдуетъ какое либо нарушеніе правъ, то предоставляется подлежащимъ сословіямъ и присутственнымъ мѣстамъ просить объ измѣненіи означенныхъ статей установленнымъ въ законѣ порядкомъ, съ обязанностью, до рѣшенія по сему предмету высшаго правительства, руководствоваться точнымъ смысломъ законовъ.

Представленіе это утверждено указомъ сената 27-го января 1848 г., а утвержденнымъ 2-го декабря 1847 года, журналомъ комитета гг министровъ, всѣ дѣла объ отступленіяхъ отъ мѣстнаго

свода повелѣно разсматривать въ сенатѣ, министерствахъ и главныхъ управленіяхъ безъ очереди, подвергая виновныхъ взысканіямъ по уложенію о наказаніяхъ.

3.

Сенатскій указъ отъ 27 января 1848 г. о подтвержденіи всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ остзейскихъ губерній о точномъ исполненіи именнаго указа 1 іюля 1845 г. (П. С. З. № 21946).

Правительствующій сенатъ слушали дѣло по рапорту бывшаго рижскаго военнаго, лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго генералъ-губернатора о неточномъ исполненіи нѣкоторыми присутственными мѣстами остзейскихъ губ. именнаго указа отъ 1 іюля 1845 г (19146). Приказали: По соображеніи всѣхъ заключающихся въ донесеніи бывшаго генералъ-губернатора обстоятельствъ съ закономъ и именнымъ указомъ 1 іюля 1845 г., правительствующій сенатъ находитъ 1) Что правительственныя и судебныя мѣста и частныя лица остзейскихъ губерній должны въ отношеніи указанія и примѣненія законовъ руководствоваться 1, 2 и 3 пунктами помянутаго указа, а именно во всѣхъ случаяхъ относящихся къ особенному учрежденію нѣкоторыхъ властей и мѣстъ губернскаго управленія и къ правамъ состояній, приводить и примѣнять статьи обнародованныхъ въ 1845 году двухъ первыхъ частей свода мѣстныхъ узаконеній, воспріявшихъ полную силу и дѣйствіе закона съ 1 января 1846 года, а въ отношеніи законовъ гражданскихъ въ порядкѣ судопроизводства гражданскаго и уголовнаго, впредь до обнародованія слѣдующихъ частей сего свода, продолжать руководствоваться дѣйствующими постановленіями и ссылаться на отдѣльныя положенія, указы и другія узаконенія. 2) Что при приведеніи и примѣненіи статей двухъ первыхъ частей свода мѣстныхъ узаконеній, всѣ правительственныя мѣста и частныя лица въ остзейскихъ губерніяхъ должны руководствоваться, по силѣ 2 пункта именнаго указа 1 іюля 1845 г , правилами, приложенными къ статьѣ 102 т. 1 свода учр. правит. сената, въ которыхъ положительно опредѣлены случаи, когда допускается ссылка на прежнія, невошедшія въ сводъ постановленія, и что наконецъ 3) всѣ присутственныя мѣста остзейскихъ губерній, въ случаѣ неясности самыхъ законовъ въ существѣ ихъ, или же недостатка или неполноты въ ихъ изложеніи, должны, при ходатайствѣ о дополненіи или поясненіи оныхъ, исполнять въ точности порядокъ, установленный 5 пунктомъ именнаго указа отъ 1 іюля 1845 года. Основываясь на сихъ соображеніяхъ, и имѣя въ виду, что, по словамъ помянутаго именнаго указа, въ первыхъ двухъ частяхъ свода мѣстныхъ узаконеній изложены всѣ относящіяся до особенныхъ учрежденій и правъ состояній постановленія, сохранившія доселѣ въ губерніяхъ лифляндской, эстляндской и кур-

ляндской силу и дѣйствіе, правительствующій сенатъ признаетъ, что присутственныя мѣста остзейскихъ губерній не имѣютъ права руководствоваться постановленіями, относящимися до учрежденій и правъ состояній, невошедшими въ двѣ первыя части свода мѣстныхъ узаконеній, и что сіи двѣ части замѣняютъ съ 1 января 1846 года всѣ касающіяся учрежденій и правъ состояній постановленія, а потому опредѣляетъ: 1) Предоставить наблюденію исправляющаго должность генералъ-губернатора, чтобы всѣ правительственныя и судебныя мѣста остзейскихъ губерній не отступали отъ установленнаго именнымъ указомъ 1 іюля 1845 г порядка римѣ приведенія и пненія законовъ, а въ случаѣ нарушенія ими сего порядка, принимать на основаніи высочайше ввѣренной ему, исправляющему должность генералъ-губернатора, власти, мѣры къ возстановленію онаго и къ поступленію съ виновными по точной силѣ законовъ. 2) Подтвердить всѣмъ губернскимъ мѣстамъ остзейскихъ губерній о точномъ исполненіи именнаго его императорскаго величества высочайшаго указа отъ 1 іюля 1845 г 3) лифляндскому, курляндскому и эстляндскому губернскимъ правленіямъ предписать сдѣлать таковое же подтвержденіе и всѣмъ подчиненнымъ онымъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ. О чемъ для исполненія исправляющему должность генералъ-губернатора и всѣмъ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ остзейскихъ губерній послать указы, каковымъ увѣдомить и министра внутреннихъ дѣлъ.

Воспоминанія

барона Владиміра Ивановича Левенштерна.

(Продолженіе. См. Приб. Сб. Ш, 565—638).

Опуская дальнѣйшія выписки изъ дневника, какъ имѣющія лишь личный для Левенштерна интересъ, ограничимся лишь упоминаніемъ, что его жена умерла 10 іюня 1809 г. За тѣмъ продолжаемъ дальнѣйшій разсказъ.

Надъ гробомъ Наталіи совершилъ церковный обрядъ евангелическій суперинтендентъ Вехтеръ и ее временно похоронили въ склепѣ съ тѣмъ, чтобы въ болѣе спокойное время впослѣдствіи перевести ее на родину, какъ она этого желала, и похоронить въ семейной усыпальницѣ. Въ опустѣлой квартирѣ на меня напала самая жестокая меланхолія. Я не совсѣмъ былъ одинокъ. меня навѣщали и великодушныя подруги Наталіи заботились обо мнѣ; но мнѣ было необходимо ободриться и обновить силы не въ разслабляющемъ разсѣяніи, а углубясь въ живую дѣятельность. Провидѣніе позаботилось и объ этомъ.

Вмѣстѣ съ покровителями и друзьями, посѣщавшими меня, вошелъ ко мнѣ однажды утромъ князь Павелъ Гагаринъ, прямо изъ Шенбрунна. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я пріобрѣлъ его дружбу въ Гроднѣ, гдѣ онъ состоялъ въ свитѣ князя Репнина. Впослѣдствіи, бракомъ на прекрасной княгинѣ Лопухиной, къ которой чрезвычайно благоволилъ императоръ Павелъ, князь Гагаринъ быстро повысился въ чинахъ, а въ настоящее время состоялъ уже генералъ-адъютантомъ при императорѣ Александрѣ и былъ посланъ въ главную квартиру Наполеона.

Онъ предложилъ мнѣ сопровождать его съ главной квартирой всюду по возможности, присутствовать при ожидаемыхъ военныхъ операціяхъ и такимъ образомъ участвовать въ великихъ передвиженіяхъ войскъ. Это предложеніе соотвѣтствовало моему настроенію и моей

старинной склонности къ боевой жизни. Третьимъ лицомъ присоединился къ намъ графъ Виттъ, проведшій со своимъ семействомъ лѣто въ Баденѣ.

Раннимъ утромъ, 5 іюля, мы отправились въ Эберсдорфъ, главную квартиру Наполеона, чтобы возможно ближе присутствовать при переправѣ черезъ Дунай и при замѣчательнѣйшей изъ битвъ новѣйшаго времени — именно при Маркфельдскомъ сраженіи. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ походныя палатки Наполеона были разбиты на островѣ Лобау и онъ отправился туда; но мы нашли еще довольно много суеты въ Эберсдорфѣ, а у князя Гагарина нашлось достаточно протекціи, чтобы намъ получить отличный завтракъ изъ императорскихъ запасовъ и превосходныхъ французскихъ винъ, ввезенныхъ по случаю войны. Подкрѣпивъ себя такимъ образомъ, поѣхали мы верхами на Лобау, а оттуда на лѣвый берегъ Дуная Какихъ только войскъ мы не встрѣтили здѣсь! Кромѣ французовъ, брюнетовъ, блондиновъ и сѣдыхъ, португальцы, саксонцы, виртемберцы, баварцы, корпусъ изъ Далмаціи, армія вицекороля итальянскаго. Все это собралось изъ различныхъ странъ, дальнихъ и близкихъ, наскоро и медленнымъ образомъ, все это войско явилось къ назначенному часу и стояло въ готовности, хорошо снаряженное и храброе. Этому громадному произведенію военнаго искуства можетъ удивляться тотъ, кто въ состояніи понять какому тренію подвергается механизмъ такой сложной машины, какъ армія

Еще въ ночь (на 5 іюля) началась переправа и все еще продолжалась. Ночь была такая бурная и дождливая, какой самые старые воины не запомнятъ. Не смотря на то заведенная и пущенная въ ходъ машина дѣйствовала: болѣе 80 пушечныхъ жерлъ ревѣли и грохотали по направленію къ Эслингу, и подъ воемъ бури, подъ плескомъ дождя, на рукавъ Дуная между Энцерсдорфомъ и Мюльлейтеномъ наводились мосты. По нимъ рано утромъ изъ ящика Пандоры, находившемся на островѣ Лобау, потянулись войска на лѣвый берегъ Дуная. Прежде всего выхлынуло сорокъ тысячъ человѣкъ, вслѣдъ за ними безостановочно слѣдовали густыя массы. Съ самаго разсвѣта завязался бой на различныхъ пунктахъ: въ 7 часовъ обойдены укрѣпленія при Лобау, въ 8 отнятъ Энцерсдорфъ, хотя храбро защищаемый. Нордманъ и Кленау, командовавшіе австрійскими передовыми войсками, должны были отступить къ своимъ главнымъ силамъ, что произошло при продолжавшейся битвѣ. Мы въ толпѣ счастливо переправились, и я глазами искалъ того, кто былъ душою всего. Вотъ онъ шелъ серьезный, молчаливый, но радостный. Результаты, которые онъ видѣлъ вокругъ себя, должны были удовлетворить его: переправа совершена благополучно; въ ужаснѣйшей толкотнѣ величайшій порядокъ; безчисленныя массы зависятъ отъ его воли и онъ водитъ ихъ какъ на ниткѣ. Изумительно было видѣть эти спокойныя черты

между столькихъ взволнованныхъ лицъ. Его лицо выражало одну воплощенную, неизмѣнную мысль. Когда онъ началъ говорить и жестикулировать руками (я могъ только видѣть, но не слышать его) и его лицо оставалось такимъ же неподвижнымъ, я мысленно сдѣлалъ еще одно сравненіе о немъ. Онъ показался мнѣ рѣшительнымъ игрокомъ, охваченнымъ непреодолимой страстью къ игрѣ, который въ данную минуту обладаетъ неистощимыми денежными средствами и думаетъ. «послѣдняя ставка все таки останется за мною, а съ нею и выигрышъ; временный проигрышъ — не проигрышъ» Эта мысль, мнѣ казалось, заключалась въ его суровомъ спокойствіи.

Адъютанты летали взадъ и впередъ; явились даже Даву и Массена; послѣдній, вслѣдствіе паденія, вмѣстѣ съ лошадью, пріѣхалъ въ открытой колескѣ. Наполеонъ переговорилъ съ ними нѣсколько минутъ, послѣ чего они поспѣшили обратно къ своимъ мѣстамъ. Онъ также удалился, сопровождаемый только Бертье и двумя берейторами; онъ скакалъ быстрымъ галопомъ, чтобы осмотрѣть позиціи своихъ войскъ и распорядиться на счетъ дальнѣйшихъ движеній. Главная квартира, подъ начальствомъ Дюрока, осталась на мѣстѣ. Она состояла, кромѣ министровъ Шампаньи, Марета и Дарю, изъ ординарцевъ императора, изъ офицеровъ генеральнаго штаба и адъютантовъ Бертье. То былъ цвѣтъ французскаго юношества Монтескью, Флаго, Канувиль, Уденардъ, Монмеръ, Пурталесъ, Морбе, Перигоръ, Тюренъ, Мортемаръ; поляки: Хлаповскій, Красинскій, Ѳома Лубенскій и другіе. Конвоемъ служили избранные изъ жандармовъ, подъ предводительствомъ Савари, эскадронъ конныхъ гренадеръ и эскадронъ конныхъ егерей.

Близъ Энцерсдорфа я съ другими вскарабкался на высокія стѣны какого-то изстрѣляннаго и сожженнаго дома. Съ высоты курившихся еще мѣстами развалинъ я наблюдалъ за простиравшимися къ сѣверу и западу массами войскъ; случалось видѣть и эпизоды нападенія и обороны. Здѣсь князь Гагаринъ представилъ меня государственному секретарю Марету Послѣдній съ любезностью вспомнилъ, что зналъ одного изъ моихъ родственниковъ, дипломата — Левенштерна изъ Вольмарсгофа; онъ также часто видалъ въ Берлинѣ графа Брей и его супругу, также урожденную Левенштернъ, и онъ говорилъ мнѣ объ нихъ съ участіемъ. Разговоръ съ нимъ имѣлъ для меня и весьма пріятную, матеріальную сторону Мы сошли съ лошадей, день уже порядочно подвинулся къ вечеру, а на пустомъ Мархфельдѣ нечего было и думать о завтракѣ туть онъ отвелъ меня къ сторонѣ, подалъ мнѣ бутылочку съ ромомъ и кусокъ бѣлаго хлѣба, съ любезнымъ замѣчаніемъ, что «хочетъ подѣлиться со мною такъ, чтобы не видали другіе, потому что всѣмъ удовлетворить онъ не можетъ». Это былъ мой обѣдъ и онъ показался мнѣ послѣ дневныхъ

трудовъ вкуснѣе, нежели были утромъ въ Эберсдорфѣ cotelettes à la financière съ бургундскимъ.

Между тѣмъ пришло приказаніе главной квартирѣ слѣдовать за императоромъ. Это служило знакомъ побѣды и движенія впередъ. Графъ Виттъ далъ мнѣ прекраснаго черкесскаго коня, и я поѣхалъ на немъ вмѣстѣ со всей ватагой. Мы застали императора на плоской возвышенности близъ Ратдорфа: онъ сошелъ съ коня и, заложивъ назадъ руки, обозрѣвалъ окрестность. На разстояніи полутора или двухъ пушечныхъ выстрѣловъ двигались массы войскъ, за ними виднѣлись новыя массы. Колеса машины были заведены, провѣрены и начали дѣйствовать; мастеръ стоялъ въ ожиданіи конца. Когда онъ не смотрѣлъ въ подзорную трубу, то срывалъ траву или цвѣточки и обрывалъ съ нихъ листики, или же нюхалъ табакъ и снова закладывалъ руки назадъ. Я смотрѣлъ на него все время, пока кто-то не явился къ императору съ донесеніями и не послѣдовали новыя передвиженія. Атака, произведенная вечеромъ на австрійскую позицію, по другую сторону Русебаха при Баумерсдорфѣ и Ваграмѣ, не удалась. Канонада начала стихать; ночь наступала темнѣйшая; свѣтились только безчисленные бивуачные огни и вдали горящія деревни. Темнота повлекла за собою нѣкоторыя замѣшательства: толкотня, крики, тщетные поиски знакомыхъ и пр. Каждый изъ нашей кучки, кто познатнѣе, сталъ подумывать, гдѣ бы найти себѣ мѣстечко для ночлега. Кто не надѣялся найти его по близости, отправились въ дальніе поиски. Гагаринъ, Виттъ, полковникъ Горголи и я съ наполеоновскимъ шталмейстеромъ Каниціемъ поѣхали торопливо верхами въ Эберсдорфъ, не миновавъ при этомъ всевозможныхъ приключеній и опасностей: потому что намъ было трудно отыскать обратно дорогу въ темнотѣ, на обширномъ полѣ; на островѣ Лобау намъ было ѣхать уже гораздо легче, потому что вновь проложенныя дороги всѣ превосходно освѣщались фонарями на шестахъ и были точно обозначены. Князь Гагаринъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью и понесъ столь сильные ушибы, что почтой отправился въ Вѣну; мы же остались въ Эберсдорфѣ и расположились при главной квартирѣ, гдѣ мы, какъ русскіе, были хорошо приняты, и не терпѣли ни въ чемъ недостатка. Послѣ короткаго отдыха и завтрака, мы въ роковой, исторически знаменитый день 6-го іюля, воротились быстрой рысью на мѣсто сраженія. Мы взяли слишкомъ вправо и потому не точасъ же отыскали императора, а наткнулись на корпусъ Даву, который уже начиналъ обходить лѣвое австрійское крыло. Воинскіе подвиги обѣихъ сторонъ представляли для насъ замѣчательное и прекрасное зрѣлище; между тѣмъ, такъ какъ нашей цѣлью было находиться вблизи главнаго дѣйствующаго лица въ этой борьбѣ, всемогущаго Агамемнона европейскихъ армій, то мы и поспѣшили, какъ только явилась возможность, взять влѣво и отыскать императора. Онъ только что поправилъ

дѣло, потому что его войска поколебались и сраженіе дѣлалось сомнительнымъ вслѣдствіе сильнаго нападенія австрійцевъ на саксонцевъ, подъ начальствомъ Бернадотта, которыхъ они разсѣяли и отбросили войска Массены при Адлерклаа. При этомъ ясно обозначилась разница, весьма замѣчательная, между образомъ веденія войны императоромъ и его противникомъ. Послѣдній, впервые участвовавшій въ походахъ при началѣ революціонной войны, усвоилъ себѣ методу дальнихъ обходовъ непріятеля. Эта наклонность была уже виною его пораженія подъ Регенсбургомъ; не смотря на то, онъ и теперь хотѣлъ охватить армію Наполеона съ двухъ сторонъ, хотя и былъ слабѣе его. Съ лѣвой стороны долженъ былъ напасть на французовъ эрцъ-герцогъ Іоганъ (братъ эрцгерцога Карла), котораго ожидали отъ Пресбурга, а на право было выслана чуть не половина арміи, корпусы Кленау и Коловрата, всѣ три съ большею частью резервовъ подъ командой князя Іогана Лихтенштейна пошли широкимъ полукругомъ къ лѣвому флангу и къ тылу французовъ по направленію между Брейтенлеге и Асперномъ. При этомъ чрезмѣрномъ растяженіи своихъ силъ (тѣмъ болѣе достойномъ порицанія, потому что онъ былъ слабѣе противника), нигдѣ не оставлено было резерва, и ему угрожала опасность, что непріятель разорветъ его линіи, гдѣ только захочетъ. Наполеонъ здѣсь, какъ и подъ Регенсбургомъ, велъ дѣло противуположнымъ образомъ онъ концентрировалъ свои главныя силы около Рашдорфа, готовясь, когда наступитъ рѣшительная минута, двинуть ихъ на критическій пунктъ сраженія. Здѣсь въ сборѣ стояли не только гвардія, но и корпуса Массены и Мармона, также какъ и армія итальянскаго вице-короля. При этомъ у Наполеона имѣлось въ виду двѣ цѣли: во первыхъ отрѣзать отъ непріятеля венгерскія войска и подкрѣпленія Выполненіе этой задачи Наполеонъ поручилъ Даву, при Маркграфъ-Нейзиделѣ онъ долженъ былъ окружить и оттѣснить непріятельское лѣвое крыло, для этой цѣли ему послано значительное подкрѣпленіе. Второе намѣреніе Наполеона состояло въ томъ, чтобы прорвать въ центрѣ далеко разъединенныя войска противника, чтобы потомъ легко разбить отдѣльныя ихъ части. Чтобы остановить быстрое движеніе праваго австрійскаго крыла, которое грозило отрѣзать его отъ острова Лобау, онъ выслалъ противъ этой части австрійской арміи корпусъ Массены, и когда атака, произведенная Даву, удалась, Наполеонъ приступилъ къ разрыву непріятельскихъ линій. Махнувъ рукой на лѣво, онъ заставилъ могучія массы войскъ, собранныя около Рашдорфа, измѣнить фронтъ и приказалъ генералу Макдональду сформировать атакующія колонны изъ дивизій Ламарка и Брусье. Вице-король съ остальной итальянской арміей, баварцы подъ начальствомъ Вреде, наконецъ молодая гвардія, слѣдовали за этими движеніями и должны были служить подкрѣпленіемъ въ случаѣ надобности. Между тѣмъ Бессьеръ съ кирасирами Нансути и легкой гвардейской кавале-

ріей должны были задерживать и занимать австрійцевъ. Самъ Наполеонъ не спускалъ глазъ съ Маркграфъ-Нейзиделя. Увидя наконецъ, что колонны Даву двинулись далѣе этого мѣста, онъ быстро подскакалъ къ гвардейской артиллеріи и вскричалъ: «toute l'artillerie en avant» (вся артилеллерія впередъ). Здѣсь я имѣлъ случай замѣтить, какъ несправедливо приписывали ему недостатокъ личной храбрости. Предводительствуя всей гвардейской артиллеріей въ 60 орудій, подъ начальствомъ Друо и Дабовиля, и указывая направленіе и позицію, онъ подвергалъ себя нѣсколько времени сильному огню австрійцевъ. Онъ обладалъ истинной храбростью полководца и смѣло отправлялся туда, откуда онъ могъ хорошо наблюдать. Онъ совершенно погружался, какъ и слѣдуетъ руководителю огромныхъ массъ, въ преслѣдованіе своей цѣли, мало заботясь о непріятельскихъ пуляхъ и окружавшихъ его опасностяхъ. Если дѣло шло о достиженіи высшей цѣли, то онъ ни задумывался передъ самой очевидной опасностью; онъ хладнокровно и безучастно смотрѣлъ какъ падали вокругъ него люди и лошади отъ пуль и ядеръ, онъ не обращалъ на это вниманія и не терялъ изъ виду своей цѣли. Можетъ быть его въ такія минуты подкрѣпляло фаталистическое убѣжденіе, что онъ Богомъ избранное, неуязвимое орудіе, и останется такимъ до тѣхъ поръ, пока не совершитъ на землѣ назначенное ему дѣло. Затѣмъ онъ усилилъ еще эту огромную батарею 40 орудіями изъ резерва и передалъ своему генералъ-адъютанту Лористону командованіе всѣми 100 орудіями, славшими смерть и погибель австрійцамъ. Послѣдовавшая затѣмъ кононада была ужасна. Австрійцы, хотя они были гораздо слабѣе и батареи ихъ были разбросаны, тѣмъ не менѣе отвѣчали храбро и долго не поддавались. Теперь и Макдональдъ, прибывшій со своей громадной колонной, долженъ былъ идти въ атаку по направленію къ Зюсенбрунну, въ предположеніи, что порядокъ въ войскахъ уже достаточно нарушенъ сраженіемъ съ обѣихъ сторонъ. Онъ чрезвычайно терпѣлъ отъ сосредоточенныхъ на немъ непріятельскихъ выстрѣловъ, но всетаки бодро подвигался. Послѣ самаго храбраго сопротивленія австрійцы отступили, но медленно, твердо, въ порядкѣ и держа въ почтительности непріятеля, даже во время отступленія. Къ какимъ результатамъ могла бы привести изумительная храбрость, которую они выказали въ теченіи всего сраженія, еслибы ихъ силы держали въ совокупности и они чрезъ это имѣли бы сильное подкрѣпленіе въ резервахъ. Но послѣднихъ нигдѣ не было, и поэтому стало невозможнымъ дать отпоръ нападенію Макдональда, такъ всесильно подкрѣпленнаго. Послѣдовало всеобщее отступленіе австрійцевъ, и имъ ни къ чему не послужили длиннымъ обходомъ двигавшіяся колонны. Одна изъ нихъ (колонна эрцъ-герцога Іоганна) вовсе не участвовала въ сраженіи, а другая принуждена была быстро уйти, чтобы не быть самой отрѣзанной и отброшенной къ берегу Дуная. Однако неожидан-

ное, дѣльное сопротивленіе австрійцевъ имѣло слѣдствіемъ то, что Наполеонъ осмѣлился преслѣдовать отступавшихъ только съ чрезвычайными предосторожностями. Его самого окружали гренадеры верхами и старая пѣшая гвардія; онъ приказалъ разбить его турецкую палатку и отдавалъ въ ней приказанія на остальную часть дня. Въ Парижъ и Мюнхенъ отправлены куреры; въ Петербургѣ вѣстникомъ побѣды французовъ былъ назначенъ молодой, блестящій, живой ротмистръ Чернышевъ. Онъ находился вмѣстѣ съ Гагаринымъ и полковникомъ Горголи при главной французской квартирѣ, будучи назначенъ туда русскимъ правительствомъ, и въ короткое время умѣлъ снискать уваженіе и благосклонность Наполеона въ высшей степени, Пока устраивали палатку, Наполеонъ сошелъ съ лошади, мамелюкъ разостлалъ небольшой коверъ на травѣ, и императоръ прилегъ. Чтобы образовать тѣнь отъ жгучихъ солнечныхъ лучей (время было между 2 и 3 часами), сложили пирамидою барабаны и 4 гренадера стали вокругъ его ложа, чтобы на него кто нибудь не наступилъ. Министры, генералы, офицеры расположились вокругъ, храня глубочайшее молчаніе. Императоръ тотчасъ же заснулъ, но чрезъ минуту былъ разбуженъ Дюрокомъ, приведшимъ плѣннаго австрійскаго полковника, взятаго легкой кавалеріей Орельи. Наполеонъ, приподнявшись, долго разговаривалъ съ плѣннымъ на итальянскомъ языкѣ, всталъ, взглянулъ на свою подвигавшуюся впередъ армію и вошелъ въ палатку За нимъ послѣдовали Бертье, Шампаньи, Маретъ. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ Даву съ извѣстіемъ о счастливой побѣдѣ въ сраженіи — Ваграмскомъ сраженіи!

Множество генераловъ, полковниковъ и адъютантовъ окружали палатку Мои знакомые втянули меня въ средину ихъ. Говорили о событіяхъ дня, острили, смѣялись, шумѣли, какъ будто вождя и не было. Тутъ появился Дюрокъ и далъ намъ, какъ онъ выразился, маршальскій столъ безъ церемоній. Разостлали скатерть на травѣ и подали, что нашлось въ запасахъ. Многіе возлежали по римски на зеленомъ коврѣ и ѣли такимъ образомъ. При наступленіи сумерекъ мы, русскіе, сѣли на лошадей, чтобы ѣхать въ Эберсдорфъ. Не успѣли мы еще далеко отъѣхать, какъ вдругъ услышали за собою шумъ и замѣтили въ тылу арміи большое волненіе и суматоху Я остановился, чтобы узнать причину суматохи, но Горголи и Виттъ закричвли мнѣ, чтобы я занялся чѣмъ-нибудь лучшимъ, и ускакали. Въ ту минуту казалось, будто массы австрійской кавалеріи налѣво отъ насъ перерѣзывали нашу дорогу къ мостамъ. Вокругъ и мимо меня всѣ скакали какъ бѣшеные; въ этомъ безпорядкѣ мой, пылкій черкесскій конь увлекся примѣромъ и помчалъ меня вслѣдъ за другими. Черезъ нѣсколько минуть, однако, мнѣ удалось сдержать его и я поѣхалъ шагомъ обратно. Тутъ промчались мимо меня императорскіе конюхи и закричали: «Спасайтесь! Австрійская кавалерія захватила

императорскую палатку» Какъ ни удивительнымъ казалось мнѣ то, что австрійская кавалерія, находящаяся у Адлерклаа, явилась также и у мостовъ, но я все таки безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій повернулъ свою лошадь и пустилъ въ скачь домой; дорогой мнѣ пришлось видѣть много сценъ безпорядка. Бѣжавшіе солдаты грабили своихъ собственныхъ стряпухъ, цѣлые отряды плѣнныхъ были оставлены на произволъ судьбы и могли идти на всѣ четыре стороны. въ этомъ суетливомъ бѣгствѣ какъ и во всемъ французы выказали необычайное проворство. Я наконецъ увидѣлъ французскаго генерала, принявшагося удерживать бѣгущихъ тѣмъ, что велѣлъ рубить ихъ саблями направо и на лѣво. Это возстановило спокойствіе: извнѣ вовсе не угрожалъ непріятель, бѣгущая толпа разсѣялась.

Въ то время, когда разсказанное происходило у мостовъ, Наполеонъ раздѣтый уже съ полчаса почивалъ въ своей палаткѣ, убѣжденный въ побѣдѣ. Но вотъ примчались всадники съ опущенными поводьями и криками: «Къ оружію, непріятель!» Такіе же крики раздавались кругомъ. Гвардія, стоявшая бивуакомъ вокругъ палатки, стала подъ ружье, сформировала нѣсколько карре, Наполеонъ сѣлъ на лошадь. Скоро, впрочемъ, оказалось, что все это фальшивая тревога, и перетревоженныя войска снова заняли свой лагерь. Однако эта фальшивая тревога была не лишена основанія. Эрцъ-герцогъ Іоганъ, отправлявшійся изъ Пресбурга къ Моравскому полю, выслалъ летучій отрядъ подъ начальствомъ полковника Герамба развѣдать о непріятелѣ. Отрядъ названнаго полковника проникъ до Лейберсдорфа, Нейзиделя и даже далѣе, и навелъ паническій страхъ на французскихъ мародеровъ. Суматоха, произведенная ими, заставляетъ предполагать какое дѣйствіе могло бы имѣть очень возможное появленіе эрцъ-герцога Іоганна на Моравскомъ полѣ. Какъ отчаянный гусаръ Блюхеръ шесть лѣтъ спустя своимъ внезапнымъ нападеніемъ произвелъ пораженіе Наполеона при Ватерло, такъ могъ бы и Іоганнъ, немного побезпокоясь, дать другой оборотъ сраженію подъ Ваграмомъ. Но этого не случилось, и Наполеонъ, возвратясь въ свою уютную палатку, можетъ быть заснулъ съ мыслями, которыя онъ три года спустя выразилъ словами: «du sublime au ridicule il ny a qu'un pas!» (отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ).

Разлученный со своими товарищами, все еще окруженный шумящей толпой, я продолжалъ свой путь къ мостамъ и оттуда на островъ; въ то время мнѣ было не до размышленій. Но я еще прежде думалъ о Іоганнѣ, когда находясь среди французовъ увидѣлъ его противника, вице-короля, и теперь я часто прислушивался налѣво по направленію къ Мархъеггу, нѣтъ ли въ той сторонѣ канонады. но все было тихо, и я благополучно прибылъ въ Эберсдорфъ, гдѣ уже нашелъ своихъ товарищей, ожидавшихъ меня.

Мой Янусъ возликовалъ, когда увидѣлъ меня въ Вѣнѣ здра-

вымъ и невредимымъ. Бѣдняга находился въ постоянной тревогѣ и страхѣ, слыша сильную пальбу и полагая, что я нахожусь на полѣ битвы. Но на меня пороховой дымъ, возбуждающіе, потрясающіе весь организмъ, часы сраженія, это громадное столкновеніе человѣческихъ судебъ — на меня все это произвело цѣлебное дѣйствіе. Припадки черной меланхоліи, которымъ я подвергался, исчезли среди бурныхъ событій. Я сталъ думать о продолженіи моей импровизированной военной жизни. Гагаринъ чувствовалъ себя, послѣ паденія съ лошади, столь нездоровымъ, что не хотѣлъ выѣзжать изъ Вѣны, но за то Виттъ и Горголи не оставляли меня. Съ возможною поспѣшностью я добылъ себѣ верховаго и вьючнаго коней, что вовсе было не трудно, такъ какъ держать лошадей всякому было затруднительно и опасно, по случаю французскихъ реквизицій. Обзаведясь такимъ образомъ, 8-го іюля, рано утромъ, выѣхалъ я со своими спутниками, и мы достигли вечеромъ главной квартиры въ Волькерсдорфѣ, съ грустью проѣхавъ по прекрасной, но разоренной и опустошенной мѣстности. Все время шелъ дождь; моя вьючная лошадь, на которой сидѣлъ лакей, захромала; на меня, послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ en péquin[1]) и въ сухомъ платьѣ, сырость теперь производила тоже вліяніе какъ на кошку; квартиры были дурныя и то съ трудомъ ихъ можно было получить; однимъ словомъ, при концѣ перваго походнаго дня оказалось довольно невзгодъ. Но мы не помышляли объ отдыхѣ, и на другое утро продолжали походъ на Вюльферсдорфъ, уже среди тѣсноты отъ военныхъ дѣйствій. Тамъ узнали мы, что главная часть австрійской арміи отступили чрезъ Голлабруннъ къ Цнайму, преслѣдуемая корпусомъ Массены, между тѣмъ какъ Мармонъ принялъ направленіе на Лаа и Таю. Послѣдовалъ быстрый поворотъ на лѣво и мы пошли на Таю по непроходимымъ дорогамъ. На каждомъ шагу встрѣчали мы сожженные мосты или прорванныя плотины, однако Массенѣ все таки удалось нагнать австрійскій арріергардъ у Голлабрунна, гдѣ дѣло дошло до серьезной стычки. Здѣсь австрійская кавалерія положительно отразила атаку французскихъ кирассиръ и вообще выказала блестящее превосходство; но такъ какъ отступленіе было уже дѣломъ рѣшеннымъ, то она не воспользовалась своимъ успѣхомъ. Корпусъ Мармона двинулся между тѣмъ отъ Лаа къ Цнайму во флангѣ австрійцевъ, а Массена слѣдовалъ за ними туда же прямо по большой дорогѣ, и выбилъ ихъ изъ позиціи послѣ ожесточеннѣйшаго боя. Въ тоже время въ главную квартиру Наполеона прибылъ князь Іоганъ Миленштейнъ, храбрый, богатый магнатъ, который во время всего похода такъ мало дорожилъ жизнью, какъ будто у него

[1]) Péquin во Франціи, какъ извѣстно, во время блистательнаго могущественнаго владычества Наполеона, назывался всякій, кто не былъ военнымъ, и считался предметомъ презрѣнным.

нѣтъ ни полушки для существованія: онъ пріѣхалъ для заключенія перемирія.

За перемиріемъ въ перспективѣ видѣлся уже и миръ, какъ ни тяжело было австрійцамъ объ немъ подумать. И такъ моя военная жизнь кончилась, и я рѣшился, какъ бы ни было, вернуться въ Вѣну и оттуда возвратиться на родину Продолжать путь въ Италію безъ Наталіи, начавъ путешествіе съ нею вмѣстѣ — это было для меня невозможно. Самая эта мысль казалась мнѣ несносною и я оставилъ намѣреніе увидѣть страну, гдѣ

«тихо растетъ мирта и высится лавръ».

Мнѣ суждено было побывать въ Италіи многіе годы спустя, и я туда попалъ съ другой стороны. Мои вѣнскіе друзья похлопотали обо мнѣ. Я получилъ курьерскій паспортъ, много рекомендательныхъ писемъ и поѣхалъ между арміями, еще вооруженными. Въ окрестностяхъ Кракова, я прибылъ на русскіе форпосты, а въ самомъ городѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями генераломъ графомъ Сиверсомъ, моимъ стариннымъ другомъ и бывшимъ товарищемъ по полку. На дальнѣйшемъ пути въ Тарновѣ, я встрѣтилъ начальника русскаго вспомогательнаго корпуса въ Галиціи князя Сергѣя Голицына и получилъ отъ него пакетъ, для доставленія Е. В. императору Александру Во Львовѣ у генерала Меллера Закомельскаго я видѣлъ генерала Бауера, нѣкогда занимавшаго замѣчательное положеніе при могущественномъ князѣ Потемкинѣ. Онъ былъ теперь въ отставкѣ, нѣсколько обѣднѣлъ и жилъ всякаго рода увертками, подобно сэръ Джону Фальстафу, не обладая впрочемъ всѣмъ остроуміемъ послѣдняго. Въ Житомирѣ я подкрѣпился у извѣстнаго губернатора Комбурлея за его проконсульски роскошнымъ столомъ и продолжалъ свой куръерскій путь. Прибывъ въ Петербургъ совершенно усталый, явился я съ депешей, полученной отъ Голицына, къ графу Аракчееву, согласно съ предписаннымъ порядкомъ. Онъ принялъ пакетъ, записалъ карандашемъ на конвертѣ мою фамилію и часъ прибытія въ Петербургъ и сказалъ своимъ сухимъ, но опредѣленнымъ тономъ «Государь императоръ пожелаетъ говорить съ вами: потому оставайтесь дома и оставьте вашъ адресъ въ моей канцеляріи» Я такъ и сдѣлалъ, отправился въ гостинницу и счастливо, безперерывочно проспалъ восемнадцать часовъ сряду, не просыпаясь и не видя ничего во снѣ. Меня совершенно убаюкали австрійскія почтовые рожки, русскіе почтовые колокольчики, допросы и допросы на форпостахъ и толчки экипажа на дурныхъ дорогахъ. Меня разбудилъ фельдъегерь графа Аракчеева и передалъ приказаніе. быть въ 11 часовъ въ предпокояхъ его величества.

Въ назначенное время я былъ на мѣстѣ. Графъ Аракчеевъ, тогдашній всемогущій министръ, вышелъ изъ кабинета императора и, не обращая вниманія на низкіе поклоны придворныхъ и генераловъ,

подошелъ прямо ко мнѣ и, взявъ меня за руку, сказалъ «Ступайте въ генералъ-адъютантскую комнату, и какъ только французскій посланникъ (Коленкуръ) — онъ теперь у императора — выйдетъ, идите прямо въ покой императора, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній». Это интимное отношеніе важнаго человѣка со мною обратило на меня, неизвѣстнаго, удивленные взоры всѣхъ присутствовавшихъ.

Не безъ сильной внутренней робости вошелъ я въ кабинетъ его величества, но доброта и кротость, выражавшіяся во всей особѣ императора, его спокойное, исполненное достоинства обращеніе и ласковость, съ которою онъ заговорилъ, скоро возвратили мнѣ присутствіе духа. Послѣ нѣсколькихъ постороннихъ вопросовъ, вѣроятно чтобы дать мнѣ время оправиться, онъ перешелъ къ самому предмету, о которомъ хотѣлъ слышать мой разсказъ. «Вы присутствовали при весьма замѣчательныхъ событіяхъ», сказалъ онъ мнѣ. Я воспользовался случаемъ, и извините въ томъ, что безъ предварительнаго позволенія принялъ участіе въ иностранныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, будучи увлеченъ къ этому непреодолимыми обстоятельствами. Государь на это милостиво замѣтилъ «что отнюдь не вмѣняетъ мнѣ этого во зло, и что напротивъ именно это обстоятельство обратило на меня его вниманіе» За тѣмъ онъ перешелъ къ ближайшимъ подробностямъ и распрашивалъ о событіяхъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Каждый изъ его вопросовъ имѣлъ свою цѣль, ни одного онъ не сдѣлалъ напрасно, безъ причины или изъ пустаго любопытства. Въ теченіи своего разсказа я упомянулъ о фальшивой тревогѣ при окончаніи Ваграмскаго сраженія и о происшедшемъ отъ нея смятеніи въ тылу французской арміи. Его, кажется, поразило это обстоятельство, еще не бывшее ему извѣстнымъ «И у французовъ есть значитъ, свои слабыя стороны», замѣтилъ онъ. Затѣмъ онъ серьезнымъ тономъ приказалъ мнѣ молчать объ этомъ происшествіи, пока не послѣдуютъ болѣе точныя объясненія. Аудіенція продолжалась почти часъ и государь, въ заключеніе, милостиво прибавилъ «что ему было бы пріятно, еслибы я снова вступилъ въ службу и пріобрѣлъ себѣ право присутствовать при военныхъ предпріятіяхъ» Я былъ пораженъ, неловокъ; при томъ мои мысли были еще слишкомъ заняты умершею, непогребенною Наталіею, чтобы немедленно согласиться на милостивый намекъ императора. Онъ могъ принять мое молчаніе за отрицаніе, далъ разговору другой оборотъ, и отпустилъ меня ласковымъ склоненіемъ головы. Я потерялъ случай снова и выгодно поступить на службу Нѣсколько времени спустя я узналъ отъ генерала Уварова, будто бы государь сказалъ ему: «Жаль, что Левенштернъ не хочетъ служить. Я бы принялъ его въ кавалергарды и сдѣлалъ бы своимъ флигель-адъютантомъ»

Превративъ такимъ образомъ по своей необдуманности выи-

грышный билетъ въ пустой, я продолжалъ мой путь въ Ревель. Тамъ нашелъ моего достойнаго отца въ добромъ здоровьѣ, но огорченнаго смертью Наталіи, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ. Мой любезный шуринъ, графъ Павелъ Тизенгаузенъ, тотчасъ же прибылъ въ городъ и мы съ нимъ отправились къ опечаленнымъ родителямъ моей покойной жены. Здѣсь мы приготовили все до прибытія бренныхъ останковъ Наталіи и когда его привезли — мы погребли ее въ фамильномъ склепѣ.

IV

1810 и 1811 годы.

Жизнь въ Петербургѣ. — Возвращеніе въ деревню.

Горести и тревоги, въ которыя меня повергли семейныя потери, и участіе въ великихъ событіяхъ, хотя и мимовольное, все это взятое вмѣстѣ подѣйствовало слишкомъ сильно на меня я не могъ примириться съ однообразной жизнью въ маленькомъ городкѣ или въ мирной провинціи. При подобныхъ обстоятельствахъ живетъ человѣкъ какъ бы въ яичной скорлупѣ, но когда эта скорлупа разбита сильнымъ толчкомъ, то ею уже нельзя облечь вылетѣвшей птички. Я рвался на свободу, я жадно алкалъ свѣжаго воздуха, мнѣ казалось, что я долженъ убѣжать, если не хочу задохнуться. Прибавьте къ этому вовсе не радостное и не располагающее къ наслажденію жизнью обстоятельство, именно: стѣсненное матеріальное положеніе, въ которомъ находились тогда всѣ помѣщики, значитъ также и я, вслѣдствіе остановки торговли, паденія курса и одолѣвавшихъ насъ все болѣе и болѣе тяжелыхъ долговъ. При отъѣздѣ за границу, я оставилъ на моихъ имѣніяхъ долгу 80,000 р. сер., что по тогдашнему курсу составляло на ассигнаціи около 100,000 руб. Вслѣдствіе простаго паденія курса ассигнацій на четвертую часть ихъ номинальной стоимости, я вдругъ, по своемъ возвращеніи, увидѣлъ, что на мнѣ 320,000 руб. асс. долгу и что я чрезъ это раззоренъ до тла. «Пропадай такое хозяйство»! думалъ я въ печальныя минуты, и старался придумать какую нибудь перемѣну или бѣгство въ другія отношенія.

Хорошенько все обдумавъ и сдавъ управленіе имѣніями въ надежныя руки, я продалъ серебро, всѣ цѣнныя вещи моего домашняго обихода, брилліанты моей жены, и поѣхалъ въ Петербургъ съ небольшимъ капиталомъ въ банковыхъ билетахъ. У меня былъ планъ

снова вступить въ службу, но война съ Швеціей кончилась, а въ продолжавшейся войнѣ съ Турціей мнѣ не предвидилось ничего привлекательнаго. Я рѣшился остаться въ столицѣ и подождать болѣе благопріятнаго времени. У меня скоро завелось многочисленное знакомство. Я нанялъ изящную квартиру, держалъ экипажъ съ четверкою лошадей, какъ необходимую вещь для тогдашняго Петербурга, и пользовался, какъ могъ, жизнью и свободой. Домъ генеральши Кутузовой (супруги знаменитаго впослѣдствіи фельдмаршала) былъ открытъ для меня какъ бы для роднаго; этотъ домъ украшали пятеро ея дочерей, которыя всѣ уже были замужемъ[1]). Меня также дружески принимали въ домѣ графини Бобринской, о которой я уже упоминалъ выше. Супругъ ея, графъ Бобринскій[2]), скоро такъ привыкъ къ моему сообществу, что не могъ обойтись безъ меня. Онъ былъ извѣстенъ въ свѣтѣ своими странностями и чудовищною расточительностью, которыми ознаменовалось его пребываніе въ Парижѣ и Лондонѣ. Императрица Екатерина заплатила оставленные имъ тамъ долги, но приказала ему на всю жизнь оставаться въ Ревелѣ. Императоръ Павелъ впослѣдствіи снова позволилъ ему жить въ столицѣ и возвратилъ ему его весьма обширныя помѣстья (30,000 душъ). Однажды вечеромъ онъ предложилъ мнѣ сыграть партію въ бостонъ съ нимъ и графинею Булгари, пользовавшеюся его расположеніемъ. Для удовольствія графини мы играли по маленькой, и я мучился, поступая противъ своихъ правилъ по слѣдующей причинѣ: я обыкновенно играю высоко и съ большимъ вниманіемъ, эта игра по маленькой лишала равновѣсія моего проигрыша съ выигрышомъ. Но моя вѣжливость принесла мнѣ много словъ благодарности отъ графа и я выигралъ $3^1/_2$ рубля. Такъ какъ подобную мелочь трудно было уплатить, то я и предложилъ графу сыграться en quitte ou double. Онъ согласился и проигралъ 350 р. Онъ было всталъ, чтобы принести мнѣ деньги; но или изъ ревности, не желая оставить меня наединѣ съ любезною графинею Булгари, или онъ вдругъ почувствовалъ охоту продолжать игру

---

[1]) Екатерина Ильинишна, супруга князя Мих. Илар. Кутузова-Смоленскаго была урожденная Бибикова. У нихъ былъ сынъ Михаилъ, нечаянно задушенный кормилицею на 1 году отъ роду, и пять дочерей. Старшая Прасковья Михайловна была за мужемъ за сенаторомъ Матвѣемъ Өед. Толстымъ, вторая Анна Михайловна была за мужемъ за генералъ-маіоромъ Ник. Зах. Хитрово; третья Елисавета Михайловна была въ замужествѣ первымъ бракомъ за флигель-адъютантомъ графомъ Өед. Иван. Тизенгаузеномъ, убитомъ подъ Аустерлицемъ, и вторымъ бракомъ за генералъ-маіоромъ Ник. Өед. Хитрово; четвертая Екатерина Михайловна была за мужемъ первымъ бракомъ за генералъ-маіоромъ княземъ Ник. Дан. Кудашевымъ (убитъ подъ Лейпцигомъ) и вторымъ бракомъ за генералъ-маіоромъ Ильею Степ. Сарачинскимъ; пятая Дарья Михайловна была за мужемъ за оберъ гофмаршаломъ Өед. Петр. Опочининымъ.

Левенштернъ по первой женѣ своей — урожденной графинѣ Натальѣ Ивановнѣ Тизенгаусенъ, родной братъ которой былъ женатъ на второй дочери Кутозова, приходился близкимъ человѣкомъ въ семействѣ Кутузова. Вторая жена Левенштерна, Софья Михайловна, была дочь генералъ-лейтенанта и сенатора Обрѣзкова.

[2]) См. примѣчаніе въ предшествовавшей главѣ, III, 619.

на слѣдующій день, только онъ снова сѣлъ и сказалъ, что деньги отдастъ мнѣ завтра. Дѣйствительно на слѣдующее утро онъ явился, заплатилъ деньги и потребовалъ реванша. Онъ его получилъ вполнѣ, потому что проигралъ 6000 р. На слѣдующее утро онъ пришелъ ко мнѣ снова, принесъ эту сумму, и снова пожелалъ реванша. Снова послѣдовало мое согласіе и прежнее счастіе. Онъ проигралъ 10,000 руб., и затѣмъ еще и еще, такъ дошло до 70,000 р.

Случилось такъ, что я неожиданно въ то время заболѣлъ и долженъ былъ лежать въ кровати. Графъ ежедневно посѣщалъ меня и я долженъ былъ, лежа въ постели, держать ему банкъ. Это продолжалось двѣ недѣли, каждое утро графъ бывалъ у меня, игралъ и проигрывалъ. Будучи слишкомъ слабымъ, чтобы встать, я пряталъ выигрышныя ассигнаціи подъ подушку; когда же наконецъ оправился, то нашелъ къ своему пріятному изумленію 50,000 руб.

Мой медикъ, докторъ Штофрегенъ, былъ очень недоволенъ такимъ занятіемъ больнаго; но возбуждающія свойства игры должно быть лучше подѣйствовали на мой организмъ, нежели горькая пачкотня такъ называемой латинской кухни. Необращавшаяся вовсе или слишкомъ воспаленная кровь быстро билась въ жилахъ; я поднялся твердо на ноги, имѣя полный карманъ денегъ, и могъ безпрепятственно удовлетворять свою страсть къ мотовству

Игра съ графомъ все продолжалась; истощивъ свои наличныя деньги, но не свою охоту къ игрѣ, онъ давалъ мнѣ векселя. Такимъ образомъ, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, я выигралъ съ него 450,000 р. Теперь мнѣ показалось благоразумнымъ оставить столицу на нѣкоторое время и оглянуться на свои дѣла. Я прожилъ нѣсколько недѣль въ Ревелѣ и провелъ затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Разикѣ, занимаясь охотой и чтеніемъ. Это были дни тихой радости, воспоминаніе о которыхъ сохранилось во мнѣ, не смотря на ихъ однообразіе.

Къ зимѣ жажда развлеченій снова повлекла меня въ столицу Мною овладѣла любовь въ видѣ тѣхъ легкихъ узъ, какія находятся среди общества и вырабатываются имъ. Одна молодая дама, г-жа фонъ **, заняла мѣсто въ моемъ сердцѣ. Она была несчастлива за мужемъ и внѣ дома искала радостей, которыхъ была лишена у себя. При такомъ настроеніи ея духа, не много нужно было имѣть заслугъ, чтобы пріобрѣсть ея расположеніе. Скоро мы съ нею совершенно сблизились. Мы ежедневно видѣлись съ нею у ея матери; наконецъ она сама посѣщала меня. Ея прислуга была подкуплена и мужъ ея никогда объ этомъ не узналъ. Эта связь продолжалась около году Наскучивъ другъ другу, мы съ нею разошлись самымъ дружелюбнымъ образомъ, каждый послѣдовалъ по своему особому пути. Остальное свое время я проводилъ въ театрѣ, за кулисами, и главнымъ образомъ за игрой. Я велъ высокую игру и выдавалъ деньги обѣими

руками. Но онѣ ко мнѣ снова такъ и плыли. Мы ежедневно имѣли партію въ quinze у князя Ивана Мещерскаго, или у старика графа Валицкаго, или же у генерала Хитрово въ мраморномъ дворцѣ. Игра эта была настоящая jeu d'enfer, на зеленомъ столѣ всегда лежало 50,000 р. и болѣе. Между тѣмъ игроковъ наконецъ стало являться слишкомъ много; въ наше общество замѣшались игроки по профессіи и я старался удалиться. Такой образъ жизни надоѣлъ и наскучилъ мнѣ. Чтобы избавиться отъ него, какъ только наступило хорошее время года, я бѣжалъ въ Ревель. Тѣсныя улицы, съ высокими острыми крышами, этого стариннаго, торговаго города бываютъ очень оживлены, когда дворянство съѣзжается сюда изъ деревень на ярмарку въ Ивановъ день. Папеньки устраиваютъ свои дѣлишки, маменьки наряжаютъ своихъ дочерей и прекрасныя фрейлейны умильно ко всему присматриваются. Устраиваются театры, балы и есть вокзалъ. Какъ восхищало меня все это въ былое время; теперь я быстро покатилъ въ свой Разикъ. Поживъ въ одной крайности, необходимо перейти къ другой. Послѣ шумной жизни въ столицѣ, меня манило полное уединеніе въ Разикѣ.

Но пришла зима и снѣжные ландшафты сдѣлались мнѣ невыносимы; я снова поѣхалъ въ Петербургъ. Дорогой меня занимали различные планы. Я хотѣлъ отказаться отъ роскошной, разсѣянной жизни, которая могла совсѣмъ испортить мой характеръ; я намѣревался получить денежный долгъ съ графа Бобринскаго и нѣсколько денегъ съ князя Мещерскаго, привести въ порядокъ свои дѣла, купить хорошій дорожный экипажъ и потомъ — Италія, Франція, Англія! — Но вышло иначе!

Однажды я встрѣтилъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ молодаго князя Василія Мещерскаго, брата богатаго виннаго поставщика. Онъ казался убитымъ. Я заговорилъ съ нимъ, выразилъ къ нему участіе и вызвалъ на откровенность. Онъ разсказалъ мнѣ, что имѣлъ несчастіе проиграть графу Бобринскому около полумилліона, что онъ совершенно раззоренъ и не знаетъ что предпринять, потому что графъ не хочетъ больше играть съ нимъ, слѣдовательно нечего и думать отъиграться. Мнѣ стало жаль видѣть его въ такомъ положеніи, и я сталъ придумывать, какъ бы помочь ему возвратить хоть отчасти его проигрышъ. Мы привели въ исполненіе слѣдующій планъ, который, къ сожалѣнію, не принесъ ему ни малѣйшей пользы, а мнѣ нанесъ величайшій вредъ. Графъ оставался вѣренъ своей привычкѣ посѣщать меня по утрамъ и играть со мною. Двери мои запирались на это время для другихъ, но я сказалъ своему слугѣ, чтобы онъ впускалъ князя Мещерскаго. И такъ однажды графъ не безъ удивленія и досады увидѣлъ входящаго князя, но такъ какъ графъ не имѣлъ права предписывать мнѣ какъ поступать, да и при томъ онъ проигралъ мнѣ, то и покорился необходимости. Вскорѣ я нашелъ предлогъ выйти изъ

дому, просилъ князя немного пометать вмѣсто меня и ушелъ. Будто съ тѣмъ, чтобы заинтересовать его игрой я взялъ его въ пайщики на третью долю. Графъ проигралъ и князь возвратилъ извѣстную часть своего проигрыша; этого то именно я и желалъ. Но неумѣренность князя въ игрѣ была столь огромна, что онъ въ теченіи мѣсяца снова проигралъ графу многія сотни тысячъ и къ несчастію на мою долю проигрыша пришлось 400,000. Какъ жестоко упрекалъ я себя, что связался съ такимъ отчаяннымъ игрокомъ. Добродушіе мое оказало мнѣ слишкомъ дурную услугу Слишкомъ поздно увидѣлъ я, что князь, играя такимъ образомъ, можетъ проиграть даже волоса со своей головы, и снова я передъ нимъ заперъ двери. Я вооружился всѣмъ своимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, чтобы мало по малу пополнить громадный свой проигрышъ, но тщетная надежда! Счастіе повернулось ко мнѣ спиною и я постепенно спустилъ все, что когда то выигралъ отъ графа. Съ того дня, въ который я принужденъ былъ отдать графу послѣдній его вексель, онъ не переступалъ моего порога, и я вполнѣ убѣдился, какъ глупо поступилъ.

Одно обстоятельство утѣшало меня въ моемъ отчаяніи. Нашлись люди, которые не могли безъ досады и зависти видѣть, какъ мнѣ везло счастіе въ игрѣ. Они искали утѣшенія въ злорадномъ предположеніи, что я пользовался счастіемъ, благодаря искуству играть. Теперь мое несчастіе заставило замолчать завистниковъ. Деньги были проиграны, но уваженіе уцѣлѣло.

У меня еще кое-что оставалось отъ прежняго выигрыша; съ этимъ остаткомъ мнѣ слѣдовало бы уѣхать изъ Петербурга и начать другой образъ жизни, но у меня на то не достало силъ. Я несся внизъ по теченію. Мнѣ представились новые случаи игры и выигрыши, я не сошелъ съ пути соблазна, который мнѣ казался заманчивымъ и благопріятнымъ, я поддался безумному заблужденію, что могу снова залучить улетѣвшее отъ меня счастіе.

Будучи въ такомъ настроеніи, я однажды былъ приглашенъ къ обѣду, который въ Стрѣльнѣ давалъ Алексѣй О. Туда же были приглашены всѣ знаменитые игроки. Это было въ самую жаркую пору лѣта, воздухъ былъ совершенно раскаленъ. Игроки обгоняя другъ друга загнали нѣсколько лошадей до смерти. Уже и это было безуміемъ, если не жестокостью. Но гдѣ же состраданіе у игрока? Что значитъ для него лошадь! Онъ видитъ ей цѣну въ малѣйшей долѣ своего выигрыша. Человѣку грабящему хладнокровно своего ближняго, подвергающему другихъ отчаянію и недостаткамъ, гдѣ взять ему великодушныхъ чувствъ, состраданія къ чему либо, кромѣ себя!

Поданный намъ обѣдъ былъ изысканный. Игра началась и мнѣ благопріятствовала. Я выигралъ съ Дьякова, записнаго игрока, 30,000 р. Это, сколько помню, былъ послѣдній выигрышъ; съ тѣхъ игръ я сталъ все проигрывать. Этотъ самый Дьяковъ предложилъ

мнѣ провести у него вечеръ, затянулъ меня въ игру вдвоемъ и объигралъ меня до чиста. Онъ былъ грекъ въ полномъ значеніи этого слова. Потомъ мнѣ показали какія уловки онъ пустилъ въ дѣло противъ меня. Онъ нашелъ во мнѣ простака. Но даже если бы я его отколотилъ палкой, онъ всетаки не отдалъ бы мнѣ назадъ денегъ. Я поэтому послѣдовалъ благоразумному рѣшенію совершенно избѣгать его и за его подлость закрыть ему доступъ въ общество, которое я посѣщалъ.

Я по прежнему навѣщалъ своихъ знакомыхъ, но уже не игралъ болѣе. Въ обществѣ, которое я встрѣчалъ въ домѣ баварскаго посланника графа де-Брея, я проводилъ время весело и среди остроумныхъ бесѣдъ. Здѣсь карты были совершенно изгнаны. Графъ обыкновенно игралъ партію трикъ-трака съ испанскимъ министромъ, генераломъ Пардо, или съ сардинскимъ посланникомъ графомъ де Мэстромъ, (знаменитымъ авторомъ Soiree de St.-Pétersbourg); дамы собирались въ кружекъ или занимались музыкой: мы разговаривали, шутили, разсказывали, читали новыя произведенія, словомъ, всякій безъ стѣсненія дѣлалъ то, что ему нравилось и часы летѣли незамѣтно. Вокругъ графини де Брей, родомъ лифляндки, собиралось въ то время все ея семейство. Ея мать, г-жа фонъ Левенштернъ, принадлежавшая къ лифляндской отрасли нашего дома, жила тогда въ Петербургѣ со своими тремя дочерьми, именно: графиней Ливенъ и двумя еще незамужними дѣвицами, изъ которыхъ младшая впослѣдствіи вышла за мужъ за графа Бозе. Рѣдко можно встрѣтить такой семейный кружокъ, какъ былъ этотъ, члены котораго были соединены не только узами родства и привычки, но и согласіемъ чувствъ. Хозяйка дома придавала разговору невыразимую прелесть своей кротостью, деликатностью и простотой обращенія, и своимъ разнообразно образованнымъ умомъ. Къ счастію мужъ не препятствовалъ графинѣ Ливенъ, ея сестрѣ, также прибыть въ столицу, чтобы дополнить этотъ милый кружокъ, который она умѣла оживить своей красотой, внѣшней застѣнчивостію и остроумной веселостью своего разговора. Она рано и противъ влеченія своего сердца вышла замужъ, мужъ обходился съ нею холодно, но она вела себя, несмотря на нѣкоторое невинное кокетство, безукоризненно, и умѣла удержать у извѣстной границы всѣхъ, кто искалъ завести съ нею ближайшія отношенія. Испытавъ это, и я сталъ съ нею на ногу добраго родственника, котораго не лишаютъ нѣкоторыхъ маленькихъ, невинныхъ преимуществъ. Мужчины, бывавшіе тамъ, по большей части были иностранцы, дипломаты того времени, имена которыхъ пріобрѣли впослѣдствіи извѣстность. Тамъ бывали: саксонскій посланникъ Вацдорфъ, графъ Гохбергъ, г-нъ Лебцельтернъ, посолъ тогдашней имперіи герцогъ Виченцскій (Коленкуръ) и его блестящая свита, Реневаль, Лаярдъ, Румпньи и т. д., бывали также и русскіе Чернышевъ, Левашевъ, глубоко уважавшій хозяйку дома, и

другіе; кромѣ того бывало много лифляндцевъ, какъ принадлежавшихъ къ дому

Изъ многихъ веселыхъ вечеровъ, проведенныхъ тамъ, мнѣ въ особенности памятенъ одинъ; общество собралось не очень многочисленное, придумали разсказывать исторіи о привидѣніяхъ. Одна изъ такихъ исторій была до того ужасна, что дамы, дрожжа, стали смотрѣть на догаравшія свѣчи, опасаясь какъ бы онѣ, погаснувъ, не оставили комнаты въ потьмахъ на жертву всѣхъ ужасовъ мрачнаго царства тѣней. Къ увеличенію страха, мы, мужчины, по временамъ бросали безпокойные взгляды на сосѣдній темный кабинетъ; этимъ мы навели на дамъ такую боязнь, что онѣ все ближе и ближе придвигались къ намъ и не хотѣли насъ отпустить прежде нежели тотъ кабинетъ былъ освѣщенъ и обысканъ. Надобно было позвать горничныхъ, которыя проводили дамъ до ихъ комнатъ. Съ тѣхъ поръ мы должны были обѣщать не разсказывать болѣе исторій о привидѣніяхъ.

Таковъ былъ пріятный семейный кружокъ, въ которомъ я старался постепенно забыть свою печаль и возвратить себѣ спокойствіе и самообладаніе, чтобы предначертать твердый планъ своего будущаго образа жизни.

Кромѣ этого дома я еще часто посѣщалъ генеральшу Кутузову, и еще чаще домъ стараго графа Владиміра Орлова, младшаго изъ пяти братьевъ, знаменитыхъ временъ Екатерины, который былъ женатъ на сестрѣ моей тещи. Тамъ я обыкновенно рано ужиналъ, потомъ отправлялся въ 11 часовъ въ Hôtel de Bavière, гдѣ оставался до 2 часовъ ночи. У графа В. Орлова я видалъ, кромѣ дочерей его, госпожъ Новосильцевой, Паниной, Давыдовой и графини Орловой, супруги графа Григорія, особъ старо-русской партіи, остатки блестящаго времени Екатерины или другихъ знаменитостей, какими были: адмиралы Чичаговъ и Грейгъ, Алексѣй Орловъ и генералъ Сакенъ, бывшій тогда въ опалѣ, а впослѣдствіи фельдмаршалъ. Иностранцы рѣдко сюда допускались; французы вовсе не имѣли доступу здѣсь смотрѣли на союзъ съ Наполеономъ какъ на униженіе Россіи и ненавидѣли всѣхъ французовъ, даже и рейнскихъ ихъ союзниковъ. Въ этомъ кружкѣ я почти ежедневно видалъ любезную графиню Анну Орлову, дочь Алексѣя Орлова-Чесменскаго, богатѣйшую наслѣдницу во всей Россійской имперіи, а можетъ быть и во всей Европѣ. Рѣдко можно встрѣтить столько привлекательности при полномъ отсутствіи красоты. Но при ея пріятности, кротости, сердечной добротѣ и благородствѣ характера совершенно забывалось отсутствіе красоты. У нея явилось бы множество жениховъ, еслибы она громко не высказывала твердую рѣшимость никогда не выходить замужъ, ей невыносима была мысль, что ея руки станутъ искать только изъ-за ея богатства. Въ нашемъ все уравнивающемъ свѣтѣ тяготѣетъ какъ бы проклятіе на наслѣдницахъ золота и богатствъ, отравленная мысль

лишаетъ ихъ истиннаго семейнаго счастія, высочайшаго въ жизни, и онѣ увядаютъ на своихъ грудахъ золота; другой подобный примѣръ видимъ мы въ богатой современной наслѣдницѣ, англичанкѣ Бурдетъ-Коутсъ.

Въ домѣ Орлова, какъ и во всѣхъ знатныхъ домахъ русскаго дворянства, преобладала въ то время большая нелюбовь къ французамъ и вообще ко всѣмъ подчиненнымъ французскому господству; въ особенности же распространялось это нерасположеніе на гордыхъ дипломатовъ французской имперіи. Я помню одну особенно замѣчательную манифестацію этой ненависти. Герцогъ Виченцскій давалъ маскарадъ. Было приглашено множество гостей съ заявленіемъ, чтобы гости явились если не въ костюмахъ, то по крайней мѣрѣ въ домино или венеціанскомъ плащѣ. Иностранный дипломатическій корпусъ, всѣ иностранцы подчинились такому распоряженію, но русскіе съ радостію воспользовались случаемъ показать высокомѣрному императорскому послу, что не намѣрены оказывать ему удовольствіе. Всѣ русскіе явились въ обыкновенныхъ бальныхъ костюмахъ и безъ масокъ. Я ничего не слышалъ про такой уговоръ и пришелъ въ венеціанскомъ плащѣ съ маской въ рукѣ; но на лѣстницѣ меня удержалъ одинъ пріятель и шепнулъ, какъ бросится въ глаза и покажется неблагопріятнымъ для меня такое поведеніе, противное состоявшемуся уговору между всѣми русскими. Я тотчасъ же отложилъ въ сторону венеціанскій плащъ и маску и вошелъ въ комнаты въ обыкновенномъ бальномъ костюмѣ. Когда посланникъ увидѣлъ, что русскіе всѣ по немногу являлись незамаскированными, и ясно понялъ преднамѣренность ихъ поступка, то задрожалъ отъ внутренняго бѣшенства, но долженъ былъ сохранить внѣшнее спокойствіе духа; русскихъ было слишкомъ много, чтобы можно ему было выразить имъ свое неудовольствіе[1]). Странное было зрѣлище: представители французской имперіи, рейнскаго союза и tutti quanti Наполеоновской Европы входили въ разноцвѣтныхъ, пестрыхъ, фантастическихъ костюмахъ и явились какъ бы на какое представленіе предъ русскими, одѣтыми просто и серьезно. Слишкомъ легко можно было дѣлать сравненія и потому раздавался по залѣ шепотъ, но темно и далеко еще было то будущее, въ которомъ эта комедія съ переодѣваньемъ должна было показаться истиннымъ пророчествомъ. Такъ наслаждался я жизнью среди высшаго общества; часто попадалъ въ свиту прекрасныхъ женщинъ; то онѣ меня отличали и привлекали къ себѣ, то оставляли, или я самъ

---

[1]) Герцогъ Виченцскій (Коленкуръ) былъ посланникомъ Наполеона въ Петербургѣ со времени Тильзитскаго мира по 9 мая 1811 г., когда былъ отозванъ и замѣненъ Лористономъ. Наполеонъ называлъ Коленкура угодникомъ императора Александра. Коленкуръ постоянно увѣрялъ свое правительство въ миролюбіи нашего государя. «Онъ сдѣлался русскимъ — говорилъ Наполеонъ про Коленкура и отозвалъ его изъ Петербурга, желая сложить съ себя вину въ нарушеніи мира.

отъ нихъ удалялся, когда ближайшее знакомство удовлетворяло наше взаимное любопытство. Денежныя крохи, уцѣлѣвшія у меня я осторожно расходовалъ, ограничивалъ свои расходы на самое необходимое, хотя, конечно, при моей higt life они были значительны, и не игралъ вовсе. Но мнѣ это помогло только отчасти. Высокая, необузданная игра, вошедшая въ моду въ столицѣ, подвергалась неоднократному выраженію неудовольствія со стороны императора Александра. Въ числѣ самыхъ отчаянныхъ игроковъ называли и меня, хотя я уже порядочное время не принадлежалъ къ нимъ. Какое могъ я представить доказательство перемѣны своего образа мыслей? Какой способъ оправданія избрать? Я рѣшился уѣхать изъ Петербурга и подтвердить правдивость своей рѣшимости не играть тѣмъ, что удалюсь въ провинцію.

Мой тихій Разикъ принялъ меня въ свое лоно. Я отдалъ предпочтеніе его свѣжимъ березовымъ рощамъ, ничѣмъ непрерываемымъ занятіямъ и чтенію, и наконецъ веселой забавѣ охоты съ ея скачкой и погонями предъ натянутой жизнью въ столицѣ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ среди спокойствія и мира За тѣмъ въ мое уединеніе стали доноситься слухи о войнѣ; предвидя наступающія времена каждый какъ бы слышалъ шумъ битвы въ воздухѣ; мнѣ казалось, что надъ моими соснами бушуетъ, предвѣщая войну, дикій охотникъ, словомъ, моя душа дрогнула какъ старый боевой конь при звукѣ трубы. Приготовили дорожный экипажъ — я понесся въ Петербургъ.

V.

1812-й годъ.

Вступленіе въ службу. — Начало похода 1812 г. — Посылка къ неаполитанскому королю. — Маршъ до Дорогобужа. — Куръерская ѣзда въ Москву и обратно. — Бородинское сраженіе.

Въ то время искали заслуженныхъ военныхъ людей: мое желаніе потому быстро исполнилось, даже съ отличіемъ, какого я не ожидалъ. Прежде подачи просьбы о принятіи меня вновь на службу, я получилъ собственноручную записку военнаго министра Барклая-де-Толли[1]), въ которой онъ, по порученію государя императора, предлагалъ мнѣ въ лестныхъ выраженіяхъ вступить въ армію. Я изъявилъ полное свое согласіе и былъ принятъ въ службу съ прежнимъ чиномъ маіора[2]). Вскорѣ за тѣмъ я получилъ предписаніе отправиться въ нашу главную квартиру, находившуюся въ Вильнѣ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга съ моимъ дорогимъ другомъ и земляком, полковникомъ бароном Паленомъ, впослѣдствіи бывшимъ прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ[3]). Въ Ревелѣ мы свидѣлись съ нашими родственниками и устроили свои домашнія дѣла. Я сдалъ

---

[1]) Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай де Толли былъ назначенъ военнымъ министромъ 20 января 1810 г. Въ управленіе военнымъ министерствомъ, онъ разработалъ „Учрежденіе для управленія большою дѣйствующею арміею“, высочайше утвержденное 28 января 1812 г.

[2]) Изъ формулярнаго (послужнаго) списка барона Влад. Ив. Левенштерна видно, что онъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ подполковника и съ мундиромъ 12 января 1805 г.; принятъ въ службу маіоромъ по кавалеріи 29 февраля 1812 г.

[3]) Генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Матвѣй Ивановичъ фонъ-деръ-Паленъ управлялъ тремя прибалтійскими губерніями съ 1830 по 1845 годъ. Онъ смѣнилъ въ этой должности маркиза Филиппа Осиповича Паулучи, а въ 1845 г. сдалъ должность генералу Е. А. Головину, біографія котораго помѣщена въ 1-й книгѣ «XIX вѣка».

Разикъ и др. моему доброму отцу, пожелавшему управлять моими имѣніями для меня, и потомъ поѣхалъ съ Паленомъ далѣе въ Ригу Въ Шавляхъ мы обѣдали у графа Витгенштейна, командовавшаго въ то время 1-мъ армейскимъ (пѣхотнымъ) корпусомъ[1]), и послѣ затруднительнаго переѣзда прибыли въ главный городъ Литвы. Скоро прибылъ въ Вильну и императоръ съ многочисленнымъ генеральнымъ штабомъ[2]). Я былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ 1-й арміи, въ должность, не существовавшую прежде, но которая поставила меня въ непосредственныя сношенія съ главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли, скоро удостоившимъ меня своею полною довѣренностію. Слѣдствіемъ этой довѣренности было возложеніе на меня къ исполненію слѣдующаго труднаго и многосложнаго порученія.

Изъ вѣрнаго источника мы получили извѣстіе, что во многихъ пограничныхъ мѣстахъ бѣлостокской и гродненской губерній тайнымъ путемъ и вопреки строжайшимъ запрещеніямъ провозятъ въ герцогство варшавское, гдѣ стояли французскія войска (вице-король, Вандамъ, Ренье, Сенъ-Сиръ и Понятовскій), хлѣбъ, жизненные припасы и пр., гоняютъ скотъ. Мнѣ поручено было немедленно же положить конецъ всему этому и привлечь виновныхъ къ отвѣтственности. Я получилъ обширныя полномочія и выѣхалъ на слѣдствіе чрезъ два часа по полученіи предписанія. Въ Гроднѣ я переговорилъ о принятіи мѣръ съ губернаторомъ Ланскимъ, въ Бѣлостокѣ съ губернаторомъ Щербининымъ, и потомъ поѣхалъ въ Кринки и Дрогичинъ, въ которыхъ находились пограничныя таможни и гдѣ, по вѣрнымъ извѣстіямъ, производилась запрещенная контрабанда, по тому времени равная государственной измѣнѣ. Какъ ни старались контрабандисты дѣйствовать въ глубокой тайнѣ, но серьезность, ревность, строгость, съ какими я повелъ слѣдствіе и допросы, и обширная, ввѣренная мнѣ власть скоро открыли многіе тайные пути и обнаружили контрабандистовъ. Многіе виновные помѣщики, предвидѣвшіе грозу, бѣжали за границу, ихъ немногіе помощники были арестованы, много евреевъ попало въ тюрьму· тогда начались попытки на мирное соглашеніе. Лукавые по-

---

[1]) 1-й пѣхотный корпусъ входилъ въ составъ 1-й западной арміи, находившейся подъ начальствомъ Барклая-де-Толли. 1-я армія состояла изъ 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ: Витгенштейна, Багговута, Тучкова 1-го, графа Шувалова, цесаревича Константина и Дохтурова, и изъ 3-хъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ; Уварова, Корфа и графа Палена (подъ ружьемъ 127,000 ч., 558 орудій). 2-я западная армія состояла подъ начальствомъ князя Багратіона изъ 7 и 8 пѣхотныхъ корпусовъ и 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса (подъ ружьемъ 48,000 ч., 216 орудій). Въ 3-й резервной (обсерваціонной) арміи, состоявшей подъ начальствомъ Тормасова, подъ ружьемъ было 43,000 ч. и 168 ор. Во всѣхъ трехъ арміяхъ къ началу войны 1812 г. состояло подъ ружьемъ не болѣе 218,000 чел. при 942 орудіяхъ.

[2]) Государь пріѣхалъ въ Вильну 14 апрѣлл. Въ свитѣ его находились: принцъ Георгъ Ольденбургскій, князь Волконскій, канцлеръ графъ Румянцевъ, генералы: Беннигсенъ, Аракчеевъ и Армфельдъ; дѣйств. тайный сов. графъ Кочубей, государственный секретарь Шишковъ, статсъ-секретарь графъ Нессельроде и пруссаки: бывшій министръ баронъ Штейнъ и генералъ Фуль.

вѣренные запутанныхъ въ дѣло таможенныхъ чиновниковъ предлагали мнѣ подъ рукою 5,000 голландскихъ червонцевъ за то, чтобы я кончилъ слѣдствіе обыкновеннымъ путемъ. Визгливые жидовки, боясь законнаго приговора, подавали мнѣ видъ на полученіе другихъ 5,000 червонцевъ. Велики были вопли жидовокъ, когда я съ крайнимъ неудовольствіемъ отклонилъ денежную сумму Въ моемъ поступкѣ онѣ видѣли лишь то, что я хочу набить цѣну вдвое выше, но онѣ ошиблись.

Чтобы находиться поближе къ слѣдствію, но и удалиться отъ вліянія окружающаго, я выбралъ своимъ мѣстопребываніемъ одинъ изъ деревенскихъ дворцовъ князя Чарторижскаго, въ двухъ миляхъ разстояніемъ отъ Бреста-Литовскаго. Дворецъ этотъ, сохранявшій остатки прежняго великолѣпія, съ нѣкотораго времени былъ необитаемъ и находился въ большомъ упадкѣ. Здѣсь я жилъ въ одиночествѣ, окруженный вызванными сюда слѣдственными депутатами и писарями, выходя лишь съ моими печалями и заботами въ тѣнистыя аллеи парка. Мое уединеніе по временамъ нарушалъ баронъ Анштетенъ, посѣщавшій меня со своимъ шуриномъ Альфредомъ Мейснеромъ, владѣльцемъ сосѣдняго помѣстья Сѣмятычей. Изрѣдка я отдавалъ визиты и проводилъ пріятные часы въ обществѣ Анштетена и его супруги. Анштетенъ, эльзасецъ родомъ, былъ адъютантомъ принца Нассаускаго[1]), пережилъ вулканическія событія на пловучихъ батареяхъ предъ Гибральтаромъ, послѣдовалъ потомъ со своимъ прославившимся приключеніями генераломъ въ Россію и не съ особеннымъ счастьемъ сражался со шведами подъ Роченсальмомъ. Впослѣдствіи онъ промѣнялъ мечъ на перо. Нельзя сказать, чтобы онъ мастерски владѣлъ перомъ, но за то былъ мастеромъ слова, въ особенности дипломатическаго, скрывающаго мысли и измѣняющаго факты.

Мое слѣдствіе продолжалось между тѣмъ уже четвертую недѣлю, и я получалъ изъ главной квартиры предписаніе за предписаніемъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Эта окончаніе соотвѣтствовало моимъ собственнымъ желаніямъ, потому что необходимость заниматься судей-

---

[1]) Принцъ Карлъ-Генрихъ Нассау Зигенъ род. въ 1743 году. На 15 году отъ рожденія онъ вступилъ въ службу въ одинъ изъ французскихъ пѣхотныхъ полковъ; участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Бургенвиля съ 1766 по 1769 г. Въ 1782 г. онъ участвовалъ въ осадѣ Гибралтара, гдѣ ему поручено было командованіе изобрѣтенными д'Арсономъ пловучими батареями, т. е. прибрежными военными судами, имѣвшими отъ 4 до 9 пушекъ большаго калибра, поставленныхъ на платформахъ на верхней палубѣ по срединѣ судна. Въ 1783 г. принцъ Нассау-Зигенъ прибылъ въ Россію, сопутствовалъ императрицѣ Екатеринѣ во время путешествія ея въ Крымъ въ 1787 г., въ 1788 г. получилъ начальство надъ гребною флотиліею, собранною въ днѣпровскомъ лиманѣ и одержалъ блистательныя побѣды надъ турецкимъ флотомъ подъ Очаковымъ, за которыя получилъ Георгія 2-й степени и чинъ вице-адмирала. Въ 1789 г. ему было поручено начальство надъ гребнымъ флотомъ въ Финскомъ заливѣ. Съ этою флотиліею 13 августа 1879 г. принцъ одержалъ надъ шведами подъ Роченсальмомъ совершенную побѣду, но въ слѣдующемъ году въ іюнѣ былъ разбитъ на голову шведскимъ флотомъ. Въ 1793 г. онъ уѣхалъ изъ Россіи, въ 1802 г. поселился въ Парижѣ, гдѣ велъ мирно уединенную жизнь и умеръ въ 1805 г., забытый всѣми.

скимъ слѣдствіемъ тяготила меня чрезвычайно. Я приказалъ заключить дѣло и отправилъ его съ 27-ю обвиненными, которыхъ удалось арестовать, подъ конвоемъ въ Вильну, куда и я самъ поспѣшилъ. Меня приняли тутъ съ нѣкоторою холодностію и думали, что слѣдствіе могло бы быть поведено быстрѣе. Самъ Барклай, привыкшій къ подобнымъ слѣдствіямъ и ихъ результатамъ, сказалъ коротко по своему обыкновенію: «Съ врагами слѣдуетъ поступать безъ дальнихъ обиняковъ» Я задумчиво смотрѣлъ на мое дѣло, заключавшее въ себѣ болѣе 700 листовъ, которые писались день и ночь, и размышлялъ объ отношеніяхъ письменнаго производства къ факту Размышленія оказались неблагопріятными къ моей работѣ, но я утѣшался мыслію, что письменная процедура не мое изобрѣтеніе, что эта процедура всюду требуетъ обширнаго изложенія на бумагѣ, дабы предотвратить возможность произвола и своеволія.

Въ то время, когда я писалъ или приказывалъ писать, произошли вѣчно-памятныя событія. За два дня до моего возвращенія въ Вильну, войско Наполеона перешло черезъ Нѣманъ[1]). Какъ ни предвидѣли войну, какъ ни казалась она неотразимою, но впечатлѣніе дѣйствительнаго начала ея было громадное, потрясающее. Всякій чувствовалъ что ставилось на карту; всякій понималъ, что отъ этого перехода зависитъ, какъ нѣкогда сказалъ оракулъ Крезу, паденіе того либо другаго великаго государства. Но какого-же именно? Вотъ вопросъ.

Сначала предполагали принять сраженіе подъ Вильной, сосредоточивъ здѣсь войска[2]). Но скоро оставили эту мысль, которая могла бы быть гибельною при непомѣрномъ превосходствѣ силъ про-

---

[1]) Французы перешли Нѣманъ у Ковна 12 (24) іюня; извѣстіе о переправѣ непріятелей черезъ Нѣманъ пришло въ Вильну ночью съ 12 на 13 іюня.

[2]) Передъ войною 1812 г., императору Александру были поднесены многіе планы военныхъ дѣйствій. Такъ планъ войны былъ изложенъ въ замѣчательномъ мемуарѣ французскаго эмигранта графа д'Алонвиля; планъ этотъ былъ представленъ въ январѣ 1812 государю графомъ Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ и тогда же былъ сообщенъ Барклаю. Другой проектъ былъ составленъ графомъ Толемъ и представленъ государю княземъ Волконскимъ. Третій проектъ былъ составленъ прусскимъ генераломъ Фулемъ (проектъ Фуля былъ принятъ). Извѣстно, что проектъ этотъ едва было не погубилъ русскую армію и Россію, но къ счастію мы во время успѣли отказаться отъ нѣмецкихъ соображеній Фуля, о чемъ будетъ сказано ниже.

Въ настоящее время несомнѣнно доказано (о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ), что планъ отступленія нашихъ армій внутрь страны всецѣло принадлежитъ Барклаю, планъ этотъ имъ былъ составленъ задолго до войны 1812 г. Нѣмецъ Вольцогенъ, приписывавшій себѣ этотъ планъ, усвоилъ себѣ только мысли Барклая, о которыхъ онъ узналъ отъ Кнезебека; Кнезебекъ же узналъ о проектѣ Барклая отъ прусскаго министра Штейна, Штейнъ узналъ его отъ историка Нибура, которому Барклай лично изложилъ свои мысли о войнѣ съ Наполеономъ въ 1807 г. Мемелѣ. Иностранцы тутъ ровно ни при чемъ: Барклай самъ составилъ себѣ планъ, самъ приводилъ его въ исполненіе, Кутузовъ довелъ его до конца.

Планъ Фуля былъ принятъ и началъ приводиться въ исполненіе; большинство нашихъ генераловъ были убѣждены въ необходимости наступательныхъ дѣйствій. Барклай и очень немногіе болѣе проницательные люди отнюдь не раздѣляли такихъ несомнѣнно бы погубившихъ нашу армію плановъ, но они не отваживались подать голосъ о необходимости отступленія отъ границъ. Всякій, изъявившій въ то время подобное мнѣніе, говоритъ Богда-

тивника. Скоро обнаружилось несомнѣнное направленіе сильныхъ французскихъ колоннъ на Вильну, а между тѣмъ подъ этимъ городомъ не оказывалось никакой позиціи, на которой можно бы съ успѣхомъ противостоять наступленію превосходящаго въ силахъ непріятеля. Было рѣшено оставить Вильну, увезя или уничтоживъ малочисленные военные магазины. И здѣсь обнаружилась сила совершившихся фактовъ. прежде каждому показалась бы измѣною самая мысль оставить Вильну безъ боя, теперь, когда очищеніе совершилось, всякій находилъ это необходимымъ и неизбѣжнымъ.

Главная квартира императора Александра была уже перенесена въ Свѣнцяны и Барклай ждалъ только исполненія нѣкоторыхъ приказаній, чтобы также оставить Вильну Рѣзкій контрастъ представлялъ онъ собою съ окружающимъ. все кругомъ его было въ движеніи, на всѣхъ лицахъ было написано внутреннее волненіе, безпокойство, раздраженіе, онъ одинъ сохранялъ хладнокровіе духа, все обдумавшаго и на все рѣшившагося. Спокойно, отчетливо, не торопясь отдавалъ онъ свои приказанія, ни передъ кѣмъ, даже предъ самыми довѣреннѣйшими лицами не обнаруживая своихъ плановъ.

16 (28) іюня въ первомъ часу по полудни онъ со своею главною квартирою оставилъ Вильну За тѣмъ началось задолго предъ тѣмъ предположенное, многократно обсуждавшееся, сильно оспаривавшееся, съ большими издержками приготовленное отступленіе къ Двинѣ, въ знаменитый лагерь подъ Дриссою. Былъ оставленъ сильный аріергардъ, чтобы задерживать ускоренные натиски непріятеля. Гвардейскіе казаки, эта избраннѣйшая кавалерія, имѣла удачныя стычки съ французами въ Антоколѣ[1]), предмѣстьѣ Вильны и захватили въ плѣнъ ротмистра графа Октава Сегюра, брата извѣстнаго впослѣдствіи историка этой войны. Отступленіе нашей арміи по различнымъ дорогамъ совершалось въ отличномъ порядкѣ.

Началась и для меня занимательная, но и трудная работа. Главнокомандующій избралъ меня дѣлопроизводителемъ при составленіи секретныхъ донесеній, которыя онъ пересылалъ государю императору Нужда въ такихъ донесеніяхъ, при напорѣ событій, могла

новичъ, былъ бы сочтенъ измѣнникомъ, и потому Барклаю не оставалось ничего болѣе, какъ скрывать отъ всѣхъ, и даже отъ старшихъ нашихъ генераловъ, необходимость отступленія. Отъ этого произошла какая-то нерѣшительность, какое-то колебаніе во всѣхъ нашихъ первоначальныхъ военныхъ распоряженіяхъ. Барклай очень хорошо видѣлъ несостоятельность, лучше сказать, пагубность плана Фуля, но все-таки долженъ былъ приводить его въ исполненіе. Не смотря на убѣжденіе свое въ необходимости отступленія, Барклай все-таки первоначально хотѣлъ дать сраженіе французамъ подъ Вильной.

[1]) Схватка въ Антоколѣ происходила 16 іюня въ 6 ч. утра. Въ этой схваткѣ участвовали лейбъ-казачій и и тентярскій полки. При отступленіи изъ Вильны, войска наши успѣли увезти съ собою все, кромѣ 85 больныхъ. Левенштернъ ошибается, когда говоритъ, что Барклай оставилъ Вильну 16-го въ первомъ часу дня. Барклай выступилъ изъ Вильны вечеромъ 15 іюня съ 3 и 4-мъ пѣхотными корпусами въ Свѣнцяны. Занявъ Вильну, Наполеонъ прервалъ прямое сообщеніе между Барклаемъ и Багратіономъ.

возникать въ каждый часъ дня, но и ночные часы не бывали для меня свободнымя. Барклай былъ неутомимъ днемъ занятый и развлекаемый многообразными трудами полководца, онъ большую часть ночей проводилъ въ обдумываніи своихъ предположеній, въ разсматриваніи плановъ и картъ. Меня будили, чтобы излагать его мысли въ донесеніяхъ, которыхъ уже ждали фельдъ-егеря съ фыркающими конями. Иныя ночи я проводилъ, въ ожиданіи приказаній, въ передней генерала на плохой, импровизированной постелѣ. При подобныхъ занятіяхъ не обходилось безъ затрудненій своего рода. Однажды я встрѣтился съ моимъ землякомъ, командиромъ кавалергардскаго полка, полковникомъ барономъ Левенвольде. Онъ стоялъ по близости, и пригласилъ меня къ себѣ побесѣдовать и распить бокалъ шампанскаго. Мы сѣли, болтая другъ съ другомъ о всякой всячинѣ, пробки летѣли. Вдругъ входитъ ординарецъ со словами, что меня требуетъ главнокомандующій. Признаться, мнѣ было бы въ тогдашнемъ настроеніи пріятнѣе саблею ставить запятыя и циркомфлексы на лицахъ французовъ, чѣмъ водить перомъ по бумагѣ, но нечего было дѣлать. я сейчасъ же отправился къ главнокомандующему и получилъ порученіе написать бумагу прямо на бѣло. Это для меня было хуже всего. Я началъ писать, но ничего изъ этого не выходило дорогая бумага летѣла на полъ разорванная. Я приходилъ въ отчаяніе, но тутъ счастливый случай привелъ подъ закоптѣлую крышу одного степеннаго, воздержнаго, молчаливаго друга. То былъ капитанъ Тимротъ, адъютантъ принца Георга Ольденбургскаго, превосходный калиграфъ, какимъ онъ въ то, по крайней мѣрѣ, время мнѣ показался. Чрезъ часъ бѣловая бумага была кончена, подписана и отправлена.

Между тѣмъ наша армія продолжала отступленіе, и главная квартира 22 іюня (4 іюля) прибыла въ Видзы. На слѣдующій день аріергардъ нашъ состоявшій подъ начальствомъ генерала Корфа, имѣлъ при Давгелишкахъ жаркую стычку съ французскимъ авангардомъ, предводимымъ генераломъ Себастіани[1]). Наша кавалерія впервые здѣсь сошлась съ непріятелемъ и дралась превосходно. Французы съ большою энергіею повели атаку, и казалось, что они обойдутъ насъ. Но генералъ маркизъ Паулучи тотчасъ же прибылъ на мѣсто сраженія и расположилъ столь искусно батареи, что натискъ непріятеля былъ остановленъ графомъ Кутайсовымъ и его храбрыми артиллеріистами. Я находился при маркизѣ Паулучи, принималъ участіе въ сраженіи и имѣлъ случай оказать особенную услугу принцу Гогенлоэ-Кирхбергу Этотъ молодой принцъ, командиръ эскадрона Виртембергской легкой кавалеріи, во время кавалерійской атаки по-

[1]) Корфъ былъ атакованъ бригадою легкой кавалеріи Сюбервика, составлявшаго авангардъ легкой кавалеріи Мюрата. Корфъ цѣлый день задерживалъ французовъ и уже ночью отступилъ за рѣку Дисну; мы потеряли 236 чел.

лучилъ 13 или 14 ранъ, истекая кровью, онъ упалъ съ лошади и безпомощный лежалъ во время свалки подъ копытами коней. Я велѣлъ поднять его и оказалъ ему первое пособіе. Молодой красавецъ очнулся въ нашихъ рядахъ и возбудилъ къ себѣ общее участіе кротостію и терпѣніемъ, съ какимъ переносилъ боль.

Въ эти дни недоброжелательные люди, съ завистью смотрѣвшіе на доброе мнѣніе и довѣренность, которыя мнѣ оказывалъ главнокомандующій, поручая мнѣ важнѣйшія и секретнѣйшія дѣла, задумали лишить меня его благосклонности. Планъ къ тому былъ искусно составленъ. Они прежде всего положили давать мнѣ порученія и отправки изъ главной квартиры, чтобы такимъ образомъ главнокомандующій отвыкъ отъ меня и вынужденъ былъ ввѣряемыя мнѣ дѣла поручать другимъ лицамъ изъ ихъ кружка. На первый разъ они придумали порученіе, для котораго требовалась большая ловкость, и къ исполненію котораго они особенно рекомендовали меня главнокомандующему То была щекотливая отправка меня на развѣдки во французское войско въ качествѣ парламентера, и Барклай, ничего не подозрѣвая, напротивъ думая дать мнѣ возможность къ отличію, согласился послать меня развѣдчикомъ, далъ свои инструкціи, и я отправился въ опасную дорогу

Вечеромъ 23 іюня (5 іюля) наша армія оставила Видзы и отправилась на Опсу, главная квартира чрезъ это являлась въ 50-ти верстахъ разстоянія отъ французскихъ форпостовъ, стоявшихъ въ Давгелишкахъ. Графъ Кутайсовъ, командовавшій тогда аріергардомъ, стоялъ на половинѣ дорогѣ къ Видзамъ. Онъ далъ мнѣ свѣжаго коня, трубача съ двумя уланами, и я отправился дальше. Долго я ѣхалъ, не будучи примѣчаемъ французами. Наконецъ я замѣтилъ ихъ патруль изъ 12 человѣкъ, и показывалъ знаками, чтобы они остановились, но тщетно. Я велѣлъ трубачу трубить, но и то оказалось напраснымъ. Всадники поворотили лошадей и поѣхали назадъ, чтобы дать знать на форпостахъ о моемъ появленіи. Я между тѣмъ подъѣхалъ къ ихъ ведетамъ: часовые бросились на меня съ пиками и обнаженными саблями. Я слѣзъ съ лошади, чтобы показать, что прибываю безъ всякихъ непріятельскихъ намѣреній, и подошелъ къ нимъ. Въ это самое мгновеніе быстро подъѣхалъ ко мнѣ офицеръ и спросилъ — что мнѣ нужно? Я показалъ ему письмо; не отвѣчая мнѣ ни слова, онъ приказалъ всадникамъ окружить меня и караулить, а самъ поѣхалъ дать знать о моемъ прибытіи.

Прошло немного времени, какъ къ намъ подъѣхали генералы Себастіани и Сюбервикъ. Они также слѣзли съ лошадей и, спросивъ цѣли моего прибытія, пригласили меня идти вмѣстѣ съ ними въ облизъ находившуюся корчму, гдѣ слѣдовало намъ ждать приказаній короля Неаполитанскаго. Генералъ Себастіани приказалъ между тѣмъ подать хорошій завтракъ, за которымъ началась двухъ-часовая бе-

сѣда о происшествіяхъ дня. Въ моей инструкціи мнѣ рекомендовалось, чтобы я со всевозможною ловкостію увѣрилъ французовъ, что я посланъ отъ графа Витгенштейна; мнѣ слѣдовало, по инструкціи, вести и разговоръ въ этомъ родѣ, стараясь изъ рѣчей французовъ запомнить все для насъ полезное. Генералъ Себастіани, человѣкъ очень умный и пріятный, но нѣсколько тщеславный и говорливый, сверхъ всякаго моего ожиданія, высказывался не разъ черезъ-чуръ откровенно, такъ что впослѣдствіи я могъ доставить нашему главнокомандующему весьма удовлетворительный докладъ.

По истеченіи вышепомянутаго времени, подъѣхалъ король Неаполитанскій, великолѣпно разодѣтый и окруженный блестящимъ штабомъ. Онъ показался мнѣ чрезвычайно красивымъ мущиною съ правильными, выражавшими умъ, чертами лица; его обхожденіе было какъ прирожденное короля и кто не зналъ его прошлаго, тотъ считалъ его таковымъ. Я былъ ему представленъ и передалъ мое письмо. Онъ прочелъ письмо, приказалъ немедленно же приготовить отвѣтъ, и потомъ спросилъ меня, гдѣ я оставилъ императора, моего государя. Я отвѣчалъ, что не знаю, гдѣ находится императоръ, такъ какъ я посланъ графомъ Витгенштейномъ. «Ба, возразилъ король, мы очень хорошо знаемъ, гдѣ въ настоящую минуту находится Витгенштейнъ. Я отвѣчалъ, что не мнѣ убѣждать его величество въ справедливости моихъ словъ и что я долженъ предоставить ему оставаться при его мнѣніи. Послѣ небольшой паузы онъ отвѣчалъ. «Скажите мнѣ, отчего это два народа, предназначенные, по видимому, взаимно уважать другъ друга, стоятъ теперь взаимными врагами»? — «Ваше величество, отвѣчалъ я, это происходитъ отъ того, что оба народа созданы быть господами у себя дома и ѣздить другъ къ другу въ почтовыхъ каретахъ, а не съ такою страшною свитою, какая окружаетъ ваше величество» Король засмѣялся и продолжалъ «Уже вы потеряли провинціи; вы будете отброшены дальше, скоро надоѣстъ вамъ война» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, не надоѣстъ. съ потерями у насъ разгарается жажда войны; мѣста у насъ довольно, мы отступаемъ, пока не найдемъ настоящаго мѣста для скачка впередъ» — «Ба, возразилъ онъ быстро, вы узнаете, что такое значитъ терять провинціи, но узнаете слишкомъ поздно». За тѣмъ онъ обратился къ генералу Себастіани и приказалъ ему, чтобы я не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка, но чтобы не отпускалъ меня до тѣхъ поръ, пока не будетъ приведено въ исполненіе предположенное имъ наступательное движеніе. Я возражалъ, какъ водится, противъ задержанія меня, но меня никто не слушалъ. Трубачь и ординарцы были окружены, а Себастіани сказалъ, чтобы я садился на лошадь и ѣхалъ за нимъ.

Началось общее движеніе; впереди былъ Себастіани съ бригадою Сюбервика, состоявшею изъ полка польскихъ гусаръ (10-го), виртембергской легкой конницы и двухъ эскадроновъ прусскихъ уланъ.

Небольшой авангардъ шелъ впереди и мы приняли направленіе на Видзы. Незадолго предъ вступленіемъ въ этотъ городъ, Себастіани вынулъ изъ кармана двѣ орденскія звѣзды и прицѣпилъ ихъ къ своему мундиру, чтобы покрасоваться предъ кучкой грязныхъ евреевъ, единственно остававшихся въ своемъ бѣдномъ гнѣздѣ — Видзахъ. Я не могъ не улыбнуться такому фарсу, и по этой чертѣ узналъ въ Себастіани сенъ-клудскаго придворнаго.

За день передъ этимъ я ужиналъ въ видзенской гостинницѣ съ генераломъ Всеволодскимъ, шефомъ елисаветградскаго гусарскаго полка. Себастіани остановился въ этой самой гостинницѣ и приказалъ распросить обо всемъ хозяина, а мнѣ пришло на мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Я попросилъ его велѣть спросить хозяина — не узнаетъ-ли онъ меня и не тотъ-ли я самый, что вчера ужиналъ съ генераломъ графомъ Витгенштейномъ. Хозяинъ гостинницы, не знавшій въ лицо ни того, ни другаго генерала, вспомнилъ, однакоже, мое лицо и сказалъ, что я «дѣйствительно вчера ужиналъ съ гусарскимъ генераломъ, котораго фамилія начинается съ буквы В. и который ему щедро заплатилъ за ужинъ» Сомнѣвавшійся Себастіани повѣрилъ хозяину и тотчасъ же донесъ о слышанномъ королю, а мнѣ этотъ маленькій случай сослужилъ хорошую службу

Мое удовольствіе отъ этого счастливаго случая нарушилось другимъ интермеццо. Я увидѣлъ какъ привели нѣсколькихъ русскихъ бѣглыхъ, которые на распросы говорили, что «бѣжали для того, чтобы не умереть съ голоду» Себастіани съ удовольствіемъ слушалъ такія показанія и взглянулъ на меня съ торжествующею миною. Послѣ я узналъ, что эти бѣглецы были поляки. Одна бѣда одна не приходитъ. скоро пришелъ ко мнѣ мой трубачъ и сказалъ, что одинъ изъ данныхъ мнѣ въ ординарцы уланъ скрылся куда то съ лошадью и пикою. Уланъ этотъ передъ тѣмъ говорилъ, что проведетъ своего коня и потомъ бѣжитъ. Я тотчасъ же потребовалъ у Себастіани, чтобы розыскать моего ординарца: Себастіани тотчасъ же отдалъ надлежащее приказаніе къ тому; однако-же этаго всадника, принадлежавшаго къ польскому уланскому полку, я уже во всю свою жизнь не видѣлъ.

Во время моего невольнаго пребыванія у французовъ, продолжавшагося цѣлыя сутки, я имѣлъ многіе разговоры съ Себастіани. Между прочимъ онъ спросилъ меня: изъ какой мѣстности россійской имперіи я родомъ? Я отвѣчалъ, что я уроженецъ нѣмецкихъ провинцій, именно Эстляндіи. Онъ замѣтилъ, что ихъ операціи не будутъ простираться столь далеко, но что въ Курляндіи они уже имѣютъ многія связи, что почва тамъ уже испытана и что скоро французскіе орлы будутъ внесены въ эту землю. Я не противорѣчилъ и предоставилъ генералу говорить; онъ началъ развивать мнѣ фантастическіе планы французовъ, разсказывать о походѣ во внутрь

Россіи, о сильной экспедиціи на Двину, о несомнѣнныхъ своихъ успѣхахъ, о возстановленіи Польши, объ учрежденіи великаго герцогства курляндскаго съ обширными границами по ту сторону Двины; думаю, что была даже рѣчь о великомъ гетманѣ казаковъ. Сообразно инструкціи, я не прерывалъ словъ генерала и старался лишь о томъ, чтобы, заявляя кое-какія сомнѣнія, добыть отъ него полезныя для себя свѣдѣнія. Продолжая развивать свои планы, онъ началъ говорить о великихъ выгодахъ, о просвѣщеніи, о свободѣ и пр., какія Наполеонъ доставитъ русскому народу Тогда я не могъ удержаться, чтобы не спросить его: «А что же будетъ съ Петербургомъ?» «О, Петербургъ будетъ торговымъ складочнымъ мѣстомъ, и баста» Зло взяло меня и я возразилъ: «Генералъ, не смотря на всѣ ваши усилія, Петербургъ все-таки останется столицею Россіи: мы желаемъ лучше Азію съ Россіею, чѣмъ Европу съ вами или съ кѣмъ бы то ни было» Полагая, что я довольно уже пробылъ подъ арестомъ, довольно уже видѣлъ и слышалъ, я настоятельно потребовалъ отпустить меня. Меня отпустили; я поѣхалъ къ своимъ подъ французскимъ конвоемъ и прибылъ на наши форпосты измученный до крайности Казаки разрушили всѣ мосты; чрезъ одну рѣку мнѣ пришлось переправляться вплавь, при чемъ я чуть было не утонулъ. Къ счастію, я ѣхалъ на прекраснѣйшей лошади принца Гогенлоэ, которую король Неаполитанскій приказалъ отправить съ прочими экипажами принца со мною. То былъ большой, сильный конь, который счастливо перенесъ меня чрезъ рѣку

Освободившись отъ французовъ, я поспѣшилъ въ нашу главную квартиру Графъ Кутайсовъ подкрѣпилъ меня ужиномъ на своемъ бивуакѣ, полковникъ Потемкинъ далъ мнѣ свои дрожки, на которыхъ я мчался всю ночь. Я пріѣхалъ въ Бельмонте, замокъ графа Мануцци, въ то самое время, когда главная квартира только что выступила оттуда. Достолюбезный Клингеръ, сынъ извѣстнаго генерала и адъютантъ Барклая, остававшійся здѣсь съ небольшимъ отрядомъ, далъ мнѣ свою лошадь, чтобы догнать главную квартиру на ея маршѣ. Я скоро нашелъ квартиру, и Барклай съ большимъ удовольствіемъ выслушалъ мои доклады и рѣчи.

Армія наша между тѣмъ продолжала свое отступленіе къ пресловутому лагерю подъ Дриссою, устроенному по внушенію генерала Фуля. Странную смѣсь характеровъ представлялъ собою этотъ Фуль: копотливый, причудливый, педантъ, совершенный новичекъ въ мірѣ дѣйствительномъ и живущій лишь въ воображаемомъ мірѣ, онъ спотыкался о каждую соломенку, какая попадалась ему на пути. Способности его были довольно ограничены, потому и планы его идеальнаго міра не были огромны. Онъ признавалъ великими только двухъ

полководцевъ. Цезаря и Фридриха, на прочихъ онъ не обращалъ никакого вниманія и все, что не произошло послѣ смерти Фридриха, считалъ упадкомъ военнаго искуства За тѣмъ онъ не только не трудился изучать новѣйшіе походы, но порицалъ ихъ всѣ огуломъ. При подобныхъ взглядахъ вышло то, что онъ и понятія не имѣлъ о Наполеонѣ и его способѣ веденія войнъ, и его колосальные планы и предпріятія мѣрилъ маленькимъ масштабикомъ семилѣтней войны. Онъ думалъ исполинскія силы Наполеона задержать маленькими средствицами семилѣтней войны, маленькими диверсіями въ пару тысячь человѣкъ, съ фланговыми позиціями, съ демонстраціями, и наконецъ, какъ вѣнцомъ всего, съ укрѣпленнымъ лагеремъ à la Бунцельвицъ. Именно такимъ образомъ и былъ составленъ его планъ войны 1812 года.

Замѣчательно и только духомъ времени объяснимо то обстоятельство, что этотъ человѣкъ съ узкими взглядами все-таки пользовался большою репутаціею. Быть можетъ, онъ былъ обязанъ тому слѣдующимъ обстоятельствомъ. во первыхъ, живя въ Пруссіи онъ выставлялъ прусскаго героя какъ non plus ultra военнаго совершенства, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ вниманіе всѣхъ прусскихъ военныхъ людей; потомъ онъ саркастически осуждалъ все, что ни дѣлалось. Это придало ему видъ умственнаго превосходства, глубины и военной мудрости. Онъ всегда утверждалъ, что-де коли дѣла не поведутся лучше, то путнаго изъ того ничего не выйдетъ, но какъ ихъ повести лучше, это онъ благоразумно оставлялъ про себя. Кромѣ того онъ окружалъ себя нѣкоторою тайною, удалялся отъ свѣта, открывался только довѣреннымъ юношамъ, молодымъ офицерамъ, бывшимъ не въ состояніи оцѣнить его надлежащимъ образомъ. Онъ читалъ имъ лекціи о военномъ искуствѣ, которыя собственно были лекціями о семилѣтней войны: такъ возникла слава о немъ, какъ о глубоко посвященномъ мастерѣ во всю сущность войны. Съ такою славою прибылъ онъ въ Россію съ порученіемъ отъ своего государя, короля прусскаго, а вслѣдствіе такой его славы императоръ Александръ предложилъ ему вступить въ русскую военную службу Фуль. не исполнивъ своего порученія, перешелъ въ нашу службу Блестящая репутація Фуля была такова, что императоръ пожелалъ прослушать у него лекціи военнаго искуства и потомъ, когда разрывъ съ Наполеономъ дѣлался все болѣе и болѣе неизбѣжнымъ, поручилъ ему составить планъ обороны. Фуль составилъ такой планъ, и сообразно его-то оборонительнаго плана и были приняты нами первыя мѣропріятія въ войнѣ 1812 года По общему мнѣнію, которое раздѣляли и опытнѣйшіе военные люди Россіи, намъ слѣдовало отступить предъ бурнымъ натискомъ французовъ, затянуть войну и только тогда серьезно и энергически напасть на непріятеля, когда онъ, завлеченный во внутрь страны, явится истощеннымъ и обезсиленнымъ недостаткомъ

жизненныхъ припасовъ, затрудненіями таскать съ собою все нужное въ опустошенной странѣ, маршами и малою войною. Это великое общее мнѣніе Фуль свелъ къ мелочному узкому плану Вмѣсто того, чтобы посредствомъ дальнѣйшаго отступленія обезсилить непріятельскую армію недостатками, опустошеніями, онъ хотѣлъ отступить лишь на нѣсколько небольшихъ маршей до Двины. Здѣсь онъ хотѣлъ учредить родъ Бунцельвицкаго лагеря, которому недоставало только существеннѣйшаго условія — крѣпости вблизи, на которую бы можно было опереться и которая могла бы задержать Наполеона, какъ Бутурлина и Лаудона предъ Бунцельвицемъ; графъ Витгенштейнъ долженъ былъ со своими 20,000 человѣкъ дѣлать противъ французовъ демонстраціи и диверсіи вправо отъ Динабурга, князь же Багратіонъ и Платовъ такія же диверсіи и демонстраціи должны были дѣлать влѣво отъ Минска. Французы, задержанные непреоборимымъ лагеремъ, непрерывно тревожимые, находясь въ постоянныхъ передвиженіяхъ, въ концѣ концовъ должны погибнуть. Таковъ былъ мудрый планъ лагеря подъ Дриссою. Всѣ дѣльные генералы, Барклай, Беннигсенъ и всякій, кто имѣлъ голосъ, видѣли несостоятельность, ошибочность и мелочность предположеній Фуля, но планъ уже былъ составленъ, всѣ мѣры были приняты сообразно этого плана, магазины были заложены въ мѣстахъ, указанныхъ Фулемъ, время было слишкомъ коротко, чтобы направить все по пути другаго операціоннаго плана. Кромѣ того главнокомандующій могъ бы, впослѣдствіи, когда обнаружились бы планы Наполеона по его первымъ операціямъ, произвести необхоеимыя измѣненія въ общемъ планѣ. Но какъ въ шахматной игрѣ, сдѣлавъ первый ходъ ошибочно, трудно оправиться и выиграть партію, такъ точно и въ войнѣ трудно поправлять то, что было испорчено въ началѣ. По вышеуказаннымъ соображеніямъ было рѣшено принять несчастное направленіе на Дриссу, гдѣ русское войско очутилось близкимъ къ своей гибели[1]). Слѣдствіемъ этого было то, что

---

[1]) Въ описаніи отечественной войны 1812 г. Михайловскаго-Данилевскаго не упоминается вовсе о различныхъ предположеніяхъ для дѣйствій, составленныхъ предъ войною 1812 года, не упоминается о планѣ д'Аленвиля, планѣ Толя, наконецъ ничего не говорится ни о Фулѣ, ни о его планѣ, поэтому изъ описанія Михайловскаго нельзя понять какимъ образомъ и за чѣмъ появился укрѣпленный лагерь въ Дриссѣ и почему имянно 1-я армія явилась въ этомъ лагерѣ послѣ выступленія изъ Вильны. У Богдановича, въ его исторіи отечественной войны, эти всѣ предметы разъяснены довольно подробно, и изъ этихъ разъясненій становится понятнымъ — почему наши войска были раздѣлены на 3 арміи, за тѣмъ явился укрѣпленный лагерь въ Дриссѣ, за чѣмъ двинулась сюда 1-ая армія. Вотъ что говоритъ Богдановичъ о Фулѣ и его проектѣ (см. исторію отеч. войны, томъ I, стр 100 и слѣд):

„Еще прежде изложеннаго нами плана дѣйствій (Толя) былъ составленъ другой генераломъ Фулемъ, прусскимъ офицеромъ, перешедшимъ въ русскую службу. Онъ считался въ прусскомъ генеральномъ штабѣ геніяльнымъ человѣкомъ. Въ дѣйствительности же хотя ему нельзя было отказать ни въ умѣ, ни въ образованіи, однакоже свѣдѣнія его были весьма ограничены, или — лучше сказать — односторонни. Погруженный въ изученіе дѣйствій Юлія Цезаря и Фридриха Великаго, онъ не разъяснилъ ихъ критическимъ изслѣдованіемъ и усвоилъ эти знанія буквально, не разгадавъ ихъ духа. Всѣ событія новѣйшихъ войнъ остались для него чуждыми; къ тому же, уклонясь отъ общества и ведя созерцатель-

Наполеонъ со всѣмъ своимъ превосходствомъ въ силахъ бросился между двумя разъединенными русскими арміями, обошелъ ихъ и приготовилъ гибель той и другой порознь, которая не произошла только вслѣдствіе ошибокъ его подчиненныхъ генераловъ и усиленныхъ переходовъ и мѣръ, предпринятыхъ русскою арміею.

29 іюня (11 іюля) мы пришли въ лагерь подъ Дриссою. Но едва только мы ступили въ него, какъ раздался общій крикъ негодованія, такъ какъ всякій даже близорукій ясно видѣлъ, что мы здѣсь явились отрѣзанными отъ южныхъ, богатыхъ губерній, и будемъ оттѣснены въ безплодныя сѣверныя губерніи, а, быть можетъ, явимся прижатыми къ самому морю. Представленіямъ важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ лицъ на военномъ совѣтѣ, бывшемъ у императора, удалось наконецъ выказать всю несостоятельность плана Фуля, и Барклай получилъ возможность дѣйствовать по собственному усмотрѣнію[1]). Онъ

ную жизнь, онъ не только казался чудакомъ, но и былъ имъ въ дѣйствительности; слабодушный, безхарактерный, онъ терялся при всякомъ неожиданномъ случаѣ, а между тѣмъ выказывалъ какую-то искуственную рѣшительность, которая была ему несвойственна. Упражняясь весь вѣкъ свой въ занятіяхъ непримѣнимыхъ ни къ чему дѣльному, онъ, въ продолженіи шести лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Россіи, не только не позаботился изучить русскій языкъ, но не подумалъ даже о томъ, чтобы получить какое либо понятіе о лицахъ, занимавшихъ у насъ важнѣйшія мѣста, а также о государственныхъ и военныхъ учрежденіяхъ нашего отечества. Справедливость требуетъ однакоже замѣтить, что, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, при всей своей неспособности, Фуль отличался прямодушіемъ и благородствомъ характера.

Чтобы изслѣдовать основанія плана, составленнаго Фулемъ не должно терять изъ вида, что постояннымъ занятіемъ его было изученіе семилѣтней войны, а единственнымъ плодомъ этого занятія — выводъ изъ дѣйствій Фридриха Великаго и принца Генриха нѣсколькихъ механическихъ правилъ, главнымъ изъ коихъ было то, что *оборонительную войну должно вести двумя арміями, изъ которыхъ одна удерживала бы непріятеля съ фронта, между тѣмъ какъ другая дѣйствовала бы ему во флангъ и тылъ.* За тѣмъ Фуль занялъ отъ Бюлова идею, будто бы *лучшій способъ удержать наступающаго противника заключается въ томъ, чтобы расположить свою армію въ сторонѣ отъ прикрываемаго пути, занявъ — такъ называемую — фланговую позицію.*

Въ составленіи Фулева плана не имѣлъ участія ни Барклай де Толли, ни кто либо другой изъ нашихъ извѣстныхъ военныхъ людей. Барклай, военный министръ, бывшій въ тоже время и главнокомандующимъ 1-й арміи, не только не одобрялъ этого плана дѣйствій, но приводилъ его въ исполненіе противъ воли. Этотъ пресловутый планъ составленъ былъ въ Петербургѣ, и предварительныя распоряженія къ его исполненію сдѣланы были гораздо прежде, нежели Барклай узналъ о его существованіи“

Далѣе Богдановичъ говоритъ:

„Нельзя не замѣтить, что многія предположенія, на которыхъ Фуль основалъ успѣхъ свего плана, существовали только въ его воображеніи: 2-я армія, вмѣсто 80-ти тысячъ человѣкъ, по отдѣленіи отъ нея почти половины войскъ для сформированія арміи Тормасова, были въ числѣ 40 тысячъ; Динабургъ гдѣ предполагалось собрать большіе склады провіанта, подъ защитою укрѣпленій, тогда не былъ крѣпостью; Сѣбежъ, другой пунктъ, долженствовавшій также быть складочнымъ укрѣпленнымъ городомъ, не былъ ни снабженъ запасами, ни усиленъ пособіемъ искуства. Лагерь при Дриссѣ находился на весьма невыгодной для обороны мѣстности и укрѣпленъ былъ, по проекту самаго Фуля, чрезвычайно дурно; слѣд. не удовлетворялъ главному условію всякаго укрѣпленнаго лагеря — служить надежнымъ убѣжищемъ для арміи“.

Еще далѣе:

„Принявъ планъ, предложенный Фулемъ, мы впали въ ошибку, но успѣли ее поправить во время, и ошибочное движеніе къ Дриссѣ послужило началомъ отступленія русскихъ войскъ къ Москвѣ, имѣвшаго слѣдствіемъ ослабленіе грозной наполеоновской арміи».

[1]) 26 іюля въ Дриссу пріѣхалъ сардинскій инженеръ полковникъ Мишо, перешедшій въ русскую службу. Онъ осмотрѣлъ лагерь и на слѣдующій день, 27 іюня, когда въ

предположилъ тогда двинуть, пока еще не поздно было, 1-ю армію форсированнымъ маршемъ на Витебскъ для соединенія съ арміею Багратіона; Наполеонъ въ это время уже направилъ большую часть своихъ войскъ также на Витебскъ. 2 (14) іюля, слѣд. чрезъ три дня послѣ вступленія въ лагерь, мы выступили изъ него. Потерянныхъ трехъ дней было слишкомъ много, и мы лишь съ большимъ трудомъ успѣли достигнуть Витебска ранѣе непріятеля. То было истинное состязаніе въ бѣгѣ: мы по правому, фраицузы по лѣвому берегу Двины спѣшили къ Витебску Судьба похода, судьба Россіи и Европы зависѣли отъ того, кто придетъ первымъ въ этотъ городъ. Русскіе войска оказались быстрѣйшими: Россія и Европа были спасены.

Съ этого времени послѣдовало измѣненіе въ планѣ кампаніи; перемѣнялись, за исключеніемъ главнокомандующаго, и исполнители плана. Въ началѣ похода начальникомъ штаба былъ дряхлый генералъ *Лавровъ*, человѣкъ храбрый, но занимавшій эту должность не потому что былъ достоинъ ея, а потому что при Суворовѣ въ Италіи находился въ высшемъ дѣловомъ кружкѣ. Онъ былъ старъ, хромъ, едва могъ ходить и съ трудомъ садился на лошадь; умственныя его способности были не сильнѣе тѣлесныхъ. Обстоятельства были слишкомъ опасны, чтобы допустить безвременную пощаду, потому, по представленію Барклая, Лавровъ былъ замѣненъ генераломъ, маркизомъ *Паулучи*, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вступилъ въ русскую службу изъ австрійской и отличился въ войнахъ со Швеціею и Персіею. То былъ человѣкъ съ достоинствами, но честолюбивый, черезъ мѣру самолюбивый и къ посту начальника штаба совсѣмъ неспособный. Чрезъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія онъ былъ замѣненъ генераломъ *Ермоловымъ*. Ермоловъ былъ вполнѣ способенъ для этой должности, онъ былъ свѣдущій, съ энергическою силою воли человѣкъ, но характеръ его внушалъ мало довѣрія: онъ былъ суровъ, упрямъ и всякое средство для достиженія цѣли считалъ хорошимъ. Одновременно съ начальникомъ штаба былъ перемѣненъ и генералъ-квартирмейстеръ. До сихъ поръ генералъ-квартирмейстеромъ былъ ге-

---

лагерь прибылъ императоръ, онъ чрезъ князя Волконскаго довелъ до свѣдѣнія государя свое заключеніе о лагерѣ. Государь немедленно отправился въ лагерь со своею свитою, въ которой находился и Фуль. Замѣтивъ, что никто изъ русскихъ офицеровъ, говоритъ Богдановичъ, не раздѣлялъ убѣжденій Фуля въ выгодахъ лагеря, императоръ Александръ потерялъ довѣріе къ нему. 2 іюля поручикъ Граббе лично донесъ государю „что непріятельскія силы устремлены въ пространство между 1 и 2-ю арміями. Донесеніе это подтвердилось, тогда государемъ былъ созванъ военный совѣтъ изъ Барклая, графа Аракчеева, принца Георгія Ольденбургскаго, герцога Александра Виртембергскаго, князя Волконскаго и флигель-адъютанта Вольцогена. На совѣтѣ было рѣшено оставить дрисскій лагерь и направиться на Витебскъ. Планъ Фуля былъ устраненъ и положено отступать съ цѣлію соединенія армій. 4 іюля 1-я армія двинулась къ Полоцку, за исключеніемъ корпуса Витгенштейна, оставленнаго на Двинѣ. Въ этотъ самый день Наполеонъ оставилъ Вильну. Государь оставилъ армію, выѣхавъ изъ Полоцка, въ ночь съ 6 на 7 іюля, на Смоленскъ въ Москву.

нералъ *Мухинъ*, искусный рисовальщикъ чертежей, но, по незнанію иностранныхъ языковъ, имѣлъ не очень ясныя понятія о высшей войнѣ. Его замѣнилъ полковникъ *Толь*, молодой, способный офицеръ, рѣшительнаго характера, дѣятельный, непоколебимо храбрый, приготовившій себя для высшей войны главнѣйше изученіемъ сочиненій Жомини[1]). Слѣдуетъ прибавить, что съ этаго времени дѣла пошли лучше противъ прежняго.

Кромѣ собственно военной главной квартиры главнокомандующаго, при арміи состояла главная квартира императора, въ которой находилось нѣсколько знатныхъ, вліятельныхъ лицъ, считавшихъ себя вправѣ давать также свои мнѣнія о военныхъ операціяхъ, отъ этого

---

[1]) Маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулучи родился въ Моденѣ въ 1779 г., юношею вступилъ въ піемонтскую службу, изъ которой перешелъ въ австрійскую; въ 1807 г. принятъ въ русскую службу полковникомъ; въ 1808 произведенъ въ генералы; въ 1809 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба грузинскаго корпуса (Тормасова); въ 1811 былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ въ Грузіи, а въ началѣ 1812 г. былъ вызванъ къ 1-й арміи. Въ октябрѣ 1812 г. онъ былъ назначенъ прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ, каковую должность исполнялъ до 1829 года, управляя сперва Лифляндіею и Курляндіею, съ 1819 г. Эстляндіею, а потомъ и псковскою губерніею. Въ Прибалтійскомъ краѣ онъ пользовался такою популярностію, какою не пользовался ни одинъ изъ генералъ-губернаторовъ ни до, ни послѣ него бывшихъ. Довольно сказать, что день 12 октября, когда Паулучи прибылъ на свою должность въ Ригу, ежегодно праздновался самымъ торжественнымъ образомъ: къ этому дню съѣзжались въ Ригу, для поздравленія маркиза, депутаты отъ городовъ и сословій; въ Муссѣ (аристократическій клубъ) давался парадный балъ; къ этому дню сочинялись кантаты, стихотворенія, дѣлались подписки на различныя учрежденія и пр. и пр. Такія торжества ежегодно повторялись до 1829 г., когда маркизъ оставилъ русскую службу, и принялъ главное начальство надъ арміею короля сардинскаго; впослѣдствіи онъ былъ генералъ-губернаторомъ Генуи.

Генералъ отъ артиллеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ (род. въ 1777 г., умеръ въ Москвѣ 11 апрѣля 1861 г.) составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся личностей всей нашей военной исторіи. Популярность его въ арміи и въ обществѣ была чрезвычайно велика, до такой степени велика, что біографія Ермолова и прохожденіе его службы въ общихъ чертахъ извѣстна всякому русскому. Нѣтъ надобности повторять общеизвѣстное, но не мѣшаетъ замѣтить одно: Левенштернъ не долюбливалъ Ермолова, но и Ермоловъ крѣпко не долюбливалъ нѣмцевъ. Въ отношеніи всякаго рода нѣмцевъ, своихъ и чужихъ, онъ, какъ то видно изъ его многочисленныхъ отзывовъ о нихъ, вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе графа Остермана Толстаго, высказанное въ 1812 г., кажется маркизу Паулучи: „Для васъ Россія рубашка: вы ее надѣли и снимете ее, когда хотите. Для меня Россія кожа моя“.

Графъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь, генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ русскимъ генераламъ царствованія Александра и первой половины царствованія Николая Павловича. Онъ родился также въ 1777 г. и происходилъ изъ старинной баронской эстляндской фамиліи. Онъ воспитывался въ Сухопутномъ корпусѣ и фронтовую военную службу началъ въ 1799 г. подъ знаменами Суворова. Онъ участвовалъ въ аустерлицкомъ сраженіи, потомъ въ турецкой войнѣ и, въ 1809 г. изъ генеральнаго штаба, по разнымъ непріятностямъ, перешелъ баталіоннымъ командиромъ въ 20-й егерскій полкъ. Онъ уже хотѣлъ было выходить въ отставку, но его удержалъ на службѣ князь П. М. Волконскій. Съ 1812 г. начинается возвышеніе Толя. Въ знаменитыхъ походахъ 1812, 13 и 14 имя Толя занимаетъ всегда одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ день коронованія императора Николая, Толь былъ произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи. Турецкая война 1829 г. прославила Толя (Кулевчи, покореніе Силистріи, переходъ за Балканы) наградами за нее были: графское достоинство, 300 тысячъ рублей единовременно, Георгія 2 класса, Владиміра 1 степени и званіе шефа 20 егерскаго полка. Въ концѣ 1830 года онъ былъ былъ назначенъ къ Дибичу начальникомъ штаба. Онъ рѣшилъ побѣду при Гроховѣ, онъ же покончилъ и штурмъ Варшавы въ 1831 г. Въ 1833 г. Толь былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями и въ этомъ званіи умеръ 23 апрѣля 1842 г. — Левенштернъ говоритъ про Толя истинную правду: Толь дѣйствительно обладалъ всѣми качествами превосходнаго военачальника.

нерѣдко возникали разногласія. Въ особенности интриги[1]) направлялись противъ Барклая, всѣмъ обязаннаго своимъ собственнымъ заслугамъ и удостоеннаго большею довѣренностію государя; его хотѣли низвергнуть, но предварительно старались, чтобы званіе главнокомандующаго ему опостыло вслѣдствіе тысячи непріятностей и раздраженій. При этихъ козняхъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ лицъ былъ генералъ *Армфельдтъ*, давно уже прошедшій всю школу интригъ. Паулучи принималъ косвенное участіе въ интригахъ. Снѣдаемый неутолимымъ честолюбіемъ, онъ, подъ личиною шутки, громко осуждалъ операціи главнокомандующаго. Герцогъ Александръ Виртембергскій, принцъ Августъ Ольденбургскій, генералъ Беннигсенъ, чрезъ мѣру кичившійся своимъ прусскимъ походомъ, предъ всѣми и каждымъ не стѣсняясь говорили о мнимыхъ ошибкахъ, будто бы совершенныхъ, и скрытно указывали на неспособность виновника ихъ[2]). Ермоловъ, въ душѣ ненавидѣвшій Барклая, но притворявшійся преданнымъ ему, подкладывалъ огонь подъ рукою. Изъ высшихъ кружковъ неудоволь-

---

[1]) Интриги и противодѣйствія всегда бывали въ нашихъ главныхъ квартирахъ. Исключенія рѣдки; къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній принадлежала главная квартира князя Горчакова, сформированная въ 1853 г. при началѣ несчастной для насъ войны, 1853—56 годовъ. Квартиру эту составляли: Коцебу, Бутурлинъ, Сержпутовскій, Затлеръ, Орловъ-Денисовъ, Ушаковъ и нѣкоторые другія второстепенныя лица.

[2]) Вотъ нѣкоторыя подробности объ упоминаемыхъ здѣсь лицахъ:

Гравъ Густавъ Маврикій Армфельдъ, шведъ родомъ, родился 1 апрѣля 1757 г. Онъ пользовался большою силою при Густавѣ III, при Густавѣ IV былъ преданъ суду и бѣжалъ въ Петербургъ. Въ службу нашу его тогда не приняли, а поселили въ Калугѣ. Изъ Калуги онъ выѣхалъ въ Германію, жилъ тутъ до 1799 г. и въ томъ году снова поступилъ въ шведскую службу. Въ 1807 г. онъ былъ произведенъ въ полные генералы, но въ 1810 г., по связямъ съ графинею Пипперъ, долженъ былъ оставить Швецію и перешелъ въ русскую службу. Императоръ Александръ возвелъ его въ графское достоинство; онъ былъ потомъ канцлеромъ Абовскаго университета, предсѣдателемъ финляндскаго комитета и членомъ государственнаго совѣта. Онъ умеръ въ Царскомъ селѣ 7 августа 1814 г. Говорятъ (не совсѣмъ справедливо), будто онъ и Балашевъ способствовали паденію Сперанскаго.

Герцогъ Александръ Виртембергскій, сынъ Фридриха владѣтельнаго герцога виртембергскаго, родился 24 апрѣля 1771 г. Въ 1794 г. онъ вступилъ въ австрійскую службу, участвовалъ во многихъ войнахъ и, по рекомендаціи Суворова, былъ принятъ въ русскую службу 7 мая 1800 г. съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Въ 1811 г. былъ назначенъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1812 г., состоя при дѣйствующей арміи, участвовалъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ съ французами. Въ 1813 г. онъ взялъ Данцигъ. По заключеніи мира, герцогъ возвратился къ прежней своей должности бѣлорусскаго генералъ-губернатора. Съ 2 августа 1822 г. ему было поручено управленіе путями сообщеній. Многія важныя преобразованія и работы были произведены во время управленія герцогомъ путями сообщеній. Онъ умеръ за границей, въ Готѣ, 4 іюля 1833 г. Преемникомъ ему по управленію путями сообщеній былъ извѣстный Толь.

Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ, родился въ Брауншвейгѣ 10 фев. 1745 г. и первоначально поступилъ въ ганноверскую службу. Онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, въ 1773 г. перешелъ въ русскую службу маіоромъ въ вятскій полкъ. Участвуя въ многочисленныхъ походахъ, онъ въ 1798 г. былъ уже генералъ-лейтенантомъ. Его участіе въ событіи 12 марта 1801 г. и въ войнахъ 1806 и 1807 извѣстны всякому. Въ 1812 г. онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ, хотя и не имѣлъ особенной команды. Въ 1813 году былъ главнокомандующимъ вновь сформированной польской арміи; за Лейпцигъ онъ получилъ графское достоинство, при заключеніи парижскаго мира получилъ Георгія 1 класса, и по возвращеніи въ Россію былъ главнокомандующимъ 2-ю арміею. Въ 1818 г. вышелъ въ отставку, поселился въ Ганноверѣ, гдѣ и умеръ 2 октября 1826 г.

ствіе на Барклая распространялось между прочими генералами и переходило въ круги нисшіе.

Императоръ Александръ, замѣтивъ подобныя козни, рѣшился положить имъ предѣлъ. онъ оставилъ армію и неограниченное полномочіе надъ войсками передалъ Барклаю. Какъ бы волшебнымъ жезломъ сразу все перемѣнилось. передняя Барклая, опустѣлая съ нѣкотораго времени, снова наполнилась тѣми же самыми лицами, которые его поносили. Барклай, всегда хладнокровный и покойный, не показалъ ниже малѣйшихъ признаковъ своего неудовольствія и обходился со своими хулителями съ тою же вѣжливостію, какъ и прежде.

Императоръ, предъ оставленіемъ арміи и отъѣздомъ въ Москву прибылъ къ Барклаю. Государь нашелъ его въ дрянномъ сараѣ (Баркрай совершенно презиралъ личныя удобства и ему все равно было, гдѣ бы ни помѣщаться, лишь бы только поближе къ арміи). Императоръ пробылъ цѣлый часъ у него, прощаясь, нѣжно обнялъ его; садясь же въ экипажъ и пожимая руку Барклая, сказалъ «Будьте здоровы, генералъ, и еще разъ будьте здоровы. Поручаю вамъ мою армію; не забывайте никогда, что я только эту армію и имѣю». Эти слова государя слышанныя окружавшими, независимо отъ другихъ основаній, объясняютъ также черезъ чуръ иногда осторожный образъ дѣйствій Барклая, напримѣръ подъ Руднею, который его завистники горько осуждали, какъ несоотвѣтвующій храбрости арміи. Но развѣ эта осторожность не спасла армію и Россію, когда армія оставалась не тронутою до конца? Пожаръ Москвы и всѣ невзгоды зимняго времени прошли бы безслѣдно, если бы не было арміи, которая порѣшила все дѣло.

Съ отъѣздомъ императора, Барклай сталъ еще спокойнѣе, еще сосредоточеннѣе и рѣшительнѣе въ своихъ предпріятіяхъ. Одинъ въ кабинетѣ со своими картами онъ взвѣшивалъ отношенія и случайности войны, комбинировалъ свои планы и затѣмъ составлялъ свои рѣшенія. Его положеніе, благодаря ложному направленію, какое было дано арміи планомъ Фуля, было самое тяжелое: отъ часовъ и минутъ часто зависѣло спасеніе цѣлыхъ тысячь народа. Барклай, съ самаго начала противникъ раздѣленія обѣихъ армій, въ настоящее время всю свою заботу обратилъ на соединеніе ихъ; онъ горько жаловался на медленность и недостатокъ доброй воли Багратіона и Платова, противостоявшихъ этому соединенію, при чемъ съ похвалою и благодарностію отзывался о Дохтуровѣ и графѣ Петрѣ Паленѣ, которые, хотя непріятель всѣми мѣрами старался отрѣзать ихъ, рѣшительностію дѣйствій и усиленными форсированными маршами счастливо проложили себѣ путь къ арміи.

11 (23) іюля мы съ войсками прибыли въ Витебскъ. Между этимъ городомъ и Оршею должно было послѣдовать соединеніе съ Багратіономъ, о которомъ полагали, что онъ идетъ сюда прямо изъ Могилева. Но непріятель стоялъ близко и могъ воспрепятствовать этому

соединенію, потому Барклай предпринялъ отважное рѣшеніе: для достиженія соединенія не уклоняться даже отъ сраженія. Такъ какъ корпусъ Дохтурова, составлявшій аріергардъ арміи, находился на правомъ берегу Двины, потому Барклай двинулъ на лѣвый берегъ Двины на встрѣчу непріятеля корпусъ Остермана-Толстаго, котораго долженъ былъ подкрѣплять Коновницынъ съ 3-ю дивизіею. 14 и 15 іюля происходило упорное сраженіе подъ Островной и Какувячиною, во время котораго Остерманъ отличился своею стойкостью, а Коновницынъ своею энергіею. Барклай утромъ 13 (25) іюля послалъ меня къ корпусу Остермана, чтобы каждые полчаса давать ему, Барклаю, извѣстія о ходѣ дѣла. На пути къ Остерману, я предложилъ Коновницыну, находившемуся еще позади Остерманова корпуса, поспѣшить на подкрѣпленіе его. Я засталъ сраженіе при Островнѣ въ полномъ развитіи и Остермана, отражающаго непріятельскіе атаки. Въ храброй стойкости состоялъ его талантъ, его заслуги. Онъ былъ опытенъ въ упорной оборонѣ позиціи, но у него не доставало искуства предводительствовать отдѣльнымъ корпусомъ и принимать соотвѣтствующія мѣры, сообразно обстоятельствамъ. Я засталъ какъ его генералы, оба Бахметьевы и Окуловъ (послѣ убитый), излагали Остерману свои мнѣнія о маневрахъ. какіе слѣдовало бы произвести, но онъ ничего не отвѣтилъ на ихъ представленія; нѣсколько благосклоннѣе выслушалъ онъ мнѣніе мое и Сеславина, бывшаго также адъютантомъ главнокомандующаго, касательно обороны. До поздняго вечера Остерманъ не подавался назадъ и когда адъютанты спрашивали его, что дѣлать предъ напоромъ непріятеля, которому противостоять дальше было невозможно, онъ отвѣчалъ. «Что дѣлать? Стоять и умирать!» Они стояли и умирали до вечера[1]), когда предпринято

---

[1]) Сраженіе при Островнѣ началось утромъ 13 (25) іюля и продолжалось до самаго вечера. Ночью Остерманъ (4-й пѣхотный корпусъ, усиленный двумя драгунскими и двумя гусарскими полками) отступилъ въ деревню Какувячину въ 8 верстахъ отъ Островны, гдѣ стоялъ Коновницынъ. На разсвѣтѣ 14 іюля Остерманъ отошелъ за Какувячину и составилъ резервъ Коновницына. Въ 8 ч. утра Мюратъ атаковалъ Коновницына, который самымъ упорнымъ и ожесточеннымъ образомъ бился съ французами до 5 ч. вечера. Остерманъ-Толстой прославилъ себя Островной, но и Коновницынъ имѣлъ полнѣйшее право сказать о себѣ (см. письмо его къ женѣ отъ 16 іюля, у Богдановича, т. I, стр. 198): „Я не посрамился предъ всѣми; былъ съ стрѣлками впереди, имѣлъ противъ себя два корпуса и самаго Бонапарте; даже его самъ видѣлъ — сходно съ показаніемъ плѣнныхъ — на бѣлой маленькой лошадкѣ, безъ хвоста. Отъ 8 ч утра до 5 ч. по полудни, я дрался съ 4-мя полками и 2 баталіонами сводныхъ гренадеръ, противъ — смѣю сказать — 60-ти тысячь человѣкъ. Скажу тебѣ, мой другъ, не посрамился; ни ты, ни дѣти мои, за меня не покраснѣютъ".

Петръ Петровичъ Коновницынъ (графъ, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ), сынъ петербургскаго губернатора, родился въ 1766 г., воспитывался дома, и съ 1 января 1785 г. началъ дѣйствительную службу прапорщикомъ. Въ польской войнѣ онъ пріобрѣлъ къ себѣ особенное расположеніе Суворова, и въ 1797 г. уже былъ генералъ-маіоромъ. Въ шведской кампаніи 1808–9 г. былъ дежурнымъ генераломъ, въ сраженіяхъ 1812 и 1813 г. принималъ дѣятельное участіе. 12 декабря 1815 г. былъ назначенъ военнымъ министромъ, въ 1817 г. произведенъ въ полные генералы, а въ 1819 г. 25 ноября назначенъ директоромъ пажескаго 1, 2, московскаго, павловскаго кадетскихъ корпусовъ, Дворянскаго

было отступленіе на Коновницына. который, вмѣсто того чтобы итти на помощь сражавшимся, стоялъ при Какувячинѣ, гдѣ онъ образовалъ репли[1]) для принятія Остермана. Я упрекалъ его въ замедленіи и грозилъ о томъ главнокомандующему, точныя приказанія котораго были ясны. Коновницынъ былъ храбрѣйшимъ генераломъ въ арміи, львомъ предъ непріятелемъ, но онъ боялся отвѣтственности. Подчиненный ему генералъ, князь Шаховскій, столь же храбрый какъ и онъ, отозвалъ меня въ сторону, и просилъ при докладѣ главнокомандующему свалить все дѣло на него, князя Шаховскаго, такъ какъ тутъ не было никакого злаго умысла, а лишь недоразумѣніе. Я обѣщалъ и чрезъ то пріобрѣлъ большую благосклонность къ себѣ со стороны Коновницына впослѣдствіи будучи военнымъ министромъ, онъ далъ мнѣ доказательства тому

Барклай между тѣмъ занялъ войсками позицію у Витебска позади Лучосы и здѣсь рѣшился дать сраженіе французамъ, чтобы своимъ отступленіемъ не поставить Багратіона, о которомъ онъ не имѣлъ извѣстій и котораго полагалъ идущимъ сюда, въ опасное положеніе. Графъ Петръ Паленъ, командовавшій теперь аріергардомъ, долженъ былъ наводить непріятеля на нашу позицію. Не смотря на превосходную храбрость нашего войска, сраженіе съ противникомъ, превосходившимъ насъ силами, могло бы легко кончиться пораженіемъ насъ, но, къ счастію, 15 (27) іюля прибылъ адъютантъ Багратіона съ извѣстіемъ, что его генералъ не могъ пройти на Могилевъ и долженъ итти на соединеніе съ 1-ю арміею окольною дорогою чрезъ Мети-

---

полка и Царско-сельскаго лицея. Въ томъ же 1819 г. онъ возведенъ въ графское достоинство; его управленіе военно-учебными заведеніями напомнило времена Ангальта и Меллиссино. Онъ умеръ 29 августа 1822 г., оставивъ по себѣ въ русской военной исторіи память отличнаго боеваго генерала, замѣчательнаго администратора и симпатичнѣйшаго по душевнымъ качествамъ человѣка.

Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи Толстыхъ и родился въ 1770 г. Бабка его Анна Андреевна Толстая была дочь графа Остермана, знаменитаго сотрудника Петра Великаго. Императрица Екатерина за нѣсколько дней до своей смерти дозволила Александру Ивановичу Толстому, бывшему тогда въ чинѣ подполковника, принять графскій титулъ съ фамиліею и гербомъ угасшихъ графовъ Остермановъ.

Въ 1798 г. Остерманъ-Томскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, но въ томъ же году, 18 апрѣля, былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ 1801 г. въ мартѣ былъ снова принятъ въ военную службу и участвовалъ въ войнахъ 1806—1807 г. Въ 1812 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 4 пѣх. корпуса, на мѣсто заболѣвшаго графа Шувалова и участвовалъ во всѣхъ главныхъ сраженіяхъ этаго года. Въ 1813 г. кульмское сраженіе увѣковѣчило имя графа Остермана-Толстаго въ нашей военной исторіи. Въ 1817 г., въ чинѣ полнаго генерала, онъ былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, выѣхалъ за границу и съ тѣхъ поръ не возвращался въ Россію. Онъ умеръ въ Женевѣ 30 января 1857 г. Любопытныя подробности о немъ см. въ Русс. Арх. 1875 г., книга 1, стр. 196 и слѣд.

Генералъ-маіоръ Окуловъ былъ убитъ подъ Островной 13 іюля. Генералъ-маіоръ Бахметьевъ 1-й командовалъ въ корпусѣ Остермана 23-ю пѣхотною дивизіею, а генералъ-маіоръ Бахметьевъ 2-й 11 дивизіею. Подъ Бородиномъ оба Бахметьева были ранены; Бахметьевъ 1-й потерялъ ногу.

[1]) Репли называются отряды войскъ, оставленные на выгодныхъ позиціяхъ, когда главныя силы идутъ впередъ, но предвидятъ необходимость скораго отступленія.

славъ на Смоленскъ. Это извѣстіе обрадовало Барклая и измѣнило его рѣшеніе. Для спасенія Багратіона онъ хотѣлъ жертвовать собою; теперь не было надобности въ подобной жертвѣ: теперь открывались виды на давно желанное соединеніе. Въ тотъ же день главнокомандующій отдалъ приказъ объ отступленіи чрезъ Порѣчье и Ліозну на Смоленскъ. Самая тяжелая задача выпала теперь на долю графа Палена: ему приходилось задерживать стремящагося впередъ и приготовленнаго къ бою непріятеля. Свою задачу Паленъ выполнилъ образцовымъ образомъ. онъ бился съ передовыми французскими войсками цѣлый день, дрался за каждый дюймъ земли и далъ арміи необходимое время на отступленіе. Это отступленіе совершилось въ величайшемъ порядкѣ, такъ что на слѣдующее утро непріятель, выступившій на сраженіе, нашелъ русское войско исчезнувшимъ безслѣдно, и долго не зналъ, куда оно обратилось. Кто знаетъ какъ трудно отступать предъ превосходящимъ въ силахъ непріятелемъ, тотъ пойметъ какъ много пользы для нашей арміи доставляла подобная неизвѣстность.

Главнокомандующій послалъ меня къ графу Палену выразить ему его удовольствіе за искусную оборону· я нашелъ Палена страдающимъ отъ болѣзни, которая скоро вынудила его на продолжительное время оставить ряды арміи. Онъ едва могъ сидѣть на конѣ, но мысль о долгѣ, объ опасности арміи, подкрѣпляла его нравственныя силы и превозмогала физическую боль. Я ни мало не терялъ времяни на отъѣздъ и ночью подвергался опасности быть взятымъ въ плѣнъ; но мнѣ была пріятна дѣятельная жизнь въ аріергардѣ, гдѣ непріятель всегда передъ глазами и гдѣ можно выучиться смотрѣть смерти прямо въ лицо.

Возвратившись въ главную квартиру, я нашелъ отдохновеніе въ кругу моихъ превосходныхъ товарищей. Кромѣ меня, при главнокомандующемъ состояли адъютантами: полковникъ Закревскій (нынѣ московскій генералъ-губернаторъ), маіоръ Рейцъ, капитаны — Сеславинъ, Вельяминовъ, Краминъ; штабсъ-капитаны — Клингеръ, Гурко, Нарышкинъ, Каверъ, Кашинцовъ; поручики — Ламсдорфъ, Бокъ, Ростопчинъ, Барклай-де-Толли, Сиверсъ. Кромѣ того ординарцами при главнокомандующемъ состояли адъютанты принца Георга Ольденбургскаго: Бартоломей, Тимротъ, Варденбургъ; адъютанты генерала Ливена: Орловъ и Петерсенъ, наконецъ адъютантъ Аракчеева Чихачевъ. Преимущественно же я сошелся съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Вольцогеномъ[1]), прекраснымъ, весьма образованнымъ офицеромъ, въ

---

[1]) Флигель-адъютантъ Вольцогенъ безспорно человѣкъ начитанный, усвоивъ мысли Барклая о войнѣ съ Наполеономъ, о которыхъ онъ узналъ отъ Кнезебека (Кнезебекъ отъ Штейна, Штейнъ отъ Нибура, какъ будетъ сказано ниже) составилъ планъ дѣйствій противъ Наполеона, который и былъ представленъ князю Волконскому въ августѣ 1810 г. О Вольцогенѣ Богдановичъ (Опис. от. в. томъ I, стр. 104) замѣчаетъ: „Вольцогенъ въ запискахъ своихъ, изданныхъ въ 1851 г., напрасно выдаетъ себя за руководителя русскихъ въ

то время занимавшимъ видное въ арміи положеніе, какъ по своимъ личнымъ достоинствамъ, такъ и по довѣренности къ нему главнокомандующаго, который нерѣдко въ трудныхъ обстоятельствахъ пользовался его совѣтами. Нѣкоторое время онъ велъ подъ рукою дѣла по генералъ-квартирмейстерской части; ему-же приписывали большое участіе въ составленіи Фулева плана. Благосклонность главнокомандующаго возбуждала зависть къ нему, а обстоятельство, что онъ былъ иностранецъ, порождало недовѣрчивость. Послѣдняго этого обстоятельства было достаточно для партіи, во главѣ которой, къ сожалѣнію, стоялъ весьма достойный Ермоловъ, чтобы незамѣтно отдалить его, Вольцогена, отъ дѣлъ и эта партія такъ хорошо съумѣла повести дѣло, что Вольцогенъ, равно какъ и я, были устранены отъ кабинетныхъ работъ у главнокомандующаго. Секретная переписка императора была поручена молодому Барклай-де-Толли, племяннику главнокомандующаго, недавно выпущенному изъ школы, человѣку молодому и неопытному Онъ не могъ ни коимъ способомъ возбуждать зависти. Но названная партія не удовольствовалась устраненіемъ насъ отъ секретныхъ дѣлъ, она задумала удалить насъ, лучше сказать меня (дѣйствовать прямо противъ Вольцогена, пользовавшагося покровительствомъ императрицы-матери было нельзя) отъ особы главнокомандующаго и планы партіи удались довольно хорошо, какъ это сейчасъ будетъ сказано.

Въ Смоленскѣ до настоящаго времени находился лишь небольшой вновь сформированный корпусъ подъ начальствомъ генерала барона Винцигероде[1]); 20 іюля (1 августа) Барклай съ 1-ю арміею при-

---

войну 1812 г; Барклай, пользуясь его счастливою памятью и топографическими свѣдѣніями, употреблялъ его для справокъ, въ видѣ живаго лексикона, а отнюдь не въ качествѣ совѣтника".

[1]) Имя барона Фердинанда Ѳеіоровича Винцигероде будетъ очень часто встрѣчаться въ запискахъ Левенштерна, потому неизлишне вспомнить, что Винцигероде родился въ 1770 г. и сначала служилъ въ гессенской службѣ, въ 1790 г. перешелъ въ австрійскую службу, а въ 1797 г. вступилъ въ русскую службу маіоромъ въ орденскій кирасирскій полкъ. Въ 1799 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Костантину Павловичу, съ которымъ находился въ компаніи 1799 г. въ Италіи. Въ 1802 г. былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ 1805 г. находился въ арміи Кутузова и оказалъ большую услугу ему, когда посланный для переговоровъ съ Мюратомъ, далъ время Кутузову выиграть предъ непріятелемъ два перехода и тѣмъ спасти армію. Въ 1809 г Винцигероде находился въ австрійской службѣ, подъ Аспернымъ былъ сильно раненъ и произведенъ въ фельдмаршалъ-лейтенанты. Въ 1812 г. баронъ Винцигероде, когда сдѣлался извѣстенъ разрывъ Россіи съ Франціею, снова явился въ Россію, и получилъ назначеніе формировать въ Смоленскѣ отрядъ, который способствовалъ бы соединенію нашихъ западныхъ армій, а потомъ поступилъ бы на ихъ укомплектованіе. По соединеніи русскихъ армій подъ Смоленскомъ, ему былъ порученъ особый отрядъ для петербургскаго тракта. Подъ Велижемъ и Усвятомъ онъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ, за что и былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. По взятіи Москвы, онъ занялъ Тверскую дорогу и велъ успѣшную партизанскую войну. 10 октября 1812 г. онъ подошелъ къ Тверской заставѣ въ Москвѣ и узнавъ, что маршалъ Мортье намѣренъ взорвать Кремль, поѣхалъ съ адъютантомъ своимъ Нарышкинымъ и казакомъ къ Мортье для переговоровъ. Французы захватили ихъ въ плѣнъ и чрезъ нѣсколько дней представили Наполеону. Наполеонъ давно уже былъ раздраженъ на Винцигероде за то, что вездѣ встрѣчалъ его въ рядахъ своихъ непріятелей. „Когда я велъ войну съ австрійцами, сказалъ онъ ему между прочимъ, я находилъ васъ въ ихъ рядахъ. Австрія сдѣлалась моею союзницею и вы служите Россіи. Однакоже вы родились въ землѣ рейн-

былъ къ Смоленску и занялъ позицію на правомъ берегу Днѣпра. Вольцогенъ былъ посланъ на встрѣчу подходившаго князя Багратіона, и столь желанное, въ которомъ едва было не отчаялись, соединеніе обѣихъ армій послѣдовало 22 іюля, не смотря на всѣ препятствія, противопоставлявшіяся къ тому Наполеономъ.

Багратіонъ первый сдѣлалъ визитъ Барклаю въ сопровожденіи своихъ генераловъ — Раевскаго, Бороздина, Васильчикова, Паскевича и графа Воронцова. Барклай со шляпою въ рукѣ вышелъ ему на встрѣчу и сказалъ. «Я самъ только что хотѣлъ отправиться къ вамъ» Это произвело весьма хорошее впечатлѣніе. Багратіонъ былъ старше Барклая въ чинѣ и не безъ неудовольствія видѣлъ, что ему приходится подчиняться младшему Къ счастію, съ самаго начала между ними явились хорошія отношенія, и Багратіонъ, подчинившись младшему, подалъ благородный примѣръ самоотверженія.

Теперь наступило на нѣкотрое время затишье. Наполеонъ, быстро двинувшій свои войска впередъ въ виду рѣшительной битвы, видѣлъ разрушенными свои желанія вслѣдствіе отступленія Барклая и невозможности воспрепятствовать соединенію обѣихъ армій, потому рѣшился дать вздохнуть своимъ войскаъ. На растянутой отъ Суража до Смоленска позиціи должны были стянуться силы для новыхъ предпріятій. Русское войско разумнымъ попеченіемъ пострадало меньше французскаго, было оживленнѣе и жаждало боя, потому у насъ зашла рѣчь и начались частыя совѣщанія о томъ, чтобы напасть на непріятеля въ его растянутой позиціи и, по возможности, разбить его по одиночкѣ. Въ особенности молодой, храбрый, предпріимчивый генералъ-квартирмейстеръ 1-й арміи, полковникъ Толь, настаивалъ воспользоваться растянутостію непріятельской арміи и смѣло ударить на средину ея у Рудни. Никогда я не видѣлъ Барклая въ большемъ внутреннемъ волненіи: онъ не зналъ какъ быть ему Съ одной стороны онъ видѣлъ всѣ выгоды предлагаемаго движенія, но съ другой стороны видѣлъ и опасность со слабѣйшими своими силами сразиться съ непріятелемъ, превосходящимъ въ силахъ, предводимыхъ Наполеономъ, и предпринять состязанія въ маневрированіи съ этимъ по истинѣ мастеромъ въ подобномъ дѣлѣ. «Въ началѣ мы получимъ, говорилъ онъ, кое-какія выгоды, но непріятель соберетъ свои силы и тогда мы будемъ принуждены принять сраженіе при неблагопріятныхъ обстоятель-

---

ского союза, и такъ — вы мой поданный, и я имѣю право судить васъ какъ измѣнника". Наполеонъ велѣлъ его было разстрѣлять, но потомъ отмѣнилъ это приказаніе и велѣлъ Винцингероде и Нарышкина отправить во Францію. На дорогѣ ихъ встрѣтилъ полковникъ Чернышевъ (впослѣдствіи военный министръ и свѣтлѣйшій князь) и отбилъ отъ французовъ.

О дѣйствіяхъ Винцингероде въ 1813 и 1814 г. будетъ ниже. Въ 1818 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ въ Германію для свиданія съ родными и умеръ 4 іюня того же года въ Висбаденѣ. Винцингероде, отъявленный врагъ французовъ и Наполеона, былъ одаренъ замѣчательными военными способностями, поставившими его имя на почетное мѣсто въ ряду предводителей, учавствовавшихъ въ войнахъ за независимость Германіи.

ствахъ». Колеблясь и не рѣшаясь сразиться или нѣтъ съ непріятелемъ, Барклай предпринялъ однако безцѣльные марши, которые причинили только утомленіе и неудовольствіе въ войскѣ. Ничто не раздражаетъ такъ солдатъ, какъ напрасныя движенія и переходы. Нашъ авангардъ, предводимый Платовымъ и Паленомъ, имѣлъ 27 іюля (8 августа) блестящее кавалерійское дѣло съ дивизіею Себастіани подъ Инковымъ, тѣмъ не менѣе Барклай, получивъ извѣстіе объ усиленіи непріятеля у Порѣчья, приказалъ отступить.

Инковское сраженіе прославило нашихъ казаковъ. непріятельская кавалерія была совершенно опрокинута, много народа было взято въ плѣнъ и даже былъ захваченъ собственный экипажъ Себастіани со всѣми его бумагами[1]). Услышавъ про это, я никакъ не подозрѣвалъ сколько непріятностей обрушатся на меня вслѣдствіе этого захвата бумагъ Себастіани!

Въ это самое время я заболѣлъ сильною перемежающеюся лихорадкою, и истомленный брелъ за главною квартирою, не желая оставлять арміи. Тутъ мои противники постарались помочь мнѣ. Однажды утромъ я получаю отъ генерала Ермолова бумагу, въ которой онъ совершенно неожиданно для меня извѣщалъ, что главнокомандующій, въ виду моей болѣзни, дозволяетъ мнѣ временно отлучиться отъ арміи и что, вслѣдствіе того, я могу, не останавливаясь въ Смоленскѣ, отправиться прямо въ Вязьму Читая такую бумагу, я упалъ, говоря фигурно, какъ бы съ неба, тѣмъ не менѣе безъ всякой ужь фигуры на зло остался въ главной квартирѣ, прибрелъ въ Смоленскъ и пріютился въ квартирѣ артиллерійскаго генерала Левенштерна, который дружески принялъ меня[2]). Квартира Левенштерна находилась у швейцарца кондитора, въ лавкѣ котораго я нашелъ всякаю рода жидкія и укрѣпляющія микстуры, счастливо вылечившія меня отъ лихорадки, будто кондиторъ былъ аптекаремъ. Полагаю, что то былъ Бровніанскій способъ леченія, который, вмѣстѣ со спокойствіемъ, поставилъ меня опять на ноги.

Выздоравливая, я имѣлъ случай быть полезнымъ обязательному Тетенборку Онъ въ это время прибылъ въ главную квартиру и искалъ себѣ мѣста. Я представилъ его Барклаю, но вмѣстѣ съ тѣмъ подъ рукою посовѣтовалъ отказаться отъ вступленія на службу въ армію вѣтеръ дулъ вовсе не тотъ, чтобы на немъ могъ плыть иностранецъ, лучше отправиться въ Петербургъ и тамъ ждать болѣе благопріятнаго вѣтра. Тетенборкъ послѣдовалъ моему совѣту и впослѣд-

---

[1]) Сраженіе подъ Инковымъ происходило 27 іюля. Квартира генерала Себастіани находилась въ деревнѣ Молевѣ-Болотѣ, здѣсь-то казаки и захватили экипажи и бумаги Себастіани.

[2]) Баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Левенштернъ былъ начальникомъ артиллеріи 2-й западной арміи. Подробности о немъ см. въ Рус. Арх. 1869, стр. 1650 и слѣд.

ствіи неожиданно быстро достигъ своей цѣли[1]). Я, между тѣмъ, продолжалъ свою службу, какъ и гдѣ того обстоятельства требовали. Такъ въ то время прибылъ къ нимъ англійскій генералъ Вильсонъ. мнѣ было поручено быть его проводникомъ въ главной квартирѣ, что я и исполнилъ какъ могъ.

Чуть лишь Барклай возвратился изъ своего перваго движенія на Рудню, какъ узналъ, что непріятель отбилъ его посты въ Порѣчьѣ. Тогда онъ рѣшился, на этотъ разъ твердо, предпринять туда второе движеніе и выполнить предположенное нападеніе. Но онъ не дошелъ еще до окрестностей Инкова, какъ послышавшіеся вдали съ лѣваго берега Днѣпра 2 (14) августа пушечные выстрѣлы поставили его снова въ нерѣшительность. Скоро затѣмъ прибыли послы за послами и вызвали его въ Смоленскъ. Въ то самое время когда Барклай двигался туда и сюда по правому берегу Днѣпра, Наполеонъ въ тишинѣ провелъ за лѣсомъ у Бабиновичей свой армейскій корпусъ къ Днѣпру, переправился чрезъ эту рѣку у Разасны и Дубровны и форсированнымъ маршемъ двинулся на Смоленскъ, чтобы здѣсь опередить русскаго главнокомандующаго и снова на его лѣвомъ флангѣ обезпечить себѣ дорогу на Москву Здѣсь-то генералъ Невѣровскій, находившійся со своею дивизіею въ 8000 человѣкъ подъ Краснымъ для наблюденія за лѣвымъ берегомъ Днѣпра, былъ внезапно атакованъ многочисленною кавалеріею Мюрата; Невѣровскій совершилъ свое львиное отступленіе и далъ первое извѣстіе объ угрожающей опасности[2]). Багратіонъ, находившійся ближе къ Смоленску,

---

[1]) Баронъ Фридрихъ Карлъ Тетенборкъ, извѣстный партизанъ въ войнахъ 1812—1814 годахъ, родился въ 1779 г., въ 1794 г. вступилъ въ австрійскую службу и скоро обратилъ на себя вниманіе своею отвагою и распорядительностію; въ 1805 г. онъ служилъ при арміи генерала Макка, подъ Ульмомъ онъ успѣлъ пробиться и избѣжалъ плѣна. Въ 1808 г онъ былъ въ Петербургѣ съ княземъ Шварценбергомъ, а въ 1806 г. былъ въ сраженіи подъ Ваграмомъ, за которое былъ произведенъ въ маіоры. Въ 1812 г онъ прибылъ въ Петербургъ, явился въ 1-й арміи, и потомъ былъ опредѣленъ подполковникомъ въ отрядъ генерала Винцингероде и скоро сталъ извѣстенъ какъ отважный партизанъ. Онъ первый ворвался въ Вильну, за что получилъ Георгія 4-й степени и чинъ полковника. За тѣмъ Тетенборкъ является партизаномъ въ войнѣ 1813 г. Взятіе Гамбурга (18 марта) было выдающимся событіемъ изъ его многочисленныхъ дѣйствій; за Гамбургъ онъ получилъ Анну 2-й степени и чинъ генералъ-маіора. Онъ вынужденъ былъ впослѣдствіи оставить Гамбургъ (30 мая) и вступилъ подъ начальство Вальмодена, во все время до заключенія мира ведя партизанскую войну. Въ 1818 г. онъ перешелъ въ баденскую службу и умеръ въ Вѣнѣ въ 1845 году.

[1]) Дмитрій Петровичъ Невѣровскій род. 21 окт. 1771 г. въ Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, въ селеніи Прохоровнѣ. Землякъ его, графъ Завадовскій взялъ его съ собою въ Петербургъ и 16 мая 1786 г. опредѣлилъ въ лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ. Въ мартѣ 1814 г° онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и былъ извѣстенъ императору Александру какъ отличный фронтовый офицеръ. Въ концѣ 1811 г. Невѣровскому было поручено сформировать въ Москвѣ новую 27-ю дивизію изъ рекрутъ. Онъ исполнилъ это порученіе и съ новою дивизіею 29 іюня 1812 г. въ Новогрудкѣ примкнулъ ко второй арміи князя Багратіона. Въ то время когда русскіе ходили взадъ и впередъ къ Руднѣ, Наполеонъ, сосредоточивъ между Оршею и Лядами главныя свои силы, перешелъ Днѣпръ у Расасны, намѣреваясь занять Смоленскъ прежде русскихъ. Въ Красномъ стоялъ Невѣровскій со своею 27-ю дивизіею, усиленною харьковскимъ драгунскимъ и двумя казачьими полками (всего 7000 чел. съ 14 оруд.). 2 (14) августа Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Груши,

чѣмъ Барклай, двинулъ корпусъ Раевскаго въ городъ и Барклай самъ форсированными маршами поспѣшилъ сюда. Чѣмъ ближе мы подходили къ городу, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе раздавался громъ орудій; наконецъ 4 (16) августа вечеромъ Барклай со всею арміею прибылъ на правый берегъ, расположилъ войска по окрестнымъ высотамъ и защиту города ввѣрилъ корпусу Дехтурова и дивизіи Коновницына, къ которымъ послѣ была присоединена дивизія принца Евгенія Виртембергскаго. Въ это время Багратіонъ, для обезпеченія московской дороги, занялъ со своею арміею позицію въ восьми верстахъ отъ Смоленска. Во весь день 5 (17) августа до вечера Смоленскъ былъ храбро обороняемъ, ночью же, когда пламя начало охватывать строеніе все болѣе и болѣе, наши войска добровольно очистили городъ.

Мое участіе въ сраженіи этого дня не могло быть велико, такъ какъ я находился при главнокомандующемъ на другой сторонѣ рѣки, тѣмъ не менѣе я имѣлъ случай сослужить маленькую службу Во время сраженія въ городѣ, Барклай расположилъ свои посты на лѣвомъ крылѣ войска у одной церкви, за которою была поставлена 12-ти фунтовая батарея полковника Нилуса. Непріятель, для обстрѣливанія нашихъ постовъ, также выдвинулъ на противоположномъ берегу сильную батарею. Между обѣими этими батареями началась страшная канонада, во время которой Барклай спокойно стоялъ въ жестокомъ огнѣ и отдавалъ свои приказанія. Рѣка въ этомъ мѣстѣ очень мелка, непріятель послалъ чрезъ нея нѣсколько всадниковъ, чтобы атаковать нашу батарею, неимѣвшую прикрытія. Я первый замѣтилъ это движеніе, бросился съ конвоемъ главнокомандующаго и нѣсколькими охотниками офицерами на непріятельскихъ всадниковъ и прогналъ ихъ обратно за рѣку Григорій Орловъ долженъ былъ потомъ привести сюда уланскій полкъ, которымъ батарея и была прикрыта.

Весь слѣдующій день, 6 (18) августа, войска отдыхали; поздно вечеромъ началась наше дальнѣйшее отступленіе проселочными дорогами съ петербургской дороги на московскую: итти по прямой дорогѣ оказывалось невозможнымъ, потому что она тянулась на нѣсколько верстъ по днѣпровскому берегу, которымъ командовалъ противоположный берегъ. При этомъ движеніи, которое прикрывали ге-

---

Нансути, и Монбрена, въ числѣ 15,000 всадниковъ, напалъ на Невѣровскаго. Невѣровскій рѣшился отступить къ Смоленску. На пространствѣ 12 верстъ онъ отбилъ болѣе 40 атакъ Мюрата и благополучно привелъ дивизію въ Смоленскъ, потерявъ не болѣе 800 человѣкъ. Это дѣйствительно замѣчательное отступленіе прославило Невѣровскаго.

Подъ Бородиномъ Невѣровскій былъ сильно контуженъ въ грудь. Произведенный за Бородино въ генералъ-лейтенанты, Невѣровскій со своею 27-ю дивизіею участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Мало-Ярославцемъ. Въ 1813 г. онъ вступилъ въ составъ Силезской арміи, подъ Лейпцигомъ былъ тяжело раненъ въ ногу, не перенесъ операціи и умеръ 21 октября 1813 г. въ Галле, гдѣ и похороненъ. Русская армія лишилась въ немъ весьма способнаго генерала.

нералъ Корфъ и принцъ Евгеній Виртембергскій, произошли нѣкоторые ошибки и промахи. Корфъ и принцъ раннимъ утромъ выдержали сильныя непріятельскія атаки. При этомъ одинъ большой артиллерійскій паркъ подвергался опасности быть захваченнымъ непріятелемъ. Главнокомандующій поручилъ мнѣ провести эти 60 орудій по едва проходимымъ дорогамъ на большую московскую дорогу Мнѣ удалось отыскать ближайшее на 10 верстъ сокращавшее разстояніе направленіе и спасти орудія, провезя ихъ по глубокому болоту, по наскоро положеннымъ фашинамъ. Владимірскій крестъ былъ наградою удачнаго предпріятія.

Скоро потомъ понадобилось на московской дорогѣ строить съ величайшею поспѣшностью второй мостъ рядомъ съ прежде тутъ бывшимъ. Герцогъ Александръ Виртембергскій лично отправился на мѣсто работы, но, не зная русскаго языка, взялъ меня съ собою. Я приказалъ спѣшиться эскадрону гвардейскихъ гусаръ, велѣлъ имъ разобрать крестьянскія дома и бревна стаскивать къ рѣкѣ. Піонерная команда, состоявшая подъ начальствомъ еще молодаго, но дѣятельнаго и искуснаго инженернаго офицера, барона Зальца, котораго впослѣдствіи я видѣлъ строющимъ мосты чрезъ Эльбу, Майнъ и Рейнъ, подоспѣла къ нашимъ кавалеріистамъ; дѣло закипѣло, мы построили второй мостъ, чѣмъ былъ облегченъ переходъ нашихъ колоннъ.

Я былъ потомъ посланъ на лѣвый флангъ, которому въ это время сильно грозилъ непріятель. тамъ показался весь корпусъ Жюно. Я предложилъ генералу Уварову, командовавшему первымъ кавалерійскимъ корпусомъ, чтобы онъ занялъ командующія высоты своею легкою кавалеріею. Онъ отказался, ссылаясь на неблагопріятную почву, такъ какъ къ высотамъ можно было пробраться лишь по болоту Я поскакалъ къ главнокомандующему, обратилъ его вниманіе на опасность и привезъ Уварову положительное приказаніе занять высоты. Такъ и сдѣлалось; попытки непріятеля, которыя онъ потомъ дѣлалъ для овладѣнія этими мѣстами, были счастливо отражены.

Въ сраженіи этого дня главнѣйшее дѣло состояло въ томъ, чтобы удержать за собою московскую дорогу за рѣчкою Строгань, такъ какъ сюда прилегала дорога, по которой войско двигалось съ петербургской дороги на московскую. Въ началѣ здѣсь у насъ было лишь нѣсколько баталіоновъ, подъ командою генерала Тучкова 3, но они были подкрѣплены, когда наши войска подошли съ петербургской дороги. По полудни, когда Ней со всѣми своими силами началъ тѣснить Тучкова, сраженіе сдѣлалось чрезвычайно жестокимъ. Тучковъ лично поспѣшилъ къ Барклаю и донесъ, что онъ не можетъ больше противостоять превосходящему въ силахъ непріятелю. Барклай, всегда столь спокойный, но теперь раздраженный ошибками ночнаго перехода, сурово сказалъ храброму Тучкову: «Извольте возвратиться къ своему посту и умрите тамъ; если вы еще придете сюда, я велю васъ раз-

стрѣлять». Тучковъ не пришелъ. Возвратившись къ своему посту, онъ сдѣлалъ невозможное, бился до поздняго вечера, когда раненный въ цѣпи застрѣльщиковъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тѣмъ не менѣе позиція была удержана; отступленіе и спасеніе арміи при тяжкихъ обстоятельствахъ счастливо совершились[1]).

Наполеонъ полагалъ, что тутъ происходитъ только какое либо аріергардное дѣло и потому не обратилъ на него того вниманія, какого обстоятельства требовали. Какъ изумился онъ, когда на слѣдующее утро получилъ донесеніе своихъ генераловъ о происходившемъ. «У васъ было сраженіе» съ удивленіемъ сказалъ онъ. Да, дѣйствительно, это было сраженіе, кровопролитнѣе многихъ другихъ, и притомъ такое сраженіе, которое могло бы быть гибельнымъ для русскаго войска, еслибы съ французской стороны были предприняты большія усилія. У него передъ глазами русскіе шли по проселкамъ; у него была широкая столбовая московская дорога, русскіе пробирались по узкимъ, пересѣченнымъ проселкамъ, съ горы на гору, чрезъ лѣса и болота, чрезъ которые едва было можно протащить орудія. Явись онъ на пересѣченіи дорогъ, русскіе должны бы были продолжать далѣе

---

[1]) Сраженіе, о которомъ здѣсь говорится, происходило 7 августа при Лубинѣ. Оно называется также сраженіемъ при Валутиной горѣ и было послѣднимъ актомъ кровавой драмы, начавшейся дѣломъ подъ Краснымъ 2 августа. Наполеонъ не достигъ своей цѣли, не вовлекъ нашу армію въ генеральное сраженіе, и со времени переправы при Расаснѣ до сраженія при Лубинѣ потерялъ болѣе 20,000 человѣкъ (у насъ выбыло за это время изъ фронта до 14,000 чел.). Въ теченіе пяти дней въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ русскіе сражались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Невѣровскій съ 6—7 тысячами отбился отъ 15,000 всадниковъ Мюрата, поддержанныхъ 7,000 человѣкъ пѣхоты Нея. Раевскій съ 13,000 человѣкъ удержалъ 22,000 Нея. Дохтуровъ, сперва съ 20, а потомъ съ 30 тыс, войскъ оборонялъ цѣлый день Смоленскъ противъ почти всей арміи Наполеона. Принцъ Евгеній Виртембергскій и Тучковъ 3-й, удержали превосходнаго въ силахъ непріятеля и обезпечили нашей арміи отступленіе на московскую дорогу. и

Три сына инженеръ-генералъ поручика, а потомъ дѣйств. тайнаго совѣтника сенатора Тучкова — Николай, Павелъ и Александръ Алексѣевичи пріобрѣли себѣ громкую извѣстность въ знаменитый 12-й годъ.

Николай Алексѣевичъ Тучковъ род. въ 1761 г. и въ 1775 г. былъ записанъ на службу кондукторомъ въ инженерный корпусъ и чрезъ пять лѣтъ перечисленъ сержантомъ въ артиллерію. Въ 1812 г. онъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, командовалъ 3 пѣхотнымъ корпусомъ и подъ Бородиномъ, защищая старую смоленскую дорогу, былъ раненъ пулею въ грудь и чрезъ три недѣли умеръ въ Ярославлѣ отъ этой раны.

Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, род. въ 1776 г, началъ службу въ артиллеріи и въ 1803 г. уже былъ генералъ-маіоромъ. Въ 1812 г. онъ былъ бригаднымъ командиромъ въ 17 пѣхот. див. (2-го корпуса Багговуша). Въ сраженіи при Валутиной горѣ, 7 августа, въ 9 ч. вечера онъ повелъ екатеринославскій гренадерскій полкъ въ штыки противъ непріятеля. Гренадеры были опрокинуты и самъ Тучковъ, раненый штыкомъ въ бокъ и получивши нѣсколько ранъ въ голову, остался въ рукахъ французовъ. Его привезли въ Смоленскъ. Чрезъ нѣсколько дней Наполеонъ принялъ Тучкова (подробности о свиданіи см. у Богдановича 1 т. стр. 307) и потомъ велѣлъ отправить во Францію, гдѣ Тучковъ и оставался до взятія Парижа. Въ 1815 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 8 пѣхотной дивизіи, но въ 1818 г. вышелъ въ отставку. Въ 1826 г. Тучковъ снова поступилъ на службу, но уже по гражданской части и впослѣдствіи былъ членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ коммиссіи прошеній.

Александръ Алексѣевичъ Тучковъ род. въ 1777 г. и также началъ службу свою въ артиллеріи. Въ шведскую войну онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1812 г. былъ бригаднымъ командиромъ въ 3-й дивизіи (Коновницына). Подъ Бородиномъ у Семеновскихъ укрѣпленій онъ былъ убитъ.

тяжелое боковое движеніе и тогда онъ легко бы могъ достигнуть своей цѣли — отрѣзать насъ отъ юга.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Барклай явилъ въ себѣ искуснаго военачальника и сохранилъ рѣшительность, спокойствіе, присутствіе духа при самыхъ опасныхъ обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ, когда его правая колонна, ошибочно предводимая, послѣ длиннаго ночнаго перехода къ утру 7 (19) августа очутилась прямо предъ Смоленскомъ и почти въ томъ же мѣстѣ, откуда вышла, то Барклай оставался при ней, дѣлилъ съ нею всѣ ея опасности и оставилъ ее только тогда, когда его присутствіе явилось необходимымъ на угрожаемомъ пунктѣ у Тучкова на московской большой дорогѣ. Здѣсь онъ поддерживалъ сраженіе съ непоколебимою стойкостію пока вся армія прошла позади его. Въ этотъ день онъ въ полномъ смыслѣ слова совершилъ свой долгъ, а между тѣмъ сколько осужденій и клеветъ распустили про Барклая его противники именно за событія подъ Смоленскомъ.

Многое бы я могъ разсказать объ исполненныхъ мною порученіяхъ, о затруднительныхъ поѣздкахъ, которыя мнѣ, какъ адъютанту, приходилось дѣлать при посылкахъ отъ корпуса къ корпусу, отъ одной колонны къ другой, объ огромныхъ пространствахъ, которыя приходилось проѣзжать не на перемѣнныхъ лошадяхъ, а на одной, которая въ концѣ концовъ изнурялась до полусмерти. Всѣ такія поѣздки похожи одна на другую, все равно опасны-ли они, потому что совершаются подъ непріятельскими пулями, или же только утомительны, потому что совершаются на большія разстоянія по большимъ и проселочнымъ дорогамъ. Къ этому прибавьте и то обстоятельство, что главнокомандующій, при всемъ своемъ добросердечіи, иногда мало обращалъ вниманія на силы человѣка или животнаго. Онъ давалъ свои порученія почти всегда однимъ и тѣмъ же лицамъ, разъ снискавшимъ его довѣренность, и чуть лишь они возвращались изъ одной какой либо поѣздки какъ тотчасъ же были посылаемы въ другую, хотя вокругъ него находилось много молодыхъ офицеровъ, которые ничего лучшаго не желали, какъ быть употребленными на подобныя же посылки. Однажды Барклай разсердился на бездѣйствіе этихъ офицеровъ, не подумавъ, что они бездѣйствуютъ вовсе не по своей винѣ. Онъ велѣлъ имъ всѣмъ, огуломъ, въ наказаніе сдѣлать переходъ въ 25 верстъ пѣшкомъ подъ надзоромъ коменданта главной квартиры. Лишь Закревскій, Сеславинъ и я избѣгли такого наказанія, потому что еще съ утра были разосланы съ порученіями. Волею-неволею молодые господа должны были дѣлать непривычный имъ походъ пѣшкомъ; они сердились на причиненный имъ стыдъ и не знали какъ выразить свое неудовольствіе главнокомандующему, пока благоразумнѣйшіе изъ нихъ, Орловъ, Петерсенъ и Клингеръ, не убѣдили ихъ, что далеко не уйдешь ворчаніемъ на приказъ.

По приходѣ въ Усвяты, Барклай, въ сопровожденіи Багратіона, герцога Александра Виртембергскаго, принца Августа Ольденбургскаго и многихъ другихъ генераловъ, осматривали позицію, которую генералъ-квартирмейстеръ, полковникъ Толь, нашелъ здѣсь для арміи, чтобы дать сраженіе непріятелю. Позиція оказалась неудобною, въ особенности возсталъ противъ нея Багратіонъ. Барклай замѣтилъ Толю о плохомъ выборѣ позиціи; тотъ, будучи живаго характера и непривычный умѣрять свои слова, заносчиво отвѣчалъ, что онъ «не умѣетъ дѣлать позицій, гдѣ природа не создала ихъ, а беретъ то, что находитъ». Барклай не обратилъ вниманія на нѣсколько грубый тонъ, съ какимъ выражался полковникъ, но Багратіонъ не спустилъ этого Толю и гнѣвно сказалъ. «Если вы не нашли лучшей позиціи, то это еще не бѣда: найдется другая, но вы, во всякомъ случаѣ должны бы говорить съ начальникомъ, заслуживающимъ полнаго уваженія, другимъ тономъ. отъ Барклая армія и вся Россія ждутъ спасенія» За тѣмъ онъ прибавилъ, что онъ, Багратіонъ, самъ, хотя и старшій, но подаетъ примѣръ повиновенія, какъ и шесть синими лентами украшенные генералы исполняютъ повелѣнія главнокомандующаго, высокія качества котораго они признаютъ и почитаютъ. Толь долженъ бы благодарить судьбу за то, что онъ имѣетъ такого кроткаго начальника. Получи онъ, Багратіонъ, подобный отвѣтъ, то велѣлъ бы ему, Толю, надѣть бѣлыя ремни и поставить подъ ружье (разжаловалъ бы въ солдаты). Толь молчалъ, молчалъ также и Барклай. Онъ, конечно признавалъ по существу дѣла, что Толь былъ правъ и только не правъ былъ по формѣ. Позицію оставили, выбрали другую, предложенную Багратіономъ, у Дорогобужа, но и ту также признали неудобною.

Въ дополненіе къ сказанному объ адъютантской службѣ, я упомяну о поѣздкѣ, которую мнѣ тогда пришлось сдѣлать. Послѣ ночнаго перехода въ 10 верстъ, мы пришли на позицію подъ Дорогобужемъ[1]): тогда Барклай послалъ меня въ аріергардъ сказать Ермолову, что онъ можетъ начинать свое отступленіе. Мнѣ пришлось сдѣлать 30 верстъ и столько же назадъ, всего 60 верстъ, прежде чѣмъ я и мой конь нашли скудный отдыхъ.

Тутъ въ Дорогобужѣ на другой день, послѣ поѣздки въ 60 верстъ, когда я сопровождалъ главнокомандующаго при одной рекогносцировкѣ, меня постигъ неожиданный ударъ судьбы, о которомъ я упомянулъ выше. Мой доброжелательный, всегда неизмѣнный другъ баронъ Вольцогенъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ. «Знаете ли вы, что васъ посылаютъ курьеромъ въ Москву?» Я съ изумленіемъ взглянулъ на него; онъ тогда сказалъ мнѣ, что самъ видѣлъ у начальника штаба, генерала Ермолова, написанный паспортъ для меня и

---

[1]) Обѣ арміи пришли къ Дорогобужу ночью съ 11 на 12 августа.

изготовленныя депеши, которыя я долженъ былъ везти. Дать коню шпоры и подскакать къ находившемуся недалеко Ермолову было дѣломъ одного мгновенія. Но Ермоловъ, со своею обыкновенною насмѣшливою улыбкою, сказалъ мнѣ, что ничего не знаетъ о моемъ отправленіи. «Какъ, генералъ, воскликнулъ я, вы не знаете, когда бумаги о моемъ отправленіи у васъ уже готовы!» «Ахъ, да, отвѣчалъ онъ, теперь вспоминаю: въ военномъ совѣтѣ дѣйствительно вчера была рѣчь о томъ, чтобы отправить въ Москву свѣдущаго и опытнаго офицера для успокоенія столицы, встревоженной очищеніемъ Смоленска. Всѣ присутствовавшіе въ совѣтѣ были того мнѣнія, что никто лучше васъ не исполнитъ этого важнаго порученія: вамъ извѣстны всѣ обстоятельства, вы находились вблизи совершившихся событій и на высотѣ, съ которой все правильно можно видѣть» «Мое отправленіе, генералъ, отвѣчалъ я, дѣло, по видимому, рѣшенное и я не могу ему противорѣчить, тѣмъ не менѣе я буду просить генерала Барклая объ отмѣнѣ назначенія: мое желаніе быть въ полѣ противъ непріятеля; найдутся другіе офицеры, которые охотно примутъ на себя это птрученіе, хоть бы, напримѣръ, молодой графъ Ростопчинъ. наканунѣ важныхъ событій ему было бы кстати повидаться въ Москвѣ съ его родителями». Ермоловъ значительно улыбнулся (впослѣдствіи я часто вспоминалъ эту улыбку) и сказалъ. «Дѣлайте, какъ знаете»

Встревоженный и взволнованный я скоро явился къ Барклаю и изложилъ дѣло. Онъ выслушалъ меня и видимо тревожно сказалъ. «Вы должны ѣхать, любезный Левенштернъ. бумаги написаны. Отправленіе необходимо. Надѣюсь, что вы скоро вернетесь, и думаю, что въ ваше отсутствіе не произойдетъ главнаго сраженія. Вы ничего не потеряете. Поѣзжайте съ Богомъ»

Нечего было дѣлать. Я успокоился, положилъ депеши и на обыкновенной куръерской телѣжкѣ поскакалъ впередъ. Скоро я былъ у московскаго шлагбаума. Съ гауптвахты ординарецъ провелъ меня къ коменданту, а отъ коменданта плацъ-адъютантъ доставилъ меня къ генералъ-губернатору графу Ростопчину Графъ находился въ это время на прекрасной дачѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Онъ принялъ мои депеши. прочиталъ ихъ и долго распрашивалъ меня объ арміи и ея операціяхъ. Подали чай: часть вечера прошла въ разговорахъ, а потомъ графъ отпустилъ меня отдохнуть съ дороги и пригласилъ на другой день къ себѣ обѣдать. Я отправился въ гостинницу, и еще въ тотъ же вечеръ посѣтилъ старика Владиміра Орлова. Я засталъ у него графовъ Маркова и Панина и другихъ знатныхъ лицъ. Всѣ внимательно слушали мои разсказы, и мнѣ удалось успокоить ихъ на счетъ хода военныхъ дѣлъ и ожиданій, наиболѣе вѣроятныхъ. Меня осыпали вѣжливостями, и мой дебютъ въ Москвѣ былъ очень хорошъ.

На другой день я былъ у Ростопчина; онъ принялъ меня съ прежнею любезностію, говорилъ о скоромъ отправленіи меня обратно въ армію, а графиня много распрашивала объ ихъ сынѣ, который, какъ сказано выше, былъ близокъ ко мнѣ, какъ адъютантъ Барклая. Въ домѣ Растопчина я познакомился съ Карамзинымъ, извѣстнымъ писателемъ, и въ то время работавшемъ надъ своею Исторіею Государства Россійскаго. Этотъ почтенный, высокообразованный и пріятный человѣкъ, татарскаго происхожденія, какъ показываетъ его фамилія, выражалъ живое желаніе свое отправиться къ арміи, чтобы видѣть вблизи военныя дѣйствія и сраженіе для вѣрнѣйшаго описанія ихъ. Въ домѣ же Ростопчина я узналъ маіора Барнекова, котораго графъ принялъ къ себѣ для излеченія его отъ ранъ въ тиши и спокойствіи.

Хотя въ гостепріимной Москвѣ я составилъ себѣ много знакомствъ, но я по преимуществу и постоянно бывалъ въ домѣ Ростопчина. По утрамъ я ходилъ сюда, чтобы узнать свѣжія новости изъ арміи, являлся къ обѣду, потому что получилъ разъ навсегда приглашеніе, являлся наконецъ вечеромъ, чтобы высказать графу и графинѣ, какъ бы я охотно былъ въ дорогѣ въ главную квартиру Но графъ давалъ уклончивые отвѣты и откладывалъ мое отправленіе со дня на день. Прошелъ такимъ образомъ цѣлый рядъ дней и терпѣніе мое лопалось. Однажды утромъ, безпокойный, я въ передней графа разговаривалъ съ его адъютантомъ Обрѣзковымъ, и, нарочно возвысивъ голосъ, сказалъ ему: «Да скажите же графу, что мое терпѣніе кончилось; мнѣ не въ терпёжъ быть здѣсь праздношатающимся зѣвакой. Мой долгъ, моя честь, каждый ударъ моего пульса призываютъ меня въ армію. Если графу нужно что писать главнокомандующему, то его бумаги можетъ отвезти въ главную квартиру любой драгунъ. Я не могу больше ждать, и если меня не отпустятъ, то уйду пѣшкомъ въ армію».

Слова эти я нарочно говорилъ громко, чтобы графъ могъ чрезъ двери слышать ихъ. Онъ отворилъ двери и кивнулъ мнѣ войти къ нему Здѣсь онъ взялъ меня за руку и безъ дальнихъ вступленій сказалъ «Господинъ маіоръ, ваше нетерпѣніе похвально: вы военный и въ васъ есть чувство чести и обязанности вашего состоянія. Но мнѣ прискорбно вамъ объявить, что въ депешѣ, привезенной вами, содержится приказъ о задержаніи васъ подъ какимъ либо предлогомъ въ Москвѣ и наблюденіи за вами. Въ арміи васъ подозрѣваютъ, догадываются, что вы.. но я не могу договорить. Довольно, я долженъ отложить вашъ отъѣздъ. Ваша откровенность и все существо ваше, не обнаруживающее въ васъ измѣнника, преклонили меня на вашу сторону Считайте мой домъ и впредь открытымъ для себя; мнѣ будетъ пріятно, если вы будете ежедневно посѣщать меня. Ваша невинность безъ сомнѣнія обнаружится, и я дозволяю вамъ обра-

титься съ просьбою къ государю. Вашу просьбу я отправлю съ моими бумагами»

Графъ могъ спокойно оканчивать свою рѣчь, потому что при самомъ началѣ ея я уже остолбенѣлъ. Можетъ быть лицо, да закушенныя губы показывали бурю, свирѣпствовавшую въ моей душѣ. Ростопчинъ снова взялъ меня за руку и сказалъ. «Не нужно мнѣ вашихъ объясненій, но я беру съ васъ честное слово, что вы не предпримете никакихъ печальныхъ рѣшеній. Оставайтесь здѣсь въ комнатѣ, успокойтесь; здѣсь вы можете также писать». Графъ оставилъ меня съ этими словами; я быстро ходилъ по комнатѣ, гнѣвъ разрывалъ мою грудь; я бросился къ столу и слова тоски, печали и негованія излилъ на бумагѣ. То были письмо къ Барклаю и прошеніе къ Государю.

Меня глубоко огорчала скрытность поступковъ главнокомандующаго въ отношеніи меня. Я началъ вспоминать какъ встревоженно говорилъ онъ со мною въ послѣдній разъ, какъ кратки и отрывочны, даже таинственны были его фразы касательно меня. По временамъ я думалъ. «Да развѣ самъ Барклай не находится подъ вліяніемъ подавляющей силы, и развѣ о немъ въ послѣднее время не распространилось въ войскѣ и народѣ мнѣніе, какъ объ измѣнникѣ? Въ непріязненной клеветѣ противъ меня могъ-ли онъ принять мою сторону, не рискуя потерять и малое довѣріе, какое еще сохранялось къ нему?» Я рѣшительно ничего не зналъ ни того въ чемъ меня обвиняютъ, ни вины, которую на меня взводятъ, но въ той темнотѣ, въ которой я бродилъ ощупью, блестѣлъ лучь неколебимой увѣренности въ прямоту и благородство Барклая. Въ послѣдствіи я убѣдился, что не ошибался въ нихъ. Въ письмѣ къ своей женѣ, урожденной Смитенъ и принадлежавшей къ весьма распространенной въ Лифляндіи фамиліи, онъ писалъ съ глубокимъ участіемъ обо мнѣ и о несчастномъ обвиненіи, защитить противъ котораго меня онъ не могъ при своемъ положеніи. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ и выражалъ твердую увѣренность, что моя совершенная невиновность скоро обнаружится.

Подозрѣніе жертвою котораго я сдѣлался, возникло изъ слѣдующаго обстоятельства. Выше было разсказано, что при одномъ счастливомъ дѣлѣ въ окрестностяхъ Рудни были захвачены бумаги генерала Себастіани. Между этими бумагами нашли письмо, извѣщавшее генерала о предстоящемъ движеніи русскихъ войскъ. Кто же послалъ это письмо? Указывали то на того, то на другаго, наконецъ остановились на мнѣ. Во первыхъ, мнѣ были извѣстны распоряженія главнокомандующаго, во вторыхъ въ 1809 г , въ бытность мою въ Вѣнѣ, я находился въ наполеоновской арміи и много вращался между французами, наконецъ, недавно, во время посылки меня къ Мюрату, я цѣлыя сутки провелъ вмѣстѣ съ Себастіани. Значитъ

никто другой, а я писалъ письмо — такъ остроумно рѣшили мои противники. Впослѣдствіи я получилъ ближайшія свѣдѣнія объ этомъ роковомъ для меня письмѣ. Оно было такого содержанія, что его могъ написать любой офицеръ съ французскихъ форпостовъ. Изъ свѣдѣній, заключавшихся въ немъ, нельзя было заключить, чтобы лицо, писавшее письмо, присутствовало въ русскомъ военномъ совѣтѣ и знало близко предположенія его. Между позиціями войскъ бродило множество евреевъ и польскихъ торгашей. Операціонный планъ былъ тайною для нихъ, но передвиженія войскъ въ ту или другую сторону они видѣли и могли знать. Всякій поставщикъ и всякая маркитантка знаютъ куда идетъ войско и впередъ уже ставятъ туда свои съѣстные припасы. Что же за диво, если французскій офицеръ польскаго происхожденія, стоя на форпостахъ и зная мѣстность, провѣдалъ отъ евреевъ и крестьянъ о передвиженіяхъ большихъ массъ нашихъ войскъ и сообщилъ о томъ генералу Себастіани. Предостерегательное извѣстіе не пришло, однако, во время или на него не обратили надлежащаго вниманія, потому что Себастіани былъ застигнуть въ расплохъ и разбитъ. Письма я не могъ написать уже и потому, что въ это время я лежалъ больной въ Смоленскѣ. Но какое было дѣло до всего до этого моимъ противникамъ?

Мое положеніе въ Москвѣ явилось весьма неловкимъ, хотя совѣсть моя была чиста и графъ Ростопчинъ въ отношеніи ко мнѣ явился благороднымъ и снисходительнымъ судьею. Я измѣнникъ и сообщникъ непріятеля! Какъ часто я думалъ, бросивъ мысль о самоубійствѣ, бѣжать въ армію и, прибѣгнувъ къ суду Божію, поставить моихъ обвинителей на барьеръ. Нѣкоторое облегченіе принесло мнѣ то обстоятельство, что явились и другія лица, очутившіяся въ подобномъ моему положеніи. То были высоко поставленные поляки, большею частію адъютанты императора, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Ихъ рѣшили удалить изъ главной квартиры и подчинить надзору Ростопчина. Между ними находились графъ Станиславъ Потоцкій, графъ Браницкій, князь Любомірскій и полковникъ Влодекъ. Мы взаимно утѣшали другъ друга и какъ возбужденное противъ насъ мнѣніе было непреоборимо, потому мы покорно возложили надежду на разъясненія въ будущемъ и рѣшились быть спокойными зрителями совершающагося[1]). Ближайшимъ театромъ была самая возбужденная,

---

[1]) Слѣдующая выписка изъ „Записокъ Вольцогена“ объясняетъ происхожденіе записки, найденной въ бумагахъ Себастіани, въ написаніи которой совершенно напрасно подозрѣвали Левенштерна:

„Гораздо уже позднѣе, во время Ахенскаго конгресса (1818) я узналъ отъ князя Меньшикова сущность этого загадочнаго происшествія. Въ свитѣ Барклая состоялъ адъютантъ императора, князь Любомирскій, который случайно, по окончаніи вышепомянутаго военнаго совѣта въ Смоленскѣ, услышалъ на улицѣ разговоръ полковника Толя со многими русскими генералами. Изъ этого разговора о результатахъ военныхъ совѣщаній, Любомірскій могъ догадаться, что русскіе предполагаютъ формально атаковать французовъ, я же для из-

судорожно взволнованная Москва, въ то время представлявшая ежедневное замѣчательное зрѣлище.

Однажды утромъ, когда я находился въ передней графа Ростопчина, вошелъ запыленный куръеръ изъ арміи. Его окружили, начали разспрашивать о послѣднихъ событіяхъ. Это былъ подполковникъ графъ де Лезеръ, адъютантъ Багратіона. Со своими депешами онъ вошелъ въ кабинетъ графа. Прошло немного времени какъ началась бѣготня, позвали полиціймейстера, явились ординарцы и скоро начали говорить, что сейчасъ прибывшій куръеръ будетъ отправленъ въ Пермь въ сопровожденіи драгупа. Я видѣлъ также Лезера, выходившаго изъ кабинета съ поникшею головою и разстроеннымъ видомъ, ординарцы слѣдовали за нимъ, и онъ вышелъ изъ комнаты. Приказъ о своемъ арестѣ онъ, подобно мнѣ, самъ-же привезъ, но я не знаю почему его участь была гораздо строже моей. Съ нимъ обошлись несравненно суровѣе, чѣмъ со мною, ибо я послѣ уже узналъ, что онъ былъ освобожденъ уже въ 1815 году послѣ окончанія войны.

Если въ передней Ростопчина происходили подобныя событія, то его столъ былъ веселымъ соединеніемъ остроумной бесѣды. Графъ, по своему образованію, принадлежалъ къ старой королевской Франціи. Его врожденное остроуміе съ юныхъ лѣтъ изощрилось на острыхъ выходкахъ и ѣдкихъ отвѣтахъ. Энергія его характера придавала остро-

---

бѣжанія такой рѣшительной мѣры предлагалъ произвести лишь усиленную рекогносцировку, на которую и Барклай соглашался. Въ Лядахъ находился замокъ, въ которомъ въ то время проживала княгиня Любомирская и въ которомъ находилась главная квартира Мюрата. Князь Любомирскій, изъ опасенія, что предполагаемая рекогносцировка можетъ достигнуть до Лядъ, при чемъ жизнь его матери можетъ подвергнуться опасности, поѣхалъ въ тотъ же вечеръ, въ сопровожденіи своего камердинера, на форпосты, стоявшіе подъ командою генерала Оленина въ окрестностяхъ Краснаго. Съ форпостовъ онъ послалъ камердинера въ Ляды къ своей матери съ извѣстіемъ о выступленіи русскихъ и чтобы она поспѣшно спасалась бѣгствомъ. Такимъ путемъ провѣдалъ о проектѣ Барклая и ея гость, король неаполитанскій, но король понялъ проектъ вѣрнѣе Любомірскаго и потому тотчасъ же написалъ оную записку къ Себастіани въ Руднѣ".

У Богдановича (томъ I, стр. 234) читаемъ:

„Въ числѣ бумагъ, захваченныхъ казаками въ Молевѣ-Болотѣ, на квартирѣ генерала Себастіани, былъ приказъ Мюрата, въ которомъ онъ, извѣщая Себастіани о намѣреніи русскихъ направить главныя силы къ Руднѣ, предписывалъ отойти назадъ къ пѣхотѣ. Въ главной квартирѣ русской арміи не постигали, какимъ образомъ непріятель могъ добыть столь точныя свѣдѣнія о нашихъ предположеніяхъ; подозрѣвали въ измѣнѣ вообще всѣхъ иностранцевъ, и въ особенности Вольцогена. Въ дѣйствительности же подалъ къ тому поводъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, имѣвшій неосторожность предупредить о наступленіи русскихъ войскъ мать свою, живущую въ собственномъ имѣніи, близъ мѣстечка Рудни; тогда у ней квартировалъ Мюратъ, которому случайно попала въ руки записка. Такимъ образомъ обнаруженъ былъ непріятелю планъ дѣйствій, удачное исполненіе котораго много зависѣло отъ сохраненія въ тайнѣ задуманныхъ соображеній".

Кто знаетъ, что уже „ксенже" (извѣстный князь Адамъ Чарторижскій) задумалъ задолго до 12 года такъ называемое „великое будованье (возстановленіе Польши въ границахъ 1772 г.), тотъ не можетъ вѣрить, чтобы Мюрату *случайно* попала записка Любомірскаго. Высылка изъ главной квартиры подъ надзоръ Растопчина поляковъ: Браницкаго и Влодека была весьма благоразумною мѣрою. Левенштернъ, конечно не зналъ и не понималъ всей опасности пребыванія въ нашей главной квартирѣ мастеровъ „великаго будованья", и потому сожалѣетъ о нихъ, какъ о невинно будто бы пострадавшихъ.

тамъ его рѣчи, въ особенности если его задѣвали, силу смертельнаго удара. Было истиннымъ наслажденіемъ слушать его застольныя рѣчи, когда стрѣлы ея не были направлены на присутствующихъ. По большей части такъ и бывало, въ особенности же его остроты, подъ вліяніемъ тогдашнихъ обстоятельствъ, преслѣдовали выскочекъ революціи. Однажды, когда зашла рѣчь о Мюратѣ, посѣщенія котораго въ Москву начинали уже ждать, графъ сказалъ. «Снимите съ неаполитанскаго короля его красивую одежду и надѣньте на него оборванный пѣхотный мундиръ и вмѣсто бойкаго и прямаго характера гусара придайте ему подстерегающую выжидательность таможеннаго досмотрщика, тогда вы получите наслѣднаго принца шведскаго» Растопчинъ разумѣлъ Бернадота. Въ другой разъ зашла рѣчь объ исторіи и историкахъ и Карамзинъ сказалъ, что историческая истина есть геній исторіи. На это графъ, смѣясь, отвѣтилъ. «Подите вы, любезный землякъ, съ вашимъ геніемъ. Если бы этому генію пришлось кормиться истиною исторіи, то онъ скоро бы зачахъ или умеръ съ голода. Человѣкъ удивительной судьбы, идущій нынѣ на насъ при громѣ орудій, ко многимъ знаменитымъ дѣяніямъ, которыя онъ дѣйствительно совершилъ, хотѣлъ прибавить кое-что вымышленное. Въ своемъ самосознаніи онъ называетъ исторію сказкою, въ образѣ составленія которой всѣ согласились. Когда одинъ изъ моихъ предковъ, татарскій ханъ, исторію его жизни назвалъ «Тысяча и одна истина», то его шутъ предложилъ употребить болѣе правильное названіе: «Тысяча и одна ложь» Онъ за это получилъ «тысячу и одинъ ударъ» по пятамъ и могъ помнить эту истину Все на свѣтѣ суета, сказалъ Соломонъ. Я увѣренъ, что о моихъ нынѣшнихъ дѣлахъ скоро распространится сто и одна неправда и ни одной настоящей истины[1]).

Пятнадцать дней я провелъ въ Москвѣ, считая часы и минуты, когда наконецъ въ одно утро явился ко мнѣ запыхавшійся ординарецъ съ требованіемъ итти къ графу Графъ встрѣтилъ меня съ веселымъ лицомъ и сказалъ. «Поздравляю васъ! Ваше дѣло приняло хорошій оборотъ: вамъ дозволено возвратиться въ армію, и я спѣшу сообщить вамъ о томъ» Онъ сердечно и съ участіемъ пожалъ мнѣ руку Я благодарилъ его отъ всего сердца, радуясь своему возста-

[1]) Много лѣтъ спустя я получилъ отъ одной русской дамы въ Италіи пару исписанныхъ листовъ, озаглавленныхъ „Мои мемуары“. Это было юмористическое сочиненіе, написанное Ростопчинымъ по французски, раздѣленное на 14 коротенькихъ главъ и подаренное этой дамѣ. Французскіе и нѣмецкіе сатирическіе листки сообщили разныя извлеченія изъ этого сочиненія, такъ что оно не можетъ считаться совершенно неизвѣстнымъ. Копія, которая у меня была, затерялась и я помню только, что глава озаглавленная „Мои дѣла“ была почти такого содержанія: Я игралъ различныя роли, нѣжнаго любовника, приличнаго человѣка, великодушнаго отца, но никода лакея“. 14 глава была озаглавлена „Моя эпитафія“ и гласила такъ: „Ici on a déposé pour se réposer, avec une ame blasée, un coeur épuisée et un corps usé, un vieux diable trépassé, Mesdames et Messieurs, passez!“

Прим. Смита.

новленію и въ глубинѣ души будучи признательнымъ ему за кроткое и благородное обращеніе со мною.

Черезъ часъ московскій шлагбаумъ опустился за мною и быстрая тройка несла меня въ армію. На дорогѣ я встрѣтилъ графа Петра Палена и моего брата Эдуарда, страшно больныхъ. Видъ ихъ былъ ужасенъ. Умирающимъ голосомъ говорилъ мнѣ Паленъ, что онъ «зная меня съ юныхъ лѣтъ, головою своею ручался Ермолову въ моей невиновности и требовалъ, чтобы меня, по возможности, скорѣе отозвали снова въ армію» Мы разстались. Скоро я прибылъ къ войску, которое все болѣе и болѣе отступало къ Москвѣ. Въ арміи произошли важныя перемѣны, о которыхъ я упомяну лишь вкратцѣ, ибо не пишу исторіи войны, а разсказываю лишь то, въ чемъ я самъ лично принималъ участіе, чему я самъ былъ очевидцемъ и свидѣтелемъ. Большинство арміи жаждало боя и было въ той мысли, что мы твердою, наконецъ, ногою станемъ у Смоленска, на границѣ древней Россіи и по соединеніи обѣихъ, бывшихъ до сихъ поръ раздѣленными, армій серьезно отбросимъ высокомѣрнаго врага. Такое мнѣніе скоро обратилось въ полное убѣжденіе всей арміи. Но наши предводители, однако, зная численное превосходство непріятеля, въ Смоленскѣ видѣли только удобную позицію, которую можно защищать нѣкоторое время и тѣмъ поддержать жажду боя въ арміи. Такимъ образомъ древнія, истрескавшіяся стѣны и ворота были свидѣтелями и опорою ожесточеннаго и свирѣпаго боя новѣйшаго времени и военнаго искусства, во время котораго французы понесли потерю, быть можетъ, вдвое превосходившую нашу Между тѣмъ численное превосходство все-таки оставалось за ними, и наше дальнѣйшее отступленіе являлось необходимостью. Войско, сознавая свои стремленія, возбужденныя до крайности, и жаждавшее боя, думало только объ отпорѣ, недовѣряло планамъ предводителя и дальнѣйшимъ отступленіемъ укрѣплялось въ своемъ недовѣріи. Массы, которымъ недоступны высшія комбинаціи, видѣли въ отступленіяхъ Барклая его малодушіе или неспособность. По истинѣ надобно было обладать необыкновенною силою духа, чтобы не отступить отъ вполнѣ взвѣшеннаго плана. Единственная поддержка, на которую Барклай могъ разсчитывать, былъ императоръ, но и императоръ сталъ тревожиться, когда непріятель занималъ все большія и большія пространства. Барклай часто повторялъ. «Потери наши преходящи и скоро уравновѣсятся развалинами непріятелей» Въ то время, когда мы изнемогали подъ жгучими лучами солнца, онъ уже разсчитывалъ на дѣйствіе морозовъ и предсказывалъ судьбу непріятельской арміи вслучаѣ если она углубится дальше въ Россію. Помню, что въ Дорогобужѣ зашла однажды рѣчь о возможности непріятелю овладѣть Москвою, Барклай на это возразилъ. «Когда дѣло идетъ о спасеніи Россіи, а быть можетъ, Европы, то Москва столько же значитъ, сколько и всякій другой городъ; тутъ идетъ дѣло не о сохраненіи

городовъ и областей, а о спасеніи королевствъ и имперій»[1]). Такія слова Барклая не нравились знатнымъ и богатымъ людямъ, имѣвшимъ въ столицахъ свои дворцы, и ихъ мнѣнія согласовались съ общимъ. Такъ произошло, что общій голосъ требовалъ смѣны Барклая и назначенія на его мѣсто другаго полководца, по возможности, изъ знаменитаго времени Екатерины. Изъ такихъ полководцевъ указывали на Кутузова, Беннигсена и на старшаго Палена (отца графа Петра), который хотя и не командовалъ арміями, но былъ извѣстенъ своимъ энергическимъ характеромъ, знаніями и военными способностями. Съ тяжелымъ сердцемъ императоръ послѣдовалъ за народнымъ голосомъ и назначилъ Кутузова, за котораго говорили недавно одержанныя побѣды надъ великимъ визиремъ и взятіе въ плѣнъ турецкаго войска, а еще болѣе отзывъ о немъ Суворова, что въ хитрости Кутузовъ превзойдетъ найхитрѣйшаго человѣка[2]).

Безграниченъ былъ восторгъ земли и войска, когда сдѣлался извѣстнымъ выборъ императора: всѣ желанія, всѣ надежды сосредочились на этомъ великой славы мужѣ. Пожалованный княземъ, Кутузовъ получилъ главное начальство не только надъ соединенными арміями Барклая и Багратіона, но и надъ всѣми боевыми силами имперіи. Онъ взялъ къ себѣ начальникомъ штаба Беннигсена и отлично, какъ никто, зная духъ войска и народа, рѣшился дать желанное сра-

---

[1]) Что у Барклая задолго до 1812 г. былъ составленъ планъ войны съ французами, это подтверждается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ. Матье Дюма, интендантъ наполеоновской арміи, разсказываетъ (Souvenirs, III 416), что «еще до начала похода, Нибуръ въ Берлинѣ разсказывалъ ему планъ Барклая. Въ 1807 г. Нибуръ три мѣсяца жилъ съ Барклаемъ въ тѣсной дружбѣ; Барклай здѣсь лечился отъ ранъ, полученныхъ имъ подъ Эйлау, и высказалъ ему свои планы вслучаѣ вторженія Наполеона въ Россію. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы постояннымъ отступленіемъ завлечь французское войско во внутрь Россіи, утомить его, удалить отъ его операціоннаго базиса, истощить его средства и потомъ, когда наступитъ зима, собравшись со свѣжими силами, перейти въ наступленіе и приготовить врагу новую Полтаву". Дюма говорилъ объ этомъ планѣ Бертье, который, конечно, не оставилъ сообщить его Наполеону.

Прим. Смита.

[2]) Все сказанное здѣсь Левенштерномъ — истинная правда. Барклай сохранилъ армію и приготовилъ Наполеону полное пораженіе. Но такіе планы, какъ Барклаевъ, могутъ приводить въ исполненіе, не теряя довѣрія войскъ, только коренные русскіе полководцы, которые съумѣли пріобрѣсть неограниченную довѣренность солдатъ. Такими были Румянцовъ, Суворовъ, Кутузовъ. Они могли бы отступить хоть бы и до Сибири, и никому не пришло бы въ голову сомнѣваться въ цѣлесообразности и необходимости отступленія. Но Барклай не былъ коренным русскимъ, у него не было способности говорить съ русскими; войска и народъ считали его иностранцемъ, что, въ народной войнѣ, было несчастіемъ для самаго Барклая и препятствіемъ для общей пользы. Онъ послѣ Смоленска потерялъ довѣріе не тотько солдатъ но и высшихъ генераловъ, напр. Багратіона, который писалъ Аракчееву нѣсколько дней спустя послѣ соединенія армій: «Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать, въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу; вся главная квартира *нѣмцами* наполнена, такъ что русскому жить невозможно, и потому никакого толка нѣтъ. Воля ваша, или увольте меня хотя отдохнуть на мѣсяцъ"

Государь, возвратившійся въ Петербургъ 22 іюля, зналъ о настроеніи арміи въ отношеніи къ Барклаю и потому рѣшилъ избрать новаго главнокомандующаго. 5 августа (во второй день сраженія при Смоленскѣ) былъ созванъ особый комитетъ для обсужденія этаго вопроса (Салтыковъ, Вязьмитиновъ, Аракчеевъ, Балашевъ, Лопухинъ и Кочубей). Выборъ палъ на Кутузова.

женіе для спасенія Москвы. Барклай съ силою великой души и исполненный благороднаго самоотверженія добровольно сталъ въ подчиненное положеніе.

Въ Царево-Займище, гдѣ Барклай, пользуясь хорошею позиціею предполагалъ дать сраженіе, прибылъ Кутузовъ къ арміи и двинулъ ее къ деревнѣ Бородино, чрезъ которую проходитъ большая московская дорога; тутъ на позиціи, избранной Беннигсеномъ, онъ сталъ, наконецъ, твердою ногою противъ наступавшаго непріятеля. Лѣвый флангъ былъ укрѣпленъ шанцами, правый прислонялся къ вырубленному лѣсу; часть фронта прикрывалась рѣчкою Колочею. Посѣвныя поля обширной равнины были сжаты, деревня Семеновская снесена: такъ образовалось боевое поле, мѣсто ожесточеннаго поединка. Послѣ стычки, бывшей 24 августа, русскіе уже не отступали; оба войска сблизились и стали въ виду другъ друга. 26 августа (7 сентября) должно было послѣдовать страшное столкновеніе огромныхъ силъ, непріязненно стоявшихъ другъ противъ друга.

Именно въ тотъ промежутокъ времени, когда всѣ готовились къ рѣшительному сраженію, вечеромъ 24 августа куръерская телѣжка примчала меня изъ Москвы. Запыленный отъ быстрой ѣзды, я явился къ Барклаю и нашелъ его также запыленнымъ, но боевою пылью. Онъ только что возвратился съ кроваваго сраженія, происходившаго на лѣвомъ флангѣ въ Шевардинскомъ редутѣ. Наши войска мужественно отразили нападенія непріятеля, но оставили однакоже этотъ редутъ вслѣдствіе большаго удаленія его отъ нашей позиціи. Барклай былъ утомленъ, озабоченъ, но онъ привѣтливо протянулъ мнѣ руку, и поздравилъ съ пріѣздомъ. Не время было обращаться къ нему съ вопросами, приносить жалобы, какъ все это не тяжело лежало у меня на сердцѣ. Гдѣ только что гремѣли пушки, гдѣ пороховой дымъ густо разстилался по равнинѣ, гдѣ сотни народа лежали въ своей крови, гдѣ давка и всяческій шумъ окружали насъ, тамъ было не мѣсто и не время для объясненій. Я отложилъ объясненіе до другаго времени, которое однакоже, не наступило въ ближайшіе дни. На слѣдующее утро, Барклай, какъ бы давая мнѣ случай объясниться, сказалъ. «Вы, любезный Левенштернъ, не все еще разсказали про Москву», но въ то самое мгновеніе, когда я хотѣлъ отвѣчать, пришли ординарцы и адъютанты, и мой голосъ замеръ въ толпѣ. Что значило мое бѣдствіе предъ наступавшими міровыми событіями.

25 августа (6 сентября) прошло въ приготовленіяхъ къ отчаянному сраженію. Жажда боя, одушевленіе нашихъ войскъ были неописанны. Кутузовъ показывался мало: Барклай, Беннигсенъ, Багратіонъ и Толь устраивали все съ величайшею дѣятельностію.

Благодаря трудамъ моего служителя и заботливости товарищей, я нашелъ моихъ лошадей и прочее снаряженіе хорошо сохраненными и въ хорошемъ порядкѣ. Раннимъ утромъ, 26 августа, я сѣлъ на

своего надежнаго боеваго коня, имѣя по близости другую хорошую лошадь. Въ 6 часовъ съ праваго французскаго крыла загремѣли орудія и атакующія колонны пришли въ движеніе. Въ это же самое время съ лѣваго крыла генералъ Дельзонъ пошелъ на деревню Бородино, занятую нашими гвардейскими егерями. Въ этотъ самый часъ Барклай со своею свитою въѣхалъ на холмъ у деревни Горки и остановился у поставленной здѣсь артиллерійской батареи. Густой туманъ разстилался по равнинѣ. Чуть лишь воздухъ нѣсколько разъяснился, генералъ замѣтилъ непріятельскія колонны, двигающіеся на Бородино; онъ тотчасъ же сообразилъ опасность, которой подвергались гвардейскіе егеря и немедленно же послалъ меня къ командовавшему полкомъ полковнику Бистрому съ приказаніемъ отступить и сжечь за собою мостъ. Бистромъ тотчасъ же началъ отступленіе, но уже Дельзонъ, шедшій по большой дорогѣ, напиралъ на деревню, а другая непріятельская колонна, нѣкоторое время невидная за туманомъ, двигалась вдоль Колочи и подошла на близкій ружейный выстрѣлъ къ мосту, по которому переходили егеря и открыла пальбу Скоро къ мосту подошла также колонна, шедшая по большой дорогѣ, и открыла также ружейный огонь по мосту Замѣшательство, суматоха на нашей сторонѣ были слѣдствіемъ этаго. Я на лошади стоялъ по срединѣ егерей и ясно помню, что ни одна французская пуля не пропадала даромъ. Храбрымъ егерямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ быстро перебѣжать ровное мѣсто, достичь низменности и здѣсь построиться вновь подъ прикрытіемъ смѣлаго полковника Карпенки, который подоспѣлъ сюда съ 4-мя орудіями и 1-мъ егерскимъ полкомъ. Эта свалка продолжалась не болѣе 10 или 15 минутъ, но могу засвидѣтельствовать, что жаркою была эта маленькая четверть часа. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ потерялъ 30 своихъ офицеровъ, выбывшихъ изъ строя, и половину наличныхъ рядовыхъ.

Деревня Бородино осталась за французами; на нѣкоторое мгновеніе эта деревня казалась важною и предназначенною играть видную роль въ событіяхъ великой драмы, но Барклай мнѣ тотчасъ же сказалъ, что здѣсь достаточно было поставить наблюдательный постъ и что не было никакой надобности Бородино, пунктъ неважный, занимать отборнымъ войскомъ. Онъ обвинялъ генерала И... въ томъ, что онъ выставилъ храбраго Бистрома на потери.

Ротмистръ гвардейскихъ гусаръ Бокъ былъ такъ восхищенъ моими распоряженіями по возстановленію порядка, что пробрался ко мнѣ посреди давки съ предложеніемъ своей дружбы. Хотя его высокое о себѣ мнѣніе и возбуждало улыбку, но я принялъ его рукобитіе. Это былъ все-таки бравый молодой человѣкъ, вѣрившій, что онъ предназначенъ къ чему то необыкновенному Такая мечта перешла въ дѣло, а дѣло привело его чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Выпущенный на свободу, онъ, видя

свои ожиданія неисполнившимися и свои надежды тщетными, съ отчаянія пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Счастливое начало моей дѣятельности въ этомъ сраженіи, похвала Барклая, выставившаго меня образцомъ для прочихъ адъютантовъ, воспламенили меня до такой степени, что съ этаго мгновенія я сталъ искать опасностей.

По выслушаніи моего донесенія, Барклай оставилъ холмъ у Горокъ и сдѣлалъ сравнительное обозрѣніе послѣдовавшихъ диспозицій къ бою. Главнокомандующій снова подтвердилъ ихъ. Тутъ орудія загремѣли съ удвоенною силою, пушечные выстрѣлы раздавались столь непрерывно, что кто-то справедливо воскликнулъ: «Здѣсь нѣтъ даже фута земли, гдѣ бы трусъ могъ спрятаться»

Было около 9 часовъ утра, когда Барклай орлинымъ взглядомъ, свойственнымъ ему на полѣ сраженій — никто не будетъ спорить, что онъ былъ великій боевой генералъ—замѣтилъ смятеніе, дымъ и столбы пыли у главной батареи въ центрѣ, занятой корпусомъ Раевскаго и потому названной батареею Раевскаго. Онъ послалъ меня узнать, что тамъ дѣлается. На дорогѣ я встрѣтилъ поручика Варденбурга[1]), адъютанта принца Георга Ольденбургскаго. Принца въ это время не было при арміи, потому его адъютантъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго назначенія и состоялъ случайнымъ волонтеромъ. Я просилъ его сопутствовать мнѣ, чтобы вслучаѣ если меня убьютъ или ранятъ онъ могъ доставить Барклаю необходимыя свѣдѣнія о батареѣ. Мы поскакали впередъ къ батареѣ и съ изумленіемъ увидѣли, что она уже находилась въ рукахъ французовъ. Для обратнаго отобранія ея нельзя было терять ни минуты времяни. Тутъ смѣлый и не терявшій присутствія духа Варденбургъ, посреди царствовавшаго кругомъ смятенія, обратилъ мое вниманіе на баталіонъ пѣхоты, стоявшій на право въ горжѣ батареи. Я предложилъ Варденбургу во весь опоръ скакать къ Барклаю и сказать ему о происшедшемъ, а самъ, въ присутствіи еще Варденбурга, обратился къ командиру баталіона съ заявленіемъ, что я адъютантъ Барклая. Это былъ баталіонъ томскаго полка и баталіонный командиръ охотно желалъ сразиться. Сдѣлалось такъ, что я тотчасъ же сталъ во главѣ баталіона и мы съ ружьями на руку устремились на батарею; я запретилъ однако людамъ кричать ура впредь до знака, который я подамъ. Будучи кавалеристомъ, я не умѣлъ какъ слѣдуетъ вести пѣхоту въ атаку, и ѣхалъ на своемъ кра-

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ велико-герцогской ольденбургской службы и главнокомандующій контингентомъ ганзейскаго союза. Онъ умеръ въ 1838 г. Въ 1842 г. братъ Варденбурга издалъ его жизнеописаніе, но это сочиненіе не имѣетъ никакой цѣны: издатель не зналъ военнаго дѣла, многое пропустилъ, многое переступилъ, иное и вовсе переиначилъ.

Прим. Смита.

сивомъ конѣ шагахъ въ пятнадцати впереди моей колонны. Тутъ увидѣлъ меня генералъ Ермоловъ, который съ Кутайсовымъ, Кикинымъ и многочисленнымъ генеральнымъ штабомъ прибылъ съ лѣвой стороны и также велъ въ атаку баталіонъ Уфимскаго полка. Когда этотъ баталіонъ достигъ хвоста моего баталіона, то началъ кричать ура, но я не велѣлъ кричать своему баталіону, имѣя въ виду, что не слѣдуетъ напрягать дыханіе людей до всхода на батарею. Генералъ Ермоловъ одобрилъ мое распоряженіе, и только тогда, когда мы уже совсѣмъ близко подошли къ непріятелю, я приказалъ ударить въ штыки съ громкимъ ура. Схватка была ужасная и скоро штыки смѣнились прикладами. Французскій генералъ Бонами съ 30 пѣхотнымъ полкомъ отчаянно защищался и получилъ отъ меня сабельный ударъ, въ то время какъ старался пробиться и выйти на свободу изъ свалки, но въ тотъ самый моментъ пуля задѣла меня въ правую руку Батарея была между тѣмъ счастливо взята, хотя и не безъ жестокаго кровопролитія и тяжкихъ потерь, потому что здѣсь лишился жизни храбрый и талантливый генералъ графъ Кутайсовъ и генералъ Ермоловъ былъ раненъ.

Въ отбитіи этой важной батареи я принималъ порядочное участіе и первый съ моимъ баталіономъ бросился въ рукопашную схватку, столь побѣдоносно окончившуюся. Ермоловъ самъ обнялъ меня на батареѣ и сказалъ, что все происшедшее между нами должно быть забыто. «Вы, говорилъ онъ, шпагою заслужили себѣ георгіевскій крестъ и я постараюсь, чтобы вы получили его» Но блескъ совершеннаго нами совмѣстно счастливаго военнаго подвига показался нѣкоторымъ людямъ столь сильнымъ и сверкающимъ, что тотъ свѣтъ, которымъ и я долженъ бы былъ нѣсколько свѣтить, совершенно затемнился и исчезъ въ ихъ сильнѣйшемъ свѣтѣ. Мнѣ отъ подвига ничего не осталось кромѣ собственнаго воспоминанія, креста и хотя не тяжелой, но мучительной раны[1]).

Генералъ Барклай, во время кровавой схватки, прибылъ къ батареѣ и сдѣлалъ нужныя распоряженія для удержанія ея за нами.

---

[1]) Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія принца Евгенія Виртембергскаго о русскомъ походѣ, Левенштернъ, по приглашенію генерала Вахтена, бывшаго адъютанта принца, прислалъ ему нѣсколько замѣчаній на названную книгу и при этомъ указывалъ на свое участіе при отбраніи батареи Раевскаго. Благородный принцъ въ своемъ отвѣтѣ Вахтену писалъ:

«Вскорѣ послѣ сраженія, Вольцогенъ говорилъ мнѣ о присутствіи и вліяніи полковника Левенштерна при отбраніи батареи. Могу засвидѣтельствовать, что я никогда не забывалъ этого обстоятельства, но не смотря на всѣ разспросы, я ничего не узналъ объ ономъ, и потому мнѣ при описаніи случая, котораго я не былъ очевидцемъ, ничего не оставалось какъ слѣдовать общему мнѣнію. Впрочемъ въ словахъ Левенштерна лежитъ правда такъ, какъ бы она находилась предъ моими глазами, ибо собственный мой опытъ научилъ проникать эти отношенія". Съ благороднымъ принцемъ случилось совершенно такое же обстоятельство при отступленіи большой арміи отъ Дрездена къ Кульму. Участіе его въ дѣлѣ было важное, но имя принца исчезло въ блескѣ другихъ именъ: ни одного слова не упоминалось о принцѣ, и только въ новѣйшее время открылась истина. Прим. Смита.

Вся дивизія генерала Лихачева была назначена къ занятію батареи. Замѣтивъ меня раненымъ, онъ далъ мнѣ своего ординарца проводить меня на перевязочный пунктъ. Здѣсь уже я засталъ генерала Ермолова, который снова повторилъ мнѣ то, что говорилъ на батареѣ, что я на своемъ сѣромъ конѣ казался Георгіемъ Побѣдоносцемъ, а онъ лишь кликалъ въ бой, но послѣ снова смѣшались шашки и въ офиціальныхъ реляціяхъ обо мнѣ не было упомянуто ни слова[1]).

На перевязочномъ пунктѣ я съ глубокимъ прискорбіемъ увидѣлъ въ группѣ врачей и адъютантовъ раненаго храбраго Багратіона, сидѣвшаго на травѣ. Вилліе, извѣстный лейбъ-медикъ императора, сдѣлавшій въ этотъ день безчисленное множество операцій, вынималъ у Багратіона пулю, засѣвшую въ берцовой кости. Князь сильно страдалъ, но геройски переносилъ боль. Замѣтивъ меня, онъ спросилъ о Барклаѣ. На мой отвѣтъ онъ угасающимъ голосомъ промолвилъ. «Скажите ему, что цѣлость арміи лежитъ теперь въ его рукахъ. Еще идетъ все хорошо. Да сохранитъ его Господь» Я видѣлъ Багратіона уже въ послѣдній разъ. рана его, въ началѣ не смертельная, отъ печали и безпокойства ухудшилась, а чрезъ нѣсколько недѣль на всегда исторгла его у арміи и у отечества.

Кромѣ Багратіона было здѣсь много раненыхъ офицеровъ и генераловъ; изъ генераловъ я замѣтилъ начальника штаба Багратіона, графа Сенъ-При, который впослѣдствіи былъ убитъ подъ Реймсомъ, и благороднаго графа Воронцова, съ которымъ впослѣдствіи мнѣ привелось быть въ столь близкихъ отношеніяхъ.

Кончивъ перевязку генераловъ, Вилліе обратился ко мнѣ, наложилъ и мнѣ на скоро перевязку Чувствуя въ себѣ достаточно силъ, я немедленно же отправился къ своему посту, перевязанную руку поддерживая на шарфѣ, повѣшенномъ на шеѣ. Я не могъ владѣть саблею, но очень могъ служить для передачи приказаній. Случай къ этому скоро представился.

---

[1]) Въ офиціальныхъ донесеніяхъ объ участіи Левенштерна въ отбитіи батареи Раевскаго дѣйствительно не упоминалось, но въ описаніи Бородинскаго сраженія (томъ 2, стр. 197) Богдановичъ упоминаетъ о Левенштернѣ. Вообще Левенштернъ не могъ хвалиться счастіемъ по службѣ. За Бородино онъ, по представленію Барклая, былъ произведенъ въ подполковники, на этотъ чинъ, какъ будетъ сказано ниже, былъ снятъ съ него въ декабрѣ 1812 г. въ Вильнѣ. За тѣмъ изъ послужнаго списка его видно, что онъ былъ произведенъ въ подполковники 31 августа 1813 г., изъ того же послужнаго списка оказывается и другое нынѣ совершенно невозможное обстоятельство. Въ графѣ о походахъ ясно и положительно сказано: за всѣ дѣла 21 апрѣля 1813 г. былъ *произведенъ въ полковники;* за взятіе Соассона 19 февраля 1814 г. былъ *снова произведенъ въ полковники*, наконецъ въ третій и окончательный уже разъ произведенъ за *отличіе въ полковники же* 19-го мая 1815 года, во время службы въ отдѣльномъ корпусѣ графа Воронцова. Слѣдовательно съ Левенштерна былъ снятъ чинъ подполковника и за тѣмъ за отличіе въ полковники онъ былъ произведенъ *три раза*: примѣръ едва-ли не единственный у насъ въ арміи. Не смотря на всѣ представленія и ходатайства, Левенштернъ (въ своемъ мѣстѣ это будетъ разсказано) во время войнъ 13, 14 и 15 годовъ въ генералы произведенъ не былъ (не имѣлось ли къ тому какой особой причины?). Этотъ чинъ онъ получилъ уже въ царствованіе Николая Павловича, именно 6 декабря 1826 г.

Барклай неоднократно посылалъ меня къ Кутузову, окруженному блестящимъ штабомъ и находившемуся на такомъ мѣстѣ, откуда, конечно, нельзя было много видѣть, что дѣлалось на полѣ сраженія, но гдѣ нечего было бояться непріятельскихъ пуль. Въ отношеніи распоряженій онъ вполнѣ положился на Барклая, Багратіона и Беннигсена и не мѣшалъ имъ распоряжаться; только одинъ разъ случилось противное, къ крайнему неудовольствію Барклая. Барклай поставилъ гвардейскій корпусъ въ резервъ и приказалъ командиру этаго корпуса, Лаврову, никого не посылать изъ него, дабы вечеромъ, когда приблизится рѣшительная минута, можно было ввести въ бой это отборное войско. Барклай въ это время послалъ меня къ Лаврову подтвердить это приказаніе, но я съ удивленіемъ узналъ отъ него, что по приказанію Кутузова полковникъ Толь отвелъ два пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ на подкрѣпленіе лѣваго фланга, подвергшагося сильнѣйшимъ атакамъ французовъ.

Барклай, обыкновенно хладнокровный и сдержанный, услышавъ про это, вышелъ изъ себя; его наружное безстрастіе, по видимому, совсѣмъ его оставило и онъ вскипѣлъ огнемъ и пламенемъ. «Какъ, воскликнулъ онъ, въ 10 часовъ утра считать сраженіе проиграннымъ и вести въ огонь резервы, которые только въ концѣ должны быть употреблены, и тѣмъ отнимать у себя средства къ побѣдѣ!» Давъ шпоры коню, онъ поскакалъ къ Кутузову, приказавъ и мнѣ слѣдовать за собою. Онъ умолялъ князя не трогать остальныхъ гвардейцевъ и въ особенности не трогать кавалерію, такъ какъ онъ предвидѣлъ, что она скоро крайне понадобится. Такъ и случилось. Эта прекрасная кавалерія послѣ своими сильными атаками уничтожила всѣ попытки непріятельской кавалеріи.

Былъ 1 часъ по полудни. Пороховой дымъ и пыль, крики и шумъ всякаго рода разносились по всей линіи. Генералу Барклаю трудно было имѣть ясное понятіе о томъ, что дѣлалось въ корпусѣ графа Остермана. Онъ послалъ меня туда. Я нашелъ графа во главѣ его войскъ (ему только что сдѣлали перевязку раны, полученной въ ногу); онъ самъ велъ ихъ въ огонь на непріятеля, подвергаясь со стоическимъ хладнокровіемъ величайшимъ опасностямъ. Что больше было требовать? Восемь или десять минутъ провелъ я вблизи него; пули летали въ такомъ множествѣ, что въ этотъ промежутокъ времени изъ небольшой группы, которую мы образовали, многіе были убиты, другіе ранены или низвержены съ лошадей, всѣхъ насъ забросало землею. Адъютантъ Остермана, молодой Валуевъ, находившійся возлѣ меня, былъ убитъ; князь Михаилъ Голицынъ былъ тяжко раненъ, генералу Бахметьеву оторвало ногу

Обозрѣвъ, на сколько было возможно, положеніе вещей, я убѣдился, что съ этимъ корпусомъ нельзя ожидать никакихъ особенныхъ послѣдствій, что войска съ честію занимаютъ свое мѣсто и ихъ пред-

водитель будетъ сражаться какъ левъ. Барклай, выслушавъ мое донесеніе, не изъявилъ никакой большой радости на подобныя ожиданія, но у него не было никакихъ средствъ перемѣнить ходъ дѣла, пришлось оставить ихъ такъ, какъ они шли, довѣрясь храбрости и стойкости войскъ.

Вскорѣ потомъ — было это между 2 и 3 часами по полудни — Барклай замѣтилъ, что сильныя непріятельскія кавалерійскія колонны приготовляются нанести рѣшительный ударъ лѣвому крылу нашей первой арміи, составлявшему центръ соединенныхъ обѣихъ армій. Онъ послалъ меня къ генералу Шевичу, командовавшему гвардейской кавалеріею, съ приказаніемъ придвинуться ближе, такъ чтобы немедленно можно было отразить непріятельскую атаку Мои слова были встрѣчены этимъ превосходнымъ войскомъ съ громкими изъявленіями радости. Бравые воины сгарали нетерпѣніемъ помѣряться съ непріятелемъ и приказаніе двинуться впередъ согласовалось съ ихъ горячимъ желаніемъ.

Между жаждавшими боя людьми, двинувшимися теперь на врага, находился мой храбрый, рыцарскій Левенвольде, полковникъ кавалергардскаго полка. Онъ благодарилъ меня за послѣдовавшій чрезъ меня призывъ, когда полкъ на минуту остановился, онъ, привыкшій дѣлиться со мною освѣжительнымъ напиткомъ во время изнурительныхъ переходовъ, подалъ мнѣ стаканъ пунша. Это уже былъ послѣдній стаканъ, который я распивалъ съ нимъ! Не прошло и четверти часа, какъ онъ мертвый лежалъ уже подъ копытами своихъ и чужихъ коней. Густыя непріятельскія кавалерійскія массы между тѣмъ двигались впередъ, ниспровергая все встрѣчное. Генералъ Корфъ съ драгунами, Крейцъ съ легкою кавалеріею нѣсколько разъ ходили въ атаку, то счастливо, то менѣе счастливо; ихъ войска наконецъ перемѣшались, какъ бываетъ при многократныхъ кавалерійскихъ атакахъ. Имъ нужно было дать время построиться вновь, тогда гвардейская кавалерія получила приказаніе остановить непріятельскія кавалерійскія массы, угрожавшія прорвать центръ нашихъ обѣихъ армій. Барклай самъ повелъ въ атаку два прекрасныхъ отборныхъ полка — кавалергардовъ и конногвардейцевъ. Атака ихъ была страшною и непреоборимою: непріятельская кавалерія была совершенно опрокинута, смята, уничтожена до основанія[1]) Другіе непріятельскіе полки бросались въ атаку, но постоянно были отбиваемы и преслѣдуемы.

---

[1]) Другой очевидецъ этой атаки Варденбургъ пишетъ (Біографія, стр. 185): „Тутъ генералъ приказалъ придвинуться обоимъ кираспрскимъ полкамъ, состоявшимъ подъ командою генерала Шевича, когда показался непріятель. Эта кавалерія, во весь походъ ни мало не пострадавшая, сдѣлала прекраснѣйшую атаку, какую только я видѣлъ (а Варденбургъ сражался подъ Маренго, Аустерлицемъ, Эйлау), на французскихъ и баварскихъ кирасировъ, единственную кавалерію, которая еще не была разстроена. Дѣло рѣшилось въ одно мгновеніе. Русскіе нанесли только одинъ ударъ непріятельскимъ кираспрамъ и разсѣяли ихъ,

Ожесточенное сраженіе разбилось наконецъ на безчисленныя большія и малыя одиночныя схватки. Все видимое поле сраженія волновалось. Каре нашей пѣхоты отстрѣливалось со всѣхъ четырехъ сторонъ; непріятельскіе всадники роями окружали ихъ, но тщетно старались прорвать каре.

Внушительно и покойно держалъ себя Барклай посреди волнующагося боя, повелѣвая, направляя и устремляя массы. Выдаваясь надъ всѣми, онъ сидѣлъ на конѣ одѣтый въ полную форму, съ тремя звѣздами на груди, въ генеральской шляпѣ съ чернымъ султаномъ на головѣ. Мнѣ казался онъ выросшимъ на нѣсколько дюймовъ, когда неколебимый въ общемъ колебаніи, однако кругомъ распространявшемся, онъ съ геройскимъ присутствіемъ духа искалъ обезпечить за собою судьбу сраженія. Возлѣ него пали два его адъютанта: Клингеръ, которому пушечное ядро оторвало обѣ ноги и который умеръ отъ раны, и графъ Ламсдорфъ, также убитый ядромъ. Изъ прочихъ адъютантовъ почти всѣ болѣе или менѣе тяжко были перераненены; другіе потеряли лошадей, подъ Бартоломеемъ было убито даже три лошади; лошадь самаго Барклая была ранена, но его самаго хранила судьба цѣлымъ и невредимымъ.

Хотя яростная атака большихъ непріятельскихъ массъ была отбита двумя гвардейскими и другими полками, тѣмъ не менѣе сраженіе не клонилось ни въ ту, ни въ другую сторону, и намъ выпадали тяжелыя мгновенія. Барклай узнавалъ опасность и рѣшительно бросался въ возникавшій безпорядокъ. Лошадь его была ранена, съ трудомъ двигалась, и онъ самъ подвергался очевидной опасности. Нѣсколько польскихъ уланъ бросились на Барклая, онъ казался имъ легкою добычею, тѣмъ болѣе, что свита его была очень небольшая. Въ близи его находились только адъютанты Закревскій, Каминцовъ, Сиверсъ (впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи), Тимротъ (впослѣдствіи генералъ, убитъ при штурмѣ Браилова въ 1828 г) и я, раненый, какъ выше сказано, въ правую руку и потому немогшій дѣйствовать саблею. Намъ удалось, однакоже, наскоро собрать кавалерійскій отрядъ изъ разныхъ полковъ, съ которымъ мы бросились на смѣлыхъ уланъ и частію изрубили ихъ, а частію обратили въ бѣгство.

Маленькій успѣхъ повлекъ за собою большій, потому что значительная часть нашихъ легкихъ кавалеристовъ, ободренная успѣхомъ, бросилась съ такою стремительностію на непріятеля, что отбила у него захваченную было уже конную батарею подполковника Семанжа. Одну изъ нашихъ пушекъ, съ помощію нѣсколькихъ маріупольскихъ гусаръ

какъ мякину. Остатки французской кавалеріи бѣжали, не защищаясь, преслѣдуемые русскими до самой французской линіи. Эта мужественная атака привела въ развалины французскую кавалерію, которая во весь походъ уже не оправлялась".

Прим. Смита.

и драгунъ сибирскаго полка, удалось мнѣ отобрать изъ непріятельскихъ рукъ, при чемъ пистолетнымъ выстрѣломъ я былъ раненъ въ ту самую руку, которая уже раненая висѣла на шарфѣ.

Во время большой кавалерійской атаки мы потеряли батарею Раевскаго. Дивизія Лихачева, защищавшая батарею, была частію уничтожена, частію отброшена, и самъ мужественный предводитель дивизіи, не отступившій со своего поста, раненый попалъ въ руки непріятелей. Барклай снова послалъ меня къ батареѣ развѣдать на мѣстѣ о происшедшемъ. Я увидѣлъ батарею уже взятою и нѣкоторыхъ изъ защитниковъ ея, проливших потоки крови, скрывшихся въ низменности отъ ядеръ и картечи, непрерывно летѣвшихъ надъ ихъ головами. Войско было разсѣяно, упало духомъ и не было никакой возможности вести остатки дивизіи на новый бой. Это печальное извѣстіе я передалъ моему генералу Онъ хладнокровно выслушалъ меня и сказалъ. «Завтра мы возьмемъ обратно батарею или же непріятель самъ оставитъ ее ночью» Твердость духа Барклая была непоколебима и его присутствіе духа вполнѣ невозмутимо.

Было около 5 часовъ и генералъ поѣхалъ къ Кутузову Переговоривъ съ нимъ съ четверть часа, онъ отправился на редутъ у Горокъ, тотъ самый, съ котораго онъ разсматривалъ начало сраженія. Только три адъютанта находились въ это время при немъ: Закревскій, Сеславинъ и я; прочіе были или убиты, или ранены, или находились въ разсылкахъ. Тутъ только Барклай сошелъ съ коня и, какъ онъ во весь день ничего еще не ѣлъ и не пилъ, то спросилъ себѣ стаканъ пунша, который я и предложилъ ему Отсюда онъ спокойно и проницательнымъ взглядомъ продолжалъ наблюдать движенія и намѣренія непріятеля, не отвращаясь отъ пуль, по временамъ долетавшихъ до насъ.

Но вотъ мало по малу орудія начали стихать, дымъ и туманъ застилали поле сраженія, всюду начала воцаряться совершенная тишина, дозволившая намъ раздумать о событіяхъ роковаго дня. Нельзя было опредѣлить цифрами нашихъ потерь, но можно было предполагать, что онѣ громадны[1]). Можно было однакоже ручаться

---

[1]) Подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній объ уронѣ подъ Бородиномъ никогда не имѣлось. Въ официальныхъ свѣдѣніяхъ уронъ 1-й арміи 24 и 26 августа показанъ: убитыми: генераловъ 3, штабъ и оберъ-офицеровъ 213, нижнихъ чиновъ 9036, всего 9252 чел., ранеными: генераловъ 14, штабъ и оберъ-офицеровъ 1223, нижнихъ чиновъ 17,989, всего 19,226 чел.: безъ вѣсти пропавшими: генералъ 1 (вѣроятно Лихачевъ), штабъ и оберъ-офицеровъ 46, нижнихъ чиновъ 9981, всего 10,028 чел. Вообще уронъ 1-й арміи простирался до 38,000 чел. Свѣдѣній о 2-й арміи не имѣется: всѣ главные и многіе частные начальники были убиты или ранены и потому тутъ было некому и нѣкогда заниматься составленіемъ вѣдомостей. Уронъ 2-й арміи Богдановичъ опредѣляетъ въ 20,000 человѣкъ, такъ что въ дѣлахъ при Шевардинѣ и Бородинѣ, 24 и 26 августа, у насъ выбыло изъ фронта около 58,000 человѣкъ, почти половина всей арміи, сражавшейся въ эти два дня съ французами, у которыхъ выбыло изъ строя людей никакъ не менѣе нашихъ. По большой убыли изъ фронта генераловъ (у русскихъ 18, у французовъ 49) бородинское сраженіе называется

не преувеличивая, что непріятель не пріобрѣлъ особенныхъ успѣховъ. Мы потеряли, правда, нѣсколько шаговъ пространства, но стояли все на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ стояли при началѣ сраженія, не потеряли плѣнныхъ, не дали никакихъ трофеевъ; мужество и духъ войска отнюдь не упали, напротивъ всѣ желали и надѣялись, что сраженіе возобновится на слѣдующій день. Но въ совѣтѣ предводителей было рѣшено иначе. Въ виду громадной потери и необходимости сохранить старыхъ солдатъ, къ которымъ могли бы примкнуть новые ряды для будущаго освобожденія страны, было рѣшено продолжить на слѣдующее утро дальнѣйшее отступленіе. Въ 8 часовъ вечера Барклай былъ позванъ къ Кутузову; онъ запретилъ мнѣ сопровождать его: я долженъ былъ подумать о моихъ ранахъ. Такимъ былъ строготребовательный, но любезный Барклай. Въ рѣшительныя минуты боя, обращая взоры на все, онъ не обращалъ вниманія на пули, которыя летѣли въ него и убивали или тяжело ранили окружавшихъ его, но проходили эти минуты и онъ являлся сострадательнымъ другомъ, готовымъ къ помощи начальникомъ, страданія подчиненныхъ котораго прямо ложились на его сердцѣ.

Послѣ осмотра моихъ ранъ (вторая, къ счастію, была совершенно незначительна), я отыскалъ снопъ соломы, чтобы отдохнуть на немъ послѣ тяжелаго дня. Но прежде чѣмъ лечь на отдыхъ, я предалъ землѣ юное тѣло моего добраго, кроткаго Ламсдорфа; мнѣ хотѣлось, чтобы буря завтрашняго дня промчалась надъ его могилою, а не надъ его тѣломъ. За тѣмъ истомленный я заснулъ; сонъ мой былъ столь же тревоженъ, какъ и день. Я проснулся на воинственномъ небѣ древнихъ германцевъ. Герои Валгалы сражались все утро, но къ обѣду, исцѣленные отъ ранъ, сидѣли за пиршествомъ, освѣжая свои души мясомъ затравленнаго вепря, виномъ, медомъ и боевыми пѣснями. Я также сидѣлъ съ моимъ дорогимъ, рыцарскимъ Левенвольде, и онъ, исцѣлившійся отъ удара, раскроившаго ему черепъ, чокался со мною и Ламсдорфомъ искрометнымъ шампанскимъ. Ахъ, то былъ лишь сонъ!

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ).

битвою генераловъ. «Изъ всѣхъ моихъ сраженій, не разъ говорилъ Наполеонъ, самое ужасное то, которое далъ я подъ Москвою"

За Бородино Кутузовъ получилъ чинъ генералъ-фельдмаршала и 100,000 р.; Барклай — Георгія 2-й степени, Багратіонъ — 50,000 р., Милорадовичъ и Дохтуровъ — алмазные знаки Александра Невскаго; Георгія 3-й степени получили: Кайсевичъ, Лавровъ, князь Голицынъ, Бороздины 1 и 2-й, князь Горчаковъ, принцъ Евгеній Виртембергскій, Лаптевъ, Костенецкій, Олсуфьевъ, Фокъ, графъ Сиверсъ, Кретовъ и Левенштернъ (нач. арт.). 6 генераламъ пожалованы шпаги съ алмазами; 11 генераловъ получили Анны 1 степени; 7 генералъ маіоровъ произведены въ генералъ-лейтенанты. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ пожаловано по 5 р. Фельдфебель 18 егерскаго полка Золотовъ, за взятіе въ плѣнъ генерала Бонами, произведенъ въ подпоручики.

Матеріалы и статьи къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.

I. О старовѣрахъ въ Ригѣ и отчетъ о Гребенщиковской богадѣльнѣ съ 8-го октября 1826 года по 1-ое ноября 1829 года.

Русскіе жители города Риги раздѣляются на людей церковныхъ и старовѣровъ (старообрядцевъ, не пріемлющихъ священства), составляющихъ довольно многочисленную общину Къ какому году относится первое появленіе въ Ригѣ старовѣрческой общины (безпоповцевъ), неизвѣстно, но въ 1760 г они уже имѣли богадѣльню на московскомъ форштатѣ. Къ двадцатымъ годамъ текущаго столѣтія рижская старовѣрческая община имѣла уже богадѣльню и при ней больницу, сиротское отдѣленіе, школу и дачу Гризенбергъ. Въ началѣ 1827 г прибалтійскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулучи, затребовалъ отъ рижскихъ старовѣровъ свѣдѣній, кѣмъ именно управляется названная богадѣльня и школа. Старовѣры представили подлинныя статьи отъ 13 августа 1813 г., составленныя и подписанныя цѣлымъ обществомъ, но никѣмъ не утвержденныя. Маркизъ Паулучи, по разсмотрѣніи этихъ статей, утвердилъ ихъ 20 февраля 1827 г. Первый отчетъ объ управленіи богадѣльнею и состоящимъ при ней пріютомъ и школою былъ данъ за время съ 8 октября 1826 по 1 ноября 1829 г., и отпечатанъ отдѣльною брошюрою. Приводимъ этотъ для исторіи рижскаго старообрядческаго общества не безъинтересный документъ

«Совѣтъ рижскаго старообрядческаго общества состоялъ, на основаніи статей 1813 года августа 13 дня, изъ трехъ членовъ духовныхъ. инока Гавріила, Автонома Акиндинова и Мирона Карпова, управлявшихъ божественною службою и духовными христіанскими требами, и изъ семи особъ, здѣшнихъ купцовъ и гражданъ, завѣдывавшихъ каждый отдѣльно по § 12 правилъ слѣдующими обязанностями:

а) Денежною убогою кассою, книгами приходными и расходными Кондратій Абросимовъ.
б) Письменными дѣлами Адріанъ Панинъ.
в) Имуществомъ по моленной и убогому дому Кузьма Зайцовъ.
г) Пріемомъ и выпускомъ призрѣваемыхъ, надзоромъ за школою и упражненіемъ Андрей Пиминовъ.
д) Надзоромъ за чистотою, опрятностію и удобнымъ расположеніемъ жителей въ домѣ Гр. Шанинъ.
е) Закупкою съѣстныхъ и другихъ припасовъ, одеждою и обувью, Козьма Желтовъ и Иларіонъ Колпаковъ, изъ коихъ послѣдній непосредственно завѣдывалъ и загородною дачею, называемою Гризенбергъ.

Всесильною помощію Спасителя и Бога нашего Іисуса Христа, заведеніе сіе, ведущее начало свое съ 1760 года, какъ въ книгѣ недвижимаго имущества видно, и вмѣщающее въ себѣ человѣколюбіемъ своего общества по приложенной таблицѣ разнаго званія и исповѣданія больныхъ, дряхлыхъ, бѣдныхъ и малолѣтнихъ обоего пола, снабжалось въ теченіе сихъ трехъ годовъ изобильно, не смотря на значительное число душъ и на то, что не имѣетъ, по примѣру прочихъ богадѣленъ, какихъ либо пособій и капиталовъ; но платило городу грунтовыя деньги за занимаемую землю, и единственнымъ токмо усердіемъ прихожанъ своихъ, а болѣе доходомъ отъ состоящей при ней главной часовни или моленной, существуетъ.

Всякой безпристрастный замѣтитъ, что тою же помощію по всѣмъ отношеніямъ противу прежняго приводилось заведеніе сіе въ лучшее устройство и порядокъ.

Обществу сему небезъизвѣстно, что въ теченіи прежнихъ двадцати лѣтъ и болѣе, великія были пожертвованія отъ членовъ его; но по случаю тогдашняго неустройства, всѣ таковыя приношенія исчезли въ мрачной неизвѣстности, по сей день, и не попали на путь предназначенной цѣли.

Однакожъ попечительное правительство, вникнувъ въ тогдашнее положеніе заведенія, уничтоживъ всѣ вредныя для него послѣдствія и учредивъ новымъ выборомъ попечителей должное устройство, признало совѣтъ въ состояніе по мѣрѣ возможности извѣщать какъ нынѣ, такъ и впредь, чрезъ каждое трехлѣтіе о положеніи своемъ, какъ слѣдуетъ.

Получивъ 12 октября 1826 г подлинныя статьи, всѣмъ обществомъ 1813 г августа 13 подписанныя и руководствуясь оными, совѣтъ старался водворить порядокъ и должное теченіе дѣлъ, а паче всего о приращеніи имущества убогой кассы; наличную сумму тотчасъ обратилъ въ билетъ государственнаго коммерческаго банка для приращенія, и между тѣмъ съ большею потерею времени занимался внутреннимъ порядкомъ.

1827 года, января 19, открылись въ митавскомъ конкурсѣ купца Матвѣя Волгина восемь векселей, писанныхъ на ордеръ сего заведенія суммою въ 120,000 рублей государственными ассигнаціями, по коимъ уплачено еще покойнымъ Волгинымъ, когда онъ былъ въ состояніи, 44,500 рубл., затѣмъ оставалось донять въ пользу заведенія 75,500 рублей. По порученію высшаго начальства дѣло сіе чрезъ здѣшняго уѣзднаго фискала, послѣ производства въ ландфохтейскомъ судѣ и полномъ магистратѣ, переносится по аппеляціи въ государственную юстицъ-коллегію лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ; а между тѣмъ, по дислокаціонному рѣшенію митавскаго магистрата, оные помѣщены въ 3-мъ классѣ подъ № 15 и при выдачѣ всѣмъ кредиторамъ, по разсчисленію г. куратора кассы, придется на сіи векселя нѣсколько тысячъ рублей. Причемъ по просьбѣ дѣвицы Діаконовой, за бывшіе отъ нея при подачѣ въ прокламу и т. п. расходы, обѣщано совѣтомъ ее вознаградить.

1-го іюня 1827 года, дошло до свѣдѣнія совѣта дѣло послѣ умершей вдовы Марьи Трофимовой Мацковой, по довѣренности роднаго ея брата с.-петербургскаго купца, Ивана Трофимова, гдѣ за продажею дома ея и раздачею, по его назначенію, слѣдовало въ убогую кассу до 1500 рублей серебромъ, что находится нынѣ въ судебномъ производствѣ.

Таковыя тяжебныя дѣла отнимали самую большую часть времени у прочихъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ средства къ улучшенію больницы всегда совѣтомъ желаемому

Не смотря на таковыя отвлеченія, по мѣрѣ силъ дѣлано все къ пользѣ и поправленію, что только возможно было: исходатайствовано свободное пользованіе землею, занимаемой сею богадѣльнею, безъ платежа грунтовыхъ денегъ, доколѣ оная существовать будетъ; сдѣланы новые мостки на улицѣ, ведущей отъ площади къ рѣкѣ Двинѣ, и самая улица вымощена; устроена кружка у воротъ по 58 § правилъ съ иконою, которая по сей день принесла серебромъ 58 руб. 85 коп. Внутри же перемощено много половъ, передѣлано много печей, сдѣланы новыя ворота въ садъ, и въ нынѣшнемъ году льдомъ поваленные заборы и ворота сдѣланы по фасаду новые.

Поправлено много св. иконъ и церковной утвари; учреждено врачеваніе больныхъ и домашняя аптека, по условію съ врачемъ г Нейманомъ, стараніемъ коего выпользовано по приложенной таблицѣ безъ малѣйшей платы. Кромѣ сего нѣкоторые живущіе на форштатѣ получали даромъ лѣкарства изъ нашей аптеки.

Училище или школа сего заведенія, подъ руководствомъ учителя Дорофея Дмитріева Емеліанова, значительно поправилась во всемъ. — Здѣсь прилагаемыя рукописи учениковъ доказываютъ справедливость сего.

Хотя нужно было учредить школу и для дѣвицъ, обучая ихъ

всѣмъ женскимъ рукодѣліямъ, но въ непрерывномъ ожиданіи денегъ изъ митавскаго конкурса покойнаго Волгина, оное и многое другое не можно было привесть въ исполненіе; тѣ кои по нуждѣ въ особомъ отдѣленіи посѣщали школу мальчиковъ, числомъ 20, уже всѣ читаютъ, а нѣкоторыя порядочно и пишутъ.

Устройство всѣхъ палатъ по правиламъ такъ же не возможно было сдѣлать; хотя одна № 5 палата больныхъ мужескаго пола для примѣра и устроена; а устройство прочихъ палатъ упомянутое, чаемое полученіе денегъ провлекло до сего времени.

Оная же причина не позволила совѣту устроить свои мастерскія, сапожныя, швальни, кузницы и т. п., за кои работы въ три года довольное число выдано денегъ.

Чтожъ касается до загородной дачи, Гризенбергъ называемой, на которую законныхъ документовъ сюда еще не доставлено, изъ прилагаемаго при семъ трехъ годоваго баланса видно, что сперва оная не приносила выгодъ; но когда совѣтъ, расчисткою луговъ, обсушкою оныхъ канавами, и значительнымъ удобреніемъ улучшилъ покосы, то въ нынѣшнемъ и прошедшемъ годахъ, куплено для продовольствія скота только два стога, когда въ первые годы правленія, покупалось шесть стоговъ сѣна. Строеніе же господскаго дома отдать въ наймы не удалось, хотя и чрезъ газеты объявляемо было.

Состоящая подъ начальствомъ сего мѣста здѣсь въ Ригѣ двѣ моленныя, такъ называемая новая близъ Іезусъ-Кирки, и въ С.-Петербургскомъ предмѣстіи, въ совѣтъ убогаго заведенія ни малѣйшаго приношенія или пособія еще по сіе время не учинили, и не доставили должныхъ по § 149 правилъ отчетовъ, въ своемъ управленіи хотя имъ 20 мая сего года и сдѣлано было понужденіе.

Въ заключеніе сего всѣ единодушно будемъ просить Господа Бога, да неизреченными щедротами и благословеніемъ своимъ ниспошлетъ убогому дому сему изобильные источники богатствъ къ улучшенію онаго въ точности по правиламъ главнымъ губернскимъ начальствомъ утвержденнымъ, къ чести и славѣ истиннаго христіанства и совершенному удовольствію озабочивающаго человѣколюбіемъ правительства нашего»

Изъ приложенныхъ къ отчету вѣдомостей видимъ, что къ ноябрю 1829 г призрѣвалось въ Гребенщиковской богадѣльнѣ 100 человѣкъ мущинъ, 166 женщинъ, 77 мальчиковъ и 54 дѣвочки, всего 397 человѣкъ.

Въ сиротскомъ отдѣленіи къ ноябрю 1829 г состояло младенцевъ подкинутыхъ мужскаго пола 1 и женскаго 4; въ школѣ находилось и призрѣвалось учениковъ 55, учениць 20; учениковъ съ форштата неплатящихъ 14, учениковъ съ форштата платящихъ 17, учениць съ форштата 4. Всего въ сиротскомъ отдѣленіи и школѣ состояло 115 человѣкъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ чистаго дохода съ дачи

Гризенбергъ получено 353 р. 80½ к. Къ 1 ноября 1829 г. весь капиталъ Гребенщиковской богадѣльни состоялъ изъ двухъ билетовъ государственнаго коммерческаго банка каждый по 1,000 р. сер. и наличными 2,003 р. 30 к., всего 4003 р. 30 к.

Гребенщиковская богадѣльня существуетъ и понынѣ. Для сравненія приводимъ цифры отчета этой богадѣльни за 1880 г., чтобы видѣть, на сколько увеличились средства и дѣятельность оной въ теченіи 50 лѣтъ.

Приходъ. Къ 1-му января 1880 г состояло ни лицо 71,435 руб. 72 к. билетами и документами; 1,448 р. 91½ к. наличными деньгамн; всего 72,884 р. 63½ к. Въ 1880 г поступило въ приходъ: процентовъ съ капитала наличными деньгами 3,369 руб.; отъ молитвеннаго дома 12,678 р. 16 к. наличными деньгами; отъ продажи свѣчей 10,733 р. 64 к.; отъ тарелочнаго сбора 695 р. 21 к.; съ дачи Гризенбергъ 382 р. 5 к.; пожертвованій 4,000 р. билетами 1,254 р. 10 к. наличными деньгами; арендныхъ съ квартиръ и поземельныхъ съ кладбищъ, 2,321 р. 94 коп. наличными деньгами; отъ продажи гробовъ 167 р. 35 к. наличными деньгами; собранныхъ въ кружкахъ 59 р. 98 к.; канцелярскихъ доходовъ 179 р. 35 коп. Итого 4,000 р. билетами и документами, 31,840 р. 78 к. наличными деньгами.

Всего съ остаткомъ отъ 1869 года билетами или документами 75425 р. 72 к., наличными деньгами 33,289 р. 69½ к., всего 108,725 р. 41½ коп.

Расходъ: Въ 1880 г израсходовано: На продовольствіе причта и призрѣваемыхъ 9574 р. 22 коп., на жалованье причту, прислугѣ и служащимъ при богадѣльнѣ 4,580 р. 40 к., на разныя исправленія и постройки 5,827 р. 99½ коп., на судебныя издержки и городскія повинности 603 руб. 91 коп.; на воскъ 3,873 руб. 45 коп.; на разные расходы по дачѣ Гризенбергъ 4,447 руб. 11 коп.; на обувь призрѣваемыхъ 142 руб. 91 коп. Итого 29,049 рублей 99½ копѣекъ.

За тѣмъ къ 1 января 1881 году на лицо билетами и документами 75,435 руб. 72 коп.; наличными деньгами 4,239 р. 70 к. Всего 79,675 р. 42 коп.

Призрѣваемыхъ въ 1880 г было мужескаго пола 92 человѣка; женскаго пола 164 человѣка. Всего 256 человѣкъ.

---

2. Закрытіе школы при Гребенщиковской богадѣльни.

Прибалтійскій гоиералъ-губернаторъ, маркизъ Паулучи, въ 1830 году былъ уволенъ въ отставку и на его мѣсто въ томъ же 1830 г былъ назначенъ генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Паленъ съ подчиненіемъ его вѣдомству и дерптскаго учебнаго округа. Вскорѣ по вступленіи въ должность, баронъ Паленъ, по званію попечителя учебнаго округа, затребовалъ отъ лифляндскаго гражданскаго губернатора барона Фелькерзама свѣдѣній, какія школы имѣетъ рижское старовѣрческое общество, съ чьего разрѣшенія заведены эти школы и кто въ нихъ учится. Баронъ Фелькерзамъ 15 августа 1830 г за № 72 донесъ, что старовѣрческое общество имѣетъ школу при моленной, учрежденную съ 1813 г и управляемую по правиламъ, утвержденнымъ маркизомъ Паулучи 20 февраля 1827 г., что эта школа подчинена надзору директора училищъ лифляндской губерніи, учителемъ же въ этой школѣ состоитъ шлокскій мѣщанинъ Дорофей Дмитріевъ Емельяновъ, раскольникъ, кончившій курсъ наукъ въ рижскомъ екатерининскомъ училищѣ, выдержавшій экзаменъ на званіе учителя и потому имѣющій право преподаванія наукъ въ начальной школѣ. Въ школѣ, содержимой старовѣрческимъ обществомъ, учатъ чтенію, письму и ариѳметикѣ; она же вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и пріютомъ для сиротъ.

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, князь Ливенъ, по разсмотрѣніи донесеній о состояніи учебнаго дѣла въ дерптскомъ учебномъ округѣ, отзывомъ отъ 23 іюня 1832 г за № 742 сообщилъ барону Палену, что государю императору не угодно, дабы въ Ригѣ существовала старообрядческая школа въ настоящемъ ея положеніи, ибо учреждена въ противность началъ, на коихъ заведены народныя школы и управляется учителемъ изъ шлокскихъ мѣщанъ, раскольникомъ, между тѣмъ какъ постановленіемъ 1820 г. воспрещено выбирать изъ раскольниковъ въ общественныя должности, а потому еще менѣе можно допустить раскольнику быть наставникомъ юношества. Эта школа должна быть закрыта, въ замѣнъ же ея старообрядческое общество можетъ открыть новую школу, но не иначе какъ на основаніи устава уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, 8 декабря 1828 г высочайше утвержденнаго, не допуская ни подъ какимъ видомъ, чтобы учителемъ въ оной былъ назначенъ раскольникъ. Находящіеся же въ означенной школѣ малолѣтніе круглые сироты мужскаго пола, какъ могущіе остаться безъ презрѣнія, будутъ опредѣлены въ рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

Содержаніе этого отзыва было, чрезъ полицію, сообщено для исполненія старовѣрческому обществу, но оно не согласилось содержать на свой счетъ школу на условіяхъ, указываемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія и тогдашніе попечители старообрядческой богадѣльни и школы Лисицынъ, Пуговишниковъ, Даниловъ, Волковъ и

Леонтьевъ донесли рижскому полиціймейстеру, подполковнику Вакульскому 2-му, что старообрядческое общество не желаетъ вовсе имѣть школу на томъ основаніи, а для обученія дѣтей своихъ грамотѣ и наукамъ будетъ пользоваться предоставленными каждому сословію и партикулярнымъ людямъ способами посылать дѣтей своихъ по удобности для каждаго обывателя, въ разсужденіи жительства и другихъ обстоятельствъ, въ общественныя училища.

Вслѣдствіе этаго школа была закрыта въ концѣ 1832 г., а съ нею закрытъ и существовавшій при ней пріютъ для сиротъ.

Возобновленіе школы произошло въ 1873 г., но это составитъ предметъ особой статьи.

---

3. Учрежденіе рижскаго викаріатства псковской епархіи.

Въ то самое время, когда въ Ригѣ закрывали старовѣрческую школу, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ шла дѣятельная переписка по прошенію, поданному въ 1826 г. рижскими русскими купцами, объ устраненіи разныхъ стѣсненій въ торгѣ, оказываемыхъ рижскими сословіями русскому купечеству Министерство затребовало отъ генералъ-губернатора справокъ о численности въ Ригѣ русскаго купечества и вообще русскаго населенія, такъ какъ Государю Императору, вслѣдствіе названнаго прошенія, угодно было повелѣть министру внутреннихъ дѣлъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе рижскаго городскаго устройства съ тѣмъ чтобы, сдѣлавъ надлежащія измѣненія въ немъ, устранить всякія жалобы на неравноправность и стѣсненія въ городской торговлѣ и промыслахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство требовало отъ генералъ-губернатора объясненія: почему именно изъ русскихъ гражданъ въ Ригѣ никого не выбираютъ въ общественныя должности. Изъ доставленныхъ въ министерство свѣдѣній обнаружилось, что въ Ригѣ, въ числѣ русскаго населенія, тысячь восемь человѣкъ принадлежатъ къ безпоповцамъ, обнаружилось также, что число безпоповцевъ начало замѣтно увеличиваться съ 1817 года и съ того времени постоянно увеличивается новыми присоединеніями, и что въ Ригѣ вовсе нѣтъ единовѣрческой церкви.

Въ эти времена вопросъ о расколѣ особенно занималъ и даже тревожилъ высшее правительство: о раскольникахъ собирались всякаго рода свѣдѣнія, объ нихъ производились изслѣдованія, явныя и секретныя, сочинялись даже проекты о повсемѣстномъ и поспѣшномъ ихъ искорененіи. Получивъ свѣдѣнія о численности рижскихъ старовѣровъ, министерство сдѣлало сношеніе съ псковскимъ преосвященнымъ о посылкѣ въ Ригу особаго миссіонера для обращенія старовѣровъ

если не въ православіе, то въ единовѣріе. Въ 1832 г былъ назначенъ миссіонеръ, но его миссія оказалась безуспѣшною. Тогда священникъ благовѣщенской церкви, Гавріилъ Бурижскій, въ 1834 г началъ переговоры съ представителями рижскаго старовѣрческаго общества объ открытіи въ Ригѣ единовѣрческаго прихода по правиламъ о единовѣріи, высочайше утвержденнымъ 27 октября 1800 года. Старовѣры заявили, что они отнюдь не препятствуютъ и не будутъ препятствовать переходу въ единовѣріе желающихъ изъ ихъ общины, но только желающихъ безъ всякаго принужденія. Бурижскій донесъ преосвященному, что открытіе въ Ригѣ единовѣрческаго прихода не есть дѣло неисполнимое. Но и это донесеніе осталось безъ послѣдствій.

Въ 1835 году возникло долбежовское дѣло. Съ чего оно началось и къ какому слѣдствію повлекло, уже изложено довольно подробно въ Приб. Сб. Ш, 497—499. Не повторяя уже разсказаннаго, ограничимся замѣчаніемъ, что это слѣдственное дѣло было представлено на разсмотрѣніе псковскому преосвященному 16 апрѣля 1836 г и если не послужило прямымъ поводомъ, то во всякомъ случаѣ ускорило осуществленіе важнаго мѣропріятія, о которомъ императоръ Николай Павловичъ думалъ какъ только получилъ свѣдѣнія объ усиленіи старовѣрчества въ Ригѣ. Еще въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ думалъ учредить въ Лифляндіи самостоятельную православную церковную каѳедру, признавая неудобнымъ подчиненіе лифляндскихъ и курляндскихъ приходовъ псковскому преосвященному, который за отдаленностію своего мѣстопребыванія не могъ часто навѣдываться въ лифляндскую и курляндскую губерній и наблюдать за православными приходами въ нихъ. Но предположеніе это покойный государь откладывалъ исполненіемъ частію за недостаткомъ денежныхъ средствъ, а частію и вслѣдствіе того, что неудобства включенія названныхъ двухъ губерній въ составъ псковской епархіи не выяснились еще съ полною очевидностію. Но теперь, когда слѣдствіе обнаружило прямыя отступленія отъ закона, когда выяснилось, что старовѣры, для пріобрѣтенія гражданскихъ правъ своимъ дѣтямъ, вѣнчаются въ церквахъ, не подчиненныхъ псковскому архіерею, предбрачныхъ росписокъ не даютъ и дѣтей въ православныхъ церквахъ не крестятъ, когда опредѣлилось, что всѣ эти отступленія отъ закона происходятъ и отъ того, что псковскій преосвященный, за отдаленностію мѣстопребыванія, не можетъ услѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ рижскихъ православныхъ приходахъ, государь рѣшился на мѣропріятіе, которое онъ обдумывалъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Онъ высочайше повелѣть изволилъ святѣйшему синоду обсудить: что полезнѣе для православной церкви въ Лифляндіи и Курляндіи — открытіе-ли самостоятельной церковной каѳедры или же учрежденіе отдѣльнаго викаріатства псковской епархіи. Святѣйшій синодъ предпочелъ образовать викаріатство, что и было высочайше утверждено 14 сентября 1836 года.

Синодальный докладъ, высочайше утвержденный въ этотъ день, объ учрежденіи въ псковской епархіи въ г Ригѣ викаріатства былъ слѣдующаго содержанія (см. П. С. З. № 9516):

«Прошедшаго іюня, въ 13 день, синодъ, удостоясь получить высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе на предположеніе объ учрежденіи въ псковской епархіи викаріатства, нынѣ имѣетъ счастіе представить вашему величеству на благоусмотрѣнія самыя положенія, на коихъ викаріатство сіе должно воспріять свое существованіе.

Положенія сіи, основанныя на точномъ соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ, состоятъ въ слѣдующемъ. 1) Викарію псковской епархіи имѣть каѳедру въ г Ригѣ, и именоваться епископомъ рижскимъ. 2) Сообразно цѣли назначенія его, изъятую въ 1833 году изъ вѣденія псковскаго архіерея въ управленіе епископа полоцкаго курляндскую губернію, возвратить въ составъ псковской епархіи, и въ отношеніи къ ней, какъ и къ губерніи лифляндской, находящейся по духу жителей въ одинаковомъ съ нею состояніи, должность викарія опредѣлить особою отъ синода инструкціею. 3) По неимѣнію теперь въ виду для помѣщенія его съ архіерейскимъ штатомъ такого въ Ригѣ зданія, которое совершенно соотвѣтствовало бы сей потребности, жительство ему, до дальнѣйшаго назначенія, имѣть въ домѣ, принадлежащемъ тамошней благовѣщенской церкви, а изъ живущаго въ немъ нынѣ мѣстнаго причта одному священнику, одному діакону и двумъ причетникамъ, коимъ затѣмъ не останется помѣщенія, на все время пребыванія въ томъ домѣ викарнаго епископа, производить изъ казны на наемъ квартирь вообще по 18 р. с. въ мѣсяцъ. 4) На содержаніе викарія съ его штатомъ, равно и на содержаніе священно-и-церковно-служителямъ каѳедральнаго собора, въ которой должна быть обращена тамошняя петропавловская соборная церковь, производить изъ казны оклады по прилагаемому при семъ штату 5) На основаніи 301 ст. Св. Меж. Зак. (т. 10) отвесть къ сему архіерейскому дому изъ казенныхъ оброчныхъ статей: а) луговую землю, б) мельницу, в) рыбную ловлю. 6) На заведеніе для викарія ризницы, на пополненіе недостаточной ризницы соборной, и на снабженіе архіерейскаго дома всѣми хозяйственными принадлежностями, отпустить единовременно изъ казны 25,000 рублей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ синодъ всеподданнѣйше доносить вашему императорскому величеству, что къ занятію сей новоучреждаемой архіерейской каѳедры, имъ признаются совершенно достойными: 1-й викарій тверской епархіи, старицкій епископъ Иринархъ; 2-й настоятель второкласнаго кіевобратскаго училищнаго монастыря архимандритъ Инокентій, ректоръ кіевской духовной академіи, имѣющій лично степень первокласснаго архимандрита, и 3-й настоятель первокласснаго

пафнутіева боровскаго монастыря, архимандритъ Виталій, ректоръ с.-петербургской дух. академіи.

И въ отношеніи къ симъ кандидатамъ синодъ испрашиваетъ разрѣшенія: 1) Въ случаѣ высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія быть рижскимъ архіереемъ первому кандидату, приступить синоду къ избранію кандидатовъ въ епископа старицкаго. 2) Въ случаѣ же назначенія на рижскую каѳедру, котораго либо изъ двухъ послѣднихъ кандидатовъ, посвященіе его въ санъ епископскій совершить въ С.-Петербургѣ, и 3) удостоенному на издержки личнаго обзаведенія и переселенія выдать, сверхъ прогоновъ, 2,000 р.

При семъ случаѣ синодъ благовременнымъ и нужнымъ почитаетъ ходатайствовать предъ вашимъ величествомъ дабы, съ опредѣленіемъ въ Ригу викарнаго епископа, для псковской епархіи, епископъ псковской Наѳанаилъ, занимающій архіепископскую каѳедру и достойный повышенія по своимъ пастырскимъ достоинствамъ, всемилостивѣйше возведенъ былъ въ санъ архіепископа.

Всемилостивѣйшій государь! Синодъ предавая все сіе въ высочайшую вашего императорскаго величества волю и поднося проектъ штата новаго викаріатства со списками о службѣ избранныхъ къ оному кандидатовъ, испрашиваетъ вашего величества указа».

Резолюція. *Быть первому, а въ прочемъ быть по сему.*

По штату, приложенному къ этому докладу, было положено: викарному епископу жалованья 2,000 р. и на столъ 3,000 р. при немъ состоятъ и получаютъ жалованья въ годъ. экономъ архіерейскаго дома іеромонахъ 300 р.; ризничій 250 р.; крестовый іеромонахъ 200 р.; крестовый іеродіаконъ 200 р.; монахъ для нисшихъ послушаній 300 р.; на наемъ служителей полагалось 3,000 руб.; епископу вмѣсто пахатной земли и въ добавокъ къ прочимъ угодьямъ назначалось къ отпуску 5,000 р.

При соборѣ должны были состоять съ жалованьемъ въ годъ. протоіерей 1,250 р.; ключарь 1,000 р., священникъ 800 р.; протодіаконъ 800 р.; діаконъ 600 р.; иподіаконовъ 2 — 1,240 р.; книгодержецъ 300 р.; два псаломщика, изъ коихъ одинъ долженъ быть жезлоносецъ — 600 р.; пономарь 300 р.; сторожа и звонари всѣмъ 600 р. Пѣвчимъ: 1-ой станицы 750 р., 2-ой станицы 675 р. и 3-ей 1,200 р. Всего пѣвчимъ 3-хъ станицъ 2,625 р.

При викаріѣ полагалось канцелярскихъ служителей: 1 письмоводитель, жалованье которому назначалось въ 800 р. и нѣсколько писцовъ, жалованья которымъ всѣмъ назначалось 800 р.; на канцелярскіе расходы полагалось 200 р.

Всего всѣмъ 48 лицамъ по штату полагалось 26,125 р.

4. Преосвященный Иринархъ.

Выборъ императора Николая Павловича палъ, какъ изложено выше, на преосвященнаго Иринарха. Онъ прибылъ въ Ригу и съ первыхъ чиселъ ноября 1836 г., вступилъ въ исправленіе своей должности, увезенъ изъ Риги 12 ноября 1841 г (см. Приб. Сб. Ш, 504 стр.).

За неимѣніемъ біографіи покойнаго Иринарха (этотъ пробѣлъ, по возможности, будетъ пополненъ въ слѣдующихъ томахъ «Прибалт. Сборн.»), здѣсь приводится изъ «Церковнаго Вѣстн.» за 1877-й г слѣдующій некрологъ.

«25-го сентября 1877 г., въ день преподобнаго Сергія, скончался преосвященнѣйшій Иринархъ, бывшій архіепископъ рязанскій, послѣ непродолжительной болѣзни, достигнувъ года библейскаго возраста, за которымъ слѣдуютъ болѣзни и трудъ. Послѣдніе десять лѣтъ своей жизни почившій провелъ на покоѣ въ рязанскомъ троицкомъ монастырѣ, въ одномъ изъ древнѣйшихъ монастырей, въ которомъ, по преданію, останавливался преподобный Сергій, когда пріѣзжалъ въ Рязань, по порученію Димитрія Ивановича Донскаго — уговаривать великаго князя рязанскаго Олега Ивановича помириться съ нимъ. Послѣдніе годы преосвященный провелъ почти затворникомъ, никуда не выѣзжалъ, занимаясь исключительно богомысліемъ. Отпѣваніе тѣла покойнаго было совершено послѣ заупокойной литургіи, которую совершали преосвященные Палладій и Василій, въ среду, 27 сентября, при большемъ стеченіи народа, желавшаго почтить своимъ присутствіемъ память почившаго архипастыря. Послѣ концерта «Зряще мя безгласна», полнаго трогательныхъ мелодій, сказалъ прочувствованное надгробное слово каѳедральный протоіерей Харлампій Ивановичъ Романскій. Затѣмъ, предъ началомъ отпѣванія, сказалъ въ такомъ же духѣ и съ такимъ же чувствомъ надгробное слово ректоръ семинаріи Василій Ивановичъ Гаретовскій. Предъ концомъ отпѣванія преосвященный Палладій произнесъ рѣчь, въ которой живо очертилъ личность покойнаго архіепископа Иринарха. Изъ всѣхъ словъ и рѣчи явствуетъ, что преосвященный Иринархъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ архипастырей, право правившихъ слово истины. Окончивъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ разсадниковъ просвѣщенія, подъ руководствомъ геніальнаго Филарета, онъ и самъ подвизался вначалѣ на томъ же поприщѣ, и воспиталъ другаго генія — Иннокентія одесскаго. «Воспитанникъ генія, онъ и воспиталъ генія» — сказалъ въ своей рѣчи преосвященный Палладій. Какъ воспитанникъ и воспитатель генія, онъ и самъ не уступалъ имъ въ витійствѣ. Онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдниковъ своего времени, свидѣтельствомъ чего служатъ его многотомныя произведенія. «Вологжане и теперь съ удовольствіемъ воспоминаютъ о его витійствѣ, точно

также, какъ и о житійствѣ его знаменитаго предшественника по каѳедрѣ и ученика — Иннокентія» — говорилъ въ своей рѣчи преосвященный. Послуживъ доблестно дѣлу духовнаго просвѣщенія въ учебномъ заведеніи, покойный преосвященный также доблестно служилъ и на пользу церкви и прославился на этомъ поприщѣ, какъ строгій ревнитель православія. Онъ преемственно служилъ. въ Миланѣ, Флоренціи, Греціи, Твери, Вологдѣ, Ригѣ, Кишиневѣ, Каменецъ-Подольскѣ и наконецъ въ Рязани. Особенно тягостно было для него служеніе въ Ригѣ, вслѣдствіе столкновенія съ инославнымъ элементомъ, противоборствовавшимъ православію, но онъ вышелъ изъ этой борьбы съ честью. Рязанской каѳедрой покойный архипастырь управлялъ всего четыре года, и вышелъ на покой уже преклоннымъ старцемъ. Протоіерей Гаретовскій въ своемъ словѣ хорошо охарактеризовалъ его, какъ пастыря рязанскаго. По его словамъ, преосвященный на этой каѳедрѣ являлъ себя свѣтильникомъ, въ полномъ смыслѣ горящимъ и свѣтящимъ. Онъ былъ образецъ умѣренности и безкорыстія, кротости и гуманности. Помня слова апостола: «горе мнѣ, аще не благовѣствую» — онъ постоянно благовѣствовалъ ученіе Христово своей паствѣ, почти за каждымъ служеніемъ. Преосвященный былъ замѣчательный богословъ и языковѣдъ. Своею мыслію, въ особенности въ послѣдніе годы, онъ постоянно углублялся въ созерцаніе тайнъ міра невидимаго; его донимали вопросы о безсмертіи души, о будущемъ судѣ, о загробномъ состояніи, о будущемъ мздовоздаяніи и проч. И относительно этихъ вопросовъ онъ, по свидѣтельству знавшихъ его, предлагалъ глубокомысленные, равно какъ и оригинальные отвѣты. Въ своемъ уединеніи онъ постоянно читалъ и писалъ, и въ такихъ занятіяхъ и теченіе жизни своей скончалъ. Тѣло покойнаго погребли, по его завѣщанію, въ Троицкомъ же монастырѣ, въ холодномъ соборѣ, съ правой стороны — у клироса. Послѣ покойнаго не осталось никакого имущества, вслѣдствіе чего и похороны его были весьма скромны. Куда употреблялъ онъ свои матеріальныя средства — это тайна его души. Одно только извѣстно, что для себя онъ не употреблялъ ничего излишняго, такъ какъ жизнь его была болѣе чѣмъ умѣренная, — аскетическая. Еще нѣсколько словъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія намъ пришлось вынести лично отъ гроба преосвященнаго. Кромѣ одного случая, подобнаго намъ болѣе не приходилось встрѣчать покойника въ томъ видѣ, въ какомъ представился намъ преосвященный Иринархъ: онъ ни на одну іоту не разложился; хотя и умеръ отъ водянки въ груди и пролежалъ при сырой погодѣ, почти четверо сутокъ. Блѣдное серьезное лицо его представляло скорѣе спящаго, чѣмъ мертвеца. Блаженъ путь, въ оньже идеши душа, — заключимъ и мы свою рѣчь, какъ заключилъ свою преосвященный Палладій».

5. Учрежденіе и открытіе въ Ригѣ михаило-архангельскаго единовѣрческаго прихода.

Преосвященный Иринархъ прибылъ въ Ригу въ первыхъ числахъ ноября 1836 г и 6 ноября отслужилъ литургію и молебенъ въ петропавловскомъ соборѣ. Въ этотъ день, послѣ литургіи, преосвященный (онъ жилъ временно, до отстройки архіерейскаго дома въ городѣ, въ причтовомъ домѣ благовѣщенской церкви на московскомъ форштатѣ) принималъ у себя всѣхъ, желавшихъ привѣтствовать его съ прибытіемъ въ Ригу, а чрезъ нѣсколько дней бесѣдовалъ со старшинами гребенщиковсковской богадѣльни и заявилъ имъ о необходимости открытія въ Ригѣ единовѣрческаго прихода. Старшины отвѣчали, что они лично единовѣріе принять не согласны, но учрежденію единовѣрческаго прихода не только противиться не будутъ, но готовы пожертвовать подъ единовѣрческую церковь свою моленную, такъ называемую новую, построенную старообрядцемъ Пушковымъ послѣ пожара 1812 г [1]), и открыть между собою подписку на покрытіе расходовъ на работы по приспособленію этой моленной подъ церковь (впослѣдствіи они дѣйствительно представили преосвященному Иринарху 2,000 р. ассигн., собранныя по подпискѣ, именно на приспособленіе моленной подъ церковь). Въ то же время были наведены справки не желаетъ-ли кто изъ рижскихъ старообрядцевъ присоединиться къ единовѣрію. Четыре семейства — Варѳоломея Михайловича Крюкова, Егора Васильевича Красникова, Іуды Дмитріевича Дмитріева и Маркела Ивановича Кудрявцева — заявили, что они согласны принять единовѣріе немедленно на правилахъ о единовѣріи отъ 27 октября 1880 г , другія семейства объявили, что они приступятъ къ единовѣрію, если убѣдятся, что богослуженіе и обрядность въ новой церкви будутъ во всей точности согласоваться съ чиновниками и требниками до-никоновскими, и что священникъ будетъ посвященъ «излюбленный міромъ» и по чиновнику древнему же.

Заручившись домомъ, иреосвященный Иринархъ донесъ о томъ псковскому архіепископу и просилъ о доставленіи въ Ригу для будущей единовѣрческой церкви иконостаса, богослужебныхъ книгъ и утвари. Архіепископъ Наѳанаилъ назначилъ для отправленія въ Ригу восемь образовъ пророческихъ изъ алтаря псковскаго холоднаго собора, изъ гавриловской придѣльной церкви четыре образа и нѣкоторые образа изъ варваринской церкви и изъ придѣла александровскаго. Архіепископъ приказалъ также отправить въ Ригу вмѣстѣ съ иконоста-

---

[1]) Старовѣрческая община имѣла въ то время три моленныхъ: главная помѣщалась въ гребенщиковской богадѣльнѣ, новая близъ лютеранской церкви Спасителя на спаской улицѣ московскаго форштата, третья моленная находилась недалеко отъ покровскаго кладбища,

сомъ для новой церкви и бархатъ, пожертвованный рижскими старообрядцами для псковскаго собора.

Въ декабрѣ 1836 г къ единовѣрію приступили: купецъ Кузьма Григорьевичъ Желтовъ, пѣвчій новой моленной Иванъ Яковлевичъ Маковскій, большой знатокъ церковнаго устава, и каннархъ той же моленной Иванъ Ивановичъ Назаровъ. Маковскаго и Назарова преосвященный Иринархъ благословилъ причетниками въ будущую единовѣрческую церковь.

Передача новой моленной отъ рижской старовѣрческой общины въ православное духовное вѣдомство совершилась 29 декабря 1836 г. Въ этотъ день предъ новою моленною собралось много простаго народа изъ старообрядцевъ, которые думали было воспрепятствовать передачѣ, такъ какъ между ними прошелъ слухъ, будто старосты гребенщиковской богадѣльни продали новую моленную за деньги, на что именно права не имѣли, ибо зданіе это было подарено старовѣрческой общинѣ Пушковымъ при совершеніи всѣхъ формальностей, предписанныхъ закономъ по дарственнымъ записямъ. Къ собравшемуся народу прибылъ полиціймейстеръ Вакульскій и выяснилъ ему, что зданіе моленной никто не продавалъ и никто не покупалъ, но что открытіе единовѣрческой церкви и учрежденіе въ Ригѣ единовѣрческаго прихода совершается по непремѣнной волѣ государя императора. Послѣ такого разъясненія, передача зданія совершилась безъ всякихъ съ чьей бы то ни было стороны препятствій.

Послѣ передачи моленной, приступили къ работамъ по передѣлкѣ ея подъ церковь, и преосвященный Иринархъ сталъ думать кого бы назначить священникомъ въ будущую единовѣрческую церковь. Первоначально онъ полагалъ назначить туда благовѣщенскаго священника Гавріила Бурижскаго и думалъ было отправить его въ Петербургъ для изученія церковной службы въ тамошней единовѣрческой церкви, но тутъ названные выше первые прихожане будущей церкви написали во Псковъ къ архіепископу Наѳанаилу, что выборъ преосвященнаго Иринарха неудаченъ. священникъ Бурижскій чрезъ мѣру вспыльчивъ, суровъ въ обращеніи, никакого довѣрія у старообрядцевъ не имѣетъ, къ тому же и старъ, не вынесетъ всей тяжести старообрядческаго служенія, потому лучше бы посвятить въ священники достойнаго человѣка изъ самой общины. Преосвященный Иринархъ не могъ не согласиться со справедливостію принятія, но кого же посвятить? Ему указали на свѣтскаго человѣка, который не прочь принять священство, на учителя бывшей гребенщиковской школы Дорофея Дмитріевича Емельянова. Онъ былъ шлокскій мѣщанинъ и родился въ 1797 г., учился въ екатерининскомъ училищѣ, въ 1828 г былъ утвержденъ директоромъ училищъ лифляндской губерніи, докторомъ Граве, по выдержаніи установленнаго экзамена, въ званіи домашняго учителя, и въ этомъ году поступилъ учителемъ въ гребен-

щиковскую школу По закрытіи въ 1832 г этой школы (см. выше стр. 545), Емельяновъ остался письмоводителемъ въ гребенщиковской богадѣльнѣ. Онъ представился преосвященному Иринарху и заявилъ свое желаніе присоединиться къ единовѣрію. Преосвященный Иринархъ узналъ его короче и письменно донесъ псковскому владыкѣ, что Емельяновъ челонѣкъ безупречный во всѣхъ отношеніяхъ и вполнѣ достоинъ рукоположенія въ единовѣрческіе священники. Псковскій архіепископъ разрѣшилъ рукоположить Емельянова, тѣмъ не менѣе пришлось отсрочить рукоположеніе, такъ какъ необходимо было прежде исходатайствовать увольненіе его изъ шлокскаго мѣщанскаго общества и исключеніе изъ подушнаго оклада. Переписка о томъ, восходившая въ сенатъ, производилась цѣлый 1837 годъ. Емельяновъ былъ уволенъ изъ общества и посвященіе его въ священники совершилось лишь въ 1838 г. Преосвященный Иринархъ рукоположилъ его во священники единовѣрческой церкви 20 февраля 1838 г по чиновнику архіерейскаго священнослуженія 1677 года.

Окончательное передача новой моленной въ духовное вѣдомствв совершилось 6 февраля 1837 г Весною въ этомъ году произвели въ моленной всѣ необходимыя работы, а преосвященный Наѳанаилъ распорядился отправить иконостасъ для новой церкви и послать въ Ригу изъ Загорскаго Яма единовѣрческаго іеромонаха Михаила для временнаго служенія въ новоустроенной церкви и съ нимъ послать церковные сосуды и древній антиминсъ со святыми мощами.

Послѣ окончанія работъ, доставленія иконостаса и прибытія въ Ригу іеромонаха Михаила, не оставалось уже никакого препятствія къ освященію церкви во имя Михаила Архангела. Освященіе было совершено 9 іюля 1837 г , при большомъ стеченіи народа, іеромонахомъ Михаиломъ и священникомъ Ѳедоромъ Макарьевымъ; по освященіи была совершена литургія какъ по старо-печатному уставу положено.

Съ этого времени и существуетъ въ Ригѣ михаило-архангельскій единовѣрческій приходъ. Іеромонахъ Михаилъ совершалъ богослуженіе въ новооткрытой церкви до рукоположенія Емельянова, которое совершилось, какъ сказано выше, 20 февраля 1838 г Съ этого времени отецъ Дороѳей вступилъ въ свою должность, а іеромонахъ Михаилъ уѣхалъ обратно во Псковъ къ своему мѣсту

Первымъ старостою михаило-архангельской церкви былъ избранъ въ началѣ 1836 г купецъ Кузьма Григорьевичъ Желтовъ. Ко дню освященія единовѣрческій приходъ составляли 20 семействъ, бывшихъ членовъ старовѣрческой общины.

6. Архіерейская дача рижскаго архіерейскаго дома.

Многіе изъ рижскихъ старожиловъ помнятъ преосвященнаго Иринарха и единогласнаго говорятъ, что никто не превосходилъ его въ умѣньи обращаться съ людьми и въ трудныхъ обстоятельствахъ держать себя съ достоинствомъ.

Доступность, пониманіе людей и обстоятельствъ скоро привлекли къ преосвященному расположеніе всѣхъ православныхъ рижанъ. Зная, что онъ сильно нуждается въ тѣхъ удобствахъ для жизни, которыя предоставлены епархіальнымъ архіереямъ внутри Россіи, рижане рѣшились купить преосвященному подгородную дачу Первую мысль объ этомъ подалъ потомственный почетный гражданинъ, брянскій 1-й гильдіи купецъ Иванъ Александровичъ Комаревъ, — и онъ же въ 1841 г. открылъ подписку на этотъ предметъ. Вотъ списокъ жертвователей генералъ-лейтенантъ Купріяновъ 275 р., гг генералы, штабъ и оберъ-офицеры 7-й пѣхотной дивизіи 225 р., купцы иногородные Александръ Леонтьевъ 1000 р., Тимофей Шелухинъ 500 р., Александръ Г* 200 р., Ив. Алекс. Комаревъ 1000 р., сыновья Исидора Петровича Неронова 200 р., Михаилъ Алифановъ 200 р., Игнатій Бочарниковъ 100 р., Петръ Савастѣевъ 50 р., Ив. Аким. Мальцовъ 300 р., Пономаревъ 50 р., вдова Пастухова 25 р., отъ разныхъ пріѣзжающихъ русскихъ купцовъ по мелочи подано 600 руб., рижскіе купцы Я. Осиповъ 200 р., А. Сусловъ 200 р., Стафуровъ 150 р., И. Позняковъ 200 р., Е. Безпаловъ 100 р., П. Бочаговъ 100 р., А. Несадомовъ 100 р., неизвѣстный 50 р. Всего было собрано 4075 р. серебромъ и 1750 р. ассигнаціями.

Въ это время продавался домъ съ землею на 8-й верстѣ по петербургской дорогѣ, близъ Штинтзе (Кишъ-озера), принадлежавшій рижскому купцу Миллеру Съ Миллеромъ и начались переговоры о продажѣ. Дѣло кончилось въ 1842 г уже послѣ выбытія просвященнаго Иринарха изъ Ригѣ, и прибытія на его мѣсто преосвященнаго Филарета, — которому купленный домъ съ землею и были подарены отъ имени жертвователей.

Купчая была первоначально совершена на имя И. А. Комарева и только послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1845 году, учинена была формальная дарственная запись новокупленной дачи архіерейскому дому Съ того времени дача эта и получила названіе архіерейской мызы.

Домъ, въ которомъ нынѣ живетъ преосвященный, старый. При немъ устроена церковь, иконостасъ для которой былъ доставленъ изъ церкви на покровскомъ кладбищѣ. Иконостасъ этотъ, за ветхостію, лежалъ разобраннымъ. Его подновили, поправили и уставили на мѣсто. Самая церковь на архіерейской мызѣ была освящена во имя рождества Іоанна Крестителя, празднуемаго православнаго церковію

24-го іюня Освященіе церкви во имя Іоанна Крестителя, произведено преосвященнымъ Филаретомъ въ честь крестнаго имени главнаго жертвователя Ивана Александровича Комарева.

Съ давнихъ временъ русское народное гулянье, въ 24-й день іюня, происходило обыкновенно въ Альтонѣ (мѣстности за митавскимъ форштатомъ). Съ учрежденіемъ же церкви на архіерейской мызѣ русское населеніе стало являться сюда на храмовой праздникъ постепенно все въ большемъ и большемъ числѣ, такъ что въ настоящее время русское народное гулянье въ Ивановъ день происходитъ уже не въ Альтонѣ, а на архіерейской мызѣ.

---

7 Мнѣніе генералъ-губернатора Головина о рижскихъ старообрядцахъ.

(Изъ отчета объ управленіи Прибалтійскомъ краемъ съ апрѣля 1845 по февраль 1848 г.)

Главное средоточіе раскола въ Ригѣ, и составляетъ менѣе религіозное заблужденіе, чѣмъ гражданскій развратъ. Причины того: а) отсутствіе уваженія къ общественному мнѣнію, и б) опасеніе мѣръ строгости со стороны правительства, находясь посреди православныхъ. Не смотря на гоненія въ старину, сознаніе прежняго единства и возможность будущаго возсоединенія съ православными, поддерживаются общимъ благоговѣніемъ къ преданіямъ благочестивой старины, къ св. угодникамъ, къ храмахъ, иконамъ прежнихъ временъ. оно уцѣлѣло въ одинаковыхъ семейныхъ обычаяхъ, общихъ правилахъ жизни, и раскольники ни за что не позволятъ себѣ явнаго нарушенія ихъ, зная напередъ, что оно встрѣчено будетъ не равнодушно и обратиться имъ же въ позорное обличеніе. Не то въ Ригѣ. Нѣмецкое протестантское населеніе совершенно чуждо вообще русскому, и даже снисходительно смотритъ на раскольниковъ, какъ на сторону будто бы подавленную. По сему послѣдніе, находясь среди чужихъ, не имѣютъ потребности оправдать свое отпаденіе отъ православія строгою жизнію. Даже до 1830 г раскольникамъ покровительствовали. Но съ того времени правительство стало принимать ограничительныя мѣры, а назначенный въ Ригу епископомъ Иринархъ началъ стѣснять ихъ въ самомъ богослуженіи по ихъ обрядамъ, что было обезсиливаемо главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, етаравшимся организовать изъ раскола твердую самостоятельную секту По тому до 1845 г раскольникамъ было выгоднѣе въ Ригѣ, нежели православнымъ. тѣ могли, подъ видомъ женъ, держать безпашпортныхъ наложницъ, при-

своивать имъ и дѣтямъ отъ нихъ право законныхъ женъ и сыновей, оставлять безъ призрѣнія прежнихъ мнимыхъ супругъ своихъ съ ихъ дѣтьми, вступать въ гражданство, не предъявляя метрическихъ документовъ. Въ маѣ 1847 г., по представленію генерала Головина, Высочайше повѣлено, 25-го октября: 1) Учредить въ Ригѣ секретный совѣщательный комитетъ. 2) Женъ и дѣтей раскольниковъ поповской секры причислить къ ихъ семействамъ, по полицейскимъ свидѣтельствамъ. 3) Женщинъ, находящихся въ сожитіи съ раскольниками безпоповщинской сркты, кои бракъ вовсе отвергаютъ, не записывать женами послѣднихъ, а прижитыхъ ими дѣтей причислять къ семействамъ, какъ незаконнорожденныхъ. 4) Не назначать опекунами раскольниковъ къ малолѣтнимъ православнаго исповѣданія. 5) Напротивъ, назначать изъ православнаго исповѣданія опекуновъ и подобныхъ имъ къ раскольникамъ. 6) Подчинить раскольниковъ безпоповщинской секты исправленію рекрутской повинности, не взимая денежной подати, въ замѣнъ сего установленной. 7) Ограничить раскольниковъ особенно вредныхъ сектъ. жидовствующей, молоканской, духоборческой и безпоповщины, не молящихся за царя, или не пріемлющихъ браковъ, въ отправленіи рекрутства чрезъ предъявленіе квитанцій, или поставкою, вмѣсто себя, рекрутъ. 8) Во время приписки къ городскому обществу отбирать отъ нихъ подписки, что они не принадлежатъ ни къ одной изъ упомянутыхъ сектъ, съ объясненіемъ, что за утайку подвергаются опредѣленному законами наказанію. 9) Не выдавать полиціи, какъ она дѣлала доселѣ, разрѣшенія раскольникамъ крестить по своему обряду дѣтей прижитыхъ раскольниками между собою внѣ брака. 10) За окрещеніе, по раскольническому обряду, дѣтей, рожденныхъ отъ четы, вѣнчанной въ православной церкви, или отъ незаконной связи лицъ, придерживающихся раскола, съ православными, предать виновныхъ суду 11) Крестить по православному обряду незаконнорожденныхъ дѣтей безсемейныхъ раскольниковъ отъ дѣвокъ и женщинъ, брошенныхъ тѣми, съ коими онѣ имѣли беззаконное сожительство, и потомъ дѣтей мужескаго пола, по достиженіи ими узаконеннаго возраста, зачислять въ военные кантонисты, а женскаго пола пристраивать по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія. 12) Съ несовершиннолѣтними бродягами, извѣстными въ Ригѣ подъ названіемъ «карманщиковъ», поступать на точномъ основаніи правилъ о бродягахъ.

Другой центръ въ Лифляндіи раскольниковъ — деревня Черная, гдѣ, въ слѣдствіе противозаконной починки моленной, сія послѣдняя, по высочайшему повелѣнію, осенью запечатана, безъ всякаго со стороны жителей волненія, или безпорядковъ.

8. Мнѣніе прибалтійскаго генералъ-губернатора князя Суворова объ ослабленіи раскола въ Ригѣ.

Князю Суворову, при назначеніи его 1 января 1848 г прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ, было также, какъ и его предмѣстнику генералу Головину, высочайше повелѣно обращать вниманіе на рижскихъ старообрядцевъ и препятствовать усиленію раскола въ Ригѣ. Мнѣніе свое по этому предмету князь Суворовъ изложилъ въ слѣдующемъ, отъ 16 ноября 1849 г., письмѣ, которое онъ писалъ къ тогдашнему епископу рижскому, преосвященному Платону:

«Ваше преосвященство, милостивый архипастырь!

Въ семействахъ раскольниковъ г Риги, особенно между купцами, состоитъ много членовъ православнаго исповѣданія.

Изъ полицейскихъ списковъ видно, что раскольники, имѣющіе въ семействахъ своихъ членовъ православныхъ, подраздѣляются на слѣдующія категоріи:

а) вѣнчанныхъ въ церкви и дѣтей крестившихъ въ православіе;

б) вѣнчанныхъ также въ церкви, но у коихъ одни изъ дѣтей крещены въ православіе, а другіе въ расколъ.

в) живущихъ безъ вѣнца, у коихъ также одни дѣти крещены въ православіе, а другіе въ расколъ; и

г) дѣвокъ и женщинъ, живущихъ безсемейно, т. е. не сожительствующихъ постоянно у мущинъ хотя бы и по раскольническому вѣнчанію, у которыхъ дѣти крещены въ православіе.

Изъ дѣлъ канцеляріи моей видно, что мѣстная полиція въ Ригѣ и начальникъ лифляндской губерніи, въ 1836 году, доводили до свѣдѣнія высшаго начальства, что здѣшнее приходское духовенство мало печется о предохраненіи паствы, оному ввѣренной, отъ заблужденій раскола, и что это сильно способствовало увеличенію числа раскольниковъ. Жалобы сего рода, въ тогдашнее время, были справедливы, ибо изъ 86 слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ, произведенныхъ по требованіямъ бывшаго епископомъ рижскимъ преосвященнаго Иринарха, обнаружилось, что многіе изъ православныхъ, довольно за долго до начатія дѣлъ объ нихъ, совратились въ расколъ, по брачнымъ и родственнымъ связямъ съ раскольниками, и дѣтей своихъ крестили также въ расколъ. Но такъ какъ преслѣдованіе вѣроотступниковъ начато было не своевременно, то почти всѣ дѣла объ нихъ кончены безъ существенныхъ послѣдствій. Одни изъ отступившихъ наказаны кратковременнымъ арестомъ, а другіе подвергнуты только духовному назиданію къ возвращенію въ православіе, но увѣщанія остались безплодными.

На основаніи 27, 28 и 75 ст. Св. Зак. т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. преступл. и высочайшаго повелѣнія 24 декабря 1843 года,

охраненіе православныхъ членовъ раскольническихъ семействъ отъ совращенія въ расколъ, возложено, главнѣйше, на приходское духовенство, такъ что мѣстная полиція тогда только можетъ содѣйствовать по этому предмету, когда духовное начальство сообщитъ ему о содѣйствіи.

Искренно желая содѣйствовать, всѣми зависящими отъ меня способами, къ уменьшенію раскола въ Ригѣ, обращаюсь къ вашему преосвященству съ покорнѣйшею просьбою сообщить мнѣ соображенія ваши о мѣрахъ, какія, по усмотрѣнію вашему, милостивый архипастырь, удобно и полезно было бы предпринять къ пресѣченію въ Ригѣ совращеній въ расколъ лицъ, принадлежащихъ св. православной церкви.

Съ моей стороны, я полагалъ бы полезнымъ принять слѣдующія мѣры:

1) На основаніи высочайше утвержденныхъ 5 апрѣля 1845 г правилъ для руководства духовенству въ дѣлахъ съ раскольниками, назначить въ приходы, гдѣ большее число раскольниковъ, такихъ священнослужителей, которые благоразуміемъ и качествами своими вполнѣ соотвѣтствовали бы требованіямъ въ означенныхъ правилахъ изображеннымъ, если нынѣ состоящіе священнослужители не удовлетворяютъ въ совершенствѣ важнымъ обязанностямъ служенія св. церкви между раскольниками.

2) Строго внушить симъ священнослужителямъ, въ образѣ своего поведенія и въ сношеніяхъ съ раскольниками, руководствоваться означенными правилами 5 апрѣля 1845 года.

3) Посредствомъ сихъ священнослужителей усилить надзоръ за несовращеніемъ въ расколъ православныхъ, и для сего

а) вмѣнить имъ въ обязанность непремѣнно и неупустительно представлять вашему преосвященству послѣ каждой четыредесятницы особый экземпляръ исповѣдныхъ росписей о всѣхъ членахъ православной и единовѣрческой церкви, состоящихъ въ семействахъ раскольниковъ, съ означеніемъ въ сихъ росписяхъ, кто изъ нихъ былъ въ теченіе года у исповѣди и у св. причастія, и кто не былъ, означая о послѣднихъ подробно и обстоятельно, по какимъ именно причинамъ не были и незамѣчаются ли они заблуждающимися въ расколѣ и отпадающими въ оный.

б) Обязать ихъ также доставлять вашему преосвященству, при исповѣдныхъ росписяхъ или въ сроки, особо вами назначенные, подробныя описанія всѣхъ случаевъ, обращающихъ на себя вниманіе и кои заключаютъ покушенія или дѣйствія раскольниковъ къ публичному оказательству ереси и къ распространенію раскола, а о случаяхъ особой важности представлять донесеніе въ то же время когда объ оныхъ освѣдомятся.

в) Подтвердить симъ священнослужителямъ, строго и точно исполнять высочайшее повелѣніе 24 декабря 1843 года, т. е. непремѣнно и немедленно сообщать полиціи о совершаемыхъ ими крещеніяхъ младенцевъ въ раскольническихъ семействахъ, а о случаяхъ, когда раскольники, обязанные крестить родившагося у нихъ младенца въ православіе, окрестятъ онаго въ расколъ, или же медленіемъ и другими способами будутъ уклоняться отъ совершенія надъ младенцемъ православнаго крещенія, доносить немедленно и обязательно вашему преосвященству, для дальнѣйшаго распоряженія по архипастырскому усмотрѣнію вашему

3) Объявить означеннымъ священникамъ, что они, за неисполненіе вышеобъясненныхъ обязанностей, подвергнуть себя, при самомъ первомъ случаѣ, на основаніи тѣхъ же правилъ 5 апрѣля 1845 года, строгому и неизбѣжному взысканію, какъ за небреженіе о святомъ дѣлѣ обращенія блуждающихъ въ расколѣ къ св. православной церкви.

Сверхъ сего я также признавалъ бы полезнымъ.

1) чтобы духовенство рижскаго викаріатства, непосредственно приходское или же чрезъ ваше преосвященство, о всѣхъ бракахъ сообщало мѣстной полиціи, собственно для того, чтобы полиція имѣла возможность отмѣтить бракъ въ обывательской книгѣ и имѣть наблюденіе за крещеніемъ дѣтей, отъ подобныхъ браковъ происходящихъ, въ православную вѣру; и

2) чтобы лица, кои по исповѣднымъ росписямъ будутъ показаны уклоняющимися отъ исповѣди и св. причастія, не укоснительно подвергаемы были, по распоряженію вашему, милостивый архипастырь, полному дѣйствію на нихъ законовъ, изображенныхъ въ вышеприведенныхъ 27, 28 и 75 ст. т XIII уст. о пред. пресѣч. преступленій.

Сообщая о таковомъ мнѣніи моемъ на благоусмотрѣніе ваше, милостивый архипастырь, и ожидая о послѣдующемъ отзыва, съ совершенымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего преосвященства покорнѣйшій слуга

князь *Александръ Суворовъ.*

Письмо это было передано на обсужденіе въ лифляндское духовное правленіе, которое представило преосвященному, 31 января 1850 г , нижеслѣдующее свое мнѣніе:

1850 года января «» дня. По указу его императорскаго величества лифляндское духовное правленіе слушали отношеніе г генералъ-губернатора остзейскаго края отъ 16 ноября 1849 года за № 1915, въ коемъ между прочимъ изъяснено: что изъ полицейскихъ списковъ видно, что раскольники, имѣющіе въ семействахъ своихъ членовъ православныхъ, подраздѣляются на слѣдующія категоріи: а) вѣнчанныхъ въ церкви и дѣтей крестящихъ въ православіе; б) вѣн-

ныхъ также въ церкви, но у коихъ одни изъ дѣтей крещены въ православіе, а другіе въ расколъ; в) живущихъ безъ вѣнца, у коихъ также одни дѣти крещены въ православіе, а другіе въ расколъ; и г) дѣвокъ и женщинъ, живущихъ безсемейно, т. е. не сожительствующихъ постоянно мужчинъ хотя бы и по раскольническому вѣнчанію, у коихъ дѣти крещены въ православіе. Приказали къ защитѣ противъ невыгоднаго мнѣнія его свѣтлости о православномъ духовенствѣ нынѣ состоящемъ при церквахъ въ Ригѣ и въ рижскомъ викаріатствѣ, лифляндское духовное правленіе находитъ нужнымъ объяснить. 1) Изъ дѣла, хранящагося въ лифляндскомъ духовномъ правленіи видно, что въ г Ригѣ многіе раскольники, вѣнчанные въ православныхъ церквахъ, дѣйствительно крестили дѣтей своихъ въ расколъ, а нѣкоторые совратились изъ православія при прежнихъ священникахъ; но раскрытіе сихъ обстоятельствъ началось вовсе не по внимательности рижской полиціи и заботливости о пользѣ православія, но по донесенію бывшаго въ то время благочиннаго священника Василія Фасанова своему епархіальному начальству, 15 сентября 1835 года; по сему поводу, 2) слѣдствіемъ бывшимъ въ 1835 и 1836 г приведено въ ясность, что въ 1818 г раскольники вѣнчались тайно не въ приходскихъ рижскихъ церквахъ, но въ полковыхъ, госпитальной и крѣпостной динаминдской, достигая того подкупами, для правъ семейныхъ; посему приходскіе священники не могли знать достовѣрно кто изъ раскольниковъ былъ вѣнчанъ въ церкви и въ церквахъ обязаны были крестить дѣтей своихъ. 3) Рижская же полиція, уже по открытіи тѣхъ обстоятельствъ, упомянутыхъ слѣдствіемъ, болѣе для оправданія себя въ слабомъ надзорѣ за раскольниками, нежели по чистому побужденію и заботливости о порядкѣ православія, хотя и донесла начальнику губерніи, а сей довелъ и до свѣдѣнія высшаго начальства, что рижское приходское духовенство мало пеклось о предохраненіи паствы оному ввѣренной отъ заблужденія раскола, но донесенія не совсѣмъ справедливы; ибо въ томъ болѣе были виновны полковые священники, совершавшіе по подкупамъ браки раскольниковъ, и сама полиція, не обнаружившая предъ своимъ начальствомъ ни о противозаконномъ домогательствѣ раскольниковъ вѣнчанныхъ тайно, для правъ семейныхъ, ни о крещеніи дѣтей отъ таковыхъ браковъ, раскольницкими наставниками. 4) А что ни рижская полиція, ни бывшій въ то время начальникъ губерніи не дѣйствовали въ пользу православія и прежде открытія упомянутаго слѣдствія, даже и тогда, когда формально требовалось ихъ содѣйствія, это объяснено, по особымъ обстоятельствамъ, въ 1832 и 1833 годахъ по случаю назначенія въ то время въ Ригу миссіонера для обращенія раскольниковъ въ православіе или единовѣріе. 5) По производствѣ (86) слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ, произведенныхъ по требованіямъ бывшаго въ то время епископа рижскаго, подверженные слѣдствію и суду раскольники

найдены были столько виновными, что ихъ не поздно бы было подвергнуть взысканію; но уголовное отдѣленіе рижскаго магистрата къ ослабленію мнѣній духовныхъ депутатовъ и къ защитѣ или облегченію виновныхъ по всѣмъ дѣламъ, исключая нѣкоторыхъ, приводило не существовавшій въ то время и нынѣ несуществующій для дѣлъ о вѣрѣ, законъ десатилѣтней давности, и симъ, не только ослабило вины многихъ, но и уменьшило число виновныхъ. 6) Что мѣстное гражданское начальство само покровительствовало болѣе раскольниковъ нежели православныхъ, это доказываютъ выборы многихъ раскольниковъ въ такія должности, за исправленія коихъ раскольники удостоены пожалованія медалями, какъ-то: купцы: Иванъ Ивановъ Леонтьевъ двумя медалями, Ѳедоръ Абрамовъ Долбежовъ и Евдокимъ Безпаловъ (до воссоединенія съ церковію) на владимірскихъ лентахъ, и Иванъ Ивановъ Хлѣбниковъ орденомъ св. Анны 3 степ., каковыми изъ православныхъ никто не украшенъ, кромѣ бывшихъ въ должностяхъ церковныхъ старостъ. 7) За строгимъ воспрещеніемъ полковому, гошпитальному и крѣпостному динаминдскому духовенству совершать браки раскольниковъ, хотя за неблаговременнымъ и нестрогимъ преслѣдованіемъ и легкими наказаніями виновныхъ раскольниковъ и наконецъ за смотрѣніемъ рижской полиціи впродолженіи болѣе 10 лѣтъ не возникало еще дѣлъ, по которомъ бы оказалось виновнымъ православное духовенство въ явномъ нерадѣніи объ охраненіи православія. 8) Православному духовенству въ разныя времена и по разнымъ обстоятельствамъ уже сдѣланы были нужныя наставленія о внушеніи относительно охраненія православія. По симъ обстоятельствамъ хотя и не стояло бы нужды въ подтвержденіи православному духовенству и новыхъ внушеніяхъ, однакожъ духовное правленіе признаетъ небезполезнымъ привесть въ дѣйствіе мѣры изъясненныя его свѣтлостію въ отношеніи отъ 16 ноября 1849 г за № 1915, и объявить оныя всему православному духовенству рижскаго викаріатства, къ точному и всегдашнему исполненію. Но мнѣніе сіе представить на благоусмотрѣніе его преосвященства. Подписали:

Каѳедральный протоіерей Михаилъ Кунинскій, благовѣщенскій протоіерей Іоаннъ Преображенскій, александровскій священникъ Дмитрій Верещагинъ.

На этомъ мнѣніи преосвященный положилъ слѣдующую резолюцію: «21 февраля 1850 г. Напрасно духовное правленіе слишкомъ распространилось въ защитѣ рижскаго духовенства по дѣламъ о раскольникахъ, тогда какъ въ настоящее время никто не обвиняетъ его по симъ дѣламъ, да и предметъ разсужденія долженъ быть иной. Правленію надлежало разсмотрѣть тѣ мѣры, которыя генералъ-губернаторъ предлагаетъ въ своемъ отношеніи отъ 16 ноября прошлаго года за № 1915, къ предохраненію православныхъ отъ совращенія въ расколъ, а буде можно представить и свои. Что и предлагаю ему

сдѣлать немедленно». Вслѣдствіе этой резолюціи, лифляндское духовное правленіе приказали: такъ какъ духовное правленіе 8 пунктомъ опредѣленія своего, состоявшагося 31 января сего года, признало полезнымъ привести въ дѣйствіе мѣры, изъясненныя его свѣтлостію въ отношеніи его отъ 16 ноября 1849 г. за № 1915, то съ прописаніемъ тѣхъ правилъ разослать указы въ каѳедральный соборъ, единовѣрческимъ причтамъ и всѣмъ благочиннымъ для всегдашняго исполненія, съ тѣмъ чтобы благочинные объявили о томъ всѣмъ подвѣдомымъ имъ причтамъ.

Таковы распоряженія, которыми въ 1850 году и свѣтская и духовная власти въ Ригѣ думали ослабить и уменьшить старообрядство.

---

9. Что побуждало лифляндскихъ латышей и эстовъ къ перемѣнѣ лютеранской вѣры на православную, начиная съ 1841 года.*

(Изъ бумагъ преосвященнаго Веніамина, епископа рижскаго и митавскаго).

Многіе изъ нѣмцевъ лютеранъ въ прежнее время, а иные и теперь еще утверждаютъ, что латыши и эсты, начиная съ 1841 г., переходили изъ лютеранской вѣры въ православную не въ слѣдствіе убѣжденія въ томъ, что православная церковь есть единая, святая и спасительная, но что русское духовенство переманиваетъ ихъ въ православіе или раздачею денегъ, или обѣщаніемъ разныхъ льготъ, наприм. освобожденія отъ рекрутскихъ наборовъ. Въ настоящее время многіе увѣряютъ еще, будто обѣщаніемъ даровой раздачи хлѣба въ тогдашніе голодные годы, русское духовенство переманивало народъ къ православію.

Всѣ эти обвиненія не только несправедливы, но даже недобросовѣстны, прямо сказать, лживы, потому что противорѣчатъ здравому смыслу и фактамъ, которые какъ въ свое время были для всѣхъ очевидны, такъ и теперь всѣмъ и каждому извѣстны, именно

1. Православные священники въ Лифляндіи въ то время не могли имѣть никакого прямаго вліянія на латышей и эстовъ, ибо большая ихъ часть непонимала простонародныхъ языковъ; православныхъ церквей было тогда не много, — только по городамъ; бого-

---

*) Преосвященный Иринархъ былъ назначенъ въ Ригу для противодѣйствія сектантамъ, но Провидѣнію угодно было, что бы при немъ началось православіе въ крестьянскихъ слояхъ прибалтійскаго населенія, среди лифляндскихъ латышей и эстовъ.

служеніе въ нихъ никогда несовершалось на народныхъ языкахъ. Каѳедра викарнаго епископа открыта была въ Ригѣ не задолго предъ тѣмъ съ ясно высказанною цѣлью — обращенія рижскихъ старообрядцевъ къ русской церкви. Что первый рижскій викарный епископъ именно такъ и понималъ свое назначеніе и не мало тревожилъ старообрядцевъ, этому много и теперь живыхъ свидѣтелей въ самомъ ихъ обществѣ, — много и письменныхъ свидѣтельствъ въ консисторіи и въ канцеляріи генералъ-губернатора. А чтобы тогдашній рижскій епископъ Иринархъ принималъ какія либо мѣры къ обращенію лютеранъ въ православіе, на это лютеране никогда не могли, не могутъ и теперь представить никакихъ доказательствъ, потому что этого совсѣмъ не было.

2. Если бы русское духовенство привлекало латышей и эстовъ къ православію раздачею имъ денегъ, то деньги на это оно получало бы или отъ правительства, или употребляло бы свои собственныя. Правительство не только денегъ для подкупа латышей и эстовъ духовенству не отпускало, но, какъ увидимъ ниже, сначала даже допускало мѣстныя начальства — нѣмцевъ строго наказывать тѣхъ латышей и эстовъ, которые изъявили свое желаніе перейти въ православіе. Не возможно также предположить, чтобы русское духовенство подкупало народъ своими собственными деньгами. Если бы оно и возъимѣло охоту тратить на то собственныя деньги, оно не могло бы это сдѣлать, потому что, какъ всякому извѣстно, доходы русскаго духовенства столь ограниченны, что ему едва достаетъ ихъ на собственное содержаніе.

3. Обѣщаніямъ льготъ, покрайней мѣрѣ до 1845 г., если бы такія обѣщанія и давало духовенство, народъ долженъ былъ бы скоро перестать вѣрить, потому что дѣйствительность слишкомъ ярко тому противорѣчила. Отъ имени правительства награждали, какъ увидимъ ниже, медалями и деньгами, но не тѣхъ крестьянъ, которые объявили желаніе принять православную вѣру, а тѣхъ, которые ихъ отъ того отговаривали. Остававшіеся твердыми въ намѣреніи присоединиться къ православію не только не получали въ дѣйствительности никакихъ льготъ, но претерпѣвали, напротивъ того, всяческія стѣсненія: ихъ лишали хозяйства, брили имъ лбы, сажали въ тюрьмы, подвергали жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Этихъ средствъ, употребленныхъ мѣстною и одобренныхъ высшею администраціею, кажется, достаточно было для вразумленія крестьянъ, что отъ правительства нечего имъ ждать льготъ за присоединеніе къ православію, какъ о томъ отъ имени правительства нѣсколько разъ тогда было публиковано и объявляемо въ отдѣльности каждому присоединяющемуся.

4. Раздача хлѣба, какъ всѣмъ было извѣстно, находилась въ рукахъ не духовенства русскаго, а тѣхъ самыхъ нѣмецкихъ властей, которыя такъ сурово преслѣдовали охотниковъ принять пра-

вославіе. При томъ же раздавали хлѣбъ хозяевамъ, а православіе принимали большею частію работники и бобыли, — слѣдовательно раздавали болѣе лютеранамъ, нежели православнымъ. Если въ послѣдствіи и дѣлалось различіе, то оно состояло лишь въ болѣе строгомъ взысканіи съ православнаго казеннаго долга.

5. Кромѣ исчисленныхъ доводовъ сильнѣйшимъ свидѣтельствомъ совершенной непричастности русскаго духовенства къ возбужденію латышей и эстовъ отпасть отъ лютеранства и перейти въ православіе служитъ то, что какъ ни важно было для нѣмцевъ представить доказательства возбужденія народа русскимъ духовенствомъ, они, нѣмцы, вызываемые даже къ тому правительствомъ, никогда не могли представить такого доказательства, а довольствовались общими на православное духовенство нареканіями, неопирающимися ни на одно дѣйствительное событіе

И такъ взводимыя лютеранами на русское духовенство обвиненія въ подстрекательствѣ латышей и эстовъ къ отпаденію отъ лютеранства и къ принятію православія, противорѣчатъ здравому разсудку, и не подтверждены со стороны лютеранъ ни однимъ указаніемъ на какое нибудь дѣйствительное событіе. Обвиненія эти ложны.

Но обвинители говорятъ, что латыши и эсты были въ то время лютеранами и, не знавши русскаго языка, не могли сами дойти до убѣжденія, что православная вѣра есть единственная и спасительная и слѣдовательно отпадали отъ лютеранства не по убѣжденію въ преимущественной истинности православія. Пусть такъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что латыши и эсты, отпавшіе отъ лютеранской вѣры, держались ея прежде также не по убѣжденію, иначе они бы отъ нея не отпали. Извѣстно, что въ лютеранство перешли латыши и эсты изъ католичества въ 16-мъ вѣкѣ, также не по убѣжденію, а по приказу своихъ господъ-нѣмцевъ, или лучше сказать, переведены были нѣмцами безъ ихъ вѣдома и желанія. Наконецъ и самую католическую вѣру приняли латыши и эсты изъ рукъ нѣмцевъ также не по убѣжденію. Мечемъ, огнемъ и порабощеніемъ нѣмцы распространили христіанство въ прибалтійскомъ краѣ. Народъ не можетъ забыть, кто, навязавъ ему вѣру, отнялъ у него землю и свободу, какъ не забылъ и того, что еще прежде нѣмецкой христіанской вѣры ему знакома была вѣра христіанская-русская, переданная ему не остріемъ меча, а кроткимъ благовѣстіемъ. По свидѣтельству не только русскихъ, но и нѣмецкихъ лѣтописей, многіе латыши въ уѣздахъ венденскомъ, вольмарскомъ, и валкскомъ, и многіе эсты въ дерптскомъ и верровскомъ уѣздахъ крещены были въ православную вѣру русскими проповѣдниками гораздо прежде, чѣмъ пришли въ этотъ край нѣмцы, и крещены добровольно. Нѣмецкій лѣтописецъ, даже упрекаетъ

русскихъ князей, что у нихъ *не въ обычаѣ*[1]) принуждать покоренные народы къ принятію христіанской вѣры.

Что въ восточныхъ лифляндскихъ уѣздахъ, въ которыхъ насильственному обращенію въ латинскую вѣру предшествовало мирное распространеніе русскаго православія, народъ до послѣдняго времени не забылъ своей старинной связи съ русскою церковію, это видно изъ того, что жители венденскаго уѣзда имѣли обыкновеніе по три раза въ годъ отправляться въ якобштадтскую церковь для служенія молебновъ. Это видно изъ церковныхъ книгъ этой церкви. Равнымъ образомъ латыши и эсты ежегодно хаживали молиться въ печерскій монастырь, лежащій на границѣ псковской и лифляндской губерніи[2]). По достовѣрному свидѣтельству нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ, въ юговосточной Лифляндіи и въ настоящее время многіе латыши — лютеране, по ночамъ и вообще тайкомъ отъ своихъ пасторовъ, приглашаютъ русскихъ священниковъ къ себѣ въ домы помолиться надъ ихъ больными, или приходятъ въ русскія церкви и просятъ служить заздравные и другіе молебны. При этомъ они заявляютъ свою увѣренность, что русская вѣра есть единая, старая, крѣпкая и святая вѣра, но что принять ее, вмѣсто лютеранской, теперь пока не въ ихъ волѣ, что на то непришло пока для нихъ время.

Въ самомъ языкѣ латышей множество словъ, имѣющихъ корни не въ латышскомъ, а въ русскомъ языкѣ, служатъ живымъ свидѣтельствомъ того, что латыши, вмѣстѣ съ начатіемъ гражданственности, принимали превоначально отъ русскихъ и христіанскую вѣру Таковы слова и выраженія:

Кристіити — крестить, *кристійте цилвекс* — крещеный человѣкъ, *криста тевс* — крестный отецъ, *кристи маате* — крестная мать, *криста деэліс* — крестный сынъ, *криста куумъ* — кумъ. *Гавсэт* — говѣть, *гавени* — говѣніе; *крусту мест* — метать крестъ (старинное русское, творить на себѣ крестное знаменіе); *крустайне* — крещеніе (праздникъ 6 января); *неделя* — недѣля. Дни недѣли: *Свядсена* — воскресеніе (народный святъ день, поговорка: пресвятъ день до обѣдни); *пирмдіана* — понедѣльникъ (первый день); *уатрдіана* — вторникъ; *трешдіана* — среда (третій день); *цетордіана* — четвергъ; *піакдіана* — пятница; *сесдіана* — суббота (шестой день); *ліала діана* — первый день пасхи (сравни русское: великъ день), *ліала цетартдіана*, *ліала піакъ-діана*, великій четвергъ, великая пятница. *Круты кутья*

---

[1]) Ливонская хроника. Издан. Губера, 3-ій выпускъ, стр. 166: „Est consvetudo regum ruthenorum, quamcunque gentem oppugnaverint, non fidei christianae subjicere“,

[2]) Чтенія общества исторіи и древн. русск. 1865 г. кн. 3, стран. 121.

у латышей называется вареная пшеница съ горохомъ, которую они и донынѣ ѣдятъ въ рождественскій сочельникъ.

Базница — церковь (русское старинное божница); *грамаата* — книга, письмо и вообще все писанное.

Паганс — поганый, язычникъ. *Пекле* — пекло, адъ. *Свеэти* — святый; *свэтіит* — праздновать, *свэтить* (напримѣръ: день седьмый); *свэтки* — святки[1]).

Но свидѣтельство языка и сохранившіяся въ народной памяти преданія о древней связи съ православною церковію, конечно, не могли послужить для латышей и эстовъ достаточнымъ побужденіемъ къ внезапному отпаденію отъ лютеранства. Отпаденіе это, хотя и неожиданное для приверженцевъ лютеранства, было однакожъ подготовлено многовѣковою исторіею отношеній лифляндскаго сельскаго простонародія къ своимъ господамъ нѣмцамъ, обезземеленіемъ, которымъ народъ долженъ былъ поплатиться за личное освобожденіе.

5. Наконецъ воздвигнутыя мѣстною администраціею жестокія гоненія на изъявившихъ желаніе присоединиться къ православію не мало содѣйствовали именно къ распространенію въ народѣ этого желанія подобно тому, какъ вѣтеръ не гаситъ, а распространяетъ пламя пожара. Отъ многихъ православныхъ старыхъ латышей, на вопросъ о причинахъ перехода ихъ въ православіе, можно въ отвѣтъ услышать. «Нѣмцы сами вогнали насъ въ русскую вѣру батогами и шпицрутенами»

Вся исторія прибалтійскаго края[2]), со времени прибытія въ него нѣмецкихъ рыцарей представляетъ съ одной стороны безпрерывное угнетеніе, съ другой сначала сильное потомъ слабѣйшее, сопротивленіе покоренныхъ, пока наконецъ все — земля, дома, имущество и люди сдѣлались добычею завоевателей. Латыши и эсты преврати-

---

[1]) Изъ нѣсколькихъ сотъ словъ, перешедшихъ въ древнѣйшее время отъ русскихъ къ латышамъ вмѣстѣ съ основами гражданственности, приведемъ хотя слѣдующія: *артъ* — орать, пахать; *багатс* — богатый; *баярс* — бояринъ; *блюодс* — блюдо; *бруня* — броня; *варіитъ* — варить; *васксъ* — воскъ; *вервс* — веревка; *гаспажа* — госпожа; *дурвис* — дверь; *зельзе* — желѣзо; *драуі* — другъ; *дузане* — дюжина; *забакс* — сапогъ; *кажокс* — кожухъ, *катлс* — котелъ; *клаава* — хлѣвъ; *крисле* — кресло; *купчис* — купецъ; *мере* — мѣра; *міаса* — мясо; *паварс* — поваръ; *пагастс* — погостъ (волость); *пакавс* — подкова; *паскоияс* — посконь; *пеллавс* — пелева; *пираіс* — пирогъ; *пулкс* — полкъ; *руабеж* — рубежъ; *свабадс* — свободный (слабкій); *свецце* — свѣча; *сарпс* — серпъ; *слава* — слава; *стаарастс* — староста; *суадс* — судъ; *труба* — труба и проч.

[2]) Историческое изложеніе заимствовано изъ „Чтеній въ обществѣ истор. и древ. росс. 1865. книга 3-я, стр. 110 и др.

лись въ безправныхъ рабовъ, а нѣмцы-рыцари въ рабовладѣльцевъ, но латыши и эсты по настоящее время не могутъ забыть, что они были владѣльцами земли своей, что пришельцы отняли у нихъ собственность, отняли личную свободу, огнемъ и мечемъ заставили перемѣнить вѣру отцовъ. Само собою разумѣется, что такое памятованіе туземцами первоначальныхъ отношеній къ нимъ здѣшнихъ нѣмцевъ не должно бы питать въ нихъ ненависть къ симъ послѣднимъ, потому что въ тогдашнее время вездѣ жестоко обращались съ рабами. Все что пріобрѣталъ крестьянинъ, принадлежало господину, безъ позволенія котораго онъ не только не могъ продать свои произведенія или купить другія, но даже ѣхать на рынокъ. Нужно было просить позволенія у господина и на вступленіе въ бракъ; господинъ могъ расторгнуть бракъ продажею супруговъ въ разныя руки, а чрезъ то отторгались и дѣти отъ родителей. Помѣщику принадлежалъ верховный судъ въ его имѣніи, онъ имѣлъ право жизни и смерти надъ своими рабами; въ послѣдствіи, когда это было уничтожено, онъ все таки сохранилъ безусловное право тѣлесно наказывать своего крестьянина. Еще въ 17-мъ вѣкѣ курляндскій ландтагъ требовалъ, чтобы бѣжавшему отъ помѣщика крестьянину, въ случаѣ повторенія, отсѣкали ногу, по римскому закону Поляки, послѣ поляковъ шведы, послѣ шведовъ русскіе, когда овладѣвали посредствомъ оружія прибалтійскимъ краемъ, старались облегчить въ немъ рабство простаго народа. Такъ нольскій король Стефанъ Баторій въ 1586 г приказалъ объявить ландтагу, что во всемъ мірѣ, даже между язычниками и варварами, не встрѣчается такихъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ угнетеній, какимъ лифляндскіе помѣщики подвергаютъ своихъ крестьянъ, и предложилъ замѣнить денежными пенями тѣлесныя наказанія. Но дворянство увѣрило короля, что крестьяне такъ привыкли къ палкамъ, что не соглашаются на замѣненіе ихъ штрафами. Все-таки польскіе короли настояли на томъ, что на ландтагѣ 1598 года воспрещено обременять крестьянъ новыми налогами и дозволено имъ продавать избытокъ своихъ произведеній. Шведы, овладѣвъ краемъ, назначили было регулированіе помѣщичьихъ земель, воздѣлываемыхъ барщиною, за которую въ вознагражденіе и также за отправленіе другихъ повинностей крестьянамъ были отведены особыя крестьянскія земли. По принятіи прибалтійскаго края въ русское подданство, на положеніе туземныхъ крестьянъ первая обратила вниманіе императрица Екатерина II. Продажа крестьянъ на площадяхъ и расторженіе браковъ были запрещены и ландтагу предложено было изыскать мѣры къ улучшенію крестьянскаго быта, но дворянство объявило, что признаетъ крестьянина за самую существенную часть дворянскаго имущества и потребовало, чтобы всякій дворянинъ, обвиняемый въ угнетеніи крестьянъ, былъ преслѣдуемъ не иначе, какъ за расточительность. Одинъ лишь баронъ Шульцъ фонъ Ашераденъ въ 1761 г призналъ за своими

крестьянами личныя права и наслѣдственное пользованіе арендою и тѣмъ возбудилъ противъ себя сильную ненависть лифляндскаго дворянства, которое лишь спустя полстолѣтія отдало справедливость этому благородному человѣку, помѣстивъ портретъ его въ залѣ дворянскаго собранія въ Ригѣ.

При императорѣ Александрѣ I, сперва въ Эстляндіи, въ 1804 году введено уложеніе «Iggauks» (каждый изъ васъ—первыя слова текста), которымъ признавалось право собственности крестьянина на всю его движимость, обезпечено наслѣдственное пользованіе дворами за состоятельными хозяевами, опредѣлены права домашней расправы помѣщика и обязанности крестьянъ (Wackenbücher). Подобнымъ же образомъ опредѣлены были взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ также въ Лифляндіи въ уложеніи подъ названіемъ «*Вакенбухи*», введеніе котораго за долго уже предъ тѣмъ предлагалъ ландратъ Сиверсъ. Въ 1819 г было объявлено и для Лифляндіи уничтоженіе крѣпостнаго права. Города: Рига, Дерптъ и Перновъ первые подали примѣръ, давъ личную свободу своимъ крестьянамъ. Въ 1820 году объявлено въ Ригѣ новое крестьянское положеніе (Bauerverordnung). Освобожденіе крестьянъ должно было совершаться постепенно въ продолженіи 8 лѣтъ, сперва освобождались хозяева, потомъ работники и слуги. Кромѣ тѣхъ переходныхъ 8 лѣтъ, назначены дальнѣйшія 6 лѣтъ, изъ которыхъ въ первые три года крестьяне не могли еще выходить изъ предѣловъ своего кирхшпиля (прихода) и въ остальные три года изъ уѣзда.

По новому положенію, крестьяне пріобрѣли личную свободу, но лишены были наслѣдственнаго пользованія землею, отнынѣ земельныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ опредѣлялись свободнымъ договоромъ, контрактомъ. Договоръ этотъ только по имени назывался свободнымъ, потому что крестьяне не имѣли права выселяться изъ губерніи, и помѣщики, обезпеченные всегда готовыми арендаторами и работниками, при возобновленіи контракта, могли возвышать свои требованія, возлагали на крестьянъ всю тягость повинностей, предоставляя себѣ одни преимущества, нерѣдко присоединяли къ помѣщичьимъ полямъ земли, удобренныя крестьянами, а имъ отдавали въ наймы заросшія лѣсомъ пустоши. Такимъ образомъ благосостояніе крестьянъ, послѣ личнаго ихъ освобожденія, не возрастало, а съ каждымъ годомъ уменьшалось, крестьяне роптали. Нѣкоторые изъ нихъ полагали, что дворянство ихъ обманываетъ, что законъ въ дѣйствительности не можетъ быть столь для нихъ стѣснителенъ. Наступилъ голодный 1840 г — Крестьяне начали обращаться съ просьбами о пособіи къ помѣщикамъ; помѣщики, не обязанные къ тому по закону, имъ отказывали; крестьяне обратились къ мѣстнымъ властямъ, мѣстныя власти завели долгую переписку Между тѣмъ крестьяне умирали съ голоду, распространялись

повальныя болѣзни. Мѣстныя власти разсылали медицинскія пособія, но лѣкарства не помогали отъ голода. Одинъ докторъ разсказывалъ, что родители одного юноши, возвращеннаго имъ къ жизни, вмѣсто благодарности, осыпали его горькими упреками, говоря, что сыну ихъ лучше было умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять медленно умирать отъ голода.

Для спасенія отъ ужасовъ голодной смерти, многіе крестьяне рѣшились выйти изъ губерніи, и начали просить о переселеніи, сперва мѣстное начальство имъ отказывало въ томъ, на основаніи крестьянскаго положенія 1819 года. Недовольные такимъ дѣйствіемъ крестьяне пошли въ Ригу съ жалобами къ генералъ-губернатору, потому что по тѣмъ же законамъ крестьянинъ не иначе могъ приносить жалобу, какъ отъ своего лица. Такая настойчивость крестьянъ признана была неповиновеніемъ. Въ Ригѣ ихъ били палками, брили головы и отсылали домой[1]).

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ нѣсколько латышей, уже высѣченныхъ и обритыхъ возвращались домой; проходя 9 іюня 1841 г мимо архіерейскаго дома, имъ вздумалось зайти къ русскому архіепископу за милостыней. Преосвященный Иринархъ принялъ въ нихъ участіе, какое долженъ былъ принять пастырь церкви христіанской. Онъ далъ имъ хлѣба, по нѣскольку копѣекъ и по экземпляру православнаго катихизиса. Это было зерно, брошенное на жадную землю.

Слухъ о данной русскимъ епископомъ милостынѣ быстро распространился между крестьянами. Вскорѣ уже не нѣсколько человѣкъ, а цѣлая толпа явилась у дверей преосвященнаго; но онъ не могъ уже удовлетворить ихъ и съ прискорбіемъ долженъ былъ отказать имъ въ пособіи. Однако крестьяне не расходились; тронутые участіемъ архипастыря, они требовали уже не милости, а присоединенія къ православной церкви. Чтобы успокоить крестьянъ и побудить ихъ разойтись по домамъ, преосвященный переписалъ ихъ имена. Когда эти крестьяне ушли, пришли другіе; каждый день приводилъ къ дверямъ епископскаго дома новыя толпы. Они подавали просьбы о присоединеніи ихъ къ русской церкви и нерѣдко излагали въ нихъ жалобы на помѣщиковъ. Преосвященный отсылалъ эти просьбы къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода.

Такимъ образомъ огласилось по всей Лифляндіи и въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ стремленіе лифляндскихъ крестьянъ къ переходу въ православіе.

Такое стремленіе по вышеизложенному произошло не въ слѣдствіе подкупа крестьянъ православнымъ духовенствомъ, т. е. раздачи

---

[1]) Отношеніе ген.-губернатора къ министру внутр. дѣлъ 13 іюля 1841 г. № 670. Изъ отнош. ген.-губернатора къ министру отъ 18 іюля 1841 г. № 701, видно, что въ лифл. губ. правленіи 2 латыша наказаны палками, а другимъ обрита часть головы.

или обѣщанія имъ денегъ, хлѣба, льготъ, а въ слѣдствіе сдѣлавшагося невыносимымъ ихъ положенія, отъ котораго они не находили заступленія у духовныхъ своихъ пастырей, помышлявшихъ только о властвованіи надъ ними за одно съ дворянствомъ, ни утѣшенія въ вѣрѣ, навязанной имъ одновременно съ рабствомъ. Сверхъ того къ православію же могли склонять, именно латышей, неугасшія воспоминанія о старинной, кроткой, святой русской вѣрѣ и влеченіе къ сближенію отчасти съ родственною и господствующею въ государствѣ народностью.

Неожиданное начавшееся между лифляндскими латышами и эстами движеніе къ отпаденію отъ лютеранской церкви сильно встревожило нѣмецкое дворянство и духовенство: вмѣстѣ съ переходомъ земледѣльческаго населенія въ православіе была бы порвана единственная связь нѣмцевъ съ простонародьемъ, и они утратили бы всякое на него вліяніе, а пасторы лишились бы и всѣхъ своихъ доходовъ.

Уже прежде, по поводу предъявленнаго крестьянами желанія переселиться въ другія губерніи, учреждена была въ Венденѣ правительственная коммисія, состоявшая изъ предводителя дворянства, ординунгсрихтера и уѣзднаго фискала[1]). Эта коммисія доносила, что перемѣнить вѣру никто неизъявлялъ желанія, но въ тоже время находила нужнымъ положительно запретить рижскому епископу принимать крестьянъ даже и тѣхъ, которые ничего нетребуютъ, кромѣ одной перемѣны вѣры.

И дѣйствительно генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ поспѣшилъ предложить епископу не принимать и не записывать у себя крестьянъ[2]).

Въ то же время лифляндскіе пасторы собрались въ Венденѣ для рѣшенія вопроса о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры, чтобы отклонить стремленіе крестьянъ къ переходу въ православную церковь[3]), но принятыя лютеранскимъ духовенствомъ мѣры не имѣли успѣха.

Донесенія генералъ-губернатора барона Палена не остались безъ послѣдствій: на основаніи ихъ шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ потребовалъ отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, чтобы онъ обязалъ епископа не вмѣшиваться въ это, будто бы *чисто гражданское дѣло*[4]). Управляющій же министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Строгановъ, доложилъ также императору Николаю I о необходимости запретить епископу принимать просьбы крестьянъ, содержащія въ

---

[1]) Отношеніе генералъ-губернатора къ м. в. д. отъ 18 іюня 1841 г. № 701.

[2]) Отношеніе генералъ-губернатора къ м. в. д. отъ 14 іюня и № 685.

[3]) Rigasche Zeitung 1841.

[4]) Отношеніе графа Бенкендорфа къ графу Строганову отъ 24 іюля № 4256.

себѣ кромѣ желанія принять православную вѣру, еще и другія жалобы. На докладѣ этомъ государь написалъ. *справедливо*[1]).

Когда такимъ образомъ высшее правительство какъ бы признало, что безпорядки въ Лифляндіи происходятъ хотя отчасти отъ неправильныхъ дѣйствій православнаго духовенства, мѣстныя нѣмецкія власти во всѣхъ послѣдующихъ донесеніяхъ въ Петербургъ стали повторять, что крестьяне волнуются не отъ голода и нищеты, а отъ подстреканій православнаго епископа и духовенства, генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ принялъ рѣшительныя и строгія мѣры къ прекращенію всякой попытки присоединенія крестьянъ къ православной церкви: онъ послалъ въ Венденъ 50 человѣкъ казаковъ; ближайшій надзоръ за латышами поручилъ дворянскому депутату Гагемейстеру, а за эстами депутату Вульфу[2]); предписалъ крестьянъ, идущихъ въ Ригу уже единственно съ просьбами о присоединеніи къ русской церкви, задерживать, а губернскому правленію предложилъ брить задержаннымъ крестьянамъ всю голову, заковывать въ кандалы, отправлять на мѣсто жительства съ конвоемъ и тамъ, въ присутствіи ихъ обществъ, строго наказывать ихъ розгами[3]).

Не смотря на эти строгія мѣры, приливъ крестьянъ въ Ригу все съ одною просьбою присоединиться къ православію не прекращался, а усиливался. Тогда генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ призналъ нужнымъ разставить на дорогахъ около Риги полицейскихъ чиновниковъ съ солдатами внутренней стражи. Имъ было приказано удерживать и возвращать идущихъ въ городъ крестьянъ, а упрямыхъ изъ нихъ наказывать на мѣстѣ. Въ то же время генералъ-губернаторъ, баронъ Паленъ, потребовалъ отъ епископа, чтобы онъ не принималъ отъ крестьянъ *никакихъ* просьбъ[4]) и не записывалъ ихъ, ни самъ, ни чрезъ священниковъ[5]). Епископъ отвѣчалъ, что крестьянъ ни у него, ни у священниковъ никто больше не записываетъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ своимъ подчиненнымъ не принимать, и самъ не будетъ, даже такихъ просьбъ, въ которыхъ заключается только одно желаніе присоединиться къ православію.

Тогда же оберъ-прокуроръ синода объявилъ высочайшее повелѣніе[6]), подтверждающее епископу не принимать никакихъ просьбъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно было генералъ-губернатору, чтобы доставилъ епископу доказательства, что священники не только записывали крестьянъ, но и сочиняли для нихъ прошенія, въ чемъ мѣстное начальство ихъ обвиняло. Такихъ доказательствъ представлено не было.

---

[1]) Отношеніе къ министру внутр. дѣлъ отъ 8 іюля № 738.
[2]) Отношеніе къ министру внутр. дѣлъ отъ 5 августа № 768.
[3]) Отношеніе къ министру внутр. дѣлъ отъ 5 августа № 768.
[4]) Отношеніе къ министру внутр. дѣлъ отъ 5 августа № 768.
[5]) Отношеніе рижскаго епископа къ ген.-губернатору отъ 10 авг. № 951.
[6]) Отнош. оберъ-прокурора къ гр. Строганову отъ 18 авг. № 5413.

Между тѣмъ въ Петербургѣ наконецъ начали понимать истинную причину крестьянскихъ волненій въ Лифляндіи. Графъ Строгановъ, въ отношеніи своемъ отъ 16 августа за № 2646, совѣтуетъ барону Палену *обратить особенное вниманіе на бѣдность крестьянъ*, а статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министерству внутр. дѣлъ высочайшее повелѣніе обратить строгое вниманіе ген.-губернатора, барона Палена, на предметъ жалобъ крестьянъ, на *недостатокъ довольствія*[1]).

Неизвѣстно предпринимало ли мѣстное начальство какія либо мѣры по этимъ замѣчаніямъ, только волненіе не прекращалось, и притомъ самый предметъ требованія крестьянъ перемѣнился. До того времени крестьяне требовали хлѣба, переселенія, а нѣкоторые принятія въ православіе. Теперь крестьяне вольмарскаго и отчасти рижскаго уѣзда стали просить уже о землѣ, чтобы земли, обработываемыя ими за барщину, обращены были въ ихъ собственность. Это было признано посягательствомъ на дворянскую собственность. Двѣ роты шлиссельбургскаго егерскаго полка были посланы для усмиренія этихъ крестьянъ, и государь прислалъ двухъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ Бутурлина и князя Урусова, съ наставленіями, какъ дѣйствовать. Между тѣмъ, хотя изъ того самаго донесенія генералъ-губернатора барона Палена, въ слѣдствіе котораго были командированы упомянутые флигель-адъютанты, было видно, что крестьяне толкуютъ вовсе не о вѣрѣ, а объ землѣ, что цѣль волненія совершенно измѣнилась и не состоитъ ни въ какой связи съ религіознымъ движеніемъ, не смотря на то, генералъ-губернаторъ Паленъ все еще не переставалъ предъявлять требованія о необходимости прекратить пріемъ крестьянъ у епископа[2]). Но на сей разъ и въ Петербургѣ начинаютъ яснѣе понимать дѣло. Вмѣсто безусловнаго исполненія въ ходатайствѣ барона Палена, ему заявляютъ, что общія и неопредѣленныя жалобы на духовенство не ведутъ ни къ чему и совѣтуютъ, чтобы онъ тотчасъ сообщалъ епископу, на кого именно изъ священниковъ указываютъ крестьяне.

Такъ какъ къ улучшенію невыносимаго положенія крестьянъ ничего не предпринималось, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно на мызахъ Ней-Беверсгофъ (рижскаго уѣзда) и Гейлигензе, крестьяне пришли къ открытому неповиновенію. Туда послали роту шлиссельбургскаго и потомъ 4 роты ладожскаго полка и 50 казаковъ. Надъ виновными велѣно немедленно нарядить военный судъ. Приговоры его были утверждаемы генералъ-губернаторомъ барономъ Паленомъ и тотчасъ же приводились въ исполненіе: однихъ наказали розгами, другихъ отдали въ солдаты, въ арестантскія роты, сослали въ Си-

---

[1]) Отношеніе Тамѣева отъ 20 августа № 1196.

[2]) Отношеніе къ министру внутр. дѣлъ отъ 5 сентября № 877.

бирь, многихъ гоняли сквозь строй. Кромѣ этихъ крайне суровыхъ мѣръ, оставившихъ въ народѣ весьма мрачныя воспоминанія, принимаемы были другія. Такъ флигель-адъютантъ Бутурлинъ испрашивалъ награды для тѣхъ лицъ изъ нисшихъ сословій, которыя увѣщевали крестьянъ безропотно повиноваться помѣщикамъ и отрекаться отъ желанія принять православіе[1]). Правительство дастъ имъ за то деньги и медали; а лифляндское губернское правленіе публикуетъ объ этомъ печатно между каестьянами.

Между тѣмъ генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, хотя не переставалъ, по крайней мѣрѣ оффиціально, приписывать всѣ безпорядки, обнаружившіеся между крестьянами, дѣйствіямъ православнаго духовенства, долженъ былъ прійти наконецъ къ тому заключенію, на которое уже указывалъ ему графъ Строгановъ, то есть, что положеніе *вольнаго договора при заключеніи контрактовъ* для крестьянъ крайне неудобно, въ особенности при измѣнившемся способѣ хозяйства, въ которомъ трехъ-польная система замѣнена плодоперемѣнною. Баронъ Паленъ, ссылаясь на собственное желаніе дворянства, испрашивалъ разрѣшенія обсудить этотъ предметъ на ландтагѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, докладывая объ этомъ государю, не оставилъ замѣтить, что не только всѣ просьбы и жалобы крестьянъ, но наконецъ и самое желаніе дворянства, о которомъ представляетъ генералъ-губернаторъ, доказываютъ, что источникъ зла былъ не въ дѣйствіяхъ православнаго духовенства, а въ *хозяйственномъ положеніи крестьянъ*. Такой взглядъ на дѣло *раздѣленъ* былъ государемъ, который изволилъ найти его согласнымъ съ собственнымъ убѣжденіемъ, и приказалъ поставить это генералъ-губернатору на видъ[2]).

Теперь, послѣ того какъ вызванное обстоятельствами, собственное сознаніе мѣстной власти мимовольно оправдывало епископа, когда министръ внутр. дѣлъ и государь усмотрѣли источникъ зла въ тягостномъ хозяйственномъ положеніи крестьянъ, и убѣдились въ непричастности православнаго епископа и духовенства въ крестьянскихъ безпорядкахъ, можно было ожидать, что епископъ оставленъ будетъ въ покоѣ, и приняты будутъ мѣры къ обезпеченію продовольствія крестьянъ, и къ облегченію ихъ повинностей.

Но вмѣсто того произошло нѣчто неожиданное. Баронъ Паленъ увѣдомляетъ[3]) графа Строганова, что шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ, *лично поручилъ* ему отсылать всѣ дѣла по этому предмету, требующія высочайшаго разрѣшенія, не къ нему, министру внутр. дѣлъ, а прямо въ 3-е отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи (состоящей подъ управленіемъ шефа жан-

---

[1]) Отвѣтъ Танѣева отъ 6 октября № 1,484.
[2]) Отношеніе Танѣева отъ 25 сентября.
[3]) Отношеніе генералъ-губернатора отъ 6 октября № 1,057.

дармовъ). Вслѣдъ за симъ исходатайствовано повелѣніе объ удаленіи епископа Иринарха изъ Риги. Для высылки его командированъ былъ отъ оберъ-прокурора синода особый чиновникъ Скрипицынъ, онъ явился къ преосвященному Иринарху и вручилъ пакетъ отъ синода. Преосвященный принялъ его молча и по прочтеніи тотчасъ сказалъ. «я готовъ; когда мы выѣзжаемъ»? — Когда будетъ угодно вашему преосвященству — «Это зависитъ отъ васъ, когда вы меня повезете»? Слова эти сказаны были имъ съ горечью. Г Скрипицынъ замѣтилъ ему, что надѣялся отъ него большаго къ себѣ довѣрія, что онъ не жандармъ, посланный для арестованія чиновника. «А развѣ не все равно возразилъ преосвященный, «разница только въ мундирѣ»

Генералъ-губернаторъ не соглашался выдать подорожную на имя преосвященнаго и приказалъ дать ее на имя чиновника, чтобы чрезъ то яснѣе высказать, что епископъ оставляетъ Ригу не по собственной волѣ. Г Скрипицынъ, который старался, для охраненія достоинства святителя, придать высылкѣ его видъ добровольной временной отлучки викарнаго епископа къ своему архіепископу, не принялъ ее и настоялъ на томъ, что подорожная была выдана на имя преосвященнаго Иринарха. Предвидя, что поѣздка епископа чрезъ губернію привлечетъ къ нему крестьянъ за благословеніемъ, а это будетъ представлено въ видѣ новаго возмущенія, г Скрипицынъ обратился къ генералъ-губернатору съ просьбою указать ему путь, по которому преосвященный можетъ безопасно прослѣдовать во Псковъ. баронъ Паленъ назначилъ путь черезъ Митаву и Вильну

Вывозъ русскаго архипастыря (12 окт. 1841 г.) изъ Риги произвелъ глубокое впечатлѣніе на крестьянъ, хотя еще никто изъ нихъ не былъ присоединенъ къ православію. Участіе, принятое архіереемъ въ ихъ положеніи, строгія запрещенія посѣщать его и безпощадное наказаніе тѣхъ, кто осмѣливался нарушить это запрещеніе, все это возбуждало сочувствіе къ нему въ крестьянахъ. Двое изъ нихъ пришли къ нему во Псковъ. Преосвященный, объяснивъ имъ, что онъ не можетъ имъ ни въ чемъ быть полезенъ, отослалъ къ губернскому начальству, которое въ губернскомъ правленіи спросило ихъ о причинѣ прихода во Псковъ. Они разсказали, что, неимѣя никакихъ средствъ къ дальнѣйшему существованію и не встрѣчая у себя никакого сочувствія, они пришли къ русскому архіерею, который одинъ въ Ригѣ оказывалъ къ нимъ участіе, просить помощи. Крестьяне были отосланы въ Ригу Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ не упустилъ сдѣлать своихъ замѣчаній на отвѣтъ преосвященнаго крестьянамъ и на допросъ ихъ въ псковскомъ губернскомъ правленіи и извлечь изъ того доказательство преступнаго участія епископа во всемъ волненіи крестьянъ[1]).

---

[1]) Отношеніе генералъ-губернатора отъ 28 ноября № 9833 и отношенія отъ 20 янв. 1842 г. №№ 14, 48 и 44.

Но министръ внутр. дѣлъ, при докладѣ государю этого обстоятельства, находилъ, что генералъ-губернаторъ углубляется въ мелочи и не хочетъ видѣть настоящей причины зла, что чувство стѣсненнаго положенія у крестьянъ всеобще. По мнѣнію графа Строганова, нужно было преслѣдовать зачинщиковъ безпорядка, но облегчить крестьянамъ способы продовольствія *негласнымъ для нихъ образомъ* и поспѣшить на ландтагѣ принятіемъ хотя временныхъ мѣръ, которыя бы можно было привести въ исполненіе къ веснѣ: докладъ министра былъ въ январѣ 1842 г — Государь совершенно соглашался съ графомъ Строгоновымъ. Его величество изволилъ находить, что заключенія барона Палена объ участіи епископа въ этомъ дѣлѣ „*даже смѣшны*“, что генералъ-губернаторъ „*вовсе не такъ дѣйствуетъ, какъ бы слѣдовало*“ и что „*надо будетъ вновь послать отъ графа Бенкендорфа, чтобы его вразумить*[1]).

На ландтагѣ 1842 г., послѣ шумныхъ преній, составлены были 77 пунктовъ въ видѣ дополненія къ положенію о крестьянахъ 1819 года: главнѣйшее улучшеніе заключалось въ неприкосновенности земли, отдѣленной въ пользованіе крестьянъ. Пункты эти были высочайше утверждены и могли бы облегчить положеніе крестьянъ, еслибы приведены были въ исполненіе. Но дворянство, вполнѣ увѣренное, что всякая попытка крестьянъ къ улучшенію своего быта будетъ подавлена силою правительства, не спѣшило обнародовать новаго законоположенія, а мѣстное начальство къ тому не побуждало: 77 пунктовъ остались для крестьянъ тайною.

Усмиривъ крестьянъ наказаніемъ многихъ изъ нихъ розгами, отдачею въ солдаты, ссылкою въ Сибирь, наказаніемъ сквозь строй, генералъ-губернаторъ принялъ всѣ мѣры къ отклоненію ихъ отъ желанія принять православную вѣру Онъ самъ ѣздилъ въ Дерптъ и Вольмаръ и лично дѣлалъ внушенія крестьянамъ; вмѣнилъ въ строгую обязанность земской полиціи бдительно наблюдать за сообщеніемъ крестьянъ съ эстляндской и псковской губерніями черезъ Чудское озеро, распорядился „объ удаленіи зачинщиковъ“ изъ ихъ обществъ[2]), даже требовалъ чтобы русскимъ крестьянамъ псковской губерніи, торгующимъ щетиною, было запрещено посѣщать Лифляндію[3]). Между тѣмъ въ Ригу прибылъ преосвященный Филаретъ, назначенный на мѣсто епископа Иринарха викаріемъ псковскаго архіепископа. Получивъ личныя наставленія отъ Государя и имѣя въ глазахъ примѣръ предшественника, онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства въ отношеніи иновѣрцевъ. Но двое крестьянъ венденскаго уѣзда

---

[1]) Высочайшая резолюція на всеподданнѣйшій докладъ министра внутр. дѣлъ отъ 20 января 1842 г.

[2]) Отношеніе генералъ-губернатора отъ 20 января 1842 г. № 91.

[3]) Отношеніе министра внутр. дѣлъ отъ 10 марта № 347

лично подали ему просьбу о причисленіи къ православной церкви, на что и имѣли право, такъ какъ высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ 1841 г флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ, разрѣшено было лифляндскимъ крестьянамъ присоединяться съ тѣмъ только, чтобы они не ожидали отъ того никакого улучшенія въ своемъ бытѣ. Пришедшіе крестьяне и не требовали никакихъ мірскихъ выгодъ. Несмотря на это, генералъ-губернаторъ немедленно предписалъ военному начальству быть въ готовности дѣйствовать по первому востребованію, и послалъ въ Венденъ для открытія виновныхъ по горячимъ слѣдамъ. Оказалось, что желающихъ принять православіе было больше, чѣмъ пришло въ Ригу; всѣ они наказаны розгами отъ 4 до 6 ударовъ[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторъ приказалъ, однако, напомнить крестьянамъ высочайшую волю, что принимать православную вѣру никому не воспрещается, и увѣдомилъ объ этомъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 ноября за № 1240.

Такъ прекращено было первое движеніе лифляндскихъ крестьянъ къ принятію православія, но не надолго. Оно возобновилось съ марта 1845 г

---

10. Мнѣнія и распоряженія прибалтійскаго генералъ-губернатора Головина по дѣламъ присоединенія лютеранъ въ Лифляндіи къ православію.

Мѣсто преосвященнаго Иринарха, оставившаго Ригу 12 октября 1841 г (см. Приб. Сб. Ш, 504), занялъ преосвященный Филаретъ (Гумилевскій), столь извѣстный своими учеными трудами, изъ которыхъ «Исторія русской церкви» составляетъ капитальное произведеніе нашей исторической литературы. Вотъ нѣкоторыя подробности о его службѣ до назначенія въ Ригу

Преосвященный Филаретъ, докторъ богословія, дѣйствительный членъ общества исторіи и древностей россійскихъ, копенгагенскаго общества древностей, почетный членъ императорскихъ университетовъ: харьковскаго и московскаго, археологическаго общества, духовныхъ академій: кіевской, петербургской и московской, родился 23 октября 1805 г , тамбовской губерніи, шацкаго уѣзда, въ деревнѣ Конобѣевкѣ. Отецъ его Григорій Гумилевскій былъ сельскимъ священникомъ

---

[1]) Донесеніе чиновника Штакельберга отъ 11 августа 1842 г. за № 995.

въ названной деревнѣ; младенцу во святомъ крещеніи нарекли имя Димитрія.

Дмитрій Гумилевскій свое первоначальное образованіе получилъ въ тамбовской семинаріи и въ 1826 г поступилъ для продолженія курса богословскихъ наукъ въ московскую духовную академію. Въ 1830 г онъ кончилъ здѣсь курсъ вторымъ магистромъ по списку седьмаго курса 1826 — 1830 г (первый курсъ московской духовной академіи былъ съ 1814 по 1818 г) былъ Александръ Нечаевъ, воспитанникъ московской семинаріи. До окончанія курса наукъ, именно 19 января 1830 года, онъ былъ постриженъ въ монашество, а по окончаніи курса опредѣленъ былъ въ московскую духовную академію баккалавромъ церковной исторіи. Въ 1831 — 33 годахъ онъ состоялъ баккалавромъ по классу чтенія св. писанія, потомъ нравственнаго и пастырскаго богословія. Съ 1 мая 1833 г Филаретъ былъ инспекторомъ академіи, а потомъ съ 14 декабря 1835 года и ея ректоромъ. Какъ архимандритъ онъ имѣлъ въ управленіи своемъ московскій богоявленскій монастырь.

Такимъ образомъ, всю молодость свою преосвященный Филаретъ провелъ въ московской духовной академіи. Въ описаніи празднованія пятидесятилѣтія московской духовной академіи, открытой 1 октября 1814 г во время управленія московскою каѳедрою архіепископа Августина, о преосвященномъ Филаретѣ замѣчено: «Докторъ богословія ректоръ Филаретъ оставилъ въ академіи воспоминаніе о себѣ, какъ о неутомимомъ дѣятелѣ въ области богословскихъ и церковно-историческихъ наукъ, какъ о многосторонне-образованномъ, весьма даровитомъ и глубоко-ученомъ наставникѣ. Книги были его пищею. Изучивъ основательно иностранную богословскую литературу, онъ первый ввелъ въ академическіе уроки духъ строгой разборчивости въ доказательствахъ, крѣпко ратовалъ противъ господствовавшаго тогда на западѣ неологизма и въ преподаваніе догматики внесъ историческій элементъ. Сверхъ занятій богословіемъ, по предмету котораго онъ составилъ полный курсъ лекцій, онъ находилъ время заниматься другими предметами учености и многое приготовилъ для своихъ будущихъ изданій: для ученія объ отцахъ церкви, исторіи пѣснопѣвцевъ греческой церкви и для исторіи русской церкви»

Высочайшимъ указомъ отъ 7 октября 1841 года преосвященный Филаретъ назначенъ епископомъ рижскимъ. Во епископа онъ былъ хиротонисанъ въ петербургскомъ казанскомъ соборѣ 22 декабря 1841 г

Преосвященный Филаретъ прибылъ въ Ригу 20 іюня 1842 г. и первые три года провелъ въ совершенномъ уединеніи, занимаясь своими учеными трудами и дѣлами по епархіи, но съ 1845 года ему пришлось дѣйствовать на томъ же поприщѣ, которое оказалось столь тернистымъ для его предшественника. Съ 1845 г начинается

огромное движеніе крестьянъ въ Лифляндіи къ православію. Какъ началось и шло это движеніе уже изложено въ предшествовавшемъ томѣ на стр. 507 — 514.

Не повторяя сказаннаго, здѣсь достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что это новое и притомъ обширное движеніе къ православію лифляндскаго лютеранскаго крестьянства побудило императора Николая Павловича смѣнить генералъ-губернатора барона Палена и назначить для управленія прибалтійскимъ краемъ генерала Головина 1-го. Въ 6-мъ пунктѣ инструкціи Головину предписывалось. принять мѣры, дабы, съ одной стороны, не было допускаемо подстрекательство къ переходу лютеранъ въ православіе, а съ другой устранено всякое противодѣйствіе сему, равно какъ притѣсненіе перешедшихъ.

Новый генералъ-губернаторъ прибылъ въ Ригу въ маѣ 1845 г въ самый разгаръ движенія. Ему, совмѣстно съ преосвященнымъ Филаретомъ, пришлось вѣдать дѣла присоединеній и вотъ что Головинъ по этимъ дѣламъ писалъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ отъ 10 февраля 1848 г по управленію краемъ съ мая 1845 г. по февраль 1848 годъ.

Первыя сѣмена христіанства этого края, коего значительная часть принадлежала въ XII стол. Новгороду, Пскову и княжеству Полоцкому, посѣяны были тогда же проповѣдниками восточной церкви. По свидѣтельству лѣтописца XVII в., Ѳомы Гіерна, псковскіе священники, пріѣзжавшіе сюда, дѣйствовали лишь убѣжденіемъ, не принуждая никого къ перемѣнѣ вѣры, тогда какъ нѣмецкіе крестоносцы послѣ нихъ водворяли католицизмъ мечемъ. Язычники мнимообращенные затаили ненависть къ нимъ, долго выражавшуюся страшнымъ обычаемъ класть топоръ въ могилу мертвецу, дабы онъ могъ этимъ орудіемъ мстить въ той жизни нѣмецкимъ угнетателямъ. Легкій переходъ въ протестантизмъ финновъ свидѣтельствуетъ о равнодушіи ихъ къ католицизму Онъ введенъ по распоряженію владѣльцевъ и почти безъ вѣдома народа, а потому послѣдній не питаетъ къ новому вѣроисповѣданію также привязанности, ни довѣрія къ пастырямъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія гернгутеры, тоже протестанты, но отличающіеся истинно христіанскою жизнію, явившись здѣсь, скоро привлекли къ себѣ значительное число крестьянъ, что вооружило на нихъ мѣстныхъ пасторовъ. Тамъ же, гдѣ находились православные храмы, латыши нерѣдко изъявляли большое сочувствіе къ обрядамъ нашей церкви. Наконецъ, въ 1841 году, цѣлыя толпы крестьянъ стали приходить къ епископу рижскому съ просьбами о присоединеніи ихъ къ православію. Къ сожалѣнію, стремленіе сіе соединилось съ другимъ, чисто мірскимъ и неосновательнымъ, домогательствомъ крестьянъ быть освобожденными отъ барщинныхъ повинностей къ помѣщикамъ и выселенными въ южные края Россіи. Видя невозможность разъединить въ понятіяхъ поселянъ эти два побужденія, и находя не-

обходимымъ, для поддержанія общественнаго спокойствія, отнять надежду на переселеніе, правительство прекратило вовсе пріемъ просьбъ о семъ дѣлѣ. Но въ 1845 г нѣсколько человѣкъ изъ гернгутерской общины принесли снова просьбу о присоединеніи ихъ къ православію, уже безъ всякихъ постороннихъ домогательствъ, присоединяя только желаніе, чтобы церковная служба была производима на латышскомъ языкѣ. Слухъ объ этомъ взволновалъ всѣ нѣмецкія сословія въ балтійскихъ губерніяхъ и побудилъ даже къ протестамъ. Ваше императорское величество, однако же, разрѣшили исполнить желаніе просителей, и православное богослуженіе на латышскомъ языкѣ открыто въ Ригѣ, и въ это именно время прибылъ къ своей должности генералъ Головинъ. Стремленіе къ православію распространилось сначала между крестьянами уѣздовъ рижскаго, вольмарскаго, венденскаго, валкскаго, потомъ дерптскаго и верровскаго, феллинскаго и перновскаго, а наконецъ на островахъ Эзелѣ и Монѣ. Правительство въ краѣ приняло многія чрезвычайныя мѣры, клонившіяся къ достиженію слѣдующихъ цѣлей: 1) къ устраненію въ крестьянахъ всякаго не религіознаго побужденія при переходѣ къ православіе. 2) Къ прекращенію насильственнаго удержанія отъ означеннаго перехода помѣщиками и пасторами. 3) Къ предупрежденію безпорядковъ и волненій въ слѣдствіе необыкновеннаго движенія въ народѣ. 4) Къ удержанію въ законныхъ предѣлахъ православнаго и протестантскаго духовенства, помѣщиковъ, судебныхъ и полицейскихъ инстанцій. 5) Къ устройству новой православной паствы въ Лифляндіи.

1.

Противодѣйствіе перемѣнѣ вѣроисповѣданія изъ мірскихъ выгодъ. Для сего обнародованы, по повелѣнію государя наслѣдника, 6-ть пунктовъ о семъ предметѣ изъ высочайшей секретной инструкціи генералу Головину А кто разглашаетъ несбыточныя ожиданія, тотъ подвергнется строгости законовъ, а злоумышленные предадутся военному суду Для предсѣдательства въ военно-судныхъ коммисіяхъ командированы были въ Лифляндію свиты вашего императорскаго величества генералъ-маіоръ Крузенштернъ и 4 флигель-адъютанта. Но, къ счастію, не было ни одного случая для таковаго суда. Во время поѣздки по губерніи, генералъ Головинъ тоже лично внушалъ поселянамъ, чтобы они не надѣялись отъ присоединенія къ православію ни какихъ житейскихъ выгодъ; то же повторялось и командированными чиновниками, и въ публикаціяхъ, съ угрозою, что утверждающіе противное подвергнутся неминуемо ссылкѣ въ Сибирь, и пр. При изъявленіи желанія къ православію отбирались подписки, что это происходитъ единственно по религіозному влеченію, съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ обязанностей къ помѣщикамъ. Записываніе производилось,

въ присутствіи священника, членомъ мѣстной земской, или городской полиціи, обыкновенно лютеранскаго исповѣданія. Послѣ изъявленія желанія продолжался 6-ти-мѣсячный срокъ для поступленія въ православіе, и никто не преслѣдовался, если не являлся послѣ того къ муропомазанію. Больше препятствій правительство не могло противопоставить. За то нѣмецкія сословія отклоняли крестьянъ проповѣдями, внушеніями, угрозами и затрудненіями въ выдачѣ билетовъ на отлучку, преслѣдованіемъ въ хозяйственномъ быту Но это-то именно и утверждало крестьянъ въ надеждѣ на улучшеніе положенія ихъ православіемъ, полагая, что съ успѣхами послѣдняго будетъ сопряжено нѣчто, непріятное для владѣльцевъ, а слѣдовательно, полезное для крестьянъ.

2.

Устраненіе насильственныхъ препятствій къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія. Правительство положительнымъ усиліемъ дворянъ и пасторовъ отклонить крестьянъ отъ перехода въ православіе противопоставляло только мѣры отрицательныя, обуздывавшія противозаконное стѣсненіе воли поселянъ, именно: публиковалось объ отвѣтственности за то, предписывалось не препятствовать, не отказывать въ билетахъ на отлучку и прочее.

3.

Предупрежденіе народныхъ волненій и безпорядковъ. Съ этою цѣлію предписано было удалять изъ Риги всѣхъ крестьянъ безъ билетовъ. записываніе желающихъ прекращено на всю рабочую пору 1845 г.; послѣ сего дважды публиковано не требовать разомъ билетовъ на отлучку къ священникамъ болѣе $^1/_{10}$ части всего рабочаго народонаселенія вотчины; не отлучаться безъ воли мызнаго начальства, и являться только къ ближайшему священнику; въ восточной же части губерніи, въ коей нѣтъ церквей, учреждена была походная церковь въ мѣстечкѣ Маріенбургѣ. По случаю скопленія народа въ Дерптѣ, Аренсбургѣ и Маріенбургѣ, приказано было, въ случаѣ безпорядковъ, распоряжаться военными способами, но, по безпримѣрной кротости народа, эти мѣры оказались ненужными, и даже казачій дивизіонъ атаманскаго полка, введенный осенью 1845 года въ губернію, вызванъ былъ оттуда назадъ въ слѣдующее лѣто.

4.

Прекращеніе произвола мѣстныхъ властей и частныхъ лицъ. Неоднократно притѣсненія дворянъ и пасторовъ, при переходѣ въ православіе, побуждали крестьянъ жаловаться священникамъ, кои препровождали просьбы епархіальному начальству, равно какъ и на при-

тѣсненія перешедшихъ уже въ православіе. Чтобы не подать повода къ вмѣшательству православному духовенству въ выгоды мѣстнаго дворянства и пасторовъ, запрещено священникамъ принимать жалобы на притѣсненія нѣмцевъ, а обращаться съ ними къ свѣтскому начальству, кромѣ случая, когда священникъ будетъ лично свидѣтелемъ того. Пасторы въ проповѣдяхъ позволили неприличные отзывы о православной церкви и правительствѣ, а также не позволяли погребать на лютеранскихъ кладбищахъ православныхъ. Послѣдняго рода поступки тотчасъ были устраняемы, но перваго повели къ изслѣдованіямъ, и уличенные подвергнуты взысканію. Помѣщики не допускали водворяться жить православнымъ священникамъ, и явно недоброжелательствовали къ перемѣнившимъ вѣру, даже угнетали ихъ барщиной, удаленіемъ отъ усадьбы, невыдачею продовольствія въ неурожайные годы. По высочайшему повелѣнію возложенъ былъ на отвѣтственность полиціи отводъ помѣщеній для временныхъ церквей и причта въ городахъ въ теченіе двухъ недѣль, а въ селеніяхъ одного мѣсяца. Что до угнетенія, то, по трудности юридически уличить притѣснителей, представлено было временно успокоить протестантскихъ помѣщиковъ и сдѣлать ихъ менѣе пристрастными къ крестьянамъ. Мѣстныя полицейскія и судебныя власти тоже недоброжелательно смотрѣли на это происшествіе, особенно преувеличивали въ донесеніяхъ о волненіи народа и угрожающей отъ того помѣщикамъ опасности. Мѣстныя консисторіи и под. т. позволяли себѣ иногда выходить изъ круга своихъ обязанностей и даже вмѣшиваться въ дѣла православной церкви. Замѣчалось пристрастіе нерѣдко при производствѣ мѣстными полиціями слѣдствій по дѣламъ перехода крестьянъ въ православіе, что принуждало генералъ-губернатора наряжать особыя слѣдственныя коммисіи и т. п. Для огражденія православныхъ крестьянъ отъ притѣсненій въ общинномъ ихъ управленіи, высочайше повелѣно: «Обществамъ, въ коихъ будетъ 4 православныхъ, имѣть въ приходскихъ судахъ по одному засѣдателю изъ послѣднихъ, а если $^1/_2$ или болѣе, то избирать изъ православныхъ же и предсѣдателей въ мірскіе суды, и для надзора за симъ учредить главное попечительство изъ генералъ-губернатора, епископа и губернскаго предводителя дворянства».

5.

Устройство православной паствы возложено было, первоначально на учрежденный въ Ригѣ комитетъ изъ мѣстнаго епископа, генералъ-губернатора и товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Къ 1-му января, 1848 г., считалось латышскихъ приходскихъ 33, эстонскихъ 39, всего 72. Изъ нихъ существовали сначала лишь на 9-ти пунктахъ. Денежныя средства къ сему дарованы правительствомъ, землю для храма, жилища священника и причта повелѣно отводить преиму-

щественно въ казенныхъ имѣніяхъ, а при необходимости произвести нарѣзку изъ городскихъ, или помѣщичьихъ, дачъ, и выдавать за это владѣльцамъ вознагражденіе. Выборъ мѣста для церкви возложенъ на генералъ-губернатора и рижскаго епископа, а надзоръ за постройкою въ возможно краткій срокъ, въ селеніяхъ для 250 и въ городахъ для 300 человѣкъ, на лифляндскую губернскую строительную коммисію. Избранію мѣста для храма нерѣдко противились помѣщики, хотя изъ нихъ. Гротъ графъ Ферзенъ и баронъ Менгденъ пожертвовали безвозмездно нужную для церкви землю. Нынѣ устроено уже 9-ть церквей. 1 также окончена, но не освящена, по недостатку вблизи дома для священника, 3 находятся въ постройкѣ; къ прочимъ еще не приступлено. Чтобы не оставить прихожанъ безъ исполненія духовныхъ требъ въ 53-хъ приходахъ, гдѣ донынѣ нѣтъ только постоянныхъ храмовъ, учреждены временныя церкви, снабженныя иконостасомъ и причтомъ. Для сего высочайше повелѣно: «занять подъ временныя церкви безплатно дома, выстроенные для воинскаго постоя». Въ казенныхъ имѣніяхъ отведено по одной десятинѣ для православныхъ кладбищъ; относительно же нарѣзки таковыхъ участковъ въ помѣщичьихъ дачахъ сдѣлано уже представленіе. Проектъ объ учрежденіи крестьянскихъ православныхъ школъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ, открыто же понынѣ школъ всего 15, вслѣдствіе недостатка помѣщенія для другихъ. Порядокъ для принятія изъявившихъ желаніе быть присоединенными къ православной церкви, окончательно утвержденъ вашимъ императорскимъ величествомъ въ январѣ 1846 г. Съ гражданской стороны вмѣнено въ обязанность присутствовать при этомъ либо членамъ ордынгсгерихта, либо приходскимъ судьямъ, или наконецъ, сельскимъ начальникамъ. Въ продолженіе 6-ти-мѣсячнаго срока разрѣшено крестьянамъ, для полученія назиданій, а приходскому духовенству для исполненія церковныхъ требъ, объѣзжать своихъ прихожанъ, и нынѣ уже безъ сопровожденія полицейскаго чиновника. Во время сихъ поѣздокъ пріемъ домогательствъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія вовсе воспрещенъ, но миропомазаніе, которое также не было дозволено прежде, теперь разрѣшено. Опредѣлено, что съ присоединеніемъ къ православной церкви отца, присоединяются, по просьбѣ родителей, и несовершеннолѣтнія дѣти до 6-ти мѣсячнаго срока. Содержаніе православнаго духовенства отнесено на счетъ правительства. Въ настоящее время между лифляндскими крестьянами, среди которыхъ, до 1845 года, почти вовсе не было православныхъ, считается православнаго исповѣданія: латышей 38,282, эстовъ 68, 180, и того 100,462 души. Событіе это, радостное для православной церкви, важное не для одного балтійскаго края, но и въ государственномъ отношеніи, и которое, наконецъ, составитъ, вмѣстѣ съ возсоединеніемъ уніятовъ, одну изъ замѣчательныхъ и едва ли не безпримѣрныхъ страницъ въ исторіи, совершалось безъ всякихъ под-

стрекательствъ, съ строгимъ соблюденіемъ законности и безъ нарушенія общественнаго спокойствія.

Въ объяснительной запискѣ къ этимъ статьямъ Головинъ изложилъ слѣдующія свои мнѣнія

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ по управленію балтійскимъ краемъ подробно объяснено, что въ движеніи лифляндскихъ крестьянъ, а тѣмъ болѣе къ возбужденію ихъ перемѣнить вѣру, въ мое время ни власть свѣтская, ниже православно-духовное начальство, сколько то извѣстно, по самымъ тщательнымъ розысканіямъ, ни мало не содѣйствовали. Что, напротивъ того, къ отклоненію ихъ отъ сего сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ законъ допускаетъ, и употреблены всѣ средства, кромѣ рѣшительнаго запрещенія. Учрежденіе въ Ригѣ православной епископской каѳедры, а также распоряженіе, чтобы въ псковской семинаріи студенты обучались языкамъ латышскому и эстляндскому, переводъ на эти языки церковныхъ нашихъ книгъ, все это происходило гораздо прежде назначенія меня генералъ-губернаторомъ балтійскаго края.

Что же до меня касается, то я, какъ русскій, не могъ не желать, чтобы всѣ природные жители балтійскаго нашего края, латыши и эсты, которыхъ я нашелъ гораздо готовѣе къ принятію православія, чѣмъ ожидать можно было, соединились вѣроисповѣданіемъ съ народомъ русскимъ, но какъ генералъ-губернаторъ края, я этого не желалъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что ни правительство наше, ни самое духовенство, не были еще готовы къ такому рѣзкому перелому въ цѣломъ политическомъ и религіозномъ быту этого края, а во вторыхъ, не трудно было предвидѣть, что это крайне встревожитъ два главнѣйшія въ краю сословія: дворянство и протестантское духовенство, не изъ усердія къ своему вѣроисповѣданію, а по другимъ немаловажнымъ причинамъ, о которыхъ упомянуто будетъ ниже. А потому съ самаго еще начала я предлагалъ, въ представленной отъ меня запискѣ, пріостановить въ Лифляндіи присоединеніе крестьянъ къ нашей церкви. Но представленіе мое не было признано уважительнымъ, и лифляндскіе крестьяне, пользуясь данною имъ свободою, начали являться тысячами съ изъявленіемъ желанія принять православіе, не взирая на всѣ затрудненія, съ которыми переходъ этотъ сопряженъ постановленными условіями.

Между тѣмъ въ высшемъ кругу столицы распространилось мнѣніе, что крестьяне въ Лифляндіи возбуждаются къ переходу въ русскую вѣру обѣщаніями мнимыхъ выгодъ, какъ то: надѣленія землями, освобожденія отъ повинностей противъ помѣщиковъ, переименованія ихъ въ государственные, и другими обольстительными надеждами; что крестьяне, вслѣдствіе такихъ подстрекательствъ, выходятъ изъ повиновенія и русскими священниками возбуждаются къ непови-

новенію господамъ своимъ, и пр. Такіе ложные слухи даютъ жалобамъ лифляндскаго дворянства нѣкоторую основательность и оправдываютъ негодованіе ихъ на дѣйствіе правительственной власти. Оно дѣлаетъ невозможнымъ всякое покушеніе представить возникшее между остзейскими крестьянами желаніе принять русскую вѣру въ настоящемъ его видѣ. Надобно хорошо знать отношенія крестьянъ въ этомъ краѣ къ своимъ помѣщикамъ (вотчинникамъ), чтобъ понять настоящія причины такого необыкновеннаго религіознаго движенія, какое обнаружилось между первыми въ послѣднее время.

Въ балтійскихъ губерніяхъ нашихъ существуютъ три различныя національности: къ первой принадлежатъ коренные обитатели края, латыши и эсты, составляющіе самое многочисленное племя; къ другой нѣмцы, водворившіеся въ краю силою оружія; и наконецъ, къ третьей русскіе, поселившіеся тамъ большею частію уже послѣ покоренія края скипетру россійскому

Изъ сихъ трехъ національностей первая, какъ принадлежность самаго многочисленнаго въ краю племени, должна была бы первенствовать, но, по водвореніи тамъ нѣмцевъ, она сдѣлалась удѣломъ почти однихъ только земледѣльцевъ, крестьянъ, и среди порабощенія, коему сіи послѣдніе подверглись въ теченіи столькихъ вѣковъ, сохранила существованіе свое между ними, какъ печать крайняго униженія, подъ общимъ у насъ названіемъ чухны.

Вторая, нѣмецкая, заключаетъ въ себѣ дворянство, духовенство и городскихъ жителей и составляетъ господствующій въ краѣ элементъ, какъ по степени образованія членовъ своихъ, такъ и по пространству власти, которую она пріобрѣла, частію сословными правами своими, а еще болѣе долговременностію дѣйствія своего и укоренившихся обычаевъ.

Третья національность, русская, она является въ балтійскомъ краѣ, какъ вѣтвь огромнаго дерева, распространившаго корни свои отъ Вислы до Берингова пролива и отъ Ледовитаго моря до Чернаго, но которая, будучи чужда краю, скоро бы изсохла, если бы не питалась жизненнымъ сокомъ огромнаго своего стебля.

Среди сихъ различныхъ въ балтійскомъ краю національностей, національность туземныхъ племенъ, подавленная подъ бременемъ чужеземнаго владычества и въ теченіи столькихъ вѣковъ отвергаемая властителями своими, нѣмцами, пробудилась въ послѣднее время въ стремленіи своемъ слиться съ русскою національностію въ русско-религіозномъ элементѣ. Таково чувство родоваго племени, что латыши и эстонцы, доведенные, въ отношеніи политическаго своего быта, до крайняго уже ничтожества, при всемъ своемъ невѣжествѣ, оживились надеждою выйти изъ своего уничиженія къ мощному корню русскаго племени. Былолибъ справедливо возбранить имъ это?

Возникшее, такимъ образомъ, стремленіе латышей и эстовъ къ перемѣнѣ вѣры представляетъ въ исторіи балтійскаго нашего края замѣчательное событіе.

Здѣсь дворянство старается удержать за собою преобладаніе надъ туземными племенами, съ которыми оно, по освобожденіи крѣпостнаго состоянія, нравственно соединено одною только религіею, а съ другой является закоренѣлая вѣками ненависть сихъ послѣднихъ къ своимъ господамъ, потомкамъ суровыхъ завоевателей края, и усиліе ихъ разорвать эту связь, въ надеждѣ освободиться чрезъ то отъ чужеземнаго владычества, которое, даже послѣ дарованія крестьянамъ личной свободы, не утратило насильственнаго своего начала. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на домашній бытъ крестьянъ въ губерніяхъ лифляндской и эстляндской; курляндскіе крестьяне въ гораздо лучшемъ положеніи. Все это, впрочемъ, прикрыто большимъ систематическимъ порядкомъ и, будучи облечено юридическими формами, сохраняетъ безмолвное спокойствіе и благовидную наружность. А такъ какъ все управленіе земской полиціи находится въ рукахъ того же дворянства, имѣющаго въ виду однѣ только выгоды своего сословія, то крестьянамъ прегражденъ всякій путь къ жалобамъ на претерпѣваемыя ими отъ землевладѣльцевъ угнетенія и несправедливости. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи латыши и эсты возъимѣли надежду, что принявъ вѣру русскаго царя[1]), они откроютъ себѣ дорогу къ облегченію въ своей участи и въ русскихъ священникахъ найдутъ защиту, которой не находили въ нѣмецкихъ пасторахъ по отношеніямъ своимъ къ нимъ тѣхъ же почти помѣщиковъ. Вотъ истинная причина, возбудившая въ природныхъ жителяхъ Лифляндіи такое сильное и всеобщее стремленіе перемѣнить вѣру, стремленіе котораго никакія чуждыя подстрекательства не были бы въ состояніи произвести.

И такъ, если устранить выше упомянутыя мною предубѣжденія на счетъ мнимыхъ происковъ обольщеніемъ заманить лифляндскихъ крестьянъ въ лоно русской церкви, то предметъ этотъ болѣе политическій, чѣмъ религіозный, подлежать будетъ вопросамъ весьма простымъ, а именно: 1) Въ правѣ ли лифляндскіе крестьяне, освобожденные отъ крѣпостнаго состоянія, переходить добровольно изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ православное? 2) Въ правѣ ли дворяне, остзейскіе помѣщики, воспрещать имъ переходъ этотъ и преслѣдовать оный, какъ преступленіе, подъ предлогомъ, что крестьяне побуждаются къ перемѣнѣ вѣры не по чисто религіозному чувству? 3) Въ правѣ ли власть правительственная предоставить латышамъ и эстамъ

---

[1]) Они называютъ православное вѣроисповѣданіе русскою вѣрою, такъ какъ вѣроисповѣданіе лютеранское называютъ нѣмецкою вѣрою.

Прим. Головина.

балтійскаго края свободу перехода изъ лютеранскаго въ господствующее въ Россіи православное вѣроисповѣданіе на общихъ узаконеніяхъ? И наконецъ, 4) Слѣдуетъ ли допустить, въ видахъ государственныхъ переходъ этотъ, или же остановить оный, какъ потрясеніе, нарушающее спокойствіе всего нѣмецкаго въ балтійскихъ нашихъ губерніяхъ сословія, сословія, въ которомъ сосредоточивается общественная и умственная дѣятельность края?

Не касаясь первыхъ трехъ вопросовъ, я ограничусь разсмотрѣніемъ только послѣдняго.

Остзейское дворянство и пасторы, въ негодованіи своемъ на открывшееся въ народѣ стремленіе перемѣнить вѣру, утверждаютъ, что оно не чисто религіозное, и ставятъ, между прочимъ, и правительству, и русскому духовенству, въ упрекъ, что латыши и эсты присоединяются къ православной церкви, не будучи пріуготовлены и обучены предварительно въ ея догматахъ. Но гдѣ же и когда массы народныя пріуготовлялись систематически къ перемѣнѣ вѣроисповѣданія? Обращеніе природныхъ жителей остзейскаго края въ христіанство, и потомъ переходъ ихъ изъ римско-католическаго въ протестантское вѣроисповѣданіе, конечно, не могутъ служить образцомъ въ этомъ отношеніи.

Въ подтвержденіе же распространенныхъ слуховъ, будто лифляндскіе крестьяне въ мое время привлекались къ переходу въ православіе обольщеніями, противная сторона приводитъ то обстоятельство, что послѣ меня переходъ остановился. Но онъ остановился уже въ послѣднее время и моего управленія краемъ, когда крестьяне увидѣли, что положеніе перешедшихъ въ русскую вѣру сдѣлалось гораздо хуже прежняго. Если же, не взирая и на самыя невыгоды, ихъ ожидающія, переходъ до сихъ поръ еще продолжается, хотя въ самомъ маломъ числѣ, то это можетъ послужить свидѣтельствомъ, что крестьяне переходятъ въ православіе по собственному побужденію, и даже не изъ видовъ мірскихъ, гораздо болѣе, чѣмъ послѣдовавшая остановка въ переходѣ доказываетъ противное тому[1]).

Допуская, впрочемъ, что не чисто религіозное чувство побуждаетъ ливонскихъ крестьянъ къ перемѣнѣ вѣры, нельзя, однако же, отвергать, что символическіе обряды православной церкви, благолѣпіе нашихъ храмовъ и самое богослуженіе говорятъ чувствамъ простаго народа болѣе, чѣмъ обнаженныя стѣны церквей протестантскихъ и ученыя проповѣди ихъ пасторовъ. Не рѣдко случалось и прежде, что крестьяне въ домашнихъ нуждахъ своихъ и несчастіяхъ, вмѣсто того, чтобъ обращаться къ пасторамъ, искали утѣшенія у русскихъ свя-

[1]) По свѣдѣніямъ за первыя двѣ трети 1849 г. по лифляндской губерніи присоединилось изъ протестантскаго вѣроисповѣданія къ православному всего 497 душъ.

щенниковъ, служили украдкою молебны, просили окроплять жилища ихъ святою водою и проч. Пусть будутъ только устранены условія, затрудняющія переходъ ливонскихъ крестьянъ въ православіе[1]), и присоединеніе къ нашей церкви допущено будетъ на основаніи законныхъ постановленій, тогда окажется, что стремленіе это между природными жителями балтійскаго нашего края не есть частное и обольщеніями возбужденное; можно поручиться, что тогда не только крестьяне лифляндской губерніи, но эстляндской, и даже курляндской, захотятъ перейти въ русскую вѣру

Но если не чисто религіозное чувство влечетъ остзейскихъ крестьянъ къ перемѣнѣ вѣры, то и не усердіе къ своему вѣроисповѣданію, какъ я уже сказалъ выше, заставляетъ и нѣмецкое сословіе столь упорно противиться этой перемѣнѣ. Здѣсь религія служитъ только средствомъ къ удержанію латышей и эстовъ въ чужомъ для нихъ элементѣ; ибо перемѣна религіи ни сколько не измѣнила бы отношеній крестьянъ къ господамъ, ихъ вотчинникамъ, ни мѣстнаго образа управленія краемъ. Дворянство балтійскаго нашего края германскаго происхожденія всемѣрно старается сохранить свою національность. оно этого не скрываетъ да и скрывать причины не имѣетъ. Это никогда не препятствовало членамъ онаго занимать высшія въ государствѣ мѣста и, по степени образованія своего, служить на военномъ[2]) и гражданскомъ поприщѣ сравнительно въ гораздо большемъ числѣ, а весьма часто и съ большимъ отличіемъ, нежели русское дворянство. Но, не довольствуясь сохраненіемъ національности въ своемъ сословіи, остзейское дворянство хочетъ, чтобы и весь балтійскій край сохранилъ нѣмецкій характеръ, хотя природные жители онаго ничего общаго съ германскимъ происхожденіемъ не имѣютъ, и все это на тотъ конецъ, чтобы не утратить, до сихъ поръ еще продолжающагося, почти безотчетнаго, господства своего въ этомъ краю, господства, которое лифляндское дворянство въ послѣднее время ищетъ распространить даже на самое религіозное чувство коренныхъ уроженцевъ края, въ которыхъ оно привыкло видѣть рабовъ своихъ.

Эта вѣковая привычка располагать туземцами, какъ собственностію, причиною, что остзейскіе помѣщики смотрятъ на переходъ крестьянъ своихъ въ русскую вѣру, вопреки ихъ воли, какъ на возмущеніе противъ ихъ власти, и, можетъ быть не совсѣмъ безъ осно-

---

[1]) А именно: что каждый, изъявляющій желаніе перейти въ русскую вѣру, не ищетъ при этомъ никакихъ житейскихъ выгодъ, и что показаніе это сдѣлано въ присутствіи ихъ засвидѣтельствованіемъ одного изъ мѣстныхъ начальниковъ лютеранскаго исповѣданія, а главное 6-ти-мѣсячный срокъ, постановленный въ Лифляндіи, между изъявленіемъ желанія и окончательнымъ присоединеніемъ желающаго.

[2]) Во время 7 лѣтней войны, послѣ столь дорого пріобрѣтенной нами побѣды надъ пруссаками подъ Эгерсдорфомъ, не было почти въ Лифляндіи и Эстляндіи дворянскаго семейства, которое не оплакивало кого нибудь изъ своихъ членовъ.

ванія опасались, чтобы, при такомъ сильномъ народномъ движеніи, какое открылось въ Лифляндіи въ 1845 и 1846 годахъ, не обнаружились между послѣдними порывы дерзости и своеволія. Сіе послѣднее дѣлается отчасти понятнымъ, когда принять въ разсужденіе, что другія племена, подвергшіяся германскому владычеству, отчасти обязаны повелителямъ своимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторою степенью умственнаго и гражданскаго образованія. между тѣмъ какъ латыши и эсты, со времени порабощенія своего, остаются и донынѣ почти въ томъ же полудикомъ и униженномъ состояніи, какъ были за нѣсколько столѣтій передъ симъ, и съ тѣми же горькими воспоминаніями, изъ рода въ родъ передаваемыми. По счастью, опасеніе это оказалось напраснымъ; ибо сборища крестьянъ, толпившихся тысячами у дверей православныхъ священниковъ въ ожиданіи записки ихъ въ число желающихъ присоединиться къ русской церкви, не были поводомъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, а тѣмъ меньше къ какимъ либо покушеніямъ противъ личной безопасности помѣщиковъ.

И такъ, дабы балтійскій край оставался подъ вліяніемъ господствующей въ ономъ нѣмецкой національности тамошнему дворянству остается нынѣ одно средство: не допустить, чтобы крестьяне, перемѣнивъ вѣру и соединясь, въ религіозно-русскомъ элементѣ, съ русскимъ народомъ, расторгли, какъ я сказалъ, единственную связь, соединяющую ихъ съ нѣмецкимъ населеніемъ края, которое составляетъ едва 11-ю часть всѣхъ жителей онаго[1]). Это очевидно обратилось бы въ ущербъ господствующему тамъ нѣмецкому элементу, сдѣлавъ нѣмцевъ пришельцами между инородными и имъ совершенно чуждыми племенами. Нельзя отрицать, что такой переворотъ измѣнилъ бы положеніе цѣлаго края. Пасторы особенно подвергнулись бы чрезъ это конечному разоренію, потерявъ главнѣйшій источникъ доходовъ своихъ; ибо нельзя допустить, чтобы крестьяне, принявшіе православіе, продолжали исполнять повинности въ пользу лютеранскихъ церквей. Такимъ образомъ и сіи послѣдніе пришли бы въ конечный упадокъ, по тому что однѣ нѣмецкія общины не были бы въ состояніи поддерживать оныя въ настоящемъ числѣ. Самое протестантство въ балтійскомъ нашемъ краю потерпѣло бы ущербъ, отъ котораго оно никогда бы не оправилось.

Послѣ всего, здѣсь изложеннаго, нужно ли объяснять, почему лифляндское дворянство употребило всѣ средства и усилія, чтобъ подавить открывшееся въ послѣднее время между природными жителями края стремленіе перейти въ русскую вѣру[2]). Не довольствуясь

---

[1]) По статистическимъ свѣдѣніямъ нѣмецкое населеніе въ Лифляндіи относится къ числу латышей и эстовъ какъ 1 къ 13.

[2]) Если здѣсь помѣщики, будучи лютеране, имѣютъ причины удерживать кресть-

тѣми препятствіями, которыми само правительство затруднило въ Лифляндіи переходъ этотъ, хотя законъ допускаетъ самую даже пропаганду въ пользу господствующей въ Россіи церкви[1]), помѣщики и пасторы начали открыто преслѣдовать изъявлявшихъ желаніе перемѣнить вѣру, и между тѣмъ какъ первые давали имъ чувствовать негодованіе свое угрозами и даже наказаніями, послѣдніе притѣсняли ихъ въ приказахъ своихъ, воспрещая имъ хоронить покойниковъ на лютеранскихъ кладбищахъ и проч. Самая милостыня, поданная рукою русскаго латышу, или эстонцу, не только принявшему уже православіе, но даже лютеранину, бывала поводомъ къ доносу въ умыслѣ склонять крестьянъ къ православію подкупомъ. Однимъ словомъ въ эту эпоху народнаго колебанія церковь православная въ Лифляндіи подверглась почти такому же гоненію, какое она терпѣла въ XVI и XVII вѣкахъ отъ поляковъ подъ вліяніемъ римско-католическаго духовенства, съ тою только разницею, что тамъ заставляли русскій народъ силою переходить изъ православнаго вѣроисповѣданія въ римско-католическое, а здѣсь не допускаютъ его принимать православіе и заставляютъ по неволѣ оставаться въ лютеранствѣ. Но поляки побуждались тогда подлиннымъ чувствомъ религіознаго фанатизма, и при томъ дѣйствовали согласно съ видами правительства. тогда какъ въ Лифляндіи дворянство открыто противиться силѣ закона. не воспрещающаго латышамъ и эстамъ добровольно переходить въ лоно нашей церкви, и употреблять лютеранство, какъ средство только. дабы удержать тѣхъ и другихъ подъ господствомъ нѣмецкой своей національности.

Среди такого религіозно-политическаго волненія, главное мѣстное начальство, до котораго со всѣхъ сторонъ стали доходить жалобы на претерпѣваемыя крестьянами гоненія и притѣсненія, не могло не принять ихъ подъ свою защиту А такъ какъ въ слѣдствіяхъ, почти единственно по этимъ только дѣламъ возникавшихъ, нельзя было положиться на безпристрастіе земской полиціи, то надобно было всякій разъ почти производить оныя посторонними лицами. Это породило между господствующимъ нѣмецкимъ сословіемъ сначала негодованіе, потомъ ненависть и интриги противу правительственной власти, сопровождаемыя даже клеветами всякаго рода. Послѣдовавшее за тѣмъ отозваніе меня отъ начальства балтійскимъ краемъ было для лифляндскаго дворянства и для рижскаго магистратскаго сословія полнымъ торжествомъ, которому тѣ и другіе предавались открыто. Такимъ об-

---

янъ отъ перехода въ русскую вѣру, то нельзя оправдать подобныхъ же усилій со стороны управленій въ имѣніяхъ, принадлежащихъ русскимъ помѣщикамъ, какъ напр., графа Шереметева.

[1]) Свода законовъ томъ XIV ст. 92 о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій противъ вѣры.

разомъ, кромѣ уже дѣлъ о православіи, и всѣ тѣ, кои при мнѣ начаты по другимъ частямъ управленія въ Лифляндіи, и коихъ разсмотрѣніе, стоившее большаго труда, вело къ открытію важныхъ запущеній и злоупотребленій, подвергаются той же участи, какой подверглись труды всѣхъ прежнихъ ревизій края, т. е., остаться безъ послѣдствій.

Обращаясь за симъ къ нѣмецкой національности, нельзя не согласиться, что остзейское дворянство и городскія сословія, имѣютъ причины дорожить ею: она дѣлаетъ ихъ членами многочисленнаго германскаго семейства въ Европѣ и съ давняго времени участниками въ успѣхахъ просвѣщенія, хотя благодѣяній сего послѣдняго они, въ продолженіи столькихъ вѣковъ владычества своего въ балтійскомъ краѣ, не хотѣли, какъ уже замѣтилъ, изъ собственныхъ видовъ, распространить между коренными жителями края, латышами и эстами. Не только остзейскому нѣмцу по религіи, языку и обычаямъ соединившемуся съ западнымъ элементомъ, но и русскому, у котораго дѣйствіе этого элемента охлаждается любовію къ своему отечеству и ко всему родному, не легко спуститься къ грубой русской стихіи, когда онъ одинъ разъ уже вкусилъ преимущество европейской образованности, со всѣми умственными и матеріальными ея наслажденіями; а потому не должно удивляться, если одноплеменное съ западною Европою дворянство въ балтійскомъ краѣ страшится, чрезъ распространеніе русской вѣры, быть окружену на своей родинѣ религіозно-русскимъ элементомъ, со всѣми отвергаемыми протестантствомъ учрежденіями и обрядами нашей церкви, элементомъ, къ которому оно не только ни какого сочувствія имѣть не можетъ, но котораго оно болѣе чѣмъ чуждается.

Но признавая все, что западно-европейской элементъ въ отношеніи умственныхъ и матеріальныхъ успѣховъ своихъ имѣетъ превосходнаго надъ русскимъ, нельзя, однакожъ, отвергать, что сей послѣдній составляетъ могущество Россіи; что, недоступная для чужеземнаго просвѣщенія и варварствомъ честимая, грубая его оболочка служила ему до сихъ поръ защитою отъ ядовитаго дыханія запада и не допускала демагогическимъ началамъ проникнуть въ народныя наши массы. Подъ этою корою теплится въ народѣ русскомъ непритворное чувство преданности къ власти самодержавной и благоговѣнія къ священному лицу земнаго царя, между тѣмъ какъ прикосновеніе къ европейскому элементу классовъ болѣе образованныхъ не осталось и у насъ безвреднымъ. Излишнимъ считаю распространяться въ объясненіяхъ, на чемъ основано заключеніе мое, такъ какъ и указывать на послѣднія событія въ Европѣ.

Не будучи, однако, поборникомъ грубаго невѣжества, ни врагомъ нѣмецкой націи, а тѣмъ менѣе остзейскаго дворянства, которое, въ отношеніи своемъ къ лицамъ, имѣетъ полное право на мое ува-

женіе, я излагаю здѣсь только мнѣніе мое на счетъ внутренняго положенія балтійскаго края и господствующаго въ немъ духа провинціализма. Заключенія мои по сему предмету основаны на трехлѣтнемъ моемъ тамъ управленіи, среди борьбы двухъ различныхъ стихій, борьбы со стороны нѣмецкаго сословія отчаянной.

За симъ, удерживаясь съ моими заключеніями, я предоставляю лицамъ, опытнѣйшимъ меня въ наукѣ государственнаго управленія, рѣшить, что полезнѣе въ видахъ государственныхъ и политическихъ. предоставить ли въ балтійскомъ краѣ свободу природнымъ жителямъ онаго, латышамъ и эстамъ, переходить въ лоно православной церкви, на основаніи общихъ постановленій, и чрезъ то соединить ихъ съ русскимъ элементомъ; или же, по причинамъ выше приведеннымъ, затрудняя переходъ этотъ, удержать ихъ въ протестантскомъ вѣроисповѣданіи, къ которому они являются, впрочемъ, болѣе, чѣмъ равнодушными, а чрезъ религію и подъ господствомъ чужеземнаго элемента, Россіи постоянно неблагопріятствующаго, если это въ общихъ государственныхъ видахъ, для единства россійской имперіи, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, ничего вреднаго не представляетъ[1])? Напрасно остзейское дворянство въ допущеніи крестьянъ перемѣнить религію хочетъ видѣть нарушеніе дарованныхъ оному привиллегій, и выставить какъ бы воздвигнутое противу лютеранской вѣры гоненіе. Если правительство является здѣсь снисходительнымъ къ которому нибудь изъ двухъ вѣроисповѣданій, то по мѣрамъ, о которыхъ упомянуто выше, конечно, скорѣе къ протестантскому, чѣмъ къ православному

Если бы когда нибудь нѣмецко-демократическій элементъ успѣлъ вторгнуться въ наши остзейскія губерніи, что, по настоящему положенію сосѣдственной намъ Германіи, нельзя считать не возможнымъ, то для тамошняго дворянства можетъ быть менѣе предстояло бы опасности отъ латышей и эстовъ, перешедшихъ, чрезъ принятіе православія, подъ вліяніе русскаго элемента, чѣмъ отъ соплеменниковъ ихъ, оставшихся въ лютеранствѣ, когда они въ религіозной связи съ господами своими видятъ залогъ своего униженія и препятствіе къ улучшенію своего быта. Придетъ, можетъ быть, время, когда высшія нѣмецкія въ остзейскомъ краѣ сословія жалѣть будутъ, что держали край этотъ подъ господствомъ чуждаго элемента, въ отдаленіи отъ Россіи, не взирая на то, что выгодами существованія своего они обязаны покровительствующей ихъ силѣ не съ Запада, а съ Востока[2]).

---

[1]) Полное собраніе законовъ томъ XXXII, № 25,308, именно указъ 13-го декабря 1813 года, данный рижскому военному губернатору о прощеніи нѣкоторыхъ курляндскихъ жителей.

[2]) Если принять въ разсужденіе, что единство религіи сближаетъ между собою

11. Учрежденіе рижской духовной семинаріи.

Когда въ 1845 г началось учрежденіе первыхъ сельскихъ приходовъ, то пришлось подумать и объ учрежденіи духовно-учебнаго заведенія.

Преосвященный Филаретъ, по прибытіи въ Ригу, нашелъ здѣсь небольшое духовное училище, помѣщавшееся въ бывшей цитадели, въ домѣ, принадлежавшемъ петропавловскому собору, устроенное для первоначальнаго образованія дѣтей мѣстнаго духовенства. Изъ училища этого воспитанники поступали для дальнѣйшаго образованія въ псковскую семинарію. Училище это было слишкомъ мало и слишкомъ неудовлетворительно, чтобы соотвѣтствовать нуждамъ даже городскаго православнаго духовенства, потому преосвященный Филаретъ въ 1843 году учредилъ въ Ригѣ особое духовное училище (оно было извѣстно подъ именемъ архіерейскаго, помѣщалось въ архіерейскомъ домѣ, противъ алексѣевской церкви), по учебной программѣ прочихъ духовныхъ училищъ, для начальнаго образованія дѣтей мѣстнаго духовенства и преимущественно малолѣтнихъ пѣвчихъ архіерейскаго хора, учрежденнаго по штату 1836 г Это училище (оно было закрыто въ 1852 году, послѣднимъ ректоромъ его былъ здравствующій по нынѣ, уважаемый протоіерей Ѳ. Н. Варницкій) все-таки никакъ не могло замѣнить учебнаго заведенія, какое, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, требовалось для нуждъ новоустрояемой православной ливонской церкви.

Преосвященный Филаретъ въ 1845 г. составилъ проектъ новаго учебнаго заведенія и представилъ его установленнымъ порядкомъ на высочайшее утвержденіе. Мысль преосвященнаго была такова: новое духовно-учебное заведеніе должно было подготовлять воспитанниковъ къ занятію священно-служительскихъ мѣстъ въ ново-учреждаемыхъ сельскихъ приходахъ рижскаго викаріатства. Но этого мало: чтобы основать учебное заведеніе со спеціально православно-богословскимъ характеромъ, надобно было поставить это заведеніе такимъ образомъ, чтобы оно служило и для укрѣпленія православія въ новоустрояемой церкви; слѣдовательно необходимо, чтобы воспитаники новаго учебнаго заведенія выходили изъ него людьми не только получившими хорошее богословское образованіе, но и хорошо знакомыми съ языкомъ, духовнымъ и бытовымъ строемъ тѣхъ племенъ, духовнымъ нуждамъ которыхъ имъ придется служить, а для этого преосвященный призналъ необходимымъ открыть доступъ въ учебное заведеніе дѣтямъ коренныхъ латышей и эстонцевъ, принявшихъ православіе.

народы разноплеменные, тогда какъ различіе вѣроисповѣданій раздѣляетъ народы даже одноплеменные, какъ, напр., поляковъ съ русскими, тогда уже не все равно, будутъ ли коренные жители балтійскаго нашего края, латыши и эсты, всего числомъ до 1.400,000, одной вѣры съ русскими, или останутся лютеранами.

Пусть новое учебное заведеніе служитъ одинаково для молодыхъ русскихъ, латышей и эстонцевъ. взаимное сближеніе разноплеменныхъ воспитанниковъ, при преподавательскомъ языкѣ русскомъ, весьма желательно, лишь бы только учебное и воспитательное дѣло находилось въ хорошихъ рукахъ.

Такова была основная мысль преосвященнаго Филарета. Покойный императоръ Николай Павловичъ вполнѣ одобрилъ предположеніе преосвященнаго и 11 февраля 1846 г высочайше повелѣть соизволилъ открыть въ Ригѣ 5-ти классное духовно-учебное заведеніе (съ 2-хъ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ) съ тѣмъ, чтобы учебная часть въ ономъ, не уклоняясь отъ главныхъ основаній духовныхъ семинарій и училищъ, была приспособлена къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ края, а также съ тѣмъ, чтобы въ каждый классъ оной было принято на казенное содержаніе по 10 мальчиковъ изъ дѣтей православно-русскаго духовенства и крестьянскихъ дѣтей православныхъ латышей и эстонцевъ. Полный комплектъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ былъ опредѣленъ такимъ образомъ въ 150 человѣкъ.

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія, новое учебное заведеніе предположено было такъ, чтобы воспитанники его имѣли возможность восходить отъ самыхъ первоначальныхъ предметовъ до высшаго семинарскаго курса, за тѣмъ, исключивъ преподаваніе греческаго (это была важная ошибка, замѣтимъ мимоходомъ), еврейскаго и др. неважныхъ предметовъ, обратить особенное вниманіе на изученіе мѣстныхъ языковъ. эстонскаго и латышскаго. Изъ иностранныхъ языковъ вводился языкъ нѣмецкій.

Новое учебное заведеніе (родоначальникъ нынѣшнихъ духовной семинаріи и духовнаго училища) не могло, однакоже, открыться въ 1846 г надобно было во 1-хъ отыскать и приспособить зданіе для помѣщенія училища (нанято близъ Верманскаго парка), а во 2-хъ призвать въ новую школу и учениковъ изъ крестьянскихъ деревень и усадебъ, учениковъ мало-мальски грамотныхъ и способныхъ (сельскихъ православныхъ школъ въ тѣ времена почти совсѣмъ не было). Преосвященному, въ его заботахъ объ открытіи училища, помогъ и сильно помогъ генералъ Головинъ, дѣятельно помогалъ также ближайшій сотрудникъ преосвященнаго рижскій протоіерей, отецъ Владиміръ Назаревскій.

Весь годъ прошелъ въ приготовленіяхъ; къ концу августа 1847 года всѣ избранныя дѣти для новаго учебнаго заведенія были на лицо (многимъ крестьянскимъ дѣтямъ изъ суммъ на содержаніе семинаріи пришлось выдать деньги на проѣздъ въ Ригу и на одежду— до такой степени были бѣдны ихъ родители).

1 сентября 1847 года, въ присутствіи генералъ-губернатора Головина и другихъ лицъ, между которыми видное мѣсто занимали

латыши и эстонцы — родные и знакомые избранныхъ въ училище мальчиковъ, торжество началось прочтеніемъ высочайшаго повелѣнія объ открытіи въ Ригѣ училища; за тѣмъ преосвященный Филаретъ лично отслужилъ молебенъ о преуспѣяніи новаго учебнаго заведенія. Съ 1 сентября 1847 г. начался первый учебный годъ новаго заведенія, открытіе котораго произвело сильнѣйшее впечатлѣніе между новоприсоединившимися къ православію латышами и эстонцами. Неслыханное и невиданное чудо: въ Ригѣ явилось учебное заведеніе, открытое для крестьянъ, въ которомъ учатъ по латышски и по эстонски!

Какъ разноплеменные мальчики учились русской разговорной рѣчи изложено въ «Рижск. Вѣстн.» (1869, ном. 45) однимъ изъ воспитанниковъ рижской семинаріи 1-го выпуска. Вотъ что разсказываетъ онъ.

Началось ученье обыковеннымъ порядкомъ. Мы обратимъ однако вниманіе читателей на двѣ — три особенности внѣ оффиціальнаго строя жизни въ открытомъ училищѣ. Сошлись мальчики изъ русскихъ, латышей и эстовъ, другъ друга рѣшительно не понимавшіе (за ничтожными исключеніями). Происходили оригинальныя сцены. Напр., ходятъ по училищному двору два мальчика, русскій и латышъ, то съ поднятыми вверхъ руками, то съ опущенными внизъ, то съ обращенными на принадлежности туалета и на разныя части тѣла и т. д., и т. д. Тутъ шло самобученіе: «Это какъ называется»? спрашиваетъ латышъ, указывая пальцемъ на то или другое. «Ведро, собака, крыша, жолобъ, ухо», и проч., отвѣчаетъ русскій. Въ свою очередь послѣдній спрашиваетъ «Kà to sauz? — Degguns, kakkis, swahrki», и проч., отвѣчаетъ латышъ. Такое же самообученіе происходитъ между группами мальчиковъ изъ русскихъ и эстовъ. — Проходитъ недѣля, другая, третья, — и вотъ крестьянскіе мальчики посягаютъ уже объясняться по русски: «Пицкоуйскій, тай васу» «Квасу нѣтъ», подразниваетъ комисаръ, — «напейся изъ пумпы» — «Самъ пей съ пумпа», сердито возражаетъ эстонецъ, — «пумпа вота колотна, тэлаетъ кх, кх, кх. — Проходитъ три, четыре, пять мѣсяцевъ, и между мальчиками начинаются взаимные разспросы, разсказы не лишенные интереса, — скажемъ болѣе — оставляющіе во впечатлительныхъ дѣтскихъ душахъ значительный слѣдъ, служившій основаніемъ для возбужденія интересовъ въ направленіи, которое какъ нельзя лучше пріурочивалось къ внутреннему смыслу учебно-воспитательнаго заведенія. Вотъ маленькій, кругленькій, бойкій мальчуганъ изъ подмосковской губерніи, бывшій и въ Москвѣ, взмостился на каѳедру и ведетъ разсказъ о видѣнныхъ имъ нетлѣнныхъ мощахъ, о «сорока сороковъ» московскихъ церквей, о богатствѣ ихъ, о московскихъ крестныхъ ходахъ, — о встрѣчѣ русскими государя, — о царь-пушкѣ, въ которой «совершенно свободно могутъ играть въ карты че-

ловѣкъ двадцать», — о царь-колоколѣ «въ двадцать тысячъ пудъ», — о деревенскихъ хороводахъ, о шумномъ масляничномъ катаньѣ, и проч., и проч. Латыши и эсты слушаютъ оратора просто съ благоговѣніемъ.

Латыши и эсты въ свою очередь, по закону противоположенія представленій, начинаютъ разсказывать о томъ, какъ, напримѣръ, въ одномъ храмѣ икона, писанная на холстѣ, перегнулась головой въ алтарь, оставивъ такимъ образомъ на другой сторонѣ туловище и ноги (предметъ какъ видите, очень сподручный для дешеваго остроумія извѣстному покрою людей), — разсказывали, какъ они дрались съ братьями изъ-за корки хлѣба, какъ спали на полѣньяхъ и соломѣ, — острили, что дома у нихъ «точь въ точь загнанныя клячи, которыхъ подъ гору толкаютъ на водопой», и т. под. — Такіе и подобные разсказы, повторявшіеся на первыхъ порахъ почти изо дня въ день, имѣли между прочимъ тотъ несомнѣнно важный результатъ, что между мальчиками не замѣчалось ни малѣйшей племенной разъединенности, напротивъ они инстинктивно понимали, что ихъ что-то такое связывало между собою все крѣпче. Это что-то впослѣдствіи ими осмысленное, было очень важно и... должно быть важно для православнаго дѣла въ прибалтійскомъ краѣ.

Жили въ тѣ времена, въ первые годы существованія духовнаго училища — такъ разсказывали намъ бывшіе нѣкогда воспитанники его — не очень приглядно: помѣщеніе было не казистое, кормили плохо и не очень сытно, держали мальчиковъ больше въ проголодь, хоть и отпускалось, по тогдашнему, на содержаніе не очень чтобы мало; одежда была плохая, да и чистота въ спальняхъ, въ бѣльѣ и пр. была также очень ужъ плохая. Лозы, однако не щадили, считая оную, по тогдашнимъ понятіямъ, необходимѣйшею принадлежностью ученья. Бывали и бѣгуны, какъ въ другихъ бурсахъ. Побѣги, однако, какъ и въ другихъ бурсахъ, ни къ чему не служили: бѣгуна приводили обратно, обильно угощали лозою и водворяли по прежнему Одинъ, впрочемъ, по фамиліи Г , какъ далъ стрѣчка въ 1850 г., такъ, говорятъ, и по сей день не отысканъ. Неизвѣстно отчего онъ попалъ въ бѣгуны: убоялся-ли премудрости и обратился вспять отъ лозы, или стосковался по роднымъ нивамъ, или по какимъ другимъ причинамъ.

Открытіе вновь сельскихъ приходовъ и устройство ихъ, начатое съ 1845 года, продолжалось въ лифляндской губерніи безостановочно, такъ что къ 1850 г въ рижскомъ викаріатствѣ (собственно въ лифляндскомъ и курляндскомъ) явилось уже 10 благочиній съ 108 церквами и 142,266 чел. прихожанъ. Викаріатство сдѣлалось уже столь обширнымъ, что сосредоточеніе въ однихъ рукахъ управленія имъ вмѣстѣ съ обширною псковскою епархіею влекло за собою большія неудобства. Вслѣдствіе этого было рѣшено учредить въ предѣ-

лахъ лифляндской и курляндской губерній самостоятельную рижскую епархію. Высочайшее повелѣніе о томъ состоялось 11 марта 1850 года, а 1 іюня, того же года, въ петропавловскомъ соборѣ въ Ригѣ торжественно праздновалось открытіе новой епархіи. Епископъ Платонъ былъ возведенъ, по этому случаю, въ санъ архіепископа рижскаго и митавскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ рижское духовное правленіе было упразднено; вмѣсто него была открыта рижская духовная консисторія по общему уставу 1840 года духовныхъ консисторій, рижское же духовное русско-латышско-эстское училище переименовано въ рижскую духовную семинарію.

По уставу названнаго училища, 1-й и 2-й классы онаго были общіе, училищные, съ открытіемъ же 3-го класса, имѣвшаго послѣдовать въ сентябрѣ 1851 г., долженъ былъ въ училищѣ начаться курсъ собственно семинарскихъ наукъ. По этой причинѣ, преосвященный Платонъ заблаговременно ходатайствовалъ утвержденіе какъ увеличеннаго штата семинаріи, такъ и открытіе семинарскаго правленія. Предположенія преосвященнаго Платона были высочайше утверждены 11 августа 1851 года; съ этого времени и начинается новая жизнь учебнаго заведенія, въ особенности же съ того времени, когда въ Ригу (28 сентября того же года) прибылъ изъ Полоцка архимандритъ Павелъ (Доброхотовъ), назначенный въ Ригу ректоромъ новой семинаріи. Семинарское правленіе составили: ректоръ, инспекторъ (іеромонахъ Іосифъ, нынѣ епископъ смоленскій), экономъ (учитель Петръ Покровскій), секретарь (учитель М. С. Святославскій), библіотекарь (учитель И. А. Шаховъ), а письмоводителями были назначены студенты псковской семинаріи Покровскій и Жемчужинъ. Учебныя занятія въ 3 классѣ распредѣлили такъ. ректоръ долженъ былъ преподавать православное исповѣданіе Петра Могилы; инспекторъ всеобщую исторію, секретарь — словесность и библіотекарь — математику Лекторами назначены: латышскаго языка — экономъ Петръ Покровскій, эстонскаго и нѣмецкаго Пароменскій и Виноградовъ.

Въ 1853 г былъ открытъ 4-й классъ (философскій) и прибыли два новые наставника: іеромонахъ Веніаминъ (Карелинъ, впослѣдствіи епископъ рижскій и митавскій) и И. Ѳ. Савиничъ. Въ 1855 году былъ открытъ послѣдній 5-й классъ (богословскій) и тогда же прибыли еще два новыхъ наставника: М. О Кояловичъ (нынѣ профессоръ въ Петербургѣ) и Н. Георгіевскій.

Первымъ ректоромъ, какъ сказано, былъ архимандритъ Павелъ (нынѣ олонецкій епископъ). Онъ пробылъ въ Ригѣ не болѣе 4-хъ лѣтъ, но его дѣятельность въ семинаріи была столь благотворна, въ отношеніи къ воспитанникамъ онъ явился такимъ заботливымъ, гуманнымъ и умнымъ руководителемъ, что всѣ бывшіе ученики его сохранили о немъ прекраснѣйшія воспоминанія. Требуя отъ наставниковъ неуклоннаго исполненія ихъ долга, врагъ излишняго формализма

и убійственной казенщины, еще большій врагъ бездѣйствія и апатіи ректоръ, отецъ Павелъ не щадилъ и самаго себя: онъ входилъ во всѣ мелочи семинарской жизни, слѣдилъ за успѣхами учениковъ съ рѣдкою тщательностію, не спускалъ, что называется, глазъ съ учебнаго заведенія. Для него экзамены были пустою формальностію, потому что онъ зналъ кто изъ воспитанниковъ въ чемъ и на сколько силенъ, въ чемъ и на сколько слабъ. Знатокъ исторіи вообще и русской въ частности, отецъ архимандритъ обращалъ особенное вниманіе, чтобы семинаристы хорошо знали отечественную исторію.

Если рижская семинарія, съ первыхъ же лѣтъ своего существованія, заняла далеко не послѣднее мѣсто въ ряду прочихъ семинарій, то этимъ, конечно, она обязана дѣятельности своего перваго ректора, архимандрита Павла, и дѣятельности первыхъ наставниковъ, служившихъ въ ней. И въ самомъ дѣлѣ, то были люди, замѣчательно преданные своему дѣлу, люди знавшіе свое дѣло, относившіеся къ нему съ тою любовію, безъ которой не мыслимъ успѣхъ учебнаго заведенія. Изъ школы архимандрита Павла и его сотрудниковъ-учителей вышли дѣльные наставники изъ туземцевъ, изъ числа которыхъ, особенно замѣчательны: Дрекслеръ, Крауклисъ, Руппертъ, Таммъ, Михкельсонъ, Суйгусаръ и др. Нѣкоторые изъ нихъ въ настоящее время священствуютъ въ сельскихъ приходахъ, продолжая педагогическую дѣятельность въ сельскихъ школахъ, и всѣ они своими познаніями, своею дѣятельностію приносятъ честь тому учебному заведенію, изъ котораго они вышли.

Архимандритъ Павелъ пробылъ въ Ригѣ недолго. Первый выпускъ окончившихъ курсъ семинаристовъ послѣдовалъ 15 іюля 1857 года уже при новомъ ректорѣ, бакалаврѣ петербургской духовной академіи, архимандритѣ Никанорѣ (нынѣ епископъ уфимскій). Но еще за годъ до того, двое лучшихъ воспитанниковъ 5-го курса: Алексѣй Орловъ (изъ коренныхъ русскихъ, нынѣ инспекторъ народныхъ училищъ въ латышскихъ уѣздахъ лифляндской губерніи) и Ѳедоръ Марудинъ (латышъ родомъ, былъ впослѣдствіи учителемъ русскаго языка въ Митавской гимназіи, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ) были отправлены для окончанія богословскаго образованія въ московскую духовную академію, а въ 1857 г. двое: Константинъ Невдачинъ (русскій) и Егоръ Тооцъ (эстонецъ) посланы въ петербургскую духовную академію.

Между тѣмъ, по отбытіи изъ Риги архимандрита Павла, въ жизни рижской семинаріи послѣдовала такого рода перемѣна, которая коснулась существа основной мысли, съ которою преосвященный Филаретъ вызвалъ къ жизни русско-латышско-эстонское духовное училище. Говоримъ о воспрещеніи съ 1858 г принимать въ рижскую духовную семинарію латышскихъ и эстонскихъ крестьянскихъ дѣтей, а замѣщать казеннокоштныя вакансіи исключительно дѣтьми священ-

но-служителей рижской епархіи. Не имѣемъ обстоятельной исторіи рижской семинаріи, не имѣемъ и документовъ, чтобы правильно отвѣтить на вопросъ: какія соображенія и причины побудили отступить отъ основной мысли преосвященнаго Филарета, потому что никакъ не можемъ допустить справедливость тогдашней молвы, будто главнѣйшею причиною, побудившею не принимать крестьянскихъ дѣтей въ семинарію, было опасеніе, что крестьяне не будутъ имѣть къ священникамъ, вышедшимъ изъ ихъ среды, никакого «страха и почтенія» Молва, очевидно, ошибалась, потому что православный священникъ въ какомъ бы то ни было ливонскомъ приходѣ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть кирхенгерромъ и внушать къ себѣ страхъ. Къ тому же, къ 4 марта 1858 года, когда уже окончательно отступили отъ первоначальной мысли преосвященнаго Филарета, едва ли кто изъ воспитанниковъ, окончившихъ семинарскій курсъ въ Ригѣ, былъ рукоположенъ во священники, слѣдовательно сказать, что прихожане не будутъ ихъ бояться, было бы черезъ чуръ ужъ поспѣшно. Надобно полагать, что были другія причины и соображенія, болѣе основательныя къ воспрещенію пріема эстонцевъ и латышей, но какъ они намъ неизвѣстны, потому, уклоняясь отъ какого-бы то ни было сужденія на ихъ счетъ, мы должны констатировать лишь фактъ и оставить его въ сторонѣ.

Въ жизни рижской духовной семинаріи важнымъ событіемъ была ревизія этого учебнаго заведенія, произведенная въ 1865 году ректоромъ петербургской духовной академіи, нашимъ извѣстнымъ канонистомъ епископомъ Іоанномъ (нынѣ уже умершимъ). Въ то время уже была задумана полная реформа семинарій и преосвященный Іоаннъ собиралъ необходимыя данныя для этого.

Полное преобразованіе рижской духовной семинаріи совершилось въ 1870 г Въ этомъ году нисшіе классы оной составили особое самостоятельное учебное заведеніе, подъ названіемъ духовнаго училища, а высшіе классы составили нынѣшнюю семинарію; а затѣмъ возобновленъ, прекращенный съ 4-го марта 1858 года, пріемъ въ семинарію воспитанниковъ изъ дѣтей крестьянъ латышей и эстовъ.

---

12. О повинностяхъ и даняхъ въ православныхъ въ пользу лютеранской церкви въ Лифляндіи.

(Изъ бумагъ Филарета II, епископа рижскаго и митавскаго).

Какъ только комитетъ по устройству духовной части въ Лифляндіи приступилъ къ устройству первыхъ сельскихъ приходовъ, какъ немедленно же возникъ и не могъ не возникнуть вопросъ и о люте-

ранскихъ приходахъ. Еслибы присоединилось лютеранскихъ крестьянъ незначительное число, то, быть можетъ, и рѣчи-бы не возникало о гг пасторахъ и ихъ доходахъ, но когда число присоединившихся начали считать не тысячами, а десятками тысячъ, то, очевидно, къ вопросу о доходахъ нельзя было относиться безразлично. Въ 1845 году лифляндскіе крестьяне имѣли троякаго рода повинности въ отношеніи къ пасторамъ. 1) случайныя или плата за требы; 2) поземельныя, исправляемыя крестьянами, пользующимися пасторскими землями, по найму и 3) постоянныя, состоящія въ произведеніяхъ сельскихъ, денежномъ сборѣ и въ работахъ разнаго рода. Относительно платы за требы не могло быть спора: присоединившіеся къ православію крестьяне не могли обращаться къ пастору за совершеніемъ требъ, слѣдовательно и платы нельзя было требовать. Не могло быть спора и относительно повинностей съ православныхъ крестьянъ, арендовавшихъ пасторскія земли: тутъ платить аренду приходилось безспорно по условію, такъ какъ въ этомъ случаѣ пасторъ являлся уже не какъ духовное лицо, а просто какъ землевладѣлецъ. Но споръ возникъ изъ-за повинностей постоянныхъ съ арендаторовъ помѣщичьихъ земель. Тутъ гг дворяне и пасторы начали доказывать, что эти постоянныя повинности суть не что иное какъ уступка помѣщиками части поземельнаго дохода своего въ пользу протестанской церкви, слѣд. не могутъ быть и не должны быть слагаемы съ крестьянъ при перемѣнѣ ими вѣроисповѣданія. Православное духовенство напротивъ доказывало, что новоприсоединившіеся должны содѣйствовать содержанію своей церкви, слѣд. было бы крайне несправедливо и даже неблаговидно требовать съ крестьянъ исполненія повинностей и платежей и въ пользу своей и въ пользу иновѣрной церкви.

Обратились за разрѣшеніемъ спора къ генералъ-губернатору Въ Петербургѣ предвидѣли, что споръ непремѣнно возникнетъ, потому въ отвращеніе недоразумѣній въ инструкцію, данную Головину при отъѣздѣ въ Ригу и высочайше утвержденную 25-го апрѣля 1845 года, было включено слѣдующее: «Крестьянъ, переходящихъ изъ лютеранства въ православіе, освобождать отъ лежащихъ на нихъ, въ отношеніи къ протестантской церкви, повинностей, сохраняя, однако, во всей строгости обязанности къ помѣщикамъ» Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ объявилъ гг. дворянамъ, что онъ не можетъ, еслибы и хотѣлъ, не освободить православныхъ крестьянъ отъ постоянныхъ въ пользу пасторовъ повинностей.

Тогда лифляндскіе дворяне обратились съ жалобою къ министру внутреннихъ дѣлъ, а когда въ 1846 г. число крестьянъ, присоединившихся къ православію, возрасло до 100,000 человѣкъ, повторили свою жалобу По этимъ жалобамъ было высочайшее повелѣно обсудить все дѣло въ комитетѣ по устройству духовной части въ Лиф-

ляндіи и за тѣмъ разработанное мнѣніе представить на окончательное усмотрѣніе Государя Императора.

Комитетъ приступилъ къ обсужденію дѣла весьма осторожно и осмотрительно. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что гг пасторы, въ недавнемъ спорѣ съ православнымъ духовенствомъ, сами постоянно доказывали, что слѣдующія имъ, пасторамъ, повинности отъ крестьянъ суть вовсе не поземельныя, а поголовныя. За тѣмъ приступили къ обсужденію вопроса на чемъ именно гг дворяне отстаиваютъ свое показаніе, будто постоянныя повинности составляютъ уступку владѣльцами части поземельнаго своего дохода въ пользу протестантской церкви. Прямаго законоположенія о таковой уступкѣ не оказалось, — напротивъ, по разсмотрѣніи одного весьма любопытнаго и важнаго документа недавно предъ тѣмъ, именно въ 1842 г., напечатаннаго въ Дерптѣ г Бунге въ его историческомъ сборникѣ «Архивъ по исторіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи», выяснялось, что гг дворяне неправы. Документъ этотъ былъ. протоколъ осмотра (визитаціи) католическихъ церквей въ Лифляндіи, произведеннаго венденскимъ архидіакономъ Текиномъ въ 1613 году, — по порученію католическаго венденскаго епископа. Нелишне замѣтить, что польскіе короли, Стефанъ Баторій и въ особенности Сигизмундъ III, много заботились о возстановленіи католичества въ Лифляндіи и съ этою цѣлію въ Венденѣ была учреждена епископская католическая каѳедра. Венденскій архидіаконъ, совмѣстно съ ксендзомъ Эрдманомъ, объѣзжали въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ съ 6 августа 1613 г. всѣ католическіе приходы въ Лифляндіи, и архидіаконъ занесъ въ протоколъ все, что касалось осмотрѣнной церкви, именно: кто настоятель, сколько крестьянъ приписано къ церкви, сколько эти крестьяне обязаны были за пользованіе церковною землею давать пречту хлѣба, льна и др. припасовъ, однимъ словомъ въ протоколъ заносилъ всѣ свѣдѣнія о положеніи церквей, необходимыя епископу Документъ этотъ указываетъ, что крестьяне, приписанные къ католическимъ церквамъ, не несли повинностей въ пользу церквей лютеранскихъ, что всѣ повинности въ пользу церквей установлены въ очень отдаленное время и въ протоколѣ обозначены искони существующими, и что эти повинности не составляли какой либо уступки со стороны помѣщиковъ въ пользу церкви, а были обязательными на равнѣ съ казенными налогами. Затѣмъ были разсмотрѣны вакенбухи (описи повинностей) 1804 г., при чемъ оказалось, что постоянныя повинности въ пользу церквей показаны не въ числѣ государственныхъ повинностей, а въ росписи обязанностей крестьянъ въ отношеніи къ помѣщикамъ; оказалось, что, съ уничтоженіемъ вакенбуховъ, повинности на церкви установляются не ежегодными контрактами, а опредѣленіями правительственныхъ коммисій и постановленіями губернскаго правленія. Принявъ все это во вниманіе, комитетъ полагалъ, что постоянныя

повинности крестьянъ въ отношеніи къ пасторамъ слѣдуетъ признавать такимъ церковнымъ сборомъ, который, съ переходомъ поселянъ въ православіе, долженъ обращаться въ пользу православнаго духовенства. Но когда члены одной и той же усадьбы принадлежатъ къ разнымъ исповѣданіямъ, то слѣдуетъ перевести постоянныя повинности на деньги, чтобы каждое лицо смогло платить причитающуюся ему долю по принадлежности.

Такое положеніе комитета было высочайше утверждено 14-го декабря 1846 г и получило силу закона. Вопросъ о повинностяхъ и даняхъ въ пользу пасторовъ рѣшался именно этимъ высочайшимъ повелѣніемъ, и съ этого времени съ православныхъ крестьянъ перестали требовать исполненія какихъ бы то ни было повинностей или платежей въ пользу пасторовъ, и въ арендные контракты, заключавшіеся между помѣщиками и православными крестьянами, условій о повинностяхъ и даняхъ на пасторовъ никакихъ не включалось. Гг дворянамъ и пасторамъ пришлось безпрекословно подчиниться новому закону тѣмъ болѣе, что имъ было объявлено содержаніе слѣдующаго, полученнаго въ Ригѣ еще 4 января 1846 г , отзыва министра внутреннихъ дѣлъ къ генералу Головину и гласившаго коротко и ясно слѣдующее: «На всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ о сообщенной вашему превосходительству волѣ Его Высочества (Наслѣдника Цесаревича, управлявшаго государственными дѣлами по случаю отъѣзда Государя за границу), чтобы вы обратили все вниманіе на притѣсненія помѣщиками и протестантскимъ духовенствомъ крестьянъ, присоединяющихся къ православію, Его Императорскому Величеству угодно было собственноручно начертать слѣдующую резолюцію: «Глядѣть въ оба глаза, новаго не затѣвать и слѣпо держаться данныхъ мною разрѣшеній на всѣ случаи, а съ неповинующимися моей волѣ поступать, кто бы ни былъ, какъ съ бунтовщиками. Аминь».

Сообразно высочайшаго повелѣнія отъ 14 декабря 1846 года и были формулированы §§ 643 и 644 крестьянскаго положенія 1849 года.

Если бы Головинъ пробылъ генералъ-губернаторомъ не до 1848 г , а болѣе продолжительное время, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ настоялъ бы и на переводѣ постоянныхъ повинностей на деньги, но въ томъ-то и дѣло, что Головинъ оставилъ Ригу 24 марта 1848 г , а его преемникъ, князь Суворовъ, не только не повелъ дѣла въ головинскомъ направленіи, а повелъ въ направленіи совершенно противоположномъ. Недоконченное Головинымъ отложили въ сторону, о переводѣ повинностей на деньги не думали, но повинностей и даней съ православныхъ на пасторовъ, однакоже, нигдѣ не требовали во все царствованіе императора Николая Павловича.

Поворотъ къ положенію вопроса до 1846 г начался при князѣ Су-

воровѣ съ 1856 года, — десять лѣтъ спустя послѣ изданія высочайшаго повелѣнія отъ 14 декабря 1846 г

Извѣстно, что лифляндское крестьянское положеніе 1849 г было высочайше утверждено въ видѣ опыта на 6 лѣтъ. Приходилось подумать о пересмотрѣ этого положенія и новомъ утвержденіи его. Было выше сказано, что въ этомъ положеніи §§ 643 и 644 были изложены въ томъ смыслѣ, какъ указано въ высочайшемъ повелѣніи 14 декабря 1846 г , срокъ дѣйствія и этихъ статей, какъ само собою разумѣется, истекалъ также въ 1856 году, вслѣдствіе чего гг. дворяне признали возможнымъ начать въ 1856 г ходатайство объ отмѣнѣ названныхъ статей, не ожидая составленія и утвержденія новаго проекта крестьянскаго положенія. Такъ и было поступлено: въ Петебургѣ было представлено въ 1856 г прошеніе объ измѣненіи §§ 643 и 644 въ томъ смыслѣ, чтобы впредь всѣ крестьяне, безъ различія вѣроисповѣданія, исполняли постоянныя повинности по отношенію къ лютеранской церкви въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было до 1846 г., на томъ основаніи, что повинности эти составляютъ собственность лютеранской церкви, такъ какъ въ концѣ XVI столѣтія, при принятіи лютеранскаго исповѣданія, дворянство, отдѣливъ часть своихъ земель для содержанія лютеранскихъ сельскихъ церквей въ Лифляндіи, уступило имъ въ то время право на требованіе извѣстныхъ повинностей не только съ крестьянъ, приписанныхъ къ пасторатамъ, но и съ помѣщичьихъ крестьянъ тамъ преимущественно, гдѣ пасторатамъ выдѣлены были незаселенныя земли. Гг дворяне, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ожидая ни разсмотрѣнія, ни утвержденія этого прошенія, потребовали съ православныхъ крестьянъ, арендовавшихъ помѣщичьи земли, исполненія повинностей въ пользу гг пасторовъ и немедленно же начали взыскивать ихъ.

Дворянское прошеніе было повелѣно разсмотрѣть въ комитетѣ остзейскихъ дѣлъ (учрежденъ въ 1805 году и болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Остзейскаго Комитета*). Комитетъ разсматривалъ прошеніе въ 1857 г., причемъ не было затребовано отъ гг. дворянъ представленія точнаго указанія когда именно состоялось постановленіе, о которомъ говорилось въ прошеніи, кто утвердилъ таковое постановленіе, и на какомъ основаніи гг дворяне говорятъ о принятіи ими лютеранскаго исповѣданія въ концѣ XVI столѣтія, когда принятіе совершилось гораздо ранѣе. Не затребовавъ отъ дворянъ никакой точной справки по ихъ прошенію, никакихъ прямыхъ доказательствъ и законоположеній, оправдывавшихъ ихъ ходатайство, остзейскій комитетъ согласился во всемъ съ гг дворянами и мнѣніемъ своимъ положилъ. отмѣнить §§ 643 и 644 крестьянскаго положенія 1849 года, изложивъ ихъ въ дворянскомъ смыслѣ, т. е. нести повинности и платить дань гг пасторамъ всѣмъ крестьянамъ-арендаторамъ помѣщичьихъ земель, безъ различія исповѣданія.

Въ то самое время, когда остзейскій комитетъ разсматривалъ въ 1857 году дворянское прошеніе, архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ (Городецкій, смѣнившій преосвященнаго Филарета и прибывшій въ Ригу 6 декабря 1848 г., нынѣ — митрополитъ кіевскій и галицкій) сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что нѣкоторые помѣщики начали совершенно произвольно и вопреки закона отъ 14 декабря 1846 года, взыскивать со всѣхъ своихъ православныхъ арендаторовъ дани и повинности въ пользу пасторовъ и что подобныя взысканія и требованія произвели на православныхъ крестьянъ самое неблагопріятное впечатлѣніе, — и понятно почему имъ приходилось нести повинности вдвое большія, противъ арендаторовъ лютеранскихъ, работать и платить на свою церковь и на чужую. Отказаться православному арендатору отъ помѣщичьихъ требованій въ пользу иновѣрческой церкви было невозможно, потому что отказъ неминуемо повлекъ бы немедленное же изгнаніе съ арендуемаго участка, а найти управу противъ названнаго изгнанія было невозможно, тѣмъ болѣе, что тогдашній генералъ-губернаторъ князь Суворовъ находилъ помѣщичьи требованія правильными.

По доведеніи до свѣдѣнія Государя Императора донесенія преосвященнаго Платона, его Величество повелѣть соизволилъ. дать знать въ Ригу, чтобы редакціонная дворянская коммисія, занимавшаяся въ это время пересмотромъ крестьянскаго положенія 1849 года и составленіемъ таковаго вновь, не включала пока въ свой проектъ предположеній, сдѣланныхъ въ остзейскомъ комитетѣ по изложенію §§ 643 и 644, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказать остзейскому комитету, дабы онъ снова обсудилъ вопросъ о повинностяхъ въ пользу церквей въ Лифляндіи, но уже — совмѣстно съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода и съ разсмотрѣніемъ мнѣній и соображеній министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ исполненіе таковаго повелѣнія, остзейскій комитетъ вызвалъ въ Петербургъ представителей лифляндскаго дворянства и въ 1858 г приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса совмѣстно какъ съ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, такъ и дворянскими представителями. Прежде всего выслушали мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Министръ соглашался, что повинности и дани въ пользу церквей лежатъ на землѣ, составляютъ налогъ поземельный, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ, что было бы совершенно неблаговидно заставлять православныхъ крестьянъ работать на лютеранскихъ пасторовъ и въ особенности неблаговидно послѣ закона 1846 г., освободившаго уже православныхъ отъ такихъ работъ и даней. Чтобы устранить эти неблаговидности и не подать повода къ ропоту на правительство со стороны православныхъ лифляндскихъ арендаторовъ помѣщичьихъ земель, министръ полагалъ, что § 643 слѣдовало бы оставить безъ измѣненій, выразивъ въ немъ, что всѣ личныя повинности въ пользу церкви и духовенства (требы, пожертвованія на церковь и пр.) вносятся крестьянами въ пользу

церкви и духовенства своего исповѣданія; но § 644 измѣнить такимъ образомъ, чтобы всѣ церковныя повинности, лежащія на податной землѣ (всѣ земли даннаго помѣстья составляютъ собственность помѣщика, раздѣляясь на мызныя и податныя: мызныя обработываются на помѣщика; податныя или крестьянскія сдаются или въ аренду или же продаются крестьянамъ), перевести съ крестьянъ-арендаторовъ на помѣщиковъ, которые пусть сами и взимаютъ съ арендаторовъ эти повинности, внося повинности въ арендные контракты.

Дворянскіе представители, именемъ помѣщиковъ, заявили, что согласны на предложеніе министра и возьмутъ на себя взиманіе съ крестьянъ повинностей. Остзейскій комитетъ, не входя въ дальнѣйшія изслѣдованія вопроса, положилъ. отписать въ Ригу, дабы редакціонная коммисія включила въ проектъ новаго крестьянскаго положенія §§ 643 и 644 именно въ томъ видѣ какъ полагаетъ министръ. Тогда оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, графъ Толстой, заявилъ, что онъ не находитъ никакихъ основаній отмѣнять законъ 14 декабря 1846 года, и что, во всякомъ случаѣ, какое бы рѣшеніе правительство по отношеніи церковныхъ повинностей не приняло, слѣдуетъ озаботиться чтобы православные крестьяне не работали на пасторовъ. Графъ Толстой полагалъ. § 643 изложить въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ, но § 644-му дать тотъ смыслъ, что всѣ церковныя повинности крестьяне-арендаторы лютеране должны отбывать въ пользу церкви лютеранской, а арендаторы православные православной церкви, въ возмѣщеніе сихъ послѣднихъ повинностей, въ пользу то есть отбываемыхъ въ пользу православной церкви; помѣщики сами обязаны исполнять эти повинности въ пользу лютеранской церкви, получая соотвѣтствующее вознагражденіе отъ правительства; при переходѣ же крестьянской земли въ собственность православныхъ крестьянъ, лютеранскую церковь за повинности съ этой земли правительство вознаграждаетъ непосредственно.

Остзейскій комитетъ не согласился съ мнѣніемъ графа Толстаго и остался при своемъ положеніи, получившемъ утвержденіе 16 марта 1858 г Вслѣдствіе этого въ проектѣ новаго крестьянскаго положенія статья 588 о церковныхъ повинностяхъ была изложена согласно комитетскаго положенія.

Въ концѣ 1859 г проектъ новаго крестьянскаго положенія былъ присланъ въ Петербургъ для окончательнаго утвержденія. Проектъ разсматривался въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи и когда очередь дошла до ст 588 о церковныхъ повинностяхъ, то мнѣнія раздѣлились. 8 членовъ, соглашаясь съ мнѣніемъ остзейскаго комитета, полагали эту статью изложить такъ. «Всѣ лежащія на податной землѣ реальныя повинности, какъ натуральныя, такъ и барщинныя, въ пользу евангелическо-лютеранской церкви, ея служителей и учрежденій, переводятся, со времени обпародованія настоящаго

положенія, съ крестьянъ-арендаторовъ на помѣщиковъ, которые, взамѣнъ сего взимаютъ соразмѣрныя съ симъ повинности съ крестьянъ арендующихъ ихъ земли, со внесеніемъ повинностей этихъ въ арендные контракты» Другіе же 6 членовъ признали необходимымъ оставить во всей силѣ законъ 14 декабря 1846 г , чтобы каждый крестьянинъ-арендаторъ отбывалъ повинности въ пользу той церкви, къ которой онъ принадлежитъ.

Вслѣдствіе разногласія, вопросъ о церковныхъ повинностяхъ внесли на разсмотрѣніе общаго собранія государственнаго совѣта, но и тутъ мнѣнія раздѣлились. Тогда Государь Императоръ, разсмотрѣвъ мнѣнія обѣихъ сторонъ, повелѣть изволилъ ст. 588 проектируемаго лифляндскаго крестьянскаго положенія изложить слѣдующимъ образомъ.

«Такъ какъ православное духовенство въ Лифляндіи обезпечено въ своемъ существованіи назначеннымъ для него жалованьемъ, то всѣ реальныя повинности въ пользу церквей отмѣнить и предоставить содержаніе лютеранскихъ церквей попеченію тамошняго дворянства»

Какъ только дворяне провѣдали, что статья 588 будетъ изложена въ такомъ видѣ, какъ тотчасъ-же послали въ Петербургъ своихъ депутатовъ. губернскаго предводителя дворянства князя Ливена, ландрата Рихтера и уѣзднаго депутата Транзэ ходатайствовать о пріостановленіи дѣйствія статьи 588 и о новомъ пересмотрѣ ея. Депутаты подали на высочайшее имя прошеніе 3 марта 1860 г.

Депутаты лифляндскаго дворянства (князь Ливенъ, Рихтеръ и Транзэ), подавъ на высочайшее имя прошеніе отъ 3 марта 1860 года, приложили къ прошенію обширную пояснительную записку, въ которой доказывали, что содержаніе евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Лифляндіи издревле обезпечивалось предоставленною ей по закону (по какому именно не сказано, ибо такого закона не было) реальною повинностію, составляющею его неотъемлемую собственность, что означенная собственность евангелическо-лютеранскихъ церквей укрѣплена за ними грамотами верховной власти (какими именно не сказано, ибо такихъ грамотъ, прямо узаконявшихъ повинности, не было), что отмѣна реальныхъ повинностей равнозначительна отмѣнѣ правительственныхъ грамотъ, яко бы ручавшихся за неприкосновенность церковнаго достоянія (въ правительственныхъ грамотахъ о неприкосновенности церковныхъ имуществъ — прямой рѣчи не было) и пр.

Названное прошеніе съ объяснительною запискою было препровождено въ остзейскій комитетъ, который и разсматривалъ ихъ въ засѣданіяхъ 4 и 11 апрѣля 1860 года. Неизвѣстно требовалъ-ли остзейскій комитетъ отъ депутатовъ преставленія точныхъ выписокъ изъ тѣхъ узаконеній, на которыя они ссылались, но, по всей вѣроятности, никакихъ точныхъ справокъ не требовалъ, потому что согласился на

всѣ дворянскіе резоны и предположенія, и затѣмъ, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, представилъ свое мнѣніе на усмотрѣніе государя императора.

Въ это самое время въ Петербургѣ доканчивалось разсмотрѣніе лифляндскаго крестьянскаго положенія взамѣнъ положенія 1849 г., доканчивалось разсмотрѣніе и громаднаго вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Все вниманіе правительства было поглощено предстоящею крестьянскою реформою: не до вопроса о церковныхъ повинностяхъ въ Лифляндіи было.

13 ноября 1860 года было высочайше утверждено лифляндское крестьянское положеніе (дѣйствующее и по нынѣ), 19 февраля 1861 г состоялась знаменитая крестьянская реформа. Въ 1861 г князь Суворовъ былъ вызванъ изъ Риги въ Петербургъ съ назначеніемъ на его мѣсто генералъ-губернаторомъ барона Вильгельма Карловича Ливена, и къ вопросу о церковныхъ повинностяхъ въ Лифляндіи воротились лишь въ 1862 году

Государь императоръ, по докладѣ ему вышесказаннаго мнѣнія остзейскаго комитета, въ началѣ 1862 г повелѣть изволилъ. дѣло это внести въ кабинетъ министровъ, пригласивъ въ оный оберъ-прокурора святѣйшаго синода и генералъ-адъютанта князя Суворова, какъ бывшаго прежде, и барона Ливена, состоявшаго въ то время прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ. Комитетъ министровъ въ маѣ 1862 г совмѣстно съ названными лицами разсматривалъ вопросъ о лифляндскихъ церковныхъ повинностяхъ и призналъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса комитету не подлежитъ, а должно быть предоставлено государственному совѣту, уже разсматривавшему все лифляндское крестьянское положеніе 1860 г и въ частности ст. 588 онаго. Вслѣдствіе этого было повелѣно разсмотрѣть вопросъ предварительно въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи и также съ участіемъ оберъ-прокурора св. синода и генералъ-адъютантовъ князя Суворова и барона Ливена.

Въ соединенныхъ департаментахъ этотъ вопросъ обсуждался 12 іюня 1862 г при чемъ мнѣнія раздѣлились. десять членовъ, именно: гг. баронъ Корфъ, Литке, Брокъ, Метлинъ, Ковалевскій, Княжевичъ, князь Суворовъ, Толстой, баронъ Ливенъ и Валуевъ, стали на лифляндскую дворянско-нѣмецкую точку зрѣнія, а лишь два члена: князь Гагаринъ и Ахматовъ стали на точку зрѣнія покойнаго императора Николая Павловича и Головина.

Представляемъ оба эти мнѣнія, какъ имѣвшія существенное вліяніе на дальнѣйшій ходъ вопроса о церковныхъ повинностяхъ.

Названные десять членовъ находили, что содержаніе евангелическо-лютеранскихъ церквей въ лифляндской губерніи издавна обезпечивалось представленною въ пользу тѣхъ церквей поземельною (ре-

альною) повинностію. Повинность сія, составлявшая всегда часть позе-мельнаго дохода, получаемаго со всей податной земли, безъ различія земель помѣщичьихъ или частныхъ отъ казенныхъ и городскихъ, от-бывалась всѣми землевладѣльцами собственниками и арендаторами. Такимъ образомъ собственники земли вносили повинность въ пользу лютеранскихъ церквей въ видѣ составной части арендной или оброч-ной платы.

Такая принадлежность поземельной повинности, евангелическо-лютеранской церкви въ лифляндской губерніи основана на древнихъ узаконеніяхъ, состоявшихся въ XVI вѣкѣ еще при прежнемъ прави-тельствѣ, а съ присоединеніемъ остзейскихъ губерній къ россійской имперіи была укрѣплена въ своей неприкосновенности, какъ общими узаконеніями нашего правительства, начиная съ капитуляціи 4 іюля 1710 года и оканчивая высочайше утвержденнымъ въ 1832 году уста-вомъ евангелическо-лютеранскихъ церквей, такъ и частными поста-новленіями, послѣдовавшими въ 1723 и 1738 годахъ, по случаю при-носившихся жалобъ на уклоненія православныхъ крестьянъ отъ ис-полненія слѣдующей въ пользу лютеранскихъ церквей повинности. Поземельное свойство упомянутой, принадлежащей лютеранскимъ въ лифляндской губерніи церквамъ, повинности не подлежитъ никакому сомнѣнію и слѣдовательно въ повинности этого рода вовсе нѣтъ ни-какой личной подати, которая упадала бы на прихожанъ того и дру-гаго вѣроисповѣданія: здѣсь есть одна подать съ земли, подать, кото-рую обязанъ уплачивать всякій, въ чьемъ бы владѣніи земля ни на-ходилась. Вслѣдствіе чего, по мнѣнію 10 членовъ, если землевладѣ-лецъ не лютеранскаго исповѣданія уплачиваетъ въ пользу лютеран-ской церкви установленную въ ея пользу повинность, въ видѣ ли части дохода съ той земли, или въ видѣ части арендной за нея платы, то нельзя заключить, чтобы такое лицо несло личную подать въ пользу чуждаго ему исповѣданія. Заключеніе это было бы столь же несправедливо, какъ несправедливо предполагать, что лицо право-славнаго исповѣданія, занимающее квартиру въ домѣ, на основаніи особыхъ узаконеній, облагающихъ повинностію въ пользу лютеранской церкви, платою за ту квартиру отбываетъ подать въ пользу означен-ной церкви. Наконецъ поземельное свойство разсматриваемыхъ по-винностей подтверждено высочайшею резолюціею, на основаніи ко-торой повинности тѣ названы реальными, лежащими на подат-ной землѣ.

На этомъ основаніи, по мнѣнію десяти членовъ, повинности сіи должны быть отбываемы всѣми землевладѣльцами, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія.

При сужденіяхъ по этому предмету въ соединенныхъ департа-ментахъ, главноуправляющій II отдѣленіемъ собственно его император-скаго величества канцеляріи заявилъ, что въ самомъ недавнемъ вре-

мени въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ его, статсъ-секретаря барона Корфа, разрѣшенъ вопросъ, о предоставленіи евреямъ права пріобрѣтать имѣнія въ царствѣ польскомъ, но при этомъ евреи, съ пріобрѣтеніемъ земель, не освобождены отъ установленной общими правилами обязанности вносить, вмѣстѣ съ прихожанами, въ соотвѣтственной соразмѣрности оклады на содержаніе католическихъ церквей, и объ этомъ условіи именно упомянуто въ послѣдовавшемъ по докладу комитета высочайшемъ указѣ его императорскаго величества.

По мнѣнію десяти членовъ указъ сей долженъ служить прямымъ руководствомъ при разрѣшеніи въ настоящемъ дѣлѣ вопроса о сохраненіи за владѣльцами земель въ Лифляндіи обязанности исполнять лежащую на ихъ земляхъ повинность въ пользу лютеранскихъ церквей.

Установленіе сей повинности въ пользу лютеранскихъ церквей въ лифляндской губерніи на вышеизложенномъ основаніи, по мнѣнію десяти членовъ, было бы вполнѣ согласно со всѣми предшествовавшими узаконеніями, укрѣпившими право на ту повинность за лютеранскими церквами въ лифляндской губерніи и не могло бы представлять никакого затрудненія въ исполненіи.

Главнѣйшее затрудненіе, которое по видимому къ тому представляется, заключается въ состоявшемся въ 1846 году въ особомъ комитетѣ объ устройствѣ духовной части въ Лифляндіи положеніи, коимъ означенныя повинности въ пользу протестантской церкви, школъ и духовенства, можетъ требовать съ православныхъ крестьянъ только церковь православная и что православные крестьяне лифляндской губерніи должны быть освобождены отъ всякихъ повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей и пасторовъ.

Изъ сего возникаетъ вопросъ. можно ли въ настоящее время облагать повинностію въ пользу лютеранскихъ церквей такихъ лицъ, кои были уже отъ нея освобождены высочайше утвержденнымъ въ 1846 году положеніемъ особаго комитета. Въ семъ отношеніи, по мнѣнію десяти членовъ, нельзя не принять во вниманіе, во первыхъ что, какъ выше объяснено, всѣ поземельныя повинности въ пользу лютеранскихъ церквей вовсе не могутъ быть признаваемы лежащими на отдѣльныхъ лицахъ того или другаго вѣроисповѣданія, и во вторыхъ, что если даже буквально признавать личною повинностію всякую поземельную плату или работу въ пользу церкви, то высочайшее повелѣніе 1846 г. могло касаться только лицъ не лютеранскаго исповѣданія, кои въ то время содержали извѣстные дворы по контрактамъ. Но по истеченіи сроковъ, на которые содержаніе земель было отдано, прежнія поземельныя отношенія между съемщиками дворовъ и землевладѣльцами сами собою уже прекратились и за тѣмъ означенное высочайшее повелѣніе въ настоящее время можетъ относиться во первыхъ къ тѣмъ, кои держатъ еще дворы по контрактамъ на извѣстные сроки;

и во вторыхъ къ собственникамъ земель, пріобрѣвшимъ оныя послѣ положенія 1846 года. Но и тѣ и другіе вполнѣ ограждены въ своихъ правахъ въ разсматриваемомъ нынѣ заключеніи комитета остзейскихъ дѣлъ. ибо первые до истеченія сроковъ заключеннымъ ими контрактамъ, а вторые на всегда освобождаются отъ уплаты слѣдующихъ съ земли повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей. Такимъ образомъ, въ настоящее время, по мнѣнію десяти членовъ, предложенъ обсужденію вопросъ не о томъ, чтобы придать обратную силу пересматриваемому узаконенію о повинности въ пользу лютеранскихъ церквей, но о томъ, чтобы узаконеніе сіе постановить на такихъ началахъ, на коихъ оно не могло бы быть колеблемо на будущее время усиленными ходатайствами, болѣе или менѣе справедливыми, о возстановленіи нарушеннаго права. Въ этомъ и заключается главнѣйшій поводъ къ пересмотру закона, изложеннаго въ ст. 588 лифляндскаго положенія.

Редакція этой статьи такова, что она въ дѣйствительности оказалась бы неудобоисполнимою, и потому заключающійся въ ст. 588 вопросъ оставался доселѣ на практикѣ не разрѣшеннымъ, хотя повидимому и состоялось въ законодательной формѣ ожидаемое онаго разрѣшеніе.

Равнымъ образомъ, по мнѣнію десяти членовъ, для исполненія означенныхъ повинностей нельзя дѣлать различія въ вѣроисповѣданіяхъ владѣльцевъ. Противное сему правило, измѣняя стародавнія условія мѣстныхъ поземельныхъ отношеній и нарушая права лютеранскихъ церковныхъ учрежденій, неминуемо имѣло-бы вредныя послѣдствія для самаго православнаго населенія: ибо ничто не можетъ удержать собственниковъ лютеранскаго исповѣданія отъ того, что они предпочтительно будутъ отдавать свои земли въ аренду крестьянамъ лютеранскаго исповѣданія, несущимъ церковную повинность, и мало или вовсе не будутъ сдавать земель въ содержаніе крестьянъ нелютеранскаго исповѣданія, которые были-бы отъ этой повинности освобождены.

Слѣдовательно эта мнимая льгота будетъ въ сущности крайне невыгодна для крестьянъ православнаго исповѣданія. Независимо отъ сего надлежитъ принять во вниманіе, что на практикѣ настоящій вопросъ имѣетъ прямое значеніе только въ отношеніи къ издѣльнымъ арендным контрактамъ, гдѣ церковная повинность вычисляется и отбывается отдѣльно отъ барщинной или издѣльной повинности, опредѣленной по вакенбуху При заключеніи денежно-оброчныхъ контрактовъ, всякая денежная повинность въ пользу церквей войдетъ въ общій расчетъ при опредѣленіи, по взаимному соглашенію, оброчной платы за участокъ. Между тѣмъ извѣстно, что число дворовъ или участковъ, состоящихъ на издѣльи, ежегодно уменьшается. На семъ основаніи, по мнѣнію десяти членовъ, разсматриваемый нынѣ вопросъ есть вообще не столько вопросъ личнаго денежнаго интереса лифляндскихъ дворянъ, сколько вопросъ сознанія правоты самаго дѣла.

Общая стоимость или цѣнность повинностей на содержаніе лю-

теранскихъ церквей во всей лифляндской губерніи, какъ объяснилъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ, простирается по приблизительному вычисленію до 140,000 руб. изъ коихъ $^1/_7$ часть упадаетъ на казенныя имѣнія, и затѣмъ только до 120.000 руб. распредѣляются между всѣми имѣніями, принадлежащими частнымъ лифляндскимъ землевладѣльцамъ, въ числѣ коихъ есть лица принадлежащія къ православному исповѣданію (напр. графъ Шереметевъ и графъ Гагаринъ), доселѣ постоянно отбывающія причитавшіяся на ихъ долю повинности, не смотря на законъ 1846 г., и безъ возбужденія какого-либо на счетъ того сомнѣнія ни съ ихъ стороны, ни со стороны православнаго духовенства. Самое введеніе предлагаемыхъ новыхъ правилъ о поземельныхъ повинностяхъ въ пользу лютеранскихъ церквей отсрочивается на долгое время: предполагается ввести ихъ не ранѣе, какъ по приведеніи въ извѣстность всѣхъ повинностей, по переводѣ ихъ на деньги, и послѣ окончанія сроковъ котрактовъ, заключенныхъ въ прежнее время. Слѣдовательно опасеніе за нарушеніе чьихъ-либо правъ уже не можетъ имѣть мѣста. По симъ уваженіямъ десять членовъ полагаютъ, что въ настоящее время нѣтъ повода путемъ законодательнымъ дѣйствовать на перекоръ всеобщему желанію дворянства лифляндской губерніи и установлять новыя узаконенія безъ всякой существенной выгоды для самихъ крестьянъ нелютеранскаго исповѣданія. По мнѣнію десяти членовъ нѣтъ повода, ни юридическаго, ни нравственнаго, въ видахъ воображаемой пользы для господствующаго вѣроисповѣданія, прикасаться основныхъ правъ собственности лютеранскихъ церквей и чрезъ то возбуждать новыя по сему предмету ходатайства, которыя, истекая изъ чувства справедливости, никогда не могутъ замолкнуть.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, десять членовъ, вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ по настоящему дѣлу комитета остзейскихъ дѣлъ, полагаютъ въ измѣненіе, дополненіе и поясненіе статьи 588 положенія о крестьянахъ лифляндской губерніи 1860 года постановить слѣдующее:

1) Всѣ лежащія въ лифляндской губерніи на податной землѣ въ пользу евангелическо-лютеранскихъ церквей, духовенства и учрежденій реальныя повинности, какъ натуральныя, такъ и издѣльныя, оцѣниваются по сравненію настоящей денежной стоимости ихъ съ соотвѣтствующимъ, по денежной же стоимости, количествомъ фунтовъ ржи. При этомъ повинности ненормальныя, т. е неопредѣленныя въ настоящемъ размѣрѣ, а измѣнявшіяся доселѣ по мѣрѣ ежегодной потребности, приводятся въ опредѣленную норму, т. е. обращаются въ постоянный ежегодный сборъ. По вычисленіи такимъ образомъ стоимости всѣхъ означенныхъ повинностей и по опредѣленіи оной, разъ на всегда, извѣстнымъ количествомъ фунтовъ ржи, — повинности эти переоцѣниваются на деньги на 12 лѣтній срокъ по средней сложности мѣстныхъ

цѣнъ на рожь за послѣдніе 12 лѣтіе, съ исключеніемъ тѣхъ двухъ годовъ, въ которые состояли наивысшія и найнисшія въ продолженіе этого срока цѣны. По истеченіи каждыхъ 12 лѣтъ, исчисленная на рожь повинность вновь переоцѣнивается на деньги на томъ же основаніи.

2) Оцѣнка на рожь всѣхъ указанныхъ выше повинностей, періодическая переоцѣнка на деньги, а равно и предварительное приведеніе въ опредѣленную норму повинностей, доселѣ неопредѣленныхъ въ постоянномъ размѣрѣ, производятся по каждому приходу особо. Составленные по каждому приходу табели и расчеты представляются на разсмотрѣніе лифляндскому ландтагу и мѣстному управленію государственныхъ имуществъ, а по одобреніи оными подлежатъ окончательному утвержденію главнаго начальника края.

3) Обязанность уплачивать, въ пользу евангелическо-лютеранскихъ церквей, духовенства и учрежденій, всѣ переведенныя на деньги на указанномъ выше основаніи реальныя повинности, возлагается непосредственно на владѣльцевъ тѣхъ имѣній, къ коимъ принадлежатъ обложенные сими повинностями участки податной земли.

4) Помѣстные владѣльцы, принявъ на себя отправленіе реальныхъ повинностей въ пользу церквей, вправѣ выговаривать себѣ, въ арендныхъ контрактахъ съ крестьянами, въ пользованіе коихъ отдаются ими, обложенные сими повинностями, участки податной земли, — соотвѣтственное вознагражденіе, которое можетъ быть требуемо, по контрактамъ съ крестьянъ, состоящихъ на издѣльной повинности, въ исчисленномъ по переоцѣнкѣ размѣрѣ, сверхъ тѣхъ повинностей, которыя крестьяне обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ, на основаніи вакенбуховъ, согласно ст 2-й положенія 1860 года.

Примѣчаніе. До истеченія срока нынѣ дѣйствующихъ контрактовъ и до заключенія новыхъ, настоящее постановленіе не можетъ быть примѣняемо къ тѣмъ крестьянамъ-арендаторамъ, которые на основаніи постановленія 1846 года, были доселѣ освобождены отъ исполненія повинностей въ пользу евангелическо-лютеранскихъ церквей.

5) При переходѣ податнаго участка въ собственность крестьянина, обязанность исполненія лежащей на ономъ повинности въ пользу лютеранскихъ церквей и духовныхъ учрежденій остается на владѣльцѣ помѣстья, отъ коего тотъ участокъ отдѣленъ. Владѣлецъ же обязанъ выговорить себѣ, съ пріобрѣтающаго участокъ, въ купчей крѣпости, соотвѣтствующее означенной повинности ежегодное вознагражденіе, возлагаемое на означенный участокъ, въ видѣ постоянной повинности тому помѣстью.

Примѣчаніе. Крестьяне-собственники, которые, на основаніи постановленія 1846 г., до утвержденія настоящихъ предположеній, пріобрѣли участки земли въ собственность, безъ обязательства уплачивать упомянутую въ сей статьѣ повинность люверанской церкви, освобождаются и на будущее время отъ исполненія этой повинности.

и 6) Введеніе всѣхъ изложенныхъ выше предположеній, допустить, въ каждомъ приходѣ, только по мѣрѣ окончательнаго утвержденія: приведенія въ извѣстность опредѣленія въ постоянномъ размѣрѣ и перевода на деньги всѣхъ реальныхъ повинностей; а до того времени оставить въ своей силѣ существующій нынѣ, согласно съ высочайшимъ повелѣніемъ 14 декабря 1846 г., порядокъ.

Теперь приводимъ мнѣніе князя Гагарина и г Ахматова.

Существенный вопросъ, подлежашій разрѣшенію въ настоящемъ дѣлѣ, заключается въ томъ. существующая въ лифляндской губерніи въ пользу лютеранскихъ церквей повинность составляетъ-ли собственность церкви лютеранскаго исповѣданія, или же повинность эта есть общая государственная подать, установленная на обезпеченіе духовенства вообще?

По мнѣнію ихъ, повинности въ пользу церкви, по самой сущности своей, всегда налагаются на народъ съ цѣлію поддержанія церкви, которая удовлетворяетъ духовнымъ потребностямъ народа. Право церкви на эти повинности проистекаетъ изъ обязанности прихожанъ поддерживать существованіе священно-служителей, исполняющихъ для прихожанъ ихъ духовныя потребности. Въ то время, когда все народонаселеніе лифляндской губерніи состояло изъ лютеранъ, безъ сомнѣнія, оно могло быть обложено податью только въ пользу евангелическо-лютеранской церкви, и всѣ установленныя тогда церковныя повинности обращались въ пользу этой церкви. Но по переходѣ части народонаселенія лифляндской губерніи въ православіе, духовныя потребности лютеранской церкви уменьшились, а духовныя потребности перешедшихъ въ православіе лицъ могли быть удовлетворяемы только православною церковью, съ чѣмъ вмѣстѣ установлена и повинность на содержаніе православныхъ въ лифляндской губерніи церквей.

На этомъ основаніи и послѣдовало въ 1846 году высочайшее повелѣніе, которымъ крестьяне, перешедшіе въ православіе, освобождены отъ исполненія лежавшихъ на нихъ въ прежнее время обязанностей въ отношеніи къ лютеранскимъ пасторамъ, и обложены такими же повинностями въ отношеніи къ новымъ приходскимъ священникамъ. Въ заключеніи особаго комитета объ устройствѣ духовной части въ лифляндской губерніи, по которому и послѣдовало въ 1846 г означенное высочайшее повелѣніе, было признано, что, на основаніи историческихъ данныхъ, существующія въ лифляндской губерніи въ пользу церквей повинности составляли не добровольную уступку со стороны помѣщиковъ въ пользу церкви, а повинности обязательныя наравнѣ съ казенными податями. повинности, которыя должно считать особымъ государственнымъ налогомъ, установленнымъ для удовлетворенія на-

рода. Узаконеніе 1846 года, удовлетворяя вполнѣ требованію справедливости, по мнѣнію князя Гагарина и г Ахматова, нисколько не нарушаетъ правъ собственности лютеранской церкви ибо какъ въ пользу лютеранской церкви были въ прежнее время установлены повинности въ тамошнемъ краѣ, потому что церковь сія удовлетворяла въ то время духовнымъ потребностямъ всего народа, такъ узаконеніемъ 1846 г установлены повинности въ пользу православнаго духовенства, повинности съ той части народа, для которой сдѣлалось необходимымъ существованіе этого духовенства. Такимъ образомъ повинность на содержаніе церкви, по самому назначенію и существенному значенію своему, всегда распредѣляется между прихожанами: она можетъ расчисляться по землѣ, но собственно для того, чтобы съ цѣнностію земли соразмѣрять способы платящихъ эту повинность, но лежитъ она всегда на самомъ населеніи и отбывается лицами, принадлежащими къ приходу. Выводъ, дѣлаемый дворянствомъ лифляндской губерніи о томъ, будто-бы церковныя повинности были вычтены изъ настоящихъ ихъ доходовъ и составляютъ неотъемлемую собственность лютеранской церкви, не подтвержденъ положительными доказательствами и рѣшительно отвергнутъ высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся 14 декабря 1846 года, на основаніи положенія особаго комитета для устройства духовной части въ Лифляндіи. Положеніемъ симъ признано, какъ выше упомянуто, что означенныя повинности должно считать особымъ государственнымъ налогомъ, установленнымъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей народа.

Это начало, по мнѣнію князя Гагарина и г Ахматова, должно служить единственнымъ основаніемъ для правильнаго разрѣшенія подлежавшаго обсужденію законодательнаго вопроса о ст. 588 положенія 1860 года, согласно съ интересами какъ всѣхъ сословій лифляндской губерніи, такъ и самаго правительства.

Въ статьѣ 588 положенія 1860 года постановлено:

«Содержаніе православныхъ церквей и духовенства въ Лифляндіи обезпечивается правительствомъ, а содержаніе евангелическо-лютеранскихъ церквей, духовенства и учрежденій предоставляется попеченію лифляндскаго помѣстнаго дворянства»

По мнѣнію князя Гагарина и г. Ахматова, нельзя не согласиться, что законоположеніе сіе въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ статьѣ 588 положенія о крестьянахъ лифляндской губерніи, отяготительно для дворянства лифляндской губерніи, и потому въ исполненіе высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 14 мая сего 1862 года, о новомъ пересмотрѣ означенной статьи законоположенія 1860 года, въ настоящее время надлежитъ постановить правила для возможнаго облегченія способовъ содержанія лютеранскихъ церквей въ лифляндской губерніи. Но при этомъ должно быть сохранено во всей неприкосновенности признанное въ 1846 году высочайшею властію начало о томъ,

что церковныя повинности отбываются прихожанами только въ пользу церквей своего исповѣданія. Комитетъ остзейскихъ дѣлъ, вслѣдствіе ходатайства дворянства лифлянд. губ предлагаетъ въ измѣненіе и дополненіе ст. 588 положенія 1860 года рядъ новыхъ мѣръ, о коихъ не упоминалось при окончательномъ разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ вопроса, заключающагося въ статьѣ 588, и въ самомъ основаніи потрясаетъ начало, признанное въ 1846 г высочайше утвержденнымъ положеніемъ особаго комитета объ устройствѣ духовной части въ Лифляндіи. По предположенію комитета остзейскихъ дѣлъ, обязанность уплачивать повинность въ пользу евангелическо-лютеранскихъ церквей возлагается на помѣстныхъ владѣльцевъ, которые имѣютъ право выговаривать себѣ вознагражденіе за означенную повинность въ арендныхъ контрактахъ, заключаемыхъ съ крестьянами, въ пользованіе коихъ отдаются обложенныя церковными повинностями земли. Такимъ образомъ въ сущности повинности эти будутъ упадать на тѣхъ же крестьянъ, которые высочайшимъ повелѣніемъ 1846 года освобождены отъ всякой обязанности уплачивать подати въ пользу чуждаго имъ исповѣданія.

Ходатайство дворянства лифляндской губерніи заключаетъ въ себѣ домогательство поставить тамошнихъ крестьянъ въ отношеніи къ отбыванію церковныхъ повинностей въ то положеніе, въ которыхъ они находились до обращенія населенія лифляндской губерніи къ православію; по мнѣнію князя Гагарина и г Ахматова, удовлетвореніе такого ходатайства, по самой сущности своей, невозможно, и въ настоящее время, по истеченіи 16-ти лѣтъ, нельзя подвергать православное населеніе лифляндской губерніи подати, несправедливость которой была признана еще въ 1846 году и отъ которой то населеніе тогда же было освобождено. Хотя въ заключеніи комитета остзейскихъ дѣлъ и предполагается сохранить силу контрактовъ и купчихъ крѣпостей, заключенныхъ при дѣйствіи постановленія 1846 года, но не менѣе того признаніе самаго начала, въ силу котораго всѣ земельные участки ляфляндской губерніи облагаются податью въ пользу одной лютеранской церкви безъ различія исповѣданія лицъ, въ пользованіи которыхъ земля состоитъ, было-бы не иное что, какъ возстановленіе прежняго порядка, который былъ отмѣненъ въ 1846 году, и прямое уничтоженіе высочайше утвержденнаго 14 декабря 1846 г положенія, по силѣ коего отбываніе церковныхъ повинностей признано лежащимъ на крестьянахъ и относящимся до приходскихъ обществъ.

Кромѣ того въ заключеніи комитета остзейскихъ дѣлъ содержатся многія подробности о порядкѣ оцѣнки постоянныхъ повинностей, приведенія въ опредѣленную норму повинностей измѣняющихся, о порядкѣ перевода натуральныхъ повинностей на деньги, объ основаніи и срокахъ переоцѣнки повинностей. Такое изложеніе подробностей, по мнѣнію князя Гагарина и г Ахматова, относится непосредственно до

обязанности самаго дворянства лифляндской губерніи, которому слѣдуетъ обсудить всѣ эти вопросы въ установленномъ порядкѣ на основаніи имѣющихся въ виду мѣстныхъ свѣдѣній, а государственный совѣтъ разрѣшаетъ одинъ общій законодательный вопросъ объ установленіи повинностей въ пользу церквей лифляндской губерніи.

Разсматривая этотъ вопросъ съ такой точки зрѣнія и стремясь къ разрѣшенію его въ видахъ устраненія тѣхъ затрудненій и неудобствъ, которыя послужили поводомъ къ ходатайству лифляндскаго дворянства о пересмотрѣ статьи 588 положенія 1860 г., князь Гагаринъ и г Ахматовъ находятъ, что при этомъ надлежитъ держаться признаннаго въ 1846 году высочайшею властію начала объ отбываніи церковной повинности только прихожанами своего исповѣданія и затѣмъ по возможности расширить кругъ земель, которыя на этомъ основаніи подлежатъ отбыванію церковной повинности. Вслѣдствіе сего поземельныя церковныя повинности въ лифляндской губерніи, по переводѣ ихъ на деньги, по мнѣнію князя Гагарина и г Ахматова, должны быть разложены на всѣ тамошнія земли какъ податныя, такъ и неподатныя (мызныя), безъ исключенія и безъ различія въ чьемъ-бы владѣніи или пользованіи таковыя земли ни находились, — во владѣніи частныхъ лицъ, городовъ или казенныхъ вѣдомствъ. Затѣмъ въ пользу лютеранской церкви могутъ поступать церковныя повинности только съ земель, какъ составляющихъ собственность лицъ лютеранскаго исповѣданія, такъ и находящихся въ пользованіи сихъ лицъ; — самимъ же владѣльцамъ означенныхъ земель, въ вознагражденіе уплачиваемой ими въ пользу лютеранской церкви повинности, должно быть предоставлено право получать опредѣленныя подати съ лютеранскихъ арендаторовъ своихъ земель.

Если же окажутся земли, пріобрѣтенныя лицами нелютеранскаго исповѣданія послѣ высочайшаго повелѣнія 1846 года и прежде настоящаго времени съ обязанностію нести повинности въ пользу лютеранской церкви, то, по мнѣнію князя Гагарина и г Ахматова, надлежитъ симъ лицамъ предоставить возможность освобождать себя отъ означенной обязанности. Цѣль эта можетъ быть достигнута единовременнымъ взносомъ суммы по капитализаціи ежегодныхъ платежей изъ 5%. т. е. взносомъ 20-ти годовыхъ платежей.

Постановленныя на этихъ основаніяхъ правила, которыя въ равной мѣрѣ должны примѣняться и къ имѣніямъ, принадлежащимъ казеннымъ вѣдомствамъ или городскимъ обществамъ, по мнѣнію князя Гагарина и г Ахматова, могутъ быть приведены въ дѣйствіе не прежде, какъ по приведеніи, въ исполненіе высочайше утвержденнаго въ 1846 году положенія особаго комитета объ устройствѣ духовной части въ Лифляндіи, въ точную извѣстность всѣхъ повинностей, существующихъ въ лифляндской губерніи въ пользу лютеранскихъ церквей и по переводѣ натуральныхъ повинностей на деньги.

На основаніи изложенныхъ соображеній князь Гагаринъ и г Ахматовъ полагаютъ. въ измѣненіе и дополненіе ст. 588 положенія о крестьянахъ лифляндской губерніи постановить.

1) Всѣ поземельныя церковныя повинности въ лифляндской губерніи переводятся на деньги и раскладываются равномѣрно на всѣ тамошнія земли, какъ податныя, такъ и не податныя, безъ исключенія.

2) Содержаніе лютеранской церкви въ лифляндской губерніи предоставляется попеченію тамошнихъ землевладѣльцевъ лютеранскаго исповѣданія. Вслѣдствіе чего, они вмѣстѣ съ землевладѣльцами другихъ исповѣданій, по указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ и подъ высшимъ его наблюденіемъ, обязаны произвести переводъ на деньги и раскладку повинностей па земли на основаніи статьи 1-й.

3) Со всѣхъ земель, принадлежащихъ лицамъ лютеранскаго исповѣданія, а также находящихся въ пользованіи у таковыхъ лицъ, вышеозначенныя повинности поступаютъ въ пользу лютеранской церкви лифляндской губерніи.

4) Въ вознагражденіе за издержки по содержанію своихъ церквей, землевладѣльцы лютеранскаго исповѣданія имѣютъ право получать въ свою пользу означенныя повинности, павшія по раскладкѣ на податные участки принадлежащей имъ земли, съ лютеранъ арендаторовъ этихъ участковъ.

и 5) Землевладѣльцамъ нелютеранскаго исповѣданія, которые послѣ высочайшаго повелѣнія 1846 года купили землю съ обязанностію нести повинности въ пользу лютеранской церкви, дозволяется освобождать себя отъ ежегоднаго платежа этихъ повинностей единовременнымъ взносомъ въ мѣстное уѣздное казначейство двадцати годовыхъ платежей.

Государственный совѣтъ по выслушаніи обѣихъ этихъ мнѣній, не склонился, однако, на предположенія большинства, а мнѣніемъ своимъ предположилъ изложить ст. 588 такъ.

«1) Всѣ отбываемыя, въ лифляндской губерніи, въ пользу церквей повинности, кромѣ платы и приношеній за совершеніе церковныхъ требъ и кромѣ повинностей, отправляемыхъ за наемъ пасторатскихъ земель, *переводятся на деньги*, которыя и разлагаются на всѣ податныя земли»

«2) Суммы, происшедшія изъ означеннаго сбора, *дѣлятся между духовенствомъ православной и ев.-лютеранской церкви, по числу лицъ, принадлежащихъ въ лифляндской губерніи къ той или другой церкви*»

«и 3) Распредѣленіе суммъ, принадлежащихъ тому и другому духовенству, между приходами, предоставляется, по подвѣдомственности ихъ, епархіальному начальству и ев.-лютеранской кон-

систоріи въ лифляндской губерніи подъ наблюденіемъ главнаго мѣстнаго начальства».

Въ Бозѣ почившему государю императору, не благоугодно было утвердить это мнѣніе, но въ 18 день іюня 1862 года, его величество повелѣть соизволилъ.

«Прежде окончательнаго рѣшенія этого дѣла, привести въ точную извѣстность повинности по каждому приходу по оцѣнкѣ составленной лифляндскимъ дворянствомъ и палатою государственныхъ имуществъ, съ утвержденія генералъ-губернатора, и затѣмъ внести въ государственный совѣтъ новое представленіе по сему предмету»

Это высочайшее повелѣніе остается неисполненнымъ до настоящаго (1882 г.) времени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Матеріалы и статьи по древней исторіи прибалтійскаго края.

		Страницы.
I.	**Ливонская лѣтопись Франца Ніенштедта** (окончаніе)	7—124
II.	**Записки Лаврентія Миллера** о временахъ Стефана Баторія	125—186
	Выписка изъ повѣсти о псково-печерскомъ монастырѣ	187—193
	Объяснительное примѣчаніе къ стр. 177—181 записокъ Миллера	193—194

II.

Матеріалы и статьи по исторіи прибалтійскаго края въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

		Страницы.
I.	**Указы и рескрипты императрицы Екатерины I** лифляндскому генералъ-губернатору князю Репнину	197—208
II.	**Указы и рескрипты императрицы Анны Іоанновны** лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ съ 1730 по 1736 г.	209—272
III.	**Указы и рескрипты императрицы Екатерины II** къ генералъ-аншефу Броуну и всеподданнѣйшія донесенія по онымъ съ 1762 по 1765 годъ	273—386
IV.	**Записки Нейендаля** о временахъ дѣйствія въ Ригѣ общаго городоваго положенія съ 1783 по 1797 г.	387—433
V.	**Разсказъ ландрата Гринвальдта** изъ исторіи составленія свода мѣстныхъ узаконеній прибалтійскихъ губерній	434—465
	Выписка изъ всеподданнѣйшаго отчета генералъ-губернатора Головина.	465—469
	Сенатскій указъ отъ 27 января 1848 г.	469—470
VI.	**Воспоминанія барона Владиміра Ивановича Левенштерна.**	471—538
VII.	**Матеріалы и статьи** къ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ.	
	1. О старовѣрахъ въ Ригѣ	539—543
	2. Закрытіе школы при гребенщиковской богадѣльнѣ	544—445
	3. Учрежденіе рижскаго викаріатства	545—548

		Страницы.
4.	Преосвященный Иринархъ	549—550
5.	Учрежденіе единовѣрческаго прихода	551—553
6.	Архіерейская дача	554—555
7.	Мнѣніе генералъ-губернатора Головина о рижскихъ старообрядцахъ	555—556
8.	Мнѣніе князя Суворова объ ослабленіи раскола въ Ригѣ	557—562
9.	Что побуждало лифляндскихъ латышей и эстовъ къ переходу въ православіе съ 1841 г.	562—576
10.	Мнѣнія и распоряженія Головина по дѣламъ присоединенія	576—592
11.	Учрежденіе рижской семинаріи	592—598
12.	О повинностяхъ и даняхъ съ православныхъ въ пользу лютеранской церкви	598—617